3 1761 08821047 1

Kuprin, Aleksandr Ivanovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

t. 7-8

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

LR
K9655
1912

670562
26.12.57

ШУТКИ.

ПАРОДІИ.

I. И. А. БУНИНЪ.

ПИРОГИ СЪ ГРУЗДЯМИ.

Сижу я у окна, задумчиво жую мочалку, и въ дворянскихъ глазахъ моихъ свѣтится красивая печаль. Ночь. Ноги мои окутаны дорогимъ англійскимъ пледомъ. Папироска кротко дымится на подоконникѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тысячу лѣтъ тому назадъ такъ же сидѣлъ, грезилъ и жевалъ мочалку другой, невѣдомый мнѣ поэтъ?

Ржи, овсы и капусты уходятъ въ безконечную даль, а тамъ, на самомъ краю озимаго поля, у одинокаго омета, важно гуляетъ грачъ; правда, ночью мнѣ его не видно, но онъ мнѣ нуженъ для пейзажа. Сусликъ мягко свистнулъ на деревѣ подъ моимъ окномъ.

Отчего мнѣ такъ кисло, и такъ грустно, и такъ мокро? Ночной вѣтеръ ворвался въ окно и шелеститъ листами шестой книги дворянскихъ родовъ. Странные шорохи бродятъ по старому помѣщичьему дому. Быть-можетъ, это мыши, а быть-можетъ, тѣни предковъ? Кто знаетъ? Все въ мірѣ загадочно. Я гляжу на свой палецъ, и мистическій ужасъ овладѣваетъ мной!

Хорошо бы теперь поѣсть пирога съ груздями. Но какъ онъ дѣлается? Сладкая и нѣжная тоска сжимаетъ мое сердце, глаза мои влажны. Гдѣ ты, прекрасное время

пироговъ съ груздями, борзыхъ густопсовыхъ кобелей, отъѣзжаго поля, крѣпостныхъ душъ, антоновскихъ яблоковъ, выкупныхъ платежей?

Съ томной грустью на душѣ выхожу я на крыльцо и свищу лиловому, облѣзлому индюку. Старый, бѣльмистый, сѣдомордый кобель «Завирай» чешетъ хребтистую, шелудивую спину о балконную балясину. Садовникъ Ксенофонтъ идетъ мимо, но не ломаетъ шапки. Въ прежнее время я бы тебя, хама, на конюшню!..

Я возвращаюсь въ свою печальную комнату. Изъ сада пахнетъ дягилемъ, перпетуемъ и царскими пѣтушками. Меланхолично курлыкаетъ на пряслахъ за овинами безсонная потатуйка. Отчего у меня болитъ животъ? Кто знаетъ? Тихая тайная жалость вѣетъ на меня незримымъ крыломъ.

Все въ мірѣ непонятно, все таинственно! Скучный, вялый и разслабленный, какъ прошлогодняя муха, подхожу я къ двери, открываю ее и кричу въ зловѣщую темноту:

— Мароа, иди сюда!.. Натри меня на ночь бобковой мазью.

II. СКИТАЛЕЦЪ.

Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ!
Безбреженъ я и грозенъ, точно море!
Я твердый дубъ! Я мѣдный истуканъ!
Я барабанъ въ литературномъ хорѣ!
Я вихрь и градъ! Я молнія и страхъ!
Дрожите жъ вы, наперсники тирановъ!
Я утоплю васъ всѣхъ въ моихъ стихахъ,
Какъ въ лужѣ горсть презрѣнныхъ тараканов!

III. М. ГОРЬКІЙ.

ДРУЖОЧКИ.

Разсказъ.

I.

Въ тѣни городского, общественнаго, устроеннаго для маленькихъ нуждъ павильона лежали мы втроемъ: я, Мальва и Челкашъ.

Длинный, худой, весь ноздреватый — Челкашъ былъ похожъ на сильную, хищную птицу. Онъ лѣниво почесывалъ босой грязной пяткой икру на другой ногѣ и сочно сплевывалъ на сторону.

Мальва была прекрасна. Сквозь дыры старыхъ лохмотьевъ бѣлѣла ея ослѣпительная шкура. Правда, отсутствіе носа краснорѣчиво намекало о ея прежнихъ маленькихъ заблужденіяхъ, а густой рыбный запахъ, исходившій отъ ея одежды на тридцать пять саженъ въ окружности, не оставлялъ сомнѣній въ ея ремеслѣ: она занималась потрошеніемъ рыбы на заводѣ купца Деревякина. Но, все равно, я видѣлъ ее прекрасной.

II.

— Все чушь!—сказалъ хрипло Челкашъ. — И смерть чушь и жизнь чушь. Извѣдалъ я всю жизнь насквозь. И скажу прямо, въ лицо всѣмъ хамамъ и буржуямъ: чернаго кобеля не отмоешь добѣла.

Мальва хихикнула и въ видѣ ласки треснула Челкаша ладонью по животу.

— Ишь ты... кокетка! — промолвилъ Челкашъ снисходительно.—И еще скажу. Влѣзъ бы я на Исаакіевскій соборъ или на памятникъ Петра Великаго и плюнулъ бы на все. Вотъ, говорятъ, Толстой, Толстой. И тоже носятся съ Достоевскимъ. А по-моему, они мѣщане...

III.

— Рѣзалъ я одного купца, — продолжалъ Челкашъ сонно. — Толстый былъ. Пудовъ въ десять, а то и въ двѣнадцать. Кабанъ. Ну, освѣжевалъ я его... тамъ всякія кишки, печенки... сальникъ одинъ былъ въ полтора пуда... Купца ежели рѣзать — всегда начинай съ живота. Духъ у него легкій, сейчасъ вонъ выйдетъ...

— Извѣстно, — сказалъ я.

Челкашъ поглядѣлъ на меня пристально и жестко усмѣхнулся.

— А ты прежде отца въ петлю не суйся... — сказалъ онъ съ разстановкой. — Твоя рѣчь впереди... Потомъ пошелъ я на его могилу. И такое меня зло взяло. «Подлецъ ты, подлецъ!» — думаю. И харкнулъ ему на могилу.

— Все дозволено, — произнесла Мальва.

— Аминь,—подтвердилъ Челкашъ набожно.—Такъ говоритъ Заратустра.

IV.

Стало вечерѣть. Отъ пахучаго павильона легла длинная тѣнь. Мальва, которая до сихъ поръ внимательно занималась изслѣдованіемъ гущи своихъ волосъ, вдругъ зѣвнула и сказала томно:

— Пойдемъ, что ли, Челкашъ?

— Ну-къ что жъ, пойдемъ... — Онъ поднялся и потянулся.—Прощай, что ли, товарищъ, — обратился онъ ко мнѣ.—Увидимся, такъ увидимся, а не увидимся, такъ и чортъ съ тобою. Страсть меня какъ эти самыя бабы любятъ. Въ родѣ меду.

Они ушли — оба молодые, стройные, гордые... Я все еще лежалъ въ тѣни городского павильона. Звенѣло солнце, и смѣялось море тысячами улыбокъ...

«Падающаго толкни!»—подумалъ я, всталъ, плюнулъ еще разъ и поплелся въ ночлежку.

ПРЕДСКАЗАНІЯ НОСТРАДАМА НА 2000 ГОДЪ.

(Изъ Беранже *).

Свидѣтель Генриха Четвертаго рожденья,
Великій Нострадамъ, ученый астрологъ,
Однажды предсказалъ: «Большія превращенья
Въ двухтысячномъ году покажетъ людямъ рокъ.
Въ Парижѣ, въ этотъ годъ, близъ Луврскаго чертога,
Раздастся жалкій стонъ средь радостныхъ людей:
«Французы добрые, подайте ради Бога,
Подайте правнуку французскихъ королей!»

***

Такъ у толпы, къ его страданьямъ равнодушной,
Попроситъ милости больной, безъ башмаковъ,
Изгнанникъ съ юности, худой и золотушный,
Отрепанный старикъ — потѣха школяровъ.
И скажетъ гражданинъ: «Эй, человѣкъ съ сумою!
Вѣдь нищихъ всѣхъ изгналъ законъ страны моей!»
— «Простите, господинъ! Мой родъ умретъ со мною,
Подайте что-нибудь потомку королей!»

***

---

*) Нострадамусъ, собств. Мишель Ностръ-Дамъ, франц. астрологъ (1503—1566), лейбъ-медикъ Карла IX. Его предсказанія «Conturies» напечатаны въ Парижѣ, 1863 г.

— «Ты что̀ толкуешь тамъ о королевскомъ санѣ?»
— «Да! — гордо скажетъ онъ, скрывая въ сердцѣ страхъ: —
На царство прадѣдъ мой вѣнчался въ Ватиканѣ,
Съ короной на челѣ, со скипетромъ въ рукахъ.
Онъ продалъ ихъ потомъ, платя толпѣ безбожной
Газетныхъ крикуновъ, шпіоновъ и вралей.
Взгляните — вотъ мой жезлъ. То посохъ мой дорожный.
Подайте что-нибудь потомку королей!

***

«Скончался мой отецъ въ долгахъ, въ тюрьмѣ холодной.
Къ труду я не привыкъ... и, нищихъ жизнь влача,
Извѣдать мнѣ пришлось, что̀ чувствуетъ голодный,
И какъ безжалостна десница богача.
Я вновь пришелъ въ твои прекрасныя владѣнья,
О, ты, моихъ отцовъ изгнавшая земля!
Изъ состраданія къ безмѣрности паденья,
Подайте что-нибудь потомку короля!»

***

И скажетъ гражданинъ:—«Иди, бѣднякъ, за мною,
Жилища моего переступи порогъ.
Мы больше королей не чтимъ своей враждою, —
Останки ихъ родовъ лежатъ у нашихъ ногъ.
Покуда нашъ сенатъ въ торжественномъ собраньи
Рѣшеніе судьбы произнесетъ твоей,
Я, внукъ цареубійцъ, не откажу въ даяньи
Тебѣ, послѣднему потомку королей!»

***

И дальше говоритъ великій предсказатель:
«Республика рѣшитъ назначить королю
Сто луидоровъ въ годъ. Потомъ, какъ избиратель,
Въ парламентъ онъ войдетъ отъ города Saint-Cloux.
Въ двухтысячномъ году, въ эпоху процвѣтанья
Науки и труда, узнаютъ средь людей
О томъ, какъ Франція свершила подаянье
Послѣднему потомку королей».

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

Ложи, партеръ и хоры большой, въ два свѣта, залы губернскаго дворянскаго собранія были биткомъ набиты, и, несмотря на это, публика сохраняла такую тишину, что, когда ораторъ остановился, чтобы сдѣлать глотокъ воды, всѣмъ было слышно, какъ въ окнѣ бьется одинокая, поздняя муха.

Среди бѣлыхъ, розовыхъ и голубыхъ платьевъ дамъ, среди ихъ роскошныхъ обнаженныхъ плечей и нѣжныхъ головокъ сіяло шитье мундировъ, чернѣли фраки и золотились густыя эполеты.

Ораторъ, въ формѣ министерства народнаго просвѣщенія — высокій, худой человѣкъ, желтое лицо котораго, казалось, состояло только изъ черной бороды и черныхъ сверкающихъ очковъ—стоялъ на эстрадѣ, опираясь рукою на столъ.

Но внимательные глаза публики были обращены не на него, а на какой-то странный, массивный, гораздо выше человѣческаго роста, предметъ въ парусиновомъ чехлѣ, широкій снизу и узкій вверху, возвышавшійся сѣрой пирамидой тутъ же, на эстрадѣ, возлѣ самой рампы.

Утоливъ жажду, ораторъ откашлялся и продолжалъ:

— Резюмирую кратко все сказанное. Итакъ, что мы видимъ, господа? Мы видимъ, что поощрительная система отмѣтокъ, наградъ и отличій ведетъ къ развитію

зависти и недоброжелательства въ однихъ и нежелательнаго озлобленія въ другихъ. Педагогическія внушенія теряютъ свою силу, благодаря частой повторяемости. Ставить на колѣни, въ уголъ носомъ, у часовъ, подъ лампу и тому подобное — это часто служитъ не примѣромъ для прочихъ учениковъ, а чѣмъ-то въ родѣ общей потѣхи, смѣхотворнаго балагана. Заключеніе въ карцерѣ положительно вредно, не говоря уже о томъ, что оно безплодно отнимаетъ время отъ учебныхъ занятій. Принудительная работа лишаетъ самую работу ея высокаго, святого смысла. Наказаніе голодомъ вредно отзывается на мозговой воспріимчивости. Лишеніе отпуска въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ только озлобляетъ учениковъ и вызываетъ неудовольствіе родителей. Что же остается? Исключить неспособнаго или шаловливаго юношу изъ школы, памятуя св. писаніе, совѣтующее лучше отсѣчь болящій членъ, нежели всему тѣлу быть зараженнымъ? Да, увы!—подобная мѣра бываетъ подчасъ такъ же неизбѣжна, какъ неизбѣжна, къ сожалѣнію, смертная казнь въ любомъ изъ благоустроенныхъ государствъ. Но прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ этому послѣднему, безвозвратному средству, поищемъ...

— А драть? — густымъ басомъ сказалъ изъ перваго ряда мѣстный комендантъ, сѣдой, тучный, глухой старецъ, и тотчасъ же подъ его кресломъ сердито и хрипло тявкнулъ мопсъ.

Генералъ повсюду являлся съ палкой, слуховымъ рожкомъ и старымъ, задыхающимся мопсомъ.

Ораторъ поклонился, пріятно осклабившись.

— Я не имѣлъ въ виду выразиться такъ коротко и опредѣленно, но въ основѣ его превосходительство угадали мою мысль. Да, Мм. Гг. и Мм. Гг.,—мы еще не говорили объ одной доброй, старой, исконно-русской мѣрѣ— о наказаніи на тѣлѣ. Однако она лежитъ въ самомъ

духѣ исторіи великаго русскаго народа, мощнаго своей національностью, патріотизмомъ и глубокой вѣрой въ Провидѣніе! Еще апостолъ сказалъ: ему же урокъ — урокъ, ему же лоза — лоза. Незабвенный историческій памятникъ средневѣковой письменности — «Домострой» — съ отеческой твердостью совѣтуетъ то же самое. Вспомнимъ нашего геніальнаго царя-преобразователя — Петра Великаго съ его знаменитой дубинкой. Вспомните изреченіе безсмертнаго Пушкина, воскликнувшаго:

...Наши предки чѣмъ древнѣе,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ...

Вспомнимъ наконецъ нашего удивительнаго Гоголя, сказавшаго устами простого, немудрящаго крѣпостного слуги: мужика надо драть, потому что мужикъ балуется... Да, господа, я смѣло утверждаю, что наказаніе розгами по тѣлу проходитъ красной нитью черезъ все громадное теченіе русской исторіи и коренится въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ русской самобытности.

«Но, погружаясь мыслью въ прошедшее и являясь такимъ образомъ консерваторомъ, я, Мм. Гг. и Мм. Гг., тѣмъ не менѣе съ распростертыми руками иду навстрѣчу самымъ либеральнѣйшимъ изъ гуманистовъ. Я открыто, громогласно признаю, что въ тѣлесномъ наказаніи, въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ практиковалось, заключается много оскорбительнаго для наказуемаго и унизительнаго для наказующаго. Непосредственное насиліе человѣка надъ человѣкомъ возбуждаетъ неизбѣжно съ обѣихъ сторонъ ненависть, страхъ, раздраженіе, мстительность, презрѣніе и наконецъ зловредное взаимное упорство въ преступленіи и въ наказаніи, доходящее до какого-то звѣрскаго сладострастія. Итакъ, вы скажете, господа, что я отвергаю тѣлесное наказаніе? Да, я отвергаю его, но только для того, чтобы снова утвердить, замѣнивъ чело-

вѣка машиной. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ, размышленій и опытовъ я выработалъ наконецъ идею механическаго правосудія и осуществилъ ее — хорошо или дурно—это я сейчасъ же предоставлю судить почтеннѣйшему собранію».

Ораторъ сдѣлалъ знакъ головой въ сторону, туда, гдѣ въ дни любительскихъ спектаклей помѣщались кулисы. Тотчасъ же на эстраду выскочилъ бравый усатый вахтеръ и быстро снялъ брезентъ со страннаго предмета, стоявшаго у рампы. Глазамъ присутствующихъ предстала, блестя новыми металлическими частями, машина, нѣсколько похожая на тѣ самовѣсы, которые ставятся въ увеселительныхъ садахъ, для взвѣшиванія публики за 5 копеекъ, только сложнѣе и значительно больше размѣрами. По залу дворянскаго собранія пронесся вздохъ удивленія, головы заходили влѣво и вправо.

Ораторъ широко простеръ руку, указывая на аппаратъ.

— Вотъ мое дѣтище! — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Вотъ аппаратъ, который по чести можетъ быть названъ орудіемъ механическаго правосудія. Устройство его необыкновенно просто и по цѣнѣ доступно бюджету даже скромнаго сельскаго училища. Прошу обратить вниманіе на его устройство. Во-первыхъ, вы замѣчаете горизонтальную площадку на пружинахъ и ведущую къ ней металлическую подножку. На площадкѣ помѣщается узкая скамейка, спинка которой состоитъ также изъ весьма эластическихъ пружинъ, обвитыхъ мягкой кожей. Подъ скамейкой, какъ вы видите, свободно вращается на шарнирахъ система серповидныхъ рычаговъ. Отъ дѣйствія тяжести на пружины скамейки и платформы — рычаги эти, выходя изъ состоянія равновѣсія, описываютъ полукругъ и смыкаются попарно на высотѣ отъ пяти до восемнадцати вершковъ надъ поверхностью скамейки, въ зависимости отъ силы давленія. Сзади ска-

мейки возвышается вертикальный чугунный столбъ, полый внутри, съ квадратнымъ поперечнымъ сѣченіемъ. Въ его пустотѣ заключается мощный механизмъ, наподобіе часового, приводящійся въ движеніе четырехпудовой гирей и спиральной пружиной. Сбоку столба устроена небольшая дверца для чистки и вывѣриванія механизма, но ключи отъ нея, числомъ два,—прошу это особенно отмѣтить, господа, — хранятся только у главнаго инспектора механическихъ самосѣкателей извѣстнаго района и у начальника даннаго учебнаго заведенія Россіи. Такимъ образомъ этотъ аппаратъ, однажды приведенный въ дѣйствіе, уже никакъ не можетъ остановиться, не закончивъ своего назначенія, если только не будетъ насильственно поврежденъ, что̀ однако представляется маловѣроятнымъ, въ виду исключительной простоты, прочности и массивности всѣхъ частей машины.

«Часовой механизмъ, пущенный въ ходъ, сообщаетъ посредствомъ зубчатыхъ колесъ движеніе небольшому, находящемуся внутри столба, горизонтальному валу, на поверхности котораго, по спиральной линіи, составляющей неполный оборотъ, вставлены въ стальные зажимы, перпендикулярно къ оси, восемь длинныхъ, гибкихъ камышевыхъ или стальныхъ прутьевъ. Въ случаѣ изнашиванія ихъ можно замѣнять новыми. Необходимо также пояснить, что валъ имѣетъ еще нѣкоторое послѣдовательное движеніе влѣво и вправо по винтовому ходу, чѣмъ достигается разнообразіе точекъ удара.

«Итакъ, валъ приведенъ въ движеніе, и вмѣстѣ съ нимъ движутся, описывая спиральные круги, прутья. Каждый прутъ совершенно свободно проходитъ внизу, но, поднявшись вертикально наверхъ, онъ встрѣчаетъ препятствіе — перекладину, въ которую онъ сначала упирается своимъ верхнимъ концомъ, затѣмъ, задержанный ею, выгибается полукругомъ наружу и затѣмъ, сорва-

вшись съ нея, наноситъ ударъ. А такъ какъ эта перекладина можетъ быть передвигаема по желанію, вверхъ и внизъ, на двухъ зубчатыхъ рейкахъ и закрѣпляется на любой высотѣ спеціальными защелками, то вполнѣ понятно, что чѣмъ мы ниже опустимъ перекладину, тѣмъ болѣе выгибается прутъ и тѣмъ энергичнѣе наносится ударъ. Этимъ мы регулируемъ силу наказанія, для каковой надобности на рейкахъ имѣются соотвѣтствующія дѣленія отъ 0 до 24-хъ. Цифра ноль — самая верхняя, она употребляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе носитъ лишь условный, такъ сказать, символическій характеръ, при 6-ти чувствуется уже значительная боль. Предѣломъ для низшихъ учебныхъ заведеній мы считаемъ силу удара, означенную дѣленіемъ 10, для среднихъ — 15, для войскъ, волостныхъ правленій и студентовъ—20 и наконецъ для исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій и бастующихъ рабочихъ полную мѣру, т.-е., 24.

«Вотъ въ сущности схема моего изобрѣтенія. Остаются детали. Эта рукоятка сбоку, совершенно такого же вида, какъ ручка у шарманки, служитъ для завода внутренней спиральной пружины. Эта движущаяся въ полукруглой щели стрѣлка регулируетъ малую, среднюю или большую скорость вращенія вала. На самомъ верху столба, подъ стекломъ — механическій счетчикъ. Выскакивающія въ немъ цифры, во-первыхъ, позволяютъ контролировать правильность дѣйствія аппарата, а во-вторыхъ, служатъ для статистическихъ и ревизіонныхъ цѣлей. Въ виду второго назначенія, счетчикъ устроенъ такимъ образомъ, что можетъ показывать до 60.000. Наконецъ, у подножія столба вы, господа, видите нѣкоторое подобіе урны, внутри коей на днѣ находится круглое отверстіе величиной въ чайное блюдечко. Въ нее бросаютъ одинъ изъ этихъ вотъ жетоновъ, послѣ чего весь механизмъ мгно-

венно приходитъ въ дѣйствіе. Всѣ жетоны разной величины и различнаго вѣса, отъ самаго маленькаго, величиною съ серебряный пятачокъ и соотвѣтствующаго минимальному наказанію въ 5 ударовъ, до этого, размѣромъ съ серебряный рубль, который, будучи опущенъ въ урну, заставляетъ машину отсчитать ровно 200 ударовъ. Различными комбинаціями изо всѣхъ жетоновъ мы можемъ получить любое, кратное пяти, количество ударовъ отъ 5 до 350-ти. Но...—и тутъ ораторъ скромно улыбнулся:—но мы сочли бы нашу задачу невыполненной до конца, если бы остановились на этой предѣльной цифрѣ.

«Съ вашего изволенія, господа, я прошу васъ отмѣтить и запомнить ту цифру, которую показываетъ въ настоящую минуту счетчикъ. Кстати, почтеннѣйшая публика можетъ убѣдиться, что до момента опусканія жетоновъ въ урну можно совершенно безопасно стоять на подножкѣ.

«Итакъ... счетчикъ показываетъ 2900. Слѣдовательно по окончаніи экзекуціи стрѣлка должна будетъ отмѣтить... 3250... Кажется, я не ошибаюсь?..

«Достаточно бросить въ урну любой предметъ съ кругообразнымъ сѣченіемъ, все равно, продольнымъ или поперечнымъ, и вы можете увеличить количество ударовъ, если не до безконечности, то, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока хватитъ пружиннаго завода, т.-е. приблизительно до 780—800. Конечно, я имѣлъ также въ виду и то, что въ общежитіи жетоны, весьма вѣроятно, будутъ замѣняться обыкновенной размѣнной монетой. На этотъ случай къ каждому механическому самосѣкателю прилагается сравнительная табличка вѣса мѣдной, серебряной и золотой монеты съ количествомъ ударовъ. Вы ее видите здѣсь, сбоку главнаго столба.

«Кажется, я уже кончилъ... Остаются нѣкоторыя подробности относительно устройства вращающейся подножки, качающейся скамейки и серповидныхъ рычаговъ.

Но такъ какъ оно нѣсколько сложно, то я предоставляю почтеннѣйшей публикѣ увидѣть его дѣйствіе во время демонстраціи, которую я буду имѣть честь немедленно же произвести.

«Вся процедура наказанія состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала мы, тщательно разобравшись въ мотивахъ и свойствахъ преступленія, опредѣляемъ мѣру наказанія, т.-е. количество ударовъ, ихъ скорость и энергію, а иногда и матеріалъ прутьевъ. Затѣмъ человѣку, завѣдующему аппаратомъ, посылается въ машинное отдѣленіе краткая рапортичка или сообщается по телефону. Машинистъ приготовляетъ все, что нужно, и немедленно удаляется. Замѣтьте, господа, человѣка нѣтъ, остается только машина. Одна безпристрастная, непоколебимая, спокойная, справедливая машина.

«Сейчасъ я перехожу къ опыту. Преступника намъ замѣнитъ кожаный манекенъ. Для того, чтобы показать машину въ самомъ блестящемъ видѣ, мы условимся, что передъ нами находится наитягчайшій преступникъ».

— Сторожъ! — крикнулъ ораторъ за кулисы. — Приготовьте: сила 24, скорость малая.

При общемъ напряженномъ молчаніи усатый вахтеръ завелъ рукояткой машину, опустилъ внизъ перекладину, передвинулъ стрѣлку указателя и скрылся за кулисами.

— Теперь все готово, — сказалъ ораторъ: — и комната, гдѣ стоитъ самосѣкатель, совершенно пуста. Намъ остается только призвать наказуемаго, объяснить ему степень его виновности и размѣръ наказанія, и онъ самъ — замѣтьте, господа, самъ! — самъ беретъ изъ ящичка соотвѣтствующія марки. Конечно, можно устроить такъ, что онъ тутъ же опускаетъ ихъ въ отверстіе, устроенное въ столѣ, а онѣ по особому желобу падаютъ внизъ, прямо въ урну... Но это ужъ деталь — очень легко выполнимая и несущественная.

«Съ этого момента виновный весь находится во власти машины. Онъ идетъ въ уборную, гдѣ и раздѣвается. Отворяетъ дверь, становится на подножку, опускаетъ жетоны въ урну и... кончено. Дверь за нимъ герметически запирается. Онъ можетъ простоять на подножкѣ хоть до второго пришествія, но непремѣнно кончитъ тѣмъ, что броситъ жетоны въ урну. Ибо, Мм. Гг. и Мм. Гг.,—воскликнулъ педагогъ съ торжествующимъ смѣхомъ:—ибо подножка и платформа устроены такимъ образомъ, что каждая минута промедленія на нихъ увеличиваетъ число ударовъ на количество отъ 5-ти до 30-ти, въ зависимости отъ вѣса наказуемаго... Но едва только онъ опуститъ свои марки, какъ подножка дѣлаетъ вращательное движеніе снизу вверхъ и напередъ, скамейка въ то же время подымается головнымъ концомъ вертикально вверхъ, и брошенный на ея спину преступникъ охватывается въ трехъ мѣстахъ — за шею, вокругъ поясницы и за ноги — серповидными рычагами, и скамейка принимаетъ прежнее горизонтальное положеніе. Все это совершается буквально въ одно мгновеніе. Въ слѣдующій мигъ наносится первый ударъ, и теперь никакая сила не можетъ ни остановить дѣйствія машины, ни ослабить ударовъ, ни увеличить или уменьшить скорость вращенія вала до тѣхъ поръ, пока не свершится полное правосудіе. Это физически невозможно сдѣлать, не имѣя ключа».

— Сторожъ, принесите манекенъ. Прошу уважаемую аудиторію назначить число ударовъ... Просто какую-нибудь цифру... желательно трехзначную, но не болѣе 350-ти. Прошу васъ...

— Пятьсотъ! — крикнулъ комендантъ.

— Бэффъ! — брехнулъ мопсъ подъ его стуломъ.

— Пятьсотъ слишкомъ много, — мягко возразилъ ораторъ. — Но, во вниманіе къ желанію, высказанному его превосходительствомъ, остановимся на максимальномъ

числѣ. Пусть будетъ 350. Мы опустимъ въ урну всѣ имѣющіеся у насъ жетоны.

Въ это время сторожъ внесъ подъ мышкой уродливый кожаный манекенъ и поставилъ его на полъ, поддерживая сзади. Въ искривленныхъ ногахъ манекена, въ растопыренныхъ рукахъ и въ закинутой назадъ головѣ было что-то вызывающее и насмѣшливое.

Стоя на подножкѣ, ораторъ продолжалъ:

— Мм. Гг. и Мм. Гг.! Еще одно послѣднее слово. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что мой механическій самосѣкатель долженъ въ ближайшемъ будущемъ получить самое широкое распространеніе. Мало-по-малу его примутъ во всѣхъ школахъ, училищахъ, корпусахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ. Мало того — его введутъ въ армію и флотъ, въ деревенскій обиходъ, въ военныя и гражданскія тюрьмы, въ участки и пожарныя команды, во всѣ истинно-русскія семьи.

«Жетоны постепенно и неизбѣжно вытѣснятся деньгами, и такимъ образомъ не только окупается стоимость машинъ, но получатся сбереженія, которыя могутъ быть употребляемы на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Исчезнетъ самъ собой бичъ нашихъ финансовъ — вѣчныя недоимки, потому что при взысканіи ихъ, съ помощью этого аппарата, крестьянинъ неизбѣжно долженъ будетъ опустить въ урну причитающуюся съ него сумму. Исчезнутъ пороки, преступленія, лѣнь и халатность; процвѣтутъ трудолюбіе, умѣренность, трезвость и бережливость...

«Трудно предугадать болѣе глубокую будущность этой машины. Развѣ могъ предвидѣть великій Гутенбергъ, устраивая свой наивный деревянный станокъ, тотъ неизмѣримо-громадный переворотъ, который книгопечатаніе внесло въ исторію человѣческаго прогресса? Однако я далекъ отъ мысли, господа, кичиться передъ вами въ

своемъ авторскомъ самолюбіи, тѣмъ болѣе, что мнѣ принадлежитъ лишь голая идея. Въ практической разработкѣ моего изобрѣтенія мнѣ оказали самую существенную помощь учитель физики въ здѣшней IV гимназіи г. N. и инженеръ X. Пользуюсь лишнимъ случаемъ, чтобы выразить имъ мою глубокую признательность».

Зала загремѣла отъ аплодисментовъ. Два человѣка изъ перваго ряда встали и застѣнчиво, неловко поклонились публикѣ.

— Для меня же лично, — продолжалъ ораторъ: — величайшимъ удовлетвореніемъ служитъ безкорыстное сознаніе пользы, принесенной мною возлюбленному отечеству, и — вотъ эти вотъ — знаки милостиваго вниманія, которые я на-дняхъ имѣлъ счастье получить: именные часы съ портретомъ его высокопревосходительства и медаль отъ курскаго дворянства съ надписью: Similia Similibus.

Онъ отцѣпилъ и поднялъ высоко надъ головой огромный старинный хронометръ, приблизительно въ полфунта вѣсомъ; на особой коротенькой цѣпочкѣ болталась массивная золотая медаль.

— Я кончилъ, господа, — прибавилъ тихо и торжественно ораторъ, кланяясь.

Но еще не успѣли разразиться аплодисменты, какъ произошло нѣчто невѣроятное, потрясающее. Часы вдругъ выскользнули изъ поднятой руки педагога и съ металлическимъ грохотомъ провалились въ урну.

Въ тотъ же моментъ машина зашипѣла и защелкала. Подножка вывернулась кверху, скамейка быстро качнулась вверхъ и внизъ, блеснула сталь сомкнувшихся рычаговъ, мелькнули въ воздухѣ фалды форменнаго фрака, и, вслѣдъ за отчетливымъ, рѣзкимъ ударомъ, по залѣ пронесся дикій вопль изобрѣтателя.

— 2901! — стукнулъ механическій счетчикъ.

Трудно описать въ быстрыхъ и отчетливыхъ чертахъ

то, что произошло въ собраніи. Сначала всѣ опѣшили на нѣсколько секундъ. Среди общей тишины раздавались лишь крики невольной жертвы, свистъ прутьевъ и щелканье счетчика. Потомъ всѣ ринулись на эстраду...

— Ради Бога! — кричалъ несчастный. — Ради Бога! Ради Бога!

Но помочь ему было невозможно. Мужественный учитель физики протянулъ-было руку, чтобы схватить прутъ, но тотчасъ же отдернулъ ее назадъ, и всѣ увидѣли на ея наружной поверхности длинный кровавый рубецъ. Передвинутая перекладина не поддавалась никакимъ усиліямъ.

— Ключъ! Скорѣе ключъ! — кричалъ педагогъ. — Онъ у меня въ панталонахъ! Скорѣе!

Преданный вахтеръ кинулся обыскивать карманы, едва уклоняясь отъ ударовъ. Но ключа не оказалось.

— 2950 — 2951 — 2952 — 2953, — продолжалъ отщелкивать счетчикъ.

— Ваше высокоблагородіе! — сказалъ со слезами на глазахъ вахтеръ. — Дозвольте снять панталоны. Жалко, если пропадутъ... Совсѣмъ новые... Которыя дамы, такъ онѣ отвернутся..

— Убирайся къ чорту, идіотъ! Ой, ой, ой!.. Господа, ради Бога!.. Ой, ой... Я забылъ... Ключи у меня въ пальто... Ой, поскорѣе!

Побѣжали въ переднюю за пальто. Но и тамъ ключа не оказалось. Очевидно, изобрѣтатель забылъ его дома. Кто-то вызвался съѣздить за нимъ. Предводитель дворянства предложилъ своихъ лошадей.

Отрывистые удары сыпались черезъ каждую секунду съ математической правильностью; педагогъ кричалъ, а счетчикъ равнодушно отсчитывалъ:

— 3180 — 3181 — 3182...

Какой-то гарнизонный подпоручикъ вдругъ выхватилъ

шашку и принялся съ ожесточеніемъ рубить по машинѣ, но послѣ пятаго же удара въ рукахъ у него остался одинъ эфесъ, а отскочившій клинокъ ударилъ по ногамъ предсѣдателя земской управы. Панталоны изобрѣтателя уже превратились сверху въ лохмотья. Ужаснѣе всего было то, что нельзя было предугадать, когда остановится дѣйствіе машины. Часы оказались черезчуръ тяжелыми. Человѣкъ, уѣхавшій за ключомъ, все не возвращался, а счетчикъ, уже давно перевалившій за назначенное изобрѣтателемъ число, спокойно отсчитывалъ:

— 3999 — 4000 — 4001.

Педагогъ не прыгалъ больше. Онъ лежалъ съ разинутымъ ртомъ и выпученными глазами и лишь судорожно дергалъ конечностями.

Но комендантъ вдругъ затрясся отъ негодованія, налился кровью и заревѣлъ подъ лай своего мопса:

— Безобразіе! Развратъ! Немысленно! Подать сюда пожарную команду!

Эта мысль была самой мудрой. Мѣстный губернаторъ былъ большимъ любителемъ пожарныхъ выѣздовъ и щеголялъ ихъ быстротой. Меньше чѣмъ черезъ пять минутъ, и именно въ тотъ моментъ, когда счетчикъ отстукивалъ 4550-ый ударъ, молодцоватые пожарные съ топорами, ломами и крючьями ворвались на эстраду.

Великолѣпный механическій самосѣкатель погибъ на вѣки вѣчные, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и великая идея. Что же касается до изобрѣтателя, то, проболѣвъ довольно долго отъ тѣлесныхъ поврежденій и нервнаго потрясенія, онъ возвратился къ своимъ обязанностямъ. Но роковой случай совершенно преобразилъ его. Онъ сталъ на всю жизнь тихимъ, кроткимъ, меланхолическимъ человѣкомъ и, хотя преподавалъ латынь и греческій, тѣмъ не менѣе вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ учениковъ.

Къ своему изобрѣтенію онъ не возвращался.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

Да, гг. судьи, я убилъ его!

Но напрасно медицинская экспертиза оставила мнѣ лазейку, — я ею не воспользуюсь.

Я убилъ его въ здравомъ умѣ и твердой памяти, убилъ сознательно, убѣжденно, холодно, безъ малѣйшаго раскаянія, страха или колебанія. Будь въ вашей власти воскресить покойнаго — я бы снова повторилъ мое преступленіе.

Онъ преслѣдовалъ меня всегда и повсюду. Онъ принималъ тысячи человѣческихъ личинъ и даже не брезговалъ — безстыдникъ! — переодѣваться женщиной. Онъ притворялся моимъ родственникомъ, добрымъ другомъ, сослуживцемъ и хорошимъ знакомымъ. Онъ гримировался во всѣ возрасты, кромѣ дѣтскаго (это ему не удавалось и выходило только смѣшно). Онъ переполнилъ собою мою жизнь и отравилъ ее.

Всего ужаснѣе было то, что я заранѣе предвидѣлъ всѣ его слова, жесты и поступки.

Встрѣчаясь со мною, онъ всегда растопыривалъ руки и восклицалъ нараспѣвъ:

— А-а! Ко-го я вижу! Сколько лѣ-ѣтъ... Ну? Какъ здоровье?

И тотчасъ же отвѣчалъ самъ себѣ, хотя я его ни о чемъ не спрашивалъ:

— Благодарю васъ. Ничего себѣ. Понемножку. А читали въ сегодняшнемъ номерѣ?..

Если онъ при этомъ замѣчалъ у меня флюсъ или ячмень, то ужъ ни за что не пропуститъ случая заржать:

— Что̀ это васъ, батенька, такъ перекосило? Нехорошо-о-о!

Онъ напередъ зналъ, негодяй, что мнѣ больно вовсе не отъ флюса, а отъ того, что до него еще пятьдесятъ идіотовъ предлагали мнѣ тотъ же самый безсмысленный вопросъ. Онъ жаждалъ моихъ душевныхъ терзаній, палачъ!

Онъ приходилъ ко мнѣ именно въ тѣ часы, когда я бывалъ занятъ по горло спѣшной работой. Онъ садился и говорилъ:

— А-а! Я тебѣ, кажется, помѣшалъ?

И сидѣлъ у меня битыхъ два часа со скучной, нудной болтовней о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Онъ видѣлъ, какъ я судорожно хватаю себя за волосы и до крови кусаю губы, и наслаждался видомъ моихъ унизительныхъ мученій.

Отравивъ мое рабочее настроеніе на цѣлый мѣсяцъ впередъ, онъ вставалъ, зѣвая, и произносилъ:

— Всегда съ тобой заболтаешься. А меня дѣла ждутъ.

На желѣзной дорогѣ онъ всегда заводилъ со мною разговоръ съ одного и того же вопроса:

— А позвольте узнать, далеко ли изволите ѣхать?

И затѣмъ:

— По дѣламъ или такъ?

— А гдѣ изволите служить?

— Женаты?

— Законнымъ? Или такъ?

О, я хорошо изучилъ всѣ его повадки. Закрывъ глаза, я вижу его, какъ живого. Вотъ онъ хлопаетъ меня по плечу, по спинѣ и по колѣну, дѣлаетъ широкіе жесты передъ самымъ моимъ носомъ, отъ чего я вздрагиваю и

морщусь, держитъ меня за пуговицу сюртука, дышитъ мнѣ въ лицо, брызгается. Вотъ онъ часто дрожитъ ногой подъ столомъ, отъ чего дребезжитъ ламповый колпакъ. Вотъ онъ барабанитъ пальцами по спинкѣ моего стула во время длинной паузы въ разговорѣ и тянетъ значительно: «н-да-а», и опять барабанитъ, и опять тянетъ: «н-да-а». Вотъ онъ стучитъ костяжками пальцевъ по столу, отхаживая отыгранныя пики и прикрякивая: «А это что̀? А это? А это?..» Вотъ въ жаркомъ русскомъ спорѣ приводитъ онъ свой излюбленный аргументъ:

— Э, батенька, ерунду вы порете!

— Почему же ерунду?—спрашиваю я робко.

— Потому что чепуху!

Что̀ я сдѣлалъ дурного этому человѣку, я не знаю. Но онъ поклялся испортить мое существованіе и испортилъ. Благодаря ему, я чувствую теперь глубокое отвращеніе къ морю, лунѣ, воздуху, поэзіи, живописи и музыкѣ.

«Толстой? — оралъ онъ и устно, и письменно, и печатно.—Состояніе перевелъ на жену, а самъ... А съ Тургеневымъ-то онъ какъ... Сапоги шилъ... Великій писатель земли русской... Урра!..

«Пушкинъ? О, вотъ кто создалъ языкъ. Помните у него: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо»... А жена-то его, знаете, того... А въ III-мъ отдѣленіи, вы знаете, что̀ съ нимъ сдѣлали? А помните... тсс... здѣсь дамъ нѣтъ, помните, какъ у него эти стишки:

Ѣдемъ мы на лодочкѣ,
Подъ лодочкой вода...

«Достоевскій?.. Читали, какъ онъ однажды пришелъ ночью къ Тургеневу каяться... Гоголь — знаете, какая у него была болѣзнь?»

Я иду на выставку картинъ и останавливаюсь передъ тихимъ вечернимъ пейзажемъ. Но онъ слѣдилъ, под-

лецъ, за мною по пятамъ. Онъ уже торчитъ сзади меня и говоритъ съ апломбомъ:

— Очень мило нарисовано... даль... воздухъ... луна совсѣмъ какъ живая... Помнишь, Нина, у Типяевыхъ приложеніе къ «Невѣ»? Есть что-то общее...

Я сижу въ оперѣ, слушаю «Карменъ». Но онъ уже тутъ какъ тутъ. Онъ помѣстился сзади меня, положилъ ноги на нижній ободокъ моего кресла, подпѣваетъ очаровательному дуэту послѣдняго дѣйствія, и я съ ненавистью чувствую каждое движеніе его тѣла. И я также слышу, какъ въ антрактѣ онъ говоритъ умышленно громко, спеціально для меня:

— Удивительныя пластинки у Задададовыхъ. Настоящій Шаляпинъ. Просто и не отличить.

Да! Это онъ, не кто, какъ онъ, изобрѣлъ шарманку, граммофонъ, біоскопъ, фотофонъ, біографъ, фонографъ, ауксетофонъ, патефонъ, музыкальный ящикъ монопанъ, механическаго тапера, автомобиль, бумажные воротники, олеографію и газету.

Отъ него нѣтъ спасенія! Иногда я убѣгалъ ночью на глухой морской берегъ, къ обрыву, и ложился тамъ въ уединеніи. Но онъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за мною, подкрадывался ко мнѣ и вдругъ произносилъ увѣренно и самодовольно:

— Какая чудная ночь, Катенька, не правда ли? А облака? Совсѣмъ какъ на картинѣ. А вѣдь попробуй художникъ такъ нарисовать — ни за что не повѣрятъ.

Онъ убилъ лучшія минуты моей жизни—минуты любви, милыя, сладкія, незабвенныя ночи юности. Сколько разъ, когда я брелъ подъ руку съ молчаливымъ, прелестнымъ, поэтичнымъ созданіемъ вдоль аллеи, усыпанной лунными пятнами, онъ, принявъ неожиданно женскій образъ, склонялъ мнѣ голову на плечо и произносилъ голосомъ театральной инженю:

— Скажите, вы любите природу? Что до меня—я безумно обожаю природу.

Или:

— Скажите, вы любите мечтать при лунѣ?

Онъ былъ многообразенъ и многоличенъ, мой истязатель, но всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Онъ принималъ видъ профессора, доктора, инженера, женщины-врача, адвоката, курсистки, писателя, жены акцизнаго надзирателя, помѣщика, чиновника, пассажира, посѣтителя, гостя, незнакомца, зрителя, читателя, сосѣда по дачѣ. Въ ранней молодости я имѣлъ глупость думать, что все это были отдѣльные люди. Но онъ былъ одинъ. Горькій опытъ открылъ мнѣ наконецъ его имя. Это — русскій интеллигентъ.

Если онъ не терзалъ меня лично, то повсюду онъ оставлялъ свои слѣды, свои визитныя карточки. На вершинѣ Бештау и Машука я находилъ оставленныя имъ апельсинныя корки, коробки изъ-подъ сардинокъ и конфетныя бумажки. На камняхъ Алупки, на верху Ивановской колокольни, на гранитахъ Иматры, на стѣнахъ Бахчисарая, въ Лермонтовскомъ гротѣ—я видѣлъ сдѣланныя имъ надписи:

«Пуся и Кузики, 1903 года, 27 февраля».

«Ивановъ».

«А. М. Плохохвостовъ изъ Сарапула».

«Ивановъ».

«Печорина».

«Ивановъ».

«М. Д.... П. А. Р... Талочка и Ахметъ».

«Ивановъ».

«Трофимъ Живопудовъ. Городъ Самара».

«Ивановъ».

«Адель Соловейчикъ изъ Минска».

«Ивановъ».

«Съ сей возвышенности любовался морскимъ видомъ С. Никодимъ Ивановичъ Безупречный».

«Ивановъ».

Я читалъ его стихи и замѣтки во всѣхъ посѣтительскихъ книгахъ: и въ Пушкинскомъ домѣ, и въ Лермонтовской саклѣ, и въ старинныхъ монастыряхъ. «Были здѣсь Чикуновы изъ Пензы. Пили квасъ и ѣли осетрину. Желаемъ того же и вамъ». «Посѣтилъ родное пепелище великаго русскаго поэта, учитель чистописанія Воронежской мужской гимназіи Пистоль».

„Хвала тебѣ, Ай-Петри великанъ
Въ одеждѣ царственной изъ сосенъ!
Взошелъ сегодня на твой мощный станъ
Штабсъ-капитанъ въ отставкѣ Просинъ“.

Стòило мнѣ только раскрыть любую русскую книгу,— какъ я сейчасъ же натыкался на него. «Сію книгу читалъ Пафнутенко». «Авторъ дуракъ». «Господинъ авторъ не читалъ Карла Маркса». Или вдругъ длинная и безвкусная, какъ мочалка, полемика карандашомъ на поляхъ. И, конечно, не кто иной, какъ онъ, загибалъ во всѣхъ книгахъ углы, вырывалъ страницы и тушилъ книгой стеариновыя свѣчки.

Гг. судьи! Мнѣ тяжело говорить дальше... Этотъ человѣкъ поругалъ, осмѣялъ и опошлилъ все, чтò мнѣ было дорого, нѣжно и трогательно. Я боролся очень долго съ самимъ собою... Шли года. Нервы мои становились раздражительнѣе... Я видѣлъ, что намъ обоимъ душно на свѣтѣ. Одинъ изъ насъ долженъ былъ уйти.

Я давно уже предчувствовалъ, что какая-нибудь мелочь, пустой случай толкнетъ меня на преступленіе. Такъ и случилось.

Вы знаете подробности. Въ вагонѣ было такъ тѣсно, что пассажиры сидѣли на головахъ другъ у друга. А онъ съ женой, съ сыномъ, гимназистомъ приготовительнаго

класса и съ кучей вещей занялъ двѣ скамейки. Онъ на тотъ разъ одѣлся въ форму министерства народнаго просвѣщенія. Я подошелъ и спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ свободнаго мѣста?

Онъ отвѣтилъ, какъ бульдогъ надъ костью, не глядя на меня:

— Нѣтъ. Тутъ еще одинъ господинъ сидитъ. Вотъ его вещи. Онъ сейчасъ придетъ.

Поѣздъ тронулся. Я нарочно остался стоять подлѣ. Проѣхали верстъ десять. Господинъ не приходилъ. Я нарочно стоялъ, молчалъ и глядѣлъ на педагога. Я думалъ, что въ немъ не умерла совѣсть.

Напрасно. Проѣхали еще верстъ съ пятнадцать. Онъ досталъ корзину съ провизіей и сталъ закусывать. Потомъ они пили чай. По поводу сахара произошелъ семейный скандалъ.

— Петя! Зачѣмъ ты взялъ потихоньку кусокъ сахару?

— Честное слово, ей-Богу, папаша, не бралъ. Вотъ вамъ ей-Богу.

— Не божись и не лги. Я нарочно пересчиталъ утромъ. Было восемнадцать кусковъ, а теперь семнадцать.

— Ей-Богу!

— Не божись. Стыдно лгать. Я тебѣ все прощу, но лжи не прощу никогда. Лгутъ только трусы. Тотъ, кто солгалъ, тотъ можетъ убить, и украсть, и измѣнить государю и отечеству...

И пошло, и пошло... Я эти рѣчи слыхалъ отъ него самого еще въ моемъ бѣдномъ дѣтствѣ, когда онъ былъ сначала моей гувернанткой, а потомъ классным наставникомъ, и позднѣе, когда онъ писалъ публицистику въ умѣренной газетѣ.

Я вмѣшался:

— Вотъ вы браните сына за ложь, а сами въ его присутствіи лжете, что это мѣсто занято какимъ-то господиномъ. Гдѣ этотъ господинъ? Покажите мнѣ его.

Педагогъ побагровѣлъ и выкатилъ глаза.

— Прошу не приставать къ посторонним пассажирамъ, когда къ вамъ не обращаются съ разговорами. Что это за безобразіе, когда каждый будетъ приставать? Господинъ кондукторъ, заявляю вамъ. Вотъ они все время нахально пристаютъ къ незнакомымъ. Прошу принять мѣры. Иначе я заявлю въ жандармское управленіе и занесу въ жалобную книгу.

Кондукторъ пожурилъ меня отечески и ушелъ. Но педагогъ долго не могъ уняться...

— Разъ васъ не трогаютъ, и вы не трогайте. А еще въ шляпѣ и въ воротничкѣ, повидимому, интеллигентъ... Если бы это себѣ позволилъ мужикъ или мастеровой... А то интеллигентъ!

Интел-ли-гентъ! Палачъ назвалъ меня палачомъ! Кончено... Онъ произнесъ свой приговоръ.

Я вынулъ изъ кармана пальто револьверъ, взвелъ курокъ и, цѣлясь педагогу въ переносицу, между глазъ, сказалъ спокойно:

— Молись.

Онъ, поблѣднѣвъ, закричалъ:

— Карррау-у-улъ!

Это слово было его послѣднимъ словомъ. Я спустилъ курокъ.

Я кончилъ, гг. судьи. Повторяю: ни раскаянія ни жалости нѣтъ въ моей душѣ. Но одна ужасная мысль гложетъ меня и будетъ глодать до конца моихъ дней — все равно, проведу я ихъ въ тюрьмѣ или въ сумасшедшемъ домѣ:

«У него остался сынъ! Что, если онъ унаслѣдуетъ цѣликомъ отцовскую натуру?»

МОЙ ПАСПОРТЪ.

Пасхальное стихотворение въ прозѣ.

Конечно, нѣтъ болѣе смѣшного и нелѣпаго явленія въ пестрой русской жизни, чѣмъ эта тоненькая книжка, которая лежитъ сейчасъ у меня передъ глазами на письменномъ столѣ рядомъ съ велосипеднымъ номеромъ и желѣзной бляхой моего гончаго кобеля «Завирайки». Боже мой! Какая трата силъ, энергіи, ума, здоровья, душевнаго спокойствія, честности, любви и взаимнаго довѣрія— и все изъ-за нѣсколькихъ страничекъ, захватанныхъ чужими руками и никому не нужныхъ! О, вы, мои товарищи по несчастью, вы, рязанскіе плотники, калужскіе каменщики, ярославскіе разносчики, тульскіе банщики, зарайскіе и псковскіе извозчики, смоленскіе и витебскіе землекопы, вы, простосердечныя кухарки, водовозы, селедочницы и другіе милые люди, не вошедшіе въ число особъ первыхъ четырехъ классовъ, вы всѣ, имѣющіе ростъ — средній, цвѣтъ волосъ — русый, глаза обыкновенные, лицо чистое, но зато не имѣющіе ни одной особой примѣты, вы, невольные странники, которыхъ за утерю вида гонятъ по этапу съ крайняго юга на крайній сѣверъ моей прекрасной и несуразной родины,—я мысленно обнимаю васъ отъ всего моего сердца въ этотъ весенній день, наканунѣ теплаго, радостнаго праздника!

Но въ тѣ года, когда неслышными шагами подходитъ къ намъ старость,—тогда таинственную, очаровательную, сладкую и грустную власть пріобрѣтаютъ надъ нашей душой всѣ вещи, запахи, звуки и слова, говорящіе объ уплывшемъ прошломъ. Для молодости непонятна наша томная, длительная любовь къ далекимъ воспоминаніямъ. И потому-то сейчасъ, въ эту минуту, я искренно благодарю васъ, жирные, хриплые исправники, и васъ, расторопные становые въ густыхъ подусникахъ, и васъ, проницательные урядники, и васъ, толстые швейцары отелей, и васъ, лукавые рыжебородые старшіе дворники, и васъ, умные прыщавые паспортисты (хотя отъ васъ всегда дурно нахло заношеннымъ бѣльемъ и скверным табакомъ, и рука ваша, принимающая тайный рубль, была всегда мокра),—благодарю васъ за то, что вы—сами не зная для чего—такъ заботливо отмѣтили всѣ станціи въ моей длинной жизни.

Пасха—всегда Пасха.

Она одна и та же для всего живущаго: для обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, для монголовъ, индо-европейцевъ, негровъ и туареговъ, для людей сѣвера и юга, для лошадей, собакъ, рыбъ, жуковъ, деревьевъ и даже чиновниковъ. Свѣтлый, ликующій праздникъ: весна, солнце, новая любовь, пѣсни, тепло и зелень! И вотъ, брезгливо перебирая грязные листы этой диковинной книжки, я радостно и грустно перебираю воспоминанія о моихъ прежнихъ веснахъ.

Москва. Колокольня. Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, подъ моими ногами. Небо страшно близко: вотъ-вотъ дотянешься рукой до бѣлаго, пухлаго, лѣниваго облачка. О, верхъ мальчишескаго счастья — наконецъ-то въ моихъ рукахъ веревка отъ самаго главнаго, самаго большого колокола. Грушевидный языкъ его тяжелъ и долго скрипитъ своимъ ухомъ, пока его

раскачаешь. Ба-амъ! Теперь ужъ больше ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. Въ ушахъ больно отъ мощныхъ мѣдныхъ колебаній. Еще! Еще! Ласточки стрѣлой проносятся мимо тебя. Любительскіе голуби стаей плаваютъ высоко въ воздухѣ..

Кіевъ. Чудесный городъ, весь похожій на сдобную, славную попадью съ масляными глазами и краснымъ ртомъ. Помню, какъ мы, возбужденные тепломъ черной ночи, ароматнымъ вѣтромъ, огнями на улицахъ и этой тревожной, танцующей суетой, ходили изъ церкви въ церковь, изъ костела въ кирку, къ единовѣрцамъ, грекамъ и старообрядцамъ. Ахъ! Красота женскихъ лицъ, освѣщаемыхъ снизу живымъ огнемъ свѣчки,—этотъ блескъ зубовъ и прелесть улыбающихся нѣжныхъ губъ, и яркіе блики въ глазахъ, и тоненькіе пальчики, изгибающіе растопленный воскъ въ смѣшныя завитушки.

Почему-то безпричинно хотѣлось смѣяться и приплясывать. И мотивы ирмосовъ были все такіе веселые: трамъ-трамъ, тра-ля-лямъ! И всѣ смѣялись—смѣялись новой веснѣ, воскресенію, цвѣтамъ, радостямъ своего тѣла!

А вотъ отъ старообрядцевъ насъ попросили уйти... Видитъ Богъ, въ нашемъ смѣхѣ не было никакого зла! Но, когда на клиросѣ бородатые, рыжіе, серьезные мужики запѣли въ унисонъ козлиными голосами, умышленно и неестественно гнусавя и искажая слова:

Христосъ воскресе иза меретавыха,
Самертію на самерти насатупивъ
И гробнымъ животъ дахорахова, —

ну, просто мы были поражены неожиданностью и покатились со смѣху, какъ это было недавно со мной, когда въ моемъ присутствіи одинъ поэтъ-символистъ — человѣкъ несомнѣннаго, даже исключительнаго таланта — вдругъ зачиталъ что-то о кладбищѣ и о мертвецахъ на мотивъ «чижика»: я зналъ, что мой смѣхъ неучтивъ, но

не могъ усиліемъ воли побѣдить его. Такъ и у старообрядцевъ... Но все-таки была ночь, и я жилъ, и я этого никогда не забуду. Я до сихъ поръ помню и люблю этихъ серьезныхъ, пѣвшихъ весну людей. А потомъ еще было утро, разливъ Днѣпра, черемуха, немножко любви...

Вижу я также на моемъ паспортѣ скромную помѣтку Сергіева посада. Это — Троицко-Сергіевская лавра. Я люблю этотъ уголокъ, осколокъ Москвы XVI столѣтія, эти красныя и бѣлыя стѣны съ зубцами и бойницами, ёрническій торгъ на широкой площади, расписныя троичныя сани, управляемыя ямщиками въ поддевкахъ и въ круглыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, «Купецъ, пожалуйте!..», и блинные ряды, и безконечное множество толстыхъ, зобастыхъ и сладострастныхъ святыхъ голубей, и монаховъ съ сонными глазами, большимъ засаленнымъ животомъ и пальцами, какъ у новорожденнаго младенца — огурчикомъ, и пряничныхъ коней, и деревянныхъ куколъ — произведенія балбешниковъ, и помню еще многое другое.

Да. Но участвовать въ великомъ праздникѣ мнѣ не удалось. За два дня до Воскресенія Христова, въ четыре часа утра, ко мнѣ постучались. Я побѣжалъ босикомъ, почти голый, по длинному, холодному коридору (ибо я ждалъ тогда нетерпѣливо извѣстій отъ безконечно дорогого мнѣ человѣка) и, довѣрчиво отворяя дверь, спросилъ въ восторгѣ:

— Да? Телеграмма?

— Да, — отвѣтили они: — телеграмма, — и вошли:

1) жандармскій унтеръ-офицеръ Богуцкій Ѳома, 2) два городовыхъ дворниковъ и пр., и 3) спустя 10 минутъ мѣстный полицеймейстеръ, мѣстный жандармскій ротмистръ Вороновъ (холеное лицо, безпристрастность, небрежность и — «онъ все знаетъ напередъ»), чахоточный околоточный, хозяинъ моего дома со смѣшной фамиліей Дмитрій Донской, понятые.

— Ты его обыскалъ?

— Такъ точно, ваше-ссс...

— Вы можете одѣться.

Но я отвѣтилъ, что я привыкъ всегда ходить дома только въ одной ночной рубашкѣ.

Потомъ онъ сѣлъ за мой письменный столъ и началъ рыться въ дорогихъ мнѣ письмахъ, карточкахъ, записныхъ книжкахъ. Я сѣлъ рядомъ съ нимъ на столъ. Это была также моя привычка. Тогда онъ любезно позволилъ мнѣ «взять стулъ». Но я намекнулъ ему, что я, какъ хозяинъ дома, могъ бы первымъ предложить ему то же самое. Словомъ, у насъ сдѣлались сразу довольно тяжелыя отношенія. Онъ былъ человѣкъ твердый и многосторонне образованный, онъ увидѣлъ въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ слѣдующіе знаки:

| - | - | - - | - |
- | - | - | - - | - -
- | - | - | - - | - |
| - - | - - | - | - |

Онъ спросилъ:

— Да-съ, а это что̀?

Я отвѣтилъ, болтая ногами:

— Это, г. полковникъ, произошло вотъ какъ. Одинъ начинающій, но, увы, бездарный поэтъ принесъ мнѣ стихи. И я доказывалъ ему на бумагѣ карандашомъ то, что онъ начинаетъ хореемъ, переходитъ въ ямбъ и вдругъ впадаетъ въ трехсложное стихосложеніе.

— Я-ямбъ? — воскликнулъ онъ. — Ямбъ-съ? Это мы знаемъ, какой ямбъ! Богуцкій, пріобщи.

Моя записная книжка пропала. И навѣки.

Много было также пріятнаго и непріятнаго въ городахъ: Крыжополѣ, Проскуровѣ, Наровчатѣ, любезной нашему сердцу Устюжнѣ, въ Теофиполѣ.

Но вотъ какое обольстительное воспоминаніе радуетъ

меня и пьянитъ, и я знаю, что такъ будетъ до конца моихъ дней.

Я тогда жилъ въ Мисхорѣ, на южномъ берегу моря, въ пустой дачѣ. Никого кругомъ не было. Зеленѣли кусты. Черные дрозды прилетѣли уже дней пять-шесть тому назадъ и насвистывали своими довольно фальшивыми голосами смѣшные мотивы.

И вотъ наступила эта чудесная пасхальная ночь. Ночь была такъ темна и вѣтеръ такъ силенъ, что я долженъ былъ обнимать ее за талію, помогая ей спускаться внизъ по вьющейся узенькой дорожкѣ.

Мы легли на крупномъ мокромъ пескѣ около самой воды. Море было неспокойно. Это было приблизительно часовъ около 12—2 ночи. Черное небо, порывистый вѣтеръ съ Анатолійскаго берега, свѣтъ только отъ звѣздъ и едва различаемые пѣнные гребни послѣднихъ волнъ.

Маленькая смѣшная подробность: наканунѣ выбросило прибоемъ дельфина. Мы замѣтили его присутствіе только черезъ три минуты, благодаря запаху разложенія.

Мы ушли отъ него въ другое мѣсто. Это была моя послѣдняя Пасха, моя послѣдняя весна. Такъ красиво и нетерпѣливо шуршало около нашихъ ногъ море, такъ неожиданно послушны, готовы и радостны были эти гордыя губы...

О, мудрецъ, какъ я понимаю твои великія слова: остановись, мгновенье, ты прекрасно!

Но все проходитъ, и ничто не возвращается. Склонимъ же голову передъ вѣчной судьбой и скажемъ про-себя:

Молодости — радость.

Силѣ — кротость.

Мудрости — молчаніе.

Старости — сладкій, долгій сонъ...

КУСТЪ СИРЕНИ.

Николай Евграфовичъ Алмазовъ едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, въ фуражкѣ прошелъ въ свой кабинетъ. Жена, какъ только увидѣла его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, въ ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастіе... Она молча пошла слѣдомъ за мужемъ. Въ кабинетѣ Алмазовъ простоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, глядя куда-то въ уголъ. Потомъ онъ выпустилъ изъ рукъ портфель, который упалъ на полъ и раскрылся, а самъ бросился въ кресло, злобно хрустнувъ сложенными вмѣстѣ пальцами...

Алмазовъ, молодой небогатый офицеръ, слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба и теперь только-что вернулся оттуда. Онъ сегодня представлялъ профессору послѣднюю и самую трудную практическую работу—инструментальную съемку мѣстности...

До сихъ поръ всѣ экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да женѣ Алмазова было извѣстно, какихъ страшныхъ трудовъ они стоили... Начать съ того, что самое поступленіе въ академію казалось сначала невозможнымъ. Два года подъ рядъ Алмазовъ торжественно

проваливался и только на третій упорнымъ трудомъ одолѣлъ всѣ препятствія. Не будь жены, онъ, можетъ-быть, не найдя въ себѣ достаточно энергіи, махнулъ бы на все рукою. Но Вѣрочка не давала ему падать духомъ и постоянно поддерживала въ немъ бодрость... Она пріучилась встрѣчать каждую неудачу съ яснымъ, почти веселымъ лицомъ. Она отказывала себѣ во всемъ необходимомъ, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятаго головной работой человѣка комфортъ. Она бывала, по мѣрѣ необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой.

Прошло минутъ пять тяжелаго молчанія, тоскливо нарушаемаго хромымъ ходомъ будильника, давно знакомымъ и надоѣвшимъ: разъ, два, три-три: два чистыхъ удара, третій съ хриплымъ перебоемъ. Алмазовъ сидѣлъ, не снимая пальто и шапки и отворотившись въ сторону... Вѣра стояла въ двухъ шагахъ отъ него, также молча, съ страданіемъ на красивомъ, нервномъ лицѣ. Наконецъ она заговорила первая, съ той осторожностью, съ которой говорятъ только женщины у кровати близкаго трудно-больного человѣка...

— Коля, ну какъ же твоя работа?.. Плохо?

Онъ передернулъ плечами и не отвѣчалъ.

— Коля, забраковали твой планъ? Ты скажи, все равно, вѣдь вмѣстѣ обсудимъ.

Алмазовъ быстро повернулся къ женѣ и заговорилъ горячо и раздраженно, какъ обыкновенно говорятъ, высказывая долго сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забраковали, если ужъ тебѣ такъ хочется знать. Неужели сама не видишь? Все къ чорту пошло!.. Всю эту дрянь, — и онъ злобно ткнулъ ногой портфель съ чертежами: — всю эту дрянь хоть въ печку выбрасывай теперь! Вотъ тебѣ и академія! Черезъ мѣ-

сяцъ опять въ полкъ, да еще съ позоромъ, съ трескомъ. И это изъ-за какого-то поганаго пятна... О, чортъ!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

Она сѣла на ручку кресла и обвила рукой шею Алмазова. Онъ не сопротивлялся, но продолжалъ смотрѣть въ уголъ съ обиженнымъ выраженіемъ.

— Какое же пятно, Коля? — спросила она еще разъ.

— Ахъ, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской. Ты вѣдь знаешь, я вчера до трехъ часовъ не ложился, нужно было окончить. Планъ прекрасно вычерченъ и иллюминованъ. Это всѣ говорятъ. Ну, засидѣлся я вчера, усталъ, руки начали дрожать—и посадилъ пятно... Да еще густое такое пятно... жирное. Сталъ подчищать и еще больше размазалъ. Думалъ я, думалъ, что̀ теперь изъ него сдѣлать, да и рѣшилъ кучу деревьевъ на томъ мѣстѣ изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу нынче профессору. «Такъ, такъ, н-да. А откуда у васъ здѣсь, поручикъ, кусты взялись?» Мнѣ бы нужно было такъ и разсказать, какъ все было. Ну, можетъ-быть, засмѣялся бы только... Впрочемъ, нѣтъ, не разсмѣется, — аккуратный такой нѣмецъ, педантъ. Я и говорю ему: «Здѣсь, дѣйствительно, кусты растутъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, я эту мѣстность знаю, какъ свои пять пальцевъ, и здѣсь кустовъ быть не можетъ». Слово за слово, у насъ съ нимъ завязался крупный разговоръ. А тутъ еще много нашихъ офицеровъ было. «Если вы такъ утверждаете, говоритъ, что на этой сѣдловинѣ есть кусты, то извольте завтра же ѣхать туда со мной верхомъ... Я вамъ докажу, что вы или небрежно работали, или счертили прямо съ трехверстной карты»...

— Но почему же онъ такъ увѣренно говоритъ, что тамъ нѣтъ кустовъ?

— Ахъ, Господи, почему? Какіе ты, ей-Богу, дѣтскіе

вопросы задаешь. Да потому, что онъ вотъ уже двадцать лѣтъ мѣстность эту знаетъ лучше, чѣмъ свою спальню. Самый безобразнѣйшій педантъ, какіе только есть на свѣтѣ, да еще нѣмецъ вдобавокъ... Ну и окажется въ концѣ концовъ, что я лгу и въ препирательство вступаю... Кромѣ того...

Во все время разговора онъ вытаскивалъ изъ стоявшей передъ нимъ пепельницы горѣлыя спички и ломалъ ихъ на мелкіе кусочки, а когда замолчалъ, то съ озлобленіемъ швырнулъ ихъ на полъ. Видно было, что этому сильному человѣку хочется заплакать.

Мужъ и жена долго сидѣли въ тяжеломъ разумьѣ, не произнося ни слова. Но вдругъ Вѣрочка энергичнымъ движеніемъ вскочила съ кресла.

— Слушай, Коля, намъ надо сію минуту ѣхать! Одѣвайся скорѣй.

Николай Евграфовичъ весь сморщился, точно отъ невыносимой физической боли.

— Ахъ, не говори, Вѣра, глупостей. Неужели ты думаешь, я поѣду оправдываться и извиняться. Это значитъ надъ собой прямо приговоръ подписать. Не дѣлай, пожалуйста, глупостей.

— Нѣтъ, не глупости,—возразила Вѣра, топнувъ ногой. — Никто тебя не заставляетъ ѣхать съ извиненіемъ... А просто, если тамъ нѣтъ такихъ дурацкихъ кустовъ, то ихъ надо посадить сейчасъ же.

— Посадить?.. Кусты?.. — вытаращилъ глаза Николай Евграфовичъ.

— Да, посадить. Если ужъ сказалъ разъ неправду,— надо поправлять. Собирайся, дай мнѣ шляпку... Кофточку... Не здѣсь ищешь, посмотри въ шкапу... Зонтикъ!

Пока Алмазовъ, пробовавшій-было возражать, но не выслушанный, отыскивалъ шляпку и кофточку, Вѣра

быстро выдвигала ящики столовъ и комодовъ, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала ихъ и разбрасывала по полу.

— Серьги... Ну, это пустяки... За нихъ ничего не дадутъ... А вотъ это кольцо съ солитеромъ дорогое... Надо непремѣнно выкупить... Жаль будетъ, если пропадетъ. Браслетъ... тоже дадутъ очень мало. Старинный и погнутый... Гдѣ твой серебряный портсигаръ, Коля?

Черезъ пять минутъ всѣ драгоцѣнности были уложены въ ридикюль. Вѣра, уже одѣтая, послѣдній разъ оглядывалась кругомъ, чтобы удостовѣриться: не забыто ли что-нибудь дома.

— Ѣдемъ, — сказала она наконецъ рѣшительно.

— Но куда же мы поѣдемъ?—пробовалъ протестовать Алмазовъ.—Сейчасъ темно станетъ, а до моего участка почти десять верстъ.

— Глупости... Ѣдемъ!

Раньше всего Алмазовы заѣхали въ ломбардъ. Видно было, что оцѣнщикъ такъ давно привыкъ къ ежедневнымъ зрѣлищамъ человѣческихъ несчастій, что они вовсе не трогали его. Онъ такъ методично и долго разсматривалъ привезенныя вещи, что Вѣрочка начинала уже выходить изъ себя. Особенно обидѣлъ онъ ее тѣмъ, что попробовалъ кольцо съ брильянтомъ кислотой и, взвѣсивъ, оцѣнилъ его въ три рубля.

— Да вѣдь это настоящій брильянтъ, — возмущалась Вѣра: — онъ стóитъ тридцать семь рублей и то по случаю.

Оцѣнщикъ съ видомъ усталаго равнодушія закрылъ глаза.

— Намъ это все равно-съ, сударыня. Мы камней вовсе не принимаемъ, — сказалъ онъ, бросая на чашечку вѣсовъ слѣдующую вещь: — мы оцѣниваемъ только металлы-съ.

Зато старинный и погнутый браслетъ, совершенно неожиданно для Вѣры, былъ оцѣненъ очень дорого. Въ общемъ однако набралось около двадцати трехъ рублей. Этой суммы было болѣе чѣмъ достаточно.

Когда Алмазовы пріѣхали къ садовнику, бѣлая петербургская ночь уже разлилась по небу и въ воздухѣ синимъ молокомъ. Садовникъ, чехъ, маленькій старичокъ въ золотыхъ очкахъ, только-что садился со своей семьею за ужинъ. Онъ былъ очень изумленъ и недоволенъ позднимъ появленіемъ заказчиковъ и ихъ необычной просьбой. Вѣроятно, онъ заподозрѣлъ какую-нибудь мистификацію и на Вѣрочкины настойчивыя просьбы отвѣчалъ очень сухо:

— Извините. Но я ночью не могу посылать въ такую даль рабочихъ. Если вамъ угодно будетъ завтра утромъ — то я къ вашимъ услугамъ.

Тогда оставалось только одно средство: разсказать садовнику подробно всю исторію съ злополучнымъ пятномъ, и Вѣрочка такъ и сдѣлала. Садовникъ слушалъ сначала недовѣрчиво, почти враждебно, но, когда Вѣра дошла до того, какъ у нея возникла мысль посадить кустъ, онъ сдѣлался внимательнѣе и нѣсколько разъ сочувственно улыбался.

— Ну, дѣлать нечего,—согласился садовникъ, когда Вѣра кончила разсказывать:—скажите, какіе вамъ можно будетъ посадить кусты?

Однако изо всѣхъ породъ, какія были у садовника, ни одна не оказывалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустахъ сирени.

Напрасно Алмазовъ уговаривалъ жену отправиться домой. Она поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ за городъ, все время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мѣшала рабочимъ, и только тогда согласилась ѣхать домой, когда удостовѣрилась, что дернъ около кустовъ совершенно

нельзя отличить отъ травы, покрывавшей всю сѣдловинку.

На другой день Вѣра никакъ не могла усидѣть дома и вышла встрѣтить мужа на улицу. Она еще издали, по одной только живой и немного подпрыгивающей походкѣ, узнала, что исторія съ кустами кончилась благополучно... Дѣйствительно, Алмазовъ былъ весь въ пыли и едва держался на ногахъ отъ усталости и голода, но лицо его сіяло торжествомъ одержанной побѣды.

— Хорошо! Прекрасно!—крикнулъ онъ еще за десять шаговъ въ отвѣтъ на тревожное выраженіе женина лица.—Представь себѣ, пріѣхали мы съ нимъ къ этимъ кустамъ. Ужъ глядѣлъ онъ на нихъ, глядѣлъ, даже листочекъ сорвалъ и пожевалъ. «Что̀ это за дерево?»—спрашиваетъ. Я говорю:—«Не знаю, ваше-ство».—«Березка, должно-быть?»—говоритъ. Я отвѣчаю:—«Должно-быть, березка, ваше-ство». Тогда онъ повернулся ко мнѣ и руку даже протянулъ.—«Извините, говоритъ, меня, поручикъ. Должно-быть, я старѣть начинаю, коли забылъ про эти кустики». Славный онъ, профессоръ, и умница такой. Право, мнѣ жаль, что я его обманулъ. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ у насъ. Знанія — просто чудовищныя. И какая быстрота и точность въ оцѣнкѣ мѣстности—удивительно!

Но Вѣрѣ было мало того, что̀ онъ разсказалъ. Она заставляла его еще и еще разъ передавать ей въ подробностяхъ весь разговоръ съ профессоромъ. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выраженіе лица у профессора, какимъ тономъ онъ говорилъ про свою старость, что̀ чувствовалъ при этомъ самъ Коля...

И они шли домой такъ, какъ будто бы кромѣ нихъ никого на улицѣ не было: держась за руки и безпрестанно смѣясь. Прохожіе съ недоумѣніемъ останавли-

вались, чтобы еще разъ взглянуть на эту странную парочку...

Николай Евграфовичъ никогда съ такимъ аппетитомъ не обѣдалъ, какъ въ этотъ день... Послѣ обѣда, когда Вѣра принесла Алмазову въ кабинетъ стаканъ чаю,— мужъ и жена вдругъ одновременно засмѣялись и поглядѣли другъ на друга.

— Ты — чему? — спросила Вѣра.

— А ты чему?

— Нѣтъ, ты говори первый, а я потомъ.

— Да такъ, глупости. Вспомнилась вся эта исторія съ сиренью. А ты?

— Я тоже глупости и тоже — про сирень. Я хотѣла сказать, что сирень теперь будетъ навсегда моимъ любимымъ цвѣткомъ...

БѢЛАЯ АКАЦІЯ.

Дорогой старый дружище Вася!

А я васъ все ждалъ и ждалъ. А вы, оказывается, уѣхали изъ Одессы и не забѣжали даже проститься. Неужели вы испугались той потребительницы хлѣба, которая, по моей оплошности, ворвалась диссонансомъ въ наше милое тріо (вы, Зиночка и я)? — Успокойтесь же. Это типъ вамъ извѣстный, по частямъ въ разныхъ мѣстахъ хорошо вами описанный. Это—«Халдейская женщина», изъ семейства «собаковыхъ», species—«халда vulgaris».

Удивляетесь ли вы тому, что спустя годъ послѣ свадьбы я пишу такимъ тономъ о своей собственной женѣ? Не удивляетесь ли еще больше тому, какъ это я, человѣкъ съ большимъ житейскимъ опытомъ, человѣкъ проницательный и со вкусомъ, могъ заключить такое чудовищное супружество? Вѣдь вы все хорошо замѣтили—не правда ли? И это нестерпимое жеманство, изображающее, по ея мнѣнію, самый лучшій свѣтскій тонъ, и показную слащавую интимность съ мужемъ при постороннихъ, и ужасный одесскій языкъ, и ея картавое сюсюканье избалованнаго пятилѣтняго младенца, и нелѣпую сцену ревности, которую она закатила нашей бѣдной, кроткой, изящной Зиночкѣ, и ея чудовищную авторитетность невѣжды во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства и жизни, и пронзительный голосъ, и это безбожное многословіе, заткнувшее намъ всѣмъ рты, наконецъ, эту трижды дурацкую ссору, гдѣ полѣзло наружу все грязное бѣлье

нашей семейной жизни — одностороннюю ссору, потому что — вы помните? — кричала только она, а я молчалъ съ видомъ христіанскаго мученика, или, вѣрнѣе, съ видомъ побитой собачонки, давно привыкшей къ жестокому и несправедливому обращенію

Но еще удивительнѣе причина, толкнувшая меня на этотъ злосчастный бракъ. Вѣрите ли вы въ колдовство? Ну, конечно, не вѣрите. Такъ вотъ, въ наши прозаическіе дни именно надо мной было совершено чудо, волшебство, очарованіе — называйте, какъ хотите. Я былъ отравленъ, одурманенъ, превращенъ въ слюняваго, восторженнаго и влюбленнаго идіота не чѣмъ инымъ, какъ этой проклятой, чортъ ее побери, бѣлой акаціей.

Вы помните, конечно, очаровательную весну у насъ на сѣверѣ, съ ея тихими, томными, медленно гаснущими зорями, съ несказанными ароматами травъ и цвѣтовъ, съ соловьиными трелями, съ отраженіями звѣздъ въ спящей водѣ спокойной рѣки, между камышами... со всѣми ея чудесами и поэзіей? Здѣсь на югѣ нѣтъ совсѣмъ весны. Вчера еще деревья были блѣдно-сѣрыми отъ покрывающихъ ихъ почекъ, а ночью прошумѣлъ теплый, крупный дождь, и, глядишь, на утро все блеститъ и трепещетъ свѣжей зеленью, и сразу наступило южное лѣто, знойное, душное, назойливое, пыльное...

И цвѣты здѣсь ничѣмъ не пахнутъ, или, вѣрнѣе, пахнутъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Въ запахѣ сирени чувствуется примѣсь бензина и пыли, резеда отдаетъ нюхательнымъ табакомъ, левкой — капустой, жасминъ — навозомъ.

Но бѣлая акація — дѣло совсѣмъ другого рода. Однажды утромъ неопытный сѣверянинъ идетъ по улицѣ и вдругъ останавливается, изумленный диковиннымъ, незнакомымъ, никогда неслыханнымъ ароматомъ. Какая-то щекочущая радость заключена въ этомъ пряномъ благо-

уханіи, заставляющемъ раздуваться ноздри и губы улыбаться. Такъ пахнетъ бѣлая акація.

Однако на другой день совсѣмъ другое впечатлѣніе. Вы чувствуете, что весь городъ, благодаря какой-то модѣ, продушенъ тѣми сладкими, терпкими, крѣпкими, теперешними духами, отъ которыхъ хочется чихать и отъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, чихаютъ и вертятъ носомъ собаки. На слѣдующій день пахнетъ уже не духами, а противными, дешевыми, пахучими конфетами, или тѣмъ ужаснымъ душистымъ мыломъ, запахъ котораго на рукахъ не вывѣтривается въ теченіе сутокъ. Еще черезъ день вы начинаете злостно ненавидѣть бѣлую акацію. Ея бѣлыя, висячія гроздья повсюду: въ садахъ, на улицахъ, въ паркахъ и въ ресторанахъ на столикахъ, онѣ вплетены въ гривы извозчичьихъ лошадей, воткнуты въ петлички мужчинъ и въ волосы женщинъ, украшаютъ вагоны трамваевъ и конокъ, привязаны къ собачьимъ ошейникамъ.

Нѣтъ нигдѣ спасенія отъ этого одуряющаго цвѣтка, и весь городъ на нѣсколько недѣль охваченъ повальнымъ безуміемъ, одержимъ какой-то чудовищной эпидеміей любовной горячки. Таково весеннее свойство этого дьявольскаго растенія. Влюблены положительно всѣ: люди, животныя, деревья, травы и даже, кажется, неодушевленные предметы, влюблены старики, старухи и дѣти, гласные думы, хлѣбные маклеры, бурженники и лапетутники (двѣ загадочныя профессіи, извѣстныя только Одессѣ), гимназисты приготовительнаго класса, телеграфныя барышни, городовые, горничныя, приказчики, биржевые зайцы, булочники, капитаны кораблей, рестораторы, газетчики и даже педагоги. Какая-то неизслѣдованная зараза, какой-то таинственный микробъ заключенъ въ ароматѣ бѣлой акаціи.

На коренныхъ обывателей эта болѣзнь дѣйствуетъ

сравнительно умѣренно, — такъ же, какъ на природныхъ жителяхъ Кавказа слабо отражается болотная лихорадка, или на европейцахъ — корь. Но свѣжему, пріѣзжему человѣку, особенно сѣверянину, весенніе цвѣты бѣлой акаціи сулятъ преждевременную гибель.

Такъ случилось и со мною. Я нанялъ дачную комнатку на одномъ изъ безчисленныхъ одесскихъ Фонтановъ. У моихъ оконъ росла акація, ея вѣтви лѣзли въ открытыя окна, и ея бѣлые цвѣты, похожіе на бѣлыхъ мотыльковъ, сомкнувшихъ поднятыя крылья, сыпались ко мнѣ на полъ, на кровать и въ чай. Когда я обосновался на дачѣ, весенняя эпидемія была уже въ полномъ разгарѣ. По вечерамъ на станцію трамвая выплывало все мѣстное молодое населеніе. Юноши и дѣвицы ходили другъ къ другу навстрѣчу цѣлыми сплошными, тѣсными массами, подобно рыбѣ во время метанія икры. И всѣ смѣялись, и ворковали, и грызли подсолнухи. Надъ вечерней толпой стоялъ сплошной трескъ сѣмечекъ и любовный, безсмысленный говоръ, подобный больботанію тетеревовъ на токовищѣ. И акація, акація, акація... Тутъ-то я и захватилъ мою болѣзнь, постигшую меня въ самой тяжелой формѣ.

Она была дочерью той дамы, хозяйки столовой, гдѣ я питался скумбріей, баклажанами, помидорами и прованскимъ масломъ. Мать была толстая крикунья, съ замасленной горой вмѣсто груди, съ краснымъ лицомъ и руками прачки. Дочь присутствовала въ столовой для украшенія стола. У нея былъ свѣжій цвѣтъ лица, толстыя губы, миндалевидные темные глаза и молодость. Съ матерью была она схожа такъ же, какъ два экземпляра одной и той же книги: экземпляръ свѣжій и экземпляръ подержаный. Но даже и это не остановило меня. Я уподобился лѣтней мухѣ на липкой бумагѣ. Было и сладко и противно... и чувствовалось, что не улетишь.

О томъ, какъ я признался, какъ я дѣлалъ предложеніе мамашѣ и какъ насъ повѣнчали—я ничего не помню. У меня былъ жаръ въ 60 градусовъ, вздорный бредъ, хроническое слюнотеченіе и на лицѣ идіотская улыбка.

Очнулся я только осенью, когда настали холода...

А теперь прошелъ годъ, и опять осень. Идетъ дождь, вѣтеръ дуетъ въ щели оконъ. Бѣлая акація,—чортъ бы ее побралъ!—облысѣвшая, растрепанная, грязная, какъ старая швабра, свѣшиваетъ безпорядочно внизъ свои черные длинные стручья, и качаетъ головой, и плачетъ слезами обиженной ростовщицы... А я предаюсь грустнымъ размышленіямъ.

Жена моя говоритъ: «тудою», «сюдою» и «кудою». Она говоритъ: «онъ умеръ на чахотку», «она выше отъ меня ростомъ», «съ тебя люди смѣются», «зачини фортку» (запри калитку), «я за тобой соскучилась».

Но ея увѣренность во всѣхъ вещахъ міра необычайна, и она на мои поправки гордо отвѣчаетъ, что одесскій жаргонъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и русскій.

Она знаетъ все, рѣшительно все на свѣтѣ: литературу, музыку, свѣтскіе обычаи, науку, и дрожитъ въ ожиданіи очередного номера Пинкертона. Она считаетъ признакомъ хорошаго тона ходить каждый день на Николаевскій бульваръ или на Дерибасовскую и толкаться тамъ безцѣльно въ человѣческой тѣснотѣ и давкѣ три или четыре часа подъ рядъ, щебеча и улыбаясь. Она любитъ яркіе цвѣта въ одеждахъ, шелкъ и кружева, но сама — неряха. Она хочетъ одѣваться по модѣ, но такъ ее преувеличиваетъ и подчеркиваетъ, что мнѣ стыдно съ нею показаться на люди: мнѣ все кажется, что ее принимаютъ за кокотку. На улицѣ она, какъ дома, ибо давно извѣстно, что улица — родная стихія одессита.

Она скупа, жадна и обжора, она жестока и глупа,

какъ гусеница, она терпѣть не можетъ дѣтей и не уважаетъ старости. Она ругается съ женской прислугой, какъ извозчикъ, на ихъ ужасномъ одесскомъ жаргонѣ, и я вижу, что умственный уровень и тактъ моей жены и тѣ же качества моей кухарки — одинаковы. Она наводняетъ мой домъ своими безчисленными родственниками съ «Пересыпи» и «Молдаванки», и всѣ они одесситы, и всѣ они все знаютъ и все умѣютъ, и всѣ они презираютъ меня, какъ верблюда, какъ вьючную клячу.

Она читаетъ потихоньку мои письма и замѣтки и роется, какъ жандармъ, въ ящикахъ моего письменнаго стола. Она закатываетъ мнѣ ежедневно истерику, симулируетъ обмороки, столбняки, летаргическій сонъ и пугаетъ самоубійствомъ. Она посылаетъ по почтѣ грубыя, ругательныя анонимныя письма какъ мнѣ, такъ и моимъ добрымъ знакомымъ. Она сплетничаетъ обо мнѣ съ прислугой и со всѣмъ городомъ. И она же увѣряетъ меня, что я — чудовище, сожравшее ея невинность и погубившее ея молодость. Она еще не бьетъ меня, но кто знаетъ, что̀ будетъ впереди?

Милый мой! Была бы въ моихъ рукахъ огромная, неограниченная власть — власть, скажемъ, хоть полицейская, — я приказалъ бы вырубить за одну ночь всю бѣлую акацію въ городѣ, вывезти ее въ степь и сжечь. Вырываютъ же ядовитыя растенія, убиваютъ вредныхъ насѣкомыхъ, сжигаютъ зачумленные дома, и никто не видитъ въ этомъ ничего диковиннаго!

Прощайте же, дорогой мой. Завидую вашей холостой свободѣ, и да хранитъ васъ Аллахъ отъ чаръ бѣлой акаціи. Обнимаю васъ сердечно.

Вашъ — прежде вольный казакъ, а теперь старый мулъ, слѣпая лошадь на молотильномъ приводѣ, дойная корова — N. N.

МАРАБУ.

Я объѣздилъ Швецію, Норвегію, исколесилъ Германію, забрелъ въ Англію, долгое время шатался по грязнымъ римскимъ улицамъ и наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ скитаній, попалъ опять въ Россію.

Былъ я тогда воленъ, какъ дикарь, ни съ кѣмъ не связанъ, частенько голоденъ, и слонялся по улицамъ большого южнаго города, дыша полной грудью и привѣтливо улыбаясь небу и солнцу.

Такъ-то вотъ однажды, бездѣльничая, забрелъ я въ большое темное кафэ, спугнулъ дремавшихъ въ первой комнатѣ лакеевъ и прошелъ дальше въ дверь, изъ которой несся ѣдкій запахъ табачнаго дыма и сквернаго кофе.

Войдя въ маленькую, запущенную, плохо освѣщенную комнату, я сдѣлалъ шагъ и остановился пораженный:

Въ клубахъ дыма, за массой пожелтѣвшихъ мраморныхъ столикэвъ сидѣли молчаливыя странныя фигуры и, опустивъ длинные носы на столы, думали.

Согнутыя плечи, странные воротники въ видѣ мохнатыхъ пелеринъ и важный сумрачный видъ — все это удивительно напоминало мнѣ рядъ такихъ же птицъ съ длинными носами, воротниками вокругъ длинныхъ голыхъ шей, сидящихъ съ такимъ же глупо-унылымъ видомъ — птицъ марабу.

— Марабу! — весело и привѣтливо воскликнулъ я.

Фигуры не пошевелились, но отъ вѣшалки отдѣлился темный швейцаръ, похожій почему-то тоже на подержаннаго марабу, и сиплымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Ихъ нѣтъ-съ!

— Кого нѣтъ? Марабу?

— Такъ точно. Мы всѣхъ знаемъ. А эти не бываютъ.

Мнѣ было безпричинно весело.

Я подошелъ къ длинноносому, запыленному старику, спрятавшему согбенныя плечи въ разбухшій воротникъ пальто, и, хлопнувъ его по плечу, отчего столбомъ взвилась пыль, громко закричалъ ему на ухо:

— Марабу!

Старикъ пугливо пошевелился, посмотрѣлъ на меня выцвѣтшими глазами и, переведя ихъ на своего сосѣда, прошипѣлъ:

— Ходите!

Всѣ марабу, кромѣ швейцара, сидѣли за шахматами. Нѣкоторые не играли, но, сидя сбоку играющихъ, тоже сутулились, кивали длинными носами и, не мигая, смотрѣли на фигурки изъ желтаго и чернаго дерева, расположенныя въ странныхъ, непонятныхъ для меня комбинаціяхъ.

— Марабу, — разсмѣялся я: — ха-ха! Марабу!

Послѣ Англіи, Италіи, всего широкаго, безграничнаго свѣта и простора, мнѣ показалась неимовѣрно странной и дикой, какой-то будто выдуманной — эта темная комната, наполненная молчаливыми, сгорбленными птицами съ длинными свѣшивающимися носами, въ облакахъ сѣраго, зловоннаго дыма.

Я взялъ свободный стулъ, протиснулся среди двухъ закопченныхъ зрителей и, уткнувъ свой носъ въ доску съ точеными фигурками, тоже постарался вообразить себя на нѣсколько минутъ птицею марабу.

По слухамъ, мнѣ было извѣстно, что существуютъ ферзи, кони, туры и пѣшки, а по странной привычкѣ прочитывать отъ бездѣлья всякій вздоръ, я часто на послѣднихъ страницахъ газетъ просматривалъ загадочный для меня шахматный отдѣлъ, удержавъ въ памяти, что почти всякая партія начиналась съ таинственнаго хода: пѣшка e2 — e4.

Одинъ изъ игроковъ, среди молчанія, тихо поднялъ руку и переставилъ маленькую штучку впередъ на одну клѣтку...

Всѣ зрители и партнеръ сосредоточенно зашевелились, а я, прищуривъ критически глазъ, громко сказалъ:

— Ну и ходъ!

И всѣ медленно обернули свои носы ко мнѣ, а у одного изъ партнеровъ шея во время поворота какъ будто бы даже скрипнула.

— Марабу!—заявилъ я.—Вы сдѣлали скверный ходъ.

— Будьте добры не дѣлать громкихъ замѣчаній и не давать совѣтовъ, — жалобно пропищалъ одинъ изъ игроковъ.

— Мнѣ обидно, что этотъ господинъ сдѣлалъ ходъ, который черезъ шесть ходовъ принесетъ ему большой вредъ!

— Молчите!

— Мнѣ что̀ же... я замолчу...

И опять мертвенная тишина нависла надъ желтыми мраморными столиками.

За сосѣднимъ столикомъ одинъ изъ играющихъ поднялъ желтую, колѣнчатую, какъ лапа марабу, руку и подвинулъ какую-то фигуру. Нужно мнѣ было и туда вмѣшаться.

— Боже!.. — воскликнулъ я въ ужасѣ. — Что̀ онъ дѣлаетъ! Что̀ этотъ человѣкъ дѣлаетъ?!..

— Не мѣшайте! Неужели вы не знаете, что посторонніе не имѣютъ права вмѣшиваться въ игру?

— Въ игру? Я это знаю — въ игру. А это? Развѣ это можно называть игрой? Позоръ какой-то!

— Молчите.

— Молчу.

Комната казалась мнѣ большимъ кладбищемъ. Покойники вылѣзли изъ могилъ и затѣяли страшную, молчаливую игру, запрятавшись въ свои воротники.

— Марабу! — заявилъ я. — Для такой скверной игры вы слишкомъ много думаете. Надо вамъ быть веселѣе!.. Ну, что вы, напримѣръ, старина, сдѣлали за ходъ? Вамъ нужно было коня вотъ сюда поставить.

Одинъ изъ игроковъ нервно качнулъ головой, а другой, сдѣлавшій ходъ, досадливо возразилъ:

— Какъ же его сюда поставить? Вѣдь онъ будетъ убитъ пѣшкой!

— Пусть. Эка важность!

— Для васъ, можетъ-быть, не важно, а я коня даромъ потеряю.

— Нѣтъ, не даромъ. Черезъ 10 ходовъ вы будете имѣть громадное преимущество въ положеніи. Этотъ гамбитъ былъ въ варіантѣ самого профессора Лобачевскаго.

— Ну, я такъ далеко не заглядываю...

— Напрасно.

Одинъ изъ слѣдившихъ за игрой съ любопытствомъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Вотъ тамъ освободился столикъ... Не желаете ли, сыграемъ съ вами партію?

Я важно поднялъ голову, подстрекаемый неугомоннымъ бѣсомъ шалости, и сказалъ:

— Если вы играете такъ же, какъ эти господа, то я отказываюсь.

— Почему?

— Потому что съ людьми, шьющими сапоги, у меня очень опредѣленныя отношенія: я имъ только заказы-

ваю обувь и ни въ какія другія игры не вступаю! Впрочемъ, чтобы развлечься, я покажу вамъ настоящую игру: пусть десять лучшихъ игроковъ играютъ противъ меня одновременно на десяти доскахъ. Не великъ будетъ для меня трудъ выйти побѣдителемъ...

Мой собесѣдникъ изумленно посмотрѣлъ на меня и, вздрогнувъ, спросилъ:

— Скажите... какъ ваша фамилія?

— Видите ли... пока-что мнѣ не хотѣлось бы открывать фамиліи по причинамъ деликатнаго свойства.

— И вы предлагаете играть съ десятью изъ нашихъ игроковъ одновременно?..

— Безусловно.

— Но извѣстно ли вамъ, что нѣкоторые изъ нихъ брали призы на петербургскихъ состязаніяхъ?

Я пожалъ плечами и отвѣтилъ тономъ невѣроятнаго презрѣнія и высокомѣрія:

— О! Мнѣ это совсѣмъ безразлично.

Въ послѣднихъ словахъ я былъ совершенно искренъ: это мнѣ, дѣйствительно, было безразлично.

Господинъ, бесѣдовавшій со мною, всталъ и громко захлопалъ въ ладоши.

Марабу зашевелились, поднявъ носы.

— Господа! Вотъ этотъ молодой человѣкъ предлагаетъ играть съ десятью игроками одновременно!

— Даже съ двѣнадцатью, — равнодушно сказалъ я.

Всѣ пришли въ движеніе. Многіе изъ играющихъ встали и подошли ко мнѣ ближе, уставившись въ мое лицо съ дикимъ изумленіемъ.

— Кто вы такой? — спросилъ одинъ старикъ, уткнувшись въ меня тусклымъ отъ лѣтъ и шахматовъ взглядомъ.

— Не все ли равно? Игрокъ!..

— И вы будете играть одновременно съ двѣнадцатью?

— Добавьте — съ такими игроками, какъ ваши чемпіоны,—презрительно сказалъ я, скрестивъ на груди руки.

Нѣсколько человѣкъ изъ играющихъ записали свои партіи, пошептались и, подойдя ко мнѣ, заявили:

— Мы согласны!

Комната приняла оживленный видъ. Всѣ марабу побросали свои столики, вытянули изъ воротниковъ голыя длинныя шеи, захлопотали, забѣгали... откуда-то появился листъ бумаги, и на немъ нѣкоторые марабу стали записывать крючковатыми руками свои фамиліи.

Я сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ, окруженный вплотную волнующейся, говорящей толпой, и равнодушно курилъ папиросу, поглядывая на потолокъ.

Въ сторонѣ нѣсколько человѣкъ суетились, занятые устройствомъ одного общаго стола и установкой двѣнадцати досокъ.

Какой-то молодой человѣкъ въ рыжемъ галстукѣ, очевидно, неопытный, скверный игрокъ, оглядѣлъ съ суевѣрнымъ ужасомъ всѣ доски и, подойдя ко мнѣ, сочувственно, съ влажными глазами, пожалъ мою руку.

— До свиданья, — сказалъ я просто.

— Нѣтъ, не до свиданья... Но я очень вамъ сочувствую... Одному противъ двѣнадцати! — это геніально! Неужели вы выиграете?

Я дружески похлопалъ его по плечу.

— Ничего, старикъ, пріободритесь. Дѣло не такое страшное, какъ вы думаете. Что, господа, готово?

— Готово. Играющіе, прошу занять ваши мѣста. Пожалуйте, милостивый государь!

Роль арбитра принялъ на себя старикъ съ тусклыми глазами. Онъ усадилъ игроковъ по одну сторону стола, а мнѣ указалъ на другую сторону, гдѣ не было стульевъ.

— Пожалуйста! Вамъ придется ходить, слѣдя за ходами, отъ этого края до этого.

— Не желаю, — отвѣтилъ я гордо. — Я играю, не

глядя на доску. — И отошелъ въ самый дальній уголъ комнаты.

Двѣнадцать отборныхъ марабу сѣли, какъ дрессированныя птицы, строго въ рядъ и сейчасъ же уткнули профессіональнымъ жестомъ носы въ доски.

— Первый ходъ вашъ, милостивый государь, — обратился ко мнѣ тусклый старикъ.

Мнѣ казалось, что моя шутка доведена до конца. Марабу, чего мнѣ и хотѣлось, выведены изъ своего дремотнаго состоянія. Но какъ мнѣ сейчасъ уйти отъ нихъ, — я не могъ придумать.

Въ запасѣ у меня былъ первый ходъ, оставшійся въ памяти отъ загадочныхъ газетныхъ шахматныхъ отдѣловъ, и я воскликнулъ повелительно:

— Господа! Первый ходъ: e2—e4. Прошу васъ — сдѣлайте за меня.

Двѣнадцать рукъ поднялись къ фигуркамъ, и двѣнадцать фигурокъ на двѣнадцати доскахъ выдвинулись на двѣ клѣтки впередъ. А шершавый и тонкій голосъ перваго партнера справа заскрипѣлъ: e7—e5.

Я внимательно смотрѣлъ издали на доски и, ничего не понявъ, призадумался. Кажется, пора ужъ мнѣ было обратиться въ бѣгство. Но, иронически пожавъ плечами, я рѣшительно заявилъ: b1 — b3...

Всѣ глаза изумленно поднялись на меня.

— Вы, вѣроятно, хотѣли сказать: d1 — c3?

— Я хочу сказать то, что считаю необходимымъ, — сухо процѣдилъ я сквозь зубы.

— Но такого хода не бываетъ!.. Конь не можетъ же быть выдвинутъ по прямой линіи!

Я ядовито улыбнулся.

— Да? Вы такъ полагаете? А знаете ли вы, что такое гамбитъ Марабу?

Комната загудѣла:

— Такого гамбита нѣтъ

— Не-у-же-ли?.. Вы здѣсь сидите въ этой скверной, прокопченной дымомъ дырѣ и, забывъ все на свѣтѣ, въ тупой косности махнули рукой на всѣ завоеванія, сдѣланныя за послѣднее время въ этой великой, хитроумной, благородной, истинно королевской игрѣ, именуемой шахматами...

— Онъ сумасшедшій, — сказалъ кто-то изъ угла.

— Сумасшедшій? — сердито закричалъ я, бѣшено вскакивая. — Да! Во всѣ времена, во всѣхъ случаяхъ всѣхъ новаторовъ, изобрѣтателей, пророковъ, мучениковъ науки, философовъ называли сумасшедшими. Но что̀ отъ этого измѣнилось? Остановился ли прогрессъ? Эйфелева башня попрежнему сіяетъ недосягаемой высотой, и подземныя желѣзныя дороги все болѣе и болѣе опутываютъ земную кору желѣзной сѣтью. Я утверждаю, что гамбитъ Марабу существуетъ! Онъ разрѣшаетъ дѣлать ходъ конемъ по прямой линіи, и, если вы отказываетесь признавать его — я брошу вамъ въ лицо гласное, громкое обвиненіе: угрюмые кроты, скрытые трусы, совы, испугавшіяся свѣжаго потока воздуха и снопа солнечныхъ лучей, ворвавшихся въ моемъ лицѣ въ мертвую, застывшую атмосферу тлѣнія и праха! Нѣтъ! Довольно... На воздухъ отсюда!

Подъ негодующіе крики и вопли десятковъ голосовъ я спокойно и хладнокровно подошелъ къ вѣшалкѣ и одѣлся.

Нѣсколько марабу прыгали вокругъ меня, размахивая руками, точно крыльями, и визжа заржавленными голосами, но я, не обращая на это вниманія, надѣлъ шляпу, строго и спокойно выпрямился и не спѣша прошелъ черезъ мрачную, темную комнату, населенную обычно странными, дремлющими человѣкоподобными птицами, которыя пришли теперь въ бурное, неописуемое волненіе.

Свѣжій воздухъ улицы любовно принялъ меня, и я, сладостно зажмурившись, засмѣялся высокому солнцу...

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОФЕССОРЪ ЛЕОПАРДИ СТАВИЛЪ МНѢ ГОЛОСЪ.

Да-съ, господа, поставить правильно голосъ — это не фунтъ изюму, и не баранъ начихалъ, и не котъ наплакалъ, и не тараканъ... я ужъ не помню, что̀ такое тамъ надѣлалъ тараканъ. А я испыталъ, знаете, это удовольствіе собственнымъ животомъ, спиной и горломъ.

Меня въ это пагубное дѣло втравили, понимаете, мои знакомые, у которыхъ я на маленькихъ семейныхъ вечерахъ, такъ себѣ, кое-что пѣлъ: «Проведемте, друзья», «Нелюдимо», «Не искушай» и другія домашнія штуки. Вотъ они мнѣ и стали твердить въ одну дудку: «У тебя голосъ, голосъ, голосъ. Смотри, теперь повсюду открываются голоса. Былъ себѣ обыкновенный адвокатъ, или письмоводитель, или булочникъ, или портной, или учитель чистописанія, а глядь — открылся голосъ — и онъ теперь тысячи загребаетъ, и всемірная слава. Главное— надо во-время голосъ поставить. Иди къ профессору Леопарди. Онъ чудесно ставитъ голосъ. Первый мастеръ».

И вотъ я, знаете, пошелъ. Явился. Встрѣчаетъ меня самъ профессоръ. Этакій, знаете, понимаете, мужественный итальянскій старикъ, вершковъ девяти ро́стомъ, на головѣ грива, золотыя очки, эспаньолка. Поговорили съ нимъ о томъ, что искусство пѣть—великое искусство, что поставить голосъ — это не тараканъ и такъ далѣе, и что въ этомъ дѣлѣ самое главное—терпѣніе и прилежаніе.

Затѣмъ маэстро спрашиваетъ меня:

— Итакъ, начнемъ?

— Начнемъ, профессоръ.

— Ви котовъ?

— Д-д-да!..—отвѣчаю этакъ неувѣренно.

— Завсѣмъ котовъ?

— Н-н-д-да...

— Испытаемъ сначала діафрагма. Держись!

Понимаете: не успѣлъ я моргнуть глазомъ, какъ онъ наноситъ мнѣ звѣрскій ударъ кулакомъ подъ ложечку. Что-то въ животѣ у меня дѣлаетъ — упъ!.. Разѣваю ротъ — не могу вздохнуть. Сгибаюсь, знаете, пополамъ, сажусь на корточки. Вся комната плыветъ мимо меня въ какой-то зеленой мути, а по ней вертятся огненныя колеса.

Профессоръ приподымаетъ меня, ласково треплетъ по плечу, даетъ стаканъ воды.

— Нишшево, mon ami, нишшево, нишшево. О, совсѣмъ здоровый діафрагмъ. Другой ученикъ лежитъ на полъ, какъ одинъ кадавръ. Теперь открой немножко ротъ. Такъ. Еще немножко. О-о! Этихъ четыре зубъ долой, прочь, совсѣмъ прочь. Гланды вырѣзать. Языкъ подрѣзать. Маленькій языкъ немножко — чикъ.

Потомъ онъ, знаете, потащилъ меня къ піанино.

— Теперь попробуемъ голосъ. Пой вотъ это: а-а-а-а, а-а-а-а.

Ну, я, конечно: а-а-а-а, а-а-а-а.

— Не такъ, не такъ. Твой поетъ, какъ коровъ. Пой еще одинъ разъ.

Я, понимаете, на него вовсе не обижался, что онъ мнѣ тыкалъ. Я, знаете, заранѣе слыхалъ, что онъ всѣмъ любимымъ ученикамъ говоритъ на ты. А если на вы, то, значитъ, никакой нѣтъ надежды.

— Пой еще одинъ разъ.

Пою.

— О, чортъ побери, у тебя ни кожъ, ни рожъ, ни voix. Упирай звукъ на діафрагмъ. Пой такъ, какъ будто у тебя животъ болитъ.

Пою.

— Не такъ, не такъ! Служитель, принесите одинъ полотенцъ.

Приходитъ служитель. Понимаете, этакая суровая, небритая фигура, въ родѣ сторожа изъ анатомическаго театра, на лицѣ мракъ и отчаянная рѣшимость. Меня обвиваютъ вокругъ таліи полотенцемъ, профессоръ берется за одинъ конецъ, служитель за другой, оба упираются ногами мнѣ въ бедра и тянутъ каждый въ свою сторону.

— Пой, — кричитъ профессоръ.—Глубже звукъ, ниже, ниже. На діафрагмъ.

Кровь бросается мнѣ въ голову. Я чувствую, какъ краснѣю, потомъ синѣю, глаза у меня выкатываются наружу, и наконецъ я хриплю, какъ удавленникъ.

— О-о! Я такъ и зналъ. Теноръ ди-граціа. Теперь попробуемъ свободный звукъ. Высунь вашъ языкъ.

Я, знаете, повинуюсь. Профессоръ тѣмъ же самымъ полотенцемъ обвертываетъ крѣпко мой языкъ и вытягиваетъ его наружу, до соприкосновенія съ верхней пуговицей жилета.

— Пой! Э-э-э-э, э-э-э-э-э...

Пою. Понимаете, кашляю, давлюсь, но пою, пою.

— Теперь развяжемъ немножко челюсти. Открой ротъ.

Открываю. Онъ захватываетъ рукой, какъ тисками, мою нижнюю челюсть и начинаетъ махать ею вверхъ и внизъ, точно дѣйствуя насосомъ.

— Пой! Бэ-бэ-бэ-бэ, бэ-бэ-бэ-бэ.

Потомъ онъ велитъ мнѣ лечь на полъ и говоритъ:

— Испытаемъ дыханіе. Держи одну ноту... Вотъ эту— фа! Держи прямо, какъ одинъ паровозъ: уууу.

— Уууу...

Тогда, знаете, онъ кладетъ мнѣ на грудь огромную книжищу, на нее другую, третью, четвертую, пятую, шестую.

— Тяни: уууу.

— Уууу...

Тогда онъ, понимаете, поверхъ книгъ заваливаетъ меня чемоданами, ящиками, подушками съ дивана и, сверхъ всего этого, садится самъ, своею персоною.

Я не выдерживаю и прошу пощады.

Профессоръ, повидимому, доволенъ мною, потому что, знаете, этакъ потираетъ руки.

— Теперь послѣдній экзаменъ. Вотъ вѣнскій стулъ. Полѣзай подъ стулъ и садись тамъ.

— Но, профессоръ, это невозможно...

— Мольшать! Если ты сумѣешь пѣть, сидя подъ стуломъ, ты сумѣешь пѣть во всякій другой position.

Понимаете, никто не вѣритъ этому, когда я разсказываю, но, ей-Богу, я умудрился залѣзть подъ обыкновенный вѣнскій стулъ и сѣсть тамъ, скорчившись въ три погибели, а профессоръ сѣлъ сверху, на сидѣнье, и крикнулъ мнѣ:

— Пой!

— Что̀ именно пѣть, маэстро?

— Что̀ хочешь... Все, что̀ хочешь: арію, дуэтъ, квартетъ... Пой до тѣхъ поръ, пока я не окончу курить мой сигаръ.

И вотъ онъ, знаете, закуриваетъ огромную австрійскую сигару, а я начинаю пѣть, сидя въ такомъ же положеніи, какъ сидитъ музейный недоношенный младенецъ въ банкѣ со спиртомъ. Я пою весь первый актъ изъ «Фауста», эпиталаму изъ «Нерона», прологъ изъ «Пая-

цовъ», куплеты Торреадора, «Вечернюю звѣзду» изъ «Тангейзера»... Онъ все куритъ... Наконецъ у меня нѣтъ больше голоса. Изъ горла раздается шипѣніе, какъ изъ опорожняемаго сифона съ содовой водой. Онъ все куритъ. Тогда я, знаете, говорю этакъ робко:

— Не могу больше, маэстро.

Тогда онъ встаетъ, приподнимаетъ стулъ и даетъ мнѣ такой нинокъ ниже спины, что я, понимаете, чрезвычайно долго скольжу въ сидячемъ положеніи по паркету, пока не упираюсь головой въ трюмо. Наконецъ въ недоумѣніи становлюсь на ноги и лепечу:

— Профессоръ...

— Да, профессоръ, чортъ васъ побери, профессоръ!— кричитъ онъ, и на этотъ разъ кричитъ чисто по-русски, безъ малѣйшаго акцента. — Но только профессоръ вовсе не вашего дурацкаго пѣнія, а профессоръ атлетики, бокса, плаванія и фехтованія, имѣющій глубокое несчастье быть однофамильцемъ вашего итальянскаго шарлатана. И такъ какъ ко мнѣ ежедневно, благодаря этому несчастью, съ утра до вечера, ломятся вотъ такіе козлетоны, какъ вы, то я твердо рѣшился проучить хотя одного изъ этихъ идіотовъ. Вы можете, милостивый государь, жаловаться на меня куда угодно, или можете вызвать меня драться на любомъ оружіи, начиная отъ пулемета и кончая французскимъ боксомъ, включая сюда палки, рапиры и джуджитсу. Но теперь — вонъ отсюда!

Понимаете, что̀ мнѣ оставалось дѣлать?

И я, знаете, пожалъ презрительно плечами и ушелъ.

СТАТЬИ.

О КНУТѢ ГАМСУНѢ.

I.

«Большая книга вышла изъ печати, цѣлое королевство, маленькій шумный міръ настроеній, голосовъ и образовъ. Ее раскупали и читали. Имя его было у всѣхъ на устахъ, счастье не покидало его... Эту книгу онъ написалъ на чужбинѣ, вдали отъ воспоминаній пережитаго на родинѣ, и она была крѣпка и сильна, какъ вино.

«Милый читатель, это исторія Дидриха и Изелины. Она была написана въ доброе время, во дни ничтожныхъ работъ, когда все легко переносилось, написана съ сильной нѣжностью къ Дидриху, котораго Богъ поразилъ любовью».

Это все говорится о книгѣ Іоганнеса, сына мельника, котораго такъ же, какъ и всѣхъ героевъ Гамсуна, Богъ поразилъ прекрасной, трагической, пронизавшей всю его жизнь любовью (Викторія). Но такъ и кажется поневолѣ, что Гамсунъ говоритъ здѣсь о другой книгѣ, о своемъ «Панѣ», создавшемъ автору его теперешнюю, чуть ли не всемірную извѣстность.

Первый переводъ этого замѣчательнаго романа появился у насъ около восьми лѣтъ тому назадъ — боюсь ручаться за точность—въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ», въ очень хорошемъ переводѣ Полякова. Потому ли, что

широкая публика относилась тогда еще недовѣрчиво къ этому издательству съ такимъ претенціознымъ названіемъ и исключительнымъ направленіемъ, или благодаря изысканной аристократической своеобразности, непринужденной простотѣ и глубинѣ, пестротѣ настроеній и новизнѣ формы, которыми блистаетъ это произведеніе, — но только первое изданіе его перевода расходилось довольно медленно. Правда, покойный Чеховъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ его, называя этотъ романъ чудеснымъ и изумительнымъ еще въ то время, когда о Гамсунѣ очень мало знали даже на его родинѣ, въ Норвегіи. И если теперь имя Гамсуна дѣйствительно на устахъ у всѣхъ образованныхъ русскихъ читателей, то это явленіе пріятно замѣтить, какъ ростъ художественнаго пониманія и повышенія вкуса.

Что̀ такое «Панъ», какъ литературное произведеніе? Если хотите — это романъ, поэма, дневникъ, это листки изъ записной книжки, написанные такъ интимно, точно для одного себя, это восторженная молитва красотѣ міра, безконечная благодарность сердца за радость существованія, но также и гимнъ передъ страшнымъ и прекраснымъ лицомъ бога любви. Романъ написанъ такъ, какъ пишетъ геній: не справляясь о родахъ и видахъ литературы, не думая о границахъ дозволеннаго, приличнаго, принятаго и привычнаго, безъ малѣйшей мысли о авторитетахъ предшественниковъ и требованіяхъ критиковъ. Оттого-то этотъ романъ такъ и напоминаетъ а́ромат дикаго, невиданнаго цвѣтка, распустившагося въ саду неожиданно, влажнымъ весеннимъ утромъ.

Остовъ романа такъ простъ, что его трудно передать, не вызвавъ недоумѣнія у того, кто еще не читалъ его. Нѣкто Томасъ Гланъ, лейтенантъ, охотникъ, странный человѣкъ съ тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ, проводитъ раннюю ве́сну, лѣто и осень въ горномъ лѣсу на

сѣверѣ Норвегіи, надъ моремъ. Его друзья — лѣсъ и великое уединеніе. Онъ живетъ въ одинокой лѣсной хижинѣ, почти въ берлогѣ, вмѣстѣ съ собакой «Эзопомъ», добывая пропитаніе охотой и спускаясь внизъ въ маленькій городишко Сирилундъ для того, чтобы купить хлѣба и соли. Случайно онъ знакомится съ дочерью мѣстнаго торговца. Ее зовутъ Эдвардой. Она подростокъ, только-что начавшій формироваться въ женщину; она еще держится съ той особенной неуклюжестью, которая свойственна этому дѣвическому возрасту, ступая ногами внутрь, но у нея на блѣднюмъ лицѣ пламенный ротъ, и вся она, какъ и Гланъ, изъ тѣхъ немногихъ людей, надъ которыми любовь повисаетъ, какъ рокъ, и отмѣчаетъ ихъ на всю жизнь неизгладимою печатью.

Они любятъ другъ друга, но гордость, ревность, капризъ, подозрительность — всѣ эти средства вѣковѣчной вражды двухъ половъ — обращаютъ ихъ чувство въ сплошное взаимное мучительство. Они разстаются: Эдварда выходитъ замужъ за титулованное ничтожество, Гланъ предается оргіямъ въ своихъ экзотическихъ скитаніяхъ, — но имъ суждено до конца дней стонать подъ гнетомъ единственной, нераздѣленной страсти.

Въ романѣ есть еще нѣсколько лицъ: отецъ Эдварды, хромой докторъ, влюбленный въ нее, и маленькая самоотверженная женщина — Ева, съ ея трогательной, наивной и горячей любовью къ Глану. Но главное лицо остается почти неназваннымъ — это могучая сила природы, великій Панъ, дыханіе котораго слышится и въ морской бурѣ, и въ бѣлыхъ ночахъ съ сѣвернымъ сіяніемъ, ползущимъ вверхъ по небу, и въ желѣзныхъ очахъ осени, въ шопотѣ листьевъ и въ ихъ молчаніи, и въ зовѣ птицъ и насѣкомыхъ, и въ тайнѣ любви, неудержимо соединяющей людей, животныхъ и цвѣты.

Нѣтъ возможности передать подробно содержаніе этой

книги, съ ея удивительнымъ, самобытнымъ, волнующимъ тембромъ, съ ея прихотливыми отступленіями, съ ея страстными легендами и горячимъ весеннимъ бредомъ, гдѣ сонъ и сонъ во снѣ такъ тонко мѣшаются съ дѣйствительностью, что не различишь ихъ. Читаешь романъ во второй, въ пятый, десятый разъ и все находишь въ немъ новыя сокровища поэзіи — точно онъ неисчерпаемъ.

II.

Та же самая нераздѣленная, невознагражденная мучительная любовь, какая была между Эдвардой и Гланомъ, проходитъ почти черезъ всѣ произведенія Гамсуна, какъ будто бы этотъ сюжетъ наиболѣе близокъ его душѣ. Въ «Панѣ» есть маленькая притча о юношѣ и двухъ дѣвушкахъ. Одна отдала ему все, что онъ просилъ, и ей это ничего не стоило, и онъ даже не благодарилъ ея; но у другой онъ выпрашивалъ ласки, какъ рабъ, какъ нищій, и, если бы ей понадобилась его жизнь, онъ жалѣлъ бы, что она не попросила большаго. Этотъ мотивъ, слегка видоизмѣняемый, звучитъ и въ «Викторіи», и въ романѣ «Подъ осенними звѣздами», и въ «Драмѣ жизни», и въ нѣкоторыхъ небольшихъ разсказахъ. Даже внѣшность Эдварды, ея манера ступать на ходу носками внутрь, ея красный ротъ, блѣдность, высокія бедра — повторяются часто, точно авторъ видитъ передъ собою все тотъ же знакомый образъ.

Вотъ другой романъ — «Викторія». Это исторія безконечно-глубокой, нѣжной, восторженной и мучительной любви между сыномъ мельника и дочерью господъ изъ сосѣдняго замка, — любви, которая начинается съ дѣтскихъ игръ, длится всю жизнь и вдругъ расцвѣтаетъ безсмертнымъ сіяніемъ передъ смертью Викторіи въ ея послѣднемъ письмѣ.

Іоганнесъ дѣлается извѣстнымъ писателемъ. Гамсунъ даже приподнимаетъ передъ читателемъ ту таинственную, закрытую для всѣхъ завѣсу, за которой совершается незримая работа ума и фантазіи, выливающаяся въ талантливыхъ произведеніяхъ. Но для Викторіи Іоганнесъ остается все тѣмъ же мальчикомъ съ мельницы, такъ же какъ и она для него — барышней изъ зàмка, недосягаемымъ, высшимъ существомъ. Только смерть открываетъ ей глаза и показываетъ, какъ ничтожны въ сравненіи съ любовью всѣ остальныя земныя вещи, понятія и условности.

«Теперь я васъ больше не увижу, — пишетъ умирающая Викторія, эта прежняя барышня изъ зàмка: — и я раскаиваюсь, что не бросилась передъ вами на землю и не цѣловала вашихъ ногъ и земли, по которой вы ходили, и не высказала вамъ всю свою безконечную любовь»...

«...Да, Іоганнесъ, я любила васъ, всю свою жизнь я любила только васъ. Викторія пишетъ эти слова, и Богъ читаетъ ихъ изъ-за моего плеча».

«...Будьте счастливы, Іоганнесъ, благодарю васъ за каждый день. Когда я буду отлетать отъ земли, я буду благодарить васъ до послѣдней минуты и про себя шептать ваше имя».

«...У меня не хватаетъ больше силъ писать. Прощай, любовь моя»...

Это плачетъ ея душа въ послѣднія минуты жизни. И теперь еще понятнѣе становятся тѣ огненныя слова, которыми Гамсунъ въ этомъ же романѣ говоритъ о любви, вкладывая ихъ въ уста несуществующаго монаха Вендта:

«Что̀ такое любовь? Вѣтерокъ, проносящійся надъ розами, нѣтъ, электрическая искра въ крови.

«Любовь — это пламенная адская музыка, заставляющая танцовать даже сердца стариковъ. Это маргаритки, широко распускающія свои лепестки съ наступленіемъ

ночи, это анемона, которая закрывается отъ дуновенія и отъ прикосновенія умираетъ.

«Такова любовь.

«Она можетъ погубить человѣка, поднять его и снова заклеймить позоромъ; сегодня она любитъ меня, завтра тебя, а въ слѣдующую ночь его, — такъ она непостоянна. Но она такъ же тверда, какъ несокрушимая скала; и горитъ неугасаемымъ пламенемъ до самой смерти, потому что любовь вѣчна. Что̀ же такое любовь?

«О, любовь — это лѣтняя ночь съ небесами, усѣянными звѣздами, и съ благоухающей землей. Почему же она заставляетъ юношу итти окольными тропинками и почему заставляетъ она старика одиноко страдать въ его комнатѣ? Ахъ, любовь превращаетъ сердце человѣка въ роскошный безстыдный садъ, гдѣ растутъ таинственные, наглые грибы.

«Развѣ не она заставляетъ монаха пробираться въ чужіе сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? Развѣ не она дѣлаетъ безумными монахинь и помрачаетъ разумъ принцессъ? Она заставляетъ склоняться голову короля до самой земли, такъ что волосы его метутъ дорожную пыль, а уста его бормочутъ безстыдныя слова, и онъ смѣется и высовываетъ языкъ.

«Такова любовь.

«Нѣтъ, нѣтъ, она совсѣмъ другая, и она не похожа ни на что на свѣтѣ...

«...Любовь — это первое слово, произнесенное Богомъ, первая мысль, осѣнившая Его. Когда Онъ произнесъ: Да будетъ свѣтъ! — появилась любовь. И все, что̀ Онъ сотворилъ, было такъ прекрасно, что Онъ ничего не хотѣлъ передѣлывать. И любовь стала первоисточникомъ міра и его властелиномъ; но всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью, цвѣтами и кровью».

Какъ и почти всегда у Гамсуна, въ «Викторіи» есть

третье лицо, любящее покорно и самозабвенно, той любовью, которая ни на что не надѣется и готова отдать все. Это маленькая Камилла, когда-то спасенная Іоганнесомъ изъ воды на глазахъ у Викторіи.

III.

Въ «Панѣ» и «Викторіи» Гамсунъ находитъ разные аккорды для изображенія любви. Въ чувствѣ Глана и Эдварды слышится могучій призывъ тѣла, трепетъ и опьяненіе страсти, весеннее бурное броженіе въ крови. Любовь Іоганнеса и Викторіи вся обвѣяна нѣжнымъ, цѣломудреннымъ благоуханіемъ.

Но у Гамсуна — этого истиннаго поэта любви и природы — есть также и «роскошные сады, гдѣ растутъ таинственные, наглые грибы». Въ «Голосѣ жизни» молодая прекрасная женщина изъ общества въ день смерти своего стараго мужа приводитъ ночью, прямо съ улицы, человѣка, писателя, знакомаго ей только по имени, къ себѣ въ домъ и со всѣмъ безуміемъ страсти отдается ему въ спальнѣ, гдѣ еще стоятъ двѣ постели, рядомъ съ комнатой, гдѣ еще лежитъ на столѣ покойникъ. И опять новые пріемы въ этомъ маленькомъ, всего въ пять страницъ, разсказѣ: ни одного сомнѣнія, ни колебанія, ни недомолвокъ, языкъ сжатъ и почти грубъ, и вотъ, несмотря на кажущуюся вымышленность фабулы, получается разсказъ удивительной выпуклости и правдивости, стоящій лучшихъ разсказовъ Мопассана.

Въ романѣ «Голодъ» передана потрясающая, кошмарная исторія человѣка, выброшеннаго обстоятельствами за бортъ благополучнаго существованія. Внѣшній ужасъ положенія не въ голодѣ и его мученіяхъ, среди большого столичнаго города, не въ судорожныхъ, истеричныхъ поискахъ за работой, не въ ночлегахъ на улицѣ,

а въ тѣхъ реальныхъ мелочахъ жизни, которыя свирѣпѣе физическихъ страданій: въ непереваренномъ бифштексѣ, въ волосахъ, которые вылѣзаютъ отъ голода и лежатъ прядями на одеждѣ и въ умывальномъ тазу, вызывая насмѣшки горничной, въ жалкихъ, унизительныхъ попыткахъ заложить очки и пуговицы отъ жилета, въ этихъ драныхъ панталонахъ, которыя приходится смачивать водой, чтобы онѣ казались чернѣе и новѣе, въ тощемъ укушенномъ пальцѣ, изъ котораго голодный человѣкъ высасываетъ свою кровь и плачетъ при этомъ отъ жалости къ самому себѣ.

Но въ сто кратъ ужаснѣе то, что̀ дѣлается внутри этого человѣка, раздавленнаго голодомъ и одиночествомъ. Съ трепетомъ присутствуешь при томъ, какъ его несчастный мозгъ, обезкровленный голодомъ, приближается въ яркихъ и страшныхъ галлюцинаціяхъ къ безумію, какъ болѣзненно разрушается и падаетъ воля, какъ обостренное вниманіе напряженно и тяжко привязывается къ изнуряющимъ мелочамъ внѣ и внутри себя. Страницы, въ которыхъ описывается ужасъ темноты, налегшій на человѣка въ камерѣ для безпріютныхъ при полицейскомъ участкѣ, — однѣ изъ самыхъ потрясающихъ страницъ въ міровой литературѣ...

Но и въ это удивительное произведеніе Гамсунъ вплетаетъ любовный эпизодъ, по своему психологическому значенію, можетъ-быть, самый глубокій изъ всего написаннаго имъ о любви.

Этотъ оборванный бродяга, похожій на нищаго, находящійся отъ долгаго голода въ постоянной власти болѣзненныхъ фантастическихъ грезъ, встрѣчается случайно на улицѣ съ красивой молодой женщиной — «Илайали», какъ онъ называетъ ее мысленно, по странному капризу. Онъ поражаетъ ея воображеніе и наконецъ чувство своимъ необычнымъ видомъ, своимъ стран-

нымъ языкомъ, какой-то диковинной обособленностью отъ всѣхъ людей, которыхъ она встрѣчала до сихъ поръ. Она готова считать его пьянымъ, немного сумасшедшимъ, можетъ-быть, воромъ или убійцей, и тѣмъ не менѣе почти отдается ему, но когда она узнаётъ о томъ, что онъ только голодный, то страсть смѣняется у нея отвращеніемъ, жалостью и ужасомъ.

Гамсунъ какъ будто бы чуждается внѣшнихъ сторонъ быта, обходя ихъ или пренебрегая ими. Но онъ можетъ быть и прекраснымъ наблюдателемъ. У него есть неоцѣненная особенность, разсказывая о чужой странѣ и чужихъ людяхъ, находить тѣ именно характерныя, мелкія черты, которыя до него никому не бросались въ глаза, и рисовать ихъ сжато, въ двухъ-трехъ словахъ. Таковъ онъ въ разсказахъ: «Въ Преріи», «Уголокъ Парижа», «Въ странѣ чудесъ» и т. д.

«Въ странѣ чудесъ» — это путешествіе по Россіи и главнымъ образомъ по Кавказу. Увы! Талантливый писатель все-таки не избѣжалъ здѣсь исторической клюквы и самовара.

IV.

Гамсунъ не создастъ школы. Онъ слишкомъ оригиналенъ, а подражатели его всегда будутъ смѣшны. Онъ пишетъ такъ же, какъ говоритъ, какъ думаетъ, какъ мечтаетъ, какъ поетъ птица, какъ растетъ дерево. Всѣ его отступленія, сказки, сны, восторги, бредъ, которые были бы нелѣпы и тяжелы у другого, составляютъ его тонкую и пышную прелесть. И самый языкъ его неподражаемъ — этотъ небрежный, интимный, съ грубоватымъ юморомъ, непринужденный и нѣсколько растрепанный разговорный языкъ, которымъ онъ какъ будто бы разсказываетъ свои повѣсти, одинъ-на-одинъ, самому близкому человѣку, и за которымъ такъ и чувствуется живой жестъ,

презрительный блескъ глазъ и нѣжная улыбка. Но имя Гамсуна останется навсегда вмѣстѣ съ именами всѣхъ тѣхъ художниковъ прошедшихъ и грядущихъ вѣковъ, которые возносятъ въ безконечную высь цѣнность человѣческой личности, всемогущую силу красоты и прелесть существованія и доказываютъ намъ, что «сильна какъ смерть любовь», и что ничтожны и презрѣнны всѣ усилія окутать ее цѣпями условности. И я безъ преувеличенія скажу, что «Панъ» и «Пѣсня пѣсней» — это только звенья одной и той же цѣпи вѣчныхъ художественныхъ произведеній, ведущихъ къ освобожденію любви.

V.

Я ничего не знаю изъ біографіи Кнута Гамсуна, да и нахожу, что лишнее для читателя путаться въ мелочахъ жизни писателя, ибо это любопытство вредно, мелочно и пошло. Но у меня есть его портретъ. Длинное, худое, красивое, нѣсколько суровое лицо, пенснэ, внѣшность доктора или адвоката, но подъ спутанными, волнистыми, бѣлокурыми волосами, почти закрывающими лобъ, пристальные глаза смотрятъ тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ лейтенанта Глана.

О ЧЕХОВѢ.

Изъ записной книжки.

Съ увѣренностью можно сказать, что Чеховъ, болѣе чѣмъ кто-либо, показалъ всю гибкость, красоту, изящество и разнообразіе русскаго языка. Однако онъ никогда не прибѣгалъ къ выковыванію новыхъ, искусственныхъ словъ. Заслуга его въ томъ и заключается, что онъ, не переставая, учился языку, гдѣ только могъ. И нельзя утверждать, что эта незримая работа давалась ему очень легко. Юношескіе его разсказы далеко не свободны отъ южно-русскихъ оборотовъ и рѣченій, между тѣмъ какъ послѣднія произведенія изумительны по чистотѣ языка. Чеховскія корректуры свидѣтельствуютъ наглядно о громадной, терпѣливой обработкѣ стиля. Впрочемъ, поглядите также и на рукописи Пушкина.

У Чехова еще долго будутъ учиться языку русскіе писатели.

* * *

Языкъ Толстого напоминаетъ постройку, возводимую великанами: чтобы о ней судить, нужно глядѣть на нее издали. Языкъ Чехова — нѣжное и тонкое плетеніе, которое можно разсматривать и въ лупу.

* * *

Часто Чеховъ любилъ говорить: «Знаете что? Въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція».

Теперь Чехову было бы пятьдесятъ лѣтъ — возрастъ мудрости. Если бы его пощадила судьба, онъ пережилъ бы съ нами и ужасный конецъ войны, такъ волновавшій его предсмертное сознаніе, и дни свободъ, и дни крови, и теперешніе дни — дни усталости, недовѣрія, предательства и общественнаго отупѣнія. Богъ знаетъ, какъ отразились бы грозныя, смѣшныя, жестокія, нелѣпыя и печальныя явленія послѣдняго поколѣнія въ его большой и чуткой душѣ. Но пророчество его исполнилось самымъ страннымъ образомъ.

* * *

Широкая публика не доросла до Чехова. Часто слышишь, какъ въ библіотекѣ спрашиваютъ: «Дайте что-нибудь посмѣшнѣе, напримѣръ, Чехова». Такъ Чеховъ у публики и слыветъ смѣшнымъ писателемъ. А между тѣмъ въ большинствѣ его юмористическихъ разсказовъ (за исключеніемъ самыхъ раннихъ) всегда скрыта глубокая и печальная мысль. Развѣ въ концѣ концовъ не трагиченъ образъ чиновника, который нечаянно чихнулъ на лысину чужого генерала и умеръ отъ перепуга, или мужика, безсознательно отвинтившаго рельсовыя гайки на грузила и не понимающаго, за что его судятъ? Или, можетъ-быть, это ужъ такое свойство русскаго юмора — таить въ себѣ горечь и слезы?

* * *

Пути русской литературы всегда были отмѣчены, точно придорожными маяками, внутреннимъ сіяніемъ отдѣльныхъ личностей, душевнымъ тепломъ тѣхъ праведниковъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія». Въ этомъ смыслѣ Че-

ховъ непосредственно примыкаетъ къ скорбнымъ и кроткимъ обликамъ Гаршина и Успенскаго.

Въ смерти Чехова заключался какой-то глубокій символъ настоящаго литературнаго разброда. Точно, вотъ, ушелъ онъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя пропона стыда, и люди разнуздались и заголились.

Конечно, здѣсь нѣтъ связи, а скорѣе совпаденіе. Однако я знаю многихъ писателей, которые раньше задумывались надъ тѣмъ, что̀ бы сказалъ объ этомъ Чеховъ? Какъ поглядѣлъ бы на это Чеховъ?

* * *

Чеховъ говорилъ о театрѣ такъ: «Лѣтъ черезъ сто— или совсѣмъ не будетъ театра, или онъ приметъ такія формы, какихъ мы даже себѣ не можемъ представить. Въ такомъ же видѣ, какъ онъ есть теперь, онъ доживаетъ послѣдніе дни».

* * *

Странно однажды отвѣтилъ Чеховъ знакомому, который вышучивалъ при немъ спиритизмъ:

«Я не порицаю, не утверждаю, но и не смѣюсь. Развѣ мы понимаемъ, напримѣръ, настоящую суть телеграфа? Однако посылаемъ депеши».

ЗАМѢТКА О ДЖЕКѢ ЛОНДОНѢ.

Какъ это ни странно, но въ Америкѣ, въ странѣ штампа, дѣловыхъ людей и бездарностей, появился новый писатель — Джекъ Лондонъ. Судя по его біографіи, довольно несвязно переданной переводчицей, онъ самъ былъ рабочимъ въ приполярномъ Клондайкѣ, стало-быть, рылъ землю, добывалъ золото и дружилъ или ссорился съ вымирающими индѣйскими племенами.

И этимъ біографическимъ чертамъ невольно вѣришь, когда читаешь разсказы талантливаго писателя. Въ нихъ чувствуется живая, настоящая кровь, громадный личный опытъ, слѣды перенесенныхъ въ дѣйствительности страданій, трудовъ и наблюденій. Потому-то экзотическія повѣсти Лондона, облеченныя вѣяніемъ искренности и естественнаго правдоподобія, производятъ такое чарующее, неотразимое впечатлѣніе. Этотъ американецъ гораздо выше Бретъ-Гарта; онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ Киплингомъ — этимъ удивительнымъ бытописателемъ знойной Индіи. Есть между ними, не касаясь тона, стиля и манеры изложенія, и еще разница: Д. Лондонъ гораздо проще, и эта разница въ его пользу.

Покамѣстъ у насъ есть только два тома его разсказовъ: «Бѣлое безмолвіе» и «Законъ жизни».

«Бѣлое безмолвіе»—это трудно сказать—что: повѣсть или поэма изъ жизни золотоискателей въ Клондайкѣ, гдѣ

совершаются переѣзды въ 1.000 верстъ на собакахъ и на оленяхъ, при морозѣ въ 60 градусовъ, гдѣ человѣческая жизнь почти ни во что не считается, гдѣ даже случайно сказанное слово держится крѣпко, какъ законъ.

Одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ его разсказовъ заключается въ простой, несложной и очень изящной фабулѣ: два золотоискателя — англичанинъ и ирландецъ — поссорились изъ-за пустяковъ. Рѣшили стрѣляться. Но старый, опытный человѣкъ, на рукахъ котораго, вѣроятно, запеклось много человѣческой крови, не позволяетъ товарищамъ дѣлать этого. И онъ прибѣгаетъ къ очень простому и остроумному рѣшенію. Онъ говоритъ:

— Стрѣляйтесь, но кто изъ васъ останется живымъ, того я застрѣлю.

А слово этого человѣка было извѣстно во всей области на протяженіи десятковъ тысячъ верстъ и даже среди индѣйскихъ племенъ. Къ счастью, импровизированная дуэль разошлась.

Но когда товарищъ этого арбитра спросилъ его на ухо: «А въ самомъ дѣлѣ, застрѣлилъ ли бы ты его?»—тотъ отвѣтилъ: «Право, я самъ не знаю».

Я выбралъ наудачу первый попавшійся разсказъ Джека Лондона. Но всѣ они въ томъ же тонѣ и въ веселомъ, беззастѣнчивомъ содержаніи.

Приведу вкратцѣ содержаніе и другого разсказа изъ I-го тома — «Бѣлое безмолвіе», по заглавію котораго названъ и весь томъ. Два золотоискателя и жена одного изъ нихъ, метиска, полуиндіанка, совершаютъ героически тяжелый путь на собакахъ черезъ весь материкъ. До ближайшаго жилья имъ осталось нѣсколько сотенъ верстъ. Припасы на исходѣ, да и тѣ расхищаютъ собаки, до такой степени озлобленныя голодомъ и непосильнымъ трудомъ, что ихъ приходится подчинять себѣ, какъ дикихъ звѣрей. Вокругъ путниковъ снѣгъ и тишина — «бѣлое без-

молвіе». И вотъ одного изъ товарищей—женатаго—постигаетъ роковое несчастіе. На него падаетъ столѣтняя сосна и придавливаетъ къ землѣ, раздробивъ ему позвоночникъ. Напрасно онъ упрашиваетъ своихъ спутниковъ оставить его на произволъ судьбы, потому что припасы идутъ къ концу. Они остаются при немъ цѣлыя сутки, до его послѣдняго вздоха. Самая смерть его проста, трогательна и, несмотря на страшныя мученія, героически-спокойна. Для того, чтобы волки не сожрали трупа, его товарищъ прибѣгаетъ къ старому, по необычному для насъ способу похоронъ. Онъ связываетъ двѣ верхушки деревьевъ и прикрѣпляетъ къ нимъ трупъ своего друга. Затѣмъ онъ и женщина продолжаютъ путь.

«Законъ жизни» — это исторія вымиранія индѣйскихъ племенъ подъ натискомъ американской, или, все равно, какъ ее тамъ назвать, европейской культуры.

Вся душа и все сердце Лондона на сторонѣ этихъ вымирающихъ дикарей — гостепріимныхъ, кроткихъ, воинственныхъ, терпѣливо переносящихъ всякую боль, вѣрныхъ въ дружбѣ, но не стѣсняющихся съѣсть трупъ своего отца.

Но спокойный умъ европейца невольно заставляетъ его симпатизировать завоевателямъ этой удивительной и совсѣмъ своеобразной страны.

Тутъ-то Лондонъ начинаетъ двоиться: въ немъ чувствуется фальшь, исходящая не изъ сердца, а отъ европейскаго услужливаго ума.

И тѣмъ не менѣе въ этомъ томѣ есть прекрасные, мужественно-жестокіе, удивительные разсказы.

«Законъ жизни», несомнѣнно, лучшая вещь. И какъ она проста по содержанію. Индѣйское племя уходитъ на новыя мѣста. Остается одинъ лишь дряхлый старикъ. Его не берутъ съ собою, онъ будетъ помѣхой для охотниковъ и лишнимъ ртомъ въ племени. И вотъ онъ

остается одинъ среди снѣжной пустыни. У него немного пищи и костеръ, который вотъ-вотъ погаснетъ, а кругомъ уже собираются волки. Но у старика нѣтъ ни страха, ни злобы, ни сожалѣнія. Это законъ жизни, — говоритъ онъ. Такъ же и онъ самъ, будучи когда-то вождемъ, поступалъ съ больными и стариками. Законъ жизни! Медленно, шагъ за шагомъ перебираетъ онъ всю свою жизнь... Наконецъ костеръ тухнетъ...

Таковъ въ большинствѣ разсказовъ этотъ оригинальный и чрезвычайно талантливый писатель, завоевывающій себѣ міровую извѣстность. Въ Россіи онъ мало знакомъ, потому что его мало или лѣниво переводятъ. Главныя его достоинства: простота, ясность, дикая, своеобразная поэзія, мужественная красота изложенія и какая-то особенная, собственная, увлекательность сюжета.

ПАМЯТИ А. И. БОГДАНОВИЧА.

Существуетъ прекрасный, полный героической трогательности разсказъ объ одномъ адъютантѣ Наполеона. Въ разгарѣ сраженія онъ подскакалъ къ императору, пославшему его съ какимъ-то порученіемъ, сдѣлалъ точный, спокойный докладъ, но вдругъ началъ блѣднѣть и шататься въ сѣдлѣ. «Etes vous blessé monsieur?»—спросилъ Наполеонъ. — «Pardon, Sir, je suis mort»,—отвѣтилъ офицеръ и упалъ мертвымъ на шею коня.

Мнѣ вспоминается этотъ разсказъ, когда я думаю о послѣднихъ дняхъ и о смерти Ангела Ивановича Богдановича. До тѣхъ поръ, пока была возможность держаться на ногахъ, онъ мужественно отдавалъ журналу послѣднія крохи жизненной энергіи, преодолѣвая давнишнюю тяжкую болѣзнь, страданія отъ которой стали подъ конецъ невозможно-жестокими. Оставивъ редакцію, онъ въ тотъ же день слегъ въ постель и черезъ нѣсколько недѣль умеръ.

Однажды вечеромъ, вотъ уже годъ тому назадъ, я засталъ его въ редакціи. Онъ былъ одинъ и сидѣлъ за корректурой, нагнувшись, совсѣмъ приблизивъ къ листу свои слабые глаза въ темныхъ очкахъ. Низко опущенный абажуръ лампы оставлялъ всю комнату въ зеленоватомъ сумракѣ, но въ свѣтломъ кругѣ, падавшемъ на столъ, особенно четко выдѣлялся прямой проборъ мягкихъ во-

лось, блѣдное, безкровное, исхудалое лицо, свѣтлая бородка, заостренная книзу, и сухая бѣлая рука, первно чертившая на поляхъ корректурные знаки. Помню, меня поразилъ тогда его голосъ; прежде такой отрывистый, рѣшительный, нѣсколько суховатый, — онъ звучалъ теперь глухо и грустно, съ какой-то новой, непривычной, кроткой медлительностью. Тишина, усталость, болѣзнь и близкая смерть вѣяли въ этотъ безмолвный вечерній часъ надъ его склоненной головой.

Можетъ-быть, мало найдется людей, которыхъ судьба преслѣдовала бы съ такимъ ожесточеннымъ постоянствомъ, какъ Богдановича. Въ ранней молодости — суровыя бѣдствія студенческой жизни, безыменная, самоотверженная, не ждущая признанія и не ищущая благодарности борьба за освобожденіе народа, и за нею полицейская травля, обыски, ужасы военнаго суда 80-хъ годовъ, крѣпость и ссылка; позднѣе — тяжелая, скудно оплачиваемая, изматывающая душу работа въ провинціальной прессѣ; еще позднѣе—десять лѣтъ огромной журнальной дѣятельности въ свирѣпую эпоху гоненія на печать и — что̀ еще хуже! — въ пресловутую эпоху свободы печати. Цензурныя условія и политическое прошлое принуждали Богдановича скрываться за скромными иниціалами А. Б. и такимъ образомъ отказаться даже отъ того удовлетворенія авторскому самолюбію, которое такъ невинно и понятно, а для Ангела Ивановича было такъ заслуженно.

Но маленькій, худой, блѣдный человѣкъ, обладавшій несокрушимой волей, твердо шелъ впередъ наперекоръ судьбѣ. Онъ достигъ многаго: скромные иниціалы привлекли кругъ отзывчивыхъ и благодарныхъ читателей, имя Богдановича пріобрѣло надлежащій вѣсъ и значеніе въ литературномъ мірѣ, счастливая семейная жизнь обѣщала отдыхъ и спокойствіе. Тогда судьба нанесла по-

слѣдній, уже непоправимый ударъ — мучительную, неизлѣчимую, затяжную болѣзнь, — послѣдствіе крѣпостного заключенія и суровой борьбы за жизнь.

Никогда и никто изъ насъ не слыхалъ отъ него ни одной жалобы. На вопросы о здоровьѣ онъ отвѣчалъ точно вскользь, коротко и небрежно, куда-то въ сторону, прекращая этимъ дальнѣйшее любопытство или участіе. Точно такъ же никогда онъ не говорилъ ни слова о себѣ самомъ, о своей жизни или о личныхъ дѣлахъ. Даже обычное, такъ излюбленное людьми мѣстоименіе «я» онъ замѣнялъ въ разговорахъ съ сотрудниками собирательнымъ редакціоннымъ «мы».

Вообще, я не зналъ болѣе молчаливаго человѣка, чѣмъ Богдановичъ, и думаю, что немногословность его проистекала равномѣрно какъ изъ серьезной замкнутости сильнаго, трезваго и осторожнаго характера, такъ и отъ долголѣтней привычки къ упорной кабинетной работѣ. На редакціонныхъ собраніяхъ онъ подолгу не произносилъ ни одного слова, слушая или дѣлая видъ, что слушаетъ, вертя въ это время въ пальцахъ карандашъ или нервно покручивая въ одну сторону кончикъ бороды. Но, когда ему приходилось высказываться, онъ говорилъ сжато и быстро, никогда не останавливаясь ни на мгновеніе для подысканія слова. Въ эти короткія минуты онъ не позволялъ перебивать себя. Онъ произносилъ спокойно: «Виноватъ, я сейчасъ кончу», и продолжалъ свою рѣчь оттуда, гдѣ остановился, съ той непоколебимой дѣловой логичностью, ясностью изложенія и знаніемъ вопроса, которымъ трудно бывало противостоять. Передъ большой же публикой онъ, насколько я знаю, никогда не выступалъ, боясь за свои нервы.

Работоспособность его была поразительна. Онъ читалъ въ рукописяхъ статьи почти по всѣмъ отдѣламъ журнала, держалъ ихъ корректуры, велъ громадную дѣловую пе-

реписку, принималъ извѣстныхъ авторовъ, а также дебютантовъ въ литературѣ, что, между прочимъ, одинаково трудно, длительно и неудобно, писалъ рецензіи и критическія статьи, распредѣлялъ матеріалъ для очередной книжки, сносился съ типографіей, торопилъ брошюровочную. Казалось, въ немъ жила какая-то ненасытная потребность заваливать себя сверхъ головы работой. Кто-то сказалъ про него въ шутку: если бы у Богдановича оставалось время, онъ бы самъ набиралъ статьи, верстал ихъ и печаталъ.

Какъ настоящій безпримѣрный труженикъ, онъ не терпѣлъ праздной болтовни и высоко цѣнилъ дѣловое время. Потому разговоры его съ авторами отличались лаконичностью. Если писатель во что бы то ни стало жаждалъ прочесть ему немедленно же, вслухъ, свою повѣсть размѣромъ въ три-четыре печатныхъ листа, — онъ говорилъ коротко, но твердо: «Оставьте здѣсь рукопись, мы сами прочтемъ». Возвращая статью автору-неудачнику, онъ говорилъ: «Это намъ не подходитъ», а на настойчивыя просьбы сказать откровенно, почему именно не подходитъ, онъ наконецъ отвѣчалъ съ серьезной, дѣловой откровенностью: «потому что плохо написано». Авторовъ-графомановъ и болѣзненно-обидчивыхъ дамъ-романистокъ онъ избѣгалъ, какъ огня.

Такой образъ дѣйствія очень понятенъ со стороны, но совершенно непонятенъ авторамъ, и вотъ о Богдановичѣ пошло ходячее мнѣніе, какъ о человѣкѣ съ угловатымъ, нетерпѣливымъ и высокомѣрнымъ характеромъ, на что, впрочемъ, онъ не обращалъ никакого вниманія. Однако онъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ исключительные таланты Горькаго и Андреева и воспріялъ отъ купели юношескія произведенія многихъ беллетристовъ, пользующихся теперь большой извѣстностью, а тогда— робкихъ, застѣнчивыхъ, уступчивыхъ и признательныхъ

новичковъ. Тѣ, кому слѣдуетъ, поймутъ меня. Правда, онъ никогда не нѣжничалъ, не льстилъ, не предсказывалъ писателю будущности, не распредѣлялъ мѣстъ въ литературномъ пантеонѣ. Онъ просто говорилъ: «Это намъ подходитъ», или: «Ваша рукопись сдана въ наборъ». Эту краткость и сухость тоже относятъ на счетъ его нелюдимости, мизантропіи, самомнѣнія и т. д. А между тѣмъ это была только привычная манера дѣлового и страшно занятаго человѣка. Я утверждаю, что подъ его внѣшней холодной и сухой манерой обращенія таилась истинная, сердечная привязанность къ носителямъ даже незначительныхъ талантовъ. Для него бывало большой радостью, когда «нашъ» сотрудникъ попадалъ въ книжки «Знанія», получая такимъ образомъ нѣкоторый патентъ на экзаменъ, выдержанный во второй классъ. И—хотя это всегда отзывалось впослѣдствіи проигрышемъ для журнала—онъ всячески содѣйствовалъ, насколько это отъ него зависѣло, тому, чтобы экзаменующійся получилъ удовлетворительный баллъ и былъ принятъ.

Но были два предмета его постоянныхъ волненій и нѣжной заботливости — это «нашъ журналъ» и «нашъ читатель». Оба они были для А. И. реальными, почти живыми существами. Имъ онъ отдавалъ всю свою душу, о нихъ думалъ съ утра до вечера, ради нихъ усугублялъ свою осторожную недовѣрчивость испытаннаго журналиста. Поэтому онъ и бывалъ такъ упрямо-безпощаденъ къ перебѣжчикамъ, къ людямъ съ подмоченной репутаціей, къ писателямъ-флюгерамъ, готовымъ писать какъ, гдѣ и что угодно: здѣсь его антипатіи стояли незыблемой стѣной. Наконецъ — и только при нарушеніи интересовъ любимаго журнала — на Богдановича изрѣдка, раза два-три въ годъ, находили припадки настоящей, не знающей границъ ярости, тѣмъ болѣе страшной, что она оттѣнялась всегдашнимъ спокойствіемъ. Въ одномъ изъ по-

добныхъ настроеній Богдановичъ однажды такъ объяснился съ придирчивымъ цензоромъ, что редакція журнала съ этой поры не рѣшалась болѣе утруждать его объясненіями по дѣламъ печати. Безкорыстный джентльменъ, уступчивый въ вопросахъ денежныхъ и издательскихъ, онъ становился деспотичнымъ и вспыльчивымъ, когда дѣло касалось репутаціи и чести его знамени — журнала.

Несмотря на громадный трудъ по журналу, Ангелъ Ивановичъ читалъ поразительно много и, что̀ еще дороже, обладалъ исключительною памятью, въ которой множество самыхъ разнообразныхъ знаній укладывались легко и въ порядкѣ. Никто легче его не обличалъ плагіаторовъ. Это былъ настоящій энциклопедическій умъ, живой справочникъ, въ которомъ умѣщались даже такія свѣдѣнія, которыя были совсѣмъ далеки отъ спеціальнаго медицинскаго образованія Ан. И — ча и отъ его писательской профессіи. Онъ удивлялъ иногда точными и обширными познаніями въ военномъ искусствѣ, въ конскомъ и атлетическомъ спортѣ, въ православномъ богослуженіи, хотя самъ былъ католикомъ, въ естественныхъ наукахъ, въ математикѣ, въ медицинѣ, въ исторіи, въ музыкѣ, въ политической экономіи, въ живописи и во многомъ другомъ. Но мнѣнія свои онъ высказывалъ всегда кратко и притомъ въ самой скромной формѣ: «если я не ошибаюсь»... «насколько помню»... «какъ мнѣ кажется».

Многимъ, изъ знавшихъ Богдановича лишь издали, поверхностно, покажется невѣроятнымъ, чтобы этотъ болѣзненный, глубоко-серьезный, молчаливый человѣкъ могъ страстно любить наиболѣе яркія, самыя цвѣтныя стороны жизни. Еще за пять лѣтъ до своей смерти онъ неизмѣнно ходилъ смотрѣть откуда-то съ Канавки на военные майскіе парады и совершенно искренно, даже наивно восхищался голосомъ дьякона Малинина на Смоленскомъ

кладбищѣ во время заупокойной обѣдни по В. П. Острогорскомъ. Онъ съ удовольствіемъ, въ видѣ отдыха, читалъ Шерлока Холмса, Дюма-отца и вообще романы съ приключеніями; онъ былъ поклонникомъ физическаго здоровья, мускульной силы, ловкости, красоты, нормальной чувственности, отваги, легендарнаго героизма и переносилъ эти симпатіи на свои сужденія о литературѣ. Я помню, какъ трогательно, наивно и смѣшно, съ необыкновенной серьезностью онъ отозвался заочно объ одномъ романистѣ, принесшемъ въ журналъ свое произведеніе: «Романъ такъ себѣ, мы его напечатаемъ, но ужасно жалко, что авторъ такой плюгавый на видъ». Яркость и сочность красокъ, здоровая и простая художественность, сила изображенія и мѣткость взгляда болѣе всего прельщали его въ произведеніяхъ беллетристики.

Но болѣзнь и усталость брали свое, все болѣе суживая кругъ личной жизни. За послѣдній годъ мы ни разу не видали даже тѣни улыбки на строгомъ лицѣ Богдановича. Въ обращеніи его съ людьми проглядывала утомленность и сумрачная, но мягкая грусть. Журнальныя невзгоды, въ родѣ колебаній подписки, неизбѣжныхъ внутреннихъ неурядицъ, административныхъ нападокъ и т. д., уже не возбуждали въ немъ, какъ раньше, мгновенныхъ, хотя и рѣдкихъ взрывовъ негодованія — онъ принималъ ихъ съ покорной тоской, затаенной подъ внѣшней выдержанной холодностью. И самая политическая ненависть, прежде такъ глубоко возмущавшая и колебавшая его усталую душу, подъ конецъ улеглась и устоялась въ безповоротное презрѣніе и молчаливую брезгливость.

Угадывалъ ли онъ, предчувствовалъ ли свой близкій конецъ? Никто изъ насъ не сумѣетъ отвѣтить на это, потому что никого онъ не пускалъ въ свою замкнутую душу. Но до послѣднихъ минутъ главнымъ центромъ его сознанія, важнѣйшимъ интересомъ его угасавшей жизни были

все тѣ же два одухотворенныя въ его глазахъ существа— «нашъ журналъ» и «нашъ читатель». Имъ онъ остался вѣренъ до смерти.

Храбрый солдатъ покидаетъ свой постъ только тогда, когда изъ его рукъ само вываливается знамя и глаза заволакиваетъ холодный туманъ. Преклонимся передъ этимъ образомъ героизма. Но также снимемъ шляпы и опустимъ головы передъ ежедневнымъ, незамѣтнымъ, будничнымъ самоотверженіемъ, идущимъ вплоть до могилы. Это я говорю тому читателю, на служеніе которому Богдановичъ сжегъ свою жизнь.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Онъ между нами жилъ...

Бывало, въ раннемъ дѣтствѣ, вернешься послѣ долгихъ лѣтнихъ каникулъ въ пансіонъ. Все сѣро, казарменно, пахнетъ свѣжей масляной краской и мастикой, товарищи грубы, начальство недоброжелательно. Пока день — еще крѣпишься кое-какъ, хотя сердце — нѣтъ-нѣтъ — и сожмется внезапно отъ тоски. Занимаютъ встрѣчи, поражаютъ перемѣны въ лицахъ, оглушаютъ шумъ и движеніе.

Но, когда настанетъ вечеръ, и возня въ полутемной спальнѣ уляжется, — о, какая нестерпимая скорбь, какое отчаяніе овладѣваютъ маленькой душой! Грызешь подушку, подавляя рыданія, шепчешь милыя имена и плачешь, плачешь жаркими слезами, и знаешь, что никогда не насытишь ими своего горя. И вотъ тогда-то понимаешь впервые весь потрясающій ужасъ двухъ неумолимыхъ вещей: невозвратимости прошлаго и чувства одиночества. Кажется, что сейчасъ же съ радостью отдалъ бы всю остальную жизнь, перенесъ бы всяческія мученія за одинъ только день того свѣтлаго, прекраснаго существованія, которое никогда не повторится. Кажется, ловилъ бы каждое милое, заботливое слово и заключалъ бы его навсегда въ памяти, впивалъ бы въ душу медленно и жадно, капля по каплѣ, каждую ласку. И жестоко

терзаешься мыслью, что по небрежности, въ суетѣ, и потому что время представлялось неисчерпаемымъ, — ты не воспользовался каждымъ часомъ, каждымъ мгновеніемъ, промелькнувшимъ напрасно.

Дѣтскія скорби жгучи, но онѣ растаютъ во снѣ и исчезнутъ съ завтрашнимъ солнцемъ. Мы, взрослые, не чувствуемъ ихъ такъ страстно, но помнимъ дольше и скорбимъ глубже. Вскорѣ послѣ похоронъ Чехова, возвращаясь съ панихиды, бывшей на кладбищѣ, одинъ большой писатель сказалъ простыя, но полныя значенія слова:

— Вотъ похоронили мы его, и уже проходитъ безнадежная острота этой потери. Но понимаете ли вы, что навсегда, до конца дней нашихъ, останется въ насъ ровное, тупое, печальное сознаніе, что Чехова нѣтъ?

И вотъ теперь, когда его нѣтъ, особенно мучительно чувствуешь, какъ драгоцѣнно было каждое его слово, улыбка, движеніе, взглядъ, въ которыхъ свѣтилась его прекрасная, избранная, аристократическая душа. Жалѣешь, что не всегда былъ внимателенъ къ тѣмъ особеннымъ мелочамъ, которыя иногда сильнѣе и интимнѣе говорятъ о внутреннемъ человѣкѣ, чѣмъ крупныя дѣла. Упрекаешь себя въ томъ, что изъ-за толкотни жизни не успѣлъ запомнить, записать много интереснаго, характернаго, важнаго. И въ то же время знаешь, что эти чувства раздѣляютъ съ тобою всѣ тѣ, кто былъ близокъ къ нему, кто истинно любитъ его, какъ человѣка несравненнаго душевнаго изящества и красоты, кто съ вѣчной признательностью будетъ чтить его память, какъ память одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей.

Къ любви, къ нѣжной и тонкой печали этихъ людей я обращаю настоящія строки.

I.

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городомъ, глубоко подъ бѣлой и пыльной аутской дорогой. Не знаю, кто ее строилъ, но она была, пожалуй, самымъ оригинальнымъ зданіемъ въ Ялтѣ. Вся бѣлая, чистая, легкая, красиво-несимметричная, построенная внѣ какого-нибудь опредѣленнаго архитектурнаго стиля, съ вышкой въ видѣ башни, съ неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и съ открытой террасой вверху, съ разбросанными то широкими, то узкими окнами, — она походила бы на зданія въ стилѣ moderne, если бы въ ея планѣ не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкусъ. Дача стояла въ углу сада, окруженная цвѣтникомъ. Къ саду, со стороны противоположной шоссе, примыкало, отдѣленное низкой стѣнкой, старое, заброшенное татарское кладбище, всегда зеленое, тихое и безлюдное, со скромными каменными плитами на могилахъ.

Цвѣтничокъ былъ маленькій, далеко не пышный, а фруктовый садъ еще очень молодой. Росли въ немъ груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. Въ послѣдніе годы садъ уже началъ приносить кое-какіе плоды, доставляя Антону Павловичу много заботъ и трогательнаго, какого-то дѣтскаго удовольствія. Когда наступало время сбора миндальныхъ орѣховъ, то ихъ снимали и въ чеховскомъ саду. Лежали они обыкновенно маленькой горкой въ гостиной на подоконникѣ, и, кажется, ни у кого не хватало жестокости брать ихъ, хотя ихъ и предлагали.

А. П. не любилъ и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишкомъ мало защищена отъ пыли, летящей сверху, съ аутскаго шоссе, и что садъ плохо снабженъ водою. Не любя вообще Крыма, а въ особен-

ности Ялты, онъ съ особенной, ревнивой любовью относился къ своему саду. Многіе видѣли, какъ онъ иногда по утрамъ, сидя на корточкахъ, заботливо обмазывалъ сѣрой стволы розъ или выдергивалъ сорныя травы изъ клумбъ. А какое бывало торжество, когда среди лѣтней засухи наконецъ шелъ дождь, наполнявшій водою запасныя глиняныя цистерны!

Но не чувство собственника сказывалось въ этой хлопотливой любви, а другое, болѣе мощное и мудрое сознаніе. Какъ часто говорилъ онъ, глядя на свой садъ прищуренными глазами:

— Послушайте, при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево, и, конечно, мнѣ это дорого. Но и не это важно. Вѣдь здѣсь же до меня былъ пустырь и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли? — прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры. — Знаете ли, черезъ триста-четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна.

Эта мысль о красотѣ грядущей жизни, такъ ласково, печально и прекрасно отозвавшаяся во всѣхъ его послѣднихъ произведеніяхъ, была и въ жизни одной изъ самыхъ его задушевныхъ, наиболѣе лелѣемыхъ мыслей. Какъ часто, должно-быть, думалъ онъ о будущемъ счастіи человѣчества, когда, по утрамъ, одинъ, молчаливо подрѣзывалъ свои розы, еще влажные отъ росы, или внимательно осматривалъ раненый вѣтромъ молодой побѣгъ. И сколько было въ этой мысли кроткаго, мудраго и покорнаго самозабвенія!

Нѣтъ, это не была заочная жажда существованія, идущая отъ ненасытимаго человѣческаго сердца и цѣпляющаяся за жизнь, это не было — ни жадное любопытство

къ тому, что̀ будетъ послѣ меня, ни завистливая ревность къ далекимъ поколѣніямъ. Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомѣрно страдавшей отъ пошлости, грубости, скуки, праздности, насилія, дикости — отъ всего ужаса и темноты современныхъ будней. И потому-то подъ конецъ его жизни, когда пришла къ нему огромная слава и сравнительная обезпеченность, и преданная любовь къ нему всего, что̀ было въ русскомъ обществѣ умнаго, талантливаго и честнаго, — онъ не замкнулся въ недостижимости холоднаго величія, не впалъ въ пророческое учительство, не ушелъ въ ядовитую и мелочную вражду къ чужой извѣстности. Нѣтъ, вся сумма его большого и тяжелаго житейскаго опыта, всѣ его огорченія, скорби, радости и разочарованія выразились въ этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечтѣ о грядущемъ, близкомъ, хотя и чужомъ счастіи.

— Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!

И потому-то онъ съ одинаковой любовью ухаживалъ за цвѣтами, точно видя въ нихъ символъ будущей красоты, и слѣдилъ за новыми путями, пролагаемыми человѣческимъ умомъ и знаніемъ. Онъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на новыя зданія оригинальной постройки и на большіе морскіе пароходы, живо интересовался всякимъ послѣднимъ изобрѣтеніемъ въ области техники и не скучалъ въ обществѣ спеціалистовъ. Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, что преступленія, въ родѣ убійства, воровства и прелюбодѣянія, становятся все рѣже, почти исчезаютъ въ настоящемъ интеллигентномъ обществѣ, въ средѣ учителей, докторовъ, писателей. Онъ вѣрилъ въ то, что грядущая, истинная культура облагородитъ человѣчество

Разсказывая о чеховскомъ садѣ, я позабылъ упомянуть, что посрединѣ его стояли качели и деревянная

скамейка. И то и другое осталось отъ «Дяди Вани», съ которымъ Художественный театръ пріѣзжалъ въ Ялту, пріѣзжалъ, кажется, съ исключительной цѣлью показать больному тогда А. П — чу постановку его пьесы. Обоими предметами Чеховъ чрезвычайно дорожилъ и, показывая ихъ, всегда съ признательностью вспоминалъ о миломъ вниманіи къ нему Художественнаго театра. Здѣсь у мѣста также упомянуть, что эти прекрасные артисты своей исключительной деликатной чуткостью къ чеховскому таланту и дружной преданностью ему самому много скрасили послѣдніе дни незабвеннаго художника.

II.

Во дворѣ жили: ручной журавль и двѣ собаки. Надо замѣтить, что Антонъ Павловичъ очень любилъ всѣхъ животныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, кошекъ, къ которымъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе. Собаки же пользовались его особымъ расположеніемъ. О покойной «Каштанкѣ», о мелеховскихъ таксахъ «Бромѣ» и «Хинѣ» онъ вспоминалъ такъ тепло и въ такихъ выраженіяхъ, какъ вспоминаютъ объ умершихъ друзьяхъ. «Славный народъ — собаки!» — говорилъ онъ иногда съ добродушной улыбкой.

Журавль былъ важная, степенная птица. Къ людямъ онъ относился вообще недовѣрчиво, но велъ тѣсную дружбу съ Арсеніемъ, набожнымъ слугой Антона Павловича. За Арсеніемъ онъ бѣгалъ всюду, по двору и по саду, причемъ уморительно подпрыгивалъ на ходу и махалъ растопыренными крыльями, исполняя характерный журавлиный танецъ, всегда смѣшившій Антона Павловича.

Одну собаку звали «Тузикъ», а другую — «Каштанъ», въ честь прежней, исторической «Каштанки», носившей

это имя. Ничѣмъ, кромѣ глупости и лѣности, этотъ «Каштанъ», впрочемъ, не отличался. По внѣшнему виду онъ былъ толстъ, гладокъ и неуклюжъ, свѣтло-шоколаднаго цвѣта, съ безсмысленными желтыми глазами. Вслѣдъ за «Тузикомъ» онъ лаялъ на чужихъ, но стоило его помянить и почмокать ему, какъ онъ тотчасъ же переворачивался на спину и начиналъ угодливо извиваться по землѣ. Антонъ Павловичъ легонько отстранялъ его палкой, когда онъ лѣзъ съ нѣжностями, и говорилъ съ притворной суровостью:

— Уйди же, уйди, дуракъ... Не приставай...

И прибавлялъ, обращаясь къ собесѣднику, съ досадой, но со смѣющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не повѣрите, до чего онъ глупъ.

Но однажды случилось, что «Каштанъ», по свойственной ему глупости и неповоротливости, попалъ подъ колеса фаэтона, который раздавилъ ему ногу. Бѣдный песъ прибѣжалъ домой на трехъ лапахъ, съ ужасающимъ воемъ. Задняя нога вся была исковеркана, кожа и мясо прорваны почти до кости, лилась кровь. Антонъ Павловичъ тотчасъ же промылъ рану теплой водой съ сулемой, присыпалъ ее іодоформомъ и перевязалъ марлевымъ бинтомъ. И надо было видѣть, съ какой нѣжностью, какъ ловко и осторожно прикасались его большіе милые пальцы къ ободранной ногѣ собаки, и съ какой сострадательной укоризной бранилъ онъ и уговаривалъ визжавшаго «Каштана»:

— Ахъ, ты, глупый, глупый... Ну какъ тебя угораздило?.. Да тише ты... легче будетъ... дурачокъ...

Приходится повторить избитое мѣсто, но несомнѣнно, что животныя и дѣти инстинктивно тянулись къ Чехову. Иногда приходила къ А. П. одна больная барышня, приводившая съ собою дѣвочку лѣтъ 3—4-хъ, сиротку,

которую она взяла на воспитаніе. Между крошечнымъ ребенкомъ и пожилымъ, грустнымъ и больнымъ человѣкомъ, знаменитымъ писателемъ, установилась какая-то особенная, серьезная и довѣрчивая дружба. Подолгу сидѣли они рядомъ на скамейкѣ, на верандѣ; А. П. внимательно и сосредоточенно слушалъ, а она безъ умолку лепетала ему свои дѣтскія смѣшныя слова и путалась ручонками въ его бородѣ.

Съ большой и сердечной любовью относились къ Чехову и всѣ люди попроще, съ которыми онъ сталкивался: слуги, разносчики, носильщики, странники, почтальоны — и не только съ любовью, но и съ тонкой чуткостью, съ бережностью и съ пониманіемъ. Не могу не разсказать здѣсь одного случая, который передаю со словъ очевидца, маленькаго служащаго въ «Русскомъ О-вѣ Пароходства и Торговли», человѣка положительнаго, немногословнаго и, главное, совершенно непосредственнаго въ воспріятіи и передачѣ своихъ впечатлѣній.

Это было осенью. Чеховъ, возвращавшійся изъ Москвы, только-что пріѣхалъ на пароходѣ изъ Севастополя въ Ялту и еще не успѣлъ сойти съ палубы. Былъ промежутокъ той сумятицы, криковъ и безтолочи, которые всегда подымаются вслѣдъ за тѣмъ, какъ опустятъ сходни. Въ это-то суматошное время татаринъ-носильщикъ, всегда услуживавшій А. П — чу и увидѣвшій его еще издали, раньше другихъ успѣлъ взобраться на пароходъ, разыскалъ вещи Чехова и уже готовился нести ихъ внизъ, какъ на него внезапно налетѣлъ бравый и свирѣпый помощникъ капитана. Этотъ человѣкъ не ограничился одними непристойными ругательствами, но въ порывѣ начальственнаго гнѣва ударилъ бѣднаго татарина по лицу.

«И вотъ тогда произошла сверхъестественная сцена,— разсказывалъ мой знакомый. — Татаринъ бросаетъ вещи

на палубу, бьетъ себя въ грудь кулаками и, вытаращивъ глаза, лѣзетъ на помощника. И въ то же время кричитъ на всю пристань:

«— Что? Ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударилъ? Ты — вотъ кого ударилъ!

«И показываетъ пальцемъ на Чехова. А Чеховъ, знаете ли, блѣдный весь, губы вздрагиваютъ. Подходитъ къ помощнику и говоритъ ему тихо такъ, раздѣльно, но съ необычайнымъ выраженіемъ: «Какъ вамъ не стыдно!» Повѣрите ли, ей-Богу, будь я на мѣстѣ этого мореплавателя, — лучше бы мнѣ двадцать разъ въ морду плюнули, чѣмъ услышать это: «какъ вамъ не стыдно». И на что ужъ морякъ былъ толстокожъ, но и того проняло: заметался-заметался, забормоталъ что-то и вдругъ испарился. И ужъ больше его на палубѣ не видѣли».

III.

Кабинетъ въ ялтинскомъ домѣ у А. П. былъ небольшой, шаговъ 12 въ длину и 6 въ ширину, скромный, но дышавшій какой-то своеобразной прелестью. Прямо противъ входной двери — большое квадратное окно въ рамѣ изъ цвѣтныхъ желтыхъ стеколъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, около окна, перпендикулярно къ нему — письменный столъ, а за нимъ маленькая ниша, освѣщенная сверху, изъ-подъ потолка, крошечнымъ оконцемъ; въ нишѣ — турецкій диванъ. Съ правой стороны, посрединѣ стѣны — коричневый кафельный каминъ; наверху, въ его облицовкѣ, оставлено небольшое, незадѣланное плиткой мѣстечко, и въ немъ небрежно, но мило написано красками вечернее поле съ уходящими вдаль стогами — это работа Левитана. Дальше, по той же сторонѣ, въ самомъ углу — дверь, сквозь которую видна холостая спальня Антона Павловича, — свѣтлая, веселая комната,

сіяющая какой-то дѣвической чистотой, бѣлизной и невинностью. Стѣны кабинета — въ темныхъ съ золотомъ обояхъ, а около письменнаго стола виситъ печатный плакатъ: «Просятъ не курить». Сейчасъ же возлѣ входной двери, направо — шкапъ съ книгами. На каминѣ нѣсколько бездѣлушекъ и между ними прекрасно сдѣланная модель парусной шкуны. Много хорошенькихъ вещицъ изъ кости и изъ дерева на письменномъ столѣ; почему-то преобладаютъ фигуры слоновъ. На стѣнахъ портреты — Толстого, Григоровича, Тургенева. На отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, на вѣерообразной подставкѣ, множество фотографій артистовъ и писателей. По обоимъ бокамъ окна спускаются прямыя, тяжелыя, темныя занавѣски, на полу большой, восточнаго рисунка, коверъ. Эта драпировка смягчаетъ всѣ контуры и еще больше темнитъ кабинетъ, но благодаря ей ровнѣе и пріятнѣе ложится свѣтъ изъ окна на письменный столъ. Пахнетъ тонкими духами, до которыхъ А. П. всегда былъ охотникъ. Изъ окна видна открытая подковообразная лощина, спускающаяся далеко къ морю, и самое море, окруженное амфитеатромъ домовъ. Слѣва же, справа и сзади громоздятся полукольцомъ горы. По вечерамъ, когда въ гористыхъ окрестностяхъ Ялты зажигаются огни и когда во мракѣ эти огни и звѣзды надъ ними такъ близко сливаются, что не отличаешь ихъ другъ отъ друга, — тогда вся окружающая мѣстность очень напоминаетъ иные уголки Тифлиса...

Всегда бываетъ такъ: познакомишься съ человѣкомъ, изучишь его наружность, походку, голосъ, манеры, и все-таки всегда можешь вызвать въ памяти его лицо такимъ, какимъ его видѣлъ въ самый первый разъ, совсѣмъ другимъ, отличнымъ отъ настоящаго. Такъ и у меня, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ знакомства съ А. П., сохранился въ памяти тотъ Чеховъ, какимъ я его увидѣлъ впервые,

въ общей залѣ Лондонской гостиницы въ Одессѣ. Показался онъ мнѣ тогда почти высокаго роста, худощавымъ, но широкимъ въ костяхъ, нѣсколько суровымъ на видъ. Слѣдовъ болѣзни въ немъ тогда не было замѣтно, если не считать его походки, — слабой и точно на немного согнутыхъ колѣняхъ. Если бы меня спросили тогда, на кого онъ похожъ съ перваго взгляда, я бы сказалъ: «на земскаго врача или на учителя провинціальной гимназіи». Но было въ немъ также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное—въ лицѣ, въ говорѣ и въ оборотахъ рѣчи, была также какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность въ манерахъ. Именно такое первое впечатлѣніе выносили многіе, и я въ томъ числѣ. Но спустя нѣсколько часовъ я увидѣлъ совсѣмъ другого Чехова, — именно того Чехова, лицо котораго никогда не могла уловить фотографія и которое, къ сожалѣнію, не понялъ и не прочувствовалъ ни одинъ изъ писавшихъ съ него художниковъ. Я увидѣлъ самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человѣческое лицо, какое только мнѣ приходилось встрѣчать въ моей жизни.

Многіе впослѣдствіи говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до страннаго общая всѣмъ, знавшимъ его. Глаза у него были темные, почти каріе, при чемъ раекъ праваго глаза былъ окрашенъ значительно сильнѣе, что̀ придавало взгляду А. П., при нѣкоторыхъ поворотахъ головы, выраженіе разсѣянности. Верхнія вѣки нѣсколько нависали надъ глазами, что̀ такъ часто наблюдается у художниковъ, охотниковъ, моряковъ, словомъ, у людей съ сосредоточеннымъ зрѣніемъ. Благодаря пенснэ и манерѣ глядѣть сквозь низъ его стеколъ, нѣсколько приподнявъ кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровымъ. Но надо было видѣть Чехова въ иныя минуты (увы, столь рѣдкія въ послѣдніе годы), когда имъ овладѣвало веселье, и когда онъ, быстрымъ

движеніемъ руки сбрасывая пенсне и покачиваясь взадъ и впередъ на креслѣ, разражался милымъ, искреннимъ и глубокимъ смѣхомъ. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, съ добрыми морщинками у наружныхъ угловъ, и весь онъ тогда напоминалъ тотъ юношескій извѣстный портретъ, гдѣ онъ изображенъ почти безбородымъ, съ улыбающимся, близорукимъ и наивнымъ взглядомъ нѣсколько исподлобья. И вотъ — удивительно — каждый разъ, когда я гляжу на этотъ снимокъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что у Чехова глаза были дѣйствительно голубые.

Обращалъ вниманіе въ наружности А. П. его лобъ — широкій, бѣлый и чистый, прекрасной формы: лишь въ самое послѣднее время на немъ легли между бровями, у переносья, двѣ вертикальныя, задумчивыя складки. Уши у Чехова были большія, некрасивой формы, но другія такія умныя, интеллигентныя уши я видѣлъ еще лишь у одного человѣка — у Толстого.

Однажды лѣтомъ, пользуясь добрымъ настроеніемъ Антона Павловича, я сдѣлалъ съ него нѣсколько снимковъ ручнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Но, къ несчастію, лучшіе изъ нихъ и чрезвычайно похожіе вышли совсѣмъ блѣдными, благодаря слабому освѣщенію кабинета. Про другіе же, болѣе удачные, самъ А. П. сказалъ, посмотрѣвъ на нихъ:

— Ну, знаете ли, это не я, а какой-то французъ.

Помнится мнѣ теперь очень живо пожатіе его большой, сухой и горячей руки, — пожатіе, всегда очень крѣпкое, мужественное, но въ то же время сдержанное, точно скрывающее что-то. Представляю также себѣ и его почеркъ: тонкій, безъ нажимовъ, ужасно мелкій, съ перваго взгляда — небрежный и некрасивый, но, если къ нему приглядѣться, очень ясный, нѣжный, изящный и характерный, какъ и все, что въ немъ было.

IV.

Вставалъ А. П., по крайней мѣрѣ лѣтомъ, довольно рано. Никто даже изъ самыхъ близкихъ людей не видалъ его небрежно одѣтымъ; также не любилъ онъ разныхъ домашнихъ вольностей, въ родѣ туфель, халатовъ и тужурокъ. Въ восемь-девять часовъ его уже можно было застать ходящимъ по кабинету или за письменнымъ столомъ, какъ всегда, безукоризненно, изящно и скромно одѣтаго.

Повидимому, самое лучшее время для работы приходилось у него отъ утра до обѣда, хотя пишущимъ его, кажется, никому не удавалось заставать: въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно скрытенъ и стыдливъ. Зато нерѣдко въ хорошія теплыя утра его можно было видѣть на скамейкѣ за домомъ, въ самомъ укромномъ мѣстѣ дачи, гдѣ вдоль бѣлыхъ стѣнъ стояли кадки съ олеандрами и гдѣ имъ самимъ былъ посаженъ кипарисъ. Тамъ сидѣлъ онъ иногда по часу и болѣе, одинъ, не двигаясь, сложивъ руки на колѣняхъ и глядя впередъ, на море.

Около полудня и позднѣе домъ его начиналъ наполняться посѣтителями. Въ это же время на желѣзныхъ рѣшеткахъ, отдѣляющихъ усадьбу отъ шоссе, висли цѣлыми часами, разинувъ рты, дѣвицы въ бѣлыхъ войлочныхъ, широкополыхъ шляпахъ. Самые разнообразные люди пріѣзжали къ Чехову: ученые, литераторы, земскіе дѣятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессоры, свѣтскіе люди, сенаторы, священники, актеры — и Богъ знаетъ, кто еще. Часто обращались къ нему за совѣтомъ, за протекціей, еще чаще съ просьбой о просмотрѣ рукописи; являлись развязные газетные интервьюеры и просто любопытствующіе; были и такіе, которые посѣщали его съ единственной цѣлью «направить этотъ большой, но заблудшій талантъ въ над-

лежащую, идейную сторону». Приходила просящая бѣднота — и настоящая и мнимая. Эти никогда не встрѣчали отказа. Я не считаю себя въ правѣ упоминать о частныхъ случаяхъ, но твердо и навѣрно знаю, что щедрость Чехова, особенно по отношенію къ учащейся молодежи, была несравненно шире того, что̀ ему позволяли его болѣе чѣмъ скромныя средства.

Бывали у него люди всѣхъ слоевъ, всѣхъ лагерей и оттѣнковъ. Несмотря на утомительность такого постояннаго человѣческаго круговорота, тутъ было нѣчто и привлекательное для Чехова: онъ изъ первыхъ рукъ, изъ первоисточниковъ, знакомился со всѣмъ, что̀ дѣлалось въ данную минуту въ Россіи. О, какъ ошибались тѣ, которые въ печати и въ своемъ воображеніи называли его человѣкомъ равнодушнымъ къ общественнымъ интересамъ, къ мятущейся жизни интеллигенціи, къ жгучимъ вопросамъ современности. Онъ за всѣмъ слѣдилъ пристально и вдумчиво; онъ волновался, мучился и болѣлъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣли лучшіе русскіе люди. Надо было видѣть, какъ въ проклятыя, черныя времена, когда при немъ говорили о нелѣпыхъ, темныхъ и злыхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, — надо было видѣть, какъ сурово и печально сдвигались его густыя брови, какимъ страдальческимъ дѣлалось его лицо, и какая глубокая, высшая скорбь свѣтилась въ его прекрасныхъ глазахъ.

Здѣсь умѣстно вспомнить объ одномъ фактѣ, который, по-моему, прекрасно освѣщаетъ отношеніе Чехова къ глупостямъ русской дѣйствительности. У многихъ въ памяти его отказъ отъ званія почетнаго академика, извѣстны и мотивы этого отказа, но далеко не всѣ знаютъ его письмо въ академію по этому поводу — прекрасное письмо, написанное съ простымъ и благороднымъ достоинствомъ, со сдержаннымъ негодованіемъ великой души.

«Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что, въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйствительными, при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ Академіи Наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными— такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ прійти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика.

«А. Чеховъ».

Странно—до чего не понимали Чехова! Онъ — этотъ «неисправимый пессимистъ»,—какъ его опредѣляли,—никогда не уставалъ надѣяться на свѣтлое будущее, никогда не переставалъ вѣрить въ незримую, но упорную и плодотворную работу лучшихъ силъ нашей родины. Кто изъ знавшихъ его близко не помнитъ этой обычной, излюбленной его фразы, которую онъ такъ часто, иногда даже совсѣмъ не въ ладъ разговору, произносилъ вдругъ своимъ увѣреннымъ тономъ:

— Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

Да, даже и здѣсь звучалъ у него тотъ же мотивъ о радостномъ будущемъ, ждущемъ человѣчество, который отозвался во всѣхъ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Надо сказать правду: далеко не всѣ посѣтители щадили время и нервы А. П—ча, а иные такъ просто были безжалостны. Помню я одинъ случай, поразительный, почти анекдотически-невѣроятный по тому огромному запасу пошлости и неделикатности, который обнаружило лицо артистическаго, какъ будто бы, званія.

Было хорошее, не жаркое, безвѣтреное лѣтнее утро. А. П. чувствовалъ себя на рѣдкость въ легкомъ, живомъ и безпечномъ настроеніи. И вотъ появляется, точно съ неба, толстый господинъ (оказавшійся впослѣдствіи архитекторомъ), посылаетъ Чехову свою визитную карточку и проситъ свиданія. А. П. принимаетъ его. Архитекторъ входитъ, знакомится и, не обращая никакого вниманія на плакатъ: «просятъ не курить», не спрашивая позволенія, закуриваетъ вонючую, огромную рижскую сигару. Затѣмъ, отвѣсивъ, какъ неизбѣжный долгъ, нѣсколько булыжныхъ комплиментовъ хозяину, онъ приступаетъ къ приведшему его дѣлу.

Дѣло же заключается въ томъ, что сынокъ архитектора, гимназистъ III-го класса, бѣжалъ на-дняхъ по улицѣ и, по свойственной мальчикамъ привычкѣ, хватался на бѣгу рукой за все, что̀ попадалось: за фонари, тумбы, заборы. Въ концѣ концовъ онъ напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапалъ ладонь. «Такъ вотъ, видите ли, глубокоуважаемый А. П.,—заключилъ свой разсказъ архитекторъ:—я бы очень просилъ васъ напечатать объ томъ въ корреспонденціи. Хорошо, что Коля ободралъ только ладонь, но вѣдь это—случай! Онъ могъ бы задѣть какую-нибудь важную артерію—и что̀ бы тогда вышло?»—«Да, все это очень прискорбно,—отвѣтилъ Чеховъ:—но, къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могу вамъ помочь. Я не пишу, да никогда и не писалъ корреспонденцій. Я пишу только разсказы».—«Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Вставьте это въ разсказъ,—обрадовался архи-

текторъ. — Пропечатайте этого домовладѣльца съ полной фамиліей. Можете даже и мою фамилію проставить, я и на это согласенъ... Или нѣтъ... все-таки лучше мою фамилію не цѣликомъ, а просто поставьте литеру: господинъ С. Такъ, пожалуйста... А то вѣдь у насъ только и осталось теперь два настоящихъ либеральныхъ писателя — вы и г. П.» (и тутъ архитекторъ назвалъ имя одного извѣстнаго литературнаго закройщика).

Я не сумѣлъ передать и сотой доли тѣхъ ужасающихъ пошлостей, которыя наговорилъ оскорбленный въ родительскихъ чувствахъ архитекторъ, потому что за время своего визита онъ успѣлъ докурить сигару до конца, и потомъ долго приходилось провѣтривать кабинетъ отъ ея зловоннаго дыма. Но, едва онъ наконецъ удалился, А. П. вышелъ въ садъ совершенно разстроенный, съ красными пятнами на щекахъ. Голосъ у него дрожалъ, когда онъ обратился съ упрекомъ къ своей сестрѣ Маріи Павловнѣ и къ сидѣвшему съ ней на скамейкѣ знакомому:

— Господа, неужели вы не могли избавить меня отъ этого человѣка? Прислали бы сказать, что меня зовутъ куда-нибудь. Онъ же меня измучилъ!

Помню также,—и это, каюсь, отчасти моя вина,—какъ пріѣхалъ къ нему выразить свое читательское одобреніе нѣкій самоувѣренный штатскій генералъ, который, вѣроятно, желая доставить Чехову удовольствіе, началъ, широко разставивъ колѣни и упершись въ нихъ кулаками вывороченныхъ рукъ, всячески поносить одного молодого писателя, громадная извѣстность котораго только еще начинала расти. И Чеховъ тотчасъ же сжался, ушелъ въ себя и все время сидѣлъ съ опущенными глазами, съ холоднымъ лицомъ, не проронивъ ни одного слова. И только по быстрому укоряющему взгляду, который онъ бросилъ при прощаніи на знакомаго, приведшаго гене-

рала, можно было видѣть, какъ много огорченія принесъ ему этотъ визитъ.

Такъ же стыдливо и холодно относился онъ и къ похваламъ, которыя ему расточали. Бывало, уйдетъ въ нишу, на диванъ, рѣсницы у него дрогнутъ и медленно опустятся, и уже не поднимаются больше, а лицо сдѣлается неподвижнымъ и сумрачнымъ. Иногда, если эти неумѣренные восторги исходили отъ болѣе близкаго ему человѣка, онъ старался обратить разговоръ въ шутку, свернуть его на другое направленіе. Вдругъ скажетъ ни съ того ни съ сего, съ легкимъ смѣшкомъ:

— Ужасно люблю читать, что̀ обо мнѣ одесскіе репортеры пишутъ.

— Почему такъ?

— Смѣшно очень. Все врутъ. Ко мнѣ прошлой весной явился одинъ изъ нихъ въ гостиницу. Проситъ интервью. А у меня какъ разъ времени не было. Я и говорю: «Извините, я теперь занятъ. Да, впрочемъ, пишите, что̀ вздумается. Мнѣ все равно». Ну, ужъ онъ и написалъ. Меня даже въ жаръ бросило.

А однажды онъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ сказалъ:

— Что̀ вы думаете: меня вѣдь въ Ялтѣ каждый извозчикъ знаетъ. Такъ и говорятъ: «А-а! Чеховъ? Это который читатель? Знаю». Почему-то называютъ меня читателемъ. Можетъ-быть, они думаютъ, что я по покойникамъ читаю? Вотъ вы бы, батенька, спросили когда-нибудь извозчика, чѣмъ я занимаюсь...

V.

Въ часъ дня у Чехова обѣдали внизу, въ прохладной и свѣтлой столовой, и почти всегда за столомъ бывалъ кто-нибудь приглашенный. Трудно было не поддаться обая-

нію этой простой, милой, ласковой семьи. Тутъ чувствовалась постоянная нѣжная заботливость и любовь, но не отягощенная ни однимъ пышнымъ или громкимъ словомъ, — удивительная деликатность, чуткость и вниманіе, но никогда не выходящія изъ рамокъ обыкновенныхъ, какъ будто умышленно будничныхъ отношеній. И, кромѣ того, всегда замѣчалась истинно-чеховская боязнь всего надутаго, приподнятаго, неискренняго и пошлаго.

Было въ этой семьѣ очень легко, тепло и уютно, и я совершенно понимаю одного писателя, который говорилъ, что онъ влюбленъ разомъ во всѣхъ Чеховыхъ.

Антонъ Павловичъ ѣлъ чрезвычайно мало и не любилъ сидѣть за столомъ, а все, бывало, ходилъ отъ окна къ двери и обратно. Часто послѣ обѣда, оставшись въ столовой съ кѣмъ-нибудь одинъ-на-одинъ, Евгенія Яковлевна (мать А. П.) говорила тихонько, съ безпокойной тоской въ голосѣ:

— А Антоша опять ничего не ѣлъ за обѣдомъ.

Онъ былъ очень гостепріименъ, любилъ, когда у него оставались обѣдать, и умѣлъ угощать на свой особенный ладъ, просто и радушно. Бывало, скажетъ кому-нибудь, остановившись у него за стуломъ:

— Послушайте, выпейте водки. Я, когда былъ молодой и здоровый, любилъ. Собираешь цѣлое утро грибы, устанешь, едва домой дойдешь, а передъ обѣдомъ выпьешь рюмки двѣ или три. Чудесно!..

Послѣ обѣда онъ пилъ чай наверху, на открытой террасѣ, или у себя въ кабинетѣ, или спускался въ садъ и сидѣлъ тамъ на скамейкѣ, въ пальто и съ тросточкой, надвинувъ на самые глаза мягкую черную шляпу и поглядывая изъ-подъ ея полей прищуренными глазами.

Эти же часы бывали самыми людными. Постоянно спрашивали по телефону, можно ли видѣть А. П — ча, постоянно кто-нибудь пріѣзжалъ. Приходили незнакомые,

съ просьбами о карточкахъ, о надписяхъ на книгахъ. Бывали здѣсь и смѣшные курьезы.

Одинъ «тамбовскій помѣщикъ», какъ окрестилъ его Чеховъ, пріѣхалъ къ нему за врачебной помощью. Тщетно А. П. увѣрялъ, что онъ давно бросилъ практику и отсталъ въ медицинѣ, напрасно рекомендовалъ обратиться къ болѣе опытному доктору, — «тамбовскій помѣщикъ» стоялъ на своемъ: никакимъ докторамъ, кромѣ Чехова, онъ не хочетъ вѣрить. Волей-неволей пришлось дать ему нѣсколько незначительныхъ, совершенно невинныхъ совѣтовъ. Прощаясь, «тамбовскій помѣщикъ» положилъ на столъ два золотыхъ и, какъ его ни уговаривалъ А. П., ни за что не соглашался взять ихъ обратно. Антонъ Павловичъ принужденъ былъ уступить. Онъ сказалъ, что, не желая и не считая себя въ правѣ брать эти деньги, какъ гонораръ, онъ возьметъ ихъ на нужды ялтинскаго благотворительнаго общества, и тутъ же написалъ расписку въ ихъ полученіи. Оказывается, только того и нужно было «тамбовскому помѣщику». Съ сіяющимъ лицомъ, бережно спряталъ онъ расписку въ бумажникъ и тогда ужъ признался, что единственной цѣлью его посѣщенія было желаніе пріобрѣсти автографъ Чехова. Объ этомъ оригинальномъ и настойчивомъ паціентѣ А. П. разсказывалъ мнѣ самъ — полусмѣясь, полусердито.

Повторяю, многіе изъ этихъ посѣтителей порядкомъ донимали Чехова и даже раздражали его, но, по свойственной ему изумительной деликатности, онъ со всѣми оставался ровенъ, терпѣливо-внимателенъ, доступенъ всѣмъ, желавшимъ его видѣть. Эта деликатность доходила порою до той трогательной черты, которая граничитъ съ безволіемъ. Такъ, напримѣръ, одна добрая и суетливая дама, большая поклонница Чехова, подарила ему, кажется, въ день его именинъ, огромнаго сидячаго мопса, сдѣланнаго изъ раскрашеннаго гипса, аршина въ

полтора высотою отъ земли, т.-е. разъ въ пять больше натуральнаго роста. Мопса этого посадили внизу на площадкѣ, около столовой, и онъ сидѣлъ тамъ съ разъяренной мордой и оскаленными зубами, пугая всѣхъ забывавшихъ о немъ своей неподвижностью.

— Знаете, я самъ этого каменнаго пса боюсь, — признавался Чеховъ. — А убрать его какъ-то неловко, обидятся. Пусть ужъ тутъ живетъ.

И вдругъ, съ глазами, загоравшимися лучистымъ смѣхомъ, онъ прибавлялъ неожиданно, по своему обыкновенію:

— А вы замѣтили, что въ домахъ у богатыхъ евреевъ такіе гипсовые мопсы часто сидятъ около камина?

Въ иные дни его просто угнетали всякіе хвалители, порицатели, поклонники и даже совѣтчики. «У меня такая масса посѣтителей, — жаловался онъ въ одномъ письмѣ, — что голова ходитъ кругомъ. Трудно писать». Но все-таки онъ не оставался равнодушнымъ къ искреннему чувству любви и уваженія и всегда отличалъ его отъ праздной и льстивой болтовни. Какъ-то разъ онъ вернулся въ очень веселомъ настроеніи духа съ набережной, гдѣ онъ изрѣдка прогуливался, и съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ:

— У меня была сейчасъ чудесная встрѣча. На набережной вдругъ подходитъ ко мнѣ офицеръ-артиллеристъ, совсѣмъ молодой еще, подпоручикъ.—«Вы А. П. Чеховъ?» — «Да, это я. Что̀ вамъ угодно?» — «Извините меня за навязчивость, но мнѣ такъ давно хочется пожать вашу руку!» И покраснѣлъ. Такой чудесный малый, и лицо милое. Пожали мы другъ другу руки и разошлись.

Всего лучше чувствовалъ себя А. П. къ вечеру, часамъ къ семи, когда въ столовой опять собирались къ чаю и легкому ужину. Здѣсь иногда—но годъ отъ году все рѣже и рѣже — воскресалъ въ немъ прежній Чеховъ, пе-

истощимо веселый, остроумный, съ кипучимъ, прелестнымъ юношескимъ юморомъ. Тогда онъ импровизировалъ цѣлыя исторіи, гдѣ дѣйствующими лицами являлись его знакомые, и особенно охотно устраивалъ воображаемыя свадьбы, которыя иногда кончались тѣмъ, что на другой день утромъ, сидя за чаемъ, молодой мужъ говорилъ вскользь, небрежнымъ и дѣловымъ тономъ:

— Знаешь, милая, а послѣ чаю мы съ тобой одѣнемся и поѣдемъ къ нотаріусу. Къ чему тебѣ лишнія заботы о твоихъ деньгахъ?

Придумывалъ онъ удивительныя — чеховскія — фамиліи, изъ которыхъ я теперь — увы! — помню только одного миѳическаго матроса Кошкодавленко. Любилъ онъ также, шутя, старить писателей. «Что̀ вы говорите, — Бунинъ мой сверстникъ, — увѣрялъ онъ съ напускной серьезностью.—Телешовъ тоже. Онъ уже старый писатель. Вы спросите его сами: онъ вамъ разскажетъ, какъ мы съ нимъ гуляли на свадьбѣ у И. А. Бѣлоусова. Когда это было!» Одному талантливому беллетристу, серьезному, идейному писателю, онъ говорилъ: «Послушайте же, вѣдь вы на двадцать лѣтъ меня старше. Вѣдь вы же раньше писали подъ псевдонимомъ Несторъ Кукольникъ»...

Но никогда отъ его шутокъ не оставалось занозъ въ сердцѣ, такъ же какъ никогда въ своей жизни этотъ удивительно-нѣжный человѣкъ не причинилъ сознательно даже самаго маленькаго страданія ничему живущему.

Послѣ ужина онъ неизмѣнно задерживалъ кого-нибудь у себя въ кабинетѣ на полчаса или на часъ. На письменномъ столѣ зажигались свѣчи. И потомъ, когда уже всѣ расходились, и онъ оставался одинъ, то еще долго свѣтился огонь въ его большомъ окнѣ. Писалъ ли онъ въ это время, или разбирался въ своихъ памятныхъ книжкахъ, занося впечатлѣнія дня—это, кажется, не было никому извѣстно.

VI.

Вообще, мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ его творчества, но даже и о внѣшнихъ, привычныхъ пріемахъ его работы. Въ этомъ отношеніи А. П. былъ до страннаго скрытенъ и молчаливъ. Помню, какъ-то мимоходомъ онъ сказалъ очень значительную фразу:

— Только спаси васъ Богъ читать кому-нибудь свои произведенія, пока они не напечатаны. Даже въ корректурѣ не читайте.

Такъ онъ и самъ поступалъ постоянно, хотя иногда дѣлалъ исключенія для жены и сестры. Раньше, говорятъ, онъ былъ щедрѣе на этотъ счетъ.

Это было въ то время, когда онъ писалъ очень много и очень быстро. Онъ самъ говорилъ, что писалъ тогда по разсказу въ день. Объ этомъ же разсказывала и Е. Я. Чехова. «Бывало, еще студентомъ, Антоша сидитъ утромъ за чаемъ и вдругъ задумается, смотритъ иногда прямо въ глаза, а я знаю, что онъ ужъ ничего не видитъ. Потомъ достанетъ изъ кармана книжку и пишетъ быстро-быстро. И опять задумается»...

Но въ послѣдніе годы Чеховъ сталъ относиться къ себѣ все строже и все требовательнѣе: держалъ разсказы по нѣскольку лѣтъ, не переставая ихъ исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, послѣднія корректуры, возвращавшіяся отъ него, бывали кругомъ испещрены знаками, помѣтками и вставками. Для того, чтобы окончить произведеніе, онъ долженъ былъ писать его, не отрываясь. «Если я надолго оставлю разсказъ, — говорилъ онъ какъ-то: — то уже не могу потомъ приняться за его окончаніе. Мнѣ надо тогда начинать снова».

Гдѣ онъ черпалъ свои образы? Гдѣ находилъ свои наблюденія и сравненія? Гдѣ онъ выковывалъ свой ве-

ликолѣпный, единственный въ русской литературѣ языкъ? Онъ никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей. Говорятъ, послѣ него осталось много записныхъ книжекъ; можетъ-быть, въ нихъ со временемъ найдутся ключи къ этимъ сокровеннымъ тайнамъ? А можетъ-быть, онѣ и навсегда останутся неразгаданными? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ мы должны довольствоваться въ этомъ направленіи только осторожными намеками и предположеніями.

Я думаю, что всегда, съ утра до вечера, а можетъ-быть, даже и ночью, во снѣ и безсонницѣ, совершалась въ немъ незримая, но упорная, порою даже безсознательная работа, — работа взвѣшиванія, опредѣленія и запоминанія. Онъ умѣлъ слушать и разспрашивать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражавшіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые такъ смущали многихъ. Только-что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «Послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно». Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только-что получилъ отвѣтъ.

Внѣшней, механической памятью Чеховъ не отличался. Я говорю про ту мелочную память, которою такъ часто обладаютъ въ сильной степени женщины и крестьяне и которая состоитъ въ запоминаніи того, кто какъ былъ одѣтъ, носитъ ли бороду и усы, какая была цѣпочка отъ часовъ и какіе сапоги, какого цвѣта волосы. Просто эти детали были для него неважны и неинтересны. Но

зато онъ сразу бралъ всего человѣка, опредѣлялъ быстро и вѣрно, точно опытный химикъ, его удѣльный вѣсъ, качество и порядокъ и уже зналъ, какъ очертить его главную, внутреннюю суть двумя-тремя штрихами.

Однажды Чеховъ съ легкимъ неудовольствіемъ говорилъ о своемъ хорошемъ знакомомъ, извѣстномъ ученомъ, который, несмотря на давнюю дружбу, нѣсколько утѣснялъ А. П — ча своей многословностью. Какъ только пріѣдетъ въ Ялту, сейчасъ же является къ Чехову и сидитъ съ утра до обѣда; въ обѣдъ уѣдетъ къ себѣ въ гостиницу на полчаса, а тамъ опять пріѣзжаетъ и сидитъ до глубокой ночи, и все говоритъ, говоритъ, говоритъ... И такъ каждый день.

И вдругъ, быстро обрывая этотъ разсказъ, точно увлекаемый новой, интересной мыслью, А. П. прибавлялъ оживленно:

— А вѣдь никто не догадывается, что̀ самое характерное въ этомъ человѣкѣ. А я вотъ знаю. То, что онъ профессоръ и ученый съ европейскимъ именемъ — это для него второстепенное. Главное то, что онъ считаетъ себя въ душѣ замѣчательнымъ актеромъ и глубоко вѣритъ въ то, что только по волѣ случая онъ не пріобрѣлъ на сценѣ міровой извѣстности. Дома онъ постоянно читаетъ вслухъ Островскаго.

Однажды, улыбаясь своему воспоминанію, онъ вдругъ замѣтилъ:

— Знаете, Москва — самый характерный городъ. Въ ней все неожиданно. Выходимъ мы какъ-то весеннимъ утромъ съ публицистомъ С — нымъ изъ Большого Московскаго. Это было послѣ длиннаго и веселаго ужина. Вдругъ С — нъ тащитъ меня къ Иверской, здѣсь же, напротивъ. Вынимаетъ пригоршню мѣди и начинаетъ одѣлять нищихъ — ихъ тамъ десятки. Сунетъ копеечку и бормочетъ: «О здравіи раба Божія Михаила». Это его

Михаиломъ зовутъ. И опять: «Раба Божія Михаила, раба Божія Михаила»... А самъ въ Бога не вѣритъ... Чудакъ...

Тутъ я долженъ подойти къ щекотливому мѣсту, которое, можетъ-быть, не всѣмъ понравится. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что Чеховъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одинаковымъ проникновеннымъ любопытствомъ разговаривалъ съ ученымъ и съ разносчикомъ, съ просящимъ на бѣдность и съ литераторомъ, съ крупнымъ земскимъ дѣятелемъ и съ сомнительнымъ монахомъ, и съ приказчикомъ, и съ маленькимъ почтовымъ чиновникомъ, отсылавшимъ ему корреспонденцію. Не оттого ли у него въ разсказахъ профессоръ говоритъ и думаетъ именно какъ старый профессоръ, а бродяга—какъ истый бродяга? И не оттого ли у него тотчасъ же послѣ его смерти отыскалось такое множество «закадычныхъ» друзей, за которыхъ онъ, по ихъ словамъ, былъ готовъ въ огонь и въ воду?

Думается, что онъ никому не раскрывалъ и не отдавалъ своего сердца вполнѣ (была, впрочемъ, легенда о какомъ-то его близкомъ, любимомъ другѣ, чиновникѣ изъ Таганрога), но ко всѣмъ относился благодушно, безразлично въ смыслѣ дружбы и въ то же время съ большимъ, можетъ-быть, безсознательнымъ интересомъ.

Свои чеховскія словечки и эти изумительныя по своей сжатости и мѣткости черточки бралъ онъ нерѣдко прямо изъ жизни. Выраженіе «не ндравится мнѣ это», перешедшее такъ быстро изъ «Архіерея» въ обиходъ широкой публики, было имъ почерпнуто отъ одного мрачнаго бродяги, полупьяницы, полупомѣшаннаго, полупророка. Также, помню, разговорились мы съ нимъ какъ-то о давно уже умершемъ московскомъ поэтѣ, и Чеховъ съ яркостью вспомнилъ и его, и его сожительницу, и его пустыя комнаты, и его сенъ-бернара «Дружка», страдавшаго вѣчнымъ разстройствомъ желудка. «Какъ же, отлично

помню, — говорилъ А. П., весело улыбаясь: — въ пять часовъ къ нему всегда входила эта женщина и спрашивала: «Ліодоръ Иванычъ, а Ліодоръ Иванычъ, а что, вамъ не пора пиво пить?» Я тогда же неосторожно сказалъ: — «Ахъ, такъ вотъ откуда это у васъ въ «Палатѣ № 6»? — «Ну да, оттуда», — отвѣтилъ А. П. съ неудовольствіемъ.

Были у него также знакомыя изъ тѣхъ средостѣнныхъ купчихъ, которыя, несмотря на милліоны, и на самыя модныя платья, и на внѣшній интересъ къ литературѣ, говорили «едеялъ» и «принціапально». Иныя изъ нихъ часами изливались передъ Чеховымъ: какія у нихъ необыкновенно тонкія, «нервенныя» натуры, и какой бы замѣчательный романъ могъ сдѣлать «гинеяльный» писатель изъ ихъ жизни, если бы все разсказать. А онъ ничего, сидѣлъ себѣ и молчалъ, и слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, — только подъ усами у него скользила чуть замѣтная, почти неуловимая улыбка.

Я не хочу сказать, что онъ искалъ, подобно многимъ другимъ писателямъ, моделей. Но мнѣ думается, что онъ всюду и всегда видѣлъ матеріалъ для наблюденій, и выходило у него это поневолѣ, можетъ-быть, часто противъ желанія, въ силу давно изощренной и никогда неискоренимой привычки вдумываться въ людей, анализировать ихъ и обобщать. Въ этой сокровенной работѣ было для него, вѣроятно, все мученіе и вся радость вѣчнаго безсознательнаго процесса творчества.

Ни съ кѣмъ не дѣлился онъ своими впечатлѣніями, такъ же какъ никому не говорилъ о томъ, что и какъ собирается онъ писать. Также чрезвычайно рѣдко сказывался въ его рѣчахъ художникъ и беллетристъ. Онъ, отчасти нарочно, отчасти инстинктивно, употреблялъ въ разговорѣ обыкновенныя, среднія, общія выраженія, не прибѣгая ни къ сравненіямъ ни къ картинамъ. Онъ бе-

регъ свои сокровища въ душѣ, не позволяя имъ расточаться въ словесной пѣнѣ, и въ этомъ была громадная разница между нимъ и тѣми беллетристами, которые разсказываютъ свои темы гораздо лучше, чѣмъ ихъ пишутъ.

Происходило это, думаю, отъ природной сдержанности, но также и отъ особенной стыдливости. Есть люди, органически не переносящіе, болѣзненно стыдящіеся слишкомъ выразительныхъ позъ, жестовъ, мимики и словъ, и этимъ свойствомъ А. П. обладалъ въ высшей степени. Здѣсь-то, можетъ-быть, и кроется разгадка его кажущагося безразличія къ вопросамъ борьбы и протеста и равнодушія къ интересамъ злободневнаго характера, волновавшимъ и волнующимъ всю русскую интеллигенцію. Въ немъ жила боязнь паѳоса, сильныхъ чувствъ и неразлучныхъ съ ними нѣсколько театральныхъ эффектовъ. Съ однимъ только я могу сравнить такое положеніе: нѣкто любитъ женщину со всѣмъ пыломъ, нѣжностью и глубиной, на которые способенъ человѣкъ тонкихъ чувствъ, огромнаго ума и таланта. Но никогда онъ не рѣшится сказать объ этомъ пышными, выспренними словами и даже представить себѣ не можетъ, какъ это онъ станетъ на колѣни и прижметъ одну руку къ сердцу, и какъ заговоритъ дрожащимъ голосомъ перваго любовника. И потому онъ любитъ и молчитъ, и страдаетъ молча, и никогда не отважится выразить то, что̀ развязно и громко, по всѣмъ правиламъ декламаціи, изъясняетъ фатъ средняго пошиба.

VII.

Къ молодымъ, начинающимъ писателямъ Чеховъ былъ неизмѣнно участливъ, внимателенъ и ласковъ. Никто отъ него не уходилъ подавленнымъ его огромнымъ талан-

томъ и собственной малозначительностью. Никому никогда не сказалъ онъ: «Дѣлайте, какъ я, смотрите, какъ я поступаю». Если кто-нибудь въ отчаяніи жаловался ему: «Развѣ стòитъ писать, если на всю жизнь останешься «нашимъ молодымъ» и «подающимъ надежды», — онъ отвѣчалъ спокойно и серьезно:

— Не всѣмъ же, батенька, писать, какъ Толстой.

Внимательность его бывала иногда прямо трогательной. Одинъ начинающій писатель пріѣхалъ въ Ялту и остановился гдѣ-то за Ауткой, на окраинѣ города, нанявъ комнатушку въ шумной и многочисленной греческой семьѣ. Какъ-то онъ пожаловался Чехову, что въ такой обстановкѣ трудно писать, — и вотъ Чеховъ настоялъ на томъ, чтобы писатель непремѣнно приходилъ къ нему съ утра и занимался у него внизу, рядомъ со столовой. «Вы будете внизу писать, а я вверху, — говорилъ онъ со своей очаровательной улыбкой. — И обѣдать будете также у меня. А когда кончите, непремѣнно прочтите мнѣ, или, если уѣдете, пришлите хотя бы въ корректурѣ».

Читалъ онъ удивительно много и всегда все помнилъ, и никого ни съ кѣмъ не смѣшивалъ. Если авторы спрашивали его мнѣнія, онъ всегда хвалилъ, и хвалилъ не для того, чтобы отвязаться, а потому что зналъ, какъ жестоко подрѣзаетъ слабыя крылья рѣзкая, хотя бы и справедливая критика, и какую бодрость и надежду вливаетъ иногда незначительная похвала. «Читалъ вашъ разсказъ. Чудесно написано»,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ грубоватымъ и задушевнымъ голосомъ. Впрочемъ, при нѣкоторомъ довѣріи и болѣе близкомъ знакомствѣ, и въ особенности по убѣдительной просьбѣ автора, онъ высказывался, хотя и съ осторожными оговорками, но опредѣленнѣе, пространнѣе и прямѣе. У меня хранятся два его письма, написанныя одному и тому же белле-

тристу, по поводу одной и той же повѣсти. Вотъ выдержка изъ перваго:

«Дорогой N., повѣсть получилъ и прочелъ, большое вамъ спасибо. Повѣсть хороша, прочелъ я ее въ одинъ разъ, какъ и предыдущую, и получилъ одинаковое удовольствіе»...

Но такъ какъ авторъ не удовольствовался одной похвалой, то вскорѣ онъ получилъ отъ А. П. другое письмо:

«Вы хотите, чтобы я говорилъ только о недостаткахъ, и этимъ ставите меня въ затруднительное положеніе. Въ этой повѣсти недостатковъ нѣтъ, и если можно не соглашаться, то лишь съ особенностями ея, нѣкоторыми. Напримѣръ, героевъ своихъ, актеровъ, вы трактуете по старинкѣ, какъ трактовались они уже лѣтъ сто всѣми писавшими о нихъ, — ничего новаго. Во-вторыхъ, въ первой главѣ вы заняты описаніемъ наружностей—опять-таки по старинкѣ, описаніемъ, безъ котораго можно обойтись. Пять опредѣленно изображенныхъ наружностей утомляютъ вниманіе и въ концѣ концовъ теряютъ свою цѣнность. Бритые актеры похожи другъ на друга, какъ ксендзы, и остаются похожими, какъ бы старательно вы ни изображали ихъ. Въ-третьихъ, грубоватый тонъ, излишества въ изображеніи пьяныхъ. Вотъ и все, что я могу вамъ сказать въ отвѣтъ на вашъ вопросъ о недостаткахъ; больше ужъ ничего придумать не могу».

Къ тѣмъ изъ писателей, съ которыми у него возникала хоть какая-нибудь духовная связь, онъ всегда относился бережно и внимательно. Никогда онъ не упускалъ случая сообщить извѣстіе, которое, онъ зналъ, будетъ пріятно или полезно.

«Дорогой N., — писалъ онъ одному знакомому: — симъ извѣщаю васъ, что вашу повѣсть читалъ Л. Н. Толстой, и что она ему очень понравилась. Будьте добры,

пошлите ему вашу книжку по адресу: Кореизъ, Таврич. губ., и въ заглавіи подчеркните разсказы, которые вы находите лучшими, чтобы онъ, читая, началъ съ нихъ. Или книжку пришлите мнѣ, а я ужъ передамъ ему».

Къ пишущему эти строки онъ также проявилъ однажды милую любезность, сообщивъ письмомъ, что въ «Словарѣ русскаго языка, издаваемомъ Академіей Наукъ, въ шестомъ выпускѣ второго тома, который (т.-е. выпускъ) я сегодня получилъ, показались наконецъ и вы. Такъ, на страницѣ такой-то и т. д.».

Все это, конечно, мелочи, но въ нихъ сквозитъ такъ много участія и заботливости, что теперь, когда нѣтъ уже больше этого изумительнаго художника и прекраснаго человѣка, его письма пріобрѣтаютъ значеніе какой-то далекой, невозвратимой ласки.

— Пишите, пишите какъ можно больше, — говорилъ онъ начинающимъ беллетристамъ. — Не бѣда, если у васъ не совсѣмъ выходитъ. Потомъ будетъ выходить лучше. А главное — не тратьте понапрасну молодости и упругости: теперь вамъ только и работать. Смотрите: вотъ вы пишете чудесно, а лексиконъ у васъ маленькій. Нужно набираться словъ и оборотовъ, а для этого необходимо писать каждый день.

И онъ самъ неустанно работалъ надъ собой, обогащая свой прелестный, разнообразный языкъ отовсюду: изъ разговоровъ, изъ словарей, изъ каталоговъ, изъ ученыхъ сочиненій, изъ священныхъ книгъ. Запасъ словъ у этого молчаливаго человѣка былъ необычайно громаденъ.

— Слушайте: ѣздите почаще въ III классѣ, — совѣтовалъ онъ. — Я жалѣю, что болѣзнь мѣшаетъ мнѣ теперь ѣздить въ III классѣ. Тамъ иногда услышишь замѣчательно интересныя вещи.

Удивлялся онъ также тѣмъ писателямъ, которые по

цѣлымъ годамъ не видятъ ничего, кромѣ сосѣдняго брандмауэра изъ оконъ своихъ петербургскихъ кабинетовъ. И часто онъ говорилъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія:

— Не понимаю, отчего вы—молодой, здоровый и свободный—не поѣдете, напримѣръ, въ Австралію (Австралія была почему-то его излюбленной частью свѣта) или въ Сибирь? Какъ только мнѣ станетъ получше, я непремѣнно опять поѣду въ Сибирь. Я тамъ былъ, когда ѣздилъ на Сахалинъ. Вы и представить себѣ не можете, батенька, какая это чудесная страна. Совсѣмъ особое государство. Знаете, я убѣжденъ, что Сибирь когда-нибудь совершенно отдѣлится отъ Россіи, вотъ такъ же, какъ Америка отдѣлилась отъ метрополіи. Поѣзжайте же, поѣзжайте туда непремѣнно...

— Отчего вы не напишете пьесу?—спрашивалъ онъ иногда.—Да напишите же, въ самомъ дѣлѣ. Каждый писатель долженъ написать по крайней мѣрѣ четыре пьесы.

Но тутъ же онъ соглашался, что драматическій родъ сочиненій теряетъ съ каждымъ днемъ интересъ въ наше время. «Драма должна или выродиться совсѣмъ, или принять совсѣмъ новыя, невиданныя формы,—говорилъ онъ.—Мы себѣ и представить не можемъ, чѣмъ будетъ театръ черезъ сто лѣтъ».

Бывали у А. П. иногда маленькія противорѣчія, которыя въ немъ казались особенно привлекательными и въ то же время имѣли глубокій внутренній смыслъ. Такъ было однажды съ вопросомъ о записныхъ книжкахъ. Чеховъ только-что съ увлеченіемъ убѣждалъ насъ не обращаться къ ихъ помощи, полагаясь во всемъ на память и на воображеніе. «Крупное само останется,—доказывалъ онъ:—а мелочи вы всегда изобрѣтете или отыщете». Но вотъ, спустя часъ, кто-то изъ присутствующихъ, прослужившій случайно годъ на сценѣ, сталъ раз-

сказывать о своихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ и между прочимъ упомянулъ о такомъ случаѣ. Идетъ дневная репетиція въ садовомъ театрѣ маленькаго провинціальнаго городка. Первый любовникъ, въ шляпѣ и въ клѣтчатыхъ панталонахъ, руки въ карманахъ, расхаживаетъ по сценѣ, рисуясь передъ случайной публикой, забредшей въ зрительную залу. Энженю-комикъ, его «театральная» жена, тоже находившаяся на сценѣ, обращается къ нему: «Саша, какъ это ты вчера напѣвалъ изъ «Паяцовъ»? Насвищи, пожалуйста». Первый любовникъ поворачивается къ ней, медленно мѣряетъ ее съ ногъ до головы уничтожающимъ взоромъ и говоритъ жирнымъ актерскимъ голосомъ: «Что-ò? Свистать на сценѣ? А въ церкви ты будешь свистать? Такъ знай же, что сцена— тотъ же храмъ!»

Послѣ этого разсказа А. П. сбросилъ пенснэ, откинулся на спинку кресла и захохоталъ своимъ громкимъ, яснымъ смѣхомъ. И тотчасъ же полѣзъ въ боковой ящикъ стола за записной книжкой. «Постойте, постойте, какъ вы это разсказывали? Сцена — это храмъ?..» И записалъ весь анекдотъ.

Въ сущности, даже и противорѣчія во всемъ этомъ не было, и самъ А. П. потомъ объяснилъ это. «Не надо записывать сравненій, мѣткихъ черточекъ, подробностей, картинъ природы — это должно появиться само собой, когда будетъ нужно. Но голый фактъ, рѣдкое имя, техническое названіе надо занести въ книжку—иначе забудется, разсѣется».

Нерѣдко вспоминалъ Чеховъ тѣ тяжелыя минуты, которыя ему доставляли редакціи серьезныхъ журналовъ до той поры, пока съ легкой руки «Сѣвернаго Вѣстника» онъ не завоевалъ ихъ окончательно.

— Въ одномъ отношеніи вы всѣ должны быть мнѣ благодарны, — говорилъ онъ молодымъ писателямъ. — Это я

открылъ путь для авторовъ мелкихъ разсказовъ. Прежде, бывало, принесешь въ редакцію рукопись, такъ ее даже читать не хотятъ. Только посмотрятъ съ пренебреженіемъ. «Что̀? Это называется — произведеніемъ? Да вѣдь это короче воробьинаго носа. Нѣтъ, намъ такихъ штучекъ не надо». А я вотъ добился и другимъ указалъ дорогу. Да это еще что̀, такъ ли со мной обращались! Имя мое сдѣлали нарицательнымъ. Такъ и острили, бывало: «Эхъ вы, Че-хо-вы!» Должно-быть, это было смѣшно.

Антонъ Павловичъ держался высокаго мнѣнія о современной литературѣ, т.-е., собственно говоря, о техникѣ теперешняго письма. «Всѣ нынче стали чудесно писать, плохихъ писателей вовсе нѣтъ, — говорилъ онъ рѣшительнымъ тономъ. — И оттого-то теперь все труднѣе становится выбиться изъ неизвѣстности. И, знаете, кто сдѣлалъ такой переворотъ? — Мопассанъ. Онъ, какъ художникъ слова, поставилъ такія огромныя требованія, что писать по старинкѣ сдѣлалось уже больше невозможнымъ. Попробуйте-ка вы теперь перечитать нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ, ну хоть Писемскаго, Григоровича или Островскаго, нѣтъ, вы попробуйте только, и увидите, какое это все старье и общія мѣста. Зато возьмите, съ другой стороны, нашихъ декадентовъ. Это они лишь притворяются больными и безумными, — они всѣ здоровые мужики. Но писать — мастера».

Въ то же время онъ требовалъ отъ писателей обыкновенныхъ житейскихъ сюжетовъ, простоты изложенія и отсутствія эффектныхъ колѣнецъ. «Зачѣмъ это писать, — недоумѣвалъ онъ: — что кто-то сѣлъ на подводную лодку и поѣхалъ къ сѣверному полюсу искать какого-то примиренія съ людьми, а въ это время его возлюбленная съ драматическимъ воплемъ бросается съ колокольни? Все это неправда, и въ дѣйствительности этого

не бываетъ. Надо писать просто: о томъ, какъ Петръ Семеновичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Вотъ и все. И потомъ, зачѣмъ эти подзаголовки: психическій этюдъ, жанръ, новелла? Все это однѣ претензіи. Поставьте заглавіе попроще, — все равно, какое придетъ въ голову, — и больше ничего. Также поменьше употребляйте кавычекъ, курсивовъ и тире — это манерно».

Еще училъ онъ, чтобы писатель оставался равнодушенъ къ радостямъ и огорченіямъ своихъ героевъ. «Въ одной хорошей повѣсти, — разсказывалъ онъ: — я прочелъ описаніе приморскаго ресторана въ большомъ городѣ. И сразу видно, что автору въ диковинку и эта музыка, и электрическій свѣтъ, и розы въ петлицахъ, и что онъ самъ любуется на нихъ. Такъ — нехорошо. Нужно стоять внѣ этихъ вещей, и хотя знать ихъ хорошо, до мелочи, но глядѣть на нихъ какъ бы съ презрѣніемъ, сверху внизъ. И выйдетъ вѣрно».

VIII.

Сынъ Альфонса Додэ въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ упоминаетъ о томъ, что этотъ талантливый французскій писатель полушутя называлъ себя «продавцомъ счастья». Къ нему постоянно обращались люди разныхъ положеній за совѣтомъ и за помощью, приходили со своими огорченіями и заботами, и онъ, уже прикованный къ креслу неизлѣчимой, мучительной болѣзнью, находилъ въ себѣ достаточно мужества, терпѣнія и любви къ человѣку, чтобы войти душой въ чужое горе, утѣшить, успокоить и ободрить.

Чеховъ, конечно, по своей необычайной скромности и по отвращенію къ фразѣ, никогда не сказалъ бы о себѣ ничего подобнаго, но какъ часто приходилось ему выслушивать тяжелыя исповѣди, помогать словомъ и дѣ-

ломъ, протягивать падающему свою нѣжную и твердую руку. Въ своей удивительной объективности стоя выше частныхъ горестей и радостей, онъ все зналъ и видѣлъ. Но ничто личное не мѣшало его проникновенію. Онъ могъ быть добрымъ и щедрымъ, не любя, ласковымъ и участливымъ—безъ привязанности, благодѣтелемъ—не разсчитывая на благодарность. И въ этихъ чертахъ, которыя всегда оставались неясными для его окружающихъ, кроется, можетъ-быть, главная разгадка его личности.

Пользуясь позволеніемъ одного моего друга, я приведу коротенькій отрывокъ изъ чеховскаго письма. Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ переживалъ большую тревогу во время первой беременности горячо любимой жены и, по правдѣ сказать, порядочно докучалъ А. П. своей болью. И вотъ Чеховъ однажды написалъ ему:

«Скажите вашей женѣ, чтобы не безпокоилась, все обойдется благополучно. Роды будутъ продолжаться часовъ 20, а потомъ наступитъ блаженнѣйшее состояніе, когда она будетъ улыбаться, а вамъ будетъ хотѣться плакать отъ умиленія. 20 часовъ — это обыкновенный maximum для первыхъ родовъ».

Какое тонкое вниманіе къ чужой тревогѣ слышится въ этихъ немногихъ, простыхъ строчкахъ. Но еще характернѣе то, что, когда впослѣдствіи, уже сдѣлавшись счастливымъ отцомъ, этотъ мой пріятель спросилъ, вспомнивъ о письмѣ, откуда Чеховъ такъ хорошо знаетъ эти чувства, А. П. отвѣтилъ спокойно, даже равнодушно:

— Да вѣдь, когда я жилъ въ деревнѣ, мнѣ же постоянно приходилось принимать у бабъ. Все равно— и тамъ такая же радость.

Если бы Чеховъ не былъ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, онъ былъ бы прекраснымъ врачомъ. Доктора, приглашавшіе его изрѣдка на консультаціи, отзывались о немъ, какъ о чрезвычайно вдумчивомъ наблюдателѣ и

находчивомъ, проницательномъ діагностѣ. Да и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы его діагнозъ оказался совершеннѣе и глубже діагноза, поставленнаго какой-нибудь модной знаменитостью. Онъ видѣлъ и слышалъ въ человѣкѣ — въ его лицѣ, голосѣ и походкѣ — то, что̀ было скрыто отъ другихъ, что̀ не поддавалось, ускользало отъ глаза средняго наблюдателя.

Самъ онъ предпочиталъ совѣтовать, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда къ нему обращались, средства испытанныя, простыя, по премуществу домашнія. Между прочимъ чрезвычайно удачно лѣчилъ онъ дѣтей.

Вѣрилъ онъ въ медицину твердо и крѣпко, и ничто не могло пошатнуть этой вѣры. Помню я, какъ однажды онъ разсердился, когда кто-то началъ свысока третировать медицину, по роману Золя — «Докторъ Паскаль».

— Золя вашъ ничего не понимаетъ и все выдумываетъ у себя въ кабинетѣ, — сказалъ онъ, волнуясь и покашливая. — Пусть бы онъ поѣхалъ и посмотрѣлъ, какъ работаютъ наши земскіе врачи, и что̀ они дѣлаютъ для народа.

И кто же не знаетъ, какими симпатичными чертами, съ какой любовью сквозь внѣшнюю жесткость и какъ часто описывалъ онъ этихъ чудныхъ тружениковъ, этихъ неизвѣстныхъ и незамѣтныхъ героевъ, сознательно осуждающихъ свои имена на забвеніе? Описывалъ, даже не щадя ихъ.

IX.

Есть изреченіе: смерть каждаго человѣка на него похожа. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о послѣднихъ годахъ жизни Чехова, о послѣднихъ его дняхъ, даже о послѣднихъ минутахъ. Даже въ самыя его похороны судьба внесла, по какой-то роковой послѣдовательности, много чисто чеховскихъ чертъ.

Боролся онъ съ неумолимой болѣзнью долго, страшно долго, но переносилъ ее мужественно, просто и терпѣливо, безъ раздраженія, безъ жалобъ, почти безъ словъ. За послѣднее время лишь мимоходомъ, небрежно упоминаетъ онъ въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. «Здоровье мое поправилось, хотя все еще хожу съ компрессомъ...» «Только-что перенесъ плевритъ, но теперь мнѣ лучше...» «Здоровье мое не важно... пишу понемногу...»

Не любилъ онъ говорить о своей болѣзни и сердился, когда его разспрашивали. Только, бывало, и узнаешь что-нибудь отъ Арсенія. «Сегодня утромъ очень плохо было—кровь шла»,—скажетъ онъ шопотомъ, покачивая головой. Или Евгенія Яковлевна сообщитъ по секрету съ тоской въ голосѣ:

— А сегодня Антоша опять всю ночь ворочался и кашлялъ. Мнѣ черезъ стѣнку все слышно.

Зналъ ли онъ размѣры и значеніе своей болѣзни? Я думаю, зналъ, но безтрепетно, какъ врачъ и мудрецъ, глядѣлъ въ глаза надвигавшейся смерти. Были разныя мелкія обстоятельства, указывавшія на это. Такъ, напримѣръ, одной дамѣ, жаловавшейся ему на безсонницу и нервное разстройство, онъ сказалъ спокойно, съ едва лишь уловимымъ оттѣнкомъ покорной грусти:

— Видите ли: пока у человѣка хороши легкія — все хорошо.

Умеръ онъ просто, трогательно и сознательно. Говорятъ, послѣднія его слова были: «ich sterbe!». И послѣдніе его дни были омрачены глубокой скорбью за Россію, были взволнованы ужасомъ кровопролитной, чудовищной японской войны...

Точно сонъ, припоминаются его похороны. Холодный, сѣренькій Петербургъ, путаница съ телеграммами, маленькая кучка народа на вокзалѣ, «вагонъ для устрицъ», станціонное начальство, никогда не слыхавшее о Чеховѣ

и видѣвшее въ его тѣлѣ только желѣзнодорожный грузъ... Потомъ, какъ контрастъ, Москва, стихійное горе, тысячи точно осиротѣвшихъ людей, заплаканныя лица. И наконецъ могила на Новодѣвичьемъ кладбищѣ, вся заваленная цвѣтами, рядомъ со скромной могилой «вдовы казака Ольги Кукаретниковой».

Вспоминается мнѣ панихида на кладбищѣ на другой день его похоронъ. Былъ тихій іюльскій вечеръ, и старыя липы надъ могилами, золотыя отъ солнца, стояли не шевелясь. Тихой, покорной грустью, глубокими вздохами звучало пѣніе нѣжныхъ женскихъ голосовъ. И было тогда у многихъ въ душѣ какое-то растерянное, тяжелое недоумѣніе.

Расходились съ кладбища медленно, въ молчаніи. Я подошелъ къ матери Чехова и безъ словъ поцѣловалъ ея руку. И она сказала усталымъ, слабымъ голосомъ:

— Вотъ горе-то у насъ какое... Нѣтъ Антоши...

О, эта потрясающая глубина простыхъ, обыкновенныхъ, истинно-чеховскихъ словъ! Вся громадная бездна утраты, вся невозвратимость совершившагося событія открылась за ними. Нѣтъ! Утѣшенія здѣсь были бы безсильны. Развѣ можетъ истощиться, успокоиться горе тѣхъ людей, души которыхъ такъ близко прикасались къ великой душѣ избранника?

Но пусть облегчитъ ихъ неутолимую тоску сознаніе, что ихъ горе — и наше общее горе. Пусть смягчится оно мыслью о незабвенности, о безсмертіи этого прекраснаго, чистаго имени. Въ самомъ дѣлѣ: пройдутъ годы и столѣтія, и время сотретъ даже самую память о тысячахъ тысячъ живущихъ нынѣ людей. Но далекіе грядущіе потомки, о счастіи которыхъ съ такой очаровательной грустью мечталъ Чеховъ, произнесутъ его имя съ признательностью и съ тихой печалью о его судьбѣ.

ПАМЯТИ Н. Г. МИХАЙЛОВСКАГО (Гарина).

(Читано на вечерѣ, посвященномъ памяти Н. Г. Михайловскаго).

Вопреки обыкновенію всѣхъ воспоминателей, я не могу похвастаться ни близкой дружбой съ покойнымъ Николаемъ Георгіевичемъ, ни долголѣтнимъ знакомствомъ съ нимъ, ни знаніемъ интимныхъ сторонъ его жизни. Но мнѣ хочется уловить и передать въ немногихъ словахъ тѣ живыя черты, которыя остались въ моей памяти отъ нѣсколькихъ встрѣчъ съ этимъ человѣкомъ необычайно широкой души, красиваго, свободнаго таланта и рѣдкаго изящества.

Странно-многозначительны, почти фатальны по сопоставленію, были — моя первая встрѣча съ нимъ и послѣдняя.

Познакомился я съ Н. Г. Михайловскимъ въ расцвѣтѣ его кипучей дѣятельности, въ дни счастливыхъ, удачныхъ начинаній и грандіозныхъ плановъ, въ пору особеннаго блеска и плодовитости его таланта. Это было въ Ялтѣ, весною, на дачѣ С. Я. Елпатьевскаго, на большой бѣлой террасѣ, которая точно плавала надъ красивымъ гористымъ южнымъ городомъ, надъ темными, узкими кипарисами и надъ веселымъ, голубымъ моремъ. Былъ сіяющій, радостный, великолѣпный день. Издалека изъ городского сада доносились бодрые звуки мѣднаго

оркестра. Легкія турецкія кочермы и фелюги лѣниво покачивались, точно нѣжась въ малахитовой водѣ бухты. Сладко благоухали тяжелые синіе гроздья цвѣтущей глициніи. И во многолюдномъ обществѣ, собравшемся за завтракомъ на бѣлой террасѣ въ этотъ веселый полдень, было какое-то праздничное веселье, сверкалъ молодой, яркій смѣхъ, кипѣла безпричинная, горячая радость жизни.

Тутъ присутствовало нѣсколько писателей, два художника, начинающая художница, очень извѣстная пѣвица, два марксиста — оба, точно по формѣ, въ пенснэ, въ синихъ блузахъ, подпоясанныхъ кожанымъ кушакомъ, и въ широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ, — мѣстный помѣщикъ-винодѣлъ съ женою, оба красивые, молодые, нѣсколько инженеровъ-практикантовъ и еще кто-то изъ совсѣмъ зеленой, смѣшливой, непосѣдливой молодежи.

И я отлично помню, какъ вошелъ Николай Георгіевичъ. У него была стройная, худощавая фигура, рѣшительно-небрежныя, быстрыя, точныя и красивыя движенія и замѣчательное лицо, изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда потомъ не забываются. Всего плѣнительнѣе былъ въ этомъ лицѣ контрастъ между преждевременной сѣдиной густыхъ волнистыхъ волосъ и совсѣмъ юношескимъ блескомъ живыхъ, смѣлыхъ, прекрасныхъ, слегка насмѣшливыхъ глазъ — голубыхъ съ большими черными зрачками. Голова благородной формы сидѣла изящно и легко на тонкой шеѣ, а лобъ — наполовину бѣлый, наполовину коричневый отъ весенняго загара — обращалъ вниманіе своими чистыми, умными линіями.

Онъ вошелъ и уже черезъ пять минутъ овладѣлъ разговоромъ и сдѣлался центромъ общества. Но видно было, что онъ самъ не прилагалъ къ этому никакихъ усилій. Таково было обаяніе его личности, прелесть его улыбки, его живой, непринужденной, увлекательной рѣчи.

Въ эту пору Николай Георгіевичъ былъ занятъ изы-

сканіемъ для постройки электрической желѣзной дороги черезъ весь Крымскій полуостровъ отъ Севастополя до Симферополя черезъ Ялту. Этотъ огромный планъ давно уже привлекалъ вниманіе инженеровъ, но никогда не выходилъ изъ области мечтаній. Михайловскій первый вдохнулъ въ него живую душу и по чести можетъ быть названъ его отцомъ и иниціаторомъ. Онъ нерѣдко говорилъ своимъ знакомымъ, полушутя-полусерьезно, о томъ, что постройка этой дороги будетъ для него лучшимъ посмертнымъ памятникомъ, и что два лишь дѣла онъ хотѣлъ бы видѣть при своей жизни оконченными: это — электрическій путь по Крыму и повѣсть «Инженеры». Но — увы! — первое начинаніе было прекращено внезапной паникой японской войны, а второе — смертью.

Какимъ онъ былъ инженеромъ-строителемъ, я не знаю. Но спеціалисты увѣряютъ, что лучшаго изыскателя и иниціатора — болѣе находчиваго, изобрѣтательнаго и остроумнаго — трудно себѣ представить. Его дѣловые проекты и предположенія всегда отличались пламенной, сказочной фантазіей, которую одинаково трудно было какъ исчерпать, такъ и привести въ исполненіе. Онъ мечталъ украсить путь своей желѣзной дороги гротами, замками, башнями, постройками въ мавританскомъ стилѣ, арками и водопадами, хотѣлъ извлечь электрическую энергію изъ исторической Черной рѣчки и дѣйствительно думалъ создать безпримѣрный волшебный памятникъ изъ простого коммерческаго предпріятія.

Такимъ онъ былъ во всѣ свои дни. Веселый размахъ, пылкая, нетерпѣливая мысль, сказочное, блестящее творчество. Этотъ человѣкъ провелъ яркую, пеструю, огромную жизнь. Онъ — то бывалъ милліонеромъ, то сидѣлъ безъ копейки денегъ, въ долгахъ. Онъ исколесилъ всю Россію, участвовалъ въ сотняхъ предпріятій, богатѣлъ, разорялся и повсюду оставлялъ золотые слѣды: слѣды

своей необузданной, кипящей мысли и своихъ денегъ, которыя лились у него между пальцами.

По какому-то особенному свойству души онъ не умѣлъ отказывать ни въ одной просьбѣ, и этимъ широко пользовались всѣ, кому дѣйствительно была нужда и кому просто было не лѣнь. И эта черта въ немъ происходила не такъ отъ безпорядочной широты натуры, какъ отъ сердечной, теплой, истинной доброты. Онъ умеръ совершеннымъ бѣднякомъ, но для всѣхъ, близко его знавшихъ, не тайна, что незадолго до смерти онъ самъ, по личному почину, предложилъ и отдалъ около десяти тысячъ на одно идейное дѣло.

Но часто, очень часто среди этихъ жизненныхъ перемѣнъ онъ мечталъ со вздохомъ о томъ, какое было бы для него счастіе, если бы онъ могъ навсегда развязаться со всѣми дѣлами, проектами и постройками и отдаться цѣликомъ единственному любимому дѣлу — литературѣ. Ее одну онъ любилъ всей своей душой, любилъ съ трогательной нѣжностью, скромно и почтительно. Два мѣсяца спустя послѣ нашего знакомства, я провелъ нѣсколько вечеровъ у него въ Кастрополѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ его инженерный штабъ, и мы неоднократно говорили съ нимъ на литературныя темы. Я долженъ сказать, что ни у одного изъ писателей я не встрѣчалъ такого безкорыстія, такого отсутствія зависти и самомнѣнія, такого благожелательнаго, родственнаго отношенія къ собратьямъ по искусству.

Мнѣ ярко памятны эти дни въ Кастрополѣ на берегу моря. Къ обѣду и ужину всѣ инженеры и студенты вмѣстѣ съ Н. Г—чемъ и его семьей сходились къ общему столу въ длинную аллею, сплетенную изъ виноградныхъ лозъ. Отношенія у Н. Г—ча ко всѣмъ товарищамъ, начиная съ главнаго помощника и кончая послѣднимъ чертежникомъ или конторщикомъ, были одинаковы просты, дружественны

и пріятны, съ легкимъ оттѣнкомъ добродушной шутки. Помню одну характерную мелочь. Среди младшихъ товарищей Михайловскаго была одна барышня съ дипломомъ инженера. Она только-что пріѣхала изъ Парижа, окончивъ Ecole des Ponts et Chaussées. И была, кажется, первой женщиной въ Россіи, исполнявшей инженерныя работы. Она была очень мила, застѣнчива, трудолюбива, носила широкія шаровары, но работа въ горахъ, на солнечномъ припекѣ, давалась ей съ трудомъ. Надо сказать— дѣло прошлое — инженеры порядочно-таки травили какъ ее, такъ и вообще высшій женскій трудъ — и травили не всегда добродушно. И я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ Н. Г—чъ умѣлъ мягко, но настойчиво прекращать ихъ шутки, когда замѣчалъ, что онѣ причиняютъ боль этой барышнѣ.

По вечерамъ мы долго, большимъ обществомъ, сидѣли у него на балконѣ, не зажигая огня, въ темныхъ сумеркахъ, когда кричали цикады, благоухала бѣлая акація и блестѣли при лунѣ листья магнолій. И вотъ тутъ-то иногда Н. Г. импровизировалъ свои прелестныя дѣтскія сказки. Онъ говорилъ ихъ тихимъ голосомъ, медленно, съ оттѣнкомъ недоумѣнія, какъ разсказываютъ обыкновенно сказки дѣтямъ. И мнѣ не забыть никогда этихъ очаровательныхъ минутъ, когда я присутствовалъ при томъ, какъ рождается мысль, и какъ облекается она въ нѣжныя, изящныя формы.

Повторяю, я мало зналъ покойнаго писателя. Къ тому немногому, что̀ я сказалъ, я могу прибавить, что Н. Г. безконечно любилъ дѣтей. Несмотря на то, что у него было одиннадцать своихъ ребятишекъ, онъ съ настоящей, истинно-отеческой лаской и вниманіемъ относился и къ тремъ своимъ пріемнымъ дѣтямъ. Онъ любилъ цвѣты, музыку, красоту слова, красоту природы и женскую нѣжную красоту. У него — современнаго литератора — была

душа эллина. Лишь что-нибудь исключительно-пошлое, вульгарное, мѣщанское могло внести въ его всегдашнюю добродушную легкую насмѣшку злобу и презрѣніе.

Таковъ онъ былъ въ то лѣто, передъ войною. Затѣмъ я видѣлъ его мелькомъ раза три-четыре: на желѣзной дорогѣ, въ гостяхъ, гдѣ-то на литературныхъ собраніяхъ, но ни разу больше мнѣ не удавалось разговаривать съ нимъ. Но послѣдняя наша встрѣча потрясла меня своей неожиданностью.

Это было зимою. Я присутствовалъ на вечерѣ, въ обществѣ писателей и художниковъ, въ помѣщеніи издательства «Шиповникъ». Говорили, что и Гаринъ долженъ прійти немного позднѣе; но раньше онъ предполагалъ зайти на нѣсколько минутъ въ редакцію какой-то газеты, помѣщавшейся въ томъ же домѣ, этажомъ выше. И вотъ вдругъ приходитъ сверху растерянный слуга и говоритъ, что Михайловскій умеръ скоропостижно въ редакціи. Я пошелъ туда. Онъ лежалъ на диванѣ, лицомъ вверхъ, съ закрытыми тяжелыми, темными вѣками. Лицо его точно постарѣло безъ этихъ живыхъ, молодыхъ глазъ, но было таинственно-прекрасно и улыбалось вѣчной улыбкой знанія.

Пожилая дама сидѣла у него въ ногахъ и безъ словъ, неподвижно и молча глядѣла ему въ лицо, точно разговаривая съ нимъ мысленно. Я пожалъ его руку. Она была холодна и тверда. И—помню—сознавая его смерть умомъ, я никакъ не могъ понять сердцемъ, почему холодъ и оцѣпенѣніе смерти овладѣли именно этимъ живымъ, энергичнымъ тѣломъ, этой пылкой творческой мыслью, этой изящной, избранной душой.

РЕДІАРДЪ КИПЛИНГЪ.

Страна, дѣлающая лучшую въ мірѣ сталь, варящая лучшій во всемъ свѣтѣ эль, изготовляющая лучшіе бифштексы, выводящая лучшихъ лошадей, создавшая священную неприкосновенность семейнаго очага, изобрѣтшая почти всѣ виды спорта; страна, національный гимнъ которой кончается прекрасными словами, заставляющими насъ, русскихъ, плакать отъ безсильнаго волненія —

Никогда, никогда, никогда
Англичанинъ не будетъ рабомъ—

только такая страна, страна мудраго и безсердечнаго эгоизма, желѣзной англо-саксонской энергіи, презрительной государственной обособленности и безпримѣрно-жестокой колоніальной политики, страна, гордо пишущая мѣстоименіе «Я» съ большой буквы, но ревниво охраняющая каждую мелочь старины, начиная съ офиціальнаго цѣлованія руки у короля и кончая вѣткой остролистника на рождественскомъ столѣ, — только такая страна могла породить свою теперешнюю національную славу— Редіарда Киплинга.

Трое англійскихъ писателей — Киплингъ, Уэльсъ и Конанъ-Дойль завоевали въ настоящее время всемірное вниманіе. Въ ихъ трудѣ съ особенной яркостью сказывается та добросовѣстная техника, та терпѣливая, выработанная

вѣками культуры выдумка, объ отсутствіи которой у русскихъ писателей меланхолически вздыхалъ Тургеневъ.

Но безконечно-увлекательный, умный, изобрѣтательный Уэльсъ все-таки имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ многихъ авторовъ фантастически-научныхъ путешествій и приключеній. Но Конанъ-Дойль, заполонившій весь земной шаръ детективными разсказами, все-таки умѣщается вмѣстѣ со своимъ Шерлокомъ Холмсомъ, какъ въ футляръ, въ небольшое геніальное произведеніе Э. По — «Преступленіе въ улицѣ Моргъ».

Киплингъ же совершенно самостоятеленъ. Онъ оригиналенъ, какъ никто другой, въ современной литературѣ. Могущество средствъ, которыми онъ обладаетъ въ своемъ творчествѣ, прямо неисчерпаемо. Волшебная увлекательность фабулы, необычайная правдоподобность разсказа, поразительная наблюдательность, остроуміе, блескъ діалога, сцены гордаго и простого героизма, точный стиль, или, вѣрнѣе, десятки точныхъ стилей, экзотичность темъ, бездна знаній и опыта и многое, многое другое составляютъ художественныя данныя Киплинга, которыми онъ властвуетъ съ неслыханной силой надъ умомъ и воображеніемъ читателя.

И тѣмъ не менѣе на прекрасныхъ произведеніяхъ Киплинга нѣтъ двухъ самыхъ вѣрныхъ отпечатковъ генія — вѣчности и всечеловѣчества. Въ его разсказахъ — особенно если прочитаешь всѣ, безъ перерыва, залпомъ — чувствуется не геній, родина котораго міръ, а Киплингъ — англичанинъ, только англичанинъ, и притомъ англичанинъ нашихъ дней. И какъ бы ни былъ читатель очарованъ этимъ волшебникомъ, онъ видитъ изъ-за его строчекъ настоящаго культурнаго сына жестокой, алчной, купеческой, современной Англіи, джингоиста, безпощадно травившаго буровъ, ради возвеличенія британскаго престижа во всѣхъ странахъ и моряхъ, «надъ ко-

торыми никогда не заходитъ солнце»; поэта, вдохновлявшаго англійскихъ наемныхъ солдатъ на грабежъ, кровопролитіе и насиліе своими патріотическими пѣснями. Кровь такъ и хлещетъ во всѣхъ произведеніяхъ Киплинга, но что̀ значатъ нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней, если ими покупается величіе и мощь гордой Англіи? И— повторяю — только узость идеаловъ Киплинга, стѣсненныхъ слѣпымъ націонализмомъ, мѣшаетъ признать его геніальнымъ писателемъ.

Читая его, невольно вспоминаешь и другого англійскаго писателя — Диккенса, этого «самаго христіанскаго изъ всѣхъ писателей», какъ выразился о немъ Достоевскій, Диккенса, умѣвшаго видѣть совсѣмъ съ другой точки зрѣнія добрую, старую, веселую Англію. Нигдѣ не будутъ чужими и навсегда останутся памятными и близкими, какъ ушедшіе изъ жизни добрые, вѣрные друзья, его безчисленные персонажи, очерченные съ беззлобнымъ, простосердечнымъ, теплымъ юморомъ: м-ръ Пикквикъ въ золотыхъ очкахъ, оба Уэллера, капитанъ Куттль съ желѣзнымъ крючкомъ, тетушка Копперфильда и ея старый, добродушный другъ, маленькая Дорритъ, м-ръ Микоберъ, славные моряки, честные купцы, преданные веселые слуги, проказливые студенты. Даже отрицательные типы Диккенса, въ родѣ Уріи Гипа, черстваго Домби, плутоватаго м-ра Джингля въ зеленомъ фракѣ, жестокаго Мордстона, разныхъ старыхъ каторжниковъ, воровъ и мошенниковъ, являются намъ смягченными, благодаря горю, раскаянію или примиряющей смерти. И какъ мила и добродушна эта домашняя, уютная, патріархальная Англія Диккенса, съ ея семейными праздниками, почтовыми дорогами, гостепріимными трактирами, съ архаическими судами и конторами, съ прелестными старыми обычаями и крѣпкимъ, соленымъ, какъ морской вѣтеръ, добротнымъ юморомъ.

Но Киплинга не волнуютъ и не умиляютъ эти тихія, бытовыя, семейныя картины. По натурѣ онъ завоеватель, хищникъ и рабовладѣлецъ, самый яркій представитель той Англіи, которая желѣзными руками опоясала весь земной шаръ и давитъ его во имя своей славы, богатства и могущества. Большинство его разсказовъ переноситъ насъ въ Индію, гдѣ съ наибольшей силой и жестокостью сказывается неутолимая англійская алчность. Киплингъ смѣло и ревниво вѣритъ въ высшую культурную миссію своей родины и закрываетъ глаза на ея несправедливости. Посмотрите на офицеровъ и на чиновниковъ въ этихъ разсказахъ. Всѣ они — люди долга, самоотверженные служаки, глубокіе патріоты. Они мокнутъ въ болотахъ, болѣютъ лихорадкой, изнываютъ въ нестерпимомъ зноѣ, падаютъ отъ изнеможенія надъ работой или сходятъ съ ума. Въ маленькомъ желѣзнодорожномъ чиновникѣ, въ офицерѣ, въ лѣсничемъ, въ продовольственномъ комиссарѣ Киплингъ искусной рукой открываетъ черты такого скромнаго самопожертвованія и такого безкорыстнаго героизма, — и все это во благо и процвѣтаніе далекой отчизны, — что сердце англійскаго читателя не можетъ не сжаться отъ радостной гордости и умиленія.

Другая среда, не менѣе любовно описываемая Киплингомъ,—это англійскіе солдаты въ Индіи. Надо ли говорить о томъ, что Томми Аткинсъ выходитъ изъ-подъ пера великаго мастера въ самыхъ задушевныхъ, привлекательныхъ краскахъ? Онъ, правда, грубоватъ и немного ворчунъ, и не прочь выпить лишнее, но зато обожаетъ своего начальника-офицера, какъ существо высшей, полубожеской расы, всегда готовъ положить жизнь за товарища, радъ войнѣ, точно празднику, и съ гордымъ достоинствомъ носитъ званіе слуги «Вдовы», какъ онъ съ интимною почтительностью называетъ свою королеву. Объ одномъ только не упоминаетъ Киплингъ при всемъ своемъ

пристрастіи къ доброму, славному Томми — это о жестокости его къ побѣжденнымъ и о его истеричности.

Затѣмъ остается еще третій элементъ въ индійскихъ разсказахъ Киплинга: мѣстное населеніе. Но и оно служитъ въ его чудесныхъ рукахъ все той же узкой и великой цѣли — прославленію и возвеличенію англійской завоевательной миссіи. Цвѣтные слуги, готовые на смерть за своихъ обожаемыхъ сагибовъ, искусные шпіоны изъ индусовъ, съ дѣтства пріучаемые къ своей позорной службѣ, туземные полки, свирѣпствующіе въ избіеніи строптивыхъ сородичей, — вотъ что̀ вызываетъ сочувствіе и благословеніе Киплинга. Но всякій бунтовщикъ, дерзающій возставать противъ попечительной и разумной англійской власти, презрительно рисуется авторомъ, какъ разбойникъ, вѣроломный трусъ и мошенникъ.

Такимъ-то образомъ въ Киплингѣ англичанинъ заслоняетъ художника и человѣка. Но это и все, что̀ ему можно поставить въ упрекъ и что̀—повторяю—кидается въ глаза лишь при слишкомъ пристальномъ и усердномъ изученіи этого автора. Но, независимо отъ своего патріотическаго пристрастія, Киплингъ развертываетъ передъ нами всю сказочную, феерическую Индію, ослѣпляя насъ яркими красками, подавляя и ошеломляя какимъ-то чудовищнымъ водопадомъ изъ людей, странъ, событій, костюмовъ, обычаевъ, преданій, войны, любви, племенной мести, безумія, бреда, величія и паденія. Онъ ведетъ насъ черезъ всю Индію, показывая намъ то жизнь офицеровъ и солдатъ въ казармахъ и въ горныхъ лагеряхъ, то ужасы голоднаго года, то афридія, рыщущаго по всей странѣ изъ города въ городъ за врагомъ, котораго онъ долженъ непремѣнно задушить однѣми голыми руками, безъ оружія, то индійскую гетеру, «представительницу самой древней профессіи», то погонщика слоновъ, то охоту на тигра, то магометанскій Байрамъ и

рѣзню мусульманъ съ индусами въ стѣнахъ стараго города, то страшный кошмаръ переутомленнаго чиновника, то разливъ Ганга, стремящійся разрушить мостъ, то древнихъ боговъ Индіи, держащихъ совѣтъ на островѣ, то уголокъ гаремной жизни, то маякъ, то владѣтельнаго раджу, по-европейски образованнаго и по-азіатски жестокаго, то безпечную, полную крови и приключеній жизнь трехъ англійскихъ солдатъ: Лиройда, Мультани и Ортериса, къ которымъ авторъ такъ часто возвращается во многихъ разсказахъ.

И какъ намъ ни странна, какъ отъ насъ ни далека эта пряная, фантастическая пестрая жизнь — Киплингу невольно вѣришь во всемъ, что̀ онъ разсказываетъ. Эта правдоподобность, достовѣрность разсказа и составляетъ ту тайну очарованія, которая приковываетъ къ книгамъ Киплинга несокрушимыми волнующими узами. Для этого у Киплинга, при всей необычности, исключительности фабулы, есть много пріемовъ, изъ которыхъ многіе врядъ ли поддаются учету. У него, напримѣръ, есть особая, своеобразная манера вводить читателя въ среду и интересы своихъ героевъ. Для этого онъ начинаетъ повѣствованіе такъ просто, такъ небрежно и даже иногда такъ сухо, какъ будто вы давнымъ-давно знаете и этихъ людей и эти причудливыя условія жизни, какъ будто сегодня Киплингъ продолжаетъ вамъ разсказывать о томъ, что̀ вы сами видѣли и слышали вчера. Благодаря такому «вводу» — вы долго испытываете какое-то недоумѣніе, почти непониманіе, заставляющее васъ безпокойно напрягать память и часто возвращаться назадъ, къ уже прочитаннымъ строчкамъ. Но маленькими, бѣглыми, точно случайными штрихами авторъ, незамѣтно для васъ самихъ, все яснѣе и яснѣе очерчиваетъ мѣстность, среду, взаимныя отношенія людей и фигуры самихъ людей, и когда вы наконецъ противъ воли совершенно оріен-

тировались, то вы уже цѣликомъ захвачены разсказомъ, вы свой всѣмъ его героямъ, вы его не читаете, а живете въ немъ.

Кромѣ того Киплингъ увлекаетъ и заставляетъ вѣрить себѣ благодаря еще одной сторонѣ своего таланта. Онъ обладаетъ самыми колоссальными и разнообразными знаніями. Ему знакомы мельчайшія бытовыя черты изъ жизни офицеровъ, чиновниковъ, солдатъ, докторовъ, землемѣровъ, моряковъ; онъ знаетъ самыя сложныя подробности сотенъ профессій и ремеслъ; ему извѣстны всѣ тонкости любого спорта; онъ поражаетъ своими научными и техническими познаніями. Но онъ никогда не утомляетъ своимъ огромнымъ багажомъ. Онъ лишь пользуется имъ въ такой мѣрѣ и такъ искусно, что вы готовы повѣрить, что именно самъ Киплингъ ловилъ треску вмѣстѣ съ рыбаками на сѣверѣ Атлантическаго океана, и несъ службу на маякѣ, и метался въ жестокой индійской лихорадкѣ, и участвовалъ въ кровавыхъ карательныхъ экспедиціяхъ, и строилъ мосты, и велъ, какъ машинистъ, желѣзнодорожные поѣзда, и т. д. и т. д. А въ этомъ довѣріи заключается одна изъ тайнъ поразительнаго обаянія его разсказовъ и его большой и заслуженной славы.

УМЕРЪ СМѢХЪ.

Уже послѣднія извѣстія о здоровьѣ Марка Твэна были тревожны. Тяжело больной, почти умирающій, пріѣхалъ онъ на родину. Съ парохода его снесли на носилкахъ. На особомъ поѣздѣ онъ былъ доставленъ въ свой домъ. А сегодня мы узнали по телеграфу о его смерти.

Смерть его, какъ человѣка, совсѣмъ не вызываетъ сожалѣній. Это былъ ясный, безоблачный закатъ. Умереть, проживъ красиво, гармонично и правдиво цѣлыхъ три четверти вѣка, умереть, сохранивъ до конца своихъ дней свѣжесть мысли, тонкость улыбки и нѣжность души, умереть у себя дома, зная, что любящая, дружеская рука закроетъ тебѣ глаза въ самую послѣднюю, можетъ-быть, тяжелую минуту, умереть, не оставивъ за собою ни одного вздоха, ни разочарованія по пережитой славѣ — да! такъ умереть могъ только избранникъ и любимецъ судьбы.

Но горько и страшно думать о томъ, что вмѣстѣ съ Клеменсомъ ушла—и, я думаю, безвозвратно—та смѣющаяся печаль, та окропленная свѣтлыми слезами веселость, которую мы зовемъ юморомъ.

«Видимый міру смѣхъ и незримыя слезы».

«А моимъ герольдомъ будетъ юморъ со смѣющейся слезкой въ щитѣ!»

Мы, теперешніе люди, оглушенные ревомъ автомоби-

лей, звонками телефоновъ, хрипомъ граммофоновъ и гудѣніемъ экспрессовъ, мы, ослѣпленные электрическими огнями вывѣсокъ и кинематографовъ, одурманенные газетой и политикой — развѣ мы смѣемся когда-нибудь? Мы— или дѣлаемъ кислую гримасу, которая должна сойти за усмѣшку, или катаемся отъ щекотки въ припадкахъ истерическаго хохота, или судорожно лаемъ на жизнь, отплевываясь желчью. Но тотъ свѣтлый смѣхъ, за который Достоевскій называлъ Диккенса «самымъ христіанскимъ изъ писателей» и который такъ плѣнялъ Пушкина въ раннихъ гоголевскихъ повѣстяхъ — этотъ смѣхъ почти на нашихъ глазахъ растаялъ и испарился. Онъ начался громоподобнымъ веселымъ смѣхомъ гомеровскихъ боговъ, смѣхомъ, заставлявшимъ колебаться горы, и окончился вчера въ тотъ моментъ, когда на лицѣ Марка Твэна легла вѣчная улыбка мудрости.

Что̀ насъ смѣшитъ теперь? Оперетка, въ которой всѣ герои помѣнялись нижнимъ бѣльемъ? Французскій анекдотъ изъ области спальни и клозета? Зрѣлище толстаго старика, проваливающагося въ кинематографѣ изъ третьяго этажа въ подвальный? Имитація національнаго говора? Пародія? Шаржъ? Пародія на шаржъ? Право, если гдѣ и остался сейчасъ грубый, примитивный, пожалуй, даже не въ мѣру просоленный юморъ — такъ это въ старыхъ клоунскихъ пантомимахъ...

У Твэна, у этого настоящаго потомка англо-саксонской расы, было многое отъ Диккенса, также какъ у Диккенса — отъ Шекспира и Стерна. Точное, здоровое и прилежное наблюденіе жизни, мужественное сердце, спокойная любовь къ родинѣ — и рядомъ съ нею широкая всечеловѣчность, свободное пониманіе прелести шутки, порою—простонародная грубоватость, чисто-мужская покровительственная нѣжность къ дѣтямъ и женщинамъ, легкое преувеличеніе въ сторону лирическаго и трогатель-

наго и чрезмѣрное — въ сторону смѣшного и порочнаго, а въ глубинѣ—неистощимая любовь къ человѣку.

Такъ мыслить, чувствовать и смѣяться мы уже не умѣемъ и не можемъ. Твэнъ и по годамъ былъ намъ дѣдушкой. Надолго, если не навсегда, мы осуждены переходить отъ двухсложнаго анекдота къ бѣшеной сатирѣ. Но истинный, здоровый и беззлобный смѣхъ умеръ въ трескотнѣ и пыли города.

Объ этомъ думали уже многіе и думали часто. Но, мнѣ кажется, никогда мы, до кончины М. Твэна, не постигали такъ просто и жестоко простой мысли о повсемѣстной смерти смѣха.

О ТОМЪ, КАКЪ Я ВИДѢЛЪ ТОЛСТОГО НА ПАРОХОДѢ „СВ. НИКОЛАЙ."

(Читано 12 октября 1908 г. на вечерѣ имени Толстого, въ Тенишевской залѣ).

Не такъ давно я имѣлъ счастіе говорить съ человѣкомъ, который въ раннемъ дѣтствѣ видѣлъ Пушкина. У него въ памяти не осталось ничего, кромѣ того, что это былъ блондинъ, маленькаго роста, некрасивый, вертлявый и очень смущенный тѣмъ вниманіемъ, которое ему оказывало общество. Увѣряю васъ, что на этого человѣка я глядѣлъ, какъ на чудо. Пройдетъ лѣтъ 50—60, и на тѣхъ людей, которые видѣли Толстого при его жизни (да продлитъ Богъ его дни!), будутъ также глядѣть, какъ на чудо. И потому я считаю не лишнимъ разсказать о томъ, какъ весной 1905 года я видѣлъ Толстого.

Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій предупредилъ меня, что завтра утромъ Толстой уѣзжаетъ изъ Ялты. Ясно помню чудесное утро, веселый вѣтеръ, море, — безпокойное, сверкающее, — и пароходъ «Святой Николай», куда я забрался за часъ до пріѣзда Льва Николаевича. Онъ пріѣхалъ въ двуконномъ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ. Коляска остановилась. И вотъ изъ коляски показалась старческая нога въ высокомъ болотномъ сапогѣ, ища подножки, потомъ медленно, по-старчески, вышелъ

онъ. На немъ было коротковатое драповое пальто, высокіе сапоги, подержанная шляпа котелкомъ. И этотъ костюмъ, вмѣстѣ съ сѣдыми изжелена волосами и длинной струящейся бородой, производилъ смѣшное и трогательное впечатлѣніе. Онъ былъ похожъ на стараго еврея, изъ тѣхъ, которые такъ часто встрѣчаются на юго-западѣ Россіи.

Меня ему представили. Я не могу сказать, какого цвѣта у него глаза, потому что я былъ очень растерянъ въ эту минуту, да и потому, что цвѣту глазъ я не придаю почти никакого значенія. Помню пожатіе его большой, холодной, негнущейся, старческой руки. Помню поразившую меня неожиданность: вмѣсто громаднаго маститаго старца, въ родѣ микель-анджеловскаго Моисея, я увидѣлъ средняго роста старика, осторожнаго и точнаго въ движеніяхъ. Помню его утомленный, старческій, тонкій голосъ. И вообще онъ производилъ впечатлѣніе очень стараго и больного человѣка. Но я уже видѣлъ, какъ эти выцвѣтшіе отъ времени, спокойные глаза съ маленькими острыми зрачками безсознательно, по привычкѣ, вбирали въ себя и ловкую бѣготню матросовъ, и подъемъ лебедки, и толпу на пристани, и небо, и солнце, и море, и, кажется, души всѣхъ насъ, бывшихъ въ это время на пароходѣ.

Здѣсь былъ очень интересный моментъ: доктора Волкова, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Толстымъ, приняли, благодаря его косматой и плоской прическѣ, за Максима Горькаго, и вся пароходная толпа хлынула за нимъ. Въ это время Толстой, какъ будто даже обрадовавшись минутной свободѣ, прошелъ на носъ корабля, туда, гдѣ ютятся переселенцы, армяне, татары, беременныя женщины, рабочіе, потертые дьяконы, и я видѣлъ чудесное зрѣлище: передъ нимъ съ почтеніемъ разступались люди, не имѣвшіе о немъ никакого представленія. Онъ шелъ,

какъ истинный царь, который знаетъ, что ему нельзя не дать дороги. Въ эту минуту я вспомнилъ отрывокъ церковной пѣсни: «Се бо идетъ царь славы». И не могъ я также не припомнить милаго разсказа моей матери, старинной, убѣжденной москвички, о томъ, какъ Толстой идетъ гдѣ-то по одному изъ московскихъ переулковъ, зимнимъ погожимъ вечеромъ, и какъ всѣ идущіе навстрѣчу снимаютъ передъ нимъ шляпы и шапки, въ знакъ добровольнаго преклоненія. И я понялъ съ изумительной наглядностью, что единственная форма власти, допустимая для человѣка, это—власть творческаго генія, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть.

Потомъ прошло еще пять минутъ. Пріѣхали новые знакомые Льва Николаевича, и я увидѣлъ новаго Толстого, — Толстого, который чуть-чуть кокетничалъ. Ему вдругъ сдѣлалось 30 лѣтъ: твердый голосъ, ясный взглядъ, свѣтскія манеры. Съ большимъ вкусомъ и очень выдержанно разсказывалъ онъ слѣдующій анекдотъ:

— Вы знаете, я на-дняхъ былъ боленъ. Пріѣхала какая-то депутація, кажется, изъ Тамбовской губерніи, но я не могъ ихъ принять у себя въ комнатѣ, они представлялись мнѣ, проходя предъ окномъ... и вотъ... Можетъ, вы помните у меня, въ «Плодахъ просвѣщенія», толстую барыню? Можетъ-быть, читали? Такъ вотъ она подходитъ и говоритъ: «Многоуважаемый Левъ Николаевичъ, позвольте принести вамъ благодарность за тѣ безсмертныя произведенія, которыми вы порадовали русскую литературу...» Я уже вижу по ея глазамъ, что она ничего не читала моего. Я спрашиваю: что̀ же вамъ особенно понравилось? Молчитъ. Кто-то ей шепчетъ сзади: «Война и миръ», «Дѣтство и отрочество»... Она краснѣетъ, растерянно бѣгаетъ глазами и наконецъ лепечетъ въ совершенномъ смущеніи: — «Ахъ, да... Дѣтство отрока... Военный миръ... и другія...»

Въ это время пришли какіе-то англичане, и вотъ я опять увидалъ новаго Толстого, выдержаннаго, корректнаго европейскаго аристократа, очень спокойнаго, щеголявшаго безукоризненнымъ англійскимъ произношеніемъ.

Вотъ впечатлѣніе, которое вынесъ я отъ этого человѣка въ теченіе 10—15 минутъ. Мнѣ кажется, что, если бы я слѣдилъ за нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ такъ же былъ бы неуловимъ.

Но я понялъ въ эти нѣсколько минутъ, что одна изъ самыхъ радостныхъ и свѣтлыхъ мыслей — это жить въ то время, когда живетъ этотъ удивительный человѣкъ. Что высоко и цѣнно чувствовать и себя также человѣкомъ. Что можно гордиться тѣмъ, что мы мыслимъ и чувствуемъ съ нимъ на одномъ и томъ же прекрасномъ русскомъ языкѣ. Что человѣкъ, создавшій прелестную дѣвушку Наташу, и курчаваго Ваську Денисова, и стараго мерина Холстомѣра, и суку Милку, и Фру-фру, и холодно-дерзкаго Долохова, и «круглаго» Платона Каратаева; воскресившій намъ вновь Наполеона, съ его подрагивающей ляжкой, и масоновъ, и солдатъ, и казаковъ вмѣстѣ съ очаровательнымъ дядей Ерошкой, отъ котораго такъ уютно пахло немножко кровью, немножко табакомъ и чихиремъ, — что этотъ многообразный человѣкъ, таинственною властью заставляющій насъ и плакать, и радоваться, и умиляться, — есть истинный, радостно признанный властитель. И что власть его — подобная творческой власти Бога — останется навѣки, останется даже тогда, когда ни насъ, ни нашихъ дѣтей, ни внуковъ не будетъ на свѣтѣ.

Вотъ приблизительно и все, что я успѣлъ продумать и перечувствовать между вторымъ и третьимъ звонкомъ, пока отвалилъ отъ ялтинской пристани тяжелый, неуклюжій грузовой пароходъ «Св. Николай».

Вспоминаю еще одну маленькую, смѣшную и трогательную подробность:

Когда я сбѣгалъ со сходенъ, мнѣ встрѣтился капитанъ парохода, совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ.

Я спросилъ:

— А вы знаете, кого вы везете?

И вотъ я увидѣлъ, какъ сразу просіяло его лицо въ крѣпкой радостной улыбкѣ, и, быстро пожавъ мою руку (такъ какъ ему было некогда), онъ крикнулъ:

— Конечно, Толстого!

И это имя было какъ будто какое-то магическое объединяющее слово, одинаково понятное на всѣхъ долготахъ и широтахъ земного шара.

Конечно, Льва Толстого!

Отъ всей полноты любящей и благодарной души желаю ему многихъ лѣтъ здоровой, прекрасной жизни. Пусть, какъ добрый хозяинъ, взрастившій роскошный садъ на пользу и радость всему человѣчеству, будетъ онъ долго-долго на своемъ царственномъ закатѣ созерцать золотые плоды — труды рукъ своихъ.

НАШЕ ОПРАВДАНІЕ.

Точно золотыя звенья одной волшебной цѣпи, начатой Пушкинымъ и увѣнчанной Толстымъ, точно сіяющія звѣзды одного вѣчнаго созвѣздія, горятъ надъ нами въ неизмѣримой высотѣ безсмертія прекрасныя имена великихъ русскихъ писателей. Въ нихъ наша совѣсть, въ нихъ наша истинная гордость, наше оправданіе, честь и надежда. И, глядя на нихъ сквозь черную ночь, когда наша многострадальная родина раздирается злобой, уныніемъ, отчаяніемъ и униженіемъ, мы все-таки твердо вѣримъ, что не погибнетъ народъ, родившій ихъ, и не умретъ языкъ, ихъ воспитавшій.

Какое странное, глубокое волненіе охватываетъ душу, когда подумаешь, что еще вчера Толстой жилъ между нами, былъ доступенъ живому общенію съ людьми, говорилъ, улыбался, страдалъ... Но вотъ прошло нѣсколько часовъ, — и онъ уже отодвинулся отъ насъ на столѣтія, сталъ достояніемъ міровой исторіи, обратился въ легенду.

Онъ и при жизни былъ окруженъ легендой. Удивительную по своему значенію фразу сказала мнѣ вчера одна старообрядка, казачка, женщина интеллигентная, искренняя и глубоко вѣрующая. «Вы и представить себѣ не можете, — говорила она: — какъ у насъ на Дону люди старой вѣры почитаютъ имя Толстого, даже тѣ, которые ни одной его строчки не прочли, даже неграмотные; онъ

для нихъ какой-то символъ чистоты и справедливости». И дальше она прибавила: «Наши попы его похоронили бы торжественно».

Да и правда: сколько милліоновъ людей въ минуты паденія, тяжелыхъ рѣшеній, раскаянія, душевной тоски, отчаянія—вспоминало объ этомъ имени, какъ объ якорѣ надежды. Сколько сотенъ тысячъ тянулось въ Ясную Поляну и получало тамъ совѣтъ, утѣшеніе, поддержку. Правда, приходили порой со зломъ, съ пустяками, съ однимъ празднымъ любопытствомъ, но вѣдь и къ святымъ отцамъ являлись часто глумливцы и попрошайки. Я вѣрю: пройдетъ очень немного лѣтъ, отпадетъ, какъ шелуха, и забудется все клеветническое, легкомысленное и низменное, что̀ прилипало къ чудесному имени Толстого, и оно засіяетъ въ сладостной, прекрасной человѣческой легендѣ, точно обвѣянное поэзіей тысячелѣтій.

Какъ полна, богата, разнообразна и свѣтла была его жизнь. Вся она прошла передъ нами, преломленная, точно въ волшебной хрустальной призмѣ, въ его произведеніяхъ и словахъ — вся, отъ младенческихъ лѣтъ до послѣдняго его вздоха.

Охота, война, любовь, болѣзнь, семейная жизнь, рожденіе дѣтей, свѣтское общество, бремя славы, томленія духа, подвигъ — все совмѣстилось въ этой поразительной жизни, и почти все онъ отдалъ намъ, претворивъ въ безконечно-художественные образы, въ которыхъ все — правда.

«Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ, — правда». Вотъ безцѣнныя слова Толстого, одинаково измѣряющія и его бытіе и его творчество.

Оттого-то вся его жизнь и представляется намъ, какъ

ничья другая жизнь, подобной стройному кругу, гдѣ конецъ гармонично впадаетъ въ начало. И какой трогательной простотой, какой глубиной красоты и правдивости звучатъ его послѣднія слова, произнесенныя на маленькой станціи за нѣсколько минутъ передъ смертью!.. Это — тихій, скорбный и нѣжный аккордъ, заключившій великую симфонію. Это — предсмертный шопотъ Николеньки, странника Гриши, Пьера Безухова, Константина Левина, князя Неклюдова, старика Акима...

Какъ древній Великій Поэтъ, который, достигнувъ глубочайшей старости, повторялъ ученикамъ непрестанно одно лишь наставленіе: «Дѣти, любите другъ друга, дѣти, любите другъ друга», — такъ и Толстой въ послѣдніе годы жизни, не уставая, училъ письменно и словесно любви, прощенію и смиренію. И многихъ умиляла, подымала, очищала эта кроткая проповѣдь.

Но безконечно цѣннѣе, милѣе и ближе намъ Толстой— творецъ, Толстой — художникъ, Толстой — величайшій изъ мастеровъ прихотливаго, непокорнаго, великолѣпнаго русскаго слова. Онъ показывалъ намъ, слѣпымъ и скучнымъ, какъ прекрасны земля, небо, люди и звѣри. Онъ говорилъ намъ, недовѣрчивымъ и скупымъ, о томъ, что каждый человѣкъ можетъ быть добрымъ, сострадательнымъ, интереснымъ и красивымъ душою. Онъ убѣждалъ насъ, что слово есть величайшее средство общенія между людьми. И всей безконечной прелестью своего художественнаго генія онъ точно сказалъ намъ: «Смотрите, какъ лучезарно-прекрасенъ и какъ великъ человѣкъ».

Никакія литературныя поученія еще не спасли и не поколебали ни одного читателя. Но великія художественныя произведенія, какъ и имена ихъ творцовъ, сближаютъ и соединяютъ милліоны душъ незримыми, тонкими, но крѣпкими узами.

Въ настоящую минуту вниманіе и чувства всего обра-

зованнаго міра прикованы къ маленькому холмику, около пруда, въ старомъ яснополянскомъ паркѣ. Не будемъ оплакивать его. Отъ временныхъ вещей Толстой ушелъ въ вѣчность и безсмертіе, совершивъ болѣе того, что могъ человѣкъ. Съ тихимъ благоговѣніемъ склонимъ головы и опустимъ глаза передъ великимъ событіемъ, которое пронеслось надъ нами. Скажемъ тихо, съ глубокою благодарностью: «Почивай съ міромъ, сокровище наше, слава наша, оправданіе наше!»

* * *

«Слова мудрыхъ остры, какъ иглы, крѣпки, какъ вбитые гвозди, и составители ихъ — всѣ отъ Единаго Пастыря».—Такъ сказалъ Соломонъ.

8 ноября 1910 г.

ФАРАОНОВО ПЛЕМЯ.

Мы присутствуемъ при вырожденіи цыганской пѣсни, вѣрнѣе — при ея скучной, медленной старческой кончинѣ. Пройдетъ еще четверть вѣка, и о ней не останется даже воспоминанія. Древніе, полевые, таборные напѣвы, переходившіе изъ рода въ родъ, изъ клана въ кланъ, по памяти и по слуху, исчезли и забылись, никѣмъ не подобранные любовно и не записанные тщательно. Старинные романсы вышли изъ моды — ихъ не воскресишь. Современные романсы живутъ, какъ мотыльки-однодневки: сегодня ихъ гнусавятъ шарманки и откашливаютъ граммофоны, а завтра отъ нихъ нѣтъ и слѣда.

Жалѣть объ этомъ, или не жалѣть? Правда, съ цыганщиной какъ-то ужъ черезчуръ тѣсно связано наше безобразное и нелѣпое прошлое: время крѣпостничества и дикаго барства, времена выкупныхъ платежей, взяточничества, всякихъ концессій и откуповъ, интендантскихъ оргій и банковскихъ растратъ. Но и въ прошломъ было кое-что милое, о чемъ поневолѣ вздохнешь съ тайной и сладостной грустью: были Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ и молодой офицеръ Толстой, были декабристы и массоны, были романтическія дѣвушки и отважные мужчины, были женскія шляпы кибиточками, мушки, шаловливые анекдоты прабабушекъ, мебель краснаго дерева, клавесины, давно забытая учтивость, медленные и важные танцы, похищеніе невѣстъ и дуэли черезъ платокъ, была граціозно-неуклюжая, уютная и живая старина.

Была и цыганская пѣсня. И о ней такъ же невольно вздохнешь, какъ вздохнешь о глупыхъ слезахъ и о радостяхъ дѣтства, о смѣшныхъ и прекрасныхъ восторгахъ первой любви, о пылкомъ и великодушномъ задорѣ ранней молодости, о безумно растраченныхъ силахъ, которыя когда-то казались неисчерпаемыми.

Почти сто лѣтъ держалось увлеченіе цыганской пѣсней. Недаромъ же этому увлеченію отдали искреннюю и страстную дань два самыхъ великихъ русскихъ человѣка XIX столѣтія, одинъ — озарившій его начало, другой — увѣнчавшій его конецъ, одинъ — Пушкинъ, другой — Толстой.

Совсѣмъ недавно, всего лишь нѣсколько дней тому назадъ, какой-то внимательный поклонникъ свѣтлой памяти Пушкина нашелъ наконецъ знаменитый нащокинскій домикъ. Исторія этого домика, конечно, извѣстна каждому. Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ молодого Пушкина, изъ барской прихоти выстроилъ и постоянно украшалъ, со свойственной ему широтою натуры, оригинальную игрушку, точную копію своего московскаго двухъэтажнаго дома, копію, которая свободно умѣщалась на ломберномъ столѣ.

Конечно, эта вещь драгоцѣнна, какъ памятникъ старины и кропотливаго искусства, но она несравненно болѣе дорога намъ, какъ почти живое свидѣтельство той обстановки, мебели, забавъ, безобидныхъ кутежей, цыганскаго пѣнія, беззаботныхъ шутокъ, и въ то же время внимательной и истинной дружбы — словомъ, той среды, въ которой попросту и такъ охотно жилъ Пушкинъ. И мнѣ кажется, что за жизнью этого человѣка, ушедшаго больше, чѣмъ за исторію — въ легенду, — гораздо точнѣе и любовнѣе можно слѣдить по нащокинскому домику, чѣмъ по современнымъ ему портретамъ бюстамъ и даже по его посмертной маскѣ.

Вотъ бильярдная, гдѣ одинъ изъ игроковъ мѣлитъ кій, а другой — играетъ. Позы и костюмы игроковъ сдѣланы такъ искусно, что производятъ совсѣмъ живое впечатлѣніе.

Вотъ столовая, кухня, винный погребъ, гостиная, и каждая деталь поражаетъ вниманіемъ, терпѣніемъ и тщательной обработкой. Все, начиная отъ человѣческихъ фигуръ и кончая обыкновенной обѣденной утварью, соблюдено тщательно и любовно.

Вотъ, Пушкинъ въ его излюбленномъ, недосягаемомъ кабинетѣ, читаетъ стихи, полусидя-полустоя, опершись на столъ. На немъ киргизская шитая шапочка, въ рукахъ листъ рукописи; на переднемъ планѣ сидитъ Гоголь, сгорбившись, охвативъ колѣна руками, благоговѣйный и задумчивый. Дальше чья-то фигура — говорятъ, что это портретъ Нащокина.

И еще одна замѣчательная подробность: гостиная, старинныя клавикорды, аккомпаніаторша... впереди на небольшой софѣ сидитъ Ольга Андреевна, подруга Нащокина, дочь знаменитой Стеши, Степаниды Сидоровны, съ гитарой въ рукахъ, а еще дальше, точно невольно, остановился въ полушагѣ и вдумчиво затихъ Пушкинъ. очарованный цыганской пѣсней.

«Новый Годъ встрѣтилъ я съ цыганами,—пишетъ Пушкинъ князю Вяземскому отъ 2 января 1831 г.: — и съ Танюшею, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: «Пріѣхали сани»

Д. — Митюша В. — Петруша Г. — Ѳедюша	Давыдовъ съ ноздрями, Вяземскій съ очками, Гагаринъ съ усами, Дѣвокъ испугали И всѣхъ разогнали, и пр.

«Знаешь ли ты эту пѣсню?»

Этотъ Новый Годъ былъ мальчишникомъ великаго поэта.

объявленнаго тогда женихомъ красавицы Гончаровой. А дальше его ждали узы семейной жизни, тяжесть придворнаго положенія, долги, разочарованія, усталость, вражда, клевета, рознь съ друзьями. Но раньше онъ былъ своимъ человѣкомъ, любимымъ гостемъ, кумомъ и сватомъ у московскихъ цыганъ въ Грузинахъ, гдѣ и до сихъ поръ цыганскіе хоры имѣютъ постоянное пристанище. Сама Татьяна сравнительно недавно умерла въ глубокой старости. Она многое забыла изъ своей пестрой и большой жизни, но Пушкина ярко помнила и говорила о немъ со слезами.

Толстой неоднократно въ своихъ произведеніяхъ возвращается къ цыганской пѣснѣ. Въ «Войнѣ и мірѣ», въ «Двухъ гусарахъ» проходятъ цыгане. Появляются они и въ «Живомъ трупѣ», и надо сказать, что сцены у цыганъ — лучшія мѣста пьесы. Незадолго до своей смерти Толстой, такъ прямолинейно отрицавшій величіе цивилизаціи, обмолвился въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ словами, смыслъ которыхъ приблизительно таковъ, что изъ всѣхъ завоеваній человѣческихъ культуръ, въ сущности ненужныхъ и вредныхъ, ему жаль было бы разстаться съ музыкой и... «вотъ еще съ цыганской пѣсней»... Это подъ конецъ жизни. А въ прежнее время, говорятъ, Тургеневъ жаловался на Толстого, который вскорѣ послѣ севастопольской кампаніи остановился у него на нѣсколько дней и отравлялъ ему существованіе неправильнымъ образомъ жизни и цыганскими хорами.

Упомянемъ еще о другомъ Толстомъ,—Алексѣѣ, поэтѣ, о Полонскомъ, Лѣсковѣ, Апухтинѣ, Фетѣ, Писемскомъ. Вспомнимъ многихъ носителей знатныхъ именъ, клавшихъ къ ногамъ цыганокъ свои гербы и родовыя состоянія, увозившихъ ихъ тайкомъ изъ табора, стрѣлявшихся изъ-за нихъ на дуэляхъ... Было, стало-быть, какое-то непобѣдимое, стихійное очарованіе въ старин-

ной цыганской пѣснѣ, очарованіе, заставлявшее людей плакать, безумствовать, восторгаться, дѣлать широкіе жесты и совершать жестокіе поступки. Не сказывалась ли здѣсь та примѣсь кочевой монгольской крови, которая бродитъ въ каждомъ русскомъ? Недаромъ же русскіе и любятъ такъ трагично, и поютъ такъ печально, и такъ дико бродятъ по необозримымъ равнинамъ своей удивительной, несуразной родины!

Теперь, повторяю, цыганская пѣсня умираетъ. То, что̀ мнѣ доводилось слышать у цыганъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ Пензѣ, въ Москвѣ въ манежѣ и въ Москвѣ же у Яра и въ Стрѣльнѣ — было, увы, послѣдними блестками цыганскаго пѣнія: «Я васъ люблю», «Въ часъ роковой», «Очи черныя», «Береза». Тогда уже старые знатоки вздыхали о прежнихъ временахъ, о знаменитой Пишѣ, о Грушѣ, о Стешѣ, о другой Стешѣ, и о Зинѣ, о настоящихъ фамиліяхъ Соколовыхъ, Ѳедоровыхъ, Шишкиныхъ, Масальскихъ. «Что̀ за хоръ пѣвалъ у Яра, онъ былъ Пишей знаменитъ, и Соколовская гитара до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ».

Но то, что̀ мы теперь слышимъ съ эстрадъ и съ подмостковъ подъ названіемъ цыганскаго романса, совсѣмъ потеряло связь съ таборомъ, съ духомъ и кровью загадочнаго кочевого племени. «Ухарь купецъ» и «Ай-да тройка» заѣли цыганское пѣніе. Подите лѣтомъ въ цыганскій таборъ, расположенный гдѣ-нибудь въ лѣсу подъ Москвой или Петербургомъ. Вы услышите нелѣпыя слова на мотивъ нѣмецкихъ вальсовъ, увидите кафешантанные жесты. Старинной пѣсни вы не допроситесь — ея не знаютъ, знаетъ развѣ какая-нибудь древняя, полуслѣпая, полуглухая старуха, высохшая и почернѣвшая, какъ прошлогодняя корка чернаго хлѣба. Но и она только прослезится, если ей напомнить слова, и безнадежно махнетъ рукой. — «Теперь надъ этими пѣснями

смѣются... Глупыя, говорятъ, пѣсни... Теперь пошли все модныя»...

Но какъ были прекрасны эти глупыя пѣсни! Богъ знаетъ, изъ какихъ прошедшихъ тысячелѣтій, изъ какихъ южныхъ странъ вынесъ ихъ этотъ загадочный, таинственный народъ, это фараоново племя, какъ называютъ его въ средней Россіи? Изъ Индіи? Египта? Южной Европы? Въ бродячей жизни, среди чуждыхъ языковъ мѣнялись и мѣшались слова, выпадали строки и строфы, но какой горячей кровью, страстной тоской и пламенной любовью, какой древней первобытной красотой вѣетъ отъ восточной вязи этихъ пѣсенъ... Именно въ этой экзотической прелести и заключалось обаяніе цыганскихъ пѣсенъ, дѣйствовавшихъ, какъ колдовство, въ этихъ пѣсняхъ, подобныхъ краснымъ розамъ на снѣгу.

Такую пѣсню я слышалъ трижды. Сначала — лѣтъ шесть-семь тому назадъ. Я съ двумя пріятелями проводилъ глухую, скучную, сугробную зиму въ одномъ дикомъ монастырскомъ посадѣ. На его окраинѣ ютились зазимовавшіе цыгане — два или три табора. Цыгане давно уже отъ холода, бѣдности, тоски, осѣдлой жизни и бездѣлья перессорились между собою и враждовали — таборъ противъ табора, изба противъ избы. Но любовь къ пѣснѣ понемногу объединила всѣхъ: мужчинъ и женщинъ, запѣвалъ и плясуній. Старый цыганъ Иванъ Николаевичъ былъ большимъ и рѣдкостнымъ любителемъ полевыхъ старинныхъ пѣсенъ, онъ и управлялъ хоромъ. По ночамъ его маленькая, косая, тѣсная, темная избенка наполнялась народомъ.

Угощеніе было самое простое: чай, бублики, немного вина, колбаса, сыръ, леденцы дѣтямъ.

Запѣвала дочь Ивана Николаевича — Маша, некрасивая, длинноносая, съ лицомъ порченымъ оспой и съ прекрасными темными глазами, горячими, пугливыми, ласко-

выми. Она заводила какую-нибудь таборную пѣсню, а ея отецъ, перегнувшись черезъ столъ, пристально вонзался въ нее черными глазами, сверкавшими среди желтыхъ бѣлковъ, и въ любимыхъ мѣстахъ умоляюще шепталъ: «Романесъ, Маша, романесъ» (по-цыгански). И вдругъ вмѣстѣ съ хоромъ подхватывалъ припѣвъ своимъ ужаснымъ, охрипшимъ, но необыкновенно вѣрнымъ голосомъ, и вся маленькая комната утопала въ странномъ, дикомъ и восхитительномъ сплетеніи множества женскихъ и мужскихъ голосовъ. Словъ почти никакихъ не было въ припѣвѣ, — были звуки, похожіе на звонъ колокольчика, на стоны, на радостные выкрики... И вотъ вылетала плясунья Дуняша, синеволосая красавица въ красной шелковой рваной кофтѣ, и хоръ, разгоряченный пѣсней и пляской, доходилъ до безумія. Тогда хотѣлось невольно плакать и веселиться.

Пѣли они, помню, «Акодяка Романесъ», «Кановела», «Соса Гриша», «Какъ за рѣчкой», «Шэлъ-мэ-верстэ», «Протазоре, прокариэ», «Протазоре»—необычайной красоты пѣсня. Она походитъ и на пасхальные греческіе ирмосы и на русскую плясовую, въ то же время какимъ-то древнимъ вакхическимъ восторгомъ охватываетъ она душу. Пѣли также однажды «Старовѣрочку». Тогда за нами увязался мѣстный отставной полицеймейстеръ, добродушный человѣкъ, немного фрондеръ, любитель литературы и отвлеченныхъ разговоровъ за столомъ... «Старовѣрочка»— диковинная пѣсня съ грустнымъ запѣвомъ и съ дьявольскимъ хоромъ, гдѣ тоска причудливо мѣшается съ бѣшенымъ разгуломъ. Цыгане особенно разошлись въ этотъ вечеръ, и я помню, какъ подъ ихъ крики, взвизгиванія и причудливые безконечно разнообразные переборы несложной, но неуловимой мелодіи быстро слинялъ нашъ почтенный гость. Онъ вышелъ изъ избы, блѣдный, пошатываясь, и едва-едва нашелъ въ темныхъ сѣняхъ вы-

ходную дверь. Я провожалъ его и слышалъ, какъ онъ растерянно бормоталъ, нащаривая дверную ручку: «Да... вотъ такъ старовѣрочка... вотъ такъ шту-учка».

Другой разъ я слыхалъ — увы! — лишь въ граммофонѣ, — Варю Панину. Заочно понимаю, какая громадная сила и красота таилась въ этомъ глубокомъ, почти мужскомъ голосѣ.

Въ третій разъ пришлось намъ случайно забрести на Черную рѣчку, въ квартиру покойнаго Николая Ивановича Шишкина. Чавалы и цыганки какъ-то очень скоро оцѣнили, что ихъ слушаютъ настоящіе любители... Началъ хоръ съ модныхъ пѣсенъ, а кончилъ настоящей цыганской, таборной пѣсней. Я никогда не забуду этого внезапнаго, сильнаго, страстнаго и сладкаго впечатлѣнія. Точно въ комнатѣ, гдѣ пахло модными духами, вдругъ повѣялъ сильный ароматъ какого-то дикаго цвѣтка, повилики, полыни или шиповника. И не я одинъ это почувствовалъ. Я слышалъ, какъ притихли понемногу очарованные зрители, и долго ни одного звука, ни шороха не раздавалось въ громадной комнатѣ, кромѣ этого милаго, нѣжнаго, тоскующаго и пламеннаго мотива, лившагося, какъ свѣтлое красное вино. Изъ тридцати присутствовавшихъ врядъ ли одинъ понималъ слова пѣсни, но каждый пилъ душою ея первобытную, звѣриную, инстинктивную прелесть.

Ой да, ой да бида
Прэлэндэ накачалась:
Чай разнесчастна
Навязалась.

Богъ вѣсть, гдѣ и какъ родился этотъ унылый, странный и роковой напѣвъ. Первоначальныя слова пѣсенки сильно пострадали отъ устной передачи во время столѣтнихъ кочевокъ. Но смыслъ ея простъ, и силенъ, и прекрасенъ, какъ любовныя пѣсни туареговъ, канаковъ или по-

линезійцевъ. Я тогда же попросилъ доставить мнѣ переводъ. Вотъ онъ приблизительно:

Ахъ, какая бѣда
На насъ напала,
Несчастливая дѣвушка
Меня полюбила.

Дальше, вѣроятно, выпалъ одинъ куплетъ. Но видно, что существуетъ какая-то преграда взаимной любви. Цыганъ эту преграду опрокидываетъ просто и рѣшительно. Онъ грозитъ табору:

Ой, если не отдадите
Мнѣ ее по чести,
Увезу
Насильно...

Затѣмъ, повидимому, въ пѣснѣ опять идетъ перерывъ. Въ послѣднемъ куплетѣ цыганъ уже увозитъ свою милую:

Ой, мои сѣрые,
Сѣрые да еще гнѣдые-рыжіе,
Надъ нами только Богъ.
Пусть благословитъ!

Такова эта маленькая пѣсня, вложенная въ мелодію, похожую на арабскіе мотивы, мелодію, которая кажется очень легкой сначала, но которую не повторишь... И сквозь нее точно видишь и чувствуешь эту ночную погоню, этихъ взмыленныхъ и одичавшихъ лошадей, съ блестящими глазами—сѣрыхъ, рыжихъ и гнѣдыхъ, своихъ или украденныхъ, это все равно, крѣпкій запахъ лошадинаго пота и здороваго человѣческаго тѣла, и выкраденную дѣвушку, которая, разметавъ по вѣтру волосы, прижалась къ безумно скачущему похитителю...

Какая странная штука судьба! На другой день Николай Ивановичъ умеръ. Умеръ, какъ любимецъ судьбы, во снѣ, отъ паралича сердца. И въ той же самой квартирѣ, гдѣ подъ его гитару пѣлись огненныя цыганскія пѣсни, я поцѣловалъ его холодный мертвый лобъ.

НЕМНОЖКО ФИНЛЯНДІИ.

По одну сторону вагона тянется безъ конца рыжее, кочковатое, снѣжное болото, по другую — низкій, густой соснякъ, и такъ — болѣе полусутокъ. За Бѣлоостровомъ уже съ трудомъ понимаютъ по-русски. Къ полудню поѣздъ проходитъ вдоль голыхъ, гранитныхъ громадъ, и мы въ Гельсингфорсѣ.

Такъ близко отъ С.-Петербурга, и вотъ — настоящій европейскій городъ. Съ вокзала выходимъ на широкую площадь, величиной съ половину Марсова поля. Налѣво — массивное зданіе изъ сѣраго гранита, немного похожее на церковь въ готическомъ стилѣ. Это новый финскій театръ. Направо — строго выдержанный національный Atheneum. Мы находимся въ самомъ сердцѣ города.

Идемъ въ гору по Michelsgatan. Такъ какъ улица узка, а дома на ней въ 4 — 5 этажей, то она кажется темноватой, но тѣмъ не менѣе производитъ нарядное и солидное впечатлѣніе. Большинство зданій въ стилѣ модернъ, но съ готическимъ оттѣнкомъ. Фасады домовъ безъ карнизовъ и орнаментовъ; окна расположены несимметрично, они часто бываютъ обрамлены со всѣхъ четырехъ сторонъ каменнымъ гладкимъ плинтусомъ, точно вставлены въ каменное паспарту. На углахъ зданія высятся полукруглыя башни, надъ ними, такъ же какъ надъ чердачными окнами, островерхія крыши. Передъ параднымъ вхо-

домъ устроена лоджіа, нѣчто въ родѣ глубокой пещеры изъ темнаго гранита, съ массивными дверями, украшенными красной мѣдью, и съ электрическими фонарями, старинной средневѣковой формы, въ видѣ ящиковъ изъ волнистаго пузыристаго стекла.

Уличная толпа культурна и хорошо знаетъ правую сторону. Асфальтовые тротуары широки, городовые стройны, скромно-щеголеваты и предупредительно-вѣжливы, на извозчикахъ синія пальто съ бѣлыми металлическими пуговицами, нѣтъ крика и суеты, нѣтъ разносчиковъ и нищихъ.

Пріятно видѣть въ этомъ многолюдьѣ дѣтей. Они идутъ въ школу или изъ школы: въ одной рукѣ книги и тетрадки, въ другой коньки; крѣпкія ножки, обтянутыя черными чулками, видны изъ-подъ юбокъ и штанишекъ по колѣно. Дѣти чувствуютъ себя настоящими хозяевами города. Они идутъ во всю ширину тротуара, звонко болтая и смѣясь, трепля рыжими косичками, блестя румянцемъ щекъ и голубизною глазъ. Взрослые охотно и бережно даютъ имъ дорогу. Такъ повсюду въ Гельсингфорсѣ.

Мнѣ кажется, можно смѣло предсказать мощную будущность тому народу, въ средѣ котораго выработалось уваженіе къ ребенку. Я невольно вспоминаю разсказъ моего хорошаго пріятеля, доктора Андреева, о японскихъ дѣтяхъ. Разсказъ относится ко времени задолго до русско-японской войны:

«Идетъ, представьте себѣ, по самой людной улицѣ въ Нагасакахъ этакій огарышъ, лѣтъ 5 — 6, въ отцовскомъ цилиндрѣ, надвинутомъ чуть не по плечи, въ туфляхъ и въ керимонѣ. Но керимонъ распахнутъ настежь, и подъ нимъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ прелестнаго, голаго, загорѣлаго дѣтскаго тѣльца. Малышъ небрежно шествуетъ по серединѣ тротуара съ потухшей папирос-

кой въ зубахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на человѣческую суету вокругъ себя. Никому даже въ голову не придетъ толкнуть его, или разсердиться, или просто выразить нетерпѣніе. Вотъ нагоняетъ его взрослый японецъ — дѣловой, торопливый, запыхавшійся человѣкъ. Ребенокъ въ уличной давкѣ окончательно застопорилъ всѣмъ дорогу. Взрослый мечется налѣво-направо — ничего не выходитъ. Тогда, смѣясь, хватаетъ онъ мальчугана подъ мышки, несетъ его съ десятокъ-два шаговъ, пока не найдется свободнаго мѣста, шутливо перевертываетъ его вокругъ себя, ставитъ бережно къ стѣнкѣ и поспѣшно идетъ дальше. А ребенокъ не только не выражаетъ испуга или недовѣрія — нѣтъ, онъ даже не потрудился взглянуть, кто это заставилъ его совершить воздушное путешествіе — до того онъ увѣренъ въ своей безопасности и въ неприкосновенности своей священной особы и такъ всецѣло занятъ онъ своей потухшей папироской».

Не могу я не вспомнить при этомъ, какъ однажды осенью мы собирались везти изъ деревни въ Петербургъ одну очень хорошо мнѣ знакомую дѣвицу трехъ съ половиной лѣтъ. Она плакала и кричала въ отчаяніи:

— Не хочу ѣхать въ Петербургъ! Тамъ всѣ толкаются и всѣ гадко пахнутъ.

Для меня вотъ такія живыя мелочи дороже самыхъ убѣдительныхъ статистическихъ цифръ. Въ нихъ мелькаетъ настоящая душа народа.

Стоитъ, напримѣръ, посмотрѣть, какъ лѣтомъ, въ полдень, возвращаются изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ финскія молочницы. На каждой станціи вплоть до Перкіярви высыпаютъ онѣ веселыми гурьбами съ множествомъ пустыхъ жестяныхъ сосудовъ, перекинутыхъ по обѣ стороны черезъ плечо. И каждую изъ женщинъ уже дожидаютъ на платформѣ свои. Кто-нибудь помогаетъ ей

сойти со ступенекъ вагона, другой — мужъ или братъ — предупредительно освобождаетъ ее отъ ноши, домашній песъ вертится тутъ же, прыгаетъ передними лапами всѣмъ на платье, возбужденно лаетъ и бурно машетъ пушистымъ хвостомъ, завернутымъ девяткой.

Въ Финляндіи женщина всегда можетъ быть увѣрена, что ей уступятъ мѣсто въ вагонѣ, въ трамваѣ, въ дилижансѣ. Но ей также уступили мѣсто и въ государственномъ сеймѣ, и финны справедливо гордятся тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ имъ принадлежитъ починъ. Они первые въ Старомъ Свѣтѣ послали четырехъ женщинъ блюсти высшіе интересы страны вмѣстѣ съ достойнѣйшими. И мнѣ кажется, что между встрѣчей, оказанной молочницѣ изъ Усикирко, и выборами женщинъ въ сеймъ есть нѣкоторая отдаленная связь, какъ между первой и послѣдней ступенькой длинной лѣстницы.

Женскій трудъ примѣняется самымъ широкимъ образомъ. Въ конторахъ, банкахъ, магазинахъ, въ аптекахъ повсюду занимаются женщины. Во всѣхъ ресторанахъ, равинталахъ и бодегахъ прислуживаютъ миловидныя дѣвушки, прекрасно одѣтыя и чрезвычайно приличныя. Домашняя прислуга исключительно женская. Не рѣдкость увидать женщину-парикмахера. Но что̀ особенно поражаетъ своею странностью россійскихъ козероговъ, такъ это женщины, услуживающія въ баняхъ, не только женскихъ, въ мужскихъ.

Когда русскіе говорятъ о Финляндіи, то ужъ непремѣнно вспоминаютъ и объ этой непонятной на нашъ взглядъ отрасли ремесла, вспоминаютъ, надо сознаться, съ ужимками, съ худо скрытымъ любопытствомъ, съ притворнымъ возмущеніемъ: «Чортъ знаетъ, что̀ за безобразіе!» Однако никакого безобразія въ этомъ нѣтъ. Услуживаетъ вамъ серьезная, дѣловая женщина, лѣтъ 35, одѣтая въ безукоризненное желтое, холстинковое платье;

на шеѣ у нея крахмальный воротничокъ; короткіе рукава, собранные пышнымъ буфомъ гораздо выше локтей, оставляютъ голыми сильныя ловкія руки. Ни лишнихъ словъ, ни жеманства, ни улыбки. Она васъ переводитъ изъ паровой ванны подъ душъ и въ бассейнъ, мылитъ, моетъ, массируетъ, обтираетъ, взвѣшиваетъ на вѣсахъ и серьезно приговариваетъ три коротенькихъ словечка: «варъ шо гутъ», т.-е. — будьте такъ добры. И нашъ россійскій козерогъ быстро подчиняется этой спокойной дѣловитости.

Въ Финляндіи совсѣмъ нѣтъ проституціи, по крайней мѣрѣ явной, покровительствуемой, или, какъ выражаются, терпимой закономъ. Говорятъ, что миловидныя фрекенъ изъ ресторановъ и кофеенъ не отличаются чрезмѣрной строгостью нравовъ. Мнѣ разсказывалъ объ этомъ русскій офицеръ, служившій въ Финляндіи, повидимому, большой сердцеѣдъ, но и онъ утверждалъ, что благосклонность этихъ дѣвицъ не имѣетъ расчетливаго характера и въ худшемъ случаѣ вознаграждается духами, конфетами, перчатками, шляпкой или платьемъ. И надо сказать, что всѣ ресторанныя фрекенъ одѣты нарядно и со вкусомъ.

Тотъ же офицеръ говорилъ, что въ Гельсингфорсѣ однако существуетъ тайная проституція, но довольно страннаго характера — дневная. Ищутъ встрѣчъ на улицахъ и въ воротахъ домовъ въ самый разгаръ городской жизни—въ 3—4 часа пополудни, когда Сѣверная эспланада представляетъ собою подобіе прогуливающагося Невскаго проспекта. Оставляю это свѣдѣніе на его офицерской совѣсти, хотя долженъ прибавить, что то же самое подтвердилъ, и даже съ большей убѣдительностью, одинъ гельсингфорсскій студентъ, родомъ финнъ.

Съ сожалѣніемъ долженъ я признать, что въ большомъ количествѣ женщины въ Финляндіи не произво-

дять очаровательнаго впечатлѣнія. Еще тамъ, гдѣ сказывается шведская кровь, попадаются красивыя, тонкія фигуры, нѣжныя и смѣлыя черты лица, прелестные, пышные, золотистые и соломенные волосы, маленькія руки и ноги. Чистокровныя финки, увы, некрасивы... Тѣла нескладныя, съ короткими ногами, съ квадратной, сутулой спиной, шея ушла внутрь между плечъ, лица широкоскулыя, рты безформенные, веснушки, аляповатые носы, разноцвѣтные, рыже-бурые, жидкіе волосы. Но что̀ ужъ грѣха таить: совершенно такого же характера красота и великорусскихъ женщинъ, за исключеніемъ развѣ Поволжья.

Мужчины въ Финляндіи бѣлобрысы и суровы. Но у мужчинъ и у женщинъ одинаково прекрасны глаза — спокойные, смѣлые, свѣтлоясно-голубые. Мужскія лица прежде времени старятся. И, когда я гляжу на ихъ корявыя, некрасивыя черты, среди которыхъ сіяютъ изъ рѣзкихъ, глубокихъ морщинъ чистые, синіе глаза, я невольно думаю объ общей картинѣ этой страны, гдѣ между гранитныхъ, дикихъ громадъ, на высотахъ, тихо дремлютъ, отражая небо, прозрачныя озера. Кстати, національные цвѣта молодой Финляндіи — бѣлый съ голубымъ. Символы снѣга и горныхъ озеръ, покрывающихъ родную землю.

Финны — это настоящій, крѣпкій, медлительный, серьезный мужицкій народъ. Вглядитесь внимательно въ лицо любого финскаго франта, идущаго по эспланадѣ въ блестящемъ цилиндрѣ, въ модномъ пальто съ хризантемой въ петличкѣ. Тотъ же крестьянскій обликъ, тѣ же выдавшіяся скулы, тѣ же сжатыя, молчаливыя губы подковой, тѣ же глубоко сидящіе, маленькіе голубые, холодные глаза, рѣзкія полосы морщинъ вокругъ рта и носа, упрямые, сильные, бритые подбородки. Такъ сразу и читаешь въ лицѣ этого щеголеватаго джентльмена ту

длинную, многовѣковую исторію завоеванія суровой природы, черезъ которую прошли его предки, среди жестокаго климата, на скудной землѣ, усѣянной огромными камнями, подъ ревъ водопадовъ, въ короткіе часы лѣта и длинныя зимнія ночи.

Финляндія поистинѣ демократична. Демократична вовсе не тѣмъ, что въ ней при выборахъ въ сеймъ побѣдили соціалъ-демократы, а потому, что ея дѣти составляютъ одинъ цѣльный, здоровый, работящій народъ, а не какъ въ Россіи, нѣсколько классовъ, изъ которыхъ высшій носитъ на себѣ самый утонченный цвѣтъ европейской полировки, а низшій ведетъ жизнь пещернаго человѣка. И, кажется, въ этой-то народности — я бы сказалъ: простонародности—и коренится залогъ прочнаго, крѣпкаго хозяйственнаго будущаго Финляндіи.

Трогательно, иногда чуть-чуть смѣшно лежитъ на этой мужицкой внѣшности слѣдъ старинной феодальной шведской культуры. Въ глубинѣ страны незнакомыя дѣти, встрѣчаясь съ вами, привѣтствуютъ васъ: мальчики кланяются, дѣвочки дѣлаютъ на ходу наивный книксенъ. Присѣдаетъ женская прислуга, присѣдаетъ съ какимъ-то страннымъ, коротенькимъ пискомъ пожилая хозяйка. Но когда, уѣзжая, вы дадите горничной нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ, она непремѣнно протянетъ вамъ дружески жесткую, сильную руку для пожатія.

Здѣсь любятъ цвѣты и при каждомъ семейномъ случаѣ, въ каждый праздникъ дарятъ ихъ другъ другу. Во всякомъ домѣ, во всякомъ, даже самомъ плохонькомъ, третьеразрядномъ ресторанѣ вы увидите на столахъ и на окнахъ цвѣты въ горшкахъ, корзинахъ и вазахъ. Въ маленькомъ Гельсингфорсѣ больше цвѣточныхъ магазиновъ, чѣмъ въ Петербургѣ. А по воскресеньямъ утромъ на большой площади у взморья происходитъ большой торгъ цвѣтами, привозимыми изъ окрестностей. Деше-

визна ихъ поразительна: 3 марки стоитъ большущій кустъ цвѣтущей азаліи. За полторы марки (50 копеекъ съ небольшимъ) вы можете пріобрѣсти небольшую корзину съ ландышами, гіацинтами, нарциссами. И это въ исходѣ зимы.

На Рождествѣ, на елку дарятъ другъ другу подарки. Здѣсь опять-таки сказывается практическій духъ мужиковатаго народа: дарятъ исключительно домашнія, необходимыя вещи, большею частью своего издѣлія. Особенно принято дарить мужчинамъ теплый нижній вязаный костюмъ. Этотъ костюмъ обтягиваетъ вплотную все тѣло, онъ вяжется цѣлымъ отъ шеи до подошвъ и застегивается на спинѣ. Большинство мужчинъ носятъ подъ одеждой такое теплое трико, и понятно, почему финны такъ легко одѣваются даже въ сильные морозы.

О поголовной грамотности финновъ всѣ, конечно, слышали, но, можетъ-быть, не всѣ видѣли ихъ начальныя народныя школы. Мнѣ привелось осмотрѣть довольно подробно новое городское училище, находящееся на окраинѣ города, въ Tölö.

Это дворецъ, выстроенный года 3—4 тому назадъ, въ три этажа, съ саженными квадратными окнами, съ лѣстницами какъ во дворцѣ, по всѣмъ правиламъ современной широкой гигіены.

Я обходилъ классныя помѣщенія сейчасъ же послѣ того, какъ окончились въ нихъ занятія. Всякій изъ насъ, конечно, помнитъ тотъ ужасный, нестерпимый зловонный воздухъ, который застаивается въ классахъ нашихъ гимназій, корпусовъ и реальныхъ училищъ послѣ трехъ-четырехъ уроковъ. О городскихъ школахъ и говорить нечего! И потому я буквально былъ пораженъ той чистотой воздуха, которая была въ учебныхъ комнатахъ финскаго низшаго училища. Достигается это, конечно, примѣненіемъ самой усовершенствованной вентиляціи,

но главнымъ образомъ тѣмъ, что финны вообще не боятся свѣжаго воздуха и при всякомъ удобномъ случаѣ оставляютъ окна открытыми настежь. Всякая мелочь, служащая для удобства и пользы школьниковъ, обдумана здѣсь съ замѣчательной любовью и заботливостью. Форма скамеекъ и чернильницъ, ландкарты, коллекціи, физическій и естественный кабинеты, окраска стѣнъ, громадная высота комнатъ, пропасть свѣта и воздуха и наконецъ даже такая мелочь, какъ цвѣты на окнахъ,— цвѣты, которые съ большимъ удовольствіемъ приносятъ въ школу сами ученики, — все это трогательно свидѣтельствуетъ о внимательномъ и разумномъ, серьезномъ и любовномъ отношеніи къ дѣлу.

Подобной гимнастической залы, какъ въ этой четырехклассной низшей школѣ, я не видалъ нигдѣ въ Россіи, по богатству и остроумію приборовъ и по той щеголеватой чистотѣ, въ которой она содержится. Около гимнастической залы есть маленькій коридорчикъ, и въ немъ вдоль обѣихъ стѣнъ длинные шкапы со множествомъ маленькихъ ячеекъ. Надъ каждой ячейкой написана фамилія ученика или ученицы, и тамъ лежатъ гимнастическія туфли, всѣ одинаковаго образца, легкія, полотняныя съ веревочными подошвами.

Спортъ здѣсь въ большомъ почетѣ, но опять-таки спортъ разумный и даже, если хотите, патріотическій.

Почти ни одного мальчишку вы не увидите здѣсь на улицѣ безъ коньковъ въ рукахъ. По праздникамъ дѣвушки, студенты, приказчики, конторщики, очень часто пожилые и даже толстые и сѣдые люди, отправляются съ лыжами куда-нибудь на край города. Повсюду въ витринахъ фотографовъ вы увидите моментальные снимки съ знаменитыхъ прыжковъ въ 32 метра длиной и болѣе. Съ изумленіемъ видишь на фотографіи, какъ человѣкъ на лыжахъ, въ тепломъ трико и въ вязаной ша-

почкѣ колпакомъ, окончивъ разбѣгъ по горѣ до края обрыва, летитъ въ силу инерціи по воздуху высоко надъ головами стоящихъ внизу людей.

Лѣтомъ финская молодежь собирается въ гимнастическія общества, занимается бѣгомъ взапуски, метаніемъ дисковъ и копій, прыжками въ ширину и въ длину и въ особенности плаваньемъ, въ которомъ финны не имѣютъ соперниковъ въ Европѣ. Я скажу, не преувеличивая, что черезъ такую здоровую, вольную школу, воспитывающую духъ и тѣло, проходитъ каждый финнъ.

Ихъ женщины и дочери не меньше мужчинъ любятъ конькобѣжный и лыжный спортъ и также не боятся ни мороза ни сквозного вѣтра. Я никогда не могу забыть той дѣвочки лѣтъ 12 — 13, которая однажды, при морозѣ въ 16°, проходила мимо памятника поэту Рунебергу съ открытой по ключицы шеей, съ небольшимъ суконнымъ беретомъ на головѣ и коньками подъ мышкой. Не могу сказать, чтобы она была красива, но столько свѣжести, бодрости, ловкой увѣренности въ движеніи было въ ней, что я невольно залюбовался. Крѣпкая, здоровая, славная сѣверная кровь!

Тутъ же кряду мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ и о финскомъ искусствѣ. Я нѣсколько дней провелъ въ гельсингфорсскомъ Atheneum'ѣ, въ этомъ великолѣпномъ національномъ музеѣ искусства. Я былъ тогда влюбленъ — я не могу подобрать другого слова — въ триптихъ Галена на мотивъ изъ Калевалы. Я знаю, если бы судьба занесла меня опять въ Гельсингфорсъ, я первымъ долгомъ прямо съ вокзала побѣжалъ бы на свиданіе съ этимъ изумительнымъ произведеніемъ. Какая громадная грядущая сила, еще не развернувшаяся, но уже поднимающаяся мощной волной, таится однако въ этихъ неуклюжихъ, корявыхъ пасынкахъ природы. Искусство ихъ, повидимому, только еще пробуетъ голосъ,

точно молодой соловей-первогодокъ, но Галенъ, Эдельфельдъ, Іеренфельдъ — это уже художники, у которыхъ не грѣхъ поучиться европейскимъ мастерамъ.

И публика, посѣщающая Atheneum, поражаетъ нашъ русскій глазъ, привыкшій видѣть въ нашихъ музеяхъ, картинныхъ галлереяхъ, на выставкахъ исключительно нарядную салонную публику. Въ гельсингфорсскомъ Atheneum'ѣ вы увидите въ праздникъ самыхъ сѣрыхъ тружениковъ, — рабочихъ, разносчиковъ, прислугу, — по одѣтыхъ въ самое лучшее, праздничное платье.

Конечно, трудно многое сказать о странѣ, въ которой былъ только мимоходомъ, но все, что̀ я видѣлъ, укрѣпляетъ во мнѣ мысль, что финны — мирный, большой, серьезный, стойкій народъ, къ тому же народъ, отличающійся крѣпкимъ здоровьемъ, любовью къ свободѣ и нѣжной привязанностью къ своей суровой родинѣ. Я совершенно чуждъ политикѣ и никогда не хотѣлъ бы быть въ роли предсказателя или устроителя судебъ народовъ. Но, когда я читаю или слышу о той газетной травлѣ противъ финновъ, которая совершается якобы во имя достоинства русскаго имени и безграничности русскихъ владѣній во всѣ страны магнитнаго поля, мнѣ каждый разъ хочется сказать относительно Финляндіи: ежа голой спиной не убьешь.

Слава Богу, теперь мало-по-малу улучшаются отношенія между финнами и тѣми изъ русскихъ, которые посѣщаютъ ихъ родину. Я и мои друзья, безъ всякихъ рекомендацій, встрѣчали повсюду: въ Гельсингфорсѣ, въ Выборгѣ, на Иматрѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, самый радушный, любезный и предупредительный пріемъ. Случалось, что мы попадали въ магазинъ, гдѣ хозяева не понимали ни по-русски, ни по-нѣмецки, ни по-французски. Мы же, съ своей стороны, не владѣли ни финскимъ ни шведскимъ языками. И каждый разъ намъ любезно пригла-

шали изъ какого-нибудь сосѣдняго магазина безкорыстнаго и любезнаго переводчика. Однако недалеко то время, когда финны притворялись глухими, и нѣмыми, и слѣпыми, едва заслышавъ русскую рѣчь. Это было въ эпоху крутыхъ мѣръ генералъ-губернатора Бобрикова.

И то сказать, хорошо было наше обрусительное культуртрегерство. Помню, лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось съ писателями Бунинымъ и Ѳедоровымъ пріѣхать на одинъ день на Иматру. Назадъ мы возвращались поздно ночью. Около 11 часовъ поѣздъ остановился на станціи Антреа, и мы вышли закусить. Длинный столъ былъ уставленъ горячими кушаньями и холодными закусками. Тутъ была свѣжая лососина, жареная форель, холодный ростбифъ, какая-то дичь, маленькіе, очень вкусные биточки и тому подобное. Все это было необычайно чисто, аппетитно и нарядно. И тутъ же по краямъ стола возвышались горками маленькія тарелки, лежали грудами ножи и вилки, и стояли корзиночки съ хлѣбомъ.

Каждый подходилъ, выбиралъ, что̀ ему нравилось, закусывалъ, сколько ему хотѣлось, затѣмъ подходилъ къ буфету и, по собственной доброй волѣ, платилъ за ужинъ ровно одну марку (37 коп.). Никакого надзора, никакого недовѣрія. Наши русскія сердца, такъ глубоко привыкшія къ паспорту, участку, принудительному попеченію старшаго дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной вѣрой. Но когда мы возвратились въ вагонъ, то насъ ждала прелестная картина въ истинно-русскомъ жанрѣ.

Дѣло въ томъ, что съ нами ѣхали два подрядчика по каменнымъ работамъ. Всѣмъ извѣстенъ этотъ типъ кулака изъ Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи: широкая, лоснящаяся, скуластая красная морда, рыжіе волосы, вьющіеся изъ-подъ картуза, рѣденькая бороденка,

плутоватый взглядъ, набожность на пятиалтынный, горячій патріотизмъ и презрѣніе ко всему не-русскому — словомъ, хорошо знакомое истинно-русское лицо.

Надо было послушать, какъ они издѣвались надъ бѣдными финнами.

— Вотъ дурачье, такъ дурачье. Вѣдь этакіе болваны, чортъ ихъ знаетъ! Да вѣдь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривенъ съѣлъ у нихъ, у подлецовъ... Эхъ, сволочь! Мало ихъ бьютъ, сукиныхъ сыновъ! Одно слово — чухонцы.

А другой подхватилъ, давясь отъ смѣха:

— А я... нарочно стаканъ кокнулъ, а потомъ взялъ въ рыбину и плюнулъ.

— Такъ ихъ и надо, сволочей! Распустили анаѳемъ! Ихъ надо во какъ держать!

И тѣмъ болѣе пріятно подтвердить, что въ этой милой, широкой, полусвободной странѣ уже начинаютъ понимать, что не вся Россія состоитъ изъ подрядчиковъ Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи.

РАЗСКАЗЫ.

БѢЛЫЙ ПУДЕЛЬ.

I.

Узкими горными тропинками, отъ одного дачнаго поселка до другого, пробиралась вдоль южнаго берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бѣжалъ, свѣсивъ на бокъ длинный розовый языкъ, бѣлый пудель Арто, остриженный наподобіе льва. У перекрестковъ онъ останавливался и, махая хвостомъ, вопросительно оглядывался назадъ. По какимъ-то, ему одному извѣстнымъ признакамъ онъ всегда безошибочно узнавалъ дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопомъ впередъ. За собакой шелъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ Сергѣй, который держалъ подъ лѣвымъ локтемъ свернутый коверъ для акробатическихъ упражненій, а въ правой несъ тѣсную и грязную клѣтку со щегломъ, обученнымъ вытаскивать изъ ящика разноцвѣтныя бумажки съ предсказаніями на будущую жизнь. Наконецъ сзади плелся старшій членъ труппы — дѣдушка Мартынъ Лодыжкинъ, съ шарманкой на скрюченной спинѣ.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлемъ и перенесшая на своемъ вѣку не одинъ десятокъ починокъ. Играла она двѣ вещи: унылый нѣмецкій вальсъ Лаунера и галопъ изъ «Путешествія въ Китай»—обѣ бывшія въ модѣ лѣтъ 30 — 40 тому назадъ,

но теперь всѣми позабытыя. Кромѣ того были въ шарманкѣ двѣ предательскія трубы. У одной — дискантовой — пропалъ голосъ; она совсѣмъ не играла, и поэтому, когда до нея доходила очередь, то вся музыка начинала какъ бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкій звукъ, не сразу открывался клапанъ: разъ загудѣвъ, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая всѣ другіе звуки, до тѣхъ поръ, пока ей вдругъ не приходило желаніе замолчать. Дѣдушка самъ сознавалъ эти недостатки своей машины и иногда замѣчалъ шутливо, но съ оттѣнкомъ тайной грусти:

— Что̀ подѣлаешь?.. Древній орга̀нъ... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, — говорятъ, — гадость какая!» А вѣдь пьесы были очень хорошія, модныя, но только нынѣшніе господа нашей музыки совсѣмъ не обожаютъ. Имъ сейчасъ «Гейшу» подавай, «Подъ двуглавымъ орломъ», изъ «Продавца птицъ» — вальсъ. Опять-таки трубы эти... Носилъ я орга̀нъ къ мастеру — и чинить не берется. Надо, говоритъ, новыя трубы ставить, а лучше всего, говоритъ, продай ты свою кислую дребедень въ музей... въ родѣ какъ какой-нибудь памятникъ... Ну, да ужъ ладно! Кормила она насъ съ тобой, Сергѣй, до сихъ поръ, Богъ дастъ, и еще покормитъ.

Дѣдушка Мартынъ Лодыжкинъ любилъ свою шарманку такъ, какъ можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись съ ней за многіе годы тяжелой бродячей жизни, онъ сталъ наконецъ видѣть въ ней что-то одухотворенное, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во время ночлега, гдѣ-нибудь на грязномъ постояломъ дворѣ, шарманка, стоявшая на полу, рядомъ съ дѣдушкинымъ изголовьемъ, вдругъ издавала слабый звукъ, печальный,

одинокій и дрожащій, точно старческій вздохъ. Тогда Лодыжкинъ тихо гладилъ ее по рѣзному боку и шепталъ ласково:

— Что̀, братъ? Жалуешься?.. А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, можетъ-быть, даже немного больше, онъ любилъ своихъ младшихъ спутниковъ въ вѣчныхъ скитаніяхъ: пуделя Арто и маленькаго Сергѣя. Мальчика онъ взялъ пять лѣтъ тому назадъ «напрокатъ» у забулдыги, вдоваго сапожника, обязавшись ему за это уплачивать по два рубля въ мѣсяцъ. Но сапожникъ вскорѣ умеръ, и Сергѣй остался навѣки связаннымъ съ дѣдушкой и душой и мелкими житейскими интересами.

II.

Тропинка шла вдоль высокаго прибрежнаго обрыва, извиваясь въ тѣни столѣтнихъ маслинъ. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя въ даль, оно въ то же время подымается вверхъ спокойной могучей стѣной, и цвѣтъ его былъ еще синѣе, еще гуще въ узорчатыхъ прорѣзахъ, среди серебристо-зеленой листвы. Въ травѣ, въ кустахъ кизиля и дикаго шиповника, въ виноградникахъ и на деревьяхъ, — повсюду заливались цикады; воздухъ дрожалъ отъ ихъ звенящаго, однообразнаго, неумолчнаго крика. День выдался знойный, безвѣтреный, и накалившаяся земля жгла подошвы ногъ.

Сергѣй, шедшій по обыкновенію впереди дѣдушки, остановился и ждалъ, пока старикъ не поровняется съ нимъ.

— Ты что̀, Сережа? — спросилъ шарманщикъ.

— Жара, дѣдушка Лодыжкинъ... нѣтъ никакого терпѣнья! Искупаться бы...

Старикъ на ходу привычнымъ движеніемъ плеча по-

правилъ на спинѣ шарманку и вытеръ рукавомъ вспотѣвшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнулъ онъ, жадно поглядывая внизъ, на прохладную синеву моря. — Только вѣдь послѣ купанья еще больше разморитъ. Мнѣ одинъ знакомый фельдшеръ говорилъ: соль эта самая на человѣка дѣйствуетъ... значитъ, молъ, разслабляетъ... Соль-то морская...

— Вралъ, можетъ-быть? — съ сомнѣніемъ замѣтилъ Сергѣй.

— Ну, вотъ, вралъ! Зачѣмъ ему врать? Человѣкъ солидный, непьющій... домишко у него въ Севастополѣ. Да потомъ здѣсь и спуститься къ морю негдѣ. Подожди, дойдемъ ужотко до Мисхора, тамъ и пополощемъ тѣлеса свои грѣшныя. Передъ обѣдомъ оно лестно, искупаться-то... а потомъ, значитъ, поспать трошки.... и отличное дѣло...

Арто, услышавшій сзади себя разговоръ, повернулся и подбѣжалъ къ людямъ. Его голубые добрые глаза щурились отъ жары и глядѣли умильно, а высунутый длинный языкъ вздрагивалъ отъ частаго дыханія.

— Что̀, братъ, песикъ? Тепло? — спросилъ дѣдушка.

Собака напряженно зѣвнула, завивъ языкъ трубочкой, затряслась всѣмъ тѣломъ и тонко взвизгнула.

— Н-да, братецъ ты мой, ничего не подѣлаешь... Сказано: въ потѣ лица твоего, — продолжалъ наставительно Лодыжкинъ.—Положимъ, у тебя, примѣрно сказать, не лицо, а морда, а все-таки... Ну, пошелъ, пошелъ впередъ, нечего подъ ногами вертѣться... А я, Сережа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орга̀нъ вотъ только мѣшаетъ, а то, кабы не работа, легъ бы гдѣ-нибудь на травѣ, въ тѣни, пузомъ, значитъ, вверхъ, и полеживай себѣ. Для нашихъ старыхъ костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась внизъ, соединившись съ широкой, твердой, какъ камень, ослѣпительно-бѣлой дорогой. Здѣсь начинался старинный графскій паркъ, въ густой зелени котораго были разбросаны красивыя дачи, цвѣтники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкинъ хорошо зналъ эти мѣста; каждый годъ обходилъ онъ ихъ одно за другимъ во время виноградпаго сезона, когда весь Крымъ наполняется нарядной, богатой и веселой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергѣя, бывшаго здѣсь впервые. Магноліи, съ ихъ твердыми и блестящими, точно лакированными листьями и бѣлыми, съ большую тарелку величиной, цвѣтами; бесѣдки, сплошь затканныя виноградомъ, свѣсившимъ внизъ тяжелыя гроздья; огромные многовѣковые платаны съ ихъ свѣтлой корой и могучими кронами; табачныя плантаціи, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбахъ, на изгородяхъ, на стѣнахъ дачъ — яркія, великолѣпныя душистыя розы, — все это не переставало поражать своей живой цвѣтущей прелестью наивную душу мальчика. Онъ высказывалъ свои восторги вслухъ, ежеминутно теребя старика за рукавъ.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, а дѣдушка, глянь-ко-сь, въ фонталѣ-то золотыя рыбы!.. Ей-Богу, дѣдушка, золотыя, умереть мнѣ на мѣстѣ! — кричалъ мальчикъ, прижимаясь лицомъ къ рѣшеткѣ, огораживающей садъ съ большимъ бассейномъ посрединѣ. — Дѣдушка, а персики! Вона сколько! На одномъ деревѣ!

— Иди-иди, дурашка, чего ротъ разинулъ! — подталкивалъ его шутливо старикъ.—Погоди, вотъ дойдемъ мы до города Новороссійскаго и, значитъ, опять подадимся на югъ. Тамъ, дѣйствительно, мѣста, — есть на что̀ посмотрѣть. Сейчасъ, примѣрно сказать, пойдутъ тебѣ Сочи, Адлеръ, Туапсе, а тамъ, братецъ ты мой, Сухумъ, Батумъ... Глаза раскосишь глядѣмши... Скажемъ, при-

мѣрно, — пальма. Удивленіе! Стволъ у нея мохнатый, на манеръ войлока, а каждый листъ такой большой, что намъ съ тобой обоимъ укрыться впору.

— Ей-Богу?—радостно удивился Сергѣй.

— Постой, самъ увидишь. Да мало ли тамъ чего? Апельцынъ, напримѣръ, или хоть, скажемъ, тотъ же лимонъ... Видалъ, небось, въ лавочкѣ?

— Ну?

— Просто такъ себѣ и растетъ въ воздухѣ. Безъ ничего, прямо на деревѣ, какъ у насъ, значитъ, яблоко или груша... И народъ тамъ, братецъ, совсѣмъ диковинный: турки, персюки, черкесы разные, все въ халатахъ и съ кинжалами... Отчаянный народишка! А то бываютъ тамъ, братецъ, эѳіопы. Я ихъ въ Батумѣ много разъ видѣлъ.

— Эѳіопы? Знаю. Это которые съ рогами,—увѣренно сказалъ Сергѣй.

— Роговъ, положимъ, у нихъ нѣтъ, это враки. Но черные, какъ сапогъ, и даже блестятъ. Губищи у нихъ красныя, толстенныя, а глазищи бѣлые, а волосы курчавые, какъ на черномъ баранѣ.

— Страшные, поди... эѳіопы-то эти?

— Какъ тебѣ сказать? Съ непривычки оно точно... опасаешься немного, ну, а потомъ видишь, что другіе люди не боятся, и самъ станешь посмѣлѣе... Много тамъ, братецъ мой, всякой всячины. Придемъ — самъ увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругомъ болота, гниль, а притомъ же жарища. Тамошнимъ-то жителямъ ничего, не дѣйствуетъ на нихъ, а пришлому человѣку приходится плохо. Одначе будетъ намъ съ тобой, Сергѣй, языками трепать. Лѣзь-ка въ калитку. На этой дачѣ господа живутъ очень хорошіе... Ты меня спроси: ужъ я все знаю!

Но день выдался для нихъ неудачный. Изъ однихъ

мѣстъ ихъ прогоняли, едва завидѣвъ издали, въ другихъ, при первыхъ же хриплыхъ и гнусавыхъ звукахъ шарманки, досадливо и нетерпѣливо махали на нихъ съ балконовъ руками, въ третьихъ прислуга заявляла, что «господа еще не пріѣхали». На двухъ дачахъ имъ, правда, заплатили за представленіе, но очень мало. Впрочемъ, дѣдушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя изъ ограды на дорогу, онъ съ довольнымъ видомъ побрякивалъ въ карманѣ мѣдяками и говорилъ добродушно:

— Двѣ да пять, итого семь копеекъ... Что̀ жъ, братъ Сереженька, и это деньги. Семь разъ по семи,—вотъ онъ и полтинникъ набѣжалъ, значитъ, всѣ мы трое сыты, и ночлегъ у насъ есть, и старичку Лодыжкину по его слабости можно рюмочку пропустить, недуговъ многихъ ради... Эхъ, не понимаютъ этого господа! Двугривенный дать ему жалко, а пятачокъ стыдно... ну и велятъ итти прочь. А ты лучше дай хошь три копейки... Я вѣдь не обижаюсь, я ничего... зачѣмъ обижаться?

Вообще Лодыжкинъ былъ скромнаго нрава и, даже когда его гнали, не роптал. Но сегодня и его вывела изъ обычнаго благодушнаго спокойствія одна красивая, полная, съ виду очень добрая дама, владѣлица прекрасной дачи, окруженной садомъ съ цвѣтами. Она внимательно слушала музыку, еще внимательнѣе глядѣла на акробатическія упражненія Сергѣя и на смѣшныя «штучки» Арто, послѣ этого долго и подробно разспрашивала мальчика о томъ, сколько ему лѣтъ и какъ его зовутъ, гдѣ онъ выучился гимнастикѣ, кѣмъ ему приходится старикъ, чѣмъ занимались его родители и т. д.; потомъ приказала подождать и ушла въ комнаты.

Она не появлялась минутъ десять, а то и четверть часа, и чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ болѣе разрастались у артистовъ неопредѣленныя, но заманчивыя

надежды. Дѣдушка даже шепнулъ мальчугану, прикрывъ изъ осторожности ротъ ладонью, какъ щиткомъ:

— Ну, Сергѣй, счастье наше, ты только слушай меня: я, братъ, все знаю. Можетъ-быть, изъ платья что-нибудь дастъ или изъ обуви. Это ужъ вѣрно!..

Наконецъ барыня вышла на балконъ, швырнула сверху въ подставленную шляпу Сергѣя маленькую бѣлую монетку и тотчасъ же скрылась. Монета оказалась старымъ, стертымъ съ обѣихъ сторонъ и вдобавокъ дырявымъ гривенникомъ. Дѣдушка долго съ недоумѣніемъ разсматривалъ ее. Онъ уже вышелъ на дорогу и отошелъ далеко отъ дачи, но все еще держалъ гривенникъ на ладони, какъ будто взвѣшивая его.

— Н-да-а... Ловко! — произнесъ онъ, внезапно остановившись.—Могу сказать... А мы-то, три дурня, старались. Ужъ лучше бы она хоть пуговицу дала, что ли. Ту, по крайности, куда-нибудь пришить можно. А что̀ я съ этой дрянью буду дѣлать? Барыня, небось, думаетъ: все равно старикъ кому-нибудь ее ночью спуститъ, потихоньку, значитъ. Нѣтъ-съ, очень ошибаетесь, сударыня. Старикъ Лодыжкинъ такой гадостью заниматься не станетъ. Да-съ! Вотъ вамъ вашъ драгоцѣнный гривенникъ! Вотъ!

И онъ съ негодованіемъ и съ гордостью бросилъ монету, которая, слабо звякнувъ, зарылась въ бѣлую дорожную пыль.

Такимъ образомъ старикъ съ мальчикомъ и съ собакой обошли весь дачный поселокъ и ужъ собирались сойти къ морю. По лѣвую сторону оставалась еще одна, послѣдняя дача. Ея не было видно изъ-за высокой бѣлой стѣны, надъ которой, съ той стороны, возвышался плотный строй тонкихъ запыленныхъ кипарисовъ, похожихъ на длинныя черно-сѣрыя веретена. Только сквозь широкія чугунныя ворота, похожія своей причудливой

рѣзьбой на кружево, можно было разсмотрѣть уголокъ свѣжаго, точно зеленый яркій шелкъ, газона, округлыя цвѣточныя клумбы и вдали, на заднемъ планѣ, крытую, сквозную аллею, всю обвитую густымъ виноградомъ. Посрединѣ газона стоялъ садовникъ, поливавшій изъ длиннаго рукава розы. Онъ прикрылъ пальцемъ отверстіе трубы, и отъ этого въ фонтанѣ безчисленныхъ брызгъ солнце играло всѣми цвѣтами радуги.

Дѣдушка собирался-было пройти мимо, но, заглянувъ въ ворота, остановился въ недоумѣніи.

— Подожди-ка, малость, Сергѣй,—окликнулъ онъ мальчика. — Никакъ тамъ люди шевелятся? Вотъ такъ исторія. Сколько лѣтъ здѣсь хожу—и никогда ни души. А ну-ка, вали, братъ Сергѣй!

— «Дача Дружба», постороннимъ входъ строго воспрещается, — прочиталъ Сергѣй надпись, искусно выбитую на одномъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ ворота.

— Дружба?..—переспросилъ неграмотный дѣдушка.— Во-во! Это самое настоящее слово — дружба. Весь день у насъ заколодило, а ужъ тутъ мы съ тобой возьмемъ. Это я носомъ чую, на манеръ, какъ охотничій песъ. Арто, иси, собачій сынъ. Вали смѣло, Сережа. Ты меня всегда спрашивай: ужъ я все знаю!

III.

Дорожки сада были усыпаны ровнымъ крупнымъ гравіемъ, хрустѣвшимъ подъ ногами, а съ боковъ обставлены большими розовыми раковинами. На клумбахъ, надъ пестрымъ ковромъ изъ разноцвѣтныхъ травъ, возвышались диковинные яркіе цвѣты, отъ которыхъ сладко благоухалъ воздухъ. Въ фонтанахъ журчала и плескалась прозрачная вода; изъ красивыхъ вазъ, висѣвшихъ въ воздухѣ между деревьями, спускались гирляндами внизъ вьющіяся растенія, а передъ домомъ, на мраморныхъ стол-

бахъ, стояли два блестящіе зеркальные шара, въ которыхъ странствующая труппа отразилась вверхъ ногами, въ смѣшномъ, изогнутомъ и растянутомъ видѣ.

Передъ балкономъ была большая утоптанная площадка. Сергѣй разстелилъ на ней свой коврикъ, а дѣдушка, установивъ шарманку на палкѣ, уже приготовился вертѣть ручку, какъ вдругъ неожиданное и странное зрѣлище привлекло ихъ вниманіе.

На террасу изъ внутреннихъ комнатъ выскочилъ какъ бомба, издавая пронзительные крики, мальчикъ лѣтъ восьми или десяти. Онъ былъ въ легкомъ матросскомъ костюмчикѣ, съ обнаженными руками и голыми колѣнками. Бѣлокурые волосы, всѣ въ крупныхъ локонахъ, растрепались у него небрежно по плечамъ. Слѣдомъ за мальчикомъ выбѣжало еще шесть человѣкъ: двѣ женщины въ фартукахъ; старый толстый лакей во фракѣ, безъ усовъ и безъ бороды, но съ длинными сѣдыми бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноносая дѣвица въ синемъ клѣтчатомъ платьѣ; молодая, болѣзненнаго вида, но очень красивая дама въ кружевномъ голубомъ капотѣ и наконецъ толстый лысый господинъ въ чесунчовой парѣ и въ золотыхъ очкахъ. Всѣ они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали другъ друга. Сразу можно было догадаться, что причиной ихъ безпокойства является мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ, такъ внезапно вылетѣвшій на террасу.

Между тѣмъ виновникъ этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, съ разбѣгу повалился животомъ на каменный полъ, быстро перекатился на спину и съ сильнымъ ожесточеніемъ принялся дрыгать руками и ногами во всѣ стороны. Взрослые засуетились вокругъ него. Старый лакей во фракѣ прижималъ съ умоляющимъ видомъ обѣ руки къ накрахмаленной рубашкѣ, трясъ своими длинными бакенбардами и говорилъ жалобно:

— Батюшка, баринъ!.. Николай Аполлоновичъ!.. Не извольте огорчать маменьку-съ — встаньте... Будьте столь добренькіе — выкушайте-съ. Микстурка очень сладенькая, одинъ суропъ-съ. Извольте подняться...

Женщины въ фартукахъ всплескивали руками и щебетали скоро-скоро, подобострастными и испуганными голосами. Красноносая дѣвица кричала съ трагическими жестами что-то очень трогательное, но совершенно непонятное, очевидно, на иностранномъ языкѣ. Разсудительнымъ басомъ уговаривалъ мальчика господинъ въ золотыхъ очкахъ; при этомъ онъ наклонялъ голову то на одинъ, то на другой бокъ и степенно разводилъ руками. А красивая, болѣзненная дама томно стонала, прижимая тонкій кружевной платокъ къ глазамъ.

— Ахъ, Трилли, ахъ, Боже мой!.. Ангелъ мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляетъ. Ну, прими же, прими лѣкарство; увидишь, тебѣ сразу-сразу станетъ легче: и животикъ пройдетъ и головка. Ну, сдѣлай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станетъ передъ тобой на колѣни? Ну вотъ, смотри, я на колѣняхъ передъ тобой. Хочешь, я тебѣ подарю золотой? Два золотыхъ? Пять золотыхъ, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, докторъ!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудѣлъ толстый господинъ въ очкахъ.

— Ай-яй-яй-я-а-а-а! — вопилъ мальчикъ, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волненіе, онъ все-таки норовилъ попадать каблуками въ животы и въ ноги возившихся вокругъ него людей, которые отъ этого, впрочемъ, довольно ловко уклонялись.

Сергѣй, долго глядѣвшій съ любопытствомъ и удивленіемъ на эту сцену, тихонько толкнулъ старика въ бокъ.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, что̀ же это такое съ нимъ?— спросилъ онъ шопотомъ. — Никакъ драть его будутъ?

— Ну вотъ, драть... Такой самъ всякаго посѣкетъ. Просто, — блажной мальчишка. Больной, должно-быть.

— Шамашедшій? — догадался Сергѣй.

— А я почемъ знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался все громче и громче мальчикъ.

— Начинай, Сергѣй. Я знаю! — распорядился вдругъ Лодыжкинъ и съ рѣшительнымъ видомъ завертѣлъ ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки стариннаго галопа. Всѣ на балконѣ разомъ встрепенулись, даже мальчикъ замолчалъ на нѣсколько секундъ.

— Ахъ, Боже мой, они еще больше разстроятъ бѣднаго Трилли!—воскликнула плачевно дама въ голубомъ капотѣ. — Ахъ, да прогоните же ихъ, прогоните скорѣе! И эта грязная собака съ ними. У собакъ всегда такія ужасныя болѣзни. Что̀ же вы стоите, Иванъ, точно монументъ?

Она съ усталымъ видомъ и съ отвращеніемъ замахала платкомъ на артистовъ, сухопарая красноносая дѣвица сдѣлала страшные глаза, кто-то угрожающе зашипѣлъ... Человѣкъ во фракѣ быстро и мягко скатился съ балкона и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, широко растопыривъ въ стороны руки, подбѣжалъ къ шарманщику.

— Эт-то что̀ за безобразіе! — захрипѣлъ онъ сдавленнымъ, испуганнымъ и въ то же время начальственно-сердитымъ шопотомъ. — Кто позволилъ? Кто пропустилъ? Маршъ! Вонъ!..

Шарманка, уныло пискнувъ, замолкла.

— Господинъ хорошій, дозвольте вамъ объяснить...— началъ-было деликатно дѣдушка.

— Никакихъ! Маршъ! — закричалъ съ какимъ-то даже свистомъ въ горлѣ фрачный человѣкъ.

Его толстое лицо мигомъ побагровѣло, а глаза невѣроятно-широко раскрылись, точно вдругъ вылѣзли наружу, и заходили колесомъ. Это было настолько страшно, что дѣдушка невольно отступилъ на два шага назадъ.

— Собирайся, Сергѣй,—сказалъ онъ, поспѣшно вскидывая шарманку на спину. — Идемъ!

Но не успѣли они сдѣлать и десяти шаговъ, какъ съ балкона понеслись новые оглушительные крики:

— Ай-яй-яй! Мнѣ! Хочу-у! А-а-а! Д-а-й! Позвать! Мнѣ!

— Но, Трилли!.. Ахъ, Боже мой, Трилли! Ахъ, да воротите же ихъ! — застонала нервная дама.—Фу, какъ вы всѣ безтолковы!.. Иванъ, вы слышите, что̀ вамъ говорятъ? Сейчасъ же позовите этихъ нищихъ!..

— Послушайте! Вы! Эй, какъ васъ? Шарманщики! Вернитесь! — закричало съ балкона нѣсколько голосовъ.

Толстый лакей съ разлетавшимися въ обѣ стороны бакенбардами, подпрыгивая, какъ большой резиновый мячъ, бѣгомъ бросился вслѣдъ уходящимъ артистамъ.

— Пст!.. Музыканты! Слушайте-ка, назадъ!.. Назадъ!.. — кричалъ онъ, задыхаясь и махая обѣими руками. — Старичокъ почтенный, — схватилъ онъ, наконецъ, за рукавъ дѣдушку: — заворачивай оглобли! Господа будутъ вашъ пантоминъ смотрѣть. Живо!..

— Н-ну, дѣла! — вздохнулъ, покрутивъ головой, дѣдушка, однако приблизился къ балкону, снялъ шарманку, укрѣпилъ ее передъ собою на палкѣ и заигралъ галопъ съ того самаго мѣста, на которомъ его только-что прервали.

Суета на балконѣ затихла. Барыня съ мальчикомъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ подошли къ самымъ периламъ; остальные почтительно оставались на заднемъ

планѣ. Изъ глубины сада пришелъ садовникъ въ фартукѣ и сталъ неподалеку отъ дѣдушки. Откуда-то вылѣзшій дворникъ помѣстился позади садовника. Это былъ огромный бородатый мужчина съ мрачнымъ, узколобымъ, рябымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ новую розовую рубашку, по которой шли косыми рядами крупныя черныя горошины.

Подъ хриплые, заикающіеся звуки галопа Сергѣй разостлалъ на землѣ коврикъ, быстро скинулъ съ ногъ парусиновые панталоны (они были сшиты изъ стараго мѣшка и сзади, на самомъ широкомъ мѣстѣ, украшались четыреугольнымъ заводскимъ клеймомъ), сбросилъ съ себя старую куртку и остался въ старенькомъ нитяномъ трико, которое, несмотря на многочисленныя заплаты, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путемъ подражанія взрослымъ, пріемы заправскаго акробата. Взбѣгая на коврикъ, онъ на ходу приложилъ руки къ губамъ, а потомъ широкимъ театральнымъ движеніемъ размахнулъ ихъ въ стороны, какъ бы посылая публикѣ два стремительныхъ поцѣлуя.

Дѣдушка одной рукой непрерывно вертѣлъ ручку шарманки, извлекая изъ нея дребезжащій, кашляющій мотивъ, а другой бросалъ мальчику разные предметы, которые тотъ искусно подхватывалъ на лету. Репертуаръ у Сергѣя былъ небольшой, но работалъ онъ хорошо, «чисто», какъ говорятъ акробаты, и съ охотой. Онъ подкидывалъ вверхъ пустую пивную бутылку, такъ что она нѣсколько разъ перевертывалась въ воздухѣ, и вдругъ, поймавъ ее горлышкомъ на край тарелки, нѣсколько секундъ держалъ ее въ равновѣсіи; жонглировалъ четырьмя костяными шариками, а также двумя свѣчками, которыя онъ одновременно ловилъ въ подсвѣчники; потомъ игралъ сразу тремя различными предметами—вѣе-

ромъ, деревянной сигарой и дождевымъ зонтомъ. Всѣ они летали у него по воздуху, не прикасаясь къ землѣ, и вдругъ, сразу, зонтъ оказался надъ головой, сигара—во рту, а вѣеръ кокетливо обмахивалъ лицо. Въ заключеніе Сергѣй самъ нѣсколько разъ перекувырнулся на коврѣ, сдѣлалъ «лягушку», показалъ «американскій узелъ» и походилъ на рукахъ. Истощивъ весь запасъ своихъ «трюковъ», онъ опять бросилъ въ публику два поцѣлуя и, тяжело дыша, подошелъ къ дѣдушкѣ, чтобы замѣнить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Песъ это отлично зналъ и уже давно скакалъ въ волненіи всѣми четырьмя лапами на дѣдушку, вылѣзавшаго бокомъ изъ лямки, и лаялъ на него отрывистымъ, нервнымъ лаемъ. Почемъ знать, можетъ-быть, умный пудель хотѣлъ этимъ сказать, что, по его мнѣнію, безразсудно заниматься акробатическими упражненіями, когда Реомюръ показываетъ 32 градуса въ тѣни? Но дѣдушка Лодыжкинъ съ хитрымъ видомъ вытащилъ изъ-за спины тонкій кизиленый хлыстикъ. «Такъ я и зналъ!»—съ досадой пролаялъ въ послѣдній разъ Арто и лѣниво, непокорно поднялся на заднія ноги, не сводя моргающихъ глазъ съ хозяина.

— Служить, Арто! Такъ, такъ, такъ... — проговорилъ старикъ, держа надъ головой пуделя хлыстъ. — Перевернись. Такъ. Перевернись... Еще, еще... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-ò? Не хочешь? Садись, тебѣ говорятъ. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся съ почтеннѣйшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысилъ голосъ Лодыжкинъ.

«Гавъ!» — брехнулъ съ отвращеніемъ пудель. Потомъ поглядѣлъ, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавилъ еще два раза: «гавъ! гавъ!»

— Нѣтъ, не понимаетъ меня мой старикъ! — слышалось въ этомъ недовольномъ лаѣ.

— Вотъ это — другое дѣло. Вѣжливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаемъ, — продолжалъ старикъ, протягивая невысоко надъ землею хлыстъ. — Алле! Нечего, братъ, языкъ-то высовывать. Алле!.. Гопъ! Прекрасно. А ну-ка еще. нохъ ейнъ маль... Алле!.. Гопъ! Алле! Гопъ! Чудесно, собачка. Придемъ домой, я тебѣ морковки дамъ. А, ты морковку не кушаешь? Я и забылъ совсѣмъ. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господъ. Можетъ-быть, они тебѣ препожалуютъ что-нибудь повкуснѣе.

Старикъ поднялъ собаку на заднія лапы и всунулъ ей въ ротъ свой древній, засаленный картузъ, который онъ съ такимъ тонкимъ юморомъ называлъ «чилиндрой». Держа картузъ въ зубахъ и жеманно переступая присѣдающими ногами, Арто подошелъ къ террасѣ. Въ рукахъ у болѣзненной дамы появился маленькій перламутровый кошелекъ. Всѣ окружающіе сочувственно улыбались.

— Что̀? Не говорилъ я тебѣ? — задорно шепнулъ дѣдушка, наклоняясь къ Сергѣю. — Ты меня спроси: ужъ я, братъ, все знаю. Никакъ не меньше рубля.

Въ это время съ террасы раздался такой отчаянный, рѣзкій, почти нечеловѣческій вопль, что растерявшійся Арто выронилъ изо рта шапку и вприпрыжку, съ поджатымъ хвостомъ, боязливо оглядываясь назадъ, бросился къ ногамъ своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчикъ. — Мнѣ! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочетъ соба-а-аку-у...

— Ахъ, Боже мой! Ахъ! Николай Аполлонычъ!.. Батюшка-баринъ!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконѣ.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходилъ изъ себя мальчикъ.

— Но, ангелъ мой, не разстраивай себя! — залепе-

тала надъ нимъ дама въ голубомъ капотѣ. — Ты хочешь погладить собачку? Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчасъ. Докторъ, какъ вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не совѣтовалъ бы, — развелъ тотъ руками: — но если надежная дезинфекція, напримѣръ, борной кислотой или слабымъ растворомъ карболовки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчасъ, моя прелесть, сейчасъ. Итакъ, докторъ, мы прикажемъ вымыть ее борной кислотой и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же такъ! Старикъ, подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вамъ заплатятъ. Слушайте, она у васъ не больная? Я хочу спросить, она не бѣшеная? Или, можетъ-быть, у нея эхинококки?

— Не хочу погладить, не хочу! — ревѣлъ Трилли, пуская ртомъ и носомъ пузыри. — Хочу совсѣмъ! Дураки, черти! Совсѣмъ мнѣ! Хочу самъ играть... Навсегда!

— Послушайте, старикъ, подойдите сюда, — силилась перекричать его барыня. — Ахъ, Трилли, ты убьешь маму своимъ крикомъ. И зачѣмъ только пустили этихъ музыкантовъ! Да подойдите же ближе, еще ближе... еще, вамъ говорятъ!.. Вотъ такъ... Ахъ, не огорчайся же, Трилли, мама сдѣлаетъ все, что̀ хочешь. Умоляю тебя. Миссъ, да успокойте же наконецъ ребенка... Докторъ, прошу васъ... Сколько же ты хочешь, старикъ?

Дѣдушка снялъ картузъ. Лицо его приняло почтительно-жалкое выраженіе.

— Сколько вашей милости будетъ угодно, барыня, ваше высокопревосходительство... Мы люди маленькіе, намъ всякое даяніе — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ахъ, какъ вы безтолковы! Трилли, у тебя заболитъ горлышко. Вѣдь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-а! Хочу-у! Дайте собаку, дайте собаку, — взвизгивалъ мальчикъ, толкая лакея въ круглый животъ ногой.

— То-есть... простите, ваше сіятельство, — замялся Лодыжкинъ. — Я — человѣкъ старый, глупый... Сразу-то мнѣ не понять... къ тому же и глуховатъ малость... т.-е. какъ это вы изволите говорить?.. За собаку?..

— Ахъ, мой Богъ!.. Вы, кажется, нарочно притворяетесь идіотомъ? — вскипѣла дама. — Няня, дайте поскорѣе Трилли воды! Я васъ спрашиваю русскимъ языкомъ, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежняго мальчикъ.

Лодыжкинъ обидѣлся и надѣлъ на голову картузъ.

— Собаками, барыня, не торгую-съ, — сказалъ онъ холодно и съ достоинствомъ. — А этотъ песъ, сударыня, можно сказать, насъ двоихъ, — онъ показалъ большимъ пальцемъ черезъ плечо на Сергѣя: — насъ двоихъ кормитъ, поитъ и одѣваетъ. И никакъ этого невозможно, что, напримѣръ, продать.

Трилли между тѣмъ кричалъ съ пронзительностью паровознаго свистка. Ему подали стаканъ воды, но онъ яростно выплеснулъ его въ лицо гувернанткѣ.

— Да послушайте же, безумный старикъ!.. Нѣтъ вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама, стискивая свои виски ладонями. — Миссъ, вытрите поскорѣе лицо и дайте мнѣ мой мигренинъ. Можетъ-быть, ваша собака стоитъ сто рублей? Ну, двѣсти? Триста? Да отвѣчайте же, истуканъ! Докторъ, скажите ему что-нибудь, ради Бога.

— Собирайся, Сергѣй, — угрюмо проворчалъ Лодыжкинъ. — Исту-ка-нъ... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственнымъ басомъ протянулъ толстый господинъ въ золотыхъ очкахъ. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вотъ что̀ тебѣ скажу. Собакѣ твоей десять рублей красная цѣна, да еще вмѣстѣ съ тобой на придачу... Ты подумай, оселъ, сколько тебѣ даютъ!

— Покорнѣйше васъ благодарю, баринъ, а только... — Лодыжкинъ, кряхтя, вскинулъ шарманку за плечи. — Только никакъ это дѣло не выходитъ, чтобы, значитъ, продавать. Ужъ вы лучше гдѣ-нибудь другого кобелька поищите... Счастливо оставаться... Сергѣй, иди впередъ!

— А паспортъ у тебя есть? — вдругъ грозно взревѣлъ докторъ. — Я васъ знаю, канальи!

— Дворникъ! Семенъ! Гоните ихъ! — закричала съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ барыня.

Мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ со зловѣщимъ видомъ приблизился къ артистамъ. На террасѣ поднялся страшный, разноголосый гамъ: ревѣлъ благимъ матомъ Трилли, стонала его мать, скороговоркой причитали нянька съ подпянькой, густымъ басомъ, точно разсерженный шмель, гудѣлъ докторъ. Но дѣдушка и Сергѣй ужъ не имѣли времени посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. Предшествуемые изрядно струсившимъ пуделемъ, они почти бѣгомъ спѣшили къ воротамъ. А слѣдомъ за ними шелъ дворникъ, подталкивая старика сзади, въ шарманку, и говорилъ угрожающимъ голосомъ:

— Шляетесь здѣсь, лабарданцы! Благодари еще Бога, что по шеѣ, старый хрѣнъ, не заработалъ. А въ другой разъ придешь, такъ и знай, стѣсняться съ тобой не стану, намну загривокъ и стащу къ господину вряднику. Шантрапа!

Долгое время старикъ и мальчикъ шли молча, но вдругъ,

точно по уговору, взглянули другъ на друга и разсмѣялись: сначала захохоталъ Сергѣй, а потомъ, глядя на него, но съ нѣкоторымъ смущеніемъ, улыбнулся и Лодыжкинъ.

— Что̀, дѣдушка Лодыжкинъ? Ты все знаешь? — поддразнилъ его лукаво Сергѣй.

— Да-а, братъ. Обмишулились мы съ тобой, — покачалъ головой старый шарманщикъ. — Язвительный однако мальчугашка... Какъ его, такого, выростили, шутъ его возьми? Скажите на милость: двадцать пять человѣкъ вокругъ него танцы танцуютъ. Ну ужъ, будь въ моей власти, я бы ему прописа-алъ ижу. Подавай, говоритъ, собаку? Этакъ что̀ же? Онъ и луну съ неба захочетъ, такъ подавай ему и луну? Поди сюда, Арто, поди, моя собаченька. Ну, и денекъ сегодня задался. Удивительно!

— На что лучше! — продолжалъ ехидничать Сергѣй. — Одна барыня платье подарила, другая цѣлковый дала. Все ты, дѣдушка Лодыжкинъ, напередъ знаешь.

— А ты помалкивай, огарокъ, — добродушно огрызнулся старикъ. — Какъ отъ дворника-то улепетывалъ, помнишь? Я думалъ, и не догнать мнѣ тебя. Серьезный мужчина — этотъ дворникъ.

Выйдя изъ парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой къ морю. Здѣсь горы, отступивъ немного назадъ, дали мѣсто неширокой плоской полосѣ, покрытой ровными, обточенными прибоемъ камнями, о которые теперь съ тихимъ шелестомъ ласково плескалось море. Саженяхъ въ двухстахъ отъ берега кувыркались въ водѣ дельфины, показывая изъ нея на мгновеніе свои жирныя, круглыя спины. Вдали на горизонтѣ, тамъ, гдѣ голубой атласъ моря окаймлялся темносиней бархатной лентой, неподвижно стояли стройные, чуть-чуть розовые на солнцѣ, паруса рыбачьихъ лодокъ.

— Тутъ и выкупаемся, дѣдушка Лодыжкинъ, — ска-

залъ рѣшительно Сергѣй. На ходу онъ уже успѣлъ, прыгая то на одной, то на другой ногѣ, стащить съ себя панталоны. — Давай, я тебѣ пособлю органъ снять.

Онъ быстро раздѣлся, звонко хлопнулъ себя ладонями по голому, шоколадному отъ загара тѣлу и бросился въ воду, подымая вокругъ себя бугры кипящей пѣны.

Дѣдушка раздѣвался не торопясь. Прикрывъ глаза ладонью отъ солнца и щурясь, онъ съ любовной усмѣшкой глядѣлъ на Сергѣя.

«Ничего себѣ, растетъ паренекъ, — думалъ Лодыжкинъ: — даромъ, что костлявый — вонъ всѣ ребра видать, а все-таки будетъ парень крѣпкій».

— Эй, Сережка! Ты больно далече-то не плавай. Морская свинья утащитъ.

— А я ее за хвостъ! — крикнулъ издали Сергѣй.

Дѣдушка долго постоялъ на солнышкѣ, щупая у себя подъ мышками. Въ воду онъ сошелъ очень осторожно и, прежде чѣмъ окунуться, старательно мочилъ себѣ красное лысое темя и впалые бока. Тѣло у него было желтое, дряблое и безсильное, ноги — поразительно тонкія, а спина съ выдавшимися острыми лопатками была сгорблена отъ долголѣтняго тасканія шарманки.

— Дѣдушка Лодыжкинъ, гляди! — крикнулъ Сергѣй.

Онъ перекувырнулся въ водѣ, закинувъ себѣ ноги черезъ голову. Дѣдушка, уже влѣзшій въ воду по поясъ и присѣдавшій въ ней съ блаженнымъ кряхтѣніемъ, крикнулъ тревожно:

— Ну, а ты не балуйся, поросенокъ. Смотри! Я т-тебя!

Арто неистово лаялъ и скакалъ по берегу. Его безпокоило, что мальчикъ заплылъ такъ далеко. «Къ чему показывать свою храбрость? — волновался пудель. — Есть земля — и ходи по землѣ. Гораздо спокойнѣе».

Онъ и самъ залѣзъ-было въ воду по брюхо и два-

три раза лакнулъ ее языкомъ. Но соленая вода ему не понравилась, а легкія волны, шуршавшія о прибрежный гравій, пугали его. Онъ выскочилъ на берегъ и опять принялся лаять на Сергѣя. «Къ чему эти дурацкіе фокусы? Сидѣлъ бы у берега, рядомъ со старикомъ. Ахъ, сколько безпокойства съ этимъ мальчишкой!»

— Эй, Сережа, вылѣзай, что ли, въ самомъ дѣлѣ, будетъ тебѣ! — позвалъ старикъ.

— Сейчасъ, дѣдушка Лодыжкинъ, — отозвался мальчикъ. — Смотри, какъ я пароходомъ плыву. У-у-у-ухъ!

Онъ наконецъ подплылъ къ берегу, но, прежде чѣмъ одѣться, схватилъ на руки Арто и, вернувшись съ нимъ въ море, бросилъ его далеко въ воду. Собака тотчасъ же поплыла назадъ, выставивъ наружу только одну морду со всплывшими наверхъ ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочивъ на сушу, она затряслась всѣмъ тѣломъ, и тучи брызгъ полетѣли на старика и на Сергѣя.

— Постой-ка, Сережа, никакъ это къ намъ? — сказалъ Лодыжкинъ, пристально глядя вверхъ, на гору.

По тропинкѣ быстро спускался внизъ, неразборчиво крича и махая руками, тотъ самый мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ съ черными горошинами, который четверть часа назадъ гналъ странствующую труппу съ дачи.

— Что ему надо? — спросилъ съ недоумѣніемъ дѣдушка.

IV.

Дворникъ продолжалъ кричать, сбѣгая внизъ неловкой рысью, причемъ рукава его рубахи трепались по вѣтру, а пазуха надувалась, какъ парусъ.

— О-го-го!.. Подождите трошки!..

— А чтобъ тебя намочило да не высушило, — сер-

дито проворчалъ Лодыжкинъ. — Это онъ опять насчетъ Артошки.

— Давай, дѣдушка, накладемъ ему! — храбро предложилъ Сергѣй.

— А ну тебя, отвяжись... И что̀ это за люди, прости Господи...

— Вы вотъ что̀... — началъ запыхавшійся дворникъ еще издали. — Продавайте, что ли, пса-то? Ну, никакого сладу съ панычомъ. Реветъ, какъ теля. «Подай да подай собаку»... Барыня послала, купи, говоритъ, чего бы ни стоило.

— Довольно даже глупо это со стороны твоей барыни! — разсердился вдругъ Лодыжкинъ, который здѣсь, на берегу, чувствовалъ себя гораздо увѣреннѣе, чѣмъ на чужой дачѣ. — И опять-таки какая она мнѣ такая барыня? Тебѣ, можетъ-быть, барыня, а мнѣ двоюродное наплевать. И пожалуйста... я тебя прошу... Уйди ты отъ насъ, Христа ради... и того... и не приставай.

Но дворникъ не унимался. Онъ сѣлъ на камни, рядомъ со старикомъ, и говорилъ, неуклюже тыча передъ собой пальцами:

— Да пойми же ты, дуракъ-человѣкъ...

— Отъ дурака и слышу, — спокойно отрѣзалъ дѣдушка.

— Да постой... не къ тому я это... Вотъ, право, репей какой... Ты подумай: ну что̀ тебѣ собака? Подобралъ другого щенка, выучилъ стоять дыбки, вотъ тебѣ и снова песъ. Ну? Не правду, что ли, я говорю? А?

Дѣдушка внимательно завязывалъ ремень вокругъ штановъ. На настойчивые вопросы дворника онъ отвѣтилъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Бреши дальше... Я потомъ сразу тебѣ отвѣчу.

— А тутъ, братъ ты мой, сразу — цифра! — горячился дворникъ. — Двѣсти, а не то триста цѣлковыхъ въ разъ!

Ну, обыкновенно мнѣ кое-что за труды... Но ты подумай только: три сотенныхъ! Вѣдь это сразу можно бакалейную открыть...

Говоря такимъ образомъ, дворникъ вытащилъ изъ кармана кусокъ колбасы и швырнулъ его пуделю. Арто поймалъ его на лету, проглотилъ въ одинъ пріемъ и искательно завилялъ хвостомъ.

— Кончилъ? — коротко спросилъ Лодыжкинъ.

— Да тутъ долго и кончать нечего. Давай пса — и по рукамъ.

— Та-акъ-съ, — насмѣшливо протянулъ дѣдушка. — Продать, значитъ, собачку?

— Обыкновенно—продать. Чего вамъ еще? Главное, панычъ у насъ такой скаженый *). Чего захотѣлось, такъ весь домъ перебулгачитъ. Подавай — и все тутъ. Это еще безъ отца, а при отцѣ... святители вы наши!.. всѣ вверхъ ногами ходятъ. Баринъ у насъ инженеръ, можетъ-быть, слышали, господинъ Обольяниновъ? По всей Россіи желѣзныя дороги строятъ. Мельонеръ! А мальчишка-то у насъ одинъ. И озоруетъ. Хочу поню живую — на тебѣ поню. Хочу лодку — на тебѣ всамдѣлишную лодку. Какъ есть ни въ чемъ, ни въ чемъ отказу...

— А луну?

— То-есть въ какихъ это смыслахъ?

— Говорю, луну онъ ни разу съ неба не захотѣлъ?

— Ну вотъ... тоже скажешь — луну! — сконфузился дворникъ. — Такъ какъ же, милъ человѣкъ, лады у насъ, что ли?

Дѣдушка, который успѣлъ уже въ это время напялить на себя коричневый, позеленѣвшій на швахъ пиджакъ, гордо выпрямился, насколько ему позволяла вѣчно согнутая спина.

*) Сумасшедшій (малороссійское слово).

— Я тебѣ одно скажу, парень, — началъ онъ не безъ торжественности. — Примѣрно, ежели бы у тебя былъ братъ, или, скажемъ, другъ, который, значитъ, съ самаго сыздѣтства. Постой, друже, ты собакѣ колбасу даромъ не стравляй... самъ лучше скушай... этимъ, братъ, ее не подкупишь. Говорю, ежели бы у тебя былъ самый что ни на есть вѣрный другъ... который сыздѣтства... То за сколько бы ты его, примѣрно, продалъ?

— Прировнялъ тоже!..

— Вотъ те и прировнялъ. Ты такъ и скажи своему барину, который желѣзную дорогу строитъ, — возвысилъ голосъ дѣдушка. — Такъ и скажи: не все, молъ, продается, что̀ покупается. Да! Ты собаку-то лучше не гладь, это ни къ чему. Арто, иди сюда, собачій сынъ, я т-тебѣ! Сергѣй, собирайся.

— Дуракъ ты старый, — не вытерпѣлъ наконецъ дворникъ.

— Дуракъ, да отъ роду такъ, а ты хамъ, Іуда, продажная душа, — выругался Лодыжкинъ. — Увидишь свою генеральшу, кланяйся ей, скажи: отъ нашихъ, молъ, съ любовію низкій поклонъ. Свертывай коверъ, Сергѣй! Э-эхъ, спина моя, спинушка! Пойдемъ.

— Значитъ, та-акъ! — многозначительно протянулъ дворникъ.

— Съ тѣмъ и возьмите! — задорно отвѣтилъ старикъ.

Артисты поплелись вдоль морского берега, опять вверхъ, по той же дорогѣ. Оглянувшись случайно назадъ, Сергѣй увидѣлъ, что дворникъ слѣдитъ за ними. Видъ у него былъ задумчивый и угрюмый. Онъ сосредоточенно чесалъ всей пятерней, подъ съѣхавшей на глаза шапкой, свой лохматый рыжій затылокъ.

V.

У дѣдушки Лодыжкина былъ давнымъ-давно примѣченъ одинъ уголокъ между Мисхоромъ и Алупкой, книзу отъ нижней дороги, гдѣ отлично можно было позавтракать. Туда онъ и повелъ своихъ спутниковъ. Неподалеку отъ моста, перекинутаго черезъ бурливый и грязный горный потокъ, выбѣгала изъ-подъ земли, въ тѣни кривыхъ дубовъ и густого орѣшника, говорливая, холодная струйка воды. Она продѣлала въ почвѣ круглый неглубокій водоемъ, изъ котораго сбѣгала въ ручей тонкой змѣйкой, блестѣвшей въ травѣ, какъ живое серебро. Около этого родника по утрамъ и по вечерамъ всегда можно было застать набожныхъ турокъ, пившихъ воду и творившихъ свои священныя омовенія.

— Грѣхи наши тяжкіе, а запасы скудные, — сказалъ дѣдушка, садясь въ прохладѣ подъ орѣшникомъ. — Ну-ка, Сережа, Господи, благослови!

Онъ вынулъ изъ холщеваго мѣшка хлѣбъ, десятокъ красныхъ помидоровъ, кусокъ бессарабскаго сыра «брынзы» и бутылку съ прованскимъ масломъ. Соль была у него завязана въ узелокъ тряпочки сомнительной чистоты. Передъ ѣдой старикъ долго крестился и что-то шепталъ. Потомъ онъ разломилъ краюху хлѣба на три неровныя части: одну, самую большую, онъ протянулъ Сергѣю (малый растетъ — ему надо ѣсть), другую, поменьше, оставилъ для пуделя, самую маленькую взялъ себѣ.

— Во имя Отца и Сына. Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, — шепталъ онъ, суетливо распредѣляя порціи и поливая ихъ изъ бутылки масломъ. — Вкушай, Сережа!

Не торопясь, медленно, въ молчаніи, какъ ѣдятъ настоящіе труженики, принялись трое за свой скромный обѣдъ. Слышно было только, какъ жевали три пары че-

люстей. Арто ѣлъ свою долю въ сторонкѣ, растянувшись на животѣ и положивъ на хлѣбъ обѣ переднія лапы. Дѣдушка и Сергѣй поочередно макали въ соль спѣлые помидоры, изъ которыхъ текъ по ихъ губамъ и рукамъ красный, какъ кровь, сокъ, и заѣдали ихъ сыромъ и хлѣбомъ. Насытившись, они напились воды, подставляя подъ струю источника жестяную кружку. Вода была прозрачная, прекрасная на вкусъ и такая холодная, что отъ нея кружка даже запотѣла снаружи. Дневной жаръ и длинный путь изморили артистовъ, которые встали сегодня чуть свѣтъ. У дѣдушки слипались глаза. Сергѣй зѣвалъ и потягивался.

— Что̀, братику, развѣ намъ лечь поспать на минуточку? — спросилъ дѣдушка. — Дай-ка я въ послѣдній разъ водицы попью. Ухъ, хорошо! — крякнулъ онъ, отнимая отъ кружки ротъ и тяжело переводя дыханіе, между тѣмъ какъ свѣтлыя капли бѣжали съ его усовъ и бороды. — Если бы я былъ царемъ, все бы эту воду пилъ... съ утра бы до ночи! Арто, иси, сюда! Ну вотъ, Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, тотъ не обидѣлъ... Охъ-охъ-охонюшки-и!

Старикъ и мальчикъ легли рядомъ на травѣ, подмостивъ подъ головы свои старые пиджаки. Надъ ихъ головами шумѣла темная листва корявыхъ, раскидистыхъ дубовъ. Сквозь нее синѣло чистое голубое небо. Ручей, сбѣгавшій съ камня на камень, журчалъ такъ однообразно и такъ вкрадчиво, точно завораживалъ кого-то своимъ усыпительнымъ лепетомъ. Дѣдушка нѣкоторое время ворочался, кряхтѣлъ и говорилъ что-то, но Сергѣю казалось, что голосъ его звучитъ изъ какой-то мягкой и сонной дали, а слова были непонятны, какъ въ сказкѣ.

— Перво дѣло — куплю тебѣ костюмъ: розовое трико съ золотомъ... туфли тоже розовыя, атласныя... Въ

Кіевѣ, въ Харьковѣ или, напримѣръ, скажемъ, въ городѣ Одессѣ — тамъ, братъ, во какіе цирки!.. Фонарей видимо-невидимо... все электричество горитъ... Народу, можетъ-быть, тысячъ пять, а то и больше... почему я знаю? Фамилію мы тебѣ сочинимъ непремѣнно итальянскую. Что̀ такая за фамилія Естифеевъ, или, скажемъ, Лодыжкинъ? Чепуха одна — нѣтъ никакого въ ней воображенія. А мы тебя въ афишѣ запустимъ — Антоніо, или, напримѣръ, тоже хорошо—Энрико или Альфонзо...

Дальше мальчикъ ничего не слыхалъ. Нѣжная и сладкая дремота овладѣла имъ, сковавъ и обезсиливъ его тѣло. Заснулъ и дѣдушка, потерявшій вдругъ нить своихъ любимыхъ послѣобѣденныхъ мыслей о блестящемъ цирковомъ будущемъ Сергѣя. Одинъ разъ ему сквозь сонъ показалось, что Арто на кого-то рычитъ. На мгновеніе въ его затуманенной головѣ скользнуло полусознательное и тревожное воспоминаніе о давешнемъ дворникѣ въ розовой рубахѣ, но, разморенный сномъ, усталостью и жарой, онъ не смогъ встать, а только лѣниво, съ закрытыми глазами, окликнулъ собаку:

— Арто... куда? Я т-тебя, бродяга!

Но мысли его тотчасъ же спутались и расплылись въ тяжелыхъ и безформенныхъ видѣніяхъ.

Разбудилъ дѣдушку голосъ Сергѣя. Мальчикъ бѣгалъ взадъ и впередъ по той сторонѣ ручья, пронзительно свисталъ и кричалъ громко, съ безпокойствомъ и испугомъ:

— Арто, иси! Назадъ! Фью, фью, фью! Арто, назадъ!

— Ты что̀, Сергѣй, вопишь? — недовольно спросилъ Лодыжкинъ, съ трудомъ расправляя затекшую руку.

— Собаку мы проспали, вотъ что̀! — раздраженнымъ голосомъ, грубо отвѣтилъ мальчикъ. — Пропала собака.

Онъ рѣзко свистнулъ и еще разъ закричалъ протяжно:

— Арто-о-о!

— Глупости ты выдумываешь!.. Вернется, — сказалъ дѣдушка. Однако онъ быстро всталъ на ноги и сталъ кричать собаку сердитымъ, сиплымъ со сна, старческимъ фальцетомъ:

— Арто, сюда, собачій сынъ!

Онъ торопливо, мелкими, путающимися шажками перебѣжалъ черезъ мостъ и поднялся вверхъ по шоссе, не переставая звать собаку. Передъ нимъ лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-бѣлое полотно дороги, но на немъ — ни одной фигуры, ни одной тѣни.

— Арто! Ар-то-шень-ка! — жалобно завылъ старикъ. Но вдругъ онъ остановился, нагнулся низко къ дорогѣ и присѣлъ на корточки.

— Да-а, вотъ оно какое дѣло-то! — произнесъ старикъ упавшимъ голосомъ. — Сергѣй! Сережа, поди-ка сюда.

— Ну, что̀ тамъ еще? — грубо отозвался мальчикъ, подходя къ Лодыжкину. — Вчерашній день нашелъ?

— Сережа... что̀ это такое?.. Вотъ это, что̀ это такое? Ты понимаешь? — еле слышно спрашивалъ старикъ.

Онъ глядѣлъ на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо въ землю, ходила во всѣ стороны.

На дорогѣ въ бѣлой пыли валялся довольно большой, недоѣденный огрызокъ колбасы, а рядомъ съ нимъ во всѣхъ направленіяхъ отпечатались слѣды собачьихъ лапъ.

— Свелъ вѣдь, подлецъ, собаку! — испуганно прошепталъ дѣдушка, все еще сидя на корточкахъ. — Не кто, какъ онъ — дѣло ясное... Помнишь, давеча у моря-то онъ все колбасой прикармливалъ.

— Дѣло ясное, — мрачно и со злобой повторилъ Сергѣй.

Широко раскрытые глаза дѣдушки вдругъ наполнились крупными слезами и быстро замигали. Онъ закрылъ ихъ руками.

— Что же намъ теперь дѣлать, Сереженька? А? Дѣлать-то намъ что теперь? — спрашивалъ старикъ, качаясь взадъ и впередъ и безпомощно всхлипывая.

— Что дѣлать, что дѣлать! — сердито передразнилъ его Сергѣй. — Вставай, дѣдушка Лодыжкинъ, пойдемъ!..

— Пойдемъ, — уныло и покорно повторилъ старикъ, подымаясь съ земли.—Ну что жъ, пойдемъ, Сереженька!

Вышедшій изъ терпѣнія Сергѣй закричалъ на старика, какъ на маленькаго:

— Будетъ тебѣ, старикъ, дурака-то валять. Гдѣ это видано всамдѣлѣ, чтобы чужихъ собакъ заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Не правду я говорю? Прямо придемъ и скажемъ: «Подавай назадъ собаку!» А нѣтъ — къ мировому, вотъ и весь сказъ.

— Къ мировому... да... конечно... Это вѣрно, къ мировому... — съ безсмысленной, горькой улыбкой повторялъ Лодыжкинъ. Но глаза его неловко и конфузливо забѣгали. — Къ мировому... да... Только вотъ что, Сереженька... не выходитъ это дѣло... чтобы къ мировому...

— Какъ это не выходитъ? Законъ одинъ для всѣхъ. Чего имъ въ зубы смотрѣть? — нетерпѣливо перебилъ мальчикъ.

— А ты, Сережа, не того... не сердись на меня. Собаку-то намъ съ тобой не вернутъ. — Дѣдушка таинственно понизилъ голосъ. — Насчетъ пачпорта я опасаюсь. Слыхалъ, что давеча господинъ говорилъ? Спрашиваетъ: «А пачпортъ у тебя есть?» Вотъ она какая исторія. А у меня, — дѣдушка сдѣлалъ испуганное лицо и зашепталъ еле слышно: — у меня, Сережа, пачпортъ-то чужой.

— Какъ чужой?

— То-то вотъ — чужой. Свой я потерялъ въ Таганрогѣ, а можетъ-быть, украли его у меня. Года два я потомъ крутился: прятался, взятки давалъ, писалъ про-

шенія... Наконецъ, вижу, нѣтъ никакой моей возможности. живу точно заяцъ — всякаго опасаюсь. Покою вовсе не стало. А тутъ въ Одессѣ, въ ночлежкѣ, подвернулся одинъ грекъ. «Это, говоритъ, сущіе пустяки. Клади, говоритъ, старикъ, на столъ двадцать пять рублей, и я тебя навѣки пачпортомъ обезпечу». Раскинулъ я умомъ туда-сюда. Эхъ, думаю, пропадай моя голова. Давай, говорю. И съ тѣхъ поръ, милый мой, вотъ я и живу по чужому пачпорту.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! — глубоко, со слезами въ груди вздохнулъ Сергѣй. — Собаку мнѣ ужъ больно жалко... Собака-то ужъ хороша очень...

— Сереженька, родной мой! — протянулъ къ нему старикъ дрожащія руки. — Да будь только у меня пачпортъ настоящій, развѣ бы я поглядѣлъ, что они генералы? За горло бы взялъ!.. «Какъ такъ? Позвольте! Какое имѣете полное право чужихъ собакъ красть? Какой-такой законъ на это есть?» А теперь намъ крышка, Сережа. Приду я въ полицію — первое дѣло: «Подавай пачпортъ! Это ты самарскій мѣщанинъ Мартынъ Лодыжкинъ?» — «Я, вашескродіе». А я, братецъ, и не Лодыжкинъ вовсе и не мѣщанинъ, а крестьянинъ Иванъ Дудкинъ. А кто таковъ этотъ Лодыжкинъ — одинъ Богъ его вѣдаетъ. Почемъ я знаю, можетъ, воришка какой, или бѣглый каторжникъ? Или, можетъ-быть, даже убивецъ? Нѣтъ, Сережа, ничего мы тутъ не сдѣлаемъ... Ничего, Сережа...

Голосъ у дѣдушки оборвался и захлебнулся. Слезы опять потекли по глубокимъ, коричневымъ отъ загара, морщинамъ. Сергѣй, который слушалъ ослабѣвшаго старика молча, съ плотно сжатыми бровями, блѣдный отъ волненія, вдругъ взялъ его подъ мышки и сталъ подымать.

— Пойдемъ, дѣдушка, — сказалъ онъ повелительно и

ласково въ то же время. — Къ чорту пачпортъ, пойдемъ! Не ночевать же намъ на большой дорогѣ.

— Милый ты мой, родной,—приговаривалъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, старикъ. — Собачка-то ужъ очень затѣйная... Артошенька-то нашъ... Другой такой не будетъ у насъ...

— Ладно, ладно... Вставай, — распоряжался Сергѣй. — Дай я тебя отъ пыли-то очищу. Совсѣмъ ты у меня раскисъ, дѣдушка.

Въ этотъ день артисты больше не работали. Несмотря на свой юный возрастъ, Сергѣй хорошо понималъ все роковое значеніе этого страшнаго слова «пачпортъ». Поэтому онъ не настаивалъ больше ни на дальнѣйшихъ розыскахъ Арто, ни на мировомъ, ни на другихъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Но, пока онъ шелъ рядомъ съ дѣдушкой до ночлега, съ лица его не сходило новое, упрямое и сосредоточенное выраженіе, точно онъ задумалъ про себя что-то чрезвычайно серьезное и большое.

Не сговариваясь, но, очевидно, по одному и тому же тайному побужденію, они нарочно сдѣлали значительный крюкъ, чтобы еще разъ пройти мимо «Дружбы». Передъ воротами они задержались немного, въ смутной надеждѣ увидѣть Арто или хоть услышать издали его лай.

Но рѣзныя ворота великолѣпной дачи были плотно закрыты, и въ тѣнистомъ саду подъ стройными, печальными кипарисами стояла важная. невозмутимая, торжественная тишина.

— Гос-спо-да! — шипящимъ голосомъ произнесъ старикъ, вкладывая въ это слово всю ѣдкую горечь, переполнившую его сердце.

— Будетъ тебѣ, пойдемъ, — сурово приказалъ мальчикъ и потянулъ своего спутника за рукавъ.

— Сереженька, можетъ, убѣжитъ отъ нихъ еще Ар-

тошка-то?—вдругъ опять всхлипнулъ дѣдушка.—А? Какъ ты думаешь, милый?

Но мальчикъ не отвѣтилъ старику. Онъ шелъ впередъ большими, твердыми шагами. Его глаза упорно смотрѣли внизъ на дорогу, а тонкія брови сердито сдвинулись къ переносью.

VI.

Молча дошли они до Алупки. Дѣдушка всю дорогу кряхтѣлъ и вздыхалъ, Сергѣй же сохранялъ на лицѣ злое, рѣшительное выраженіе. Они остановились на ночлегъ въ грязной турецкой кофейной, носившей блестящее названіе «Ылдызъ», что̀ значитъ по-турецки «звѣзда». Вмѣстѣ съ ними ночевали греки — каменотесы, землекопы — турки, нѣсколько человѣкъ русскихъ рабочихъ, перебивавшихся поденнымъ трудомъ, а также нѣсколько темныхъ, подозрительныхъ бродягъ, которыхъ такъ много шатается по югу Россіи. Всѣ они, какъ только кофейная закрылась въ опредѣленный часъ, разлеглись на скамьяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ, и прямо на полу, причемъ тѣ, что̀ были поопытнѣе, положили, изъ нелишней предосторожности, себѣ подъ голову все, что̀ у нихъ было наиболѣе цѣннаго изъ вещей и изъ платья.

Было далеко за полночь, когда Сергѣй, лежавшій на полу рядомъ съ дѣдушкой, осторожно поднялся и сталъ безшумно одѣваться. Сквозь широкія окна лился въ комнату блѣдный свѣтъ мѣсяца, стелился косымъ, дрожащимъ переплетомъ по полу и, падая на спящихъ вповалку людей, придавалъ ихъ лицамъ страдальческое и мертвое выраженіе.

— Ты куда носью ходись, малцукъ?—сонно окликнулъ Сергѣя у дверей хозяинъ кофейной, молодой турокъ Ибрагимъ.

— Пропусти. Надо!—сурово, дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Сергѣй.—Да вставай, что ли, турецкая лопатка!

Зѣвая, почесываясь и укоризненно причмокивая языкомъ, Ибрагимъ отперъ двери. Узкія улицы татарскаго базара были погружены въ густую темно-синюю тѣнь, которая покрывала зубчатымъ узоромъ всю мостовую и касалась подножій домовъ другой, освѣщенной стороны, рѣзко бѣлѣвшей въ лунномъ свѣтѣ своими низкими стѣнами. На дальнихъ окраинахъ мѣстечка лаяли собаки. Откуда-то съ верхняго шоссе доносился звонкій и дробный топотъ лошади, бѣжавшей иноходью.

Миновавъ бѣлую, съ зеленымъ куполомъ, въ видѣ луковицы, мечеть, окружённую молчаливой семьей темныхъ кипарисовъ, мальчикъ спустился по тѣсному кривому переулку на большую дорогу. Для легкости Сергѣй не взялъ съ собой верхней одежды, оставшись въ одномъ трико. Мѣсяцъ свѣтилъ ему въ спину, и тѣнь мальчика бѣжала впереди его чернымъ, страннымъ, укороченнымъ силуэтомъ. По обоимъ бокамъ шоссе притаился темный курчавый кустарникъ. Какая-то птичка кричала въ немъ однообразно, черезъ ровные промежутки, тонкимъ, нѣжнымъ голосомъ: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожитъ въ ночной тишинѣ какую-то печальную тайну, и безсильно борется со сномъ и усталостью, и тихо, безъ надежды, жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..» А надъ темными кустами и надъ синеватыми шапками дальнихъ лѣсовъ возвышался, упираясь своими двумя зубцами въ небо, Ай-Петри,—такой легкій, рѣзкій, воздушный, какъ будто онъ былъ вырѣзанъ изъ гигантскаго куска серебрянаго картона.

Сергѣю было немного жутко среди этого величаваго безмолвія, въ которомъ такъ отчетливо и дерзко раздавались его шаги, но въ то же время въ сердцѣ его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная

отвага. На одномъ поворотѣ вдругъ открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилось. Отъ горизонта къ берегу тянулась узкая, дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала, — лишь кое-гдѣ изрѣдка вспыхивали ея блестки, — и вдругъ, у самой земли широко расплескивалась живымъ, сверкающимъ металломъ, опоясывая, точно галунъ, весь берегъ.

Беззвучно проскользнулъ Сергѣй въ деревянную калитку, ведущую въ паркъ. Тамъ, подъ густыми деревьями, было совсѣмъ темно. Издали слышался шумъ неугомоннаго ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыханіе. Отчетливо застучала подъ ногами деревянная настилка моста. Вода подъ нимъ была черная и страшная. Вотъ наконецъ и высокія чугунныя ворота, узорчатыя, точно кружево, и обвитыя ползучими стеблями глициній. Лунный свѣтъ, прорѣзавшись сквозь чащу деревьевъ, скользилъ по рѣзьбѣ воротъ слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону былъ мракъ и чуткопугливая тишина.

Было нѣсколько мгновеній, въ теченіе которыхъ Сергѣй испытывалъ въ душѣ колебаніе, почти страхъ. Но онъ поборолъ въ себѣ эти томительныя чувства и прошепталъ:

— А все-таки я полѣзу! Все равно!

Взобраться ему было нетрудно. Изящные чугунные завитки, составлявшіе рисунокъ воротъ, служили вѣрными точками опоры для цѣпкихъ рукъ и маленькихъ мускулистыхъ ногъ. Надъ воротами на большой высотѣ перекинулась со столба на столбъ широкая каменная арка. Сергѣй ощупью взлѣзъ на нее, потомъ, лежа на животѣ, спустилъ ноги внизъ, на другую сторону, и сталъ понемногу сталкивать туда же все туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Такимъ образомъ онъ уже совсѣмъ перевѣсился черезъ арку, держась за ея край только пальцами вытянутыхъ рукъ, но его ноги

все еще не встрѣчали опоры. Онъ не могъ сообразить тогда, что арка надъ воротами выступала внутрь гораздо дальше, чѣмъ кнаружи, и по мѣрѣ того, какъ затекали его руки, и какъ тяжелѣе свисало внизъ обезсилѣвшее тѣло, ужасъ все сильнѣе проникалъ въ его душу.

Наконецъ онъ не выдержалъ. Его пальцы, цѣплявшіеся за острый уголъ, разжались, и онъ стремительно полетѣлъ внизъ.

Онъ слышалъ, какъ заскрежеталъ подъ нимъ крупный гравій, и почувствовалъ острую боль въ колѣняхъ. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ на четверенькахъ, оглушенный паденіемъ. Ему казалось, что сейчасъ проснутся всѣ обитатели дачи, прибѣжитъ мрачный дворникъ въ розовой рубахѣ, подымется крикъ, суматоха... Но, какъ и прежде, въ саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкій, монотонный, жужжащій звукъ разносился по всему саду:

«Жжу... жжу... жжу»...

«Ахъ, вѣдь это шумитъ у меня въ ушахъ!»—догадался Сергѣй. Онъ поднялся на ноги; все было страшно, таинственно, сказочно-красиво въ саду, точно наполненномъ ароматными снами. На клумбахъ тихо шатались, съ неясной тревогой наклоняясь другъ къ другу, словно перешептываясь и подглядывая, едва видимые въ темнотѣ цвѣты. Стройные, темные, пахучіе кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками съ задумчивымъ и укоряющимъ выраженіемъ. А за ручьемъ, въ чащѣ кустовъ, маленькая усталая птичка боролась со сномъ и съ покорной жалобой повторяла:

«Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожкахъ тѣней, Сергѣй не узнавалъ мѣста. Онъ долго бродилъ по скрипучему гравію, пока не вышелъ къ дому.

Никогда въ жизни мальчикъ не испытывалъ такого му-

чительнаго ощущенія полной безпомощности, заброшенности и одиночества, какъ теперь. Огромный домъ казался ему наполненнымъ безпощадными, притаившимися врагами, которые тайно, съ злобной усмѣшкой слѣдили изъ темныхъ оконъ за каждымъ движеніемъ маленькаго, слабаго мальчика. Молча и нетерпѣливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гнѣвнаго, оглушительно-грознаго приказанія.

— Только не въ домѣ... въ домѣ ея не можетъ быть!— прошепталъ, какъ сквозь сонъ, мальчикъ. — Въ домѣ она выть станетъ, надоѣстъ...

Онъ обошелъ дачу кругомъ. Съ задней стороны, на широкомъ дворѣ было расположено нѣсколько построекъ, болѣе простыхъ и незатѣйливыхъ съ виду, очевидно, предназначенныхъ для прислуги. Здѣсь такъ же, какъ и въ большомъ домѣ, ни въ одномъ окнѣ не было видно огня; только мѣсяцъ отражался въ темныхъ стеклахъ мертвымъ, неровнымъ блескомъ. «Не уйти мнѣ отсюда, никогда не уйти!..»—съ тоской подумалъ Сергѣй. Вспомнился ему на мигъ дѣдушка, старая шарманка, ночлеги въ кофейныхъ, завтраки у прохладныхъ источниковъ. «Ничего, ничего этого больше не будетъ!»—печально повторилъ про-себя Сергѣй. Но, чѣмъ безнадежнѣе становились его мысли, тѣмъ болѣе страхъ уступалъ въ его душѣ мѣсто какому-то тупому и спокойно-злобному отчаянію.

Тонкій, словно стонущій визгъ вдругъ коснулся его слуха. Мальчикъ остановился, не дыша, съ напряженными мускулами, вытянувшись на цыпочкахъ. Звукъ повторился. Казалось, онъ исходилъ изъ каменнаго подвала, около котораго Сергѣй стоялъ и который сообщался съ наружнымъ воздухомъ рядомъ грубыхъ, маленькихъ четыреугольныхъ отверстій безъ стеколъ. Ступая по какой-то цвѣточной куртинѣ, мальчикъ подошелъ къ стѣнѣ, приложилъ лицо къ одной изъ отдушинъ и свист-

нулъ. Тихій, сторожкій шумъ послышался гдѣ-то внизу, но тотчасъ же затихъ.

— Арто! Артошка!—позвалъ Сергѣй дрожащимъ шопотомъ.

Неистовый, срывающійся лай сразу наполнилъ весь садъ, отозвавшись во всѣхъ его уголкахъ. Въ этомъ лаѣ, вмѣстѣ съ радостнымъ привѣтомъ, смѣшивались и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, какъ собака изо всѣхъ силъ рвалась въ темномъ подвалѣ, силясь отъ чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!..—вторилъ ей плачущимъ голосомъ мальчикъ.

— Цыцъ, окаянная! — раздался снизу звѣрскій басовый крикъ. — У, каторжная!

Что-то стукнуло въ подвалѣ. Собака залилась длиннымъ прерывистымъ воемъ.

— Не смѣй бить! Не смѣй бить собаку, проклятый! — закричалъ въ изступленіи Сергѣй, царапая ногтями каменную стѣну

Все, что произошло потомъ, Сергѣй помнилъ смутно, точно въ какомъ-то ужасномъ горячечномъ бреду. Дверь подвала широко съ грохотомъ распахнулась, и изъ нея выбѣжалъ дворникъ. Въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой, бородатый, блѣдный отъ яркаго свѣта луны, свѣтившей прямо ему въ лицо, онъ показался Сергѣю великаномъ, разъяреннымъ сказочнымъ чудовищемъ.

— Кто здѣсь бродитъ? Застрѣлю! — загрохоталъ, точно громъ, его голосъ по саду. — Воры! Грабятъ!

Но въ ту же минуту изъ темноты раскрытой двери, какъ бѣлый прыгающій комокъ, выскочилъ съ лаемъ Арто. На шеѣ у него болтался обрывокъ веревки.

Впрочемъ, мальчику было не до собаки. Грозный видъ дворника охватилъ его сверхъестественнымъ ужасомъ, связалъ его ноги, парализовалъ все его маленькое, слабое

тѣло. Но, къ счастью, этотъ столбнякъ продолжался недолго. Почти безсознательно Сергѣй испустилъ пронзительный, долгій, отчаянный вопль и наугадъ, не видя дороги, не помня себя отъ страха, пустился бѣжать прочь отъ подвала.

Онъ мчался, какъ птица, крѣпко и часто ударяя о землю ногами, которыя внезапно сдѣлались крѣпкими, точно двѣ стальныя пружины. Рядомъ съ нимъ скакалъ, заливаясь радостнымъ лаемъ, Арто. Сзади тяжело грохоталъ по песку дворникъ, яростно рычавшій какія-то ругательства.

Съ размаху Сергѣй наскочилъ на ворота, но мгновенно не подумалъ, а скорѣе инстинктивно почувствовалъ, что здѣсь дороги нѣтъ. Между каменной бѣлой стѣной и растущими вдоль нея кипарисами была узкая темная лазейка. Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергѣй, нагнувшись, юркнулъ въ нее и побѣжалъ вдоль стѣны. Острыя иглы кипарисовъ, густо и ѣдко пахнувшихъ смолой, хлестали его по лицу. Онъ спотыкался о корни, падалъ, разбивая себѣ въ кровь руки, но тотчасъ же вставалъ, не замѣчая даже боли, и опять бѣжалъ впередъ, согнувшись почти вдвое, не слыша своего крика. Арто кинулся слѣдомъ за нимъ.

Такъ бѣжалъ онъ по узкому коридору, образованному съ одной стороны—высокой стѣной, съ другой—тѣснымъ строемъ кипарисовъ, бѣжалъ, точно маленькій, обезумѣвшій отъ ужаса звѣрекъ, попавшій въ безконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыханіе кололо въ груди тысячью иголокъ. Топотъ дворника доносился то справа, то слѣва, и потерявшій голову мальчикъ бросался то впередъ, то назадъ, нѣсколько разъ пробѣгая мимо воротъ и опять ныряя въ темную, тѣсную лазейку.

Наконецъ Сергѣй выбился изъ силъ. Сквозь дикій ужасъ

имъ стала постепенно овладѣвать холодная, мертвая тоска, вялое равнодушіе ко всякой опасности. Онъ сѣлъ подъ дерево, прижался къ его стволу изнемогшимъ отъ усталости тѣломъ и зажмурилъ глаза. Все ближе и ближе хрустѣлъ песокъ подъ грузными шагами врага. Арто тихо повизгивалъ, уткнувъ морду въ колѣни Сергѣя.

Въ двухъ шагахъ отъ мальчика зашумѣли вѣтви, раздвигаемыя руками. Сергѣй безсознательно поднялъ глаза кверху и вдругъ, охваченный невѣроятною радостью, вскочилъ однимъ толчкомъ на ноги. Онъ только теперь замѣтилъ, что стѣна напротивъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, была очень низкая, не болѣе полутора аршинъ. Правда, верхъ ея былъ утыканъ вмазанными въ известку бутылочными осколками, но Сергѣй не задумался надъ этимъ. Мигомъ схватилъ онъ поперекъ туловища Арто и поставилъ его передними лапами на стѣну. Умный песъ отлично понялъ его. Онъ быстро вскарабкался на стѣну, замахалъ хвостомъ и побѣдно залаялъ.

Слѣдомъ за нимъ очутился на стѣнѣ и Сергѣй, какъ разъ въ то время, когда изъ разступившихся вѣтвей кипарисовъ выглянула большая темная фигура. Два гибкихъ, ловкихъ тѣла—собаки и мальчика—быстро и мягко прыгнули внизъ, на дорогу. Вслѣдъ имъ понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирѣпая ругань.

Былъ ли дворникъ менѣе проворнымъ, чѣмъ два друга, усталъ ли онъ отъ круженья по саду, или просто не надѣялся догнать бѣглецовъ, но онъ не преслѣдовалъ ихъ больше. Тѣмъ не менѣе они долго еще бѣжали безъ отдыха,—оба сильные, ловкіе, точно окрыленные радостью избавленія. Къ пуделю скоро вернулось его обычное легкомысліе. Сергѣй еще оглядывался боязливо назадъ, а Арто уже скакалъ на него, восторженно болтая ушами и обрывкомъ веревки, и все изловчался лизнуть его съ разбѣга въ самыя губы.

Мальчикъ пришелъ въ себя только у источника, у того самаго, гдѣ наканунѣ днемъ они съ дѣдушкой завтракали. Припавши вмѣстѣ ртами къ холодному водоему, собака и человѣкъ долго и жадно глотали свѣжую, вкусную воду. Они отталкивали другъ друга, приподнимали на минуту кверху головы, чтобы перевести духъ, причемъ съ ихъ губъ звонко капала вода, и опять съ новой жаждой припикали къ водоему, не будучи въ силахъ отъ него оторваться. И когда они наконецъ отвалились отъ источника и пошли дальше, то вода плескалась и булькала въ ихъ переполненныхъ животахъ. Опасность миновала, всѣ ужасы этой ночи прошли безъ слѣда, и имъ обоимъ весело и легко было итти по бѣлой дорогѣ, ярко освѣщенной луной, между темными кустарниками, отъ которыхъ уже тянуло утренней сыростью и сладкимъ запахомъ освѣженнаго листа.

Въ кофейной «Ылдызъ» Ибрагимъ встрѣтилъ мальчика съ укоризненнымъ шопотомъ:

— И сто ти се сляесься, малцукъ? Сто ти се сляесься? Вай-вай-вай, нехоросо...

Сергѣй не хотѣлъ будить дѣдушку, но это сдѣлалъ за него Арто. Онъ въ одно мгновеніе отыскалъ старика среди груды валявшихся на полу тѣлъ и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, облизалъ ему съ радостнымъ визгомъ щеки, глаза, носъ и ротъ. Дѣдушка проснулся, увидѣлъ на шеѣ пуделя веревку, увидѣлъ лежащаго рядомъ съ собой, покрытаго пылью мальчика, и понялъ все. Онъ обратился-было къ Сергѣю за разъясненіями, но не могъ ничего добиться. Мальчикъ уже спалъ, разметавъ въ стороны руки и широко раскрывъ ротъ.

ЛАВРЫ.

Сказочка.

— Почтеннѣйшая публика, прекрасныя дамы и милостивые господа! Я тоже, съ вашего позволенія, разскажу свою исторію, изъ которой вы ясно увидите, какъ непрочна земная красота, и какъ хрупка и преходяща слава.

Этотъ голосъ раздался изъ самой глубины обширной помойной ямы, гдѣ въ кислой, вонючей тьмѣ догнивали остатки овощей, картофельная шелуха, безобразныя тряпки, кости, веревки, лимонныя корки, бумажки, окурки и рыбьи внутренности, гдѣ громоздились въ кучѣ разбитыя бутылки, проволока, жестянки и пустыя спичечныя коробки, и гдѣ хозяйничали вволю огромныя бурыя крысы, мудрыя и злыя животныя, съ голыми хвостами и острыми черными глазками.

— Позвольте, кто это говоритъ?—спросила надменно растерзанная грецкая губка, у которой было блестящее прошлое, проведенное въ уборной хорошенькой женщины.

— Это я, лавровый листъ,—отозвался скромный голосъ. — Меня, къ сожалѣнію, не совсѣмъ видно, потому что я сверху придавленъ старымъ башмакомъ и засыпанъ какимъ-то мусоромъ. Но, если судьбѣ будетъ угодно когда-нибудь извлечь меня изъ этихъ нѣдръ на поверхность, я, конечно, сочту долгомъ представиться всѣмъ моимъ высокочтимымъ сосѣдямъ. Я получилъ хорошее воспитаніе,

вращался въ большомъ обществѣ и потому знаю свѣтскія обязанности.

«Такъ вотъ моя исторія, милостивые государыни и государи:

«Я происхожденіемъ южанинъ и выросъ на южномъ берегу Крыма въ большой зеленой кадкѣ, обитой желѣзными обручами. Какъ сквозь какую-то волшебную пелену вспоминаю я небо, море, горы и стрекотаніе цикадъ въ жаркія ночи. Помню благоуханіе глициній, струившихъ внизъ свои голубые водопады, и благоуханіе маленькихъ бѣлыхъ вьющихся розъ, пахнувшихъ фіалкой, и сладкій лимонный ароматъ магнолій, огромные бѣлые цвѣты которыхъ были точно выточены изъ слоновой кости, и роскошный, страстный, горячій запахъ тысячъ штамбовыхъ розъ: бѣлыхъ, желтыхъ, палевыхъ, розовыхъ, пунцовыхъ и темно-пурпурныхъ.

«Я былъ тогда молодъ и мало смыслилъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ же мало, какъ и сотня моихъ братьевъ, происшедшихъ отъ одного и того же ствола. Впервые о великомъ значеніи лавровыхъ листьевъ я узналъ въ томный лѣтній вечеръ, когда мимо насъ проходила дѣвушка въ бѣломъ платьѣ вмѣстѣ съ гимназистомъ. У дѣвушки въ рыжихъ волосахъ горѣло пушистымъ золотомъ заходящее солнце, а у гимназиста былъ мрачный видъ и поясъ, спущенный ниже бедеръ, отчего ноги его казались до смѣшного короткими.

«— Посмотрите, Коля,—это вѣдь лавры!—закричала дѣвушка въ восторгѣ.—Настоящіе лавры! Тѣ самые лавры, которыми награждали поэтовъ и побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, которые не давали спать Мильтіаду, которыми увѣнчали Петрарку...

«Но гимназистъ былъ, какъ я потомъ узналъ, влюбленъ, разочарованъ, оставленъ на второй годъ въ четвертомъ классѣ и кромѣ того принадлежалъ къ пар-

гіи а. а., т.-е. былъ «атчаяннымъ анархистомъ». Онъ сорвалъ одинъ листокъ, растеръ его между пальцами, понюхалъ и сказалъ суровымъ басомъ:

«— И которые кладутъ въ супъ...

«Прошло три лѣта. Я уже порядочно вытянулся и достигъ юношескаго возраста, когда наше деревцо пересадили въ другую кадку, гораздо бо̀льшихъ размѣровъ, и вотъ однажды осеннимъ утромъ закутали насъ въ рогожу, обвязали мочалками и отправили на сѣверъ. Ѣхали мы и на телѣгѣ, и на пароходѣ, и по желѣзной дорогѣ, и опять на телѣгѣ, и, по правдѣ сказать, это было препепріятное путешествіе среди постоянной духоты, темноты и качки.

«Такъ мы и пріѣхали въ этотъ большой городъ, гдѣ протекла вся моя шумная и разнообразная жизнь, и гдѣ подъ конецъ моихъ дней я имѣю высокую честь бесѣдовать съ такимъ почтеннымъ собраніемъ.

«Помѣстили насъ въ зимнемъ саду, въ большомъ пышномъ домѣ, похожемъ на дворецъ. Надъ нами была стеклянная крыша, и южная стѣна теплицы была тоже изъ стеклянныхъ рамъ, но искусственный газонъ, узенькія дорожки, посыпанныя пескомъ, и фонтанъ надъ бассейномъ изъ поздреватаго камня должны были напоминать о настоящей природѣ.

«Нѣсколько разъ въ годъ во дворцѣ бывали блестящіе балы. Тогда лавровыя деревья вмѣстѣ съ пальмами и другими большими растеніями перетаскивались изъ зимняго сада въ комнаты, на лѣстницу и даже на подъѣздъ, покрытый, какъ шатромъ, полосатымъ тикомъ. Какое общество я перевидалъ въ эти дни, какія прекрасныя женщины, выхоленныя въ лучшихъ человѣческихъ оранжереяхъ, пробѣгали мимо меня наверхъ по ступенямъ, устланнымъ толстымъ краснымъ ковромъ, перебирая своими маленькими ножками въ бѣлыхъ атласныхъ туфель-

кахъ. Какія плечи, руки, кружева, жемчужныя ожерелья на обнаженныхъ шеяхъ. Какіе ленты, звѣзды, бакенбарды, шпоры, мундиры, фраки, цвѣты въ петличкахъ, какая чудесная музыка, свѣтъ, запахъ духовъ!

«И все это прошло, какъ сонъ. Однажды зимнимъ днемъ, когда снѣгъ шелъ такъ густо-густо и такими огромными хлопьями, какъ будто бы кто-то тамъ наверху уничтожалъ всю свою корреспонденцію, накопившуюся за тысячу лѣтъ, пришли мужики и перенесли насъ въ большую пустую комнату, посрединѣ которой лежалъ на черномъ возвышеніи, въ длинномъ серебряномъ ящикѣ, сѣдой человѣкъ съ закрытыми глазами и съ блѣднымъ лицомъ, улыбавшимся мудрой и благодарной улыбкой. Приходили и уходили люди, очень много людей, пѣли, говорили нараспѣвъ, опять пѣли, и вся комната наполнялась тогда синимъ пахучимъ дымомъ, въ которомъ тепло и мглисто мерцали огоньки свѣчей. И было очень странно видѣть, какъ всѣ глядѣли на лежавшаго и говорили только о немъ и пѣли только про него, а онъ все лежалъ и лежалъ, не открывая глазъ и тихо улыбаясь.

«Когда его унесли и запахъ синяго дыма еще стоялъ въ пустой комнатѣ, пришли веселые люди въ красныхъ рубашкахъ и замазали бѣлой краской оконныя стекла. А меня съ моими братьями взяли на плечи двое рабочихъ и понесли черезъ весь городъ въ цвѣточный магазинъ. Несмотря на холодъ, весело было мнѣ глядѣть сверху на экипажи и вагоны и на головы тысячной толпы.

«Но въ цвѣточномъ магазинѣ я пробылъ недолго. Насъ купилъ какой-то трактирщикъ и поставилъ въ залѣ между столиками, въ сомнительной компаніи съ искусственными пальмами. Плохая это была жизнь. Насъ часто забывали поливать, а въ нашу кадку каждый день набрасывали пропасть сигарныхъ и папиросныхъ окурковъ. По вечерамъ игралъ органъ, визжали скрипки, въ воздухѣ ви-

сѣлъ чадъ и дымъ, а въ стеклянномъ акваріумѣ стояли неподвижно, едва пошевеливая плавниками, большія, темныя, издыхающія рыбы. Время отъ времени слышалъ я знакомыя фразы о Мильтіадѣ и Петраркѣ, но только скучалъ отъ нихъ. Время и жизненный опытъ состарили меня.

«Потомъ хозяинъ нашъ разорился. Кто-то скупилъ за долги и органъ, и столики, и бѣлыя салфетки, и акваріумъ. Но растеній новый владѣлецъ не любилъ. И мы опять попали въ цвѣточный магазинъ.

«Не буду распространяться подробно объ этомъ тускломъ времени. Скажу только, что часто брали насъ напрокатъ и украшали нами то лѣстницы во время платныхъ баловъ, то церкви, то рестораны подъ Новый годъ, то кухмистерскія въ свадебные вечера. Всего и не упомню.

«Но разъ глубокой осенью пришли въ магазинъ двое: дѣвушка въ непромокаемомъ плащѣ и краснощекій, курчавый, веселый и шумный студентъ, въ которомъ я узналъ прежняго мрачнаго гимназиста, свидѣтеля моего дѣтства. Они заказывали лавровый вѣнокъ, небольшой, простой лавровый вѣнокъ и къ нему широкую красную ленту съ надписью золотыми буквами: на одной половинѣ—«генію русской сцены», а на другой—«отъ учащейся молодежи».

«Да, это былъ мой смертный приговоръ. Въ тотъ же день меня отстригли отъ родного ствола и сплели въ кружокъ съ другими листьями. А вечеромъ человѣкъ въ красномъ фракѣ съ золотыми пуговицами пронесъ меня между двумя рядами сидящихъ людей, передалъ другому человѣку, а этотъ передалъ третьему, который нагнулся сверху, чтобы взять меня. Этотъ третій, сильно освѣщенный огнями, былъ въ черномъ бархатномъ камзолѣ, въ черныхъ чулкахъ въ обтяжку и въ бѣлокуромъ парикѣ. Онъ улыбался счастливо, искательно, гордо и неестественно, и вотъ я увидѣлъ съ высоты много сотенъ

человѣческихъ лицъ, какъ смутно-блѣдныя пятна. Одни пятна, пятна, пятна. Я услышалъ ревъ и плескъ толпы, и убѣдился, что лицо, къ которому я прикасался, было влажно и горячо. И долгое время на моей нижней сторонѣ сохранялся жирный розовый мазокъ грима.

«Такъ началась наша общая жизнь съ этимъ бритымъ рослымъ человѣкомъ и продолжалась много-много лѣтъ. Жили мы и въ большихъ, просторныхъ комнатахъ гостиницъ, и на чердакахъ, и въ подвалахъ. Когда временами бритый человѣкъ терялъ равновѣсіе и пошатывался, то онъ снималъ насъ съ гвоздя, прижималъ къ губамъ и мочилъ слезами. «Этотъ скромный вѣнокъ — самый лучшій даръ признательныхъ и чистыхъ сердецъ!—восклицалъ онъ блеющимъ голосомъ.—Положите его со мной въ могилу». А иногда кричалъ своему слугѣ: «Убери къ чорту этотъ банный вѣникъ, вышвырни его за окошко!». Но въ концѣ концовъ все-таки вышвыривать насъ не позволялъ.

«Но... все проходитъ и все повторяется въ этомъ мірѣ. Однажды черныя лошади съ бѣлыми султанами на головахъ повезли моего бритаго человѣка, лежавшаго подъ балдахиномъ въ узкомъ ящикѣ, на край города. Мы съ другими вѣнками ѣхали сзади него на маленькой повозочкѣ, а позади насъ шла толпа. Люди опять попѣли, поговорили, покадили знакомымъ мнѣ синимъ дымкомъ, опустили въ яму бритаго человѣка и разъѣхались.

«Прошло лѣто, осень, и наступила зима. Надъ бритымъ человѣкомъ положили мраморную плиту и поставили часовенку. Какая-то дама въ черномъ навѣщала насъ изрѣдка и смахивала пыль съ вѣнковъ. Вѣнки были разные: изъ иммортелей, и изъ живыхъ цвѣтовъ, и изъ зеленой жести, и изъ крашеной матеріи. Были и серебряные вѣнки, но ихъ увезли сейчасъ же послѣ того, какъ зарыли бритаго человѣка въ землю. А мы все такъ и висѣли по стѣн-

камъ часовни, разрушаясь отъ времени, отъ вѣтра и отъ сырости.

«И однажды дама въ черномъ сказала сторожу:

«— Пожалуй, надо убрать нѣкоторые вѣнки. Ужъ очень некрасиво. Вотъ этотъ, этотъ и тотъ...

«И правда, у всѣхъ у насъ видъ былъ неказистый: краски слиняли, цвѣты сморщились, листья покоробились и обломались. Въ тотъ же день сторожъ забралъ насъ и свалилъ въ темную, холодную каморку позади своего жилья, вмѣстѣ со всякимъ хламомъ.

«Сколько я тамъ пролежалъ времени, я не могу сказать. Можетъ-быть, недѣлю, можетъ-быть, десять лѣтъ. Время точно остановилось: да и я самъ уже былъ почти мертвецомъ. Какъ-то зашелъ къ сторожу знакомый старьевщикъ, и насъ вытащили на свѣтъ Божій. Перебирая всякую рухлядь, онъ взялъ въ руки лавровый вѣнокъ, поглядѣлъ на него съ усмѣшкой, понюхалъ и сказалъ:

«— Ничего... Годится и этотъ. Еще пахнетъ.

«Онъ ощипалъ вѣнокъ, вымылъ листья, чтобы придать имъ свѣжій видъ, и отнесъ въ мелочную лавочку, и я долго пролежалъ на полочкѣ въ бумажномъ мѣшечкѣ, пока не пришла однажды утромъ кухарка изъ дома напротивъ.

«— На копейку перцу, на три луку, на копейку лавроваго листа, на три копеечки соли, — просыпала она скороговоркой.

«Толстая потная рука опустилась въ тюрикъ и бросила меня на вѣсы. Черезъ часъ я уже кипѣлъ въ супѣ, а вечеромъ меня выплеснули въ грязное ведро, а дворникъ отнесъ меня на помойку. Здѣсь и окончилась моя долгая, пестрая жизнь, начавшаяся такъ поэтично...»

Разсказчикъ помолчалъ и прибавилъ со вздохомъ:

— Все проходитъ въ этомъ мірѣ...

Слушатели молчали задумчиво. Молчали, поводя усами, бурыя умныя крысы съ голыми хвостами. Одинъ только древній шагреневый переплетъ, когда-то облекавшій очень глубокомысленную книгу, сказалъ наставительно:

— Все проходитъ, но ничто не пропадаетъ.

Но старый башмакъ зѣвнулъ во весь свой разодранный ротъ и сказалъ лѣниво:

— Ну, это, знаете ли, не утѣшительно...

О ПУДЕЛѢ.

У меня въ домѣ теперь живетъ черный кобель-пудель. Его зовутъ «Негодяй».

Такъ его прозвали вовсе не для того, чтобы оскорбить его собачье достоинство. А просто, въ то время, когда у него чесались зубы, онъ грызъ ножки столовъ и стульевъ, жевалъ разные любимые портреты и возвращалъ ихъ въ замусленномъ и гнусномъ видѣ, врывался, какъ бѣшеный, въ курятникъ домовладѣлицы и выгонялъ оттуда всѣхъ куръ и громко кричалъ на нихъ; отъ этого онѣ носились по двору, кудахтали и роняли перья.

Однажды онъ вконецъ испортилъ намъ любимый фикусъ.

Однажды во время домашняго маленькаго концерта онъ влетѣлъ въ комнату и такъ скверно началъ аккомпанировать извѣстному скрипачу, что этотъ скрипачъ больше уже къ намъ не заходилъ и врядъ ли когда-нибудь зайдетъ.

Я уже не говорю о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ причинялъ прислугѣ. И даже, кажется, потихоньку его били въ кухнѣ за это.

Сегодня утромъ я предложилъ ему хлѣба съ масломъ; но онъ осторожно и, видимо, только изъ вѣжливости слизалъ одно масло и опять улегся у меня въ ногахъ и глядѣлъ на меня грустными, вопрошающими глазами.

Я хорошо знаю, что ему исполняется теперь годъ, и стало-быть, время собакѣ гулять, но я такъ же твердо знаю и то, что въ этомъ бѣдномъ животномъ проснулось сознаніе, и что животное отъ этого несчастно.

Неутомимо, вѣжливо, настойчиво тянетъ онъ меня выйти вмѣстѣ съ нимъ на улицу и непремѣнно сѣсть на извозчика и поѣхать, а онъ въ это время будетъ бѣжать рядомъ съ экипажемъ и лаять на колесо, которое вертится! Потомъ онъ забѣжитъ впередъ и будетъ прыгать съ лаемъ на лошадиную морду.

Въ это время онъ говоритъ ей:

— Пожалуйста, остановись, дай мнѣ обдумать, почему колесо вертится, я не могу этого понять, я хочу это понять!

Но это не трогаетъ лошадь; въ ней еще живы большіе животные инстинкты, которыми мы, люди, пользуемся такъ равнодушно, т.-е. пользуемся ея силой, памятью мѣстности, очень большой нервностью, красотой ея формъ, ея глупостью, ея неприхотливымъ питаніемъ.

Она бѣжитъ подъ кнутомъ въ слѣпомъ ужасѣ и думаетъ объ овсѣ.

И вотъ бѣдный черный пудель опять возвращается ко мнѣ, вспрыгивая на пролетку, садится рядомъ со мной и плачетъ:

— Объясни же мнѣ, ты, умный, непостижимый для меня волшебникъ, ты, который умѣешь дѣлать чудеса, зажигать огонь, которому такъ легко достается пища, взгляда котораго я не могу перенести, — объясни мнѣ: отчего колесо вертится? Зачѣмъ я существую на этомъ свѣтѣ? Почему такъ непреодолимо я привязанъ къ тебѣ, и не лучше ли было бы мнѣ бѣгать исхудалымъ и злымъ волкомъ въ лѣсной трущобѣ, спать подъ корнями дерева и съ наслажденіемъ лакать кровь зайца, которому я перекусилъ горло?

Милая, добрая, бѣдная собачка, другъ мой!.. Въ томъ-то и дѣло, что и мнѣ живется не лучше, чѣмъ тебѣ. Въ томъ-то и дѣло, что и я цѣлую край усыпанной звѣздами ризы Бога и спрашиваю Его въ тоскѣ и мученіяхъ:

— Что̀ такое время? Что̀ такое движеніе? Зачѣмъ я такъ безсмысленно и мало живу? И отчего каждый шагъ моей жизни отравленъ страданіемъ? Даже иногда и сладкимъ страданіемъ!?

Милый мой, добрый песъ, намъ на это никто не дастъ отвѣта.

И можетъ-быть, Онъ самъ теперь плачетъ гдѣ-нибудь, обливаясь слезами, томясь отъ ужаса и боли и отъ того, что въ Немъ проснулось сознаніе.

А можетъ-быть, все это до такой степени просто, что мы съ тобой, съ нашими мученіями, смѣшны? Можетъ-быть, сидитъ гдѣ-нибудь этакій хитрецъ и отлично знаетъ, что все дѣло заключается въ изящной, простой и очень несложной алгебраической формулѣ?

Сидитъ и знаетъ, но изъ проказливости не разскажетъ намъ съ тобой, милый, черный пёсикъ «Негодяй».

Никогда не разскажетъ!

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОРЪ.

Слѣдующій разсказъ не есть плодъ досужаго вымысла. — Все описанное мною дѣйствительно произошло въ Кіевѣ лѣтъ около тридцати тому назадъ и до сихъ поръ свято, до мельчайшихъ подробностей, сохраняется въ преданіяхъ того семейства, о которомъ пойдетъ рѣчь. Я съ своей стороны лишь измѣнилъ имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этой трогательной исторіи да придалъ устному разсказу письменную форму.

— Гришъ, а Гришъ! Гляди-ка, поросенокъ-то... Смѣется... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-Богу, травка!.. Вотъ штука-то!

И двое мальчугановъ, стоящихъ передъ огромнымъ, изъ цѣльнаго стекла, окномъ гастрономическаго магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая другъ друга въ бокъ локтями, но невольно приплясывая отъ жестокой стужи. Они уже болѣе пяти минутъ торчали передъ этой великолѣпной выставкой, возбуждавшей въ одинаковой степени ихъ умы и желудки. Здѣсь, освѣщенныя яркимъ свѣтомъ висящихъ лампъ, возвышались цѣлыя горы красныхъ крѣпкихъ яблоковъ и апельсиновъ; стояли правильныя пирамиды мандариновъ, нѣжно золотившихся сквозь окутывающую ихъ папиросную бумагу; протянулись на блюдахъ, уродливо разинувъ рты и выпучивъ глаза, огромныя копченыя и маринованныя рыбы; ниже,

окруженные гирляндами колбасъ, красовались сочные разрѣзанные окорока съ толстымъ слоемъ розоватаго сала... Безчисленное множество баночекъ и коробочекъ съ солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двѣнадцатиградусномъ морозѣ и о важномъ порученіи, возложенномъ на нихъ матерью, — порученіи, окончившемся такъ неожиданно и такъ плачевно.

Старшій мальчикъ первый оторвался отъ созерцанія очаровательнаго зрѣлища. Онъ дернулъ брата за рукавъ и произнесъ сурово:

— Ну, Володя, идемъ, идемъ... Нечего тутъ...

Одновременно подавивъ тяжелый вздохъ (старшему изъ нихъ было только десять лѣтъ, и къ тому же оба съ утра ничего не ѣли, кромѣ пустыхъ щей) и кинувъ послѣдній влюбленно-жадный взглядъ на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побѣжали по улицѣ. Иногда сквозь запотѣвшія окна какого-нибудь дома они видѣли елку, которая издали казалась громадной гроздью яркихъ, сіяющихъ пятенъ, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали отъ себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на нѣсколько секундъ и прильнуть глазкомъ къ стеклу.

По мѣрѣ того, какъ шли мальчики, все малолюднѣе и темнѣе становились улицы. Прекрасные магазины, сіяющія елки, рысаки, мчавшіеся подъ своими синими и красными сѣтками, визгъ полозьевъ, праздничное оживленіе толпы, веселый гулъ окриковъ и разговоровъ, разрумяненныя морозомъ, смѣющіяся лица нарядныхъ дамъ—все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкіе переулки, мрачные, неосвѣщенные косогоры... Наконецъ они достигли покосившагося ветхаго дома, стоявшаго особнякомъ; низъ его — собственно подвалъ — былъ камен-

ный, а верхъ—деревянный. Обойдя тѣснымъ, обледянѣлымъ и грязнымъ дворомъ, служившимъ для всѣхъ жильцовъ естественной помойной ямой, они спустились внизъ, въ подвалъ, прошли въ темнотѣ общимъ коридоромъ, отыскали ощупью свою дверь и отворили ее.

Уже болѣе года жили Мерцаловы въ этомъ подземельѣ. Оба мальчугана давно успѣли привыкнуть и къ этимъ закоптѣлымъ, плачущимъ отъ сырости стѣнамъ, и къ мокрымъ отрепкамъ, сушившимся на протянутой черезъ комнату веревкѣ, и къ этому ужасному запаху керосиноваго чада, дѣтскаго грязнаго бѣлья и крысъ — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, послѣ всего, что̀ они видѣли на улицѣ, послѣ этого праздничнаго ликованія, которое они чувствовали повсюду, ихъ маленькія дѣтскія сердца сжались отъ остраго, недѣтскаго страданія. Въ углу, на грязной широкой постели лежала дѣвочка лѣтъ семи; ея лицо горѣло, дыханіе было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящіе глаза смотрѣли пристально и безцѣльно. Рядомъ съ постелью, въ люлькѣ, привѣшенной къ потолку, кричалъ, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенокъ. Высокая, худая женщина, съ изможденнымъ, усталымъ, точно почернѣвшимъ отъ горя лицомъ, стояла на колѣняхъ около больной дѣвочки, поправляя ей подушку и въ то же время не забывая подталкивать локтемъ качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и слѣдомъ за ними стремительно ворвались въ подвалъ бѣлые клубы морознаго воздуха, — женщина обернула назадъ свое встревоженное лицо.

— Ну? Что̀ же? — спросила она отрывисто и нетерпѣливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытеръ носъ рукавомъ своего пальто, передѣланнаго изъ стараго ватнаго халата.

— Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдалъ ты письмо?

— Отдалъ, — сиплымъ съ мороза голосомъ отвѣтилъ Гриша.

— Ну, и что̀ же? Что̀ ты ему сказалъ?

— Да все, какъ ты учила. Вотъ, говорю, отъ Мерцалова письмо, отъ вашего бывшаго управляющаго. А онъ насъ обругалъ: «Убирайтесь вы, говоритъ, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же съ вами разговаривалъ?.. Говори толкомъ, Гриша!

— Швейцаръ разговаривалъ... Кто же еще? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здѣсь внизу отвѣта подожду». А онъ говоритъ: «Какъ же, говоритъ, держи карманъ... Есть тоже у барина время ваши письма читать»...

— Ну, а ты?

— Я ему все, какъ ты учила, сказалъ: «Ѣсть, молъ, нечего... Матушка больна... Помираетъ...» Говорю: «Какъ папа мѣсто найдетъ, такъ отблагодаритъ васъ, Савелій Петровичъ, ей-Богу, отблагодаритъ». Ну, а въ это время звонокъ какъ зазвонитъ, какъ зазвонитъ, а онъ намъ и говоритъ: «Убирайтесь скорѣе отсюда къ чорту! Чтобы духу вашего здѣсь не было!..» А Володьку даже по затылку ударилъ.

— А меня онъ по затылку, — сказалъ Володя, слѣдившій со вниманіемъ за разсказомъ брата, и почесалъ затылокъ.

Старшій мальчикъ вдругъ принялся озабоченно рыться въ глубокихъ карманахъ своего халата. Вытащивъ наконецъ оттуда измятый конвертъ, онъ положилъ его на столъ и сказалъ:

— Вотъ оно, письмо-то...

Больше мать не разспрашивала. Долгое время въ душ-

ной, промозглой комнатѣ слышался только неистовый крикъ младенца да короткое, частое дыханіе Машутки, больше похожее на безпрерывные однообразные стоны. Вдругъ мать сказала, обернувшись назадъ:

— Тамъ борщъ есть, отъ обѣда остался... Можетъ, поѣли бы? Только холодный, — разогрѣть-то нечѣмъ...

Въ это время въ коридорѣ послышались чьи-то неувѣренные шаги и шуршаніе руки, отыскивающей въ темнотѣ дверь. Мать и оба мальчика — всѣ трое даже поблѣднѣвъ отъ напряженнаго ожиданія — обернулись въ эту сторону.

Вошелъ Мерцаловъ. Онъ былъ въ лѣтнемъ пальто, лѣтней войлочной шляпѣ и безъ калошъ. Его руки взбухли и посинѣли отъ мороза, глаза провалились, щеки облипли вокругъ десенъ, точно у мертвеца. Онъ не сказалъ женѣ ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли другъ друга по тому отчаянію, которое прочли другъ у друга въ глазахъ.

Въ этотъ ужасный, роковой годъ несчастье за несчастьемъ настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала онъ самъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, и на его лѣченіе ушли всѣ ихъ скудныя сбереженія. Потомъ, когда онъ поправился, онъ узналъ, что его мѣсто, скромное мѣсто управляющаго домомъ на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, занято уже другимъ... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожнымъ мѣстомъ, залогъ и перезалогъ вещей, продажа всякаго хозяйственнаго тряпья. А тутъ еще пошли болѣть дѣти. Три мѣсяца тому назадъ умерла одна дѣвочка, теперь другая лежитъ въ жару и безъ сознанія. Елизаветѣ Ивановнѣ приходилось одновременно ухаживать за больной дѣвочкой, кормить грудью маленькаго и ходить почти на другой конецъ города въ домъ, гдѣ она поденно стирала бѣлье.

Весь сегодняшній день былъ занятъ тѣмъ, чтобы посредствомъ нечеловѣческихъ усилій выжать откуда-нибудь хоть нѣсколько копеекъ на лѣкарство Машуткѣ. Съ этой цѣлью Мерцаловъ обѣгалъ чуть ли не полъ-города, клянча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила къ своей барынѣ, дѣти были посланы съ письмомъ къ тому барину, домомъ котораго управлялъ раньше Мерцаловъ... Но всѣ отговаривались или праздничными хлопотами, или неимѣніемъ денегъ... Иные, какъ, напримѣръ, швейцаръ бывшаго патрона, просто-напросто гнали просителей съ крыльца.

Минутъ десять никто не могъ произнести ни слова. Вдругъ Мерцаловъ быстро поднялся съ сундука, на которомъ онъ до сихъ поръ сидѣлъ, и рѣшительнымъ движеніемъ надвинулъ глубже на лобъ свою истрепанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцаловъ, взявшійся уже за ручку двери, обернулся.

— Все равно, сидѣніемъ ничего не поможешь, — хрипло отвѣтилъ онъ. — Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, онъ пошелъ безцѣльно впередъ. Онъ ничего не искалъ, ни на что не надѣялся. Онъ давно уже пережилъ то жгучее время бѣдности, когда мечтаешь найти на улицѣ бумажникъ съ деньгами или получить внезапно наслѣдство отъ неизвѣстнаго троюроднаго дядюшки. Теперь имъ овладѣло неудержимое желаніе бѣжать куда попало, бѣжать безъ оглядки, чтобы только не видѣть молчаливаго отчаянія голодной семьи.

Просить милостыни? Онъ уже попробовалъ это средство сегодня два раза. Но въ первый разъ какой-то господинъ въ енотовой шубѣ прочелъ ему наставленіе, что надо работать, а не клянчить, а во второй — его обѣщали отправить въ полицію.

Незамѣтно для себя Мерцаловъ очутился въ центрѣ

города, у ограды густого общественнаго сада. Такъ какъ ему пришлось все время итти въ гору, то онъ запыхался и почувствовалъ усталость. Машинально онъ свернулъ въ калитку и, пройдя длинную аллею липъ, занесенныхъ снѣгомъ, опустился на низкую садовую скамейку.

Тутъ было тихо и торжественно. Деревья, окутанныя въ свои бѣлыя ризы, дремали въ неподвижномъ величіи. Иногда съ верхней вѣтки срывался кусочекъ снѣга, и слышно было, какъ онъ шуршалъ, падая и цѣпляясь за другія вѣтви. Глубокая тишина и великое спокойствіе, сторожившія садъ, вдругъ пробудили въ истерзанной душѣ Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствія, такой же тишины.

«Вотъ лечь бы и заснуть, — думалъ онъ: — и забыть о женѣ, о голодныхъ дѣтяхъ, о больной Машуткѣ». Просунувъ руку подъ жилетъ, Мерцаловъ нащупалъ довольно толстую веревку, служившую ему поясомъ. Мысль о самоубійствѣ совершенно ясно встала въ его головѣ. Но онъ не ужаснулся этой мысли, ни на мгновеніе не содрогнулся передъ мракомъ неизвѣстнаго.

«Чѣмъ погибать медленно, такъ не лучше ли избрать болѣе краткій путь?» Онъ уже хотѣлъ встать, чтобы исполнить свое страшное намѣреніе, но въ это время въ концѣ аллеи послышался скрипъ шаговъ, отчетливо раздавшійся въ морозномъ воздухѣ. Мерцаловъ съ озлобленіемъ обернулся въ эту сторону. Кто-то шелъ по аллеѣ. Сначала былъ виденъ огонекъ то вспыхивающей, то потухавшей сигары. Потомъ Мерцаловъ мало-по-малу могъ разглядѣть старика небольшого роста, въ теплой шапкѣ, мѣховомъ пальто и высокихъ калошахъ. Поровнявшись со скамейкой, незнакомецъ вдругъ круто повернулъ въ сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросилъ:

— Вы позволите здѣсь присѣсть?

Мерцаловъ умышленно рѣзко отвернулся отъ незна-

комца и подвинулся къ краю скамейки. Минутъ пять прошло въ обоюдномъ молчаніи, въ продолженіе котораго незнакомецъ курилъ сигару и (Мерцаловъ это чувствовалъ) искоса наблюдалъ за своимъ сосѣдомъ.

— Ночка-то какая славная,—заговорилъ вдругъ незнакомецъ.—Морозно... тихо. Что̀ за прелесть—русская зима!

Голосъ у него былъ мягкій, ласковый, старческій. Мерцаловъ молчалъ, не оборачиваясь.

— А я вотъ ребятишкамъ знакомымъ подарочки купилъ, — продолжалъ незнакомецъ (въ рукахъ у него было нѣсколько свертковъ).—Да вотъ по дорогѣ не утерпѣлъ, сдѣлалъ кругъ, чтобы садомъ пройти: очень ужъ здѣсь хорошо.

Мерцаловъ вообще былъ кроткимъ и застѣнчивымъ человѣкомъ, но при послѣднихъ словахъ незнакомца его охватилъ вдругъ приливъ отчаянной злобы. Онъ рѣзкимъ движеніемъ повернулся въ сторону старика и закричалъ, нелѣпо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомымъ ребятишкамъ подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, въ настоящую минуту мои ребятишки съ голоду дома подыхаютъ... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенокъ цѣлый день не ѣлъ... Подарочки!..

Мерцаловъ ожидалъ, что послѣ этихъ безпорядочныхъ, озлобленныхъ криковъ старикъ поднимется и уйдетъ, но онъ ошибся. Старикъ приблизилъ къ нему свое умное, серьезное лицо съ сѣдыми баками и сказалъ дружелюбно, но серьезнымъ тономъ:

— Подождите... не волнуйтесь! Разскажите мнѣ все по порядку и какъ можно короче. Можетъ-быть, вмѣстѣ мы придумаемъ что-нибудь для васъ.

Въ необыкновенномъ лицѣ незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее довѣріе, что Мерцаловъ тотчасъ же безъ малѣйшей утайки, но страшно вол-

пуясь и спѣша, передалъ свою исторію. Онъ разсказалъ о своей болѣзни, о потерѣ мѣста, о смерти ребенка, обо всѣхъ своихъ несчастіяхъ вплоть до нынѣшняго дня. Незнакомецъ слушалъ, не перебивая его ни словомъ, и только все пытливѣе и пристальнѣе заглядывалъ въ его глаза, точно желая проникнуть въ самую глубь этой наболѣвшей, возмущенной души. Вдругъ онъ быстрымъ, совсѣмъ юношескимъ движеніемъ вскочилъ съ своего мѣста и схватилъ Мерцалова за руку. Мерцаловъ невольно тоже всталъ.

— Ѣдемте! — сказалъ незнакомецъ, увлекая за руку Мерцалова. — Ѣдемте скорѣе!.. Счастье ваше, что вы встрѣтились съ врачомъ. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поѣдемте!

Минутъ черезъ десять Мерцаловъ и докторъ уже входили въ подвалъ. Елизавета Ивановна лежала на постели рядомъ со своей больной дочерью, зарывшись лицомъ въ грязныя, замасливщіяся подушки. Мальчишки хлебали борщъ, сидя на тѣхъ же мѣстахъ. Испуганные долгимъ отсутствіемъ отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая ихъ въ закопченный чугунокъ. Войдя въ комнату, докторъ скинулъ съ себя пальто и, оставшись въ старомодномъ, довольно поношенномъ сюртукѣ, подошелъ къ Елизаветѣ Ивановнѣ. Она даже не подняла головы при его приближеніи.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорилъ докторъ, ласково погладивъ женщину по спинѣ. — Вставайте-ка! Покажите мнѣ вашу больную.

И точно такъ же, какъ недавно въ саду, что-то ласковое и убѣдительное, звучавшее въ его голосѣ, заставило Елизавету Ивановну мигомъ подняться съ постели и безпрекословно исполнить все, что̀ говорилъ докторъ. Черезъ двѣ минуты Гришка уже растапливалъ

печку дровами, за которыми чудесный докторъ послалъ къ сосѣдямъ, Володя раздувалъ изо всѣхъ силъ самоваръ, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согрѣвающимъ компрессомъ... Немного погодя явился и Мерцаловъ. На три рубля, полученные отъ доктора, онъ успѣлъ купить за это время чаю, сахару, булокъ и достать въ ближайшемъ трактирѣ горячей пищи. Докторъ сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ на клочкѣ бумажки, который онъ вырвалъ изъ записной книжки. Окончивъ это занятіе и изобразивъ внизу какой-то своеобразный крючокъ вмѣсто подписи, онъ всталъ, прикрылъ написанное чайнымъ блюдечкомъ и сказалъ:

— Вотъ съ этой бумажкой вы пойдете въ аптеку... давайте черезъ два часа по чайной ложкѣ. Это вызоветъ у малютки отхаркиваніе... Продолжайте согрѣвающій компрессъ... Кромѣ того, хотя бы вашей дочери и сдѣлалось лучше, во всякомъ случаѣ пригласите завтра доктора Афросимова. Это дѣльный врачъ и хорошій человѣкъ. Я его сейчасъ же предупрежу. Затѣмъ прощайте, господа! Дай Богъ, чтобы наступающій годъ немного снисходительнѣе отнесся къ вамъ, чѣмъ этотъ, а главное — не падайте никогда духомъ.

Пожавъ руки Мерцалову и Елизаветѣ Ивановнѣ, все еще не оправившимся отъ изумленія, и потрепавъ мимоходомъ по щекѣ разинувшаго ротъ Володю, докторъ быстро всунулъ свои ноги въ глубокія калоши и надѣлъ пальто. Мерцаловъ опомнился только тогда, когда докторъ уже былъ въ коридорѣ, и кинулся вслѣдъ за нимъ.

Такъ какъ въ темнотѣ нельзя было ничего разобрать, то Мерцаловъ закричалъ наугадъ:

— Докторъ! Докторъ, постойте!.. Скажите мнѣ ваше имя, докторъ! Пусть хоть мои дѣти будутъ за васъ молиться!

И онъ водилъ въ воздухѣ руками, чтобы поймать не-

видимаго доктора. Но въ это время въ другомъ концѣ коридора спокойный старческій голосъ произнесъ:

— Э! Вотъ еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорѣй!

Когда онъ возвратился, его ожидалъ сюрпризъ: подъ чайнымъ блюдцемъ вмѣстѣ съ рецептомъ чудеснаго доктора лежало нѣсколько крупныхъ кредитныхъ билетовъ...

Въ тотъ же вечеръ Мерцаловъ узналъ и фамилію своего неожиданнаго благодѣтеля. На аптечномъ ярлыкѣ, прикрѣпленномъ къ пузырьку съ лѣкарствомъ, четкою рукою аптекаря было написано: «по рецепту профессора Пирогова».

Я слышалъ этотъ разсказъ, и неоднократно, изъ устъ самого Григорія Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который въ описанный мною сочельникъ проливалъ слезы въ закоптѣлый чугунокъ съ пустымъ борщемъ. Теперь онъ занимаетъ довольно крупный, отвѣтственный постъ въ одномъ изъ банковъ, слывя образцомъ честности и отзывчивости на нужды бѣдности. И каждый разъ, заканчивая свое повѣствованіе о чудесномъ докторѣ, онъ прибавляетъ голосомъ, дрожащимъ отъ скрываемыхъ слезъ:

— Съ этихъ поръ точно благодѣтельный ангелъ снизошелъ въ нашу семью. Все перемѣнилось. Въ началѣ января отецъ отыскалъ мѣсто, матушка встала на ноги, меня съ братомъ удалось пристроить въ гимназію на казенный счетъ. Просто чудо совершилъ этотъ святой человѣкъ. А мы нашего чудеснаго доктора только разъ видѣли съ тѣхъ поръ — это когда его перевозили мертваго въ его собственное имѣніе Вишню. Да и то не его видѣли, потому что то великое, мощное и святое, что̀ жило и горѣло въ чудесномъ докторѣ при его жизни, угасло невозвратимо.

СЛОНЪ.

I.

Маленькая дѣвочка нездорова. Каждый день къ ней ходитъ докторъ Михаилъ Петровичъ, котораго она знаетъ уже давно-давно. А иногда онъ приводитъ съ собою еще двухъ докторовъ, незнакомыхъ. Они переворачиваютъ дѣвочку на спину и на животъ, слушаютъ что-то, приложивъ ухо къ тѣлу, оттягиваютъ внизъ глазныя вѣки и смотрятъ. При этомъ они какъ-то важно посапываютъ, лица у нихъ строгія, и говорятъ они между собою на непонятномъ языкѣ.

Потомъ переходятъ изъ дѣтской въ гостиную, гдѣ ихъ дожидается мама. Самый главный докторъ — высокій, сѣдой, въ золотыхъ очкахъ — разсказываетъ ей о чемъ-то серьезно и долго. Дверь не закрыта, и дѣвочкѣ съ ея кровати все видно и слышно. Многаго она не понимаетъ, но знаетъ, что рѣчь идетъ о ней. Мама глядитъ на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный докторъ говоритъ громко:

— Главное, — не давайте ей скучать. Исполняйте всѣ ея капризы.

— Ахъ, докторъ, но она ничего не хочетъ!

— Ну, не знаю... вспомните, что̀ ей нравилось раньше, до болѣзни. Игрушки... какія-нибудь лакомства...

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, она ничего не хочетъ...

— Ну, постарайтесь ее какъ-нибудь развлечь... Ну, хоть чѣмъ-нибудь... Даю вамъ честное слово, что если вамъ удастся ее разсмѣшить, развеселить, — то это будетъ лучшимъ лѣкарствомъ. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушіемъ къ жизни, и больше ничѣмъ... До свиданія, сударыня!

II.

— Милая Надя, милая моя дѣвочка, — говоритъ мама: — не хочется ли тебѣ чего-нибудь?

— Нѣтъ, мама, ничего не хочется.

— Хочешь, я посажу къ тебѣ на постельку всѣхъ твоихъ куколъ. Мы поставимъ креслица, диванъ, столикъ и чайный приборъ. Куклы будутъ пить чай и разговаривать о погодѣ и о здоровьѣ своихъ дѣтей.

— Спасибо, мама... Мнѣ не хочется... Мнѣ скучно...

— Ну, хорошо, моя дѣвочка, не надо куколъ. А можетъ-быть, позвать къ тебѣ Катю или Женечку? Ты вѣдь ихъ такъ любишь.

— Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мнѣ такъ скучно!

— Хочешь, я тебѣ принесу шоколаду?

Но дѣвочка не отвѣчаетъ и смотритъ въ потолокъ неподвижными, невеселыми глазами. У нея ничего не болитъ и даже нѣтъ жару. Но она худѣетъ и слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Что бы съ ней ни дѣлали, ей все равно, и ничего ей не нужно. Такъ лежитъ она цѣлые дни и цѣлыя ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлетъ на полчаса, но и во снѣ ей видится что-то сѣрое, длинное, скучное, какъ осенній дождикъ.

Когда изъ дѣтской отворена дверь въ гостиную, а изъ гостиной дальше въ кабинетъ, то дѣвочка видитъ папу.

Папа ходитъ быстро изъ угла въ уголъ и все куритъ, куритъ. Иногда онъ приходитъ въ дѣтскую, садится на край постельки и тихо поглаживаетъ Надины ноги. Потомъ вдругъ встаетъ и отходитъ къ окну. Онъ что-то насвистываетъ, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затѣмъ онъ торопливо прикладываетъ платокъ къ одному глазу, къ другому, и, точно разсердясь, уходитъ къ себѣ въ кабинетъ. Потомъ онъ опять бѣгаетъ изъ угла въ уголъ и все... куритъ, куритъ, куритъ... И кабинетъ отъ табачнаго дыма дѣлается весь синій.

III.

Но однажды утромъ дѣвочка просыпается немного бодрѣе, чѣмъ всегда. Она что-то видѣла во снѣ, но никакъ не можетъ вспомнить, что̀ именно, и смотритъ долго и внимательно въ глаза матери.

— Тебѣ что-нибудь нужно? — спрашиваетъ мама.

Но дѣвочка вдругъ вспоминаетъ свой сонъ и говоритъ шопотомъ, точно по секрету:

— Мама... а можно мнѣ... слона? Только не того, который нарисованъ на картинкѣ... Можно?

— Конечно, моя дѣвочка, конечно, можно.

Она идетъ въ кабинетъ и говоритъ папѣ, что дѣвочка хочетъ слона. Папа тотчасъ же надѣваетъ пальто и шляпу и куда-то уѣзжаетъ. Черезъ полчаса онъ возвращается съ дорогой, красивой игрушкой. Это большой сѣрый слонъ, который самъ качаетъ головою и машетъ хвостомъ; на слонѣ красное сѣдло, а на сѣдлѣ золотая палатка, и въ ней сидятъ трое маленькихъ человѣчковъ. Но дѣвочка глядитъ на игрушку такъ же равнодушно, какъ на потолокъ и на стѣны, и говоритъ вяло:

— Нѣтъ. Это совсѣмъ не то. Я хотѣла настоящаго, живого слона, а этотъ мертвый.

— Ты погляди только, Надя, — говоритъ папа. — Мы его сейчасъ заведемъ, и онъ будетъ совсѣмъ, совсѣмъ, какъ живой.

Слона заводятъ ключикомъ, и онъ, покачивая головой и помахивая хвостомъ, начинаетъ переступать ногами и медленно идетъ по столу. Дѣвочкѣ это вовсе не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчетъ кротко:

— Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нѣтъ такой интересной игрушки... Только... помнишь... вѣдь ты давно обѣщалъ свозить меня въ звѣринецъ, посмотрѣть на настоящаго слона... и ни разу не повезъ...

— Но, послушай же, милая моя дѣвочка, пойми, что это невозможно. Слонъ очень большой, онъ до потолка, онъ не помѣстится въ нашихъ комнатахъ... И потомъ, гдѣ я его достану?

— Папа, да мнѣ не нужно такого большого... Ты мнѣ привези хоть маленькаго, только живого. Ну, хоть вотъ, вотъ такого... Хоть слоненышка.

— Милая дѣвочка, я радъ все для тебя сдѣлать, но этого я не могу. Вѣдь это все равно, какъ если бы ты вдругъ мнѣ сказала: папа, достань мнѣ съ неба солнце.

Дѣвочка грустно улыбается.

— Какой ты глупый, папа. Развѣ я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжется. И луну тоже нельзя. Нѣтъ, мнѣ бы слоника... настоящаго.

И она тихо закрываетъ глаза и шепчетъ:

— Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватаетъ себя за волосы и убѣгаетъ въ кабинетъ. Тамъ онъ нѣкоторое время мелькаетъ изъ угла въ уголъ. Потомъ рѣшительно бросаетъ на полъ недокуренную папиросу (за что ему всегда достается отъ мамы) и кричитъ горничной:

— Ольга! Пальто и шляпу!

Въ переднюю выходитъ жена.

— Ты куда, Саша? — спрашиваетъ она.

Онъ тяжело дышитъ, застегивая пуговицы пальто.

— Я самъ, Машенька, не знаю куда... Только, кажется, я сегодня къ вечеру и въ самомъ дѣлѣ приведу сюда, къ намъ, настоящаго слона.

Жена смотритъ на него тревожно.

— Милый, здоровъ ли ты? Не болитъ ли у тебя голова? Можетъ-быть, ты плохо спалъ сегодня?

— Я совсѣмъ не спалъ, — отвѣчаетъ онъ сердито. — Я вижу, ты хочешь спросить, не сошелъ ли я съ ума? Покамѣстъ нѣтъ еще. До свиданья! Вечеромъ все будетъ видно.

И онъ исчезаетъ, громко хлопнувъ входной дверью.

IV.

Черезъ два часа онъ сидитъ въ звѣринцѣ, въ первомъ ряду, и смотритъ, какъ ученые звѣри, по приказанію хозяина, выдѣлываютъ разныя штуки. Умныя собаки прыгаютъ, кувыркаются, танцуютъ, поютъ подъ музыку, складываютъ слова изъ большихъ картонныхъ буквъ. Обезьянки — однѣ въ красныхъ юбкахъ, другія въ синихъ штанишкахъ — ходятъ по канату и ѣздятъ верхомъ на большомъ пуделѣ. Огромные рыжіе львы скачутъ сквозь горящіе обручи. Неуклюжій тюлень стрѣляетъ изъ пистолета. Подъ конецъ выводятъ слоновъ. Ихъ три: одинъ большой, два совсѣмъ маленькіе, карлики, но все-таки ростомъ куда больше, чѣмъ лошадь. Странно смотрѣть, какъ эти громадныя животныя, на видъ такія неповоротливыя и тяжелыя, исполняютъ самые трудные фокусы, которые не подъ силу и очень ловкому человѣку. Особенно отличается самый большой слонъ.

Онъ становится сначала на заднія лапы, садится, становится на голову, ногами вверхъ, ходитъ по деревяннымъ бутылкамъ, ходитъ по катящейся бочкѣ, переворачиваетъ хоботомъ страницы большой картонной книги, и наконецъ садится за столъ и, повязавшись салфеткой, обѣдаетъ совсѣмъ какъ благовоспитанный мальчикъ.

Представленіе оканчивается. Зрители расходятся. Надинъ отецъ подходитъ къ толстому нѣмцу, хозяину звѣринца. Хозяинъ стоитъ за дощатой перегородкой и держитъ во рту большую черную сигару.

— Извините, пожалуйста, — говоритъ Надинъ отецъ.— Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мнѣ домой на нѣкоторое время?

Нѣмецъ отъ удивленія широко открываетъ глаза и даже ротъ, отчего сигара падаетъ на землю. Онъ, кряхтя, нагибается, подымаетъ сигару, вставляетъ ее опять въ ротъ и только тогда произноситъ:

— Отпустить? Слона? Домой? Я васъ не понимаю.

По глазамъ нѣмца видно, что онъ тоже хочетъ спросить, не болитъ ли у Надинаго отца голова... Но отецъ поспѣшно объясняетъ, въ чемъ дѣло: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болѣзнью, которой даже доктора не понимаютъ, какъ слѣдуетъ. Она лежитъ ужъ мѣсяцъ въ кроваткѣ, худѣетъ, слабѣетъ съ каждымъ днемъ, ничѣмъ не интересуется, скучаетъ и потихоньку гаснетъ. Доктора велятъ ее развлекать, но ей ничто не нравится; велятъ исполнять всѣ ея желанія, но у нея нѣтъ никакихъ желаній. Сегодня она захотѣла видѣть живого слона. Неужели это невозможно сдѣлать?

И онъ добавляетъ дрожащимъ голосомъ, взявши нѣмца за пуговицу пальто:

— Ну, вотъ... Я, конечно, надѣюсь, что моя дѣвочка выздоровѣетъ. Но... спаси Богъ... вдругъ ея болѣзнь

окончится плохо... вдругъ дѣвочка умретъ?.. Подумайте только: вѣдь меня всю жизнь будетъ мучить мысль, что я не исполнилъ ея послѣдняго, самаго послѣдняго желанія!..

Нѣмецъ хмурится и въ раздумьѣ чешетъ мизинцемъ лѣвую бровь. Наконецъ онъ спрашиваетъ:

— Гм... А сколько вашей дѣвочкѣ лѣтъ?

— Шесть.

— Гм... Моей Лизѣ тоже шесть. Гм... Но, знаете, вамъ это будетъ дорого стоить. Придется привести слона ночью и только на слѣдующую ночь увести обратно. Днемъ нельзя. Соберется публикумъ, и сдѣлается одинъ скандалъ... Такимъ образомъ выходитъ, что я теряю цѣлый день, и вы мнѣ должны возвратить убытокъ.

— О, конечно, конечно... не безпокойтесь объ этомъ...

— Потомъ: позволитъ ли полиція вводить одинъ слонъ въ одинъ домъ?

— Я это устрою. Позволитъ.

— Еще одинъ вопросъ: позволитъ ли хозяинъ вашего дома вводить въ свой домъ одинъ слонъ?

— Позволитъ. Я самъ хозяинъ этого дома.

— Ага! Это еще лучше. И потомъ еще одинъ вопросъ: въ которомъ этажѣ вы живете?

— Во второмъ.

— Гм... Это уже не такъ хорошо... Имѣете ли вы въ своемъ домѣ широкую лѣстницу, высокій потолокъ, большую комнату, широкія двери и очень крѣпкій полъ? Потому что мой Томми имѣетъ высоту 3 аршина и 4 вершка, а въ длину $5^1/_2$ аршинъ. Кромѣ того онъ вѣситъ 112 пудовъ.

Надинъ отецъ задумывается на минуту.

— Знаете ли что? — говоритъ онъ. — Поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ и разсмотримъ все на мѣстѣ. Если надо, я прикажу расширить проходъ въ стѣнахъ.

— Очень хорошо! — соглашается хозяинъ звѣринца.

V.

Ночью слона ведутъ въ гости къ больной дѣвочкѣ. Въ бѣлой попонѣ онъ важно шагаетъ по самой серединѣ улицы, покачиваетъ головой и то свиваетъ, то развиваетъ хоботъ. Вокругъ него, несмотря на поздній часъ, большая толпа. Но слонъ не обращаетъ на нее вниманія: онъ каждый день видитъ сотни людей въ звѣринцѣ. Только одинъ разъ онъ немного разсердился.

Какой-то уличный мальчишка подбѣжалъ къ нему подъ самыя ноги и началъ кривляться на потѣху зѣвакамъ.

Тогда слонъ спокойно снялъ съ него хоботомъ шляпу и перекинулъ ее черезъ сосѣдній заборъ, утыканный гвоздями.

Городовой идетъ среди толпы и уговариваетъ ее:

— Господа, прошу разойтись. И что̀ вы тутъ находите такого необыкновеннаго? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улицѣ.

Подходятъ къ дому. На лѣстницѣ, такъ же какъ и по всему пути слона, до самой столовой, всѣ двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молоткомъ дверныя щеколды. Точно такъ же дѣлалось однажды, когда въ домъ вносили большую чудотворную икону.

Но передъ лѣстницей слонъ останавливается въ безпокойствѣ и упрямится.

— Надо дать ему какое-нибудь лакомство... — говоритъ нѣмецъ. — Какой-нибудь сладкій булка, или что̀... Но... Томми!.. Ого-го... Томми!..

Надинъ отецъ бѣжитъ въ сосѣднюю булочную и покупаетъ большой круглый фисташковый тортъ. Слонъ обнаруживаетъ желаніе проглотить его цѣликомъ вмѣстѣ съ картонной коробкой, но нѣмецъ даетъ ему всего четверть. Тортъ приходится по вкусу Томми, и онъ протя-

гиваетъ хоботъ за вторымъ ломтемъ. Однако нѣмецъ оказывается хитрѣе. Держа въ рукѣ лакомство, онъ подымется вверхъ со ступеньки на ступеньку, и слонъ съ вытянутымъ хоботомъ, съ растопыренными ушами, поневолѣ слѣдуетъ за нимъ. На площадкѣ Томми получаетъ второй кусокъ.

Такимъ образомъ его приводятъ въ столовую, откуда заранѣе вынесена вся мебель, а полъ густо застланъ соломой... Слона привязываютъ за ногу къ кольцу, ввинченному въ полъ. Кладутъ передъ нимъ свѣжей моркови, капусты и рѣпы. Нѣмецъ располагается рядомъ, на диванѣ. Тушатъ огни, и всѣ ложатся спать.

VI.

На другой день дѣвочка просыпается чуть свѣтъ и прежде всего спрашиваетъ:

— А что̀ же слонъ? Онъ пришелъ?

— Пришелъ — отвѣчаетъ мама: — но только онъ велѣлъ, чтобы Надя сначала умылась, а потомъ съѣла яйцо всмятку и выпила горячаго молока.

— А онъ добрый?

— Онъ добрый. Кушай, дѣвочка. Сейчасъ мы пойдемъ къ нему.

— А онъ смѣшной?

— Немножко. Надѣнь теплую кофточку.

Яйцо быстро съѣдено, молоко выпито. Надю сажаютъ въ ту самую колясочку, въ которой она ѣздила, когда была еще такой маленькой, что совсѣмъ не умѣла ходить, и везутъ въ столовую.

Слонъ оказывается гораздо больше, чѣмъ думала Надя, когда разглядывала его на картинкѣ. Ростомъ онъ только чуть-чуть пониже двери, а въ длину занимаетъ половину столовой. Кожа на немъ грубая, въ тяжелыхъ склад-

кахъ. Ноги толстыя, какъ столбы. Длинный хвостъ съ чѣмъ-то въ родѣ помела на концѣ. Голова въ большихъ шишкахъ. Уши большія, какъ лопухи, и висятъ внизъ. Глаза совсѣмъ крошечные, но умные и добрые. Клыки обрѣзаны. Хоботъ — точно длинная змѣя и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкій палецъ. Если бы слонъ вытянулъ хоботъ во всю длину, то навѣрно досталъ бы имъ до окна.

Дѣвочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животнаго. Зато нянька, шестнадцатилѣтняя Поля, начинаетъ визжать отъ страха.

Хозяинъ слона, нѣмецъ, подходитъ къ колясочкѣ и говоритъ:

— Добраго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любитъ дѣтей.

Дѣвочка протягиваетъ нѣмцу свою маленькую, блѣдную ручку.

— Здравствуйте, какъ вы поживаете? — отвѣчаетъ она. — Я вовсе, ни капельки не боюсь. А какъ его зовутъ?

— Томми.

— Здравствуйте, Томми, — произноситъ дѣвочка и кланяется головой. Оттого, что слонъ такой большой, она не рѣшается говорить ему на ты. — Какъ вы спали эту ночь?

Она и ему протягиваетъ руку. Слонъ осторожно беретъ и пожимаетъ ея тоненькіе пальчики своимъ подвижнымъ сильнымъ пальцемъ и дѣлаетъ это гораздо нѣжнѣе, чѣмъ докторъ Михаилъ Петровичъ. При этомъ слонъ качаетъ головой, а его маленькіе глаза совсѣмъ сузились, точно смѣются.

— Вѣдь онъ все понимаетъ? — спрашиваетъ дѣвочка нѣмца.

— О, рѣшительно все, барышня!

— Но только онъ не говоритъ?

— Да, вотъ только не говоритъ. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, какъ и вы. Ее зовутъ Лиза. Томми съ ней большой, очень большой пріятель.

— А вы, Томми, уже пили чай? — спрашиваетъ дѣвочка слона.

Слонъ опять вытягиваетъ хоботъ и дуетъ въ самое лицо дѣвочки теплымъ, сильнымъ дыханіемъ, отъ чего легкіе волосы на головѣ дѣвочки разлетаются во всѣ стороны.

Надя хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. Нѣмецъ густо смѣется. Онъ самъ такой большой, толстый и добродушный, какъ слонъ, и Надѣ кажется, что они оба похожи другъ на друга. Можетъ-быть, они родня?

— Нѣтъ, онъ не пилъ чаю, барышня. Но онъ съ удовольствіемъ пьетъ сахарную воду. Также онъ очень любитъ булки.

Приносятъ подносъ съ булками. Дѣвочка угощаетъ слона. Онъ ловко захватываетъ булку своимъ пальцемъ, и, согнувъ хоботъ кольцомъ, прячетъ ее куда-то внизъ подъ голову, гдѣ у него движется смѣшная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, какъ булка шуршитъ о сухую кожу. То же самое Томми продѣлываетъ съ другой булкой, и съ третьей, и съ четвертой, и съ пятой, и въ знакъ благодарности киваетъ головой, и его маленькіе глазки еще больше суживаются отъ удовольствія. А дѣвочка радостно хохочетъ.

Когда всѣ булки съѣдены, Надя знакомитъ слона со своими куклами:

— Посмотрите, Томми, вотъ эта нарядная кукла — это Соня. Она очень добрый ребенокъ, но немножко капризна и не хочетъ ѣсть супъ. А это — Наташа — Сонина дочь. Она уже начинаетъ учиться и знаетъ почти

всѣ буквы. А вотъ это — Матрешка. Это моя самая первая кукла. Видите, у нея нѣтъ носа, и голова приклеена, и нѣтъ больше волосъ. Но все-таки нельзя же выгонять изъ дому старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сониной матерью, а теперь служитъ у насъ кухаркой. Ну, такъ давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будутъ наши дѣти.

Томми согласенъ. Онъ смѣется, беретъ Матрешку за шею и тащитъ къ себѣ въ ротъ. Но это только шутка. Слегка пожевавъ куклу, онъ опять кладетъ ее дѣвочкѣ на колѣни, правда, немного мокрую и помятую.

Потомъ Надя показываетъ ему большую книгу съ картинками и объясняетъ:

— Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вотъ клѣтка съ птичкой, вотъ ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вотъ, посмотрите, это слонъ! Правда, совсѣмъ не похоже? Развѣ же слоны бываютъ такіе маленькіе, Томми?

Томми находитъ, что такихъ маленькихъ слоновъ никогда не бываетъ на свѣтѣ. Вообще ему эта картинка не нравится. Онъ захватываетъ пальцемъ край страницы и переворачиваетъ ее.

Наступаетъ часъ обѣда, но дѣвочку никакъ нельзя оторвать отъ слона. На помощь приходитъ нѣмецъ:

— Позвольте, я все это устрою. Они пообѣдаютъ вмѣстѣ.

Онъ приказываетъ слону сѣсть. Слонъ послушно садится, отчего полъ во всей квартирѣ сотрясается, дребезжитъ посуда въ шкапу, а у нижнихъ жильцовъ сыплется съ потолка штукатурка. Напротивъ его садится дѣвочка. Между ними ставятъ столъ. Слону подвязываютъ скатерть вокругъ шеи, и новые друзья начинаютъ обѣдать. Дѣвочка ѣстъ супъ изъ курицы и котлетку, а слонъ — разныя овощи и салатъ. Дѣвочкѣ даютъ кро-

шечную рюмку хересу, а слону—теплой воды со стаканомъ рома, и онъ съ удовольствіемъ вытягиваетъ этотъ напитокъ хоботомъ изъ миски. Затѣмъ они получаютъ сладкое — дѣвочка чашку какао, а слонъ половину торта, на этотъ разъ орѣховаго. Нѣмецъ въ это время сидитъ съ папой въ гостиной — и съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и слонъ, пьетъ пиво, только въ большемъ количествѣ.

Послѣ обѣда приходятъ какіе-то папины знакомые, ихъ еще въ передней предупреждаютъ о слонѣ, чтобы они не испугались. Сначала они не вѣрятъ, а потомъ, увидѣвъ Томми, жмутся къ дверямъ.

— Не бойтесь, онъ добрый! — успокаиваетъ ихъ дѣвочка.

Но знакомые поспѣшно уходятъ въ гостиную и, не просидѣвъ и пяти минутъ, уѣзжаютъ.

Наступаетъ вечеръ. Поздно. Дѣвочкѣ пора спать. Однако ее невозможно оттащить отъ слона. Она такъ и засыпаетъ около него, и ее уже сонную отвозятъ въ дѣтскую. Она даже не слышитъ, какъ ее раздѣваютъ.

Въ эту ночь Надя видитъ во снѣ, что она женилась на Томми, и у нихъ много дѣтей, маленькихъ, веселыхъ слонятокъ. Слонъ, котораго ночью отвели въ звѣринецъ, тоже видитъ во снѣ милую, ласковую дѣвочку. Кромѣ того, ему снятся большіе торты, орѣховые и фисташковые, величиною съ ворота...

Утромъ дѣвочка просыпается бодрая, свѣжая и, какъ въ прежнія времена, когда она была еще здорова, кричитъ на весь домъ, громко и нетерпѣливо:

— Мо-лоч-ка!

Услышавъ этотъ крикъ, мама радостно крестится у себя въ спальнѣ.

Но дѣвочка тутъ же вспоминаетъ о вчерашнемъ и спрашиваетъ:

— А слонъ?

Ей объясняютъ, что слонъ ушелъ домой по дѣламъ, что у него есть дѣти, которыхъ нельзя оставлять однихъ, что онъ просилъ кланяться Надѣ, и что онъ ждетъ ее къ себѣ въ гости, когда она будетъ здорова.

Дѣвочка хитро улыбается и говоритъ:

— Передайте Томми, что я уже совсѣмъ здорова!

ПАЛАЧЪ.

Это случилось въ 1199 году, въ маленькомъ баварскомъ городкѣ Ингольштадтѣ, какъ разъ наканунѣ Рождества Христова. Зима въ этомъ году стояла такая суровая, что подобной ей не могли припомнить самые древніе старцы. По словамъ лѣтописца, «камни трескались отъ мороза, и дикіе звѣри выбѣгали изъ своихъ лѣсныхъ трущобъ, чтобы согрѣться около человѣческаго жилья». На небѣ появлялись странныя, грозныя знаменія, предвѣщавшія моръ, войну и продолжительный голодъ. Многіе видѣли по ночамъ двѣ луны, восходившія рядомъ; другіе замѣчали огромный сіяющій крестъ, который пересѣкалъ все небо отъ востока къ западу и отъ сѣвера къ югу. Астрологи и шарлатаны, разъѣзжавшіе по ярмаркамъ, выкрикивали со своихъ телѣжекъ о томъ, что съ концомъ столѣтія наступитъ кончина міра. Простой народъ жадно слушалъ эти туманныя, высокопарныя предсказанія, вѣрилъ имъ и глухо волновался.

Но и близкая кончина міра не могла утишить той страстной кровавой борьбы Гвельфовъ съ Гибеллинами, которая кипѣла повсемѣстно въ Германіи, начиная отъ герцогскаго дворца и кончая избой послѣдняго швабскаго угольщика. Наоборотъ, обоюдная ненависть, въ виду прибли-

жающихся страшныхъ событій, какъ будто бы усилилась еще больше, и обѣ партіи походили на двухъ борцовъ, схватившихся въ судорожномъ смертельномъ объятіи надъ самымъ краемъ бездонной пропасти. Тотъ же лѣтописецъ замѣчаетъ, что не только во всѣхъ городахъ и деревняхъ, но даже въ отдѣльныхъ семействахъ одни держали сторону Гвельфовъ, а другіе — Гибеллиновъ. Взаимной ненависти не было предѣловъ, и часто пустая ссора, невпопадъ сказанное слово служили поводомъ для кровавой драки, внезапно закипавшей на улицѣ. То тѣ, то другіе попеременно брали верхъ. Нерѣдко германскій бюргеръ, который наканунѣ легъ спать, молясь за своихъ покровителей Гибеллиновъ, видѣлъ на утро родной городъ занятымъ папскими войсками. Интрига, заговоръ, наемный кинжалъ, измѣнническое нападеніе считались дѣломъ самымъ обыденнымъ... По странѣ бродили, опустошая ее и наводя ужасъ на мирныхъ жителей, многочисленныя шайки мародеровъ, которые въ средніе вѣка всегда слѣдовали, какъ стаи шакаловъ, по пятамъ большихъ армій, и нерѣдко даже значительные военные отряды подвергались неожиданному нападенію этихъ дерзкихъ хищниковъ.

Въ описываемое время, въ ночь съ 24 на 25 декабря, какой-то человѣкъ приближался къ Ингольштадтскимъ городскимъ воротамъ. Онъ, повидимому, страшно усталъ, потому что часто останавливался и, повернувшись спиной къ вѣтру, бушевавшему съ необыкновенной силой, глубоко переводилъ дыханіе. Отдохнувъ немного, онъ опять пускался впередъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ снѣга, доходившаго ему до колѣнъ. На немъ былъ дырявый мѣховой плащъ и широкополая фетровая шляпа. Судя по костюму, его можно было принять за бѣднаго бюргера или за арендатора мелкой фермы, и только спрятанная подъ плащомъ шпага, рукоятка которой оттопы-

ривала матерію, и тяжелые военные ботфорты нѣсколько не гармонировали съ его невзрачной одеждой.

Человѣкъ въ мѣховомъ плащѣ дошелъ до глубокаго рва и остановился. По ту сторону рва сквозь мутно-бѣлую завѣсу мятели слабо виднѣлся деревянный палисадъ, окаймлявшій городъ, и темная, неуклюжая громада крѣпостныхъ воротъ

— Чортъ возьми, мостъ уже поднятъ! — недовольно проворчалъ путникъ.—Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго... Придется обойти кругомъ.

Очевидно, онъ былъ хорошо знакомъ съ расположеніемъ города, потому что, пройдя шаговъ около двухсотъ по краю рва, онъ повернулъ и сталъ медленно и осторожно спускаться въ него. Когда снѣгъ доходилъ ему до пояса, онъ останавливался и начиналъ топтаться на одномъ мѣстѣ, подминая подъ себя снѣгъ ногами и руками и чуть замѣтно подвигаясь впередъ. Такимъ образомъ прошло около часа, пока онъ добрался до противоположнаго откоса и съ трудомъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, вскарабкался на него. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана толстую веревку, сдѣлалъ изъ нея мертвую петлю и, ловко забросивъ конецъ на одинъ изъ зубцовъ палисада, сталъ на рукахъ подыматься вверхъ, упираясь ногами въ стѣну. Черезъ двѣ минуты онъ былъ уже по ту сторону палисада.

Ингольштадтъ казался вымершимъ. Ни одинъ человѣкъ не попадался навстрѣчу путнику, пока онъ шелъ по узкимъ, кривымъ улицамъ города. Двери и ставни были плотно затворены массивными желѣзными болтами, и только кое-гдѣ сквозь узкую щель мелькалъ порою красный огонь ярко пылающей печи. Человѣкъ, страннымъ образомъ проникшій въ городъ, остановился передъ высокимъ домомъ, у котораго, согласно требованіямъ средневѣковой архитектуры, каждый верхній этажъ выступалъ

надъ нижнимъ, и нѣсколько разъ подъ рядъ постучалъ дверным молоткомъ. Ему пришлось ждать довольно долго, пока за дверью послышались грузные шаги и чей-то недовольный голосъ спросилъ:

— Какой чортъ стучится въ эту пору? Что нужно?

— Ради Бога, впустите меня,—отозвался путникъ.— Я замерзъ и умираю отъ голода.

— Ладно, ладно... Мы отлично знаемъ этихъ голодныхъ бродягъ... Убирайся къ дьяволу въ лапы. Тамъ ты скорѣй согрѣешься!..

— Послушайте... Я заплачу вамъ... Мнѣ нуженъ только уголъ для ночлега и ломоть хлѣба... Я заплачу вамъ золотомъ... Послушайте.

— Послушай ты, мародеръ,—раздался сердитый голосъ изъ-за двери: — если ты сейчасъ не отойдешь отъ моего дома, — я выпущу на тебя собакъ!..

Человѣкъ въ плащѣ произнесъ злое проклятіе и пошелъ дальше. Онъ зналъ, что домъ, въ который онъ только-что стучался, принадлежитъ бургомистру, самому богатому бюргеру въ городѣ. И по привычкѣ думать вслухъ, свойственной человѣку, пробывшему долгое время наединѣ съ самимъ собою, онъ проговорилъ:

— Хорошо, господинъ бургомистръ. Завтра я вамъ напомню, какъ вы собирались травить меня собаками. Что-то вы запоете тогда?..

Вдали мелькнулъ свѣтъ фонаря, и послышался звонъ оружія. Путникъ оглянулся вокругъ и, замѣтивъ въ одномъ изъ домовъ глубокую дверную нишу, быстро скользнулъ въ нее и плотно прижался къ стѣнѣ. Отрядъ городской стражи, состоящій изъ четырехъ человѣкъ, прошелъ мимо него такъ близко, что онъ даже услышалъ отъ одного изъ солдатъ сильный запахъ вина.

— Проклятіе, какая чертовская служба,—говорилъ солдатъ, который несъ фонарь.—Съ тѣхъ поръ, какъ Ги-

беллины изгнали нашего добраго Генриха-Льва, я, кажется, охотнѣй согласился бы пасти свиней, чѣмъ служить въ войскѣ...

— Въ особенности, когда уже третій мѣсяцъ мы не видимъ жалованья,—поддержалъ другой.

— И когда имперскіе рейтары обращаются съ нами, какъ съ собаками,—сказалъ третій.

— Нѣтъ, вотъ что̀ я вамъ скажу, ребята, — вмѣшался опять солдатъ съ фонаремъ. — Если бъ теперь нашъ славный Генрихъ подошелъ подъ городскія стѣны, хоть съ самымъ маленькимъ отрядомъ, — я бы первый отворилъ ему ворота и опустилъ передъ нимъ мостъ.

— Я бы сдѣлалъ то же самое...

— И я, и я!

— Наши рыцари что-то такое знаютъ,—продолжалъ первый солдатъ. — Говорятъ, что его видѣли на границѣ, когда онъ...

Сильный порывъ вѣтра заглушилъ его слова. Скоро вдали затихли шаги обхода. По лицу человѣка въ плащѣ, не проронившаго ни одного слова изъ этого разговора, пробѣжала довольная улыбка, тѣмъ болѣе странная, что онъ съ головы до ногъ дрожалъ въ лихорадкѣ.

Выйдя изъ ниши, онъ опять пошелъ по городскимъ улицамъ. У нѣкоторыхъ домовъ онъ останавливался и стучался. Иногда на его стукъ никто не отзывался, но большею частью ему приходилось выслушивать изъ-за дверей такую грубую брань, что онъ въ молчаливомъ бѣшенствѣ стискивалъ зубы, сжималъ кулаки и отходилъ прочь. Въ одномъ домѣ ему отвѣчала, судя по голосу, какая-то добрая старуха:

— Ты, должно-быть, не здѣшній, что просишь ночлега подъ канунъ Рождества Христова,—сказала она.— Развѣ ты не знаешь, что, по старому обычаю, ни одинъ хозяинъ ни за какія деньги не пуститъ сегодня въ свой

домъ чужого. Приди завтра, и я накормлю тебя хоть жаренымъ гусемъ и пивомъ имбирнымъ пивомъ. А сегодня ты принесешь въ мой домъ всѣ несчастья, которыя преслѣдуютъ тебя.

Человѣкъ въ плащѣ шелъ все дальше и дальше, спускаясь постепенно къ Дунаю. Когда онъ переходилъ площади, на него кидались стаи бродячихъ собакъ, тощихъ, одичавшихъ и злыхъ. Онѣ заливались бѣшенымъ лаемъ, вертясь вокругъ его ногъ, но такъ какъ онъ не обращалъ на нихъ вниманія, то онѣ не осмѣливались его тронуть.

Скоро городскія постройки стали попадаться все рѣже и рѣже, дальше пошли жалкія, вросшія въ землю лачужки ремесленниковъ и поденщиковъ. Но и въ нихъ напрасно стучался озябшій и голодный путникъ. Народное суевѣріе ревниво охраняло каждый домъ, потому что въ эту святую ночь въ него, вмѣстѣ съ чужимъ человѣкомъ, неминуемо должно было вторгнуться чужое несчастье. Между тѣмъ путникъ совершенно выбился изъ силъ. Ноги его такъ отяжелѣли, что онъ насилу подымалъ ихъ отъ земли, все тѣло ныло, точно избитое, а глаза такъ неудержимо слипались, что ему стоило большихъ усилій, чтобы не повалиться на снѣгъ и не заснуть крѣпкимъ сномъ.

Городъ кончился. Дальше итти было некуда. Человѣкъ въ плащѣ остановился въ нерѣшимости. Имъ уже стала овладѣвать какая-то сладкая, истомная зѣвота. Еще нѣсколько минутъ, и онъ улегся бы на снѣгу, закрывшись поплотнѣе своей верхней одеждой. Какъ вдругъ впереди него изъ-за широко распахнутой вѣтромъ двери брызнулъ яркій свѣтъ. «Все равно: постучусь еще разъ,—подумалъ вслухъ путникъ:—а тамъ...» Но онъ даже не договорилъ своей фразы и поспѣшно, насколько ему позволяли изсякшія силы, пошелъ впередъ по цѣльному снѣгу.

Домъ, откуда блеснулъ огонь, стоялъ далеко въ сторонѣ отъ черты городскихъ построекъ и былъ гораздо больше и нарядне тѣснившихся на окраинѣ лачужекъ.

Вокругъ дома не было никакой изгороди, и потому путникъ могъ, подойдя вплотную къ окну, не закрытому ставней, заглянуть черезъ него внутрь дома.

Рослый человѣкъ въ новомъ красномъ шелковомъ кафтанѣ сидѣлъ у стола и ѣлъ; высокая худая дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ тонкими и красивыми чертами печальнаго лица, стоя, прислуживала ему. Человѣкъ этотъ, судя по широкой шеѣ, массивнымъ плечамъ и огромнымъ, волосатымъ кистямъ рукъ, отличался страшной физической силой. Волосы на головѣ у него были коротко острижены, въ небольшой круглой бородѣ серебрилась замѣтно просѣдь, а лицо его, изрытое морщинами, было такъ мрачно, что путникъ, глядя на него сквозь слюдяное окно, подумалъ: «Должно-быть, на этомъ лицѣ никогда не появлялась улыбка».

Человѣкъ въ плащѣ постучался въ дверь.

— Войдите, не заперто!—крикнулъ изнутри сиплый густой голосъ.

Путникъ приподнялъ наружный деревянный засовъ и очутился въ большой, жарко истопленной комнатѣ, наполненной раздражающимъ запахомъ жареной свинины.

— Какъ, неужели и сегодня понадобилась моя работа? — воскликнулъ недовольнымъ голосомъ хозяинъ. — Если такъ, то скажите вашимъ судьямъ, что я ни сегодня ни завтра не выйду изъ дому, хотя бы меня самого повѣсили за это.

Но когда незнакомецъ снялъ свою шапку, засыпанную снѣгомъ, то хозяинъ быстро приподнялся со стула, и лицо его выказало удивленіе.

— Простите, я принялъ васъ за другого, — сказалъ онъ вѣжливо: — что̀ угодно господину?

Хотя незнакомецъ и былъ одѣтъ въ поношенный и дырявый плащъ, но, навѣрное, всякій назвалъ бы его господиномъ такъ же, какъ это сдѣлалъ и хозяинъ дома. Что-то неотразимо-властное, увѣренное и величественное было въ его стройной высокой фигурѣ и въ его красивомъ лицѣ съ длинной, выхоленной черной бородой.

— Прошу васъ, не откажите мнѣ въ кускѣ хлѣба и въ ночлегѣ... Хотя бы на полу!—умоляюще произнесъ незнакомецъ. — Я обошелъ весь городъ, и меня не впустили ни въ одинъ домъ. Я заплачу золотомъ за все, что вы мнѣ дадите.

Хозяинъ низко наклонилъ голову передъ своимъ неожиданнымъ гостемъ.

— Я не возьму отъ васъ платы,—сказалъ онъ тихо, и въ голосѣ его послышалась горечь и грусть. — Весь ной домъ къ вашимъ услугамъ, но...— онъ на минуту замялся:—но я боюсь, что вы предпочтете опять уйти на морозъ и мятель, когда узнаете, у кого вы въ гостяхъ.

— О, чортъ возьми, не все ли равно, кто вы, когда я умираю отъ голода и отморозилъ себѣ ноги!—воскликнулъ нетерпѣливо незнакомецъ. — Гвельфъ вы или Гибеллинъ, убійца или честный бюргеръ! Дайте мнѣ кусокъ хлѣба и не говорите ни слова о вашихъ занятіяхъ.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ хозяинъ и опять низко склонился передъ гостемъ. — Прошу васъ, господинъ, садитесь за столъ. Элеонора, — обратился онъ къ дочери: — ты будешь прислуживать господину, а потомъ приготовишь ему постель.

Незнакомецъ съ такой жадностью накинулся на свинину и копченый медвѣжій окорокъ, что, повидимому, совершенно забылъ о гостепріимномъ хозяинѣ, и только утоливъ первый голодъ, онъ замѣтилъ, что тотъ стоитъ въ глубинѣ комнаты.

— Отчего вы не садитесь со мною за столъ? — спро-

силъ гость. — Я прервалъ вашъ ужинъ, и, право, это ставитъ меня въ очень неловкое положеніе. Садитесь же, прошу васъ!

— Нѣтъ, господинъ, я не смѣю сѣсть съ вами рядомъ... — возразилъ твердо хозяинъ. — Элеонора, налей господину вина.

Тонъ его отказа былъ такъ рѣшителенъ, что незнакомецъ не настаивалъ больше. Онъ ничего не ѣлъ въ продолженіе двухъ сутокъ, и теперь у него не хватало терпѣнія разспрашивать. Но когда онъ насытился и выпилъ нѣсколько стакановъ золотого, душистаго рейнскаго вина, которое ему наливала своими тонкими смуглыми дѣтскими ручками Элеонора, когда чувство блаженнаго довольства и покоя впервые послѣ многихъ дней нужды, опасностей и голода разлилось по всему его тѣлу, его сердце переполнилось глубокой благодарностью и какой-то странной жалостью къ этому загадочному человѣку, стоявшему сзади него въ покорной и печальной позѣ. Незнакомецъ выпрямился во весь свой высокій ростъ и сказалъ повелительно:

— Я, Генрихъ II, Левъ-Анна, герцогъ Швабскій, электоръ Саксонскій, приказываю тебѣ назвать свое имя и званіе!..

Хозяинъ дома вздрогнулъ отъ неожиданности и упалъ ницъ, касаясь головой пола.

— Ваша свѣтлость! Ваша свѣтлость! — воскликнулъ онъ растерянно. — Я — Эйзенманъ, я — Карлъ Эйзенманъ... Простите меня за то, что я сразу не назвалъ вамъ своего имени.. Я — Карлъ Эйзенманъ, ингольштадтскій палачъ...

Брови Генриха-Льва нахмурились на мгновенье, но только на одно мгновенье. Быстрымъ движеніемъ онъ вытащилъ изъ ноженъ свою широкую, длинную шпагу и, ударивъ ею плашмя по плечу Эйзенмана, произнесъ:

— Я, Генрихъ-Левъ, герцогъ Швабскій, электоръ Са-

ксонскій, посвящаю тебя въ рыцари Швабской короны. Встаньте, Карлъ фонъ-Эйзенманъ — добавилъ онъ привѣтливо.

Такимъ образомъ, по разсказу лѣтописца, въ ночь на Рождество Христово, на порогѣ XIII столѣтія, былъ возведенъ въ рыцарское достоинство ингольштадтскій палачъ. Но такъ какъ у него не было мужского потомства, то и родъ его прекратился вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ погибъ геройской смертью, сражаясь на стѣнахъ Везенберга за своего герцога.

ВЪ НѢДРАХЪ ЗЕМЛИ.

Раннее весеннее утро—прохладное и росистое. Въ небѣ ни облачка. Только на востокѣ, тамъ, откуда сейчасъ выплывало въ огненномъ заревѣ солнце, еще толпятся, блѣднѣя и тая съ каждой минутой, сизыя предразсвѣтныя тучки. Весь безбрежный степной просторъ кажется осыпаннымъ тонкой золотой пылью. Въ густой буйной травѣ тамъ и сямъ дрожатъ, переливаясь и вспыхивая разноцвѣтными огнями, брильянты крупной росы. Степь весело пестрѣетъ цвѣтами: ярко желтѣетъ дрокъ, скромно синѣютъ колокольчики, бѣлѣетъ цѣлыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горитъ пунцовыми пятнами. Въ утренней прохладѣ разлитъ горькій, здоровый запахъ полыни, смѣшанной съ нѣжнымъ, похожимъ на миндаль, ароматомъ повилики. Все блещетъ, и нѣжится, и радостно тянется къ солнцу. Только кое-гдѣ въ глубокихъ и узкихъ балкахъ, между крутыми обрывами, поросшими рѣдкимъ кустарникомъ, еще лежатъ, напоминая объ ушедшей ночи, влажныя синеватыя тѣни. Высоко въ воздухѣ, невидные глазу, трепещутъ и звенятъ жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышитъ глубокими, ровными и могучими вздохами.

Рѣзко нарушая прелесть этого прелестнаго утра, гу-

дитъ на Гололобовской шахтѣ обычный шестичасовой свистокъ, гудитъ безконечно-долго, хрипло, съ надсадою, точно жалуясь на что-то. Звукъ этотъ слышится то громче, то слабѣе; иногда онъ почти замираетъ, какъ будто обрываясь, захлебываясь, уходя подъ землю, и вдругъ опять вырывается съ новой, неожиданной силой.

На огромномъ зеленѣющемъ горизонтѣ степи только одна эта шахта со своими черными заборами и торчащей надъ ними безобразной вышкой напоминаетъ о человѣкѣ и человѣческомъ трудѣ. Длинныя, красныя, закопченныя сверху трубы изрыгаютъ, не останавливаясь ни на секунду, клубы чернаго, грязнаго дыма. Еще издали слышенъ частый звонъ молотовъ, бьющихъ по желѣзу, и протяжный грохотъ цѣпей, и эти тревожные металлическіе звуки принимаютъ какой-то суровый, неумолимый характеръ среди тишины яснаго, улыбающагося утра.

Сейчасъ должна спуститься подъ землю вторая смѣна. Сотни двѣ человѣкъ толпятся на шахтенномъ дворѣ между штабелей, сложенныхъ изъ крупныхъ кусковъ блестящаго на изломахъ каменнаго угля. Совершенно черныя, пропитанныя углемъ, не мытыя по цѣлымъ недѣлямъ лица, лохмотья всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, опорки, лапти, сапоги, старыя резиновыя калоши и просто босыя ноги, — все это перемѣшалось въ пестрой, суетливой, галдящей массѣ. Въ воздухѣ такъ и виситъ изысканно-безобразная непечатная ругань, вперемежку съ хриплымъ смѣхомъ и удушливымъ, судорожнымъ, запойнымъ кашлемъ.

Но понемногу толпа уменьшается, вливаясь въ узкую деревянную дверь, надъ которой прибита бѣлая дощечка съ надписью: «ламповая». Ламповая биткомъ-набита рабочими. Десять человѣкъ, сидя за длиннымъ столомъ, безпрерывно наполняютъ масломъ стеклянныя лампочки, одѣтыя сверху въ предохранительные проволочные фут-

ляры. Когда лампочки совсѣмъ готовы, ламповщикъ вдѣваетъ въ ушки, соединяющія верхъ футляра съ дномъ, кусочекъ свинца и расплющиваетъ его однимъ нажимомъ массивныхъ щипцовъ. Такимъ образомъ достигается то, что шахтеръ до самаго выхода обратно изъ-подъ земли никакъ не можетъ открыть лампочки, а если даже случайно и разобьется ея стекло, то проволочная сѣтка дѣлаетъ огонь совершенно безопаснымъ. Это дѣлается для безопасности, потому что въ глубинѣ каменноугольныхъ шахтъ скопляется особый горючій газъ, который отъ огня мгновенно взрывается; бывали случаи, что отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ на шахтахъ погибали сотни человѣкъ.

Получивъ лампочку, шахтеръ проходитъ въ другую комнату, гдѣ старшій табельщикъ отмѣчаетъ его фамилію въ дневной вѣдомости, а двое подручныхъ тщательно осматриваютъ его карманы, одежду и обувь, чтобы узнать, не несетъ ли онъ съ собою папиросъ, спичекъ или огнива.

Убѣдившись, что запрещенныхъ вещей нѣтъ, или просто не найдя ихъ, табельщикъ коротко киваетъ головой и бросаетъ отрывисто: «проходи».

Тогда черезъ слѣдующую дверь шахтеръ выходитъ на широкую, длинную крытую галлерею, расположенную надъ «главнымъ стволомъ».

Въ галлереѣ идетъ кипучая суета смѣны. Въ квадратномъ отверстіи, ведущемъ въ глубь шахты, ходятъ на цѣпи, перекинутой высоко надъ крышей черезъ блокъ, двѣ желѣзныхъ платформы. Въ то время, когда одна изъ нихъ подымается,—другая опускается на сотню саженъ. Платформа точно чудомъ выскакиваетъ изъ-подъ земли, нагруженная вагонетками съ влажнымъ, только-что вырваннымъ изъ нѣдръ земли углемъ. Въ одинъ мигъ рабочіе стаскиваютъ вагонетки съ платформы, ставятъ ихъ на рельсы и бѣгомъ влекутъ на шахтенный дворъ. Пу-

стая платформа тотчасъ же наполняется людьми. Въ машинное отдѣленіе дается условный знакъ электрическимъ звонкомъ, платформа содрогается и внезапно съ страшнымъ грохотомъ исчезаетъ изъ глазъ, проваливается подъ землю. Проходитъ минута, другая, въ продолженіе которыхъ ничего не слышно, кромѣ пыхтѣнья машины и лязганья бѣгущей цѣпи, и другая платформа, — но уже не съ углемъ, а биткомъ-набитая мокрыми, черными и дрожащими отъ холода людьми, вылетаетъ изъ-подъ земли, точно выброшенная наверхъ какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смѣна людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, какъ ходъ огромной машины.

Васька Ломакинъ, или, какъ его прозвали шахтеры, вообще любящіе хлесткія прозвища, — Васька Кирпатый стоитъ надъ отверстіемъ главнаго ствола, поминутно извергающаго изъ своихъ нѣдръ людей и уголь, и, слегка полуоткрывъ ротъ, пристально смотритъ внизъ. Васька— двѣнадцатилѣтній мальчикъ съ совершенно чернымъ отъ угольной пыли лицомъ, на которомъ наивно и довѣрчиво смотрятъ голубые глаза, и со смѣшно вздернутымъ носомъ. Онъ тоже долженъ сейчасъ спуститься въ шахту, но люди его партіи еще не собрались, и онъ дожидается ихъ.

Васька всего полгода какъ пришелъ изъ далекой деревни. Безобразный разгулъ и разнузданность шахтерской жизни еще не коснулись его чистой души. Онъ не куритъ, не пьетъ и не сквернословитъ, какъ его однолѣтки-рабочіе, которые всѣ поголовно напиваются по воскресеньямъ до безчувствія, играютъ на деньги въ карты, имѣютъ любовницъ и хвастаются этимъ. Кромѣ «Кирпатаго», у него есть еще кличка «мамкинъ», данная ему за то, что, поступая на службу, на вопросъ штейгера: «Ты, поросенокъ, чей будешь?», онъ наивно отвѣтилъ: «А мамкинъ!»,

что вызвало взрывъ громового хохота и бѣшеный потокъ восхищенной ругани всей смѣны.

Васька до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ угольной работѣ и къ шахтерскимъ нравамъ и обычаямъ. Величина и сложность шахтеннаго дѣла подавляетъ его бѣдный впечатлѣніями умъ, и, хотя онъ въ этомъ не даетъ себѣ отчета, шахта представляется ему какимъ-то сверхъестественнымъ міромъ, обиталищемъ мрачныхъ, чудовищныхъ силъ. Самое таинственное существо въ этомъ мірѣ— безспорно машинистъ.

Вотъ онъ сидитъ въ своей кожаной засаленной курткѣ съ сигарой въ зубахъ и съ золотыми очками на носу, бородатый и насупленный. Васькѣ онъ отлично виденъ сквозь стеклянную перегородку, отдѣляющую машинную часть. Что это за человѣкъ? Да полно: и человѣкъ ли онъ еще? Вотъ онъ, не сходя съ мѣста и не выпуская изо рта сигары, тронулъ какую-то пуговку, и въ мигъ заходила огромная машина, до сихъ поръ неподвижная и спокойная, загремѣли цѣпи, съ грохотомъ полетѣла внизъ платформа, затряслось все деревянное строеніе шахты. Удивительно!.. А онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и покуриваетъ. Потомъ онъ надавилъ еще какую-то шишечку, потянулъ за какую-то стальную палку, и въ секунду все остановилось, присмирѣло, затихло... Можетъ-быть, онъ слово такое знаетъ? — не безъ страха думаетъ, глядя на него, Васька.

Другой — загадочный и притомъ облеченный необыкновенной властью человѣкъ — старшій штейгеръ Павелъ Никифоровичъ. Онъ полный хозяинъ въ темномъ, сыромъ и страшномъ подземномъ царствѣ, гдѣ среди глубокаго мрака и тишины мелькаютъ красныя точки отдаленныхъ факеловъ. По его приказаніямъ ведутся новыя галлереи и дѣлаются забои.

Павелъ Никифоровичъ очень красивъ, но неразговорчивъ и мраченъ, какъ будто общеніе съ подземными силами наложило на него особую загадочную печать. Его физическая сила стала легендой среди шахтеровъ, и даже такіе «фартовые» хлопцы, какъ Бухало и Ванька Грекъ, дающіе тонъ буйному направленію умовъ, отзываются о старшемъ штейгерѣ съ оттѣнкомъ почтенія.

Но неизмѣримо выше Павла Никифоровича и машиниста стоитъ во мнѣніи Васьки директоръ шахты — французъ Карлъ Францовичъ. У Васьки нѣтъ даже сравненій, которыми онъ могъ бы опредѣлить размѣры могущества этого сверхъ-человѣка. Онъ можетъ сдѣлать все, рѣшительно все на свѣтѣ, что̀ ему только ни захочется. Отъ мановенія его руки, отъ одного его взгляда зависитъ жизнь и смерть всѣхъ этихъ табельщиковъ, десятниковъ, шахтеровъ, нагрузчиковъ и подвозчиковъ, которые тысячами кормятся около завода. Всюду, гдѣ только показывается его высокая прямая фигура и блѣдное лицо съ торчащими вверхъ усами, тотчасъ же чувствуется общее напряженіе и растерянность. Когда онъ говоритъ съ человѣкомъ, то смотритъ ему прямо въ глаза своими холодными большими глазами, но смотритъ такъ, какъ будто разглядываетъ сквозь этого человѣка что-то такое, видимое ему одному. Раньше Васька не могъ себѣ представить, что существуютъ на свѣтѣ люди, подобные Карлу Францовичу. Отъ него даже и пахнетъ какъ-то особенно, какими-то удивительными сладкими цвѣтами. Этотъ запахъ Васька уловилъ однажды, когда директоръ прошелъ мимо него въ двухъ шагахъ, конечно, даже не замѣтивъ крошечнаго мальчугана, который стоялъ безъ шапки съ раскрытымъ ртомъ, провожая испуганными глазами проносящееся земное божество.

— Эй ты, Кирпатый, полѣзай, что ли! — услышалъ Васька надъ своимъ ухомъ грубый окликъ.

Васька встрепенулся и бросился къ платформѣ. Садилась та партія, при которой онъ состоялъ подручнымъ. Собственно, ближайшихъ начальниковъ у него было двое: дядя Хрящъ и Ванька Грекъ. Съ ними вмѣстѣ онъ помѣщался на однѣхъ нарахъ въ общей казармѣ, съ ними же постоянно работалъ въ шахтѣ и при нихъ же несъ въ свободное время многочисленныя домашнія обязанности, въ кругъ которыхъ входило главнымъ образомъ бѣганье въ ближайшій кабакъ «Свиданіе друзей» за водкой и огурцами. Дядя Хрящъ принадлежалъ къ числу старыхъ шахтеровъ, измотавшихся и обезличившихся на долгой непосильной работѣ. У него не было разницы между добрымъ и злымъ дѣломъ, между буйной выходкой и трусливымъ прятаньемъ за чужую спину. Онъ рабски шелъ за большинствомъ, безсознательно прислушивался къ сильнымъ и давилъ слабаго, и въ шахтерской средѣ не пользовался, несмотря на свои преклонныя лѣта, ни уваженіемъ ни вліяніемъ. Ванька Грекъ, наоборотъ, до извѣстной степени руководилъ общественнымъ мнѣніемъ и сильными страстями всей казармы, гдѣ самыми вѣскими аргументами служили заносистое слово и крѣпкій кулакъ, въ особенности, если онъ былъ вооруженъ тяжелымъ и острымъ кайломъ.

Въ этомъ мірѣ бурныхъ, пылкихъ, отчаянныхъ натуръ каждое взаимное столкновеніе принимало преувеличенно-острый характеръ. Казарма напоминала собой огромную клѣтку, биткомъ-набитую хищнымъ звѣрьемъ, гдѣ только злость, дерзость и сила обусловливали равноправное существованіе, гдѣ растеряться, оказать минутную нерѣшительность — равнялось погибели. Обыкновенный дѣловой разговоръ, товарищеская шутка переходили въ страшный взрывъ ненависти. Только-что мирно бесѣдовавшіе люди бѣшено вскакивали съ мѣста, лица блѣднѣли, руки судорожно стискивали рукоятку ножа или молота, изъ дрожащихъ опѣненныхъ губъ вылетали вмѣстѣ съ

брызгами слюны ужасныя ругательства... Въ первые дни своей шахтерской жизни, присутствуя при такихъ сценахъ, Васька весь обомлѣвалъ отъ испуга, чувствуя, какъ у него холодѣетъ въ груди, и какъ его руки становятся слабыми и влажными.

Если въ такой звѣрской средѣ Ванька Грекъ пользовался нѣкоторымъ, сравнительнымъ уваженіемъ, то это до извѣстной степени говоритъ объ его нравственныхъ качествахъ. Онъ былъ въ состояніи работать по цѣлымъ недѣлямъ, не отрываясь отъ дѣла, съ какимъ-то озлобленнымъ упорствомъ, для того, чтобы спустить въ одну ночь всѣ заработанныя этимъ нечеловѣческимъ трудомъ деньги. Трезвый онъ былъ несообщителенъ и молчаливъ, а будучи пьянымъ, нанималъ музыканта, вёлъ его въ трактиръ и заставлялъ играть, а самъ сидѣлъ противъ него, пилъ водку стаканами и плакалъ. Потомъ неожиданно вскакивалъ съ перекосившимся лицомъ и налитыми кровью глазами и начиналъ «разносить». Что̀ или кого разносить — ему было все равно; просила исхода порабощенная долгимъ трудомъ натура... Начинались безобразныя, кровавыя драки во всѣхъ концахъ завода и продолжались до тѣхъ поръ, пока мертвый сонъ не валилъ съ ногъ этого необузданнаго человѣка.

Но — какъ это ни странно — Ванька Грекъ оказывалъ Кирпатому нѣчто похожее на заботу, или, вѣрнѣе, вниманіе. Конечно, это вниманіе выражалось въ суровой и грубой формѣ и сопровождалось скверными словами, безъ которыхъ не обходится шахтеръ даже въ самыя лучшія свои минуты, однако, несомнѣнно, это вниманіе существовало. Такъ, напримѣръ, Ванька Грекъ устроилъ мальчугана въ самомъ лучшемъ мѣстѣ на нарахъ, ногами къ печкѣ, несмотря на протестъ дяди Хряща, которому это мѣсто раньше принадлежало. Въ другой разъ, когда загулявшій шахтеръ хотѣлъ силой отнять у Васьки пол-

тинникъ, Грекъ отстоялъ Васькины интересы. «Оставь мальчишку»,—спокойно сказалъ онъ, слегка приподымаясь на нарахъ. И эти слова были сопровождены такимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, что шахтеръ разразился потокомъ отборной ругани, но тѣмъ не менѣе отошелъ въ сторону.

На платформу вмѣстѣ съ Васькой взошло еще пять человѣкъ. Раздался сигналъ, и въ тотъ же моментъ Васька почувствовалъ во всемъ тѣлѣ необычайную легкость, точно у него за спиною выросли крылья. Вздрагивая и гремя, полетѣла платформа внизъ, и мимо нея, сливаясь въ одну сплошную сѣрую полосу, понеслась вверхъ кирпичная стѣна колодца. Потомъ сразу наступилъ глубокій мракъ. Лампочки еле мерцали въ рукахъ молчаливыхъ бородатыхъ шахтеровъ, вздрагивая при неровныхъ толчкахъ падающей платформы. Затѣмъ Васька внезапно почувствовалъ себя летящимъ не внизъ, а вверхъ. Этотъ странный физическій обманъ всегда испытывается непривычными людьми въ то время, когда платформа достигаетъ середины ствола, но Васька долго не могъ отдѣлаться отъ этого ложнаго ощущенія, всегда вызывавшаго у него легкое головокруженіе.

Платформа быстро и мягко замедлила паденіе и стала на грунтѣ. Сверху водопадомъ падали внизъ стекавшіеся къ главному стволу подземные источники, и шахтеры быстро сбѣгали съ платформы, чтобы избѣгнуть этого проливного дождя.

Люди въ клеенчатыхъ плащахъ, съ капюшонами на головахъ, скатывали на платформу полныя вагонетки. Дядя Хрящъ кинулъ кому-то изъ нихъ: «здорово, Тереха», но тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ, и партія разбрелась въ разныя стороны.

Каждый разъ, очутившись подъ землей, Васька чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ какая-то молчаливая пес-

тущая тоска. Эти длинныя черныя галлереи казались ему безконечными. Изрѣдка мелькалъ гдѣ-то далеко жалкой блѣдно-красной точечкой огонекъ лампы и пропадалъ внезапно, и опять показывался. Шаги звучали глухо и странно. Воздухъ былъ непріятно сыръ, душенъ и холоденъ. Иногда за боковыми стѣнами слышалось журчанье бѣгущей воды, и въ этихъ слабыхъ звукахъ Васька ловилъ какія-то зловѣщія, угрожающія ноты.

Васька шелъ слѣдомъ за дядей Хрящомъ и Грекомъ. Ихъ лампочки, раскачиваемыя руками, бросали на скользкія, покрытыя плѣсенью, бревенчатыя стѣны галлереи тусклыя желтыя пятна, въ которыхъ причудливо метались взадъ-впередъ, то пропадая, то вытягиваясь до потолка, три уродливыя неясныя тѣни. Невольно всѣ кровавыя и таинственныя преданія шахты всплыли въ памяти Васьки.

Вотъ здѣсь засыпало обваломъ четырехъ человѣкъ. Трехъ изъ нихъ нашли мертвыми, а трупъ четвертаго такъ и не отыскался; говорятъ, что его духъ ходитъ иногда по галлереѣ № 5-й и жалобно плачетъ... Тамъ въ третьемъ году одинъ шахтеръ размозжилъ кайломъ голову своему товарищу, который отказалъ ему въ глоткѣ водки, пронесенной подъ землю контрабанднымъ путемъ. Разсказывали также объ одномъ старомъ рабочемъ, который много лѣтъ тому назадъ заблудился въ галлереяхъ, знакомыхъ ему, какъ свои пять пальцевъ. Его нашли только черезъ три дня, обезсилѣвшимъ отъ голода и сошедшимъ съ ума. Говорили, что «кто-то» водилъ его по шахтѣ. Этотъ «кто-то»—страшный, безыменный и безличный, какъ и породившій его подземный мракъ—несомнѣнно существуетъ въ глубинѣ шахтъ, но о немъ никогда не станетъ говорить ни одинъ настоящій шахтеръ,—ни въ трезвомъ ни въ пьяномъ видѣ. И каждый разъ, когда Васька, идя слѣдомъ за своей «партіей», думаетъ о

«немъ», онъ чувствуетъ на своемъ тѣлѣ чье-то тихое, холодное дыханье, кидающее его въ дрожь.

— Ну что̀, Ванька, хорошо погулялъ? — искательно спросилъ дядя Хрящъ, оборачиваясь на ходу въ сторону Грека.

Грекъ не отвѣтилъ и только презрительно сплюнулъ сквозь зубы. Наканунѣ онъ цѣлыхъ пять дней не приходилъ на работу, угарно и безобразно пропивая свое двухмѣсячное жалованье. За все это время онъ почти совсѣмъ не спалъ, и теперь его нервы были возбуждены до крайней степени.

— Н-да, братецъ мой, хорошо, нечего сказать, — не унимался дядя Хрящъ. — Какъ это ты десятника-то облаялъ? Очень прекрасно...

— Не зуди, — коротко отрѣзалъ Грекъ.

— Чего зудить, я не зужу, — отозвался дядя Хрящъ, которому всего обиднѣе было то обстоятельство, что ему не удалось принять участія во вчерашнемъ разгулѣ. — А только, братецъ ты мой, тебѣ теперь конторы не миновать. Позовутъ тебя, друга милаго, къ расчету. Ужъ это какъ пить дать...

— Отстань!

— Чего тамъ отстань. Это, голубчикъ, не то, что въ трактирѣ бильярды выворачивать. Сергѣй Трифонычъ такъ и сказалъ: пускай, говоритъ, онъ теперь у меня хорошенько попросится. Пускай...

— Замолчи, собака! — вдругъ рѣзко обернулся къ старику Грекъ, и его глаза злобно сверкнули въ темнотѣ галлереи.

— Мнѣ что̀ жъ! Я ничего, я молчу, — замялся дядя Хрящъ.

До мѣста работы было почти полторы версты. Свернувъ съ главной магистрали, партія еще долго шла узкими колѣнчатыми галлерейками. Кое-гдѣ нужно было на-

гибаться, чтобы не коснуться головой потолка. Воздухъ съ каждой минутой дѣлался сырѣе и удушливѣе.

Наконецъ они дошли до своей лавы.

Въ ея узкомъ и тѣсномъ пространствѣ нельзя было работать ни стоя ни сидя; приходилось отбивать уголь, лежа на спинѣ, что составляетъ самый трудный и тяжелый родъ шахтерскаго искусства. Дядя Хрящъ и Грекъ медленно и молча раздѣлись, оставшись нагими до пояса, зацѣпили свои лампочки за выступы стѣнокъ и легли рядомъ. Грекъ чувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Три безсонныя ночи и продолжительное отравленіе скверной водкой мучительно давали себя знать. Во всемъ тѣлѣ ощущалась тупая боль, точно кто-то исколотилъ его палкой, руки слушались съ трудомъ, голова была такъ тяжела, какъ будто ее набили каменнымъ углемъ. Однако Грекъ ни за что бы не уронилъ шахтерскаго достоинства, выдавъ чѣмъ-нибудь свое болѣзненное состояніе.

Молча, сосредоточенно, со стиснутыми зубами вбивалъ онъ кайло въ хрупкій, звенящій уголь. Временами онъ какъ будто бы забывался. Все исчезало изъ его глазъ: и низкая лава, и тусклый блескъ угольныхъ изломовъ, и дряблое тѣло лежащаго съ нимъ рядомъ дяди Хряща. Мозгъ точно засыпалъ мгновеніями, въ головѣ однообразно, до тошноты надоѣдливо, звучали мотивы вчерашней шарманки, но руки сильными и ловкими движеніями продолжали привычную работу. Отбивая надъ своей головой пластъ за пластомъ, Грекъ почти безсознательно передвигался на спинѣ все выше и выше, далеко оставивъ за собой слабосильнаго товарища.

Мелкій уголь брызгами летѣлъ изъ-подъ его кайла, осыпая его вспотѣвшее лицо. Выворотивъ большой кусокъ, Грекъ только на минуту задерживался, чтобы оттолкнуть его ногой, и опять со злобной энергіей уходилъ въ работу. Васька успѣлъ уже два раза наполнить тачку

и отвезти ее на главную магистраль, гдѣ въ общихъ кучахъ ссыпался уголь, добытый въ боковыхъ галлереяхъ. Когда онъ возвращался во второй разъ порожнякомъ, его еще издали поразили какіе-то странные звуки, раздававшіеся изъ отверстія лавы. Кто-то стоналъ и хрипѣлъ, какъ будто бы его душили за горло. Сначала у Васьки мелькнула въ головѣ мысль, что шахтеры дерутся. Онъ остановился въ испугѣ, но его окликнулъ взволнованный голосъ дяди Хряща:

— Что же ты сталъ, щенокъ? Иди сюда скорѣе.

Ванька Грекъ бился на землѣ въ страшныхъ судорогахъ. Лицо его посинѣло, на тѣсно сжатыхъ губахъ выступила пѣна, вѣки были широко раскрыты, а вмѣсто глазъ виднѣлись только одни громадные, вращающіеся бѣлки.

Дядя Хрящъ совсѣмъ растерялся, онъ то и дѣло трогалъ Грека за холодную, трепещущую руку и приговаривалъ просительнымъ голосомъ:

— Да Ванька... да перестань же... ну, будетъ же, будетъ...

Это былъ страшный приступъ падучей. Невѣдомая ужасная сила подбрасывала все тѣло Грека, искривляя его въ безобразныхъ, судорожныхъ позахъ.

Онъ то изгибался дугой, опираясь только пятками и затылкомъ о землю, то тяжело падалъ внизъ тѣломъ, корчился, касаясь колѣнами подбородка, и вытягивался какъ палка, дрожа каждымъ мускуломъ.

— Ахъ, Господи, вотъ исторія, — бормоталъ испуганно дядя Хрящъ.—Ванька, да перестань же... послушай... Ахъ, ты, Боже мой, какъ это его вдругъ?.. Постой-ка, Кирпатый, — вдругъ спохватился онъ: — ты останься постеречь его здѣсь, а я побѣгу за людьми.

— Дяденька, а какъ же я-то? — жалобно протянулъ Васька.

— Ну, поговори у меня еще! Сказано—сиди, и дѣло съ концомъ,—грозно прикрикнулъ дядя Хрящъ.

Онъ поспѣшно схватилъ свою поддевку и, на ходу надѣвая ее въ рукава, побѣжалъ изъ галлереи.

Васька остался одинъ надъ бьющимся въ припадкѣ Грекомъ. Сколько времени прошло, пока онъ сидѣлъ, прижавшись въ уголъ, объятый суевѣрнымъ ужасомъ и боясь пошевельнуться, онъ не сумѣлъ бы сказать. Но понемногу конвульсіи, трепавшія тѣло Грека, становились все рѣже и рѣже. Потомъ прекратилось хрипѣніе, вѣки закрыли страшные бѣлки, и вдругъ, глубоко вздохнувъ всей грудью, Грекъ вытянулся неподвижно.

Теперь Васькѣ стало еще жутче. «Господи, да ужъ не померъ ли?»—подумалъ мальчикъ, и отъ одной этой мысли жуткій холодъ наежилъ волосы на его головѣ. Едва переводя дыханіе, онъ подползъ къ больному и дотронулся до его голой груди. Она была холодна, но все-таки поднималась и опускалась чуть замѣтно.

— Дяденька Грекъ, а дяденька Грекъ, — прошепталъ Васька.

Грекъ не отзывался.

— Дяденька, вставайте. Позвольте, я васъ поведу до больницы. Дяденька!..

Гдѣ-то въ ближней галлереѣ послышались торопливые шаги. «Ну, слава Богу, дядя Хрящъ возвращается»,—подумалъ съ облегченіемъ Васька.

Однако это былъ не дядя Хрящъ.

Какой-то незнакомый шахтеръ заглянулъ въ лаву, освѣщая ее высоко поднятой надъ головой лампой.

— Кто здѣсь есть? Живо выходи наверхъ! — крикнулъ онъ взволнованно и повелительно.

— Дяденька, — бросился къ нему Васька: — дяденька, здѣсь съ Грекомъ что-то такое случилось!.. Лежитъ и не говоритъ ничего.

Шахтеръ приблизилъ свое лицо вплотную къ лицу Грека. Но отъ него только пахнуло острой струей виннаго перегара.

— Экъ его угораздило,—махнулъ головой шахтеръ.— Эй, Ванька Грекъ, вставай!—крикнулъ онъ, раскачивая руку больного. — Вставай, что ли, говорятъ тебѣ. Въ третьемъ номерѣ обвалъ случился. Слышишь, Ванька!..

Грекъ промычалъ что-то непонятное, но не открылъ глазъ.

— Ну, некогда мнѣ съ нимъ, съ пьянымъ, возжаться!— нетерпѣливо воскликнулъ шахтеръ. — Буди его, малецъ. Да поскорѣе только. Неровенъ часъ, и у васъ обвалится. Пропадете тогда, какъ крысы...

Голова его исчезла въ темномъ отверстіи лавы. Черезъ нѣсколько секундъ затихли и его частые шаги.

Васькѣ поразительно живо представился весь ужасъ его положенія. Каждый мигъ могутъ рухнуть висящіе надъ его головою милліоны пудовъ земли. Рухнутъ и раздавятъ, какъ мошку, какъ пылинку. Захочешь крикнуть— и не сможешь раскрыть рта... Захочешь пошевельнуться — руки и ноги придавлены землей... И потомъ смерть, страшная, безпощадная, неумолимая смерть...

Васька въ отчаяніи бросается къ лежащему шахтеру и изо всѣхъ силъ трясетъ его за плечи.

— Дядя Грекъ, дядя Грекъ, да проснись же!—кричитъ онъ, напрягая всѣ силы.

Его чуткое ухо ловитъ за стѣнами — и съ правой и съ лѣвой стороны — звуки тяжелыхъ, безпорядочно-спѣшныхъ шаговъ. Всѣ рабочіе смѣны бѣгутъ къ выходу, охваченные тѣмъ же ужасомъ, который теперь овладѣлъ Васькой. На одно мгновеніе у Васьки мелькаетъ мысль бросить на произволъ судьбы спящаго Грека и самому бѣжать очертя голову. Но тотчасъ же какое-то непонятное, чрезвычайно сложное чувство останавливаетъ его. Онъ опять принимается съ умоляющимъ крикомъ теребитъ Грека за руки, за плечи и за голову.

Но голова послушно качается изъ стороны въ сторону,

поднятая рука падаетъ со стукомъ. Въ эту минуту взглядъ Васьки замѣчаетъ угольную тачку, и счастливая мысль озаряетъ его голову. Со страшными усиліями приподнимаетъ онъ съ земли грузное, отяжелѣвшее, какъ у мертвеца, тѣло и взваливаетъ его на тачку, потомъ перебрасываетъ черезъ стѣнки безжизненно висящія ноги и съ трудомъ выкатываетъ Грека изъ лавы.

Въ галлереяхъ пусто.

Гдѣ-то далеко впереди слышенъ топотъ послѣднихъ запоздавшихъ рабочихъ. Васька бѣжитъ, дѣлая невѣроятныя усилія, чтобы удержать равновѣсіе. Его худыя дѣтскія руки вытянулись и обомлѣли, въ груди не хватаетъ воздуха, въ вискахъ стучатъ какіе-то желѣзные молоты, передъ глазами быстро-быстро вращаются огненныя колеса. Остановиться бы, передохнуть немного, взяться поудобнѣе измученными руками.

«Нѣтъ, не могу!»

Неизбѣжная смерть гонится за нимъ по пятамъ, и онъ уже чувствуетъ у себя за спиной вѣяніе ея крыльевъ.

Слава Богу, послѣдній поворотъ! Вонъ вдалекѣ мелькнулъ красный огонь факеловъ, освѣщающихъ подъемную машину.

Люди толпятся на платформѣ.

Скорѣй, скорѣй!

Еще одно послѣднее, отчаянное усиліе...

Что же такое, Господи! Платформа подымается... вотъ она исчезла совсѣмъ.

«Подождите! Остановитесь!»

Хриплый крикъ вылетаетъ изъ Васькиныхъ губъ. Огненныя колеса передъ глазами вспыхиваютъ въ чудовищное пламя. Все рушится и падаетъ съ оглушительнымъ грохотомъ...

Васька приходитъ въ себя наверху. Онъ лежитъ въ чьемъ-то овчинномъ зипунѣ, окруженный цѣлой толпой народа. Какой-то толстый господинъ третъ Васькины виски. Директоръ Карлъ Францовичъ тоже присутствуетъ здѣсь. Онъ ловитъ первый осмысленный взглядъ Васьки, и его строгія губы шепчутъ одобрительно:

— Oh, mon brave garçon! О, ти храбрій мальчикъ!

Этихъ словъ Васька, конечно, не понимаетъ, но онъ уже успѣлъ разглядѣть въ заднихъ рядахъ толпы блѣдное и тревожное лицо Грека. Взглядъ, которымъ эти два человѣка обмѣниваются, связываетъ ихъ на всю жизнь крѣпкими и нѣжными узами.

БѢДНЫЙ ПРИНЦЪ.

I.

«Замѣчательно умно!—думаетъ сердито девятилѣтній Даня Іевлевъ, лежа животомъ на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и постукивая каблукомъ о каблукъ поднятыхъ кверху ногъ.—Замѣчательно! Только большіе и могутъ быть такими притворщиками. Сами заперли меня въ темную гостиную, а сами развлекаются тѣмъ, что увѣшиваютъ елку. А отъ меня требуютъ, чтобы я дѣлалъ видъ, будто ни о чемъ не догадываюсь. Вотъ они какіе — взрослые!»

На улицѣ горитъ газовый фонарь и золотитъ морозные разводы на стеклахъ, и, скользя сквозь листья латаній и фикусовъ, стелетъ легкій золотистый узоръ на полу. Слабо блеститъ въ полутьмѣ изогнутый бокъ рояля.

«Да и что̀ веселаго, по правдѣ сказать, въ этой елкѣ?—продолжаетъ размышлять Даня.—Ну, придутъ знакомые мальчики и дѣвочки и будутъ притворяться, въ угоду большимъ, умными и воспитанными дѣтьми... За каждымъ гувернантка или какая-нибудь старенькая тетя... Заставятъ говорить все время по-англійски... Затѣютъ какую-нибудь прескучную игру, въ которой непремѣнно нужно называть имена звѣрей, растеній или городовъ, а взрослые будутъ вмѣшиваться и поправлять маленькихъ. Велятъ ходить цѣпью вокругъ елки и что-нибудь пѣть и для чего-то хлопать въ ладоши; потомъ всѣ усядутся

подъ елкой, и дядя Ника прочитаетъ вслухъ ненатуральнымъ, актерскимъ, «давлючимъ», какъ говоритъ Сонина няня, голосомъ разсказъ о бѣдномъ мальчикѣ, который замерзаетъ на улицѣ, глядя на роскошную елку богача. А потомъ подарятъ готовальню, глобусъ и дѣтскую книжку съ картинками... А коньковъ или лыжъ ужъ навѣрно не подарятъ... И пошлютъ спать.

«Нѣтъ, ничего не понимаютъ эти взрослые... Вотъ и папа... онъ самый главный человѣкъ въ городѣ и, конечно, самый ученый... недаромъ его называютъ городской головой... Но и онъ мало чего понимаетъ. Онъ до сихъ поръ думаетъ, что Даня маленькій ребенокъ, а какъ бы онъ удивился, узнавъ, что Даня давнымъ-давно уже рѣшился стать знаменитымъ авіаторомъ и открыть оба полюса. У него же и планъ летающаго корабля готовъ, нужно только достать гдѣ-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнуръ и большой, больше дома, шелковый зонтикъ. Именно на такомъ аэропланѣ Даня чудесно летаетъ по ночамъ во снѣ».

Мальчикъ лѣниво всталъ съ медвѣдя, подошелъ, волоча ноги, къ окну, подышалъ на фантастическіе морозные лѣса изъ пальмъ, потеръ рукавомъ стекло. Онъ худощавый, но стройный и крѣпкій ребенокъ. На немъ коричневая изъ рубчатаго бархата курточка, такіе же штанишки по колѣно, черные гетры и толстыя штиблеты на шнуркахъ, отложной крахмальный воротникъ и бѣлый галстукъ. Свѣтлые, короткіе и мягкіе волосы расчесаны, какъ у взрослаго, англійскимъ прямымъ проборомъ. Но его милое лицо мучительно-блѣдно, и это происходитъ отъ недостатка воздуха: чуть вѣтеръ немного посильнѣе, или морозъ больше шести градусовъ, Даню не выпускаютъ гулять. А если и поведутъ на улицу, то полчаса передъ этимъ укутываютъ: гамаши, мѣховые ботики, теплый оренбургскій платокъ на грудь, шапка съ наушниками, баш-

лычокъ, пальто на гагачьемъ пуху, бѣличьи перчатки, муфта... опротивѣетъ и гулянье! И непремѣнно ведетъ его за руку, точно маленькаго, длинная миссъ Дженерсъ со своимъ краснымъ висячимъ носомъ, поджатымъ прыщавымъ ртомъ и рыбьими глазами. А въ это время летятъ вдоль тротуара на одномъ деревянномъ конькѣ веселые, краснощекіе, съ потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катаютъ другъ друга на салазкахъ, или, отломивъ отъ водосточной трубы сосульку, сочно, съ хрустѣніемъ жуютъ ее. Боже мой! Хотя бы разъ въ жизни попробовать сосульку. Должно-быть, изумительный вкусъ. Но развѣ это возможно! «Ахъ, простуда! Ахъ, дифтеритъ! Ахъ, микробъ! Ахъ, гадость!»

«Охъ, ужъ эти мнѣ женщины!—вздыхаетъ Даня, серьезно повторяя любимое отцовское восклицаніе.—Весь домъ полонъ женщинами — тетя Катя, тетя Лиза, тетя Нина, мама, англичанка... женщины, вѣдь это тѣ же дѣвчонки, только старыя... Ахаютъ, суетятся, любятъ цѣловаться, всего пугаются—мышей, простуды, собакъ, микробовъ... И Даню тоже считаютъ точно за дѣвочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратскаго судна, а теперь знаменитаго авіатора и великаго путешественника! Нѣтъ! Вотъ на зло возьму, насушу сухарей, отолью въ пузырекъ пащнаго вина, скоплю три рубля и убѣгу тайкомъ юнгой на парусное судно. Денегъ легко собрать. У Дани всегда есть карманныя деньги, предназначенныя на дѣла уличной благотворительности».

Нѣтъ, нѣтъ, все это мечты, однѣ мечты... Съ большими ничего не подѣлаешь, а съ женщинами тѣмъ болѣе. Сейчасъ же схватятся и отнимутъ. Вотъ нянька говоритъ часто: «Ты нашъ принцъ». И правда, Даня, когда былъ маленькимъ, думалъ, что онъ — волшебный принцъ, а теперь выросъ и знаетъ, что онъ бѣдный, несчастный принцъ, заколдованный жить въ скучномъ и богатомъ царствѣ.

II.

Окно выходитъ въ сосѣдній дворъ. Странный, необычный огонь, который колеблется въ воздухѣ изъ стороны въ сторону, поднимается и опускается, исчезаетъ на секунду и опять показывается, вдругъ остро привлекаетъ вниманіе Дани. Продышавъ ртомъ на стеклѣ дыру побольше, онъ приникаетъ къ ней глазами, закрывшись ладонью, какъ щитомъ, отъ свѣта фонаря. Теперь на бѣломъ фонѣ свѣжаго, только-что выпавшаго снѣга онъ ясно различаетъ небольшую, тѣсно сгрудившуюся кучку ребятишекъ. Надъ ними на высокой палкѣ, которой не видно въ темнотѣ, раскачивается, точно плаваетъ въ воздухѣ, огромная разноцвѣтная бумажная звѣзда, освѣщенная изнутри какимъ-то скрытымъ огнемъ.

Даня хорошо знаетъ, что все это — дѣтвора изъ сосѣдняго бѣднаго и стараго дома, «уличные мальчишки» и «дурныя дѣти», какъ ихъ называютъ взрослые: сыновья сапожниковъ, дворниковъ и прачекъ. Но Данино сердце холодѣетъ отъ зависти, восторга и любопытства. Отъ няньки онъ слыхалъ о мѣстномъ древнемъ южномъ обычаѣ: подъ Рождество дѣти въ складчину устраиваютъ звѣзду и вертепъ, ходятъ съ ними по домамъ знакомымъ и незнакомымъ — поютъ колядки и рождественскіе кантики и получаютъ за это въ видѣ вознагражденія ветчину, колбасу, пироги и всякую мѣдную монету.

Безумно-смѣлая мысль мелькаетъ въ головѣ Дани, — настолько смѣлая, что онъ на минуту даже прикусываетъ нижнюю губу, дѣлаетъ большіе, испуганные глаза и съеживается. Но развѣ въ самомъ дѣлѣ онъ не авіаторъ и не полярный путешественникъ? Вѣдь рано или поздно придется же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправляюсь на своемъ аэропланѣ черезъ Ламаншъ». Сравнительно съ та-

кими страшными словами, одѣться потихоньку и выбѣжать на улицу — сущіе пустяки. Лишь бы только на его счастье старый толстый швейцаръ не торчалъ въ передней, а сидѣлъ бы у себя въ каморкѣ подъ лѣстницей.

Пальто и шапку онъ находитъ въ передней ощупью, возясь безшумно въ темнотѣ. Нѣтъ ни галошъ ни перчатокъ, но вѣдь онъ только на одну минутку! Довольно трудно дотянуться до американскаго механизма замка. Нога стукнулась о дверь, гулъ пошелъ по всей лѣстницѣ. Слава Богу, ярко освѣщенная передняя пуста. Задержавъ дыханіе, съ бьющимся сердцемъ, Даня, какъ мышь, проскальзываетъ въ тяжелыя двери, едва пріотворивъ ихъ, и вотъ онъ на улицѣ! Черное небо, бѣлый, скользкій, нѣжный, скрипящій подъ ногами снѣгъ, бѣготня свѣта и тѣней подъ фонаремъ на тротуарѣ, вкусный запахъ зимняго воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смѣлости — все это какъ сонъ!..

III.

«Дурныя дѣти» какъ разъ выходили изъ калитки сосѣдняго дома, когда Даня выскочилъ на улицу. Надъ мальчиками плыла звѣзда, вся свѣтившаяся красными, розовыми и желтыми лучами, а самый маленькій изъ колядниковъ несъ на рукахъ освѣщенный изнутри, сдѣланный изъ картона и разноцвѣтной папиросной бумаги домикъ— «вертепъ Господень». Этотъ малышъ былъ не кто иной, какъ сынъ Іевлевскаго кучера. Даня не зналъ его имени, но помнилъ, что этотъ мальчуганъ нерѣдко вслѣдъ за отцомъ съ большой серьезностью снималъ шапку, когда Данѣ случалось проходить мимо каретнаго сарая или конюшни.

Звѣзда поровнялась съ Даней. Онъ нерѣшительно посопѣлъ и сказалъ баскомъ:

— Господа, примите и меня-а-а...

Дѣти остановились. Помолчали немного. Кто-то сказалъ сиплымъ голосомъ:

— А на кой ты намъ лядъ!?..

И тогда всѣ заговорили разомъ:

— Иди, иди... Намъ съ тобой не велѣно водиться...

— И не треба...

— Тоже ловкій... мы по восьми копеекъ сложились...

— Хлопцы, да это же Іевлевскій панычъ. Гаранька, это — вашъ?..

— Нашъ!.. — съ суровой стыдливостью подтвердилъ мальчишка кучера.

— Проваливай! — рѣшительно сказалъ первый, осипшій мальчикъ. — Нема тутъ тебѣ компаніи...

— Самъ проваливай, — разсердился Даня: — здѣсь улица моя, а не ваша!

— И не твоя вовсе, а казенная.

— Нѣтъ, моя. Моя и папина.

— А вотъ я тебѣ дамъ по шеѣ, — тогда узнаешь, чья улица...

— А не смѣешь!.. Я папѣ пожалуюсь... А онъ тебя высѣкетъ...

— А я твоего папу ни на столечко, вотъ, не боюсь... Иди, иди, откудова пришелъ. У насъ дѣло товариское. Ты, небось, денегъ на звѣзду не давалъ, а лѣзешь...

— Я и хотѣлъ вамъ денегъ дать... цѣлыхъ пятьдесятъ копеекъ, чтобы вы меня приняли... А теперь вотъ не дамъ!..

— И все ты врешь!.. Нѣтъ у тебя никакихъ пятьдесятъ копеекъ.

— А вотъ нѣтъ — есть!..

— Покажи!.. Все ты врешь...

Даня побрянчалъ деньгами въ карманѣ.

— Слышишь?..

Мальчики замолчали въ раздумьѣ.

Наконецъ сиплый высморкался двумя пальцами и сказалъ:

— Ну-къ что̀ жъ... Давай деньги — иди въ компанію. Мы думали, что ты такъ, на шермака хочешь!.. Пѣть можешь?..

— Чего?..

— А вотъ «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»... колядки еще тоже...

— Могу, — сказалъ рѣшительно Даня.

IV.

Чудесный былъ этотъ вечеръ. Звѣзда останавливалась передъ освѣщенными окнами, заходила во всѣ дворы, спускалась въ подвалы, лазила на чердаки. Остановившись передъ дверью, предводитель группы — тотъ самый рослый мальчишка, который недавно побранился съ Даней, начиналъ сиплымъ и гнусавымъ голосомъ:

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ...»

И остальные десять человѣкъ подхватывали вразбродъ не въ тонъ, но съ большимъ воодушевленіемъ:

«Возсія мірови свѣтъ разума...»

Иногда дверь отворялась, и ихъ пускали въ переднюю. Тогда они начинали длинную, почти безконечную колядку о томъ, какъ шла царевна на крутую гору, какъ упала съ неба звѣзда-красна, какъ Христосъ народился, а Иродъ смутился. Имъ выносили отрѣзанное щедрой рукой кольцо колбасы, яицъ, хлѣба, свиного студня, кусокъ телятины. Въ другіе дома ихъ не пускали, но высылали нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Деньги прятались антрепренеромъ въ карманъ, а съѣстные припасы складывались въ одинъ общій мѣшокъ. Въ иныхъ же домахъ на звуки пѣнія быстро распахивались двери, выскакивала какая-

нибудь рыхлая, толстая баба съ вѣникомъ и кричала грозно:

— Вотъ я васъ, лайдаки, голодранцы паршивые.... Гэть!.. Кышь до дому!

Одинъ разъ на нихъ накинулся огромный городовой, закутанный въ остроконечный башлыкъ, изъ отверстія котораго торчали бѣлые, ледяные усы.

— Що вы тутъ, стрекулисты, шляетесь?.. Вотъ я васъ въ участокъ!.. По какому такому праву?.. А?..

И онъ затопалъ на нихъ ногами и зарычалъ звѣрскимъ голосомъ.

Какъ стая воробьевъ послѣ выстрѣла, разлетѣлись по всей улицѣ маленькіе христославщики. Высоко прыгала въ воздухѣ, чертя огненный слѣдъ, красная звѣзда. Данѣ было жутко и весело скакать галопомъ отъ погони, слыша, какъ его штиблеты стучатъ, точно копыта дикаго мустанга, по скользкому и невѣрному тротуару. Какой-то мальчишка, въ шапкѣ по самыя уши, перегоняя его, толкнулъ неловко бокомъ, и оба съ разбѣга ухнули лицомъ въ высокій сугробъ. Снѣгъ сразу набился Данѣ въ ротъ и въ носъ. Онъ былъ нѣженъ и мягокъ, какъ холодный невѣсомый пухъ, и прикосновеніе его къ пылавшимъ щекамъ было свѣжо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчики остановились. Городовой и не думалъ за ними гнаться.

Такъ они обошли весь кварталъ. Заходили къ лавочникамъ, къ подвальнымъ жителямъ, въ дворницкія. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюмъ Дани обращали общее вниманіе, онъ старался держаться позади. Но пѣлъ онъ, кажется, усерднѣе всѣхъ, съ разгорѣвшимися щеками и блестящими глазами, опьяненный воздухомъ, движеніемъ и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. Въ эти блаженныя, веселыя, живыя минуты онъ совершенно искренно забылъ и о позд-

немъ времени, и о домѣ, и о миссъ Дженерсъ, и обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ волшебной колядки и красной звѣзды. И съ какимъ наслажденіемъ ѣлъ онъ на ходу кусокъ толстой, холодной малороссійской колбасы съ чеснокомъ, отъ которой мерзли зубы. Никогда въ жизни не приходилось ему ѣсть ничего болѣе вкуснаго!

И потому при выходѣ изъ булочной, гдѣ звѣзду угостили теплыми витушками и сладкими кренделькамн, онъ только слабо и удивленно ахнулъ, увидя передъ собою носъ къ носу тетю Нину и миссъ Дженерсъ въ сопровожденіи лакея, швейцара, няньки и горничной.

— Слава тебѣ, Господи, нашелся наконецъ!.. Боже мой, въ какомъ видѣ! Безъ калошъ и безъ башлыка! Весь домъ съ ногъ сбился изъ-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиковъ давно уже не было вокругъ. Какъ недавно отъ городового, такъ и теперь они прыснули въ разныя стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звукъ ихъ торопливыхъ ногъ.

Тетя Нина—за одну руку, миссъ Дженерсъ—за другую повели бѣглеца домой. Мама была въ слезахъ — Богъ знаетъ, какія мысли приходили ей за эти два часа, когда всѣ домашніе, потерявъ головы, бѣгали по всѣмъ закоулкамъ дома, по сосѣдямъ и по ближнимъ улицамъ. Отецъ напрасно притворялся разгнѣваннымъ и суровымъ и совсѣмъ неудачно скрывалъ свою радость, увидѣвъ сына живымъ и невредимымъ. Онъ не меньше жены былъ взволнованъ исчезновеніемъ Дани и уже успѣлъ за это время поставить на ноги всю городскую полицію.

Съ обычной прямотой Даня подробно разсказывалъ свои приключенія. Ему пригрозили назавтра тяжелымъ наказаніемъ и послали переодѣться.

Онъ вышелъ къ своимъ маленькимъ гостямъ вымытый, свѣжій, въ новомъ красивомъ костюмѣ. Щеки его го-

рѣли отъ недавняго возбужденія, и глаза весело блестѣли послѣ мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитаннымъ мальчикомъ, съ хорошими манерами и англійскимъ языкомъ, но, добросовѣстно заглаживая свою недавнюю вину, онъ ловко шаркалъ ножкой, цѣловалъ ручку у пожилыхъ дамъ и снисходительно развлекалъ самыхъ маленькихъ малышей.

— А вѣдь Данѣ полезенъ воздухъ, — сказалъ отецъ, наблюдавшій за нимъ издали, изъ кабинета. — Вы дома его слишкомъ много держите взаперти. Посмотрите, мальчикъ пробѣгался, и какой у него здоровый видъ! Нельзя держать мальчика все время въ ватѣ.

Но дамы такъ дружно накинулись на него и наговорили сразу такую кучу ужасовъ о микробахъ, дифтеритахъ, ангинахъ и о дурныхъ манерахъ, что отецъ только замахалъ руками и воскликнулъ, весь сморщившись:

— Довольно, довольно! Будетъ... будетъ... Дѣлайте, какъ хотите... Охъ, ужъ эти мнѣ женщины!..

НА РѢКѢ.

— Панычъ! А панычъ? — послышался за окномъ торопливый шопотъ.

Я лежалъ на кровати, не раздѣваясь, и, какъ ни боролся съ дремотой, но именно въ эту самую минуту она уже начинала охватывать меня своими томными объятіями. Вслѣдъ за шопотомъ раздался осторожный, но настойчивый стукъ пальцемъ по стеклу. Это вызывалъ меня нашъ старый поваръ Емельянъ Ивановичъ, съ которымъ мы уговорились итти ночью ловить на мясо раковъ. Я всталъ и, стараясь не шумѣть, отворилъ окошко. Черезъ минуту я уже очутился на землѣ, возлѣ Емельяна Ивановича, дрожа спросонокъ и отъ волненія, возбуждаемаго во мнѣ предстоящимъ удовольствіемъ.

Съ непривычки я сначала ничего не могъ разсмотрѣть. Ночь была такъ черна, какъ бываютъ только черны жаркія безлунныя іюльскія ночи на югѣ Россіи. Въ неподвижномъ, точно лѣнивомъ воздухѣ стоялъ тягучій, сладкій ароматъ резеды, наполнявшей палисадникъ, и нѣжный, но приторный запахъ цвѣтущей липы. Ни одинъ звукъ не нарушалъ глубокой тишины, кромѣ далекаго, утихающаго тарахтѣнья телѣги.

— Мамашенька не проснулись?—спросилъ тревожнымъ шопотомъ Емельянъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не слыхалъ... Вы все захватили, Емельянъ Ивановичъ? И сачокъ? И мясо? И лейку?

— Тсс... не шумите, папычъ... Мамашенька проснутся, такъ насъ обоихъ заругаютъ... Ну, идемъ, что ли.

Мы пошли вдоль пустыря узкой дорожкой, между двумя стѣнами густого, высокаго, гораздо выше человѣческаго роста, бурьяна... Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ я натолкнусь на какое-то препятствіе, и потому я часто останавливался и, крѣпко жмуря глаза, протягивалъ впередъ руки. Мнѣ было нѣсколько жутко, но новизна впечатлѣній, а главное — ихъ запретность, придавали имъ неизъяснимую прелесть, такую прелесть, что даже и теперь, черезъ 25 лѣтъ, вспоминая объ этой ночи, я испытываю радостное и тоскливое стѣсненіе въ груди.

Вдругъ я наткнулся на Емельяна Ивановича. Онъ стоялъ и копошился надъ чѣмъ-то въ темнотѣ.

— Что̀ вы дѣлаете, Емельянъ Ивановичъ? — спросилъ я, ощупывая руками его спину.

Старикъ, видимо, старался что-то отвинтить. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ разстановками, тяжело пыхтя отъ усилій:

— Да вотъ хочу... ишь ты, какъ завернули, прахъ ихъ возьми... хочу... крышку снять съ факела... заржавѣла, должно-быть... ну, теперь пошла... пошла... готово!..

Я услышалъ чирканье спички, и керосиновый факелъ вспыхнулъ краснымъ, коптящимъ, колеблющимся пламенемъ. Лицо Емельяна Ивановича сдѣлалось суровымъ и странно измѣнилось. Отъ густыхъ бровей, носа и усовъ легли на него длинныя, косыя, дрожащія тѣни. Мы пошли дальше. Теперь мнѣ стало еще жутче, чѣмъ въ темнотѣ. Хорошо знакомые кусты бурьяна казались толпою обступившихъ насъ со всѣхъ сторонъ призраковъ, тонкихъ и расплывчатыхъ. Пламя факела трепетало съ тихимъ рокотомъ, длинная тѣнь шедшаго впереди Емельяна Ивановича металась то вправо, то влѣво, а длинные при-

зраки волновались, забѣгали впередъ, падали на землю и быстро убѣгали назадъ, исчезая въ темнотѣ за моей спиною; иногда они вдругъ сдвигались въ тѣсную толпу и покачивались, точно о чемъ-то сговариваясь между собой.

Бурьянъ кончился. Передъ нами разстилалось поле. Запахъ липы смѣнился острымъ запахомъ росистой травы и меда. Отъ недалекаго Булавина повѣяло прохладой. Въ степи кричали милліоны кузнечиковъ, и кричали такъ странно, громко и ритмично, что казалось, будто кричитъ всего одинъ кузнечикъ.

Мы спустились къ узенькой рѣчкѣ, которая ровной, спокойной, темной полосой протекала между невысокими, но крутыми берегами, поросшими густымъ лознякомъ. Около берега вода мелодично и монотонно хлюпала, огибая заливчики и обнажившіеся корни кустовъ. Емельянъ Ивановичъ выбралъ между двумя ивами удобное сухое мѣстечко и воткнулъ длинную палку факела въ глинистое дно, недалеко отъ берега. На воду тотчасъ же легло большое, дрожащее, мутно-коричневое пятно, въ серединѣ котораго зарябилось яркое отраженіе огня.

Наши приготовленія были несложны. Мы обвязали тонкой бечевкой крестъ-накрестъ большой кусокъ мяса; на аршинъ выше пристроили поплавокъ изъ сухой вѣточки, и затѣмъ Емельянъ Ивановичъ опустилъ эту приманку въ воду, держа другой конецъ въ рукахъ. Я долженъ былъ съ сачкомъ, сдѣланнымъ изъ моей старой соломенной шляпы, дожидаться, когда ракъ появится надъ водой, чтобы подхватить его. Жирное мясо опускалось очень медленно, точно тая въ коричневой водѣ. Я долго еще видѣлъ его подъ водою; наконецъ оно исчезло, и поплавокъ сталъ неподвижно.

— Вотъ мы теперь съ вами, панычъ, и табачокъ покуримъ, — сказалъ Емельянъ Ивановичъ, усаживаясь по-

лучше и расправляя ревматическія ноги.—Ишь, на томъ берегу и лошадки пасутся... травку себѣ кушаютъ...

Я загородилъ глаза ладонью отъ свѣта. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была не широка, всего шаговъ десять или пятнадцать, и я разглядѣлъ двухъ лошадей. Одна — бѣлая — стояла бокомъ и, повернувъ къ намъ костлявую шею, смотрѣла на насъ пристально и равнодушно. Дальше за ней виднѣлась только морда, наклоненная къ землѣ, и связанныя ноги другой лошади, должно-быть, гнѣдой или рыжей масти; я слышалъ, какъ она звучно фыркала и хрустѣла челюстями, пережевывая траву. Еще дальше— глазъ тонулъ въ непроницаемой, густой тьмѣ, изъ которой выдвигалось впередъ нѣсколько ближнихъ кустовъ, захваченныхъ свѣтомъ факела; сплошные купола ихъ блѣдныхъ, тонкихъ и длинныхъ листьевъ казались какой-то причудливой оперной декораціей. Звѣзды отражались въ водѣ, мерцая и расплываясь.

Поплавокъ дрогнулъ и сталъ колыхаться.

Я зашепталъ взволнованно:

— Емельянъ Ивановичъ... Клюетъ! Тащите ради Бога!..

Но старикъ только покачалъ съ досадою головой. Поплавокъ продолжалъ двигаться, описывая круги и изрѣдка коротко ныряя передней частью подъ воду. Я—стараясь не дышать, упершись ногами въ торчащій изъ рѣки пень и протянувъ впередъ палку съ сачкомъ—мучился нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Вдругъ поплавокъ совершенно исчезъ подъ водою. Емельянъ Ивановичъ медленно потянулъ веревку вверхъ. Черезъ минуту я увидѣлъ казавшійся громаднымъ кусокъ мяса и клешни вцѣпившагося въ него рака.

— Держите! — воскликнулъ старикъ и быстро дернулъ за веревку.

Я поставилъ сачокъ... Наши движенія инстинктивно и ловко сошлись: въ сачкѣ, изъ котораго звонко капала

въ рѣку вода, бился, судорожно щелкая шейкой, огромный черный ракъ. Емельянъ Ивановичъ взялъ его двумя пальцами за спину и съ торжествомъ поднялъ на воздухъ. Ракъ былъ болѣе полутора четвертей. Онъ продолжалъ щелкать шейкой, поводилъ въ стороны передними лапами, сводя и разводя клешни, и шевелилъ длинными усами. Емельянъ Ивановичъ бросилъ его въ лейку.

Послѣ перваго рака ловля пошла очень успѣшно. То и дѣло старикъ вытаскивалъ изъ сачка черныхъ уродовъ, радуясь имъ такъ же искренно и громко, какъ и я, десятилѣтній мальчишка. И къ каждому раку онъ непремѣнно приговаривалъ что-нибудь забавное, прежде чѣмъ его опустить въ лейку.

— А, господинъ рачитель, попались? — спрашивалъ онъ съ комическимъ злорадствомъ. — Пожалуйте, пожалуйте въ компанію. Тамъ вамъ веселѣе будетъ.

Или:

— Мое почтеніе, господинъ Раковскій. Ждали съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда. Милости просимъ.

Три или четыре рака отъ насъ ушли. Въ этихъ случаяхъ мы горячились и осыпали другъ друга ѣдкими упреками. Но едва поплавокъ вздрагивалъ въ водѣ, — наша вражда мгновенно утихала, и мы снова, съ дрожащими отъ волненія руками, шопотомъ подзадоривали другъ друга: «О-о! Вотъ какъ потянулъ! Должно-быть, громадный Раковецкій клюетъ!»... Въ младенческомъ восторгѣ мы называли нашихъ жертвъ самыми чудовищными именами. Необычное бодрствованіе, красота ночи и страсть рьяныхъ рыболововъ — взволновали и опьянили насъ.

Но послѣ десятка дѣло пошло хуже. Двѣнадцатаго рака мы дожидались около четверти часа.

— Что это ничего не ловится, Емельянъ Ивановичъ? — спросилъ я раздраженно.

Онъ развелъ руками:

— Господь его знаетъ. А можетъ-быть, тѣ, что отъ насъ по вашей милости ушли, взяли да и разсказали другимъ, какіе мы есть на свѣтѣ хитрые люди. Почемъ знать?

— Ну вотъ пустяки! Развѣ можетъ ракъ разсказывать что-нибудь? У него и голоса-то нѣтъ...

— Э! Вы не говорите такъ. У него голоса нѣтъ, а все-таки онъ — животное умное. Даромъ что! Ужъ какъ-нибудь тамъ... жестами, что ли, а навѣрно передастъ...

Мы молчали. На меня нашло то страшное, неподвижное очарованіе тишины, которое испытывается только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Я глядѣлъ, не отрываясь, на красный огонь факела. Въ головѣ у меня не было ни одного обрывка мысли, но ощущеніе чего-то стройнаго, прекраснаго и нѣжнаго переполняло мою душу. И въ тѣ же минуты мнѣ казалось, что я чувствую, какъ мимо меня торжественно проплываетъ что-то огромное, какъ мірозданіе...

Не время ли проходило около меня?..

Вдругъ пахнуло вѣтеркомъ. Привлеченная нашимъ огнемъ, мимо насъ низко, легко и безшумно пролетѣла какая-то большая сѣрая птица. Я вздрогнулъ. Очарованіе исчезло, и мнѣ стало немного скучно.

— Скажите, Емельянъ Ивановичъ, — спросилъ я лѣниво: — почему эта рѣка называется Булавинъ?

Старикъ пожевалъ губами.

— А Богъ ее знаетъ. Назвали Булавиномъ добрые люди, и называется она Булавиномъ.

— И все?

— Конечно, все. Разсказываютъ хохлы, что здѣсь, будто бы, въ Галочьей Скельѣ когда-то жилъ разбойникъ, по фамиліи Булавинъ... Ну, да мало ли чего эти глупые хохлы болтаютъ. Всего не переслушаешь.

Я такъ и задрожалъ отъ нетерпѣнья.

— Голубчикъ, Емельянъ Ивановичъ, разскажите. Миленькій, разскажите про Булавина...

— Да что̀ тутъ разсказывать? — проворчалъ старикъ и принялся насасывать свою короткую носогрѣйку.—Чего тутъ разсказывать-то? Ну, жилъ здѣсь, будто бы, этотъ самый Булавинъ и разбойничалъ. Былъ онъ раньше въ Пугачевской шайкѣ, а какъ Пугачева изловили да увезли въ Москву, Булавинъ сюда и перешелъ съ Яика. Набралъ онъ себѣ шайку такихъ же, какъ онъ, удалыхъ добрыхъ молодцевъ и давай крещеныхъ людей разорять да насильничать. Былъ онъ, говорятъ, лютѣе всякаго звѣря и не то, чтобы рѣзалъ и жегъ изъ нужды, а такъ себѣ... изъ удовольствія... кровь больно ужъ любилъ. Бѣднымъ людямъ Булавинъ самъ своею рукою головы рубилъ, а надъ богатыми норовилъ такъ, чтобы раньше еще натѣшиться. Нападетъ онъ, напримѣръ, на помѣщичій хуторъ, сожжетъ его до тла, разграбитъ, а потомъ мужа и жену, хозяевъ, то-есть, велитъ на колъ посадить, да еще рядышкомъ, да еще другъ къ дружкѣ лицомъ. «Любуйтесь, молъ, милуйтесь, дорогіе хозяева»... Такой звѣрь былъ страшный... А поймать его никакъ не удавалось, хотя за нимъ сколько разъ въ погоню царскія войска ходили... Былъ вчера здѣсь, а поньче нѣтъ, и поминай, какъ звали... Потому что мужики его боялись хуже смерти и доносить на него не смѣли.

— Такъ его и не поймали?

— Нѣтъ, потомъ поймали. Дѣвка его выдала. Полюбилъ онъ дѣвку, дочь здѣшняго мельника, и укралъ ее изъ родительскаго дома. Однако дѣвка эта охотою не желала итти. «Ты, говоритъ, злодѣй, ты дьяволъ во плоти, на тебѣ по самую маковку христіанская кровь засохла»... Ну, онъ ея, конечно, не послушалъ... взялъ силой. Тогда она ему и сказала: «Не хотѣлъ ты меня пожалѣть, по-

губилъ ты мою дѣвичью молодость и красоту, такъ смотри же, и я тебя не жалѣю за это». Такъ и сдѣлала. Однажды, когда Булавинъ со своими молодцами бражничалъ у жида въ корчмѣ, пошла эта самая мельничиха къ полковнику, который былъ въ погоню назначенъ, и все выдала. «Вотъ, дескать, онъ тамъ-то и тамъ, соколъ нашъ ясный, идите и возьмите его». Ну, солдаты, конечно, сейчасъ оцѣпили корчму и зажгли крышу, а какъ только Булавинъ изъ окна выпрыгнулъ, они на него неводъ набросили и связали. Потому что иначе никто къ нему приступить не рѣшался. Да. Такъ и связали его, голубчика, и отправили связаннаго въ Москву, а въ Москвѣ ему палачъ отрубилъ сначала руки, потомъ ноги, а потомъ ужъ голову. А остатки сожгли на кострѣ и прахъ развѣяли на всѣ четыре стороны...

Старикъ замолчалъ. Начинало свѣтать. Это было замѣтно по тому, что мгла стала слегка сѣроватой, и на другомъ берегу около лошадей я уже могъ разглядѣть трехъ крестьянскихъ ребятишекъ, лежавшихъ на животахъ. Емельянъ Ивановичъ вдругъ заволновался и, придвинувшись ко мнѣ, заговорилъ пониженнымъ, испуганнымъ голосомъ:

— А вѣдь это неправда, что его въ Москвѣ четвертовали, потому что въ Москву привезли не его, а какого-то другого казака. А самому Булавину Господь придумалъ другое наказаніе... Говорятъ, что ангелы Божіи схватили разбойника на руки, вынесли изъ огня и заключили въ глубокую подземную пещеру, около Галочьей Скельи... И долженъ Булавинъ въ той пещерѣ (голосъ старика становился все таинственнѣе) сидѣть до второго пришествія... Цѣпь желѣзная обвиваетъ его тѣло, а длинная-предлинная желтобрюхая змѣя день и ночь гложетъ его сердце... Хохлы, которые ѣздили мимо, говорятъ, что слышно иногда, какъ ворочается проклятый Богомъ

разбойникъ подъ землею и гремитъ своею цѣпью... все разорвать ее хочетъ...

Холодъ ужаса пробѣжалъ вдругъ волною по моему тѣлу и наежилъ волосы на головѣ. Я боялся обернуться назадъ.

— Говорятъ еще, — продолжалъ старикъ, со страхомъ озираясь кругомъ: — говорятъ еще, что разъ въ годъ выходитъ Булавинъ изъ своей пещеры... Случается это лѣтомъ, въ воробьиную ночь... Ходитъ онъ по лѣсамъ, по болотамъ и полямъ; ростомъ выше самыхъ большихъ деревьевъ, а на плечѣ у него цѣлая сосна, вмѣсто дубинки. И если въ эту ночь, спаси Господи, встрѣтитъ онъ кого-нибудь на дорогѣ, сейчасъ зареветъ страшнымъ голосомъ и своей дубинкой убиваетъ. Потому въ воробьиныя ночи никто ужъ и изъ дому не выходитъ, а старухи до утра молятся передъ образами...

Емельянъ Ивановичъ поглядѣлъ на мое искаженное ужасомъ лицо и прибавилъ съ неестественнымъ смѣхомъ:

— Ну, да вѣдь все это пустяки, басни однѣ. Мало чего хохлы ни набрешутъ. Развѣ это можетъ случиться, чтобы цѣлый вѣкъ змѣя у человѣка сердце глодала?.. Глупости однѣ... Охъ, Господи, Царица Небесная! — закряхтѣлъ старикъ, дѣлая усиліе встать. — Пойдемъ-ка, панычъ, домой... все равно больше ничего не поймаешь...

Мы собрали наше имущество и пошли. Опять, когда мы проходили бурьяномъ, суетились и плясали вокругъ насъ высокіе призраки, и я, замирая и холодѣя отъ страха, держался рукой за фалды поварова пиджака. Мнѣ все казалось, что если я погляжу въ сторону, то увижу гдѣ-нибудь на горизонтѣ шагающую съ дубинкой на плечѣ огромную человѣческую тѣнь, возвышающуюся надъ деревьями нашего сада, которыя уже обрисовывались смутно въ туманномъ разсвѣтѣ.

БАРБОСЪ И ЖУЛЬКА.

Разсказъ.

Барбосъ былъ невеликъ ростомъ, но приземистъ и широкогрудъ. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти, въ немъ замѣчалось отдаленное сходство съ бѣлымъ пуделемъ, но только съ пуделемъ, къ которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Лѣтомъ онъ постоянно съ головы до конца хвоста бывалъ унизанъ колючими «репяхами», осенью же клоки шерсти на его ногахъ, животѣ, извалявшись въ грязи и потомъ высохнувъ, превращались въ сотни коричневыхъ, болтающихся сталактитовъ. Уши Барбоса вѣчно носили на себѣ слѣды «боевыхъ схватокъ», а въ особенно горячіе періоды собачьяго флирта прямо-таки превращались въ причудливые фестоны. Такихъ собакъ, какъ онъ, искони и всюду зовутъ Барбосами. Изрѣдка только, да и то въ видѣ исключенія, ихъ называютъ Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходятъ отъ простыхъ дворняжекъ и овчарокъ. Онѣ отличаются вѣрностью, независимымъ характеромъ и тонкимъ слухомъ.

Жулька также принадлежала къ очень распространенной породѣ маленькихъ собакъ, тѣхъ тонконогихъ собачекъ съ гладкой черной шерстью и желтыми подпалинами надъ бровями и на груди, которыхъ такъ любятъ отставныя чиновницы. Основной чертой ея характера была

деликатная, почти застѣнчивая вѣжливость. Это не значитъ, чтобы она тотчасъ же перевертывалась на спину, начинала улыбаться или униженно ползала на животѣ, какъ только съ ней заговаривалъ человѣкъ (такъ поступаютъ всѣ лицемѣрныя, льстивыя и трусливыя собачонки). Нѣтъ, къ доброму человѣку она подходила съ свойственной ей смѣлой довѣрчивостью, опиралась на его колѣно своими передними лапками и нѣжно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность ея выражалась главнымъ образомъ въ манерѣ ѣсть. Она никогда не попрошайничала, наоборотъ, ее всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же къ ней во время ѣды подходила другая собака или люди, Жулька скромно отходила въ сторону съ такимъ видомъ, который какъ будто бы говорилъ: «Кушайте, кушайте, пожалуйста... Я уже совершенно сыта...» Право же, въ ней въ эти моменты было гораздо меньше собачьяго, чѣмъ въ иныхъ почтенныхъ человѣческихъ лицахъ во время хорошаго обѣда.

Конечно, Жулька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что̀ касается до Барбоса, то намъ, дѣтямъ, очень часто приходилось его отстаивать отъ справедливаго гнѣва старшихъ и пожизненнаго изгнанія во дворъ. Во-первыхъ, онъ имѣлъ весьма смутныя понятія о правѣ собственности (особенно если дѣло касалось съѣстныхъ припасовъ), а во-вторыхъ, не отличался аккуратностью въ туалетѣ. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать въ одинъ присѣстъ добрую половину жаренаго пасхальнаго индюка, воспитаннаго съ особенною любовью и откормленнаго одними орѣхами, или улечься, только-что выскочивъ изъ глубокой и грязной лужи, на праздничное, бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало маминой кровати.

Лѣтомъ къ нему относились снисходительно, и онъ обыкновенно лежалъ на подоконникѣ раскрытаго окна въ позѣ спящаго льва, уткнувъ морду между вытянутыми

передними лапами. Однако онъ не спалъ: это замѣчалось по его бровямъ, все время не перестававшимъ двигаться. Барбосъ ждалъ... Едва только на улицѣ противъ нашего дома показывалась собачья фигура, Барбосъ стремительно скатывался съ окошка, проскальзывалъ на брюхѣ въ подворотню и полнымъ карьеромъ несся на дерзкаго нарушителя территоріальныхъ законовъ. Онъ твердо памятовалъ великій законъ всѣхъ единоборствъ и сраженій: бей первый, если не хочешь быть битымъ, и поэтому наотрѣзъ отказывался отъ всякихъ принятыхъ въ собачьемъ мірѣ дипломатическихъ пріемовъ, въ родѣ предварительнаго взаимнаго обнюхиванія, угрожающаго рычанія, завиванія хвоста кольцомъ и т. д. Барбосъ, какъ молнія, настигалъ соперника, грудью сшибалъ его съ ногъ и начиналъ трызню. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубкомъ, два собачьихъ тѣла. Наконецъ Барбосъ одерживалъ побѣду. Въ то время, когда его врагъ обращался въ бѣгство, поджимая хвостъ между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назадъ, Барбосъ съ гордымъ видомъ возвращался на свой постъ на подоконникъ. Правда, что иногда при этомъ тріумфальномъ шествіи онъ сильно прихрамывалъ, а уши его украшались лишними фестонами, но, вѣроятно, тѣмъ слаще казались ему побѣдные лавры.

Между нимъ и Жулькой царствовало рѣдкое согласіе и самая нѣжная любовь. Можетъ-быть, втайнѣ Жулька осуждала своего друга за буйный нравъ и дурныя манеры, но во всякомъ случаѣ явно она никогда этого не высказывала. Она даже и тогда сдерживала свое неудовольствіе, когда Барбосъ, проглотивъ въ нѣсколько пріемовъ свой завтракъ, нагло облизываясь, подходилъ къ Жулькиной мискѣ и засовывалъ въ нее свою мокрую мохнатую морду. Вечеромъ, когда солнце жгло не такъ

сильно, обѣ собаки любили поиграть и повозиться на дворѣ. Онѣ то бѣгали одна отъ другой, то устраивали засады, то съ притворно-сердитымъ рычаніемъ дѣлали видъ, что ожесточенно грызутся между собой.

Однажды къ намъ во дворъ забѣжала бѣшеная собака. Барбосъ видѣлъ ее со своего подоконника, но, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, кинуться въ бой, онъ только дрожалъ всѣмъ тѣломъ и жалобно повизгивалъ. Собака носилась по двору изъ угла въ уголъ, нагоняя однимъ своимъ видомъ паническій ужасъ и на людей и на животныхъ. Люди попрятались за двери и боязливо выглядывали изъ-за нихъ. Всѣ кричали, распоряжались, давали безтолковые совѣты и подзадоривали другъ друга. Бѣшеная собака тѣмъ временемъ уже успѣла искусать двухъ свиней и разорвать нѣсколькихъ утокъ.

Вдругъ всѣ ахнули отъ испуга и неожиданности. Откуда-то изъ-за сарая выскочила маленькая Жулька и во всю прыть своихъ тоненькихъ ножекъ понеслась наперерѣзъ бѣшеной собакѣ. Разстояніе между ними уменьшалось съ поразительной быстротой. Потомъ онѣ столкнулись... Это все произошло такъ быстро, что никто не успѣлъ даже отозвать Жульку назадъ. Отъ сильнаго толчка она упала и покатилась по землѣ, а бѣшеная собака тотчасъ же повернула къ воротамъ и выскочила на улицу.

Когда Жульку осмотрѣли, то на ней не нашли ни одного слѣда зубовъ. Вѣроятно, собака не успѣла ее даже укусить. Но напряженіе героическаго порыва и ужасъ пережитыхъ мгновеній не прошли даромъ бѣдной Жулькѣ... Съ ней случилось что-то странное, необъяснимое. Если бы собаки обладали способностью сходить съ ума, я сказалъ бы, что она помѣшалась. Въ одинъ день она исхудала до неузнаваемости; то лежала по цѣлымъ часамъ въ какомъ-нибудь темномъ углу, то носилась по двору,

кружась и подпрыгивая. Она отказывалась отъ пищи и не оборачивалась, когда ее звали по имени.

На третій день она такъ ослабѣла, что не могла приподняться съ земли. Глаза ее, такіе же свѣтлые и умные, какъ и прежде, выражали глубокое внутреннее мученіе. По приказанію отца, ее отнесли въ пустой дровяной сарай, чтобы она могла тамъ спокойно умереть. (Вѣдь извѣстно, что только человѣкъ обставляетъ такъ торжественно свою смерть. Но всѣ животныя, чувствуя приближеніе этого омерзительнаго акта, ищутъ уединенія).

Черезъ часъ послѣ того, какъ Жульку заперли, къ сараю прибѣжалъ Барбосъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и принялся сначала визжать, а потомъ выть, поднявъ кверху голову. Иногда онъ останавливался на минуту, чтобы понюхать съ тревожнымъ видомъ и настороженными ушами щель сарайной двери, а потомъ опять протяжно и жалостно вылъ.

Его пробовали отзывать отъ сарая, но это не помогало. Его гнали и даже нѣсколько разъ ударили веревкой; онъ убѣгалъ, но тотчасъ же упорно возвращался на свое мѣсто и продолжалъ выть.

Такъ какъ дѣти вообще стоятъ къ животнымъ гораздо ближе, чѣмъ это думаютъ взрослые, то мы первые догадались, чего хочетъ Барбосъ.

— Папа, пусти Барбоса въ сарай. Онъ хочетъ проститься съ Жулькой. Пусти, пожалуйста, папа, — пристали мы къ отцу.

Онъ сначала сказалъ:—«Глупости!». Но мы такъ лѣзли къ нему и такъ хныкали, что онъ долженъ былъ уступить.

И мы были правы. Какъ только отворили дверь сарая, Барбосъ стремглавъ бросился къ Жулькѣ, безсильно лежавшей на землѣ, обнюхалъ ее и съ тихимъ визгомъ сталъ лизать ее въ глаза, въ морду, въ уши. Жулька

слабо помахивала хвостомъ и старалась приподнять голову — ей это не удалось. Въ прощаніи собакъ было что-то трогательное. Даже прислуга, глазѣвшая на эту сцену, казалась тронутой.

Когда Барбоса позвали, онъ повиновался и, выйдя изъ сарая, легъ около дверей на землѣ. Онъ уже больше не волновался и не вылъ, а лишь изрѣдка поднималъ голову и какъ будто бы прислушивался къ тому, что̀ дѣлается въ сараѣ. Часа черезъ два онъ опять завылъ, но такъ громко и такъ выразительно, что кучеръ долженъ былъ достать ключи и отворить двери. Жулька лежала неподвижно на боку. Она издохла...

БОНЗА.

Это было въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Я и мой близкій пріятель, докторъ Субботинъ, долго ходили по улицамъ города, приглядываясь къ его праздничному, такъ необычайному въ ночное время, движенію и изрѣдка обмѣниваясь впечатлѣніями. Я очень любилъ общество доктора. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него умерло четверо дѣтей, и въ концѣ концовъ жена оставила доктора послѣ того, какъ онъ убѣдился, что она его обманываетъ чуть ли не со дня женитьбы. Да и вообще во всей своей жизни Субботинъ былъ неудачникомъ, отъ школьной скамьи и до сѣдыхъ волосъ. Но несчастія не озлобили и не очерствили его сердца, а только придали его манерамъ, голосу, всему его существу отпечатокъ лѣнивой грусти. Онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ и очень внимательнымъ слушателемъ.

Наконецъ мы взобрались по длинной плитяной лѣстницѣ съ широкими и низкими ступенями на самый верхъ Ярославовой горы, господствующей надъ всѣмъ городомъ, и усѣлись на одной изъ скамеекъ, устроенныхъ для публики вдоль очень высокаго и очень крутого обрыва. У нашихъ ногъ разстилался городъ. По двойнымъ цѣпямъ газовыхъ фонарей мы могли отсюда видѣть, какъ подымались по сосѣднимъ горамъ и вились вокругъ нихъ улицы. Сіяющія колокольни церквей казались необыкновенно легкими

и точно прозрачными. Въ самомъ низу, прямо передъ нами, бѣлѣла еще не тронувшаяся рѣка съ черпѣвшими на ней зловѣщими проталинами. Около рѣки, тамъ, гдѣ лѣтомъ приставали барки, уличные огни сбились въ громадную запутанную кучу: точно большая процессія съ зажженными фонарями внезапно остановилась на одномъ мѣстѣ. Свѣтила луна. Въ прохладномъ воздухѣ, въ глубокихъ, рѣзкихъ тѣняхъ отъ домовъ и деревьевъ, въ дрожащихъ переливахъ колокольнаго звона чувствовалась весенняя нѣжность...

Я сидѣлъ, растроганный воспоминаніями тѣхъ радостныхъ и наивныхъ ощущеній, которыя въ дѣтствѣ возбуждалъ въ моей душѣ этотъ великій праздникъ. Мной постепенно овладѣла острая и сладкая грусть, всегда сопровождающая воспоминанія дѣтства, — нѣчто въ родѣ безсильнаго сожалѣнія о невозможности еще разъ испытать эти яркія и свѣжія впечатлѣнія.

И, какъ будто бы отзываясь на мои мысли, Субботинъ вдругъ заговорилъ своимъ тихимъ, протяжнымъ и грустнымъ голосомъ:

— Каждый разъ въ эту ночь я никакъ не могу оторваться памятью отъ одного событія изъ моей дѣтской жизни. Странно: ужъ, кажется, меня жизнь такъ мыкала, что много есть чего вспомнить. Но все стерлось, выдохлось, поблекло, а эта незатѣйливая исторія стоитъ передо мной съ такой удивительной живостью, будто она только вчера произошла. И когда я ее кому-нибудь разсказываю, то опять переживаю самыя мелкія детали своихъ тогдашнихъ ощущеній...

Я, болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ изъ любопытства, попросилъ доктора подѣлиться со мной этой исторіей (я видѣлъ, что ему очень хочется ее разсказать). Сначала я слушалъ разсѣянно и принужденно, слѣдя глазами за облаками, быстро набѣгавшими на мѣсяцъ и внезапно про-

никавшимися оранжевымъ сіяніемъ. Но потомъ безыскусственный разсказъ доктора мало-по-малу увлекъ меня и растрогалъ.

— Мнѣ шелъ тогда 8-й годъ. Говорятъ, что черезъ каждыя 7 лѣтъ мѣняется у человѣка и наружность, и составъ крови, и характеръ, и привычки. Можетъ-быть, въ этомъ и есть доля правды. По-моему, семилѣтній возрастъ дѣйствительно влечетъ за собою переломъ въ ребяческой душѣ: въ это время дѣти такъ жадно и безпорядочно набираются впечатлѣній, что даже худѣютъ и дѣлаются разсѣянными...

«Мы жили въ Москвѣ. Отецъ былъ вѣчно занятый, серьезный человѣкъ. У меня мало о немъ сохранилось воспоминаній: ясно представляю себѣ только его лысую голову, длинную черную бороду съ пріятнымъ запахомъ табаку и бѣлыя, большія руки. Мать — кроткая, болѣзненная женщина, очень худая и рано состарившаяся — побаивалась своего мужа, была съ нимъ нѣжна, съ оттѣнкомъ грусти, и постоянно куталась въ сѣрый платокъ изъ «козьяго пуху». Насъ, дѣтей, было трое: я и Зинаида — почти ровесники, и старшая — Надежда, совершеннолѣтняя, уже невѣста.

«Въ этомъ году за недѣлю до Пасхи возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія ея женихъ — морской офицеръ и гостилъ у насъ въ Москвѣ, въ ожиданіи Ѳоминой недѣли, на которой назначенъ былъ день свадьбы. Пребываніе Николая Николаевича въ нашемъ домѣ дѣлало приближающійся праздникъ особенно торжественнымъ. Я и Зина прекрасно знали, что̀ за приготовленія ведутся на кухнѣ, и понимали, почему они гораздо пышнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, но молчали. Дѣти почти всегда отлично понимаютъ то, что̀ имъ считаютъ лишнимъ объяснять, но изъ привычнаго недовѣрія къ взрослымъ они очень ловко таятъ отъ насъ свое пониманіе.

«Надежда важничала, чувствуя себя центромъ общаго вниманія и заботъ. Мы съ Зиной отлично видѣли, что у нея въ обыкновенное время не бываетъ ни той походки, ни того голоса, ни такой улыбки, что̀ при женихѣ, и мы объясняли себѣ это тѣмъ, что Надька «ломается» и «что-то такое изъ себя строитъ, но у нея ничего не выходитъ». Часто, подсмотрѣвъ вечеромъ, въ гостиной, какъ они цѣлуются на диванѣ, мы съ невиннымъ видомъ, взявшись за руки, проходили мимо нихъ, заставляя ихъ краснѣть и отскакивать другъ отъ друга. Ко мнѣ Надежда относилась съ тѣмъ презрительнымъ, но сторожкимъ невниманіемъ, съ какимъ всегда держатъ себя взрослыя барышни по отношенію къ братьямъ-мальчишкамъ, всегда перепачканнымъ, всегда готовымъ наступить на платье, угодить въ лицо мячомъ или съ разбѣгу подкатиться подъ ноги.

«Зато Николая Николаевича мы обожали, въ особенности я. Я прямо былъ влюбленъ въ него, влюбленъ слѣпо, страстно и безкорыстно. Онъ казался мнѣ образцомъ ума, силы и смѣлости. Я не измѣнялъ ему года четыре, и однимъ изъ моихъ любимѣйшихъ развлеченій въ гимназіи было иллюстрировать на маленькихъ, однообразнаго формата бумажкахъ всѣ тѣ, разсказанныя имъ приключенія изъ его жизни, которыя я слушалъ и сохранялъ въ памяти, какъ нѣчто священное... Да и нельзя было не любить этого высокаго, сильнаго, краснощекаго красавца съ оглушительнымъ голосомъ и заразительнымъ смѣхомъ, всегда готоваго возиться и школьничать. Онъ отъ чистаго сердца игралъ иногда съ нами, дѣтьми, и сестра Надежда глядѣла тогда на него — о, какъ мы это хорошо видѣли!—съ натянутой улыбкой на губахъ и съ ревностью во взорѣ. Мы съ Зиной показывали ей языки и исполняли за ея спиной «пляску людоѣдовъ», едва она отворачивалась отъ насъ.

«Возвратившись изъ плаванья, онъ всѣмъ намъ привезъ

подарки: чесунчу, японскія и китайскія бездѣлушки, зонтики, вѣера, кокосовые орѣхи... Особенно хороша была вещица, которую онъ подарилъ своей невѣстѣ. Она представляла миніатюрную японскую пагоду изъ старой бронзы, увѣшанную цѣпями, колокольчиками, медальонами и другими побрякушками. Дверцы пагоды были растворены настежь и позволяли видѣть сидящаго въ ней на горточкахъ фарфороваго бонзу съ качающейся головой. Эта игрушка казалась мнѣ великолѣпнѣйшимъ созданіемъ искусства. Верхомъ счастья для меня была бы возможность хоть немного подержать ее въ рукахъ и самому заставить бонзу покачать головой. Но я отлично зналъ, что Надежда никому не позволяла прикасаться къ своимъ вещамъ.

«Наступила Страстная суббота. Меня съ сестрой то и дѣло высылали изъ комнаты въ комнату, потому что мы всѣмъ мѣшали. — «Хоть бы вы занялись чѣмъ-нибудь», — говорила мать, которой мы ежеминутно попадались подъ ноги. Но мы слишкомъ были заинтересованы всѣмъ происходившимъ въ домѣ, чтобы чѣмъ-нибудь заняться.

«Вечеромъ въ полутемной залѣ разставили столы, накрытые новыми скатертями. Заглядывая украдкой въ двери, отворявшіяся лишь на мгновеніе, мы мелькомъ видѣли покрывавшіе эти столы куличи, пасхи, окорока, бутылки и еще какіе-то предметы. До насъ доносился даже запахъ сдобнаго тѣста и ванили.

«По мѣрѣ того, какъ приближалось время заутрени, наши нервы напрягались и волненіе росло. Въ комнатахъ было темно, взрослые говорили мало и вполголоса, и все это, въ связи съ таинственными приготовленіями въ залѣ, настраивало насъ на ожиданіе чего-то чудеснаго, прекраснаго и неожиданнаго.

«Однако мы такъ устали и переволновались за день,

что часовъ въ 10 вечера уже не въ силахъ были бороться со сномъ и прикурнули въ углу широкаго турецкаго дивана въ гостиной. Засыпая, я случайно слышалъ, какъ въ залѣ разговаривали сдержанные голоса и звенѣла посуда.

«Потомъ насъ разбудили. Еще не проснувшагося, дрожащаго отъ холода и волненія, меня одѣли въ лиловый бархатный костюмчикъ съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ и повели въ гостиную. Тамъ уже всѣ были въ сборѣ: отецъ во фракѣ, надушенный и представительный, мать въ палевомъ широкомъ робронѣ, Надежда, казавшаяся чопорной въ бѣломъ платьѣ, и Николай Николаевичъ въ новомъ мундирѣ, въ широко открытой, ослѣпительно-бѣлой, туго накрахмаленной рубашкѣ. Всѣ суетились, хотя и говорили вполголоса, а эти быстрыя приготовленія придавали намъ такой видъ, какъ будто бы мы составляли важный заговоръ.

«Все, что происходило дальше, слилось для меня въ одно сплошное и сложное впечатлѣніе блеска и радости. Я помню въ этомъ блаженномъ снѣ только нѣкоторые моменты. Когда крестный ходъ, обойдя вокругъ церкви, приблизился къ распахнувшимся среднимъ дверямъ входа, то ожиданіе чуда, которое сейчасъ, вотъ сію секунду должно произойти, наполнило меня трепетомъ радостнаго испуга. За дверями стройные голоса, какъ будто бы дрожащіе отъ восторга, громко запѣли: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ». Священникъ вошелъ въ новой ризѣ и привѣтливымъ, звучнымъ голосомъ, благословляя прихожанъ трехсвѣчникомъ, принесъ намъ ту радостную вѣсть, которую мы такъ нетерпѣливо ожидали: «Христосъ воскресе!». И я, замирая и холодѣя отъ восторга, сознавая, что и я участвую въ общей великой радости, выкрикивамъ громко: «Воистину воскресъ!».

«Николай Николаевичъ, похристосовавшись со мною,

поднялъ меня на рукахъ кверху, и я увидѣлъ цѣлое море обнаженныхъ головъ и горящихъ свѣчъ. Я обернулся назадъ и увидѣлъ множество свѣтлыхъ и добрыхъ лицъ, съ глазами, которые ярко блестятъ, отражая пламя свѣчъ. Даже сестра Надежда показалась очень прекрасной въ этотъ моментъ. Лицо ея, близко-освѣщаемое свѣчой, сдѣлалось бѣлымъ и нѣжнымъ, глаза потемнѣли и сверкали, отъ бровей падали на лобъ длинныя тѣни, и зубы красиво блестѣли, когда она улыбалась, не поворачивая головы, Николаю Николаевичу.

«Домой мы шли, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи и стараясь, чтобы онѣ не потухли. Но только одной мамѣ удалось донести свѣчу, и она провела огнемъ отъ нея крестъ на косякѣ парадныхъ дверей.

«Въ залѣ было такъ свѣтло и весело, что я не узналъ ея. Оживленно разговаривая и шумя стульями, мы усаживались за столъ. Въ это время сестра Надежда, пожимая плечами, сказала, что ей холодно. Растроганный заутреней и ожиданіемъ многихъ вкусныхъ вещей, я взялся принести ей изъ ея комнаты платокъ. Она согласилась и, когда я со свѣчой въ рукахъ побѣжалъ изъ залы, она крикнула мнѣ вслѣдъ:

«— Только, смотри, ничего не трогай у меня на комодѣ!

«Я очень скоро нашелъ ея платокъ, который лежалъ на спинкѣ кресла, и уже вышелъ изъ дверей комнаты, какъ вдругъ за моей спиной раздался звонъ и трескъ бьющагося фарфора. Я обернулся и увидѣлъ японскую пагоду лежащей на полу и рядомъ съ ней разбитаго бонзу.

«Какъ это могло случиться, я не понимаю, но задѣть игрушку я во всякомъ случаѣ не могъ, потому что проходилъ отъ нея шагахъ въ пяти. Я поднялъ бонзу съ полу и съ чувствомъ жалости къ нему сталъ приставлять одинъ къ другому поломанные бока его туловища. Вдругъ я услышалъ быстрые шаги Надежды, привлеченной, вѣ-

роятно, шумомъ упавшей игрушки. Повинуясь мгновенному чувству страха, что меня могутъ заподозрѣть въ нечаянной или умышленной порчѣ сестриной вещи, я быстро бросилъ обломки на полъ, но сдѣлалъ это такъ неловко, что вбѣжавшая сестра замѣтила мое движеніе.

«— Что̀ ты надѣлалъ, дрянной мальчишка? — закричала она, хватая меня за плечо. — Вѣдь я тебѣ говорила, чтобы ты не трогалъ моихъ вещей. Какъ ты смѣлъ?.. Какъ ты смѣлъ?

«Она была ужасно разсержена и, крѣпко вцѣпившись въ мое плечо, повлекла меня въ залу.

«— Посмотри, папа, что̀ онъ надѣлалъ, — жаловалась она со слезами въ голосѣ, показывая при этомъ черепки разбитой игрушки.—Это онъ нарочно, нарочно сдѣлалъ, скверный мальчишка.

«И она расплакалась.

«— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? — спросилъ отецъ строгимъ голосомъ, вынимая изъ рукъ Надежды обломки и такъ же, какъ я за минуту передъ этимъ, машинально составляя ихъ вмѣстѣ.—Сестра вѣдь предупреждала тебя!

«Я отвѣчалъ, запкаясь:

«— Папа, честное слово... это... не я... Я до нея... даже... не дотрогивался. Она сама упала, когда я выходилъ.

«— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! — взвизгнула Надежда, отрывая платокъ отъ мокраго и злого лица. — Я сама видѣла, какъ онъ бросилъ куски на полъ.

«— Зачѣмъ же ты еще лжешь? — спросилъ отецъ, нахмуриваясь.—Если у тебя въ рукахъ были куски, значитъ, ты бралъ эту вещь.

«Но я краснѣлъ, чувствуя, что всѣ подозрѣваютъ меня во лжи, и только твердилъ:

«— Это не я... это не я... Я выходилъ, а она вдругъ упала... Я взялъ ее съ полу, чтобы посмотрѣть.

«Тогда вступилась мама.

«— Послушай, Дмитрій, зачѣмъ ты намъ портишь такой великій праздникъ? Признайся и попроси у Нади извиненія... И все будетъ кончено.

«Лицо у нея было доброе и испуганное; ей, повидимому, хотѣлось поскорѣе прекратить эту непріятную исторію. Николай Николаевичъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ тарелку, и я видѣлъ, что онъ мучится за меня. Зина, выпрямившись на стулѣ, глядѣла взрослымъ въ глаза и всѣмъ своимъ видомъ благонравной дѣвочки точно хотѣла сказать: вы видите, это только онъ такой дурной мальчикъ, а я всегда веду себя хорошо и стараюсь никогда не огорчать папу и маму.

«— Я прошу тебя не вмѣшиваться,—сурово перебилъ отецъ маму. — Онъ самъ долженъ знать, что̀ ему дѣлать.

«Я чувствовалъ въ эту минуту, что исполни я требованіе матери, и все обошлось бы хорошо. Меня пожурили бы немного, но потомъ всѣ бы смягчились, не желая портить хорошаго настроенія... Но во мнѣ заговорила гордость, и я упрямо, но съ ужасомъ въ сердцѣ, повторялъ:

«— Это не я... это не я... Онъ самъ упалъ и разбился.

«Тогда отецъ, раздраженный и покраснѣвшій, схватилъ меня очень больно за шею и вытолкнулъ изъ комнаты.

«— Ты лгунъ, и тебѣ не мѣсто съ честными людьми,— закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ. — Убирайся въ свою комнату и не смѣй приходить сюда!

«Я убѣжалъ и бросился на свою кровать, лицомъ въ подушки. Сначала мнѣ казалось, что я задохнусь отъ избытка слезъ, кипѣвшихъ у меня въ груди и острымъ клубкомъ распиравшихъ мое горло. Я царапалъ подушку ногтями и грызъ ее. Потомъ слезы прекратились, но мнѣ уже нравились эти слезы несправедливо обиженнаго и

страдающаго мальчика, и я силился ихъ вызывать воспоминаніемъ нанесенной мнѣ обиды. Наконецъ глаза мои совсѣмъ высохли, и только легкое чувство насморка и жажда напоминали о слезахъ.

«Тогда я далъ волю своему воображенію. Я рѣшилъ завтра же убѣжать изъ дому, захвативъ предварительно въ кухнѣ побольше хлѣба, и поступить въ монастырь. Я чрезвычайно живо представлялъ себѣ, какъ привратникъ ведетъ меня къ настоятелю. «Что̀ же васъ привело въ монастырь? — спрашиваетъ меня настоятель, сѣдой, высокій старикъ, съ длинной бородой, въ черной скуфьѣ съ нашитымъ на ней бѣлымъ крестомъ. — Вы еще молоды, чтобы отречься отъ міра». Но я отвѣчаю ему: «Святой отецъ, меня изгнала изъ дому ненависть моихъ родителей. Меня преслѣдовали, мучили и... и даже сказали, что я разбилъ японскаго бонзу»... Потомъ я представлялъ себѣ, какъ отецъ и мать, долго отыскивавшіе меня, пріѣзжаютъ наконецъ въ монастырь и узнаютъ меня въ черной монашеской одеждѣ. Они со слезами просятъ меня воротиться къ нимъ, раскаиваясь въ своихъ подозрѣніяхъ относительно бонзы. Я, конечно, прощаю ихъ, но мнѣ невозможно воротиться. Увы!.. Теперь уже слишкомъ поздно. Я посвятилъ себя Богу.

«И много другихъ то мстительныхъ, то великодушныхъ картинъ рисовалось въ моемъ воображеніи. Черезъ полчаса дверь дѣтской тихо скрипнула, и я услышалъ голосъ Николая Николаевича, спрашивающій тихо:

«— Гдѣ ты, Митя?

«Я молчалъ. Да мнѣ, огорченному такъ жестоко и незаслуженно, какъ-то и неловко было бы отвѣчать.

«Но онъ самъ въ темнотѣ отыскалъ меня, нагнулся надо мной и, щекоча мои щеки своими душистыми усами, сталъ меня цѣловать:

«— Иди, Митя, въ залу, иди, голубчикъ, — говорилъ

онъ ласково. — Сдѣлай мнѣ удовольствіе, если меня любишь. Ну извинись, ну что тебѣ стоитъ? Пойдемъ вмѣстѣ.

«Но я, хотя и расплакался, согрѣтый этой нежданной лаской, все-таки отказывался еще упорнѣе, чѣмъ раньше, выйти въ залу. И Николай Николаевичъ вздохнулъ и, потрепавъ меня по спинѣ, оставилъ меня въ покоѣ.

«Ужъ разсвѣтало, когда пришла мама, чтобы раздѣть младшую сестру. Она подошла къ моей кровати и пристально посмотрѣла на меня. Но я притворился спящимъ. Она перекрестила меня и, придвинувъ къ моей постели столъ, поставила на него кусокъ пасхи, ломоть кулича и красное яичко».

Докторъ Субботинъ помолчалъ, поерошилъ подъ шляпой волосы и прибавилъ:

— И вотъ, сколько со мной потомъ ни случалось огорченій и передрягъ, а эта непріятность съ японскимъ болванчикомъ одна только не изгладилась изъ моей памяти и стоитъ въ ней точно живая. И всегда это воспоминаніе о первой людской несправедливости, которую я испыталъ, вызываетъ во мнѣ печальное и нѣжное воспоминаніе.

ТАПЕРЪ.

Разсказъ.

Двѣнадцатилѣтняя Тиночка Руднева влетѣла, какъ разрывная бомба, въ комнату, гдѣ ея старшія сестры одѣвались, съ помощью двухъ горничныхъ, къ сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, съ разлетѣвшимися кудряшками на лбу, вся розовая отъ быстраго бѣга, она была въ эту минуту похожа на хорошенькаго мальчишку.

— Mesdames, а гдѣ же таперъ? Я спрашивала у всѣхъ въ домѣ, и никто ничего не знаетъ. Тотъ говоритъ—мнѣ не приказывали, тотъ говоритъ — это не мое дѣло... У насъ постоянно, постоянно такъ,—горячилась Тиночка, топая каблукомъ о полъ. — Всегда что-нибудь перепутаютъ, забудутъ и потомъ начинаютъ сваливать другъ на друга...

Самая старшая изъ сестеръ — Лидія Аркадьевна стояла передъ трюмо. Повернувшись бокомъ къ зеркалу и изогнувъ назадъ свою прекрасную обнаженную шею, она, слегка прищуривая близорукіе глаза, закалывала въ волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась къ «мелюзгѣ» съ холоднымъ и вѣжливымъ презрѣніемъ. Взглянувъ на отраженіе Тины въ зеркалѣ, она замѣтила съ неудовольствіемъ:

— Больше всего въ домѣ безпорядка дѣлаешь, ко-

нечно, ты,—сколько разъ я тебя просила, чтобы ты не вбѣгала, какъ сумасшедшая, въ комнаты.

Тина насмѣшливо присѣла и показала зеркалу языкъ. Потомъ она обернулась къ другой сестрѣ Татьянѣ Аркадьевнѣ, около которой возилась на полу модистка, подметывая на живую нитку низъ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что отъ нашей Несмѣяны-царевны ничего, кромѣ наставленій, не услышишь. Танечка, голубушка, какъ бы ты тамъ все это устроила. Меня никто не слушается, только смѣются, когда я говорю... Танечка, пойдемъ, пожалуйста, а то вѣдь скоро шесть часовъ, черезъ часъ и елку будемъ зажигать...

Тина только въ этомъ году была допущена къ устройству елки. Не далѣе какъ на прошлое Рождество ее въ это время запирали съ младшей сестрой Катей и съ ея сверстницами въ дѣтскую, увѣряя, что въ залѣ нѣтъ никакой елки, а что «просто только пришли полотеры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особыя привилегіи, ровнявшія ее нѣкоторымъ образомъ со старшими сестрами, она волновалась больше всѣхъ, хлопотала и бѣгала за десятерыхъ, попадаясь ежеминутно кому-нибудь подъ ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздникахъ въ рудневскомъ домѣ.

Семья Рудневыхъ принадлежала къ одной изъ самыхъ безалаберныхъ, гостепріимныхъ и шумныхъ московскихъ семей, обитающихъ испоконъ вѣка въ окрестностяхъ Прѣсни, Новинскаго и Конюшковъ и создавшихъ когда-то Москвѣ ея репутацію хлѣбосольнаго города. Домъ Рудневыхъ,—большой ветхій домъ до-екатерининской постройки, со львами на воротахъ, съ широкимъ подъѣзднымъ дворомъ и съ массивными бѣлыми колоннами у параднаго,—круглый годъ съ утра до поздней ночи кишѣлъ

народомъ. Пріѣзжали безъ всякаго предупрежденія, «сюрпризомъ», какіе-то сосѣди по наровчатскому или инсарскому имѣнію, какіе-то дальніе родственники, которыхъ до сихъ поръ никто въ глаза не видалъ и не слыхалъ объ ихъ существованіи, — и гостили по мѣсяцамъ. Къ Аркашѣ и Митѣ десятками ходили товарищи, мѣнявшіе съ годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами, потомъ юнкерами и студентами и наконецъ безусыми офицерами или щеголеватыми, преувеличенно серьезными помощниками присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣвочекъ постоянно навѣщали подруги всевозможныхъ возрастовъ, начиная отъ Катиныхъ свертницъ, приводившихъ съ собою въ гости своихъ куколъ, и кончая пріятельницами Лидіи, которыя говорили о Марксѣ и объ аграрной системѣ и вмѣстѣ съ Лидіей стремились на высшіе женскіе курсы. На праздникахъ, когда вся эта веселая, задорная молодежь собиралась въ громадномъ рудневскомъ домѣ, вмѣстѣ съ нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей, наивной, поэтической и шаловливой влюбленности.

Эти дни бывали днями полной анархіи, приводившей въ отчаяніе прислугу. Всѣ условныя понятія о времени, разграниченномъ, «какъ у людей», чаемъ, завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, смѣшивались въ шумной и безпорядочной суетѣ. Въ то время, когда одни кончали обѣдать, другіе только-что начинали пить утренній чай, а третьи цѣлый день пропадали на каткѣ въ Зоологическомъ саду, куда забирали съ собой гору бутербродовъ. Со стола никогда не убирали, и буфетъ стоялъ открытымъ съ утра до вечера. Несмотря на это, случалось, что молодежь, проголодавшись совсѣмъ въ неуказанное время, послѣ коньковъ или поѣздки на балаганы, отправляла на кухню депутацію къ Акинфычу съ просьбой приготовить «что-нибудь вкусненькое». Ста-

рый пьяница, но глубокій знатокъ своего дѣла, — Акинфычъ сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчалъ на депутацію. Тогда въ ходъ пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись въ Москвѣ хорошіе повара, что только у стариковъ и сохранилось еще неприкосновеннымъ уваженіе къ святости кулинарнаго искусства и т. д. Кончалось тѣмъ, что задѣтый за живое Акинфычъ сдавался и, пробуя на большомъ пальцѣ острее ножа, говорилъ съ напускной суровостью:

— Ладно ужъ, ладно... будетъ пѣть-то... Сколько васъ тамъ, галчата?

Ирина Алексѣевна Руднева—хозяйка дома—почти никогда не выходила изъ своихъ комнатъ, кромѣ особенно торжественныхъ, офиціальныхъ случаевъ. Урожденная княжна Ознобишина, послѣдній отпрыскъ знатнаго и богатаго рода, — она разъ навсегда рѣшила, что общество ея мужа и дѣтей слишкомъ «мескинно» и «брютально», и потому равнодушно «иньорировала» его, развлекаясь визитами къ архіереямъ и поддержаніемъ знакомства съ такими же, какъ она сама, окаменѣлыми потомками родовъ, уходящихъ въ сѣдую древность. Впрочемъ, мужа своего Ирина Алексѣевна не уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вѣроятно, имѣла для этого основанія, такъ какъ Аркадій Николаевичъ, извѣстный всей Москвѣ гурманъ, игрокъ и щедрый покровитель балетнаго искусства, до сихъ поръ еще, несмотря на свои 50 съ лишкомъ лѣтъ, не утратилъ заслуженной репутаціи дамскаго угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцемъ, когда онъ, опоздавъ на десять минутъ къ началу дѣйствія и обращая на себя общее вниманіе, входилъ въ зрительную залу Большого театра—элегантный и самоувѣренный, съ гордо поставленной на осанистомъ туловищѣ, породистой, слегка сѣдѣющей головой.

Аркадій Николаевичъ рѣдко показывался домой, потому что обѣдалъ онъ постоянно въ Англійскомъ клубѣ, а по вечерамъ ѣздилъ туда же играть въ карты, если въ театрѣ не шелъ интересный балетъ. Въ качествѣ главы дома, онъ занимался исключительно тѣмъ, что закладывалъ и перезакладывалъ то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая въ будущее съ безпечностью избалованнаго судьбой грансеньора. Привыкнувъ съ утра до вечера вращаться въ большомъ обществѣ, онъ любилъ, чтобы и въ домѣ у него было шумно и оживленно. Изрѣдка ему нравилось сюрпризомъ устроить для своей молодежи неожиданное развлеченіе и самому принять въ немъ участіе. Это случалось большею частью на другой день послѣ крупнаго выигрыша въ клубѣ.

— Молодые республиканцы! — говорилъ онъ, входя въ гостиную и сіяя своимъ свѣжимъ видомъ и очаровательной улыбкой: — вы, кажется, скоро всѣ заспете отъ вашихъ серьезныхъ разговоровъ. Кто хочетъ ѣхать со мной за городъ? Дорога прекрасная: солнце, снѣгъ и морозецъ. Страдающихъ зубной болью и міровой скорбью прошу оставаться дома подъ надзоромъ нашей почтеннѣйшей Олимпіады Савичны...

Посылали за тройками къ Ечкину, скакали, сломя голову, за Тверскую заставу, обѣдали въ «Мавританіи» или въ «Стрѣльнѣ» и возвращались домой поздно вечеромъ, къ большому неудовольствію Ирины Алексѣевны, смотрѣвшей брезгливо на эти «эскапады дурного тона». Но молодежь нигдѣ такъ безумно не веселилась, какъ именно въ этихъ эскападахъ, подъ предводительствомъ Аркадія Николаевича.

Неизмѣнное участіе принималъ ежегодно Аркадій Николаевичъ и въ елкѣ. Этотъ дѣтскій праздникъ почему-то доставлялъ ему своеобразное, наивное удовольствіе. Никто изъ домашнихъ не умѣлъ лучше его при-

думать каждому подарокъ по вкусу, и потому въ затруднительныхъ случаяхъ старшія дѣти прибѣгали къ его изобрѣтательности.

— Папа, ну что̀ мы подаримъ Колѣ Радомскому? — спрашивали Аркадія Николаевича дочери. — Онъ большой такой, гимназистъ послѣдняго класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачѣмъ же игрушку? — возражалъ Аркадій Николаевичъ. — Самое лучшее купите для него хорошенькій портсигаръ. Юноша будетъ польщенъ такимъ солиднымъ подаркомъ. Теперь очень хорошенькіе портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намекните этому Колѣ, чтобы онъ не стѣснялся при мнѣ курить. А то давеча, когда я вошелъ въ гостиную, такъ онъ папироску въ рукавъ спряталъ...

Аркадій Николаевичъ любилъ, чтобы у него елка выходила на славу, и всегда приглашалъ къ ней оркестръ Рябова. Но въ этомъ году *) съ музыкой произошелъ цѣлый рядъ роковыхъ недоразумѣній. Къ Рябову почему-то послали очень поздно; оркестръ его, раздѣляемый на праздникахъ на три части, оказался уже разобраннымъ. Маэстро въ силу давняго знакомства съ домомъ Рудневыхъ обѣщалъ однако какъ-нибудь устроить это дѣло, надѣясь, что въ другомъ домѣ перемѣнятъ день елки, но по неизвѣстной причинѣ замедлилъ отвѣтомъ, и когда бросились искать въ другія мѣста, то во всей Москвѣ не оказалось ни одного оркестра. Аркадій Николаевичъ разсердился и велѣлъ отыскать хорошаго тапера, но кому отдалъ это приказаніе, онъ и самъ теперь не помнилъ. Этотъ «кто-то», навѣрно, свалилъ данное ему порученіе на

*) Разсказъ нашъ относится къ 1885 году. Кстати замѣтимъ, что основная фабула его покоится на дѣйствительномъ фактѣ, сообщенномъ автору въ Москвѣ М. А. З — вой, близко знавшей семью, названную въ разсказѣ вымышленной фамиліей Рудневыхъ.

другого, другой—на третьяго, перевравъ, по обыкновенію, его смыслъ, а третій въ общей сумятицѣ и совсѣмъ забылъ о немъ...

Между тѣмъ пылкая Тина успѣла уже взбудоражить весь домъ. Почтенная экономка, толстая, добродушная Олимпіада Савична, говорила, что и взаправду баринъ ей наказывалъ распорядиться о танерѣ, если не пріѣдетъ музыка, и что она объ этомъ тогда же сказала камердинеру Лукѣ. Лука, въ свою очередь, оправдывался тѣмъ, что его дѣло ходить около Аркадія Николаевича, а не бѣгать по городу за фортепьянщиками. На шумъ прибѣжала изъ барышниныхъ комнатъ горничная Дуняша, подвижная и ловкая, какъ обезьяна, кокетка и болтунья, считавшая долгомъ ввязываться непремѣнно въ каждое непріятное происшествіе. Хотя ея и никто не спрашивалъ, но она совалась къ каждому съ жаркими увѣреніями, что пускай ее Богъ разразитъ на этомъ мѣстѣ, если она хоть краешкомъ уха что-нибудь слышала о танерѣ. Неизвѣстно, чѣмъ окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, веселая блондинка, которую вся прислуга обожала за ея ровный характеръ и удивительное умѣніе улаживать внутреннія междоусобицы.

— Однимъ словомъ, мы такъ не кончимъ до завтрашняго дня,—сказала она своимъ спокойнымъ, слегка насмѣшливымъ, какъ у Аркадія Николаевича, голосомъ. — Какъ бы то ни было, Дуняша сейчасъ же отправится разыскивать танера. Покамѣстъ ты будешь одѣваться, Дуняша, я тебѣ выпишу изъ газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать елки, потому что сію минуту начнутъ съѣзжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпіады Савичны...

Едва она успѣла это произнести, какъ у дверей передней громко затрещалъ звонокъ. Тина уже бѣжала туда

стремглавъ, навстрѣчу цѣлой толпѣ дѣтишекъ, улыбающихся, румяныхъ съ мороза, запушенныхъ снѣгомъ и внесшихъ за собою запахъ зимняго воздуха, крѣпкій и здоровый, какъ запахъ свѣжихъ яблоковъ. Оказалось, что двѣ большія семьи — Лыковыхъ и Масловскихъ — столкнулись случайно, одновременно подъѣхавъ къ воротамъ. Передняя сразу наполнилась говоромъ, смѣхомъ, топотомъ ногъ и звонкими поцѣлуями.

Звонки раздавались одинъ за другимъ почти непрерывно. Пріѣзжали все новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успѣвали справляться съ ними. Взрослыхъ приглашали въ гостиную, а маленькихъ завлекали въ дѣтскую и въ столовую, чтобы запереть ихъ тамъ предательскимъ образомъ. Въ залѣ еще не зажигали огня. Огромная елка стояла посрединѣ, слабо рисуясь въ полутьмѣ своими фантастическими очертаніями и наполняя комнату смолистымъ ароматомъ. Тамъ и здѣсь на ней тускло поблескивала, отражая свѣтъ уличнаго фонаря, позолота цѣпей, орѣховъ и картонажей.

Дуняша все еще не возвращалась, и подвижная, какъ ртуть, Тина сгорала отъ нетерпѣливаго безпокойства. Десять разъ подбѣгала она къ Танѣ, отводила ее въ сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, какъ же теперь намъ быть?.. Вѣдь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла къ старшей сестрѣ и сказала вполголоса:

— Я ужъ и не придумаю, что̀ дѣлать. Придется попросить тетю Соню поиграть немного... А потомъ я ее сама какъ-нибудь замѣню.

— Благодарю покорно, — насмѣшливо возразила Лидія.—Тетя Соня будетъ потомъ насъ цѣлый годъ своимъ одолженіемъ донимать. А ты такъ хорошо играешь, что ужъ лучше совсѣмъ безъ музыки танцовать.

Въ эту минуту къ Татьянѣ Аркадьевнѣ подошелъ, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша проситъ васъ на секунду выйти къ нимъ.

— Ну что̀, привезла? — спросили въ одинъ голосъ всѣ три сестры.

— Пожалуйте-съ. Извольте-съ посмотрѣть сами, — уклончиво отвѣтилъ Лука. — Они въ передней... Только что-то сомнительно-съ... Пожалуйте.

Въ передней стояла Дуняша, еще не снявшая шубки, закиданной комьями грязнаго снѣга. Сзади ея копошилась въ темномъ углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая желтый башлыкъ, окутывавшій ея голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь къ самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня Богъ — въ пяти мѣстахъ была и ни одного тапера не застала. Вотъ нашла этого мальца, да ужъ и сама не знаю, годится ли. Убей меня Богъ, только одинъ и остался. Божится, что игралъ на вечерахъ и на свадьбахъ, а я почему могу знать...

Между тѣмъ маленькая фигурка, освободившись отъ своего башлыка и пальто, оказалась блѣднымъ, очень худощавымъ мальчикомъ въ подержаномъ мундирчикѣ реальнаго училища. Понимая, что рѣчь идетъ о немъ, онъ въ неловкой выжидательной позѣ держался въ своемъ углу, не рѣшаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросивъ на него украдкой нѣсколько взглядовъ, сразу опредѣлила про себя, что этотъ мальчикъ застѣнчивъ, бѣденъ и самолюбивъ. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и съ очень тонкими чертами; нѣсколько наивный видъ ему придавали вихры темныхъ волосъ, завивающихся «гнѣздышками» по обѣимъ сторонамъ высокаго лба, но большіе сѣрые глаза — слишкомъ большіе для такого худенькаго дѣтскаго лица — смотрѣли умно,

твердо и не по-дѣтски серьезно. По первому впечатлѣнію мальчику можно было дать лѣтъ 11—12.

Татьяна сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и, сама стѣсняясь не меньше его, спросила нерѣшительно:

— Вы говорите, что вамъ уже приходилось... играть на вечерахъ?

— Да... я игралъ,—отвѣтилъ онъ голосомъ, нѣсколько сиплымъ отъ мороза и отъ робости. — Вамъ, можетъ-быть, оттого кажется, что я такой маленькій...

— Ахъ нѣтъ, вовсе не это... Вамъ вѣдь лѣтъ 13, должно-быть?

— Четырнадцать-съ.

— Это, конечно, все равно. Но я боюсь, что безъ привычки вамъ будетъ тяжело.

Мальчикъ откашлялся.

— О, нѣтъ, не безпокойтесь... Я уже привыкъ къ этому. Мнѣ случалось играть по цѣлымъ вечерамъ, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрѣла на старшую сестру. Лидія Аркадьевна, отличавшаяся страшнымъ безсердечіемъ по отношенію ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умѣете, молодой человѣкъ, играть кадриль

Мальчикъ качнулся туловищемъ впередъ, что́ должно было означать поклонъ.

— Умѣю-съ.

— И вальсъ умѣете?

— Да-съ.

— Можетъ-быть, и польку тоже?

Мальчикъ вдругъ густо покраснѣлъ, но отвѣтилъ сдержаннымъ тономъ:

— Да, и польку тоже.

— А лансье? — продолжала дразнить его Лидія.

— Laissez donc, Lidie, vous étez impossible,—строго замѣтила Татьяна Аркадьевна.

Большіе глаза мальчика вдругъ блеснули гнѣвомъ и насмѣшкой. Даже напряженная неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вамъ угодно, mademoiselle, — рѣзко повернулся онъ къ Лидіи:—то, кромѣ полекъ и кадрилей, я играю еще всѣ сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодіи Листа.

— Воображаю! — дѣланно, точно актриса на сценѣ, уронила Лидія, задѣтая этимъ самоувѣреннымъ отвѣтомъ.

Мальчикъ перевелъ глаза на Таню, въ которой онъ инстинктивно угадалъ заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выраженіе.

— Пожалуйста, прошу васъ... позвольте мнѣ что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, какъ больно затронула Лидія самолюбіе мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на мѣстѣ и захлопала въ ладоши отъ радости, что эта противная гордячка Лидія сейчасъ получитъ щелчокъ.

— Конечно, Танечка, конечно, пускай сыграетъ, — упрашивала она сестру и вдругъ со своей обычной стремительностью, схвативъ за руку маленькаго піаниста, она потащила его въ залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется съ носомъ... Ничего, ничего.

Неожиданное появленіе Тины, влекшей на буксирѣ застѣнчиво улыбавшагося реалистика, произвело общее недоумѣніе. Взрослые одинъ за другимъ переходили въ залу, гдѣ Тина, усадивъ мальчика на выдвижной табуретъ, уже успѣла зажечь свѣчи на великолѣпномъ шредеровскомъ фортепіано.

Реалистъ взялъ наугадъ одну изъ толстыхъ, переплетенныхъ въ шагрень нотныхъ тетрадей и раскрылъ ее. За-

тѣмъ, обернувшись къ дверямъ, въ которыхъ стояла Лидія, рѣзко выдѣляясь своимъ бѣлымъ атласнымъ платьемъ на черномъ фонѣ неосвѣщенной гостиной, онъ спросилъ:

— Угодно вамъ «Rapsodie Hongroise» № 2 Листа?

Лидія пренебрежительно выдвинула впередъ нижнюю губу и ничего не отвѣтила. Мальчикъ бережно положилъ руки на клавиши, закрылъ на мгновеніе глаза, и изъ-подъ его пальцевъ полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодіи. Странно было видѣть и слышать, какъ этотъ маленькій человѣчекъ, голова котораго едва виднѣлась изъ-за пюпитра, извлекалъ изъ инструмента такіе мощные, смѣлые, полные звуки. И лицо его какъ будто бы сразу преобразилось, просвѣтлѣло и стало почти прекраснымъ; блѣдныя губы слегка полуоткрылись, а глаза еще больше увеличились и сдѣлались глубокими, влажными и сіяющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадій Николаевичъ, любившій музыку и знавшій въ ней толкъ, вышелъ изъ своего кабинета. Подойдя къ Танѣ, онъ спросилъ ее на ухо:

— Гдѣ вы достали этого карапуза?

— Это таперъ, папа, — отвѣтила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играетъ?

— Таперъ? Такой маленькій? Неужели? — удивлялся Рудневъ. — Скажите, пожалуйста, какой мастеръ! Но вѣдь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня разсказала отцу о сценѣ, происшедшей въ передней, Аркадій Николаевичъ покачалъ головой.

— Да, вотъ оно что̀... Ну, что̀ жъ дѣлать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграетъ, а потомъ мы что-нибудь придумаемъ.

Когда реалистъ окончилъ рапсодію, Аркадій Николаевичъ первый захлопалъ въ ладоши. Другіе также приня-

лись аплодировать. Мальчикъ всталъ съ высокаго табурета, раскраснѣвшійся и взволнованный; онъ искалъ глазами Лидію, но ея уже не было въ залѣ.

— Прекрасно играете, голубчикъ. Большое удовольствіе намъ доставили, — ласково улыбался Аркадій Николаевичъ, подходя къ музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... какъ васъ величать-то, я не знаю.

— Азагаровъ, Юрій Азагаровъ.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредитъ ли вамъ играть цѣлый вечеръ? Такъ вы, знаете ли, безъ всякаго стѣсненія скажите, если устанете. У насъ найдется здѣсь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка намъ какой-нибудь маршъ побравурнѣе.

Подъ громкіе звуки марша изъ «Фауста» были поспѣшно зажжены свѣчи на елкѣ. Затѣмъ Аркадій Николаевичъ собственноручно распахнулъ настежь двери столовой, гдѣ толпа дѣтишекъ, ошеломленная внезапнымъ яркимъ свѣтомъ и ворвавшейся къ нимъ музыкой, точно окаменѣла въ наивно-изумленныхъ, забавныхъ позахъ. Сначала робко, одинъ за другимъ, входили они въ залу и съ почтительнымъ любопытствомъ ходили кругомъ елки, задирая вверхъ свои милыя мордочки. Но черезъ нѣсколько минутъ, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимымъ гамомъ, пискомъ съ счастливымъ, звонкимъ дѣтскимъ хохотомъ. Дѣти точно опьянѣли отъ блеска елочныхъ огней, отъ смолистаго аромата, отъ громкой музыки и отъ великолѣпныхъ подарковъ. Старшимъ никакъ не удавалось собрать ихъ въ хороводъ вокругъ елки, потому что то одинъ, то другой вырывался изъ круга и бѣжалъ къ своимъ игрушкамъ, оставленнымъ кому-нибудь на временное храненіе.

Тина, которая послѣ вниманія, оказаннаго ея отцомъ Азагарову, окончательно рѣшила взять мальчика подъ

свое покровительство, подбѣжала къ нему съ самой дружеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте намъ польку.

Азагаровъ заигралъ, и передъ его глазами закружились бѣлыя, голубыя и розовыя платьица, короткія юбочки, изъ-подъ которыхъ быстро мелькали бѣлые кружевные панталончики, русыя и черныя головки въ шапочкахъ изъ папиросной бумаги. Играя, онъ машинально прислушивался къ равномѣрному шарканью множества ногъ подъ тактъ его музыки, какъ вдругъ необычайное волненіе, пробѣжавшее по всей залѣ, заставило его повернуть голову ко входнымъ дверямъ.

Не переставая играть, онъ увидѣлъ, какъ въ залу вошелъ пожилой господинъ, къ которому, точно по волшебству, приковались глаза всѣхъ присутствующихъ. Вошедшій былъ немного выше средняго роста и довольно широкъ въ кости, но не полнъ. Держался онъ съ такой изящной, неуловимо-небрежной и въ то же время величавой простотой, которая свойственна только людямъ большого свѣта. Сразу было видно, что этотъ человѣкъ привыкъ чувствовать себя одинаково свободно и въ маленькой гостиной, и передъ тысячной толпой, и въ залахъ королевскихъ дворцовъ. Всего замѣчательнѣе было его лицо, — одно изъ тѣхъ лицъ, которыя запечатлѣваются въ памяти на всю жизнь съ перваго взгляда: большой четырехугольный лобъ былъ изборожденъ суровыми, почти гнѣвными морщинами; глаза, глубоко сидѣвшіе въ орбитахъ, съ повисшими надъ ними складками верхнихъ вѣкъ, смотрѣли тяжело, утомленно и недовольно; узкія бритыя губы были энергично и крѣпко сжаты, указывая на желѣзную волю въ характерѣ незнакомца, а нижняя челюсть, сильно выдвинувшаяся впередъ и твердо обрисованная, придавала физіономіи отпечатокъ властности и упорства. Общее впечатлѣніе довершала длинная грива гу-

стыхъ, небрежно заброшенныхъ назадъ волосъ, дѣлавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную...

Юрій Азагаровъ рѣшилъ въ умѣ, что новоприбывшій гость, должно-быть, очень важный господинъ, потому что даже чопорныя пожилыя дамы встрѣтили его почтительными улыбками, когда онъ вошелъ въ залу, сопровождаемый сіяющимъ Аркадіемъ Николаевичемъ. Сдѣлавъ нѣсколько общихъ поклоновъ, незнакомецъ быстро прошелъ вмѣстѣ съ Рудневымъ въ кабинетъ, но Юрій слышалъ, какъ онъ говорилъ на ходу о чемъ-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрѣйшій мой Аркадій Николаевичъ, не просите. Вы знаете, какъ мнѣ больно васъ огорчать отказомъ...

— Ну хоть что-нибудь, Антонъ Григорьевичъ. И для меня и для дѣтей это будетъ навсегда историческимъ событіемъ, — продолжалъ просить хозяинъ.

Въ это время Юрія попросили играть вальсъ, и онъ не услышалъ, что̀ отвѣтилъ тотъ, кого называли Антономъ Григорьевичемъ. Онъ игралъ поочередно вальсы, польки и кадрили, но изъ его головы не выходило царственное лицо необыкновеннаго гостя. И тѣмъ болѣе онъ былъ изумленъ, почти испуганъ, когда почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ и, обернувшись вправо, онъ увидѣлъ, что Антонъ Григорьевичъ смотритъ на него со скучающимъ и нетерпѣливымъ видомъ и слушаетъ, что̀ ему говоритъ на ухо Рудневъ.

Юрій понялъ, что разговоръ идетъ о немъ, и отвернулся отъ нихъ въ смущеніи, близкомъ къ непонятному страху. Но тотчасъ же, въ тотъ же самый моментъ, какъ ему казалось потомъ, когда онъ уже взрослымъ провѣрялъ свои тогдашнія ощущенія, надъ его ухомъ раздался равнодушно-повелительный голосъ Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, еще разъ рапсодію № 2.

Онъ заигралъ, сначала робко, неувѣренно, гораздо

хуже, чѣмъ онъ игралъ въ первый разъ, но понемногу къ нему вернулись смѣлость и вдохновеніе. Присутствіе того, властнаго и необыкновеннаго человѣка почему-то вдругъ наполнило его душу артистическимъ волненіемъ и придало его пальцамъ исключительную гибкость и послушность. Онъ самъ чувствовалъ, что никогда еще не игралъ въ своей жизни такъ хорошо, какъ въ этотъ разъ, и, должно-быть, не скоро будетъ еще такъ хорошо играть.

Юрій не видѣлъ, какъ постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и какъ смягчалось мало-помалу строгое выраженіе его губъ, но, когда онъ кончилъ при общихъ аплодисментахъ и обернулся въ ту сторону, то уже не увидѣлъ этого привлекательнаго и страннаго человѣка. Зато къ нему подходилъ съ многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверхъ брови, Аркадій Николаевичъ Рудневъ.

— Вотъ что̀, голубчикъ Азагаровъ, — заговорилъ почти шопотомъ Аркадій Николаевичъ: — возьмите этотъ конвертикъ, спрячьте въ карманъ и не потеряйте, — въ немъ деньги. А сами идите сейчасъ же въ переднюю и одѣвайтесь. Васъ довезетъ Антонъ Григорьевичъ.

— Но вѣдь я могу еще хоть цѣлый вечеръ играть, — возразилъ-было мальчикъ.

— Тсс!.. — закрылъ глаза Рудневъ. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрій недоумѣвалъ, раскрывая все больше и больше свои огромные глаза. Кто же это могъ быть этотъ удивительный человѣкъ?

— Голубчикъ, да вѣдь это Рубинштейнъ. Понимаете ли, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ! И я васъ, дорогой мой, отъ души поздравляю и радуюсь, что у меня на елкѣ вамъ совсѣмъ случайно выпалъ такой подарокъ. Онъ заинтересованъ вашей игрой...

Реалистъ въ поношенномъ мундирѣ давно уже извѣстенъ теперь всей Россіи, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ композиторовъ, а необычайный гость съ царственнымъ лицомъ еще раньше успокоился навсегда отъ своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и тріумфатора. Но никогда и никому Азагаровъ не передавалъ тѣхъ священныхъ словъ, которыя ему говорилъ, ѣдучи съ нимъ въ саняхъ, въ эту морозную рождественскую ночь, его великій учитель.

ВПОТЬМАХЪ.

Повѣсть.

I.

На дебаркадерѣ одного изъ московскихъ вокзаловъ шумно двигалась взадъ и впередъ пестрая, разноголосая толпа. Окрики артельщиковъ, быстро и ловко сновавшихъ съ тюками и телѣжками, мимолетные отрывки обыкновенныхъ вокзальныхъ разговоровъ, шарканье нѣсколькихъ сотъ ногъ о плитяной помостъ, — все это, вмѣстѣ съ шипѣніемъ машины, сливалось въ утомляющую своимъ ритмическимъ однообразіемъ суету.

У дверей вагона II класса стояло трое молодыхъ людей, въ нетерпѣніи ожидая третьяго звонка.

Одинъ изъ нихъ, полный брюнетъ съ выхоленнымъ барскимъ лицомъ, пробѣгалъ газету, дымя дорогой сигарой; другой — высокій, тонкій и гибкій, какъ хлыстъ, франтикъ, который какъ будто только-что сорвался съ первой страницы юмористическаго листка, — такъ много было въ его фигурѣ, начиная съ монокля и красной гвоздики въ петлицѣ и кончая удивительно-узкими носками желтыхъ ботинокъ, особенной, свойственной людямъ этого рода, вычурности, — держалъ подъ руку третьяго, смуглаго красавца въ инженерной формѣ, съ дорожной сумкой черезъ плечо.

Всѣ трое, повидимому, сильно скучали и лишь изрѣдка перебрасывались вялыми замѣчаніями.

Между ними было очень мало общаго: случайно попавши на вокзалъ, они теперь сильно тяготились другъ другомъ и въ особенности неизбѣжной сценой прощанія, гдѣ каждому предстояла непріятная обязанность притворяться растроганнымъ.

Къ тому же они имѣли несчастье попасть на вокзалъ за цѣлый часъ до отхода поѣзда, и всѣ тѣ разговоры, которые обыкновенно ведутся въ этихъ случаяхъ и которые способны своею неестественностью только раздражать нервы, уже давно были переговорены.

Неловкость этого положенія особенно сильно испытывалъ на себѣ уѣзжающій инженеръ — Александръ Егоровичъ Аларинъ. Онъ любилъ шумную, кипучую жизнь вокзаловъ, любилъ смѣшаться съ толпой, прислушиваясь и приглядываясь къ ней, чувствуя себя въ это время бодрымъ и веселымъ; но двое пріятелей, которые встрѣтились съ нимъ случайно за обѣдомъ въ «Славянскомъ Базарѣ» и послѣ нѣсколькихъ бокаловъ почувствовали, что не могутъ отпустить его не проводивши, связали его по рукамъ и ногамъ и испортили его расположеніе духа.

Раздался третій звонокъ, и у каждаго изъ молчаливыхъ пріятелей вырвался вздохъ облегченія.

Суета на платформѣ замѣтно усилилась.

— Ну, садись, Саша, садись, пожалуйста, — заторопился внезапно оживившійся франтикъ съ моноклемъ.— Знаешь вѣдь, какъ курьерскіе поѣзда трогаются. Пиши же, смотри!..

Но ему стало неловко отъ собственныхъ словъ, такъ какъ, даже при самомъ искреннемъ желаніи, у него съ Аларинымъ не могло найтись никакихъ общихъ интересовъ. Онъ замолчалъ и полѣзъ цѣловаться, оставляя на губахъ

Аларина запахъ фиксатуара, которымъ были намазаны его усы.

У полнолицаго брюнета нашлось больше такта. Онъ молча широко улыбнулся, показавъ великолѣпные вставные зубы, и крѣпко стиснулъ руку Аларина. Онъ радовался тому, что сейчасъ кончится тяжелое и неловкое положеніе, и онъ опять станетъ господиномъ своего времени. Аларинъ понялъ его безъ словъ и отвѣчалъ такимъ же краснорѣчивымъ рукопожатіемъ.

Паровозъ свистнулъ, шумъ мгновенно возросъ до галдѣнія, застучали буфера вагоновъ, точно кто-то раза два встряхнулъ огромными желѣзными цѣпями, и поѣздъ тронулся.

Аларинъ высунулся изъ окошка. Его пріятели махали платками, и ему казалось, что онъ вслѣдствіе этого обращаетъ на себя общее вниманіе, но онъ, преодолѣвая смущеніе, махнулъ имъ въ свою очередь фуражкой.

«И для чего эта комедія? — думалось ему. — Вѣдь мы всѣ трое очень рады, что отдѣлались другъ отъ друга. Для чего жъ это?»

Но, въ силу чего-то, бывшаго сильнѣе его здраваго смысла, онъ продолжалъ махать фуражкой до тѣхъ поръ, покуда не затерялъ своихъ пріятелей въ густой толпѣ, покрывавшей платформу. И, какъ только ихъ совсѣмъ не стало видно, онъ опустился на диванъ.

Аларинъ, еще по воспоминаніямъ дѣтства, инстинктивно избѣгалъ заводить знакомства въ вагонѣ, такъ какъ на опытѣ убѣдился, что человѣкъ, долго ѣдущій по желѣзной дорогѣ, ищетъ постоянно развлеченія отъ сосущей сердце скуки и дѣлается пошло-любопытенъ, а вслѣдствіе этого докучаетъ сосѣдямъ ненужными разспросами. Поэтому-то и теперь Александръ Егоровичъ прислонился къ углу дивана, стараясь не привлекать къ себѣ ничьего досужаго

вниманія, закурилъ папиросу и искоса оглядѣлъ своихъ сосѣдей.

Прямо противъ него сидѣла скромно одѣтая въ сѣренькое драповое пальто и котиковую шапочку, по всей вѣроятности, барышня: послѣднее сказывалось въ той особенной легкости и воздушности въ фигурѣ, которыя свойственны дѣвушкамъ. Насколько позволяли видѣть полутьма вагона и рѣдкій вуаль, закрывавшій ея лицо, она была совсѣмъ не хороша собою. Лицо съ неправильными чертами было болѣзненно и блѣдно, тонкія, сухія губы почти безкровны. Этихъ непривлекательныхъ качествъ не сглаживали даже синіе глаза, прекраскаго очертанія.

«Анемическая особа»,—рѣшилъ Аларинъ.

Барышня подышала на стекло, протерла его крошечной рукой въ желтой перчаткѣ и стала глядѣть, не отрываясь, въ чернѣвшую передъ ней мглу сентябрьской дождливой ночи. Ея лицо было грустно, и вся тоненькая, хрупкая фигурка жалко-безпомощна.

Рядомъ съ блѣдной барышней помѣщался грузный мужчина восточнаго типа. Онъ обладалъ носомъ непомѣрной длины и толщины, крупными ярко-красными губами, которыя никакъ не могли сойтись вмѣстѣ, и большими глазами на выкатъ.

Какъ только поѣздъ тронулся, восточный человѣкъ извлекъ изъ кармана золотые часы-луковицу со множествомъ брелоковъ, внимательно разглядывалъ ихъ, и вдругъ, съ шумомъ захлопнувъ крышку, уставился съ изумленнымъ видомъ на Аларина, на затылокъ барышни, въ окошко, и затѣмъ, неожиданно свѣсивъ голову на грудь, поднялъ оглушительный храпъ. Онъ былъ чрезвычайно противенъ въ эту минуту, съ головой, болтавшейся во всѣ стороны, и широко раскрытымъ ртомъ, придававшимъ его лицу идіотское выраженіе.

Аларинъ вдругъ съ озлобленіемъ зѣвнулъ и тотчасъ

закрылъ глаза. Сначала ухо ловило размѣренный ходъ поѣзда, но въ умѣ звучалъ какой-то знакомый мотивъ, и къ нему подбирались, риѳмуя другъ съ другомъ, нелѣпые стихи; потомъ онъ вспомнилъ натянутыя лица провожавшихъ его пріятелей, наконецъ мысли его смѣшались, и онъ задремалъ.

Онъ проснулся черезъ полчаса при остановкѣ поѣзда. Въ разныхъ углахъ слышалось сонное дыханіе пассажировъ, облака табачнаго дыма ходили точно туманныя волны. Гдѣ-то въ концѣ вагона два голоса — молодой мужской и старушечій — наперерывъ лепетали, споря и захлебываясь.

Аларинъ поглядѣлъ на дѣвушку, сидѣвшую напротивъ него. Она боязливо забилась въ самый уголъ дивана и даже прижала рукой складки своего пальто, сторонясь отъ восточнаго человѣка, который, повидимому, уже давно проснулся и теперь не сводилъ своихъ масляныхъ глазъ съ ея испуганнаго лица. Должно-быть, онъ только-что обращался къ ней съ разговоромъ, но не рѣшался продолжать его изъ боязни быть услышаннымъ посторонними въ то время, когда поѣздъ стоялъ.

Дѣйствительно, только-что поѣздъ тронулся, онъ нагнулся къ дѣвушкѣ и съ выразительной мимикой заговорилъ что-то. Дѣвушка ничего не отвѣчала, но все тѣснѣе прижималась къ своему уголку.

— Чего, барышня, боишься? Я тебэ нэ мидвѣдъ, кусать не хочу. Ну? Поджалуста, прошу: нэ пугайся, — услыхалъ Аларинъ хриплый голосъ.

— Оставьте меня, ради Бога, — произнесла въ отчаяніи барышня.

Ея свѣжій, миленькій голосокъ дрожалъ отъ волненія.

Аларинъ одну секунду подумалъ-было осадить расходившагося въ своихъ аппетитахъ восточнаго человѣка, но боязнь скандала, изъ-за котораго многіе порядочные

люди стушевываются въ то время, когда требуется ихъ помощь, и наконецъ, то обстоятельство, что барышня была нехороша собою, заставили его отложить свое намѣреніе. «Самъ отстанетъ», — рѣшилъ онъ.

Но восточный человѣкъ съ удивительнымъ упорствомъ не хотѣлъ прекратить свое назойливое ухаживаніе. На отчаянный протестъ своей сосѣдки онъ глупо захихикалъ.

— Ну, ну, нэ горячись. Слушай, ципка, что̀ я тебѣ скажу. Сейчасъ пріѣдемъ въ К., слѣзай съ вагона, поѣдемъ ко мнѣ въ гостиницу обѣдать. Ей-Богу, поѣдемъ, весело будетъ! А назадъ поѣдешь, — я тебѣ билетъ куплю. Хорошо?

Дѣвушка молчала, но Аларинъ замѣтилъ, что она вся дрожитъ.

— Чего молчишь? Хорошо? А? Ну, скажи, душа, хорошо?

И восточный человѣкъ вдругъ схватилъ и крѣпко сжалъ рукой ея колѣно.

— Господи! Да что̀ же это такое! — вскакивая съ мѣста, вскрикнула барышня. Въ ея голосѣ слышались слезы, черезъ секунду она заплакала.

Аларинъ почувствовалъ, какъ у него сразу похолодѣли руки и по спинѣ забѣгали мурашки.

— Слушайте, вы! — обратился онъ къ нахалу и почувствовалъ въ то же мгновеніе, что его голосъ силенъ и значителенъ. — Извольте сейчасъ же пересѣсть на другое мѣсто и оставить эту барышню въ покоѣ!

Изъ-за спинокъ дивановъ стали выглядывать заспанныя лица пассажировъ, разбуженныхъ восклицаніемъ.

Восточный человѣкъ отпустилъ ногу своей сосѣдки.

— Ва! Ти мнэ началныкъ? — заговорилъ онъ, стараясь показаться дерзкимъ, но, очевидно, порядкомъ струхнувъ. — Садись самъ на свой диванъ, а я не хочу уходить!

Публика стала волноваться.

— Что̀ такое? Въ чемъ дѣло? Пшь, ты, армяшка проклятый, кишмишъ... Въ чемъ дѣло-то, господинъ? — слышалось съ разныхъ сторонъ.

Эти восклицанія и нагло-смѣющееся жирное лицо восточнаго человѣка привели Аларина въ бѣшенство.

— А-а? Не хочешь? — задыхаясь, воскликнулъ онъ.— Не хочешь?..—И вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, онъ схватилъ своего противника за воротникъ и съ силой рванулъ со скамейки.

— Не хочешь?.. — повторялъ онъ, чувствуя новый приливъ силы и озлобленія, когда бархатный воротникъ затрещалъ въ его рукахъ.

Восточный человѣкъ пронзительно завизжалъ. Онъ уцѣпился-было за ножку дивана, но послѣ того, какъ Аларинъ, судорожно стиснувъ зубы, снова дернулъ его изо всѣхъ силъ, онъ уже не пробовалъ сопротивляться. Аларинъ вытащилъ его на платформу. Мелкій осенній дождикъ, брызгавшій въ лицо, и холодный вѣтеръ отрезвили его; онъ выпустилъ изъ руки полуоторванный воротникъ и сказалъ, тяжело дыша:

— Убирайся живо изъ вагона, и чтобы духу твоего не было.

Восточный человѣкъ сдѣлался кротокъ, какъ агнецъ.

— Чего таскалъ,—заговорилъ онъ укоризненно: — зачѣмъ не сказалъ, что самому тебѣ барышня понравилась? Горячій человѣкъ!..

Александръ Егоровичъ повернулся къ нему спиной и ушелъ въ вагонъ, крѣпко захлопнувъ за собой дверь.

II.

Когда Аларинъ сѣлъ на свое мѣсто, пассажиры продолжали волноваться.

— Есть же такіе мерзавцы,—негодовалъ кто-то въ родѣ

приказчика, маленькій, головастенькій человѣчекъ, весь обросшій чернымъ лѣсомъ курчавыхъ волосъ. — Какъ же это, помилуйте, вдругъ съ такими глупостями лѣзть къ одиноко ѣдущей особѣ! Да имъ морду слѣдуетъ за это бить, а не то что...

Онъ обращался какъ будто къ своей собесѣдницѣ— старушкѣ, но голову поворачивалъ по направленію къ барышнѣ, съ которой произошелъ этотъ непріятный эпизодъ, вѣроятно, ожидая, что она поддержитъ его негодованіе.

Однако она была такъ напугана и возмущена всѣмъ происшедшимъ, что лишь дрожала и молчала.

Аларинъ почувствовалъ глубокую жалость къ этому беззащитному созданію.

«Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ онъ:—чѣмъ можетъ оградить себя отъ подобной назойливости эта худенькая дѣвушка? У нея кромѣ слезъ нѣтъ никакого оружія, да и тѣ не на всякаго дѣйствуютъ».

Однако въ то же время, хотя ему и было неловко отъ обращенныхъ на него со всѣхъ сторонъ глазъ, онъ все-таки въ глубинѣ души немножко любовался своей «бѣшеной вспыльчивостью», съ большимъ удовольствіемъ припоминая ту тишину, которая наступила въ вагонѣ, когда онъ закричалъ: «Не хочешь?».

Все это требовало теперь нѣсколькихъ утѣшительныхъ, пожалуй, даже великодушныхъ словъ, которыя должны были окончательно успокоить бѣдную барышню.

Эти ощущенія смѣшивались весьма страннымъ образомъ. Аларинъ, вообще склонный къ анализу своихъ внутреннихъ побужденій, часто замѣчалъ въ себѣ подобную двойственность, и если на него находила въ это время минута самобичеванія, то онъ называлъ себя съ горечью «раздвоеннымъ человѣкомъ».

Когда глазѣющія изъ-за дивановъ головы мало-по-малу скрылись, Аларинъ наклонился къ своей сосѣдкѣ.

— Успокойтесь, ради Бога, — ласково и тихо сказалъ онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо: — всѣ подобные господа ужасные трусы и негодяи, и изъ-за нихъ волноваться не стоитъ. Можетъ-быть, я васъ тоже напугалъ?

— Ахъ, я, дѣйствительно, такъ перепугалась! — отвѣчала дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы.—У меня сердце до сихъ поръ еще стучитъ. Вы были такъ разсержены, что я думала, вы его убьете. Я не знаю, какъ благодарить васъ.

И она быстро протянула Аларину руку и опять застѣнчиво улыбнулась.

У нея была очаровательная улыбка, обнаруживавшая ровные и блестящіе зубы и образовавшая на каждой щекѣ по двѣ ямочки. Эта улыбка освѣщала и дѣлала чрезвычайно симпатичнымъ ея лицо.

— Съ нимъ, слава Богу, ничего не сдѣлалось,—произнесъ Аларинъ, невольно отвѣчая на ея улыбку: — но это послужитъ ему на будущее время хорошимъ урокомъ. Если такіе наглецы, какъ вотъ этотъ, время отъ времени не получаютъ такихъ энергичныхъ встрясокъ, то это обычно располагаетъ ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ такого же характера. Интересно, почему онъ къ вамъ такъ присталъ?

Онъ сказалъ это и тотчасъ же спохватился и сконфузился. Вѣдь, конечно, эта худенькая дѣвица боялась даже обернуться на своего пылкаго сосѣда и не могла ни однимъ взглядомъ дать ему поводъ къ приставаніямъ. Но она была такъ далека отъ пониманія всѣхъ этихъ житейскихъ гадостей, что не замѣтила даже тѣни неумѣстности подобнаго вопроса и горячо отвѣтила:

— Увѣряю васъ, я сразу испугалась его, какъ только онъ сѣлъ рядомъ со мною.

— Но хуже всего, — перебилъ ее Аларинъ: — что у насъ ни одна женщина не можетъ быть гарантирована

отъ подобнаго рода непріятностей. Вѣдь здѣсь проглядываетъ самое грубое сознаніе превосходства физической силы, а между тѣмъ я знаю многихъ образованныхъ и даже гуманныхъ людей, которые не стыдятся продѣлывать почти то же самое.

— Но вѣдь это ужасно!—возразила барышня.—Какъ же порядочный человѣкъ можетъ позволить себѣ?..

— Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь полное отсутствіе какой бы то ни было порядочности. Конечно, люди, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, не выражаютъ такъ грубо, какъ этотъ кавказецъ, своихъ низменныхъ инстинктовъ, но все-таки... Я, право, не могу рѣшить, догнали ли мы въ этомъ отношеніи черезчуръ быстро Европу, или это остатки стариннаго русскаго неуваженія къ женщинѣ!

Александръ Егоровичъ въ эту минуту совершенно искренно позабылъ о кое-какихъ своихъ похожденіяхъ.

— Но, если нѣкоторые сознаютъ это, почему же они не постараются какъ-нибудь подѣйствовать на другихъ?— спросила дѣвушка. — Ну, писать, что ли, объ этомъ?

— Пишутъ, — сказалъ Александръ Егоровичъ: — отовсюду слышатся голоса, ратующіе за то, чтобы женщина заняла въ обществѣ принадлежащее ей по праву мѣсто, отнятое у нея поработителемъ-мужчиной. Но это, по-моему, смѣшно. Здѣсь нужны коренныя реформы въ семейномъ и общественномъ воспитаніи цѣлыхъ поколѣній, а не жалкіе возгласы.

Аларинъ съ удовольствіемъ высказывалъ эти обиходныя истины. Онъ умѣлъ и любилъ говорить только тогда, если вокругъ него не было слушателей, которыхъ онъ инстинктивно считалъ бы сильнѣе себя. Сосредоточенное вниманіе сидѣвшей передъ нимъ дѣвушки, представлявшей олицетворенную неопытность и наивность, дѣлало его развязнымъ.

Кромѣ того, онъ былъ не чуждъ любованія собою и своимъ голосомъ, свойственнаго очень молодымъ, въ особенности красивымъ людямъ, которые, оставаясь даже совершенно одни, постоянно воображаютъ, что на нихъ кто-то съ любопытствомъ смотритъ, и ведутъ себя точно на сценѣ. Они являются передъ собою то разочарованными, пресыщенными циниками, то современными дѣльцами, съ полнымъ отсутствіемъ принциповъ и съ девизомъ «нажива», то свѣтскими дэнди, свысока глядящими на родъ человѣческій, но всегда чѣмъ-нибудь красивымъ и выдающимся. Та или другая роль зависитъ отъ настроенія духа или отъ прочитанной книжки, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ въ нихъ вырабатываться собственнымъ оригинальнымъ качествамъ. Теперь вотъ, разговаривая со своей сосѣдкой, Аларинъ чувствовалъ себя пожилымъ мужчиной, относящимся съ симпатіей и жалостью къ этому наивному ребенку.

— Да̀, — продолжалъ онъ, увлекаясь собственными словами:—у насъ вотъ и электричество, и гипнотизмъ, и всѣ кричатъ, что человѣчество прогрессируетъ, а поглядите, въ какомъ положеніи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ находится женщина.

И онъ легко и быстро очертилъ современное положеніе женщины, черпая мотивы изъ недавно прочитанной модной повѣсти. Онъ съ эффектной, дѣланной злобой говорилъ о томъ, къ чему готовятъ ее съ пеленокъ, какъ извращаютъ воображеніе и пріучаютъ къ роскоши.

Для его собесѣдницы все это было совершенной новостью, она ловила каждое слово и притомъ невольно любовалась красивымъ лицомъ Аларина съ его блестящими отъ оживленія, черными, притягивающими глазами. Это, послѣ институтскихъ учителей и швейцаровъ, былъ первый «настоящій» мужчина, котораго она видѣла.

Аларинъ коснулся тѣхъ «жалкихъ обрывковъ познаній,

которыя западаютъ въ юную женскую головку». Онъ описывалъ все это очень удачно въ карикатурныхъ гиперболахъ и вдругъ перебилъ самого себя:

— Извините, — сказалъ онъ смущенно: — вы, если я не ошибаюсь, бывшая институтка! Повѣрьте, что я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, продолжайте, — возразила дѣвушка: — вы все это такъ хорошо знаете. Представьте себѣ, у насъ даже русскимъ языкомъ никто не интересовался.

— А занимались тѣмъ, что сшивали тетрадки розовыми ленточками съ надписью «Souvenir». Или приклеивали на первой страницѣ цѣлующихся голубковъ? Да?

— Вы и это даже знаете?

— Знаю. А въ библіотекѣ ничего, кромѣ произведеній m-me Жанлисъ, конечно, не было?

— Ахъ, эта противная Жанлисъ. Мы просто ненавидѣли ее и называли ея именемъ одну сердитую классную даму. Пушкина намъ только въ первомъ классѣ стали давать и Тургенева кое-что. Правда, прелесть Тургеневъ?

— Какъ вамъ сказать, — не утерпѣлъ Аларинъ: — него, пожалуй, многое и въ архивъ можно сдать?

— О, нѣтъ! Не говорите такъ! — протестовала она. — «Записки охотника» — это... я вамъ не сумѣю передать, это — божественно! Я «Наканунѣ» читала лѣтомъ на загородной дачѣ, цѣлые дни читала. Утромъ изъ-подъ подушки выну и цѣлый день не разстаюсь съ ними. Даже за обѣдъ ухитрялась приносить, конечно, потихоньку, чтобы не замѣтила m-me Швейгеръ...

Но Аларина мало занимали ея разсказы, потому что онъ самъ говорилъ не для нея, а для собственнаго удовольствія.

Его поразилъ ея свѣжій, серебристый голосъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не поете? — неожиданно спросилъ онъ.

Барышня вспыхнула и, какъ-то совсѣмъ по-институтски, взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Почему вы это узнали?

— У васъ такой чистый и полный голосъ, и тембръ такой богатый. Я только поэтому и предположилъ. Но вы все-таки поете?

— Да, я немного училась. Monsieur Орловъ, нашъ учитель пѣнія, говорилъ мнѣ, что если я поработаю надъ голосомъ, то могу выступить на сцену. Но я ужасно стыжусь пѣть. У насъ на масленицѣ былъ концертъ, и я пѣла въ мендельсоновскомъ дуэтѣ: «Хотѣлъ бы въ единое слово излить»... Вы слыхали его?

Аларинъ въ музыкѣ ровно ничего не понималъ, но отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, этого дуэта не слышалъ, хотя обожаетъ Мендельсона.

— Это очень извѣстный романсъ,—заторопилась барышня.—Вы, вѣрно, слыхали...

Хотѣлъ бы въ единое слово излить
Я, что на сердцѣ есть! —

пропѣла она вполголоса первыя двѣ строчки и вдругъ, спохватившись, покраснѣла до слезъ.

Аларина эти десять нѣжныхъ, дрожащихъ нотъ привели въ восторгъ.

— У васъ чудный голосъ, — сказалъ онъ совершенно чистосердечно:—на меня пѣніе еще никогда не производило такого впечатлѣнія, какъ эти нѣсколько звуковъ. Какъ бы я хотѣлъ услышать васъ съ аккомпанементомъ!.. Вы, впрочемъ, извините, я до сихъ поръ не знаю вашего имени!.. — прибавилъ онъ полувопросительно.

Они назвали другъ другу свои имена и фамиліи. Барышню звали Зинаидой Павловной.

— Вы до какой станціи ѣдете, Зинаида Павловна?— спросилъ Аларинъ.

— Я прямо въ Р*.

— Неужели? Представьте себѣ, мы ѣдемъ въ одинъ городъ. Вѣдь это, положительно, судьба, что мы съ вами попали въ одинъ и тотъ же вагонъ и такъ хорошо разговорились.

Онъ, конечно, сказалъ про судьбу единственно «для красоты слога», но, склонная къ мечтательности, Зинаида Павловна серьезно увидѣла въ этихъ случайностяхъ дѣйствіе предопредѣленія и внезапно послѣ его словъ ощутила какую-то тихую, безсознательную радость. Точно она узнала, что тамъ, въ далекомъ, чужомъ городѣ, у нея будетъ близкій человѣкъ, который поддержитъ и защититъ въ случаѣ надобности.

— И вы, по всей вѣроятности, ѣдете въ Р* къ роднымъ? — продолжалъ разспрашивать Аларинъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала она и запнулась. — Я ѣду туда гувернанткой...

И, быстро вскинувъ на него глаза, точно желая удостовѣриться, нѣтъ ли на его лицѣ улыбки, она продолжала:

— Вы знаете, къ намъ въ институтъ присылаютъ для пепиньерокъ предложенія, но я отъ многихъ большихъ городовъ отказалась, потому что думала поступить въ консерваторію; только это ужасно дорого, а для стипендіи надо имѣть большую протекцію. А у меня мама... совсѣмъ безъ средствъ...

По институтскимъ традиціямъ, Зинаидѣ Павловнѣ было тяжело признаться въ бѣдности матери, но Александръ Егоровичъ производилъ на нее впечатлѣніе такого хорошаго, сердечнаго человѣка, которому можно было разсказать «все».

— Такъ вамъ и улыбнулась консерваторія?—спросилъ Аларинъ.

— Да, такъ и улыбнулась. Моя подруга Посникова поступила, ее тоже Зиной зовутъ... У нея самый простой комнатный голосъ, но она... хорошенькая... понятно, ей нетрудно...

Послѣднія слова барышни звучали самой неподдѣльной, наивной грустью.

— Ну, вотъ, и я должна была принять первое попавшееся мѣсто, — продолжала она: — хотя даже не знаю условій. Вы, можетъ-быть, знакомы съ этимъ господиномъ... фамилія его Кашперовъ?..

Аларинъ, жившій въ Р* уже два года, не могъ не знать Кашперова.

— Скажите, пожалуйста, что̀ это за человѣкъ, то-есть кто онъ такой? Чѣмъ онъ занимается? Много у него дѣтей?—засыпала она вопросами Александра Егоровича.

— Да не торопитесь такъ, я не знаю, на что отвѣчать. Кашперовъ, про котораго вы спрашиваете, вдовецъ, у него есть маленькая дочка, необыкновенно капризное насѣкомое, которое разъ укусило меня за палецъ. Самъ Кашперовъ человѣкъ безусловно честный и собою красивъ, такъ что за нимъ до сихъ поръ барыни бѣгаютъ: представьте себѣ, сѣдые волосы и черная борода. Какой онъ образъ жизни ведетъ? Конечно, какъ подобаетъ вдовцу и богатому человѣку; вѣдь онъ, между прочимъ, страшно богатъ, но денегъ своихъ не прячетъ и дѣлаетъ на нихъ много добра. Вообще онъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновеннаго десятка. Впрочемъ, вы это сами увидите.

— Да, — задумчиво произнесла Зинаида Павловна: — воспитаніе — очень серьезное дѣло!

— Ну, что̀ касается воспитанія, то я положительно отвергаю его, — сказалъ Аларинъ.

— Какъ отвергаете? У насъ самъ инспекторъ читалъ педагогику и столько говорилъ объ ея великихъ задачахъ.

— Повѣрьте, что онъ самъ въ это время надъ собой смѣялся, — шутливо перебилъ Александръ Егоровичъ.

— Какой вы злой!.. Ну, такъ не будемъ говорить о воспитаніи. Вы давно живете въ Р*?

— Нельзя сказать, чтобы особенно давно, но мнѣ каждый камешекъ въ немъ опротивѣлъ. Притомъ вы, должно-быть, слыхали о нашей грязи. У насъ однажды исправникъ съ цѣлой тройкой лошадей утонулъ въ грязи передъ городскимъ клубомъ, только объ этомъ запретили въ газетахъ печатать. Но у насъ и кромѣ грязи много замѣчательнаго. Во-первыхъ, рысаки, похожіе на выкормленныхъ купцовъ, и, во-вторыхъ, купцы, близкіе къ первобытному состоянію. Замѣчательно, что въ этомъ богоспасаемомъ градѣ живешь, какъ въ фонарикѣ. Представьте себѣ, я не только всѣхъ жителей, но даже ихъ собакъ знаю по кличкамъ. Точно такъ же всему городу извѣстно, что̀ у меня къ обѣду готовится и о чемъ я вчера разговаривалъ по секрету со своимъ пріятелемъ. Зато ужъ, если наши провинціальныя премьерши примутся кому-нибудь перемывать косточки, то дѣлаютъ это съ неподражаемымъ совершенствомъ, тѣмъ болѣе, что темъ для такого занятія бываетъ много, ибо городъ изобилуетъ легкими и пріятными нравами.

— А вы сами, кажется, служите? что̀ это у васъ за форма? — освѣдомилась Зинаида Павловна.

— Я больше по ниженерной части состою... говорю: «больше», такъ какъ на пристани, въ порту, гдѣ собственно и есть мѣсто моихъ занятій, я существую только въ видѣ декораціи. Но у меня много частныхъ работъ; вотъ Кашперовъ ко мнѣ тоже часто обращается.

Аларинъ любилъ говорить о себѣ и потому съ удовольствіемъ посвятилъ новую знакомую въ подробности своей жизни; но, когда онъ вскользь упомянулъ о ма-

тери и Зинаида Павловна наивно спросила, кто былъ его «рара», онъ осѣкся, и кровь бросилась ему въ лицо.

Однако вдругъ имъ овладѣло неудержимое желаніе сейчасъ, сію минуту разсказать все до мельчайшихъ подробностей этому чистому существу.

— Знаете ли, — произнесъ онъ медленно и значительно: — я этого никому еще не говорилъ, но вы, я знаю, добрая, вамъ не будетъ смѣшно... Я — незаконнорожденный!

Она сначала не поняла его, но потомъ ей стало жаль Александра Егоровича той особенной, болѣзненной жалостью, которую возбуждаетъ калѣка или тяжело-больной человѣкъ. Она поняла, что этого пункта нельзя касаться, и продолжала молчать.

А онъ, преодолѣвъ первую неловкость, разсказалъ ей подробно всю свою біографію, причемъ говорилъ такъ горячо, искренно и жалѣя въ эту минуту самого себя, что у Зинаиды Павловны сжималось сердце.

— Ну вотъ, вы теперь все знаете обо мнѣ, — закончилъ Аларинъ свой разсказъ. — Это я только вамъ одной говорилъ, потому что вы не употребите во зло моего довѣрія...

— Поглядите, какая чудная ночь! — воскликнулъ онъ вдругъ, заглянувъ въ окошко.

Они оба прислонились къ окну, такъ что ихъ головы почти касались.

А ночь, дѣйствительно, была необыкновенно хороша. Вѣтеръ разогналъ тучи, и луна сіяла на чистомъ темно-синемъ сводѣ. Въ ночномъ пейзажѣ было что-то сказочное. Лужайки, окруженныя кустами и залитыя потоками луннаго свѣта, казались бездонными озерами; стройныя прозрачныя березы дремали, точно заколдованныя тихою ночью. И все это призрачное, обольстительно-пре-

красное царство свѣта и тѣней показывалось на одну минуту и исчезало, давая мѣсто новымъ картинамъ.

— Чудная ночь, — почти шопотомъ повторилъ Александръ Егоровичъ: — не правда ли, въ ней есть что-то таинственное?

— Да, таинственное... и грустное, — отвѣчала Зинаида Павловна, и Аларинъ услыхалъ въ ея голосѣ дрожь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же грустное, — перебилъ онъ: — въ этакія ночи мною, наоборотъ, овладѣваетъ приливъ какой-то неудержимой отваги; теперь бы коня, и — мчаться гдѣ-нибудь въ степи такъ, чтобъ захватывало духъ... Однако скоро будетъ свѣтать, и вотъ уже огоньки нашего Р*. виднѣются. Собирайтесь, Зинаида Павловна, почти домой пріѣхали.

Поѣздъ подходилъ къ Р*. На станціи, гдѣ сходились три вѣтви желѣзныхъ дорогъ, была страшная суматоха. Аларинъ вывелъ растерянную и озябшую Зинаиду Павловну на крыльцо вокзала.

— Телеграфировали вы Кашперову о пріѣздѣ? — спросилъ онъ, останавливаясь.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ долженъ быть экипажъ! — и онъ закричалъ во все горло:

— Лошади Кашперова!

— Здѣсь! — отвѣтилъ чей-то голосъ.

Къ крыльцу подъѣхала щегольская коляска, запряженная парой сѣрыхъ видныхъ лошадей.

— Барышня пріѣхали? — освѣдомился кучеръ, приподнимая шапку.

Зинаида Павловна, пожимаясь отъ ночного холода, стала прощаться съ Аларинымъ. Ей вдругъ стало жалко и этой такъ быстро промелькнувшей ночи, и этого красиваго лица, казавшагося совсѣмъ блѣднымъ при свѣтѣ луны.

— Прощайте, Александръ Егоровичъ, — грустно сказала она, протягивая ему руку. — Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Самой лучшей благодарностью для меня будетъ, — отвѣтилъ Аларинъ, ласково смѣясь: — если вы обратитесь ко мнѣ въ случаѣ надобности.

— Непремѣнно!

Лошади дружно тронули, и коляска загремѣла по камнямъ мостовой.

III.

Зинаида Павловна проснулась раньше всѣхъ въ домѣ, несмотря на то, что наканунѣ легла очень поздно. Проснувшись, она не могла сразу сообразить, какимъ образомъ попала въ эту уютную, нарядную, какъ бонбоньерка, комнату, обитую розовымъ кретономъ. Вчера она такъ была утомлена дорогой, что едва только коснулась головой подушки, какъ въ ту же минуту заснула крѣпкимъ сномъ усталаго человѣка.

Ей не хотѣлось тотчасъ же одѣваться, потому что лѣнивая утренняя нѣга овладѣла всѣмъ ея существомъ, и въ памяти носилось безформенное воспоминаніе чего-то свѣтлаго и хорошаго.

«Что̀ жъ такое у меня есть пріятнаго?—старалась припомнить Зинаида Павловна:—можетъ-быть, эта комнатка?»

Комната, дѣйствительно, была очень красива, но отъ изящной отдѣлки вѣяло чѣмъ-то совершенно чуждымъ; этотъ кокетливый будуаръ не выдерживалъ никакого сравненія съ тѣсной, обитой дешевенькими обоями, комнатой Зинаиды Павловны въ Москвѣ... Можетъ-быть, рояль, который она видѣла вчера, проходя рядъ большихъ, со вкусомъ обставленныхъ комнатъ, произвелъ на нее такое пріятное впечатлѣніе? Нѣтъ, не рояль,—она тогда же подумала, что будетъ неловко передъ хозяиномъ часто играть на

немъ... Или тѣ шесть новенькихъ полуимперіаловъ, — подарокъ мамы при послѣднемъ прощаньи, — которые она такъ часто пересматривала, любуясь ихъ яркимъ блескомъ?

И вдругъ въ воображеніи дѣвушки мелькнуло блѣдное отъ луннаго свѣта, прекрасное лицо съ черными смѣющимися глазами.

«Это—Аларинъ!»—чуть не вскрикнула, обрадовавшись, Зинаида Павловна, и сама тихо улыбнулась тому, что назвала его по фамиліи.

— Милый, хорошенькій, красавчикъ мой! — прошептала она, прижимаясь лицомъ къ подушкѣ съ неопредѣленной улыбкой. — Какой у него голосъ славный: мягкій такой и задушевный. Любятъ ли его женщины? Да, конечно, любятъ! Развѣ можно его не любить? Когда онъ говоритъ или смѣется, его глаза такъ и смотрятъ въ душу, точно ласкаютъ... Онъ, видно, очень, очень умный; когда онъ говоритъ, его можно заслушаться...

Зинаида Павловна была мечтательницей по призванію. Природа снабдила ее такой пылкой и широкой фантазіей, передъ необузданными размахами которой стушевывалась самая яркая дѣйствительность. Еще будучи въ низшихъ классахъ института, она пристрастилась къ чтенію. По вечерамъ, когда классная дама пространно и скучно объясняла ученицамъ заданный къ завтрашнему дню урокъ математики, Зинаида Павловна тихонько вынимала изъ стола описаніе какого-нибудь фантастическаго путешествія по дѣвственнымъ лѣсамъ Америки или пустынямъ Африки, раскладывала его на колѣняхъ и жадно погружалась въ чтеніе, причемъ этотъ таинственный, сказочный міръ увлекательнаго разсказа, полный жизни и благоуханій, заставлялъ ее забывать не только страхъ остаться на цѣлый мѣсяцъ безъ передника за невниманіе къ научнымъ истинамъ классной дамы, но и все, что

только хоть немного напоминало дѣйствительность, переставало существовать для нея въ эти блаженныя минуты. Стѣны класса раздвигаются на безконечное пространство... звѣзды... громадная кровавая луна показывается изъ-за горизонта безбрежной пустыни, и вездѣ одна и та же нескончаемая даль, покрытая горячимъ желтымъ пескомъ... Луна выплываетъ въ самую середину неба... пустыня кажется окутанной бѣлымъ туманомъ... Мертвая тишина не нарушается ни единымъ звукомъ... И вдругъ ревъ льва, могучій и величественный, потрясаетъ воздухъ...

— Колосова, повторите все, что̀ я сейчасъ объяснила,— раздается въ то же время скрипучій голосъ.

Зина вскакиваетъ, растерянная, ничего не понимающая...

Передъ ея глазами опять грязная, измазанная мѣломъ комната, тускло освѣщенная шестью казенными лампами; нѣсколько десятковъ утомленныхъ дѣтскихъ лицъ съ улыбкой глядятъ на ея замѣшательство, предъ нею зеленая, повязанная косынкой, физіономія наставницы.

— Извините, я не поняла... мнѣ было неслышно, — пробуетъ оправдаться Зина.

— А! Вамъ не угодно слушать мои объясненія, — скрипитъ классная дама: — покажите мнѣ ту книгу, которая была у васъ на колѣняхъ!..

Съ лѣтами грезы Зинаиды Павловны приняли болѣе жгучій характеръ; особенно сильно повліяли на нее въ этомъ отношеніи лекціи исторіи, которую увлекательно читалъ симпатичный, знающій учитель. Зина слушала его со сверкающими глазами и полуоткрытымъ ртомъ, а онъ въ минуты своихъ горячихъ импровизацій обращался къ ней одной. Его объясненія не прошли даромъ для Зинаиды Павловны. По ночамъ она до мельчайшихъ подробностей переживала все то, что̀ ей приходилось узнать днемъ. Описаніе блеска и роскоши

средневѣковой жизни, побѣды и завоеванія римскихъ цезарей гораздо меньше шевелили ея воображеніе, чѣмъ пассивный героизмъ мучениковъ идеи. Она такъ живо вызвала въ своемъ воображеніи казнь Іоанна Гуса, что плакала и молилась всю ночь до утра. Она обожала Жанну д'Аркъ и иногда находила въ ея образѣ и поступкахъ много общаго съ собой; ей тогда начинало казаться, что и въ ея груди таятся и зрѣютъ до нужной минуты могущественныя силы, назначенныя судьбой для какихъ-то великихъ цѣлей. Ею овладѣвали тогда страшная жажда самопожертвованія, желаніе совершить неслыханно-громадный подвигъ, радостно отдать свою молодую жизнь во имя чего-то далекаго и прекраснаго.

Иногда Зинаида Павловна проводила цѣлыя ночи, не отрывая взора отъ какой-нибудь яркой звѣзды, между тѣмъ какъ въ ней самой трепетали такія фантастическія мечты, въ которыхъ она сама не сумѣла бы дать себѣ отчета. Весь день послѣ такой ночи она ходила блѣдная, точно разбитая, на вопросы подругъ говорила, что у нея болитъ голова, но своихъ задушевныхъ грезъ никогда никому не повѣряла. Вообще она никогда не была слишкомъ откровенна, но каждый, кто только встрѣчался съ ней, невольно чувствовалъ въ ней присутствіе ея собственнаго внутренняго міра, а также то, что она въ это святое-святыхъ, навѣрно, никого не пуститъ.

Зинаида Павловна долго лежала неподвижно, погруженная въ свои неясныя грезы, и все время задумчивая улыбка не сходила съ ея лица. Она думала о томъ, сколько оскорбленій вынесъ Аларинъ вслѣдствіе каприза своего пресыщеннаго, развратнаго отца. Онъ боится насмѣшки; да развѣ можно смѣяться надъ этимъ? Вѣдь это все равно, что смѣяться надъ человѣкомъ съ оторванной ногой, надъ уродомъ отъ рожденія! У него въ

рѣчахъ слышится злобное презрѣніе къ людямъ... онъ, вѣрно, не встрѣчалъ еще ни разу любящей, нѣжной души, которая сумѣла бы понять и оцѣнить его и заставить забыть всѣ оскорбленія!.. Что̀, если бы Богъ подарилъ это счастье ей!.. Какими заботами, какой нѣжной предупредительностью окружила бы она Аларина!..

И ея пылкое воображеніе въ одну минуту нарисовало сцену безмятежнаго счастья.

Онъ возвращается со службы веселый и проголодавшійся. Она ждетъ его, съ нетерпѣніемъ поглядывая на часы; она нарочно заказала къ обѣду его любимыя кушанья. За обѣдомъ онъ разсказываетъ ей все, что̀ видѣлъ днемъ, пересыпая свой разговоръ веселыми шутками и краснорѣчивыми взглядами. Она его внимательно слушаетъ, не забывая однако о своихъ хозяйственныхъ обязанностяхъ. Когда они встаютъ изъ-за стола, уже начинаетъ темнѣть. Они привыкли проводить въ это время полчаса передъ горящимъ каминомъ... здѣсь такъ тепло, дрова такъ весело трещатъ и сыплютъ тучи искръ, такъ пріятно ведутся задушевныя бесѣды!..

Зинаиду Павловну вывелъ изъ этого состоянія задумчивости легкій стукъ въ дверь, сопровождаемый молодымъ женскимъ голосомъ, спрашивавшимъ, можно ли войти. Въ комнату влетѣла хорошенькая, кокетливо одѣтая горничная и предложила свои услуги. Однако Зинаида Павловна, не привыкшая къ тому, чтобы ей помогали одѣваться, отказалась отъ этого.

— Благодарю васъ, — сказала она: — если понадобится, я позову.

— А чай прикажете вамъ въ комнату принести, — приставала горничная: — или изволите сойти внизъ? Баринъ и барышня всегда въ это время кушаютъ чай въ столовой.

Зинаида Павловна предпочла сойти внизъ.

«Ну, каково-то будетъ наше первое знакомство? — думала она не безъ волненія. — Во всякомъ случаѣ надо поставить себя съ самаго начала такъ, чтобы онъ никогда не осмѣлился глядѣть на меня какъ на «наемную»!..»

Когда она вошла въ просторную, свѣтлую столовую, навстрѣчу ей поднялся и вышелъ изъ-за стола представительный мужчина высокаго роста. У него было умное лицо съ высокимъ бѣлымъ лбомъ, обрамленнымъ волнами совсѣмъ сѣдыхъ волосъ, съ живыми, какъ у юноши, блестящими глазами и свѣжимъ чувственнымъ ртомъ. Въ черныхъ же усахъ и въ бородѣ не виднѣлось ни одного сѣдого волоса. Кашперовъ былъ одѣтъ въ широкій домашній вестонъ, сидѣвшій на немъ просторно и изящно. Каждое движеніе этого человѣка отличалось твердой, самоувѣренной граціей, свойственной сильно развитымъ мышцамъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять, но если бы онъ надѣлъ шапку и скрылъ этимъ свою сѣдину, то никто не далъ бы ему болѣе тридцати пяти—шести лѣтъ. Однако его видная наружность не понравилась Зинаидѣ Павловнѣ; ея нѣжному, болѣзненному вкусу было непріятно въ мужчинѣ преобладаніе грубой силы и здоровья.

«Однакожъ ты, бѣдненькая, не изъ красавицъ, да, кажется, еще и съ характерцемъ»,—рѣшилъ въ свою очередь, послѣ обмѣна обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ фразъ, Кашперовъ, окидывая дѣвушку съ ногъ до головы зоркимъ взглядомъ опытнаго женолюбца.

Онъ почему-то непремѣнно воображалъ себѣ новую гувернантку смазливой брюнеткой съ бойкой рѣчью и разбитными манерами, которая при случаѣ съ удовольствіемъ выслушаетъ пикантный анекдотъ, и похохочетъ, и пококетничаетъ. При благопріятныхъ условіяхъ совмѣстная жизнь съ такой особой обѣщала много соблазнительныхъ удовольствій.

Но передъ нимъ стояла блѣдная дѣвушка съ некрасивымъ лицомъ и невинными глазами, смотрѣвшими холодно и въ то же время вполнѣ независимо...

Пристальный, безцеремонный взглядъ Кашперова подѣйствовалъ на Зинаиду Павловну самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Онъ почему-то внезапно напомнилъ ей вчерашняго нахала-сосѣда, и это обстоятельство еще болѣе усилило первое неблагопріятное впечатлѣніе. Но тѣмъ не менѣе она глазъ своихъ не опустила, хотя и чувствовала себя неловко.

Въ то время, когда эти мысли и сравненія быстро проносились въ головахъ у обоихъ, Сергѣй Григорьевичъ предупредительно разспрашивалъ Зинаиду Павловну, благополучно ли она доѣхала, нашла ли все необходимое у себя въ комнатѣ, и предложилъ ей мѣсто за столомъ.

— Вы, я думаю, не откажетесь иногда похозяйничать за чаемъ, — произнесъ онъ, стараясь казаться любезнымъ: — у меня до сихъ поръ все это дѣлала Лиза, но у нея мало терпѣнія и умѣлости. Позвольте представить вамъ вашу будущую ученицу...

Онъ показалъ на дѣвочку лѣтъ четырнадцати, худую и нескладную, какъ всегда бываютъ дѣвочки въ этомъ возрастѣ; она все время осторожно, однимъ глазомъ, выглядывала изъ-за стоявшаго передъ ней самовара и при обращенныхъ къ ней словахъ поспѣшила совсѣмъ спрятаться за него.

— Только надо вамъ сказать, она у меня страшный дичокъ, — продолжалъ Кашперовъ: — и при чужихъ ее ни за что не вытащишь изъ какого-нибудь угла... Лиза, подойди къ Зинайдѣ Павловнѣ!.. Нѣтъ, ни за что не послушается!..

— Лиза, отчего вы не хотите подойти познакомиться со мною? — спросила Зинаида Павловна, впрочемъ, не-

вольно обращаясь больше къ самовару, чѣмъ къ спрятавшейся за нимъ дикаркѣ. — Она у васъ, можетъ-быть, немного... запугана? — спросила она Кашперова.

Тотъ вдругъ громко расхохотался и сквозь смѣхъ едва проговорилъ:

— Мнѣ смѣшно, какъ вы сразу уже начинаете свои педагогическія наблюденія и притомъ такимъ дѣловымъ тономъ. Но, что̀ касается Лизы, — продолжалъ онъ уже серьезно: — то заранѣе говорю вамъ, что никакія средства, если она чего не захочетъ, не помогутъ. Къ вамъ она еще долго будетъ избѣгать подходить...

Но въ это время дѣвочка, робко выглянувъ еще разъ изъ-за своего убѣжища, совершенно неожиданно встала и подошла къ Зинаидѣ Павловнѣ, краснѣя отъ замѣшательства. Она нѣкоторое время постояла въ нерѣшительности и вдругъ, вѣроятно, уже окончательно побѣжденная ласковой улыбкой своей будущей гувернантки, быстро обвила руками ея шею и поцѣловала въ самыя губы.

— Правда, Лиза, мы съ вами будемъ друзьями? — шепнула ей на ухо растроганная этой лаской Зинаида Павловна. — Вы вѣдь не будете отъ меня бѣгать? Да?

— Нѣтъ, не буду никогда, — еще тише отвѣтила дѣвочка, глядя въ землю: — вы... добрая...

— Браво, Зинаида Павловна! Однако вы сразу сдѣлали уже громадный успѣхъ, завоевавъ расположеніе этой капризницы! — воскликнулъ Кашперовъ. — Повѣрите ли, я въ первый разъ вижу, чтобы Лиза сама подошла къ кому-нибудь, кромѣ двухъ существъ въ мірѣ: своей старой няньки и собачонки Крошки. У васъ, должно-быть, необыкновенно добрая душа, — дѣти на это вѣдь чуткій народъ. Или вы владѣете, можетъ-быть, какимъ-нибудь педагогическимъ секретомъ? — И онъ опять расхохотался.

Зинаида Павловна ничего не отвѣчала. Ее коробили

и пристальный взглядъ, и громкій, дѣйствительно непріятный смѣхъ, и насмѣшливо-снисходительный тонъ Кашперова. «Почему онъ говоритъ со мной какъ съ дѣвочкой? — думала она. — Или онъ уже глядитъ на меня какъ на свою собственность, какъ на «что-то» закупленное имъ, надъ чѣмъ можно безпрепятственно практиковать дешевое остроуміе?»

Она, конечно, ошиблась, потому что Кашперовъ вообще былъ деликатенъ съ чужимъ самолюбіемъ, но у него уже давно выработалась манера говорить со всѣми женщинами нѣсколько небрежно и самоувѣренно, а чуткое ухо Зинаиды Павловны, не извѣдавшей еще настоящихъ жизненныхъ передрягъ, готово было въ каждомъ словѣ находить намекъ на обиду.

Кашперовъ пытался поддержать не клеившійся разговоръ: онъ разсказывалъ о городѣ, о биржѣ, о своемъ заводѣ и о новой, выписанной изъ-за границы динамоэлектрической машинѣ, разспрашивалъ о Москвѣ и институтской жизни. Но ему приходилось все время говорить одному. Зинаида Павловна совершенно ушла въ себя и на всѣ вопросы отвѣчала короткими «да» и «нѣтъ».

Они въ молчаніи допили свой чай и разошлись, вынеся другъ о другѣ непріятное впечатлѣніе.

«Странная дѣвчонка, — думалъ Кашперовъ, садясь въ пролетку, чтобы ѣхать на заводъ: — только-что сорвалась со скамейки, нищая, а держитъ себя совсѣмъ недотрогой. Жаль однако будетъ, если мы съ ней поссоримся. Лизку сразу къ ней потянуло... можетъ-быть, и вправду какой-нибудь прокъ выйдетъ. Душонка у ней добренькая, это что̀ говорить... да собой-то она ужъ очень не того...»

Въ то же время, хотя Кашперовъ и не терпѣлъ ни въ комъ подобострастія, но спокойная независимость, которая невольно чувствовалась въ этой гувернанткѣ, — су-

ществѣ обыкновенно жалкомъ и подвластномъ, — сильно его удивляла.

Зинаида Павловна, выйдя изъ-за стола, хотѣла пойти въ свою комнату, чтобы написать письмо. Она уже поднималась по лѣстницѣ, какъ услышала за собою торопливые шаги и, обернувшись, увидѣла бѣгущую къ ней Лизу.

— Милая Зинаида Павловна, — сказала дѣвочка, обхватывая ее за талію: — я у васъ хочу кое-что спросить, только вы обѣщайте, что не разсердитесь...

— Ну, хорошо, не разсержусь, — отвѣтила Зинаида Павловна, разсмѣявшись. — Что̀ же это за важная вещь? Спрашивайте.

— Скажите мнѣ, пожалуйста: вѣдь мой папа не понравился вамъ?

— Нѣтъ, Лиза, это вамъ только показалось,—поспѣшила разувѣрить дѣвочку Зинаида Павловна, удивляясь въ то же время ея дѣтской прозорливости:—наоборотъ, вашъ папа произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе...

— Ахъ, зачѣмъ же говорить неправду? Я знаю, вамъ папа показался такимъ... нѣтъ, не злымъ, а грубымъ... ну, да я не умѣю объяснить...

— Съ чего это вы взяли?

— Нѣтъ, я навѣрно знаю, потому что у васъ было такое же лицо, какъ бывало у мамы, когда папа скажетъ что-нибудь рѣзкое, а она замолчитъ и на всѣ его вопросы не отвѣчаетъ...

— Давно ваша мама умерла?

Дѣвочка задумалась; видно было, что какое-то обстоятельство затрудняетъ ее въ отвѣтѣ.

— Видите ли, — сказала она вдругъ съ внезапнымъ порывомъ откровенности: — я вамъ разскажу, только никому не говорите, потому что это разсказывать нельзя. Моя мама жива, но она уже давно уѣхала куда-то, и

когда я спрашиваю про нее у папы, то онъ на меня сердится...

Это открытіе поразило Зинаиду Павловну. Для нея, смотрѣвшей на бракъ какъ на таинственныя, священныя узы, мужъ и жена, живущіе врозь, были какимъ-то чудовищнымъ явленіемъ, и она мысленно поспѣшила обвинить во всемъ Кашперова. Конечно, несчастная женщина не могла ужиться съ этимъ непріятнымъ человѣкомъ; можетъ-быть, она теперь мучится всю жизнь и проклинаетъ ту минуту, когда связала съ нимъ свою судьбу...

Разговаривая такимъ образомъ, онѣ дошли до дверей комнаты Зинаиды Павловны.

— Можно мнѣ къ вамъ зайти? — спросила Лиза, умильно заглядывая въ лицо своей гувернантки.

Конечно, она получила согласіе. Тогда она осторожно пересмотрѣла всѣ вещи Зинаиды Павловны, разспросила, для чего употребляется каждый флакончикъ, каждый клочокъ бумажки; затѣмъ, все время, пока Зинаида Павловна писала письмо, она сидѣла, не сводя съ нея взора.

— Вы кончили? — спросила она, когда Зинаида Павловна стала заклеивать конвертъ.

— Кончила, а что?

— Я все время смотрѣла на васъ, и, знаете, вы — ужасно милая! Можно мнѣ поцѣловать васъ?

IV.

Однажды Кашперовъ пріѣхалъ къ обѣду въ самомъ сіяющемъ расположеніи духа: дѣла на заводѣ шли прекрасно, погода была ясная и холодная, и, проѣхавшись съ завода верхомъ, Сергѣй Григорьевичъ чувствовалъ сильный аппетитъ.

Когда Зинаида Павловна налила ему полную тарелку

горячаго супа, онъ совсѣмъ развеселился: дѣйствительно, эта дѣвушка обладала удивительной способностью придавать всему, за что только она ни бралась, отпечатокъ той свѣжести и женской аккуратности, которой было полно все ея существо.

— Знаете ли, великая вещь, если за столомъ хозяйничаетъ хорошенькая женщина, — сказалъ Кашперовъ весело и дружелюбно: — вѣдь на первый взглядъ кажется, что это — предразсудокъ, а между тѣмъ, ей-Богу, все пріобрѣтаетъ особенно пріятный вкусъ, и даже аппетитъ удесятеряется.

Кашперовъ хотѣлъ своимъ полушутливымъ, полудружескимъ обращеніемъ хотя немного расположить къ живому разговору Зинаиду Павловну, эту «диконькую барышню», которая, какъ онъ инстинктивно чувствовалъ, боялась и избѣгала его. Сегодня, когда яркіе солнечные лучи такъ весело заливали столовую, когда въ душѣ у Кашперова такъ сильно сказывалось радостное ощущеніе жизни, ему непріятно было видѣть хмурое лицо гувернантки.

— Да что жъ вы молчите, точно въ воду опущенная, Зинаида Павловна? — досадливо прибавилъ онъ, не дождавшись отвѣта. — Вы, кажется, съ первыхъ шаговъ уже имѣете что-то противъ меня. Оставьте, голубушка моя; вѣдь это — институтство!.. Я даже не могу понять: щекотливость ли заставляетъ васъ такъ относиться ко мнѣ, или же вы просто-напросто капризничаете!..

Зинаида Павловна подняла на него съ упрекомъ взоръ своихъ дѣтскихъ глазъ.

— Для чего вы смѣетесь надо мной, Сергѣй Григорьевичъ? — съ упрекомъ произнесла она внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

— Какъ смѣюсь?! — удивился Кашперовъ. — Да у меня и мысли такой въ головѣ не было, чтобы смѣяться. Когда?

Въ чемъ вы могли усмотрѣть насмѣшку? Я, право, отказываюсь понимать васъ.

— Да вотъ вы сейчасъ нарочно упомянули про какихъ-то хорошенькихъ женщинъ... Повѣрьте, я никогда не обольщалась своей наружностью и знаю о томъ, что некрасива... Но съ какой стати вамъ было напоминать объ этомъ?..

— Позвольте, Зинаида Павловна, успокойтесь, ради Бога, — почти въ отчаяніи сказалъ Сергѣй Григорьевичъ: — вѣдь это же наконецъ ужасно, что̀ вы обо мнѣ думаете!.. Ну, если хотите, я съ вами никогда не буду ни о чемъ, кромѣ дѣла, говорить. Мнѣ страшно непріятно, что вы съ первыхъ же дней видите во мнѣ врага. Увѣряю васъ, я вовсе не такое чудовище, какимъ кажусь.

Зинаида Павловна ничего не отвѣтила, но, какъ только обѣдъ кончился, тотчасъ же встала, ушла въ свою комнату и со слезами бросилась лицомъ въ подушку.

Скоро жизнь въ домѣ Кашперова потекла обычнымъ, размѣреннымъ ходомъ. Онъ пріѣзжалъ только на минуточку и при встрѣчахъ съ Зинаидой Павловной былъ офиціально-вѣжливъ, въ остальное же время совершенно позабывалъ объ ея существованіи.

Она, въ свою очередь, все время посвящала исключительно Лизѣ. Въ дѣвочкѣ складывалась богатая натура, стремительная въ своихъ побужденіяхъ и отзывчивая на все хорошее. Зинаида Павловна безъ всякаго труда, исподоволь, пріохотила ее къ музыкѣ и рисованію; ученье же шло у нихъ довольно вяло, потому что ни гувернантка ни воспитанница не имѣли достаточно выдержки... Но одинъ случай неожиданно возмутилъ однообразное спокойствіе этой жизни и совершенно перевернулъ вверхъ дномъ судьбу всѣхъ ея участниковъ.

Въ началѣ декабря у Кашперова выдался свободный вечеръ, который онъ не зналъ, куда употребить. Онъ

ходилъ безъ цѣли по комнатамъ, заложивъ руки въ карманы, и производилъ въ умѣ какое-то математическое вычисленіе для своего завода.

Было то странное время дня, когда потухающій день слабо борется съ надвигающеюся темнотою, придавая всему какое-то грустное освѣщеніе, располагающее къ тихой мечтательности.

Случайно проходя мимо дверей залы, Кашперовъ услышалъ, что кто-то беретъ на роялѣ мягкіе аккорды, и хотѣлъ-было войти туда, но въ это время до него донесся голосъ Зинаиды Павловны, разговаривавшей съ Лизой. Кашперовъ остановился за портьерой и сталъ прислушиваться.

— Ну, что̀ же я вамъ спою, Лиза? У меня, кажется, больше ничего не осталось, чего бы вы не слышали, — сказала Зинаида Павловна.

— Душечка, ну спойте, что̀ вамъ первое придетъ въ голову! — горячо упрашивала Лиза. — Помните, вы пѣли что-то изъ «Фауста»? Ну, теперь еще одинъ разикъ; я ужъ больше не буду приставать...

— Ну, хорошо, хорошо, не теребите только меня, а то зацѣлуете до смерти, — отвѣтила Зинаида Павловна, смѣясь и отбиваясь отъ порывистыхъ ласкъ своей воспитанницы.

— Вамъ темно, Зинаида Павловна! Можетъ-быть, за̀жечь свѣчи? — спросила Лиза.

— Не надо, прошу васъ, не зажигайте, я буду наизусть играть... Ну, слушайте...

И она начала играть второй актъ, изрѣдка объясняя содержаніе музыки.

— Вотъ это — народный праздникъ во время ярмарки... Мефистофель приводитъ туда и Фауста... Слушайте, какой чудный вальсъ, лучше его нѣтъ ни одного вальса въ мірѣ... Маргарита проходитъ съ молитвенникомъ...

Фаустъ пораженъ ея красотой... Онъ долго смотритъ въ восхищеніи издали, а затѣмъ подходитъ къ ней...

И она запѣла на низкихъ нотахъ своего голоса извѣстныя слова: «Позвольте предложить, прелестная, вамъ руку...». Маргарита взглянула на него, потупилась и тихо отвѣчаетъ: «Ахъ, не блещу я красотою и потому не стою рыцарской руки»...

Кашперовъ хорошо зналъ оперу «Фаустъ», слышалъ ее въ исполненіи европейскихъ знаменитостей и всегда любилъ ее. Но теперь фраза, такъ нѣжно пропѣтая серебристымъ голосомъ Зинаиды Петровны, совершенно потрясла его.

Изъ таинственной полутьмы, царившей въ залѣ, лились одинъ за другимъ звуки мелодіи, полные наивной грусти, и въ умѣ Кашперова съ поразительной ясностью возсталъ образъ Зинаиды Павловны, съ ея дѣвственнымъ молодымъ обликомъ и спокойными глазами, ясными, какъ утреннее небо.

«Да, она Маргарита, — невольно пронеслось у него въ умѣ: — только кто же будетъ ея Фаустомъ?»

Сергѣй Григорьевичъ, часто и близко сталкиваясь съ различными женскими характерами, такъ изучилъ всѣ перипетіи любви, всѣ мельчайшіе оттѣнки въ тонѣ и взглядѣ, что почти никогда не ошибался въ своихъ заключеніяхъ на этотъ счетъ, и теперь, когда голосъ Зинаиды Павловны дрожалъ, замирая на послѣдней нотѣ, онъ сказалъ себѣ: «Да, у нея есть Фаустъ, потому что никакая выучка не можетъ придать музыкѣ такой глубины чувства... Вѣроятно, кузенъ... какой-нибудь юнкеръ или гимназистъ»...

Зинаида Павловна замолкла. Настала такая тишина, что Кашперову казалось, будто стукъ его сердца раздается по всему дому.

— Ну, дальше, Зинаида Павловна, — взволнованнымъ шопотомъ проговорила Лиза: — милая Зиночка, дальше!..

— А дальше то, — тихо отозвалась черезъ нѣкоторое время Зинаида Павловна: — что Фаустъ скоро позабылъ о Маргаритѣ, а она... она никакъ не можетъ позабыть о немъ...

«Я не ошибся,—рѣшилъ Кашперовъ, услыхавъ, сколько затаенной грусти прозвучало въ послѣднихъ словахъ: — да притомъ еще, кажется, ея Фаустъ не подаетъ никакой надежды на взаимность».

— Ну, слушайте еще, — заговорила опять Зинаида Павловна: — только ужъ въ самый послѣдній разъ: Маргарита сидитъ за прялкой и поетъ.

И опять, вмѣстѣ со сказкой о Ѳульскомъ королѣ, полился этотъ чистый, хватающій за сердце голосъ.

«Боже мой, какая прелесть, — думалъ Кашперовъ, съ жадностью ловя каждую ноту. — Вотъ оно, истинное наслажденіе. Но гдѣ же эта бѣдная дѣвушка могла обрѣсти такіе чудные звуки?..»

Онъ чувствовалъ, что у него въ глазахъ стоятъ слезы. Въ то же время имъ овладѣлъ приливъ какой-то безграничной, смутной злобы...—«Ужъ не ея ли Фаустъ такъ огорчаетъ меня?»—насмѣшливо спросилъ онъ себя и не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Ну, теперь довольно, — сказала Зинаида Павловна, окончивъ сказку и громко захлопнувъ ноты: — нервы разстраивать не годится. Ловите меня, Лиза!

И она побѣжала, сопровождаемая Лизой, и откуда-то, издалека, донесся до слуха Кашперова ея смѣхъ, разсыпавшійся въ серебристыхъ треляхъ.

«Однако я размякъ порядкомъ», — съ озлобленіемъ рѣшилъ Сергѣй Григорьевичъ и тотчасъ же велѣлъ закладывать себѣ лошадь. Онъ очень долго остался въ этотъ вечеръ на заводѣ, особенно тщательно наблюдалъ за его ходомъ, безсознательно стараясь, какъ можно больше угомониться.

Ему удалось привести себя въ уравновѣшенное состояніе, но, когда поздно ночью онъ уже окончательно улегся въ постель и потушилъ свѣчу, изъ темноты вдругъ нѣжно и задумчиво прозвучало: «Ахъ, не блещу я красотою»...

— Тьфу ты, чортъ побери! — сердито отплюнулся Сергѣй Григорьевичъ. — Нужно же было этой итальянщины наслушаться!

Хотя Кашперовъ и отплевывался такъ энергично, тѣмъ не менѣе на другой день, едва только начало смеркаться, онъ уже стоялъ на томъ же мѣстѣ за портьерой... Онъ прождалъ около получаса, пока наконецъ пришла Зинаида Павловна и сѣла за рояль.

На этотъ разъ Лизы съ ней не было. Она долго брала разсѣянные аккорды, потомъ заиграла бурную интродукцію шубертовскаго «Erlkönig» и запѣла. Но она не кончила баллады и, оборвавъ ее на серединѣ, перешла сразу въ C-mol'ный вальсъ Шопена.

Когда она перестала играть и сидѣла, задумчиво трогая пальцами клавиши, Кашперовъ нечаянно скрипнулъ дверью. Звуки прекратились совсѣмъ; повидимому, Зинаида Павловна прислушивалась. Оставаться долѣе за портьерой становилось неудобно, и Сергѣй Григорьевичъ предпочелъ войти въ залу.

— Извините, Зинаида Павловна, — мягко сказалъ онъ: — я подслушивалъ васъ. Но вы вѣдь не стали бы при мнѣ играть? А между тѣмъ я получилъ столько наслажденія, стоя вотъ здѣсь... за дверью.

Зинаида Павловна, при видѣ этого человѣка, съ которымъ она всегда избѣгала встрѣчаться, быстро встала съ своего мѣста.

— Извините, кажется, я своей музыкой помѣшала вамъ заниматься? Я постараюсь больше не дѣлать этого!

И она направилась къ дверямъ, стараясь обойти его подальше.

— Да подождите же, ради самого Бога, Зинаида Павловна! — почти закричалъ Кашперовъ, хватая ея руку.— Неужели вамъ даже быть со мною въ одной комнатѣ гадко? Поймите вы наконецъ, — умоляю васъ, — что между нами лежитъ какое-то чудовищное недоразумѣніе... Развѣ я не вижу, что если бы не Лиза, которая къ вамъ привязалась, то вы давно оставили бы мой домъ...

— Да, вы не ошибаетесь въ этомъ, — отвѣчала Зинаида Павловна, не глядя на него и вырывая свою руку изъ его горячей, сильной руки:—но если вамъ только хотѣлось напомнить объ этомъ, то вы могли бы не трудиться начинать издалека...

— Ну вотъ, опять точно такъ же, какъ и въ первый разъ, вы нарочно не хотите понять меня,—досадливо перебилъ ее Кашперовъ и быстро заговорилъ, боясь, что она уйдетъ, не выслушавъ его: — вы смотрите на меня съ предубѣжденіемъ, почему-то отказываете мнѣ даже въ такомъ человѣческомъ чувствѣ, какъ любовь къ музыкѣ... Да гдѣ же здѣсь кроется моя вина? Повѣрите ли, я — сильный человѣкъ, я лошадиныя подковы гну, я никогда не зналъ, что̀ такое нервы, но вчера, стоя за портьерой, чувствовалъ на своихъ глазахъ слезы. И, разъ вы обладаете силой дѣйствовать такъ своимъ искусствомъ, вамъ грѣшно было враждебно отнестись къ моему восторгу! Вы не имѣли права отказывать мнѣ въ этомъ наслажденіи!.. Наконецъ, все это — ломаніе, все это — страшно-неестественно!

Въ его голосѣ слышалось волненіе. Зинаида Павловна внимательно и пытливо взглянула ему въ лицо своими невинными глазами.

Нѣтъ, онъ не лгалъ, потому что его щеки пылали

и глаза горѣли, но ей это горячее увлеченіе были и чуждо и непонятно.

— Я не понимаю васъ, Сергѣй Григорьевичъ, — холодно произнесла она и быстро вышла изъ залы.

Между ними, дѣйствительно, лежало недоразумѣніе.

«Что̀ мнѣ въ этой дѣвчонкѣ? — злился черезъ нѣсколько часовъ Кашперовъ, ворочаясь на своей кровати. — Отчего я не могу ни о чемъ думать, кромѣ нея? Вѣдь не могъ же я влюбиться? Правда, въ ней есть что-то влекущее: эти ясные глаза, эта женственность... Да что̀ же мнѣ-то до нея за дѣло? «Въ Ѳуле жилъ-да былъ король»... Да, съ такимъ голосомъ можно совсѣмъ перевернуть человѣка! Откуда у нея эта выразительность? Кто съ ней занимался? Или, можетъ-быть, она уже любила и мучилась? «И до самой своей смерти онъ»... Ахъ, чортъ побери, да засну ли я наконецъ въ эту проклятую ночь?.. Вотъ тебѣ и хваленое равновѣсіе... Недостаетъ еще, чтобы я началъ принимать валеріановыя капли!..»

Кашперовъ влюбился. Онъ уже давно, лѣтъ десять тому назадъ, оставилъ всякія любовныя глупости, пресытившись женскимъ вниманіемъ, которое ему давалось черезчуръ легко, и сталъ исключительно человѣкомъ дѣла. Но въ былое время самыя опытныя въ дѣлѣ веденія интригъ, прошедшія сквозь огонь и воду женщины всегда говорили, что въ немъ есть «что-то магнитическое».

Дѣйствительно, онъ тогда въ своихъ желаніяхъ не признавалъ препятствій: чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ желаніе достигнуть завѣтной цѣли, и онъ смѣло шагалъ черезъ нихъ, обольщая дерзостью и порабощая слабую волю женщины своей дикой, необузданной волей. Но, какъ только цѣль бывала достигнута, ему становилось скучно; впереди рисовались другія заманчивыя перспективы, иные соблазны. И

судьба, какъ будто умышленно, покровительствовала ему, всѣ предпріятія этого человѣка носили на себѣ печать необыкновеннаго успѣха. Онъ игралъ, рискуя послѣднимъ, и всегда былъ баснословно счастливъ; ударился въ коммерческія предпріятія и неожиданно для всѣхъ разбогатѣлъ. Въ любви, какъ и во всемъ остальномъ, онъ не зналъ проигрыша, но шатаніе по женскимъ сердцамъ интересовало его только до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдился, что въ сущности новаго ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтишь.

А теперь передъ нимъ, какъ живой, стоялъ нѣжный образъ блѣдной дѣвушки, съ синими прозрачными глазами и плѣнительнымъ голосомъ, и онъ не зналъ, какъ къ нему приступиться, съ чего начать.

— Нѣтъ, врешь, я тебя пересилю, — озлобленно шепталъ уже на разсвѣтѣ Кашперовъ, весь охваченный взрывомъ запоздалой любви: — я заставлю тебя! Пусть ты чиста, я въ тебѣ разбужу такіе инстинкты, въ которыхъ ты сама себя не узнаешь!

Онъ говорилъ эти слова, полныя безумной страсти, и въ то же время ни одной секунды не вѣрилъ себѣ, а въ душѣ его грустный голосъ пѣлъ: «Ахъ, не блещу я красотою!..»

V.

Почти во всякомъ городѣ, среди такъ называемаго «общества», есть личности, которыя хотя и пользуются всѣми внѣшними знаками уваженія, но существованіе которыхъ, подверженное разнымъ неожиданнымъ превратностямъ, не можетъ не быть подозрительнымъ даже для самаго близорукаго наблюдателя. Конечно, никто даже въ мысляхъ не подумаетъ назвать ихъ «темными личностями», потому что темная личность ходитъ обыкно-

венно въ отрепьяхъ, одна штанина на выпускъ, другая— въ сапогѣ, говоритъ возвышеннымъ слогомъ, называя себя благороднымъ офицеромъ, пострадавшимъ за правду, и не выдерживаетъ болѣе двухъ секундъ внимательно устремленнаго на нее взгляда. Но зато каждый мирный обыватель, который вчера только видѣлъ одного изъ нихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а нынче застаетъ его въ шикарномъ ресторанѣ, бросающаго безъ счета совершенно новенькими кредитками, невольно начинаетъ терзаться смутной мыслью: не придется ли ему, ни въ чемъ неповинному обывателю, и даже въ самомъ непродолжительномъ времени, расплачиваться за этотъ безшабашный кутежъ?

Къ числу такихъ загадочныхъ личностей принадлежалъ Павелъ Аѳанасьевичъ Круковскій, у котораго вечеромъ на второй день Новаго года собралось все, что было хоть немного похожаго на интеллигенцію въ городѣ Р*. Павелъ Аѳанасьевичъ давалъ такіе вечера раза четыре въ годъ, иногда положительно безъ всякаго повода, и нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ не веселилась молодежь, нигдѣ за ужиномъ не лилось столько шампанскаго и нигдѣ послѣ ужина не велась такая сумасшедшая игра, разсказы о которой долгое время ходили потомъ по всей губерніи, какъ у него. Между тѣмъ никто изъ посѣщавшихъ вечера Круковскаго никогда не могъ бы дать себѣ отчета, на какія средства все это дѣлается. Правда, Круковскій увѣрялъ, что у него въ Пензенской губерніи есть огромное имѣніе, куда онъ на будущій годъ собирается уѣхать, потому что «нельзя же полагаться на подлеца-управляющаго», но это доброе намѣреніе такъ и оставалось всегда невыполненнымъ. Его изрѣдка видали на биржѣ, озабоченно шепчущимся съ «зайцами», видали за карточнымъ столомъ, гдѣ онъ выигрывалъ и проигрывалъ совершенно хладнокровно огромныя суммы,

но каковъ былъ спеціальный родъ его занятій, оставалось покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности.

На этотъ разъ съѣздъ у Круковскаго былъ громадный; трое городовыхъ работали въ потѣ лица передъ его домомъ, тщетно стараясь возстановить порядокъ, безпрестанно нарушаемый подъѣзжающими каретами, «семейными» санками и такими экипажами, неизвѣстными нигдѣ—кромѣ Р-ской губерніи, для которыхъ нѣтъ названій ни на какомъ языкѣ.

Изъ ярко освѣщенныхъ оконъ неслись красивые звуки военной музыки, игравшей веселую польку, въ окнахъ виднѣлись, привлекая вниманіе толпы, собравшейся на улицѣ, разряженныя фигуры гостей.

Къ крыльцу подъѣхали низенькія сани Кашперова. Кучеръ едва сдерживалъ великолѣпнаго чернаго рысака, который храпѣлъ, косясь испуганнымъ глазомъ на сіяющій подъѣздъ, и въ нетерпѣніи билъ передними ногами.

Сергѣй Григорьевичъ быстро выскочилъ изъ саней и помогъ выбраться сначала Зинаидѣ Павловнѣ, а потомъ дочери.

Это былъ первый балъ, на который Зинаида Павловна уговорила поѣхать свою воспитанницу. Лиза ужасно волновалась. При одѣваньи, всегда сдержанная съ прислугой, она закричала на горничную, неловко затягивавшую шнуровку корсета, а когда Сергѣй Григорьевичъ, совсѣмъ уже одѣтый, крикнулъ черезъ дверь, что пора ѣхать, ею вдругъ овладѣлъ такой страхъ, что она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Всю дорогу дѣвочка ѣхала молча, тревожно выглядывая изъ-подъ окутывавшаго ее большого ковроваго платка. Теперь же, когда, слегка вздрагивая отъ волненія и не прошедшаго еще ощущенія холода, она раздѣвалась въ уборной, страхъ совершенно неожиданно исчезъ. Блескъ и шумъ, господствовавшіе въ уборной, смѣшанный запахъ разныхъ духовъ, красивые туалеты дамъ, подмывающій мотивъ польки, глухо доноси-

вшійся сверху,—однимъ словомъ, вся эта опьяняющая атмосфера перваго бала лихорадочно оживила Лизу, и когда она въ сопровожденіи Зинаиды Павловны входила въ залу, то какое-то внутреннее ощущеніе говорило ей, что она чрезвычайно мила въ эту минуту. Дѣйствительно ее замѣтили и въ одинъ мигъ расхватали у нея всѣ танцы... Усталая, задыхающаяся, со сбившимися волосами, она сіяла счастливой улыбкой, и едва только присаживалась на мѣсто, какъ новый кавалеръ увлекалъ ее въ кругъ танцующихъ.

Зинаида Павловна съ удовольствіемъ слѣдила глазами за своей любимицей. Она знала, что ее, одѣтую чуть ли не въ домашнее простенькое платьице, блѣдную и некрасивую, никто не станетъ приглашать (она привыкла къ этому еще въ институтѣ), и потому скромно заняла одинъ изъ тѣхъ дальнихъ уголковъ залы, которые самой судьбой предназначены для разнаго рода безличныхъ существъ: маменекъ въ невозможныхъ чепцахъ и озлобленно зѣвающихъ наперсницъ. Успѣхъ Лизы искренно радовалъ Зинаиду Павловну, но, хотя она и была чужда мелочной завистливости кисейныхъ барышень, тѣмъ не менѣе не могла избавиться отъ грустнаго сознанія, что ей не мѣсто среди этого праздника красоты и молодости, счастливыхъ улыбокъ, нѣжныхъ фразъ, граціозныхъ, согласныхъ движеній.

Какой-то пестрый «молодой человѣкъ», по всѣмъ признакамъ мелкій канцелярскій чиновникъ, съ дряблымъ испитымъ лицомъ, украшеннымъ нафабренными усами и огненнымъ галстукомъ, потерявъ случайно даму на кадриль, разлетѣлся впопыхахъ къ Зинаидѣ Павловнѣ и пригласилъ ее, но, увидѣвъ незнакомое лицо, скучное и некрасивое, въ смущеніи заегозилъ на мѣстѣ. Это не укрылось отъ Зинаиды Павловны, и едва только она отказала акцизнику, онъ радостно вздохнулъ и побѣжалъ

дальше той развязной иноходью, которая до сихъ поръ еще употребляется на вечерахъ провинціальными «львами», какъ несомнѣнный признакъ щегольства и хорошаго тона.

— Зинаида Павловна! Наконецъ-то я нашелъ васъ! — раздался надъ нею привѣтливый голосъ.

Она вся радостно вздрогнула и подняла голову: передъ ней стоялъ, дружелюбно улыбаясь и протягивая руку, Аларинъ. Онъ былъ удивительно хорошъ въ эту минуту: безукоризненнаго покроя фракъ ловко обрисовывалъ его изящную фигуру, черные волосы живописно вились вокругъ его красиваго, открытаго лица.

Зинаида Павловна вспыхнула отъ неожиданнаго прилива громаднаго, еще ни разу неизвѣданнаго счастья. Этотъ красавецъ, постоянный предметъ ея ночныхъ дѣвическихъ грезъ, о мимолетной встрѣчѣ съ которымъ она вспоминала, какъ о волшебномъ прекрасномъ снѣ, опять былъ подлѣ нея, все такой же обаятельный, съ тѣмъ же чарующимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ.

Она ничего не могла отвѣтить, кромѣ взволнованнаго «здравствуйте», хотя на языкъ ей и просились горячія, полныя восторга слова.

— Я какъ только увидѣлъ Кашперова, — заговорилъ Аларинъ, опускаясь рядомъ съ нею на стулъ: — такъ сейчасъ же подумалъ, что вы здѣсь, но насилу могъ отыскать, такъ вы далеко запрятались.

— Я не танцую, — отвѣтила Зинаида Павловна, не сводя съ него восхищеннаго взора.

— А наблюдаете только? Дѣйствительно здѣсь для наблюденія обильная пища. Знаете ли, что̀ меня постоянно смѣшитъ на балахъ? Это — страшная неестественность, которая всѣми овладѣваетъ. Да и не на балахъ только, а и на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ судѣ, — однимъ словомъ, передъ лицомъ публики.

— Отчего же вы думаете, что всѣ чувствуютъ себя

неловко? Посмотрите, вотъ, напримѣръ, пара; развѣ можно предположить, что сегодняшній вечеръ не самый веселый въ ихъ жизни? — И Зинаида Павловна указала глазами на полную даму съ лицомъ пожилой пѣвицы или цыганки изъ кафе-шантана, одѣтую въ розовое шелковое платье, вырѣзанное до послѣднихъ границъ приличія, проходившую подъ руку съ высокимъ бакенбардистомъ въ очкахъ и заливавшуюся непринужденнымъ хохотомъ.

— Вотъ вы и ошиблись, — возразилъ Аларинъ: — у этой пары на умѣ вовсе не смѣхъ, а самое пылкое желаніе вцѣпиться другъ другу въ глаза. Дама въ розовомъ платьѣ, видите ли, жена нашего исправника, а ея кавалеръ — здѣшній прокуроръ. А прокуроръ и исправникъ поклялись взаимно въ такой непримиримой враждѣ, что если даже опустѣетъ весь міръ, то они все-таки не перестанутъ истреблять другъ друга до тѣхъ поръ, пока отъ обоихъ не останутся только кончики хвостовъ. И выходитъ, что этотъ заразительный смѣхъ — тѣ же крокодиловы слезы!

— Ну, это, положимъ, частный случай; но поглядите кругомъ, развѣ вы мало видите веселыхъ лицъ?

— Увѣряю васъ, настоящаго веселья нѣтъ ни капли, все это страшно фальшиво и натянуто. Человѣкъ улыбается и заботится о томъ, чтобы его телячья улыбка произвела впечатлѣніе, разговариваетъ и старается дѣлать граціозные жесты. Посмотрите, вотъ идутъ два офицера, — вѣдь они какъ будто горячо спорятъ между собою о чемъ-то, а въ сущности оба городятъ страшный вздоръ и изо всѣхъ силъ стараются привлечь на себя общее вниманіе. Ну, развѣ бываютъ у людей, собравшихся повеселиться, такія выпяченныя груди и такая неправдоподобная походка? Такъ вѣдь только ходятъ короли и военачальники въ операхъ...

Зинаида Павловна поглядѣла на офицеровъ и не могла не улыбнуться удачному сравненію Аларина.

— Однакоже вы безпощадны, Александръ Егоровичъ. Неужели вы надо всѣми такъ зло издѣваетесь?— спросила она.

— Надо всѣми, потому что это — лучшее средство не быть никогда самому осмѣяннымъ.

— Но для чего же вы бываете на балахъ, если они въ васъ ничего, кромѣ насмѣшки, не возбуждаютъ?

— А вотъ именно для того, чтобы посмѣяться; такъ или иначе, а это похвальное желаніе свойственно каждому изъ насъ, грѣшныхъ. Но кромѣ того меня тянетъ еще вонъ та комнатка, въ которой можно испытать самыя сильныя ощущенія въ мірѣ, — и Аларинъ показалъ рукой на растворенныя двери кабинета, гдѣ среди облаковъ дыма виднѣлись солидныя фигуры почтенныхъ представителей дворянства, чинно сидящихъ за зелеными столиками.

— Неужели вы играете въ карты? Вѣдь это, должно-быть, ужасно скучно?

— Я играю только въ азартныя игры.

— Какія это азартныя? Объясните, пожалуйста, я не понимаю.

— Самый простой способъ наживы: я беру въ руку сторублевую кредитку, подхожу къ вамъ и говорю: «Въ какой рукѣ?» Вы говорите: «Въ правой». Угадали — сторублевка ваша, не угадали — позвольте мнѣ столько же. Это, собственно говоря, идея, но, конечно, умные люди додумались до множества варіантовъ ея и даже до цѣлыхъ теорій о счастьѣ!

Зинаида Павловна широко раскрыла глаза.

— Но вѣдь это возмутительно, — произнесла она, пораженная его объясненіемъ: — это... извините меня, пожалуйста, но вѣдь это похоже на грабежъ... А если я увлекусь, проиграю больше, чѣмъ у меня есть?

Аларинъ замѣтилъ ужасъ Зинаиды Павловны, и имъ овладѣло желаніе порисоваться.

— Разные бываютъ способы, — отвѣтилъ онъ, щеголяя напускнымъ хладнокровіемъ: — нѣкоторые предпочитаютъ въ этихъ случаяхъ спасаться бѣгствомъ, другіе— пускаютъ себѣ въ лобъ пулю... Да вообще сильныя ощущенія даромъ не даются, — человѣкъ во время игры становится самымъ опаснымъ изъ всѣхъ дикихъ звѣрей..

— Господи, неужели и вы?..

— Зинаида Павловна, не судите меня такъ строго: вамъ жизнь — новинка, а между тѣмъ она такъ мелка, такъ ничтожна, такъ бѣдна чѣмъ-нибудь шевелящимъ воображеніе... А въ игрѣ — страсть!.. Каждый нервъ живетъ... чувствуешь біеніе каждой жилы... И вовсе не деньги влекутъ... а счастье, счастье, одно только милое, нелѣпое счастье. Вѣдь я—добрый человѣкъ, я готовъ со всякимъ нищимъ подѣлиться, но вы не поймете, что это за необъяснимое блаженство пустить въ одинъ вечеръ по міру два или три почтенныхъ семейства.

При послѣднихъ словахъ Зинаида Павловна поблѣднѣла.

— Не говорите такъ, Александръ Егоровичъ, прошу васъ, — сказала она съ грустнымъ упрекомъ: — вы не можете быть такимъ... вы клевещете на себя!..

Аларинъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ: отъ него не ускользнули ни ея блѣдность ни то глубокое чувство, съ которымъ она произнесла эти слова.

— Да вы не подумайте, Зинаида Павловна, — воскликнулъ онъ веселымъ, добродушнымъ голосомъ: — что я какой-нибудь драматическій злодѣй... я просто, какъ художникъ, увлекся картиной, и больше ничего. Пойдемте танцовать вальсъ!

И онъ всталъ, приглашая ее красивымъ поклономъ.

Аларинъ прекрасно вальсировалъ. Зинаида Павловна

совершенно отдалась въ его волю, и они быстро закружились подъ плавные, упоительные звуки. Ей казалось, что горѣвшія по стѣнамъ бра сливаются въ одинъ громадный огненный кругъ... голова кружилась... глаза ничего не различали. Она чувствовала на своихъ волосахъ горячее, прерывистое дыханіе Аларина, чувствовала его сильную руку, плотно лежащую на ея таліи. Какія-то волны блаженства подняли и несли ее все выше и выше... Это было какое-то чудное, сладкое забытье, — состояніе, подобнаго которому она еще никогда не испытывала.

— Мерси!—едва могла наконецъ проговорить Зинаида Павловна, еле дыша отъ утомленія.—Пожалуйста, уведите меня куда-нибудь изъ залы, здѣсь ужасно душно.

Они пошли по направленію къ дверямъ, но вдругъ Зинаида Павловна, какъ будто вслѣдствіе внезапнаго толчка, который испытываетъ человѣкъ, если ему упорно глядятъ въ затылокъ, быстро обернулась назадъ.

Изъ глубокой амбразуры окна на нее жадно и пристально смотрѣли два сверкающихъ глаза. Дѣвушка вся сжалась отъ ощущенія инстинктивнаго страха и, прильнувъ къ локтю своего кавалера, торопливо прошептала:

— Ради Бога, скорѣе... скорѣе...

Они дошли до маленькой, никѣмъ не занятой гостиной. Въ этой комнатѣ, заставленной роскошной мягкой мебелью и залитой розовымъ полусвѣтомъ, струившимся изъ висячаго фонарика, было тихо и прохладно.

— Чего вы такъ испугались, Зинаида Павловна? — спросилъ Аларинъ, когда они усѣлись на диванъ. — Я начинаю предполагать здѣсь что-то таинственное. Можетъ-быть, вамъ понадобится, какъ въ старинныхъ сказкахъ, храбрый рыцарь, который избавилъ бы свою даму отъ какихъ-нибудь магическихъ чаръ

Онъ видѣлъ замѣшательство Зинаиды Павловны и хотѣлъ разогнать его веселой шуткой.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она, все еще не оправившись отъ овладѣвшаго ею волненія:—мнѣ просто стало очень нехорошо, потому что я отвыкла отъ вальса...—И вдругъ у нея совершенно неожиданно сорвалось съ языка:—Кромѣ того... эти ужасные глаза...

«Ага!—подумалъ Аларинъ: — стало-быть, дѣйствительно что-то есть», — и онъ спросилъ серьезно и значительно:

— Помните, Зинаида Павловна, нашъ уговоръ?

— Какой уговоръ?

Она отлично знала, что̀ напоминаетъ Аларинъ, но ей казалось, что если бы она отвѣтила прямо, то ея тонъ выдалъ бы то радостное волненіе, которое охватило ее при этомъ вопросѣ.

— Когда мы прощались послѣ нашей первой встрѣчи, вы обѣщали обратиться ко мнѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть, это время уже настало?

— Не... не знаю,—тихо отвѣтила она, опустивъ низко голову.

— Значитъ, я не ошибся, Зинаида Павловна! Скажите мнѣ правду: отвѣтите ли вы на одинъ мой вопросъ?

Она уже чувствовала, что онъ понялъ ее, знала даже, въ чемъ будетъ заключаться его вопросъ.

«Если вѣрно, то «да», — подумала она про себя, не сознавая, впрочемъ, ясно, въ чемъ будетъ заключаться это «да».

— Хорошо, я отвѣчу вамъ, — сказала она, съ замираніемъ сердца ожидая вопроса.

Аларинъ произнесъ только одно слово:

— Кашперовъ?

«Да!»—пронеслось быстрѣе молніи въ головѣ Зинаиды Павловны, но она не сказала ни одного слова, а только еще ниже опустила свое лицо, загорѣвшееся яркимъ румянцемъ. Ей казалось, что Аларинъ читаетъ въ сокровенныхъ тайникахъ ея души

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Онъ преслѣдуетъ васъ? — спросилъ Аларинъ, стараясь произнести эти слова по возможности мягче и деликатнѣе.— Давно?

Зинаида Павловна не могла больше сдерживаться и, нервно сжавъ руки, такъ что ея тонкіе пальцы хрустнули, горячо заговорила:

— Я не знаю, что̀ ему надо отъ меня! Съ того несчастнаго вечера, когда я играла на роялѣ и пѣла что-то изъ «Фауста», онъ не даетъ мнѣ покоя. Онъ ничего не говоритъ, да и не можетъ сказать, потому что я избѣгаю его... но онъ смотритъ на меня такими ужасными глазами, что у меня теперь постоянно предчувствіе чего-то очень нехорошаго... Я боюсь этого человѣка, — добавила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Я понимаю васъ, — задумчиво сказалъ Аларинъ. — Но вы, должно-быть, съ самой первой встрѣчи отнеслись къ нему сухо и враждебно?

— Да.

— Это ничего добраго не обѣщаетъ. Кашперовъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ Гейне сказалъ: «Сударыня, если вы хотите заслужить мою любовь, то должны обращаться со мной, какъ съ канальей!» Ихъ тянетъ къ себѣ только невозможное, а препятствія еще сильнѣе раздражаютъ. Мой искренній совѣтъ вамъ: ѣхать какъ можно скорѣе домой. Кашперовъ — такая сила, съ которой считаться вамъ, слабой и нѣжной дѣвушкѣ, — трудно. Я знаю, что ни съ вашей ни съ его стороны никакіе компромиссы немыслимы, а чѣмъ можетъ все это кончиться — трудно даже предположить... Уѣзжайте, ради Бога, скорѣе.

Аларинъ очень жалѣлъ эту дѣвушку, которая съ первой же встрѣчи завоевала его симпатію своею беззащитностью.

— Развѣ я объ этомъ не думала раньше? — возразила Зинаида Павловна: — но мнѣ все какъ-то жаль было оставить Лизу,—дѣвочка очень полюбила меня. Да и маму надо было бы предупредить, а то она Богъ знаетъ, что̀ подумаетъ...

— Позвольте вамъ предложить одну услугу, Зинаида Павловна?

— Что̀ такое?

— Если вамъ будетъ ужъ очень тяжело, черкните мнѣ словечка два. Адресъ самый простой: пристань, контора правленія, такому-то... Хорошо? Я около самой пристани и живу.

Ласковый тонъ его голоса дѣйствовалъ на Зинаиду Павловну успокоительно; въ немъ было такъ много почти родственнаго участія.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я объ этомъ прошу васъ серьезно, — настаивалъ Аларинъ. — Если нужно будетъ, я попрошу своихъ хорошихъ знакомыхъ пріютить васъ недѣльки на двѣ...

И, боясь, чтобы она не нашла его послѣднія слова обидными, онъ добавилъ:

— Они рады будутъ для меня сдѣлать что-нибудь пріятное. Такъ обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Ну, вотъ и отлично, большое вамъ спасибо за довѣріе... Дайте мнѣ въ залогъ вашу руку...

— Pardon! Я, кажется, нѣсколько помѣшалъ вамъ?— раздался въ дверяхъ насмѣшливый голосъ.

Они вздрогнули и, точно пойманные въ чемъ-нибудь дурномъ, быстро отдернули свои руки: на порогѣ гостиной, заложивъ руки въ карманы и презрительно щуря глаза, стоялъ Кашперовъ.

Бываютъ иногда такія внезапно обостряющіяся положенія, когда люди какимъ-то внутреннимъ чутьемъ пости-

гаютъ не только слова или выраженіе лицъ другъ друга, но и самыя темныя, сокровенныя мысли... Такимъ образомъ и у этихъ трехъ людей мгновенно выяснились и опредѣлились взаимныя отношенія. Кашперовъ по устремленнымъ на него взглядамъ тотчасъ же догадался, что рѣчь шла о немъ. Онъ даже зналъ, что̀ именно говорилось: отъ него не укрылось ни участливое, растроганное лицо Аларина, ни протянутая рука Зинаиды Павловны.

Аларинъ, возмущенный всѣмъ, только-что слышаннымъ про этого человѣка, поднялся ему навстрѣчу съ вызывающимъ взглядомъ, ища и не находя дерзкаго отвѣта на насмѣшливо-небрежное извиненіе.

— Я отыскалъ васъ, Зинаида Павловна, — продолжалъ Кашперовъ тѣмъ же тономъ: — чтобы узнать, когда вамъ будетъ угодно ѣхать домой. Я уже отвезъ Лизу; у нея болѣла голова.

— Напрасно вы мнѣ не сказали этого раньше, я тоже поѣхала бы съ вами, — сухо отвѣтила Зинаида Павловна, глядя въ сторону.

— Извините, пожалуйста, я не хотѣлъ мѣшать вашей увлекательной бесѣдѣ съ господиномъ Аларьевымъ, — умышленно перевралъ Кашперовъ фамилію Александра Егоровича.

Аларинъ хотѣлъ бросить ему гнѣвное замѣчаніе, но самоувѣренная, спокойно-дерзкая манера Кашперова совершенно парализовала его обычную смѣлость и находчивость.

— Потрудитесь отвезти меня,—сказала Зинаида Павловна и пошла изъ гостиной, сопровождаемая Кашперовымъ, который предварительно отвѣсилъ Аларину насмѣшливый поклонъ.

Но у дверей она вдругъ остановилась, какъ будто что-то припомнивъ, и, быстро повернувшись, подошла къ Александру Егоровичу.

— Прощайте,—произнесла она быстрымъ шопотомъ.— Пожалуйста, исполните мою просьбу, не играйте сегодня. Это для меня очень, очень важно...—И вдругъ, взглянувъ ему прямо въ глаза, съ порывомъ внезапной страсти она прибавила: — Ради Бога, родной мой, у меня сердце за васъ неспокойно...

Аларинъ былъ пораженъ ея словами. «Что̀ съ ней сдѣлалось? Неужели это любовь? — подумалъ онъ, слѣдя глазами за удаляющейся дѣвушкой. — Вотъ чего я никакъ не ожидалъ!»—И, пожавъ плечами, Александръ, Егоровичъ медленными шагами направился въ карточную комнату.

VI.

Едва только успѣлъ Кашперовъ усѣсться въ сани и застегнуть полсть, какъ застоявшійся и промерзшій на холодѣ рысакъ, котораго уже не въ силахъ былъ сдерживать бородатый кучеръ, рванулся впередъ всей своей могучей грудью, и цѣлая туча искристой морозной пыли въ одно мгновеніе обдала лицо Зинаиды Павловны.

— Гони! — крикнулъ Кашперовъ, когда сани выѣхали на широкую безлюдную улицу.

Кучеръ быстро нагнулся впередъ, пустилъ вожжи, гикнулъ, и рысакъ понесся, какъ бѣшеный, вскидывая широкимъ крупомъ и покачивая высоко поднятой головой.

Это былъ тотъ самый знаменитый «Барсъ», который взялъ два первыхъ приза на московскихъ бѣгахъ. Онъ ни одного движенія не тратилъ даромъ; со страшной силой выбрасывая впередъ саженными взмахами свои длинныя, въ бѣлыхъ чулочкахъ, ноги, жеребецъ точно разстилался по землѣ и несъ, какъ иг-

рушку, легкія сани. Комья грязнаго снѣга далеко летѣли изъ-подъ его копытъ, съ дробнымъ стукомъ разбиваясь о передокъ. Вѣтеръ свисталъ въ уши и захватывалъ дыханіе. Пустынныя улицы тонули въ темнотѣ зимней ночи и казались какими-то совсѣмъ незнакомыми, широкими и безконечными. Въ этой сумасшедшей ѣздѣ среди тишины и мрака было что-то и жуткое, и веселое, и таинственное.

— Куда вы везете меня, Сергѣй Григорьевичъ?.. Я просила васъ отвезти меня домой!

— Теперь это вамъ уже рѣшительно все равно,—отвѣтилъ со смѣхомъ Кашперовъ: — мнѣ нужно было украсть у васъ нѣсколько минутъ... Я васъ не выпущу.

Въ тонѣ его голоса слышалось злое торжество успѣха.

— Сергѣй Григорьевичъ, — воскликнула Зинаида Павловна:—я, по крайней мѣрѣ, считала васъ до сихъ поръ за честнаго человѣка... Если вы что-нибудь позволите себѣ, я выскочу изъ саней!

— Нѣтъ, не выскочите, — возразилъ Кашперовъ и вдругъ крѣпко охватилъ ея талію.—Не выскочите! Вы— въ моей власти! Я давно ждалъ этой минуты... Я знаю, вы завтра же оставите мой домъ, но сегодня вы— моя...

Онъ говорилъ неразборчиво, точно пьяный, задыхаясь отъ страшнаго волненія.

— Пустите меня, слышите, сейчасъ же пустите!—крикнула Зинаида Павловна, тщетно стараясь освободиться изъ желѣзныхъ рукъ своего спутника. — Это безчеловѣчно, пустите меня, говорю вамъ!.. Я не хочу!..

— Не пу-щу! — рѣзко отчеканилъ онъ сквозь стиснутые зубы. — Вы не понимаете, что̀ значитъ разбудить такого звѣря, котораго вы заставили проснуться во мнѣ. Нѣтъ? О! Я не похожъ на того сладкаго студентика,

съ которымъ вы сейчасъ такъ нѣжно ворковали. Если я поклялся, что вы будете моей, то отдамъ жизнь, пойду на каторгу, уничтожу всякаго, кто станетъ мнѣ на дорогѣ, а вы все-таки будете моею... Да, моей! Слышите ли: моей любовницей, моей вещью...

И вдругъ, сразу перемѣнивъ этотъ страстный тонъ, онъ заговорилъ медленно и тяжело, какъ человѣкъ, истомленный долгимъ страданіемъ:

— Не вѣрьте, Зинаида Павловна, тому, что̀ я сейчасъ говорилъ. Это — страсть... Здѣсь нѣтъ ни одного слова, которое бы принадлежало мнѣ! Пожалѣйте же меня! Вѣдь вы — женщина, у васъ сердце доброе. Отчего же вы надо мной-то не хотите сжалиться? Если бы вы знали, какъ я люблю васъ! Ахъ, да гдѣ же вамъ понять это! Это—не любовь даже, это—адъ, это—такая дьявольская мука, о которой вы, чистая, невинная, даже представленія не можете имѣть! Такъ слушайте, я вамъ все разскажу... Вы пѣли тогда... Поймите, этотъ мотивъ не оставляетъ меня.... точно кто выжегъ его огнемъ въ моей памяти... И ночью, и днемъ, и за работой мнѣ мерещится вашъ голосъ... Если бы вы не избѣгали меня, если бы хотя даже просто оставались ко мнѣ совершенно равнодушны, ничего и не случилось бы! Но я увидѣлъ одно только отвращеніе. Да, я былъ противенъ вамъ. И началось... И чѣмъ больше вы боитесь меня, чѣмъ гаже я для васъ становлюсь, тѣмъ..

Кашперовъ, говоря эти странныя слова, все ближе и ближе привлекалъ къ себѣ слабое тѣло Зинаиды Павловны и вдругъ, прикоснувшись пылающими губами къ ея холодной щекѣ, совершенно обезумѣлъ. Онъ свободной лѣвой рукой отогнулъ назадъ голову Зинаиды Павловны и впился въ ея губы страстнымъ, продолжительнымъ поцѣлуемъ. Она пробовала сопротивляться, кричать, но мало-по-малу воля этого человѣка совершенно обезсилила ее... Ей стало

душно... кровь прилила къ внезапно закружившейся головѣ... Предъ глазами со страшной быстротой завертѣлись громадные огненные круги, и ею овладѣло какое-то полное фантастическихъ грезъ забытье, похожее на гипнотическое состояніе или на бредъ морфиниста.

«Что̀ со мной? Гдѣ я? — проносились въ ея головѣ обрывки мыслей. — Зачѣмъ онъ держитъ меня такъ близко? Ахъ, да! Это — вальсъ съ Аларинымъ. Какіе у него чудные глаза... глубокіе-глубокіе... можно въ нихъ глядѣть цѣлый день и не добраться до дна... Боже мой... такъ близко... такъ жутко... Милый, еще, еще!..»

И она, вздрагивая подъ жгучими поцѣлуями Кашперова, покорно опустила ему на грудь свою голову.

— Дорогая моя, дѣточка милая,—шепталъ еле слышно Сергѣй Григорьевичъ, трясясь, точно въ ознобѣ: — не отталкивай меня!..

Кашперовъ взглянулъ въ лицо Зинаиды Павловны; ея глаза были полузакрыты, губы, на которыхъ блуждала томная улыбка, шептали непонятныя слова.

Одна мысль, точно молнія, мелькнула въ головѣ Кашперова.

— Слушайте! — сказалъ онъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ, грубо освобождая дѣвушку изъ своихъ объятій:— вы думаете объ этомъ инженерѣ?

Зинаида Павловна мгновенно очнулась и произнесла спокойно и твердо:

— Да, я думала о немъ.

— Ступай домой, — крикнулъ Сергѣй Григорьевичъ кучеру: — живо!

Всю дорогу Кашперовъ и Зинаида Павловна не сказали ни одного слова, и, какъ только кучеръ сдержалъ передъ подъѣздомъ взмыленнаго «Барса», она поспѣшно вышла изъ саней, не воспользовавшись протянутой рукой Сергѣя Григорьевича. Она быстро бѣжала по лѣст-

ницѣ, торопясь добраться до своей комнаты, но онъ догналъ ее въ полутемной гостиной и остановилъ, крѣпко схвативъ за руку. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту, съ глазами, сверкающими бѣшенствомъ, и съ багровыми пятнами на щекахъ.

— Я васъ въ послѣдній разъ спрашиваю, — проговорилъ онъ, съ усиліемъ выпуская одно слово за другимъ: — будете ли вы моей добровольно? Не дѣлайте глупостей... Вы — нищая, вы еще не знаете цѣны деньгамъ, я осыплю васъ ими... Я васъ повезу за границу, и вы со своимъ голосомъ пріобрѣтете славу!.. Я отдамъ вамъ все... все, что̀ у меня есть... Не доводите меня до крайности... Въ этой комнатѣ вашего крика ни одинъ дьяволъ не услышитъ.

— Вы — подлецъ! — едва могла произнести Зинаида Павловна, чувствуя уже приближеніе обморока. — Вы... мнѣ... противны!..

— А-а! Противенъ?

И съ дикимъ воплемъ, ничего уже не видя, не слыша и не сознавая, Кашперовъ рванулся къ ней, обвилъ ее своими могучими руками и вдругъ остановился, точно вкопанный: въ дверяхъ, высоко поднявъ надъ головой горящую свѣчу, стояла Лиза, съ ужасомъ глядя на происходящую предъ ней картину.

Кашперовъ скрипнулъ зубами и выбѣжалъ изъ гостиной.

— Зиночка, что̀ съ вами?—вскрикнула Лиза, подбѣгая къ своей гувернанткѣ.

Но Зинаида Павловна уже ничего не слыхала. Все помутилось передъ ея глазами, быстро пронеслось въ какую-то бездонную пропасть, и она упала, крѣпко ударившись головой о паркетъ.

Въ то самое время, когда происходила эта безобразная сцена, къ дому Круковскаго подъѣзжалъ, страшно волнуясь и ежеминутно подгоняя извозчика, Але-

ксандръ Егоровичъ Аларинъ. Ему все казалось, что лошадь бѣжитъ слишкомъ медленно, и онъ, чтобы обмануть свое нетерпѣніе, изо всѣхъ силъ старался помогать ей, упираясь руками въ облучокъ. Какъ только извозчикъ остановился передъ подъѣздомъ, Аларинъ быстро соскочилъ, сунувъ ему въ руку первую попавшуюся ассигнацію. «Ванька» долго въ нѣмомъ изумленіи слѣдилъ за своимъ сѣдокомъ, взбѣгающимъ по лѣстницѣ, и вдругъ, какъ ошалѣлый, принялся нахлестывать клячонку.

Какъ только уѣхала съ вечера Зинаида Павловна, Аларинъ, несмотря на всю свою выдержку, которой онъ такъ хвастался, проигралъ всѣ наличныя деньги. Но ему не хотѣлось отходить отъ стола; онъ вѣрилъ въ повороты счастья и продолжалъ играть уже на запись до тѣхъ поръ, пока банкометъ не замѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Пришлите, за вами ровно тысяча!

Александръ Егоровичъ, краснѣя, сталъ просить подождать полчаса. У него не было больше ни копейки своихъ денегъ, и онъ уже мысленно рѣшилъ заплатить эту тысячу изъ тѣхъ казенныхъ денегъ, которыя лежали въ его шкатулкѣ на квартирѣ.

«Займу завтра у жида, пополню», — думалъ онъ, упрашивая банкомета объ отсрочкѣ.

Аларинъ, какъ сумасшедшій, прилетѣлъ домой, вынулъ изъ-подъ кровати большую несгораемую шкатулку и сталъ отпирать ее. Но рука дрожала, и ключикъ никакъ не хотѣлъ попасть въ замочную щелочку. Наконецъ Аларину удалось сдѣлать это; онъ ощупью отыскалъ пачку съ казенными деньгами и развернулъ ее. Надо было зажечь огонь, потому что въ комнатѣ со спущенными шторами была непроницаемая темнота, а спички, какъ нарочно, не находились.

— А, не одинъ ли чортъ! — рѣшилъ, разсердясь, Аларинъ и, сунувъ всю толстую пачку въ боковой карманъ сюртука, поспѣшно отправился въ домъ Круковскаго.

Александръ Егоровичъ вошелъ въ игральную комнату и со страннымъ чувствомъ окинулъ ее глазами. Столы, исчерченные мѣломъ, запахъ табачнаго дыма, — все это непріятно поразило его послѣ того, какъ онъ успѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Вокругъ одного изъ столовъ сбились въ кучу, слѣдя въ жадномъ молчаніи за руками банкомета, десять или двѣнадцать игроковъ съ блѣдными, измятыми лицами, которыя казались совсѣмъ мертвыми при слабомъ утреннемъ освѣщеніи.

Металъ самъ Круковскій, невысокій, худой, но крѣпкій, какъ сталь, и жилистый мужчина, совершенно неопредѣленнаго возраста. Онъ былъ плѣшивъ, и все его лицо было изборождено глубокими морщинами, но ясные голубые глаза навыкатѣ глядѣли смѣло и твердо. Онъ могъ проводить безъ сна, въ самыхъ страшныхъ попойкахъ и безчинствахъ, нѣсколько ночей напролетъ и ничуть не измѣнялся въ лицѣ: природа отпустила ему громадныя силы.

Увидя подошедшаго Аларина, Круковскій, не прерывая таліи, быстро вскинулъ на него взоръ и кивнулъ головой. Онъ уже по лицу зналъ, что Александръ Егоровичъ привезъ деньги, и даже больше, — что онъ будетъ отыгрываться.

Дѣйствительно Аларинымъ внезапно овладѣло страстное желаніе отыграться.

«Не можетъ же быть, чтобы мнѣ теперь не повезло,— соображалъ онъ: — счастье идетъ полосами... Я долженъ вернуть свое... и баста!»

И ему живо представилось, какое будетъ счастье, если

онъ избавится отъ тяжелой необходимости платить казенными деньгами. «Господи, только бы тысячу воротить, больше и играть не буду, — проносилось въ его головѣ.— Ахъ, какое было бы наслажденіе уѣхать изъ этого вертепа и лечь спать со спокойной совѣстью!»

Аларинъ долго глядѣлъ на игру, блѣднѣя и вздрагивая отъ волненія: онъ уже зналъ, что будетъ играть, но старался продолжить то жгучее ощущеніе, которое испытываетъ страстный игрокъ, имѣющій возможность поставить крупный кушъ и медлящій сдѣлать это.

«Начну съ тридцати рублей, — думалъ Александръ Егоровичъ: — конечно, возьму, затѣмъ уголъ и десять мазу, а потомъ мирандолями и мирандолями... двѣ карты маленькихъ, двѣ большихъ...»

Круковскій сталъ тасовать карты для новой таліи и искоса кинулъ взглядъ на Аларина.

— Сколько въ банкѣ? — спросилъ Александръ Егоровичъ такимъ внезапно охрипшимъ голосомъ, что всѣ игроки обернулись къ нему.

Круковскій пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и, переставая тасовать, сказалъ:

— Послушайте, Аларинъ, я не совѣтую вамъ играть.

— Какъ не совѣтуете? Что̀ вамъ до меня за дѣло? — возразилъ Александръ Егоровичъ рѣзкимъ тономъ, но невольно опуская взоръ.

— А то, что есть извѣстная примѣта: кто отыгрывается или рискуетъ на казенныя, — всегда проигрываетъ.

Онъ произнесъ это внушительно и отчетливо, продолжая такъ же внимательно глядѣть въ глаза Аларину. Круковскій вовсе не хотѣлъ, чтобы Александръ Егоровичъ отказался отъ игры, но ему нужно было, чтобы онъ публично, при свидѣтеляхъ, призналъ принесенныя деньги своими.

Расчетъ былъ совершенно вѣренъ, потому что Ала-

ринъ густо покраснѣлъ и сказалъ съ дѣланной ироніей:

— Я думаю, вы не сомнѣваетесь, что деньги принадлежатъ мнѣ?

— Спаси Господи! — хладнокровно отпарировалъ Круковскій, уже окончательно убѣдившись, что Аларинъ взялъ казенныя деньги. — Я просто вижу, что вы хотите отыграться, ну, и сообщаю вамъ мудрое житейское правило: не за то отецъ сына билъ, что игралъ, а за то, что отыгрывался. А впрочемъ, какъ угодно-съ... Въ банкѣ около четырехъ тысячъ.

«Красныя — сто, черныя — двѣсти», — подумалъ Александръ Егоровичъ и снялъ съ колоды нѣсколько картъ. Вышла красная...

И вдругъ среди мертвой тишины глухо, но явственно раздался его голосъ: «Ва-банкъ!» — и онъ вытащилъ изъ колоды карту, стараясь самъ не видѣть ея.

— Со входящими? — спросилъ совершенно хладнокровно Круковскій.

— Ва-банкъ! — озлобленно повторилъ Аларинъ.

Банкометъ перевернулъ колоду; Александръ Егоровичъ посмотрѣлъ на свою карту: оказалась дама бубенъ, и въ его умѣ почему-то быстро мелькнулъ и скрылся образъ Зинаиды Павловны.

Круковскій отчетливо выкидывалъ каждую карту, пристукивая по столу костяжкой средняго пальца, и съ каждымъ ударомъ сердце Аларина крѣпко и болѣзненно билось объ грудную клѣтку, а въ виски точно два громадныхъ молота ударяли попеременно: «бита, дана, бита, дана».

— Бита! — шумно вырвалось у всѣхъ зрителей.

— А-а! — медленно протянулъ Аларинъ, и имъ сразу овладѣло безразличное спокойствіе...

VII.

Александръ Егоровичъ проснулся въ два часа дня и долго не могъ сообразить: утро теперь или вечеръ. Онъ лежалъ на кровати во всей той одеждѣ, которая была на немъ вчера; голова, точно налитая ртутью, страшно болѣла, глаза, съ красными отъ утомленія вѣками, мигали и слезились отъ свѣта, во рту ощущался какой-то непріятный вкусъ... Сердце Аларина тревожно ныло ожиданіемъ большого несчастья, но онъ никакъ не могъ припомнить, что̀ такое съ нимъ вчера произошло, и усиленно теръ переносицу.

Случайно его взглядъ упалъ на шкатулку: она, какъ была ночью вытащена изъ-подъ кровати, такъ и лежала, раскрытая, на серединѣ комнаты. Возлѣ валялись листъ газетной бумаги и конецъ англійскаго шпагата, которымъ были обмотаны деньги.

Аларинъ въ одинъ мигъ, точно кто толкнулъ его, съ поразительною ясностью припомнилъ до мельчайшихъ подробностей картину своей послѣдней ставки: грязная комната, совершенно залитая ослѣпительно-яркими лучами холоднаго зимняго солнца, десятокъ желтыхъ лицъ, нагнувшихся надъ столомъ съ хищно сверкающими глазами, проклятая пятерка червей съ надломленнымъ угломъ и спокойный, ненавистный голосъ, медленно произносящій: «Больше не мечу... Не угодно ли, господа, кому-нибудь занять мое мѣсто?» Аларинъ вспомнилъ еще, какъ онъ тотчасъ же послѣ этого безсмысленно разсмѣялся и началъ хвастливо увѣрять, что хотя онъ и проигралъ уже одиннадцать тысячъ, но что ему «наплевать», и что сильныя ощущенія даромъ не даются... Но этотъ деревянный смѣхъ и эти нелѣпыя слова принадлежали не ему, не Аларину, а какъ будто совершенно чужому, незнакомому человѣку; настоящій же Аларинъ слушалъ съ трепетомъ

самого себя, между тѣмъ какъ истерическія спазмы душили его горло. Игроки, толпившіеся вокругъ стола, глядѣли на его судорожную развязность, близкую къ умопомѣшательству, съ тѣмъ холоднымъ и вполнѣ безучастнымъ любопытствомъ, съ которымъ нѣкогда смотрѣли римскіе гладіаторы на смерть своихъ товарищей.

Потомъ откуда-то появилось шампанское, кого-то поздравляли и кричали «ура». Каждый изъ присутствующихъ съ жадностью пилъ, точно желая забыться отъ долгаго созерцанія цѣлыхъ вороховъ кредитокъ, переходившихъ въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки.

Пилъ и Аларинъ... Онъ теперь, точно сквозь сонъ, вспоминалъ, какъ съ пьяными слезами онъ лѣзъ цѣловать Круковскаго и божился, больно ударяя себя въ грудь кулакомъ, что проигралъ казенныя деньги, а Круковскій съ неожиданно вспыхнувшимъ взоромъ рѣзко оттолкнулъ его и сказалъ: «Ты бы, братецъ, домой ѣхалъ спать, а не болталъ пустяковъ!» Затѣмъ всѣ впечатлѣнія слились, передъ глазами заколыхался какой-то синій туманъ, и больше онъ ничего не помнилъ.

Пока всѣ эти безсвязныя сцены проносились передъ глазами Аларина, онъ сидѣлъ въ оцѣпенѣніи на своей кровати и, не отрываясь, глядѣлъ въ уголъ. Какая-то громадная тяжесть обрушилась на него, завладѣла всѣмъ его существомъ и сковала ледянымъ холодомъ ужаса всѣ его нервы, всѣ умственныя способности... Это было состояніе, похожее на кошмаръ, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему что-то надо сдѣлать, бѣжать или крикнуть, но языкъ онѣмѣлъ, ноги не могутъ шевелиться, а грозящая опасность надвигается все ближе и ближе.

— Что̀ же это такое?—растерянно шепталъ Аларинъ, вперяя въ какую-то далекую точку свой неподвижный, точно стеклянный взглядъ. — Неужели все, все пропало? И честь, и молодость, и свобода!.. Неужели мнѣ, Але-

ксандру Егоровичу Аларину, такому славному и красивому молодому человѣку, на котораго всегда съ удовольствіемъ заглядывались женщины, — неужели мнѣ теперь всякій писарь, всякій уличный бродяга можетъ сказать въ глаза: «Ты — воръ! Да, ты — воръ, потому что укралъ казенныя деньги»? Да нѣтъ же, нѣтъ! Это—неправда! Я никогда чужой копейкой не воспользовался; я, когда еще мальчишкой былъ, куска сахару не бралъ безъ спросу... я—не воръ! Воръ крадетъ изъ нужды или изъ нежеланія работать, воръ крадетъ каждый день, и если его выбрасываютъ изъ общества, то это такъ и нужно, потому что иначе никто спокойно не могъ бы спать. Развѣ я похожъ на вора? На меня только вчера нашло проклятое затменіе, но я остался тотъ же, мнѣ ничто не мѣшаетъ жить со всѣми и приносить свою долю пользы... Не смѣйте отворачиваться отъ меня! О, Господи, помоги же мнѣ, помоги! Устрой такъ, чтобы все это былъ сонъ, ужасный... ужасный сонъ! Я сейчасъ проснусь... все окажется попрежнему... Ну, вотъ, я просыпаюсь...

И, жадно ухватившись за послѣднюю мысль, онъ, какъ безумный, кинулся къ шкатулкѣ, вывернулъ на полъ всѣ заключавшіяся въ ней бумаги и письма и принялся перерывать ихъ дрожащими руками. Ему на глаза попалась прежде всего довольно толстая, перевязанная розовой атласной лентой пачка, заключавшая въ себѣ цѣлую любовную эпопею въ письмахъ, начиная отъ офиціально-любезнаго приглашенія къ обѣду и кончая тѣми лаконически-страстными записками, поспѣшно набросанными неочиненнымъ карандашомъ на первомъ попавшемся лоскуткѣ, содержаніе которыхъ не рѣшится прочесть вслухъ самый испорченный человѣкъ. Всѣ эти письма, со слѣдами слезъ и чернильныхъ брызговъ, пропитанныя тонкимъ запахомъ духовъ и написанныя безобразнѣйшимъ почеркомъ, принадлежали перу одной хорошенькой вдовы,

очень эксцентричной и непостоянной особы, два года до безумія любившей Александра Егоровича, чтобы потомъ смѣнить его на капельмейстера гвардейскаго полка, котораго, въ свою очередь, замѣнилъ красавецъ-басъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Аларинъ часто, съ тайной и сладкой грустью вспоминая прошедшее, любилъ перечитывать эти посланія, но теперь они вдругъ показались ему такими ничтожными до пошлости, что, внезапно обозлившись, онъ съ силой швырнулъ всю пачку подъ кровать. Онъ заглядывалъ въ такіе уголки шкатулки, гдѣ не только не могли умѣститься одиннадцать тысячъ рублей, но было трудно спрятать простой почтовый конвертъ. Холодный потъ выступилъ уже давно на его лбу, ноги затекли и сильно болѣли, а онъ все стоялъ на колѣняхъ передъ шкатулкой, въ десятый разъ переворачивая высыпанныя вещи. Его дѣйствія были похожи на движенія утопающаго, который судорожно, но тщетно ищетъ руками какой-нибудь твердой точки.

Дверь тихо скрипнула и отворилась, и изъ нея показалась голова разсыльнаго съ пристани.

— Чего тебѣ нужно?—закричалъ Аларинъ со злостью въ голосѣ и въ ту же минуту покраснѣлъ, какъ уличенный преступникъ: ему казалось, что разсыльному уже извѣстно все, и онъ понимаетъ, чѣмъ занимался Аларинъ, стоя посреди комнаты на колѣняхъ.

— Письмо вашему благородію, — отвѣчалъ разсыльный, подавая Александру Егоровичу большой форменный конвертъ и въ недоумѣніи приготовляясь на всякій случай къ быстрой ретирадѣ: — приказано отдать въ собственныя руки.

Аларинъ быстро оборвалъ края конверта. Онъ уже чувствовалъ смутно, что въ этомъ письмѣ кроется послѣдній, самый страшный ударъ.

«Ревизіонная комиссія правленія проситъ васъ пожало-

вать въ шесть часовъ пополудни съ имѣющимися у васъ на рукахъ казенными суммами и шнуровыми книгами для производства гласной повѣрки».

Аларинъ читалъ съ трудомъ, потому что буквы сливались въ мутныя полосы и строчки прыгали передъ его глазами. Онъ не понялъ ни одной изъ этихъ казенныхъ фразъ, не могъ даже сообразить, какую связь имѣютъ онѣ съ происшествіями вчерашняго дня, но изъ глубины его души какой-то внутренній голосъ внятно и увѣренно произнесъ: «баста», и письмо вывалилось изъ рукъ.

Разсыльный сначала хотѣлъ-было спросить, можно ли ему итти, но, увидѣвъ, что впечатлѣніе произведено письмомъ довольно сильное, счелъ болѣе благоразумнымъ и умѣстнымъ удалиться послѣ этого опроса.

Аларинъ не могъ стоять, потому что его ноги дрожали и подгибались; онъ черезъ силу доплелся до кровати и легъ. Онъ зналъ, что ему надо немедленно собрать разбѣгающіяся мысли, уяснить, обдумать свое положеніе и предпринять что-нибудь. Но разсудокъ совсѣмъ не повиновался; въ головѣ царилъ невообразимый хаосъ; все, что думалось, было чрезвычайно незначительно и совершенно не относилось къ дѣлу. Аларинъ лежалъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и машинально обводилъ пальцемъ узоръ, нарисованный на обояхъ, а передъ его глазами, какъ это бываетъ послѣ долгой игры, одна за другою ярко обрисовывались различныя карты: короли грозно хмурили брови, дамы съ изумленными лицами протягивали желтые цвѣтки... Аларинъ даже позабылъ о своемъ тяжеломъ положеніи, ему начало казаться, что это безразличное состояніе покоя и полудремоты, лишенное всякихъ мыслей, продолжится навсегда. Но вскорѣ холодъ, наполнявшій комнату, отрезвилъ его, и онъ мало-по-малу возвратился къ дѣйствительности. Мысли опять стали вертѣться около необходимости принять какое-нибудь рѣшеніе.

Взять взаймы? Да вѣдь ни одинъ дуракъ не повѣритъ; вѣдь это не десять рублей, а одиннадцать тысячъ! Всякій въ глаза насмѣется, да еще за сумасшедшаго сочтетъ. Украсть? Ограбить кого-нибудь? Онъ, пожалуй, и такимъ средствомъ не побрезговалъ бы, но какъ же это дѣлается? Надо итти куда-то, подслушивать, подсматривать, подстерегать, но куда же итти?

— Нѣтъ, нѣтъ, все равно, надо бѣжать, разыскивать, хотя, можетъ-быть, и ничего не выйдетъ! — воскликнулъ Аларинъ, вдругъ охвативъ мысленно всю безвыходность своего положенія, и поспѣшно началъ одѣваться, не попадая въ рукава пальто и страшно злясь на это.

VIII.

Когда Александръ Егоровичъ вышелъ изъ дома, короткій зимній день уже потухалъ, и на улицѣ кое-гдѣ зажигали фонари.

Первая мысль, за которую уцѣпился Аларинъ, было пойти къ Гойдбергу, извѣстному во всемъ городѣ ростовщику, снабжавшему его деньгами въ нѣкоторые критическіе моменты жизни. Хотя Гойдбергъ и бралъ невозможные проценты, а Аларинъ былъ весьма неаккуратенъ, но и кредиторъ и должникъ никогда не имѣли основанія жаловаться другъ на друга: первый во всякое время дня и ночи готовъ былъ предложить свои услуги, а второй безпрекословно соглашался на самыя трудно-выполнимыя условія. Александръ Егоровичъ напрасно старался отыскать въ карманахъ какой-нибудь завалявшійся двугривенный. Ему пришлось итти пѣшкомъ на самый конецъ города, и когда онъ подходилъ къ невзрачной хатенкѣ, въ которой обиталъ Гойдбергъ, то насилу держался на ногахъ отъ усталости. Прежде чѣмъ войти, онъ заглянулъ въ окно. Самуилъ Исааковичъ Гойдбергъ, красивый, типичный еврей съ умными чертами матоваго лица,

сидѣлъ, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, и внимательно заносилъ въ какую-то очень толстую книгу длинные столбцы цифръ.

Аларинъ на мгновеніе закрылъ глаза, имъ овладѣла внезапная слабость духа, сердце перестало биться. Но это продолжалось очень короткое время. «Э! Не все ли равно, — подумалъ онъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой: — хуже не будетъ!» — и стукнулъ два раза въ стекло. Гойдбергъ вздрогнулъ и устремилъ безпокойный взглядъ по направленію окошка, заслоняясь рукой отъ свѣта. Онъ долго смотрѣлъ такимъ образомъ, стараясь проникнуть въ темноту ночи, и, только когда Аларинъ повторилъ стукъ, нерѣшительно поднялся съ мѣста и пошелъ отворять дверь.

Александръ Егоровичъ вошелъ въ комнату, стараясь казаться спокойнымъ и самоувѣреннымъ, но отъ опытнаго взгляда ростовщика не укрылись ни блѣдность его лица, ни нервное движеніе нижней челюсти, ни тревожно бѣгающіе по сторонамъ глаза. Умный еврей тотчасъ же понялъ, что этого всегда беззаботнаго, веселаго красавца скрутили самыя затруднительныя обстоятельства...

Они усѣлись къ столу и нѣсколько минутъ въ молчаніи не отрывали взоровъ другъ отъ друга.

Гойдбергъ въ своей спеціальности былъ тонкимъ психологомъ и довелъ до виртуозности искусство незамѣтнымъ, но подавляющимъ образомъ вліять на нуждающагося человѣка. Онъ никогда не начиналъ первый щекотливаго разговора о деньгахъ, наблюдая лишь, какъ его кліентъ мнется, конфузится, еле нанизываетъ одно на другое слова и междометія и наконецъ радостно соглашается на всѣ предложенія, чтобы только покончить съ этимъ тяжелымъ состояніемъ неловкости.

— Видите ли, почтеннѣйшій Самуилъ Исааковичъ, —

робко началъ Аларинъ, не выдержавшій пристальнаго взгляда и уже окончательно смущенный этимъ: — мнѣ нужно... видите ли... не можете ли вы одолжить мнѣ нѣкоторую... небольшую сумму денегъ?..

Ростовщикъ уже по одному тону, которымъ было сказано: «небольшую», догадался, что Аларину нужна громадная сумма, но лицо его не выдало этого ни однимъ мускуломъ.

— Ну, зачѣмъ же не одолжить?—отвѣтилъ онъ подобострастно. — Я вамъ съ удовольствіемъ могу дать сколько угодно!.. Вы такой аккуратный и никогда не торгуетесь. Дай Богъ, чтобы со всѣми было такъ пріятно вести дѣла, какъ съ вами. Сколько же вамъ надо?

И онъ, вопросительно глядя на Аларина, уже отпиралъ письменный столъ, какъ будто приготовляясь достать вексельную бумагу...

Аларинымъ опять овладѣлъ припадокъ трусости; ему почему-то показалось невозможнымъ назвать цѣликомъ такую большую сумму, какъ одиннадцать тысячъ рублей.

— Мнѣ... мнѣ... девять тысячъ, — солгалъ онъ, потупляясь и одновременно съ этимъ понявъ, какъ нелѣпа была мысль — обратиться къ Гойдбергу.

— Гм... девять тысячъ рублей? — протянулъ еврей, который самъ не ожидалъ ничего подобнаго.—Да у меня никогда и денегъ-то такихъ въ рукахъ не бывало! — прибавилъ онъ, быстро захлопывая ящикъ и запирая его на ключъ.—Нѣтъ, это невозможно, поищите гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ такого категорическаго отказа Аларину сразу стало легче, и онъ почувствовалъ себя развязнѣе.

— Слушайте, Гойдбергъ, вы должны дать мнѣ... понимаете, — должны. Иначе... чортъ знаетъ, что̀ будетъ иначе... Я вамъ подпишу довѣренность на все свое жалованье.

Тонкая усмѣшка появилась на губахъ еврея.

— Ну, зачѣмъ же вамъ надо столько тысячъ?

Аларинъ растерялся... Онъ тщетно старался солгать, сочинить какую-нибудь исторію; какъ нарочно, ни одна правдоподобная мысль не лѣзла въ голову.

— Ахъ, чортъ побери!—воскликнулъ онъ грубо: — да не все ли тебѣ равно, дьяволъ! Давай или не давай, это твое дѣло, а не смѣй разспрашивать...

— Пхе! Господинъ инженеръ думаетъ, вѣрно, что я— совсѣмъ дуракъ! Я вамъ говорю, поищите въ другомъ мѣстѣ, гдѣ деньги на полу валяются...

Нервы Аларина не выдержали. Кровь со страшной силой прилила къ головѣ.

«А что̀, если я схвачу его за горло, — быстрѣе молніи пронеслось въ его головѣ: — ни одна душа не услышитъ!»

И вдругъ, съ помутившимися глазами, ничего не чувствуя, кромѣ ужаснаго озлобленія, онъ кинулся на Гойдберга и въ одинъ мигъ обвилъ своими гибкими пальцами его шею.

— Постойте, постойте, — захрипѣлъ поблѣднѣвшій еврей:—отпустите меня, господинъ инженеръ! Я вамъ дамъ деньги... я сейчасъ дамъ!

Аларинъ отнялъ руки, съ необыкновенной быстротой перейдя отъ безумнаго отчаянія къ еще болѣе безумной радости.

— Ну, давай, голубчикъ, давай! Неси скорѣе... Ахъ, Боже мой!.. Чего же ты меня раньше-то мучилъ?—безсмысленно твердилъ онъ, еле переводя духъ.

Гойдбергъ подошелъ къ двери, ведущей въ другую комнату, и спрятался за нее такъ, что виднѣлась только одна его голова.

— Вы съ ума сошли! — закричалъ онъ визгливымъ голосомъ: — развѣ я оселъ, чтобы бросать деньги?

Развѣ я не знаю, что вы вчера проигрались? А если вы будете орать, какъ пьяница, я позову полицію. Убирайтесь вонъ изъ моего дома!

Аларинъ вскочилъ со своего мѣста, но дверь моментально захлопнулась, и когда онъ схватился за ручку, то услыхалъ, какъ въ замкѣ зазвенѣлъ ключъ.

IX.

Едва держась на ногахъ и шатаясь, точно разслабленный, вышелъ Александръ Егоровичъ на улицу. Было почти совершенно темно. Холодный вѣтеръ дулъ ему въ лицо, а онъ, не разбирая дороги, шелъ безсознательно впередъ въ разстегнутомъ пальто и криво надѣтой шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались пряди мокрыхъ волосъ. Его губы бормотали безсвязныя слова, и встрѣчавшіеся съ нимъ прохожіе невольно останавливались, провожая его взорами.

Аларинъ дошелъ до бульвара и только тогда почувствовалъ страшную физическую усталость. Итти далѣе было некуда, да и зачѣмъ? Вездѣ та же холодная, пустая темнота.

Онъ усѣлся на полузанесенную снѣгомъ скамью и замеръ; нелѣпыя фантастическія мысли безпорядочно тѣснились въ его мозгу.

«Какъ зябнутъ ноги!.. И спать хочется. Никуда бы отсюда не пошелъ; такъ бы и остался здѣсь навсегда... Говорятъ, пріятно замерзнуть!.. Ахъ, если бы и мнѣ!.. Вотъ такъ сидѣлъ бы, сидѣлъ бы, потомъ заснулъ бы и ничего уже, совсѣмъ ничего не чувствовалъ бы... А завтра подойдетъ ко мнѣ городовой; сначала онъ все только сбоку будетъ посматривать, а потомъ тронетъ за плечо и... отскочитъ. Интересно, пожалѣютъ ли «они», когда объ этомъ услышатъ!»

Аларинъ не сознавалъ ясно, кто это «они», которые

услышатъ объ его смерти, но въ его воображеніи нарисовалась яркая картина. Онъ лежитъ въ бѣломъ глазетовомъ гробу и не въ церкви, и не у себя дома, а въ той залѣ правленія, гдѣ обыкновенно собирались всякія комиссіи. Его красивое лицо блѣдно и торжественно-спокойно... Кругомъ громадная толпа... У всѣхъ на лицахъ жалость, всякій какъ будто хочетъ сказать: «Вотъ мы не понимали его страданій, не хотѣли подать ему руку помощи... а теперь уже поздно... теперь онъ больше ни въ чемъ не нуждается»

«Нѣтъ, зачѣмъ же умирать?.. — подумалъ дальше Аларинъ. — Лучше достать деньги... это вѣдь такъ просто... можетъ-быть, я найду на улицѣ; другіе находятъ же!»

Ему казалось, что онъ входитъ въ ярко освѣщенную залу, ощущая около груди присутствіе толстой пачки... За длиннымъ столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, сидятъ знакомые члены правленія... Всѣ лица со злыми улыбками поворачиваются къ нему... всѣ увѣренно ждутъ, какъ онъ упадетъ на колѣни и, рыдая, начнетъ молить о пощадѣ и оправдываться. Неуловимая тѣнь презрѣнія мелькаетъ въ его глазахъ, но губы не произносятъ ни одного звука. Онъ скрещиваетъ руки на груди и молча слушаетъ обвиненіе. Когда же одинъ изъ присутствующихъ, ободренный его молчаливой неподвижностью, рѣшается вставить пошлое, оскорбительное замѣчаніе, подъ общій смѣхъ, Аларинъ не выдерживаетъ больше: крупными шагами подходитъ онъ къ столу, его глаза сверкаютъ восхитительнымъ бѣшенствомъ... Недокончепный смѣхъ мгновенно стихаетъ, всѣмъ становится жутко... неловкій острякъ робко прячется за спины своихъ товарищей... Александръ Егоровичъ отвѣчаетъ на оскорбленіе громовымъ словомъ, швыряетъ на столъ пачку денегъ и съ гордостью навсегда отказывается отъ этого развратнаго, безобразнаго обще-

ства... Впечатлѣніе громадно. Всѣ, кто только есть въ залѣ, кидаются къ нему, жмутъ ему руки, извиняются, просятъ не покидать ихъ, увѣряютъ въ дружбѣ... На глазахъ у многихъ видны искреннія слезы... но онъ, хотя и растроганъ общимъ участіемъ, почти выбѣгаетъ изъ комнаты.

Погрузившійся въ свои грезы Аларинъ не слыхалъ, что кто-то уже три раза назвалъ его по имени, и только, когда къ его плечу тихо прикоснулась чья-то рука, онъ весь задрожалъ отъ неожиданности и вскочилъ со скамейки. Передъ нимъ стояла Зинаида Павловна. На ея лицѣ, освѣщенномъ тусклымъ свѣтомъ уличнаго фонаря, были видны тревога и нѣжность.

Болѣзненно-пріятныя картины мгновенно потускнѣли, и изъ-за нихъ выглянула грозная дѣйствительность. Это раздражило Аларина.

— Что вамъ надо отъ меня? — слезливо закричалъ онъ. — Оставьте меня въ покоѣ!

Послѣ вчерашней бурной сцены съ Кашперовымъ Зинаида Павловна окончательно рѣшила ѣхать домой. Она уложила всѣ свои вещи, но Лиза упросила ее остаться еще на одинъ день. Съ самаго утра Зинаида Павловна чувствовала себя плохо: тоскливое предчувствіе бѣды сжимало ея сердце. Къ вечеру это угнетенное состояніе такъ усилилось, что она, не сказавъ никому ни слова, тихонько одѣлась и вышла изъ дома, думая, что свѣжій воздухъ хоть немного ободритъ ее. Ей пришлось пересѣкать бульваръ. На скамейкѣ около будки, гдѣ лѣтомъ продавали сельтерскую воду, сидѣлъ какой-то человѣкъ, который уперся локтями въ колѣни и опустилъ на ладони лицо. Зинаида Павловна, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, движимая какимъ-то неяснымъ внутреннимъ побужденіемъ, быстро и рѣшительно подошла

къ этому человѣку. Это былъ Аларинъ. Она сильно удивилась его раздражительному окрику, но не испугалась. Увидѣвъ его разстроенное лицо, услышавъ страданіе въ его голосѣ, она поняла, что Александра Егоровича постигло какое-то страшное несчастіе.

— Зачѣмъ вы гоните меня? — спросила она съ трогательной грустью. — Я знаю, что вамъ именно теперь нужно участіе.

Она сѣла рядомъ, почти прижавшись къ Аларину, и осторожно положила руку на его плечо. Но ея задушевный тонъ, ея заботливое лицо совсѣмъ взорвали Аларина, и онъ грубо отодвинулся отъ нея.

— Ахъ, не надо мнѣ вашего участія, не нуждаюсь я въ немъ! — почти крикнулъ онъ. — Не шубу же мнѣ шить изъ вашего участія. Оставьте меня!..

— Александръ Егоровичъ, что̀ съ вами, скажите, ради Бога? Вѣдь не изъ любопытства же я спрашиваю... Можетъ-быть, я въ силахъ...

Онъ истерически расхохотался.

— Ха-ха-ха! Боже мой, какъ все это глупо! Ну, чѣмъ же вы поможете мнѣ, если я укралъ казенныя деньги? А? Чѣмъ, я васъ спрашиваю? Или, можетъ-быть, вы пойдете и заявите въ полиціи, что деньги взяли вы, а не я? Такъ и то вамъ никто не повѣритъ...

— Александръ Егоровичъ!

— О, чортъ поебри! Да наконецъ это неделикатно. Наблюдаете вы за мной, что ли? Иначе я не могу объяснить, очень ли вы наивны, или ужъ вовсе глупы до святости.

— Александръ Егоровичъ, неужели вы... украли?

Зинаида Павловна не обидѣлась на его брань; ее гораздо больше мучила мысль, что онъ, ея богъ, ея идеалъ, могъ быть воромъ.

— Да вы, кажется, хотите, чортъ васъ возьми, испытывать мое терпѣніе?! — крикнулъ Аларинъ. — Что̀ вамъ

до меня? Ну, да, укралъ... проигралъ одиннадцать тысячъ рублей. Ну, довольны вы? Если вамъ такъ нравится языкомъ разводы разводить, то выбирайте хоть другое время, а меня, пожалуйста, увольте!

Зинаида Павловна медленно поднялась со скамейки, въ ея глазахъ показались слезы. Но Аларинъ уже не могъ остановиться. Онъ только-что вошелъ во вкусъ того неизъяснимаго наслажденія, которое доставляется возможностью излить всю накопившуюся злобу на какое-нибудь беззащитное существо.

— И вы суетесь съ помощью! Да если бы вы даже вздумали продать себя, понимаете, продать себя, то вѣдь никакой идіотъ не далъ бы вамъ и двадцатой части того, что̀ я проигралъ въ одну ставку... Что̀? Поняли? Въ другой разъ, я думаю, ужъ не станете великодушничать...

И, неожиданно сорвавшись со своего мѣста, онъ пошелъ по бульвару торопливыми шагами.

Зинаида Павловна глядѣла въ ту сторону, куда ушелъ Аларинъ, до тѣхъ поръ, пока въ морозномъ воздухѣ совершенно не стихли его шаги.

«Куда же онъ пойдетъ теперь? — подумала она съ ужасомъ: — что̀ онъ станетъ дѣлать?» И вдругъ, точно отвѣчая на ея вопросъ, въ умѣ пронеслась вчерашняя самоувѣренная фраза Аларина: «Нѣкоторые предпочитаютъ въ этихъ случаяхъ спасаться бѣгствомъ, другіе пускаютъ себѣ въ лобъ пулю».

«Спасаться бѣгствомъ? — мелькнуло у нея. — Но вѣдь онъ не побѣжитъ... онъ такой гордый, самолюбивый... Онъ не сможетъ и не сумѣетъ сдѣлать сознательно ничего безчестнаго; онъ не унизится до того, чтобы выпутаться при помощи униженія или подлости... Значитъ... значитъ, остается второе!»

И, вся охваченная внезапнымъ, потрясающимъ стра-

хомъ за жизнь дорогого человѣка, уже позабывъ тѣ грубыя оскорбленія, которыя онъ ей наносилъ за минуту передъ тѣмъ, Зинаида Павловна почти побѣжала въ ту сторону, гдѣ еще слышались смутно удаляющіеся шаги Аларина, но тотчасъ же остановилась.

«Зачѣмъ? — безнадежно мелькнуло въ ея головѣ. — Чѣмъ я могу утѣшить его? Онъ опять такъ же злобно засмѣется... Господи, какую страшную муку долженъ онъ испытывать? Но чѣмъ же я могу помочь ему? Если мнѣ даже и удастся собрать какую-нибудь тысячу рублей... то вѣдь это будетъ каплей въ морѣ!.. Господи! Научи меня, просвѣти мой разумъ! Онъ для меня дороже всего въ мірѣ, и я ничѣмъ не въ состояніи удержать его... «Пулю въ лобъ...» Онъ самъ разсмѣялся, когда я спросила, не могу ли помочь... О, какой это былъ ужасный хохотъ!.. «Если вы даже продадите себя...» Онъ не понялъ и не хотѣлъ повѣрить тому, что я съ наслажденіемъ отдала бы жизнь за него, вотъ сію секунду отдала бы... А что̀, если и въ самомъ дѣлѣ не жизнь... а... Тотъ ужасный человѣкъ вчера... Нѣтъ, нѣтъ, это мерзко! Это такъ гадко, что Аларинъ самъ отъ меня съ отвращеніемъ отвернется, если узна̀етъ... Развѣ можно отдаваться человѣку, котораго... да, котораго ненавидишь? О, нѣтъ! Это — гадость, объ этомъ даже думать противно!..»

И Зинаида Павловна почувствовала, что ее всю охватила дрожь отвращенія. Но тотчасъ же въ ней снова заработала мысль:

«Ну такъ что̀ же? Противно, и я ужъ испугалась... А это — самый вѣрный путь... Лиза говорила, что Сергѣй Григорьевичъ получилъ утромъ изъ банка много денегъ... Онъ не задумается; онъ вчера говорилъ, что отдастъ все, и, конечно, нынче отъ своихъ словъ не откажется... Значитъ, можно еще спасти Аларина...

Страшно? Но вѣдь я собиралась даже жизнь отдать? Жизнь отдать такъ легко, это даже пріятно и красиво умереть за любимаго человѣка. Да, кромѣ того, кто же потребуетъ отъ меня моей жизни? Значитъ, я хвасталась? А здѣсь... отдать свою честь на поруганіе, навѣки потерять уваженіе любимаго человѣка, но спасти его, — спасти отъ ужасной смерти, которая позоромъ ляжетъ на его имя... Можно ли сдѣлать больше? А чѣмъ тяжелѣе жертва, чѣмъ меньше въ ней блеска и шума, тѣмъ достойнѣе она будетъ... Значитъ, и безчестья нѣтъ никакого... И развѣ это не все, что̀ можетъ сдѣлать женщина? Значитъ, это можно... и даже необходимо совершить!..»

Когда Зинаида Павловна дошла до послѣдняго вывода, ей сразу стало легко, точно съ ея плечъ скатилось громадное, тяжелое время, которое долго давило ее и отъ котораго не было возможности избавиться... И, съ безповоротно созрѣвшимъ рѣшеніемъ, она быстро пошла по направленію къ дому Кашперова.

X.

Сергѣй Григорьевичъ, точно раненый левъ, метался по своему кабинету. Со вчерашняго вечера онъ ни на одну секунду не сомкнулъ глазъ, и чудовищныя мысли, одна другой нелѣпѣе, одна другой фантастичнѣе, тѣснились въ его пылающей головѣ. Онъ то вспоминалъ съ горечью и стыдомъ свое вчерашнее безумное поведеніе, мысленно называя себя подлецомъ, то терзался сожалѣніемъ, что устроилъ все такъ неловко и неумѣло, «какъ мальчишка, какъ школьникъ». Онъ осыпа̀лъ проклятіями ни въ чемъ неповинную, кроткую дѣвушку и тотчасъ затѣмъ готовъ былъ молиться на ея чистый, свѣтлый образъ, всю ночь съ яркостью носившійся предъ его духовными очами. У него, умѣвшаго всю свою жизнь под-

чинять всѣхъ своей волѣ, никогда не колебавшагося и всегда знавшаго напередъ, что̀ ему надо предпринять въ какихъ бы то ни было случайностяхъ, теперь сбились въ одну безобразную кучу понятія о честномъ и нечестномъ, о возможномъ и невозможномъ. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ господствовало одно тяжелое сознаніе того, что Зинаида Павловна уѣзжаетъ изъ его дома, унося съ собою одно только гадливое чувство къ нему.

«Ну, чѣмъ же можно остановить ее? — думалъ Кашперовъ, нервно шагая взадъ и впередъ по кабинету и злобно отшвыривая ногой попадавшіеся по дорогѣ стулья: — вѣдь не могу же я запереть ее? Извиниться? Невозможно! — она меня и слушать не станетъ; она охотнѣе будетъ объясняться съ бѣшенымъ волкомъ, чѣмъ со мною. Да и я не сдержусь, я знаю... вѣдь отъ однихъ ея шаговъ меня уже бросаетъ въ лихорадочную дрожь. Развѣ написать ей?..»

Эта мысль была самой подходящей къ теперешнему положенію дѣла, и Кашперовъ тотчасъ же принялся за ея исполненіе.

Но едва только онъ обмакнулъ перо въ чернильницу, какъ дверь кабинета быстро отворилась. Кашперовъ, недовольно нахмуривъ брови, обернулся назадъ, готовясь крикнуть на вошедшаго не во̀-время лакея, но такъ и остолбенѣлъ съ полуоткрытымъ ртомъ: передъ нимъ, блѣдная и взволнованная, съ горящими глазами, стояла сама Зинаида Павловна.

Кашперовъ сразу, инстинктивно, догадался, что сейчасъ произойдетъ нѣчто особенное и неожиданное. У него захватило дыханіе.

— Что̀ съ вами, Зинаида Павловна? — тревожно спросилъ онъ, поднимаясь со своего мѣста: — вы чѣмъ-то потрясены?

Она хотѣла, не медля ни секунды, сказать ему о цѣли

своего прихода, но ея губы шевелились, не издавая ни одного звука...

«Неужели я сама скажу объ «этомъ»? — въ нѣмомъ страхѣ думала Зинаида Павловна: — такъ прямо, глядя ему въ глаза... громко? Какъ это подѣйствуетъ на него? Что̀ онъ скажетъ? А вдругъ онъ расхохочется мнѣ въ лицо, или, можетъ-быть, какъ и вчера, бросится ко мнѣ красный, съ мутными глазами, съ пѣной у рта?»

Однако отступать было уже поздно, и хотя сознаніе неизбѣжности объясненія ужасало Зинаиду Павловну, но она уже знала, что отъ принятаго рѣшенія не откажется.

— Да скажите же, ради Бога, Зинаида Павловна, что̀ съ вами случилось? Не мучьте меня! — продолжалъ взволнованнымъ голосомъ спрашивать Сергѣй Григорьевичъ, не дождавшись отвѣта.

Силы совершенно покинули Зинаиду Павловну, она не могла больше стоять и невольно опустилась, почти упала въ кресло.

— Вотъ что̀, Сергѣй Григорьевичъ, — раздался наконецъ ея слабый, совсѣмъ больной голосъ: — вы вчера... предлагали мнѣ одну вещь... Это правда... я не понимала, что̀ значитъ богатство... а теперь... я согласна... Дѣлайте со мной, что̀ хотите... Только, ради Бога, скорѣй... мнѣ нужны деньги... очень, очень много денегъ...

Она говорила точно въ бреду, все болѣе и болѣе блѣднѣя, и когда кончила, то до крови закусила нижнюю губу и, съ страшнымъ выраженіемъ мольбы и отвращенія на лицѣ, подняла взоръ на Кашперова... Ихъ взоры встрѣтились и, точно повинуясь какой-то очаровывающей магнитической силѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не могли разойтись... Сергѣй Григорьевичъ былъ бы гораздо меньше ошеломленъ, если бы въ этотъ пасмурный январьскій вечеръ надъ его головою ударилъ раскатъ грома... Сидѣвшая передъ нимъ блѣдная, какъ

смерть, дѣвушка, которую онъ считалъ такой чистой и недосягаемой, такой чуждой будничной житейской грязи, сама пришла къ нему въ комнату и предложила себя за деньги. Или, можетъ-быть, онъ страшно ошибался въ ней? Можетъ-быть, ей уже не чуждо сознаніе всесильности денегъ, и она, какъ и всѣ, пресмыкается передъ ними? Неужели она, ничѣмъ незапятнанная физически, уже дошла однимъ своимъ развратнымъ воображеніемъ до паденія, до позора?..

Кашперовъ съ напряженной пытливостью впился въ глаза Зины, какъ будто желая ворваться черезъ нихъ въ душу и прочесть тамъ все, — все, до тѣхъ темныхъ, мелькающихъ лишь на мгновеніе въ человѣческомъ мозгу мыслей и ощущеній, которыя, какъ подводные гады, шевелятся въ самой глубинѣ ея тайниковъ.

«Сколько въ ея лицѣ страданія, — быстро пронеслось въ его головѣ: — вѣрно, она тяжелымъ путемъ дошла до своего ужаснаго поступка, путемъ борьбы, безсонныхъ ночей... Понятно, ей не легко; вѣдь она не знаетъ, разсмѣюсь ли я надъ ней, или даже обойдусь, какъ съ продажной тварью... Хорошо! Но почему же такое брезгливое выраженіе? Точно наступила ногой на змѣю... Господи! Да вѣдь она и не хочетъ скрывать своего отвращенія ко мнѣ... Нѣтъ! Это что-то не такъ. Точно жертва, ведомая на закланіе, да еще такая жертва, что своего палача всѣми силами души презираетъ и вовсе не боится... А что, если дѣйствительно кому-нибудь эта жертва понадобилась, а она по своей святости обрадовалась и...»

И Кашперова неожиданно охватило злое чувство. Ему страстно захотѣлось грубой насмѣшкой оскорбить Зинаиду Павловну, отомстить и за отвращеніе, противъ воли выражавшееся на ея лицѣ, и за острое ощущеніе стыда и замѣшательства, которое онъ испытывалъ цѣлыя сутки.

— Сколько же вамъ, собственно, нужно?

Вопросъ былъ предложенъ холоднымъ, совершенно безучастнымъ тономъ.

Кашперовъ скорѣе догадался по движенію губъ Зинаиды Павловны, чѣмъ услышалъ ея отвѣтъ.

— Одиннадцать тысячъ? Гм... гм... у васъ недурные аппетиты... Интересно, для какой цѣли онѣ вамъ понадобились, и почему вы выбрали именно эту маленькую, но опредѣленную сумму? Я долженъ сказать вамъ только одно, что вы себя очень дешево оцѣнили; надо было взять дороже...

Кашперовъ съ мучительной ясностью сознавалъ, сколько грошоваго мѣщанства, сколько животнаго сознанія своей минутной силы слышалось въ его тонѣ. Онъ самъ глубоко страдалъ отъ этого тона и въ то же время чувствовалъ необыкновенную жалость къ оскорбляемой дѣвушкѣ; но какой-то слѣпой и безпощадный духъ самовольно управлялъ въ немъ его поступками.

Зинаида Павловна продолжала молчать и только все крѣпче и крѣпче прижимала руки къ шибко бьющемуся сердцу.

— Говорите же, для чего вамъ нужны деньги? — простоналъ Кашперовъ.

— Этого я вамъ никогда не скажу!

Ея слова звучали твердой рѣшительностью. Она охотнѣе позволила бы изрѣзать себя на куски, чѣмъ присоединить къ своему позору дорогое имя.

Но Кашперовъ все понялъ и весь задрожалъ отъ внезапнаго прилива жгучей ревности. Губы его закривились злобной улыбкой...

— Хорошо, я исполню ваше желаніе.—Онъ быстро подошелъ къ столу, взялъ съ него запечатанную и завернутую въ бумагу колоду картъ и протянулъ ее Зинаидѣ Павловнѣ. — Здѣсь немного болѣе, чѣмъ вамъ нужно. Только, пожалуйста, не благодарите...

Но онъ не успѣлъ еще сознательно насладиться торжествомъ этой грубой мести, какъ произошло что-то совсѣмъ необыкновенное. Зинаида Павловна вдругъ вся неестественно перегнулась, порывисто упала съ кресла на колѣни, и въ то же мгновеніе Кашперовъ ощутилъ на своей правой рукѣ горячее прикосновеніе ея губъ.

Густая краска стыда залила лицо Сергѣя Григорьевича,—онъ сразу понялъ и перечувствовалъ на себѣ всю гнусную жестокость, всю неумѣстность своего озлобленнаго издѣвательства и, весь охваченный порывомъ безграничнаго раскаянія, повалился на диванъ лицомъ, крѣпко охвативъ руками голову. Все его могучее тѣло сначала только тряслось и вздрагивало; потомъ онъ не въ силахъ былъ сдерживаться, и Зинаида Павловна услышала громкія судорожныя рыданія, вырвавшіяся изъ его груди.

— Простите... Простите меня... — задыхаясь и захлебываясь, воскликнулъ Кашперовъ: — дорогая моя! Я точно палачъ, точно убійца... Какъ я могъ?.. Вы... святая... святая...

Она ничего не могла понять и растерянно глядѣла то на него, то на колоду картъ.

— Я васъ обманулъ! — продолжалъ сквозь рыданія Кашперовъ:—обманулъ такъ пошло, такъ безсмысленно... Простите ли вы меня?

Если слезы всегда способны вызывать сочувствіе, то слезы крѣпкаго, сильнаго мужчины производятъ положительно потрясающее впечатлѣніе. Зинаида Павловна подошла къ нему и осторожно провела рукой по его головѣ... Сергѣй Григорьевичъ справился наконецъ со своими нервами и поднялся съ дивана. Его заплаканные и нѣсколько опухшіе отъ слезъ глаза смотрѣли на Зинаиду Павловну съ такой ласковой грустью, что она невольно почувствовала жалость.

Кашперовъ выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго

стола, и нѣсколько времени въ кабинетѣ среди гробового молчанія слышалось только шуршаніе бумаги. Онъ отсчиталъ изъ полученныхъ утромъ денегъ требуемую сумму, обернулъ ее въ листъ бѣлой бумаги и перевязалъ шнуркомъ.

— Вотъ, возьмите, здѣсь ровно одиннадцать тысячъ,— сказалъ онъ, протягивая пачку Зинаидѣ Павловнѣ и глядя куда-то въ сторону: — идите... идите скорѣе...

У Зинаиды Павловны кружилась голова, и передъ глазами ходилъ какой-то туманъ. Она машинально взяла деньги и направилась къ двери, но Кашперовъ остановилъ ее.

— Послушайте! Я, конечно, не смѣю ни о чемъ разспрашивать, но, прошу васъ, скажите этому человѣку: если онъ не сумѣетъ оцѣнить вашъ поступокъ, значитъ... Понимаете ли вы, — добавилъ онъ съ горячимъ чувствомъ: — это — великій подвигъ, самый великій, на который когда-либо рѣшалась женщина.

Зинаида Павловна безъ словъ протянула ему руку, и они оба въ первый разъ смѣло и дружелюбно взглянули другъ другу въ глаза.

XI.

Зинаида Павловна вышла на улицу. Всѣ предшествовавшія обстоятельства такъ сильно и удручающе повліяли на нее, что она двигалась, точно во снѣ, крѣпко прижимая къ груди пачку съ деньгами. Она совершенно не различала дороги и, навѣрно, шла бы впередъ до изнеможенія, если бы ей не попался навстрѣчу извозчикъ.

— Барышня! Прокатайте на шведочкѣ полтинничекъ!

Зинаида Павловна только тогда вспомнила, что ей должно быть дорого каждое мгновеніе; она сѣла въ сани и заторопила извозчика:

— На пристань! Только, ради Бога, скорѣе... скорѣе!.. Вы получите на чай.

«Ванька» принялся усердно нахлестывать свою лошаденку. Тревожно-мучительныя думы овладѣли Зинаидой Павловной и точно вихрь закружились въ ея головѣ.

«Господи! Только бы ей не опоздать! А вдругъ... она входитъ, а на кровати лежитъ Аларинъ... скорчившійся, съ окровавленнымъ лбомъ. Но, можетъ-быть, онъ изъ гордости отвергнетъ ея помощь, и его кровь вѣчнымъ несмываемымъ пятномъ ляжетъ ей на душу?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Она разскажетъ ему, какъ онъ дорогъ и близокъ для нея, она найдетъ такія слова, противъ которыхъ нельзя устоять... Имѣйте вѣру съ горчичное зерно... Господи! Что̀, если я опоздаю?»

— Да погоняйте же, пожалуйста, — безпрестанно твердила она извозчику, который вмѣстѣ съ клячонкой надрывался изъ послѣднихъ силъ, удивляясь нетерпѣнію барышни.

Наконецъ сани остановились передъ громаднымъ домомъ портоваго управленія. Зинаида Павловна быстро выскочила, сунула въ руку извозчику рубль и остановилась въ раздумьѣ на тротуарѣ. Она не знала, куда ей итти.

У воротъ, завернувшись въ новый дубленый полушубокъ, точно каменное изваяніе, неподвижно сидѣлъ дремавшій дворникъ. Зинаида Павловна рѣшилась подойти къ нему.

— Послушайте, любезный, гдѣ здѣсь квартира инженера Аларина?

Дворникъ, не приподнимаясь съ мѣста, пробормоталъ что-то непонятное.

— Послушайте! я васъ спрашиваю, гдѣ живетъ Александръ Егоровичъ Аларинъ?

Въ голосѣ Зинаиды Павловны слышалось столько настойчивости, столько страстнаго нетерпѣнія, что дворникъ

удостоилъ наконецъ ее болѣе внимательнымъ взглядомъ; но, повидимому, впечатлѣніе, произведенное этимъ осмотромъ, было не изъ благопріятныхъ, потому что изваяніе въ тулупѣ произнесло заржавленнымъ голосомъ:

— А тебѣ чего нужно?

Зинаида Павловна, всегда робкая и неумѣлая въ обращеніи съ прислугой, совсѣмъ вышла изъ себя.

— Какъ вы смѣете разговаривать? Это не ваше дѣло наконецъ... Я васъ спрашиваю, и вы должны отвѣтить!

Дворникъ почему-то нашелъ необходимымъ оскорбиться до глубины души и вознегодовать.

— Ишь ты, какая строгая, подумаешь! Какъ это такъ не мое дѣло? Вашего брата много къ холостымъ господамъ бѣгаетъ, а потомъ, глядишь, пропадетъ ложка серебряная или часы, кто отвѣчаетъ? Небось, не ты! Тебя и слѣдъ давно простылъ, а меня по шапкѣ! Не мое дѣло!.. Нѣтъ, братъ, шалишь, коли я здѣсь соблюдать приставленъ...

Зинаида Павловна быстро вынула изъ кармана портмоне и высыпала на ладонь всѣ имѣвшіяся въ немъ монеты.

— Вотъ на̀те вамъ, возьмите, — сказала она, желая прервать потокъ его краснорѣчія: — только прошу васъ показать квартиру господина Аларина!

— Это другое дѣло, — произнесъ, неожиданно смягчаясь, строгій блюститель порядка. — Вы, барышня, ступайте, значитъ, прямо все и въ первый проулочекъ сверните. Отсчитаете по лѣвой рукѣ седьмой домикъ, тамъ и есть ихъ квартира. Домикъ эфтотъ, значитъ, пароходнаго машиниста, а они, т.-е. господинъ Аларинъ, у него квартиру снимаютъ. На ихней двери дощечка такая съ чиномъ и фамиліей прибита, увидите сами...

Зинаида Павловна, дрожа отъ волненія, быстро пошла по указанному направленію. Она страшно боялась опоздать; ей казалось, что въ этомъ случаѣ на нее

одну падетъ вся отвѣтственность въ чудовищномъ дѣлѣ, которое она сама боялась назвать настоящимъ именемъ. Наконецъ она достигла указаннаго дворникомъ невзрачнаго одноэтажнаго дома. Вотъ и дверь... Только есть ли дощечка съ фамиліей? На дворѣ такая темнота, что въ двухъ шагахъ ничего невозможно разобрать.

Она протянула руку, ощупала чугунную дощечку и ручку звонка и сказала себѣ: «Значитъ, здѣсь!».

Медлить было некогда; Зинаида Павловна два раза кряду дернула изо всѣхъ силъ ручку. За дверью послышалось быстрое шлепанье туфель, и старческій голосъ, прерываемый удушливымъ кашлемъ, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Мнѣ надо немедленно видѣть Александра Егоровича Аларина, — нетерпѣливо крикнула Зинаида Павловна: — отворите, я не могу стоять на морозѣ.

Послышались стукъ и визжаніе отодвигаемаго засова, и дверь отворилась... Передъ Зинаидой Павловной предстала въ ночномъ бѣльѣ и туфляхъ на босую ногу старая, но бодрая и чрезвычайно худая женщина, съ горящею свѣчой въ рукѣ. Изъ-подъ коричневаго платка торчали по плечамъ двѣ жиденькія зеленовато-сѣдыя косички.

— Для чего это вамъ понадобился въ такую пору Александръ Егоровичъ?—недружелюбно спросила старуха, искоса подозрительно оглядѣвъ съ ногъ до головы вошедшую.

Это любопытство окончательно взорвало Зинаиду Павловну.

— Ахъ, не все ли вамъ равно? — крикнула она сердито. — Конечно, если бы не было нужно, такъ я въ такую пору не пріѣхала бы.

Старуха недовѣрчиво и грустно покачала головой.

— Пожалуйте, — сказала она, тяжело вздыхая и ука-

зывая на небольшую, обитую войлокомъ дверь: — идите прямо, они еще не спятъ въ это время...

Зинаида Павловна, не останавливаясь ни на одну секунду, быстро подошла къ двери и еще быстрѣе отворила ее.

XII.

Аларинъ, покинувъ на бульварѣ оскорбленную имъ Зинаиду Павловну, шелъ машинально, безъ всякой опредѣленной цѣли, до тѣхъ поръ, пока не очутился противъ своей собственной квартиры, и невольно удивился этому. Онъ ни теперь ни въ болѣе позднее время не могъ понять и разобраться въ безобразномъ хаосѣ мыслей, которыя тѣснились въ его головѣ, когда онъ шелъ домой. Растрата казенныхъ денегъ... судъ... арестантскій халатъ... каторга и наконецъ, что̀ было ужаснѣе всего, полнѣйшая безпомощность.

Въ глубинѣ души Аларинъ смутно чувствовалъ, что какой-то выходъ есть, что изъ этого тяжелаго положенія можно выбраться, но самъ боялся отнестись къ этому неясному представленію сознательнѣе. Онъ весь содрогнулся отъ ужаса, когда наконецъ понялъ, въ чемъ заключается выходъ, какъ-то сразу обрисовавшійся въ его воображеніи въ той странной вещи, которая висѣла на стѣнномъ коврѣ надъ его кроватью. Это былъ револьверъ Смита и Вессона, подарокъ одного гвардейскаго офицера, хорошаго пріятеля Александра Егоровича.

Аларинъ содрогнулся, но тотчасъ съ жадностью уцѣпился за мысль о самоубійствѣ.

«Развѣ это такъ трудно?—размышлялъ онъ, подвигаясь безсознательно впередъ: — боль мгновенная, зубъ вырвать, пожалуй, больнѣе, потому что, если человѣкъ живетъ, то еще долго чувствуетъ нервное отраженіе

боли. Вотъ тѣ, которыхъ на войнѣ ранили, говорятъ, какъ будто сильный толчокъ, а потомъ горячо сдѣлается, какъ если бы облили рану кипяткомъ. Значитъ, нужно только усиліе — надавить на собачку: ударъ, блескъ — и кончено. А потомъ? Потомъ ничего, совсѣмъ какъ есть ничего! Вѣдь пріятно послѣ долгой, трудной дороги лечь на кровать и вытянуть ноги... Нѣтъ въ мірѣ лучшаго ощущенія! А здѣсь покой еще глубже, еще блаженнѣе... Чего же метаться и отчаиваться? Кому меня будетъ жаль? Безъ матери, безъ отца, одинъ... Кому же до меня есть дѣло? Развѣ только эта малокровная барышня? Да что она мнѣ? Если бы эта дѣвчонка умерла, я и ухомъ не повелъ бы. Мало ли народу каждый день умираетъ?»

Онъ вошелъ въ свою комнату, не снимая пальто и фуражки, зажегъ лампу и тотчасъ же снялъ съ гвоздя большой, вороненой стали, револьверъ. Во всѣхъ шести гнѣздахъ торчали мѣдныя шляпки патроновъ.

«Писать ли записку? Нужно что-нибудь оригинальное... Вѣдь завтра всѣ будутъ читать въ газетахъ... Какъ это будетъ неожиданно для всѣхъ! Жилъ между ними человѣкъ, ходилъ, смѣялся, разговаривалъ, принималъ участіе въ ихъ безсмысленномъ прозябаніи, — и вдругъ сталъ безмолвной, холодной вещью... А главное, умеръ, презирая всю эту жестокую, суетную толпу... Что подумаетъ Круковскій? Ему, навѣрно, станетъ совѣстно и страшно. Развѣ и про него упомянуть въ запискѣ? Нѣтъ, это гадко, это будетъ ненужной местью,—пусть онъ самъ считается со своею совѣстью».

Аларинъ схватилъ листъ почтовой бумаги и быстро, безъ помарокъ, написалъ предсмертную записку:

«Я, вслѣдствіе рокового сцѣпленія обстоятельствъ, проигралъ казенныя одиннадцать тысячъ рублей. Какъ это ни покажется страннымъ, но виновнымъ я себя не при-

знаю. Прощаться не съ кѣмъ и не для чего. Александръ Аларинъ».

Эта записка была его местью тому обществу, которое онъ почему-то обвинялъ въ своемъ несчастіи. Онъ перечиталъ ее два раза и съ удовольствіемъ нашелъ свои слова выразительными по ихъ силѣ и сжатой краткости.

Неугомонное воображеніе опять принялось рисовать другія картины. Аларинъ какъ будто уже видѣлъ то впечатлѣніе, которое произведетъ его самоубійство, видѣлъ, какъ знакомые будутъ толковать объ этомъ, говоря таинственнымъ шопотомъ и удивляясь громадной волѣ Александра Егоровича, а онъ самъ, никѣмъ незримый, присутствуетъ среди нихъ, наслаждаясь ихъ разговорами.

Взводимый курокъ два раза сухо и коротко щелкнулъ. Аларинъ кистью лѣвой руки крѣпко охватилъ дуло, чтобы оно не дрожало, положилъ большой палецъ правой руки на собачку и прикоснулся холодной сталью къ правому виску. Это ощущеніе холода мгновенно передалось всему тѣлу.

«Неужели всегда будетъ такъ же холодно? — весь содрогнувшись, подумалъ Аларинъ: — холодно... темно... словно въ закрытомъ погребѣ... брр... жутко! Не лучше ли въ сердце? Говорятъ, бывали случаи, что выстрѣлъ происходилъ какъ разъ въ то время, когда сердце сжималось. Пуля только на волосъ пролетитъ, не тронувъ... живъ останешься... Да, въ сердце лучше. Или, можетъ-быть, взять немного выше? Не такая вѣрная смерть»

И вдругъ, поймавъ себя на этихъ гаденькихъ мысляхъ, Аларинъ покраснѣлъ и обозлился.

«Эхъ, ты, шарлатанъ, — обругалъ онъ себя: — и въ эту минуту безъ хвастовства и ломанія не обойдешься! Куда тебѣ стрѣляться, трусишка? Да вѣдь ты согласился бы влачить жизнь цѣпной собаки, только бы жить... О впечатлѣніи заботишься! Нѣтъ, братъ, коли хочешь умереть,

такъ всоси въ себя мысль о ничтожествѣ, привыкни къ тому, что не только темноты погреба, а ровно ничего не будетъ, — ничего, ни свѣта, ни темноты, ни времени, ни пустоты даже. Ничего! О, какой ужасъ!»

Онъ медленно положилъ на столъ револьверъ и, опершись подбородкомъ на ладони, уставился на огонь лампы. Блестящая точка приковала его взглядъ. Онъ не могъ отвести отъ нея неподвижныхъ глазъ, между тѣмъ какъ всѣ окружающіе предметы темнѣли, сливались въ однообразную сѣрую массу и уходили куда-то далеко.

За стѣной послышался пьяный голосъ машиниста, хозяина домика, въ которомъ квартировалъ Александръ Егоровичъ. Этотъ честный, но подверженный слабости къ обильнымъ возліяніямъ, малый считалъ своимъ священнымъ долгомъ напиваться каждый свободный вечеръ до состоянія полнаго блаженства и горланить самыя чувствительныя пѣсни.

Аларинъ сталъ прислушиваться.

„Ахъ, распился, разгулялся
Молодой приказчикъ;
Онъ склонилъ свою головку
На хозяйскій ящикъ“.--

пѣлъ машинистъ.

Лицо Александра Егоровича искривилось злобой. Онъ слышалъ не разъ и хорошо зналъ эту безобразную трактирную пѣсню, въ которой описывались приключенія молодого приказчика, ограбившаго хозяйскую кассу.

„Онъ расчету не сдавалъ:
Сколько кому на-адо!“ —

продолжалъ гнусавить машинистъ, съ пьяной отчетливостью выдѣлывая каждую ноту.

— О, чортъ побери! — дико прошепталъ Аларинъ, глядя на огонь очарованными, немигающими глазами:—вѣдь и я—такой же приказчикъ. Распился и разгулялся. И мнѣ

теперь всякій пьяный машинистъ плюнетъ въ лицо, а можетъ-быть, и пѣсню еще сложитъ: что вотъ-де проигрался молодой инженерикъ... Да развѣ я теперь инженеръ? Вѣдь я—кандидатъ въ арестантскія роты. Нѣтъ, такъ нельзя! Неужели у меня не хватитъ духа? Вѣдь только одно незначительное усиліе, а тамъ уже все равно, что̀ будутъ пѣть, что̀ будутъ говорить... Надо только поймать въ себѣ моментъ рѣшимости... и баста!

Онъ опять взялъ револьверъ и приставилъ его къ виску.

— Ну, разъ, два...

Онъ попрежнему, не отрывая взора отъ яркой огненной точки, медлилъ сказать «три», и еще самъ не зналъ: дѣйствительно ли въ немъ созрѣла рѣшимость, или онъ опять только ломалъ комедію.

Въ это время сзади его послышался отчаянный, потрясающій крикъ. Чья-то рука быстро выхватила револьверъ, тотъ съ грохотомъ покатился по полу, и Аларинъ увидѣлъ Зинаиду Павловну, почти въ обморокѣ, безсильно опустившуюся на диванъ.

Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго молчанія.

— Чего вы хотите отъ меня дождаться? — закричалъ наконецъ внѣ себя Александръ Егоровичъ и ударилъ по столу кулакомъ съ такой силой, что стоявшая на немъ лампа закачалась и задребезжала.

Зинаида Павловна молча положила на столъ бумажную пачку, которую до тѣхъ поръ крѣпко сжимала въ рукѣ.

Аларинъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ сначала на пачку, потомъ на нее, потомъ снова на пачку; онъ еще не понималъ, въ чемъ дѣло, но въ его душу вдругъ хлынула волна безотчетной восторженной радости.

— Что̀ же это такое? — спросилъ онъ сдавленнымъ шопотомъ, дрожащими руками развязывая шнурокъ.

И вдругъ, уже совсѣмъ не владѣя собою, Александръ Егоровичъ разразился захлебывающимся, безумно-радост-

нымъ смѣхомъ. Передъ его глазами мелькали одна за другой и шелестѣли въ рукахъ пестрыя радужныя сторублевки, красныя и сѣрыя процентныя бумаги съ крупными тысячными надписями, серіи... Онъ нѣсколько разъ принимался пересчитывать, сбивался, начиналъ считать снова и совершенно позабылъ о присутствіи Зинаиды Павловны. Для него въ эти блаженныя минуты возвращенія отъ смерти и отчаянія къ жизни все въ мірѣ, кромѣ лежавшихъ передъ нимъ денегъ, потеряло стоимость и значеніе. Его лицо приняло жадное, почти звѣрское выраженіе, глаза сверкали, на лбу выступили крупныя капли пота.

Зинаида Павловна съ пытливымъ вниманіемъ наблюдала за всѣми измѣненіями физіономіи Аларина; она съ ужасомъ чувствовала, что въ ней, въ самой глубинѣ ея души, зарождается и шевелится какое-то смутное чувство презрѣнія къ этому необузданному проявленію инстинкта жизни. Ея щепетильная натура возставала противъ чего-то животнаго, низменнаго, такъ неожиданно проявившагося въ человѣкѣ, котораго она возвела на самую высокую ступень идеала. Она еще не умѣла разобраться въ своихъ новыхъ ощущеніяхъ, не могла оформить ихъ, какъ слѣдуетъ, но въ эти двѣ или три минуты разрушалось и гибло ея увлеченіе, — увлеченіе, вызванное скорѣе разсудкомъ и жалостью, чѣмъ силой страсти.

Аларинъ наконецъ съ трудомъ пересчиталъ билеты: ихъ было на сто рублей больше, чѣмъ нужно, и только тогда у него мелькнула мысль: — откуда же они взялись?

Онъ вспомнилъ о присутствіи Зинаиды Павловны, порывисто подошелъ къ ней, желая высказать свою великую радость, но вспомнилъ сцену на бульварѣ и весь побагровѣлъ.

— Зинаида Павловна, эти деньги... — Александръ Егоровичъ хотѣлъ-было спросить, кому онѣ предназначаются,

но этотъ вопросъ показался ему черезчуръ грубымъ.— Откуда вы достали ихъ? — добавилъ онъ и, уже произнеся эти слова, сообразилъ, что сдѣлалъ еще бо̀льшую безтактность.

Голова Зинаиды Павловны горѣла, руки были холодны, какъ ледъ. Нервы положительно отказывались слушаться, и ея отвѣтъ, противъ воли, вышелъ сухъ, почти презрителенъ:

— Возьмите ихъ себѣ. И прошу васъ объ одномъ, — никогда о нихъ не вспоминайте!

Но Аларинъ, обыкновенно чуткій ко всякому оттѣнку въ тонѣ и всегда умѣвшій за словами улавливать истинное настроеніе человѣка, на этотъ разъ совершенно утратилъ и эту способность и ту границу въ изъявленіи чувства, которая отдѣляетъ истинное увлеченіе отъ натянутой фальши.

— Какъ мнѣ благодарить васъ? — заговорилъ онъ съ неправдоподобнымъ жаромъ, схвативъ и крѣпко сжавъ обѣ руки Зинаиды Павловны: — Знаете ли вы, что̀ вы для меня сдѣлали? Вы спасли меня отъ суда, отъ вѣчнаго позора. Значитъ, я не даромъ въ васъ чувствовалъ съ перваго же знакомства что-то родственное. Господи! Вы мнѣ жизнь возвратили, жизнь! Поймите, что я снова стану въ глазахъ общества порядочнымъ человѣкомъ, а не воромъ...

Смутное чувство презрѣнія все болѣе и болѣе нарастало въ душѣ Зинаиды Павловны. Аларинъ начиналъ казаться ей чѣмъ-то маленькимъ, жалкимъ и лживымъ.

«Для чего же онъ про родственное участіе говоритъ? Лучше бы вспомнилъ, какъ гадко смѣялся на бульварѣ...»—мелькнуло у нея.

Она неожиданно вырвала у него свои руки и поднялась съ дивана.

— Я васъ просила не говорить объ этомъ больше...

Аларинъ опять не понялъ ни ея брезгливаго жеста ни сухого тона.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Дорогая моя, вы должны выслушать меня, я не могу не говорить. Мнѣ кажется, я готовъ кричать на весь міръ отъ радости. Если только найдется хоть что-нибудь, чѣмъ бы я могъ...

Зинаида Павловна не слушала его, занятая новой мыслью, которая пришла ей въ голову.

— Позвольте, я предложу вамъ одинъ вопросъ, — холодно прервала она расходившагося Аларина.

— Говорите, говорите, ради Бога!..

Онъ лицомъ и всей своей фигурой изобразилъ неестественное, подобострастное вниманіе, которое показалось Зинаидѣ Павловнѣ чрезвычайно гадкимъ.

— Вы, конечно, возвратите эти деньги, — сказала она значительно: — но, я думаю, вы также признаетесь во всемъ, разскажете о своемъ проигрышѣ?

Она ухватилась за этотъ вопросъ, какъ за послѣднее средство, чтобы убѣдить себя въ ошибочности новаго мучительнаго впечатлѣнія, которое производилъ на нее Аларинъ.

«Можетъ-быть, онъ только въ первое время такъ гадко обрадовался деньгамъ и не умѣлъ справиться съ этимъ чувствомъ?»—думала она, съ нетерпѣніемъ дожидаясь его отвѣта.

Александръ Егоровичъ совсѣмъ вытаращилъ глаза. Онъ серьезно подумалъ, что эта дѣвушка начинаетъ сходить съ ума.

— Зачѣмъ? Деньги я, конечно, возвращу, но вѣдь никто не знаетъ, что я вчера проигралъ казенныя деньги. Для чего же мнѣ портить свою репутацію?

— Репутацію?—съ горькой ироніей переспросила Зинаида Павловна едва слышнымъ голосомъ и, окинувъ Аларина съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ, повернулась и, шатаясь, пошла къ дверямъ.

— Куда вы, Зинаида Павловна? Что̀ съ вами? — заторопился изумленный Аларинъ. — Позвольте, я вамъ хотя извозчика отыщу!

— Оставьте меня! — рѣзко оборвала Зинаида Павловна.—Вы такой же, какъ и всѣ... Вы гадки мнѣ... Оставьте меня!

Аларинъ такъ и застылъ на мѣстѣ, прислушиваясь къ ея частымъ, неровнымъ шагамъ, раздававшимся въ коридорѣ.

XIII.

Ни одного извозчика, ни одного прохожаго не попадалось на пустынныхъ улицахъ. Суровый, пронизывающій до костей вѣтеръ съ бѣшеной силой обдавалъ все лицо Зинаиды Павловны колючими ледяными иглами; давно промокшія калоши и ботинки едва держались на ногахъ, а она въ какомъ-то забытьѣ шла машинально той же дорогой, по которой пріѣхала на квартиру Аларина. Ея голова сильно болѣла, кровь напряженно билась въ вискахъ, руки и ноги отказывались повиноваться, и мысли путались самымъ фантастическимъ образомъ. Она не помнила, какъ дошла до дому и какъ позвонила у подъѣзда. Навстрѣчу ей выбѣжалъ самъ Кашперовъ. Онъ съ самаго ухода Зинаиды Павловны ходилъ не переставая по комнатамъ въ тревожномъ безпокойствѣ, которое все усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось ея отсутствіе. По телефону онъ уже узналъ подробно о вчерашнемъ проигрышѣ инженера и теперь строилъ разныя предположенія, безпокоясь за ея слабость и неопытность, терзался ревностью, воображая себѣ картину ея свиданія съ Аларинымъ, и уже собирался итти разыскивать ее, какъ вдругъ въ передней послышался слабый звонокъ. Сергѣй Григорьевичъ, не успѣвъ даже надѣть шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы и какъ разъ во̀-время выскочилъ на крыльцо. Едва только онъ отворилъ дверь,

какъ Зинаида Павловна, блѣдная, дрожащая, въ горячечномъ ознобѣ, со стономъ упала ему на грудь. Онъ, какъ перышко, поднялъ ее на руки и одинъ, безъ помощи сбѣжавшейся прислуги, понесъ ее по лѣстницѣ. Только въ эту ужасную минуту, чувствуя на своей шеѣ прикосновеніе ея холодной щеки, Кашперовъ понялъ, что эта дѣвушка для него дороже собственной жизни, дороже жизни любимой дочери...

Зинаида Павловна лежала въ тяжелой неподвижной полудремотѣ, между тѣмъ какъ ея воображеніемъ овладѣли лихорадочныя грезы... Ей все казалось, что гдѣ-то далеко-далеко передъ ея глазами тянется длинная, ровная проволока, тянется страшно медленно, съ какимъ-то монотоннымъ жужжаніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ жужжаніемъ что-то томительное и тягучее охватываетъ все ея тѣло, всѣ мысли, всѣ ощущенія. Это состояніе тоски и замиранія продолжается очень долго, до тѣхъ поръ, пока гдѣ-то, въ томъ же чудовищномъ отдаленіи, не показывается какая-то быстро вертящаяся точка. Что̀ она представляетъ собою, Зинаида Павловна не можетъ рѣшить, но ея сердце сжимается зловѣщимъ предчувствіемъ. Точка, вертясь все быстрѣе, приближается и увеличивается. Наконецъ она превращается въ бѣшеный вихрь, въ цѣлый хаотическій океанъ, который вздымается до неба и охватываетъ цѣлый міръ своими грозными валами... Потомъ наступаетъ одно мгновеніе жуткаго покоя. И вдругъ вся эта безыменная громоздящаяся масса обрывается, рушится и съ быстротой падающаго камня несется на Зинаиду Павловну. Она мечется въ предсмертной тоскѣ, обливаясь холоднымъ потомъ, но внезапно — и это самый страшный моментъ — вся масса разсѣивается, и только остается одна тягучая, безконечная проволока. Эта мучительная фантазія повторялась десятки разъ, послѣ чего грезы Зинаиды Павловны при-

нимали болѣе реальный характеръ. Ей все казалось, что около ея кровати на столикѣ стоитъ тарелка со свѣжей замороженной клюквой. Она видѣла эту красную сочную клюкву съ поразительной ясностью, чувствовала даже во рту ея кислый, утоляющій жажду вкусъ...

И ко всѣмъ этимъ грезамъ примѣшивалось постоянно одно и то же доброе, удивительно знакомое лицо, съ тревожной заботливостью склонявшееся надъ ея изголовьемъ. Зинаида Павловна иногда старалась припомнить, кого она видѣла съ такимъ лицомъ, и думала до тѣхъ поръ, пока опять лихорадочныя грезы не начинали играть ея воображеніемъ.

Заботливое лицо принадлежало Кашперову. Онъ, какъ только уложилъ Зинаиду Павловну при помощи горничной въ кровать, такъ и не отходилъ ни на минуту, не зная, чѣмъ помочь больной дѣвушкѣ.

Часа черезъ два прибылъ докторъ. Это былъ коротенькій, толстый человѣчекъ, съ увѣренно-пріятными округлыми манерами, который однимъ своимъ видомъ могъ успокоить больного. Онъ тщательно осмотрѣлъ Зинаиду Павловну и покачалъ головой.

Кашперовъ отвелъ его въ сторону и произнесъ какимъ-то деревяннымъ, беззвучно-спокойнымъ голосомъ:

— Докторъ, скажите, будетъ она жива?

Докторъ пытливо поглядѣлъ ему въ лицо. Онъ своимъ опытнымъ ухомъ слышалъ, что этотъ вопросъ — вопросъ жизни и смерти для самого Кашперова, и нерѣшительно молчалъ.

— Скажите правду,—настаивалъ Сергѣй Григорьевичъ тѣмъ же страннымъ голосомъ:—я долженъ предупредить васъ, что не переживу ея, понимаете?

— Зачѣмъ же отчаиваться? — попробовалъ успокоить его докторъ: — даже и въ самомъ худшемъ случаѣ не надо терять голову...

— Я васъ не объ этомъ спрашиваю! — рѣзко крикнулъ вдругъ Кашперовъ, сверкнувъ глазами:—будетъ ли она жива, чортъ побери?

Докторъ и обидѣлся этимъ крикомъ и немного испугался.

— Я могу опредѣлить болѣзнь, могу принять кое-какія мѣры, — отвѣтилъ онъ недружелюбно и сухо: — но предрекать не берусь... особенно въ такой болѣзни, какъ нервная горячка. Имѣю честь кланяться.

XIV.

На одной изъ сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вагонѣ III класса ѣхалъ Аларинъ. Но это не былъ тотъ прежній веселый красавецъ съ открытымъ лицомъ и заразительнымъ смѣхомъ: щеки Александра Егоровича ввалились и пожелтѣли отъ заботъ и безсонныхъ ночей, въ волосахъ серебрились сѣдые волосы. Онъ, какъ пришелъ въ вагонъ, такъ и забился въ самый дальній уголъ, почти не отвѣчая на вопросы своего сосѣда, словоохотливаго толстаго священника въ зеленой рясѣ... Батюшка наконецъ угомонился и, почувствовавъ «склоненіе ко сну», предложилъ Аларину газету, которую онъ до сихъ поръ, не читая, держалъ въ рукахъ; Александръ Егоровичъ машинально взялъ и, скользнувъ глазами по рубликѣ: «Намъ пишутъ изъ провинціи», внезапно выронилъ газету, издавъ слабый крикъ удивленія, смѣшаннаго съ ужасомъ. Онъ прочелъ въ корреспонденціи изъ того проклятаго города:

«На-дняхъ у насъ разыгралась тяжелая драма: мѣстный богатый заводчикъ К. лишилъ себя жизни, принявъ сильный растворъ синильной кислоты. Смерть была, повидимому, мгновенна. Причины ея...»

Дальше Аларинъ не читалъ,—онъ теперь лучше всѣхъ въ мірѣ зналъ объ этихъ причинахъ.

Оглавленіе

VII тома.

Шутки.

стр.

Пародіи.

I. И. А. Бунинъ. Пироги съ груздями. 5

II. Скиталецъ. „Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ!“ 7

III. М. Горькій. Дружочки. Разсказъ. 8

Предсказанія Нострадама на 2000 годъ. Изъ Беранже. 11

Механическое правосудіе. 14

Послѣднее слово. 27

Мой паспортъ. Пасхальное стихотвореніе въ прозѣ 35

Кустъ сирени. 41

Бѣлая акація. 49

Марабу. 55

О томъ, какъ профессоръ Леопарди ставилъ мнѣ голосъ. 63

Статьи.

О Кнутѣ Гамсунѣ. 71

О Чеховѣ. Изъ записной книжки. 81

Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ. 84

Памяти А. И. Богдановича. 88

Памяти Чехова. 96

Памяти Н. Г. Михайловскаго (Гарина) 135

Редіардъ Киплингъ. 141

Умеръ смѣхъ. 148

О томъ, какъ я видѣлъ Толстого на пароходѣ „Св. Николай“. . . 151

Наше оправданіе 156
Фараоново племя 160
Немножко Финляндіи. 169

Разсказы.

Бѣлый пудель. 185
Лавры. Сказочка 226
О пуделѣ. 234
Чудесный докторъ. 237
Слонъ 248
Палачъ 262
Въ нѣдрахъ земли 272
Бѣдный принцъ 289
На рѣкѣ 299
Барбосъ и Жулька. Разсказъ. 308
Бонза 314
Таперъ. Разсказъ 325

Впотьмахъ. Повѣсть. 342

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

КІЕВСКІЕ ТИПЫ.

СТУДЕНТЪ-ДРАГУНЪ.

Фуражка прусскаго образца, безъ полей, съ микроскопическимъ козырькомъ, съ чернымъ—вмѣсто синяго—экэлышкомъ; мундиръ въ обтяжку съ отвороченной лѣвой полой, позволяющей видѣть бѣлую шелковую подкладку; пенснэ на широкой черной лентѣ; ботинки безъ каблуковъ и бѣлыя перчатки на рукахъ — вотъ обыкновенный костюмъ студента-драгуна, котораго вы ежедневно видите на Крещатикѣ. Съ тайной грустью думаетъ онъ о томъ, что «какъ-то не принято» носить постоянно шпагу (это вѣдь такъ красиво, когда изъ-подъ мундира выглядываетъ золоченый кончикъ ноженъ), но, по свойственному ему отсутствію инициативы, онъ все-таки не рѣшается ввести въ своемъ кругу эту моду, уже давно не новую для петербургскихъ студентовъ-гвардейцевъ.

Наружности своей онъ старается придать возможно болѣе корректный отпечатокъ, посвящая ей по крайней мѣрѣ часа три-четыре въ сутки. У него всегда найдется въ карманахъ цѣлый ассортиментъ туалетныхъ принадлежностей, флакончикъ Vera-Violetta, напильничекъ, замша, розовый порошокъ и крошечныя ножницы для ногтей, складное зеркальце, миніатюрная пудреница, палочка

фиксатуара и коллекція щеточекъ для коротко остриженныхъ волосъ, закрученныхъ усиковъ и маленькой остроконечной бородки.

Тѣмъ не менѣе эти заботы никогда не скрываютъ ни умственной ни душевной пустоты студента-драгуна, ни ранняго его знакомства съ радостями жизни, за которыя въ старое доброе время добродѣтельные и чадолюбивые отцы исправно посѣкали своихъ девятнадцатилѣтнихъ сыновей. Эти качества сквозятъ въ мутномъ, безжизненномъ взглядѣ изъ-подъ устало-полуопущенныхъ рѣсницъ, въ нездоровой блѣдности лица, въ рѣзкихъ чертахъ около глазъ и носа и въ томъ плотоядномъ выраженіи глазъ и губъ, съ которымъ студентъ-драгунъ оглядываетъ встрѣчающихся ему на улицѣ женщинъ.

Университетъ онъ, конечно, иногда посѣщаетъ: тамъ, въ коридорахъ и въ курилкахъ, въ антрактѣ между лекціями, всегда очень шумно и весело, можно встрѣтиться со «своими» и условиться насчетъ вечерней партіи винта и ужина у Рейнера, услышать свѣжую новость или пикантный анекдотъ и, наконецъ, изъ любопытства (это, право, презабавно) посидѣть минутъ десять на лекціяхъ, глядя съ презрительной усмѣшкой на этихъ, въ поношенныхъ тужуркахъ, которые тамъ что-то слушаютъ и даже записываютъ какую-то ерунду.

Нечего уже и говорить о томъ, что онъ поразительно равнодушенъ къ наукѣ, искусству и общественнымъ вопросамъ. Все печатное вызываетъ въ немъ родъ душевныхъ судорогъ. Однако у него въ распоряженіи всегда есть десятка два или три общихъ мѣстъ, съ помощью которыхъ онъ прикрываетъ отъ неопытнаго наблюдателя свое убожество. — «Шекспиръ? — О! Это былъ великій знатокъ человѣческаго сердца. Вы знаете, его Гамлетъ такъ глубокъ, что его не могутъ до сихъ поръ постичь лучшіе комментаторы. Впрочемъ, говорятъ, что вовсе даже

и не Шекспиръ его написалъ, а Бэконъ».—«Пушкинъ?— Какая красота! Какая легкость и безыскусственность... Когда весь день стоитъ какъ бы хрустальный... Пушкинъ — истинный создатель русскаго языка». — «Вагнеръ? Вотъ гдѣ музыка будущаго!» и т. д. Впрочемъ, надо оговориться: студентъ-драгунъ знакомъ отчасти съ современной французской беллетристикой и цитируетъ наизусть цѣлыя порнографическія страницы изъ Золя, Мопассана, Катюль-Мендеса, Лоти и Бурже. При этомъ онъ питаетъ слабость къ бульварнымъ французскимъ восклицаніямъ въ родѣ: «Tiens!.. fichtre!.. oh-la-la!.. il a du chien!..» и проч.

Но въ чемъ онъ истинный геній, что̀ занимаетъ цѣлый день его тоскующую лѣнь, это — карамбольный бильярдъ у Штифлера, и, право, студенту прежняго времени похвала Грановскаго или Пирогова не доставляла столько гордаго и стыдливаго удовольствія, какъ современному студенту-драгуну — брошенное вскользь одобреніе всегда полупьянаго маркера Якова: «Вотъ этого шара вы — ничего, чисто сдѣлали». Другое его развлеченіе — винтъ, и непремѣнно самый хищническій — открытый, съ присыпкой, гвоздемъ, винтящимися коронками и тройными штрафами. Нерѣдко, вставъ изъ-за карточнаго стола, онъ съ небрежно-разсѣяннымъ видомъ и бѣгающими глазами объявляетъ, что, «кажется, господа, я не захватилъ своего бумажника... пусть останется за мною».

Студентъ-драгунъ ходитъ въ самые модные рестораны. Ничто такъ не щекочетъ его мелкаго тщеславія, какъ фамильярно-почтительный поклонъ франтоватаго и фаворизованнаго мѣстною золотою молодежью лакея. При этомъ студентъ-драгунъ топорщится, выпячиваетъ грудь, говоритъ популярному лакею «ты» и «братецъ», брезгливо морщится, читая menu, но изрѣдка бросаемые имъ на по-

сѣтителей ресторана быстрые взгляды выдаютъ его радостное волненіе.

Случается, что, окончивъ завтракъ, онъ отзываетъ великолѣпнаго лакея въ темный уголъ пустого кабинета и тамъ, краснѣя, умоляющимъ голосомъ упрашиваетъ его взять на себя и этотъ счетъ, «а на той недѣлѣ мнѣ, ей-Богу, пришлютъ изъ деревни, такъ я за все расплачусь сразу». Когда же лакей, послѣ продолжительнаго колебанія, соглашается наконецъ на его просьбу, лицо студента-драгуна озаряется самой живой радостью. Онъ съ усиліемъ сдерживаетъ рефлективное движеніе своей руки, стремящейся крѣпко пожать лакейскую руку, и выходитъ изъ ресторана, ковыряя во рту зубочисткой, съ видомъ пресыщеннаго и равнодушнаго gourmand'a.

Не меньше удовольствія доставляетъ этому милому молодому человѣку близость съ лихачемъ Карломъ или Ачкасомъ, — близость, пріобрѣтенная цѣною трехъ рублей «на чай», выпрошенныхъ у товарища по кутежу съ громадными усиліями и униженіями.

Студентъ-драгунъ по своему происхожденію принадлежитъ чаще всего къ богатымъ, безалабернымъ семьямъ. Впрочемъ, между разновидностями этого типа попадаются нерѣдко и дѣти бѣдныхъ, но благородныхъ фамилій, въ которыхъ они обыкновенно состоятъ на положеніи милыхъ enfants terribles, боготворимыхъ всѣми членами семьи.

«Положимъ, у Сонечки башмаки каши просятъ, а у Гришутки изъ пальто вата давно вылѣзла, — разсуждаетъ мать семейства надъ какими-нибудь 10-ю рублями, сколоченными усиліями героической экономіи:—но какъ же отказать Мишенькѣ? Вѣдь онъ взрослый, онъ мужчина, онъ студентъ, надо же ему на разныя... тамъ... мелочи!»

Правда, надо отдать справедливость этой самоотвер-

женной матери: она и не подозрѣваетъ о томъ, что на другой же день ея «Мишенька», фланируя съ пріятелями по Крещатику и завидѣвъ издали свою мать въ поношенномъ бурнусишкѣ, юркнетъ въ первый попавшійся магазинъ, повинуясь неодолимому чувству подлаго, низменнаго стыда за бѣдно одѣтую мать, у которой еще, кромѣ того, такое ласковое (очень смѣшное на улицѣ) выраженіе лица. Если же бѣгство почему-либо не удастся, и товарищи спросятъ его: «Съ какой это ты сейчасъ салопницей раскланивался?»—онъ отвѣтитъ, весь пунцовый и даже вспотѣвшій отъ стыда: «Такъ... это... тамъ... одна бѣдная знакомая».

Всего интереснѣе наблюдать студента-драгуна въ то время, когда въ холостомъ кругу «своихъ», послѣ сильныхъ возліяній Бахусу, онъ откровенничаетъ о своихъ «маленькихъ грѣшкахъ». Кто не знаетъ этого молодого человѣка, у того отъ его разсказовъ станутъ на головѣ дыбомъ волосы: всѣ виды сладострастія — какъ перенесенные къ намъ съ дряхлаго Востока, такъ и изобрѣтенные современнымъ нервнымъ аппетитомъ разврата—давно уже испытаны этимъ двадцатилѣтнимъ, хорошенькимъ, безбородымъ мальчикомъ и даже перестали «астикотировать» его желаніе. Онъ, по его словамъ, наскучивъ всѣмъ обыденнымъ, постоянно ищетъ чего-нибудь новенькаго, остраго и неиспробованнаго. Онъ вмѣняетъ себѣ въ особенную честь знать безошибочно имена всѣхъ выдающихся кокотокъ и ихъ биржевую котировку.

Завѣтная мечта студента-драгуна — имѣть своихъ собственныхъ сѣрыхъ рысаковъ, абонементъ въ театръ, всегда толстый бумажникъ и дюжину хорошаго вина въ буфетѣ для своихъ друзей, такихъ же, какъ и онъ, студентовъ-драгуновъ. Для достиженія этого современнаго «идеала», онъ не побрезгуетъ ничѣмъ, ни даже прода-

жей своей молодости и любви какой-нибудь муміи, упрямо не желающей подчиниться вліянію разрушительной руки времени.

Впрочемъ, въ видѣ утѣшенія, можно думать, что этотъ типъ — явленіе наносное, временное. Уже теперь въ студенческой средѣ слышатся (пока еще не ясные) голоса противъ такого тлетворнаго и мелочнаго направленія учащейся молодежи.

ДНѢПРОВСКІЙ МОРЕХОДЪ.

Онъ все лѣто совершаетъ одинъ и тотъ же очень короткій рейсъ — отъ Кіева до... «Трухашки» и обратно. Надо отдать ему справедливость: онъ обладаетъ недюжинными навигаторскими способностями, потому что ухитряется даже на такомъ микроскопическомъ разстояніи устроить изрѣдка маленькое «столкновеньице» съ конкурентнымъ пароходомъ или какую-нибудь иную «катастрофочку» увеселительнаго характера.

Онъ обыкновенно называетъ себя «штурманомъ дальняго плаванія». Не вѣрьте ему. Онъ не былъ даже и на каботажныхъ курсахъ, а просто поступилъ на пароходъ помощникомъ капитана (вѣрнѣе сказать — кассиромъ и контролеромъ билетовъ) и «достукался» всѣми правдами и неправдами до капитанскаго званія.

Это не мѣшаетъ ему однако за бутылкой добраго коньяку съ увлеченіемъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ, о стычкахъ съ малайскими пиратами, объ аваріяхъ въ Индѣйскомъ океанѣ, о пребываніи въ плѣну у людоѣдовъ и о прочихъ ужасахъ, отъ которыхъ у слушателей бѣгаютъ по спинѣ мурашки. Одинъ очень достовѣрный свидѣтель передавалъ мнѣ, какъ однажды, въ критическую минуту, какой-то изъ днѣпровскихъ мореходовъ обнаружилъ свои спеціальныя знанія

и присутствіе духа. На пароходѣ, шедшемъ отъ Кіева внизъ, лопнула рулевая цѣпь, и его понесло теченіемъ прямо на быки Цѣпного моста. Между пассажирами поднялся страшный переполохъ. Всѣ суетились, бѣгали и кричали, объятые ужасомъ; нѣкоторые собирались уже бросаться въ воду... «Капитана! капитана!»—раздавались отовсюду испуганные голоса. Но капитанъ не внималъ воплямъ своихъ жертвъ. Онъ метался взадъ и впередъ по палубѣ, ломалъ въ отчаяніи руки и кричалъ:

— Оставьте меня! Какой я, къ чорту, капитанъ? Я даже и плавать не умѣю. Спасайся, кто можетъ!

Съ этими словами доблестный капитанъ надѣлъ на себя единственный, имѣвшійся на пароходѣ, спасательный поясъ и съ поразительнымъ спокойствіемъ сталъ дожидаться крушенія парохода...

Болѣе серьезные рейсы совершаетъ днѣпровскій мореходъ зимою, когда, имѣя право носить довольно красивую (хотя нѣсколько фантастическую) форму, получая половинное жалованье и ровно ничего не дѣлая, онъ попадаетъ въ свою сферу. Онъ отдаетъ якоря въ «Югѣ», нагружается въ этой бухтѣ, разводитъ пары и подъ сильнымъ боковымъ вѣтромъ плыветъ въ «Тулонъ», заходя по дорогѣ и въ другія гавани... Случается нерѣдко, что онъ, претерпѣвъ жестокую «аварію», становится на «мертвый якорь» въ ближайшемъ полицейскомъ участкѣ.

Впрочемъ, и во время лѣтнихъ рейсовъ онъ рѣдко бываетъ «не подъ парами».

Съ публикой онъ грубъ, игривъ съ дамами и побаивается своего лоцмана, который хотя и подчиненъ ему официіально, но на самомъ дѣлѣ руководитъ движеніемъ парохода и знаетъ днѣпровскій фарватеръ гораздо лучше своего капитана. Въ разговорѣ съ сухопутными людьми любитъ иногда щегольнуть англійскимъ восклицаніемъ, въ родѣ «All right» или «Goddam».

Съ внѣшней стороны днѣпровскій мореходъ представляетъ собою рослаго, здороваго мужчину, на которомъ красиво лежитъ коротенькая тужурка съ прилѣпленными къ ней со всѣхъ сторонъ якорями. Онъ всегда къ услугамъ тѣхъ дамъ, которыя даже и на такомъ небольшомъ разстояніи, какъ отъ Кіева до Кременчуга, не могутъ обойтись безъ флирта. Стоя у рулевого колеса и положивъ на него руку, онъ рисуется, принимаетъ пластичныя, мужественныя позы и съ чувствомъ необычайнаго достоинства кричитъ, наклоняясь къ рупору: «Задній ходъ! Стопъ! Полный ходъ!»

Сурковъ, Фельдманъ и прочіе участники Тарханкутской тарарабумбіи, несомнѣнно, принадлежатъ къ описанному классу мореходовъ.

Злые языки дали днѣпровскимъ морякамъ прозвище «швейцарскихъ моряковъ».

„БУДУЩАЯ ПАТТИ“.

Ее можно встрѣтить на Крещатикѣ, часа въ 3—4 пополудни, когда торопливой походкой, съ озабоченнымъ видомъ и съ кожанымъ портфелемъ «Musique» подъ мышкой, она возвращается изъ музыкальнаго училища. «Да, тоже, поди, не легко дается извѣстность этимъ будущимъ Патти»,—думаетъ, глядя на нее, встрѣчный обыватель.

Артистическая карьера будущей Патти начинается съ того, что, при наличности маленькаго «домашняго» сопрано и небольшого музыкальнаго слуха, она довольно мило мурлыкаетъ въ своемъ кругу: «si tu m'aimais» и «віютъ вітры», — въ тотъ часъ между вечернимъ чаемъ и партіей винта, когда гости болѣе всего щедры на поощренія маленькимъ «семейнымъ» талантамъ.

— Манечка, ты бы того... спѣла бы намъ что-нибудь,— говоритъ благодушный папаша, поглаживая бороду и смѣющимися глазами приглашая гостей присоединиться къ его просьбѣ.

— Спой, свѣтикъ, не стыдись,— вставляетъ какой-нибудь неисправимый холостякъ, знавшій Манечку «еще вотъ такою».

Манечка идетъ къ роялю и безъ всякихъ претензій, слабымъ голоскомъ, съ неправильными придыханіями, но

не безъ пріятности, поетъ о томъ, какъ «ажъ деревья гнутся».

— Очень, очень хорошо... прелесть что̀ такое, — одобряютъ гости, косясь на двери сосѣдней комнаты, гдѣ уже раскрыты зеленые столы.—Вы знаете, въ наше время голосъ — это цѣлый капиталъ. Только вѣдь учиться да учиться надо. Школа—вотъ что̀ самое главное, а тамъ— почемъ знать? Можетъ-быть... хе-хе-хе... изъ васъ, барышня, будущая Патти выйдетъ.

Постоянныя упоминанія о школѣ, похвалы гостей, разсказы о почестяхъ и баснословныхъ гонорарахъ, получаемыхъ знаменитыми артистами, въ концѣ концовъ гипнотизируютъ будущую Патти, которая, въ свою очередь, гипнотизируетъ нѣжныхъ, но расчетливыхъ родителей. Ея настоятельныя просьбы еще и потому находятъ откликъ въ родительскихъ сердцахъ, что Манечка никакъ не можетъ пойти въ гимназіи дальше четвертаго класса, а между тѣмъ кому не извѣстно, что небогатой дѣвицѣ трудно составить приличную партію, не обладая среднимъ образованіемъ, или трогательною склонностью къ хозяйству, или наконецъ какимъ-нибудь пріятнымъ талантомъ?

— А вѣдь Манечку бы нужно... того... отправить къ профессору, попробовать голосъ... Кто ее знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у нея... того... талантъ скрывается? — говоритъ въ одно прекрасное утро, пробѣгая за стаканомъ чая газету, отецъ семейства. — Кстати, вотъ и въ газетѣ напечатано, что какой-то вновь прибывшій профессоръ Маккарони «ставитъ» самые дурные и испорченные голоса... Къ тому же и дешево. Развѣ попробовать?

На другой же день будущая Патти пробуетъ у профессора Маккарони голосъ. Профессоръ — подозрительная личность въ потертомъ фракѣ, съ плѣшивой головой, нафабренными усами и чудовищнымъ кадыкомъ — въ вос-

торгѣ отъ голосовыхъ средствъ Манечки. «Правда, есть небольшіе дефекты... слабость среднихъ нотъ, недостатокъ школы... ну, и такъ далѣе... Но я берусь въ два года сдѣлать изъ вашей дочери звѣзду русской оперы... Только берегите, mademoiselle, берегите вашъ голосъ».

Съ этого дня для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ семейства, заключающаго въ своихъ нѣдрахъ будущую звѣзду русской оперы, начинается милліонъ терзаній. Вмѣсто «легонькаго винтика» и «прохожденія по маленькой», на сцену выступаютъ безконечные разговоры о діафрагмѣ, о постановкѣ голоса, о среднемъ регистрѣ, о головныхъ нотахъ, о придыханіяхъ, о носовыхъ и лобныхъ «хоанахъ» и о тысячѣ подобныхъ техническихъ предметовъ. Манечка вызывается къ піанино, но она не въ духѣ, она боится злоупотреблять голосомъ, — ей запретилъ ея профессоръ пѣть по вечерамъ. Наконецъ, уступая тайному чувству честолюбія, она, какъ будто бы нехотя, соглашается и поетъ что-нибудь изъ Чайковскаго или Лишина.

«Чортъ ее знаетъ, эту школу, — думаютъ гости въ то время, какъ у нихъ отъ высокихъ нотъ будущей Патти бѣгаютъ по спинамъ холодныя мурашки. — Я, можетъ-быть, по своему невѣжеству и не чувствую, а оно и на самомъ дѣлѣ... школа».

Однако очень скоро будущая Патти остается недовольна уроками профессора Маккарони: и самъ профессоръ неинтересный, и ученики у него какіе-то все подозрительные, и скука страшная на урокахъ, и никогда не бываетъ концертныхъ вечеровъ. Съ ней охотно соглашается и папаша, давно уже подозрѣвавшій въ профессорѣ бѣглаго итальянскаго каторжника. «Знаете ли, — говоритъ онъ: — какъ-то страшно ввѣрять такое сокровище, какъ голосъ, какимъ-то сомнительнымъ субъектамъ. Вы бы послушали, что у нея за «ut bémol»! Соловей, да и только».

Будущая Патти держитъ экзаменъ въ музыкальное училище, приводя въ трепетъ своимъ знаменитымъ ut bémol'емъ нервныхъ экзаменаторовъ. Однако она все-таки принята, и восхищенные родители немедленно заказываютъ ей у Барскаго новый роскошный «Musique».

Съ этого времени Манечка становится деспотомъ въ семьѣ.—«Манечкѣ нужно спокойствіе, Манечка такая нервная, Манечка отдыхаетъ. Тсс... Манечка занимается, Манечкѣ нельзя кислаго»... Цѣлый день съ утра до вечера изъ ея комнаты раздаются безконечныя «аааа, оооо ууу», настойчивыя, пронзительныя, безпощадныя... Вся семья терпитъ ихъ, скрежеща зубами, вѣруя въ будущность Манечки, и только одинъ младшій братъ-гимназистъ, тщетно усиливающійся понять подъ эти звуки сущность неправильныхъ глаголовъ на «і», швыряетъ съ озлобленіемъ грамматику Кюнера въ уголъ и восклицаетъ:

— Чортъ!.. Визжитъ, точно кошка драная!

Манечка ходитъ въ музыкальное училище, трепещетъ передъ именемъ г. Эверарди, обожаетъ г. Пухальскаго, третируетъ свысока ученицъ г. Блюменфельда и вводитъ въ домъ множество будущихъ Тамберликовъ и Мазини, отъ вокальнаго нашествія которыхъ папаша спасается бѣгствомъ къ сосѣдямъ. Однако успѣхи будущей Патти подвигаются впередъ очень медленно. Она остается на первомъ курсѣ, не выдержавъ экзамена. На слѣдующій годъ повторяется та же исторія, черезъ годъ—то же. Манечка изъ подростка становится дѣвицей, изъ дѣвицы — барышней, изъ барышни — старой дѣвой. Она съ негодованіемъ непризнаннаго таланта покидаетъ училище.

— Зависть!.. Покровительство бездарностямъ!.. Рутина!.. Слабость къ смазливымъ личикамъ!

При этомъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ непремѣнно обвиняется въ умышленной порчѣ голоса будущей Патти.

— Вообразите себѣ, — говорятъ возмущенные родители: — этотъ Эвеpарди совершенно «сорвалъ» голосъ нашей Мими (всѣ Манечки послѣ 25 лѣтъ обращаются въ Мими). Это просто ужасъ, какъ онъ обращается съ голосами!

Окончивъ, такимъ образомъ, музыкальное училище (тремя годами раньше окончанія курса), будущая Патти становится ревностной участницей всѣхъ домашнихъ концертовъ. Оперныхъ пѣвицъ она бранитъ съ безпощаднымъ ожесточеніемъ, вызывающимъ даже у нея на губахъ пѣну. Въ то же время потребность «обожанія» она съ профессоровъ переноситъ послѣдовательно на Тартакова, Медвѣдева и, въ концѣ концовъ, на Мышугу, приставая къ нимъ съ просьбами подарить на память карточку или носовой платокъ и поднося имъ ко дню бенефиса вышитые гарусомъ туфли и подушки.

Въ тѣхъ лѣтахъ, когда надежда сдѣлаться со временемъ звѣздой русской оперы становится очень сомнительной, Мими начинаетъ, съ «неподражаемымъ шикомъ» аккомпанируя себѣ на гитарѣ, исполнять цыганскіе романсы, въ родѣ Шмитгофовскаго:

„Ты сиводни сапрасила съ укорамъ,
Атачего я при вастрѣчи малачу“.

Вмѣстѣ съ лѣтами растетъ ея поклоненіе оперным тенорамъ, обращаясь наконецъ въ настоящую фанатически-яростную манію. Она уже не довольствуется однимъ «посмотрѣніемъ» своего идола, — у нея является ничѣмъ неудержимое желаніе повергнуться къ его божественнымъ ногамъ и прикоснуться къ его священной особѣ собственными руками... И нерѣдко случается, что Мими, не будучи въ силахъ превозмочь своего психопатическаго вожделѣнія, съ блуждающимъ взоромъ, съ растрепанной прической, кидается въ фойе опернаго театра къ ногамъ

своего кумира и, къ великому соблазну присутствующихъ, начинаетъ покрывать полы его сюртука горячечными поцѣлуями.

Здѣсь, впрочемъ, мы уже имѣемъ дѣло съ типомъ оперной психопатки, о которой въ свое время поговоримъ подробнѣе, такъ же какъ и о «будущей Рашели» и «будущей Софіи Ментеръ».

До конца дней своихъ Мими глубоко убѣждена, что въ ней погибъ великій талантъ, непризнанный завистливыми профессорами, и великолѣпный голосъ, «сорванный» ихъ варварскимъ методомъ.

ЛЖЕСВИДѢТЕЛЬ.

Его отнюдь нельзя смѣшивать съ такъ называемымъ «благороднымъ» свидѣтелемъ. Благородный свидѣтель— это тотъ незнакомецъ съ громкимъ голосомъ, внушительной осанкой, чаще всего въ дворянской фуражкѣ, который въ критическій моментъ уличнаго или трактирнаго «недоразумѣнія» тянетъ перваго попавшагося изъ дѣйствующихъ лицъ за рукавъ и многозначительно шепчетъ ему:

— Мусью, валяйте ихъ къ мировому. Даю вамъ бла-ародное слово дворянина, что съ нихъ присудятъ за безчестіе.

Профессія лжесвидѣтеля болѣе солидная и постоянная. Разновидности этого типа такъ многочисленны и неуловимы, что нѣтъ возможности прослѣдить всѣ его измѣненія. Тѣмъ не менѣе довольно ясно обозначаются три группы, или класса, на которые можно раздѣлить всѣхъ лжесвидѣтелей:

а) Лжесвидѣтель нотаріальный *). Большею частью онъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, уволенный, по его соб-

---

*) Надо объясниться. Лжесвидѣтелями я называю людей этой категоріи не для того, чтобы бросить тѣнь на ихъ добросовѣстность, но просто въ силу установившагося, можетъ-быть, даже нѣсколько жестокаго, ходячаго прозванія.

ственному выраженію, «для пользы службы». Онъ медлителенъ въ движеніяхъ, важенъ, простодушенъ, неряшливъ въ одеждѣ, фабритъ усы, неравнодушенъ къ женскому полу и питаетъ къ своему нотаріусу благоговѣйное почтеніе, почти суевѣрный ужасъ.

Обязанность его заключается въ томъ, чтобъ явиться въ 11 ч. утра въ контору нотаріуса, прослушать съ видомъ спеціалиста актъ духовнаго завѣщанія или закладной, и затѣмъ, степенно надѣвъ очки и громко высморкавшись, подписать внизу листа свое званіе, имя, отчество и фамилію. Впрочемъ, онъ такъ вѣритъ въ своего патрона и такъ мало понимаетъ прочитанное, что охотно подпишется даже подъ собственнымъ смертнымъ приговоромъ.

За каждую подпись онъ получаетъ рубль. Средній его доходъ равняется 80 — 100 рублямъ въ мѣсяцъ. Однако деньги плохо держатся въ его карманѣ, потому что онъ большею частью подверженъ «слабости».

Характерной его чертой является его долголѣтнее пребываніе въ конторѣ. Случается, что перемѣнятся въ конторѣ и клерки, и кліенты, и даже самъ нотаріусъ, а онъ, какъ старый дубъ среди молодыхъ отпрысковъ, стоитъ на своемъ посту непоколебимый, степенный, все еще не научившійся понимать хоть одну строчку изъ прочитаннаго въ его присутствіи акта.

б) Лжесвидѣтель у «аблаката». Это — типъ сравнительно рѣдкій, такъ сказать, вымирающій. До реформы 63-го года каждый частный повѣренный имѣлъ у себя небольшой штатъ субъектовъ подозрительнаго вида и мрачнаго темперамента, готовыхъ за добрую рюмку водки засвидѣтельствовать гдѣ угодно, когда угодно и что угодно. Въ настоящее время, съ постепеннымъ исчезновеніемъ съ лица земли частныхъ повѣренныхъ, исчезаетъ и типъ лжесвидѣтеля. Онъ остался еще у под-

польныхъ «аблакатовъ», пишущихъ витіеватыя кляузы въ грязныхъ кабачкахъ, помѣщающихся на улицахъ, прилегающихъ къ Софіевской площади.

Свое вознагражденіе онъ получаетъ обыкновенно натурою въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ его патрону открытъ кредитъ. Въ это же учрежденіе отправляется «аблакатъ», когда ему нуженъ свидѣтель по его спеціальности.

— Свидѣтель Мастодонтовъ, что̀ вы можете сказать по этому дѣлу? — спрашиваетъ мировой судья лжесвидѣтеля, предстоящаго передъ лицомъ Ѳемиды съ опухшимъ и подбитымъ кое-гдѣ лицомъ, со значительно порѣдѣвшей лѣвой бакенбардой, въ сильно поношенной «цивильной одеждѣ».

Свидѣтель Мастодонтовъ выступаетъ впередъ, откашливается въ руку и начинаетъ давать свое показаніе густымъ и хриплымъ басомъ, перемежающимся съ сиплымъ фальцетомъ:

— Такъ что̀, васкродь... этта... иду я по Хвундуклеевской улыци... тильки бачу, якись чоловикъ... несе якись сапоги. Я ему кажу...

— Позвольте, — прерываетъ судья лжесвидѣтеля: — здѣсь дѣло вовсе не въ сапогахъ. Васъ вызвали свидѣтелемъ по дѣлу Иванова, обвиняемаго въ кражѣ кадки масла у лавочника Обиралова.

— Точно такъ, ваше превосходительство, я по этому самому дѣлу и доказываю. Винъ иде съ сапогами... Ну, я и думаю: нехай винъ себѣ иде... А потимъ я бачу, що другій якись несе кадку...

Нерѣдко защита «аблаката» и показанія свидѣтелей кончаются тѣмъ, что всю компанію приговариваютъ къ заключенію на полтора года въ арестантскія роты.

Это я говорилъ о постоянныхъ лжесвидѣтеляхъ. Но есть лжесвидѣтели временные, такъ сказать, лжесвидѣтели-гастролеры. Ихъ нанимаютъ обыкновенно на толчкѣ.

Особенно интересна такса, по которой оплачивается ихъ участіе въ дѣлѣ. Еврей никогда не получаетъ за выходъ болѣе полтинника, русскій беретъ рубль, полтора и даже два, въ зависимости отъ важности и продолжительности дѣла. Между ними есть субъекты положительно талантливые, схватывающіе суть дѣла налету и даже не нуждающіеся въ репетиціяхъ.

в) Лжесвидѣтель бракоразводный. Онъ всегда причесанъ по послѣдней модѣ и какъ дэнди лондонскій одѣтъ. Къ сожалѣнію (впрочемъ, можетъ-быть, и къ счастью), этотъ типъ въ Кіевѣ культивируется туго и является лишь случайно въ отвѣтственной роли свидѣтеля. Его обязанность заключается въ томъ, чтобы, устроивъ пантомиму «паденія» съ одной изъ сторонъ, быть застигнутымъ въ самомъ комичномъ и непріятномъ положеніи, въ которое когда-либо попадаетъ смертный.

ПѢВЧІЙ.

1. Дискантъ-новичокъ. Онъ только-что поступилъ въ хоръ, куда его отдала мать — бѣдная прачка или поденщица, обремененная многочисленнымъ и прожорливымъ потомствомъ. Его рожица не успѣла еще утратить дѣтской наивности, миловидности и свѣжести; волосы на головѣ торчатъ въ разныя стороны непослушными вихрами, за которые регентъ нерѣдко тянетъ его на высокихъ нотахъ. Онъ такъ малъ ростомъ, что, одѣтый въ парадный кафтанъ, болтается въ немъ, какъ горошина въ пустомъ стручкѣ. Трогательное и смѣшное впечатлѣніе производитъ этотъ малышъ, когда, подобравъ лѣвой рукой подолъ своего кафтана, а правой поддерживая цѣлую груду ежеминутно расползающихся врозь толстыхъ нотныхъ тетрадей, онъ едва поспѣваетъ вприпрыжку за капеллой, идущей въ церковь.

Въ свободное время онъ состоитъ на побѣгушкахъ у регента и чиститъ ботинки франтоватымъ тенорамъ. Басовъ боится пуще огня и величаетъ ихъ «дяденьками». Иногда, по неопытности и легкомыслію, доноситъ регенту о какомъ-нибудь грандіозномъ дебошѣ, произведенномъ въ прошедшую ночь «перепившимися» басами, за что впослѣдствіи получаетъ отъ нихъ хорошую встряску. Идя съ хоромъ впереди похоронной процессіи, онъ и здѣсь

не можетъ умѣрить природной живости темперамента: толкаетъ въ бокъ сосѣда справа, дергаетъ за волосы идущаго впереди товарища и потомъ ругается съ обоими своимъ звонкимъ, еще не осипшимъ голосомъ.

2. Дискантъ-опытный. Онъ уже вполнѣ освоился съ жизнью, нравами, обычаями и жаргономъ капеллы. Со взрослыми пѣвчими состоитъ съ полупріятельскихъ отношеніяхъ, служа нерѣдко повѣреннымъ и посредникомъ ихъ интимныхъ дѣлишекъ. Втихомолку куритъ, попиваетъ и предается порокамъ, которые развиваетъ среди мальчугановъ замкнутая жизнь. Лицо у него желтое, поношенное, глаза окружены зловѣщими синими тѣнями, голосъ сиплый. Жалованья дисканты, какъ новички, такъ и опытные, обыкновенно не получаютъ никакого, развѣ за исключеніемъ солистовъ.

3. Теноръ. Высокій, худощавый молодой человѣкъ, съ меланхолическимъ выраженіемъ лица. Франтъ. Питаетъ слабость къ пестрымъ панталонамъ и яркимъ галстукамъ. Бреетъ бороду, но зато носитъ усы «въ иголочку». Занятъ сильно своей внѣшностью, душится цвѣтнымъ одеколономъ и при помощи помады «мусатъ» устраиваетъ на головѣ чудовищный «алякапуль». Глубоко увѣренъ въ своей неотразимости передъ женщинами и втайнѣ лелѣетъ мечту завести интрижку съ эксцентричной графиней или княгиней, плѣненной его голосомъ. Когда поетъ въ церкви соло, то живописно облокачивается на стѣну, скрещиваетъ по-наполеоновски на груди руки, закатываетъ глаза къ потолку и изящнымъ движеніемъ пальцевъ расправляетъ воротникъ. Сентименталенъ, обладаетъ возвышенными чувствами, говоритъ выспреннимъ слогомъ, любитъ читать уголовные романы и пьетъ только благородныя вина, причемъ отдаетъ предпочтеніе тенерифу и аликанту.

4. Басъ. Высокъ, грузенъ, носитъ волосы въ видѣ

львиной гривы. Глаза заплыли и опухли отъ хроническаго пьянства, въ небритой бородѣ часто замѣтенъ пухъ и остатки вчерашней закуски. Одѣтъ небрежно, большею частью въ широкій, длиннополый, засаленный на животѣ и локтяхъ, сюртукъ.

Любитъ поспать и выпить; къ прочимъ земнымъ радостямъ относится скептически, а женщинъ прямо-таки презираетъ самымъ искреннимъ образомъ. Во хмелю либо реветъ «многолѣтіе», либо вступаетъ въ баталіи съ городовыми, — смотря по темпераменту. Выпить можетъ цѣлую четверть.

Басъ важенъ и медлителенъ въ движеніяхъ, говоритъ мало, но всегда вѣско и на густыхъ нотахъ. Хранитъ въ памяти преданія о знаменитыхъ октавахъ и протодьяконахъ и разсказываетъ о нихъ съ благоговѣніемъ.

Среди басовъ наибольшимъ почетомъ пользуется «октава». Онъ гордость и баловень всего хора. Самъ регентъ называетъ его по имени-отчеству. Ему прощаются и страсть къ спиртному, и буйный характеръ, и даже иногда отсутствіе слуха. Онъ невеликъ ростомъ, но очень широкъ, кряжистъ и звѣроподобенъ.

ПОЖАРНЫЙ.

«Слава и смѣлость — лучшіе ходатаи передъ женщинами»,—говоритъ Шекспиръ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что «кавалерскіе» фонды пожарнаго стоятъ на кухняхъ чрезвычайно высоко: трудно повѣрить — но иногда даже не ниже фондовъ интендантскаго писаря, этого единогласно признаннаго, профессіональнаго «тирана» и «погубителя» женскихъ сердецъ, которому «только бы достигнуть своей цѣли», чтобы потомъ «надсмѣяться» самымъ коварнымъ образомъ.

Да и трудно, чтобы слабое женское сердце не замерло въ сладкомъ испугѣ, когда среди глубокой ночи, съ оглушительнымъ грохотомъ, звономъ и трескомъ, мчится мимо оконъ бѣшенымъ карьеромъ пожарный обозъ. Кровавое пламя факеловъ колеблется высоко въ воздухѣ надъ повозками и вспыхиваетъ зловѣщимъ блескомъ на мѣдныхъ каскахъ, вѣнчающихъ темныя, неподвижныя фигуры пожарныхъ, сохраняющихъ въ этой бѣшеной скачкѣ какое-то суровое, роковое спокойствіе. И въ этомъ спокойствіи чувствуется привычная готовность ежедневно ставить свою жизнь на карту.

Положительно не ошибешься, если скажешь, что большинство пожарныхъ служитъ не изъ нужды, а по призванію. Во всѣхъ классахъ общества есть пылкія, не-

спокойныя головы, которыхъ неудержимо привлекаетъ все исключительное, выходящее изъ рамокъ обыденной сѣрой жизни, все сопряженное съ ежеминутной опасностью для жизни. Правда, и между пожарными находятся, какъ исключеніе, трусы и лѣнтяи, но они недолго уживаются въ этой средѣ и всегда служатъ мишенью для презрѣнія и насмѣшекъ товарищей.

Наиболѣе смѣлый, вѣрнѣе сказать — отчаянный, ловкій и сильный пожарный назначается «трубникомъ». Во время пожара онъ направляетъ, куда нужно, струю воды, держа въ рукахъ наконечникъ рукава. Отвага его поразительна. При мнѣ однажды пожарные работали вокругъ запертаго сарая, набитаго сѣномъ, которое, по чьей-то неосторожности, загорѣлось. Во что бы то ни стало, нужно было направить струю внутрь сарая. И вотъ одинъ изъ трубниковъ, съ концомъ рукава въ рукахъ, бросается къ дверямъ; быстро сбивши топоромъ замокъ дверей, распахиваетъ ихъ настежь и въ тотъ же мигъ исчезаетъ въ цѣлой бурѣ пламени, вырвавшагося изъ сарая. Товарищи не видятъ его, но наугадъ направляютъ струи воды въ то мѣсто, гдѣ исчезъ трубникъ. Черезъ нѣсколько секундъ пламя замѣтно утихаетъ, и всѣмъ становится видно, какъ внутри сарая вьюномъ вьется трубникъ, вертя по всѣмъ направленіямъ трубой. Наконецъ огонь совсѣмъ утихаетъ. Изъ сарая валитъ только густой, черный дымъ. Трубникъ выходитъ на воздухъ весь черный, съ волдырями на лицѣ и рукахъ, едва держащійся на ногахъ. Если вы спросите у пожарныхъ, какимъ образомъ этотъ смѣльчакъ не задохся, вамъ отвѣтятъ, что «онъ умѣетъ подолгу задерживать дыханіе».

У наиболѣе извѣстныхъ есть свои поклонники, почитатели среди тѣхъ зрителей, которые ни за что не пропустятъ ни одного пожара. Эти любители испытываютъ

чувства несравненно болѣе сильныя, чѣмъ зрители боя быковъ въ Испаніи. Яркій свѣтъ огня, жаръ, трескъ горящаго дерева, запахъ дыма, суета, хриплый крикъ брандмейстера: «Лыбедская, ката-ай!», рѣзкій топотъ испуганныхъ и разгоряченныхъ лошадей — все это напрягаетъ нервы зрителей до высочайшей степени. И когда появляется среди толпы пожарныхъ любимый трубникъ, публика разражается восторженными криками:

— Пророковъ! Пророковъ! Браво, Пророковъ! Визирь молодчинище! Валяй, Визирь!

Пророковъ является всегда героемъ пожара. Онъ не теряетъ даромъ ни секунды. Съ озвѣрѣвшимъ лицомъ, испуская каждую секунду страшнѣйшія ругательства, онъ бѣжитъ съ рукавомъ въ самый густой огонь. Горе какому-нибудь франту въ цилиндрѣ, самоотверженно явившемуся «помогать», а иногда даже и «руководить», — если онъ попадетъ подъ ноги Пророкову во время его стремительнаго бѣга. Онъ пуститъ ему въ лицо (и это еще на хорошій конецъ) такой ужасный зарядъ озлобленной ругани, что самоотверженный «руководитель» невольно отскочитъ далеко въ сторону. И брандмейстеры и пристава знаютъ хорошо характеръ трубника: они не рискнутъ сунуться къ этому звѣрю съ совѣтами во время его героическаго экстаза, потому что для него нѣтъ тогда ни начальника ни указчика. Опьяненный безумной скачкой, суетой, близостью опасности, чувствуя на себѣ глаза тысячной толпы, онъ впадаетъ въ то состояніе, въ которое впадали скандинавскіе «берсеркеры».

Съ пожара онъ нерѣдко возвращается «на крючьяхъ» *).

Въ свободное время широкая натура трубника разгуливается совсѣмъ инымъ образомъ. Онъ пьянъ съ утра

---

*) Раненыхъ и убитыхъ пожарныхъ отвозятъ домой на той повозкѣ, гдѣ помѣщаются крючья.

до вчера *) и во хмелю непремѣнно вступаетъ въ кровопролитныя баталіи съ людьми всякаго чина и званія. Когда, послѣ долгихъ усилій, удается его завлечь въ ближайшій участокъ, онъ, послѣ долгихъ и крупныхъ объясненій со «стражей», валится камнемъ на нары и потомъ уже не показываетъ никакихъ признаковъ жизни.

Но полиція уже знаетъ до тонкости его желѣзную натуру. Чуть только прозвонилъ пожарный звонокъ, и безжизненному трубнику крикнули на ухо «пожаръ!» — совершается мгновенное чудо. Трупъ оживаетъ. Ни въ лицѣ его ни въ движеніяхъ нѣтъ и слѣда страшнаго опьяненія. Застегиваясь по дорогѣ, онъ бѣжитъ на пожарный дворъ, на бѣгу вскакиваетъ на мчащуюся повозку и опять несется въ огонь и опасность, прицѣпившись гдѣнибудь на подножкѣ и высоко подпрыгивая на ямахъ и пригоркахъ.

---

*) Трубники не дежурятъ ни на каланчѣ ни у казарменныхъ воротъ.

КВАРТИРНАЯ ХОЗЯЙКА.

Чаще всего она — вдова пѣхотнаго капитана, и потому называетъ себя штабъ-офицершей. Она толста, нечистоплотна, ходитъ цѣлый день въ широкой бѣлой ночной кофтѣ; лицо у нея красное, рѣшительное, голосъ рѣзкій, манеры и жесты воинственные. Любитъ пить кофе съ кипячеными сливками и часто раскладываетъ пасьянсъ «могила Наполеона». Сама съ удовольствіемъ ходитъ утромъ на базаръ, гдѣ давно уже, благодаря энергичности фигуры и характера, пользуется боязливымъ уваженіемъ со стороны овощныхъ торговокъ, не признающихъ иногда авторитета даже самого городового. Въ разговорѣ любитъ употреблять иностранныя слова, а квартиранта непремѣнно называетъ «мусью».

Когда будущій жилецъ, бѣдный студентъ, чиновникъ, приказчикъ или репортеръ, — увидѣвъ на оконномъ стеклѣ бѣлый билетикъ, заходитъ узнать условія, на которыхъ отдается квартира, онъ видитъ передъ собой не хозяйку, а ангела.

— Кровать у васъ своя есть? Нѣтъ? Ну, такъ я вамъ завтра же куплю. И матраца нѣтъ? Это ничего, ничего, — все это завтра же будетъ. Вы не думайте, что я какъ прочія хозяйки... Я, слава Богу, могу понимать положеніе... Деньги впередъ дадите?.. Мой супругъ, царствіе ему небесное, служилъ въ Н — скомъ полку... Мы че-

тыре года ротой командовали... Только три рубля?.. Ахъ, молодой человѣкъ!.. Знаете, я вамъ, какъ мать, скажу: дайте впередъ за мѣсяцъ! Потомъ сами довольны будете. А то что̀ хорошаго? Туда, сюда, глядь, денежки и разошлись.

Въ продолженіе первыхъ дней квартирантъ положительно уничтоженъ любезностью своей хозяйки. Возвращаясь со службы или съ лекцій, онъ застаетъ ее развѣшивающей у него въ комнатѣ то кисейныя гардины, то олеографическіе пейзажи. Послѣ обѣда хозяйка скромно стучится въ дверь и появляется съ кофейникомъ и молочникомъ.

— Мусью, можетъ-быть, кофейку? — спрашиваетъ она со сладкой улыбкой. — Послѣ обѣда это очень полезно. Мой покойный супругъ, царство ему небесное, всегда любилъ послѣ обѣда побаловаться.

Она присаживается къ столу и начинаетъ занимать квартиранта безконечными разсказами изъ своей штабъ-офицерской жизни. Она была первая во всей дивизіи дама. На балахъ въ ротондѣ у нея отъ кавалеровъ отбоя не было, и однажды, изъ-за чести танцовать съ нею третью кадриль — по значенію,—вставляетъ она съ многозначительной улыбкой,—прапорщикъ Пуля вызвалъ на дуэль штабсъ-капитана Неспокойнаго... А когда она съ полкомъ выступила изъ города, то ее провожала вся мѣстная молодежь за четыре станціи. Выпито было пятнадцать дюжинъ шампанскаго, а ей каждый изъ провожавшихъ поднесъ по букету. «Двадцать шесть букетовъ и все изъ однѣхъ бѣлыхъ розъ! Каково это вамъ покажется, мусью?»

Если жилецъ занятъ вечеромъ какой-нибудь работой, хозяйка входитъ въ его комнату на цыпочкахъ.

— Занимаетесь? Вотъ это съ вашей стороны, мусью, прекрасно, что вы занимаетесь. Ну, занимайтесь, занимайтесь, занимайтесь, я не буду вамъ мѣшать. У меня

спокойно будетъ заниматься, не то, что у другихъ хозяевъ. У меня, если, напримѣръ, музыкантъ квартиру снимаетъ, ни за что не пущу. Потому что, согласитесь, можетъ-быть, другимъ эта музыка совсѣмъ не симпатична?

Такимъ порядкомъ проходитъ дней пять, шесть, даже цѣлая недѣля. Въ одно прекрасное утро хозяйка входитъ къ жильцу, говоритъ съ нимъ о погодѣ и вдругъ, какъ будто бы вскользь, произноситъ:

— А объ чемъ я васъ, мусью, попрошу? Тамъ за квартиру еще съ васъ слѣдуетъ нѣсколько... тамъ... рублей... Такъ, можетъ-быть, вы будете такъ любезны... Ну, конечно, если только у васъ есть... Я вѣдь, слава Богу, умѣю понимать людей... Можетъ-быть, у васъ и нѣтъ въ настоящее время, но я знаю, что вы, какъ человѣкъ благородный, и все такое... Не то, что нѣкоторые (здѣсь голосъ хозяйки умышленно возвышается, и лицо обращается къ перегородкѣ, за которой живетъ очень бѣдный и очень тихій телеграфистъ), которые живутъ вотъ уже мѣсяцъ и до сихъ поръ даже половины не заплатили! Нѣтъ-съ! (голосъ еще болѣе возвышается). Такъ благородные квартиранты не поступаютъ. Такъ поступаютъ только жулики-съ! Да-съ!..

Въ этотъ день квартирантъ уже не получаетъ послѣобѣденнаго кофе.

На другое утро хозяйка, не прибѣгая къ дипломатической прелюдіи о погодѣ, прямо напоминаетъ:

— Мусью, а насчетъ того, что̀ я васъ вчера просила?.. Такъ, пожалуйста... Вы вѣдь знаете, я бѣдная вдова, и за меня некому вступиться, а съ меня тоже хозяева спрашиваютъ. Нынче, честное слово, послѣдній рубль издержала на базаръ.

Вернувшись со службы, жилецъ застаетъ хозяйку въ своей комнатѣ: она снимаетъ гардины съ оконъ и картины со стѣнъ.

— Я вижу, мусью, вамъ не особенно это нужно,—говоритъ она, отрясая съ гардинъ пыль подъ самымъ носомъ молодого человѣка:—а у меня здѣсь квартирантъ новый нанялъ комнату... такъ вотъ, хочу ему...

Новый квартирантъ даетъ о себѣ скоро знать. Вечеромъ, когда старый жилецъ садится за изученіе лекцій по римскому праву или за повѣрку кассовой книги, изъ сосѣдней комнаты нежданно раздаются крики грудного младенца, крики тягучіе, пронзительные, гнусавые... Крики восходятъ вверхъ по хроматической гаммѣ, спускаются внизъ, продѣлываютъ сложные пассажи, и квартирантъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ убѣждается, что рядомъ съ нимъ поселился ученикъ музыкальнаго училища по классу гобоя.

Съ этого дня требованія хозяйки уже теряютъ снисходительный и небрежный характеръ. Она начинаетъ длинныя разсужденія на тему, что такъ благородные люди не дѣлаютъ, что она сама благородная дама и такого страннаго обращенія съ собою допустить не можетъ, что вотъ сосѣдній жилецъ — это сразу видно — человѣкъ благородный: заплатилъ деньги впередъ за мѣсяцъ, и она къ нему никакихъ претензій не имѣетъ.

Потомъ неисправный квартирантъ, противъ желанія, слышитъ черезъ тоненькую перегородку, какъ въ комнатѣ гобоиста звенятъ послѣ обѣда ложки и стаканы, и какъ хозяйка резонируетъ въ повышенномъ тонѣ о нѣкоторыхъ, которые вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, и т. д.

Случается, что немилости хозяйки подвергаются всѣ жильцы одновременно, причемъ всегда составляетъ исключеніе какой-то таинственный мужчина высокаго роста, съ большими черными усами и въ ботфортахъ, живущій на хозяйской половинѣ и цѣлый день фальшиво насвистывающій арію: «Понапрасну, юнкеръ, ходишь». Этотъ таинственный незнакомецъ иногда прибавляетъ къ сентенціямъ хозяйки и свой внушительный басъ:

— Это вы вѣрно, сударыня. Такъ только мерррзавцы могутъ поступать, а не благородные люди.

Въ одно прекрасное утро дѣйствія хозяйки сразу принимаютъ рѣшительный характеръ. Она не входитъ, а врывается въ комнату неисправнаго квартиранта и начинаетъ громко, съ драматической жестикуляціей доказывать, что она имѣетъ свое полное право, что она женщина бѣдная, но благородная, что она не хочетъ держать разной голи. Во время ея монолога изъ-за дверей раздается сочувствующій басъ незнакомца съ черными усами:

— Да что̀ вы, сударыня, съ этими шерамыжниками разговариваете? Въ шею ихъ гоните, и дѣло съ концомъ... Только нервы свои разстраиваете понапрасну.

Черезъ два дня послѣ новаго объясненія, хозяйка, какъ буря, стремится въ кухню, и оттуда слышится ея зычный голосъ:

— Гапка, ступай, вынь у этого прохвоста вьюшки изъ трубы! И чтобы больше групку ему не топить!..

Гапка входитъ въ комнату жильца самымъ сенсаціоннымъ образомъ, громко шлепая ногами и особенно нагло вертя толстыми бедрами. Вытащивъ съ грохотомъ изъ трубы вьюшки, она съ такой же помпой исчезаетъ.

Возвратившись въ этотъ день домой позднимъ вечеромъ, квартирантъ, по обыкновенію, робко нажимаетъ звонокъ. Дверь тотчасъ же съ трескомъ распахивается, и изъ нея послѣдовательно вылетаютъ: сначала чемоданъ квартиранта, потомъ его подушка, обернутая одѣяломъ, и наконецъ узелокъ съ бѣльемъ, причемъ въ отверстіе двери квартирантъ видитъ свою хозяйку въ ночной кофтѣ, со свѣчой въ рукахъ, и таинственнаго незнакомца въ одномъ бѣльѣ. Послѣ всего, къ ногамъ несчастнаго квартиранта летитъ его документъ, и густой басъ незнакомца злорадно произноситъ: «Вотъ теперь поплянш-ка на мо-

розѣ-то!» Дверь съ такимъ же трескомъ захлопывается, какъ и отворилась...

Если же, не дождавшись такого непріятнаго окончанія, квартирантъ какъ-нибудь умудрится заплатить деньги, обращеніе хозяйки мгновенно измѣняется.

— Вы не думайте, мусью, что я вамъ хочу непріятность сдѣлать, когда о деньгахъ напоминаю. Но вы понимаете? Я женщина бѣдная, вдова, — долго ли меня обидѣть? Повѣрите ли: сегодня послѣдній рубль на базаръ издержала. Вотъ только вы и помогли, дай Богъ вамъ здоровья.

БОСЯКЪ.

Въ Петербургѣ его называютъ «вяземскимъ кадетомъ», въ Москвѣ — «золоторотцемъ», въ Одессѣ — «шарлатаномъ», въ Харьковѣ — «ракломъ».

Въ Кіевѣ имя ему — «босякъ».

Жалкая фигура съ зеленымъ, опухшимъ и лоснящимся лицомъ, украшеннымъ синяками и «кровоподтеками», съ распухшимъ носомъ, отливающимъ фіолетовымъ цвѣтомъ, съ потрескавшимися синими губами... Голова уходитъ въ приподнятыя кверху плечи, руки плотно прижаты къ трясущемуся на морозѣ тѣлу, тщетно стараясь его обогрѣть и въ то же время запахнуть расходящіяся полы одежды, ноги—одна въ калошѣ, другая въ зіяющей ботинкѣ—полусогнуты и стучатъ колѣномъ о колѣно... Вотъ внѣшній видъ босяка, видъ, къ которому, для полноты картины, необходимо еще прибавить «нѣчто», надѣтое на туловище, весьма похожее на женскую кацавейку, висящее длинной грязной бахромой на рукавахъ и заплатанное на груди и спинѣ случайными кусками брезента или выцвѣтшаго байковаго одѣяла...

Лѣтомъ босяку живется лучше и привольнѣй, сравнительно съ зимою. Даровой ночлегъ всегда готовъ для него или въ кустахъ по берегу Днѣпра, или въ Царскомъ саду, гдѣ подъ густой тѣнью вѣковыхъ липъ можно найти уголокъ, недоступный для зоркихъ полицейскихъ глазъ.

И работа всегда найдется лѣтомъ для босяка, потому что хозяева барокъ, пристающихъ къ Кіеву, нуждаются постоянно въ рабочихъ рукахъ для разгрузки товара. Приходя рано утромъ на пристань, вся босая команда соединяется въ плотную, дружную артель. Одного, наиболѣе вліятельнаго въ ихъ средѣ, самаго грамотнаго, босяки избираютъ своимъ счетоводомъ, казначеемъ и отчасти даже распорядителемъ. Онъ уже не работаетъ со всѣми, а стоитъ на берегу съ записной книжкой въ рукахъ и принимаетъ отъ работающихъ товарищей вырученныя ими деньги. По окончаніи работъ вся накопившаяся у казначея сумма дѣлится аккуратно между членами артели или съ общаго согласія дружно пропивается въ ту же ночь. Расчетъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, и никому изъ босяковъ не придетъ въ голову утаить хотя незначительную часть выручки. Дѣйствія артели основаны на строжайшемъ взаимномъ контролѣ и на честности, гарантированной двумя дюжинами крѣпкихъ кулаковъ. Говорятъ, что въ удачные дни заработокъ босяка простирается до трехъ рублей. Посторонній работникъ, знакомый съ нравами босой команды, никогда не рискнетъ конкурировать съ артелью.

Зато зимою босяку приходится очень туго, лишь изрѣдка навертывается дешевая работишка въ родѣ рубки дровъ или очистки снѣга. Очень часто у него нѣтъ пятачка для ночлежнаго дома, а въ безплатные пріюты такъ много охотниковъ, что они еще задолго до открытія воротъ пріюта стоятъ около нихъ густою толпою. Хорошо еще, если ночная темнота и безпечность зазѣвавшагося дадутъ босяку возможность проскользнуть въ чужой дворъ, устроиться на ночь въ пустомъ сараѣ. Въ противномъ случаѣ ему приходится бродить по улицамъ, согрѣвая свое дрожащее тѣло у костровъ, если они зажжены.

Конечно, «кутузка» въ этихъ тяжелыхъ обстоятель-

ствахъ является желательнымъ и наилучшимъ исходомъ.

Зимою, подъ давленіемъ нужды, босякъ волей-неволей обращается къ двумъ побочнымъ промысламъ: нищенству и воровству.

Воруетъ онъ, конечно, очень неловко. У него нѣтъ ни дерзости ни навыка профессіональнаго мазурика, и потому на первомъ же, по крайней мѣрѣ, на второмъ дебютѣ онъ попадается въ руки полиціи. Нищенствуетъ же онъ гораздо успѣшнѣе, хотя и это ремесло требуетъ ловкости и своеобразныхъ техническихъ знаній.

Особенно благопріятна для нищенства суббота. Этотъ день богобоязненные лавочники, въ силу освященнаго давностью времени обычая, посвящаютъ раздачѣ нищимъ мѣдныхъ денегъ и залежалыхъ съѣстныхъ припасовъ. Съ самаго ранняго утра въ субботу кіевскія улицы наводняются такимъ множествомъ хромыхъ, слѣпыхъ, безрукихъ, одѣтыхъ въ страшныя лохмотья субъектовъ, что незнакомый съ обычаемъ наблюдатель только диву дается. Правда, вечеромъ въ тотъ же день половина этихъ калѣкъ какимъ-то чудомъ выздоравливаетъ въ «Зеленомъ кабинетѣ» или въ «Свиданіи друзей». Слѣпые прозрѣваютъ, и хромые, откинувъ костыли и развязавъ согнутую ногу, откалываютъ трепака.

Иные, прося милостыню, бьютъ на оригинальность, прибѣгая или къ возвышенному слогу, или къ наивно-безстыдной откровенности. «Господа почтенные, — обращается босякъ къ подгулявшей компаніи: — пожертвуйте пятачокъ на выпивку бѣдному учителю, изгнанному изъ службы за многочисленные пороки». Если же онъ бывшій офицеръ, то непремѣнно прибѣгнетъ къ французскому языку: «доне келькшозъ пуръ повръ офисье». Есть такіе, которые произносятъ импровизированныя рѣчи. «Господа филантропы! Обратите вниманіе на мое исключительное

бѣдственное положеніе. Получалъ когда-то 100 руб.— пьянствовалъ, получалъ 25 — пьянствовалъ. Теперь я, какъ видите, босякъ—и все-таки пьянствую. Да здравствуетъ босая команда!»

Не такъ давно одинъ субъектъ мрачнаго вида и внушительнаго тѣлосложенія практиковалъ еще болѣе оригинальный способъ. Онъ на людной улицѣ подходилъ къ какому-нибудь хорошо одѣтому господину, провожавшему даму, и говорилъ ему съ таинственнымъ видомъ:

— Мусью, на два слова.

И когда недоумѣвающій прохожій, оставивъ свою даму, отходилъ въ сторону, босякъ самымъ рѣшительнымъ тономъ высказывалъ категорическій ультиматумъ:

— Рупь или въ морду!

Въ публикѣ почему-то укоренилось мнѣніе, что среди босой команды влачатъ свое жалкое существованіе бывшіе богатые помѣщики, гусарскіе офицеры, чуть ли даже не бывшіе ученые, которыхъ заставила такъ низко упасть слабость къ спиртному. Безъ сомнѣнія, эти слухи весьма преувеличены, однако въ нихъ есть доля правды: почти всегда между босяками есть пять-шесть человѣкъ, бывшихъ когда-то учителями, армейскими капитанами, подающими надежды музыкантами... Но большинство членовъ босой команды все-таки составляется изъ пропившихся мастеровъ и подгородныхъ крестьянъ, дошедшихъ вслѣдствіе безработицы, лѣности или пьянства, до ночлежнаго дома.

Въ босой командѣ есть и женщины, жалкія, безсмысленныя созданія, влачащія жизнь между кабакомъ и больницей... Въ 25 лѣтъ онѣ выглядываютъ пятидесятилѣтними старухами. О нихъ мы говорить не будемъ.

ВОРЪ.

Свѣдущее лицо, то-есть учитель, или — какъ онъ зовется на воровскомъ argot — «мазъ», очень скоро и безошибочно опредѣляетъ, къ какой именно изъ болѣе узкихъ отраслей своей спеціальности способенъ ученикъ. Направленіе ума, свойства души, наружность, наконецъ даже тѣлосложеніе ученика ясно говорятъ, будетъ ли онъ «марвихеромъ», или «скачкомъ», или «бугайщикомъ», или «блакатаремъ», или аферистомъ.

«Марвихеръ»—это воръ, занимающійся исключительно карманными кражами.

Онъ невеликъ ростомъ, худощавъ, ловокъ и быстръ въ движеніяхъ. Одѣвается какъ средней руки мѣщанинъ или зажиточный рабочій (за послѣднее время между «марвихерами» вошли въ моду короткіе мохнатые бушлаты изъ свѣтло-желтаго драпа). По натурѣ трусливъ, любитъ «звонить» (болтать, хвастаться) и на крупныя предпріятія, благодаря этимъ качествамъ, вовсе не приглашается. На «дѣло» «марвихеръ» никогда не идетъ одинъ, а беретъ съ собою помощника или помощницу, большею частью подругу сердца, которая называется «марвихершей». Свѣчные ящики въ церквахъ — излюбленное мѣсто, около котораго эта компанія являетъ искусство рукъ. «Стырить» кошелекъ изъ пальто растерявшейся въ тѣснотѣ дамы— для опытнаго карманщика дѣло одной минуты. Еще быст-

рѣе передается этотъ кошелекъ въ третьи, четвертыя и пятыя руки, такъ что на случай обыска «марвихеръ» можетъ съ легкимъ сердцемъ выражать свое благородное негодованіе. Многолюдныя гулянья и зрѣлища также посѣщаются «марвихерами».

Но, чтобы «дѣло» вышло «клевое», т.-е. удачное, они стараются работать навѣрняка, т.-е. сначала выслѣдить «карася» въ моментъ, когда онъ платитъ и мѣняетъ деньги, и удостовѣриться, въ какой карманъ онъ ихъ положитъ. Затѣмъ остается только стиснуть со всѣхъ сторонъ намѣченную жертву или завести съ ней общую драку, во время которой и обчищается «кайстра» (мѣшокъ, карманъ, кошелекъ и касса одинаково называются этимъ техническимъ терминомъ). Разсказы о томъ, что своихъ учениковъ воры заставляютъ практиковаться сначала на манекенахъ, увѣшанныхъ звонками, преувеличены, — по крайней мѣрѣ, по отношенію къ кіевской ассоціаціи. Просто-напросто, «мазъ» пускаетъ ученика на дѣло одного, а самъ издали слѣдитъ за нимъ, критикуетъ его работу и, въ случаѣ надобности и возможности, подаетъ помощь... Окончательную же шлифовку «марвихеръ» получаетъ въ «гостинищѣ» (тюрьмѣ), гдѣ разсказы о ловкихъ «дѣлахъ», обратясь въ легенды и преданья, съ уваженіемъ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Нечего и говорить о томъ, что «марвихеры», какъ и прочіе воры, выработали свой собственный условный языкъ. Такъ, напримѣръ, часы у нихъ называются «стукалы», сапоги — «коньки», панталоны — «шкàры», манишка и галстукъ — «гудòкъ», сыщикъ — «лягавый», городовой — «барбосъ», тюремный надзиратель—«менто», военный — «масалка» и т. д.

У воровъ есть и свои собственныя пѣсни, навѣянныя тюремными музами. Пѣсни эти говорятъ, большею частью, о судѣ и о горькой участи «мальчишки», отправляюща-

гося на каторгу. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, поется о томъ, что

Судей сберется полкъ,
Составитъ свое мнѣніе
И скажетъ, что я воръ,
Сослать на поселеніе.
Защитникъ у глазахъ
Обрѣжетъ прокурора
И скажетъ, что нельзя
Его считать за вора.

И тутъ же неожиданно глупый припѣвъ:

Всегда, всегда съ утра и до утра.

Другая пѣсня, съ очень трогательнымъ мотивомъ, похожимъ на похоронный маршъ, чрезвычайно популярна. Она начинается такъ:

Прощай, моя Одесса,
Прощай, мой карантинъ,
Насъ завтра отвозятъ
На островъ Сахалинъ.

И припѣвъ, печальный, почти рыдающій припѣвъ:

Погибъ я, мальчишка, погибъ навсегда.
А годы проходятъ, проходятъ лѣта.

Однако мальчишка вовсе не заслуживаетъ этого сожалѣнія, потому что дальше очень подробно перечисляются его прежніе подвиги:

Зарѣзалъ мать родную,
Отца я убилъ,

и опять: «Погибъ я, мальчишка...»—и такъ далѣе до безконечности, куплетовъ что-то около сорока.

За «марвихеромъ» слѣдуетъ лицо высшей категоріи—«скокъ», иначе—«скачокъ» или «скокцеръ». Его спеціальность — ночныя кражи черезъ форточки и двери, отворяемыя при помощи отмычекъ. «Скачку» не надо обла-

дать художественной ловкостью «марвихера», но зато его дѣло требуетъ несравненно большей дерзости, присутствія духа, находчивости и, пожалуй, силы. «Скачокъ» никогда не упускаетъ изъ виду, что неловкость или случай могутъ натолкнуть его во время работы на человѣка, готоваго «надѣлать тарараму» («тарарамъ» означаетъ шумъ, скандалъ). Потому всякій «скачокъ» не разстается съ ножомъ, который на воровскомъ жаргонѣ называется очень разнообразно: «перомъ», «хомкой», «жуликомъ» и другими именами. По большей части «скачокъ»—бывшій слесарь, и наружность его долго сохраняетъ слѣды, налагаемые его прежней профессіей. На дѣло «скачокъ» рѣдко идетъ въ одиночку; ему необходимо, чтобы кто-нибудь «стремилъ» (стерегъ, наблюдалъ) въ то время, когда онъ работаетъ. Стоящій на стремѣ, или по-кіевски*) «штемпъ», выбирается изъ второстепенныхъ воришекъ, неспособныхъ къ отвѣтственнымъ подвигамъ или не успѣвшихъ еще зарекомендовать себя. Почуявъ опасность, «штемпъ» даетъ условный сигналъ. Большею частью онъ кричитъ: «шесть!» или «зексъ!», иногда же сигналъ состоитъ изъ свистка или покашливанія, смотря по обстоятельствамъ. За свои услуги «штемпъ» получаетъ изъ «дувана» (добычи) самое мизерное вознагражденіе. Замѣтимъ, кстати, что «скачокъ» производитъ кражи почти всегда при помощи прислуги «карасей», и гораздо чаще женской, чѣмъ мужской, обязанность которой заключается въ «подводкѣ», т.-е., инымъ словомъ, въ пріуготовленіи дѣла.

Спеціальность «бугайщика» не такъ опасна, какъ спеціальность «скачка» или «марвихера», и требуетъ несравненно менѣе наглости и физической ловкости.

---

*) Говоримъ „по-кіевски“ потому, что многіе термины, какъ, напр., „стремить“, „жуликъ“ и др., повсемѣстны, а нѣкоторые принадлежатъ только кіевскому воровскому языку.

«Бугайщикъ» работаетъ не руками, а головой и языкомъ. Онъ спекулируетъ на человѣческой глупости, довѣрчивости и жадности. Самый излюбленный пріемъ «бугайщиковъ» состоитъ вотъ въ чемъ. Намѣтивъ на улицѣ «карася», одинъ изъ нихъ идетъ впереди его и, какъ будто бы нечаянно, роняетъ какой-нибудь предметъ — медальонъ, брошку, кольцо или что-нибудь въ этомъ родѣ. «Карась» нагибается и поднимаетъ этотъ предметъ, но его тотчасъ же хватаетъ за руки другой «бугайщикъ», идущій за нимъ слѣдомъ, и требуетъ «честнаго дѣлежа», а въ противномъ случаѣ угрожаетъ «скричать городового». Карась волей-неволей подчиняется требованію. Тогда «бугайщикъ» увлекаетъ его въ «свой» полутемный трактиръ, гдѣ и получаетъ съ него деньгами половину стоимости брошки, причемъ экспертомъ въ оцѣнкѣ является «сторонній», незнакомый яко бы ни тому ни другому посѣтитель, т.-е. третій «бугайщикъ». Въ концѣ концовъ, конечно, найденная драгоцѣнность оказывается мѣдянкой, со стеклами вмѣсто камней, а то и просто шпильмаркой. Также охотно занимаются «бугайщики» и продажей фальшивыхъ ассигнацій въ видѣ такъ называемыхъ «куколъ», т.-е. пачекъ простой бумаги, сверху и снизу которыхъ лежатъ настоящіе кредитные билеты. Такая «кукла» всовывается простаку за приличную плату.

Изъ сказаннаго ясно, что работа «бугайщика» заключается въ томъ, чтобы «забить баки» «карасю», «наморочить ему голову». Но «бугайщики» всегда дѣйствуютъ по избитымъ, опредѣленнымъ шаблонамъ. Изобрѣтателемъ и творцомъ новыхъ кунштюковъ является «аферистъ».

«Аферистъ» *) — это пышный, великолѣпный цвѣтокъ

---

*) Читатели дальше увидятъ, что выраженіе „аферистъ“ на языкѣ воровъ имѣетъ значеніе, весьма различающееся съ общепринятымъ.

воровской профессіи. Онъ одѣвается у самыхъ шикарныхъ портныхъ, бываетъ въ лучшихъ клубахъ, носитъ громкій (и, конечно, вымышленный) титулъ. Живетъ въ дорогихъ гостиницахъ и нерѣдко отличается изящными манерами. Его продѣлки съ ювелирами и банкирскими конторами часто носятъ на себѣ печать почти геніальной изобрѣтательности, соединенной съ удивительнымъ знаніемъ человѣческихъ слабостей. Ему приходится брать на себя самыя разнообразныя роли, начиная отъ посыльнаго и кончая губернаторомъ, и онъ исполняетъ ихъ съ искусствомъ, которому позавидовалъ бы любой первоклассный актеръ. Слушая или читая о продѣлкахъ Шнейера, Корнета Савина, Золотой Ручки и другихъ знаменитыхъ «аферистовъ», которые выказывали сплошь да рядомъ такую страшную силу воли, такой недюжинный умъ и такую смѣлость, поневолѣ задумаешься надъ тѣмъ, какую пользу принесли бы обществу эти люди, если бъ ихъ качества были направлены въ хорошую сторону...

Описывая различныя категоріи кіевскихъ воровъ, мы упустили изъ виду нѣкоторыя интересныя спеціальности. Такъ, напримѣръ, воръ, занимающійся исключительно кражей со взломомъ, называется «шниферомъ», а самое его занятіе — «шнифомъ». Нечего и говорить о томъ, что профессія «шнифера» сопряжена со значительной ловкостью и нахальствомъ, вслѣдствіе чего къ «шниферамъ» относятся съ уваженіемъ какъ вся воровская ассоціація, такъ и тюрьма, гдѣ «шниферъ» считается почетнымъ гостемъ.

Есть воры, промыселъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они «ходятъ на доброе утро», т.-е. забираются по утрамъ въ гостиницы, какъ будто бы разыскивая знакомыхъ. При этомъ они заходятъ послѣдовательно во всѣ номера, покамѣстъ не найдутъ оставленнаго легкомыслен-

нымъ «пассажиромъ» и незапертаго номера. Застигнутые на мѣстѣ дѣйствія, они извиняются, ссылаясь на то, что ошиблись дверью... Воры этого разряда, для того, чтобы не возбуждать преждевременнаго подозрѣнія, одѣваются почти прилично.

Здѣсь уже кстати будетъ упомянутъ о «христославцахъ». Они собираются на рождественскихъ праздникахъ въ небольшія компаніи и ходятъ по домамъ «со звѣздой», выискивая удобный случай стянуть въ передней пальто или калоши. Этотъ промыселъ не требуетъ никакого искусства, и занимаются имъ только начинающіе артисты.

Гораздо опаснѣе такъ называемыя «хиписницы» («хинисъ» вообще значитъ — кража), или «кошки». Онѣ ходятъ по магазинамъ во время распродажъ и окончательныхъ ликвидацій и, пользуясь толкотней, всегда находятъ возможность прицѣпить къ изнанкѣ ротонды штуку матеріи или мотокъ кружевъ. Также «кошки» не брезгуютъ и тѣмъ, чтобы соблазнить какого-нибудь уличнаго селадона, напоить его до положенія ризъ и потомъ обобрать при помощи постояннаго друга сердца, который на ихъ жаргонѣ называется «котомъ». Впрочемъ, здѣсь мы подходимъ уже къ весьма интересному міру сутенеровъ, или, по-кіевски, «зуктеровъ», о которомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Когда воръ «отконалъ» (окончилъ) дѣло, то на сцену является новое и чуть ли не самое важное въ воровской профессіи лицо — «блакатарь», т.-е. покупщикъ и укрыватель краденаго. Каждому порядочному мошеннику извѣстно, что о всякой болѣе или менѣе крупной кражѣ потерпѣвшій тотчасъ же сообщаетъ полиціи, и «лягавые» особенно тщательно начинаютъ слѣдить за ломбардами и магазинами, принимающими въ ломъ драгоцѣнные металлы. Волей-неволей приходится итти къ «бла-

катарю», который, по-своему добросовѣстно оцѣнивъ вещь, выдаетъ за нее половину ея стоимости. Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда «блакатарь» самъ даетъ дѣло, т.-е. указываетъ мѣсто и сообщаетъ всѣ необходимыя для воровъ свѣдѣнія. Въ этихъ случаяхъ «блакатарь» выдаетъ за вещи только треть ихъ цѣны.

Всѣ «блакатари» міра соединены между собою на подобіе звеньевъ гигантской цѣпи. Предметъ, украденный сегодня въ Кіевѣ, черезъ два-три дня уже находится въ Петербургѣ, если не за границей. Большинство «блакатарей» для вида занимается перекупкой стараго платья или содержаніемъ трактира.

Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми составляютъ «блатные», т.-е. пособники, покровители или просто только глядящіе сквозь пальцы люди всякихъ чиновъ и званій. Сюда относятся: разнаго рода пристанодержатели, дворники, прислуга, хозяева ночлежныхъ домовъ и грязныхъ портерныхъ.

ХУДОЖНИКЪ.

Влеченіе къ «святому искусству» почувствовалъ весьма рано. Въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ разрисовывалъ углемъ заборы, вслѣдствіе чего бывалъ нерѣдко таскаемъ за уши мѣстнымъ «будочникомъ».

Потомъ растиралъ краски въ «ателье» лаврскаго маляра. Своею бойкостью обратилъ на себя вниманіе заѣзжей помѣщицы-филантропки и былъ на ея средства отправленъ обучаться живописи.

Просидѣвъ на первомъ курсѣ училища четыре года, разошелся въ мнѣніяхъ съ профессорами и вернулся въ Кіевъ, гдѣ и возлегъ съ подобающимъ почетомъ въ лонѣ мѣстныхъ талантовъ.

Взгляды свои на искусство исповѣдуетъ коротко, опредѣленно и отрывисто:

— Рафаэль—младенецъ... Головки съ бомбоньерокъ... Пасхальные херувимы... Микель-Анджело тоже... Рибейра, Сальваторъ Роза, Вандикъ, Тиціанъ, фламандцы и французы, итальянцы и нѣмцы — всѣ они пачкуны и кисляи... Живопись вывѣсокъ... Рембрандтъ еще туда-сюда, но и тотъ... Будущее принадлежитъ нынѣшней молодежи «съ настроеніемъ».

Про современниковъ отзывается неодобрительно:

— Профессора ничего не понимаютъ. Старье, рухлядь,

развалины... Унижаютъ искусство... Я съ ними расплевался... Айвазовскій пишетъ подносы... Клеверъ — яичницу съ лукомъ... Шишкинъ—колоссальная бездарность... «Передвижники» — это генералы, насильно захватившіе гегемонію... Глядѣть совѣстно... Блины какіе-то, а не картины... Нѣтъ-съ. Не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ Кіева возсіяетъ свѣтъ истиннаго искусства.

— Мы — импрессіонисты! — восклицаетъ онъ въ артистическомъ задорѣ, и на этомъ основаніи пишетъ снѣгъ фіолетовымъ цвѣтомъ, собаку—розовымъ, ульи на пчельникѣ и траву—лиловымъ, а небо—зеленымъ, пройдясь заодно зеленой краской и по головѣ кладбищенскаго сторожа.

На выставку кіевскій художникъ посылаетъ исключительно пейзажи, уморительные пейзажи, гдѣ на первомъ планѣ торчатъ цвѣты ромашки съ чайное блюдечко величиною, а непосредственно за ромашкой виднѣется микроскопическій Днѣпръ съ неизбѣжнымъ пароходомъ. Кіевскій художникъ—исключительно пейзажистъ. О рисункѣ и перспективѣ онъ знаетъ только по наслышкѣ изъ десятыхъ устъ, а пейзажъ всегда можно писать тѣми сочными, небрежными и размашистыми мазками, которые служатъ несомнѣнными признаками оригинальнаго таланта. Если же посѣтитель и встрѣтитъ случайно на выставкѣ жанръ или портретъ, то долго стоитъ передъ нимъ въ недоумѣніи, пока не рѣшитъ, что это, должно-быть, одна изъ загадочныхъ картинъ: «куда дѣлась собака колбасника?» или: «гдѣ здѣсь Наполеонъ?»

Однако публика изрѣдка покупаетъ эти «апрѣльскія утра» и «зимніе вечера». Я долго удивлялся: чѣмъ руководствуются при своихъ покупкахъ эти меценаты, и наконецъ рѣшился допросить объ этомъ одного изъ нихъ,

только-что купившаго за десять рублей полуторааршинный «разливъ Днѣпра».

— Видите ли, батенька, — отвѣчалъ добродушно меценатъ, толстый конотопскій помѣщикъ: — первое дѣло: рамка довольно приличная, а второе — это все-таки не олеографія, а масляная краска... Пусть виситъ себѣ надъ диваномъ въ гостиной... Кто же ее будетъ разглядывать-то? А видъ, все-таки, комнатѣ придаетъ...

Какъ только картина пріобрѣтена, художникъ немедленно спекулируетъ на ея успѣхъ и въ тотъ же вечеръ при лампѣ пишетъ къ ней «панданчикъ». Оставляя фонъ нетронутымъ, передній планъ чуть-чуть измѣняетъ: тамъ, гдѣ были скамейки, ставитъ камень, а на мѣстѣ камня пишетъ скамейку.

Любитъ выставлять «этюды». Этюдомъ у него называется деревянная дощечка вершковъ трехъ въ квадратѣ, по ней въ длину два мазка: голубой — небо и зеленый — земля.

— Этюдъ художника — это все равно, что черновая рукопись Пушкина! — кричитъ онъ вдохновенно. — Сокровище!.. Историческій документъ!.. Въ немъ видно «настроеніе», виденъ «моментъ», выхваченный изъ природы, видно, какъ душа выливалась, и какъ отразился міръ въ творческихъ глазахъ!

Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ эти изліянія и моменты «съ настроеніемъ», всѣ эти историческіе документы отправляются обыкновенно съ выставки полностью на квартиру художника, гдѣ «творческіе глаза» могутъ ихъ созерцать вплоть до слѣдующей выставки.

Кіевскіе художники раздѣлились, по крайности, десятка на два или на три группъ. Есть между ними общество «осенниковъ», общество «весенниковъ», «декабристовъ», «независимыхъ» и т. д. Нѣкоторыя товарищества состоятъ всего-навсего изъ двухъ человѣкъ, между которыми

все-таки существуетъ трогательное согласіе въ томъ, что художники прочихъ группъ—маляры и бездарности. Такъ же крѣпко они увѣрены, что солнце искусства взойдетъ непремѣнно съ ихъ палитръ.

Средства къ существованію кіевскій художникъ добываетъ писаніемъ образовъ по заказу кіевскихъ монастырей, и въ этомъ отношеніи такъ наловчился, что любого святого можетъ нарисовать съ закрытыми глазами.

Безпечнаго веселья, шума, артистическихъ проказъ, талантливыхъ и остроумныхъ шалостей — нѣтъ въ мастерскихъ кіевскихъ художниковъ. Въ нихъ господствуетъ самое кислое уныніе, винтъ «по маленькой», профессіональное злоязычіе и услажденіе своихъ самолюбій.

— Помните вы мои «Барки въ дождь»? Каковъ колоритъ? — Да, удивительный колоритъ. — А каковы дали въ моемъ «Китаевѣ»? — Чудныя дали. — А мои «Караваевскія дачи»?.. Ну-ка, пусть попытаются академисты передать эти эффекты осенняго заката. — Куда имъ, этимъ неряхамъ, этимъ ходульнымъ малярамъ!

Надо въ концѣ оговориться. Двое или трое художниковъ вырвались изъ этой инертной, бездарной среды, и теперь имена ихъ извѣстны всей Россіи.

«СТРѢЛКИ».

Существуетъ въ Кіевѣ нѣсколько полуофиціальныхъ и даже совсѣмъ неофиціальныхъ ночлежныхъ домовъ, называемыхъ «постоялками». Въ нижнемъ этажѣ такой «постоялки» ночуетъ обыкновенно народъ темный и оголтѣлый — «босяки»; верхъ же занимается бывшими привилегированными людьми. (Впрочемъ, это подраздѣленіе не совсѣмъ точно: дѣло только въ томъ, что за ночлегъ въ нижнемъ этажѣ платится 5 коп., а въ верхнемъ — 10).

Обитатели верхняго этажа—преимущественно «стрѣлки». Такъ они и сами себя называютъ, производя это названіе отъ глагола «стрѣлять», что̀ означаетъ—просить, или, вѣрнѣе, выпрашивать.

Въ «стрѣлковомъ клубѣ» (полу-ироническое мѣстное названіе «постоялки») живутъ бывшіе чиновники, пропившіеся актеры, выгнанные со службы офицеры и наконецъ люди самаго неопредѣленнаго происхожденія. Всѣ они могутъ уподобить свою жизнь утлому судну среди волнъ, у всѣхъ у нихъ есть въ прошедшемъ полоса радужныхъ воспоминаній.

Большею частью «стрѣлки» обращаются къ филантропамъ не лично, а письменно. Навѣрно, каждому изъ нашихъ читателей знакомы эти кудреватыя, слезоточивыя письма:

«Милостивый государь! Желалъ бы излить всѣ свои страданія, — читаете вы строки, написанныя каллиграфи-

ческимъ почеркомъ: — облегчить наболѣвшую душу, но, конечно, вамъ уже не нова печальная повѣсть о несчастьяхъ неудачника.

«Сынъ херсонскаго помѣщика въ роли нищаго! Контрастъ поистинѣ ужасный! Обратите же вниманіе на эту печальную ситуацію и внемлите голосу погибающаго!»

Есть письма почти юмористическія, начинающіяся, напримѣръ, такъ: «Хотя и въ отставкѣ, но мужественно проливавшаго кровь на алтарь отечества, штабсъ-капитана такого-то — прошеніе»...

При этомъ отъ изобрѣтательности стрѣлка въ связи съ характеромъ благодѣтеля зависитъ, кѣмъ стрѣлокъ рекомендуетъ себя въ своемъ прошеніи: офицеромъ, дворяниномъ, хористомъ безъ мѣста и т. д. Это называется: бить на офицера, на дворянина, на учителя...

Завѣтная мысль стрѣлка—найти «хорошій адресъ», т.-е. щедрую, неоскудѣвающую руку. И такія мѣста берегутся, какъ зѣница ока. «Дай скверному, неопытному стрѣлку хорошій адресъ, такъ онъ его вмигъ испортитъ, — говоритъ посѣдѣлый въ стрѣльбѣ обитатель «постоялки».—Ничего, знаете ли, нѣтъ легче, какъ превратить «хорошій адресъ» въ «избитое», «обстрѣленное мѣсто».

За указаніе «хорошаго адреса», — адреса «гуманной» личности (вообще между стрѣлками преобладаетъ слогъ возвышенный),—взимается въ пользу указавшаго треть полученной суммы. Своеобразная корпоративная честь никогда не позволяетъ въ этомъ случаѣ утаить хоть самую малую долю изъ получки. Также платится извѣстная сумма и за составленіе письма.

Есть между «стрѣлками» субъекты, которые сами не стрѣляютъ, а занимаются только разыскиваніемъ и сообщеніемъ «хорошихъ адресовъ». У нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются довольно объемистые рукописные календари, гдѣ значатся всѣ «гуманныя личности» опредѣленнаго района,

напримѣръ, Липокъ, Подола, Стараго Города или Печерска. Противъ фамиліи въ этихъ календаряхъ можно найти краткія замѣтки о семейномъ положеніи «гуманной личности», о ея пріемныхъ часахъ, о характерѣ прислуги (въ послѣдней графѣ обыкновенно стоитъ: «собака!», потому что между «стрѣлками» и прислугой рѣдко господствуютъ добрыя отношенія). Есть практическія указанія о манерѣ стрѣлка въ разныхъ мѣстахъ, — напримѣръ: только лично... ловить на улицѣ... трудно доступить... избитый адресъ... только заказнымъ, и т. п.

Стрѣлки иногда варьируютъ свою дѣятельность. Нѣкоторые изъ нихъ посылаютъ заказнымъ письмомъ вмѣстѣ съ прошеніемъ свои документы. Намъ извѣстенъ случай, когда такое заказное письмо странствовало за графомъ П. чуть ли не полгода и, наконецъ, догнало его въ Парижѣ. Другіе подбрасываютъ письма въ коляски. Не такъ давно одинъ «стрѣлокъ» явился къ извѣстному въ Кіевѣ филантропу и со слезами на глазахъ просилъ денегъ на похороны жены. Просьба имѣла успѣхъ, и стрѣлокъ получилъ деньги, но каково же было его удивленіе, когда на другой день «гуманная личность» прислала на указанную квартиру катафалкъ и цѣлую погребальную процессію! Стрѣлокъ этотъ никогда не былъ женатъ.

Нельзя сказать, чтобы ремесло стрѣлка не было выгоднымъ. Въ горячее время контрактовъ искусники по этой части успѣваютъ «настрѣлять» рублей до двадцати въ день. Бываютъ даже случаи, когда щедрый благотворитель, тронутый письмомъ или слезливымъ тономъ стрѣлка, пожертвуетъ пятьдесятъ, а то и сто рублей. Казалось бы, что при такой удачѣ вовсе не трудно было бы бросить «стрѣлковый» промыселъ и заняться болѣе почетнымъ дѣломъ... Но «стрѣльба» засасываетъ людей легкостью добычи и беззаботной кочевой жизнью. Между «стрѣлками» не въ рѣдкость субъекты, изучившіе Рос-

сію не хуже любого учителя географіи, но изучившіе ее практически, во время своихъ странствованій «стрѣлковымъ порядкомъ», т.-е. гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на попутной телѣгѣ, гдѣ зайцемъ по желѣзной дорогѣ, останавливаясь тамъ день, тамъ мѣсяцъ, тамъ годъ, уклоняясь отъ пути, или даже совсѣмъ забывая о немъ, чтобы завернуть въ гости къ вновь отысканной «гуманной личности».

На улицѣ порядочный «стрѣлокъ» рѣдко проситъ (это дѣло уличныхъ стрѣлковъ, попросту нищихъ), а если и проситъ, то дѣлаетъ это въ оригинальной формѣ.

«Милостивый государь, — говоритъ онъ патетическимъ тономъ: — на васъ енотовая шуба, а я два дня, съ позволенія сказать, не ѣлъ-съ. Одолжите полтинникъ!» Или вдругъ обращается къ прохожему, какъ будто сообщая ему нѣчто весьма курьезное: «Вообразите себѣ положеніе, — ни копейки денегъ и ни крошки табаку!»

Описанный нами стрѣлокъ — существо весьма безвредное. Самая большая непріятность, какую онъ можетъ причинить, — это стянуть изъ вашей гостиной чью-нибудь визитную карточку съ фамиліей «погромче», чтобы потомъ написать на ней лестную рекомендацію о самомъ себѣ, какъ объ очень достойной, но временно впавшей въ нужду личности.

«Стрѣлокъ» обыкновенно — человѣкъ веселый, общительный, со слабостью къ произведеніямъ казенной монополіи. Чтобы составить о немъ ясное понятіе, надо послушать его, когда вечеромъ, послѣ дневныхъ трудовъ, сидя на своей койкѣ, онъ болтаетъ съ товарищами по профессіи.

Тутъ можно наслушаться самыхъ удивительныхъ приключеній, своеобразныхъ характеристикъ людей и событій, почти невѣроятныхъ разсказовъ. Но, какъ и всякій охотникъ по влеченію, а бродяга по натурѣ, «стрѣлокъ» часто украшаетъ свое повѣствованіе блестками художественнаго вымысла.

ЗАЯЦЪ.

«Желаю получить пять тысячъ подъ вторую (послѣ банка) закладную. 400 десятинъ плодородной земли со всѣми усадьбами. Посредниковъ и комиссіонеровъ просятъ не являться».

Однако, несмотря на послѣднее условіе, желающій получить пять тысячъ все-таки никакъ не обойдется въ концѣ концовъ, безъ зайца. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ юркій заяцъ непремѣнно проникнетъ къ помѣщику, и вмигъ образуется длинная цѣпь изъ посредниковъ, нужныхъ людей, свѣдущихъ человѣчковъ — въ сущности, такихъ же зайцевъ — цѣпь, начинающаяся помѣщикомъ и кончающаяся капиталистомъ. Два-три дня зайцы, высунувъ языки, рыщутъ по городу: одинъ разузнаетъ адресъ залогодателя, другой находитъ наиболѣе удобную къ нему лазейку, третій знакомитъ, четвертый ведетъ переговоры, пятый самъ не можетъ дать себѣ отчета, какую онъ роль играетъ въ этой суматохѣ, однако суетится больше всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ...

Наконецъ сдѣлка кончена, помѣщикъ получаетъ деньги, заключаетъ, при участіи шестого и седьмого зайцевъ, нотаріальную закладную и выдаетъ куртажъ, который сейчасъ же и дѣлится между всѣми звеньями цѣпи на основаніи какого-то спеціальнаго правила товарищества, непонятнаго для непосвященныхъ: кому приходится

рубль, кому два, кому десять, а кому и львиная доля въ цѣлую сотню.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность обыкновенныхъ, такъ сказать, «полевыхъ» зайцевъ. Кромѣ нихъ есть еще порода биржевыхъ зайцевъ, которые къ своимъ собратьямъ относятся такъ же, какъ, напримѣръ, борзая собака къ дворняжкѣ: она смѣлѣе, неутомимѣе и способна на травлю даже очень крупнаго звѣря.

Этихъ хищниковъ называютъ зайцами исключительно за ихъ внѣшній видъ. Впалый животъ, поджарыя длинныя ноги, вѣчная торопливость походки и движенія, настороженныя и какъ будто бы прядающія во всѣ стороны уши, носъ, постоянно точно разнюхивающій что-то въ воздухѣ — вотъ типичныя черты зайца, конечно, большею частью еврея.

Неутомимость и выносливость зайца-еврея поистинѣ изумительны. Весь день онъ въ непрестанномъ суетливомъ движеніи, разсчитываетъ, комбинируетъ, знакомитъ, бѣгаетъ съ порученіями, обманываетъ, проситъ, стращаетъ. Ѣстъ онъ, какъ и всѣ евреи, очень мало, — минимумъ того, чѣмъ можетъ насытиться человѣкъ,—и все-таки это не мѣшаетъ ему никогда не терять энергіи, никогда не ослабѣвать въ упорномъ стремленіи «имѣть свой собственный милліонъ». Если неблагопріятный вѣтеръ сброситъ его въ то время, когда онъ карабкается черезъ тысячи препятствій къ завѣтной цѣли, онъ не падаетъ духомъ, а становится на ноги и опять начинаетъ съ начала. Онъ не откажется ни отъ какого порученія, какъ бы оно ни было ничтожно, и въ то же время не побоится, имѣя въ рукахъ большія деньги, рискнуть ими самымъ отчаяннымъ образомъ.

Заяцъ славянскаго происхожденія уступаетъ во многомъ зайцу только-что описанной породы. Онъ менѣе подвиженъ, при неудачѣ раскисаетъ и имѣетъ національное тя-

готѣніе кончать сдѣлки въ ресторанѣ. Но зато онъ беретъ корректностью внѣшняго вида, медлительностью движеній, хорошимъ покроемъ сюртука и наиграннымъ апломбомъ. Онъ умѣетъ иногда не безъ достоинства поговорить со своимъ кліентомъ о паденіи псовой охоты, о шестой книгѣ дворянскихъ родовъ и о послѣднемъ городскомъ скандалѣ.

ДОКТОРЪ.

Интересно иногда бываетъ послушать только-что окончившаго курсъ медика (въ особенности, если онъ человѣкъ искренній и любящій свое дѣло), когда разговоръ коснется его призванія и его будущей дѣятельности. «Боже мой, Боже мой, — говоритъ онъ, въ отчаяніи хватая себя за волосы:—ну, ровнехонько ничего въ памяти не осталось. Сотни книгъ, тысячи лекцій, сотни тысячъ терминовъ, — и въ результатѣ какой-то невообразимый хаосъ въ головѣ. Даже некогда и повторить прослушаннаго въ университетѣ, потому что медицина идетъ впередъ гигантскими шагами, и просто нѣтъ возможности слѣдить за ея успѣхами. Каждый день слышишь и читаешь о новыхъ средствахъ, до сихъ поръ никому неизвѣстныхъ; узнаёшь, что тѣ методы и пріемы, которые только вчера считалъ послѣднимъ словомъ науки, сегодня уже сдѣлались смѣшною рутиной. Да какъ еще подумаешь, что—что ни человѣкъ, то новый, совершенно отличный отъ другого организмъ, и что поэтому отъ одной и той же болѣзни Ивана слѣдуетъ лѣчить иначе, чѣмъ Петра, такъ просто руки опускаются!»

Если этотъ горячій монологъ услышитъ старый, посѣдѣлый въ щупаньи пульса врачъ, онъ улыбнется такъ же, какъ улыбается окуренный пороховымъ дымомъ ветеранъ, когда новобранецъ передаетъ ему свои первыя боевыя впечатлѣнія.

— Какъ мнѣ пріятно, молодой collega, воскресить въ вашихъ словахъ мою юность. Всѣ мы такъ думали въ ваши годы. Это въ васъ говоритъ просто недостатокъ опыта. Вотъ поживите-ка съ наше да попрактикуйтесь, тогда совсѣмъ другое скажете. Опытъ, опытъ самое главное.

Вывѣсивъ у своихъ дверей мѣдную дощечку съ обозначеніемъ пріемныхъ часовъ и съ добавленіемъ, что бѣдные принимаются безплатно, молодой врачъ считаетъ своею священною обязанностью аккуратно и безнадежно отсиживать пріемное время.

Первый паціентъ, являющійся къ нему на квартиру, просто подавленъ его внимательностью. Никогда впослѣдствіи, сдѣлавшись знаменитостью, оцѣнивающей на вѣсъ золота каждое свое слово, этотъ врачъ не изслѣдуетъ такъ тщательно довѣрившихся его искусству особъ, какъ перваго паціента, зашедшаго къ нему потому только, что его дощечка первая бросилась въ глаза. Больной, склонный, какъ и всѣ больные (да, кажется, и большинство здоровыхъ людей), находить у себя всевозможныя болѣзни и видящій поощреніе въ чрезвычайной внимательности доктора, припоминаетъ всѣ свои болѣзненныя ощущенія, даже самыя мельчайшія и мгновенныя.

— Гм... А въ спинѣ вы не чувствуете боли? — спрашиваетъ врачъ, многозначительно хмуря брови.

Больной напрягаетъ память и вспоминаетъ, что, дѣйствительно, проспавъ однажды 14 часовъ подъ рядъ на спинѣ, онъ ощущалъ въ ней нѣкоторую ломоту.

— Да, да, вотъ именно. Иногда такія странныя боли бываютъ, что просто вытерпѣть невозможно.

— Гм... А не чувствуете вы, что васъ какъ будто бы перепоясываетъ что-то?

Больной въ продолженіе двухъ или трехъ секундъ колеблется и потомъ заявляетъ нерѣшительно:

— Да, вотъ... именно... перепоясываетъ... Какъ будто бы меня кто-нибудь такъ... взялъ и затянулъ туго.

«Tabes dorsalis, — думаетъ про себя врачъ. — Плохая штука».

Такимъ же образомъ у паціента отыскивается наслѣдственный аневризмъ, первые симптомы подагры, незначительныя каверны въ верхушкахъ легкихъ, сильное общее нервное разстройство и много другихъ болѣзней, тогда какъ первоначально онъ жаловался исключительно на упорный насморкъ.

Въ рецептъ, который прописываетъ молодой врачъ своему первому паціенту, неизбѣжно входятъ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать новоизобрѣтенныхъ «иновъ», и только одна aqua destillata оказывается въ немъ старымъ ингредіентомъ. На прощаніе паціентъ очень крѣпко жметъ руку доктора, оставляя въ ней рублевую бумажку, причемъ оба стараются не встрѣтиться глазами. Но такъ какъ пальцы молодого врача не пріобрѣли еще достаточной ловкости («опытъ, опытъ—самое главное»), то бумажка падаетъ на полъ, и врачъ, покраснѣвъ, тщательно наступаетъ на нее ногой.

Но опытъ все-таки самое главное. Проходитъ годъ, другой. Въ пріемной молодого врача уже дожидаются иногда по двое, по трое посѣтителей заразъ; желтыя бумажки замѣняются зелеными, несравненно искуснѣе переходящими изъ рукъ въ руку; Иванъ и Петръ, страдающіе одной и той же болѣзнью, но представляющіе собою совершенно отличные другъ отъ друга организмы, сливаются въ одномъ собирательномъ лицѣ паціента, который для уменьшенія жара долженъ глотать фенацетинъ, а отъ разстройства нервовъ принимать kali bromati. Вскорѣ пріемная оказывается тѣсной для посѣтителей. Докторъ мѣняетъ старую квартиру на новую, да кстати пріобрѣтаетъ и новую дверную дощечку, на которой зва-

ніе врача замѣняется званіемъ доктора, а безплатный пріемъ бѣдныхъ исчезаетъ безслѣдно. Наступаетъ тотъ періодъ, когда докторъ уже можетъ считать себя достаточно умудреннымъ опытомъ. Къ этому же времени онъ пріобрѣтаетъ характерные черты и пріемы, свойственные одной изъ нижеслѣдующихъ четырехъ категорій:

1) Докторъ веселый. Большею частью спеціалистъ по нервнымъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Подходитъ къ кровати больного съ открытымъ лицомъ и дружескимъ смѣхомъ.— «Ну, что? Мы захворали немножко? Посмотримъ, сейчасъ посмотримъ. Ну-съ, покажите нашъ язычокъ. Язычокъ нехоро-ошъ. Желудочекъ-то у насъ, должно-быть, не въ порядкѣ? А мы его возьмемъ да и очистимъ, этотъ самый желудочекъ, чтобы онъ не шалилъ. Микстурку ему пропишемъ сладенькую».

При этомъ онъ осторожно обнимаетъ больного или гладитъ его по головѣ. Полученный гонораръ съ легонькимъ смѣшкомъ опускаетъ въ карманъ, обѣщая завтра опять заѣхать и непремѣнно въ то же самое время.

Обыкновенно веселый докторъ бываетъ невеликъ ростомъ, съ кругленькимъ брюшкомъ. Дѣти его любятъ и слушаются. Истеричныхъ женщинъ онъ подкупаетъ своимъ участливымъ видомъ и готовностью слушать объ ихъ необыкновенно тонкихъ и впечатлительныхъ нервахъ въ связи съ ужаснымъ семейнымъ положеніемъ.

2) Докторъ женскій. Красавецъ высокаго роста, съ выхоленной черной бородой и бѣлыми мягкими руками. Въ часы пріема надѣваетъ на себя бѣлый фартукъ. Съ паціентками своими проникновенно любезенъ и знаетъ толкъ въ женскихъ туалетахъ. Постоянно окруженъ плеядой поклонницъ — такихъ же многочисленныхъ и такихъ же фанатичныхъ, какъ и поклонницы знаменитыхъ теноровъ, актеровъ, музыкантовъ и т. д. Эти психопатки любятъ въ интимномъ кружкѣ, захлебываясь отъ удовольствія,

разсказывать о томъ, какъ имъ было страшно итти къ доктору, какой докторъ обворожительный, какъ имъ стало стыдно, и какъ душка-докторъ сказалъ имъ: «Не стыдитесь. Нечего стыдиться. Докторъ не мужчина».

Гонораръ свой женскій докторъ получаетъ въ крупныхъ бумажкахъ, запечатанныхъ большею частью въ маленькій конвертъ. Въ благодарность за благополучное лѣченіе, а также ко дню именинъ, непремѣнно получаетъ отъ своихъ паціентокъ вышитыя полотенца и подушки.

Женскій докторъ всегда хорошій собесѣдникъ и сумѣетъ, если понадобится, и занять, и развлечь, и разсмѣшить больную.

3) Докторъ-пессимистъ. Сохраняетъ постоянно мрачный видъ. Осмотрѣвъ больного, страдающаго, напримѣръ, глазами, морщится и говоритъ отрывисто:

— Трахома. Неизлѣчимая.

И, видя испугъ на лицѣ больного, считаетъ не лишнимъ нѣсколько утѣшить его:

— Но вы не безпокойтесь. Теперь наука дѣлаетъ такіе громадные успѣхи, что лѣтъ черезъ пять, много черезъ шесть, эта болѣзнь будетъ такими же пустяками, какъ простой насморкъ.

Паціенты его побаиваются, но вѣрятъ ему.

— Что ни говорите, а все-таки опытный врачъ. Всегда такъ напрямикъ и скажетъ, если болѣзнь опасна. Зато, ужъ если за кого возьмется, непремѣнно на ноги поставитъ.

4) Докторъ-спекулянтъ. Самый несимпатичный изъ всѣхъ докторскихъ типовъ. Рекламируетъ себя съ такой же безстыдной развязностью, какъ различные изобрѣтатели рекомендуютъ свои составы отъ клоповъ, мозольные пластыри и растительные элеопаты.

Призванный къ постели даже такого больного, въ близкой смерти котораго невозможно усомниться, докторъ-спекулянтъ ни на секунду не теряется.

— Пус-тяки! Увѣряю васъ, у меня одинъ паціентъ еще въ худшемъ положеніи находился, но я его въ недѣлю поставилъ на ноги. До сихъ поръ прекрасно себя чувствуетъ. А этого мы живо поднимемъ. Только покажите-ка мнѣ сначала, чѣмъ это его мои уважаемые коллеги пичкали? Ну, такъ и есть! Выкиньте эту стряпню сейчасъ же за окно и дайте мнѣ бумаги и чернилъ!

Получивъ гонораръ, докторъ-спекулянтъ тутъ же, не стѣсняясь, разворачиваетъ бумажку, щупаетъ ее, чуть ли даже не смотритъ на свѣтъ и только послѣ этихъ манипуляцій рѣшается опустить ее въ карманъ. Если его паціентъ умираетъ, и родственники обращаются къ доктору съ упреками, онъ разводитъ руками съ видомъ крайняго недоумѣнія.

— Господ-да! Вѣдь я же не Богъ, наконецъ! Я принялъ всѣ зависящія мѣры, но что̀ же сдѣлаешь противъ природы?

Кромѣ описанныхъ разновидностей, есть еще докторъ грубый (это большею частью знаменитость, или кандидатъ въ знаменитости), докторъ молчаливый, докторъ соболѣзнующій, докторъ заранѣе знающій, что̀ ему скажутъ, и т. п.

Въ концѣ концовъ, если хорошенько разобраться, эта непринужденность, или самоувѣренность, или фамильярно-веселое обхожденіе, или грубость, или учтивость, или тонкое вниманіе — не что̀ иное, какъ внѣшніе наигранные пріемы, замѣняющіе по отношенію къ больному роль внушенія. Находятся скептики, увѣряющіе, что именно эти-то пріемы и составляютъ во всемъ медицинскомъ искусствѣ единственную положительную сторону, сообщая больному увѣренность въ томъ, что онъ непремѣнно долженъ выздоровѣть при заботахъ такого знающаго и внимательнаго врача.

«ХАНЖУШКА».

Такимъ насмѣшливымъ прозваніемъ окрестили въ Кіевѣ профессіональныхъ богомолокъ, созданныхъ молитвенными потребностями города, на всю Россію славящагося своими монастырями и святынями. Эти особы служатъ посредницами и проводницами между наиболѣе популярными отцами и схимниками—съ одной стороны и чающей благодати публикой — съ другой. Онѣ замѣняютъ для прибывшихъ откуда-нибудь изъ Перми или Архангельска купцовъ - богомольцевъ самые полные путеводители, являясь неутомимыми и словоохотливыми гидами, имѣющими вездѣ знакомство или лазейку.

Въ монастыряхъ ихъ терпятъ, отчасти какъ необходимое зло, отчасти какъ ходячую рекламу, а отецъ-экономъ нерѣдко «благословляетъ» ихъ то медкомъ, то свѣжеиспеченнымъ хлѣбцемъ, то осетровой соляночкой. Впрочемъ, молодой монахъ, не усвоившій еще въ достаточной степени внѣшнюю степенность «ангельскаго чина», никогда не утратитъ случая, увидѣвъ ханжушку, обозвать ее «мокрохвостой» и «дармоѣдкой».

Онѣ, конечно, безукоризненно знаютъ всѣ престолы и праздники и особенно-торжественныя служенія. Имъ извѣстны дни и часы пріемовъ у святыхъ отцовъ, отличающихся либо наиболѣе строгой жизнью, либо даромъ провидѣнія, либо умѣньемъ видѣть человѣка «наскрозь» при исповѣди, либо еще какими-нибудь особенностями и странностями. Впрочемъ, у каждой есть свой излюблен-

ный отецъ, котораго она «обожаетъ» предпочтительно передъ прочими, состоя при немъ, такъ сказать, личнымъ адъютантомъ. За «своего» она готова перегрызть конкуренткѣ горло, если только у нихъ зайдетъ споръ о сравнительныхъ достоинствахъ двухъ отцовъ.

Есть двѣ разновидности этого типа: «ханжушка-постница» и «ханжушка-лакомка». Первая высока, необыкновенно костлява и всегда какъ будто бы наклонена впередъ; лицо у нея зеленое, длинное и хищное, съ длиннымъ щурьимъ носомъ и квадратною нижнею челюстью. Она строго блюдетъ среду и пятницу, когда не вкушаетъ вина, не ѣстъ зайца, который по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ былъ въ числѣ «семи паръ нечистыхъ», а видомъ напоминаетъ дикую кошку, 29-го августа отказывается отъ арбуза, потому что онъ, разрѣзанный пополамъ, напоминаетъ «усѣкновенную главу», и т. д. Если благодѣтели по ошибкѣ или незнанію предложатъ ей отвѣдать что-нибудь изъ «запрещеннаго», она тотчасъ же изображаетъ и лицомъ, и жестами, и голосомъ такой нечеловѣческій испугъ и такое обиженное негодованіе, что самимъ благодѣтелямъ становится жутко.

Ханжушка-лакомка мала ростомъ, кругла и жирна, какъ хорошо откормленный въ мясной лавкѣ котъ. Она вся проникнута добродѣтелями и набожными чувствами, и даже ея лицо, на которомъ едва видны щелочки глазъ, свѣтится маслянистымъ глянцемъ. Она, въ противность ханжушкѣ-постницѣ, не откажется ни отъ рюмки доброй старой вишневки, ни отъ чашки «кофію», если только угощеніе слѣдуетъ отъ солидной и «стоящей» компаніи. Къ закату дней своихъ она непремѣнно пріобрѣтетъ гдѣ-нибудь на Шулявкѣ или на Пріоркѣ маленькій, дикой краски, домикъ въ три окна, гдѣ желаннымъ гостемъ бываетъ здоровенный монахъ въ франтовской рясѣ.

Во всемъ остальномъ обѣ разновидности поразительно

похожи. Во-первыхъ, обѣ говорятъ необыкновенно быстрымъ полушопотомъ, причемъ произносятъ слова не только изъ себя, но и въ себя, т.-е. одновременно и произнося слова и вдыхая воздухъ, отчего получается впечатлѣніе безпрестаннаго монотоннаго журчанія. Во-вторыхъ, и та и другая косноязычатъ, картавятъ или пришепетываютъ, потому что такъ выходитъ и трогательнѣе и жалче.

Даже и костюмъ онѣ носятъ одинаковый, полупоношенный — черное платье и черный платочекъ съ бахромой на головѣ.

Другъ къ другу ханжушки относятся нетерпимо, потому что имъ волей-неволей приходится сталкиваться въ однихъ и тѣхъ же домахъ въ качествѣ разсказчицъ, приживалокъ и проводницъ благочестія. Здѣсь, вѣроятно, кромѣ опасенія конкуренціи, примѣшивается болѣе острое и тонкое чувство, — нѣчто въ родѣ взаимнаго стыда, нѣчто въ родѣ того, что̀ испытываютъ другъ къ другу двое профессіональныхъ жрецовъ, или двое заикъ, въ присутствіи постороннихъ глазъ.

У нихъ есть своя спеціальная терминологія и для наиболѣе излюбленныхъ «отцовъ» даже особенныя, ласкательно-интимныя прозвища.

— Такъ ты говоришь, мать моя, была нынче на служеніи? — спрашиваетъ одна ханжушка другую.

— Ахъ, была, была, матушка. Какое, я вамъ скажу, благолѣпіе! Ужъ такое благолѣпіе, такое благолѣпіе, что просто не знаешь, на небѣ ты или на землѣ!

— Въ мантіяхъ служили-то?

— Въ мантіяхъ, родная, въ мантіяхъ. «Бутонъ» предстоящимъ былъ.

— А «Пернатый» не сослужилъ?

— Сослужилъ и «Пернатый». Удостоилась я къ ручкѣ приложиться, когда къ кресту подходили. Ручки-то у него бѣленькія такія да пухленькія... ма-асенькія, масенькія,

точно у ребеночка безгрѣшнаго... и французскими духами надушены.

Ханжушки знаютъ про своихъ «благодѣтелей» самыя интимныя подробности и съ видомъ благочестиваго сокрушенія («какъ лукавый-то силенъ нынѣ сталъ!») переносятъ изъ дома въ домъ соблазнительныя вѣсти.

Въ кругъ ихъ обыденныхъ занятій входитъ множество мелочей. Онѣ разгадываютъ сны, лѣчатъ отъ дурного глаза, растираютъ у благодѣтелей болящія мѣста освященнымъ маслицемъ съ Аѳонской горы, исполняютъ всякія порученія къ сосѣднему лавочнику, съ которымъ «язычничаютъ» о тѣхъ же благодѣтеляхъ. При свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, благословеніяхъ образомъ и прочихъ обрядныхъ происшествіяхъ онѣ являются въ соотвѣтственной роли церемоніймейстеровъ. Передъ тѣмъ, какъ на отпѣваніи закрываютъ гробъ, ханжушка непремѣнно развяжетъ и возьметъ себѣ платокъ, связывающій ноги покойнаго.—«Отъ зубовъ, батюшка, помогаетъ», — объяснитъ она любопытному.

Если вы хотите видѣть ханжушку во время самаго кипучаго момента ея жизни, зайдите въ лавру во время большого праздника. Вы увидите ее въ гостиницѣ, сидящей въ кругу купеческаго семейства, пьющей «съ угрызеніемъ» тридцатое блюдечко чаю и расказывающей своимъ непрерывнымъ полушопотомъ:

— А то еще показывали той странницѣ иноци аѳонстіи вздохъ святого Іосифа Аримаѳейскаго. Когда этта, значитъ, завѣса-то раздрася — онъ, батюшка, и воздохнулъ отъ своего сокрушеннаго сердца, а ангели святіи тотъ вздохъ и собрали въ малую скляницу, на манеръ пузырька аптекарскаго. Такъ онъ, этотъ вздохъ, въ скляницѣ и содержится, бычачьимъ пузыремъ сверху затянутъ, и кто на его, на батюшку, съ вѣрою смотритъ, тому отъ запойной болѣзни очень даже помогаетъ.

БЕНЕФИЦІАНТЪ.

Эскизъ.

Насколько мнѣ извѣстно, въ Кіевѣ нѣтъ ни одного спеціально-игорнаго дома. Въ этомъ отношеніи, несмотря на свою американскую внѣшность, праматерь русскихъ городовъ далеко отстала отъ Петербурга, Москвы и даже Одессы. Впрочемъ, старожилы разсказываютъ, что когда-то на Соломинкѣ былъ цѣлой компаніей, во главѣ съ какимъ-то отставнымъ ротмистромъ, основанъ игорный притонъ. Однако это солидное учрежденіе недолго продолжало свои операціи, потому что своевременно было разрушено полиціей.

Съ прогрессирующимъ паденіемъ «контрактовъ» исчезнетъ даже и обыкновенный типъ ярмарочнаго шулера, дѣйствующаго въ одиночку, на собственный рискъ и страхъ, и надѣющагося единственно на «проворство рукъ», типъ господина со сдобнымъ голосомъ и мягкими ладонями, съ необыкновенно утонченными манерами, надушеннаго, съ громаднымъ солитеромъ на указательномъ пальцѣ правой руки...

Впрочемъ, любитель сильныхъ ощущеній можетъ и теперь еще вкусить прелесть карточнаго азарта на одномъ изъ такъ называемыхъ «бенефисовъ». Въ Кіевѣ есть де-

сятка три или четыре игроковъ, собирающихся почти ежедневно по вечерамъ для стуколки и штосса. Во избѣжаніе столкновеній съ полиціей, они постоянно мѣняютъ мѣсто своихъ сборищъ, назначая ихъ заранѣе то у одного, то у другого члена компаніи. День сборища называется на ихъ жаргонѣ «бенефисомъ», потому что приноситъ хозяину квартиры несомнѣнныя выгоды.

Собираются игроки поздно вечеромъ. Бенефиціантъ предлагаетъ имъ чай, холодную закуску, водку и пиво— «сколько кто потребуетъ», какъ сказано въ условіи. Затѣмъ начинается игра, длящаяся большею частью до утра и даже по полудня слѣдующихъ сутокъ. Здѣсь уже бенефиціантъ съ избыткомъ наверстываетъ затраченныя на закуску и вино деньги, потому что за каждую игру картъ получаетъ по три и даже по четыре рубля. Карты же мѣняются: при штоссѣ — передъ каждымъ новымъ банкомъ, а при стуколкѣ — послѣ каждыхъ двухъ круговъ. Кромѣ того, съ каждаго выигрыша бенефиціантъ получаетъ 10%.

Чистая прибыль хозяина бенефиса очень непостоянна: она колеблется между 20 и 500 рублей въ одинъ вечеръ. Но самъ бенефиціантъ не имѣетъ права участвовать въ игрѣ. Его обязанность — ухаживать за гостями и, въ случаѣ надобности, предупреждать ихъ о близости полиціи.

Нерѣдко на бенефисѣ появляется «карась», съ толстымъ бумажникомъ и съ наивной довѣрчивостью провинціала. Тогда члены компаніи соединяются вмѣстѣ для общей цѣли. Въ ходъ пускаются условные стуки, покашливанья и мимическіе знаки. Содержимое бумажника «карася» дѣлится потомъ самымъ честнымъ образомъ между всѣми участниками «общаго» бенефиса.

Если нѣтъ «карася» — игра ведется между собою.

Въ этихъ случаяхъ общество, такъ сказать, пожи-

раетъ само себя, и, благодаря неосторожному употребленію условныхъ знаковъ, игра нерѣдко кончается общей кровопролитной баталіей...

Контингентъ посѣтителей бенефисовъ — очень пестрый, чаще всего попадаются: мелкій чиновникъ, содержатель извозчичьей биржи, разбогатѣвшій лавочникъ, купеческій Альфонсъ и наконецъ личности загадочныхъ профессій и подозрительнаго вида.

„ПОСТАВЩИКЪ КАРТОЧЕКЪ“.

Небольшая, худосочная фигура. Блѣдное, малокровное лицо. Рыжіе усы и рыжая маленькая бородка. Очки въ золотой оправѣ. Губы толстыя, красныя и слюнявыя...

Это — поставщикъ «карточекъ», тѣхъ самыхъ «карточекъ», которыя сжигаетъ цѣлыми дюжинами почти каждый холостякъ при вступленіи въ первый законный бракъ.

Трудно повѣрить, но однако такая профессія существуетъ и — что̀ страннѣе всего — заставляетъ людей заниматься ею, какъ призваніемъ. Представители этого рода индустріи являются въ то же время почти безкорыстными «служителями идеи».

Можетъ-быть, многимъ покажется, напримѣръ, невѣроятнымъ, что въ Кіевѣ есть люди, истратившіе цѣлыя родовыя состоянія на составленіе коллекцій порнографическихъ карточекъ, собранныхъ ими во всѣхъ странахъ свѣта.

Разорившись, они начинаютъ широкую торговлю предметами своей узкой спеціальности. Они прекрасно знаютъ вкусы публики. Каждому изъ своихъ кліентовъ — будь то гимназистъ или студентъ, офицеръ или штатскій человѣкъ, старикъ или молодой, они умѣютъ въ совершенствѣ угодить...

Промышленность свою этотъ господинъ обставляетъ интимной таинственностью.

— Только для васъ, — шепчетъ онъ, внушительно поднимая брови: — только для васъ! Самому не хочется разставаться съ такимъ прекраснымъ экземпляромъ... да ничего ужъ не подѣлаешь, очень вы хорошій человѣкъ.

Конечно, ему знакомы всѣ тонкія подробности его занятія. Онъ безошибочно, издали, отличаетъ лондонскія репродукціи отъ лейпцигскихъ и французскія отъ константинопольскихъ. Какъ мастеръ и знатокъ своего дѣла, онъ оскорбится, если ему скажутъ, что какой-нибудь изъ новыхъ «варіантовъ» незнакомъ ему. Онъ стоитъ au courant своего дѣла и внимательно слѣдитъ за его успѣхомъ.

Полиція почти никогда не трогаетъ его. «Мало ли что дѣлается въ узкомъ семейномъ кружкѣ... Вольному — воля, спасенному—рай. Никто никого не тянетъ покупать карточки!»

Въ заключеніе я долженъ сказать, что описанный нами типъ не составляетъ большой рѣдкости. Вноситъ онъ въ общество свое растлѣвающее вліяніе съ какой-то принципіальной наивной послѣдовательностью.

Одинъ знакомый мнѣ докторъ-психіатръ увѣрялъ меня, что поставщики «карточекъ» представляютъ собою весьма любопытный матеріалъ для клиническихъ изслѣдованій.

РАЗСКАЗЫ.

ПСИХЕЯ.

23-го ноября. Мнѣ каждый могъ бы задать очень простой вопросъ: для чего я опять принялся за дневникъ, который началъ и бросилъ лѣтъ пять тому назадъ? И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего смѣшнѣе мысли писать дневники и автобіографіи. Во-первыхъ, смѣшно уже то, что у всѣхъ у нихъ одинаковое начало: первымъ долгомъ сочинитель всѣми святыми божится, что пишетъ не для публики, а исключительно для своего личнаго удовольствія. Для того, чтобы я, молъ, уже будучи маститымъ старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами и окруженнымъ толпою розовыхъ малютокъ, могъ опять пережить и перечувствовать то, что̀ чувствовалъ нѣкогда цвѣтущимъ юношей, и чтобы одинокая слеза воспоминанія... или, какъ это обыкновенно пишутъ въ этихъ случаяхъ? И начинаетъ гарцовать и рисоваться, да еще по дорогѣ къ этимъ почтеннымъ сѣдинамъ онъ тридцать разъ перечитываетъ свои воспоминанія, никому, кромѣ него, не интересныя, и перечитываетъ непремѣнно какому-нибудь застѣнчивому и воздушному провинціальному созданію, которое будетъ трепетать отъ наплыва неизвѣданныхъ ощущеній и потихоньку до слезъ зѣвать въ платокъ. Какъ это, ей-Богу, гадко, что самые умные люди готовы смаковать свои личныя мелочно-интимныя ощущеньица и находить въ нихъ особенный вкусъ и толкъ!

Что касается меня, то дневникъ этотъ мнѣ чрезвычайно важенъ, и читать я его никому уже, конечно, не буду.

Сегодня докторъ сказалъ мнѣ, что при томъ образѣ жизни, который я веду послѣдніе три года, т.-е. при постоянныхъ голодовкахъ, безсонницахъ и непосильной, почти лошадиной работѣ, у меня можетъ произойти переутомленіе нервной системы. Какъ этотъ модный докторъ ни миндальничалъ за мои кровные пять рублей (онъ даже совѣтовалъ мнѣ въ Крымъ ѣхать для развлеченія, а мнѣ не на что калошъ себѣ купить!), однако я очень хорошо понялъ, что мнѣ грозитъ сумасшествіе. Тѣмъ болѣе, что всѣ мои почтенные предки были страстными алкоголиками и безумцами. Въ эту тетрадь я буду записывать всѣ свои мыслишки до тѣхъ поръ, пока не замѣчу уже слишкомъ явныхъ несообразностей. А тогда... Тогда либо въ больницу, либо, если хватитъ воли, пулю въ лобъ.

26-го ноября. Чья это несправедливость? Я безусловно обладаю сильнымъ и оригинальнымъ талантомъ; передъ собой-то мнѣ ужъ рисоваться не зачѣмъ. Въ этомъ убѣжденіи меня укрѣпляетъ, конечно, не золотая медаль, присужденная мнѣ академическимъ совѣтомъ, съ которымъ я имѣю основаніе расходиться во взглядахъ на искусство, и не отзывы газетныхъ критиковъ. Я уже не мальчикъ и умѣю оцѣнить все это по достоинству, потому что «людская честь безсмысленна, какъ сонъ». Но я чувствую въ себѣ присутствіе мощнаго, напряженнаго творчества, взглядъ мой быстро и точно улавливаетъ мельчайшія детали предметовъ, наконецъ мнѣ никогда еще не приходилось насиловать своего воображенія, чѣмъ такъ страдаютъ художники въ погонѣ за темами. Исполинскія мысли, одна другой смѣлѣе и оригинальнѣе, такъ переполняютъ мою голову, что мнѣ иногда становится за нее страшно. Но, что всего важнѣе, я во время про-

цесса творчества, точно въ религіозномъ экстазѣ, ощутительно познаю въ себѣ сладкое присутствіе моего невѣдомаго бога. Голова моя пылаетъ, по спинѣ бѣгаютъ холодныя волны, волосы мерзнутъ и шевелятся на головѣ, духъ мой ликуетъ. А насмѣшливая судьба, точно нарочно, поставила меня въ грустную невозможность воплотить до конца хоть одинъ изъ этихъ дорогихъ мучительныхъ образовъ. Погоня за кускомъ насущнаго хлѣба несовмѣстима со свободнымъ творчествомъ! Приходится съ опасностью для жизни и разсудка лавировать между мечтами и славой и перспективой голодной смерти. Голодъ—самая плохая пища для вдохновенія. Но вѣдь не могу же я съ моимъ неудержимымъ полетомъ фантазіи, съ тѣмъ внутреннимъ кипѣніемъ, которое меня изнуряетъ, не могу же я сдѣлаться писаремъ или сапожникомъ!!

27-го ноября. Сегодня какъ-разъ я окончилъ двѣнадцатаго Пушкина. Я такъ наловчился ихъ лѣпить, что могу работать съ закрытыми глазами, и всѣ они похожи одинъ на другого, какъ близнецы. Пушкиныхъ теперь охотно разбираютъ, по случаю какого-то пятидесятилѣтія, но хозяинъ магазина, куда я поставляю статуэтки, недоволенъ моей работой. «У васъ, — говоритъ онъ сурово: — нѣтъ совсѣмъ разнообразія, намъ нужны разныя серіи. У публики пестрые вкусы».

Меня иногда схватываетъ тошнота при мысли, что приходится размѣниваться на эту черную поденную работу. Я съ ужасомъ вижу, какъ послѣ недѣли работы надъ инымъ надгробнымъ бюстомъ въ профиляхъ моихъ античныхъ борцовъ начинаютъ появляться тяжелыя, геморроидальныя черты, напоминающія лицо начальника департамента или купца первой гильдіи. Но что же дѣлать, если десять-двадцать рублей позволяютъ мнѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца быть хозяиномъ моего вдохновенія?

28-го ноября. Почему-то принято всѣми, что пьяный человѣкъ близокъ къ идіотскому состоянію. Поразительно невѣрное заключеніе! Я долженъ, между прочимъ, сознаться, что пить водку вошло для меня въ привычку именно на этой проклятой квартирѣ, которую хозяйка изъ экономіи и благодаря моей неаккуратности почти совсѣмъ не топитъ. Сначала я ограничивался двумя или тремя рюмками, чтобы согрѣться, но потомъ это количество перестало меня удовлетворять. Теперь я пишу почти пьяный. Мысль работаетъ страшно сильно и притомъ съ удивительной точностью: постигаетъ такія тонкія подробности своихъ ощущеній, которыя трезвый умъ непремѣнно выпуститъ изъ виду.

Только вотъ языкъ и ноги не повинуются, и глаза плохо слушаютъ: именно всѣ предметы теряютъ рѣзкія очертанія и какъ будто засыпаны пескомъ. Но это ничего не значитъ: извѣстно, что многіе великіе мастера создавали свои безсмертныя произведенія въ томъ самомъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь. Я хотѣлъ сегодня работать: у меня есть въ виду одна важная вещь, но пролежалъ на томъ собачьемъ ложѣ, которое хозяйка зоветъ кушеткой, и мечталъ о славѣ.

29-го ноября. Я проснулся ровно въ полдень со страшною головною болью. Странный сонъ снился мнѣ этой ночью. Я видѣлъ себя стоящимъ гдѣ-то на окраинѣ города. По всей вѣроятности, была осень. Вѣтеръ гудѣлъ въ телеграфныхъ столбахъ; мелкій, но необыкновенно частый и холодный дождь застилалъ всѣ предметы тусклосѣрымъ покровомъ. Начинало смеркаться, и сердце мое сжималось ожиданіемъ несчастья...

Вдругъ сзади меня послышался топотъ нѣсколькихъ десятковъ лошадиныхъ ногъ. Я обернулся назадъ и увидѣлъ страшное зрѣлище: десять или двѣнадцать всад-

никовъ, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ черныя одежды, мчались попарно со страшною быстротой; на ихъ громадныхъ лошадяхъ были надѣты черныя попоны съ круглыми отверстіями для глазъ. Всадники неслись быстро, не оборачиваясь ни назадъ ни въ стороны. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ смоляной факелъ, который горѣлъ краснымъ, сильно коптящимъ пламенемъ. Я понялъ, что кого-то хоронятъ, и дѣйствительно, изъ-за угла тотчасъ же показался катафалкъ, который три пары траурныхъ лошадей везли такъ скоро, что не отставали отъ всадниковъ. Черный гробъ весь былъ заваленъ яркими пунцовыми розами. Я побѣжалъ за этой страшной процессіей и вскорѣ очутился вмѣстѣ съ ней на кладбищѣ. Это было чрезвычайно печальное мѣсто: — обнаженныя деревья скрипѣли и качались, роняя на землю холодную воду; пахло сырой землею и гніющими на ней желтыми листьями.

Всадники сняли гробъ и начали опускать его въ яму, но верхняя крышка не была закрыта, и я увидѣлъ въ немъ мраморную статую, изображавшую дѣвушку необыкновенной божественной красоты. Она покоилась на ложѣ изъ яркой зеленой травы и вся сплошь была одѣта красными розами и камеліями. Не знаю самъ, какимъ образомъ, но я сразу узналъ ее — это была спящая Психея!

Я кинулся къ людямъ, опускавшимъ гробъ, и кричалъ и плакалъ, увѣряя, что лежащая въ гробу — жива; они захохотали и грубо оттолкнули меня. Но я опять пробился къ гробу, обхватилъ руками прекрасное холодное тѣло и очутился вмѣстѣ съ нимъ въ могилѣ. Сверху посыпалась земля... все больше и больше...

Наконецъ мнѣ нечѣмъ стало дышать, я хотѣлъ крикнуть,—но мой голосъ звучалъ шопотомъ; я сдѣлалъ отчаянное движеніе и проснулся.

30-го ноября. Сегодня опять день пропалъ даромъ. Мои «Борцы» мнѣ вдругъ ни съ того ни съ сего опротивѣли; не могу я видѣть этихъ здоровыхъ, грубыхъ мускуловъ! Для чего же, спрашивается, въ такомъ случаѣ я ихъ съ любовью вынашивалъ цѣлые мѣсяцы, для чего ходилъ на морозовскую фабрику, гдѣ за двугривенный заставлялъ бороться фабричныхъ парней? Но зато весь день я думалъ о той дивной статуѣ, съ которой вмѣстѣ лежалъ въ могилѣ. Гдѣ же я раньше видѣлъ это прекрасное, спокойное лицо, это тѣло, нѣжное, какъ у дѣвочки, съ едва обозначавшимися формами груди, гибкое и граціозное, въ то же время наивное во всей своей наготѣ? И почему же это непремѣнно Психея, а не Дафна или не Флора? Меня интересуетъ психологія сна, и я много читалъ по этому предмету. Я очень хорошо знаю, что во снѣ нельзя увидѣть ничего такого, чего когда бы то ни было не видалъ въ дѣйствительности. Стало-быть, и я мою Психею долженъ былъ видѣть.

Но гдѣ же? Я перебираю въ умѣ всѣхъ классиковъ и положительно не могу припомнить. Странно-знакомое лицо, но описать его нѣтъ никакой возможности: что-то прекрасное въ высшей степени и въ то же время до-нельзя простое! Когда я хочу вызвать его въ памяти — оно не является, но, стоитъ мнѣ хоть на секунду задуматься о чемъ-нибудь другомъ, оно вдругъ такъ и всплываетъ передъ глазами.

2-го декабря. Я едва имѣю время, чтобы вымыть руки, перепачканныя глиною, и набросать нѣсколько строкъ въ эту дурацкую тетрадь. Вотъ уже третій день, какъ я, не отрываясь, лѣплю мою Психею. Нервы мои ожили, работа идетъ легко и быстро, и каждый вечеръ, ложась въ постель, я ощущаю состояніе полнаго равновѣсія ума и сердца,—состояніе, близкое къ блаженству.

Нѣкоторые ваятели изображаютъ Психею совершенно

физически-развитой женщиной: непостижимое заблужденіе! Психея — почти дѣвочка, она мала ростомъ и должна производить впечатлѣніе еще невыровнявшагося, но прелестнаго подростка, который едва начинаетъ самъ смутно и стыдливо познавать свое превращеніе изъ ребенка въ дѣвушку. Но, кромѣ этого, я сдѣлалъ еще болѣе крупное открытіе: никакое тѣло, кромѣ дѣвственнаго, не имѣетъ права быть изваяннымъ или высѣченнымъ изъ какого бы то ни было матеріала, потому что ваяніе есть самое чистое, самое возвышенное и непремѣнно самое цѣломудренное изо всѣхъ искусствъ. Поэтому скульпторъ долженъ работать, не имѣя передъ глазами не только живой натуры, но даже и манекена, а въ особенности все губитъ живая натура. Ибо если къ воплощаемой въ мраморѣ мечтѣ примѣшается тяжелая и грязная дѣйствительность, то мѣсто мечты заступаетъ порнографія. Не даромъ же въ нашемъ многовѣковомъ искусствѣ употребляются лишь самые простые инструменты: руки и двѣ-три деревянныя палочки.

Эту тетрадь читать кромѣ меня никто не будетъ, и потому я буду говорить до конца: и Фидій, и Канова, и Торвальдсенъ, несмотря на всю мощь генія, не могли отрѣшиться отъ грубыхъ будничныхъ чувствъ въ своей личной жизни. Только тогда скульпторъ и въ состояніи сотворить великое, если онъ самъ чистъ и цѣломудренъ.

Я изображаю Психею спящей. Говорятъ, что фигуры, лежа, проигрываютъ, но меня это не останавливаетъ.

4-го декабря. Боже мой, сколько мученій, сколько адскаго труда, и ничего, ничего! Не могу никакъ вспомнить ту Психею, которую я видѣлъ во снѣ. Съ утра до вечера я работаю до одури, до истощенія, и ничего! Передо мной не спящая Психея, а пикантный сюжетецъ въ сладостной истомѣ.

Нѣтъ! Я, должно-быть, заработался; нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не снимать шесть дней подъ рядъ рабочаго халата. Попробую немного отдохнуть.

6-го декабря. Какой же это къ чорту отдыхъ? Двое сутокъ не встаю я съ дивана, и меня душитъ самый безобразный кошмаръ. Въ умѣ моемъ самымъ непостижимымъ образомъ перемѣшались событія всѣхъ дней. Порой я никакъ не могу рѣшить, происходилъ ли какой-нибудь извѣстный фактъ сегодня утромъ, или вчера, или, наконецъ, цѣлую недѣлю тому назадъ, или я читалъ о немъ въ книгѣ, или видѣлъ во снѣ.

Вообще я замѣчалъ уже не разъ, что память у меня очень быстро тупѣетъ, въ особенности съ того времени, какъ я бросилъ всѣ знакомства и почти пересталъ разговаривать вслухъ. Она, точно у старика, свѣжа еще по отношенію къ случаямъ моего дѣтства, но чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ болѣе она становится сбивчивой и туманной. Бо̀льшую часть дня я сплю и вижу тысячи сновъ, и въ этихъ снахъ я также вижу себя лежащимъ на диванѣ, повторяющимъ тысячу разъ одно и то же, обыкновенно самое глупое слово, и не знающимъ, куда дѣваться отъ тоски. Эти пошлые сны такъ тѣсно переплетаются съ пошлой дѣйствительностью, что я временами долго и мучительно раздумываю: — гдѣ кончается одно и гдѣ начинается другое? Иногда я какъ будто бы отрезвляюсь и съ отчаяніемъ хочу выбраться изъ этого чертовскаго полуобморока. Хочу встряхнуться, разсѣяться хоть немного, но черезъ нѣсколько времени сонное колесо опять начинаетъ меня завораживать.

Ночь для меня ужасна! Я не сплю вплоть до разсвѣта и порой со страхомъ, порой съ удивленіемъ созерцаю громаднѣйшую вереницу картинъ, статуй, животныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, которыя появляются пе-

редъ моими глазами безъ участія моей воли и уходятъ противъ моего желанія. Нѣкоторыя лица просто уродливы. Они кривляются, дѣлаютъ страшные глаза и высовываютъ языки, и когда одно изъ нихъ уже близко подойдетъ къ моей физіономіи, — мнѣ становится мерзко, точно отъ прикосновенія палача. Чтобы избавиться отъ этихъ галлюцинацій, я выпиваю нѣсколько рюмокъ водки, и мнѣ легче. Не пойти ли къ доктору?

8-го декабря. Случайно поглядѣлся нынче въ зеркало. Я не видалъ себя недѣли три и просто испугался, когда на меня глянуло длинное, зеленое, страшно исхудалое лицо съ обтянутыми, точно у мертвеца, скулами, со впалыми, окруженными чернымъ глазами. Я просто ненавижу свою наружность. Говорятъ, что человѣкъ— вѣнецъ творенія. Поглядѣли бы они на тотъ вѣнецъ, который въ настоящее время представляетъ моя персона!

10-го декабря. Сумѣю ли я передать все, что̀ произошло сегодня ночью? До сихъ поръ еще не могу прійти въ себя отъ той массы ощущеній, которыя мнѣ пришлось пережить. Словами не выразить и сотой доли, но все-таки постараюсь разсказать все по порядку. Среди ночи я проснулся, точно кто-то назвалъ меня по имени. Это со мной часто случается, если мнѣ въ лицо слишкомъ сильно свѣтитъ луна. Вся моя комната была залита потокомъ серебряно-зеленаго свѣта и казалась совсѣмъ незнакомой, стѣны какъ будто выросли и раздались въ стороны, всѣ предметы высматривали странно и подозрительно. Я какимъ-то внутреннимъ чутьемъ понялъ, что сейчасъ, именно въ эту минуту должно произойти событіе громадной важности. Мой взглядъ упалъ на Психею. Она лежала на полу; ея тѣло, обложенное мокрыми тряпками и проникнутое нѣжнымъ матовымъ сіяніемъ, казалось прозрачнымъ. Машинально схватилъ я

стэки, подошелъ къ ней и, точно повинуясь чужому вліянію, пообозначилъ нѣсколько линій... И вдругъ я вскрикнулъ и задрожалъ отъ восторга: передо мной лежала та самая Психея, которую я видѣлъ во снѣ и дивный образъ которой такъ тщетно старался припомнить! Развѣ есть въ человѣческомъ языкѣ средства, чтобы изобразить ту бурную радость, которая поднялась въ моей душѣ!! Теперь я понялъ, отчего ея лицо казалось мнѣ такимъ простымъ и знакомымъ. Она есть тотъ прототипъ божественной красоты и гармоніи, стремленіе къ которому вложено въ душу каждаго человѣка со дня его рожденія и который человѣчество окрестило избитымъ названіемъ «идеала». Намъ, художникамъ, судьба даетъ средства постигнуть его, но до этой великой ночи всѣ мы мучительно и безплодно гонялись только за его призракомъ. А я, я, блѣдный, некрасивый, изможденный ваятель, я достигъ того, что̀ казалось до сихъ поръ невозможнымъ, я схватилъ это невозможное и заключилъ его въ крѣпкія, осязаемыя формы. О! Я прекрасно понимаю, что здѣсь мой талантъ ни при чемъ, и что моей рукой водилъ случай. Но, именно вслѣдствіе этого-то, никто и не долженъ, кромѣ меня, видѣть Психею, потому что, если когда-нибудь и дойдетъ человѣческое искусство до такой совершеннѣйшей степени, то развѣ черезъ десятки столѣтій. Человѣкъ раньше узна̀етъ и подчинитъ себѣ всѣ тѣ силы природы, которыя теперь его самого порабощаютъ, и когда въ концѣ концовъ доберется до послѣдняго, до этой вѣчной истины и вѣчной красоты, то онъ уже перестанетъ быть человѣкомъ. А теперь только одному Богу извѣстно, какія послѣдствія можетъ вызвать всенародное появленіе моей Психеи. Она должна столѣтія пролежать въ землѣ подобно твореніямъ древнихъ грековъ, пока не настанетъ ея время и сама судьба не извлечетъ ее, какъ свѣтильникъ, который долженъ свѣтить на горѣ.

Число не проставлено. Я не писалъ нѣсколько дней по причинѣ нестерпимой головной боли. Минутами мнѣ кажется, будто кто-то ломаетъ мой черепъ на части, и каждое движеніе причиняетъ чудовищную боль. Кстати: на послѣднія деньги я послалъ сегодня за гипсомъ.

Числа нѣтъ. Едва только въ комнатѣ стало темнѣть, я тщательно закрылъ занавѣски, зажегъ лампу и долго-долго стоялъ, безмолвно созерцая неземную красоту моего созданія. Вѣдь — что̀ замѣчательно: все, чѣмъ только съ незапамятныхъ временъ ни увлекался человѣкъ до безумія: слава, чувственность, патріотизмъ, долгъ, честь, всѣ наслажденія міра — все это можетъ пріѣсться и наскучить, но это восхищеніе, которое я теперь испытываю, не надоѣстъ никогда! Я задаю себѣ вопросъ: что̀ было бы, если бъ она была живой женщиной? Мнѣ кажется, ее кто-нибудь долженъ былъ бы убить, точно такъ же, какъ я черезъ нѣсколько дней закопаю ее въ землю. Но до этого времени она только моя, и красота ея принадлежитъ одному мнѣ.

Моя! Ахъ, если бы это слово не было такъ осквернено тысячами человѣческихъ вожделѣній! Удивительно странная моя судьба. Мнѣ теперь тридцать пять лѣтъ, и я совершенно изможденъ жизнью. Но даже во время моей первой молодости для меня не существовало обаянія женской ласки. Можетъ-быть, вслѣдствіе особенной болѣзненности организма я въ ней никогда и не нуждался. Когда женщины избѣгали всякой встрѣчи со мной, всегда отличавшимся выдающимся безобразіемъ, то это не только не оскорбляло моего самолюбія, а скорѣе радовало. Я никогда не зналъ женщины, не зналъ ни поцѣлуевъ, ни пожатій рукъ, ни влюбленныхъ взглядовъ. И вотъ, какъ будто бы удовлетворяя чувство справедливости, судьба послала мнѣ самое чистое, невѣроятно высокое счастье, которому, конечно, ничего подобнаго не испытываютъ

всѣ осквернившіеся нечистой любовью къ женщинѣ. Но это еще не все: я знаю, я предчувствую, что для меня здѣсь скрываются еще бо̀льшія наслажденія, но до времени одѣты тайной! Ахъ! Теперь я закончилъ формовку въ гипсѣ, и она лежитъ передо мною ослѣпительно-бѣлая.

15-го декабря. Позабылъ въ дневникѣ проставлять числа; впрочемъ, до того ли мнѣ было. Сегодня хозяйка грустнымъ голосомъ объявила мнѣ: такъ какъ у насъ сегодня 15-е декабря, то изъ этого слѣдуетъ, что я ровно три мѣсяца не платилъ за квартиру. Бѣдная женщина, кажется, жалѣетъ меня и отчасти немножко побаивается. Впрочемъ, что̀ же тутъ мудренаго: не даромъ же въ языкѣ простонародья названія артистъ и художникъ сдѣлались синонимами или сумасшедшаго, или жулика.

Я пишу, и меня безпокоитъ весьма странное обстоятельство: я забываю нѣкоторыя буквы, и припомнить ихъ сто̀итъ мнѣ большого труда. Отчего это? Но это не важно! Мнѣ пришла въ голову одна очень богатая мысль. Если пословица разрѣшаетъ каждому барону имѣть свою фантазію, то кто же можетъ запретить разъ во всю жизнь побаловаться ею свободному художнику? Я придумалъ вотъ что̀... Не помню, писалъ ли я въ дневникѣ или нѣтъ о томъ снѣ, когда я «ее» увидѣлъ въ первый разъ въ гробу? Кажется, что писалъ! Я хочу цѣликомъ возстановить въ дѣйствительности это первое впечатлѣніе, т.-е. положить ее въ хорошій сосновый гробъ, обитый темнымъ бархатомъ и устланный зеленью. Только, гдѣ достать денегъ?

16-го декабря. Сегодня ко мнѣ зашелъ Сливинскій, мой коллега по академіи. Это очень странный человѣкъ. На первый взглядъ онъ производитъ впечатлѣніе помѣшаннаго: волосы у него постоянно взъерошены, взглядъ то блуждаетъ безъ цѣли, то вдругъ неподвижно

и пристально останавливается на лицѣ собесѣдника, котораго однакоже въ это время Сливинскій не видитъ и не слышитъ, занятый своими мыслями. Иногда онъ внезапно прерываетъ ваши слова какимъ-нибудь вопросомъ, который не имѣетъ ничего общаго съ происходившимъ разговоромъ, а является результатомъ его собственныхъ размышленій. Онъ ужасно разсѣянъ, страстно любитъ женщинъ, чѣмъ часто бываетъ мнѣ противенъ, и всюду ищетъ приключеній. Въ жизни онъ совершенный ребенокъ, и, если въ его присутствіи разговоръ заходитъ о житейской прозѣ, Сливинскій молча грызетъ ногти. Его конекъ — психологія вообще и психологія женскаго сердца въ особенности. Я люблю изрѣдка съ нимъ разговаривать, потому что мнѣ иногда приходятъ въ голову такія удивительныя мысли, которыя всякому, кромѣ Сливинскаго, покажутся сумасшедшими. Но онъ меня понимаетъ съ полуслова и даже знаетъ напередъ, что̀ я скажу, — это у него какой-то необыкновенный даръ. Временами же, когда намъ особенно часто приходится видаться, мы такъ глубоко залѣзаемъ другъ другу въ самые сокровенные уголки души и выкапываемъ оттуда такую дрянь, что становимся злѣйшими врагами. Я услышалъ его голосъ еще на лѣстницѣ и хотѣлъ-было послать сказать, что меня нѣтъ дома, но было уже поздно: я едва успѣлъ стащить съ кровати простыню и покрыть Психею. Ни одинъ человѣкъ, покуда я живъ, не увидитъ ея!

— Что̀ у тебя за видъ такой?—спросилъ Сливинскій, не успѣвъ еще поздороваться и разглядывая самымъ безцеремоннымъ образомъ мою фигуру.

— То-есть, какъ это какой видъ? Рога у меня, что ли, на лбу выросли? — спросилъ я нарочно грубо, чтобы отвлечь его отъ этого щекотливаго направленія.

— Нѣтъ, не рога. Рога — это бы еще куда ни шло, а

вотъ лицо у тебя какъ выжатый лимонъ стало, а подъ глазами синяки. — Я молчалъ. — А знаешь, братъ, что?— вдругъ быстро и волнуясь спросилъ Сливинскій: — тебѣ не приходитъ въ голову, что ты скоро долженъ умереть?

— Перестань, пожалуйста.

— Ты не вѣришь? Но я въ твоемъ лицѣ ясно вижу черты особенной духовной красоты. Понимаешь? Я часто наблюдалъ, когда лежалъ въ клиникѣ: у нервныхъ людей за нѣсколько недѣль до смерти видно, какъ духъ, освобождаясь, разрушаетъ свою темницу. Впрочемъ, бросимъ объ этомъ. Чѣмъ ты теперь занимаешься? Работаешь?

Ага! Мнѣ приходится хитрить! Впрочемъ, я раньше зналъ, что такъ будетъ. И я отвѣчалъ такъ равнодушно, что даже самъ себѣ удивился: ни одинъ талантливый актеръ не овладѣлъ бы тономъ такъ естественно:

— Вотъ лежу на диванѣ, понемножку думаю о безсмертіи, съ хозяйкой по вечерамъ бесѣдую; вообще провожу время занимательно и не безъ пользы.

Сливинскій уперся въ мое лицо своимъ тяжелымъ взглядомъ.

— Все это ты врешь, братецъ, — заключилъ онъ внезапно: — у тебя теперь внутреннее кипѣніе идетъ. Ну, да ладно, на откровенность я не напрашиваюсь. Я къ тебѣ вотъ зачѣмъ пришелъ: представь себѣ, спиритизмъ, если съ нимъ поближе познакомиться, вовсе оказывается не такое шарлатанство, какъ о немъ протрубили!..

И онъ со свойственнымъ ему пыломъ и краснорѣчіемъ началъ излагать свою невѣроятно-смѣлую, но въ то же время не лишенную остроумія теорію медіумизма.

Воспользовавшись его минутной остановкой, я спросилъ:

— А ты что же дѣлалъ за это время? Что ты мнѣ о себѣ ничего не разскажешь?

— Я палецъ о палецъ не ударилъ, — отвѣчалъ Сливинскій, необыкновенно быстро оставивъ своихъ стучащихъ духовъ. — И знаешь почему? Во-первыхъ, потому, что у меня оказывается призваніе вовсе не къ скульптурѣ, а къ женщинамъ; любовь къ женскому тѣлу, должно-быть, и заставила меня заниматься нашимъ искусствомъ. А во-вторыхъ, и это я уже говорю совершенно серьезно, наше съ тобой искусство — страшно бѣдное искусство: оно холодно, какъ мраморъ, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, и такъ же чисто. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, скульпторъ, которому предстоитъ создать что-нибудь безсмертное, долженъ быть такимъ отшельникомъ и психопатомъ, какъ ты...

Удивительная странность: этотъ человѣкъ всегда высказываетъ то, о чемъ я думаю, но не рѣшаюсь выразить словами, не даромъ же я его называю своею совѣстью. Интересно только, какими различными путями приходимъ мы къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

— Знаешь ли, — продолжалъ между тѣмъ Сливинскій, и я сразу, по нѣжнымъ тонамъ, зазвучавшимъ въ его голосѣ, узналъ, что онъ заговоритъ о своемъ любимомъ предметѣ: — изъ меня, пожалуй, могъ бы выйти какой-нибудь прокъ раньше, но теперь я такъ опустился нравственно, что погибъ для искусства. Меня не удовлетворяетъ эта строгая чистота линій, этотъ безжизненный гипсъ. Живописцемъ я еще могъ бы, пожалуй, сдѣлаться, но потому, что у живописца въ распоряженіи краски, цвѣта, оттѣнки. Живопись чувственнѣе. Но я не хочу приписываться ни къ какому цеху. Молодость дается человѣку одинъ только разъ и ужъ, конечно, не для того, чтобы погубить ее, погрузившись, какъ это сдѣлалъ ты, съ ногами и руками въ одно искусство. А смѣшивать два эти ремесла есть тьма охотниковъ — я не изъ ихъ числа. Я не знаю, что съ собой самимъ дѣлать, но зато на-

слаждаюсь мудро всѣми дарами, которые доставляетъ человѣку благая природа и его изощренный умъ, причемъ на первомъ планѣ, конечно, ставлю женщинъ и женщинъ.

— И ты думаешь, тебѣ это «ремесло» не надоѣстъ?

— Никогда! Видишь ли, голубчикъ, я принадлежу къ числу тѣхъ избранниковъ, которые развили въ себѣ такую тонкую и чуткую воспріимчивость, что наслаждаются больше деталями, аксессуарами, такъ сказать, любви, чѣмъ самой любовью въ грубомъ смыслѣ. А такъ какъ эти аксессуары такъ же безконечно разнообразны, какъ разнообразны характеры человѣческіе, то, слѣдовательно, для меня будетъ всегда существовать прелесть новизны. Эхъ! Жаль, что ты выродокъ какой-то и не сможешь понять меня. Знаешь ли ты, напримѣръ, сколько тайной неуловимой прелести заключаетъ въ себѣ постепенное сближеніе съ женщиной: эти робкіе намеки въ то время, когда глаза сказали все, эти ссоры и подавляемыя вспышки ревности, это первоначальное замѣшательство... Да ты, впрочемъ, ничего не понимаешь.

— Отлично понимаю, что это только гастрономическій развратъ! — перебилъ я съ неудовольствіемъ.

Сливинскій поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ. Онъ какъ будто не считалъ меня возможнымъ на такое возраженіе.

— Можетъ-быть, ты и правъ, — протянулъ онъ задумчиво, но тотчасъ же снова весь оживился. — Да! Но сколько въ этомъ развратѣ борьбы, сколько разъ приходится напрягать всѣ способности ума, всю силу воли! Послушай! Ты знаешь, до чего можетъ дойти воля человѣка? Думалъ ты объ томъ когда-нибудь?

На этотъ разъ я замѣтилъ, что Сливинскій съ интересомъ ожидаетъ моего отвѣта.

— Я не ручаюсь, вполнѣ ли я понялъ твой вопросъ, — отвѣчалъ я: — но если ты, такъ же, какъ и я, подъ по-

нятіемъ о волѣ подразумѣваешь всякое хотѣніе жизни, то вѣдь тебѣ должно быть извѣстно, что я всегда ставилъ человѣку въ заслугу возможно большее отрицаніе этой самой воли.

— Ахъ, оставь ты въ покоѣ прахъ своего Шопенгауэра! — досадливо воскликнулъ Сливинскій. — Я тебя спрашиваю про волю въ житейскомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ силы самыхъ прозаическихъ желаній. По-моему, эту силу желанія каждый человѣкъ, даже и мы съ тобой, можемъ довести до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что для насъ въ мірѣ ничего не будетъ невозможнаго!

Оказывается, по мнѣнію Сливинскаго, волю можно развить путемъ постоянной упорной гимнастики, состоящей въ томъ, что ежеминутно дѣлать все противно своему желанію. Если мнѣ ѣсть въ данную минуту хочется—я долженъ терпѣть до крайности, хочется лежать—долженъ ходить, люблю спать на мягкомъ—долженъ пріучить себя спать на камняхъ, и т. д. Затѣмъ, когда человѣкъ совершенно подчинитъ себѣ такимъ порядкомъ свою волю, то всѣ окружающіе его, не только люди, но даже и животныя, невольно и незамѣтно начнутъ подчиняться силѣ его желаній. Тогда для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго, кромѣ препятствій, представляемыхъ временемъ.

— Понимаешь ли, — горячился Сливинскій: — что, настойчиво и неутомимо преслѣдуя одну идею, я могу не только папой римскимъ или китайскимъ императоромъ сдѣлаться, но даже величайшимъ геніемъ или ученымъ. Слыхалъ ли ты о томъ, какъ одинъ негръ, безграмотный рабъ, довелъ свою память до такой остроты путемъ упражненія, что могъ повторить наизусть около пятисотъ продиктованныхъ ему восьмизначныхъ цифръ? Да это что еще! Я тебѣ приведу лучшіе примѣры. Ты думаешь, почему Наполеонъ изъ простого поручика сдѣлался вели-

чайшимъ въ исторіи императоромъ? Ты думаешь — одно счастье? Да, конечно, отчасти и счастье, потому что съ его предпріятіями нерѣдко совпадали благопріятныя комбинаціи случайностей, но главнымъ образомъ — сила желанія. Тамъ, гдѣ мы съ тобой десятки тысячъ разъ упустимъ изъ рукъ нашъ случай, человѣкъ, твердо рѣшившійся, воспользуется имъ, не останавливаясь ни передъ рискомъ, ни передъ святостью традицій, ни передъ сотнями кровавыхъ жертвъ! Сила желанія и увѣренность! Это — все, это — знаменитый Архимедовъ рычагъ. Въ священномъ писаніи сказано, что имѣющій вѣру въ горчичное зерно можетъ сдвинуть съ мѣста гору. И это доступно всякому необыкновенно напряженному желанію. Исцѣляютъ же факиры больныхъ и воскрешаютъ покойниковъ!..

Я не узнавалъ Сливинскаго: онъ весь точно выросъ и похорошѣлъ, глаза его горѣли огнемъ вдохновенія, и голосъ звучалъ сурово и настойчиво.

— Отчего же ты въ такомъ случаѣ со своей странной теоріей остаешься до сихъ поръ простымъ шалопаемъ?— спросилъ я черезъ нѣкоторое время.

— Отчего? Оттого, что не хочу, но я испробовалъ мою волю надъ женщинами, къ чему собственно и клоню рѣчь. Запомни это великое изреченіе,— со временемъ, когда ты будешь писать обо мнѣ свои воспоминанія, оно тебѣ пригодится: нѣтъ такого мужчины, который, владѣя гибкой и сильной волей, не покорилъ бы себѣ любой женщины. И не только женщины съ больнымъ воображеніемъ или съ тѣмъ, что зовется темпераментомъ, но даже неприступной, какъ богиня, и холодной, какъ статуя.

— По-твоему, пожалуй, и настоящую статую можно также загипнотизировать?

Я чувствовалъ, предлагая этотъ вопросъ, какъ поблѣд-

нѣли мои щеки. Точно заглянулъ въ черную пропасть: и жутко и весело!

— Можно, — серьезно отвѣчалъ Сливинскій.—Ты вспомни миѳъ о Галатеѣ, а вѣдь, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного миѳа безъ основанія. Да я тебѣ уже сказалъ разъ, что нѣтъ ничего невозможнаго для сильной воли. Наконецъ, если ты и не оживишь статую, то ты самъ, понимаешь, самъ повѣришь, что сдѣлалъ это.

Сливинскій скоро сталъ прощаться и, уходя, спросилъ:

— Что это у тебя покрыто простыней? Можно взглянуть?

Если бы я кинулся на него и схватилъ бы его за горло, какъ мнѣ хотѣлось это сдѣлать въ первую минуту, то этотъ диковинный человѣкъ, пожалуй, насильно добрался бы до моей тайны. Но я не двинулся съ мѣста, протянулъ ему для прощанья руку и отвѣтилъ, собравъ все присутствіе духа:

— Такъ, труха разная валяется.

Однако я и не подозрѣвалъ никогда въ себѣ такого запаса хитрости и самообладанія! Тотчасъ по уходѣ Сливинскаго сдѣлалъ ширмы изъ простынь и занавѣсилъ ими тотъ уголъ.

Числа нѣтъ. Голова моя кружится, руки дрожатъ и отказываются повиноваться. Не знаю, буду ли я въ состояніи собрать мысли, чтобы связно передать все случившееся.

Когда наступила ночь, я опустилъ занавѣску и зажегъ лампу. Въ комнатѣ сразу стало какъ-то строго и таинственно. Глаза мои не могли оторваться отъ бѣлыхъ ширмъ, загораживающихъ уголъ: казалось, за ними происходила какая-то неслышная и незримая жизнь. Меня неудержимо тянуло за эти ширмы, но я медлилъ и, охваченный лихорадкой, старался растянуть это жгучее ожиданіе какъ можно дольше.

Наконецъ волненіе мое возросло до нестерпимости, и я рѣшился.

Глубоко затаивъ дыханіе, осторожными, неслышными шагами подошелъ я къ простынямъ, спускавшимся съ потолка, и раздвинулъ ихъ дрожащей рукой. Въ этой маленькой внутренней комнаткѣ въ три шага въ квадратѣ была сладкая и чуткая тишина, какая можетъ быть только въ святилищѣ. Она лежала на широкомъ, грубомъ холстѣ, съ ногъ до головы укрытая простыней, слабо обрисовывавшей ея чудныя формы. Она лежала на спинѣ, нѣсколько согнувъ лѣвую ногу. Голова ея, склоненная немного на бокъ, покоилась на лѣвой рукѣ, а правая небрежно спускалась на землю.

Я не скажу, чтобы мнѣ было страшно; если бы она въ эту минуту поднялась со своего каменнаго ложа и обратилась ко мнѣ со словами, я не испугался бы: я даже какъ будто ожидалъ того. Но я съ трудомъ владѣлъ своими членами; они отяжелѣли, точно насыпанные пескомъ, въ глазахъ чрезвычайно быстро мелькало множество мелкихъ блестящихъ точекъ...

И вотъ, хотя я и все время строго слѣдилъ за своими ощущеніями, я явственно замѣтилъ, что простыня, покрывающая возвышеніе груди, медленно опускается и поднимается, колеблемая тихимъ дыханіемъ. Сердце мое билось въ груди, какъ барабанъ, и все время ныло какой-то томительной, сладостной болью... Затѣмъ я теряю нить. Помню только, какъ я тихо опустился на колѣни, склоняясь головой къ полу, какъ осторожно приподнялъ уголокъ простыни, какъ приблизилъ свои губы къ ея ногѣ... Но, когда я ощутилъ губами ея холодное тѣло, — нестерпимо-сладкая боль около сердца вдругъ мгновенно вспыхнула и разрослась, какъ пламя, облитое спиртомъ... На секунду у меня мелькнула мысль, что это смерть. Должно-быть, со мной былъ обморокъ, потому

что, когда я открылъ глаза, то сквозь щели занавѣсокъ уже брезжилъ утренній свѣтъ.

Что̀ же все это значитъ? Или правъ былъ Сливинскій, говоря, что я долженъ скоро умереть? Ну, что̀ же? Я готовъ встрѣтить смерть, какъ любимую гостью, потому что послѣ того мига наслажденія, который мнѣ доставила прошедшая ночь, развѣ можетъ жизнь увлечь меня чѣмъ-нибудь? Ахъ! Какъ я благословляю то, что̀ мнѣ въ дѣтствѣ казалось такимъ ужаснымъ несчастіемъ, что̀ заставляло моихъ товарищей всегда отворачиваться съ презрѣніемъ отъ меня! Оно одно только сберегло меня отъ растлѣнія и, лишивъ главной человѣческой радости, дало судьбѣ возможность съ избыткомъ вознаградить меня.

Числа нѣтъ. Сегодня я первый разъ за два мѣсяца вышелъ на улицу. Должно-быть, я производилъ на прохожихъ весьма странное впечатлѣніе, потому что всѣ они удивленно оглядывали меня съ ногъ до головы. Морозный воздухъ совсѣмъ опьянилъ меня, глаза слипались отъ сверкавшаго на солнцѣ снѣга, а ноги, отвыкшія отъ ходьбы, подгибались и шатали во всѣ стороны мое слабое тѣло. Кромѣ того, надо полагать, что мое пальто съ приставшимъ къ нему пухомъ и съ ватой, обильно вылѣзшей изъ дыръ, довершало общее впечатлѣніе. Проходилъ напрасно цѣлый день и не досталъ ни копейки. Придется отложить мысль о гробѣ. Господи! Что̀ со мною дѣлается?

То же. Почему у меня не идутъ изъ ума горячечныя рѣчи Сливинскаго? Цѣлый день я о нихъ думалъ и прихожу къ такимъ выводамъ, которые меня самого пугаютъ. Сливинскій говорилъ, что для воли нѣтъ невозможнаго. Нужно, слѣдовательно, только умѣть напрягать эту волю, умѣть желать настойчиво, страстно, неутомимо! Я отлично сознаю, что не можетъ вещь, сдѣланная изъ камня, сама, по собственному побужденію встать съ мѣста и подойти ко мнѣ. Но вѣдь странствуютъ же загипнотизированные

субъекты по морямъ и лѣсамъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ? Стало-быть, испытываютъ же люди то, чего, въ сущности, нѣтъ и что̀ испытано быть не можетъ. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ самъ чортъ ногу сломитъ!

То же. Я опять проснулся среди ночи отъ неожиданнаго толчка и быстро сѣлъ на постели. Луна свѣтила необыкновенно ярко, и, казалось, въ ея лучахъ проносился однообразный журчащій шопотъ.

Видѣлъ ли я во снѣ что-нибудь, или раньше, еще днемъ, думалъ о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, но мнѣ казалось, что забылъ нѣчто очень важное, и все старался припомнить. И вдругъ, точно молнія, мой мозгъ озарила страшная мысль: «надо умѣть желать». Я съ большимъ трудомъ поднялся съ кровати и опять съ тѣмъ же сладкимъ замираніемъ въ сердцѣ прокрался за перегородку. Отъ хо́лода, волненія и слабости мое тѣло шаталось и трепетало, челюсти часто и непріятно дрожали и стучали другъ о друга. Осторожно и медленно, боясь потревожить чуткій сонъ Психеи, стащилъ я съ нея простыню; она не шевельнулась ни однимъ мускуломъ, и только грудь ея едва замѣтно поднималась и опускалась.

О, сколько всемогущей красоты было въ ея спокойномъ лицѣ, въ нѣжномъ, полупрозрачномъ, нагомъ тѣлѣ! Я собралъ весь запасъ силы воли и, сжавъ кулаки такъ крѣпко, что ногти вошли въ мясо ладони, я до боли стиснулъ зубы и сказалъ повелительно и увѣренно: «Проснись!»

И вдругъ, среди жужжащей тишины раздался глубокій, прерывистый вздохъ. Неподвижное лицо оживилось улыбкой, глаза открылись и нѣжно встрѣтились съ моими глазами! Блаженное и острое ощущеніе около сердца опять вырвалось и хлынуло по всему моему существу чудовищнымъ потокомъ. Я закричалъ и рухнулъ внизъ; но, прежде чѣмъ лишиться сознанія, я почувствовалъ, какъ

холодныя, обнаженныя руки сомкнулись у меня на шеѣ.

То же. Я не понимаю, что̀ значитъ эта мрачная комната съ рѣшеткой, изъ-за которой выглядываютъ какія-то странныя усатыя лица! Или это та самая темница, изъ которой, какъ говорилъ Сливинскій, долженъ освободиться мой духъ?

То же. Боже мой! Какъ трудна побѣда! Временами я бьюсь головой въ стѣны моей темницы, рву на себѣ волосы, вырываю изъ своего лица куски мяса.

Когда же все это кончится?

Число не проставлено. Побѣда! Руки не повинуются мнѣ больше, легкія съ каждымъ дыханіемъ захватываютъ все меньше и меньше воздуха. Но въ недосягаемой высотѣ, сквозь волны лучезарнаго свѣта, я уже вижу твою нѣжную улыбку, мое божество! Моя Психея!

ПЕРВЫЙ ВСТРѢЧНЫЙ.

Ялта, 22 августа 19** г.

Милостивая государыня!

Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее письмо удивитъ васъ или даже, можетъ-быть, раздосадуетъ. Конечно, ничто не мѣшаетъ вамъ бросить его въ каминъ не читая, но, во всякомъ случаѣ, я прошу васъ прежде поглядѣть на конвертѣ штемпель мѣста отправленія. Вы увидите, что это письмо писано за двѣ тысячи верстъ слишкомъ отъ васъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что я открыто подписываю внизу свое имя и фамилію, можетъ вамъ послужить ручательствомъ, что вы не сдѣлались въ данномъ случаѣ предметомъ ни мистификаціи, ни шантажа, ни интриги, ни тѣмъ болѣе — какихъ-нибудь безумныхъ надеждъ съ моей стороны

...Это случилось въ Петербургѣ, ровно четыре года тому назадъ, 22-го августа 18** года. О, даже умирая, я вспомню это число и этотъ ненастный, мокрый и холодный вечеръ! Въ воздухѣ висѣлъ густой туманъ, и въ двадцати шагахъ глазъ ничего не разбиралъ. Огни электрическихъ фонарей казались издали большими радужными пятнами. Отовсюду, и справа и слѣва, слышалось шлепанье невидимыхъ экипажей. Изрѣдка сѣрую мглу быстро прорѣзали два желтыхъ огненныхъ пятна— это проѣзжала карета. Гдѣ-то съ неумолкаемымъ зво-

номъ влачилась конка, но ея не было видно. Я безцѣльно бродилъ по улицамъ, изрѣдка останавливаясь передъ освѣщенными окнами. Иногда я простаивалъ передъ ними до десяти минутъ и болѣе, охваченный страннымъ, мечтательнымъ любопытствомъ. Особенно привлекали меня квартиры съ богатой обстановкой: съ люстрами, коврами, зеркалами, цвѣтами и шелковой мебелью. Я былъ тогда бѣденъ и одинокъ (какъ и теперь, впрочемъ). Мыканье по урокамъ, жизнь въ меблированныхъ комнатахъ и дешевые обѣды подточили мое здоровье, а вѣчное одиночество сдѣлало меня дикимъ и нелюдимымъ мечтателемъ. И вотъ именно этой-то чудовищной мощи мечты я и былъ обязанъ тѣми наслажденіями, которыя я испытывалъ, стоя передъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ, затерянный среди ночи и тумана и равнодушной суеты столичнаго города. Я жилъ двумя жизнями. Днемъ— робкій и неуклюжій съ ненавистнымъ мнѣ самому лицомъ, въ картонной манишкѣ и въ панталонахъ, висящихъ внизу бахромой, какъ шерсть у запущеннаго пуделя,— днемъ я заискивалъ передъ швейцарами, тщательно пряталъ подъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, свои дырявые сапоги, страдалъ, когда мнѣ пренебрежительно не подавали руки, и стыдливо избѣгалъ людныхъ улицъ. Но зато вечеромъ, подъ моими любимыми окнами—о! вечеромъ я бывалъ и ловокъ, и красивъ, и уменъ. Я одерживалъ побѣды надъ женщинами и вліялъ на биржу. Какія у меня были лошади и какой великолѣпный столъ!.. Я входилъ въ эти прекрасныя комнаты, освѣщенныя канделябрами и насыщенныя теплымъ ароматомъ духовъ и растеній: эти комнаты принадлежали мнѣ. Я игралъ вонъ съ тѣми тремя стариками аристократическаго типа въ карты, и мы, не спѣша, обмѣнивались важными изысканными выраженіями. Я очаровывалъ общество пѣніемъ, стоя вонъ у того раскрытаго рояля. Я бывалъ то мужемъ, то жени-

хомъ, то любовникомъ всѣхъ этихъ красивыхъ женщинъ съ размѣренными движеніями, утопающихъ въ кружевахъ и полулежащихъ на причудливо-изогнутой мебели. Женщины въ такіе вечера особенно сильно овладѣвали моимъ воображеніемъ. А днемъ я ни за что не осмѣлился бы сказать любезность простой судомойкѣ.

Впрочемъ, я отвлекся въ сторону. Прошу простить меня за невольное отступленіе и продолжаю. На углу Литейной и Невскаго, стояла неподвижно около фонаря какая-то неясная, благодаря туману, фигура. Я подошелъ ближе и остановился въ изумленіи. Не то поразило меня, что это была женщина—кто же не знаетъ, какъ много и какихъ именно женщинъ высылаютъ въ такую пору на улицы Петербурга легкомысліе, обманъ и нищета? Но какъ могла очутиться именно такая женщина, въ грязный осенній вечеръ, на людномъ городскомъ перепутьѣ и одна, совершенно одна—безъ спутника, безъ провожатаго или безъ лакея? Это было для меня такъ же удивительно и такъ же непонятно, какъ если бы зимою среди поля я увидалъ лежащую на снѣгу красную розу. Въ ея высокой фигурѣ, въ позѣ, въ каждой складкѣ ея темнаго платья чувствовалась женщина высшаго свѣта, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ въ такой вечеръ можно увидѣть только въ тотъ моментъ, когда, выйдя изъ кареты, онѣ торопливо и легко проходятъ по красному сукну освѣщеннаго подъѣзда между двумя рядами большихъ растеній въ кадкахъ, оставляя за собой едва уловимый запахъ духовъ. И не я одинъ это чувствовалъ. Мимо незнакомки, покамѣстъ я наблюдалъ ее, прошло нѣсколько уличныхъ шатуновъ въ подвороченныхъ панталонахъ и съ папиросками въ зубахъ. Но никто не осмѣлился подойти къ ней, ни у одного изъ нихъ не хватило смѣлости заговорить съ этой женщиной.

Она была, повидимому, чѣмъ-то взволнована. Нѣсколько

разъ она нетерпѣливо повертывала голову то въ одну, то въ другую сторону и время отъ времени нервно стучала зонтикомъ по грязнымъ плитамъ мостовой.

Сначала я подумалъ-было, что она кого-нибудь дожидается, — конечно, возлюбленнаго. Но я тутъ же отбросилъ эту мысль, вспомнивъ обстановку адюльтера изъ безчисленнаго множества поглощенныхъ мною французскихъ романовъ. Тамъ, обыкновенно, la petite baronne de-Coussy, назначивъ свиданіе своему Raymond'у, ѣдетъ сначала въ собственной каретѣ, выходитъ изъ нея въ отдаленномъ пунктѣ города, затѣмъ, отославъ кучера, нанимаетъ фіакръ и только такимъ путемъ попадаетъ наконецъ въ nôtre petit nid, которое съ такимъ вкусомъ меблировано очаровательнымъ Raymond'омъ. Тѣмъ болѣе, что, если бы она ждала кого-нибудь, она непремѣнно поглядывала бы довольно часто на часы. Но, можетъ-быть, она въ горѣ? въ нуждѣ? въ затрудненіи?

И вдругъ, толкаемый какой-то пружиной, я подошелъ къ незнакомкѣ и приподнялъ шляпу. Отъ испуга передъ собственнымъ поступкомъ, я почувствовалъ, какъ сердце у меня забилось, а во рту пересохло. Однако я нашелъ въ себѣ силу, чтобы пролепетать:

— Простите мою смѣлость, сударыня, но я вижу, что вы находитесь въ затрудненіи... Можетъ, вы заблудились?.. Не могу ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ?

Она посмотрѣла на меня... Нѣтъ, не посмотрѣла, а именно, какъ говорится въ романахъ, «смѣрила съ ногъ до головы», смѣрила долгимъ и молчаливымъ взглядомъ и вдругъ произнесла тономъ рѣшимости, не поддающимся никакому описанію:

— Вы или другой... все равно!..

И, быстро взявъ меня подъ руку, она прибавила почти повелительно:

— Идемте.

На углу, какъ разъ около того мѣста, гдѣ мы разговаривали, стоялъ извозчикъ. Я вспомнилъ о томъ, что у меня въ карманѣ болтаются два рубля съ мелочью, предназначенные на уплату части квартирнаго долга.

— Не удобнѣе ли будетъ вамъ поѣхать на извозчикѣ?— спросилъ я.

Не отвѣчая ни слова на мой вопросъ, незнакомка поспѣшно вскочила въ пролетку. Я стоялъ въ замѣшательствѣ рядомъ. Она лѣвой рукой подобрала подъ себя платье и нетерпѣливо воскликнула:

— Да садитесь же наконецъ!

Я поспѣшно повиновался.

— Куда прикажете? — спросилъ извозчикъ, перегибаясь съ козелъ.

— Куда прикажете? — повторилъ я, какъ эхо.

Боже мой! Какое прекрасное и гнѣвное лицо вдругъ обернулось ко мнѣ.

— Развѣ мнѣ это не все равно? Куда вы возите этихъ...—она запнулась и выговорила съ брезгливымъ подчеркиваніемъ: — ...этихъ, вотъ этихъ женщинъ?

Я велѣлъ извозчику ѣхать прямо. Мы миновали Литейную, миновали еще какую-то улицу. Она молчала, а я, боясь съ ней заговорить, недоумѣло соображалъ — кто же моя загадочная спутница: морфинистка, безумная, или пріѣзжая и обобранная кѣмъ-нибудь женщина, не знающая города и оставшаяся безъ средствъ? Можетъ-быть, она потрясена какимъ-нибудь слишкомъ сильнымъ горемъ? Можетъ-быть, она потребуетъ въ чемъ-нибудь помочь ей? Но — клянусь Богомъ — ни одна нехорошая мысль не приходила мнѣ въ голову. Нѣсколько разъ незнакомка дѣлала жесты, по которымъ я могъ судить о ея нетерпѣніи.

Вдругъ она отрывисто спросила:

— Что же, скоро мы пріѣдемъ?

— Простите меня... я... я, право... я не совсѣмъ понялъ васъ... я вѣдь не знаю, куда вамъ угодно.

Она со злостью ударила рукой по зонтику.

— Ахъ, Господи!.. Я вамъ сказала уже, что не знаю вашихъ грязныхъ притоновъ...

Въ это время мы проѣзжали мимо вывѣски. Висѣвшій надъ ней фонарь позволялъ прочитать: «Номера Занзибаръ, помѣсячно и посуточно».

— Вотъ гостиница, — сказалъ я робко.

Она безмолвно наклонила голову и совсѣмъ отъ меня отвернулась. Я остановилъ извозчика. Дверь на блокѣ пронзительно и протяжно завизжала. Передъ нами круто подымалась узкая деревянная лѣстница съ грязной полотняной дорожкой, а вдоль нея на стѣнѣ были нарисованы какія-то деревья, около нихъ— барашки.

Пахло щами и керосиновымъ газомъ. Я закричалъ изо всѣхъ силъ: «Коридорный!». Мнѣ отвѣтилъ звонкій резонансъ, но никто не явился на мой зовъ. Я оглянулся на свою даму: она не глядѣла на меня, и мнѣ казалось, что она дрожитъ. Тогда я закричалъ громче прежняго: «Номерной! Швейцаръ!».

На этотъ разъ на лѣстницѣ показался босой парень, заспанный и опухшій, въ красной рубахѣ, выпущенной изъ-подъ жилета. Онъ нехотя спустился до половины лѣстницы, остановился, почесалъ одной ногой другую, потомъ почесалъ лохматую голову и, не раскрывая слипшихся глазъ, спросилъ сиплымъ голосомъ:

— Что нужно?

— Есть номера свободные?

— Есть. Вамъ большой номеръ?

— Все равно, только скорѣе!

Онъ повернулся и, лѣниво сказавъ: «пожалуйте», сталъ подыматься вверхъ. Я въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на

незнакомку, и какъ будто бы она на этотъ вопросительный взглядъ съ какой-то вызывающей смѣлостью побѣжала по ступенямъ. Я пошелъ сзади. Она была безъ калошъ; уличная грязь забрызгала ея узенькія лакированныя туфельки, низъ черной юбки и ажурные чулки, и — странно — это мелочное наблюденіе наполнило мое сердце невыразимой жалостью...

Босой парень ждалъ насъ у двери номера съ огаркомъ въ рукахъ.

Мы вошли. Теперь, когда я пишу эти строки, передо мной съ безпощадной ясностью возстаетъ пошлая обстановка этого «номера» (какъ теперь помню — десятаго): прямо передъ дверью въ наклонномъ положеніи — круглое зеркало въ облупившейся бронзовой рамѣ; подъ нимъ диванъ и два кресла, обитые темнымъ кретономъ съ большими красными цвѣтами, а между этой мебелью круглый черный столъ; направо комодъ съ пыльными графиномъ и стаканомъ на немъ; налѣво желѣзная складная кровать съ голымъ тощимъ матрацомъ; ситцевыя темныя занавѣски на окнахъ. Даже обои я помню: на грязно-зеленомъ фонѣ повторялся въ шахматномъ порядкѣ все одинъ и тотъ же рисунокъ— башня, вода и подъемный мостъ черезъ воду, а на мосту стоятъ, взявшись за руки, кавалеръ и дама въ костюмахъ Louis XIV.

Номерной явился слѣдомъ за нами, держа въ рукахъ подушку, а на ней сложенную простыню и сѣрое байковое одѣяло съ красными каймами. Бросивъ все это съ размаху на кровать, онъ вытеръ носъ ребромъ ладони и грубо спросилъ:

— На время номеръ берете или на ночь?

Я сдѣлалъ ему рукой знакъ, но онъ продолжалъ:

— Потому, если на всю ночь, такъ полиція паспортъ требуетъ, потому — строго зискуется, ежели...

— Выйдите отсюда! — произнесла вдругъ незнакомка.

Эти слова были сказаны совершенно спокойно—безъ раздраженія, безъ аффектаціи, безъ величественнаго презрѣнія, — простымъ тономъ человѣка, которому никогда еще не приходила мысль, что его требованіе можетъ остаться неисполненнымъ. И такова была сила безсознательной самоувѣренности, что наглый парень тотчасъ же съ растеряннымъ видомъ выскочилъ за дверь. Мы остались одни. Моя незнакомка стояла до сихъ поръ неподвижно передъ комодомъ, спиною къ двери. Повидимому, она никакъ не могла освоиться съ тѣмъ отвращеніемъ, которое ей внушала эта ужасная комната. Напряженное молчаніе длилось минуты двѣ или три.

Вдругъ она, слегка повернувъ ко мнѣ свою гордую голову, но не глядя на меня, спросила суровымъ голосомъ:

— Вы, конечно, знаете, зачѣмъ я съ вами сюда пріѣхала?

— Извините, ради Бога, — пролепеталъ я, заикаясь: — но я... я, право, не могу догадаться...

Она быстрыми шагами подошла почти вплотную ко мнѣ. Эти пылающіе темные глаза, эти тонкія брови, сдвинувшіяся посрединѣ лба въ гнѣвную складку, невольно заставили меня попятиться.

— Какъ! Вы не знаете? — воскликнула она, задыхаясь. — Вы не знаете?.. Вы? Вы? Мужчина?.. Лжете!!..

Я не находилъ отвѣта на эти злобные, но въ то же время и страстные вопросы... и молчалъ. Незнакомка вдругъ сильнымъ движеніемъ швырнула зонтикъ на диванъ, сбросила шляпу и дрожащими руками стала разстегивать большія перламутровыя пуговицы своей кофточки.

— Вы не знаете?.. Тѣмъ лучше! — слышалъ я отрывистыя, злобныя восклицанія. — Тѣмъ лучше!.. Ну, такъ знайте же, что мнѣ былъ нуженъ первый встрѣчный... Понимаете ли, первый встрѣчный... то-есть — вы, именно

вы!..—выкрикнула она дрожащими губами.— Нуженъ для того... для того... ха-ха... для того... ха-ха-ха-ха...

И она залилась страннымъ смѣхомъ, частымъ, тонкимъ и сначала очень тихимъ. Но потомъ, становясь все громче и громче, этотъ смѣхъ ужасомъ отозвался въ моей душѣ. Въ немъ смѣшались и хохотъ, и рыданія, и стоны, и прерывистые вздохи, отъ которыхъ стройное тѣло женщины тряслось, вздрагивало и шаталось изъ стороны въ сторону.

Растерявшійся, испуганный, потрясенный почти не менѣе ея, — я все-таки догадался слегка взять ее за талію и подвести къ креслу. Она упала въ него, откинувъ голову назадъ и закрывъ лицо руками. Я отворилъ окно. Влажный, холодный воздухъ вторгнулся въ комнату. Видя, что это нѣсколько успокоило даму, я налилъ въ стаканъ воду и предложилъ ей, говоря при этомъ какія-то несвязныя успокоительныя слова. Она отрицательно покачала головой и своей маленькой ручкой въ желтой перчаткѣ отстранила мою руку. Однако мало-по-малу припадокъ сталъ ослабѣвать, рыданія почти прекратились, и изъ-подъ рукъ, закрывающихъ лицо, слышались только судорожные вздохи. Потомъ она совсѣмъ затихла, точно собираясь съ силами, и вдругъ быстро, однимъ толчкомъ поднялась съ кресла.

— Пойдемте, — сказала она сухо, и лицо ея приняло прежнее гордое выраженіе.

Когда мы отошли шаговъ десять отъ подъѣзда, она неожиданно остановилась и, глядя мимо моей головы, холодно сказала:

— Мнѣ все равно, что̀ вы думаете обо всемъ этомъ случаѣ.. Точно такъ же я не намѣрена брать съ васъ слова, чтобы вы никому о немъ не разсказывали. Но я требую, чтобы вы не провожали меня и никогда не старались узнать мою фамилію. Слышите?

И вслѣдъ за тѣмъ, не сказавъ прощальнаго слова, даже не бросивъ на меня мимолетнаго взгляда, она быстро пошла по тротуару. Съ минуту я видѣлъ ея высокую колеблющуюся фигуру. Потомъ туманъ скрылъ ее.

Весьма вѣроятно, что для всякаго другого описываемое происшествіе имѣло бы смыслъ интереснаго приключенія, загадочной встрѣчи — и только. Для меня же оно стало громаднѣйшимъ событіемъ всей моей жизни. Ничтожное, забытое существо, червякъ, нищій, — я однако обладаю страшной силой воображенія и болѣзненной мечтательностью. Прекрасная, таинственная женщина завладѣла мною всецѣло и навсегда. Первый день я ходилъ какъ въ бреду. Я не могъ разобраться въ происшедшемъ и временами сомнѣвался: не принялъ ли я за дѣйствительность одинъ изъ моихъ нелѣпыхъ сновъ. Я даже нарочно сходилъ въ ту улицу, чтобы убѣдиться въ существованіи незнакомыхъ мнѣ прежде номеровъ «Занзибаръ». Съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй одолѣвали меня воспоминанія. Вспоминать мельчайшія мелочи этого дождливаго вечера сдѣлалось для меня наслажденіемъ и потребностью. Я думалъ о нихъ и днемъ и ночью, и утромъ и вечеромъ, и на ходу, и во время ѣды, и во время занятій, но всего сильнѣе и ярче представлялись онѣ мнѣ ночью. Я никогда не зналъ реальной любви съ ея радостями, но я слышалъ и читалъ о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ влюбленные дожидаются момента свиданія. Увѣряю васъ, съ такимъ же нетерпѣніемъ ждалъ я того времени, когда можно будетъ лечь въ постель и въ темнотѣ, въ тишинѣ, прерываемой только тиканьемъ маятника за стѣной, отдаться моимъ мечтамъ и воспоминаніямъ. О, не думайте, чтобы у меня въ эти ночи бывало мало работы! Прежде всего мнѣ никакъ не удавалось вспомнить лицо моей незнакомки. Тысячи другихъ лицъ всплывали и проносились передъ моими глазами, за-

тмевая это прекрасное лицо. Но я съ упорствомъ вызывалъ именно это лицо и такъ насиловалъ свою бѣдную голову, что она платила мнѣ жестокими болями. И я добился своего. Теперь я знаю каждую линію, самый малѣйшій изгибъ этого лица, и никакая фотографія не замѣнитъ мнѣ моей памяти. Порою я почти осязаю его. Мнѣ кажется даже, что я слышу иногда на своихъ рукахъ тонкій и нѣжный запахъ, оставшійся на нихъ послѣ прикосновенія къ одеждѣ этой женщины. Потомъ я начинаю вспоминать послѣдовательность событій. Я кропотливо, шагъ за шагомъ, постоянно возвращаясь назадъ и перебирая мелочи въ умѣ, возстановляю каждый жестъ, каждое слово, каждый поворотъ головы. Это трудно, но возможно. Помните, можетъ-быть, какъ у Мопассана въ его «Une vie» героиня линуетъ бумагу на клѣтки, сообразно съ каждымъ днемъ своей жизни, и вспоминаетъ ее всю постепенно. Съ такой же тщательностью и я воскрешаю въ умѣ вечеръ 22 августа, такъ что все написанное здѣсь мною— точно, какъ истина. Затѣмъ я стараюсь проникнуть во внутреннюю сторону событій, заглядываю въ возмущенную душу своей незнакомки и освѣщаю эту темную пропасть. Труднѣе всего то, что мнѣ приходится итти сомнительнымъ путемъ. Если бы меня спросили: какъ поступитъ такой-то человѣкъ, такого-то возраста, такого-то воспитанія или среды, при такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ — я бы отвѣтилъ съ большей или меньшей увѣренностью. Но у меня только и есть данныхъ, что поступокъ человѣка, а мнѣ по этому поступку страстно хочется узнать, какая душевная буря толкнула этого человѣка. И я разбираюсь въ тысячный разъ въ происшедшемъ. Я знаю, что моя незнакомка горда, страстна, порывиста и смѣла. Какое же сердечное потрясеніе выбросило на улицу въ грязный осенній вечеръ эту женщину, съ аристократическимъ лицомъ и повелительнымъ голо-

сомъ? Несомнѣнно, что это потрясеніе было сильнѣе самой смерти, потому что такія гордыя натуры умираютъ легче, чѣмъ переносятъ позоръ. Стало-быть, ей именно позоръ и былъ необходимъ.

О! Я ужъ понималъ теперь горькое и ужасное значеніе брошенной мнѣ фразы о «первомъ встрѣчномъ». Позоръ для другого — въ позорѣ для самой себя... Отсюда остается только одинъ шагъ до вывода, что вся ея сумасбродная выходка была дѣломъ нестерпимой ревности и неудавшейся мести. «Око за око, зубъ за зубъ» — она хотѣла отплатить тою же монетой, какой получила оскорбленіе, но—въ болѣе полной, въ болѣе ужасной мѣрѣ. Потомъ я мечталъ. Фантазія моя рисовала и роскошные сады съ журчащими фонтанами, и разбойниковъ, и похищеніе прекрасной незнакомки, и неожиданнаго спасителя, и свалившееся на голову съ неба богатство... впрочемъ, стоитъ ли объ этомъ говорить? Два года я свято исполнялъ требованія незнакомки, да и какъ я могъ узнать ея фамилію или адресъ? Но сама судьба совершенно неожиданно указала мнѣ ее. Однажды зимою я проходилъ по Англійской набережной. Изъ воротъ великолѣпнаго дома выѣхала карета, запряженная парою вороныхъ лошадей, и остановилась у подъѣзда. Изъ подъѣзда вышла дама, при видѣ которой у меня застучало въ вискахъ, я долженъ былъ схватиться за стѣну, чтобы не упасть.

...Вы, конечно, не обратили вниманія на мою жалкую фигуру въ потрепанномъ пальто и помятой шляпѣ, а я... я узналъ бы васъ только по одному волненію, которое, какъ электрическій токъ, потрясло мою душу. Я узналъ также и ваши гербы на каретѣ, и вашу фамилію, и высокое положеніе, занимаемое вашимъ мужемъ. Я узналъ все это совершенно невольно, вовсе не желая проникать въ чужую тайну.

Вскорѣ меня перевезли изъ Петербурга въ то мѣсто,

изъ котораго я теперь пишу. Уже четыре года отдаляютъ меня отъ туманнаго августовскаго вечера, но каждая черточка этого необычайнаго событія такъ же прочно и такъ же ясно живетъ въ моей душѣ. Не смѣйтесь надо мной и не сердитесь, если я наконецъ рѣшаюсь выговорить, что люблю васъ. Назовите мою любовь только безуміемъ, потому что по-своему я счастливъ и благословляю васъ за то, что вы дали мнѣ четыре года въ моей жизни, четыре года томительныхъ и блаженныхъ страданій. Въ любви только надежда и желанія составляютъ настоящее счастье. Удовлетворенная любовь изсякаетъ, а изсякнувши, разочаровываетъ и оставляетъ на душѣ горькій осадокъ... А я люблю безъ надеждъ, но все съ тѣмъ же неугасимымъ пыломъ и съ тою же нѣжностью, съ тѣмъ же безуміемъ. Я — жалкій парія, полюбившій королеву. Развѣ можетъ быть королевѣ обидна такая любовь?.. И наконецъ вы можете извинить мое сумасшедшее письмо еще и по другой причинѣ. Я пишу вамъ изъ больницы, и сегодня докторъ (старый другъ моего покойнаго отца) сказалъ мнѣ, что жить мнѣ остается не больше мѣсяца. А вѣдь трудно сердиться на умирающаго, особенно, если онъ, стоя на грани этой холодной, черной бездны, посылаетъ вамъ свое благословеніе и вѣчную благодарность.

(Имя и фамилія).

АЛЬ-ИССА.

Легенда.

За нѣсколько вѣковъ до Р. Х., въ самомъ центрѣ Индостана существовалъ сильный, хотя и немногочисленный народъ. Имя его изгладилось въ исторіи, даже священныя Веды не упоминаютъ о немъ ни одной строчкой. Но старые факиры, ревностные хранители преданій, говорятъ, что родоначальники этого народа, суровые и безстрашные люди, пришли съ далекаго Запада и въ короткое время покорили своей власти весь Индостанъ. Всѣ раджи и князья Индостана платили имъ дань, а плѣнные рабы обрабатывали ихъ землю. Они не знали ни роскоши ни страха смерти, и это дѣлало ихъ непобѣдимыми.

Этотъ могущественный народъ поклонялся живому существу — женщинѣ, которая называлась богиней смерти. Богиню смерти никто никогда не видалъ, кромѣ двухъ старѣйшихъ жрецовъ. Они же и выбирали ее тайно изо всѣхъ красивѣйшихъ дѣвочекъ, не достигшихъ еще четырехлѣтняго возраста, воспитывали ее и чудесными, однимъ имъ открытыми способами доводили ея красоту до сверхъестественнаго совершенства. Когда умирала одна богиня смерти, на мѣсто ея двое жрецовъ взводили тотчасъ же другую, но объ этомъ знали только они. Народъ вѣрилъ, что богиня — безсмертна и красота ея неувядаема.

Разъ въ пять лѣтъ, ночью, она выѣзжала изъ своего храма на гигантской колесницѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ и запряженной десятью бѣлыми слонами. Ее встрѣчалъ весь народъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ, съ зажженными факелами въ рукахъ. Восторгъ толпы доходилъ до бѣшенства. Рубили головы сотнямъ рабовъ, многіе истязали себя бичами и кривыми кинжалами, въ изступленіи бросались подъ колесницу богини, чтобы быть раздавленными слонами и колесами...

Въ одну изъ такихъ ночей жрецами и народомъ избирался для богини смерти мужъ. Только двѣнадцать часовъ былъ онъ ея мужемъ. Утромъ его на кострѣ торжественно приносили въ жертву, потому что всякій, кто хоть разъ увидѣлъ лицо богини, по законамъ подлежалъ немедленной смерти. И несмотря на это каждыя пять лѣтъ двѣнадцать славнѣйшихъ юношей обрекали себя на служеніе страшной богинѣ. Ихъ ожидали такія тяжелыя испытанія, что преданіе насчитываетъ только четырехъ героевъ, удостоенныхъ величайшей чести — умереть мужемъ богини смерти.

Аль-Иссà былъ сыномъ знатнаго раджи. Пятнадцати лѣтъ онъ уже превосходилъ всѣхъ молодыхъ людей смѣлостью, силой и красотой. Самая знатная и гордая красавица Индіи сочла бы счастіемъ назваться его женой. Но Аль-Иссà посвятилъ себя богинѣ смерти.

Онъ долженъ былъ отказаться отъ семьи. Прикосновеніе къ женщинѣ считалось для него преступленіемъ. Во всю жизнь онъ не смѣлъ ни улыбнуться, ни запѣть пѣсни... Война и атлетическія упражненія были его единственными занятіями.

И Аль-Иссà выдержалъ тяжелый искусъ. Слезы матери и сестеръ не тронули его, когда онъ уходилъ изъ своего роскошнаго дворца. При встрѣчахъ съ женщинами онъ опускалъ глаза и далеко обходилъ лучшихъ

красавицъ... Никто никогда не видалъ его смѣющимся или преданнымъ праздному разговору...

Зато скоро имя его стало приводить въ ужасъ самыхъ воинственныхъ сосѣдей. Безъ панцыря, въ одной легкой бѣлоснѣжной одеждѣ, онъ кидался въ самую густую толпу непріятелей. Туловища, разсѣченныя отъ плеча къ бедру, отрубленныя головы, руки и ноги указывали его путь. Встрѣча съ нимъ была неминуемой смертью, и закаленные враги бѣжали передъ нимъ, какъ стада овецъ, съ криками: «Аль-Иссà! Аль-Иссà!..»

Если не было войны, онъ проводилъ время на охотѣ за дикими кабанами и тиграми. Вода изъ лѣсного ручья и кусокъ хлѣба служили ему пищей, сѣдло — изголовьемъ.

Наконецъ, черезъ три пятилѣтія, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда выѣзжала на колесницѣ богиня смерти, глашатаи объявили народу имя Аль-Иссà.

Несмѣтная толпа еще съ утра стекалась на огороженную стѣною площадь передъ храмомъ, гдѣ Аль-Иссà ожидали послѣднія испытанія. Его имя было у всѣхъ на устахъ. Всѣ знали, что сама богиня смерти, невидимая никѣмъ, смотритъ теперь изъ тайной амбразуры храма на площадь.

Отмѣрили разстояніе въ двѣсти локтей, вбили въ землю щитъ съ пятью воткнутыми въ него стрѣлами и дали Аль-Иссà громадный лукъ... И Аль-Иссà при громкихъ крикахъ восторга расщепилъ своими пятью стрѣлами пять стрѣлъ на щитѣ.

Потомъ вооружили Аль-Иссà кривымъ кинжаломъ и на площадь выпустили голоднаго, разъяреннаго бенгальскаго тигра.

Аль-Иссà на глазахъ всего народа, истерзанный страшными когтями, обливаясь кровью, перерѣзалъ горло свирѣпому хищнику и наступилъ ногой на его трупъ...

Наконецъ толпа разступилась, и Аль-Иссà подвели злого варварійскаго жеребца. Дикій, черный, съ пламенными ноздрями, онъ еще никогда не носилъ на своей спинѣ оскорбительнаго бремени. Шестеро конюховъ едва удерживали его. Онъ злобно визжалъ, водилъ вокругъ огненными глазами и дрожалъ своей атласной кожей.

Аль-Иссà спокойно подошелъ къ нему и взялся за холку. Конюхи разбѣжались. Народъ въ ужасѣ и смятеніи бросился въ стороны... Въ одинъ мигъ Аль-Иссà уже сидѣлъ на конѣ. Сначала гордое животное только тряслось отъ злобы и оскорбленія... Черезъ минуту конь и всадникъ скрылись изъ глазъ народа.

Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія, когда наконецъ вдали показался Аль-Иссà на взмыленномъ и покрытомъ пылью конѣ. Варварійскій жеребецъ шатался отъ усталости, но былъ послушенъ Аль-Иссà, какъ ручная овечка.

Испытанія Аль-Иссà кончились.

Въ полночь его, одѣтаго въ драгоцѣнныя одежды, умащеннаго ароматами Востока, отвели въ храмъ и оставили одного. Онъ слышалъ на улицахъ ревъ народа, все болѣе и болѣе приближающійся къ храму. Это богиня объѣзжала городъ на своей колесницѣ, запряженной бѣлыми слонами.

Потомъ въ храмъ вошли два верховныхъ жреца — столѣтніе старцы съ волосами бѣлыми, какъ снѣгъ. Жрецы опустились передъ Аль-Иссà на колѣни, облобызали его ноги и потомъ, взявши за руки, повели въ святилище. Тамъ среди фантастической восточной роскоши возвышалось золотое ложе... Курильницы благоухали ароматами Аравіи и Персіи... причудливые фонари лили волшебный свѣтъ... въ золотыхъ клѣткахъ качались пестрыя священныя птицы, шелковыя ткани тяжелыми складками одѣвали стѣны...

Жрецы безмолвно удалились, закрывъ лица руками. Аль-Иссà ожидало блаженство и черезъ двѣнадцать часовъ — мучительная смерть.

Гдѣ-то далеко за стѣной раздалось нѣжное и сладостное пѣніе женскаго хора. Массивныя двери слоновой кости распахнулись... и медленно вошла сама богиня смерти въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, окутанная покрываломъ.

Аль-Иссà кинулся къ ней, дрожащими руками распахнулъ легкую ткань, закрывавшую лицо, и окаменѣлъ отъ ужаса и изумленія...

Передъ нимъ стояла дряхлая старуха, сморщенная, беззубая, со слезящимися глазами и потухшимъ взоромъ.

ДРУЗЬЯ.

— Васька!.. Василь Васильевичъ...

— Мм... Оставь...

— Ваше сіятельство, соблаговолите проснуться.

— Убирайся къ чорту, идіотъ...

— Имѣю честь доложить вашему сіятельству, что у сосѣдей часы только-что пробили два... Позволю себѣ напомнить вашему сіятельству, что если ваше сіятельство опоздаетъ въ ломбардъ, то панталоны вашего сіятельства придется несть въ ссудную кассу... Между тѣмъ вашей свѣтлости, конечно, небезызвѣстно, что ни одна касса въ городѣ не рѣшается принимать на храненіе этотъ предметъ, столь драгоцѣнный въ архаическомъ отношеніи.

— Отвяжись, Ѳедька... Хоть спать-то не мѣшай...

— Въ такомъ случаѣ я, ваше сіятельство, буду вынужденъ, — какъ глубоко мнѣ это ни прискорбно, — отъ мѣръ кроткаго увѣщаванія перейти къ мѣрамъ принудительнаго характера... Если ты, Васька, сейчасъ же не встанешь, я вылью тебѣ на голову воду изъ графина...

Угроза подѣйствовала. Васька поднялъ со сложеннаго вчетверо сюртука, служившаго ему вмѣсто подушки, свою лохматую черноволосую голову и спросилъ хрипло:

— А который же часъ?

— Я же тебѣ сказалъ, третій. Вставай.

— Мм... Третій?.. — Васька принялся съ закрытыми глазами, полулежа на кровати, чесать голову, потомъ волосатую грудь. Затѣмъ, сразу открывъ глаза и какъ бы окончательно проснувшись, онъ сказалъ рѣшительно:

— Ну что̀ жъ?.. Вставать, такъ вставать... Вмѣстѣ, что̀ ли, пойдемъ, Ѳедя?..

— А гдѣ же мы другое пальто возьмемъ, чтобъ итти вмѣстѣ?..

— Ахъ, да, да, дѣйствительно... Ну, такъ ты подожди, я духомъ слетаю...

Васька натянулъ уже на ногу правый сапогъ, какъ вдругъ неожиданно ударилъ себя ладонью по лбу, сдѣлалъ испуганное лицо и выразительно засвисталъ:

— Фью-ю. Вотъ тебѣ и обѣдъ...

— Что̀ такое?

— Развѣ ты вчера не видалъ на столѣ записки?

— Нѣтъ.

— Пойди, прочти.

Ѳедька, лежавшій полуодѣтымъ на длинной кровати напротивъ Васьки, подошелъ къ столу и взялъ небольшой клочокъ бумаги.

По мѣрѣ того, какъ онъ вслухъ разбиралъ наскоро набросанные карандашомъ іероглифы, лицо его омрачалось все болѣе и болѣе.

— «Не засталъ... извини... брюки... черезъ два дня... до зарѣзу... предложеніе сдѣлать... неловко... крѣпко жму... еще разъ прошу...»

— Чортъ бы его побралъ съ его предложеніемъ! — закончилъ Ѳедька энергичнымъ восклицаніемъ чтеніе записки. — Хорошій сюрпризъ устроилъ, нечего сказать!

И онъ грузно бросился на свою кровать. Васька давно уже лежалъ, закутавшись до ушей одѣяломъ.

Во всемъ господствовалъ безпорядокъ холодной ком-

наты «съ мебелью». Куски сахара валялись на залитой чернилами скатерти въ перемежку съ табакомъ; два цвѣточныхъ горшка съ чахлыми кактусами, забросанные папиросными окурками, очевидно, замѣняли собой пепельницы; разверстый настежь шкапъ зіялъ полною пустотою; на комодѣ, подъ кривымъ, засиженнымъ мухами зеркаломъ красовался чей-то порыжѣлый башмакъ въ сосѣдствѣ съ коробкою зубного порошка, восьмушкой чая и двумя пустыми пивными бутылками.

По своей профессіи Васька Кобылинъ и Ѳедька Выропаевъ были студентами академіи художествъ. Уже третій годъ жили они неразлучно вмѣстѣ, дружно раздѣляя хроническое безденежье, и обѣды греческихъ кухмистерскихъ, и холодъ нетопленныхъ квартиръ, и всяческія козни и интриги квартирныхъ хозяекъ. Оба обладали несомнѣннымъ талантомъ: Ѳедька — въ области пейзажа, Васька — въ сферѣ серьезной жанровой живописи. Товарищи называли ихъ двумя Аяксами, такъ какъ они никуда не появлялись другъ безъ друга.

Художники минутъ десять лежали молча. Наконецъ Васька первый нарушилъ молчаніе.

— Однако я голоденъ, какъ волкъ зимою, — сказалъ онъ мрачно.

Ѳедька, котораго никогда не покидало врожденное зубоскальство, тотчасъ же откликнулся:

— Ахъ, очень пріятно... Значитъ, трюфели не окончательно убили аппетитъ вашей свѣтлости... Ну, что̀ же, и отлично: пойдемте къ Донону и закажемте небольшой завтракъ... Какъ вы находите мою идею?

— Оставь. Не раздражай, — замѣтилъ строго Васька.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, отчего же? Сначала мы выпьемъ рюмки по двѣ водки... можетъ-быть, вы предпочитаете англійскую горечь... или лучше спросить рябиновки?

— Не дури, Ѳедоръ...

— А на закуску чего-нибудь солененькаго... икорки, напримѣръ, зернистой... знаете, этакъ на нее лимончикомъ слегка накапать... очень вкусно... не правда ли?..

— Балычку бы осетроваго... — вставилъ Васька, глотая слюну.

— Прекрасно. Потомъ сыркомъ побалуемся... свѣжимъ... что̀ со слезою бываетъ... Затѣмъ... затѣмъ... затѣмъ знаешь что̀?

— Что̀? — спросилъ Васька, поворачиваясь къ товарищу лицомъ.

— Затѣмъ съѣдимъ устрицъ десяточка по полтора и къ нимъ шабли...

— Ну ихъ къ чорту... Борща бы со свининой.

— Фу, какіе у васъ вульгарные вкусы, князь... На васъ татары глаза вытаращатъ, если вы борща со свининой потребуете... Если вамъ такъ нравятся національныя блюда, закажите себѣ лучше уху стерляжью... Тамъ ее недурно готовятъ... Что̀ до меня, я заказываю бульонъ съ греночками... легко и питательно... Потомъ...

— Да?

— Потомъ какой-нибудь рыбы... Не особенно грубой... Стерлядку или форель... Хорошая вещь форель...

— Вкусная?

— Чрезвычайно... Послѣ этого...

— Пива?

— Ахъ, Боже мой, вы убьете меня, князь... Рюмку стараго портвейна или доброй мадеры... больше ничего... Потомъ по хорошему куску пулярдки, начиненной трюфелями...

— Довольно, Ѳедька... Перестань...

— Бутылку Mouton Rotschild?

— Оставь...

— Сѣдло дикой козы?

— Прекрати...

— Кофе. Ликеры. Дессертъ. Пара гаваннъ, — продолжалъ выкрикивать Ѳедька. Потомъ онъ внезапно остановился и прибавилъ съ глубокимъ искреннимъ вздохомъ:

— Знаешь, Васенька, теперь бы по большому куску чернаго хлѣба сожрать... Хлѣбъ такой мягкій, теплый... да еще бы солью его этакъ посыпать хорошенько... А?

— Страсть хорошо.

— Н-да. Хоть бы гривенникъ у кого-нибудь попросить взаймы.

— Не у кого.

— Постой, поищемъ. Булаевъ, напримѣръ?

— Я ему и такъ долженъ.

— Лапшинъ?

— Въ больницѣ.

— Илькевичъ?

— Этотъ удавится скорѣй, а не дастъ.

— Чортъ возьми... А у Цапли?

— Ну вотъ еще. Ты самъ говоришь, что Цапля отъ тебя на другую сторону улицы перебѣгаетъ... Развѣ попробовать къ Ждапскому забѣжать?

Они долго бы еще перебирали своихъ товарищей, если бы ихъ не прервалъ осторожный стукъ въ дверь.

— Хозяйкинъ мужъ! — быстро шепнулъ Ѳедька, закутываясь одѣяломъ. — Спи!

Но въ комнату вошелъ вовсе не хозяйкинъ мужъ, а какой-то незнакомый господинъ въ сѣромъ пальто. Нѣсколько секундъ онъ въ недоумѣніи озирался вокругъ себя, пока наконецъ не замѣтилъ выглядывавшаго изъ-подъ одѣяла Ваську и не спросилъ вѣжливымъ теноромъ:

— Г. Выропаевъ?..

Васька показалъ глазами на другую кровать и буркнулъ:

— Напротивъ.

— Это вы-съ г. Выропаевъ? — повоpотился незнакомецъ въ сторону Ѳедьки.

Ѳедька приподнялся на локтѣ.

— Я дѣйствительно-съ Выропаевъ-съ. Только, вѣроятно, въ адресномъ столѣ вамъ ошибкою указали не того Выропаева-съ...

— Ѳедоръ Леонтьевичъ?

— Да-съ.

— И художникъ?

— Къ вашимъ услугамъ... Только я вѣдь исключительно пейзажистъ... Портретовъ не пишу.

— Очень пріятно-съ... Но я не думаю вамъ заказывать портрета... Вы мнѣ позволите, надѣюсь, присѣсть и выкурить папироску?

— Пожалуйста.

— Покорнѣйше благодарю васъ. Извините мнѣ одинъ нескромный вопросъ: не родственница ли вамъ была покойная Анна Родіоновна Выропаева?

— Двоюродная тетка... А развѣ старушка уже того?.. перекинулась?..

— Да-съ, Анна Родіоновна умерла мѣсяцъ тому назадъ, и я долженъ вамъ сказать, что вы оказываетесь ея ближайшимъ наслѣдникомъ.

— Точно въ водевилѣ!

— Не знаю-съ. Объ этомъ не мое дѣло судить-съ. Но я именно затѣмъ сюда и явился, чтобы предложить вамъ мои услуги при полученіи этого наслѣдства...

— Нѣтъ, вы это серьезно?

— Совершенно серьезно-съ. За вычетомъ нѣкоторыхъ расходовъ на веденіе дѣла, вы должны будете получить около двадцати тысячъ рублей.

— Фу ты, дьяволъ!

— Поэтому, если вамъ будетъ только угодно, соблаговолите одѣться... Мы съ вами заѣдемъ сначала куда-нибудь въ ресторанъ, споемся тамъ, какъ слѣдуетъ, о нашихъ съ вами, такъ сказать, личныхъ отношеніяхъ въ

будущемъ, позавтракаемъ, а затѣмъ къ нотаріусу... Нравится вамъ этотъ маленькій проектъ?

— Необыкновенно.

— Затѣмъ, если вамъ только понадобится... (Незнакомецъ полѣзъ въ боковой карманъ сюртука). Я и мой бумажникъ всегда...

Онъ поглядѣлъ вопросительно на Ѳедьку.

— Благодарю васъ... потомъ...—сконфузился Ѳедька.

— Въ такомъ случаѣ, давайте же наконецъ съ вами познакомимся, — приподнялся съ кровати незнакомецъ.— Илья Ивановичъ Шатуновъ, частный повѣренный. Очень пріятно.

Они крѣпко пожали другъ другу руки.

Черезъ двѣ минуты Выропаевъ, окончившій свой туалетъ съ судорожною поспѣшностью и надѣвъ Васькино пальто, уже собирался выйти изъ дверей вслѣдъ за частнымъ повѣреннымъ.

— Ѳедька, — окликнулъ его вполголоса, высовываясь изъ-подъ одѣяла, Кобылинъ.

Ѳедька подошелъ и спросилъ нетерпѣливо:

— Ну, что̀ тебѣ? Говори скорѣе...

— Послушай-ка, вотъ что̀, Ѳедька.... — Кобылинъ замялся. Онъ хотѣлъ сказать:—«попроси у этого господина какую-нибудь монету и сунь мнѣ ее незамѣтно». Но, видя нетерпѣніе своего друга, онъ смутился и прибавилъ:

— Вотъ что̀, Ѳедя... Да... Позволь тебя, значитъ, поздравить съ наслѣдствомъ.

— Ахъ, только-то! — воскликнулъ Ѳедька, нервно пожавъ плечами. — Что̀ же ты меня задерживаешь изъ-за пустяковъ? До свиданія.

Онъ поспѣшно вышелъ, чтобы догнать Шатунова, Васька глядѣлъ ему вслѣдъ... Болѣе сильное страданіе заставило Ваську въ эту минуту совершенно позабыть о голодѣ.

ЗАБЫТЫЙ ПОЦѢЛУЙ.

Это случилось въ тѣ далекія времена, которыя давнымъ-давно сдѣлались для насъ миѳомъ.

Въ спальню маленькаго королевскаго сына, сквозь незакрытое ставнемъ узкое и длинное готическое окно съ причудливой чугунной рѣшеткой, ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Его лучи ложились на все нѣжными фосфорическими пятнами. Подъ ихъ прикосновеніемъ рѣзко и таинственно выдѣлялись изъ мрака: то затѣйливый узоръ персидскаго ковра, то высокая и прямая спинка рѣзного кресла, то серебристый мѣхъ распластанной на полу звѣриной шкуры, то складки измятаго кружева, то перламутровая инкрустація игрушечнаго колчана и золоченые концы высыпавшихся изъ него стрѣлъ...

Ночь длилась, а свѣтлое пятно на полу, причудливое и правильное, передвигалось съ мѣста на мѣсто. Наконецъ оно освѣтило и колыбель принца. Онъ лежалъ, разметавши ручки, нагой, весь розовый, съ улыбкой на пурпурныхъ полуоткрытыхъ губкахъ. Когда лучи мѣсяца упали на его лицо, онъ вздохнулъ во снѣ и перевернулся на спину.

А въ каскадѣ лунныхъ лучей въ это время купались прекрасныя феи весенней ночи. Онѣ, взявшись за руки, сплетались въ хороводъ, быстро кружились въ немъ и опять расплетались въ длинную подвижную вереницу. При

сіяніи мѣсяца ихъ тѣла казались совсѣмъ прозрачными; ихъ распущенные волосы волнами падали на плечи; онѣ пѣли, смѣялись и, обнявши другъ друга, подымались и опускались въ потокахъ свѣта...

Одна изъ нихъ замѣтила спящаго маленькаго принца. Отставъ отъ своихъ подругъ, она приблизилась къ его колыбели и, обвившись вокругъ него, поцѣловала его въ полуоткрытыя губы. Онъ вздрогнулъ, проснулся, протянулъ ручонки, но прекрасная фея была уже далеко, увлекаемая своими безпечными подругами въ веселый хороводъ.

Принцъ росъ. Старый король, глядя на него, сокрушенно качалъ сѣдой головой. Его будущій наслѣдникъ не любилъ ни охоты, ни стрѣльбы изъ лука, ни воинственныхъ боевыхъ пѣсенъ. Онъ охотнѣе проводилъ время въ кругу придворныхъ дамъ и слушалъ ихъ разговоры, положивъ одной изъ нихъ на колѣни кудрявую голову. Онъ искалъ ихъ ласкъ и любилъ прикосновеніе ихъ нѣжныхъ рукъ. «Онъ не будетъ настоящимъ королемъ», — шепталъ задумчиво отецъ. «Онъ не будетъ настоящимъ королемъ», — повторяли за нимъ придворные.

Старый король умеръ, и его сынъ наслѣдовалъ престолъ. Но онъ не продолжалъ воинственныхъ завоеваній предковъ, не предавался охотѣ за дикими кабанами, зубрами и медвѣдями, не устраивалъ пышныхъ турнировъ, не проводилъ ночей въ кругу свиты за громаднымъ золотымъ кубкомъ стараго вина, при красномъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ. Изнѣженный и праздный, онъ окружилъ себя прекраснѣйшими женщинами страны и переходилъ отъ одной къ другой, изъ объятій въ объятья, отъ устъ къ устамъ. Онъ былъ прекрасенъ, высокій и стройный, какъ дѣвушка, съ неотразимыми глазами, черными, задумчивыми и томными.

Но молодой король не зналъ счастья. Тайная грусть

никогда не покидала его сердца и противъ воли отражалась на его челѣ. Жадной душой онъ искалъ въ объятіяхъ женщинъ чего-то непонятнаго для него самого, чего-то дорогого и совершенно забытаго...

Иногда, при встрѣчѣ съ новой красавицей, ему казалось, что забытое начинаетъ принимать уже ясный образъ, и онъ стремился къ красавицѣ такъ же страстно, какъ цвѣтокъ стремится къ солнечнымъ лучамъ... Онъ уже чувствовалъ, какъ непонятное начинаетъ принимать осязаемыя формы. Горя и волнуясь, онъ выслушивалъ призванія и мольбы... Но охладѣвалъ съ первымъ поцѣлуемъ... Тайна опять безслѣдно исчезала изъ его памяти.

Наконецъ поиски за невозможнымъ утомили его. Онъ сталъ блѣднѣть и слабѣть съ каждымъ днемъ. Его ввалившіеся глаза никогда больше не загорались улыбкой...

Однажды ночью, лежа въ своей кровати подъ пышнымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ короной, онъ почувствовалъ близость смерти и сталъ припоминать всю свою жизнь и вспомнилъ все, кромѣ забытаго. — «Неужели же я умру, не вспомнивъ?» — прошепталъ, ломая руки и метаясь на своемъ ложѣ, умирающій король.

Въ это мгновеніе яркій лучъ мѣсяца упалъ на его глаза, чьи-то прозрачныя обнаженныя руки обвили его шею, чьи-то губы, дрожащія отъ радостнаго смѣха, приникли къ его губамъ.

И король вспомнилъ... Онъ протянулъ руки вслѣдъ улетающему видѣнію... Но руки опустились безжизненно, а на мертвомъ лицѣ застыло выраженіе нестерпимаго блаженства...

БЕЗУМІЕ.

«...Весь день я хожу унылый, обезсиленный, сгорбленный. Суета и шумъ болѣзненно бьютъ по моимъ опустившимся нервамъ, дневной свѣтъ рѣжетъ мои слабые глаза.

«Работа мнѣ опротивѣла, и я уже давно не прикасаюсь къ кисти, — съ того самаго времени, когда мнѣ была за моихъ «Вакханокъ» присуждена золотая медаль. Начатыя картины висятъ на стѣнахъ и на мольбертахъ, покрытыя паутиной. О! Если бы мнѣ удалось передать на полотнѣ то, что̀ уже давно овладѣло моими грезами и снами! Мнѣ кажется, что, если бы кто-нибудь сумѣлъ всю мощь, все напряженіе таланта вылить въ одномъ произведеніи, — онъ навѣки обезсмертилъ бы свое имя. Но возможно ли это для человѣка?.. .

«Длинный, скучный день проходитъ, вечернія тѣни сгущаются, и мной овладѣваетъ странная, давно знакомая тревога... Я опускаю занавѣси, зажигаю свѣчу и жду сна.

«И каждый разъ, когда я засыпаю, меня посѣщаетъ одно и то же видѣніе. Въ комнату мою входитъ женщина въ бѣлой длинной одеждѣ,—въ такой одеждѣ, какую носили женщины Греціи и Рима. Руки ея безсильно

падаютъ вдоль боковъ, голова поникла... Лицо ея страшно блѣдно, длинныя черныя рѣсницы опущены, вся она кажется сотканной изъ того тумана, который поднимается по ночамъ отъ гнилыхъ болотъ, но губы необычайно ярки и чувственны. Странная женщина медленно подходитъ ко мнѣ, ложится со мною рядомъ и обнимаетъ меня... Я холодѣю въ ея объятіяхъ, но ея страшныя губы жгутъ меня. Я чувствую, что съ каждымъ поцѣлуемъ она пьетъ мою жизнь медленными глотками... Это дьявольское, мучительное блаженство продолжается до самаго утра, до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи я не забываюсь тяжелымъ сномъ безъ всякихъ образовъ и видѣній...

«Приходитъ утро, и опять тянется скучный, сѣрый день... Я съ ужасомъ думаю о наступающей ночи и въ то же время съ нетерпѣніемъ жажду ея. И все время мнѣ кажется, что около меня незримо витаетъ милый, странный, таинственный и туманный образъ.

«Приходитъ ночь и съ нею — то же видѣніе...

«Чѣмъ это кончится? Я ослабѣлъ, грудь моя ноетъ, я чувствую, что оргическія ночи понемногу истощаютъ мою жизнь...

«Можетъ-быть, я скоро умру, или сойду съ ума? Но раньше этого мнѣ все-таки хотѣлось бы перенести на полотно то, что меня мучитъ...»

На этомъ кончается дневникъ художника. Его картина была выставлена на послѣдней передвижной выставкѣ. Она изображала женщину въ бѣлой греческой одеждѣ. Фигура, руки, плечи, складки полотна, казалось, были написаны ученической кистью, полинялыми, затхлыми красками. Критики единогласно признали картину неудовлетворительнымъ подражаніемъ импрессіонистамъ, но между тѣмъ и они и публика простаивали передъ ней много минутъ въ нѣмомъ изумленіи... Вся сила картины сосредоточилась въ лицѣ. Это странное, блѣдное лицо съ

опущенными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ вотъ-вотъ готовы были выглянуть пламенные, грѣховные глаза, это лицо съ пунцовыми губами вампира неотразимой силой приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ посѣщавшихъ выставку.

P. S. Картина куплена извѣстнымъ московскимъ меценатомъ за шесть тысячъ руб. На эти деньги авторъ содержится друзьями въ привилегированномъ заведеніи для душевно-больныхъ.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

— Вы позволите мнѣ сѣсть вотъ здѣсь на коврѣ, у вашихъ ногъ?

— Если это вамъ доставляетъ удовольствіе... Но съ условіемъ: не глядѣть на меня такъ пристально и такими сладкими глазами... Ну, разсказывайте что-нибудь интересное.

— Вы меня сразу ставите въ безвыходное положеніе. Когда мнѣ говорятъ: «разсказывайте что-нибудь интересное», я совсѣмъ теряюсь...

— Бѣдняжка!

— Кромѣ того, вѣдь вы знаете, что, когда я около васъ, я могу говорить и думать только объ одномъ...

— Что я прекрасна и что вы меня боготворите?

— Что я васъ боготворю и что...

— И что готовы отдать за меня жизнь? Ахъ, Боже мой, какъ вы скучны! Я слышала это отъ васъ, по крайней мѣрѣ, тысячу разъ...

— Другихъ вы слушали благосклоннѣе...

— Не старайтесь казаться злымъ, мой маленькій Мопассанъ. Я къ вамъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ вы заслуживаете... Ай, ай, ай, какъ вы широко раскрыли глаза! Конечно, я къ вамъ очень добра. Я позволяю вамъ безнаказанно говорить о вашей любви, не отказываю, когда вы просите поцѣловать мою руку, не за-

сыпаю, когда вы читаете вслухъ ваши новеллы... Неужели этого мало?

— Конечно, мало. Вы подали нищему корку хлѣба и ставите это себѣ въ заслугу. Вы вѣдь знаете, Нина Аркадьевна, вы не можете не видѣть, какъ я васъ люблю. Ни одна женщина никогда не ошибется въ качествѣ того чувства, которое она внушаетъ мужчинѣ.

— Это я тоже слышала отъ васъ.

— И вы вѣрите мнѣ?

— О, конечно! Я даже не даю себѣ труда сомнѣваться въ этомъ.

— А я ненавижу вашу холодную иронію. Отчего же, если вы видите, какъ я мучусь, и если въ вашемъ сердцѣ нѣтъ даже искры чувства ко мнѣ, отчего вы не прогоните меня изъ простой жалости?

— Но я васъ и не удерживаю. Вы совершенно свободны. Я знаю только, что вы предпочтете мучиться подлѣ меня, чѣмъ вдали, и я вамъ это милостиво разрѣшаю.

— Merci. Вы великодушны.

— Какъ королева?

— Нѣтъ, какъ тигрица.

— Ого! Мы становимся, кажется, немного дерзки?

— Ахъ, какъ бы я желалъ умѣть быть дерзкимъ! Тогда, навѣрно, вы не иронизировали бы такъ спокойно.

— О, да, безъ сомнѣнія, тогда бы наши роли мгновенно перемѣнились. Я бы бросилась вамъ на грудь, умоляла бы васъ о любви, можетъ-быть, даже заплакала бы. Но вы, навѣрно, отвернулись бы отъ меня съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ, не смѣйтесь надъ моими словами, Нина Аркадьевна! То, что̀ я сказалъ про дерзость — не шутка, не легонькая шпилька среди салонной болтовни, а глубокая и страшная истина, содержащая въ себѣ всю пси-

хологію женскаго сердца. Не улыбайтесь заранѣе, — я сейчасъ разъясню свою мысль. Впрочемъ, и мысль-то эта не моя. У Шекспира въ «Ричардѣ III» она высказана съ такой геніальною смѣлостью, что ужасъ охватываетъ, когда читаешь... Помните, тамъ въ I дѣйствіи за погребальной колесницей Генриха VI идетъ его невѣстка лэди Анна. Генрихъ VI и мужъ лэди Анны — Эдвардъ — убиты рукою Глостера (впослѣдствіи Ричарда III) — горбатаго и хромого урода, но въ то же время безгранично дерзкаго человѣка.

„Будь проклята рука убійцы злого, —

говоритъ лэди Анна: —

И кровь того, кто эту кровь пролилъ.
Будь проклято и сердце, гдѣ сложилось
Рѣшеніе на пагубное дѣло“.

«Въ этотъ моментъ показывается самъ Глостеръ. Только у Шекспира и можно встрѣтить такую чудовищную брань, какой осыпаетъ лэди Анна убійцу. Она плюетъ ему даже въ глаза. Но Глостеръ говоритъ ей только о своей любви. И вотъ, понемногу, лэди Анна остываетъ отъ своего озлобленія, потомъ она уже слушаетъ краснорѣчивыя слова Глостера и наконецъ даже принимаетъ отъ него въ подарокъ перстень.

„Простися же со мной...“ —

проситъ Глостеръ лэди Анну, уходящую отъ тѣла короля, и она уже не безъ кокетства отвѣчаетъ ему:

„Не много ль будетъ?
Но если ты склонилъ меня на лесть,
То можешь думать, что ужъ я простила“.

«Даже самъ Глостеръ изумленъ скоростью своей побѣды:

„Какъ! я, зарѣзавшій ея отца!
Какъ! я, зарѣзавшій ея супруга,
Пришелъ къ ней въ часъ неслыханнаго гнѣва
Съ однимъ притворствомъ дьявольскимъ, и — что же?
Она моя — наперекоръ всему!“

«Вотъ вамъ картина душевнаго міра женщины, картина, набросанная гигантскими, грубыми мазками, но какъ изумительно, какъ безпощадно-вѣрно. Зато только такіе геніи, какъ Шекспиръ, и осмѣливаются бросать въ глаза человѣчеству подобныя сцены... И на самомъ дѣлѣ: развѣ красота, или богатство, или талантъ покоряютъ женщину? Нѣтъ. Ничто, кромѣ страстнаго, напряженнаго желанія обладать ею. «Любитъ тотъ, кто безумнѣй лобзаетъ!» — воскликнулъ одинъ русскій поэтъ. Правда, онъ передъ этимъ оговорился: «хороши только первыя, робкія встрѣчи». Эта оговорка, по-моему, прямо дѣло его болѣзненной натуры... Вы, можетъ-быть, спросите: почему же женщина все-таки любитъ больше красивыхъ, богатыхъ и талантливыхъ людей? Да просто потому, что они самоувѣреннѣе. Ну какъ, скажите, пожалуйста, вложу я въ свои слова всю силу любви и желанія, если я въ это мгновеніе страдаю оттого, что вы можете замѣтить на моихъ ботинкахъ предательское отверстіе? Или какъ, напримѣръ, осмѣлюсь я излить передъ любимой женщиной все, что у меня накопилось въ душѣ, если я боюсь, что нѣжное выраженіе сдѣлаетъ мое некрасивое лицо смѣшнымъ? Я волнуюсь и потому выражаюсь, вѣроятно, неясно, но вы, мнѣ кажется, понимаете меня? И это вѣдь очень естественно. У мужчинъ такъ много занятій, страстей и увлеченій: честолюбіе, спортъ, служба, наука, любимая идея... А женщина вся живетъ любовью и ради любви. И къ любви поэтому она такъ чутка и такъ ей послушна, какъ мы, мужчины, и представить себѣ не можемъ».

Сойманов замолчалъ и опустилъ низко свою большую, курчавую голову. Нина Аркадьевна также молча играла кистями своего свѣтло-сѣраго кашемироваго капота, который мягкими длинными складками неясно и красиво обрисовывалъ ея грудь, бедра и стройныя, длин-

ныя ноги. Ея измѣнчивое лицо красивой и капризной женщины было задумчиво.

— А я такъ любить не умѣю и не могу, да и не хочу, по правдѣ сказать, — заговорилъ опять Соймановъ. — Мы — нервныя и тонкія артистическія натуры и любимъ болѣе самаго чувства тѣ чудныя формы, въ которыя оно облекается. Хотите, я вамъ разскажу, какъ я васъ люблю? Только, ради Бога, не перебивайте меня вашими сарказмами. Мнѣ это такъ больно... Знаете, иногда сижу я въ большомъ обществѣ и слушаю, что̀ говорятъ, а то и самъ говорю что-нибудь. И вдругъ, сразу вспомню о васъ. Сердце у меня забьется такъ крѣпко, и сладко, и больно, и чувствую я, какъ тѣснится у меня въ груди дыханіе... Или иной разъ, случайно, увижу я на улицѣ женщину, костюмомъ или фигурой похожую на васъ, и я спѣшу догнать ее, дрожа отъ нетерпѣнія, хотя уже и догадываюсь, что это — не вы. А когда я иду къ вамъ, то передъ лѣстницей всегда остановлюсь: какая-то томительная робость сковываетъ мои руки и ноги. А когда я остаюсь одинъ у себя въ комнатѣ, я сажусь, закрываю глаза руками и все твержу ваше имя: Нина.... Нина... Ниночка... Повѣрите ли? Я въ эти моменты удивительно ясно представляю себѣ вашу фигуру и лицо. Только во снѣ вотъ я васъ никакъ не могу увидать, и это меня печалитъ. Мнѣ кажется, что я скоро прибѣгну къ помощи морфія.

— Мнѣ остается только пожалѣть, что вы такъ неудачно помѣстили свои тонкія чувства, — сказала насмѣшливо Нина Аркадьевна. — Другую женщину они сдѣлали бы счастливой.

— Но вы-то, вы сами неужели никогда не знали этихъ тревогъ и этихъ мимолетныхъ радостей?

— Нѣтъ. Можетъ-быть, потому, что у меня никогда не было препятствій. Мнѣ приходилось только выбирать.

— Но вѣдь вы любили же кого-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣли?

— Вы сами знаете, что̀ да.

— И любили же кого-нибудь сильнѣе, чѣмъ другихъ?

— Какъ вы неразнообразны, маленькій Монассанъ! Почти каждый день вы допытываетесь о моихъ романахъ. Неужели они вамъ такъ интересны?

— Ахъ, Нина Аркадьевна, вы никогда не поймете, что̀ это за мучительное чувство—ревность къ прошлому! И вы правы: я никогда не устану васъ спрашивать, кого и какъ вы любили. Вы говорите, а у меня вся душа переворачивается отъ зависти, злобы и ревности, и все хочется еще и еще слушать, до мельчайшей черточки, до послѣдняго душевнаго извива. Такъ и кажется мнѣ, что я всѣхъ ихъ передъ собой вижу: и мужа вашего, и этого красавца — итальянскаго пѣвца, и того гвардейца, который изъ-за пылкой любви къ вамъ отстрѣлилъ себѣ мизинецъ, и сумасшедшаго инженера, растратившаго изъ-за васъ...

— Пожалуйста, не такъ подробно...

— Простите. Я, дѣйствительно, не имѣю права этого касаться... Но скажите мнѣ искренно, неужели на любовь къ нимъ ушли всѣ перлы вашей души?

— Ушли всѣ перлы.

— И васъ совсѣмъ не соблазняетъ любовь — хорошая, нѣжная, удовлетворенная любовь?

— Нѣтъ.

— Почему же нѣтъ? Вѣдь вы молоды еще, прекрасны, свободны...

— Вотъ именно оттого, что я больше всего дорожу свободой и спокойствіемъ. Кромѣ того, въ любви мужчинъ всегда есть что-то... ну, какъ вамъ сказать... ну, quelque chose de brutale, и они хороши только до тѣхъ поръ, пока не близки.

— И вамъ никто изъ нихъ въ настоящее время не нравится?

— Я этого не могу сказать. Бываютъ мгновенія... Иногда въ танцахъ, во время загороднаго пикника, tête-à-tête съ красивымъ и умнымъ собесѣдникомъ во мнѣ просыпается потребность любви. И я люблю эти моменты, но люблю такъ же, какъ люблю бокалъ шампанскаго, только... не сладкаго. Не болѣе.

Сойманов вскочилъ съ пола и заходилъ въ волненіи по комнатѣ.

— У васъ просто-напросто холодная натура, — сказалъ онъ. — Вы эгоистка и лѣнивы.

— А вы дерзки и злоупотребляете тѣмъ, что я вамъ многое прощаю, какъ талантливому молодому писателю.

Опять они замолчали. Сойманов нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Она слѣдила за нимъ, закусивъ нижнюю губу и слегка улыбаясь.

— А знаете, кого бы я еще могла полюбить? — вдругъ сказала Нина Аркадьевна.

Сойманов сразу остановился противъ нея въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Во-первыхъ, онъ долженъ быть красивъ. Не хмурьте бровей, потому что вы знаете, что ваша наружность мнѣ нравится. Во-вторыхъ, онъ долженъ быть уменъ, нѣженъ, скроменъ и талантливъ. Кромѣ того...

— Кромѣ того?

— Кромѣ того, онъ долженъ любить меня больше своей жизни.

— Но вѣдь я васъ именно такъ и люблю.

— Не говорите неправды!

— Чѣмъ же я могу вамъ это доказать? Ну, хотите, я по вашему приказанію лишу себя жизни? Хотите?

— Не говорите глупостей. Вамъ, вѣроятно, вспомнилась исторія Клеопатры? Да если бы я и потребовала

этого — вы не исполнили бы. Вы такъ жадно любите жизнь, что у васъ никогда не хватитъ рѣшимости «разстаться съ милой привычкой къ существованію».

Лицо Соймапова нахмурилось еще больше, даже какъ будто бы потемнѣло. Онъ медленно опустился на прежнее мѣсто — у ногъ Нины Аркадьевны.

— Вы очень вѣрно замѣтили о моей любви къ жизни, — сказалъ онъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ. — У меня никогда не хватитъ силъ поднять на себя руку... Но зато у меня... да и вѣроятно, что у меня одного въ цѣломъ мірѣ, есть вѣрное средство исполнить ваше желаніе.

— Что̀ же это за таинственное средство?

— Если хотите, я вамъ разскажу. Это цѣлая исторія и, говоря вправду, не совсѣмъ обыкновенная.

— Пожалуйста. Эта необыкновенная исторія чрезвычайно меня заинтриговала.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — началъ Соймановъ: — у меня былъ другъ. Онъ живъ до сихъ поръ. Кто онъ и какъ его зовутъ—не правда ли, это не интересно? Мы долго жили съ нимъ вмѣстѣ и многимъ обязаны другъ другу. Обстоятельства сложились такъ, что я спасъ отъ позора его семью тѣмъ, что внесъ въ казну деньги, растраченныя его отцомъ. Онъ мнѣ тоже оказалъ одну, не менѣе важную услугу. Мы очень любили другъ друга, и я положительно скажу, что нѣтъ жертвы, которую, если бы понадобилось, не принесъ онъ для меня или я для него.

«Однажды онъ досталъ гдѣ-то скляночку синильной кислоты, такъ — гранъ пять-шесть. По этому поводу мы съ нимъ разговорились о самоубійствѣ. И онъ и я признавали, что бываютъ случаи, когда оно не только простительно, но и необходимо. А надо вамъ сказать, что милая привычка къ существованію у него еще сильнѣе,

чѣмъ у меня. И вотъ мы дали другъ другу клятву, — не смѣйтесь такъ преждевременно, Нина Аркадьевна, — клятву помочь другъ другу, если это потребуется, — переселиться въ лучшій міръ. Достаточно ему написать мнѣ въ письмѣ только одно слово: «пора»—и я долженъ тотчасъ же ѣхать туда, гдѣ онъ живетъ, незамѣтно разыскать его и оказать ему (конечно, такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ) дружескую услугу. Тѣмъ же условіемъ обязался и онъ относительно меня... Съ этихъ поръ и онъ и я носимъ на часахъ одинаковые брелоки».

Сойманов показалъ Нинѣ Аркадьевнѣ маленькій золотой флакончикъ, прикрѣпленный при помощи кольца къ часовой цѣпочкѣ.

Нина Аркадьевна разсмѣялась.

— Дѣйствительно, романическая исторія. Но я васъ смѣло могу увѣрить, что въ настоящее время и вы и вашъ другъ выросли, стали благоразумнѣе и безопасность отъ полиціи и суда цѣните выше дружескихъ услугъ.

Сойманов поблѣднѣлъ.

— А я увѣренъ въ противномъ. По крайней мѣрѣ, я бы не посмѣлъ отказаться... Вы не вѣрите?

— Конечно, не вѣрю, — насмѣшливо возразила Нина Аркадьевна. И, вставая съ дивана, она прибавила:—Ну, однако, мой романическій писатель, я васъ прогоняю... Теперь двѣнадцатый часъ. Въ этомъ вы можете убѣдиться, поглядѣвъ на свои часы съ роковымъ брелокомъ.

Сойманов всталъ, поцѣловалъ ея руку и пошелъ къ дверямъ. Но на порогѣ онъ какъ будто бы пошатнулся, схватился за косякъ и обернулся назадъ. Выраженіе его блѣднаго лица Нина Аркадьевна не могла забыть потомъ во всю свою жизнь.

— Значитъ, вы хотите испробовать меня и моего друга? — спросилъ онъ съ кривой усмѣшкой.

И странно: несмотря на то, что ея сердце на мгновеніе сжалось отъ ужаса, она отвѣчала, смѣясь:

— Ахъ, да, пожалуйста — это будетъ очень интересно.

— Прощайте, — сказалъ Соймановъ.

. . . . . .

Черезъ полмѣсяца послѣ этого разговора былъ второй день Новаго года, и Нина Аркадьевна принимала визиты. Послѣднимъ и особенно надоѣвшимъ ей визитеромъ былъ Коко Веселаго, пустой свѣтскій мальчуганъ лѣтъ пятидесяти, съ лысиной и моноклемъ. Онъ славился искусствомъ знать всегда и все ранѣе другихъ столичныхъ сплетниковъ.

— Ну, что же, вы еще не весь вашъ запасъ выгрузили? — спросила Нина Аркадьевна, воспользовавшись минутной паузой въ потокѣ словъ Коко.

— Ахъ, да! — спохватился вдругъ Коко. — Есть и еще одна интересная новость... Какъ это я раньше о ней не вспомнилъ!.. Вы помните этого... ну, какъ его?.. молодой писатель... Ахъ, вспомнилъ, вспомнилъ... Соймановa?..

— Отравился? — вдругъ неожиданно для самой себя вскрикнула испуганно Нина Аркадьевна.

— Ахъ, вы уже зна-аете? — протянулъ Коко, разочарованный въ своемъ удовольствіи разсказать свѣжую новость.

Но она уже овладѣла собой и отвѣчала спокойно:

— Да. Мнѣ объ этомъ писали.

УЖАСЪ.

Никто изъ насъ четырехъ не зналъ своихъ случайныхъ спутниковъ. Разговорились мы совершенно нечаянно, какъ можно только разговориться, сидя другъ противъ друга въ вагонѣ, въ длинный декабрьскій вечеръ. Угарный запахъ желѣзной печки, зловѣщій тускло-желтый полусвѣтъ, изливаемый двумя фонарями, задернутыми занавѣсками, утомительно-однообразный стукъ колесъ, въ тактъ съ которымъ колыхались и вздрагивали на потолкѣ вагона уродливыя тѣни, — все это сообщило нашей бесѣдѣ странный, полуфантастическій характеръ. Вспоминались читанные и слышанные разсказы о загадочныхъ явленіяхъ жизни, объяснимыхъ только вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, о таинственныхъ предчувствіяхъ, о самоубійствахъ и привидѣніяхъ. Сообразно со вкусами и кругозоромъ каждаго изъ собесѣдниковъ, и разсказы были различнаго свойства. Одинъ изъ насъ, по всей вѣроятности, купецъ, въ медвѣжьей шубѣ такихъ гигантскихъ размѣровъ, что она оказалась бы широкой для самаго крупнаго медвѣдя, склоненъ былъ болѣе всего къ разсказамъ въ религіозномъ духѣ. Въ его случаяхъ фигурировали: то святотатцы, задумавшіе обобрать покойника, стоявшаго въ церкви, то убитый разбойниками монахъ, требовавшій по ночамъ, чтобы его тѣло предали землѣ, то икона въ Новгородѣ, на которой постепенно распрямляются сжатые въ

кулакъ пальцы святого, и когда они окончательно распрямятся — это вѣрный признакъ скорой кончины міра. Другой пассажиръ — студентъ-медикъ перваго курса — пугалъ насъ случаями, происходившими въ анатомическомъ театрѣ, случаями, передающимися изъ поколѣнія въ поколѣніе и совершенно недостовѣрнаго свойства. Я тоже, помнится, варьировалъ какой-то изъ необыкновенныхъ разсказовъ Эдгара По, передѣлавъ его на происшествіе съ моимъ хорошимъ знакомымъ. Четвертый собесѣдникъ — господинъ въ ушастой мѣховой шапкѣ и въ пледѣ поверхъ пальто — лишь изрѣдка нарушалъ свое молчаніе односложными замѣчаніями.

Поѣздъ несся впередъ. Вагонъ однообразно вздрагивалъ, и вмѣстѣ съ нимъ вздрагивали на потолкѣ уродливыя, тоскливыя тѣни. За окномъ точно бѣжала назадъ небольшая полоса мутно-сѣраго снѣга, едва освѣщаемаго огнями поѣзда. Изрѣдка въ этой полосѣ быстро мелькали грустные черные силуэты оголенныхъ кустовъ и деревьевъ, а дальше глазъ тонулъ въ холодной жуткой тьмѣ, съ которой сливались и небо и снѣгъ равнины, но въ которой чувствовалась бушевавшая мятель. Наши нервы невольно настроились на печальный и таинственный ладъ.

— Конечно, господа, все, что̀ вы сейчасъ разсказали, необыкновенно и очень страшно, — произнесъ вдругъ молчавшій до сихъ поръ господинъ въ пледѣ и въ ушастой шапкѣ.—Но только все это—недостовѣрно. Кто изъ васъ можетъ поручиться за то, что эти случаи дѣйствительно происходили, а не явились плодомъ досужаго вымысла? А я могу вамъ разсказать, если хотите, объ одномъ происшествіи, случившемся лично со мною. Я въ продолженіе всего лишь нѣсколькихъ минутъ былъ одержимъ «ужасомъ сверхъестественнаго», но эти пять-шесть минутъ остались, и я знаю, что онѣ навсегда останутся самымъ главнымъ событіемъ моей жизни, потому что невозможно

одному и тому же человѣку два раза въ жизни перенести такой ужасъ.

Мы очень заинтересовались словами этого господина, и онъ началъ:

— Десять лѣтъ тому назадъ я служилъ по таможенному вѣдомству и былъ смотрителемъ переходнаго пункта въ пограничномъ мѣстечкѣ В. На моей обязанности лежала повѣрка товаровъ, пропускаемыхъ за границу и провозимыхъ изъ-за границы.

«Пунктъ находился на плотинѣ, пересѣкавшей рѣку Збручъ. Въ 6 часовъ вечера, въ моемъ присутствіи, сторожа запирали рогатку, и съ этого момента моя служба кончалась. Остальнымъ временемъ я могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и у меня вошло въ привычку каждый вечеръ отправляться на вокзалъ къ приходу вечерняго курьерскаго поѣзда. На вокзалѣ въ эту пору собирались всѣ чиновники таможни, пограничные офицеры, иногда даже окрестные мелкіе помѣщики. Въ самомъ вокзалѣ было тепло, свѣтло, даже, если хотите, комфортабельно. Многіе являлись съ своими женами и дочерьми, ужинали въ буфетѣ, немного сплетничали, немного флиртировали, иногда составлялась партія ландскнехта, или, по-тамошнему, «дьябелка». Въ одиннадцать часовъ почти одновременно приходили оба поѣзда: и нашъ и австрійскій. Вокзалъ сразу наполнялся разноплеменной публикой, суетливой, шумной, озабоченной. Изрѣдка переѣзжалъ границу какой-нибудь путешествующій инкогнито кронпринцъ, и мы, глядя на него, съ удовольствіемъ убѣждались, что коронованныя особы ужинаютъ съ такимъ же аппетитомъ, какъ и обыкновенные смертные. Случалось также, и даже почти каждый день, что при досмотрѣ задерживалась въ багажѣ крупная контрабанда, или что какую-нибудь изящную даму уводили для обыска въ уборную.

«А контрабанда въ то время попадалась часто и всегда

въ большомъ размѣрѣ. То была счастливая эпоха, о которой теперь только вздыхаютъ посѣдѣлые въ таможняхъ и пакгаузахъ чиновники.

«Тогда каждый служащій непремѣнно имѣлъ свой кругъ кліентовъ среди контрабандистовъ. Девять разъ онъ пропускалъ запрещенный товаръ, но въ десятый задерживалъ его, по всей строгости законовъ, и получалъ премію. Таковъ былъ уговоръ, и горе тому контрабандисту, который для десятаго раза провозилъ товаръ недорогой, или въ маломъ количествѣ. Да на что̀ лучше: такъ хорошо жилось въ то время таможеннымъ чиновникамъ, что они находили неразорительнымъ выписывать на свои холостые ужины изъ Львова и даже изъ самой Вѣны шансонетныхъ пѣвицъ.

«Мѣстечко отстояло отъ вокзала на 4 версты. Общества въ немъ не было никакого, если не считать урядника и четырехъ почтовыхъ чиновниковъ, старыхъ, геморроидальныхъ и скучныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что четырехверстное разстояніе не пугало меня.

«Однажды вечеромъ, въ концѣ ноября, заперевъ по обыкновенію рогатку, я переодѣлся, привелъ въ порядокъ накопившіеся за день документы и вышелъ изъ дому, чтобы итти на вокзалъ. Туда вели двѣ дороги. Одна, болѣе длинная, шла черезъ все мѣстечко и черезъ прилегавшую къ нему деревню Фридриховку; другая, короткая, и собственно даже не дорога, а тропинка, пересѣкала по діагонали огромное пустое поле и выходила на желѣзнодорожный валъ, откуда до вокзала было, какъ рукой подать. Я, конечно, ходилъ всегда полемъ и на этотъ разъ пошелъ тѣмъ же путемъ.

«Былъ часъ этакъ восьмой, или даже девятый въ началѣ. Стояла такая темь, что въ десяти шагахъ ужо ничего невозможно было разобрать. Я шелъ, угадывая дорогу ощупью, ногами: въ томъ мѣстѣ, гдѣ шла тро-

пинка, снѣгъ слежался плотнѣе и издавалъ подъ каблуками легкій звукъ. Рядомъ съ тропинкой тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ. Вѣтеръ жалобно звенѣлъ въ обледянѣлыхъ проволокахъ, а самые столбы гудѣли непрерывно и однотонно. Каждый разъ, подходя къ столбу и еще не видя его во мракѣ, я ужъ слышалъ это гудѣніе.

«Началась вьюга. Прямо мнѣ въ глаза, слѣпя ихъ, несся колючій, мелкій и сухой снѣгъ. Сердце мое было неспокойно. Мной овладѣло странное, непріятное и сложное чувство, которое всегда охватываетъ меня, когда я перехожу большія незакрытыя пространства: поля, городскія площади и даже длинныя залы. Мнѣ казалось, что я такъ ужасно малъ и незначителенъ, а разстилавшееся передо мною поле такъ страшно велико, что я никогда не смогу перейти его. И отъ этой мысли я чувствовалъ временами, что все поле начинаетъ подо мною кружиться.

«Иногда я оглядывался назадъ и смотрѣлъ на слабо мерцающіе вдали огоньки мѣстечка. Это меня облегчало и поддерживало. Наконецъ и огни скрылись разомъ, когда я сошелъ въ длинную, плоскую равнину. Вокругъ меня была одна только мутная, бѣлесоватая мгла.

«Этого мѣста я всегда инстинктивно боялся. Почему? — я и самъ не могъ бы сказать. Каждый разъ, проходя этой долиной, я чувствовалъ, какъ безотчетный страхъ, по гомеровскому выраженію, «хватаетъ меня за волосы». И странно! Вмѣсто того, чтобы успокоить себя, я всегда почему-то дразнилъ еще болѣе свое воображеніе воспоминаніями разныхъ ужасовъ. Впослѣдствіи я узналъ, что у многихъ, если не у всѣхъ нервныхъ людей есть мѣста, вызывающія такой безотчетный страхъ.

«Я уже сказалъ, что вокругъ меня была только темнота и вьюга... Вдругъ, прямо передъ собой, въ очень значительномъ отдаленіи, какъ мнѣ показалось, я замѣ-

тилъ большое, темное, неподвижное пятно... Я остановился и слегка затаилъ дыханіе, чтобы лучше прислушаться. Все было тихо; только снѣжинки слабо стучали о мое лицо, да сердце у меня въ груди билось такъ громко, что, казалось, на другомъ концѣ поля можно было разслушать.

«Темный предметъ не шевелился. Я сдѣлалъ пять шаговъ впередъ и тотчасъ же убѣдился, что темнота и вьюга ввели меня въ заблужденіе относительно разстоянія. Очень близко отъ меня на снѣгу неподвижно сидѣлъ человѣкъ, прислонившійся спиною къ телеграфному столбу.

«Онъ одѣтъ былъ въ шубу, совершенно разстегнутую и распахнутую на груди. Шапки на немъ не было. Онъ сидѣлъ очень ровно и прямо, вытянувъ впередъ сложенныя вмѣстѣ ноги и опустивъ руки по бокамъ туловища, такъ, что кисти ихъ уходили въ снѣгъ. Голова была слегка закинута назадъ.

«— Кто вы? — спросилъ я незнакомца.

«Голосъ мой былъ слабъ, какъ шопотъ, робокъ и звучалъ точно откуда-то издали. Такъ иногда передъ обморокомъ слышатся голоса окружающихъ.

«Онъ молчалъ.

«— Кто вы? — повторилъ я.

«Ни звука.

«Онъ, вѣрно, замерзъ, или его убили»,—подумалъ я, и эта мысль какъ будто бы успокоила меня.

«Страхъ, стягивавшій на моемъ черепѣ кожу и пробѣгавшій морозными волнами по моей спинѣ, уступилъ на минуту мѣсто другому чувству — сознанію необходимости помочь ближнему.

«Я подошелъ къ незнакомцу въ шубѣ и разглядѣлъ его. У него было длинное, худое лицо съ тонкими губами, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ; козлиная бородка и брови, изогнутыя острыми углами, довершали это странное,

насмѣшливое лицо, лицо интеллигентнаго сатира. Онъ былъ живъ, потому что его глаза слѣдили за мною. Страхъ опять началъ овладѣвать мною, и мои зубы застучали часто и громко.

«— Кто вы? — спросилъ я въ третій разъ задыхающимся голосомъ, чувствуя, какъ у меня въ горлѣ становится какой-то сухой, колючій клубокъ. Нервы мои были страшно напряжены и изощрены: я замѣтилъ, что на снѣгу около сидящаго человѣка нѣтъ и признака какихъ-либо слѣдовъ.

«Онъ молчалъ и глядѣлъ на меня. И я глядѣлъ на него, не отрываясь. Я уже не могъ отвести отъ него глазъ. Ужасъ — невѣроятный, непередаваемый словами, нечеловѣческій ужасъ оледянилъ мой мозгъ, мою кровь, мое тѣло. Пальцы на моихъ рукахъ и ногахъ свела внезапно судорога.

«Я глядѣлъ на него, не имѣя силъ отвернуться въ сторону. Прошло... я не знаю, сколько прошло секундъ, минутъ... можетъ-быть, даже часовъ. Время остановилось. И вдругъ (голосъ разсказчика возвысился и зазвенѣлъ)... вдругъ незнакомецъ съ тонкимъ и насмѣшливымъ видомъ подмигнулъ мнѣ лѣвымъ глазомъ. Вслѣдъ за этимъ лицо его исказилось въ безобразную гримасу, въ какое-то нелѣпое, циничное сочетаніе смѣха и испуга.

«Въ ту же секунду я почувствовалъ, что и на моемъ лицѣ отразилась эта чудовищная гримаса.

«— Ты дьяволъ! Вотъ ты кто! — закричалъ я въ изступленіи злобы и ужаса и изо всѣхъ силъ ударилъ незнакомца ногой по лицу.

«Онъ упалъ, какъ падаютъ мертвые—грузно и не сгибаясь. Я бросился бѣжать прочь. Но ноги не слушались меня,—онѣ сдѣлались точно свинцовыя, и я съ трудомъ передвигалъ ихъ. Я падалъ, вставалъ и падалъ снова. Только во снѣ иногда я испытывалъ раньше по-

добное чувство, когда снится, что хочешь бѣжать отъ невидимаго врага, а ноги не поднимаются, точно къ нимъ привязаны пудовыя гири...

«И въ то же время (это мнѣ передавали уже впослѣдствіи) я кричалъ безъ остановки все одно и то же слово:

«— Дьяволъ! дьяволъ! дьяволъ!

«Потомъ сознаніе оставило меня. Я очнулся дома, на своей кровати, послѣ жестокой болѣзни».

Господинъ въ ушастой шапкѣ замолчалъ.

— Кто же это сидѣлъ на снѣгу? — спросилъ студентъ, слѣдившій за разсказомъ съ большимъ вниманіемъ.

— Потомъ это все разъяснилось,—отвѣтилъ разсказчикъ. — Оказалось, что какой-то австрійскій купецъ шелъ, такъ же, какъ и я, съ переходнаго пункта на вокзалъ, но по дорогѣ его разбилъ параличъ. Онъ кое-какъ дотащился до столба и сидѣлъ около часу, да еще вдобавокъ обморозился такъ, что не могъ шевельнуть ни рукой ни ногой. Его уже потомъ нашли въ десяти шагахъ отъ меня. Оба мы были безъ чувствъ.

— Такъ вотъ, господа, — закончилъ разказчикъ въ ушастой шапкѣ: — вотъ какой ужасъ мнѣ пришлось испытать. Я не сумѣю и сотой доли передать изъ своихъ тогдашнихъ ощущеній, но лучшимъ доказательствомъ ихъ можетъ служить моя голова.

Онъ поднялъ шапку. Его волосы были бѣлы какъ снѣгъ.

— Это я за одну ночь такъ побѣлѣлъ, — прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

НАРЦИССЪ.

Стемнѣло. Въ гостиной, куда всѣ четверо перешли пить кофе, еще не зажигали огня. Маленькій уголокъ, который хозяйка дома, баронесса Эйзендорфъ, кокетливо называла «своимъ убѣжищемъ», совсѣмъ потонулъ въ темнотѣ. Холеные латаніи, фениксы и филодендроны перепутались надъ головами сидящихъ, точно сводъ какой-то экзотической бесѣдки. Отъ красноватаго свѣта уличныхъ фонарей ихъ длинные листья бросали на потолокъ фантастически-красивый, дрожащій узоръ. Изъ столовой, гдѣ еще горѣли свѣчи, бѣжала по полу, прорвавшись сквозь дверную щель, узкая и длинная свѣтлая полоска, невольно притягивавшая къ себѣ глаза.

Сидѣвшіе въ «убѣжищѣ» — двѣ женщины и двое мужчинъ — составляли дружескую, тѣсную компанію на нѣсколько циничномъ взаимномъ покровительствѣ въ области флирта. Всѣ они были молоды, красивы, независимы и богаты. Баронесса вдовѣла уже четвертый годъ и часто говорила, что никогда больше не выйдетъ замужъ, потому-что пользоваться радостями жизни гораздо удобнѣе и пріятнѣе, будучи вдовою. Ея пріятельница Бэтси не имѣла причинъ ей въ этомъ завидовать, хотя и была замужемъ за очень важнымъ, очень старымъ и

очень снисходительнымъ сановникомъ. Обѣ дамы представляли своими лицами и фигурами интересный контрастъ. Баронесса — пышная, томная и лѣнивая брюнетка, чувственная на видъ, но, въ сущности, болѣе нѣжная, чѣмъ страстная — кидалась всякому въ глаза своей тяжелой красотой. Бэтси съ перваго взгляда не поражала, но въ ней при болѣе близкомъ знакомствѣ чувствовалось такое очарованіе прихотливаго и остраго ума, такая неотразимая прелесть нервной, пылкой и больной натуры, безумно жгущей свою жизнь съ обоихъ концовъ, что число ея поклонниковъ далеко превосходило число поклонниковъ баронессы. Она была мала ростомъ, съ изящной, тонкой фигуркой, блондинка, съ нездоровымъ яркимъ румянцемъ, съ громадными сѣрыми глазами и съ нервнымъ подергиваніемъ въ правомъ углу рта. Она очень часто мѣняла свои привязанности. Въ настоящее время ея «рабомъ» былъ гвардейскій офицеръ — князь Чхеидзе, ревнивый, глупый и необыкновенно красивый грузинъ. За баронессой же ухаживалъ Санинъ — молодой присяжный повѣренный, «восходящее свѣтило криминальной адвокатуры», какъ его величали судебные хроникеры газетъ.

— Ахъ, кстати, — сказала баронесса, закидывая назадъ голову и обращаясь къ адвокату: — я совсѣмъ забыла васъ поблагодарить за цвѣты, которые вы мнѣ вчера прислали... прелестный букетъ!

Она въ это время лежала на кушеткѣ, усталая отъ шумно проведеннаго дня и отяжелѣвшая отъ шампанскаго, выпитаго за обѣдомъ. Санинъ сидѣлъ сзади баронессы, облокотившись на спинку ея кушетки.

— Вы, должно-быть, заснули тамъ въ уголку, m-r Georges? — продолжала баронесса.—Вы слышите, что я говорю?

Санинъ лѣниво повернулъ къ ней голову.

— Слышу, слышу... прелестный букетъ?.. Очень радъ, если онъ вамъ понравился...

— Ахъ, я обожаю цвѣты! Что̀ можетъ быть лучше? И вы какъ будто бы угадали мой вкусъ: ландыши, фіалки и сирень... Все такіе нѣжные, тонкіе ароматы... Бэтси, ты любишь цвѣты?

— О, да, конечно, — отвѣтила Бэтси, тихо покачиваясь въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ. — Но только мнѣ больше нравятся одуряющіе, нѣжные запахи... Напримѣръ, я люблю цвѣты магноліи, померанцевые цвѣты... Они пахнутъ такъ сильно, такъ сладко, что у меня является желаніе ихъ ѣсть. Но все-таки любимый мой цвѣтокъ — тубероза. Онъ меня опьяняетъ, точно гашишъ... Когда я слишкомъ долго слышу его ароматъ, мной овладѣваютъ какія-то необъяснимыя, чудныя галлюцинаціи... Потомъ, конечно, наступаетъ головная боль.

— А вы, князь? Какой цвѣтокъ вы любите больше всего? — спросила баронесса.

Князь, который болѣе всего въ мірѣ заботился о томъ, чтобы его считали острякомъ, и который о каждой своей остротѣ предупреждалъ смѣхомъ, вдругъ рѣзко и отрывисто захохоталъ.

— Я совсѣмъ не люблю цвѣтовъ. Я больше люблю самые плоды.

— Animal, que vous êtes! — воскликнула Бэтси и ударила Чхеидзе вѣеромъ по рукѣ. — Говорите серьезно.

Въ темнотѣ послышался звукъ, похожій на поцѣлуй, и князь сказалъ приторнымъ голосомъ, какимъ всегда «восточные человѣки» говорятъ комплименты:

— Самый прекрасный цвѣтокъ роза. Она похожа на васъ, Бэтси.

Баронесса опять закинула голову, чтобы увидать Санина.

— А вы, m-r Georges, отчего же не скажете, какой вашъ любимый цвѣтокъ? — спросила она.

— Мой цвѣтокъ?

Санинъ задумался.

По лицу его вдругъ скользнула какая-то не то грустная, не то нѣжная тѣнь. Повидимому, онъ вспомнилъ что-то очень далекое.

— Нарциссъ, — отвѣтилъ онъ наконецъ.

— Нарциссъ? Фи! Онъ такой вульгарный цвѣтокъ.

— Нѣтъ, это цвѣтокъ влюбленныхъ. Знаете, какъ о немъ говорятъ на Востокѣ?

И Санинъ произнесъ протяжнымъ голосомъ:

„Я шлю тебѣ нарциссъ. По цвѣту листьевъ онъ
Походитъ на того, кто до смерти влюбленъ.
Въ немъ ароматъ, какъ въ дѣвѣ въ часъ свиданья,
И блѣдность юноши въ минуту разставанья“.

— Это деликатный, наивный, задумчивый цвѣтокъ. У него такой нѣжный, еле слышный, пряный запахъ. Онъ растетъ на блѣдно-зеленомъ хрупкомъ стеблѣ и, сорванный, вянетъ, не доживая до утра.

— Ахъ, Боже мой, какъ чувствительно! — сказала насмѣшливо баронесса. — Вѣроятно, у васъ съ этимъ задумчивымъ цвѣткомъ связаны какія-нибудь деликатныя воспоминанія?

— Какъ же. Есть и воспоминанія.

— Разскажите, пожалуйста... Это, должно-быть, забавно.

— Да, да, разскажите, m-r Санинъ, — попросила Бэтси. — Это очень интересно.

— Да тутъ собственно и разсказывать-то нечего, — сказалъ Санинъ, подавляя притворную зѣвоту. — Просто — глупыя воспоминанія молодости... Я былъ студентомъ тогда и, конечно, сильно нуждался. Прочелъ я какъ-то въ газетныхъ объявленіяхъ, что ищутъ на лѣто въ

отъѣздъ репетитора-студента. Я и поѣхалъ въ одинъ крошечный уѣздный городишко, на югъ Россіи. Помню, что дорогою я все думалъ: каковы эти люди, съ которыми мнѣ придется провести цѣлое лѣто? Стану ли я къ нимъ въ отношенія члена семьи, или меня будутъ третировать, какъ «наемника»? О томъ семействѣ, куда я ѣхалъ, я зналъ только одно: что тамъ есть гимназистъ приготовительнаго класса, котораго я долженъ былъ подготовить къ дальнѣйшему курсу.

«Мой патронъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, и встрѣтилъ съ такимъ теплымъ и простымъ радушіемъ, что всѣ мои опасенія мигомъ разсѣялись. Да и одна его наружность успокоила бы всякаго. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ Сервантесъ говоритъ: «толстый — слѣдовательно добрый человѣкъ». Все въ немъ дышало неисчерпаемымъ добродушіемъ, кротостью, здоровымъ юморомъ и хорошимъ аппетитомъ. Его звали Матвѣемъ Кузьмичомъ. Въ городѣ онъ занималъ мѣсто уѣзднаго врача. Лѣтъ ему было за пятьдесятъ и, пожалуй, сильно за пятьдесятъ.

«По дорогѣ съ вокзала домой, Матвѣй Кузьмичъ сказалъ мнѣ:

«— Я долженъ васъ, батенька, объ одной вещи предупредить (батенька — было его любимое, ласкательное обращеніе). Знаете, чтобы не вышло какой-нибудь этакой непріятности... Жена у меня — нѣмая... Какъ родила второго ребенка — мертваго, такъ съ тѣхъ поръ и лишилась языка... Но слухъ у нея остался прекрасный... Такъ вотъ я и говорю, батенька, чтобы какъ-нибудь не этого... Ну, да вы меня сами понимаете.

«Пріѣхали мы. Одноэтажный домикъ, бѣлый, подъ зеленой крышей, съ чистенькими стеклами, самаго веселаго и привѣтливаго вида. Большая терраса сплошь затянута зеленью дикаго винограда. Глядя издали на та-

кіе дома, всегда почему-то чувствуется, что въ нихъ люди живутъ тихой и уютной жизнью.

«На террасѣ насъ встрѣтила Викторія Ивановна — хозяйка дома. Несмотря на весьма понятное чувство жалости, которое она во мнѣ возбуждала, я невольно остановился передъ ней, пораженный ея странной красотой: такими рисуютъ художники-символисты ангеловъ. Представьте себѣ высокую и тонкую — именно воздушную фигуру, необыкновенно бѣлое, почти безъ тѣней лицо и длинные, египетскаго очерка глаза, полные молчаливой грусти и въ то же время загадочные, какъ у сфинкса. Надѣтъ былъ на Викторіи Ивановнѣ бѣлый костюмъ какого-то фантастическаго покроя, весь въ продольныхъ складкахъ.

«— Витя, представляю тебѣ такого-то,—сказалъ Матвѣй Кузьмичъ, подводя меня къ женѣ. — Это — студентъ, будущій Колинъ репетиторъ.

«Она пристально поглядѣла на меня, молча наклонила голову и медленно протянула мнѣ руку, прикосновеніе которой заставило меня вздрогнуть точно отъ внезапнаго предчувствія.

«Чѣмъ дальше я наблюдалъ Викторію Ивановну, тѣмъ загадочнѣе она для меня становилась. Въ ней было, повидимому, полное равнодушіе къ жизни и ко всѣмъ ея проявленіямъ. И утромъ и вечеромъ, и за обѣдомъ и во время прогулокъ я ее видалъ все съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, на которомъ какъ будто бы навѣкъ застыло тоскливое выраженіе... Только къ своей прекрасной наружности и къ своему всегда фантастическому туалету относилась она съ особенной, тщательной заботливостью. Она любила болѣе, чѣмъ всякая женщина въ мірѣ, смотрѣть въ зеркало и простаивала передъ нимъ чрезвычайно долго.

«У нея не было, какъ это бываетъ у большинства нѣ-

мыхъ, желанія во что̀ бы то ни стало говорить съ окружающими. Азбуки нѣмыхъ на пальцахъ она, повидимому, не знала, а къ жестамъ прибѣгала очень рѣдко. Зато она съ болѣзненной страстностью любила музыку и цѣлые вечера проводила за фортепіано. Играла Викторія прекрасно, но, что̀ бы она ни исполняла, — всегда вкладывала въ произведеніе одинъ и тотъ же отпечатокъ затаенной, молчаливой тоски.

«Интересно и трогательно было видѣть отношеніе Матвѣя Кузьмича къ женѣ. Этотъ большой, толстый человѣкъ, годившійся ей по годамъ въ отцы, держался съ нею точно виноватый и любящій ребенокъ. Кажется, не было ни одного желанія, ни одного каприза, котораго бы онъ тотчасъ же не исполнилъ, если бы этотъ капризъ пришелъ въ голову Викторіи. Но Викторія принимала его нѣжное и внимательное ухаживаніе со своимъ обычнымъ тоскливымъ равнодушіемъ, и лишь изрѣдка, при особенно настойчивыхъ разспросахъ о здоровьѣ, между ея бровей появлялась чуть замѣтная нетерпѣливая морщинка. Этого бывало совершенно достаточно для того, чтобы Матвѣй Кузьмичъ мгновенно исчезалъ съ испуганнымъ видомъ изъ комнаты.

«Прошло недѣли двѣ или три.

«Необыкновенное чувство, испытанное мною при первомъ знакомствѣ съ нѣмой хозяйкой, не проходило. Наоборотъ, между мной и ею создалась какая-то таинственная, ненормальная связь. Стоило ей, хотя мелькомъ, посмотрѣть на меня сзади, я въ ту же секунду чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и оборачивался не инстинктивно, какъ это бываетъ обыкновенно, — но съ полной увѣренностью, что именно она на меня смотритъ. Мы съ ней никогда ни о чемъ не говорили (мало ли сколько способовъ можно было найти для обмѣна мыслей), но если я читалъ что-нибудь вслухъ или разсказывалъ о

чемъ-нибудь, я всегда зналъ, что она сидитъ тутъ же, рядомъ и не отводитъ отъ меня своихъ удивительныхъ глазъ. Когда же она въ сумеркахъ садилась за фортепіано, я забивался подальше, въ темный уголъ, и слушалъ ее, и былъ готовъ безъ конца слушать... Эта странная духовная связь не походила на начинающійся флиртъ: въ ней было что-то неестественное, жуткое...

«Однажды въ началѣ іюня, какъ теперь помню, въ воскресенье, день выдался особенно жаркій... И люди и животныя дышали съ трудомъ. Въ густомъ раскаленномъ воздухѣ чувствовалась надвигающаяся гроза, но гроза не приходила.

«Наступилъ вечеръ. Отблескъ потухающей зари придавалъ тяжелымъ сизымъ тучамъ кровавый оттѣнокъ. Темнѣло поразительно быстро. Я стоялъ на террасѣ, прислонившись къ столбу, объятый тѣмъ ноющимъ томленіемъ, которое всегда овладѣваетъ мною передъ грозой... Вдругъ привычная, властная сила заставила меня быстро обернуться назадъ... Рядомъ со мной стояла Викторія. Затѣмъ произошло нѣчто непостижимое, ужасное... Я до сихъ поръ не знаю, почему это случилось:—виновато ли во всемъ электрическое напряженіе близкой грозы, или я прочелъ въ ея глазахъ страстный призывъ,—наши руки сплелись въ дикомъ объятіи, и наши губы встрѣтились долго и мучительно-сладко.

«Мы ничего не сказали другъ другу — ни словомъ ни жестомъ. Очнувшись отъ этого внезапнаго поцѣлуя, Викторія освободилась изъ моихъ рукъ, вынула изъ-за корсажа свои маленькіе часы и показала мнѣ сначала цифру XII, а потомъ на окно. При этомъ она знакомъ показала мнѣ, что если я постучусь, то окно отворится.

«Около 11 часовъ гроза утихла. Я вышелъ на улицу, взволнованный мыслью о предстоящемъ свиданіи и объ его необычайности. Небо было ясно, чисто и казалось

бездоннымъ. Луна свѣтила съ какой-то назойливой яркостью. По срединѣ улицы лежали рѣзкія черныя тѣни домовъ. Воздухъ былъ насыщенъ острымъ запахомъ послѣ-грозовой свѣжести и тягучимъ ароматомъ бѣлой акаціи.

«Проходя палисадникомъ, я замѣтилъ грядку нарциссовъ, бѣлѣвшихъ въ темнотѣ, нагнулся и, сорвавъ одинъ, вдѣлъ его въ петличку сюртука. Потомъ, тихо скользнувъ въ полуотворенную калитку, я подошелъ къ окну, выходящему изъ спальни Викторіи въ палисадникъ.

«Окно было затворено, и, приникнувъ къ нему лицомъ, я ничего не могъ разглядѣть, кромѣ черной мглы. Удерживая дыханіе, я постучалъ еле слышно въ стекло. Окно медленно и беззвучно отворилось.

«И вдругъ я увидѣлъ передъ собою всего въ какомъ-нибудь полуаршинѣ лицо Матвѣя Кузьмича, блѣдное, взволнованное лицо, съ глазами, неестественно блестѣвшими отъ яркаго луннаго свѣта.

«Я инстинктивно схватился за палку.

«— Оставьте. Не дѣлайте глупостей,—сказалъ онъ со спокойной горечью въ голосѣ. — У жены теперь нервный припадокъ. Проходите кругомъ на террасу. Я сейчасъ тамъ буду. Намъ надо поговорить.

«Ошеломленный, уничтоженный, взбирался я по ступенямъ террасы. Матвѣй Кузьмичъ уже ждалъ меня.

«— Садитесь,—указалъ онъ на скамейку и самъ опустился рядомъ со мной.

«Въ темнотѣ мы не видали лицъ другъ друга, но я чувствовалъ, что съ моего лица не сходитъ горячая краска.

«— Видите ли,—сказалъ Матвѣй Кузьмичъ ровнымъ голосомъ, въ которомъ однако, слышалось подавленное страданіе: — видите ли, я зналъ, что жена назначила вамъ сегодня ночью свиданіе, и я не хотѣлъ этому мѣшать.

«— Почему? — спросилъ я шопотомъ.

«— Почему? Позвольте этого вамъ не объяснять. Скажу только одно: вотъ уже четвертый годъ я — ея мужъ только по имени. И я не помѣшалъ бы вамъ сдѣлать поступокъ, недостойный васъ, если бы съ Викторіей Ивановной не случился нервный припадокъ... Понимаете: она не вынесла этихъ волненій въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и теперь съ ней истерика.

«Я молчалъ, а Матвѣй Кузьмичъ продолжалъ съ тѣмъ же дѣланнымъ спокойствіемъ:

«— Я вамъ и завтра не буду мѣшать. Я не принадлежу къ числу ревнивцевъ, защищающихъ свое счастье съ револьверомъ въ рукахъ... Да я въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ и не имѣю на это нравственнаго права... Живите у насъ на какихъ угодно основаніяхъ... Дѣлайте что̀ угодно... только... только, прошу васъ... не обращайте меня въ сказку города. Мнѣ это было бы слишкомъ тяжело...

«— Нѣтъ, на это я никогда не соглашусь,—возразилъ я, тронутый его самоотверженными словами.

«— Да? Не согласитесь? — Въ голосѣ Матвѣя Кузьмича послышалось радостное возбужденіе. — Не согласитесь?.. Вы не повѣрите, какъ мнѣ отрадно это слышать... Вѣдь вы съ перваго раза произвели на меня впечатлѣніе такого честнаго человѣка... Я почти былъ увѣренъ, что вы не согласитесь.

«— Конечно же, не соглашусь.

«— Ну, а теперь — самое послѣднее... Вамъ остается взять ее съ собою. Въ ея согласіи и сомнѣваться нечего. Она за вами пойдетъ хоть на край свѣта. Хотите вы этого?

«Я не отвѣтилъ ни звука. Я не зналъ, что̀ мнѣ сказать.

«— Дѣлайте, какъ вы найдете лучшимъ. Все зависитъ отъ васъ. Я не имѣю права ни совѣтовать ни отгова-

ривать, хотя долженъ сказать, что Викторію Ивановну я обожаю, даже больше — я молюсь на нее... Но я позволю себѣ сказать только одно... Попробуйте вы обратиться къ своей совѣсти и къ своему уму. Черезъ годъ, ну, скажемъ, черезъ два, не станетъ ли вамъ въ тягость вѣчная совмѣстная жизнь съ нѣмой женщиной, съ уродомъ?.. Я самъ за васъ отвѣчу — да. А если такъ, то одно изъ двухъ: или вамъ жизнь сдѣлается несноснымъ бременемъ, или, что̀ еще хуже, вы бросите Викторію—и тогда до конца вашихъ дней вы не избавитесь отъ сознанія сдѣланнаго вами жестокаго и несправедливаго поступка. Я ее знаю. Она никогда не вернулась бы ко мнѣ послѣ этого...

«Слезы щипали мои глаза. Я поднялся со скамейки.

«— Простите меня, Матвѣй Кузьмичъ, — сказалъ я, ища въ темнотѣ его руку. — Я уѣзжаю завтра.

«Въ темнотѣ я не видѣлъ его лица. Но пожатіе его руки было такъ крѣпко и искренно, что съ моей души точно скатился камень».

Санинъ замолчалъ.

— И это все? — спросила черезъ минуту баронесса.

— Все, — отвѣчалъ Санинъ.

Баронесса разсмѣялась принужденнымъ, нервнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось ревнивое чувство.

— Очень интересный романъ. Какъ это поэтично: нѣмая Пентефрія и цѣломудренный студентъ!

Санинъ нагнулся, взялъ руку баронессы, поцѣловалъ ее и сказалъ извиняющимся тономъ:

— Ахъ, баронесса, это, вѣдь, было такъ давно...

НЕГЛАСНАЯ РЕВИЗІЯ.

Иванъ Петровичъ былъ еще сравнительно молодъ, но уже въ достаточной степени строгъ и справедливъ. Всегда безукоризненно и солидно одѣтый, съ серьезнымъ лицомъ, украшеннымъ модною бородкой-клинушкомъ, съ безстрастнымъ взглядомъ холодныхъ глазъ, съ почтительной, хотя и твердой рѣчью — онъ былъ гордостью начальства, надеждою всего департамента.

Этому многообѣщающему молодому человѣку недоставало только эффектнаго случая, чтобы окончательно завоевать будущее, но такъ какъ онъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ судьбы, то и случай не замедлилъ представиться. Его превосходительство пришелъ однажды въ департаментъ мрачнѣе тучи и быстрыми шагами прослѣдовалъ въ кабинетъ, таинственно кивнувъ по дорогѣ головою Ивану Петровичу.

Иванъ Петровичъ вошелъ твердой поступью, съ пріятнымъ и открытымъ видомъ, исполненнымъ немедленной готовности. Начальство обвило его рукою за талію и полудружески, полу-покровительственно увлекло въ амбразуру окна. Здѣсь оно съ разстановкой надѣло пенснэ, приподняло кверху брови, сдѣлало нижней губой значительную мину и взяло двумя пальцами пуговицу сюртука своего подчиненнаго. Всѣ эти признаки, ничего не значащіе въ глазахъ непосвященнаго, предвѣщали однакоже,

что разговоръ приметъ нѣсколько таинственный характеръ.

— ...Мм... Видите ли, голубчикъ, — произнесъ генералъ внушительнымъ тономъ: — вамъ предстоитъ очень серьезное порученіе... Пусть оно будетъ вашимъ, такъ сказать, э... какъ это называется?.. Ну, подводнымъ камнемъ, что ли?

Иванъ Петровичъ понялъ настоящую мысль своего начальника и молча поклонился.

— Получилъ я на-дняхъ анонимное письмо. Извольте взглянуть... Раскрываютъ злоупотребленія... Вы понимаете, каково наше положеніе? Съ одной стороны, нельзя безъ вниманія оставить, но вѣдь и гласности предать невозможно. А? Напишешь, да потомъ и самъ не радъ будешь, какъ всякая гадость на свѣтъ Божій полѣзетъ. Вы понимаете, въ этомъ дѣлѣ такъ, съ бухты-барахты нельзя вѣдь; нужно умѣть... э... какъ это называется?..

— Лавировать, ваше-ство?

— Именно, именно... Вотъ вы и поѣзжайте... Не то, чтобы офиціально, а, такъ сказать, негласнымъ образомъ... Ну, да вы сами знаете, какъ тамъ... Письмецо это съ собой захватите на всякій случай!.. Въ немъ довольно обстоятельно все изложено...

Иванъ Петровичъ поѣхалъ. Путешествіе было продолжительное, и онъ имѣлъ довольно времени, чтобы обдумать планъ предстоящихъ дѣйствій. Въ душѣ онъ очень одобрялъ начальство за то, что оно именно ему, а не кому другому, поручило это щекотливое дѣло. Это не докладную какую-нибудь составить: приходится лавировать между оглаской и правосудіемъ. Иванъ Петровичъ въ подобныхъ случаяхъ незамѣнимъ (по правдѣ сказать, это былъ первый случай въ его жизни, потому что онъ очень недавно вышелъ изъ одного привилегированнаго заведенія). Онъ наблюдателенъ и неподкупенъ. Въ сущ-

ности, вѣдь каждаго человѣка подкупить легко: иного разжалобишь тѣмъ, что прикинешься дурачкомъ, другого смягчишь обѣдомъ и партіей винта, третьяго собьешь съ толку апломбомъ. Иванъ Петровичъ неподкупенъ. Онъ сдержанъ, сухъ, отлично знаетъ человѣческую натуру, и его провести не такъ-то легко. Ему, конечно, нѣтъ никакого дѣла до этого Персюкова, который не показывалъ къ зачету какія-то тамъ переходящія суммы; главное—возстановить нарушенную идею справедливости и порядокъ.

Правда, въ предстоящемъ дѣлѣ придется провѣрять какія-то книги и суммы. Это тоже непріятная сторона порученія. Иванъ Петровичъ слышалъ, что есть на свѣтѣ двойная и итальянская бухгалтерія, слышалъ также, что слово «транспортъ» пишется внизу страницы и подчеркивается толстой чертой, но дальше его свѣдѣнія по этой части не простирались. И развѣ это такъ уже важно? Вовсе нѣтъ. Нужно только сумѣть сразу взять этого таинственнаго незнакомца, Персюкова, въ руки, ошеломить его сухостью, величественнымъ безпристрастіемъ, и онъ самъ покажетъ, что̀ нужно. Что̀ ни говорите, а знаніе людей — громадное преимущество въ рукахъ того, кто имъ умѣетъ пользоваться.

Такимъ образомъ первыя сутки дороги Иванъ Петровичъ былъ только справедливъ, но на вторыя, благодаря тряскѣ и утомленію, онъ сталъ и озлобленъ. Неизвѣстный Персюковъ сдѣлался его личнымъ врагомъ, подлежащимъ немедленному и самому жестокому распеканію.

Наконецъ поѣздъ остановился. Иванъ Петровичъ взялъ свой изящный чемоданчикъ (онъ не любилъ тратиться на то, что̀ могъ сдѣлать самъ), надѣлъ пенснэ и, изобразивъ на лицѣ совершенно такую же значительную мину, какую онъ привыкъ видѣть ежедневно на лицѣ своего генерала, вышелъ на платформу.

Онъ не успѣлъ еще пройти десяти шаговъ, когда за нимъ послышался чей-то голосъ.

— Если не ошибаюсь, Иванъ Петровичъ?

И удивленный Иванъ Петровичъ не успѣлъ обернуться, какъ тотъ же голосъ продолжалъ:

— Имѣю честь представиться: Персюковъ.

Голосъ былъ сладкій, умиленный и въ то же время и рѣшительный. Иванъ Петровичъ увидалъ передъ собою грузную, мужественно-нескладную фигуру и квадратное лицо, украшенное носомъ въ самомъ отечественномъ стилѣ—въ видѣ хорошаго картофеля. Толстыя губы складывались въ заискивающую улыбку, а глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ верхнихъ вѣкъ умно и пытливо.

— Не узнаёте меня? — продолжалъ между тѣмъ Персюковъ, завладѣвъ рукою Ивана Петровича и горячо пожимая ее. — А вѣдь мы съ вами однажды въ Петербургѣ встрѣтились.

— Извините, пожалуйста, но я положительно не помню...

— Ахъ, какъ же это? Молодой человѣкъ, а память вамъ измѣняетъ! Я имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ, если не у Трухачевыхъ, то уже во всякомъ случаѣ у Протопоповыхъ.

Хотя «молодой человѣкъ» порядкомъ покоробилъ Ивана Петровича, но, на всякій случай, онъ счелъ не лишнимъ изобразить на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ пріятнаго изумленія. «Чортъ его знаетъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ встрѣчались».

Натискъ, произведенный на него врагомъ, былъ такъ неожиданъ, такъ не согласовался со всѣми теоретическими правилами веденія войны, что Иванъ Петровичъ былъ быстро сбитъ съ точки. Иниціативой дѣйствія и нравственнымъ верхомъ самовольно завладѣлъ и, надо сознаться, завладѣлъ довольно грубо, предпріимчивый Персюковъ.

Долговязый малый въ синемъ казакинѣ со шнурами и лампасами принялъ изъ рукъ Ивана Петровича его багажъ, а черезъ двѣ минуты и самъ Иванъ Петровичъ сидѣлъ рядомъ съ Персюковымъ въ легкихъ санкахъ, которыя мчала пара великолѣпныхъ сѣрыхъ рысаковъ, покрытыхъ синей сѣткой.

Персюковъ заливался соловьемъ; оказывается, что онъ выѣхалъ на вокзалъ нынче совершенно случайно, «провѣтриться». Онъ очень радъ, что имѣетъ возможность избавить уважаемаго Ивана Петровича отъ непріятной необходимости мерзнуть на почтовыхъ.

Уважаемый Иванъ Петровичъ больше молчалъ. Его всегда нѣсколько тошнило отъ быстрой ѣзды. Онъ кутался въ поднятый воротникъ пальто и внутренно пилилъ себя. Во-первыхъ, на привѣтствіе Персюкова ему слѣдовало отвѣтить какъ можно суше и уже ни подъ какимъ видомъ руки не подавать. Во-вторыхъ, онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ все это такъ быстро случилось, и у него не нашлось ни одного слова, чтобы «о с а д и т ь» и «о б р ѣ з а т ь». Въ нѣжномъ тонѣ и въ любезныхъ манерахъ Персюкова было что-то до того увѣренное и опредѣленное, что ему сопротивляться было положительно невозможно. Иванъ Петровичъ махнулъ рукой и предалъ себя мысленно судьбѣ.

Кучеръ сдержалъ великолѣпныхъ рысаковъ передъ домомъ Персюкова. Домъ былъ небольшой, очень скромный, безъ претензіи на шикъ, но, видимо, построенный согласно съ требованіями разумнаго и долговѣчнаго комфорта, какъ строились въ старое, доброе время барскіе дома.

Персюкова внезапно осѣнила счастливая мысль.

— Знаете что̀, — обратился онъ трогательно-умильнымъ голосомъ къ Ивану Петровичу: — можетъ-быть, вы у меня немного передохнете послѣ дороги?.

— Нѣтъ, нѣтъ, покорнѣйше васъ благодарю, — энер-

гично запротестовалъ Иванъ Петровичъ: — мнѣ никакъ нельзя... у меня тамъ... дѣла разныя.

Это была послѣдняя его попытка заявить свою самостоятельность. Персюковъ такъ сладко и такъ рѣшительно настаивалъ, что опять пришлось подчиниться. Несмотря на всѣ отказы и извиненія, Иванъ Петровичъ былъ почти снятъ съ саней и введенъ въ домъ, причемъ его поддерживали подъ локти: съ одной стороны хозяинъ, а съ другой— долговязый малый въ синемъ казакинѣ, несшій чемоданъ.

— Милости прошу въ мою берлогу, — сказалъ Персюковъ, введя своего гостя въ небольшую, уютную комнату. — Вы на меня не будете въ претензіи, если я васъ на одну минуточку оставлю?

Онъ вышелъ. Оставшись одинъ, Иванъ Петровичъ внимательно оглядѣлъ «берлогу». Комната была обставлена умѣло и со вкусомъ и, какъ видно, съ большими средствами. Дорогая мебель краснаго дерева, обиліе рѣдкихъ растеній, нѣсколько приличныхъ масляныхъ картинъ придавали ей солидный тонъ.

Иванъ Петровичъ теперь начиналъ сознавать, что преувеличенная любезность Персюкова, продолжительное его отсутствіе—словомъ, все клонится къ тому, чтобы окончить дѣло обѣдомъ. Положимъ, онъ могъ этого избѣжать: стòитъ только взять шапку и уйти. Но, разъ уже сдѣланъ цѣлый рядъ ошибокъ — одна лишняя вовсе не имѣетъ особеннаго значенія. Это разсужденіе тѣмъ болѣе успокоивало Ивана Петровича, что онъ начиналъ уже чувствовать порядочный голодъ. Онъ бы, пожалуй, и совсѣмъ успокоился, если бы его не мучилъ трудно разрѣшимый вопросъ: дѣйствительно ли пріѣхалъ Персюковъ на вокзалъ случайно, или его кто-нибудь раньше увѣдомилъ?..

Черезъ нѣсколько минутъ показался въ дверяхъ хозяинъ, въ сопровожденіи высокой, пышной брюнетки.

— Позвольте васъ познакомить съ моей женой...

Иванъ Петровичъ поклонился такъ, какъ всегда кланялся съ дамами: одною головой, не сгибая спины. Этотъ поклонъ выходилъ очень красиво у одного знакомаго ему кавалергарда.

— Мнѣ при первомъ же знакомствѣ приходится передъ вами извиниться, — сказалъ онъ съ обычной ему въ этихъ случаяхъ серьезной вѣжливостью. — Я только-что съ дороги...

— И вамъ совсѣмъ не въ чемъ извиняться, — возразила она. — По-моему, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Помните только, что вы не въ Петербургѣ, а въ гостепріимной провинціи...

Она засмѣялась. Голосъ у нея былъ грудной, низкій, очень пріятный, а смѣхъ звучный и заразительный, но безъ всякой вульгарности. Перебрасываясь незначительными фразами съ Иваномъ Петровичемъ, она не спускала съ него глазъ, и по этому взгляду, любопытному и привѣтливому, немного ласкающему, онъ заключилъ, что произведенное имъ впечатлѣніе было самое благопріятное.

Между тѣмъ исчезавшій поминутно Персюковъ опять появился въ комнатѣ и пригласилъ обоихъ къ столу.

— Не обезсудьте за скромную трапезу, — говорилъ онъ, заставляя съ почтительной фамильярностью пройти въ двери первымъ Ивана Петровича, который немного стѣснялся.

Теперь, впрочемъ, Иванъ Петровичъ сопротивлялся совсѣмъ слабо. Скромная трапеза состояла изъ жареныхъ устрицъ, бульона съ какими-то удивительными пирожками, таявшими во рту, холодной осетрины, дичи и замѣчательной толстой бѣлой спаржи. Столъ былъ сервированъ безукоризненно, и на немъ, несмотря на зимнее время, красовался большой букетъ

геліотроповъ, «изъ собственной оранжерейки», какъ пояснилъ потомъ, самодовольно улыбаясь, Персюковъ. За столомъ прислуживалъ благообразный лакей, не въ нитяныхъ, а въ свѣжихъ замшевыхъ перчаткахъ. Вина подавались тонкія и дорогія, не изъ тѣхъ хересовъ помадеристѣе, которые такъ любитъ хлѣбосольная и падкая на разноцвѣтные ярлыки провинція, но настоящія, выдержанныя французскія вина. Съ каждымъ глоткомъ душистой влаги Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ въ груди его таяло справедливое негодованіе и умолкали грубые перуны.

Разговоръ за обѣдомъ весьма естественно вертѣлся около желѣзнодорожныхъ путешествій и приключеній. Это дало возможность Ивану Петровичу разсказать нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ своей прошлогодней поѣздки за границу. Онъ умѣлъ разсказывать очень недурно и не безъ юмора, но, какъ всѣ большіе себялюбцы, оживлялся только тогда, когда говорилъ о самомъ себѣ.

По тому, какъ его слушали, сказывалась разница между мужемъ и женой. Персюковъ слушалъ разсѣянно: то съ преувеличеннымъ вниманіемъ, то совсѣмъ не слушалъ, поглощенный какими-то мыслями. Если Иванъ Петровичъ обращался къ нему лично, то онъ суетливо поддакивалъ, или смѣялся и тотчасъ же добавлялъ:

— А вотъ попробуйте-ка этого лафита. Какъ вы находите, есть букетъ?

Валентина Сергѣевна не перебивала его ни однимъ словомъ; когда онъ обращалъ голову по ея направленію, она поднимала глаза отъ тарелки и внимательно глядѣла въ его глаза, изрѣдка переводя ихъ на губы, что въ свою очередь тотчасъ же невольно дѣлалъ и Иванъ Петровичъ. Это его смущало, но въ то же время было ему почему-то пріятно. Когда она смѣялась, — смѣхъ сначала загорался въ ея глазахъ, а потомъ уже трогалъ губы,

что очень шло къ ней и придавало улыбкѣ интимный оттѣнокъ.

Обѣдъ кончился. Валентина Сергѣевна предложила пить кофе въ другой комнатѣ.

— Вотъ мой любимый уголокъ, — сказала она, показывая на мѣсто около камина.

Каминъ, около котораго стояли удобная козетка и два кресла, совсѣмъ былъ отгороженъ отъ всей комнаты: съ одной стороны—піанино, съ другой—широколистыми, раскидистыми пальмами и трельяжемъ изъ какого-то вѣющагося растенія. Въ этотъ уголокъ былъ поданъ кофе, ликеръ и ящикъ съ сигарами.

Иванъ Петровичъ, неподкупная совѣсть котораго уже теперь не заявляла о своемъ существованіи, глубоко усѣлся въ кресло, втянулъ полусжатыми губами нѣсколько капель густого, захватывающаго духъ ликера, посмаковалъ его на языкѣ и принялся медленно, со знаніемъ дѣла обрѣзывать дорогую сигару.

Зимній вечеръ замѣтно темнѣлъ. Красный свѣтъ камина трепеталъ на полу, на зеркалахъ, на потолкѣ; длинныя, причудливыя тѣни отъ пальмъ дрожали и перепутывались; вмѣстѣ съ тепломъ сладкая лѣнь охватила тѣло.

Иванъ Петровичъ провелъ сигарой подъ носомъ и вдохнулъ расширенными ноздрями ея ароматный дымъ. Присутствіе красивой женщины, которая съ каждой минутой нравилась ему все больше и больше, вмѣстѣ съ блаженнымъ состояніемъ послѣобѣденнаго покоя, совсѣмъ его размягчили.

— Удивительное дѣло, — сказалъ онъ медленнымъ голосомъ: — ничто такъ не сближаетъ людей, какъ каминъ и полутьма. Отчего это?

Персюкова совсѣмъ не было видно въ тѣни между растеніями. При послѣднихъ словахъ онъ нагнулся, чтобы

наполнить рюмку Ивана Петровича и поглядѣть, мимоходомъ, на его лицо. Взглядъ былъ внимательный, испытующій, какъ у осторожнаго доктора, который прописалъ больному новую микстуру и наблюдаетъ за ея дѣйствіемъ. Однако онъ ничего не сказалъ, опять ушедши въ тѣнь пальмъ.

— Я думаю, это оттого, — отвѣчалъ самъ себѣ Иванъ Петровичъ: — что у всѣхъ, сидящихъ вмѣстѣ у камина, одно и то же настроеніе. Мирное такое, задумчивое, немного грустное, можетъ-быть...

— Домашніе пенаты незримо присутствуютъ, — отозвался откуда-то голосъ Персюкова.

Иванъ Петровичъ повернулъ голову и даже прищурился, но изъ свѣта не разглядѣлъ Персюкова, сидѣвшаго въ темнотѣ.

— Можетъ-быть, и пенаты, — согласился онъ. — А главное—это обстановка. На дворѣ ни свѣтло ни темно; по-польски это называется «шара година» — очень удачное выраженіе, по-моему. Въ комнатѣ пахнетъ такъ хорошо (онъ понюхалъ воздухъ), немного духами, немного лакомъ и деревомъ отъ рояля. Тепло, полутьма, и дремлется, и вспоминается что-то, и куда-то манитъ, ждешь чего-то неизвѣстнаго...

Онъ остановился и поглядѣлъ на Валентину Сергѣевну. Ему казалось, что она оцѣнитъ его манеру говорить и опять проведетъ по его лицу своимъ ласкающимъ взглядомъ. Но она не шевельнулась, продолжая сидѣть со скрещенными на груди руками и закинутой на спинку козетки головой. Изъ всего ея лица ему видны были только ея ротъ и подбородокъ.

— Чего-то таинственнаго, поэтическаго хочется, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, неотступно глядя на освѣщенную часть лица Валентины Сергѣевны и думая въ то же время о томъ, что навѣрно этотъ «бестія» Пер-

сюкова слѣдитъ за нимъ самимъ съ такимъ же вниманіемъ изъ своего темнаго угла. — Жаль, что я не знаю хорошихъ стиховъ. Или тоже хорошо бы теперь слушать длинную чудесную сказку, но только вѣрить ей, какъ, бывало, вѣрилось въ дѣтствѣ.

Онъ замолчалъ. Въ комнатѣ слышалось только слабое хрустѣніе угольевъ.

Персюковъ вдругъ быстро поднялся, тихо отодвинулъ свой стулъ и, мягко ступая по ковру, подошелъ къ Ивану Петровичу.

— Вы меня простите, пожалуйста, Иванъ Петровичъ, — сказалъ онъ: — мнѣ сейчасъ нужно съѣздить по одному дѣлу.

— Скоро ты пріѣдешь?—лѣниво спросила Валентина Сергѣевна, не оборачивая головы.

— Не знаю, голубчикъ. Черезъ часъ, можетъ-быть, черезъ два. Дѣло ужъ очень спѣшное. Ты постарайся, чтобы Ивану Петровичу не было скучно... Я не прощаюсь...

Онъ вышелъ на цыпочкахъ, тихо и плотно затворивъ за собою дверь.

Пока не стихли его шаги, ни гость ни хозяйка не сказали другъ другу ни слова. Ему казалось, что въ этой тишинѣ между ними устанавливается непреодолимая близость.

Она заговорила первая.

— Вотъ вы сейчасъ сказали, что пахнетъ лакомъ, и потомъ—про дѣтство. Скажите, случалось съ вами, что иногда какой-нибудь звукъ или запахъ вдругъ вызоветъ цѣлую картину изъ прошлаго? Особенно ярки воспоминанія, связанныя съ запахомъ. Знаете, когда я слышу запахъ этого самаго свѣжаго лака, мнѣ сейчасъ же представляется такая картина: я еще совсѣмъ, совсѣмъ маленькая, лѣтъ семи или восьми, и стою въ углу, лицомъ къ стѣнѣ. Можетъ-быть, я была наказана, не знаю. Стѣна

покрашена коричневой краской, густо такъ... и я отдираю эту краску ногтемъ. Солнце въ это время садится; на полу четырехугольныя пятна отъ оконъ, совсѣмъ багровыя... Откуда-то, неизвѣстно, пахнетъ не то лакомъ, не то яблоками. И вы не можете себѣ представить, какъ вдругъ грустно сдѣлается и хорошо... Точно жаль, что нельзя этого воротить... Съ вами бываетъ что-нибудь подобное?

Она обернула къ нему голову лѣниво-граціознымъ движеніемъ. Глаза ея, только-что оторвавшіеся отъ огня, еще не потеряли неопредѣленнаго, мечтательнаго выраженія.

Иванъ Петровичъ только теперь вполнѣ постигъ и оцѣнилъ красоту ея лица: блѣднаго, чувственнаго и чрезвычайно нѣжнаго, съ низкимъ лбомъ и яркими губами...

У Ивана Петровича было тяжелое, грубое и однообразное дѣтство, о которомъ онъ не любилъ никогда вспоминать. Но на вопросъ Валентины Сергѣевны онъ отвѣчалъ утвердительно, и такъ живо и радостно, какъ будто бы она въ немъ возбудила самыя дорогія воспоминанія... Его почти безсознательно тянуло перевести разговоръ на почву неясныхъ мыслей и тонкихъ ощущеній.

Опять, такъ же, какъ и за обѣдомъ, ихъ глаза встрѣтились. Она закусила нижнюю губу; Ивану Петровичу опять стало неловко и пріятно.

— Зачѣмъ вы глядите такъ долго? — сказала вдругъ Валентина Сергѣевна шопотомъ.

Но сама она глазъ не отвела; наоборотъ, въ нихъ загорѣлся вызывающій, дерзкій смѣхъ.

И, внезапно разсмѣявшись громко, она поставила свою ладонь между его и своими глазами и такъ близко къ его лицу, что онъ ощутилъ ея душистую теплоту. Его сердце сжалось и дрогнуло. Онъ хотѣлъ поцѣловать эту теплую ладонь, но не рѣшился; когда же она отняла руку, онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ этого не сдѣлалъ.

Каминъ начиналъ потухать. Красный полумракъ становился гуще. Съ каждой минутой дѣлалось все болѣе жутко и пріятно. Теперь нужно было или окончить эту неловкость, или совершенно отдаться минутѣ и случаю.

— А я не ожидалъ, что вы слыхали мои слова, — сказалъ Иванъ Петровичъ, чтобы только нарушить напряженное молчаніе. — Мнѣ показалось — вы, глядя на огонь, совсѣмъ ушли въ себя.

Она перевела глаза на огонь, и лицо ея опять стало мечтательнымъ.

— О, нѣтъ, я васъ внимательно слушала... Вы чуть-чуть не выразили одной моей любимой мысли... Только не досказали...

— Хотите, я теперь доскажу?..

— Нѣтъ, вы не угадаете... Это трудно. Ну, хорошо, говорите.

— Вы задумались надъ моими словами, что иногда хочется чего-то неизвѣстнаго... непохожаго на повседневную прозу, что̀ бы шло, можетъ-быть, въ разрѣзъ... въ разрѣзъ... ну, хоть даже съ общественной моралью...

— А дальше?..

— Дальше? А вы мнѣ скажите раньше, угадалъ я?

— Не совсѣмъ... Впрочемъ, я все равно теперь своей мысли не скажу... Все-таки, что̀ же дальше? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, у меня на этотъ счетъ есть своя цѣлая философія... Только я боюсь, что вамъ будетъ неинтересно...

Ему было настолько интересно, что онъ всталъ съ кресла и сѣлъ рядомъ съ ней на козетку.

— Видите ли...—начала Валентина Сергѣевна быстро и немного волнуясь. — Но я боюсь за свой языкъ, совсѣмъ не умѣю имъ владѣть... Видите ли: вѣдь никому неизвѣстно, что̀ было съ человѣкомъ до его рожденія... Я вотъ закрываю глаза и стараюсь припомнить, что̀ было раньше. И ничего, ничего нѣтъ, кромѣ вѣчной

темноты. Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, не думаю. И вдругъ, откуда-то, точно полоса свѣта, жизнь. Я живу, понимаю, могу говорить, двигаться. Но вѣдь это все только на мгновеніе. Наступитъ старость, потомъ смерть... А потомъ? Опять та же неизвѣстность, опять, стало-быть, тотъ же холодъ, то же ужасное «ничто». Для чего же это мгновеніе свѣта? Кто мнѣ растолкуетъ его смыслъ? Что̀ это? Случай? Ошибка чья-то? Недодуманность? Вѣдь не могу же я думать, что кто-нибудь подшутилъ надъ всѣмъ человѣчествомъ? Я читаю и слышу постоянно, что всѣ мы, люди, одарены разумомъ и волей, и это насъ связываетъ въ братскую семью. Ахъ! Ничего этого я не вижу и не хочу признавать! Я вижу толпу, безсмысленную, раздавленную страхомъ смерти, толпу, которая судорожно цѣпляется за этотъ кусочекъ жизни и свѣта... Мнѣ самой становится страшно и противно!

Она замолчала и нагнула низко голову, приглядываясь къ огню.

Иванъ Петровичъ слѣдилъ за ея словами и движеніями, точно наэлектризованный. Онъ видѣлъ, какъ высоко поднималась ея волнующаяся грудь, видѣлъ, какъ посреди полутьмы сверкало красное отраженіе огня въ ея широко раскрытыхъ глазахъ, какъ трепетали и раздувались ея тонкія, розовыя отъ камина ноздри... Онъ замѣтилъ, какъ мягкія складки платья опредѣляли форму всей ея стройной, крѣпкой ноги. Теперь въ этой душной и теплой атмосферѣ, пахнущей мускусомъ, вино, выпитое Иваномъ Петровичемъ за обѣдомъ, сразу кинулось ему въ голову.

Онъ замѣтилъ, что ея рука, слабо бѣлѣвшая въ темнотѣ, небрежно лежала на козеткѣ. Почти безсознательно, робѣя и волнуясь, онъ положилъ свою руку рядомъ, такъ, что ихъ мизинцы соприкоснулись.

«Замѣтила она или нѣтъ? Если отниметъ руку, я извинюсь», — думалъ Иванъ Петровичъ.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, — сказалъ онъ вслухъ: — вы меня очень заинтересовали.

— Если такъ ужасна смерть, — продолжала Валентина Сергѣевна: — и такъ страшно-коротка жизнь, зачѣмъ же я ее буду дѣлать скучной и безрадостной? Я хочу веселья и смѣха, — мнѣ угрожаютъ общественнымъ мнѣніемъ; я хочу наслажденія, — мнѣ говорятъ про долгъ и про обязанности! Да для чего же все это? Кому нужна моя исполнительность передъ этимъ самымъ долгомъ? Ну, представьте себѣ, что я иду куда-нибудь далеко пѣшкомъ и несу за спиной тяжелый мѣшокъ съ драгоцѣнностями. По дорогѣ я навѣрно узнаю, что у меня мой мѣшокъ завтра же отнимутъ. Ну, развѣ я не благоразумно поступлю, если я сброшу съ плечъ эту обузу, продамъ ее, расшвыряю деньги на вѣтеръ и хоть день, хоть часъ буду счастлива, какъ хочу?

Иванъ Петровичъ жадно ловилъ ея слова, переводя ихъ тотчасъ же языкомъ разговаривавшей въ немъ страсти. Онъ уже не сомнѣвался, что аллегорія о мѣшкѣ заключала въ себѣ нѣкоторымъ образомъ «разрѣшеніе на свободу дальнѣйшихъ дѣйствій». Удивительною казалась лишь головоломная быстрота, съ которой приближалась развязка. «Что̀ это? Капризъ избалованной женщины? Мгновенная вспышка долго, можетъ-быть, сдержаннаго желанія?»—размышлялъ онъ, между тѣмъ какъ все его тѣло охватывала и сладко сжимала сердце тянущая истома, знакомая ему истома, похожая на страхъ и на ожиданіе. «Или это явленіе психоза, болѣзненнаго разстройства нервовъ? Или — одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда женщины изъ минутной вспышки гнѣва и ревности дѣлаютъ то, въ чемъ потомъ каются въ продолженіе всей жизни?»

Иванъ Петровичъ все сильнѣе прижималъ ея мизинецъ; она руки не убирала.

— Значитъ... значитъ, вы вѣрите только въ наслажденіе? — спросилъ онъ тихо, совсѣмъ замирающимъ голосомъ.

Темнота сдѣлала его смѣлымъ и безумнымъ. Онъ взялъ рѣшительнымъ движеніемъ ея маленькую, нѣжную и сильную руку и крѣпко сжалъ въ своей рукѣ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и сдѣлала движеніе, чтобы вырвать руку— онъ пожалъ ее вторично.

Тогда внезапно она вся обернулась къ нему и, отвѣчая порывистымъ пожатіемъ, прошептала:

— Да, да, въ одно наслажденіе...

Иванъ Петровичъ также въ свою очередь повторилъ это слово, но врядъ ли теперь и онъ и она понимали, что̀ говорили. Слова теряли свой смыслъ, оставались только звуки, произносимые страстнымъ, волнующимся шопотомъ.

— А если вамъ мѣшаютъ препятствія?

— Я ихъ не знаю.

— Безъ нихъ нельзя. Ну, скажите, напримѣръ, что̀ бы вы сдѣлали, если бы вамъ кто-нибудь сильно понравился?

— Я заранѣе не могу сказать. Вѣроятно, поступила бы такъ, какъ велитъ сердце.

— Но вы замужемъ.

Она нѣсколько секундъ помолчала, и, когда заговорила, ея голосъ звучалъ глухо.

— Вѣдь мы окружены такою непроницаемою сѣтью выдуманныхъ условій, что изъ нихъ выбраться нѣтъ силъ. И зачѣмъ объ этомъ говорить? Зачѣмъ сопротивляться тому, что̀ манитъ? Помните, у кого это?

„Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!“

— Дальше, дальше,—просилъ Иванъ Петровичъ, когда она сразу замолчала, точно спохватившись:—ради Бога, продолжайте.

Она вздохнула такъ глубоко и прерывисто, какъ будто ей не хватало воздуха, и кончила еле слышно, но выразительно оттѣняя слова:

— „Что здѣсь думать? Я твоя, ты—мой.
Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!
На меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что̀ въ сердцѣ, не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!“

Ея глазъ ему не было видно; онъ хотѣлъ разсмотрѣть ихъ выраженіе. Но, когда онъ совсѣмъ близко нагнулся къ ней, ароматъ ея тѣла и духовъ оньянилъ его. Не помня себя, онъ обвилъ руками ея станъ; сцѣпивъ пальцы съ пальцами, притянулъ къ себѣ ея тѣло и сталъ цѣловать ея губы, глаза, шею...

Валентина Сергѣевна въ ту же секунду очнулась...

— Оставьте меня, пустите, — воскликнула она сердито и, какъ видно, съ намѣреніемъ громко. — Вы сошли съ ума!

Ивана Петровича не испугали бы гнѣвныя слова. Онъ, какъ большинство мужчинъ, инстинктивно держался того мнѣнія, что сопротивленіе дѣлаетъ только слаще тріумфъ побѣдителя, и кромѣ того былъ слишкомъ взволнованъ для безпрекословнаго послушанія. Но перемѣна, происшедшая въ Валентинѣ Сергѣевнѣ за какія-нибудь двѣ секунды, просто ошеломила его. Съ лица сбѣжало выраженіе нѣги, оно стало сразу холоднымъ и нѣсколько грубымъ; голосъ, вмѣсто лѣнивыхъ бархатныхъ нотъ, зазвучалъ холодно и крикливо... Онъ невольно опустилъ руки.

Валентина Сергѣевна тотчасъ же встала, подошла къ двери и, пріотворивъ ее, крикнула:

— Маша! — подайте огня!

Иванъ Петровичъ раздраженно пересѣлъ на свое кресло, поправляя распустившіеся волосы. Ему вдругъ припомнился весь сегодняшній позорный день, и жгучая краска стыда прилила къ его щекамъ.

«Околпачили, околпачили!» — твердилъ ему какой-то внутренній злорадный голосъ, и Иванъ Петровичъ молчалъ, какъ убитый, не поворачивая головы, хотя и чувствовалъ на себѣ вопросительный взглядъ Валентины Сергѣевны.

Горничная внесла лампу, поставила ее на столъ и вышла, скользнувъ любопытно-лукавымъ взглядомъ по обоимъ собесѣдникамъ.

Валентина Сергѣевна, заслоняясь рукой отъ свѣта, рѣзавшаго глаза, упорно глядѣла на Ивана Петровича, такъ что онъ невольно поднялъ голову. Ея лицо выражало тревогу. Онъ понялъ ея мысли, и напряженная, злая улыбка искривила его губы.

Она нерѣшительно подошла къ нему и дотронулась до его волосъ.

— Зачѣмъ вы сердитесь, если сами виноваты? Ну, а если бы кто-нибудь вошелъ?

Она хотѣла загладить свою, можетъ-быть, невольную жестокость.

Чувство стыда возрастало въ несчастномъ Иванѣ Петровичѣ, принимая невыносимые размѣры. Онъ дорого далъ бы теперь за возможность быть какъ можно дальше отъ этой кокетливой комнаты и отъ этой красивой женщины, казавшейся ему пять минутъ назадъ такой очаровательной.

Наконецъ онъ не выдержалъ.

— Скажите, пожалуйста, скоро вашъ супругъ вернется? — спросилъ онъ грубо и не глядя на нее.

— Не знаю, — отвѣчала она удивленнымъ и обиженнымъ тономъ: — можно послать за нимъ, если хотите.

Видѣть въ настоящую минуту Персюкова было бы для Ивана Петровича еще горшей мукой. Онъ уже давно въ умѣ рѣшилъ плюнуть на всю эту дурацкую ревизію, гдѣ онъ держалъ себя такимъ подлымъ образомъ. Нужно было только выдумать приличный предлогъ, чтобы ретироваться.

Предлогъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не выискивался, и Иванъ Петровичъ пошелъ напроломъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, вставая и глядя въ землю: — и извинитесь за меня передъ вашимъ мужемъ... Къ сожалѣнію, я не могу больше ожидать... Мнѣ нужно тутъ... я долженъ еще поспѣть въ одно мѣсто.

Она его не удерживала, молча протянувъ ему руку. Она начинала понимать и отчасти переживать его состояніе.

Онъ взялъ свою шляпу, дошелъ до дверей, но внезапно остановился, подумалъ секунду или двѣ и вдругъ быстро подошелъ къ ней.

— Вотъ еще что̀, Валентина Сергѣевна, — произнесъ онъ дѣланно-суровымъ голосомъ: — передайте отъ меня вашему мужу, чтобы онъ осторожнѣе обращался съ переходящими суммами. На него анонимные доносы пишутъ!

Этимъ предупрежденіемъ Иванъ Петровичъ окончательно подписалъ свой позоръ. Эффектный случай былъ безвозвратно потерянъ.

Онъ стоялъ и кусалъ молча свои розовые, выхоленные ногти; его терзали неловкость и бѣшенство. Ему хотѣлось плакать, хотѣлось надавать себѣ пощечинъ, хотѣлось до конца испить всю горечь стыда и сладость самобичеванія.

— Скажите еще вашему мужу, прекрасная Клеопатра,—воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали побѣда и сдержанныя рыданія:—пусть онъ ежедневно бла-

годаритъ Создателя за то, что напалъ на такого пижона, какъ я; иначе ему пришлось бы очень плохо... Мнѣ поручено было произвести негласную ревизію... Какъ видите, я блестящимъ образомъ выполнилъ возложенное на меня порученіе... Имѣю честь кланяться... Вы не думайте, что я могу вамъ быть вреднымъ... Если хотите, я въ вашихъ рукахъ оставлю противъ себя письменный документъ...

Съ этими словами, едва сдерживая нервныя слезы, которыя жгли ему горло, онъ кинулъ на столъ анонимное письмо и, не прощаясь, надѣвъ въ комнатѣ шляпу, бѣгомъ выбѣжалъ въ переднюю.

Едва за нимъ затворились двери, какъ изъ другой комнаты показался Персюковъ. Его квадратное лицо сіяло самой невинной радостью. Онъ никуда и не думалъ уѣзжать и прекрасно слышалъ все происходившее.

Онъ подкрался неслышными шагами къ своей женѣ, занятой чтеніемъ письма, осторожно обвилъ ее рукою за шею (отчего она слабо вскрикнула), отогнулъ ея голову назадъ и медленно, съ чувствомъ, запечатлѣлъ долгій, благодарный поцѣлуй на ея яркихъ губахъ.

Эти нѣжные супруги давно уже привыкли понимать другъ друга безъ лишнихъ словъ.

ДУХЪ ВѢКА.

Фантастическій разсказъ.

Каждый разъ, когда Истоминымъ овладѣвалъ знакомый приступъ лихорадки, онъ перебирался изъ своего комфортабельнаго, просторнаго кабинета въ маленькую, тѣсную, темную комнату, которая служила въ обыкновенное время гардеробной. Комната эта такъ и называлась въ домѣ «папинымъ лазаретомъ». Кромѣ сундуковъ, въ ней стоялъ диванъ стариннаго, неуклюжаго фасона, жесткій и неудобный, съ прорванной обивкой и вылѣзающей изъ нея наружу мочалкой. Этотъ ветхій предметъ долго возмущалъ хозяйственную и аккуратную Вѣру Платоновну. Много разъ поднимала она разговоръ о необходимости продать его старьевщикамъ и даже ссорилась по этому поводу съ мужемъ, но Павелъ Егоровичъ, всегда уступчивый, мягкій и покладистый въ сношеніяхъ съ людьми и совершенно равнодушный къ мелочамъ жизни,— оказывалъ въ этомъ вопросѣ стойкое сопротивленіе.

— Какъ! Продать стараго, преданнаго, испытаннаго друга?—восклицалъ онъ, мѣшая, по своему обыкновенію, шутку съ искреннимъ чувствомъ.—Нѣтъ, это будетъ хуже, чѣмъ предательство! Вѣдь сколько мы со старикомъ передумали и перечувствовали въ мои лихорадочныя ночи. И какъ вѣрно служилъ онъ мнѣ во время моихъ кошмаровъ. Онъ бывалъ для меня попеременно то лошадью съ огненными

ноздрями, то лодкой, то дельфиномъ, то палубой корабля, то бѣлымъ индійскимъ слономъ... Нѣтъ, я съ нимъ не въ силахъ разстаться, Вѣрочка...

И, дѣйствительно, только тогда Истоминъ начиналъ чувствовать себя немного лучше во время своихъ жестокихъ пароксизмовъ, когда водворялся на этомъ диванѣ и покрывался старой-престарой, еще отцовской енотовой шубой, которая, такъ же, какъ и диванъ, только на этотъ случай и держалась въ домѣ. Очень можетъ быть, что капризная любовь Истомина къ дырявому дивану и къ изъѣденной молью шубѣ проистекала изъ какого-нибудь страшно отдаленнаго воспоминанія о болѣзни, перенесенной въ дѣтствѣ, когда точно такъ же онъ лежалъ на старинномъ диванѣ, покрытый чьей-то теплой, старенькой шубой.

Какъ только Павелъ Егоровичъ водворялся на диванѣ, около него ставили столикъ со свѣчой, колокольчикомъ, стаканомъ холоднаго чаю и первымъ попавшимся подъ руку уголовнымъ романомъ, потомъ всѣ по его просьбѣ уходили, и онъ оставался одинъ, пылая жаромъ, забываясь и бредя, и зачитываясь въ сознательные промежутки нелѣпыми похожденіями кровавыхъ героевъ. Кромѣ стараго лакея, и то по звонку,—никто не смѣлъ входить въ комнату, потому что въ этихъ случаяхъ кроткимъ, любящимъ Павломъ Егоровичемъ овладѣвало сильнѣйшее раздраженіе: онъ начиналъ кричать, швырять бульварные романы объ стѣну, сбрасывалъ на полъ со столика стаканъ... Съ теченіемъ времени ему удалось «дисциплинировать домъ», и его на все время болѣзни оставляли въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Вѣра Платоновна называла это причудами, самодурствомъ, но самъ Истоминъ глядѣлъ нѣсколько иначе.

— Видишь ли, Вѣрочка, — говорилъ онъ иногда въ здоровые дни: — всѣ страданія людей происходятъ оттого.

что люди все больше и больше отдаляются отъ животныхъ. Мы утеряли ихъ натуральную красоту, ихъ грацію, силу и ловкость, ихъ стойкость въ борьбѣ съ природой, живучесть. Но хуже всего, что сознаніе убило въ людяхъ инстинкты. Ты посмотри на собаку. Если она заболѣваетъ, она непремѣнно норовитъ запрятаться куда-нибудь подальше отъ нескромныхъ взоровъ. Хорошая собака никогда не умретъ дома. Она убѣжитъ въ укромное мѣстечко и тамъ сдохнетъ... Потому что она инстинктомъ понимаетъ, что смерть представляетъ собой явленіе самое противоестественное и гнусное, зрѣлище самое грязное и омерзительное, и она, эта честная, великодушная, самоотверженная собака — скромно избавляетъ своихъ бывшихъ друзей отъ необходимости созерцать самый отвратительный актъ въ мірѣ. А человѣкъ... Человѣкъ—все извратилъ, усложнилъ, перековеркалъ—и въ природѣ и въ самомъ себѣ... Доктора, ухаживаніе, притворство, постныя мины, жалость къ самому себѣ, умиленіе отъ жалости другихъ, словомъ — то наслажденіе страданіемъ, о которомъ говорилъ великій писатель.

На этомъ мѣстѣ Вѣра Платоновна обыкновенно перебивала мужа.

— Ну да... Всѣ вы, писатели, сумасшедшіе. Ты — хоть и не великій покамѣстъ, но въ этомъ отношеніи и отъ самыхъ большихъ не отстанешь...

Но она не могла на него сердиться, потому что эти немного жестокія слова встрѣчались нѣжной, почти женственной улыбкой.

Наканунѣ Новаго года этотъ чудакъ лежалъ въ своемъ лазаретѣ въ 40-градусномъ жару и бредилъ. Вѣру Платоновну съ дочерьми онъ отослалъ на вечеръ къ извѣстному беллетристу Пархомову, къ которому они были приглашены всѣмъ домомъ. Женщины даже и не пробовали

отказаться отъ приглашенія, зная, какъ сильно это раздражитъ Павла Егоровича.

Онъ лежалъ на диванѣ навзничь, съ полуоткрытыми глазами. Какая-то страшная, чудовищная масса повисла надъ его тѣломъ. Она казалась ужасно, безконечно далекой, и въ то же время почти касалась лица Павла Егоровича; она была гораздо мягче, чѣмъ пухъ, но въ то же время ея грани напоминали на ощупь необдѣланный гранитъ, — и въ этой непонятной двойственности было что-то тоскливое, тревожное и мучительное.

И вотъ гдѣ-то въ глубинѣ этой нависшей массы ожила какая-то точка. Впрочемъ, трудно рѣшить, что̀ это такое: движеніе, звукъ или какое-нибудь другое невыразимое словами явленіе, что-то плавное, тягучее, жалобное, монотонное, чему нѣтъ имени. Оно нарастаетъ, вытягивается, увеличивается, крѣпнетъ и захватываетъ тѣло, мысли и чувства Павла Егоровича какой-то противной, медленной тоской. Оно наполняетъ собою всю громоздящуюся массу, увлекаетъ ее въ бѣшеный ураганъ, который грозитъ исковеркать вселенную... и вдругъ въ мгновеніе ока все разсѣивается, все утихаетъ, остается опять неподвижная масса и вибрирующая гдѣ-то въ ея глубинѣ точка, и Павелъ Егоровичъ со стономъ открываетъ глаза.

Онъ видитъ знакомую комнату, тѣнь свѣчного абажура, колеблющуюся на потолкѣ, сознаётъ на минуту и съ большими усиліями, что жена съ дочерьми уѣхали къ Пархомову встрѣчать Новый годъ, и тотчасъ же бредъ снова охватываетъ его пылающій мозгъ.

Теперь передъ нимъ цѣлый каскадъ людей, животныхъ, ландшафтовъ и въ особенности какихъ-то отвратительныхъ, полу-человѣческихъ, полу-звѣриныхъ лицъ, которыя мерзко и страшно гримасничаютъ и быстро-быстро смѣняются одно другимъ. Павелъ Егоровичъ

чувствуетъ, что у него голова кружится отъ этой безобразной сутолоки, и онъ усиліемъ воли на нѣсколько секундъ приходитъ въ сознаніе. Ему жарко; дыханіе опаляетъ губы. Онъ едва успѣваетъ сдѣлать глотокъ изъ стакана, какъ опять его воображеніе становится игралищемъ бреда... На этотъ разъ онъ декламируетъ какіе-то стихи, въ которыхъ нѣтъ словъ, а одни безсвязные слоги, и которые страшно тяжело и скучно читать. Но непонятная сила заставляетъ его читать и читать безъ конца, не останавливаясь, не передыхая. И такъ проходятъ медленные-медленные, мучительные часы, въ продолженіе которыхъ безконечное число разъ чередуются для Павла Егоровича бредъ и сознаніе.

Послѣ одного изъ своихъ нелѣпыхъ кошмаровъ онъ очнулся со странными словами въ памяти. Казалось, какой-то тихій, назойливый голосъ еле слышно шепталъ въ его головѣ:

Пусть Новый годъ
Съ собой несетъ
Вино, попойки...

«А! Новый годъ,—подумалъ Истоминъ и улыбнулся.— Это тотъ самый старикъ, который уходитъ, согнувшись, а приходитъ младенецъ... вино, попойки... приходитъ младенецъ... И у обоихъ ленточки. Ленточки, ленточки, точки...»

Но вдругъ, какъ это часто бываетъ въ лихорадкѣ, въ сознаніи Павла Егоровича произошелъ неожиданный поворотъ. Онъ почти совершенно пришелъ въ себя и подумалъ:

«Это я лежу въ лихорадкѣ. Да. А жена и дѣти у Пархомовыхъ. Новый годъ. Послѣдній годъ въ столѣтіи. Вѣ-

роятно, будутъ произносить тосты. Дѣти не любятъ, скучно. Новый годъ съ собой несетъ... Ахъ, это я изъ бреда. Новый годъ рисуютъ старикомъ. По-моему, пошло. Надо, чтобы отразился духъ. Духъ времени. Съ собой несетъ вино, попойки,—прошепталъ голосъ. Восемнадцатое столѣтіе—маркизъ, нетиметръ въ шелковыхъ чулкахъ и пряжки съ брильянтами. Нашъ вѣкъ — маленькій, ма-аленькій такой, горбатенькій, съ двумя головами. А впрочемъ, былъ Наполеонъ. Пусть Новый годъ съ собой несетъ... Фу, какіе гадкіе стихи, юнкерскіе. О чемъ это я? Духъ вѣка, духъ вѣка... Духъ года, духъ дня, духъ минуты... все суммируется... Надо вино, попойки... Надо постичь и углубиться духомъ въ духъ... Тогда лицо духа прояснится въ туманѣ, и ты прочитаешь въ лицѣ его, и уста его отверзутся».

Истоминъ въ безсиліи закрылъ глаза и тотчасъ же услышалъ, какъ страшный голосъ, въ которомъ не было ни тембра ни интонаціи, произнесъ:

— Духъ Вѣка говоритъ.

Истоминъ прислушался, и вмѣстѣ съ нимъ прислушалось множество живыхъ существъ, которыхъ онъ не видѣлъ, но чувствовалъ близко около себя.

— Духъ Вѣка говоритъ, — продолжалъ голосъ: — что проходятъ мимо него года, и проходятъ дни, и проходятъ мгновенія — и не остается отъ нихъ слѣда во вселенной. И вѣка проходятъ мимо тысячелѣтій, и нѣтъ отъ нихъ слѣда въ безконечности. Ибо тотъ, кто понялъ безконечность, знаетъ, что времени нѣтъ.

И тотчасъ же Истоминъ увидѣлъ необозримое снѣжное поле и поставленный посреди его тронъ, на которомъ возсѣдалъ старецъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ серебристой бородой и съ величественнымъ, но грустнымъ и усталымъ лицомъ, на которомъ отражалась печальная, задумчивая улыбка.

И старецъ сказалъ:

— Я духъ Вѣка, и мимо меня проходятъ годы человѣческіе.

И мимо него потянулись медленной процессіей одинъ за другимъ древніе согбенные старцы. Но одежды ихъ не были похожи на одежды сидящаго на тронѣ. На иныхъ, едва прикрывая ихъ слабое, дряблое тѣло, висѣли кусками жалкія лохмотья, отъ которыхъ отказался бы и послѣдній нищій. Другіе были одѣты съ царственной роскошью, но золота ихъ мантій не было видно изъ-подъ покрывавшей его зловонной грязи. Третьи шли, закованные въ желѣзо и съ ногъ до головы обагренные кровью, и кровь запеклась на ихъ старческихъ устахъ и на сѣдинѣ ихъ головъ. Были между ними хромые, и горбатые, и прокаженные, и покрытые страшными язвами. Были между ними старцы, истощенные голодомъ, были обезображенные чумою, были между ними такъ жестоко и отвратительно изуродованные, что страшно и противно становилось на нихъ смотрѣть. И ни у одного изъ нихъ не было ни бѣлыхъ одеждъ сидящаго на тронѣ ни его величественнаго вида. На ихъ лицахъ запечатлѣлись страданія, испугъ, ненависть, мольба и отчаяніе.

Въ медленной процессіи, одинъ за другимъ, подходили древніе старцы къ сидящему на тронѣ, а онъ простиралъ имъ навстрѣчу руки и склонялся надъ ними съ кроткой, сострадательной улыбкой. И въ его широкихъ объятіяхъ исчезали, растворялись одинъ за другимъ человѣческіе годы.

И когда всѣ они прошли мимо безчисленнаго множества глазъ собравшихся здѣсь невидимыхъ людей и животныхъ, тотъ же неизъяснимый голосъ спросилъ:

— Повѣдай намъ, Великій Духъ, отчего не пристали къ твоимъ одеждамъ ни кровь, ни грязь, ни язвы, ни лохмотья тѣхъ, что̀ вошли въ тебя?

И Великій Старецъ отвѣтствовалъ съ печальной улыбкой:

— Оттого, что страданіе все очищаетъ, а забвеніе все лѣчитъ...

Истоминъ вздрогнулъ и проснулся съ сознаніемъ, что ему гораздо лучше, чѣмъ прежде. За стѣной часы били 12.

ОБОРОТЕНЬ.

Полѣсская легенда.

— Станція Березная! Простоя двѣ минуты! — закричалъ подъ окнами, быстро проходя вдоль поѣзда, кондукторъ.

Захвативъ ручной саквояжъ и ружье въ чехлѣ, я вышелъ изъ вагона. Была тихая, холодная ночь. Только-что переставшій падать снѣгъ покрывалъ чистой, еще не заслѣженной пеленой платформу, лежалъ ровными, пушистыми шапками на фонаряхъ, на перилахъ и на карнизахъ зданій, и въ этомъ бѣломъ уборѣ маленькая, еле освѣщенная, безлюдная станція казалась еще молчаливѣе, еще пустыннѣе, чѣмъ обыкновенно.

Я оглянулся по сторонамъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ давно знакомую мнѣ фигуру Трофима Щербатаго, всегда выѣзжавшаго за мной на станцію. Въ своей коричневой свиткѣ, обшитой по швамъ краснымъ шнуромъ, въ огромной бараньей шапкѣ, нахлобученной поверхъ ушей, съ «батогомъ» въ рукахъ, онъ стоялъ посреди платформы, широко разставивъ ноги, и глядѣлъ, раскрывъ ротъ, въ освѣщенныя окна вагоновъ. Я окликнулъ его.

— А! Здравствуйте, панычъ. Помогай Богъ! — произнесъ Трофимъ обычное полѣсское привѣтствіе и на ходу

дотронулся рукой до верха своей шапки. — А я васъ все по тѣхъ вагонахъ шукалъ. Ну что жъ, будемъ ѣхать, панычъ?

— Поѣдемъ. А какъ дорога по лѣсу?

— Дорога ничего... добрая дорога. Трошки только снѣгомъ позамело, а то завше была дорога добрая. Позвольте мнѣ, панычу, вашъ чумарданъ.

Мы вышли на станціонный дворъ. Посрединѣ его, какъ и на всѣхъ полѣсскихъ станціяхъ, возвышался круглый палисадникъ, заваленный сугробами снѣга. Привязанныя у забора, хорошо знакомыя мнѣ гнѣдыя лошади Трофима— маленькіе, пузатые, шершавые и сердитые «муцики»—ѣли сѣчку, низко опустивъ шеи въ рядно, привязанное къ концу дышла. При нашемъ приближеніи обѣ лошади сразу подняли и повернули къ намъ свои косматыя головы съ настороженными острыми ушами.

Мы усѣлись. Трофимъ зачмокалъ и задергалъ вожжами, высоко подымая локти. Промерзшія лошаденки тронули мелкой, но веселой и согласной рысцой. Трофимъ не погонялъ ихъ, потому что до Казимирки намъ предстояло сдѣлать съ лишнимъ двадцать верстъ, и только время отъ времени — больше по привычкѣ — ободрялъ ихъ своими странными туземными восклицаніями: «виштяну!», «гаття-вы!», или что-то въ этомъ родѣ.

Сейчасъ же за станціей пошелъ лѣсъ, огромный строевой, хвойный лѣсъ, входящій въ составъ казенной Бѣловѣжской дачи. Узкая дорожка вилась между двумя стѣнами вѣковыхъ гигантскихъ сосенъ такими капризными, неожиданными и крутыми зигзагами, съ которыми только и умѣютъ справляться привычныя, маленькія полѣсскія лошадки. Вершины деревьевъ, теряясь гдѣ-то въ неизмѣримой высотѣ, оставляли надъ нашими головами тонкую ленточку мутнаго неба, едва озареннаго молодымъ мѣсяцемъ, и видно было, какъ въ этомъ далекомъ

просвѣтѣ съ необыкновенной быстротой проносились клочья легкихъ и прозрачныхъ, какъ паръ, облаковъ.

Сани беззвучно скользили по свѣжей, нѣжной порошѣ, и только на поворотахъ слышалось, какъ снѣгъ, уминаемый полозьями, звучно похрустывалъ. Великаны-сосны протягивали черезъ дорогу, точно длинныя бѣлыя руки, свои пышныя, отягощенныя снѣгомъ вѣтви. Порою большой мягкій комокъ срывался сверху и, разсыпавшись на лету, безшумно обдавалъ насъ холоднымъ, мокрымъ пухомъ...

Вытянувъ ноги на сѣнѣ, покрывавшемъ дно саней, и прислонившись спиной къ широкому задку, я иногда закрывалъ глаза, и непремѣнно черезъ нѣсколько минутъ мнѣ начинало казаться, что сани какимъ-то непостижимымъ образомъ движутся уже не впередъ, по направленію къ Казимиркѣ, а назадъ, къ станціи. И я нарочно длилъ этотъ странный физическій обманъ, такъ живо всегда переносящій меня въ область воспоминаній дѣтства, но когда опять открывалъ глаза, то снова навстрѣчу мнѣ шла однообразная колоннада могучихъ темныхъ стволовъ, передъ моими глазами рисовалась все та же неподвижная спина Трофима, сидѣвшаго бокомъ на какомъ-то мѣшкѣ, а впереди равномѣрно и смутно колебался вверхъ и внизъ черный крупъ лѣвой лошади. Тихая лѣнь, безъ мыслей, безъ ощущеній, понемногу охватила меня.

Кажется, я задремалъ, потому что внезапно почувствовалъ себя бодрствующимъ и встревоженнымъ какимъ-то страннымъ звукомъ, похожимъ на завываніе вѣтра въ печной трубѣ. Я прислушался. Казалось, въ страшномъ отдаленіи, на краю свѣта, кто-то стоналъ и плакалъ на весь лѣсъ. Этотъ плачъ начинался очень низко и жалобно восходилъ вверхъ непрерывными печальными полутонами, задерживался долго на высокой, пронзительной

нотѣ и затѣмъ вдругъ обрывался невыразимо-тоскливымъ рыданіемъ.

— Никакъ это волки, Трофимъ? — спросилъ я Щербатаго.

— А волки, — отвѣтилъ равнодушно Трофимъ. — Теперь ихъ въ лѣсу богато... Свадьбы играютъ. Но-о-о, вы-малы злякались! Не бойсь! — крикнулъ онъ на лошадей и стегнулъ правую, которая начинала артачиться и жалась къ дышлу.

— А можетъ, это и не волкъ трубитъ, а вовкулакъ, — заговорилъ вдругъ Трофимъ послѣ долгаго молчанія, въ продолженіе котораго я безпокойно прислушивался къ далекому вою.

— Вовкулакъ?

— Ну да, вовкулакъ. Бываютъ, знаете, такіе люди, что̀ умѣютъ волками прикидываться. Вотъ они и бѣгаютъ по лѣсу и рубятъ... У насъ на Полѣсьѣ этой погани много. Тамъ за разныхъ водяныхъ чертякъ и за видьмаковъ я не знаю, чи тому правда, чи ни. Можетъ, однѣ бабьи сплетки. А вовкулаки у насъ водятся, это правда.

Трофимъ еще разъ крикнулъ на лошадей, повернулъ ко мнѣ свое темное лицо съ бѣлыми отъ мороза усами и повторилъ, таинственно понижая голосъ:

— Это самая истинная правда. Я вамъ скажу, панычъ, что даже у насъ въ Казимиркѣ одинъ разъ такое трапилось... Вы вѣдь знаете Омельчука? Ивана Омельчука, что̀ сейчасъ возлѣ гребли сидитъ*)?

— Знаю. Такъ что̀ же онъ? — спросилъ я, и въ моей памяти стала, какъ живая, приземистая, сутуловатая фигура сѣдого старика съ печально-суровыми, недовѣрчивыми глазами, глядящими исподлобья, на изрытомъ оспой лицѣ.

*) Живетъ.

— Онъ-то ничего... А вотъ его батьки старшій братъ, значитъ Ивановъ дядька — тотъ былъ настоящимъ вовкулакомъ... Это всѣ въ Казимиркѣ знаютъ, хоть кого хотите спытайте. Старики—тѣ его своими глазами видѣли: ужъ, значитъ, правда. А объявилось все это вотъ какъ...

И онъ разсказалъ мнѣ одну изъ странныхъ полѣсскихъ легендъ, которыя такъ свѣжи, фантастичны и наивны, что кажется, будто ихъ создалъ не бѣдный, загнанный, молчаливый и суевѣрный народъ, а сумракъ вѣкового бора, съ его непролазными трущобами, куда не ступала даже звѣриная лапа, съ его ядовитыми туманами, висящими надъ ржавыми болотами, съ его бездонными трясинами. Мнѣ никогда не забыть тѣхъ сильныхъ, жуткихъ ощущеній, которыя я испытывалъ, слушая этотъ разсказъ, въ то время какъ сани безшумно скользили по мягкому снѣгу, а наверху, въ узкомъ мутномъ просвѣтѣ, стремительно неслись прозрачные обрывки облаковъ, а лѣсъ точно замеръ и прислушивался, не шевелясь, къ далекому заунывному пѣнію волка. Въ эту ночь я также былъ склоненъ вѣрить въ злыхъ духовъ и въ оборотней, какъ и Трофимъ, говорившій съ непоколебимой вѣрой и съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ преданіямъ отцовъ...

— У стараго Омельчука было два сына: Стецько и Назаръ. Назаръ — младшій сынъ — былъ хлопецъ, какъ и всѣ хлопцы, — ничего про него не говорили ни худого ни хорошаго. А про Стецька не только молодежь, но и старики говорили, что ужъ на что въ ихъ время народъ былъ куда красивѣй и удалѣй, чѣмъ теперь (извѣстно, старикамъ всегда кажется, что въ ихъ время все лучше было), а такого ловкаго, статнаго и веселаго хлопца, какъ Стецько, даже и они на своемъ вѣку не запомнятъ. Выйдетъ ли народъ на работу, — Стецько впереди всѣхъ: первымъ придетъ въ поле, послѣднимъ уйдетъ, коситъ,

пашетъ и рубитъ такъ, что четверымъ за нимъ не угнаться. А вечеромъ—глядишь—онъ ужъ и на досвиткахъ первый, смѣется и балагуритъ до самаго утра и такія штуки затѣваетъ, что другіе, глядя на него, только за бока хватаются. Дѣвчата такъ къ нему и льнули, точно мухи къ меду, и, что̀ грѣха таить, не одна изъ нихъ потомъ, послѣ свадьбы, плакалась на Стецькову красоту, на его каріе глаза, на черныя брови, да на ласковую, заманчивую рѣчь... Словомъ — не хлопецъ былъ, а орелъ! Умѣлъ онъ и со стариками умное слово кстати сказать, и на клиросѣ пѣлъ по праздникамъ, и съ начальствомъ зналъ какъ обойтись. А въ ту пору вѣдь извѣстно, какое было начальство. У него разговоры были короткіе: «Правда твоя, чоловиче, правда, а ну-ка ложись!»

«Да вотъ, бѣда, пришла до Стецька «очередь»; забрили ему лобъ и угнали въ москали. Все село плакало, когда его провожали. А онъ — ничего, пошелъ веселый такой, свѣтлый. «Что̀ вы, говоритъ, надо мной, какъ надъ покойникомъ, плачете? Нигдѣ вашъ Стецько не пропадетъ, ни въ водѣ, ни въ огнѣ»...

«Далеко его угнали, куда-то въ самыя «кацапскія» губерніи. Однако въ скоромъ времени отъ него письмо пришло. Писалъ онъ, что живется ему хорошо, товарищи его любятъ, и начальство не обижаетъ, а если и бьютъ, то самую малость, потому что безъ бою на военной службѣ никакъ невозможно. Потомъ писалъ онъ еще разъ и говорилъ, что назначили его въ полковой церкви за псаломщика. А тамъ и совсѣмъ пересталъ писать, потому что тогда началась большая война съ турками.

«Прошло съ этого времени съ годъ. О Стецькѣ ни слуха, ни вѣсточки, такъ всѣ и думали, что — или въ плѣнъ его забрали, или убили въ какомъ-нибудь сраженіи. Какъ вдругъ осенью, точно снѣгъ на голову, явился самъ Стецько—черный, худой, какъ смерть, правая рука

на перевязи и на лѣвую ногу хромаетъ. Оказывается, отпустили его въ безсрочную, отпустили съ медалью и съ двумя турецкими пулями въ тѣлѣ. Да денегъ съ собой принесъ онъ сотни четыре—говорилъ, что накопилъ на службѣ...

«Только вернулся онъ совсѣмъ не такой, какъ пошелъ въ солдаты, а точно его тамъ подмѣнили. Ни смѣха, ни шутки, ни пѣсни. Сидитъ цѣлый день какъ старикъ на «призьбѣ» *), опустивъ очи въ землю, и все думаетъ. Заговорятъ съ нимъ—онъ отвѣчаетъ, только неохотно такъ, еле-еле, и самъ въ глаза не смотритъ, а смотритъ куда-то передъ собой, точно что-то впереди себя разглядываетъ.

«Увидѣлъ старый Омельчукъ, что его сынъ «сумуется», поговорилъ со своей старухой, посовѣтовался съ попомъ и рѣшилъ женить Стецька. Извѣстно, у женатаго человѣка и мысли другія на умѣ, чѣмъ у холостого, некогда о пустомъ-то думать. Но Стецько, когда только услышалъ о свадьбѣ, такъ и уперся «якъ неначе тотъ волъ», не хочу да не хочу, и кончено. Отецъ ужъ и просилъ, и молилъ, и грозился, — ничего не помогаетъ. Наконецъ старая мать стала передъ сыномъ на колѣни. «Не встану, говоритъ, до тѣхъ поръ, пока ты не дашь согласія, не буду ни ѣсть, ни пить, и съ мѣста этого не сойду». Не могъ перенести Стецько материнскаго горя. «Добре, — сказалъ онъ:—жените меня, если вамъ ужъ такъ не терпится, только смотрите, чтобы вамъ потомъ не пришлось покаяться въ этомъ».

«И женили Стецька. На Рождество свадьбу играли. Все село замѣтило, что въ церкви Стецько стоялъ темный, какъ ночь, и ни одного раза лба не перекрестилъ. Когда же пришли изъ церкви въ хату, то и тутъ онъ сидѣлъ такой сумрачный, что глядѣть на него тошно было, и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. По старому обычаю, освя-

---

*) Завалинка.

щенному предками, хотѣли дружки отвести съ пѣснями молодыхъ въ каморку, какъ это на всемъ свѣтѣ у добрыхъ людей дѣлается, но Стецько сказалъ имъ: «Оставьте въ покоѣ и меня и жену, это не ваше дѣло». Стали-было хлопцы надъ нимъ посмѣиваться, но онъ вдругъ такъ заскрипѣлъ зубами и такъ глазами на нихъ сверкнулъ, что у нихъ сразу отбило всякую охоту къ шуткамъ...

«Прошло послѣ женитьбы недѣли съ двѣ, а Стецько все такой же; на жену даже и не смотритъ, какъ будто бы ея совсѣмъ въ хатѣ нѣтъ. А жена у него была красивая, молодая и изъ богатаго дома. Звали ее Грипой. Долго терпѣла Грипа, никому ни слова не говорила, наконецъ не выдержала, пришла къ своей матери, заплакала и стала жаловаться на мужа. Не такъ ей было обидно то, что мужъ на нее глядѣть не хотѣлъ, а то, что каждый день около полуночи уходитъ онъ куда-то изъ дому и возвращается назадъ только къ раннему утру. Богъ его знаетъ, что̀ онъ въ это время дѣлаетъ, съ кѣмъ ночи проводитъ?

«Мать Грипы, конечно, объ этомъ разсказала старому Омельчуку. Сильно огорчился старикъ. «Постой, думаетъ, выслѣжу я Стецьковы штуки и выведу ихъ на чистую воду. Это, можетъ-быть, у «москалей» такой порядокъ есть, чтобы отъ женъ своихъ бѣгать, а я такой глупости ему не позволю».

«Въ ту же ночь пробрался онъ потихоньку въ огородъ и притаился за клуней. Ночь была свѣтлая, мѣсячная, и морозъ стоялъ такой, что деревья трещали. Ждалъ Омельчукъ около часу, совсѣмъ промерзъ старикъ, и хотѣлъ ужъ назадъ въ хату итти. «Этихъ чертовыхъ бабъ, думаетъ, какъ послушаешься, всегда дурнемъ выйдешь». Только вдругъ слышитъ онъ—заскрипѣла дверь въ хатѣ. Обернулся старикъ и видитъ, что вышелъ на дворъ его сынъ Стецько.

«Постоялъ Стецько на дворѣ, посмотрѣлъ на мѣсяцъ, оглянулся кругомъ, а самъ такой бѣлый, какъ бумага, и очи горятъ, точно двѣ свѣчки. Страшно стало Омельчуку. Зажмурилъ онъ глаза и прижался изо всѣхъ силъ къ стѣнкѣ. Но, такъ какъ онъ все-таки былъ человѣкъ смѣлый, то и рѣшился, наконецъ, опять открыть глаза. Смотритъ — нѣтъ уже на дворѣ Стецька, а изъ воротъ на улицу выбѣгаетъ огромный бѣлый волкъ. Все тогда понялъ старикъ, и ужъ тутъ его вмѣсто страха такое зло разобрало, что, не долго думая, выломалъ онъ изъ тына добрый колъ, перекрестился и пустился въ догонку за вовкулакомъ.

«Бѣжитъ волкъ по улицѣ, перебѣжалъ черезъ мостъ, потомъ въ лѣсъ ударился, а самъ все на одну заднюю ногу хромаетъ, ну точь въ точь какъ Стецько. Скоро Омельчукъ его совсѣмъ изъ виду потерялъ. Но мѣсяцъ въ эту ночь свѣтилъ такъ ярко, что слѣды на снѣгу лежали, какъ напечатанные, и по нимъ старикъ шелъ все дальше и дальше.

«Вдругъ слышитъ онъ, впереди его, въ лѣсу, волкъ затрубилъ, да такъ затрубилъ, что съ деревьевъ снѣгъ посыпался, и въ ту же минуту со всѣхъ концовъ лѣса откликнулись сотни волчьихъ голосовъ. А старика только еще больше злоба разбираетъ. «Будь что̀ будетъ, думаетъ, а я объ его проклятую спину весь «дручокъ» обломаю».

«Пришелъ, наконецъ, Омельчукъ на большую поляну и видитъ: стоитъ посрединѣ большой бѣлый волкъ, а къ нему со всѣхъ сторонъ бѣгутъ другіе волки; сбѣжались, прыгаютъ вокругъ бѣлаго, визжатъ, ластятся къ нему, шерсть на немъ лижутъ. А потомъ принялись играть между собой, совсѣмъ какъ молодыя собаки; гоняются и воютъ на мѣсяцъ, поднявши острыя морды кверху. И видно сразу, что бѣлый надъ ними самый главный, потому что

какъ только онъ къ какому-нибудь волку подойдетъ, тотъ сейчасъ на спину опрокинется и хвостомъ замашетъ.

«Смотритъ старикъ и глазъ отвести не можетъ... Вдругъ гдѣ-то далеко по дорогѣ колокольчикъ зазвенѣлъ. Мигомъ вскочили всѣ волки на ноги, уши торчкомъ поставили, а сами въ ту сторону повернулись, откуда звонокъ... Но послушали-послушали немного и опять принялись играть: кусаютъ снѣгъ, прыгаютъ одинъ черезъ другого, рычатъ, а шерсть у нихъ такъ на мѣсяцѣ и переливается, и зубы блестятъ, точно сахаръ...

«Опять по дорогѣ колокольчикъ зазвякалъ, но теперь совсѣмъ уже въ другой сторонѣ, и опять поднялась вся стая. Прислушались волки на минутку, и вдругъ рванулись всѣ сразу, какъ одинъ, и понеслись по лѣсу, такъ что снѣгъ подъ ихъ ногами заклубился, какъ пыль...

«Не долго ждалъ старый Омельчукъ. Услышалъ онъ скоро, какъ вдругъ забился неровно и торопливо отдаленный колокольчикъ — понесли, должно-быть, испуганные кони, — потомъ крикъ человѣческій по лѣсу разлетѣлся, такой страшный крикъ, что у Омельчука сердце обмерло и упало отъ жалости, а потомъ гдѣ-то близко на «шляху» раздался бѣшеный топотъ лошадей, и долго слышно было, какъ на раскатахъ колотились о сосновыя корневища разбитыя въ щепки сани... Зарыдалъ бѣдный старикъ, что̀ было у него духу кинулся назадъ и всю дорогу, не переставая, крестился.

«Самъ онъ не помнилъ, какъ бѣжалъ лѣсомъ, какъ попалъ въ село и какъ добрался до своей хаты. Поставилъ онъ уже и ногу на перелазъ, да такъ весь и задрожалъ. Стоитъ у воротъ Стецько, смотритъ отцу прямо въ глаза, а самъ дышитъ часто-часто, видно, что отъ быстраго бѣга запыхался. Ничего ему отецъ не сказалъ, и уже перенесъ ногу на другую сторону перелаза, какъ вдругъ Стецько самъ заговорилъ:

«— Постой, батько. Ты думаешь, я не знаю, что ты за мной слѣдомъ бѣгалъ? Ну, такъ поди завтра въ церковь, да отслужи молебенъ за то, что живой назадъ вернулся. Если бы не я, — разорвали бы тебя на кусочки, и умеръ бы ты страшной смертью безъ покаянія.

«Стоитъ Омельчукъ на перелазѣ, глазъ оторвать отъ сына не можетъ, а тотъ дальше говоритъ:

«— Сегодня ночью намъ, вовкулакамъ, большая власть надъ людьми и надъ звѣрями дана. Только тѣхъ мы и не смѣемъ трогать, кто въ эту ночь не своей волей изъ дому вышелъ. Вотъ потому-то ты удивлялся, что мы перваго проѣзжаго не тронули: его хозяинъ по дѣлу послалъ. А второй былъ купецъ, и ѣхалъ онъ на ярмарку съ товаромъ за своимъ барышомъ... Толстый былъ купецъ, жирный, откормленный, какъ добрый кабанъ...

«И захохоталъ Стецько во все горло такъ, что даже въ лѣсу отозвалось, а зубы у него на мѣсяцѣ такъ и засверкали.

«Всмотрѣлся Омельчукъ въ лицо оборотня,—а ночь свѣтлая такая была,—всмотрѣлся и видитъ, что у Стецька на усахъ и вокругъ рта — красная кровь запеклась. Загорѣлось у старика сердце. Размахнулся онъ изо всей силы палкой,—хвать!—а передъ нимъ уже нѣтъ Стецька, и только въ лѣсу кто-то хохочетъ, заливается.

«Такъ и пропалъ Стецько безъ вѣсти; никто не видалъ его съ тѣхъ поръ и никто не слыхалъ о немъ. Бѣгаетъ онъ, одержимый страшною силой, по лѣснымъ чащамъ и трубитъ волкомъ, наводя ужасъ на добрыхъ людей...»

Мы подъѣзжаемъ къ селу. Занесенное снѣгомъ, безъ огней въ окошкахъ, оно казалось холоднымъ и мертвымъ въ блѣдномъ полусвѣтѣ февральской ночи. Потянулись плетни, залаяли собаки... На душѣ у меня было тревожно и тоскливо.

КРОВАТЬ.

Ресторанъ опустѣлъ. Остались только я и Леонидъ Антоновичъ. Было далеко за полночь. Усталые лакеи съ измятыми, желтыми лицами тушили лампы. По той «развязности», съ которой они обмахивали салфетками мраморныя доски сосѣднихъ столиковъ, чувствовалось ихъ неудовольствіе противъ двухъ позднихъ и невыгодныхъ посѣтителей.

— О, это была удивительная кровать! — продолжалъ Леонидъ Антоновичъ. — Только въ добрую, затѣйливую старину и дѣлались такія широкія двухспальныя кровати, на которыхъ, въ случаѣ надобности, можно было свободно танцовать кадриль. Вѣроятно, ей было лѣтъ около восьмидесяти, если не больше, но она сохранилась очень недурно. Ея спинки и бока изъ цѣльнаго, массивнаго краснаго дерева, покрытые рѣзьбой и украшенные бронзовыми горельефами, производили впечатлѣніе чего-то семейнаго, солиднаго, почти торжественнаго. Тонкія витыя бронзовыя колонки, возвышавшіяся по четыремъ угламъ кровати, сходились вмѣстѣ наверху и образовали остовъ пышнаго балдахина. Толстые, улыбающіеся амуры, съ ямками на щекахъ и на локтяхъ, граціозно поддерживали ниспадающія до самаго пола великолѣпныя штофныя занавѣси.

«Увидѣлъ я эту кровать среди кучи всевозможной рух-

ляди, нагроможденной въ аукціонной залѣ, куда меня завлекли отчасти праздная скука, отчасти страстишка къ антикварнымъ вещамъ... Впрочемъ, я всегда былъ склоненъ думать, что даже такими, съ виду совершенно безцѣльными поступками человѣка управляютъ неизбѣжные, математически-точные законы судьбы.

«Оцѣнщикъ закричалъ:

«— Кровать двухспальная... цѣльнаго краснаго... бронзовыя украшенія... стиль рококо... пологъ штофный, съ вышивкой ручной работы... ножки поломаны... пятнадцать рублей... Кто больше?..

«Во мнѣ вспыхнулъ огонекъ коллекціонера, и я сказалъ умышленно небрежнымъ тономъ:

«— Гривенникъ.

«— Пятнадцать рублей десять копеекъ... кто больше?.. Кровать двухспальная... рококо... Кто больше?

«Недалеко отъ меня толклась шумная кучка какихъ-то подозрительныхъ личностей, въ картузахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ сапогахъ бураками... По ихъ непринужденности, шушуканью, бросаемымъ и подхватываемымъ на лету шуточкамъ и многозначительнымъ словечкамъ я догадался, что это маклаки-завсегдатаи аукціоновъ. Одинъ изъ нихъ высунулся впередъ и крикнулъ:

«— Полтинникъ!

«— Пятнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ... Кто больше?

«Я набавилъ еще гривенникъ. Темная личность—полтинникъ. Я—еще гривенникъ, онъ—еще полтинникъ. Хотя я и начиналъ волноваться, но владѣлъ собою прекрасно: это ужъ такой спеціальный аукціонный опытъ. Однако, когда кровать возросла до тридцати рублей, я почувствовалъ себя неловко. Въ карманѣ у меня въ этотъ вечеръ было всего-навсего тридцать шесть рублей съ какой-то мелочью — всѣ мои жизненные рессурсы до конца мѣсяца.

«— Тридцать одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ,—повторилъ аукціонистъ: — кто больше?

«Я молчалъ.

«— Кто больше?.. Разъ!

«Онъ глядѣлъ на меня вопросительно.

«Я заложилъ руки въ карманы и продолжалъ молчать, хотя сердце у меня въ груди такъ и прыгало.

«— Тридцать одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ... кто больше?.. Два!

«Между темными личностями произошло смятеніе (очевидно, они набивали цѣну ради того, чтобы получить отступное, или чтобы отвадить конкурента). Я нагнулся, осмотрѣлъ съ самымъ пренебрежительнымъ видомъ сломанныя ножки, даже пошаталъ ихъ немного, и сказалъ, рѣшительно повернувшись спиною къ оцѣнщику:

«— Только на дрова и годится... Тридцать два рубля и больше ни копейки.

«Темныя личности спасовали. Кровать осталась за мною. Когда я привезъ ее домой и отмылъ толстый слой грязи, покрывавшей бронзовые горельефы, то былъ пораженъ ихъ художественнымъ исполненіемъ. Ихъ было два, по одному на каждой спинкѣ. Они изображали свадебное шествіе все тѣхъ же толстоногихъ, кудрявыхъ, веселыхъ амуровъ съ раздутыми щеками. Одинъ изъ нихъ ползъ на четвереньках, между тѣмъ, какъ другой сидѣлъ верхомъ у него на спинѣ, третій и четвертый трубили въ длинныя трубы. Цѣлая группа тащила на плечахъ цвѣточныя цѣпи и факелы Гименея. Шествіе замыкало двое окончательно пьяныхъ амуровъ, изъ которыхъ одинъ, полулежа на землѣ, предлагалъ чашу съ виномъ длинному аисту, испуганно поджимавшему правую ногу, а другой въ это время выдавливалъ на голову своему собутыльнику тяжелую кисть винограда. И еще одинъ толстякъ, немного въ сторонѣ, полуотверну-

вшись отъ хмельной процессіи, съ дѣтской наивной простотой орошалъ землю. Бабочки и кузнечики сопровождали эту группу.

«Я былъ очень доволенъ своимъ пріобрѣтеніемъ... Но несчастіе подкарауливало меня. Великолѣпная кровать вскорѣ совершенно разрушила мое спокойствіе,—спокойствіе стараго, обезпеченнаго холостяка, закоренѣлаго въ своемъ лѣнивомъ эгоизмѣ, молчаливаго врага женщинъ, суетную потребность въ которыхъ мнѣ давно уже замѣняло антикварное увлеченіе.

«Кто бы ни заходилъ ко мнѣ: товарищи по службѣ, любители старинныхъ вещей, или наконецъ просто знакомые, всѣхъ ихъ одинаково интриговала моя кровать въ стилѣ рококо. Всѣ они, точно сговорившись, поздравляли меня «со скорымъ вступленіемъ въ законный бракъ» и спрашивали имя «нареченной». Тщетно я разубѣждалъ ихъ, клялся имъ, волновался, кричалъ, бранился, — они мнѣ не хотѣли вѣрить. Они съ сомнѣніемъ качали своими бараньими головами и возражали съ двусмысленными скверными улыбками:

«— Ладно, ладно, Игнатій Самойловичъ... вы намъ, пожалуйста, очковъ-то не втирайте! Это, какъ хотите, — «ложе брачныхъ наслажденій», а не холостая кровать.

«Слухъ о кровати распространился по всему городу, и вскорѣ квартира моя наводнилась цѣлымъ потокомъ праздной публики. Приходили такіе господа, глядя на которыхъ, я никакъ не могъ сообразить: гдѣ и какъ я могъ съ ними познакомиться. Одни предлагали мнѣ пріобрѣсти у нихъ по «случаю» мебель, другіе — лошадей, третьи рекомендовали мнѣ церковь и пѣвчихъ, четвертые ничего не предлагали, но говорили сальности. Я чувствовалъ, что видъ моей необъятной кровати возбуждаетъ во всѣхъ самыя гнусныя мысли. Я негодовалъ и краснѣлъ, но уже начиналъ сознавать, что въ мою спокойную жизнь

вторгнулось неотвратимое вліяніе какого-то злого рока, который зацѣпилъ меня и влечетъ куда-то. Я гипнотизировался.

«Больше всѣхъ досаждали мнѣ мои квартирныя хозяйки. Ихъ звали: Лина, Мина и Eudoxie. Это были три старыя дѣвицы, длинныя, черныя, плоскогрудыя и злыя. Я сдѣлался внезапно центромъ нѣжныхъ попеченій, кокетливыхъ улыбокъ, скабрезныхъ намековъ и какихъ-то безмолвныхъ, но нетерпѣливыхъ упованій.

«Рокъ тащилъ меня съ ускоряющейся быстротой.

«По ночамъ, во время безсонницы, лежа съ открытыми глазами подъ величественнымъ балдахиномъ моей кровати-рококо, я пробовалъ бороться съ этими таинственными силами, со всѣхъ сторонъ толкавшими меня къ гибельному рѣшенію... Но безплодно! Почемъ знать, можетъ-быть, души цѣлыхъ рядовъ поколѣній, любившихъ и наслаждавшихся на этой кровати, можетъ-быть, эти коварныя души продолжали по ночамъ незримо копошиться и прятаться въ тяжелыхъ складкахъ штофныхъ занавѣсей? Терзаемыя ревностью къ узурпатору ихъ земной реликвіи, онѣ заставляли амуровъ улыбаться, покачивать кудрявыми головками и шептать насмѣшливо:

«— Твоя кровать слишкомъ широка для одного... слишкомъ широка... слишкомъ широка... Тебѣ въ ней будетъ и холодно, и пусто, и страшно... страшно... страшно...

«Но я возражалъ:

«— Кто же раздѣлитъ ее со мной?

«— Глупый вопросъ! Отчего бы тебѣ не попросить объ этомъ смугленькую Eudoxie? — шептали амуры.

«— Eudoxie? Но она вѣдь не такъ уже молода...

«— А ты развѣ такъ ужъ молодъ? Посмотри-ка на свои сѣдые виски...

«— Кромѣ того, кажется, она и не особенно блещетъ красотою.

«— Пустяки. Это только кажется. Вглядись въ нее какъ слѣдуетъ — она, въ сущности, прехорошенькая дѣвушка.

«— Худа.

«— Ну такъ что же? Почему ты знаешь? Можетъ-быть, ея худоба-то и говоритъ въ пользу вашего будущаго счастья.

«— Но будетъ ли вѣрна мнѣ смугленькая Eudoxie?— волновался я, выдвигая послѣдній, тревожный вопросъ. — Вѣдь это качество такъ рѣдко у женщинъ... Мы знаемъ, что почтенный Одиссей, вернувшись домой и переломавъ ноги молодымъ соблазнителямъ, не нашелъ у себя въ семьѣ никакой позорной прибыли... Но мы ничего не знаемъ, о томъ, какъ цѣломудренная Пенелопа вела себя впослѣдствіи подъ фирмой возвратившагося мужа? Безъ сомнѣнія, и вы, господа амуры, не разъ видѣли, что кровать-рококо оказывалась довольно широкой и для троихъ?

«Но амуры смѣялись и увѣряли меня въ противномъ. Десятки честныхъ мужчинъ и женщинъ вкушали здѣсь счастье, и никогда измѣна не оскверняла этого штофнаго полога. Развѣ иначе имѣла бы твоя кровать такой почтенный, торжественный видъ?

«Ну? Что же дальше говорить? Eudoxie стала моею женой. Опредѣленіе судьбы совершилось, милостивый государь... Да-съ... Это еще куда бы ни шло, что моя жена оказалась, при ближайшемъ разсмотрѣніи, кривобокой. Но она сварлива, скупа, невѣжественна, глупа, боязлива. Наконецъ — страшно сказать — она мои старыя драгоцѣнныя урны употребляетъ для домашнихъ надобностей.

«Кромѣ того, лукавые, толстощекіе мальчишки безжалостно обманули меня: кровать-рококо оказалась через-

чуръ широка для двоихъ и даже... впослѣдствіи... для четверыхъ...»

Мы вышли изъ ресторана. Я видѣлъ, какъ невѣрными шагами скрылась въ сѣдомъ, мокромъ туманѣ осенней ночи его понурая, жалкая фигура. Бѣдняга! Онъ съ ужасомъ возвращался въ свою великолѣпную кровать стиля рококо.

ПЕРВЕНЕЦЪ.

Это случилось въ Москвѣ. Мнѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ — возрастъ, въ которомъ жизнь литератора представляется торжественнымъ путемъ къ славѣ, усыпаннымъ розами и лаврами. Вступить на этотъ путь казалось мнѣ верхомъ счастья, доступнаго смертному.

Я теперь не помню ясно содержанія моего перваго разсказа. Если не ошибаюсь, въ немъ говорилось о томъ, что было прекрасное майское утро, что молодой и красивый человѣкъ, по имени Вольдемаръ, влюбился въ это утро въ дѣвицу Людмилу, исполненную необыкновенныхъ достоинствъ, и что дѣвица Людмила измѣнила самымъ коварнымъ образомъ Вольдемару ради кавалерійскаго офицера. Разсказъ назывался «Раннія слезы».

Переписавъ «Раннія слезы» по крайней мѣрѣ разъ восемь, я отнесъ ихъ поэту Вѣнкову, который часто бывалъ у насъ въ домѣ и благоволилъ ко мнѣ. Поэтъ Вѣнковъ писалъ одновременно почти во всѣхъ русскихъ газетахъ и журналахъ и обладалъ изумительной способностью повсюду втискивать гражданскую идею. Если онъ описывалъ грозу, то непремѣнно въ концѣ стихотворенія выражалъ надежду, что и надъ дорогой родиной когда-нибудь «разойдутся нависшія тучи». Видъ водопада напоминаетъ ему плѣненную мысль, разбившую насильственныя оковы.

Я и теперь совершенно точно припоминаю его характер-

ную физіономію: яйцевидное лицо, все изрытое оспой и постоянно склоненное набокъ, жиденькая, безпорядочная, трясущаяся бороденка песочнаго цвѣта, длинный носъ, подслѣповатые глаза и высокій коническій лобъ, по обѣ стороны котораго падали на плечи прямые, рѣдкіе волосы. Онъ никогда не присаживался и постоянно ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, при чемъ такъ широко и смѣшно разставлялъ свои кривыя ноги, какъ будто бы находился на палубѣ корабля во время бури. Если же это бывало дома, то, сдѣлавъ три-четыре конца отъ одного угла до другого, онъ каждый разъ подходилъ къ небольшому шкапчику, отворялъ его, доставалъ оттуда графинчикъ съ настойкой и двѣ рюмки (одну для себя, другую для собесѣдника), пилъ со страшными гримасами на лицѣ и, спрятавъ настойку обратно въ шкапъ, продолжалъ ходить своей морской походкой по комнатѣ.

Иванъ Ліодоровичъ принялъ мой разсказъ очень снисходительно и обѣщалъ куда-нибудь пристроить, хотя навѣрно не ручался за успѣхъ. Но и этого туманнаго обѣщанія было для меня гораздо болѣе, чѣмъ достаточно.

Однако прошелъ мѣсяцъ, и другой, и третій, разсказъ давно уже находился въ редакціи «Московскаго Иллюстрированнаго Листка», а между тѣмъ судьба его была покрыта мракомъ неизвѣстности. Вѣроятно, за это время я порядкомъ-таки надоѣлъ бѣдному Ивану Ліодоровичу. Каждую среду и субботу — насъ по этимъ днямъ отпускали изъ училища домой — я неизмѣнно являлся къ нему. Въ моихъ глазахъ онъ всегда читалъ одинъ и тотъ же жадный вопросъ и ничѣмъ не могъ меня успокоить; кромѣ неопредѣленныхъ увѣщаній, что «надо подождать, потерпѣть... нельзя же сразу... Редакція прямо завалена разсказами». Ужасныя слова: редакція завалена разсказами! Но, вѣдь то другіе, посторонніе, неинтересные разсказы, а не мои «Раннія слезы»...

Счастье пришло, какъ и всегда оно приходитъ, въ то время, когда я всего менѣе ожидалъ. Однажды въ воскресенье я былъ оставленъ безъ отпуска за единицу, полученную мною по предмету военной фортификаціи (наука, одно названіе которой и теперь еще заставляетъ меня вздрагивать). Въ девять часовъ вечера стали одинъ за другимъ являться отпускные юнкера. Кто-то сказалъ мнѣ — я въ то время былъ въ курилкѣ: «Калининъ пришелъ изъ отпуска и ищетъ васъ». Меня это сообщеніе немного удивило: съ Калининымъ, хлыщеватымъ и глупымъ малымъ, мы до сихъ поръ почти ни разу не разговаривали. Зачѣмъ я могъ ему понадобиться?

Мы встрѣтились на лѣстницѣ, ведущей изъ курилки въ роту. Въ рукахъ у Калинина былъ длинный бумажный свертокъ.

— Пэслюшайте, — сказалъ Калининъ, коверкая, по обыкновенію, фатовскимъ манеромъ свою рѣчь: — кэкой-то «шпакъ» (на нашемъ языкѣ это означало штатскій) просилъ меня передать вамъ вотъ эту штуку.

Онъ сунулъ мнѣ въ руки бумажный свертокъ.

— Какой шпакъ? — спросилъ я, сконфузившись за «шпака».

— Не знаю... Дэвольно гнуснаго вида... Остановилъ меня на улицѣ и спрашиваетъ, не знэкомъ ли я съ вами. Я говорю — знэкомъ. Такъ передайте, говоритъ, п'жэлста.

Свертокъ издавалъ сильный запахъ типографской краски. Сердце замерло у меня въ груди отъ какого-то сладкаго предчувствія. Я нетерпѣливо развернулъ бумагу и увидѣлъ два номера «Иллюстрированнаго Листка».

Впослѣдствіи нерѣдко были въ моей жизни моменты очень большого счастія. Но еще ни разу до сихъ поръ не испытывалъ я такого сильнаго наплыва восторга, какъ въ ту минуту, когда мои глаза увидѣли эти правильныя строчки черныхъ буквъ, отчетливо напечатанныхъ на бѣ-

лой глянцевитой бумагѣ. Припадокъ обуявшей меня радости носилъ даже нѣсколько дикій характеръ, и я не сумѣлъ ее выразить ничѣмъ инымъ, какъ безумными скачками черезъ пять ступенекъ сразу. Прибѣжавъ въ спальню, я продолжалъ бѣсноваться, прыгая черезъ кровати и табуретки. Наконецъ, успокоившись немного, я опустилъ внизъ висячую лампу съ контръ-абажуромъ и развернулъ «Листокъ»... Но строчки прыгали передъ моими глазами, а буквы сливались въ черныя полосы.

Нужно было во что бы то ни стало подѣлиться съ кѣмъ-нибудь моей радостью. Увидавъ кого-то изъ болѣе мнѣ близкихъ товарищей, я бросился къ нему:

— Посмотри... вотъ здѣсь... въ журналѣ... мой разсказъ напечатанъ.

Я задыхался отъ волненія. Что же касается до него, онъ изумился и обрадовался гораздо менѣе, чѣмъ я ожидалъ.

— Ну? Неужели? — спросилъ онъ довольно равнодушнымъ тономъ и протянулъ руку за номеромъ.

Онъ сталъ читать, а я, обнявъ его сзади, заглядывалъ черезъ его плечо въ дорогія строки. Онъ читалъ довольно медленно. Какое-то ревнивое чувство вдругъ овладѣло мною.

— Подожди, я тебѣ дамъ потомъ, я еще самъ не прочелъ, — сказалъ я, вырывая отъ него «Листокъ».

Но едва я отошелъ отъ него, какъ потребность сообщить еще кому-нибудь о моемъ блаженствѣ опять неудержимо заговорила во мнѣ. Я показалъ «Листокъ» по крайней мѣрѣ десяти товарищамъ. Всѣ они старались казаться заинтересованными, но, къ моему великому огорченію, ихъ участіе не удовлетворяло меня.

Наконецъ вокругъ меня собралась порядочная кучка оповѣщенныхъ. Кто-то попросилъ прочесть вслухъ, и я началъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія и недавней бѣготни, съ давно знакомой красивой фразы:

«Было прекрасное майское утро...»

Когда я кончилъ, слушатели выразили снисходительное одобреніе.

— Интересно будетъ прочитать критику, — замѣтилъ чей-то увѣренный голосъ.

Тѣмъ временемъ моя аудиторія привлекла новыхъ любопытныхъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они тоже выразили желаніе послушать, и я во второй разъ съ тѣмъ же удовольствіемъ прочелъ свое произведеніе.

И каждый разъ, когда я снова начиналъ его читать, я находилъ въ немъ все новыя красоты. Но мнѣ и этого было мало. Я заставлялъ читать вслухъ другихъ, а самъ прислушивался съ закрытыми глазами, стараясь вообразить себя постороннимъ человѣкомъ.

На другой день меня подозвалъ къ себѣ Дроздъ — мой ротный командиръ.

— Дайте мнѣ сейчасъ то, что̀ вы тамъ намарали, — приказалъ онъ суровымъ тономъ.

Я притворился непонимающимъ.

— Что̀ такое, г. капитанъ?

— Тамъ вы... чепуху какую-то написали въ газетишкѣ, дайте ее сюда... и безъ разговоровъ...

Нечего было дѣлать: я принесъ ему одинъ номеръ «Листка». Онъ развернулъ его и, ткнувъ пальцемъ въ мои иниціалы С. и М., спросилъ:

— Это?

— Это, г. капитанъ, — отвѣтилъ я съ гордымъ достоинствомъ.

— Ступайте въ карцеръ, — произнесъ ротный командиръ, разрывая драгоцѣнный номеръ вдоль страницъ. — И если это повторится въ слѣдующій разъ, вы будете исключены изъ училища.

Я пошелъ въ карцеръ. Поступокъ Дрозда съ номеромъ «Листка» хотя и возмущалъ меня до глубины души, но

я уже зналъ и утѣшалъ себя сознаніемъ, что двигатели просвѣщенія всегда терпѣли и будутъ терпѣть несправедливыя нападки невѣжественной толпы.

Я отсидѣлъ двое сутокъ, но мнѣ не было скучно, потому что со мною былъ оставшійся въ живыхъ номеръ «Листка», и я читалъ свой разсказъ запоемъ. Я даже прочелъ его вслухъ моему тюремному сторожу, сверхсрочному унтеръ-офицеру, который выразилъ свое одобреніе восклицаніемъ: «ловко!».

Съ той поры прошло много, очень много лѣтъ. Я уже по опыту знаю, что на литераторскомъ пути гораздо болѣе терній, чѣмъ розъ, и, получая номеръ со своимъ произведеніемъ, не радуюсь ему, а спокойно считаю количество строкъ. Но въ моей душѣ иногда шевелится жгучая зависть къ тогдашней наивной радости и свѣтлой вѣрѣ.

МИЛЛІОНЕРЪ.

Разсказъ.

На третій день Рождества, вечеромъ, у холостого журналиста почтовой конторы Ракитина собралось нѣсколько гостей. Это происходило въ крошечномъ пограничномъ мѣстечкѣ Красиловѣ, очень грязномъ и очень скучномъ, населенномъ тысячами тремя евреевъ и крестьянъ-мазуровъ, среди которыхъ выдѣлялась небольшая кучка, составлявшая такъ называемое «общество». Въ «общество» входили почтовые чиновники, лица, завѣдующія пропускомъ товаровъ за границу черезъ «переходный пунктъ», мѣстная полиція, духовенство и учитель со своимъ помощникомъ. Всѣ они въ обыденное время рѣдко посѣщали другъ друга, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, но на Рождество и Пасху непремѣнно обмѣнивались церемонными визитами и устраивали поочередно «балки», на которыхъ танцовали до свѣта подъ гармонію или скрипку и угощались отвратительной мѣстной картофельной водкой и незатѣйливыми издѣліями хозяйской кухни.

Столъ былъ накрытъ въ той изъ двухъ маленькихъ комнатъ ракитинской квартиры, которая носила громкое названіе гостиной, въ отличіе отъ другой, называвшейся спальней. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ начальникъ почтовой конторы Шмидтъ, блѣдный, толстый, отекшій человѣкъ, весь какъ будто бы налитый водою, вялый и равно-

душный ко всему въ мірѣ, кромѣ штосса и «дьябелка». По бокамъ Шмидта и другъ противъ друга помѣщались: отецъ дьяконъ Василій и хозяинъ дома, маленькій, энергичный брюнетъ съ темно-желтымъ лицомъ и желтыми бѣлками глазъ и съ хитро-подобострастнымъ взглядомъ. Слѣдующія мѣста занимали: помощникъ пристава Павловъ, бывшій казачій офицеръ, весельчакъ, запѣвала и скандалистъ, и, напротивъ его, учитель Мусоринъ, мрачный мужчина монашескаго типа, весь обросшій длинными черными волосами и называвшій самъ себя «апостоломъ тихаго пьянства». Наконецъ на самомъ концѣ стола пріютился Аггей Ѳомичъ Малыгинъ, тоже—почтовый чиновникъ, всегда по своей робости и скромности занимавшій послѣднія мѣста.

Аггей Ѳомичъ вообще избѣгалъ, по возможности, ходить въ гости, потому что это налагало на него своего рода обязательство — принимать у себя. Онъ былъ самымъ бѣднымъ чиновникомъ во всей конторѣ, къ тому же еще обязаннымъ накормить и одѣть жену, старуху-тещу и пятерыхъ дѣтей, на содержаніе которыхъ никогда не хватало двадцатидвухрублеваго ежемѣсячнаго жалованья. Каждый, устроенный имъ по необходимости «балокъ» производилъ въ домашней экономіи страшныя бреши, требовавшія для своего исправленія сверхъестественнаго сокращенія обыденныхъ расходовъ. Приходилось надолго отказываться всей семьѣ отъ мяса въ борщѣ, отъ утренняго чая, отъ лишняго полѣна дровъ. Начальство, пріѣзжавшее изрѣдка на ревизіи почтовой конторы, всегда недружелюбно косилось на старый мундиръ Аггея Ѳомича, позеленѣвшій, расползшійся по швамъ, заплатанный, съ лоснящимися локтями и воротникомъ. И если оно не смущало Аггея Ѳомича за небрежность и неприличный видъ, то это можно было только объяснить жалостью, которую невольно внушала всякому его длин-

ная, тощая фигура, съ блѣднымъ веснущатымъ лицомъ, украшеннымъ рыжими, очень рѣдкими и короткими усами и бородой, съ ласковой и виноватой улыбкой малокровныхъ губъ и выцвѣтшихъ свѣтлыхъ глазъ.

Аггей Ѳомичъ и теперь пришелъ только вслѣдствіе настоятельной необходимости. Его жена, болѣзненная женщина, всегда ходившая съ подвязанными зубами, должна была на-дняхъ родить; кромѣ того, у старшаго сына отвалились подошвы на сапогахъ; и то и другое требовало денегъ, которыхъ въ домѣ не было ни копейки. Положеніе стало до такой степени критическимъ, что Аггей Ѳомичъ, побѣдивъ свою робость, рѣшился, во что бы то ни стало, на вечерѣ у Ракитина взять у кого-нибудь взаймы нѣсколько рублей. И онъ сидѣлъ теперь за столомъ взволнованный, блѣднѣе обыкновеннаго, съ замирающимъ отъ робости сердцемъ, нервно потирая руки и ожидая удобнаго момента, чтобы заговорить о своемъ дѣлѣ. Онъ съ сконфуженной поспѣшностью отказывался отъ каждаго предлагаемаго ему куска, изъ боязни, понятной только бѣднякамъ, ввести въ лишній расходъ хозяина.

Гости пили и закусывали. Между ними давно уже шелъ длинный, неторопливый и скучный разговоръ о помѣщикѣ, о начальникѣ почтоваго округа, о мѣстномъ архіереѣ, о будущемъ урожаѣ, разговоръ до такой степени часто и однообразно повторявшійся, что каждый напередъ зналъ, какой именно анекдотъ разскажетъ его собесѣдникъ. Раза три или четыре Аггею Ѳомичу казалось, что удобный моментъ наступилъ. Ему казалось удобнымъ подъ общій разговоръ незамѣтно наклониться къ помощнику пристава или къ учителю и попросить денегъ. И онъ уже перегибался въ ихъ сторону, готовый тихонько притронуться къ ихъ рукаву, чтобы обратить на себя вниманіе и затѣмъ попросить. Но каждый разъ невыразимая робость, почти страхъ, сковывала его движеніе.

Разговоръ понемногу перешелъ на то, какъ теперь стало трудно жить, какъ все дорого, и какъ рѣдко выслуживаются и попадаютъ въ люди мелкіе чиновники. Это направленіе разговора было для всѣхъ очень близкимъ и общимъ, и каждый выразилъ мнѣніе, что «какъ тамъ ни говори, а самое главное въ жизни все-таки деньги и деньги: при нихъ не нужно быть ни умнымъ, ни красивымъ, ни труженикомъ — все равно, люди будутъ всегда преклоняться передъ золотымъ тельцомъ».

— А вѣдь я разъ чуть не сдѣлался богачомъ, — сказалъ задыхающимся голосомъ Шмидтъ. — Былъ я какъ-то на свадьбѣ у помѣщика Порчинскаго, у того самаго, что на Головчинѣ... Собралось тамъ человѣкъ двадцать польскихъ пановъ, и, понятно, послѣ ужина сейчасъ же штоссъ. У меня было въ карманѣ, не помню, двадцать или тридцать пять рублей. Конечно, гдѣ же тутъ садиться, когда они играютъ по тысячѣ рублей. Я стою рядомъ и смотрю. Только вдругъ какой-то помѣщикъ, съ такими длинными усами, онъ все понтировалъ по четвертной, семпелями, говоритъ мнѣ: — «Отчего же вы ничего не поставите?» Я ему отвѣчаю, что у меня не такъ много денегъ, чтобы играть. «Пустяки, говоритъ, ставьте». Ну, я поставилъ десять, — проигралъ, еще десять съ какой-то мелочью — тоже проигралъ. Меня тогда зло взяло. Былъ у меня серебряный екатерининскій рубль, такъ для памяти я его держалъ. «Дай, думаю, поставлю и его». Поставилъ. Представьте себѣ — дали. Я на пе — дали. Еще разъ на пе, и еще, и еще. Минутъ въ пять сорвалъ весь банкъ. Банкометъ говоритъ: «Закладывайте теперь вы». Ну, я, конечно, сѣлъ. Мечу. Ну, понимаете, чуть кто крупную карту поставитъ, я сейчасъ лусь и убью. Набралось у меня тысячъ до пятнадцати. Я уже думаю встать, да все какъ-то жаль: а ну, какъ я свое счастье упущу? Въ это время подходитъ къ столу самъ

Порчинскій, тотъ самый, который женился-то. «А ну-ка, говоритъ мнѣ, вамъ въ любви везетъ, такъ въ карты не должно везти. Дайте-ка я заложу». Я говорю ему на это: «Извините, я уже мечу». А онъ говоритъ: «Вы? Очень хорошо. — Ва-банкъ!» Всѣ такъ и рты разинули. Ну, дѣлать нечего, тасую я карты, а онъ даже и снимать не хочетъ, и даже не моргнетъ каналья. И представьте себѣ, на второй картѣ взялъ всѣ деньги, положилъ въ карманъ и отошелъ прочь. «Я, говоритъ, теперь и метать больше не хочу».

Всѣ слушали разсказъ Шмидта съ горящими глазами: точно они сами видѣли эти пятнадцать тысячъ и слышали ихъ запахъ и шелестъ.

— А вотъ тоже есть счастливцы, которые выигрываютъ на билеты, — сказалъ, вздыхая, отецъ дьяконъ (всѣмъ было извѣстно, что у него есть билетъ внутренняго займа). — На-дняхъ я читалъ, ростовщикъ какой-то двѣсти тысячъ цапнулъ. И хоть бы бѣдному человѣку досталось, а то вѣдь у этого и безъ того денегъ куры не клюютъ. Истинно неисповѣдимы пути Божіи.

— Н-да, — протянулъ задумчиво и басомъ учитель: — бываетъ. А вотъ, говорятъ, что если который билетъ одинъ разъ выигралъ, то ужъ въ другой непремѣнно выиграетъ. Правда это, или нѣтъ?

— Да, говорятъ, — отвѣтилъ помощникъ пристава: — только я не знаю, вѣрно ли... А у насъ вотъ въ З. съ однимъ копіистомъ такой былъ случай. Служилъ онъ въ губернскомъ правленіи и кое-какъ сколотилъ себѣ билетишко. Какъ-то разъ приходитъ онъ въ правленіе, а столоначальникъ его спрашиваетъ: «Какой номеръ вашего билета, Сергѣй Ивановичъ?»—«Какой, говоритъ, не помню уже какой, ну, хоть, положимъ, 1123-й».—«Поздравляю васъ, вы выиграли пятьдесятъ тысячъ». Справились въ газетахъ: точно — 1123-й — пятьдесятъ тысячъ. Ну, тотъ

прямо обезумѣлъ отъ радости! Обѣдъ закатилъ съ шампанскимъ, всѣ его поздравляютъ, рѣчи говорятъ. А на другой день въ той же газетѣ напечатано, что, молъ, по ошибкѣ, вмѣсто 1124-го, напечатанъ 1123-й. Такъ съ этимъ копіистомъ нервная горячка сдѣлалась.

И одинъ за другимъ потекли эти избитые, всему міру извѣстные разсказы, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды: о Ротшильдѣ, пришедшемъ въ Парижъ пѣшкомъ и продававшемъ сначала спички на улицахъ, а потомъ имѣвшемъ сто милліоновъ годового дохода, о Вандербильтѣ, о подземныхъ находкахъ, о карточныхъ выигрышахъ, о биржевой спекуляціи, о неожиданныхъ американскихъ милліонерахъ-дядяхъ.

Аггей Ѳомичъ, хотя самъ и не говорилъ ничего, но всей душой принималъ въ этихъ разговорахъ участіе. Несмотря на свою безцвѣтную внѣшность, онъ, какъ это часто бываетъ, обладалъ удивительно пылкимъ воображеніемъ и все, что при немъ разсказывалось, представлялъ необычайно ярко. Разговоры о долгахъ, о неожиданныхъ богатствахъ, объ этихъ диковинныхъ, могущественныхъ существахъ, называемыхъ милліонерами и не знающихъ отказа ни въ одной своей прихоти, взволновали его до лихорадочной дрожи, взволновали тѣмъ болѣе, что ему именно въ эти минуты были до зарѣзу необходимы нѣсколько жалкихъ рублей на акушерку и на сапоги мальчику.

— Нѣкоторые тоже находятъ деньги на улицѣ, — выпалилъ вдругъ неожиданно для самого себя Аггей Ѳомичъ.

Всѣ поглядѣли на него съ удивленіемъ, — онъ до сихъ поръ еще ни слова не сказалъ во весь вечеръ. Аггей Ѳомичъ сконфузился и потупилъ глаза въ скатерть.

— Какъ же, находятъ и на улицахъ, только... въ чужихъ карманахъ,—сострилъ помощникъ пристава.

Всѣ засмѣялись, больше надъ опрокинутымъ лицомъ

Аггея Ѳомича, чѣмъ отъ остроты помощника пристава, и тотчасъ же каждый разсказалъ нѣсколько случаевъ крупныхъ, дерзкихъ, оставшихся неразгаданными кражъ. И опять передъ глазами Аггея Ѳомича завертѣлись десятки и сотни тысячъ рублей, громадныя пачки пестрыхъ ассигнацій, волшебныя имена богачей, не знающихъ счета деньгамъ. И онъ слушалъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ голодный глядитъ въ окно гастрономическаго магазина.

Старые, хриплые стѣнные часы пробили часъ. Отецъ дьяконъ поднялся и, завернувъ правый рукавъ рясы, сталъ прощаться, за нимъ встали и другіе, исключая Аггея Ѳомича. Онъ все время, пока Ракитинъ со свѣчкой провожалъ гостей до выходной двери, сидѣлъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, въ волненіи катая дрожащею рукой хлѣбные шарики. «Вотъ сейчасъ Ракитинъ вернется,— думалъ Аггей Ѳомичъ: — и я попрошу. Нужно только быть смѣлѣе... И вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не съѣстъ же онъ меня за просьбу?»

Наконецъ Ракитинъ вернулся и сѣлъ рядомъ со своимъ гостемъ, удивляясь тому, что онъ не ушелъ со всѣми, но Аггей Ѳомичъ вмѣсто того, чтобы сразу попросить денегъ, затянулъ длинный и скучный разговоръ о службѣ и о жалованьи. Ракитинъ глядѣлъ на него слипающимися глазами, дѣлая изъ вѣжливости видъ, что слушаетъ, и зѣвая съ судорожно закрытымъ ртомъ. Такъ прошло съ полчаса. Наконецъ Ракитинъ не выдержалъ и съ громкимъ протяжнымъ зѣвкомъ потянулся.

— Ахъ, какое свинство! — сказалъ онъ соннымъ голосомъ: — завтра мое дежурство...

Аггей Ѳомичъ поспѣшно всталъ и началъ извиняться. Въ сѣняхъ, взявшись уже за ручку двери, онъ вдругъ, преодолѣвъ нерѣшимость, обернулся къ Ракитину.

— Послушай, — произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ

и не поднимая глазъ: — у меня того... есть къ тебѣ маленькая... то... просьба.

— Что̀ такое? — спросилъ Ракитинъ безпокойно.

— Понимаешь... я бы... то... я бы не сталъ тебя безпокоить... Жена, вотъ, должна родить... Ты знаешь, понимаешь... необходимо... А я бы, ей-Богу, отдалъ двадцатаго... рублей...—онъ хотѣлъ сказать: десять, но испугался самъ такой суммы:—рублей хоть пять одолжи...

— Ей-Богу, ни копейки, — отвѣтилъ Ракитинъ, прижимая убѣдительно обѣ руки къ груди: — ну, понимаешь, во всемъ домѣ — ни копейки.

По черезчуръ искреннему тону Ракитина Аггей Ѳомичъ отлично понялъ, что у него есть деньги, и что онъ боится дать ихъ взаймы. Пробормотавъ что-то въ родѣ извиненія, Аггей Ѳомичъ вышелъ на улицу.

Ночь была лунная, тихая и морозная. Широкія, заваленныя снѣгомъ улицы, низенькіе домики съ ихъ бѣлыми снѣжными шапками, деревья, осыпанныя снѣгомъ, точно ватой — все это казалось мертвымъ. Снѣгъ гулко скрипѣлъ подъ ногами.

Аггею Ѳомичу приходилось итти довольно далеко. Мысль о деньгахъ не покидала его. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ сейчасъ придетъ въ свою квартиру, низкую, холодную, съ зелеными окнами, стекла которыхъ по діагонали склеены замазкой, съ вѣчнымъ запахомъ нищеты и дѣтскихъ пеленокъ. Что̀ онъ скажетъ женѣ, когда она своимъ надорваннымъ, больнымъ голосомъ спроситъ о деньгахъ? Вотъ онъ сейчасъ пилъ водку и пиво, ѣлъ поросенка жаренаго, а вѣдь тамъ легли спать впроголодь, съ одной надеждой на отца, который непремѣнно достанетъ денегъ.

«Господи, Боже мой, — думалъ съ горечью Аггей Ѳомичъ: — отчего другимъ Ты посылаешь и счастье, и довольство, и сытую жизнь? Отчего же Ты меня позабылъ?

Другіе находятъ же, напримѣръ, деньги, которыя имъ, можетъ-быть, и не нужны даже. Что̀ если бы мнѣ хоть разъ, ну, одинъ только разочекъ въ жизни найти... ну, хоть десять, нѣтъ, двадцать рублей! И акушеркѣ будетъ чѣмъ заплатить, и сапоги Васюткѣ, и теплое пальтишко Лёлѣ... Сейчасъ, напримѣръ, ну почему бы мнѣ не найти бумажника по дорогѣ? Вѣдь бываютъ же иногда такіе случаи, даже и часто бываютъ; мало ли объ этомъ пишутъ и говорятъ?..»

И, по свойству своего мечтательнаго ума, Аггей Ѳомичъ началъ съ наслажденіемъ представлять себѣ, какъ онъ находитъ на улицѣ толстый кожаный бумажникъ, какъ онъ раскрываетъ его и находитъ тамъ цѣлую пачку сторублевыхъ бумажекъ и выигрышныхъ билетовъ, какъ онъ перебирается въ большую, теплую и свѣтлую квартиру, заводитъ мебель, шьетъ семьѣ теплыя красивыя платья, и... мало ли чего хорошаго можно сдѣлать на большія деньги?..

И мало-по-малу, — можетъ-быть, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ рюмокъ выпитой водки, можетъ-быть, вслѣдствіе самовнушенія,—въ душѣ Аггея Ѳомича начала возрастать чудовищно-нелѣпая, но неотразимая увѣренность, что онъ сегодня, даже именно сейчасъ, долженъ найти на улицѣ чудесный бумажникъ. Почему это должно было случиться — онъ не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Онъ просто былъ увѣренъ и шелъ, опустивъ голову и внимательно глядя себѣ подъ ноги.

— Вотъ сейчасъ... сейчасъ, — шепталъ онъ точно въ бреду: — другіе же находятъ... еще нѣсколько шаговъ... сейчасъ... сейчасъ...

И вдругъ — это вовсе не было иллюзіей въ разгоряченномъ воображеніи — онъ ясно увидѣлъ на снѣгу дороги черный небольшой предметъ правильной четырехугольной формы. Задыхаясь отъ безумнаго восторга, съ

волосами, стоявшими дыбомъ, Аггей Ѳомичъ оглянулся, какъ воръ, по сторонамъ и кинулся на лежащій предметъ...

Въ рукахъ его оказался толстый кожаный бумажникъ... Сначала удивительное совпаденіе грезъ съ дѣйствительностью ошеломило на нѣсколько секундъ Аггея Ѳомича, но, убѣдившись, что въ рукахъ его настоящій, не фантастическій бумажникъ, онъ судорожно притиснулъ его къ груди и стремительно побѣжалъ домой...

Ему пришлось бѣжать съ полверсты. Онъ чувствовалъ, какъ, отъ непривычки къ быстрому движенію у него кололо подъ ложечкой, какъ въ горлѣ расширялся какой-то сухой и колючій клубокъ, какъ кровь напряженно билась въ его головѣ. Но остановиться онъ не могъ, ему казалось, что, въ случаѣ минутнаго промедленія, кто-нибудь нагонитъ его и отыметъ у него найденное сокровище. Во время бѣга у него упала съ головы шапка. Онъ хотѣлъ-было нагнуться поднять ее, но тотчасъ же махнулъ рукой и помчался дальше «Тысячу шапокъ заведемъ!» — прошепталъ онъ въ восторгѣ...

На его бѣшеный стукъ въ дверь отворила проснувшаяся и испуганная жена, со свѣчой въ рукахъ. Дѣти также проснулись и съ изумленіемъ и съ ужасомъ смотрѣли на отца изъ своихъ постелей. Аггей Ѳомичъ тяжело опустился въ кресло, блѣдный, весь въ поту, съ блуждающими и блестящими глазами...

— Анечка! Дѣти! — прохрипѣлъ онъ, потрясая бумажникомъ: — вотъ здѣсь... въ бумажникѣ... деньги... Сто тысячъ... нанимай квартиру. Аня... шампанскаго... четыреста тысячъ... понимаете? Урра-а! . . . . . .

. . . . . .

Въ настоящее время Аггей Ѳомичъ такъ богатъ, что передъ его милліонами всѣ сокровища и Голконды и Калифорніи — ничто. Онъ держитъ на конюшнѣ шесть-

десять тысячъ лошадей и три милліона пятьсотъ тысячъ каретъ. Онъ директоръ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ и даже новой, вновь проложенной съ земли на Юпитеръ. Онъ необыкновенно щедръ и каждому бѣдняку-просителю охотно даритъ по милліону и по два. Онъ добръ, тихъ, ласковъ и только одного не переноситъ — это если кто-нибудь осмѣливается дотронуться до его драгоцѣннаго кожанаго бумажника, заключающаго засаленную трехрублевую бумажку, багажную квитанцію и газетное объявленіе. Тогда онъ впадаетъ въ странное бѣшенство и швыряетъ въ окружающихъ всѣмъ, что̀ ему попадется подъ руку. Жена и дѣти очень любятъ его и оказываютъ ему самое нѣжное вниманіе. Онъ платитъ имъ тѣмъ же...

И, наконецъ, почему мы знаемъ? — можетъ-быть, безумцы иногда безмѣрно счастливѣе насъ, здоровыхъ людей?

ДѢТСКІЙ САДЪ.

Разсказъ.

Илья Самойловичъ Бурминъ служилъ старшимъ писцомъ въ сиротскомъ судѣ. Когда онъ овдовѣлъ, ему было около пятидесяти лѣтъ, а его дочкѣ — семь. Сашенька была дѣвочкой некрасивой, худенькой и малокровной; она плохо росла и такъ мало ѣла, что за обѣдомъ каждый разъ приходилось ее стращать волкомъ, трубочистомъ и городовымъ. Среди шума и кипучаго движенія большого города она напоминала тѣ чахлыя травинки, которыя вырастаютъ — Богъ вѣсть, какимъ образомъ — въ расщелинахъ старыхъ каменныхъ построекъ.

Однажды она заболѣла. Вся ея болѣзнь заключалась въ томъ, что она по цѣлымъ днямъ безмолвно сидѣла въ темномъ уголку, равнодушная ко всему на свѣтѣ, тихая и печальная. Когда Бурминъ ее спрашивалъ: — «Что съ тобой, Сашенька?» — она отвѣчала жалобнымъ голосомъ: — «Ничего, папа, мнѣ просто скучно»...

Наконецъ Бурминъ рѣшился позвать доктора, жившаго напротивъ. Докторъ спустился въ подвалъ, гдѣ Бурминъ занималъ правый задній уголъ, и долго искалъ мѣста для своей енотовой шубы. Но такъ какъ всѣ мѣста были сыры и грязны, то онъ остался въ шубѣ. Кругомъ его, но на почтительномъ разстояніи, столпились бабы — обита-

тельницы того же подвала—и, подперши подбородки ладонями, глядѣли на доктора жалостными глазами и вздыхали, слыша слова «апатія», «анемія» и «рахитическое сложеніе».

— Ей нужно хорошее питаніе. — сказалъ строгимъ тономъ докторъ: — крѣпкій бульонъ, старый портвейнъ, свѣжія яйца и фрукты.

— Да, да... такъ, такъ, такъ. — твердилъ Илья Самойловичъ, привыкшій еще у себя въ сиротскомъ судѣ къ подобострастному согласію со всякимъ начальствомъ.

Въ то же время онъ сокрушенно глядѣлъ вверхъ, на зеленыя стекла окна и на пыльныя герани, медленно умиравшія въ промозглой атмосферѣ подвала.

— Всего важнѣе свѣжій воздухъ... Я бы особенно рекомендовалъ вашей дочери южный берегъ Крыма и морскія купанья...

— Да, да, да... Такъ, такъ...

— И виноградное лѣченіе...

— Такъ-съ, такъ-съ... Виноградное...

— А главное, повторяю, свѣжій воздухъ и зелень, зелень, зелень... Затѣмъ, извините... Чрезвычайно занятъ... Что это? Нѣтъ, нѣтъ... не беру, съ бѣдныхъ не беру... Всегда безплатно... Бѣдныхъ всегда безплатно... До свиданія-съ.

Если бы у Ильи Самойловича потребовали для благополучія его дочери отдать на отсѣченіе руку (но только — лѣвую, правой онъ долженъ былъ писать), онъ ни на секунду не задумался бы. Но старый портвейнъ и—18 рублей и 33¹/₃ коп. жалованья...

Дѣвочка хирѣла.

— Ну, скажи мнѣ, Сашурочка, скажи, моя кисинька, чего бы ты хотѣла? — спрашивалъ Илья Самойловичъ, съ тоской глядя въ большіе, серьезные глаза дочери.

— Ничего, папа...

— Хочешь куклу, дѣточка? Большую куклу, которая закрываетъ глаза?

— Нѣтъ, папа. Ску-учно.

— Хочешь конфетку съ картинкой? Яблочко? Башмачки желтые?

— Скучно!

Но однажды у нея явилось маленькое желаніе. Это случилось весной, когда пыльныя герани ожили за своимъ зеленымъ стекломъ, покрытымъ радужными разводами.

— Папа... въ садъ хочу... Возьми въ садъ... Тамъ... листики зелененькіе... травка... какъ у крестной въ садикѣ... Поѣдемъ къ крестной, папочка...

Она только разъ и была въ саду, года два тому назадъ, когда провела два дня на дачѣ у крестной матери, жены письмоводителя мирового судьи... Она, конечно, не могла помнить, какъ сенсаціонно швыряла «письмоводителька» чуть ли не въ лицо своимъ кумовьямъ стаканами со спитымъ чаемъ и какъ умышленно громко, тономъ сценическаго à parѣ, ворчала она за перегородкой о всякой шушерѣ, перекатной голи, которая и т. д...

— Хочу къ крестной въ садъ, папочка...

— Хорошо, хорошо, дѣточка, не плачь, кисюринька моя, вотъ будетъ хорошая погодка, и въ садикъ тогда пойдешь...

Наступила наконецъ хорошая погодка, и Бурминъ отправился съ дочкой въ общественный садъ. Сашенька точно ожила. Она, конечно, не посмѣла принять участія въ дѣланіи изъ песка котлетъ и вкусныхъ пирожныхъ, но глядѣла на другихъ дѣтей съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Сидя неподвижно на высокой садовой скамеечкѣ, она казалась такой блѣдной и болѣзненной среди этихъ краснощекихъ, мясистыхъ дѣтей, что одна строгая и полная дама, проходя мимо нея, произнесла, обращаясь, повидимому, къ старой, тѣнистой липѣ:

— Удивляюсь, чего это полиція смотритъ?.. Пускаютъ въ садъ больныхъ дѣтей... Какое безобразіе! Еще другихъ перезаразятъ...

Замѣчаніе строгой дамы не удержало бы, безъ сомнѣнія, Илью Самойловича отъ удовольствія видѣть лишній разъ радость дочери, но, къ сожалѣнію, городской садъ находился очень далеко отъ Разбойной улицы. Дѣвочка не могла пройти пѣшкомъ и ста саженей, а конка туда и обратно обходилась обоимъ сорокъ четыре копейки, т.-е. гораздо болѣе половины дневного жалованья Ильи Самойловича. Приходилось ѣздить только по воскресеньямъ.

А дѣвочка все хирѣла. Изъ ума Бурмина между тѣмъ не выходили слова енотоваго доктора о воздухѣ и зелени.

«Ахъ, если бы намъ воздуху, воздуху, воздуху!» — сотни и тысячи разъ твердилъ про себя Илья Самойловичъ.

Эта мысль обратилась у него чуть ли не въ пунктъ помѣшательства. Почти напротивъ его подвала простирался огромный пустырь городской земли, гдѣ попеременно то въ пыли, то въ грязи купались обывательскія свиньи. Мимо этого пустыря Илья Самойловичъ никогда не могъ пройти безъ глубокаго вздоха.

— Ну что̀ сто̀итъ здѣсь развести хоть самый маленькій скверикъ? — шепталъ онъ, покачивая головой. — Дѣтишкамъ-то, дѣтишкамъ-то какъ хорошо будетъ, господа!

Съ планомъ превращенія этого пустыря онъ, какъ истый фанатикъ идеи, носился всюду. Его на службѣ даже прозвали «пустыремъ». Однажды кто-то посовѣтовалъ Ильѣ Самойловичу:

— А вы бы написали проектецъ и подали бы въ городскую думу...

— Ну? — обрадовался и испугался Илья Самойловичъ. — Въ думу, вы говорите?

— Въ думу. Самое простое дѣло. Такъ и такъ, молъ, состоя въ званіи обывателя... въ виду общей пользы, украшенія, такъ сказать, города... ну и все такое.

Проектъ былъ написанъ черезъ мѣсяцъ, проектъ безграмотный, безсвязный и наивный до трогательности. Но, если бы каждый штрихъ его калиграфическихъ буквъ сумѣлъ вдругъ заговорить съ той страстной надеждой, съ какой его выводила на министерской бумагѣ рука Ильи Самойловича, тогда, безъ сомнѣнія, и городской голова, и управа, и гласные побросали бы всѣ текущія дѣла, чтобы немедленно осуществить этотъ необычайно важный проектъ.

Секретарь велѣлъ прійти черезъ мѣсяцъ, потомъ черезъ недѣлю, потомъ опять черезъ недѣлю. Наконецъ онъ ткнулъ бумагой чуть ли не въ самый носъ Бурмина и закричалъ:

— Ну, чего вы лѣзете? Чего? Чего? Чего? Это дѣло не ваше, а городского самоуправленія!

Илья Самойловичъ поникъ головой. «Самоуправленія,— скорбно шептали его губы...—Да, вотъ оно, штука-то, самоупра-вленія!»

Потомъ секретарь вдругъ спросилъ строгимъ тономъ, гдѣ служитъ Илья Самойловичъ. Бурминъ испугался и сталъ просить извиненія. Секретарь извинилъ, и Бурминъ, скомкавъ бумагу, поспѣшно выбѣжалъ изъ думы.

Но неудача не убила его дѣятельности пропагандиста. Только теперь въ его умѣ къ образу Сашеньки, продолжавшей хирѣть безъ солнца и воздуха, присоединились блѣдныя личики многихъ сотенъ другихъ дѣтей, задыхавшихся, подобно его дочери, въ подвалахъ и на чердакахъ. Поэтому онъ настойчиво являлся со своимъ проектомъ и въ полицію, и въ военное вѣдомство, и къ мировымъ судьямъ, и къ частнымъ благотворителямъ. Конечно, отовсюду его прогоняли.

Одинъ изъ его сослуживцевъ, конистъ Цытроновъ считался очень свѣтскимъ человѣкомъ, потому что посѣщалъ трактиръ «Югъ» и читалъ единственную городскую газету — «Непогрѣшимый». Онъ какъ-то, не то шутя, не то серьезно сказалъ Ильѣ Самойловичу:

— Вотъ, если бы про этотъ пустырь продернуть въ фельетонѣ, тогда было бы дѣло другого рода... Вы не читали никогда фельетоновъ «Скорпіона»?.. Какое перо! Такъ прямо и катаетъ: у Николай Николаича, молъ, гордая походка и лѣвое плечо выше праваго. Ядовитый господинъ!

Скрѣпя сердце, переступилъ Илья Самойловичъ порогъ редакціи (въ думу онъ шелъ гораздо смѣлѣе). Въ большой комнатѣ, пахнущей резиной и типографской краской, сидѣло за столомъ пять косматыхъ мужчинъ. Всѣ они выстригали изъ огромныхъ кучъ газетъ какіе-то четырехугольные кусочки и зачѣмъ-то наклеивали ихъ на бумагу.

Какъ ни добивался Илья Самойловичъ, чтобы ему показали «Скорпіона», онъ не успѣлъ въ этомъ.

— Скажите сначала, зачѣмъ вамъ его надо,—говорили ему косматые мужчины: — развѣ вы не знаете, что псевдонимъ сотрудника есть редакціонная тайна?

Однако, когда Самойловичъ разсказалъ имъ свой завѣтный проектъ, косматые мужчины сдѣлались откровенны и обѣщали Бурмину свое покровительство.

А Сашенька уже не вставала съ кровати и лежала въ ней блѣдная, вытянувшаяся, съ носикомъ, заострившимся, какъ у мертвеца.

— Хочу въ садикъ, папочка, въ садикъ, скучно мнѣ, папа, — твердила она тоскливымъ голосомъ.

Можетъ-быть, ея больной организмъ инстинктивно жаждалъ чистаго воздуха, подобно тому, какъ рахитическія дѣти безсознательно ѣдятъ мѣлъ и известь?

Бурминъ старался согрѣть поцѣлуями ея худенькія, холодныя руки и говорилъ ей неожиданныя трогательныя слова, которыя становятся такими смѣшными въ чужой передачѣ.

Весной, когда изсохшія герани потянулись опять къ солнцу, Сашенька умерла. Подвальныя бабы обмыли ее и обрядили, и положили сначала на столъ, а потомъ въ гробъ. Илья Самойловичъ точно окаменѣлъ. Онъ не плакалъ, не произносилъ ни слова и не отводилъ глазъ отъ маленькаго блѣднаго личика.

Только въ день похоронъ, когда убогая процессія проходила мимо пустыря, онъ немного оживился. На пустырѣ копошились съ лопатами десятка два рабочихъ.

— Что̀ же это такое? — спросилъ Илья Самойловичъ Яковлевну, свою сосѣдку по подвалу, торговавшую на базарѣ селедками.

— Чи я знаю? — отвѣтила Яковлевна сквозь обильныя слезы... — Кажутъ люды, що якыйсь садокъ тутъ поставлять. Дума... чи якъ еі?...

Тогда Илья Самойловичъ вдругъ прерывисто вздохнулъ, перекрестился, и громкія облегчающія рыданія неудержимо вырвались изъ его груди.

— Ну, вотъ и слава Богу, и слава Богу, — сказалъ онъ, обнимая Яковлевну.—Теперь и у нашихъ дѣточекъ свой садикъ будетъ. А то развѣ намъ можно на конкахъ ѣздить, Яковлевна? Вѣдь это не шутка — сорокъ четыре копейки туда и обратно.

ЧАРЫ.

— Неужели вамъ до сихъ поръ не наскучило приставать ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ?.. А еще называете себя моимъ вѣрнымъ другомъ... Развѣ вѣрные друзья бываютъ такъ нескромны, чтобы спрашивать у женщины, кого она въ своей жизни любила? Что̀ вы говорите? Ревность? Ай, ай, ай! Какъ не стыдно! Развѣ вы не помните нашего уговора, что послѣ перваго намека съ вашей стороны на нѣжныя чувства я отзываю пословъ и объявляю между нами войну?

«А впрочемъ... возьмите щипцы и помѣшайте уголья въ каминѣ... Впрочемъ, если ужъ на то пошло, я разскажу вамъ трагикомическую исторію моего перваго увлеченія. Только я заранѣе беру съ васъ слово не смѣяться... Это было бы мнѣ очень грустно.

«Начало исторіи очень романтично. Представьте себѣ великосвѣтскій балъ, салонъ, залитый огнями, ряды декольтированныхъ дамъ вперемежку съ расшитыми мундирами и безупречными фраками мужчинъ. И вотъ на эстрадѣ, сплошь загороженной зеленью, высоко надъ моремъ человѣческихъ головъ появляется «онъ». Черные кудри падаютъ на плечи, черные, бархатные, сверхъестественные глаза смотрятъ впередъ съ холоднымъ величіемъ, рука — длинная, выхоленная, прекрасная рука артиста небрежно обтираетъ платкомъ деку скрипки и потомъ

такъ же небрежно бросаетъ этотъ платокъ на рояль. Тишина... робкіе аккорды прелюдіи... сердце замираетъ въ какомъ-то сладкомъ ужасѣ, когда первые звуки вторгаются въ него съ нѣжной настойчивостью. Нѣтъ больше ни сіяющей залы, ни наставленій «maman», ни чопорныхъ сосѣдей, остаются только звуки и вдохновенные, то страстные, то горящіе мрачнымъ огнемъ, то ликующіе глаза.

«Дальше представьте себѣ наивную, только-что начавшую выѣзжать дѣвушку-институтку, съ головой, набитой романтическимъ вздоромъ, жаждой необычайнаго и возвышеннаго... Однимъ словомъ, завязка для васъ выяснилась. Не правда ли?

«Мой скрипачъ былъ très repandu въ высшемъ свѣтѣ, который такъ жадно бросается на все новое, выдающееся и надѣлавшее шума. Ему давали прозванія «второго Паганини» и «второго Сарасате», его нарасхватъ приглашали на вечера, передъ нимъ заискивали. Дамы находили въ немъ что-то демоническое.

«Сойдя съ эстрады, онъ держался въ обществѣ безукоризненно-импонирующимъ образомъ. Сколько разъ, глядя на его задумчивый и гордый профиль, я съ мучительнымъ любопытствомъ думала о его интимной жизни, о людяхъ, которые его окружаютъ, о его многочисленныхъ побѣдахъ женскихъ сердецъ. Я уже знала изъ книжекъ, что великіе люди осуждены на вѣчное одиночество въ шумномъ мірѣ. И я мечтала... впрочемъ, мало ли о какихъ глупостяхъ можетъ мечтать взбалмошная дѣвичья голова.

«Однажды я рѣшилась написать ему письмо (конечно, съ вымышленною подписью и съ просьбой отвѣтить въ почтамтъ «до востребованія»), дикое, восторженное письмо. Онъ отвѣтилъ, и между ними завязалась переписка, изъ которой я еще разъ убѣдилась въ справедливости книжнаго афоризма. Мой артистъ глядѣлъ на жизнь съ уста-

лостью и презрѣніемъ, не примиряясь съ людской пошлостью, мелочностью, завистью и непониманіемъ порывовъ творческой души. При этомъ онъ изливался въ благодарностяхъ чуткому женскому сердцу, оцѣнившему его. Нечего и говорить, что это чуткое женское сердце принадлежало мнѣ.

«Лѣтомъ переписка прекратилась, потому что мы уѣхали на дачу. Maman нарочно выбрала очень отдаленную отъ города мѣстность. Она находила, что послѣ утомительнаго зимняго сезона мнѣ необходимо подкрѣпить свои силы свѣжимъ воздухомъ деревни. Впрочемъ, я думаю, тутъ имѣли значеніе и экономическіе интересы.

«Нашимъ ежедневнымъ гостемъ сдѣлался кавалерійскій генералъ съ прекраснымъ будущимъ, представительный и свѣжій сорокалѣтній холостякъ. Онъ былъ очень занимателенъ и любезенъ; и я находила только, что его волосы и брови могли бы менѣе отливать фіолетовой краской.

«Генералъ возилъ мнѣ цвѣты и конфеты. Maman не разъ съ очень прозрачной хитростью заводила разговоръ о томъ, какую хорошую онъ представляетъ партію для дѣвушки съ неособенно большимъ приданымъ. Когда же генералъ въ разговорѣ называлъ себя съ раскатистымъ смѣхомъ старикомъ, она энергично и досадливо протестовала.

«Но мое сердце было переполнено демоническимъ артистомъ. «Если не онъ, то никто!» — рѣшила я съ той безповоротностью, которая составляетъ преимущество семнадцатилѣтнихъ романтическихъ героинь. И, навѣрно, я осталась бы при своемъ рѣшеніи, если бы не случилось маленькаго непріятнаго обстоятельства.

«Однажды мы возвращались домой, сдѣлавъ прогулку по рощѣ и напившись тамъ молока: я, maman и нашъ генералъ. Я отстала. Они не замѣтили этого, потому

что были всецѣло заняты соображеніями: въ какой степени родства находилась кузина генерала съ зятемъ maman.

«Когда я проходила мимо маленькой, затонувшей въ густой зелени акацій, дачи, до слуха моего донесся знакомый, сразу взволновавшій меня голосъ. Любопытство было такъ сильно, что я (хотя моя совѣсть и возмутилась противъ этого) остановилась и, скрытая кустами зелени, стала прислушиваться и наблюдать.

«Боже мой! Прежде всего я увидѣла «его», моего кумира, мою демоническую натуру, моего гордаго генія, моего «Сарасате и Паганини» вмѣстѣ. Онъ сидѣлъ передъ террасой, около круглаго зеленаго стола. На колѣняхъ у него держался ребенокъ мѣсяцевъ 3 — 4-хъ, съ безсмысленнымъ, сморщеннымъ лицомъ и головой, качающейся во всѣ стороны. Противъ него толстая женщина безъ корсета, въ сѣромъ платьѣ, засаленномъ на груди, варила на переносной печкѣ варенье. Четверо другихъ дѣтей—трое мальчиковъ и дѣвочка — толпились около дымящагося таза, время отъ времени украдкой облизывая ложки съ настывавшимъ на нихъ сиропомъ. Картину дополняли еще двѣ женщины, сидѣвшія около того же круглаго зеленаго стола: старушка лѣтъ восьмидесяти, вязавшая чулокъ, и горбатая женщина, скорѣе дѣвушка, съ птичьимъ лицомъ, но очень похожая на моего «Паганини», которая, то приближая, то удаляя отъ глазъ младенца блестящій стаканъ, заставляла его вскрикивать, пускать ртомъ пузыри и тянуться впередъ руками. Глядя на эту невинную забаву, и толстая женщина, и старушка съ чулкомъ, и самъ «Паганини» улыбались блаженными улыбками, улыбками счастливаго отца, довольной матери и бабушки, пользующейся въ домѣ заслуженнымъ почетомъ. При этомъ мой демоническій музыкантъ съ любовной заботливостью вытиралъ какой-то грязной тряпкой мокрыя губы и носъ своего ребенка.

«Вдругъ, повинуясь притягательной силѣ моего пристальнаго взгляда, музыкантъ повернулъ голову. Я видѣла только, какъ его лицо покрылось густой краской, какъ его руки инстинктивно протянулись, чтобы дать дитя горбатой дѣвушкѣ. Что̀ было дальше, я не знаю, не помню... я бросилась бѣжать, бѣжать и бѣжать, унося въ сердцѣ нестерпимую боль стыда, жалости и злобы...

«Ну, а развязку вы, конечно, знаете. Черезъ полгода я стала женой представительнаго кавалерійскаго генерала».

ПИРАТКА.

Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ нищаго съ собакой. Болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній: біографическихъ, фамильныхъ и психологическихъ, о немъ никто не имѣлъ, впрочемъ, — никто имъ и не интересовался. Это былъ высокій, худой старикъ съ лохматыми, сѣдыми волосами, съ лицомъ закоренѣлаго и одинокаго пьяницы, трясущійся, одѣтый въ самое рваное лохмотье, насквозь пропитавшійся запахомъ спирта и нищенскихъ подваловъ.

Когда онъ входилъ робкою походкою въ какой-нибудь изъ кабачковъ самаго низшаго разбора, и за нимъ, поджавъ хвостъ и присѣдая отъ робости на ноги, вползала его коричневая, подслѣповатая собака, то завсегдатаи заведенія сразу его узнавали.

— А, это тотъ, что съ собакой!

Старикъ оглядывался кругомъ, выбиралъ какой-нибудь столикъ, за которымъ, по его мнѣнію, сидѣла наиболѣе веселая, пьяная и щедрая компанія, и заискивающимъ голосомъ спрашивалъ:

— Господа почтенные, дозвольте намъ съ собачкой представленіе показать?

Случалось, что на свое робкое предложеніе онъ получалъ въ отвѣтъ только грубое ругательство, но чаще всего перспектива собачьяго представленія плѣняла охме-

лѣвшихъ и потому нуждающихся въ новыхъ впечатлѣніяхъ посѣтителей.

— А ну, валяй! Посмотримъ, что̀ это за представленіе выйдетъ!

Тогда кабачокъ обращался въ импровизированный театръ, гдѣ артистами являлись старикъ и его коричневая собака, а зрителями — посѣтители, половые и даже самъ хозяинъ, толстый и важный, выглядывающій съ презрительнымъ любопытствомъ изъ-за своей стойки.

— Пиратка, иси! — командовалъ старикъ. — Иси, подлецъ ты этакій!

Пиратка подходилъ къ хозяину неувѣренной походкой, слабо помахивая хвостомъ.

— Кушъ здѣсь!

Пиратка съ глубокимъ вздохомъ ложился на полъ и, протянувъ прямо передъ собой лапы, глядѣлъ на старика съ вопросительнымъ видомъ.

Старикъ бралъ небольшой кусочекъ хлѣба, клалъ его собакѣ на носъ и, отойдя на два шага и грозя пальцемъ, произносилъ медленно и внушительно:

— А-азъ, буки, вѣди, глаголь, добро...

Пиратка, удерживая носомъ равновѣсіе, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на хозяина. Старикъ дѣлалъ длинную паузу, во время которой закладывалъ руки назадъ и обводилъ зрителей лукавымъ взглядомъ, и потомъ вдругъ громко и отрывисто вскрикивалъ:

— Ѣсть!

Пиратка нервно вздрагивалъ, подбрасывалъ кусокъ хлѣба кверху и, громко чавкнувъ, ловилъ его ртомъ.

Затѣмъ нищій приказывалъ собакѣ сѣсть на стулъ и изысканно-учтивымъ тономъ спрашивалъ ее:

— Можетъ-быть, вы, господинъ Пиратка, папиросочку покурить желаете?

Пиратка молчалъ и, моргая глазами, отводилъ морду

въ сторону. Онъ зналъ, что приближается самый ненавистный для него номеръ программы.

— Такъ желаете папиросочку? Попросите, можетъ, вамъ господа пожертвуютъ? Просите же, просите, не бойтесь. Да проси же, собачій сынъ! Ну-у?

Пиратка отрывисто и принужденно лаялъ, что̀ должно было выражать его просьбу. «Господа» великодушно жертвовали папиросу.

— Служи! — приказывалъ старикъ.

Пиратка садился на задъ, поднявъ переднія ноги на воздухъ. Папироска втыкалась ему въ зубы и зажигалась. Если же дымъ попадалъ собакѣ въ носъ, и она, къ великому удовольствію зрителей, чихала, старикъ предупредительно спрашивалъ:

— Можетъ-быть, вамъ табачокъ не по вкусу? Вы къ дюбеку больше привыкли? Ничего, покурите, покурите!

Затѣмъ Пиратка ползалъ, скакалъ черезъ стулья, приносилъ брошенныя вещи, изображалъ лакея, ходилъ на заднихъ лапахъ. Самый блестящій номеръ, носившій оттѣнокъ сатиры, выполнялся неизмѣнно въ концѣ представленія и всегда вызывалъ шумный восторгъ публики.

— Умри! — приказывалъ старикъ Пираткѣ.

И Пиратка ложился на бокъ, безсильно протянувъ лапы и голову.

— Ну, вотъ, умникъ, Пиратушка, молодчина! — одобрялъ старикъ. — Ну, довольно, вставай, пойдемъ. Вставай же, говорятъ тебѣ!

Но Пиратъ не двигался, тяжело дышалъ и моргалъ глазами. Старикъ начиналъ приходить въ отчаяніе.

— Пиратушка, миленькій, да будетъ притворяться! Ну, пошутилъ — и будетъ. Вставай! Вставай же, голубчикъ!

Пиратъ не шевелился. Тогда старикъ отъ мѣръ кротости переходилъ къ запугиванію.

— Слышь, Пиратка, вставай! Солдатъ идетъ...

Пиратъ на это предостереженіе не обращалъ никакого вниманія.

— Вставай, Пиратка, — дворникъ идетъ!

Пиратъ продолжалъ лежать.

Нищій пробовалъ послѣ солдата и дворника пугать Пиратку и собачьей будкой, и пьянымъ купцомъ, и хозяиномъ заведенія, и многими другими лицами и учрежденіями, имѣющими власть. Но угрозы оказывались безуспѣшными.

Пиратъ былъ мертвъ.

Тогда внезапно старика осѣняла блестящая мысль.

Онъ наклонялся къ самому уху собаки и говорилъ испуганнымъ шопотомъ:

— Городовой идетъ!

Это слово магически дѣйствовало на Пирата. Онъ вскакивалъ, какъ встрепанный, и начиналъ съ громкимъ лаемъ носиться по комнатѣ. Посѣтители кабачка, такъ или иначе довольно часто сталкивавшіеся съ полиціей и имѣвшіе съ нею болѣе или менѣе печальныя недоразумѣнія, видѣли въ послѣднемъ номерѣ Пираткина искусства ядовитый намекъ на нѣкоторыя темныя стороны современной общественной жизни и самымъ шумнымъ образомъ выражали свое одобреніе. Пользуясь этой удобной минутой, старикъ всовывалъ въ зубы Пираткѣ козырекъ своего рванаго картуза, и Пиратка, держа высоко голову, обходилъ поочередно всѣ столы. Зрители бросали въ картузъ мѣдную мелочь, а старику подносили стаканъ водки. Впрочемъ, попадалась иногда и такая компанія, которая, съ удовольствіемъ посмотрѣвъ на представленіе, не только прогоняла старика, но еще и угрожала дальнѣйшими враждебными дѣйствіями.

— Ступай, ступай, не проѣдайся. Ишь, тоже выдумалъ съ собакой по трактирамъ шляться. Вотъ скажу хозяину, такъ онъ тебя и съ твоей собакой выкинетъ за двери.

Въ этихъ случаяхъ старикъ молча надѣвалъ картузъ и выходилъ изъ трактира, сопровождаемый Пираткой, робко жавшимся къ его ногамъ. Онъ шелъ въ другой трактиръ искать счастья.

Выпадали очень часто тяжелые, ненастные дни для нищаго и его собаки. Посѣтители всѣ, точно сговорившись, были грубы и скучны, и старикъ съ Пираткой возвращались голодные, дрожащіе отъ холода, домой. Это были ужасные дни. Въ углу сырого подвала, гдѣ старикъ платилъ полтинникъ въ мѣсяцъ за ночлегъ, жались они другъ къ другу, чтобы хоть немного согрѣться. Голодъ съ каждой минутой становился мучительнѣй. Еще Пиратка былъ счастливѣй своего хозяина. Ему иногда удавалось найти гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ, возлѣ помойной ямы, старую кость, давно уже обглоданную и съ пренебреженіемъ брошенную другими собаками. Озираясь пугливо по сторонамъ, сгорбившись, поджавъ хвостъ между ногами, онъ жадно хваталъ зубами находку, забирался въ какой-нибудь темный, недоступный конецъ двора и тамъ долго грызъ и лизалъ ее, стараясь обмануть свой аппетитъ. Старику приходилось гораздо хуже. Онъ не могъ даже въ эти тяжелыя минуты одолжиться копейкой или кускомъ хлѣба у своихъ сосѣдей по подвалу. Его не любили и чуждались, можетъ-быть, за его молчаливость, можетъ, за непріятное сожительство съ собакой, права которой на ночлегъ старику приходилось ежедневно отстаивать ожесточенной руганью и даже иногда кулаками.

Но ужаснѣе страданій голода были страданія нравственныя. Въ такіе неудачные дни старикъ былъ трезвъ, и вся его нищенская, полная униженій и позора жизнь возставала передъ нимъ особенно ярко и неумолимо. Вспоминалась и прежняя жизнь, когда онъ былъ еще не кабацкимъ шутомъ и нищимъ, не обитателемъ гнилыхъ под-

валовъ — этихъ вертеповъ бѣдности и порока, а честнымъ труженикомъ и счастливымъ семьяниномъ. Случалось, цѣлую зимнюю ночь, длинную и холодную, лежалъ старый нищій безъ сна, съ тяжелыми мыслями въ головѣ, но страданій своихъ никогда и никому онъ не повѣрялъ, да его и слушать бы не стали. Во всемъ мірѣ было только одно существо, привязанное къ нему, это — Пиратка, котораго онъ нашелъ еще щенкомъ, замерзающимъ на улицѣ, и изъ жалости отогрѣлъ и выкормилъ.

Зато въ удачные дни оба они были сыты, а старикъ вдобавокъ пьянъ и, противъ обыкновенія, разговорчивъ... Но, такъ какъ въ этомъ настроеніи онъ не находилъ другого слушателя кромѣ Пиратки, то къ нему обыкновенно и обращался съ длинными разсужденіями и разсказами.

— Ты только посмотри, Пиратка, что̀ я за человѣкъ есть, — говорилъ старикъ, лежа на своей плоской соломенной подстилкѣ рядомъ съ собакой и гладя ее.—Пьянствуемъ мы съ тобою, народъ по кабакамъ смѣшимъ, нищенствуемъ. Такъ нешто это жизнь человѣческая? Насъ съ тобою и за людей-то никто не считаетъ. Третьяго-дня вотъ, купецъ Поспѣловъ рожу мнѣ горчицей вымазалъ въ трактирѣ. Ему, понятно, — это лестно; потому что оно, дѣйствительно, смѣшно: какъ это у живого человѣка вдругъ вся его рожа горчицей вымазана? А ты, думаешь, мнѣ это весело? Отнюдь! Можетъ-быть, у меня отъ этой горчицы вся душа перевернулась! Потому что вѣдь не всегда же мы съ тобой, дурашка, такими гнусными да пьяненькими были. Вѣдь не сразу же мы себя потеряли? Ты вотъ, спроси-ка про меня на литейныхъ заводахъ господина Мальцева: былъ ли когда лучшій модельщикъ, чѣмъ я? Никогда. Ты думаешь, у насъ жены не было? Дѣтей? Угла своего? Ну, положимъ, жена съ приказчикомъ убѣгла; тутъ и удивительнаго нѣтъ ничего: онъ, приказчикъ, и на гитарѣ, и обращеніе тонкое, и

спиртные напитки въ рукахъ, шоколадъ, лимонады разные. Я и запилъ. А тамъ ужъ, какъ дѣтки мои любезныя подросли, такъ они отъ своего папеньки, срамнаго да пьянаго, отказались. Потому что никакъ невозможно: благородную линію держатъ. Вотъ мы съ тобой и остались вдвоемъ на бѣломъ свѣтѣ. Пиратка: ты да я, вмѣстѣ и околѣвать будемъ. Дай я тебя, другъ мой, поэтому сейчасъ обниму и поцѣлую.

И онъ тащилъ къ себѣ Пиратку за голову, причемъ собака жалобно взвизгивала, обнималъ ее и громко и жарко цѣловалъ ее въ холодный, мокрый носъ. Пиратка старался вырваться, но дѣлалъ это по возможности деликатно, чтобы не обидѣть хозяина.

Однажды — это было зимою, во время трескучихъ рождественскихъ морозовъ — старикъ зашелъ со своею собакою въ трактиръ «Встрѣча друзей». Тамъ какъ разъ оканчивала праздничный загулъ большая купеческая компанія. Старикъ и Пиратка продѣлали всѣ номера своего репертуара, закончивъ ихъ, по обыкновенію, язвительной сатирой на недостатки современнаго общественнаго строя. Зрители шумно выражали свое одобреніе. Одинъ изъ нихъ, бакалейный купецъ Спиридоновъ, какъ потомъ узналъ старикъ, особенно сильно плѣнился Пираткинымъ искусствомъ, и тутъ же ему пришла въ голову пьяная блажь: во что бы то ни стало пріобрѣсти ученую собачку. Онъ поилъ старика и все приставалъ къ нему съ просьбой продать Пиратку.

— Послушай, любезный человѣкъ, — говорилъ пьяный купецъ: — ну, на что тебѣ собака? Вѣдь оба вы съ голоду подохнете. Продай ты ее мнѣ, прошу я тебя. Теперь у меня, положимъ, къ амбарамъ три пса приставлено; псы настоящіе: мордастые, злые. Однако мнѣ все-таки любопытно, чтобъ у меня еще ученая собачка была. Ну, говори, сколько за нее берешь?

Хотя старика развезло отъ водки, и хотя то обстоятельство, что богатый, гордый купецъ Спиридоновъ упрашиваетъ его, сильно льстило ему, однако Пиратку продавать онъ не рѣшался.

— Благодѣтель мой, — говорилъ нищій коснѣющимъ языкомъ: — ну какъ я съ Пираткой разстанусь, когда я его вотъ этакимъ маленькимъ выкормилъ и воспиталъ? Вѣдь это все равно, что друга продать. Нѣтъ, никакъ на это моего согласія не можетъ быть, чтобы Пиратку продавать.

Несогласіе нищаго еще болѣе разохотило купца пріобрѣсти собаку.

— Дурень ты этакій, — сказалъ Спиридоновъ: — вѣдь я же тебѣ за нее такія деньги дамъ, какихъ ты и издали не видалъ. Можешь ты это понимать или нѣтъ?

— Нѣтъ, ваше степенство, обидѣть васъ не желаю, а собачка у меня не продажная.

— Хочешь получить два съ полтиной?

— Не могу, ваше степенство!

— Три?

— Не могу.

— Пять?

— Нѣтъ, ваше степенство, лучше и говорить не будемъ.

Но, когда купецъ Спиридоновъ вынулъ изъ толстаго бумажника новенькую десятирублевку, старикъ поколебался. Видъ красной ассигнаціи подѣйствовалъ на него лучше всякихъ доводовъ и упрашиваній. Перспектива сухой, теплой квартиры и горшка горячихъ щей съ мясомъ ежедневно — окончательно рѣшила судьбу Пиратки. Старикъ еще продолжалъ упорствовать, но слабо и нерѣшительно, и наконецъ сдался совсѣмъ, когда купецъ набавилъ еще три рубля.

— Бери... твоя, — сказалъ нищій глухимъ голосомъ,

жадно скомкалъ ассигнаціи и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ трактира.

Прошло пять дней. Старикъ не пилъ, спряталъ свои деньги и сильно тосковалъ по Пираткѣ.

На шестой день собака прибѣжала съ обрывкомъ веревки на шеѣ. Старикъ ей страшно обрадовался, ласкалъ, цѣловалъ ее и пошелъ уже было въ сосѣднюю лавочку за хлѣбомъ и мясомъ для собаки, какъ ему на улицѣ навстрѣчу попался одинъ изъ молодцовъ Спиридонова, посланный за Пираткой.

Собаку увели.

Старикъ тяжело и безнадежно запилъ. Онъ потерялъ и сознанье, и память, и представленіе о времени и мѣстѣ. Сколько времени это продолжалось,—онъ не зналъ: можетъ-быть, недѣлю, можетъ-быть, двѣ, можетъ-быть, цѣлый мѣсяцъ. Смутно, точно сквозь сонъ, вспоминалъ онъ потомъ, что опять держалъ въ своихъ объятіяхъ Пиратку, что собаку у него отнимали, что собака рвалась и скулила. Но когда и гдѣ это было, онъ не могъ сообразить. Онъ очнулся въ больницѣ послѣ жестокой бѣлой горячки. Сначала больница ему очень понравилась: чисто такъ, свѣтло, доктора «на вы» говорятъ, кормятъ хорошо. Только мысль о Пираткѣ, первая здоровая мысль, пришедшая ему въ голову послѣ нелѣпой, чудовищной фантасмагоріи запоя, не давала ему покоя. Мало-по-малу страстное желаніе во что бы то ни стало, хоть разъ увидѣть собаку, такъ овладѣло старикомъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выписки.

Когда онъ вышелъ изъ больницы, былъ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ теплыхъ дней, когда въ полѣ и на улицѣ начинаетъ пахнуть весной. Опьяненный этимъ пахучимъ, радостнымъ воздухомъ, нетвердо ступая ногами, за время болѣзни отвыкшими отъ ходьбы, пошелъ онъ къ дому Спиридонова.

Неувѣренно, робко отворилъ онъ калитку и остановился въ испугѣ. Прямо ему навстрѣчу грозно зарычала большая коричневая собака. Старикъ отступилъ на два шага и вдругъ весь затрясся отъ радости.

— Пиратъ... Пиратушка... Родимый мой, — шепталъ старикъ, протягивая къ собакѣ руки.

Собака продолжала рычать, захлебываясь отъ злости и скаля длинные бѣлые зубы.

«Да, можетъ-быть, это и не Пиратка вовсе? — подумалъ нищій. — Ишь, какой жирный сталъ да гладкій. Да нѣтъ же,—конечно, Пиратъ: и шерсть его коричневая, и подпалина на груди бѣлая, вотъ, и ухо лѣвое разорванное».

— Пиратушка, миленькій мой! Чего же ты сердишься-то на меня, глупый?..

Пиратъ вдругъ пересталъ рычать, подошелъ къ старику, осторожно обнюхалъ его одежду и завилялъ хвостомъ. Въ ту же минуту на крыльцѣ показался дворникъ, громадный рыжій дѣтина въ красной канаусовой рубахѣ, въ бѣломъ передникѣ, съ метлой въ рукахъ.

— Тебѣ чего, старикъ, надобно здѣсь? — закричалъ дворникъ.—Иди, иди, откедова пришелъ. Знаемъ мы васъ, сиротъ казанскихъ. Пиратка! Пойди сюда, чортовъ сынъ!

Пиратка сгорбился, поджалъ хвостъ и заскулилъ, переводя глаза то на дворника, то на своего хозяина. Повидимому, онъ былъ въ большомъ затрудненіи, и въ его собачьей душѣ совершалась какая-то тяжелая борьба.

— Пиратка, сюда!—возвысилъ голосъ дворникъ и хлопнулъ себя ладонью по ляжкѣ, призывая собаку.

Пиратка еще разъ взглянулъ жалобными глазами на старика, сгорбился больше прежняго и виноватой походкой поползъ къ дворнику.

Старикъ, шатаясь, вышелъ на улицу . . . . . .

. . . . . .

Въ часъ ночи на Спиридоновскомъ дворѣ вдругъ раздался Пираткинъ вой, заунывный, настойчивый вой, въ которомъ слышалось осмысленное отчаяніе и горе. Спиридоновъ проснулся отъ этихъ зловѣщихъ звуковъ, и ему стало жутко.

— Ишь ты, песъ проклятый, — проворчалъ онъ, чувствуя, какъ у него по спинѣ и головѣ бѣгаютъ мурашки: — точно смерть чью-нибудь накликаетъ, право.

Послѣ этого Спиридоновъ напрасно старался заснуть. Прошло полчаса, часъ... Пиратъ все не прекращалъ своего ужаснаго воя. Купецъ всталъ съ постели, надѣлъ шлепанцы и, спустившись въ кухню, приказалъ дворнику изслѣдовать причину собачьяго воя, а самую собаку отпустить, чтобы спать не мѣшала.

Дворникъ одѣлся и вышелъ на дворъ. Было темно, дулъ вѣтеръ, а съ неба изъ быстро и низко несущихся тучъ сѣялъ мелкій, теплый, весенній дождь. Пиратъ тотчасъ же узналъ дворника, подошелъ къ нему, лизнулъ его руку и побѣжалъ впередъ, изрѣдка останавливаясь и тихимъ визгомъ зовя за собою дворника.

Дойдя до запертой садовой калитки, Пиратка остановился и опять началъ свой отчаянный вой. Сначала дворникъ, пока его глазъ не привыкъ къ темнотѣ ночи, не могъ ничего разобрать, но потомъ вдругъ онъ испустилъ неистовый вопль, окаменѣвъ на мѣстѣ отъ безумнаго ужаса, сковавшаго его члены.

На ближайшей къ рѣшеткѣ развѣсистой липѣ слабо качался, едва не касаясь ногами земли, страшный, вытянувшійся человѣческій силуэтъ... Это покончилъ всѣ жизненные расчеты бывшій Пираткинъ хозяинъ.

СНЫ.

I.

Въ раннемъ дѣтствѣ меня посѣщала очень странная греза. Это случалось тогда, когда я подолгу глядѣлъ изъ окна на улицу. Бѣжали люди туда и сюда, встрѣчались, мелькали мимо другъ друга, останавливались, улыбались, размахивали руками; грохотали извозчичьи экипажи, съ понурыми послушными лошадьми, со сгорбленными извозчиками на козлахъ; женщины, мужчины, дѣти, собаки, — все это безпрерывно текло и текло цѣлыми часами по улицѣ.

И тогда мнѣ начинало казаться, что люди только притворяются такими озабоченными, торопливыми, равнодушными и чужими — притворяются потому, что не помнятъ, забыли о чемъ-то самомъ главномъ, громадномъ и торжественномъ. И я думалъ: вотъ-вотъ оно наступитъ. Сразу, въ одинъ невообразимо короткій моментъ пронесется по всему міру одна и та же чудная, забытая мысль,—и сразу все остановится. Люди, животныя, дома, камни, облака на небѣ — все, все, — и живое и неживое, съ изумленіемъ встрепенется, замретъ, замолкнетъ и прислушается. И тогда высоко надъ міромъ ясно раздастся труба архангела, призывающая къ страшному суду.

Съ трепетомъ въ дѣтскомъ сердцѣ, со страхомъ и съ глубокой вѣрой ждалъ я чуда. Ждалъ до тѣхъ поръ, пока вдоль по темной улицѣ не протягивались двумя золотыми цѣпями огни фонарей.

II.

Былъ у меня также одинъ страшный сонъ, повторявшійся почти каждый мѣсяцъ и мучившій меня.

Въ темной голой комнатѣ томится нѣсколько человѣкъ, раздавленныхъ ужасомъ, дрожащихъ, обезсиленныхъ. Я тоже съ ними. Нѣкоторые изъ насъ сидятъ вдоль стѣнъ, по угламъ, и, обхвативъ руками угловатыя колѣни, медленно качаются взадъ и впередъ. Другіе рвутъ на себѣ волосы. Иные ходятъ взадъ и впередъ, избѣгая другъ друга при встрѣчахъ уклончивыми движеніями, движеніями звѣрей, запертыхъ въ клѣтку.

Но ни одного слова, ни одного звука не произносятъ наши губы, оледянѣлыя отъ ужаса. Глаза наши, не отрываясь, устремлены, точно прикованы невидимыми нитями къ тому мѣсту въ стѣнѣ, гдѣ находится дверь. Время отъ времени она отворяется, и тотчасъ же одинъ изъ насъ, безъ зова, покорно, низко опустивъ голову, идетъ и исчезаетъ за дверью. Дверь опять закрывается.

Но на минуту мы всѣ видимъ огромную комнату, залитую багровымъ свѣтомъ, въ которомъ мечутся блѣдныя, измученныя тѣни, слышимъ крики боли и отчаянія и наконецъ видимъ его — Палача! Онъ стоитъ неподвижно, огромный, сильный и серьезный, красное платье тѣсно обтягиваетъ его мускулистое тѣло, его широкое лицо блѣдно. Это — Палачъ, и такъ его зовутъ потому, что у него нѣтъ другого имени.

Закрывается дверь — и снова темница и ужасъ. Я знаю,

что сейчасъ придетъ и моя очередь. Въ смертельной тоскѣ я хватаюсь руками за голову и шепчу:

— Нѣтъ... не можетъ быть... Это сонъ, это только сонъ. Я сейчасъ проснусь!..

Но я не просыпаюсь и опять думаю, весь холодѣя и дрожа отъ страха:

«Если бы я спалъ, то не думалъ бы о томъ, что сплю. Все это живая, настоящая дѣйствительность: эти отчаянныя, безмолвныя фигуры, кровавая комната, Палачъ, ожидающій меня... Смерть!»

Открывается дверь. «Моя очередь», — думаю я и покорно встаю, чувствуя ужасъ каждой частичкой своего тѣла. Широкое, блѣдное лицо Палача поворачивается ко мнѣ. И тогда я просыпаюсь.

III.

Но теперь все чаще и чаще снится мнѣ земля — это огромное живое ядро, которое, вращаясь, летитъ стремительно въ какую-то черную, безконечную, безвѣстную бездну, летитъ, повинуясь точнымъ и таинственнымъ законамъ. И кругомъ земли — тьма, густая, красная тьма, насыщенная испареніями крови и запахомъ труповъ. Это нависъ и сгустился надъ нею страшный, липкій кошмаръ, и она стонетъ и мечется во снѣ и не можетъ проснуться.

Вижу я свою бѣдную, прекрасную, удивительную, непонятную родину. Вижу ее, точно возлюбленную женщину — обезчещенной, изуродованной, окровавленной, поруганной и обманутой. Вижу ее, неизмѣримо громадную, отъ Ледовитаго океана до теплыхъ морей, отъ Запада до сказочнаго Востока, и вся она въ заревѣ пожаровъ, вся залита кровью и усѣяна трупами, вся содрогается отъ стоновъ и проклятій. Кровавый сонъ ходитъ

надъ нею, и въ этомъ снѣ озвѣрѣлыя шайки съ хохотомъ убиваютъ женщинъ и стариковъ, разбиваютъ головы дѣтей о камни мостовой, и въ этой красной мглѣ руки людей дымятся отъ крови.

Я вижу, какъ повсюду простираются исхудалыя руки, и какъ сухіе, искривленные рты беззвучно вопятъ:

— Хлѣба!

— Терпите! — отвѣчаютъ имъ одни.

— Молчите! — кричатъ другіе.

Я вижу людей съ тѣлами, изсушенными огнемъ, съ руками, подорванными непосильной работой, людей съ разбитой чахлой грудью.

— Нашъ трудъ — проклятіе, не хотимъ рабства! — слышу я ихъ беззвучные вопли.

— Терпите! — отвѣчаютъ одни.

— Молчите! — кричатъ другіе: — терпите рабство — или смерть вамъ и щенятамъ вашимъ.

И вижу я также сытыхъ, изрыгающихъ обильную пищу, которая не вмѣстилась въ желудкахъ ихъ, и вижу недовѣрчивыхъ, что̀ прячутъ отъ голоднаго недоѣденную корку хлѣба, и вижу рабовъ, убивающихъ по невѣдѣнію, и вижу трупы мучениковъ попранными и оплеванными.

И тогда-то мнѣ начинаетъ казаться, что скоро проспется окровавленный міръ. Чудится мнѣ, что однажды ночью или днемъ, среди пожаровъ, насилія, крови и стоновъ раздастся надъ міромъ чье-то спокойное, мудрое, тяжелое слово — понятное и радостное слово. И всѣ проснутся, вздохнутъ глубоко и прозрѣютъ. И сами собою опустятся взведенныя ружья, отъ стыда покраснѣютъ лица сытыхъ, свѣтомъ загорятся лица недовѣрчивыхъ и слабыхъ, и тамъ, гдѣ была кровь, вырастутъ прекрасные цвѣты, изъ которыхъ мы сплетемъ вѣнки на могилы мучениковъ. Тогда вчерашній рабъ скажетъ: нѣтъ больше рабства. И господинъ скажетъ: нѣтъ въ мірѣ

господина, кромѣ человѣка! А сіяющая, пробужденная земля скажетъ всѣмъ ласково: дѣти! идите къ сосцамъ моимъ, идите всѣ, равные и свободные. Я изнемогаю отъ обилія молока.

IV.

Я вѣрю: кончается сонъ, и идетъ пробужденіе. Мы просыпаемся при свѣтѣ огненной и кровавой зари. Но это заря не ночи, а утра. Свѣтлѣетъ небо надъ нами, утренній вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ! Бѣгутъ темные ночные призраки. Товарищи! Идетъ день свободы!

Вѣчная слава тѣмъ, кто насъ будитъ отъ кровавыхъ сновъ.

Вѣчная память страдальческимъ тѣнямъ.

ЛОКОНЪ.

Представьте себѣ серьезное, неподвижное лицо въ видѣ вытянутаго книзу четырехугольника. Дополните лицо черной бородой въ формѣ лопаты, лысиной, надъ которой вьется рѣдкій пухъ, и большими синими консервами. Затѣмъ вообразите это лицо приставленнымъ къ маленькой, хилой, облеченной въ длинный сюртукъ фигуркѣ — и передъ вами получится довольно точное изображеніе внѣшности Петра Иліодоровича Нарциссова, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Приволжскаго Листка».

Ядро редакціи, въ тѣсномъ смыслѣ, составляли мы трое: я, въ качествѣ спеціальнаго «заимствователя», подъ громкимъ названіемъ «обозрѣвателя внутренней жизни», Петръ Иліодоровичъ — единственный въ городѣ репортеръ, а также «нашъ собственный корреспондентъ» изо всѣхъ мѣстъ земного шара, начиная съ ближайшаго уѣзднаго городка и кончая Калькуттой и Чикаго, и Сашенька Крикуновскій, желчный и великодушный чудакъ, энциклопедистъ, «катавшій» въ Листкѣ ежедневныя передовицы по всѣмъ отраслямъ науки, искусства, философіи и политики. Четвертымъ и — надо сознаться — самымъ ревностнымъ сотрудникомъ «Приволжскаго Листка» были ножницы, громадныя, заржавѣвшія ножницы, которыя вѣчно кто-нибудь «куда-то затаскивалъ», что слу-

жило частымъ поводомъ къ оживленнымъ редакціоннымъ преніямъ.

Въ 6 час. вечера мы собирались въ редакцію въ ожиданіи курьерскаго поѣзда, привозившаго московскую и петербургскую почту. Зимою, по случаю снѣжныхъ заносовъ, это ожиданіе иногда затягивалось на часъ и даже на два. Тогда всѣ мы втроемъ садились вокругъ пылающаго камина. Къ нашей компаніи присоединялся Цезарь, старый, подслѣповатый черный сетеръ, принадлежавшій редактору. Онъ подходилъ къ намъ своей подагрической походкой на несгибающихся ногахъ, тыкалъ каждаго изъ насъ въ руку своимъ холоднымъ и мокрымъ носомъ и затѣмъ со старческими вздохами укладывался поближе къ огню.

Вотъ въ эти-то вечерніе часы Петръ Иліодоровичъ и являлся жертвою нашего скучающаго остроумія. То мы выдумывали, что редакторъ распорядился выдать намъ всѣмъ по сто рублей авансомъ, то увѣряли Петра Иліодоровича, что утромъ пріѣзжалъ въ редакцію и спрашивалъ его какой-то сердитый генералъ, то сочиняли цѣлыя фантастическія исторіи по поводу его любвеобильнаго сердца.

Кто увидалъ бы, какъ Петръ Иліодоровичъ пробирается по улицѣ бочкомъ и сгорбившись, осторожною и спотыкающейся походкой, похожей на походку слѣпого, тотъ невольно улыбнулся бы, услышавъ, что нашъ почтенный сотрудникъ являлся героемъ постоянныхъ и многочисленныхъ романовъ. Но это было такъ. Самъ Петръ Иліодоровичъ со значительными движеніями бровей разсказывалъ намъ иногда про свои побѣды. Въ этихъ таинственныхъ разсказахъ фигурировали то Баденъ-Баденъ и богатая иностранная графиня, то ревнивый мужъ и отчаянный прыжокъ Петра Иліодоровича въ окно третьяго этажа, то какая-то дочь родителей-милліонеровъ, поку-

шавшаяся на самоубійство вслѣдствіе безнадежной любви.

Отличительною чертой въ характерѣ Петра Иліодоровича было то, что онъ не замѣчалъ, когда надъ нимъ смѣются, и всегда на наши коварно-осторожные вопросы отвѣчалъ съ самымъ искреннимъ простосердечіемъ. Однажды, отъ-нечего-дѣлать, мы рѣшили прослѣдить, кто такая на самомъ дѣлѣ таинственная и прекрасная Степанида, о которой Петръ Иліодоровичъ съ многозначительной мимикой и краснорѣчивыми фигурами умолчанія говорилъ намъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Съ этой цѣлью мы внезапно, безъ приглашенія, нагрянули въ квартиру нашего товарища. Петръ Иліодоровичъ ужасно намъ обрадовался, растерянно засуетился по комнатѣ, не зная, гдѣ насъ посадить, и закричалъ въ отворенную дверь: «Степанида! Степанида! Самоваръ скорѣе!» Мы съ нетерпѣніемъ устремили глаза на двери и такъ и покатились со смѣху, когда въ комнату вошла громадная баба, лѣтъ 36, рябая, курносая, похожая на переодѣтаго солдата. Петръ Иліодоровичъ догадался о причинѣ нашего смѣха, но слишкомъ поздно...

Послѣднею зимою въ нашъ городъ пріѣхала бродячая цирковая труппа, состоявшая всего, кажется, изъ шести человѣкъ. Въ серединѣ зимы къ ней присоединилась, въ качествѣ гастролерши, миссъ Мей—дѣвица американскаго или англійскаго происхожденія, практиковавшая на аренѣ цирка опыты гипнотическаго внушенія, отгадыванія мыслей и чудеса необычайнаго и внезапнаго увеличенія въ вѣсѣ тѣла. Надо отдать ей справедливость, она была прехорошенькая — сильная, краснощекая и смѣшливая брюнетка съ живыми глазами, темнымъ пушкомъ на верхней губѣ и великолѣпными зубами.

Дня два или три спустя послѣ ея перваго дебюта, Петръ Иліодоровичъ, придя въ редакцію, казался осо-

бенно проникнутымъ серьезностью и загадочностью. Мы ждали, что̀ будетъ. Петръ Иліодоровичъ молчалъ съ четверть часа, усердно переписывая какую-то замѣтку. Потомъ онъ внезапно приподнялъ голову, посмотрѣлъ на насъ поверхъ очковъ и медленно произнесъ:

— Того... въ циркѣ вчера былъ...

Мы молчали.

— Какая хорошенькая!.. Англичанка-то... Меня ей вчера представили...

— Какъ же вы съ нею, Петръ Иліодоровичъ, разговаривали? — спросилъ я. — Вѣдь, вы, кажется, по-французски-то...

— Ну вотъ, — обидѣлся Петръ Иліодоровичъ: — настолько-то я понимаю, чтобы того... Салонный-то разговоръ... Пригласила бывать у нея отъ четырехъ до шести...

— Значитъ, съ побѣдою, Петръ Иліодоровичъ? — вставилъ невиннымъ тономъ Сашенька.

— Ну вотъ... вы сейчасъ и съ побѣдою, — законфузился, однако, не безъ удовольствія, Нарциссовъ. — Какъ вы, ей-Богу, господа, нескромны относительно женщинъ!..

Съ этихъ поръ для нашего почтеннаго коллеги начался цѣлый рядъ мытарствъ. Онъ лѣзъ изъ кожи вонъ, раздавая билеты на бенефисъ черноглазой миссъ, ежедневно приносилъ въ редакцію пламенныя и длинныя замѣтки объ ея удивительныхъ номерахъ, замѣтки, отъ которыхъ редакторъ, благодаря ихъ рекламному характеру, оставлялъ не болѣе трехъ строчекъ, торчалъ вѣчно за кулисами цирка и вообще былъ въ это время какъ будто бы нѣсколько ненормальнымъ.

Впрочемъ, повидимому, онъ совершенно не пользовался успѣхомъ у прекрасной миссъ. По крайней мѣрѣ, выходя однажды изъ цирка и случайно подслушавъ раз-

говоръ Петра Иліодоровича съ миссъ Мей, которую онъ провожалъ до коляски, я почти въ этомъ убѣдился.

— Мадемуазель, — говорилъ Петръ Иліодоровичъ какимъ-то необыкновенно нѣжнымъ сюсюкающимъ голоскомъ, забѣгая то съ лѣвой, то съ правой стороны: — мадемуазель, же сюи ожурдюи аншанте паръ ву. Ву зетъ экстраординеръ. Комъ юнъ деессъ!.. Ту ля публикъ осси, комъ муа...

Въ это время къ миссъ Мей подлетѣлъ высокій офицеръ въ николаевской шинели, и миссъ поспѣшно усѣлась вмѣстѣ съ нимъ въ коляску, забывъ даже проститься со своимъ горячимъ поклонникомъ. А Петръ Иліодоровичъ долго еще стоялъ безъ шапки, глядя вслѣдъ своей удаляющейся «деессъ».

Когда въ редакціи заходила при немъ рѣчь о миссъ Мей, онъ многозначительно молчалъ. Однако скептическая улыбка на его губахъ и усиленное подергиваніе бровей очень ясно говорили намъ: «Эхъ, господа, никто изъ васъ ничего вѣрнаго не знаетъ. Вотъ я, дѣйствительно, могъ бы разсказать кое-что, если бы только былъ менѣе скроменъ».

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда англичанки. Въ газетѣ уже появились одно за другимъ объявленія о ея предпослѣднемъ, послѣднемъ и еще два раза послѣднемъ выходѣ. Петръ Иліодоровичъ по этому поводу носился какъ будто въ какомъ-то туманѣ: онъ проектировалъ грандіозные проводы, бѣгалъ всюду съ билетами на прощальное представленіе, собиралъ по подпискѣ деньги на цѣнный подарокъ уѣзжающей дивѣ. Нашъ редакторъ только покачивалъ молча головой и хладнокровно вымарывалъ его панегирики.

Въ редакціи Петра Иліодоровича почти не было видно, зато, придя туда однажды, я засталъ Сашеньку Крикуновскаго за страннымъ занятіемъ, не подходящимъ къ

его солиднымъ лѣтамъ, къ его почетному положенію въ газетѣ. Онъ сидѣлъ на стулѣ передъ каминомъ, широко разставивъ ноги, и аккуратно стригъ ножницами пушистый хвостъ Цезаря. Старикъ, повидимому, вовсе не противился этой операціи и только, изогнувшись кольцомъ, съ нѣкоторымъ изумленіемъ обнюхивалъ руки импровизированнаго цирюльника.

— Что̀ это вы дѣлаете, Сашенька? — спросилъ я не безъ нѣкоторой тревоги.

— Подождите, потомъ узна̀ете, — отвѣчалъ онъ серьезно.

Окончивъ стрижку, онъ досталъ изъ кармана атласную розовую ленточку и тщательно обвернулъ ею порядочный пучокъ собачьихъ волосъ. На всѣ мои разспросы онъ только принималъ таинственный видъ и говорилъ, что я потомъ все узна̀ю. Такъ я отъ него и не могъ добиться никакого опредѣленнаго разъясненія его странному и легкомысленному поступку. Впрочемъ, дня черезъ два я и самъ о немъ позабылъ.

Между тѣмъ съ отъѣзда миссъ Мей прошло уже около двухъ недѣль. Петръ Иліодоровичъ сталъ понемногу приходить въ себя отъ своего любовнаго угара. Лицо его потеряло прежнее комически-торжественное выраженіе, и самъ онъ опять втянулся въ свои ежедневныя газетныя сплетни. О прекрасной англичанкѣ Петръ Иліодоровичъ не упоминалъ ни словомъ и даже отмалчивался, когда о ней заходила рѣчь. Кажется, онъ окончательно убѣдился, что все время состоялъ въ ея свитѣ самымъ ничтожнымъ статистомъ.

Но вскорѣ произошло неожиданное событіе, опять выдвинувшее на сцену отсутствующую миссъ. На имя Петра Иліодоровича прислали однажды съ почты повѣстку на какую-то цѣнную посылку. На другой же день разсыльный принесъ въ редакцію эту посылку, обернутую гру-

бымъ холстомъ и запечатанную по швамъ краснымъ сургучомъ. Петръ Иліодоровичъ вооружился перочиннымъ ножомъ, а мы, т.-е. я, Крикуновскій, конторская дѣвица и даже самъ случайно вышедшій изъ своего кабинета редакторъ, столпились вокругъ него. Петръ Иліодоровичъ бережно распоролъ холстъ и снялъ его; подъ нимъ оказался маленькій деревянный ящикъ, запакованный въ газетную бумагу. Въ ящикѣ, наполненномъ ватою, лежала изящная бомбоньерка, запертая на крошечный замочекъ, и при ней на тоненькой цѣпочкѣ почти микроскопическій ключикъ. Петръ Иліодоровичъ дрожащими руками отперъ бомбоньерку. Наше любопытство возрастало съ каждымъ его движеніемъ. Въ бомбоньеркѣ лежало «что-то», тщательно обернутое зеленой папиросной бумагой и обвязанное тонкимъ шнуркомъ. Подъ этой бумагой оказалась другая — краснаго цвѣта, подъ ней синяя, затѣмъ бѣлая и наконецъ — розовая.

Когда и розовая бумага была снята, нашимъ глазамъ предсталъ небольшой сафьянный коричневый футляръ, въ родѣ тѣхъ, въ которые ювелиры укладываютъ серьги. Петръ Иліодоровичъ открылъ футляръ. Въ немъ, свернутая въ кольцо, обвивалась вокругъ бархатнаго круглаго возвышенія прядь черныхъ, какъ смоль, волосъ, завязанная посрединѣ розовой атласной лентой.

— Здѣсь и записочка есть, — воскликнула конторская барышня. — Посмотрите-ка, въ крышкѣ!

Дѣйствительно, въ крышкѣ футляра была вложена согнутая пополамъ и надушенная розовая карточка съ печатнымъ изображеніемъ незабудокъ и двухъ цѣлующихся голубей. Внизу карточки стояла короткая надпись: «To my darling and sweetheart i hope you willnever forget me May».

«Дорогой мой, я надѣюсь, что вы меня никогда не за-

будете», — перевелъ вслухъ редакторъ, знакомый съ англійскимъ языкомъ.

Петръ Иліодоровичъ окинулъ насъ поверхъ очковъ гордымъ и сіяющимъ отъ счастья взглядомъ, потомъ прижалъ съ театральнымъ жестомъ къ сердцу полученный сувениръ, затѣмъ поднесъ его къ губамъ и сталъ осыпать горячими поцѣлуями.

Я взглянулъ мелькомъ на Крикуновскаго, чтобы обмѣняться съ нимъ улыбками, и... сразу понялъ все. Крикуновскій, весь багровый, трясся отъ беззвучнаго смѣха... Мгновенно и мной овладѣлъ приступъ безпощаднаго, неудержимаго хохота. Петръ Иліодоровичъ, еще прижимая волосы къ губамъ, съ изумленіемъ смотрѣлъ на насъ, а мы, безсильные противъ судорожнаго смѣха, падали на стулья, вставали, хватали себя за головы, сгибались въ три погибели, вытирали на глазахъ слезы и все хохотали, хохотали и хохотали. Редакторъ и конторская барышня, еще не зная, въ чемъ дѣло, невольно присоединились къ намъ, и только одинъ Петръ Иліодоровичъ глядѣлъ на насъ серьезный, недоумѣвающій, почти испуганный.

Мы хохотали очень долго и потомъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мгновенно перестали. Крикуновскій, мучимый новой жаждой этого истерическаго хохота, воскликнулъ:

— Да вы знаете, что̀ это за локонъ? Вѣдь это я у Цезаря изъ хвоста настригъ!

Однако на этотъ разъ никто изъ присутствующихъ даже не улыбнулся. Всѣхъ насъ поразило искривленное страданіемъ лицо Петра Иліодоровича съ мгновенно побѣлѣвшими и задрожавшими губами. Нѣсколько секундъ длилось напряженное молчаніе; всѣ чувствовали себя очень неловко. Наконецъ Петръ Иліодоровичъ медленно выронилъ изъ рукъ злополучный локонъ и, не говоря ни

слова, сгорбившись болѣе обыкновеннаго, вышелъ изъ комнаты.

Ни на другой ни на третій день Петръ Иліодоровичъ въ редакцію не являлся. Оказалось, что онъ тотчасъ же послѣ исторіи съ локономъ выѣхалъ изъ города. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не встрѣчался, но одинъ мой знакомый передавалъ мнѣ, что при одномъ упоминаніи имени Крикуновскаго или моего онъ приходилъ въ изступленіе, называя насъ «газетными скоморохами», «бездарными кропателями» и «литературными сплетницами».

ПОГИБШАЯ СИЛА.

Яркія краски весенняго заката уже начали понемногу закрадываться сквозь огромныя византійскія окна пустого собора, оживляя позолоту причудливыхъ орнаментовъ и согрѣвая розовый мраморъ иконостаса, когда Савиновъ съ трудомъ оторвался отъ работы. Спустившись съ высокихъ подмостковъ, художникъ отошелъ шаговъ на тридцать отъ своей картины и приковался къ ней внимательнымъ, напряженнымъ взглядомъ своихъ маленькихъ, острыхъ, чуть-чуть прищуренныхъ глазъ. Прямо передъ нимъ во всю высоту запрестольной стѣны рельефно выдѣлялось на золотомъ фонѣ почти оконченное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ. Все дышало наивной и глубокой вѣрой въ этой картинѣ: и золотое небо — торжественное, полное чудесъ и тайнъ библейское небо, и синія, тонкія, утреннія облака, служащія престоломъ группѣ, и трогательное сходство въ лицахъ матери и ребенка, и милыя, изумленныя личики кудрявыхъ ангеловъ. И тѣмъ могущественнѣй, тѣмъ неотразимѣй должно было очаровывать и умилять зрителя божественно-прекрасное лицо Богоматери — кроткое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое, съ этими, какъ будто проникающими въ глубь временъ очами, полными безмолвной, покорной скорби.

Въ соборѣ было тихо. Только гдѣ-то высоко, подъ самымъ куполомъ щебетали въ перебой неугомонные воробьи. Лучи солнца наискось тянулись изъ оконъ золотыми пыльными полосами. Савиновъ все стоялъ и глядѣлъ на картину. Теперь онъ со своими длинными, небрежно откинутыми назадъ волосами, съ блѣдными, плотно сжатыми губами на худомъ аскетическомъ лицѣ, какъ нельзя больше походилъ на одного изъ тѣхъ средневѣковыхъ монаховъ-художниковъ, которые создавали безсмертныя произведенія въ тишинѣ своихъ скромныхъ келій, вдохновляясь только горячей вѣрой въ Бога и безхитростной любовью къ искусству и не оставляя потомству даже инициаловъ своихъ именъ... Священный восторгъ и радостная гордость удовлетвореннаго творчества наполнили душу Савинова. Мечты объ этой русской Богоматери онъ лелѣялъ давно, чуть ли не съ самаго дѣтства, и вотъ она возвышается передъ нимъ во всей своей строгой и чистой красотѣ, и все убранство огромнаго храма, вся его царственная роскошь какъ будто бы служатъ для нея сплошной великолѣпной рамкой. Здѣсь, въ этой гордости не было мѣста мелочному профессіональному тщеславію, потому что Савиновъ отнесился очень холодно къ своей извѣстности, давно перешагнувшей за предѣлы Россіи. Здѣсь артистъ благоговѣлъ передъ своимъ произведеніемъ, почти не вѣря тому, что онъ самъ, своими руками создалъ его.

Между тѣмъ восьмичасовая безпрерывная работа на подмосткахъ давала себя знать: руки у художника ныли, ноги и спину ломило отъ долгаго и неудобнаго сидѣнья. Савиновъ вышелъ на широкое гранитное крыльцо собора и жадно, всей грудью вдохнулъ свѣжѣющій весенній воздухъ. Какъ все звонко, радостно, ароматно и красиво было вокругъ! Около собора разноцвѣтными красками пестрѣлъ коверъ подстриженной декоративной зелени;

дальше, черезъ дорогу тянулись въ два ряда высокіе, стройные пирамидальные тополя бульвара, обнесеннаго легкой, сквозной рѣшеткой; еще дальше виднѣлись густыя шапки деревьевъ общественнаго сада. Среди дня прошелъ крупный дождикъ, и теперь обмытые листья тополей и каштановъ блестѣли точно по-праздничному. Откуда-то неслось благоуханіе мокрой, освѣженной дождемъ сирени. Небо стало къ вечеру гуще и синѣе, а тонкія, бѣлыя, лѣнивыя облака порозовѣли съ одного бока. Въ воздухѣ зигзагами низко носились, чуть не задѣвая лица, рѣзвыя, проворныя ласточки, и какъ-то странно гармонировалъ съ ихъ веселымъ стремительнымъ визгомъ протяжный и грустный звонъ отдаленнаго колокола.

Савиновъ тихо пошелъ вдоль бульвара, расправляя уставшую грудь медленными, глубокими вздохами и съ наслажденіемъ любуясь видомъ красиваго южнаго города, томно отдающагося наступающему весеннему вечеру. Уроженецъ дальняго сѣвера, выросшій въ привольно-безконечныхъ сосновыхъ лѣсахъ, онъ все-таки страстно любилъ своеобразную красоту большихъ городовъ. Онъ любилъ кровавый и безвѣтреный закатъ солнца послѣ студенаго зимняго дня, когда зданія фантастически тонутъ въ легкой сизой дымкѣ, пронзительно визжатъ полозья, и дымъ изъ трубъ идетъ, не колеблясь, прямо вверхъ густымъ бѣлымъ столбомъ; любилъ большія улицы въ жаркіе лѣтніе праздничные дни, съ нарядной толпой, съ яркой пестротой женскихъ туалетовъ, съ моремъ раскрытыхъ цвѣтныхъ зонтиковъ, насквозь пронизанныхъ солнечнымъ свѣтомъ и тепломъ; любилъ лѣтнія лунныя ночи: рѣзкія синія тѣни отъ домовъ, лежащія зубчатой полосою на мостовой, отраженіе мѣсяца въ черныхъ стеклахъ оконъ, осеребренныя крыши, черные силуэты прохожихъ; любилъ раннимъ лѣтнимъ утромъ забраться на рынокъ и любоваться на груды сочной мокрой зелени съ ея острыми,

пронзительными и пріятными запахами, на свѣжія лица торговокъ, на мелочную и живую базарную суету; любилъ среди кипучаго городского водоворота неожиданно отыскать тихій архаическій переулокъ, уединенную старинную церковь, поросшую влажнымъ мхомъ, или натолкнуться на яркую, полную движенія, народную сцену.

— Пардонъ, мусью! — раздался вдругъ надъ ухомъ Савинова хриплый мужской голосъ, и въ лицо художнику пахнулъ такой букетъ перегорѣлаго вина, что онъ невольно остановился и отшатнулся.

Передъ нимъ стоялъ мужчина въ рваномъ холщевомъ, лѣтнемъ пиджакѣ, въ разорванныхъ на колѣняхъ панталонахъ и въ опоркахъ на босу ногу, еще не старый, но уже согнутый той обычной согбенностью бродягъ и нищихъ, которая пріобрѣтается отъ привычки постоянно ежиться на холодѣ, тѣсно прижимая руки къ бокамъ и груди. Лицо у него было испитое, пухлое и розовое, шире книзу, съ набрякшими вѣками надъ вылинявшими, мокрыми глазами, съ потресканными и раздутыми губами, съ нечистой, свалявшейся въ одну сторону черной бородой. Этотъ человѣкъ держалъ въ рукахъ рваную шапку. Черные, спутанные волосы безпорядочно падали ему на лобъ.

— Пардонъ, мусью, — продолжалъ онъ трагической интонаціей и возвышеннымъ языкомъ «интеллигентнаго» нищаго: — обращаюсь къ вамъ не какъ презрѣнный бродяга, а какъ нѣкогда благородный и порядочный человѣкъ. Не откажите во имя человѣколюбія удѣлить нѣсколько сантимовъ на обѣдъ бывшему стипендіату императорской академіи художествъ. Повѣрьте честному слову, мусью, — продолжалъ оборванецъ, слѣдя жадными глазами за тѣмъ, какъ Савиновъ достаетъ изъ кармана кошелекъ: — что только злая иронія судьбы заставляетъ меня протягивать руку за помощью. Бывшая надежда арти-

стическаго міра и... уличный нищій — согласитесь, контрастъ, поистинѣ, ужасный...

Чуть замѣтная добродушная усмѣшка тронула безкровныя губы Савинова.

— Такъ вы были въ академіи? Въ которомъ же году?

Оборванецъ вдругъ принялъ комически-гордую позу.

— Въ 187*-мъ, милостивый государь, окончилъ оную,— воскликнулъ онъ съ паѳосомъ и съ силою ударилъ себя кулакомъ въ грудь.—А въ 187*-мъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію-съ.

Савиновъ пристальнѣе взглянулъ въ лицо нищаго и протянулъ ему нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ.

— Охотно вѣрю вамъ, что вы были въ академіи, — сказалъ онъ со свойственной ему мягкой улыбкой. — Только видите ли... вамъ не совсѣмъ бы удобно было говорить мнѣ объ этомъ, потому что я самъ... окончилъ академію годомъ позже васъ, но... долженъ признаться, что не видѣлъ васъ ни разу.

Глаза оборванца вдругъ забѣгали по сторонамъ, пухлое лицо изъ розоваго сдѣлалось краснымъ и сразу все покрылось мелкими каплями пота.

— Вы мнѣ не вѣрите?—прошепталъ онъ, низко опуская голову. — Моя фамилія Ильинъ. Никифоръ Ильинъ.

— Ильинъ! — воскликнулъ Савиновъ такъ громко, что проходившая въ это время какая-то дама вздрогнула и обернулась.—Батюшки, да вѣдь я васъ теперь совсѣмъ узналъ. Что же это съ вами, голубчикъ?

Только теперь Савиновъ далъ себѣ отчетъ въ томъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ ему на мгновеніе мелькнуло въ лицѣ оборванца что-то знакомое. И тотчасъ же, съ присущей художникамъ яркостью зрительной памяти, передъ нимъ всплылъ тотъ моментъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ Ильина. Академическая курилка, слоистыя облака сизаго табачнаго дыма, въ которомъ дви-

жутся неясные силуэты, сплошной говоръ, смѣхъ... Кто-то торопливо толкаетъ Савинова подъ локоть и шепчетъ: «Смотри, смотри... вонъ у подоконника стоитъ Ильинъ: черный, съ длинными волосами... Теперь глядитъ въ нашу сторону». Савиновъ быстро оборачивается и видитъ худощавую, гибкую фигуру, небрежно облокотившуюся на подоконникъ, блѣдное лицо, живописную гриву длинныхъ волосъ, чуть-чуть пробивающіеся усы и бородку и пару чудныхъ темныхъ глазъ. Ильинъ слушаетъ какого-то коротенькаго краснощекаго толстяка, и эти великолѣпные, выпуклые, блестящіе глаза искрятся умомъ, вниманіемъ и тонкой насмѣшкой.... О, какъ все это было давно... И все-таки стоящій передъ Савиновымъ бродяга — несомнѣнно Ильинъ, тотъ самый легендарный Ильинъ, имя котораго долго не сходило съ языка у всѣхъ профессоровъ и студентовъ. Есть въ каждомъ человѣческомъ лицѣ какія-то неуловимыя, загадочныя черточки, которыя не измѣняются въ немъ отъ дѣтскаго возраста до старости, точно такъ же, какъ есть такія же нотки въ тембрѣ каждаго голоса, по которымъ черезъ десять, двадцать лѣтъ признаешь человѣка, какъ бы онъ ни огрубѣлъ, ни опустился, ни зачерствѣлъ и ни палъ...

— Такъ вы Ильинъ? — растерянно и жалостливо бормоталъ Савиновъ. — Господи, какъ же это неожиданно... Вѣдь я васъ помню, прекрасно помню.

— Что же дѣлать... обстоятельства... покатился подъ гору, — отрывисто и угрюмо отвѣчалъ оборванецъ, отворачивая въ бокъ свое расплывшееся лицо.—Встрѣтишь кого изъ старыхъ товарищей... перебѣгаешь на другую сторону... стыдно... образъ человѣческій потерялъ... Дозвольте, господинъ, — въ голосѣ Ильина сразу зазвучала искательная, рабская интонація забитаго человѣка: — дозвольте узнать вашу фамилію?

Савиновъ назвалъ себя. Ильинъ вдругъ весь встрепенулся, и глаза его широко раскрылись.

— Савиновъ?.. Тотъ самый, что̀ въ соборѣ?.. Знаменитый?..

— Ну, ужъ и знаменитый. Это вы слишкомъ сильно, голубчикъ.

— Но это вы? вы?

— Ну я, если хотите...

— Родной мой, видѣлъ. Своими глазами видѣлъ,—воскликнулъ Ильинъ, и что-то похожее на умиленіе затеплилось въ его опухшихъ глазахъ. — Господи, красота-то какая! Ручку мнѣ пожалуйте, ручку... не откажите.

Савиновъ дружески-открытымъ жестомъ протянулъ руку и не успѣлъ отнять ее, какъ почувствовалъ на ней холодное и мокрое прикосновеніе губъ Ильина.

— Фу! Какъ вамъ не стыдно!—сказалъ онъ укоризненно и краснѣя. — Развѣ можно такія вещи дѣлать?..

Ильинъ приложилъ обѣ руки къ груди крестомъ и изо всей силы сжалъ ихъ.

— Господинъ Савиновъ! Не вамъ руку цѣлую, — выкрикнулъ онъ восторженно.—Русскому генію руку цѣлую... Я—мертвый человѣкъ—новую зарю привѣтствую въ васъ.

Савиновъ въ замѣшательствѣ оглянулся по сторонамъ. Вокругъ нихъ уже начала собираться глазѣющая публика: мальчишка въ бѣломъ передникѣ, съ рогожнымъ кулькомъ подъ мышкой, двѣ дѣвицы въ платочкахъ, щелкающія подсолнушки, какой-то подержаный господинъ въ цилиндрѣ, торговка съ двумя корзинами, надѣтыми на коромысло. Стоять здѣсь дольше было неловко. Но въ то же время нельзя было оставить Ильина, бросить его на произволъ судьбы, отдѣлавшись отъ него нѣсколькими копейками. Этого не позволяла Савинову его деликатная, безконечно-мягкая натура.

— Знаете что̀, Ильинъ, — вдругъ нашелся онъ. — Идемте-ка ко мнѣ въ гостиницу. Я теперь одинъ-одинешенекъ, и вечеръ у меня свободный. О старинѣ потолкуемъ. Идемте...

— Одѣтъ-то ужъ я больно того... — замялся Ильинъ.

— Э, пустяки какіе. Да наконецъ у меня есть, кромѣ общаго хода, свой отдѣльный ходъ, и ключъ постоянно въ карманѣ. Закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, поболтаемъ. Можетъ-быть, и придумаемъ что-нибудь сообща. Идемъ. До меня отсюда всего два шага.

— Видѣлъ я вашу картину. Созерцалъ, наслаждался и плакалъ, — безпорядочно и восторженно бормоталъ Ильинъ, идя рядомъ съ Савиновымъ и поминутно сбѣгая съ тротуара на мостовую, чтобы дать дорогу встрѣчному прохожему. — Потрясла она меня до самаго нутра. До остолбенѣнія. И вѣдь какъ это случилось странно. Иду я мимо собора. Глядь, подъѣзжаютъ четыре коляски, все собственныя, и останавливаются у входа. Вылѣзаютъ какія-то дамы, должно-быть, аристократки, и съ ними генералъ и два штатскихъ. Пошли они въ соборъ. Ну, сторожа, понятно, за ними слѣдомъ кинулись. А я тѣмъ временемъ — шмыгъ и проскочилъ во внутрь. Что̀ грѣха таить, пьяненькій я въ ту пору былъ, а потому и храбрый, а на счастье и полиціи кругомъ не случилось. Да-съ. Вошелъ я въ соборъ, да такъ, знаете, къ полу и приросъ. Въ дрожь меня кинуло. Стоитъ Она на высотѣ, точно паритъ въ воздухѣ, непорочная, чистая, прекрасная, и глаза большіе такіе, ясные, кроткіе, прямо на меня въ упоръ смотрятъ, но не гнѣвно... Нѣтъ! Смотрятъ печально такъ, жалостно. О, Господи! А я то нетрезвый, гаденькій, грязный, въ отрепьяхъ, только изъ вертепа вырвался... Жутко мнѣ сдѣлалось, а глазъ отвести не могу...

И вдругъ меня точно толкнуло что-то. «Боже мой, — думаю я: — да вѣдь это моя мечта, вѣдь этотъ самый идеалъ я носилъ въ душѣ, когда она еще была чиста, вѣдь и я могъ бы создать что-нибудь похожее на этотъ божественный образъ». Страшный это былъ моментъ, г. Савиновъ. Страшный потому, что я вдругъ, сразу, необычайно ясно понялъ, ощутилъ и измѣрилъ ту глубину, въ которую я полетѣлъ вверхъ тормашками... Заплакалъ я... Ну, конечно, подошелъ сторожъ. «Тебѣ чего здѣсь нужно, босякъ, пьяная морда?» Мигомъ выволокъ меня изъ собора и съ лѣстницы. А я... что же мнѣ еще оставалось? Нарѣзался я въ этотъ день, какъ скотина, и все ревѣлъ. Потомъ подняли меня безъ памяти... ночевалъ я въ участкѣ. Эхъ! и говорить-то гадко!

Савиновъ слушалъ, не перебивая, эту горькую, отрывистую рѣчь, и все больше и больше стѣснялось его сердце болѣзненнымъ состраданіемъ къ этому несчастному человѣку. Черезъ какой длинный рядъ униженій и нравственныхъ пытокъ долженъ былъ онъ пройти, прежде чѣмъ очутиться на улицѣ въ своемъ холщевомъ пиджачкѣ и разодранныхъ панталонахъ? А вѣдь въ немъ, безъ сомнѣнія, погибъ огромный, самобытный талантъ. Савинову вдругъ вспомнился отзывъ объ Ильинѣ, еще въ тогдашнее академическое время, одного стараго, пунктуальнаго, заматерѣлаго въ классическихъ традиціяхъ профессора: «Изъ этого Ильина талантище такъ и претъ. Ни съ какимъ масштабомъ къ нему не подойдешь», — говорилъ обыкновенно профессоръ. И это мнѣніе безмолвно раздѣляла вся — обыкновенно такъ жадно ревнивая къ успѣху — злоязычная среда товарищей-художниковъ. Въ то время, когда другіе робко шли за великими мастерами, въ Ильинѣ уже намѣчался крупными чертами оригинальный, свѣжій талантъ, вырабатывающій свои убѣжденія, свои пріемы, свой рисунокъ и свое пониманіе натуры.

Онъ какъ будто бы на цѣлую голову стоялъ выше своихъ сверстниковъ. Къ нему прислушивались, ему подражали, его удивительныя работы привлекали всеобщее вниманіе. Около него уже образовался небольшой кружокъ новаторовъ, презиравшихъ всякіе «измы», направленія и школы и требовавшихъ отъ искусства безграничной широты замысла и смѣлости исполненія. Однако въ вожаки партіи Ильинъ никогда не лѣзъ; онъ былъ слишкомъ скроменъ, мягокъ и застѣнчивъ для этого. Жизнь онъ велъ суровую, почти спартанскую и отдавался работѣ съ какимъ-то священнымъ упоеніемъ. Правда, были и въ то время въ академіи бездарные работяги, которые отсутствіе таланта замѣняли раболѣпствомъ передъ профессорами и упорной, нечеловѣческой усидчивостью. Они возбуждали въ товарищахъ жалость и презрѣніе. Но къ Ильину, къ его аскетическому образу жизни, къ его изумительному трудолюбію, къ его отчужденности отъ безалаберной художнической богемы—всѣ относились съ внимательнымъ почтеніемъ. Чувствовалось, что онъ не хочетъ разбрасывать даромъ своихъ огромныхъ силъ, а посвящаетъ ихъ исключительно на служеніе искусству.

Савиновъ помнилъ, какимъ шумомъ была встрѣчена на конкурсной выставкѣ картина Ильина «Праздникъ у Степана Разина». Весь художественный Петербургъ сбѣгался смотрѣть на нее. Газетные критики называли ее эпохой въ исторіи русской живописи. Ильина отправили на казенный счетъ въ Римъ. Потомъ онъ какъ въ воду канулъ, требуемой работы въ академію не представлялъ и не давалъ по этому поводу никакихъ объясненій. Никто не могъ сказать утвердительно, возвратился ли онъ обратно въ Россію, или остался за границей; даже не знали, живъ ли онъ. О немъ, правда, изрѣдка вспоминали въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ старые художники. Бывало, когда уже достаточно позлословили на счетъ от-

сутствующихъ, кто-нибудь вздохнетъ о томъ, что съ каждымъ годомъ переводятся старые таланты, а новыхъ что-то не видно. «А прежде-то, господа, помните?» И тутъ непремѣнно выступалъ на сцену Ильинъ, личность и талантъ котораго сквозь призму времени приняли размѣры прямо-таки легендарные. Одно время пронесся-было слухъ, что кто-то изъ художниковъ видѣлъ Ильина въ одесской гавани, таскающимъ кули, но слухъ этотъ скоро замеръ, и на него большого вниманія не обратили.

Лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ вошелъ въ номеръ съ приборами въ обѣихъ рукахъ и ногой прихлопнулъ за собой дверь. Онъ былъ настолько хорошо выдрессированъ, что не позволилъ себѣ грубой выходки (къ тому же Савиновъ хорошо давалъ на чай), но по тому, какъ онъ умышленно-небрежно ставилъ на столъ тарелки, по тому, какъ смотрѣлъ искоса на Ильина, не поворачивая къ нему головы, по холодному достоинству, съ какимъ онъ выслушивалъ заказъ, видно было, что онъ возмущенъ и за себя и за репутацію заведенія до глубины души. Ильинъ сидѣлъ на кончикѣ кресла, стараясь далеко запрятать подъ него свои ноги, и прикрывалъ ладонями прорванныя колѣни. Онъ растерянно улыбался, поминутно краснѣлъ и вытиралъ рукавомъ вспотѣвшее лицо.

Когда лакей вышелъ, Савиновъ подвинулъ къ Ильину водку и сказалъ ласково:

— Пейте, голубчикъ, не стѣсняйтесь меня. Я знаю, что это вамъ теперь необходимо.

Горлышко графина звенѣло о стекло рюмки, когда Ильинъ наливалъ водку. Опрокинувъ дрожащей рукой водку въ ротъ, онъ долго ея не проглатывалъ, сморщивъ лицо въ брезгливую гримасу; потомъ сразу проглотилъ съ какимъ-то особенно громкимъ звукомъ, сморщился еще сильнѣе и часто-часто задышалъ черезъ полусжатыя губы,

точно отдуваясь отъ чего-то горячаго. Теперь, при свѣтѣ огня, Савиновъ хорошо разсмотрѣлъ его лицо. Оно страшно отекло отъ скулъ до подбородка; щеки и угреватый носъ были покрыты мелкой сѣтью красныхъ извилинокъ и маленькихъ, вздутыхъ, синихъ жилокъ. Пиджакъ былъ у ворота заколотъ булавкой, и бѣлья подъ нимъ не замѣчалось. Отъ всѣхъ этихъ лохмотьевъ шелъ какой-то грязный, маслянистый запахъ, похожій на запахъ замазки, съ примѣсью сквернаго табака.

— Простите... я съ похмелья, — потянулся Ильинъ за другой рюмкой.

— Пожалуйста, пожалуйста, голубчикъ. Я вѣдь нарочно для васъ...

По мѣрѣ того, какъ Ильинъ пилъ рюмку за рюмкой, лицо его, къ удивленію Савинова, мало-по-малу принимало болѣе нормальный видъ, руки перестали трястись, голосъ прояснился, глаза стали живѣе и точно расширились. Ѣлъ онъ жадно и неряшливо, запихивая въ ротъ большіе куски и чавкая, какъ ѣдятъ наголодавшіеся и отвыкшіе отъ приличнаго стола люди. Чтобы не смущать его, Савиновъ нарочно усѣлся такъ, что между нимъ и Ильинымъ приходилась высокая лампа съ длиннымъ, висячимъ, краснымъ абажуромъ.

— Хотите еще? — спросилъ онъ, когда Ильинъ окончилъ ѣсть и обтеръ губы наружной стороной рукава.

— Нѣтъ, мерси. Благодарствуйте. Сытъ. А вотъ если папиросочку...

Онъ закурилъ, глубоко и поспѣшно затянулся нѣсколько разъ подъ-рядъ и вдругъ разсмѣялся продолжительнымъ тихимъ смѣхомъ.

— Чему это вы? — спросилъ Савиновъ.

— Да вотъ гляжу я на васъ, Иванъ Григорьевичъ (Ильинъ и въ самомъ дѣлѣ выглянулъ изъ-за абажура), и вижу, что вамъ хочется спросить меня: «Какъ дошла

ты до жизни такой»? Только деликатность не позволяетъ... Правда вѣдь? А? Ха-ха-ха...

— Повѣрьте, что я не хочу быть нескромнымъ,—вѣжливо возразилъ Савиновъ.

— Ну, что̀ тамъ за нескромность... со мной-то? Да, кромѣ того, мнѣ и самому хочется разсказать. Почемъ знать, можетъ-быть, вы, когда все узна̀ете, не презрѣніе ко мнѣ почувствуете, какъ къ попрошайкѣ уличному, а пожалѣете... Ту конетръ... какъ это дальше? Ну, дъ чортъ съ нимъ, все равно... Слушайте мою исповѣдь, господинъ Савиновъ.

Ильинъ поискалъ глазами пепельницу и, не найдя ея, потихоньку, чтобы не видѣлъ Савиновъ, потушилъ папиросу объ ножку стула и спряталъ окурокъ изъ вѣжливости въ карманъ.

— Какъ это пишутъ смѣшно въ романахъ. «Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Полковникъ закурилъ свою трубку, провелъ рукой по длиннымъ сѣдымъ усамъ и, глядя на огонь камина, началъ»... Такъ вѣдь? Ха-ха-ха.

Онъ отрывисто разсмѣялся, потомъ помолчалъ нѣсколько секундъ, и, когда опять началъ говорить, въ его голосѣ совсѣмъ неожиданно послышались горькія, грустныя, искреннія ноты.

— Замотала меня женщина, Иванъ Григорьевичъ. Женщина — и моя собственная глупость. Вы, можетъ, слышали, каковъ я въ академіи былъ? Одно слово — анахоретъ. Только въ искусство да въ трудъ и вѣрилъ. Этого сочинителя, что̀ сказалъ, будто геній можетъ озарять голову безумца, гуляки празднаго, я бы тогда, кажется, на части разорвалъ... Какъ лошадь работалъ...

— У васъ былъ замѣчательный талантъ, Ильинъ, — мягко вставилъ Савиновъ.

— Былъ! Вѣрно!—Ильинъ горячо ударилъ себя въ грудь кулакомъ.—И я знаю, что былъ. Я въ себя всѣхъ

больше вѣрилъ. Въ звѣзду свою вѣрилъ, чортъ побери! Совершенства добивался. Всего себя этому проклятому искусству закабалилъ. Кошачьей колбасой питался, идіотъ, на чердакахъ мерзъ. Другіе умнѣй были: тотъ— иллюстраціи, тотъ — виньеточки, тотъ — карикатурки... У нихъ веселье, попойки, на острова поѣхали, женщины, хохотъ, а я сижу, завернувшись поверхъ пальто въ одѣяло, и теорію перспективы изучаю. Трогательно!.. Виньеточки-то за позоръ считалъ. Какъ же, помилуйте, униженіе искусства, профанація!..

Ильинъ опять разсмѣялся, но смѣхъ перешелъ въ спазматическій кашель, который длился минутъ пять. Отдышавшись, онъ продолжалъ:

— Отправили меня въ Римъ. Вѣдь вы тамъ, конечно, были, Иванъ Григорьевичъ? Господи, красота-то, красота какая! Воздухъ прозрачный, небо синее-синее, краски на всемъ такія сочныя, горы, платаны, развалины... хорошо! На что ужъ я всегда былъ лютъ на работу, а тутъ прямо осатанѣлъ. Бѣгаю цѣлый день по галлереямъ и по дворцамъ, копирую стариковъ, набрасываю этюды, пишу съ натуры. Удивительно, какъ на это одного человѣка хватало. При этомъ, замѣтьте, паёкъ самый скудный—кусокъ хлѣба съ сыромъ овечьимъ и стаканъ доброй старой воды, вотъ и все.

«Потомъ однако угомонился, въ русло вошелъ, сталъ подыскивать сюжетъ для картины. И нашелъ. Знаете, въ этомъ родѣ, который нынче называютъ символическимъ (мнѣ вѣдь тоже время отъ времени, нѣтъ-нѣтъ, да попадетъ въ руки клочокъ газеты). Вообразите себѣ ниву, созрѣвшую, спѣлую ниву, но всю истоптанную во вчерашнемъ сраженіи. Брезжитъ раннее утро, на востокѣ янтарная полоса, луна поблѣднѣла... А на нивѣ лужи крови, обломки оружія, трупы человѣчьи и лошадиные, вдали мерцаютъ огни лагеря... И вотъ среди

этой крови и этого ужаса медленно плыветъ туманная фигура Христа, съ опущенной внизъ головой и опечаленнымъ ликомъ... Недурно вѣдь? А?

— Хорошо. Очень хорошо, — искренно воскликнулъ Савиновъ.

— Началъ я работать. А у меня въ то время была общая студія съ однимъ тоже русскимъ, Курбатовымъ. Онъ былъ пейзажистъ, — милый человѣкъ и необыкновенно талантливый. Царство ему небесное (Ильинъ перекрестился): въ первый же мѣсяцъ, какъ пріѣхалъ въ Россію, умеръ отъ скоротечной чахотки... Счастливецъ!.. Ну-съ, завязались у насъ кое-какія знакомства съ тамошнимъ народишкомъ, стали нами какъ будто интересоваться, оцѣнили насъ. Въ студіи всегда, бывало, разные людишки болтаются. Сперва больше свой братъ художникъ, а потомъ повалила и публика: знатные иностранцы и всякіе путешественники. Даже одинъ герцогъ какой-то посѣтилъ, ей-Богу, не вру, Иванъ Григорьевичъ.

«И вотъ однажды получаю я черезъ комиссіонера двѣ визитныхъ карточки. Какой-то князь Дузъ-Хацимовскій, генералъ анъ ретре, съ женой Натальей Ѳаддеевной очень обо мнѣ наслышаны, горятъ желаніемъ видѣть мою замѣчательную картину и потому покорнѣйше просятъ, не найду ли я возможнымъ быть дома отъ 12 до 2 часовъ. Я предупредительно соглашаюсь. Въ назначенное время являются. Генералъ ничего себѣ — солидный генералъ, баситъ, растягиваетъ слова и отторбучиваетъ нижнюю губу. Усы нафиксатуарены, яркій галстукъ, однако видно, что ножки сильно пошаливаютъ. Онъ меня, конечно, «обласкалъ» и обѣщалъ покровительство. На нее я сначала не обратилъ вниманія, потому что меня все заговаривалъ генералъ. Вижу только—худая, гибкая, съ великолѣпными рыжими волосами. Покамѣстъ я передъ

его превосходительствомъ расшаркивался, она все мои альбомы съ эскизами разсматривала. Нехорошая это привычка, нескромная — все равно, что въ чужую записную книжку заглядывать — ну, да что же подѣлаешь — терпи! Потомъ вдругъ подзываетъ меня къ себѣ: «Мсье Ильинъ, вы, должно-быть, никогда не были влюблены?» Я оторопѣлъ. — «Почему вы такъ думаете, мадамъ?» — «Въ вашемъ альбомѣ я не нашла слѣдовъ любви». Я недоумѣваю еще больше. — «Виноватъ, какіе же это слѣды?» — «Да мало ли какіе: на каждой страницѣ одинъ и тотъ же профиль, одни и тѣ же инициалы, строчки, написанныя женской рукой... Ну? Права я или нѣтъ?»

«И поглядѣла на меня. Знаете, Иванъ Григорьевичъ, — странная вещь: я лицо ея совершенно — ну, совсѣмъ-таки забылъ, и никакъ не могу его себѣ представить, даже не знаю, была ли она дурна или хороша собою, а этотъ взглядъ вотъ какъ теперь вижу. Безстыжій, понимаете ли, открыто-безстыжій, и хищный, и насмѣшливый, и манящій, до безумія манящій. И вся она, какъ вино, бросилась мнѣ въ голову со своимъ змѣинымъ тѣломъ, съ рыжими волосами, съ какимъ-то прянымъ запахомъ духовъ. И почувствовалъ я, что съ этого момента «кончено мое земное странствіе»...

«А она все смотритъ и глазами играетъ. «Я, говоритъ, сама немного рисую. Вы мнѣ позволите иногда запросто заходить къ вамъ посмотрѣть и поучиться? Папочка, ты позволишь?» Это она къ генералу. Папочка позволяетъ съ добродушной снисходительностью взрослаго къ капризу ребенка. — «Ну, такъ я завтра зайду въ это же время. Жаль, что вашего товарища въ эти часы не бываетъ, я бы съ нимъ охотно познакомилась». Вѣдь какова дерзость-то, Иванъ Григорьевичъ! Я ей объ товарищѣ рѣшительно ни словечка не сказалъ, а она

вдругъ — «жаль, что въ эти часы не бываетъ». Да еще подчеркиваетъ такъ, что и глухой понялъ бы и догадался на другой день убрать товарища куда-нибудь подальше.

«И пошло писать! Подхватило меня, какъ соломинку ураганомъ, и понесло. Другой бы на моемъ мѣстѣ остановился, а меня мое анахоретство сгубило. Нѣтъ у такихъ, какъ я, ни конца ни краю! Все въ этомъ проклятомъ водоворотѣ пропало: и силы непочатыя, и честь, и здоровье, и талантъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ я передъ ней пресмыкался гадомъ ползучимъ, за одну улыбку готовъ былъ итти на безчестье, на преступленіе. И до того этой слѣпой любовью я ей опротивѣлъ, что она ужъ и стыдиться со мной перестала, всю свою циничную душонку передо мной на изнанку выворачивала. Знаете ли, дорогой Иванъ Григорьевичъ, я человѣкъ тертый, всякаго народу на своемъ вѣку видалъ, во всѣхъ степеняхъ паденія — и воришекъ, и бродягъ, и острожныхъ, и каторжныхъ. Но, клянусь вамъ, никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ такой черствой, такой глубоко-безнравственной натуры!..

«Она гнала меня прочь — я возвращался, униженный, раболѣпный. Одинъ разъ она мнѣ крикнула въ бѣшенствѣ: «Убирайся вонъ! Ты нищій! Ты мнѣ ни зачѣмъ не нуженъ!» Я ушелъ, продалъ свою картину за три тысячи (давно къ ней подъѣзжалъ одинъ американецъ), возвратился и швырнулъ ей въ лицо свертокъ съ золотомъ. За это я былъ любимъ цѣлую недѣлю. Съ тѣхъ поръ началась сумасшедшая погоня за деньгами, грошовые заказы, иллюстраціи, самодурство меценатовъ, — все, что̀ хотите!

«Какъ я ревновалъ ее, какъ мучился — ужасно, ужасно! (Ильинъ вдругъ закрылъ лицо руками и съ минуту сидѣлъ молча, раскачиваясь тѣломъ взадъ и впередъ). Я

все терпѣлъ... Сначала папскій гвардеецъ, потомъ идіотъ-теноръ, потомъ какой-то красавецъ итальянскій еврей изъ комми-вояжеровъ... Я долженъ былъ имъ улыбаться и оказывать имъ такія услуги, которыя обыкновенно возлагаются на слугъ.

«Горько мнѣ было, тяжело... А компанія всегда подъ бокомъ... Напьешься — оно сначала какъ будто и весело, забудешься на минутку, споришь о чемъ-то, шумишь, обнимаешься съ собутыльникомъ. Потомъ слезы. Прижмешься къ чьей-то засаленной груди и рыдаешь, и раскрываешь сердце какому-нибудь сапожнику. Это дѣло я очень скоро постигъ.

«Что̀ дальше пошло, я и сказать не умѣю. Все въ пьяномъ угарѣ было. Ѣздилъ я за ней слѣдомъ и въ Ниццу, и въ Вѣну, и въ Швейцарію, и въ Парижъ. Меня ужъ больше не принимали, такъ я подъ окошками цѣлыя ночи простаивалъ. Въ Петербургъ наконецъ пріѣхали. Какъ-то не утерпѣлъ я, пьяный къ нимъ въ домъ ворвался. Вывели съ участіемъ полиціи, а потомъ — генералъ былъ все-таки со связями — и вовсе выселили административнымъ порядкомъ..

«Вотъ я и мыкаюсь съ тѣхъ поръ, Иванъ Григорьевичъ. До вывѣсокъ спустился, до малярныхъ работъ. Да вѣдь сами посудите, гдѣ же пьянаго будутъ держать? Барки пробовалъ грузить—силишки не хватаетъ. Какъ-то разъ на одной постоялкѣ кто-то мнѣ и говоритъ: «Да ты бы, братецъ, хоть стрѣлять выучился». — «Какъ это стрѣлять?»—«А такъ, очень просто: милостивый господинъ, не откажите помочь бывшему студенту, или тамъ хоть артисту, или художнику, разбитому параличомъ и обремененному многочисленнымъ семействомъ...» Трудно было сначала, совѣстно... Ну, а потомъ... Ко всему на свѣтѣ привыкнешь... Да и что̀ мнѣ, Иванъ Григорьевичъ...—въ голосѣ Ильина послышались глухія рыда-

нія:—что мнѣ въ томъ, если бы вдругъ какимъ-нибудь чудомъ мое положеніе измѣнилось, если бы я даже получилъ возможность писать, какъ писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ! Зачѣмъ мнѣ все это, если она для меня навсегда потеряна? Понимаете ли, навсегда, навсегда, навсегда...»

Онъ опять закрылъ лицо руками и, весь сотрясаясь, раскачивался взадъ и впередъ. Савиновъ спрятался за лампу и украдкой вытиралъ глаза платкомъ. Вдругъ Ильинъ стремительно сорвался съ мѣста и протянулъ Савинову руку.

— Прощайте, — злобно и отрывисто произнесъ онъ. — Извините, что разстроилъ. Прощайте.

Савиновъ всталъ и обѣими руками крѣпко взялъ Ильина за плечи.

— Слушайте, голубчикъ, — заговорилъ онъ нѣжно.— Дайте мнѣ слово, что вы завтра утромъ зайдете ко мнѣ. Я теперь не даю вамъ денегъ только потому, что вы слишкомъ возбуждены. Но вѣдь вамъ не трудно будетъ отъ меня принять маленькую помощь, ну, хоть на одежду, на квартиру?

— Нѣтъ. Отъ васъ легко, Иванъ Григорьевичъ, — пробормоталъ Ильинъ, не подымая глазъ.

— Такъ придете завтра?

— Да.

— Ну, Господь васъ храни. — Савиновъ крѣпко пожалъ Ильину руку. — До свиданія. Милый вы, добрый, несчастный вы человѣкъ.

Онъ заперъ за Ильинымъ дверь, снялъ пиджакъ и жилетъ и уже сѣлъ на кровать, чтобы снять сапоги, какъ съ улицы кто-то сильно постучалъ въ оконное стекло. Савиновъ подбѣжалъ къ окну и, увидѣвъ Ильина, отворилъ форточку.

— Что вамъ, Ильинъ? — спросилъ онъ тревожно.

На Ильинѣ лица не было. Страшно-блѣдный, съ не-

рекошеннымъ лицомъ и воспаленными глазами, онъ весь съ ногъ до головы трясся, точно въ ознобѣ.

— Не надо... квартиры...—услышалъ Савиновъ хриплый, прерывающійся голосъ. — Къ чорту... благодѣянія... Трешницу... только трешницу... Не могу, душа горитъ... истерзался весь... Забыть не могу!..

Савиновъ вздохнулъ и молча сталъ отыскивать бумажникъ.

ПО ЗАКАЗУ.

Разсказъ.

Илья Платоновичъ Арефьевъ, фельетонистъ распространенной газеты, ходитъ по своему кабинету, — отъ угла кожанаго дивана до этажерки съ бюстомъ суроваго Шопенгауэра, задѣваетъ руками и ногами за спинки стульевъ и сердится. Съ нимъ случилось то, что называется у игроковъ мѣткимъ словечкомъ: «заколодило». Уже больше часа ломаетъ онъ голову и не можетъ выжать изъ нея ни одной живой строчки, а на приготовленной для писанія бумагѣ красуются: солдатъ, стоящій около полосатой будки, лошадиная морда въ профиль съ удивленнымъ человѣческимъ глазомъ и нѣсколько кошекъ, нарисованныхъ съ одного почерка.

Арефьевъ — старый газетный волкъ. Не только юные поэты и почтенныя сочинительницы дамскихъ повѣстей, но и «наши молодые, подающіе надежды беллетристы» не безъ волненія пробѣгаютъ четверговые номера «Русской Почты», въ которыхъ Илья Платоновичъ, подъ псевдонимомъ «графа Альмавивы», производитъ еженедѣльное избіеніе литературныхъ младенцевъ. Но эти кровавыя расправы не составляютъ его спеціальности. Онъ одинаково легко пишетъ о золотой валютѣ и о символистахъ, о торговлѣ съ Китаемъ и о земскихъ начальникахъ, о новой драмѣ, о марксистахъ, о биржѣ, о тюрьмахъ, объ артезіанскихъ колодцахъ, — словомъ, обо всемъ, что онъ

слышитъ въ воздухѣ своимъ тонкимъ, профессіональнымъ чутьемъ. Онъ раньше всѣхъ схватываетъ на лету, ловитъ за хвостъ ту тему, которая еще не сдѣлалась сегодня, но сдѣлается завтра всеобщей злобой дня, и тотчасъ же передъ его умомъ, изощреннымъ въ сарказмѣ и гиперболѣ, вырастаютъ съ привычной рѣзкостью смѣшныя, темныя и уродливыя стороны явленія.

До сихъ поръ Илья Платоновичъ не зналъ никакихъ техническихъ трудностей своего ремесла. Ему достаточно бывало только заинтересоваться и овладѣть идеей. Онъ садился къ столу увѣренный, что слова придутъ сами собой, и они, на самомъ дѣлѣ, приходили къ нему, живыя, интересныя, хлесткія и остроумныя, выливаясь безъ единой помарки четкими, красивыми строчками на бумагу. Онъ даже никогда не перечитывалъ своихъ фельетоновъ, прежде чѣмъ отослать ихъ съ типографскимъ мальчикомъ въ редакцію.

И вотъ сегодня случилось что-то непонятное. Одинъ видный литературный кружокъ предпринялъ въ пользу дѣтской санаторіи изданіе литературнаго альманаха. Пригласили участвовать и Арефьева, причемъ съ надлежащей, очень лестной почтительностью дали ему понять, что отъ него ждутъ «чего-нибудь такого, знаете ли, потеплѣе, что̀ хорошенько расшевелило бы читателя»... Арефьевъ охотно далъ согласіе, потомъ, по обыкновенію, забылъ о немъ, и наконецъ вчера, когда ему деликатно напомнили, что изъ-за его разсказа задержали печатаніе книги на два дня, онъ сдѣлалъ и послѣдній промахъ, обѣщавъ самымъ положительнымъ образомъ прислать рукопись никакъ не позже сегодняшняго вечера.

Вернувшись въ 7 часовъ вечера домой, онъ, какъ и всегда, аккуратно зажегъ лампу съ подвижнымъ металлическимъ рефлекторомъ, поставилъ ее по лѣвую руку отъ себя, положилъ передъ собою наискось десть линованной

бумаги, даже обмакнулъ перо въ чернильницу—и вдругъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что ему не о чемъ писать. Дѣло другого рода, если бы предстояло написать ядовитый зажигательный фельетонъ. Тѣмъ болѣе, что и темы подвертываются самыя ходкія. Вотъ, напримѣръ, лежитъ передъ Арефьевымъ послѣдняя книжка «литературнаго приложенія», гдѣ «нашъ молодой, талантливый поэтъ» съ апломбомъ выдаетъ за свое произведеніе стихи Тютчева, извѣстные публикѣ еще по хрестоматіямъ. Не менѣе заманчивъ отчетъ о благотворительномъ спектаклѣ, устроенномъ въ пользу сиротъ севастопольскихъ инвалидовъ, причемъ чистый сборъ выразился въ суммѣ 3 р. 7 к., а на извозчиковъ для гг. любителей и на угощеніе ихъ «чаемъ» потрачено болѣе 300 рублей. Но, къ сожалѣнію, въ обѣихъ темахъ нѣтъ ничего такого, что̀ могло бы расшевелить читателя и раскрыть его карманъ въ пользу слабогрудыхъ ребятишекъ.

А между тѣмъ Илья Платоновичъ чувствуетъ, что въ его душѣ зашевелился червячокъ профессіональнаго самолюбія. Какъ? Неужели онъ, Арефьевъ, не въ состояніи написать простого пасхальнаго разсказа, въ то время, когда самый захудалый репортеръ, завѣдующій обыкновенно бѣшеными собаками и буйными извозчиками, уже навѣрно успѣлъ стащить въ редакцію, пользуясь привилегіями, существующими для праздничныхъ произведеній, какого-нибудь внезапно раскаявшагося ростовщика, или старуху, «мирно засыпающую вѣчнымъ сномъ подъ радостный звонъ колоколовъ». Неужели, привыкнувъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ вызывать въ читателѣ насмѣшливыя и злобныя настроенія, онъ потерялъ навсегда способность затрагивать въ его сердцѣ чувства милосердія, нѣжности и тихой радости? Неужели его талантъ специализировался, утратилъ самое драгоцѣнное качество—разносторонность?

Арефьевъ продолжаетъ свою нервную бѣготню отъ угла дивана до бюста великаго скептика, а насмѣшливый умъ, какъ будто нарочно, дразнитъ его, подсказывая ему шаблонныя фразы изъ «дамскихъ повѣстей», надъ которыми онъ такъ «охотно и безпощадно глумился въ четверговыхъ фельетонахъ». «Онъ подошелъ къ окну, прижался пылающимъ лицомъ къ холодному стеклу, по которому, точно слезы, струились дождевыя капли». — «Князь метался взадъ и впередъ по своему роскошно убранному кабинету, что̀ всегда служило у него признакомъ дурного настроенія». — «Былъ тихій, майскій вечеръ. Солнце садилось, озаряя своимъ пурпуровымъ свѣтомъ окрестность»...

— Хорошо было бы написать разсказъ сплошь изъ такихъ милыхъ фразочекъ, — соблазняетъ Илью Платоновича старая привычка смотрѣть на все съ юмористической стороны.—Да. Такъ бы и начать: «На башнѣ св. Стефана глухо пробило полночь. Изъ-за угла невзрачной лачуги показался незнакомецъ высокаго роста. Лицо его было закутано широкимъ плащомъ. Шляпа съ перомъ и длинная шпага на боку доказывала его благородное происхожденіе».

Но Арефьевъ гонитъ отъ себя эту предательскую мысль и опять принимается метаться взадъ и впередъ по своему роскошно убранному кабинету.

— Подожди. Разберемся въ этой задачѣ постепенно, — говоритъ онъ самъ съ собою.—Во-первыхъ, для того, чтобы взволновать и умилить читателя, надо самому надъ чѣмъ-нибудь взволноваться и умилиться. Нужно пролить ту самую слезу, которую въ дамскихъ повѣстяхъ проливаютъ, сваливая ее на слишкомъ крѣпкій табакъ, старые полковники по окончаніи чувствительнаго разсказа. «Въ комнатѣ воцарилась гробовая тишина. Старый полковникъ окончилъ разсказъ и почему-то слишкомъ долго выколачивалъ о рѣшетку камина свою трубку, отвернувшись отъ слушате-

лей. Наконецъ онъ выпрямился и, отирая глаза, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Чортъ побери! Какой однако у васъ крѣпкій табакъ, ротмистръ!» — «А что̀ же сталось съ несчастной Заирой?»—рѣшилась спросить, послѣ долгаго молчанія, дама съ палевой розой въ волосахъ.—«Она умерла!» — глухо отвѣтилъ старый полковникъ.

— Чортъ! Какая чепуха лѣзетъ въ голову! — бранится вслухъ Арефьевъ и сердито толкаетъ ногой подвернувшійся стулъ. — Вѣдь этакъ выходитъ, что я похожъ на того анекдотическаго попугая, который не умѣлъ ничего говорить, кромѣ скверныхъ словъ. Нѣтъ, будемъ послѣдовательны и разберемъ спокойно, на какіе сюжеты самый большой праздничный спросъ. Ну-съ, раньше всего, конечно, легкомысленная жена, возвращающаяся къ покинутому мужу съ первымъ ударомъ колокола. «Револьверъ выпалъ изъ его рукъ и съ грохотомъ покатился по полу. Онъ широко размахнулъ свои объятія, она упала къ нему на грудь, и ихъ уста слились въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ...» Однимъ словомъ, долой легкомысленную даму!..

«Затѣмъ слѣдуетъ солдатъ, стоящій въ пасхальную ночь на часахъ. «Какая-то черная тѣнь промелькнула на бѣлюмъ фонѣ тюремной стѣны, ярко освѣщенной луной. Часовой быстро, привычной рукой взвелъ курокъ и прицѣлился. Но въ эту минуту въ воздухѣ торжественно-гулко разлился первый звукъ благовѣста, и ружье медленно опустилось внизъ... Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ взволнованной груди» и т. д. и т. д. Хорошая исторія: старая, вѣрная, испытанная... Мимо!..

«Что̀ же еще?.. Недурно тоже заморозить на улицѣ нищую дѣвочку, глядящую въ ярко освѣщенныя окна богатаго дома. «Снѣгъ медленно падалъ мягкими пушистыми хлопьями, засыпая неподвижную фигуру ребенка, на лицѣ котораго застыла блаженная улыбка». Впрочемъ, это изъ рождественскихъ темъ — и потому въ сторону».

Илья Платоновичъ подходитъ къ окну и равнодушно смотритъ на улицу. Вечеръ тихій, ясный и теплый; все въ немъ кажется смягченнымъ, размѣреннымъ—и задумчивое небо, и чистый полукругъ ущербленнаго мѣсяца, и тонкія вѣтки акацій, и контуры громадныхъ темныхъ зданій. Въ чуткомъ и лѣнивомъ воздухѣ голоса прохожихъ и женскій смѣхъ отдаются съ пріятной звучностью, даже колеса экипажей стучатъ какъ-то особенно, по-весеннему мягко.

Напротивъ, черезъ улицу, передъ окнами большой кондитерской столпилась кучка оборванныхъ мальчишекъ. Они никакъ не могутъ отвести глазъ отъ выставленныхъ за большими стеклами: исполинскихъ бабъ, размалеванныхъ куличей, сахарныхъ барашковъ и висящихъ на ниточкахъ пестрыхъ яицъ. Эти мальчишки почему-то раздражаютъ Илью Платоновича.

«Ишь какъ прилипли къ стеклу носами. Вѣдь вонъ того, что съ колодками подъ мышкой, навѣрно, хозяинъ послалъ къ заказчику-офицеру. А онъ передъ каждымъ окномъ зѣваетъ. Ну и опоздаетъ и получитъ трепку ради праздника, а потомъ въ газетѣ замѣтка о звѣрскомъ обращеніи. Такъ тебѣ и надо, канальскій мальчишка!.. Гм... А впрочемъ, и еще хорошенькая темочка. «Блѣдный, изнуренный мальчикъ любуется на куличи, выставленные въ роскошной кондитерской. Неожиданно появляется на сцену таинственный господинъ съ золотыми очками и непремѣнно въ богатой лисьей шубѣ (вообще удивительную энергію проявляетъ на Святкахъ этотъ господинъ!). Завязывается разговоръ. Оказывается, что «тятька» у мальчика умеръ, столѣтній «дѣдка», согнутый въ дугу, не слѣзаетъ съ печи, «мамка» лежитъ больная, сестренка... ну, и т. д. «Веди меня туда!»—рѣшительно говоритъ господинъ въ золотыхъ часахъ, и черезъ полчаса у мамки появляется хорошее вино и лѣкарство, прописанное лучшимъ докторомъ, дѣдку на-

кормили манной кашей и купили ему теплый набрюшникъ, изнуренный мальчикъ, «радостно блестя глазенками», прыгаетъ вокругъ стола, на которомъ красуется недорогая пасха, скромный куличъ и десятокъ красныхъ яицъ, а господинъ въ лисьей шубѣ незамѣтно скрылся, не сказавъ даже своего имени, но оставивъ на столѣ кошелекъ, наполненный золотомъ».

Часы за стѣной глухимъ, нѣвучимъ, медленнымъ баритономъ бьютъ девять. Арефьевымъ вдругъ овладѣваетъ странная, незнакомая ему до сихъ поръ душевная усталость и непобѣдимое отвращеніе ко всѣмъ этимъ изнуреннымъ мальчикамъ, покинутымъ мужьямъ и таинственнымъ незнакомцамъ. Онъ лѣниво валится на широкій кожаный диванъ и закрываетъ глаза.

Если бы кто-нибудь поглядѣлъ теперь на Илью Платоновича, то навѣрно почувствовалъ бы жалость къ этому злоязычному фельетонисту, къ этому «господину насмѣшнику». Лицо его посѣрѣло и точно состарѣлось сразу лѣтъ на десять, на лбу рѣзче обозначились тревожные зигзаги морщинъ, закрытые глаза глубоко ушли въ черныя тѣни орбитъ, а складки вокругъ губъ, опустившись внизъ, придали рту горькое и брезгливое выраженіе.

Но Илья Платоновичъ не спитъ. На него нашло неподвижное состояніе полудремоты, полубодрствованія и грезы, неожиданно и безсознательно цѣпляющихся другъ за друга. Время исчезло. Стѣны кабинета ушли въ далекую мглу, растаяли, и Арефьевъ живетъ пестрой, измѣнчивой, фантастической жизнью, почти такой же яркой, какъ и сама дѣйствительность.

Видитъ онъ себя худымъ, взъерошеннымъ, плутоватымъ мальчуганомъ, сыномъ соборнаго дьячка въ глухомъ заброшенномъ городишкѣ. Идетъ свѣтлая заутреня... Правый клиросъ биткомъ-набитъ любителями, изъ которыхъ на скорую руку составилъ церковный хоръ пріѣхавшій на

пасхальныя каникулы семинаристъ, протопоповъ сынъ. Вотъ они всѣ, какъ живые, стоятъ передъ Арефьевымъ. Первый теноръ, младшій чиновникъ почтовой конторы, въ новенькомъ мундирѣ, за бортъ котораго запущены бѣлыя перчатки, блеститъ своей напомаженной головой и благоухаетъ цвѣточнымъ одеколономъ. Онъ поетъ немного въ носъ, сильно вибрирующимъ голосомъ, а когда исполняетъ соло, то небрежно обтирается спиной о стѣну, развязно переплетаетъ нога за ногу, закидываетъ голову назадъ и томно закрываетъ глаза. Самъ регентъ, — тонкій, высокій и благообразный, — въ очень длинномъ сюртукѣ, дирижируетъ съ утонченными манерами, вызывающими общее восхищеніе. Держа камертонъ двумя пальцами, а остальные изящно оттопыривъ, онъ на нѣжныхъ мѣстахъ бережно, чуть замѣтно для глаза, пошевеливаетъ картинно изогнутой правой рукой, изрѣдка протягивая впередъ лѣвую руку съ предостерегающимъ и останавливающимъ жестомъ; при этомъ его лицо съ приподнятыми бровями все сильнѣе и сильнѣе принимаетъ удивленное, испуганное и умиленное выраженіе. Но на мѣстахъ, требующихъ форте, онъ широко и плавно размахиваетъ обѣими руками, встряхиваетъ головой, раскачивается туловищемъ и съ угрожающимъ видомъ морщитъ носъ и нахмуриваетъ брови. Купеческій сынъ Ноздруновъ, толстый, красный, съ вылѣзшимъ на шею галстукомъ, впился въ регента выпученными, напряженными глазами и даже весь подался впередъ отъ усиленнаго вниманія. У него нѣтъ ровно никакого слуха, но зато онъ, по выраженію сына протопопа, обладаетъ «феноменальнымъ басомъ», и потому его употребляютъ «на подобіе тарана», въ самыхъ оглушительныхъ мѣстахъ. Когда такое мѣсто подходитъ, регентъ оборачивается къ феноменальному басу, дѣлаетъ ему страшные глаза и отрывисто, точно прокалывая кого-то шпагою, — вытягиваетъ въ его сторону руку съ камерто-

номъ. Тогда Ноздруновъ, весь багровый, съ надутыми жилами на лбу и съ трясущимися губами, испускаетъ ревъ, въ которомъ на мгновеніе утопаетъ весь хоръ.

Ильюшка стоитъ въ первомъ ряду. Онъ не сводитъ счастливыхъ и преданныхъ глазъ съ лица регента, и ему почти нѣтъ времени обернуться на толпу, наполняющую церковь, которая сверху представляется ему какъ безчисленное множество головъ, огней, однообразныхъ, радостныхъ, свѣтлыхъ лицъ.

Обѣдня кончилась. Причтъ и за нимъ хоръ выходятъ изъ церкви святить пасхи и куличи, разложенные рядами въ церковной оградѣ. Весело и неожиданно встрѣчаетъ всѣхъ выходящихъ изъ церкви сіяющее, ослѣпительное, весеннее утро. Голубое небо, молодая травка, благоухающія почки деревьевъ, возбужденный крикъ воробьевъ на погостѣ, — все это снова приподымаетъ въ усталомъ Ильюшкѣ ослабѣвшее-было отъ усталости чувство праздника. Онъ громко пѣлъ вмѣстѣ съ хоромъ, съ трудомъ улавливая чужіе голоса сквозь ликующій звонъ колоколовъ, и въ то же время ощущаетъ на себѣ взглядъ народной толпы и потому сохраняетъ на лицѣ озабоченное, даже нѣсколько хмурое выраженіе человѣка, исполняющаго трудное, важное и серьезное дѣло.

А на другой день надо непремѣнно сбѣгать на колокольню и позвонить. Это, по старому давнишнему обычаю, дозволяется каждому въ первые три дня, и безъ этого Пасха не въ Пасху. Лѣстницы, идущія въ ярусахъ колокольни, темны, покрыты пылью и такъ круты, что у Ильюшки дрожатъ ноги, когда онъ наконецъ взбирается наверхъ. Уцѣпившись похолодѣвшими пальцами за перила, онъ заглядываетъ внизъ. Ухъ, какъ страшно, какъ весело и какъ необыкновенно! Дома̀ кажутся маленькими и совсѣмъ новыми, никогда невиданными. Подъ ногами въ воздухѣ быстро носятся, рѣзко и радостно вскрикивая, стрижи,

кверху кружатся, блестя крыльями, испуганные голуби. Вся колокольня дрожитъ отъ неумолчнаго звука, кричишь и самъ не слышишь своего голоса. И эти ощущенія такъ странно и прекрасно смѣшиваются, что самъ не разберешь, кто здѣсь звонитъ, кто сіяетъ и кто смѣется: голубое небо, колокола или опьяненная восторгомъ дѣтская душа.

Лежащій на диванѣ человѣкъ съ блѣднымъ старообразнымъ лицомъ слабо улыбается. Теперь онъ уже не Илья Платоновичъ Арефьевъ, гроза юныхъ стихотворцевъ, талантливый насмѣшникъ, презрительно и напряженно жгущій свою жизнь въ котлѣ общественныхъ интересовъ и нездоровыхъ страстей больного города. Онъ — дьячковскій сынъ Ильюшка, веселый, беззаботный, вертлявый уличный мальчишка, жадно глотающій всѣ впечатлѣнія своего могучаго полуживотнаго бытія. И Арефьевъ на нѣсколько минутъ испытываетъ внутри себя чувство такой свѣжести, чистоты и ясности, какъ будто чья-то невидимая рука нѣжно и заботливо стерла съ его души всю накопившуюся на ней копоть ненависти, зависти, раздраженнаго самолюбія, пресыщенія и скуки. И кажется ему вмѣстѣ съ Ильюшкой, что съ каждымъ вздохомъ въ грудь къ нему вторгается весь праздничный міръ красокъ, звуковъ и запаховъ, всегда новыхъ, всегда очаровательныхъ и безконечно разнообразныхъ.

Но проплываютъ мимо эти чудные, солнечные дни. Тянутся другія картины, и, чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ сѣрѣе и печальнѣе,—длинная исторія незаглушенныхъ обидъ, жестокой борьбы за успѣхъ и медленнаго нравственнаго окостянѣнія. Неумолимая память вызываетъ наконецъ и тотъ далекій пасхальный вечеръ, вспоминать о которомъ такъ боится всегда Арефьевъ.

О, какъ отчетливо все это помнится. Сначала контора редакціи, гдѣ Илья Платоновичъ получаетъ гонораръ за

свой первый большой разсказъ. Редакторъ, старый, суровый и чуткій газетныхъ дѣлъ мастеръ, понялъ, должно-быть, что въ лицѣ новаго сотрудника входитъ въ газету большая, оригинальная и свѣжая сила. Онъ только-что обласкалъ Арефьева въ своемъ кабинетѣ, долго жалъ ему руку и наконецъ — неслыханная до сихъ поръ въ преданіяхъ редакціи любезность! — сказалъ дружески-фамильярнымъ тономъ:

— Разсказъ вашъ пойдетъ завтра. Но если вамъ нужны деньги, пожалуйста, безъ стѣсненія. Если угодно, мы вамъ можемъ выдать гонораръ по корректурному листу.

Еще бы не угодно! Арефьевъ и самъ только-что собирался попросить «рубля три авансомъ». Тамъ, въ громадномъ домѣ, набитомъ разной бѣднотой, чуть ли не на чердакѣ его ждутъ теперь съ замираніемъ сердца женщина и ребенокъ. Тамъ сидятъ въ темнотѣ, положительно не на что купить керосину, тамъ продали сегодня утромъ единственный сѣрый теплый платокъ, чтобы сварить обѣдъ, тамъ квартирные хозяева, дворники, нищета и озлобленіе. Прыгающей рукой расписывается Арефьевъ на талонѣ, въ то время, какъ кассиръ, коротенькій, толстый, самоувѣренный и вѣчно недовольный старикъ съ лицомъ обиженнаго попугая, придвигаетъ къ нему пачку бумажекъ, придавленныхъ сверху кучкой серебра.

Да, это была тяжелая пора въ жизни Ильи Платоновича, неудачная, голодная, вся сплошь состоящая изъ бѣшенаго хватанья случайныхъ кусковъ въ родѣ уроковъ, переписки, вечернихъ занятій. Но отчего же они съ женой несли тогда такъ бодро свое каторжное бремя, безъ ропота, безъ отвратительной горечи взаимныхъ упрековъ, часто даже съ гордой, молодой, вызывающей насмѣшкой надъ судьбой? Отчего же потомъ, когда эта судьба наконецъ милостиво улыбнулась имъ, и Арефьевъ такими большими шагами пошелъ по пути извѣстности и обезпеченной, даже

комфортабельной жизни, — отчего распался и разсыпался ихъ душевный міръ, превратясь въ пустое загрязненное мѣсто? Не оттого ли, что со смертью ребенка исчезла та крѣпкая, хотя и болѣзненная связь, которая единила ихъ сердца?

Странный и печальный былъ этотъ ребенокъ. На немъ какъ будто бы цѣликомъ отразились вся нищета и убожество, среди которыхъ онъ былъ зачатъ. Начиная съ года, онъ пересталъ расти. Росла только его голова, огромная, пухлая, точно налитая какой-то блѣдной, нездоровой жидкостью; но тѣло оставалось такимъ же жалкимъ и слабымъ, а тоненькія, какъ сухія вѣточки, руки и ноги безсильно висѣли, не развиваясь и не становясь крѣпче. Хороши у него были только глаза, большіе, кроткіе и печальные, такого удивительнаго цвѣта, котораго, по выраженію Гейне, не бываетъ ни у людей ни у звѣрей, а лишь изрѣдка у цвѣтовъ. Осужденный на вѣчную неподвижность, онъ съ неестественнымъ терпѣніемъ переносилъ свои постоянныя болѣзни. Любимыми разговорами этого всегда серьезнаго, вѣчно задумчиваго мальчика были разговоры о Богѣ, объ ангелахъ, о мертвецахъ, о похоронахъ и о кладбищахъ. Онъ точно зналъ, что скоро умретъ, и никогда не улыбался.

Ахъ, какъ мучительно-подробно вспоминается Ильѣ Платоновичу этотъ пасхальный вечеръ, когда онъ вошелъ въ комнату, до того нагруженный кульками и бумажными картузами, что принужденъ былъ локтемъ открывать дверь. А сзади него дворникъ, уже задобренный и потому снисходительный, благосклонный и улыбающійся, несъ свертки, которыхъ не могъ захватить съ пролетки самъ Арефьевъ.

Какая радость была въ этотъ святой вечеръ въ маленькой каморкѣ на четвертомъ этажѣ. Разрѣзали три свѣчки на половины и зажгли всѣ шесть кусковъ—безумная рос-

кошь. На бензинкѣ (о ней раньше и мечтать не смѣли) жарились готовыя отбивныя котлеты и варился настоящій «кофе мокка». На столѣ стоялъ большой куличъ и большая пасха для взрослыхъ и малюсенькіе для мальчика. Ильѣ Платоновичу не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ ходилъ передъ Гришей на четвереньках, представляя медвѣдя, прыгалъ лягушкой и, въ роли злой собаки, съ рычаніемъ дѣлалъ видъ, что кусаетъ теплую грудку ребенка. Онъ точно опьянѣлъ отъ непривычныхъ ощущеній сытости, тепла и довольства, а главное — отъ перваго литературнаго успѣха, всю ядовитую сладость котораго даже и представить себѣ не можетъ человѣкъ, не испытавшій его.

Даже и Гриша улыбнулся первый разъ въ своей маленькой жизни. Онъ протянулъ ручки къ картонному херувимчику, водруженному на куличѣ и парившему на одной ногѣ, и съ лицомъ, сдѣлавшимся неожиданно прекраснымъ отъ свѣтлой улыбки, прошепталъ:

— Ангелокъ! Ангелокъ!

Боже мой, гдѣ они теперь? Жену Арефьевъ видѣлъ три года тому назадъ въ Ниццѣ съ какимъ-то подагрическимъ старцемъ необыкновенно благороднаго и изношеннаго вида. А Гришу взяли къ себѣ ангелы, которымъ онъ такъ радостно улыбался...

Илья Платоновичъ, точно его подбросили, вскочилъ съ дивана. Лицо его было мокро отъ слезъ, но онъ ихъ не стыдился, потому что онѣ дали ему на нѣсколько минутъ чувство давно не испытанной, глубокой человѣческой скорби, очищающей и смягчающей сердце... Пройдясь по комнатѣ, онъ заглянулъ въ окно. Попрежнему у оконъ кондитерской толпились оборванные ребятишки, топая озябшими ногами. И ему вспомнилась та злоба, съ которой онъ только-что иронизировалъ надъ «исхудалыми мальчиками» и «таинственными господами въ золотыхъ очкахъ». Но теперь уже не раздраженіе, глядя

на нихъ, почувствовалъ Арефьевъ, а тихую, нѣжную, родственную жалость.

«Всѣ мы, — подумалось ему: — такъ или иначе — бѣдныя, исхудалыя, брошенныя дѣти, и какъ ужасна должна быть жизнь, если совсѣмъ потерять вѣру въ таинственныхъ добрыхъ незнакомцевъ!»

И встали въ его воображеніи всѣ эти безпомощныя дѣтскія фигуры, мерзнущія на чердакахъ, дрожащія въ промозглыхъ подвалахъ, бѣгущія на улицахъ съ назойливымъ «Христа ради» за прохожими, эти чистыя души, которымъ озлобленные жизнью взрослые прививаютъ свои пороки, мерзость и вѣчную ложь; дѣвочки, едва научившіяся говорить и уже составляющія предметъ гнусной торговли, малолѣтніе преступники, воришки и пьяницы; наконецъ несчастные уроды, — горбатые, рахитическіе, идіоты, эпилептики, разбитые и исковерканные съ колыбели наслѣдственными болѣзнями. И тогда въ умѣ Ильи Платоновича вдругъ явственно прозвучало величественное изреченіе Саккья-Муни, воплотившее въ себѣ человѣческую мудрость всѣхъ вѣковъ и народовъ:

«Кто осушилъ слезы на лицѣ ребенка и вызвалъ улыбку на его уста, тотъ въ сердцѣ милостиваго Будды достойнѣе человѣка, построившаго самый величественный храмъ».

Илья Платоновичъ уже второй часъ сидитъ не отходя отъ стола, и изъ-подъ его пера съ привычной быстротой бѣгутъ четкія строки. Онъ еще и самъ не знаетъ, чѣмъ окончить эту статью, озаглавленную «Улыбка ребенка», но онъ чувствуетъ, какъ сладко и жутко шевелятся у него корни волосъ на головѣ, и какъ по его спинѣ пробѣгаетъ давно позабытый ознобъ вдохновенія. И все время стоитъ предъ его глазами уродливая голова, озаренная неожиданно радостной улыбкой.

ЛЕГЕНДА.

Высокій, худой и длинноволосый человѣкъ, въ лицѣ котораго странно соединялась блѣдность голодной и нечистой жизни со строгой глубиной плачущаго вдохновенія, заигралъ на скрипкѣ. Это былъ торжественный, сказочный мотивъ — то жалобно-прекрасный въ верхнихъ нотахъ, то звучавшій мрачной скорбью въ басахъ. И было въ немъ что-то средневѣковое, безнадежное, изысканно-слащавое, жестокое, длительное и страшное.

Меценатъ, хозяинъ дома, въ красномъ халатѣ, съ блуждающими, безумными, огромными, свѣтлыми глазами, всталъ и, притворяясь озареннымъ восторгомъ творчества, началъ импровизировать. И при этомъ разсчитанно-невѣрными, широкими, капризными движеніями рукавовъ онъ опрокидывалъ на мокрую скатерть бокалы и рюмки.

— Это было давно... — говорилъ онъ, закрывая глаза, тряся головой и поднимая подбородокъ вверхъ, и у него выходило: «эття былля дэвно...», хотя онъ былъ русскій, изъ хорошей дворянской фамиліи, изъ правовѣдовъ.

— Это было давно!.. О, какъ давно это было! Много вѣковъ прошло... О, какъ много вѣковъ... И объ этомъ забыли. Это было страшно давно...

Тогда вдругъ всталъ человѣкъ, до сихъ поръ молчавшій, почти никому не знакомый; кто-то привелъ его и

даже не позаботился назвать его фамилію. Онъ былъ плохо одѣтъ, широкоплечъ, малъ ростомъ, вульгаренъ, со смѣшной конторской прической ежикомъ.

— Позвольте мнѣ, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

И меценатъ, паясничая, пятясь назадъ, согнувшись въ поясницѣ, размахивая руками отъ груди къ землѣ и назадъ, отвѣтилъ клоунски-вѣжливымъ тономъ:

— О, пожж-ж-жалуйста...

— Начните сначала, — строго сказалъ вульгарный человѣкъ скрипачу.

Только однимъ взглядомъ обмѣнялись они со скрипачомъ, и незнакомецъ началъ вмѣстѣ съ первыми звуками скрипки.

Это было давно. Много съ тѣхъ поръ погибло старыхъ родовъ и много разрушилось зàмковъ.

Тогда старый зàмокъ стоялъ еще на скалѣ среди озера. И знали всѣ вокругъ, что озеро это бездонно, зàмокъ неприступенъ, а длинный желѣзный мостъ на огромныхъ блокахъ подымается на ночь.

Король изрѣдка писалъ письма владѣльцу зàмка, называлъ его кузеномъ и предлагалъ ему титулы и почести. Но гордый князь, вмѣсто благодарности, вѣшалъ королевскихъ пословъ на зубцахъ своихъ башенъ. Онъ никого не боялся. Зàмокъ его былъ неприступенъ, и припасовъ въ немъ всегда могло бы хватить на десять лѣтъ.

Князь былъ знатенъ, силенъ и безумно смѣлъ, хотя и было ему шестьдесятъ лѣтъ. Съ веселымъ орлинымъ крикомъ, страшный въ кровавомъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, мчался онъ впереди своихъ воиновъ ночью черезъ мостъ, и внизу плескались волны, и стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался какъ плескъ. Тогда пы-

лали деревни, плакали женщины, и богатые обозы купцовъ брались какъ добыча.

Никто не знаетъ, зачѣмъ онъ женился. Развѣ мало ему было красивыхъ дочерей его вассаловъ? Развѣ не выдали бы за него любую дочь изъ богатаго древняго рода? Онъ праздновалъ дикую, кровавую свадьбу, пилъ вино, бросалъ челяди горстями брильянты и огромными, страшными, безцвѣтными глазами глядѣлъ на молодую жену. Она была дочерью скромнаго художника.

Прошелъ длинный годъ, и еще одинъ, и еще одинъ. Блѣднѣла молодая жена, страшнѣе и безсоннѣе становились глаза князя. Пылали по ночамъ деревни. И у женщинъ, осужденныхъ на смерть, одичалые псы выгрызали внутренности.

Тысячи глазъ стерегли прекрасную женщину. Но была одна пара глазъ, которая глядѣла на нее съ нѣжной страстью и говорила ей: «Вотъ моя жизнь. Возьми, если нужно. Я люблю тебя!..»

Однажды, — такъ говоритъ темное преданіе, — князь возвратился съ охоты и засталъ молодого пажа, стоявшаго на колѣняхъ передъ его женой. Онъ велѣлъ вывести пажа на дворъ и въ упоръ выстрѣлилъ ему въ правый глазъ изъ арбалета.

Но жены онъ не тронулъ. Онъ собралъ свою буйную, послушную шайку, одарилъ ее золотомъ, какъ царь, и сказалъ:

— Вы всѣ свободны. Уѣзжайте.

И когда послѣдній изъ нихъ переѣхалъ на тотъ берегъ, князь своими руками поднялъ на визжащихъ блокахъ кверху желѣзный мостъ, оборвалъ цѣпь, обломалъ блокъ и заперъ тяжелыя ворота зàмка.

А когда послѣдніе изъ его шайки обернулись назадъ на зàмокъ, они увидѣли, какъ въ башнѣ, въ самомъ верхнемъ окнѣ, показался князь и какъ онъ бросилъ въ без-

донное озеро огромный желѣзный ключъ отъ воротъ зàмка.

И проходили годы за годами. Одиноко стоялъ среди озера старый, грозный зàмокъ. Никто не узналъ его тайны. Теперь тамъ однѣ развалины, мохъ и мусоръ, зеленыя ящерицы, дикія благоуханныя каприфоліи... Чтò было съ этими людьми? Много ли длились ихъ мученія? Кто мучился больше?

Никто, никто не узналъ этой тайны. Тихо плещутся волны о каменные своды... Слышится въ этомъ плескѣ давній, страшный топотъ лошадиныхъ копытъ. Никто не узнàетъ тайны.

Тихо, тихо плещутся волны...

Оба умолкли вмѣстѣ — и скрипачъ и импровизаторъ. И среди всеобщей чуткой тишины меценатъ сказалъ, презрительно фыркнувъ:

— Все? Н-да-а. Немного, но жалостно.

САМОУБІЙСТВО.

Самоубійство, милостивые государи... это, видите ли, какъ кто смотритъ. Очень можетъ быть, что бываютъ такіе случаи, когда необходимо избавить міръ отъ своего гнуснаго существованія. И тогда человѣкъ уходитъ спокойно, вѣжливо, никого не обременяя своими похоронами. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ кокетничаетъ передъ смертью. Подноситъ револьверъ къ виску, къ сердцу и въ то же время глядится въ зеркало, полузакрывая глаза. И воображаетъ: какое потрясающее впечатлѣніе произведетъ онъ, когда будетъ мертвымъ!..

И бываютъ также случаи, что люди не разбираются между любовью и смертью и, какъ панурговы бараны, пошли скакать черезъ бортъ.

Меня часто удивляло: почему они (самоубійцы) прибѣгаютъ къ такому гнусному средству самоубійства, какъ отравленіе сѣрной кислотой, нашатыремъ, уксусной эссенціей, окисью углерода и карболкой?! Захватило горло... нечѣмъ дышать... и человѣкъ корчится шестьдесятъ часовъ подъ-рядъ, ловя воздухъ, какъ рыба, выброшенная на берегъ... Вѣшаться тоже ужасно. Петля... мыло... необходимость вышвырнуть изъ-подъ себя скамейку... нѣ-

сколько секундъ изображать собою качающійся маятникъ, — конечно, я не вѣрю, что это сладкая смерть!..

Итакъ, я рѣшился прибѣгнуть къ пистолету... Правда: я не зналъ разницы между пистолетомъ и револьверомъ. Хитрыми путями, у аптекарскаго помощника Шперовича я добылъ на время револьверъ для партійныхъ цѣлей...

Тутъ я забылъ сказать, что причиною моего самоубійства было то обстоятельство, что Юленька, обѣщавъ мнѣ въ Сокольникахъ, на кругу, третью кадриль по назначенію, — вдругъ измѣнила мнѣ и танцовала эту кадриль съ акцизнымъ надзирателемъ Покорни!..

Все было готово для моей смерти... Нѣсколько разъ я заряжалъ и разряжалъ револьверъ, щелкая куркомъ... Все было въ порядкѣ: смерть приближалась ко мнѣ медленными, холодными шагами...

О, если бы вы знали, какъ мнѣ было жалко себя!.. Подумайте: молодая жизнь, красота... огонь... вдохновеніе — идутъ въ ту страну, откуда нѣтъ возврата!..

Всунувъ сальные патроны въ барабанъ этого оружія и убѣдившись въ томъ, что они не выстрѣлятъ, я сѣлъ противъ памятника Пушкина на Тверскомъ бульварѣ и сталъ обдумывать мое великое рѣшеніе...

«Пушкинъ тоже умеръ отъ пули!..»—вспомнилъ я, и мнѣ сдѣлалось легче... Мимо ходили крашеныя женщины... Зачѣмъ?.. И онѣ умрутъ когда-нибудь... но я—раньше!.. Поплакалъ. Подождавъ еще немножко, сталъ мечтать... Мечталъ о томъ, что какая-нибудь старушка, или добродѣтельный банкиръ, подойдутъ и вдругъ спросятъ:

— О чемъ вы грустите, молодой человѣкъ?..

Но, какъ всегда бываетъ въ жизни, когда тебѣ не нужны старушки и банкиры, они лѣзутъ къ тебѣ какъ мошкара, а когда нужно, — ихъ нѣтъ!.. Эта аксіома какъ нельзя лучше на мнѣ оправдалась.

Нужно ли прибавлять къ тому, что̀ я разсказалъ, что

мнѣ было въ это время восемнадцать лѣтъ?.. Великолѣпный возрастъ, когда презираешь родителей и уважаешь сверстника, у котораго уже пробиваются усы!..

Въ то время я увлекался морскимъ спортомъ, хотя никогда не видалъ моря. Я сообразилъ, что алтарь Страстного монастыря долженъ выходить на востокъ. Стало-быть — Тверская, идущая къ Тріумфальнымъ воротамъ, ведетъ на сѣверъ... Я взялъ румбъ NO и, конечно, въ концѣ концовъ по этому румбу и ошвартовался въ какомъ-то грязномъ кабачкѣ, гдѣ былъ длинный коридоръ и налѣво — номера, въ родѣ стойлъ... Подошелъ услужающій. Бѣлая рубашка, бѣлые штаны, розовый поясокъ на животѣ, и за пояскомъ кошелекъ и гребешокъ...

— Чѣмъ прикажете служить, ваше сіятельство?

Нечего говорить о томъ, что я хотѣлъ написать предсмертную записку, и поэтому сказалъ небрежно:

— Дайте перо, чернила, бумагу!..

— Что-нибудь закусить?.. — ласково спросилъ онъ, раскрывая прейскурантъ:—или изъ напитковъ что̀ прикажете?..

— Да, и изъ напитковъ... что-нибудь!..

— Коньячку-съ?.. — спросилъ онъ еще болѣе лукавымъ тономъ.

— Ну, да... хоть коньячку!..

— Четвертиночку?.. полбутылочки?.. бутылочку?.. — выпалилъ онъ московской скороговоркой...

Мнѣ было все равно: вѣдь я былъ самоубійца, и поэтому отвѣтилъ свысока:

— Ахъ, бутылка... полбутылки!.. Давайте скорѣй и... и уходите!..

Но вдругъ этотъ бѣлобрысый, весь въ веснушкахъ, расторопный ярославецъ нагнулся ко мнѣ и серьезно спросилъ:

— А пистолетъ?.. Собственный?.. Или отъ хозяина прикажете?..

Мерзавецъ!.. Какимъ образомъ онъ проникъ въ мои мысли, — я до сихъ поръ не понимаю!.. Я знаю только, что его звали Аѳанасій, и каждое утро и вечеръ, вспоминая въ молитвахъ моихъ живыхъ и усопшихъ друзей, — я шепчу, правда, въ концѣ, имя... раба Аѳанасія!..

Во мнѣ теперь шесть пудовъ пятнадцать фунтовъ. У меня трое дѣтей — великолѣпные ребятишки: два мальчика и одна дѣвочка (ей-Богу: хоть я и отецъ, но не покривлю душой!). Жена на-дняхъ родитъ, и я вѣрю, что благополучно, а мнѣ къ Пасхѣ обѣщаютъ мѣсто начальника почтово-телеграфной конторы.

Да здравствуетъ жизнь!..

ПАСХАЛЬНЫЯ ЯЙЦА.

И правда: что̀ подѣлаешь, когда не везетъ? Приходится смириться, закрыть глаза, не дышать, спрятаться куда-нибудь въ уголъ, накрыться съ головой одѣяломъ и терпѣливо ждать смерти, въ надеждѣ, что при будущемъ земномъ воплощеніи судьба, вмѣсто спины, повернется къ тебѣ лицомъ.

Мнѣ, милый мой, никогда и ни въ чемъ не везло. Есть люди, которые ставятъ пятнадцать разъ подъ рядъ на zero и, вопреки теоріи вѣроятностей, каждый разъ выигрываютъ. Есть удивительные счастливцы на уличные находки, на лотереи-аллегри и на выигрышные билеты. Существуютъ удачники, благополучно избѣгающіе пожаровъ, крушеній на желѣзныхъ дорогахъ, заразныхъ болѣзней, начальственнаго гнѣва, бѣшеныхъ собакъ и карманныхъ жуликовъ. Но есть и несчастные, жалкіе, позорные, смѣшные и презрѣнные пасынки жизни, которыхъ судьба съ утра до вечера, изъ года въ годъ, стукаетъ и стукаетъ по головѣ, какъ деревянныхъ турокъ въ музеѣ восковыхъ фигуръ. Изъ этихъ паріевъ я — номеръ первый; въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Припомните изъ своего прошлаго, или по чужимъ разсказамъ, или просто вообразите себѣ любой случай, любое

положеніе, и я навѣрно приведу вамъ аналогичное обстоятельство изъ своей злосчастной жизни, при которомъ я неизмѣнно летѣлъ вверхъ тормашками, падалъ и еле-еле вставалъ съ шишкой на лбу.

Да вотъ вамъ живой примѣръ. Завтра у насъ Свѣтлое Воскресенье, и я по всѣмъ этимъ вашимъ кулечкамъ, сверточкамъ и картоночкамъ вижу, что вы несете домой праздничные подарочки: разныя тамъ яички со змѣями, составныя яички съ колечками, барашками, цвѣточками. Вижу, какъ вы цѣлый день бѣгали по магазинамъ въ толпѣ, въ давкѣ, забывъ даже объ ѣдѣ, и теперь счастливый, усталый и голодный зашли сюда, въ кабачокъ, перекусить на скорую руку. Ну, вотъ я вамъ и разскажу, какъ черезъ одно пасхальное яичко я лишился наслѣдства, родни и поддержки, и все это въ самыхъ отроческихъ годахъ. Былъ я тогда длиннымъ и нескладнымъ шестнадцатилѣтнимъ балбесомъ, котораго туряли изъ всѣхъ гимназій и изъ всѣхъ училищъ, къ большому огорченію нашей бѣдной и многочисленной семьи. Единственной нашей поддержкой былъ старикъ-дядя — человѣкъ холостой и богатый, черствый и самолюбивый, вспыльчивый и капризный. Несмотря на свои 70 лѣтъ, онъ былъ черенъ волосомъ, какъ навозный жукъ, и имѣлъ желтое, сжатое въ комокъ морщинъ лицо. Онъ былъ беззубый и всегда двигалъ нижней челюстью влѣво и вправо, точно задумчиво что-то пережевывалъ.

На Пасху мы неизмѣнно подносили ему подарки: стишки, написанные калиграфически на веленевой бумажкѣ и перевязанные голубой ленточкой, вязаныя салфеточки—издѣлія моихъ сестеръ, крашеныя дома яйца и т. д. Дядя принималъ насъ и наши подарочки, давалъ намъ цѣловать свою коричневую маленькую ручку, похожую на мощи, одарялъ насъ маленькими золотыми монетами и отпускалъ до Рождества или до своихъ именинъ. И это

повторялось изъ года въ годъ, трижды въ годъ, почти безъ измѣненія: на Рождество, на Пасху и на его именины.

Но мнѣ посчастливилось удивить нашего дядю совсѣмъ неожиданнымъ подаркомъ.

Въ концѣ Великаго поста я проходилъ по улицѣ и въ окнѣ цвѣточнаго магазина увидалъ большое, съ человѣческую голову величиною, яйцо. На немъ, на его бѣлой, гладкой, блестящей поверхности зелеными буквами изъ проросшаго крессъ-салата было написано: «Я былъ лысымъ».

Это плѣнило меня. Но, какъ я ни былъ глупъ и довѣрчивъ, я все-таки нашелъ надпись немного неподходящей къ праздничному дню. Надо было войти въ магазинъ прицѣниться и условиться.

Цѣна яйцу была шестьдесятъ копеекъ. Стоило только написать водою на немъ любыя буквы и посыпать сѣменами крессъ-салата, какъ въ продолженіе недѣли на немъ зеленымъ цвѣтомъ выростали сладкія пасхальныя слова.

— Я бы, — сказалъ я робко: — мнѣ бы не хотѣлось... я былъ лысымъ...

— О, это пустяки... Вотъ вамъ — яйцо, которое уже посѣяно. Черезъ недѣлю ростки взойдутъ, и оно будетъ собою представлять очаровательное простое зеленое яйцо. Намъ все равно: съ надписью или безъ.

Я согласился. И понесъ яйцо домой. Въ дверяхъ нѣмецъ сказалъ мнѣ, что яйцо нужно держать непремѣнно въ темнотѣ.

Въ воскресенье я съ робостью впервые поглядѣлъ на мой пасхальный подарокъ, спрятанный мною въ темномъ чуланѣ. Это было очаровательное, бархатное зеленое яйцо. Я положилъ его въ картонку отъ шляпы и понесъ.

Было все по порядку: стишки, вязанье, раскрашенные барашки, цѣлованье руки и такъ далѣе. Наконецъ я

раскрылъ картонку и вытащилъ мое яйцо. Вообразите себѣ, что на немъ, на зеленомъ полѣ, четкими, желто-золотыми буквами было написано: «Я былъ лысымъ!».

Богъ знаетъ, почему это получилось. Недосмотръ артельщика, ошибка садовода или моя торопливость? Вѣрнѣе всего, — моя вѣчная неудача.

Дядя вдругъ изъ свѣтло-кирпичнаго сдѣлался темно-кирпичнымъ, потомъ пунцовымъ, потомъ пурпуровымъ, затѣмъ сизымъ. И вдругъ, сдернувъ съ себя черно-синій парикъ, бросилъ его на землю и закричалъ:

— Мерзавецъ, проклинаю тебя и лишаю наслѣдства отнынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь! Вонъ!.. Идіотская насмѣшка! Интриганы! Вонъ!..

Но я стоялъ неподвижно и въ дрожащихъ рукахъ держалъ зеленое яйцо съ яркой солнечной надписью: «Я былъ лысымъ», а напротивъ меня качалась голова съ черепомъ, голымъ и блестящимъ, какъ бильярдный шаръ.

Какъ меня вывели на улицу, я не помню.

ТРАВКА.

Ахъ, это старая исторія и, надо сказать, довольно скучная исторія.

Конечно, читателямъ незамѣтно. Читатель спокойно, какъ верблюдъ, перевариваетъ въ желудкѣ пасхальный окорокъ или рождественскаго гуся и, для перехода отъ бодрствованія къ сладкому сну, читаетъ съ верху до низу свою привычную газету до тѣхъ поръ, пока дрёма не заведетъ ему глазъ. Ему легко.

Ничто не тревожитъ его воображенія, ничто не смущаетъ его совѣсти, никто не залѣзаетъ подъ благовиднымъ предлогомъ ему въ карманъ.

Въ газетѣ порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ, сапожный подмастерье нашелъ, благодаря родимому пятнышку, своихъ родителей, мальчикъ, замерзавшій на улицѣ, отогрѣтъ попечительными руками, блудная жена вернулась домой (она исхудала и въ чёрномъ платьѣ) прямо въ объятія мужа (пасхальный колоколъ—бумъ!..), который проливаетъ слезы.

Но вы, читатели, подумали ли вы хотя разъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя испытываетъ человѣкъ, пишущій эти прекрасные добродѣтельные разсказы!..

Вѣдь, во-первыхъ, всѣ темы уже исчерпаны, пародіи на темы надоѣли, пародіи на пародіи отсылаютъ въ «Момусъ»... Подумайте: что̀ тутъ изобрѣтешь?..

У меня есть другъ-беллетристъ, изъ среднихъ, кото-

рый не гонится ни за успѣхомъ, ни за модой, ни за деньгами...

И вотъ какъ-то на Страстной недѣлѣ, не помню: — въ среду, четвергъ или пятницу, вечеромъ, попили мы съ нимъ чайку, поговорили о томъ, о семъ, коснулись содержанія сегодняшнихъ газетъ, но я уже видѣлъ, что мой пріятель чѣмъ-то удрученъ или взволнованъ.

Очень осторожно, стараясь не задѣть его авторскаго самолюбія, я довелъ его до того, что онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Понимаете? Можно съ ума сойти! Пріѣзжаетъ ко мнѣ редакторъ. Подумайте, самъ редакторъ! И что всего хуже — мой настоящій, хорошій другъ...

— Ради Бога, пасхальный разсказъ!

Я ему оказываю самое широкое гостепріимство, справляюсь о здоровьѣ его дѣтей, предсказываю его газетѣ громадную будущность, — стараюсь занять его вниманіе пустяками; понятно, цѣль моя была отвлечь его отъ настойчивыхъ просьбъ о пасхальномъ разсказѣ.

Но неизбѣжное — неизбѣжно: онъ возвращается къ тому, за чѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Ради Бога, разсказъ!

Я кротко и убѣдительно верчу пуговицу его пиджака и самымъ нѣжнымъ голосомъ говорю ему:

— Дорогой мой... милый!.. Ты самъ писатель и не хуже меня знаешь, что всѣ пасхальныя темы уже использованы.

— Хоть что-нибудь... — тянетъ онъ уныло.

— Ей-Богу, ничего!..

— Ну, хоть что-нибудь!.. Хоть на старенькую темку строкъ триста-четыреста!..

Нѣтъ, отъ него не отвязаться. Обмакиваю перо въ чернильницу и говорю сквозь сжатые зубы:

— Давай тему!

— Тему? Но это для тебя пустяки!..

— Давай хоть заглавіе!.. Помоги же, чортъ тебя побери!..

— Ну, заглавіе—это пустякъ!.. Напримѣръ: «Она вернулась».

— Къ чорту!..

— «Яйцо сосватало».

— Къ чорту!..

— «Весеннія иллюзіи».

— Къ чорту!..

— «Скворцы прилетѣли».

— Мимо!..

— «Когда раскрываются почки».

— Къ чорту!.. Милый мой, развѣ самъ не видишь, что все это—опаскуженныя темы. И потомъ: что̀ это за безвкусіе дѣлать заглавіе разсказа изъ существительнаго и глагола? «О чемъ пѣла ласточка»... «Когда мы мертвые проснемся»... А въ особенности для ходкой газеты. Дай мнѣ простое и выразительное заглавіе изъ одного существительнаго!..

— Изъ существительнаго?..

— Да, изъ существительнаго.

— Напримѣръ... «Чернильница»?!

— Стара штучка! Использовалъ Пушкинъ: «Къ моей чернильницѣ».

— Ну, хорошо. «Лампа».

— Другъ мой, — говорю я кротко:—только очень близорукіе люди выбираютъ для примѣровъ и сравненій предметы, стоящіе возлѣ нихъ!..

Это задѣваетъ его за живое, и онъ сыплетъ, какъ изъ мѣшка:

— «Будка», «Кипарисъ», «Пале-Рояль», «Ландышъ», «Чортъ въ ступѣ». Не нравится? Ну, наконецъ «Травка»?..

— Ага, «Травка»?.. Стопъ!.. Это уже нѣчто весеннее и на Пасху хорошо. Давай-ка подумаемъ серьезно о травкѣ!..

И мы думаемъ.

— Конечно, это очень пріятно, такая зелененькая, нѣжная травка... точно гимназистка приготовительнаго класса! Надо любить все: звѣрей, птицъ, растенія, въ этомъ— красота жизни! Но чортъ побери: какой сюжетъ я отсюда выдавлю?! Вѣдь всякій разсказъ долженъ быть начатъ, продолженъ и законченъ, а я просто говорю: травка зеленая! Вѣдь читатель пошлетъ опроверженіе въ редакцію!

У пріятеля лицо вытягивается. Я говорю ему самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Подожди... не отчаивайся! Травокъ много, возьмемъ «Крессъ-салатъ»...

— «Крессъ-салатъ»? — повторяетъ онъ уныло, какъ деревянный попугай.

— Да, «Крессъ-салатъ»! — кричу я, уже охваченный творчествомъ, тѣмъ вдохновеніемъ, о которомъ такъ много говорятъ провинціальные читатели. — Представь себѣ безногаго бѣдняка, который вдругъ снялъ потный валенокъ, унавозилъ его, посыпалъ землицей и бросилъ зерна... И вотъ къ Пасхѣ у него всходитъ прекрасная зеленая травка, которую онъ можетъ срѣзать и, приготовивъ подъ соусомъ, скушать послѣ пасхальной заутрени! Развѣ это не трогательно?

— Ты смѣешься надо мною! Это подло! Какъ я явлюсь къ издателю безъ твоего разсказа?

— Ну, хорошо... давай дальше! Собаки лѣчатся травками...

— Извини, пожалуйста, это уже относится къ области ветеринаріи!

— Представь себѣ вкусную душистую травку, кото-

рую ѣдятъ на Кавказѣ въ духанахъ. Отсюда легко перейти къ Зелимъ-хану! Понимаешь? Ѣстъ онъ барашка съ травкой... вспоминаетъ свой мирный аулъ, слезы текутъ по его щекамъ, изборожденнымъ старыми боевыми ранами... И вдругъ онъ говоритъ плѣнному полицейскому офицеру, отпуская его на волю: «Иды... кушай травкамъ... будетъ тебѣ пасхамъ!» Чего ты еще хочешь, чортъ тебя побралъ бы?! Ну, вотъ: «Олень копытомъ разбиваетъ ледъ, пока не найдетъ прошлогодней травы... бѣдные олешки!» Ну, какъ я выпутаюсь, чортъ побери, изъ этого Нарымскаго края! Нужно будетъ ввести политическаго ссыльнаго, но вѣдь цензура...

— Цензура!.. — промолвилъ редакторъ печально.

Потомъ онъ немножко помолчалъ, вздохнулъ, взялъ шляпу и сталъ уходить.

Но вдругъ онъ остановился и обернулся ко мнѣ.

— Заважничалъ... модернистъ!.. — бурчалъ онъ, открывая дверь. — По-моему, это съ твоей стороны свинство! Ты несомнѣнно издѣваешься надъ искусствомъ. Травка... травка... травка... травка!.. А по-моему надо подходить къ вопросу проще...

Я догналъ его уже въ передней, когда онъ, разсерженный, всовывалъ свои ноги въ калоши и надѣвалъ шляпу.

— Надо писать серьезно... — говорилъ онъ. — Конечно, я не обладаю даромъ, какъ ты, и наитіемъ... Но, если бы я писалъ, я написалъ бы просто. Помнишь, какъ мы съ тобой — тебѣ было одиннадцать лѣтъ, а мнѣ десять — какъ мы ѣли съ тобой просвирки и какіе-то маленькіе пупырушки на огородѣ дѣтской больницы?

— Конечно, помню! Дикое растеніе!

— А помнишь молочай?

— Ахъ, ну, конечно, помню! Такой сочный стебель съ бѣлымъ молокомъ.

— А свербигусъ? Или свербига, какъ мы ее называли?

— Дикая рѣдька?

— Да, дикая рѣдька!.. Но какъ она была вкусна, съ солью и хлѣбомъ!

— А помнишь: желтые цвѣты акаціи, которыми мы набивали полныя съ верхомъ фуражки и ѣли, какъ лошади овесъ изъ торбы?

— А конскій щавель?

Мы оба замолчали.

И вдругъ предъ нами ярко и живо пронеслись наша опозоренная казеннымъ учебнымъ заведеніемъ нѣжность... пансіонъ... фребелевская система... придирки классныхъ наставниковъ... взаимное шпіонство... поруганное дѣтство...

— А помнишь, — сказалъ онъ и вдругъ заплакалъ: — а помнишь зеленый, рыхлый заборъ? Если по нему провести ногтями, слѣды остаются... Возлѣ него растутъ лопухи и глухая крапива... Тамъ всегда тѣнь и сырость. И по лопухамъ ползаютъ какіе-то необыкновенно золотые или, вѣрнѣе сказать, бронзовые жуки. И красныя, съ черными пятнами коровки, которыя сплелись цѣлыми гирляндами.

— А помнишь еще: вдругъ скользнетъ лучъ, заиграетъ роса на листьяхъ?.. Какъ густо пахнетъ зеленью! Не отойдешь отъ этого московскаго забора! Точно брильянты, горятъ капли росы... Длинный, тонкій, бѣлый червякъ, выворачивая землю, выползаетъ наружу... Конечно, онъ прекрасенъ, потому что мы насаживали его на согнутую булавку и бросали въ уличную лужу, вѣря, что поймаемъ рыбу! Ну, скажи: развѣ можно это написать? Тогда мы глядѣли ясными, простыми глазами, и міръ довѣрчиво открывался для насъ: звѣри, птицы, цвѣты... И если мы что-нибудь любимъ и чувствуемъ, то это только жалкое отраженіе дѣтскихъ впечатлѣній.

— Такъ, стало-быть, разсказа не будетъ? — спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, я постараюсь что-нибудь слѣпить. А впрочемъ... Ну развѣ все то, о чемъ мы говорили, — не разсказъ? Такой въ концѣ концовъ наивный, простой и ласковый?..

Редакторъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Какой ты... — сказалъ онъ, но не докончилъ, глаза его увлажнились, и онъ, быстро повернувшись, ушелъ, сопровождаемый веселымъ лаемъ Сарашки и Бернара, моихъ милыхъ друзей — сенъ-бернарскихъ песиковъ, — которымъ теперь обоимъ по пяти мѣсяцевъ...

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГЛУХАРЬ.

— Хочу я васъ спросить, Лександра Иванычъ, зачѣмъ это ты патроновъ набиваешь? Неужто за охотой пойдете? — спросилъ меня лѣсникъ Михайла, у котораго въ лѣсной сторожкѣ я прожилъ цѣлую зиму и весь Великій постъ.

— Конечно. Если вечеръ будетъ тихій и теплый, нынче же ночью и пойду.

— За глухаремъ?

— За глухаремъ.

— Буде? — съ недовѣріемъ замѣтилъ Михайла.

— Почему? Нельзя, что ли?

— А то? — рѣшительно возразилъ лѣсникъ. — Малому ребенку извѣстно, что нельзя. Какой день-то завтра?

Мы съ Михайлой очень тѣсно сжились и подружились за эту зиму. Я ему говорилъ: вы, а онъ мнѣ: то вы, то ты, судя по тому, какъ складывалась рѣчь. На охотѣ онъ бываетъ иногда нетерпѣливъ и суровъ со мною, но въ домѣ и на привалахъ занималъ подчиненное положеніе. Мы вмѣстѣ съ нимъ выслѣживали медвѣжьи берлоги, по слѣдамъ, а если медвѣдь рано залегъ, то по тѣмъ царапинамъ на деревьяхъ, которыя звѣрь дѣлаетъ, какъ отмѣтки, отправляясь на зимнюю спячку. Мы били зайцевъ, стрѣляли тетеревовъ съ подъѣзда, нагона и изъ шалашиковъ на чучела, обкладывались англійскимъ шпагатомъ съ цвѣтными тряпочками на простран-

ствѣ двухъ-трехъ десятинъ. Зимою, въ студеные кроваво-красные вечера Михайла иногда по моей просьбѣ подвывалъ волковъ. Встанетъ гдѣ-нибудь на краю лѣсной прогалины, приставитъ ладони рупоромъ ко рту, подыметъ вверхъ голову. И вдругъ зальется тягучимъ, плачущимъ волчьимъ воемъ — сначала высоко-высоко, а потомъ все ниже, все плачевнѣе, кончитъ густымъ, скорбнымъ, умоляющимъ басомъ, помолчитъ секунды съ двѣ и еще унылѣе добавитъ: «у ауфъ!». Точно и вправду вздохнулъ бѣдный волкъ о своей голодной, холодной и бѣглой судьбѣ. И вотъ проходило нѣсколько мгновеній, и Богъ знаетъ изъ какой дали—слѣва, справа, спереди и сзади, одинъ за другимъ заунывные волчьи голоса подхватываютъ его стонущую, лѣсную, звѣриную пѣсню.

— День-то какой, я тебя спрашиваю?—повторилъ Михайла.

— День? Благовѣщенье.

— То-то и оно-то. Въ такой день ходить за охотой не модель. Три дня есть такихъ въ году, когда ни звѣря ни птицы трогать нельзя: въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Благовѣщенье и въ Страстную пятницу. Первое — что грѣхъ. А главное, съ человѣкомъ такое можетъ въ лѣсу случиться, что хуже самой смерти. И это истинная правда.

— Что̀ же можетъ случиться?

— А вотъ ты и послушай. Былъ здѣсь у насъ въ Куршинскомъ лѣсничествѣ одинъ помощникъ лѣсничаго. Это еще до меня случилось, мнѣ старые лѣсники говорили. Былъ онъ человѣкъ очень молодой, ученый и къ нашему брату совсѣмъ простой. И жилъ онъ, вотъ скажемъ, какъ и ты, по мѣсяцу и по два у лѣсниковъ на кордонахъ, и все охотился. Но былъ только какой-то сурьезный и отчаянный и, надо сказать, винцомъ сильно занимался...

«Вотъ онъ какъ-то разъ ночью и пошелъ подъ Благовѣщенье въ лѣсъ по глухарей. Выбрался на знакомое мѣсто и сталъ. Стоитъ и слушаетъ. Ночь выдалась темная, безъ вѣтра, тихо въ лѣсу было, какъ въ погребѣ. Ждалъ, ждалъ... Вотъ, думаетъ, журавли сначала затрубятъ, потомъ желна закричитъ, заяцъ загпуситъ, а тамъ и глухарь пѣсню затянетъ. И только подумалъ, какъ сверху глухарь заигралъ: «чу—чу, чу—чу, чу—чу, чу—чу...»—и зашипѣлъ, заскрежеталъ. Удивился Владимиръ Иванычъ,—его Владимиръ Иванычъ звали:—никогда еще не бывало, чтобы глухарь такъ рано просыпался. Однако оправился, размялся, дождался второй пѣсни и—разъ, разъ, разъ сиганулъ впередъ по болоту... Остановился, слушаетъ. Что̀ за чудо? Играетъ да играетъ глухарь безъ останову, пѣсню за пѣсней, и громко такъ, на весь лѣсъ слышно. А еще ни одна птица не ворохнулась.

«Очень онъ этому удивился, Владимиръ Иванычъ. Однако все шагаетъ впередъ. Какъ пѣтухъ второе колѣно заведетъ,—зашипитъ, стало-быть,—такъ помощникъ лѣсничаго и сиганетъ. Пробѣжалъ этакъ съ версту, чуетъ—совсѣмъ близко глухарь, а не видать. Подался еще впередъ, подался въ сторону малость—наконецъ слышитъ глухаря надъ самой своей головой, на большущей соснѣ, на голой. Ну, думаетъ, не гдѣ онъ, какъ здѣсь. Сталъ подъ пѣсню вокругъ сосны бѣгать, задравши голову. Нѣтъ, не видно, а тутъ онъ. И слышитъ даже, какъ глухарь съ дерева внизъ пакоститъ. Всегда онъ пакоститъ во время тока — такое ужъ у него тогда въ кровяхъ волненіе бываетъ. Кружилъ охотничекъ такимъ манеромъ вокругъ дерева достаточно долго. Расвѣтать стало. А глухаря все не видать. Разсердился тогда Владимиръ Иванычъ и говоритъ про себя: «Что̀ за катавасія такая! Какой-то зачарованный глухарь мнѣ попался». И только

онъ это подумалъ, какъ слышитъ съ дерева голосъ: «Я зачарованный, а ты убійца и будь проклятъ».

«Испугался Владимиръ Иванычъ, поднялъ голову и видитъ—на вѣткѣ, на самомъ верху сидитъ глухарище. Ты самъ знаешь вѣдь, баринъ, какимъ глухарь себя маленькимъ показываетъ, когда онъ на деревѣ?»

— Не больше голубя, — сказалъ я.

— Вотъ, вотъ, съ голубя, не больше. А тутъ увидѣлъ охотничекъ глухаря ростомъ съ теленка. Вытянулъ глухарь впередъ шею, словно змѣя шипитъ и выговариваетъ человѣчьимъ голосомъ: «Будь ты проклятъ! Будь ты проклятъ!». Такъ до трехъ разъ. И глаза у него какъ двѣ свѣчки горятъ, и прямо онъ этимъ огнемъ на охотника уставился.

«Такой страхъ напалъ на Владимира Иваныча, что просто ужасъ. Сердце у него оторвалось въ грудяхъ, и пустился онъ бѣжать. И бѣжалъ, и бѣжалъ, и никакъ не могъ остановиться И знаешь, милый баринъ — тутъ онъ отъ страха и ума рѣшился. Никакъ не могъ изъ лѣсу выбраться. Лѣсничій ужъ наряжалъ за нимъ облаву изъ нашего стана лѣсниковъ и объѣздчиковъ, однако ничего не вышло. Слышали только, какъ по лѣсу бѣгаетъ, валежникъ трещитъ, да чучукаетъ чуднымъ голосомъ, а самого такъ и не видать.

«Видѣли его только разъ дѣвки, когда подъ Троицу березки рубили. Выскочилъ онъ на нихъ голый, мохнатый, страшный такой, зареготалъ, заржалъ и драла въ лѣсъ. А потомъ на Покрова нашли его въ лѣсу, въ рѣчкѣ Холменкѣ. Мужичокъ изъ Елони нашелъ, который лыки дралъ. Да и не его увидѣлъ, а увидѣлъ, что однѣ ноги голыя изъ рѣчки торчали. Заявилъ онъ урядннку, а тотъ становому. Ну, наѣхало начальство, стали тянуть бѣднягу изъ рѣки, а онъ не подается. Что же оказалось? Руки у него завязли между корягами, а въ

рукѣ, въ кулакѣ ракъ большущій зажатъ. Значитъ, онъ, стало-быть, раковъ шарилъ въ рѣчкѣ-то, для пропитанія себѣ, значитъ. Ну и нырнулъ съ головой: нащупалъ норку-то, залѣзъ туда рукой и ухопилъ рака-то. А тутъ ему воздуха не хватило. Онъ рукой туда-сюда, глянь — нѣтъ, не выходитъ—ракъ-то ему промежъ пальцевъ вцѣпился и не пушшатъ. Такъ и захлебнулся».

Михайла помолчалъ и прибавилъ назидательно:

— Вотъ какъ было дѣло-то, милый. А что вы за охотой нынче собираетесь, такъ ты это, Иванычъ, брось. Не дѣло.

— Постойте же, Михайла, — опомнился наконецъ я. — Какъ же это такъ? Вѣдь вы же сами говорите, что онъ все время по лѣсу бѣгалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Откуда же о глухарѣ-то извѣстно, какъ онъ его проклиналъ?

Но Михайла точно и не слыхалъ моего вопроса. Всталъ, потянулся и пошелъ къ дверямъ, говоря на ходу:

— Пойтить мерина напоить, что ли!

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

Пахнетъ весной. Даже въ большомъ каменномъ городѣ слышится этотъ трепетный, волнующій запахъ тающаго снѣга, красныхъ древесныхъ почекъ и размякающей земли. По уличнымъ стокамъ вдоль тротуаровъ бѣгутъ коричневые стремительные ручьи, неся съ собою пухъ и щепки и отражая въ себѣ по-весеннему прозрачно-голубое небо. И гдѣ-то во дворахъ старинныхъ деревянныхъ домовъ безъ умолку поютъ очнувшіеся отъ зимы пѣтухи.

Околоточный надзиратель Ветчина пришелъ домой поздним вечеромъ. Всю ночь онъ провелъ въ участкѣ на ночномъ дежурствѣ, принимая пьяныхъ окровавленныхъ гулякъ, проститутокъ и воришекъ, выслушивалъ ихъ лживыя, безсмысленныя, путанныя, подлыя показанія, перемѣшанныя со слезами, божбой, криками, земными поклонами и руганью, писалъ протоколы, приказывалъ обыскивать, и нерѣдко, озлобленный этимъ непрерывнымъ пьянымъ бредомъ, удрученный безсонницей, раздраженный тѣснымъ воротникомъ мундира, онъ самъ выкрикивалъ страшнымъ голосомъ дикія угрозы и колотилъ кулакомъ по столу.

А днемъ онъ долженъ былъ еще обходить не въ очередь, въ видѣ наказанія, наложеннаго полицеймейстеромъ, свои посты и торчать въ лакированныхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ посерединѣ самаго людного перекрестка.

Спать ему приходилось только урывками, минутками, не раздѣваясь, корчась на жесткомъ и узкомъ клеенчатомъ диванѣ или сидя за столомъ, опустивъ голову на сложенныя руки.

Даже и теперь, хотя онъ, придя домой, переодѣлся и умылся, отъ него пахнетъ улицей, навозомъ и тѣмъ отвратительнымъ запахомъ ретираднаго мѣста, карболки и скверного табаку, которымъ пропитаны всѣ помѣщенія участка.

Онъ сидитъ одинъ въ маленькой столовой и вяло ѣстъ невкусный разогрѣтый обѣдъ. Жены нѣтъ дома. Она отправилась сегодня къ женѣ помощника пристава, чтобы вмѣстѣ съ нею итти въ оперетку на безплатныя мѣста. Сынъ-гимназистъ за стѣною зубритъ вслухъ французскія слова. Мысли околоточнаго текутъ скучно и тяжело. Собачья служба. Ночи безъ сна. Омерзительныя сцены въ участкѣ. Наряды на дежурство не въ очередь. Нервы, какъ разбитое фортепіано. Вѣчные приступы безпричинной злобы, отъ которой точно захлебываешься, трясешься всѣмъ тѣломъ и такъ блѣднѣешь, что чувствуешь, какъ холодѣетъ лицо и мгновенно высыхаютъ губы. Общество сторонится. Приходится вести знакомство только между своими, а тамъ вѣчный разговоръ о службѣ, о нарядахъ, о грабежахъ, о сыскной полиціи, а въ промежуткахъ — винтъ и выпивка. Жалованье — гроши. Поневолѣ берешь праздничныя или вымогаешь провизіей. Другимъ легче. У другихъ все-таки хоть въ семьѣ наладилось что-то въ родѣ уюта и спокойнаго отдыха. У Ветчины и этого нѣтъ... Жена дома ходитъ неряхой, распустехой, но для гостей и для театра шьетъ дорогія платья, поглощающія все жало-

ванье. Ни семья, ни кухня, ни служба мужа, ни ученье сына ея не интересуютъ. Придешь со службы усталый, весь разломанный, точно коночная лошадь, а жены нѣтъ дома, или она въ старомъ капотѣ валяется часами на диванѣ съ переводнымъ романомъ въ рукахъ и съ коробкой шоколада рядомъ, на стулѣ. Была она когда-то институткой, тоненькой, наивной дѣвочкой, вѣрившей, что французскія булки растутъ на деревьяхъ, и что у каждаго человѣка стоятъ сзади два ангела, справа бѣлый, а слѣва черный. Теперь она растолстѣла и огрубѣла, хотя все еще красива грузной и яркой красотой тридцатипятилѣтней женщины; она перестала вѣрить въ булки и въ двухъ ангеловъ, но каждый день кричитъ мужу, что онъ испортилъ ея жизнь и теперь пусть достаетъ деньги гдѣ хочетъ и какъ хочетъ.

Испортилъ жизнь! Это еще вопросъ, кто кому испортилъ. Благодаря ея глупой, корыстной и скандальной связи съ инженеромъ, строившимъ полковыя казармы—Ветчину, по приговору общества офицеровъ, попросили уйти изъ пѣхотнаго полка, въ которомъ онъ служилъ. Куда было итти, кромѣ полиціи, если у человѣка нѣтъ ни вліятельной родни ни денегъ? И мужа она давно не любитъ. Если онъ порою разнѣжничается или попробуетъ пожаловаться на терніи полицейской службы, она, не отрываясь отъ книжки, тянетъ брезгливо: «Ахъ, да оставьте вы меня, ради Бога, въ покоѣ. Минуты отъ васъ нѣтъ свободной». И, подъ предлогомъ какихъ-то вѣчныхъ женскихъ болѣзней, утомленія или того, что отъ мужа всегда пахнетъ участкомъ и конюшней, она уже давно изгнала Ветчину изъ спальни въ кабинетъ, гдѣ ему стелютъ на оттоманкѣ.

И всегда у нея увлеченія. О жизни въ полку — нечего говорить. Потомъ студентъ, Колинъ репетиторъ. Онъ, Ветчина, только хлопалъ тогда глазами, ревнуя, мучась

и самъ стараясь не вѣрить своимъ подозрѣніямъ. Теперь-то онъ хорошо знаетъ о прошломъ, потому что ту же самую игру томными глазами, тѣ же длинныя рукопожатія, тѣ же самыя нервныя, вибрирующія интонаціи въ голосѣ — онъ наблюдаетъ сейчасъ между Вѣрой и помощникомъ пристава барономъ фонъ-Эссе.

Что̀ подѣлаешь? Надо терпѣть. Фонъ-Эссе перешелъ въ полицію изъ гвардіи, теперешняя должность только для вида, черезъ годъ онъ будетъ приставомъ, а года черезъ два полицеймейстеромъ въ большомъ торговомъ университетскомъ городѣ, а тамъ, почемъ знать, и градоначальникомъ. Связи у него громадныя, и, конечно, онъ потянетъ за собою Ветчину. Ну что̀ же, и будемъ терпѣть, ослѣпнемъ, оглохнемъ на время. И все это ради него, ради милаго Коленьки. Куда же пойдешь изъ полиціи? И пусть ему, Ветчинѣ, служить тяжело, оскорбительно и противно, пусть отъ ревности и злобы у него ходятъ въ глазахъ радужные круги и скрипятъ зубы. Все перетерпимъ. Но зато Коля вырастетъ настоящимъ человѣкомъ, а Ветчина пробьетъ ему своимъ тѣломъ и своей душой широкую дорогу въ жизнь. Коля трудолюбивъ, замкнутъ, серьезенъ, гордъ и знаетъ цѣну деньгамъ. Безъ денегъ развѣ человѣкъ — человѣкъ? Коля будетъ докторомъ съ громадной практикой или знаменитымъ адвокатомъ, изъ тѣхъ, что̀ загребаютъ стотысячные куши и ѣздятъ въ собственныхъ экипажахъ. Никого нѣтъ у Ветчины, кромѣ обожаемаго Коли, — никого: ни жены, ни родни, ни дружбы, ни увлеченій, ни мелкихъ страстишекъ, и ради Коли онъ пойдетъ на все: нужно будетъ убить — убьетъ, прикажутъ истязать кого-нибудь — будетъ истязать, съ усердіемъ пойдетъ на подлость и на предательство, проглотитъ молча жгучее оскорбленіе... Онъ и Коля. Больше никого нѣтъ на свѣтѣ. Ко всему остальному живущему сердце Ветчины ожесточилось и окаменѣло.

— Коля, иди чай пить! — кричитъ околоточный надзиратель.

Коля, волоча ноги, приходитъ съ учебникомъ. Отецъ и сынъ очень похожи другъ на друга. Оба они длинноногіе, длинноносые и угрюмые, у обоихъ худыя, бѣлыя лица въ веснушкахъ и свѣтлые, жидкіе, мягкіе волосы. Между ними — глубокая, нѣжная, но въ то же время серьезная и молчаливая привязанность.

Коля пьетъ чай и съ сухаремъ во рту разсказываетъ объ урокахъ и гимназіи. Говоритъ дѣловито и толково, какъ взрослый, голосъ у него по-мальчишески басистый съ неожиданными пѣтухами. Ветчина слушаетъ и изъ хлѣбныхъ крошекъ вырисовываетъ на скатерти звѣздочки и орнаменты. Въ комнатѣ жарко отъ лампы и самовара. Въ открытую форточку тянетъ вкрадчивый, пьяный весенній воздухъ. Сердце надзирателя мякнетъ и улыбается.

— Ничего, ничего, Коляшка, потерпи,—говоритъ онъ, глядя на сына запавшими, усталыми глазами и улыбаясь печально-нѣжной улыбкой. — Потерпи немножко. Вотъ выдержишь экзамены и будешь вольный казакъ. А я къ тому времени получу двухмѣсячный отпускъ, и мы съ тобой вдвоемъ дернемъ куда-нибудь на лоно природы. Возьмемъ ружья, кодакъ, удочки и айда по способу пѣшаго хожденія.

— Не отпустятъ тебя, папа, — слабо возражаетъ мальчикъ.

— Ну, какъ же такъ не отпустятъ? Четыре года я не пользовался отпускомъ. Да мнѣ ужъ и помощникъ пристава далъ слово...

— Денегъ нѣтъ свободныхъ...

— Деньги — это пустое, мой милый.

— Положимъ, у меня отъ уроковъ накопилось тридцать четыре рубля, — начинаетъ сдаваться Коля.

— Вотъ видишь! Считай еще мои наградныя на Пасху.

— Мама отниметъ...

— Ничего. Половину мы съ тобой отстоимъ. Да ты не бойся, достанемъ какъ-нибудь. Наконецъ не все же насъ судьба будетъ по темени кокать. Можетъ-быть, въ маѣ нашъ билетъ и выиграетъ какимъ-нибудь чудомъ. Другіе же выигрываютъ? Наконецъ отчего бы мнѣ и не получить командировку въ Финляндію для изученія полицейскаго дѣла? Въ этомъ году будутъ посылать туда, и мнѣ баронъ фонъ-Эссе почти обѣщалъ это дѣло устроить.

— Ахъ, папа, въ Финляндію бы!—восклицаетъ мальчикъ, и его зеленые, маленькіе, всегда хмурые глаза расширяются и сіяютъ. — Я читалъ на-дняхъ описаніе. Какъ чудесно! Шлюзы, водопады, озера...

— А лѣса-то, лѣса какіе тамъ... Поохотимся, братъ Коля, лососину половимъ. Ты вотъ что̀, милый, поди-ка, принеси карту Россіи, карандашъ и бумагу. А я достану путеводитель!

И черезъ нѣсколько минутъ они сидятъ подъ лампой, колѣнями на стульяхъ, низко и тѣсно склонившись надъ картой. Весенній вѣтеръ, этотъ вѣчный другъ и соблазнитель бродягъ, цыганъ, странниковъ и путешественниковъ, врывается въ открытую форточку и своимъ свѣжимъ, прянымъ, глубокимъ дыханіемъ кружитъ имъ головы. Все забыто: бѣдность, униженія, тягость службы, недоброжелательство Колиныхъ товарищей, изводяшихъ его службою отца и смѣшною фамиліей... Теперь обѣ души — изъѣденная жизнью, испакощенная, попранная душа полицейскаго и скрытная, уже озлобленная, засыхающая душа мальчика — раскрылись и цвѣтутъ. Путешествіе по картѣ, разукрашенное бѣдной фантазіей, такъ живо и увлекательно!

— Изъ Выборга по Сайменскому каналу, по шлюзамъ,— говоритъ Ветчина, отмѣчая путь краснымъ карандашомъ.—Потомъ Сайменское озеро. Вокругъ—погляди на

карту—все зеленое — это лѣса, лѣса. Санъ-Михель, Куопіо.. Оттуда по желѣзной дорогѣ до Каяны, а оттуда опять озерами и рѣкой до Улеаборга. Оттуда въ Торнео пароходомъ... Граница Швеціи. Огромный портъ.. Океанскіе корабли... Дешевизна поразительная, потому что нѣтъ пошлины... Накупимъ всякой всячины... А потомъ — знаешь куда?

— Куда?—спрашивалъ Коля охрипшимъ отъ волненія голосомъ.

— Изъ Торнео мы съ тобой повернемъ на востокъ и, вотъ, видишь, Кемь? Такъ мы съ тобой до Кеми пѣшкомъ. Черезъ горы, мимо озера... Какъ его?.. не разберешь... Озеро Мансельское, между Топозеро и озеро Куито прямо къ Бѣлому морю, къ Онежской губѣ. А оттуда въ Соловецкій монастырь, поклонимся святымъ угодникамъ Зосимѣ и Савватію, затѣмъ Архангельскъ и — домой.

— Пѣшкомъ до Кеми? — переспрашиваетъ Коля и глотаетъ отъ восторга слюну. — Черезъ лѣсъ, черезъ болото? Съ ружьями?

— А что̀ же, мы съ тобою развѣ не мужчины? Конечно, пѣшкомъ. Питаться будемъ дичью, рыбой... Тамъ, я тебѣ скажу, дичи — видимо-невидимо. Такъ и кишитъ!.. Хлѣбъ вотъ только... Но, знаешь, эти чухны, хоть они и сволочь и бунтуютъ тамъ чего-то постоянно, но они замѣчательно гостепріимны. Хлѣбомъ мы будемъ запасаться отъ жилья до жилья. А ночевать въ лѣсу! Подожди-ка, возьми бумагу. Сейчасъ мы съ тобой все это разсчитаемъ. Начнемъ съ чего? Начнемъ съ двухъ бурокъ — тебѣ и мнѣ. Мнѣ большую, тебѣ поменьше. Пиши. Все запишемъ. Самое необходимое и кому что̀ нести.

Онъ диктуетъ, а мальчикъ записываетъ на аккуратно разграфленномъ листикѣ.

Предметы.	Вѣсъ. Папѣ.	Мнѣ.
Бурки	6 ф.	4 ф.
Непромокайки.	4 »	3 »
Бѣлье	3 »	2 »
Котелокъ варить пищу	2 »	— »
Патронташъ	2 »	1½ »
Патроновъ съ дробью и пулями	6 »	4 »
Ранцы	2 »	1½ »
Топоръ рубить сучья для костра	2 »	— »
Табакъ, спички	2 »	— »
Чай	— »	1 »
Сахаръ	2 »	— »
Мелочи, компасъ, часы, соль и пр.	— »	1 »
Ружья	7 »	6 »
Итого . .	37 ф.	24 ф.

Во время составленія списка оба великодушничаютъ и любовно перекоряются. Коля хочетъ нести поклажу поровну. Но отецъ настаиваетъ на томъ, что ему, какъ болѣе сильному и привычному, слѣдуетъ взять грузъ нѣсколько потяжелѣе. Списокъ много разъ провѣряютъ. Наконецъ кажется, что взято все необходимое. Коля разсчитываетъ циркулемъ по масштабной линейкѣ разстояніе. Отъ Торнео до озера Кунто около 350 верстъ. Считая въ день по 17 верстъ,—сущій пустякъ для привычнаго пѣшехода, — они въ двадцать дней пройдутъ это разстояніе. Озеро Кунто, длиною 120 верстъ. Его надо проплыть на парусной лодкѣ. Если считать по 10 верстъ въ часъ, то за одинъ длинный лѣтній день можно пройти все озеро въ длину. А тамъ рукой подать до рѣки Кеми...

— Только вотъ комаровъ тамъ очень много... Бѣда,— озабоченно киваетъ головой надзиратель.

Но Коля недаромъ читалъ описаніе Финляндіи.

— Мѣстные жители, — замѣчаетъ онъ важно: — имѣютъ обыкновеніе защищаться отъ комариныхъ укусовъ тѣмъ, что замазываютъ глиной шею и лицо, оставляя незакрытыми только глаза и дыханіе.

— И гвоздичное масло хорошо помогаетъ, — вспоминаетъ отецъ.

— Да, и масло. А на ночлегахъ мы будемъ разводить костры и жечь хвою. Душистый дымъ. Они не любятъ этого.

И обоимъ рисуется бѣлая, тихая ночь въ лѣсу. Надъ головами межъ кустовъ пахучаго можжевельника протянуты, на случай дождя, резиновые плащи, на землѣ разостланы бурки съ изголовьями изъ молодыхъ вѣтвей. Горитъ яркій костеръ, и въ котелкѣ, подвѣшенномъ на треножникѣ, булькаетъ вода, въ которой варится дикая утка или глухарь. Грезятся раннія туманныя и розовыя утра на берегу никому неизвѣстной лѣсной рѣчонки, плескъ большой рыбы въ озерѣ, туго натянутая леса удочки...

Бьетъ одиннадцать. У отца и Коли тяжелѣютъ и слипаются глаза, и они съ трудомъ отрываются отъ волшебнаго путешествія къ сѣвернымъ лѣсамъ. Обоихъ, несмотря на возбужденіе, томитъ невольная зѣвота. Прощаются они смягченные, ласковые, съ теплыми, довѣрчивыми глазами.

Поздно ночью возвращается домой Вѣра Ивановна. На цыпочкахъ проходитъ она черезъ комнату мужа и съ отвращеніемъ слышитъ его бредъ: «Вотъ такъ рыба! Десять фунтовъ!»

Отъ m-me Ветчины пахнетъ духами Coeur de Jeanette и шампанскимъ. Фонъ-Эссе провожалъ ее домой изъ театра. По дорогѣ они заѣхали на полчаса въ кабинетъ ресторана «Версаль» и очень весело провели время. Полураздѣтая, стоя передъ зеркаломъ, она прижимаетъ руки

къ груди, дѣлаетъ сама себѣ страстные глаза и шепчетъ: «М-мил-лый».

Коля во снѣ плаваетъ по озерамъ и пробирается сквозь лѣсныя чащи. Подымается изъ берлоги потревоженный медвѣдь. Красная пасть раскрыта, сверкаютъ страшные зубы, маленькіе глаза злобно блестятъ. Ба-ахъ!—гремитъ по лѣсу выстрѣлъ. Это Коля стрѣлялъ, и медвѣдь всей своей громадной массой падаетъ къ его ногамъ.

Крѣпко спятъ путешественники. Завтра ждутъ ихъ всегдашніе будни: Ветчину — служба, привычное озлобленіе, ругань и брань, ежеминутное ожиданіе отъ сослуживцевъ какого-нибудь пакостнаго подвоха и — что̀ всего хуже — преувеличенно-ласковое обращеніе и дружески-покровительственный тонъ фонъ-Эссе, а Колю— утомительная зубрежка и презрительное отчужденіе товарищескаго кружка. И только вечеромъ они съ отцомъ опять отправятся въ очаровательное странствованіе по картѣ, куда-нибудь на Кавказъ, или на Уралъ за золотомъ, или въ Сибирь за пушнымъ звѣремъ, или въ Тибетъ вмѣстѣ съ географической экспедиціей. Эти фантастическія путешествія составляютъ единственную, большую и чистую радость въ ихъ усталой, скучной, вымороченной жизни.

НА РАЗЪѢЗДѢ.

Въ вагонъ вошелъ кондукторъ, зажегъ въ фонаряхъ свѣчи и задернулъ ихъ полотняными занавѣсками. Сѣтки съ наваленными на нихъ чемоданами, узлами и шляпами, фигуры пассажировъ, которые или спали, или равномѣрно и безучастно вздрагивали, сидя на своихъ мѣстахъ, печь, стѣнки дивановъ, складки висящихъ одеждъ — все это потонуло въ длинныхъ, тяжелыхъ тѣняхъ и какъ-то странно и громоздко перепуталось.

Шаховъ нагнулся впередъ, чтобы увидѣть лицо своей сосѣдки, и тихо спросилъ:

— Что̀? Очень устали, Любовь Ивановна?

Она поняла его желаніе. Повинуясь безсознательному и тонкому инстинкту кокетства, она отдѣлила тѣло отъ спинки дивана и улыбнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хорошо.

Лежащая противъ разговаривающихъ и покрытая сѣрымъ шотландскимъ пледомъ фигура грузно перевернулась съ боку на спину.

— Не понимаю, Люба, что̀ здѣсь хорошаго?—пробурчалъ изъ-подъ пледа осипшій отъ дороги мужской голосъ.

Ни Любовь Ивановна ни Шаховъ не отвѣчали, но нѣжная улыбка, безпричинная и волнующая улыбка

первыхъ намековъ сближенія, мгновенно сбѣжала съ ихъ лицъ.

Шаховъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Константинополь и затѣмъ въ Египетъ. Эта поѣздка была его давнишней, завѣтной мечтой, но до сихъ поръ ея исполненію мѣшали то недостатокъ времени, то недостатокъ средствъ. Теперь, продавъ небольшое имѣніе, онъ собрался въ дорогу, счастливый и безпечный, съ однимъ легкимъ чемоданомъ въ рукахъ.

И вотъ уже двое сутокъ, начиная отъ самаго Петербурга, странная прихоть судьбы сдѣлала его неразлучнымъ спутникомъ и собесѣдникомъ очаровательной женщины, которая съ каждымъ часомъ нравилась ему все больше и больше. Что-то непонятное, привлекательное и совсѣмъ не похожее на прозу обыденной жизни казалось Шахову въ этомъ быстромъ и довѣрчивомъ знакомствѣ. Ему нравилось подолгу глядѣть на ея тоненькую, изящную фигурку, на ея разбившіеся пепельные волосы, на нѣжные глаза, окруженные тѣнью усталости. Ему нравилось сквозь ритмическій грохотъ вагоновъ слушать ея мягкій голосъ, когда имъ обоимъ, благодаря шуму, приходилось близко наклоняться другъ къ другу.

Когда наступали сумерки, непонятное и привлекательное становилось совсѣмъ сказочнымъ... Милое лицо начинало то уходить вдаль, то приближаться; каждую минуту оно принимало все новыя и новыя, но знакомыя и прекрасныя черты... И, подъ размѣренные звуки летящаго поѣзда, Шахову все напѣвались звучные стихи: «Свѣтъ ночной, ночныя тѣни... тѣни безъ конца... рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица».

Иногда онъ нарочно ронялъ платокъ или спичечницу на полъ, чтобы украдкой заглянуть ближе въ ея лицо, и каждый разъ глаза его встрѣчали ея ласково остановившуюся на немъ улыбку...

Потомъ наступала ночь... Не было слышно ничего, кромѣ грохотанія поѣзда и дыханія спящихъ. Онъ уступалъ ей тогда свое мѣсто, но она отказывалась. И они садились рядомъ другъ съ другомъ, совсѣмъ близко, и разговаривали до тѣхъ поръ, пока у нея не падалъ отъ усталости голосъ. Тогда онъ съ дружески-шутливой настойчивостью уговаривалъ ее ложиться. О чемъ они разговаривали — пожалуй, оба на другой день не дали бы себѣ отчета. Такъ разговариваютъ два близкихъ друга послѣ долгой разлуки, или братъ съ сестрою... Одинъ только скажетъ два слова, чтобы выразить длинную и сложную мысль, а другой уже понялъ. И первый даже и не трудится продолжать и разжевывать дальше,—онъ уже по одной улыбкѣ видитъ, что его поняли,—а впереди есть еще столько важнаго и интереснаго, что, кажется, и времени не хватитъ все передать. Оживленный и радостный разговоръ скользитъ, извивается, капризно перебрасывается съ предмета на предметъ и все-таки не утомляетъ собесѣдниковъ.

Шахову приходилось не разъ въ жизни сталкиваться съ женщинами умными и красивыми, красивыми и глупыми, умными и некрасивыми и наконецъ съ женщинами и глупыми и некрасивыми. Но никогда еще онъ не встрѣчалъ женщины, которая такъ бы съ полуслова понимала его и такъ бы живо и умно интересовалась всѣмъ тѣмъ, чѣмъ и онъ интересовался, какъ Любовь Ивановна, которую онъ зналъ всего вторыя сутки. Только все, что у него было заносчиво, рѣзко и горячо — у нея облекалось въ какую-то неуловимо-милую и нѣжную довѣрчивость, соединенную съ изящной простотой. И лицомъ ея, немного блѣднымъ и утомленнымъ, онъ не уставалъ любоваться во все время дороги.

Шаховъ съ непривычки не умѣлъ спать въ вагонѣ. Нѣсколько разъ ночью проходилъ онъ мимо того дивана,

на которомъ спала Любовь Ивановна. И каждый разъ— впрочемъ, можетъ-быть, онъ и ошибался — ему казалось, что она слѣдитъ за нимъ своими ласкающими глазами.

Утромъ они встрѣчались. Слѣды сна, которые такъ непріятно измѣняютъ самыя хорошенькія лица, совсѣмъ не портили ея лица. Къ ней все шло — и развившіеся волосы, и разстегнувшаяся пуговица воротника лифа, позволявшая видѣть прекрасныя очертанія шеи, и томный, ослабѣвшій взглядъ. Въ продолженіе дня ему нравилось оказывать ей разныя мелкія услуги при пересадкахъ и во время обѣдовъ и ужиновъ на станціяхъ. Еще больше ему нравилось то, что она принимала его услуги безъ ломанья и безъ приторнаго избытка благодарностей. Она видѣла, что такая внимательность съ его стороны къ ней доставляетъ ему удовольствіе, — и это было ей пріятно.

Зато всю прелесть этого быстраго сближенія портилъ господинъ Яворскій — мужъ Любови Ивановны. Трудно было придумать болѣе типичную бюрократическую физіономію: выбритый жирный подбородокъ, окаймленный круглыми баками, желтый цвѣтъ лица, снабженнаго всякими опухолями, складками и обвислостями, стеклянно-неподвижные глаза... Господинъ Яворскій не умѣлъ и не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ своей персоны. И темъ у него было только двѣ: петербургскія сплетни въ сферѣ чиновничьяго міра и собственные ревматизмы и геморои, которые онъ ѣхалъ теперь купать въ одесскихъ лиманахъ. Болѣзни служили особенно излюбленнымъ предметомъ разговора. О нихъ онъ говорилъ съ видимой любовью, громко, подробно и невыносимо-скучно, говорилъ со всякимъ желающимъ и нежелающимъ слушать, говорилъ такъ, какъ умѣютъ говорить только самые черствые себялюбцы.

Съ женой онъ обращался то язвительно-нѣжно. на вы,

то умышленно-деспотично. Она, по лѣтамъ, годилась ему въ дочери, и Шахову казалось, что мужъ на нее смотритъ, какъ на благопріобрѣтенную собственность. Онъ заставлялъ ее покрывать ему ноги пледомъ, брюзжалъ на нее съ утра до вечера, карикатурно и отвратительно-злобно передразнивалъ почти каждую изъ ея робкихъ, обращенныхъ къ нему фразъ. Встрѣчая въ этихъ случаяхъ взглядъ молодого художника, Яворскій глядѣлъ на него такъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «да, да, вотъ и погляди, какъ у меня жена выдрессирована; и всегда будетъ такъ, потому что она моя собственная жена».

— Я васъ вторично спрашиваю, Любовь Ивановна: угодно ли вамъ будетъ почтить меня своимъ милостивымъ отвѣтомъ? — спросилъ язвительно Яворскій и приподнялся на локтѣ. — Что̀ вы, именно, находите хорошимъ?

Она отвернулась къ окну и молчала.

— Ну-съ?—продолжалъ Яворскій, выдержавъ паузу.— Или вы находите, что другимъ ваши замѣчанія могутъ быть интереснѣе, чѣмъ вашему мужу? Что̀-съ?

— Любовь Ивановна сказала мнѣ, что ей удобно сидѣть, — вмѣшался Шаховъ.

— Хе-хе-хе... очень вамъ благодаренъ за разъясненіе-съ, — обратился Яворскій къ художнику. — Но мнѣ все-таки желательнѣе было бы лично выслушать отвѣтъ изъ устъ супруги-съ.

Любовь Ивановна нетерпѣливо и нервно хрустнула сложенными вмѣстѣ пальцами.

— Я не знаю, Александръ Андреевичъ, почему это васъ такъ заняло, — сказала она сдержаннымъ тономъ. — Monsieur Шаховъ спросилъ меня, удобно ли мнѣ, и я отвѣчала, что мнѣ хорошо. Вотъ и все.

Яворскій приподнялся совсѣмъ и сѣлъ на диванъ.

— Нѣтъ, не все-съ. Во-первыхъ, Люба, я просилъ тебя не называть меня никогда Александромъ Андреевичемъ. Это — вульгарно. Такъ зовутъ только купчихи своихъ мужей. Я думаю, тебѣ не трудно называть меня Сашей, или просто Александромъ. Я думаю, что господину художнику отнюдь не покажется страннымъ то обстоятельство, что жена называетъ своего мужа уменьшительнымъ именемъ. Не правда ли, господинъ художникъ? А во-вторыхъ, супружество, налагая извѣстныя обязанности на мужа и жену, требуетъ съ обѣихъ сторонъ взаимной внимательности. И потому...

И онъ долго и растянуто говорилъ объ обязанностяхъ хорошей жены. Любовь Ивановна сидѣла, низко опустивъ голову. Шаховъ молчалъ. Наконецъ Яворскій утомился, прилегъ и продолжалъ лежа свои разглагольствованія. Потомъ онъ совсѣмъ замолчалъ, и вскорѣ послышалось изъ-подъ пледа его всхрапываніе.

Послѣ долгаго молчанія Шаховъ первый началъ разговоръ.

— Любовь Ивановна, — сказалъ онъ, соразмѣряя свой голосъ такъ, чтобы онъ не былъ за стукомъ колесъ слышенъ: — мы съ вами такъ о многомъ говорили... Почему же... Я боюсь, впрочемъ, показаться нескромнымъ и, можетъ-быть, даже назойливымъ...

Она сразу схватила то, что̀ онъ хотѣлъ сказать.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — живо возразила она. — Это ничего, что наше знакомство слишкомъ коротко... Знаете... знаете...—Она запнулась и искала слова:—Хоть это и странно, можетъ-быть, да вѣдь и все у насъ съ вами какъ-то странно складывается... Но мнѣ кажется, что я вамъ все бы, все могла разсказать, что̀ у меня на душѣ и что̀ со мной было. Такъ бы прямо, безъ утайки, какъ своему...—Она остановилась и, сконфузившись своего мгновеннаго порыва, не договорила слова «брату».

Шахова эта вспышка довѣрчивости и тронула и ужасно обрадовала.

— Вотъ, вотъ, я объ этомъ и хотѣлъ сказать, — торопливымъ шопотомъ заговорилъ онъ. — Ахъ, какъ хорошо, что вы такъ сразу меня поняли. Разскажите мнѣ о себѣ побольше... только, чтобы вамъ самой это не было больно... Вѣдь какъ много мы съ вами переговорили, а я до сихъ поръ ничего о вашей жизни не знаю... Только не стыдитесь... И завтра не стыдитесь... Можетъ-быть, мы и разъѣдемся черезъ четверть часа и не встрѣтимся никогда больше, но все-таки это будетъ хорошо.

— Да, да... Это — хорошо... И — правда? — какъ-то смѣло... ново... однимъ словомъ, хорошо! Да?

— Оригинально?

— Ахъ, нѣтъ. Не то, не то! Оригинально — это въ романахъ, это придуманное... А здѣсь что-то свѣжее... Ничего такого больше не повторится, я знаю... И всегда будешь вспоминать. Правда?

— Да. А вамъ никогда не приходила въ голову мысль, что самыя щекотливыя вещи легче всего повѣрять...

— Тому, съ кѣмъ только-что встрѣтишься?

— Да, да... Потому что съ близкимъ знакомымъ уже есть свои прежнія отношенія. Такъ по нимъ все и будетъ мѣриться... Но мы съ вами отклоняемся. Пожалуй, и не дойдемъ до того, о чемъ стали говорить. Разсказывайте же о себѣ.

— Хорошо... Но я затрудняюсь только начать... И кромѣ того я боюсь, чтобы не вышло по-книжному.

— Ничего, ничего. Разсказывайте, какъ знаете. Ну, начинайте хоть съ дѣтства. Гдѣ учились? Какъ учились? Какія были подруги? Какіе планы строили? Какъ шалили?

Въ это время поѣздъ съ оглушительнымъ грохотомъ

промчался по мосту. Мимо оконъ быстро замелькали бѣлыя желѣзныя полосы мостового переплета. Когда грохотъ смѣнился прежнимъ однообразнымъ шумомъ, Яворскій вдругъ сразу пересталъ храпѣть, перевернулся, поправилъ подъ головой подушку, и что-то произнесъ. Шахову послышалось не то: «чортъ побери», не то: «спать только мѣшаютъ!». Любовь Ивановна и Шаховъ замолчали и съ возбужденно-нетерпѣливымъ ожиданіемъ глядѣли на спину Яворскаго. Въ этомъ молчаніи оба чувствовали что-то неловкое и въ то же время сближающее.

— Ну, говорите, говорите, — шепнулъ наконецъ Шаховъ, убѣдившись, что Яворскій опять заснулъ.

Она разсказывала сначала неувѣренно, запинаясь и прибѣгая къ искусственнымъ оборотамъ. Шаховъ долженъ былъ ей помогать наводящими вопросами. Но постепенно она увлеклась своими воспоминаніями. Она сама не замѣчала, какъ ея душа, до сихъ поръ лишенная ласки и вниманія, точно комнатный цвѣтокъ — солнца, радостно распускалась теперь навстрѣчу теплымъ лучамъ его участія къ ней. Языкъ у нея былъ своеобразно-мѣткій, порой съ наивными институтскими оборотами.

Любовь Ивановна не помнила ни отца ни матери. Троюродной теткѣ какъ-то удалось помѣстить ее въ институтъ. Время ученія было для нея единственнымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни. Несчастье ждало ее въ послѣднемъ классѣ. Та же тетка, совсѣмъ забывшая Любу въ институтѣ, однажды взяла ее въ отпускъ и познакомила съ надворнымъ совѣтникомъ Александромъ Андреевичемъ Яворскимъ. Съ тѣхъ поръ надворный совѣтникъ аккуратно каждое воскресенье подъ именемъ дяди появлялся въ пріемной залѣ института съ пирожками отъ Филиппова и конфетами отъ Транже. Любовь Ивановна, безпечно смѣясь вмѣстѣ съ подругами надъ

дядей, такъ же безпечно поѣдала дядины конфеты, не придавая имъ особенно глубокаго смысла.

Бѣдная институтка, конечно, не могла и подозрѣвать, что Александръ Андреевичъ давно уже взвѣсилъ и разсчиталъ свои на нее виды. Въ минуту откровенности, сладострастно подмигивая глазкомъ, онъ уже не разъ говорилъ друзьямъ о невѣстѣ: «Дураки только, — говорилъ онъ: — женятся рано и чортъ знаетъ на комъ. Вотъ я, напримѣръ. Женюсь, слава Богу, въ чинахъ и при капитальцѣ-съ. Да и невѣста-то у меня будетъ прямо изъ гнѣздышка... еще тепленькая-съ... Изъ такой — что̀ хочешь, то и лѣпишь. Все равно, какъ воскъ».

— Да и наивная я ужъ очень была въ то время, — разсказывала Любовь Ивановна. — Когда онъ былъ женихомъ, мнѣ, пожалуй, и нравилось. Букеты... брошки... брильянты... приданое... тонкое бѣлье... Только когда къ вѣнцу повезли, я тутъ все и поняла. Плакала я, упрашивала тетку разстроить бракъ, руки у нея цѣловала... не помогло... А Александръ Андреевичъ нашелъ даже, что слезы ко мнѣ идутъ. Съ тѣхъ поръ я такъ и живу, какъ видите, четыре года...

— Дѣтей у васъ, конечно, нѣтъ? — спросилъ Шаховъ.

— Нѣтъ. Ахъ, если бы были! Все-таки я знала бы, для чего вся эта безсмыслица творится. Къ нимъ бы привязалась. А теперь у меня, кромѣ книгъ, и утѣшенія никакого нѣтъ...

Она среди разговора не замѣтила, какъ поѣздъ замедлялъ ходъ. Сквозь запотѣвшія стекла показалась ярко освѣщенная станція. Поѣздъ сталъ.

Разбуженный тишиною Яворскій проснулся и быстро сѣлъ на диванъ. Онъ долго протиралъ глаза и скребъ затылокъ и наконецъ недовольно уставился на жену.

— Ложись спать, Люба, — сказалъ онъ отрывисто и

хрипло. — Чортъ знаетъ, что̀ такое! И о чемъ это, я не понимаю, цѣлую ночь разговаривать? Все равно путнаго ничего нѣтъ.—Яворскій опять почесался и покосился на Шахова. — Ложись вотъ на мое мѣсто, а я сидѣть буду.

Онъ приподнялся.

— Нѣтъ, нѣтъ, Саша, я все равно не могу заснуть. Лежи, пожалуйста, — возразила Любовь Ивановна.

Яворскій вдругъ грубо схватилъ ее за руку.

— А я тебѣ говорю — ложись, и, стало-быть, ты должна лечь! — закричалъ онъ озлобленно и выкатывая глаза. — Я не позволю, чортъ возьми, чтобы моя жена третью ночь по какимъ-то уголкамъ шепталась... Здѣсь не номера, чортъ возьми! Ложись же... Этого себѣ порядочный человѣкъ не позволитъ, чтобы развращать замужнюю женщину. Ложись!

Онъ съ силой дернулъ кверху руку Любови Ивановны и толкнулъ при этомъ локтемъ Шахова. Художникъ вспыхнулъ и вскочилъ съ мѣста.

— Послушайте! — воскликнулъ онъ гнѣвно: — я не знаю, что̀ вы называете порядочностью, но, по-моему, насиліе надъ...

Но ему не дала договорить Любовь Ивановна. Испуганная, дрожащая, она безсознательно положила ему руку на плечо и умоляюще шептала:

— Ради Бога! Ради Бога...

Шаховъ стиснулъ зубы и молча вышелъ на платформу.

Ночь была теплая и мягко-влажная. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо. Пахло сажей. Видно было, какъ изъ трубы паровоза, точно гигантскіе клубы ваты, валилъ дымъ и неподвижно застывалъ въ воздухѣ. Ближе къ паровозу эти клубы, вспыхивая, окрашивались яркимъ пурпуромъ и чѣмъ дальше, тѣмъ мерцали все болѣе и болѣе слабыми тонами.

Шаховъ задумался. Его попеременно волновали: то жалость и нѣжность къ Любови Ивановнѣ, то гнѣвъ противъ ея мужа. Ему было невыразимо грустно при мысли, что черезъ два-три часа онъ долженъ ѣхать въ сторону, и уже никогда больше не возобновится встрѣча съ этой очаровательной женщиной... Что̀ съ ней будетъ? Чѣмъ она удовлетворится? Найдется ли у нея какой-нибудь исходъ? Покорится ли она своей участи полу-рабы, полу-наложницы, или, — объ этомъ Шаховъ боялся и думать, — или она дойдетъ наконецъ до униженія адюльтера подъ самымъ носомъ ревниваго мужа?

Шаховъ и не замѣтилъ, какъ простоялъ около получаса на платформѣ. Опять замелькали огни большой станціи. Поѣздъ застучалъ на стыкахъ поворотовъ и остановился. «Станція Бирзула. Поѣздъ стоитъ часъ и десять минутъ», — прокричалъ кондукторъ, проходя вдоль вагоновъ. Шаховъ машинально засмотрѣлся на вокзальную суету и вздрогнулъ, когда услышалъ сзади себя произнесеннымъ свое имя.

— Леонидъ Павловичъ!

Онъ обернулся. Это была Любовь Ивановна.

Инстинктивно онъ протянулъ ей руки. Она отдала ему свои и отвѣчала на его пожатіе долгимъ пожатіемъ, глядя молча ему въ глаза.

— Леонидъ Павловичъ, — быстро и взволнованно заговорила она. — Только десять минутъ свободныхъ. Мнѣ бы хотѣлось... Только, ради Бога, не откажите... Мнѣ давно... никогда не было такъ хорошо, какъ съ вами... Можетъ-быть, мы больше не увидимся... Такъ я хотѣла васъ просить взять на память... Это мое самое любимое кольцо... и главное — собственное... Пожалуйста!..

И она, торопясь и конфузясь, сняла съ пальца маленькое колечко съ чернымъ жемчугомъ, осыпаннымъ брильянтиками.

— Дорогая моя Любовь Ивановна, какъ все въ васъ хорошо!—воскликнулъ Шаховъ. Онъ былъ растроганъ и чувствовалъ, что слезы щиплютъ ему глаза. — Дорогая моя, зачѣмъ мы съ вами такъ случайно встрѣтились? Боже мой! Какъ судьба иногда зло распоряжается! Я не клянусь; вѣдь вы знаете, что мы никогда другъ другу не солгали бы. Но я ни разу, ни разу еще въ моей жизни не встрѣчалъ такого чуднаго существа, какъ вы. И главное, мы съ вами какъ будто нарочно другъ для друга созданы... Простите, я, можетъ-быть, говорю глупости, но я такъ взволнованъ, — такъ счастливъ и... такъ несчастливъ въ то же время. Бываетъ, что два человѣка, какъ двѣ половины одной вазы... Вѣдь сколько половинъ этихъ на свѣтѣ, а только двѣ сойдутся. Благодарю васъ за кольцо. Я, конечно, его беру, хотя и такъ я всегда бы васъ помнилъ... Только, Боже мой, зачѣмъ не раньше мы съ вами встрѣтились!

И онъ держалъ въ своихъ рукахъ и нѣжно сжималъ ея руки.

— Да, — сказала она, улыбаясь глазами, полными слезъ: — судьба иногда нарочно смѣется. Смотрите: стоятъ два поѣзда. Встрѣтились они и разойдутся, а изъ оконъ два человѣка другъ на друга смотрятъ и глазами провожаютъ, пока не скроются изъ виду. А можетъ-быть... эти два человѣка... такое бы счастье дали другъ другу... такое счастье...

Она замолчала, потому что боялась разрыдаться.

— Второй звонокъ! Бирзула-Жмеринка! Поѣздъ стоитъ на второмъ пути-и! — закричалъ въ залѣ I класса протяжный голосъ.

Внезапно дерзкая мысль осѣнила Шахова.

— Любовь Ивановна! Люба! — сказалъ онъ, задыхаясь. — Садимся сейчасъ на этотъ поѣздъ и обратно. Ради Бога, милая. Вѣдь цѣлая жизнь счастья. Люба!

Нѣсколько секундъ она молчала, низко опустивъ голову. Но вдругъ подняла на него глаза и отвѣтила:

— Я согласна.

Въ одно мгновеніе Шаховъ уже былъ на полотнѣ и на рукахъ бережно переносилъ Любовь Ивановну на платформу другого поѣзда.

Раздался третій звонокъ.

— Кондукторъ! — торопливо крикнулъ Шаховъ, сбѣгая по ступенькамъ съ платформы: — вотъ въ этомъ вагонѣ съ той стороны сидитъ господинъ... Полный, въ бакенбардахъ, въ фуражкѣ съ бархатнымъ чернымъ околышемъ. Скажите ему, что барыня сѣла и уѣхала благополучно съ художникомъ. Возьмите себѣ на чай.

Свистокъ на станціи. Свистокъ на паровозѣ. Поѣздъ тронулся.

На платформѣ никого не было, кромѣ Шахова и Любови Ивановны.

— Люба, навсегда? На всю жизнь? — спросилъ Шаховъ, обвивая рукой ея талію.

Она не сказала ни слова и спрятала свое лицо у него на груди.

ВЪ КРЫМУ.

(Меджидъ).

I.

На краю пригородной деревни Аутки, тамъ, гдѣ свѣтлый горный ручеекъ, заключенный въ свинцовую трубку, льется цѣлый день серебряной переливчатой дугой и сладко плещется въ каменномъ столѣтнемъ водоемѣ, подъ прохладной тѣнью столѣтняго орѣха, тамъ молодой ялтинскій проводникъ Меджидъ моетъ по утрамъ трехъ лошадей: двухъ собственныхъ сѣрыхъ жеребцовъ — Красавчика и Букета, и стараго вороного коня, взятаго имъ на прокатъ, на сезонное время, изъ горъ.

Наканунѣ Меджидъ съ другимъ проводникомъ Асаномъ провожалъ большую кавалькаду на хребетъ Яйлы. Вернулся онъ домой далеко за полночь, и когда вываживалъ мокрыхъ, холодныхъ отъ пота лошадей по тихой и звучной улицѣ, голубой въ мѣсячномъ свѣтѣ, то шатался отъ сна и усталости. Не раздѣваясь, легъ онъ на коврѣ въ кунацкой и, какъ ему показалось, только на секунду закрылъ глаза, а когда открылъ ихъ, то былъ уже синій и золотой день, сверкавшій зелеными улыбками.

Татарская дѣвушка мыла бѣлье въ прозрачной лужѣ, въ которую по наружнымъ стѣнкамъ стекала вода изъ переполненнаго бассейна. Положивъ на дощечку разно-

цвѣтныя тряпки, она съ безсознательной граціей переступала по нимъ босыми маленькими ступнями, и въ тактъ съ движеніями ея гибкаго тонкаго тѣла покачивались у нея на спинѣ двѣ жесткія черныя косы, падавшія внизъ изъ-подъ круглой бархатной шапочки, расшитой золотыми блестками. Тѣневыя пятна и солнечные кружки тихо скользили взадъ и впередъ, вкось, по ея блѣдно-смуглому лицу съ прекрасными дѣтскими глазами, а длинное темное платье, слегка зажатое между колѣнями, лучилось кверху красивыми складками. Обмѣнявшись съ Меджидомъ быстрымъ «селямомъ», она тотчасъ же уступила ему и его лошади мѣсто у фонтана: мужской трудъ — священное дѣло.

Свѣтло-сѣрый, почти бѣлый, пожилой Красавчикъ съ особеннымъ удовольствіемъ спокойно мочилъ въ прохладной водѣ лужицы свои высокія, стаканчиками, копыта, натруженныя вчера мелкимъ камнемъ горячаго шоссе. Нагнувъ внизъ шею и вытянувъ впередъ нѣжную бѣлую голову съ черными, ласково-суженными глазами, онъ тянулся голымъ розовымъ храпомъ къ водѣ и коротко взмахивалъ хвостомъ каждый разъ, когда Меджидъ оплескивалъ его изъ ведра; сѣрый, видный, въ темныхъ яблокахъ на крупѣ, пятилѣтній Букетъ игралъ на мѣстѣ, разбрызгивая вокругъ себя воду, отчего Меджидъ притворно грубо бранился и рукавомъ куртки вытиралъ брызги со своего лица. На вороного коня Меджидъ мало тратилъ заботъ: это была настоящая неприхотливая горная лошадка съ желѣзными ногами, привыкшая съ грузомъ угля или дровъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла спускаться съ Яйлы и подыматься вверхъ по тропинкамъ, почти недоступнымъ для средней руки пѣшеходовъ. Меджидъ только облилъ его два-три раза водою и звонко шлепнулъ по узкому, высокому, костистому, заблестѣвшему заду. И вороной вслѣдъ за двумя другими лошадьми, не

торопясь, солидной рысцой потрясся въ темную, холодную конюшню, плоская крыша которой была почти вровень съ поверхностью земли, и спускаться куда приходилось по довольно крутой наклонной плоскости.

У вороного коня вовсе не было имени. Да и Красавчика съ Букетомъ Меджидъ назвалъ такъ пышно и невыразительно лишь въ угоду курортнымъ дамамъ, которыя неизбѣжно, прежде чѣмъ сѣсть на жеребца, выносили ему, чтобы его задобрить, кусочекъ хлѣба или сахару, трепали его боязливо по шеѣ, цѣловали между ноздрей, точно этотъ поцѣлуй могъ ему доставить какое-нибудь удовольствіе, и спрашивали нѣжно: — «Меджидъ, а какъ его зовутъ?»

Стройная, тонкая дѣвушка, изящно поддерживая рукой на головѣ дощечку съ бѣльемъ, слѣдила за проводникомъ изъ-за забора своими пугливыми восточными глазами. Она была уже съ трехъ лѣтъ его невѣстой, и родители ихъ дожидались, пока онъ не скопитъ достаточно денегъ для свадьбы. Но Меджидъ не торопился. Веселая, хвастливая, легкая жизнь проводника казалась ему сладкимъ праздникомъ, которому не будетъ конца.

Онъ самъ засыпалъ лошадямъ овса — вороному поменьше, — велѣлъ матери починить ремень отъ уздечки и ушелъ поспѣшно, чтобы захватить линейку, которая черезъ каждыя четверть часа ходила изъ Аутки внизъ на набережную.

Она только-что отошла, но Меджидъ легко догналъ ее и впрыгнулъ на ходу. Привычно веселило его утреннее чувство легкости, ловкости и молодости собственнаго тѣла. Усѣвшись, онъ побѣдоносно осмотрѣлся налѣво и направо на сосѣдей и, запрокинувъ голову, обернулся назадъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ старый татаринъ въ чалмѣ съ кофейнаго цвѣта лицомъ, высокимъ выпуклымъ лбомъ и сѣдой бородою. Меджидъ быстро заговорилъ съ нимъ

по-татарски, скаля радостно бѣлые крѣпкіе зубы и сіяя черными счастливыми глазами

II.

На набережной, около часовни, было у проводниковъ нѣчто въ родѣ биржи. Тамъ они расхаживали по утрамъ вдоль каменнаго парапета, облокачивались на его перила въ красивыхъ, разсчитанно-небрежныхъ позахъ, или сидѣли на скамейкахъ, развалившись, выставивъ картинно впередъ свои мускулистыя ноги съ упругими выпуклыми ляжками. Болѣе пожилые и бѣдные изъ нихъ были одѣты въ традиціонный татарскій костюмъ, состоящій изъ широкой рубашки — бѣлой съ чуть желтоватымъ оттѣнкомъ заправленной въ широкія шаровары, перетянутыя гораздо выше таліи серебрянымъ ремнемъ. У молодыхъ же въ этомъ году господствовала новая мода, введенная впервые Меметомъ, первымъ красавцемъ сезона, — синяя тѣсная, короткая куртка изъ діагональнаго сукна, такія же рейтузы въ обтяжку и тонкіе лакированные сапоги. Такая одежда не скрывала ни одной линіи тѣла, а, наоборотъ, подчеркивала высоту груди, гибкость спины, тонкость таліи и стройность длинныхъ ногъ. Но, независимо отъ лѣтъ и богатства, каждый проводникъ носилъ на головѣ круглую, невысокую барашковую шапочку, а въ рукѣ символъ проводническаго званія — хлыстъ.

Это была настоящая живая выставка мужской красоты и молодости: прекрасныя фигуры, матовая смуглость кожи, безукоризненно правильныя очертанія бровей, носовъ и губъ, холеные черные усы и вьющіеся изъ-подъ сбитыхъ на бокъ шапокъ, черные изсиня волосы, чудесные зубы, миндалевидные, темные, горячіе южные глаза и гордыя прямыя шеи. Южный берегъ Крыма выслалъ сюда самые лучшіе племенные образцы своей человѣче-

ской породы, происшедшей отъ необычайно счастливаго смѣшенія кровей: генуэзской, греческой и татарской.

Каждый день, проходя по набережной, толстыя, пестро одѣтыя московскія купчихи-кутилки и наглыя петербургскія кокотки въ рыжихъ искусственныхъ локонахъ, со щеками, свинцовыми отъ пудры, разглядывали проводниковъ сквозь лорнеты на длинныхъ ручкахъ, не торопясь, дѣловито и безстыдно, какъ разглядываютъ опытные обжоры вкусный товаръ, разложенный за стекломъ гастрономическаго магазина.

И молодые красавцы настойчиво выдерживали ихъ взглядъ, выпрямляя спины, дѣлая внезапно серьезные, неподвижные глаза, мутные и обезсмысленные, точно отъ страстнаго желанія. Иные насвистывали въ эту минуту сквозь зубы съ какимъ-то многозначительнымъ выраженіемъ и щурили глаза, и покачивали головой, и выстукивали хлыстомъ тактъ мотива по лакированному голенищу. Другіе, идя близко за плечомъ дамы, предлагали лошадей для экскурсій, но предлагали такъ таинственно, вполголоса, съ зазывающей интонаціей, точно дѣло шло о какомъ-то запретномъ, соблазнительномъ, но неприличномъ предпріятіи.

Кумиромъ, недосягаемымъ образцомъ былъ для Меджида проводникъ Меметъ, и ему Меджидъ невольно старался подражать во всѣхъ внѣшнихъ мелочахъ, въ одеждѣ, походкѣ и манерахъ. Все, что̀ касалось Мемета, было полно для Меджида героическимъ восхищеніемъ: и то, что онъ считался чрезвычайно образованнымъ, почти ученымъ человѣкомъ, такъ какъ окончилъ четыре класса симферопольской гимназіи, и то, что онъ носилъ отличное крахмаленное бѣлье и множество брелоковъ и перстней, и то, что за нимъ уже бѣжала слава, въ видѣ исторіи и легенды. Изъ-за Мемета подрались около морского музея двѣ дамы — одна харьковская, другая москвичка, и

обѣ купчихи; третью даму, жену извѣстнаго коллекціонера картинъ, Меметъ самъ, разыгрывая однажды сцену ревности и увлекшись, какъ хорошій артистъ игрой, избилъ хлыстомъ въ то время, когда она ѣхала въ шарабанѣ съ другимъ проводникомъ; съ четвертой онъ взялъ двѣ тысячи на излѣченіе какой-то тайной болѣзни, а пятая купила его сестрѣ, выходившей замужъ, землю съ домомъ, а кстати и Мемету подарила пару чудесныхъ лошадей золотой масти «Изабелла» и щегольской соломенный фаэтонъ съ ацетиленовыми фонарями.

Меметъ былъ глубоко начитанный человѣкъ. Однажды онъ даже прочиталъ цѣликомъ, съ начала до конца—и это была истинная правда — «Героя нашего времени». Этотъ романъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ нерѣдко, прислонившись къ фонарному столбу на набережной, скрещивалъ на груди руки, морщилъ лобъ въ суровыя вертикальныя складки, наискось закусывалъ нижнюю губу и загадочно устремлялъ глаза вдаль. Въ эту минуту онъ ни о чемъ не думалъ; думалъ о томъ, что вотъ извозчикъ проѣхалъ, а вотъ дама прошла въ галантерейный магазинъ, вѣтка мимозы качается отъ вѣтра, но самъ передъ собою онъ дѣлалъ видъ, что его душа погружена въ этакую мрачную, безпросвѣтную бездну. Съ женщинами наединѣ онъ бывалъ нестерпимо грубъ, съ мужчинами услужливо и даже подобострастно вѣжливъ, но когда говорилъ одновременно съ мужчиной и женщиной, то глядѣлъ не на мужчину, а на его даму. Курортныя модницы вышивали ему туфли и шелковыя подтяжки и были въ восторгѣ отъ сумасброднаго ревнивца Мемета, отъ бѣшенаго, вспыльчиваго Мемета, отъ красавца Мемета съ его разбитымъ и непонятнымъ, но возвышеннымъ сердцемъ. Такимъ онѣ его захотѣли сдѣлать, и такимъ Меметомъ онъ, въ концѣ концовъ, сталъ считать самого себя.

Бѣдный Меджидъ и самъ чувствовалъ, что ему далеко до его великолѣпнаго образца. Какъ онъ ни серьезничалъ, какъ ни принималъ пластическія, разсчитанно-красивыя позы, какъ ни старался сдѣлать свое лицо значительнымъ и загадочнымъ — веселая щенячья молодость брала верхъ. Ему любо было повозиться съ другимъ проводникомъ на тротуарѣ набережной, подъ жаркимъ сорокаградуснымъ солнцемъ, побѣжать за прохожимъ, кривляясь и передразнивая его походку, поплевать безцѣльно въ море, перегнувшись черезъ перила, ограждающія набережную. Но, увидѣвъ въ эти шаловливыя секунды Мемета, онъ тотчасъ же начиналъ самъ передъ собою важничать и внутренно разыгрывалъ Мемета, что̀ ему легко давалось при подвижномъ, живомъ южномъ воображеніи. Онъ безкорыстно восхищался Меметомъ и беззлобно завидовалъ ему совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ гимназисты V класса по отношенію къ семикласснику, который уже и куритъ, и покучиваетъ, и глядитъ на горничныхъ свысока. Правда, и у Меджида въ прошломъ году былъ одинъ очень серьезный романъ, окончившійся даже увозомъ Меджида въ Петербургъ, что̀, конечно, свидѣтельствовало о способности его внушать глупымъ сѣверянкамъ пылкую любовь и что̀ вообще хорошо поставило Меджида въ средѣ проводниковъ. Но тайная подкладка этого похищенія была доподлинно извѣстна только одному Меджиду, да и то самъ передъ собою онъ старался рисовать это приключеніе гораздо красивѣе и необыкновеннѣе, чѣмъ оно происходило въ дѣйствительности.

III.

Просто-напросто въ Ялту пріѣхала жена богатаго протоіерея петербургской епархіи, толстая сорокалѣтняя женщина, съ лицомъ, бѣлымъ отъ природы и отъ пудры, какъ булка, съ двумя сладкими черными изюминками

вмѣсто глазъ и съ маленькимъ, вздернутымъ ртомъ, ярко окрашеннымъ въ пунцовый цвѣтъ. Богъ вѣсть, какимъ тяжелымъ путемъ долголѣтняго клянчанья, тайныхъ сбереженій въ чулокъ изъ домашней экономіи, притворныхъ обмороковъ и слезливыхъ припадковъ, капризныхъ отказовъ отцу протопопу въ раздѣленіи супружескаго ложа, бѣготни по спеціальнымъ докторамъ, этимъ всегдашнимъ пособникамъ и соумышленникамъ сорокалѣтнихъ женщинъ, какимъ длиннымъ, плетенымъ путемъ женской хитрости и настойчивости досталась ей эта поѣздка. Еще съ января разсчитывали деньги, включая сюда и возможный приходъ за весь Великій постъ, мѣняли фунты и пуды церковныхъ мѣдяковъ на новенькіе государственные билеты, разглядывали по буднимъ вечерамъ всей семьей желѣзнодорожный путеводитель, потомъ передъ отъѣздомъ служили молебенъ о «въ путь шествующихъ», вязали узелки съ провизіей и со всякой домашней требухой, на вокзалѣ плакали и махали платками, и отецъ протопопъ, забывъ все свое внѣшнее благолѣпіе, бѣжалъ по перрону рядомъ съ идущимъ вагономъ, — всхлипывая носомъ, развѣвая по вѣтру волосы, рукава и края рясы, придерживая одной рукой наперсный крестъ и крича: «въ случаѣ чего, телеграфируй».

Попадья на первыхъ порахъ соблюдала въ Крыму строгую, благоразумную экономію, поселилась гдѣ-то на горѣ, на краю города, въ меблированныхъ комнатахъ, похожихъ на тѣ клѣтушки, въ которыхъ шарманщики носятъ морскихъ свинокъ, перезнакомилась со множествомъ престарѣлыхъ классныхъ дамъ, учительницъ и больныхъ студентовъ, увѣрявшихъ, что въ Крыму можно жить ни капельки не дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, тряслась вмѣстѣ съ ними въ дилижансахъ, гдѣ они сидѣли другъ на другѣ, ѣдучи въ горы и къ водопаду, покупала на набережной кизилевыя тросточки, сердоликовыя печатки и раковинки

съ надписью «Ялта» въ подарокъ всѣмъ своимъ знакомымъ, карабкалась, обливаясь потомъ, по какимъ-то дурацкимъ камнямъ и тропинкамъ, которые, оказывается, необходимо посѣтить каждому путешественнику, мазала краской свое имя на разныхъ скалахъ, пила отвратительную густую бузу, ѣла холодный жесткій шашлыкъ, и — главное — все это у нея выходило очень дешево. Море въ Ялтѣ пахло дохлой рыбой и іодомъ и было похоже на грязную лоханку съ глинистой водой, улицы воняли конскимъ навозомъ, отъ дешевыхъ обѣдовъ языкъ и нёбо покрывались слоемъ бараньяго сала, стройные красавцы кипарисы всегда были точно сѣдые отъ мелкой пыли, въ номерахъ пахло копотью керосинокъ и грязнымъ бѣльемъ, но попадья на открыткахъ, которыя она посылала по три и по четыре штуки въ день всѣмъ своимъ знакомымъ подругамъ по епархіальному училищу, которыхъ она еще помнила, восторженно писала, что она наслаждается чуднымъ морскимъ воздухомъ и бальзамическимъ благоуханіемъ горныхъ лѣсовъ. И писала совершенно искренно.

Какая-то бойкая вдова-полковница однажды подбила ее проѣхаться верхомъ, совсѣмъ недалеко, въ Ореанду, къ развалинамъ дворца. По романамъ, которые она читала въ уличныхъ петербургскихъ газетахъ, по сплетнямъ ялтинскихъ салопницъ и наконецъ по тѣмъ откровеннымъ, многозначительнымъ взглядамъ, которыми на набережной черноусые проводники упирались въ ея пышный трясущійся бюстъ, она знала, что поѣздка съ проводникомъ заключаетъ въ себѣ нѣчто неприличное, рискованное... и заманчивое. Но полковница была такая «безусловно корректная женщина», а поѣздка оказалась такой совсѣмъ дешевой — по рублю съ лошади и рубль проводнику, что странно было бы отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Была маленькая боязнь за искусство держаться на сѣдлѣ, но протоіерейша храбро вспомнила, что когда-то въ дѣвичествѣ, на каникулахъ, она ѣздила на настоящемъ дамскомъ сѣдлѣ въ сопровожденіи двухъ лоботрясовъ, отчаянныхъ гимназистовъ, сыновей мѣстнаго помѣщика. Было также затрудненіе на счетъ амазонки. Напрокатъ Марія Николаевна не хотѣла брать: «Мало ли какая надѣвала ее до меня!». Но полковница быстро нашлась: стоило только прикупить матеріи, немножко надставить низъ юбки, вшить внутрь нѣсколько камешковъ-гладышей, и все готово: и незамѣтно, что подшито; и ногъ не будетъ видно, и не развѣвается, и прилично, и гораздо лучше, чѣмъ всякая настоящая амазонка.

Марія Николаевна, конечно, была убѣждена, что уже съ ней-то во всякомъ случаѣ проводникъ ничего себѣ не позволитъ! И они поѣхали втроемъ: она, полковница и Меджидъ.

Но Меджидъ сразу же, какъ только выѣхали изъ города на ливадійское шоссе, сталъ позволять себѣ многое; показывая, какъ надо держать мундштучные и уздечные поводья, онъ то и дѣло накладывалъ свои маленькія, горячія, жесткія руки сверхъ пухлыхъ, бѣлыхъ, дрожавшихъ пальцевъ попадьи, поддерживалъ ея обильную, массивную талію при крутыхъ спускахъ и сверкалъ ей прямо въ глаза своими глупыми, красивыми, сіяющими глазами, и отъ всего отъ него крѣпко пахло, точно отъ молодого центавра, запахомъ здороваго лошадинаго и мужского пота.

Древній запутанный паркъ былъ теменъ, сыръ и молчаливъ, и нельзя было разглядѣть вершинъ его столѣтнихъ деревьевъ, сплетшихся въ черный сплошной потолокъ. Лунныя пятна изрѣдка лежали на травѣ и на заросшихъ дорожкахъ. Иногда сквозь просвѣты густыхъ вѣтвей сверкало море, струившее далеко впереди свой золотой и серебряный атласъ. Гдѣ-то журчали невиди-

мые ручейки, бѣжавшіе съ горъ. Было невиданно сказочно-прелестно и немного жутко отъ тишины и мрака и немного грустно и томно, какъ отъ всякой большой красоты. Осмотрѣли искусственное озеро, въ черной водѣ котораго, точно въ черномъ воздухѣ, беззвучно и плавно, какъ заводной, плавалъ бѣлый лебедь. Осмотрѣли мраморныя развалины, поросшія плющомъ, кустами каприфоліи, благоухавшей дико и страстно. Проводникъ показывалъ мѣста, помогалъ итти, поддерживалъ подъ локоть, раздвигалъ услужливо вѣтви. Но, когда зашли въ крытую виноградную аллею, такую темную, что нельзя было разглядѣть собственной руки, полковница внезапно исчезла. Напрасно Марія Николаевна кричала ей — спутница не отзывалась. Въ темнотѣ приходилось итти ощупью, и руки протопопицы то и дѣло нечаяно натыкались на горячія руки проводника, и она даже на разстояніи чувствовала живую, точно дышащую теплоту его тѣла. Пряно благоухали каприфоліи, какъ обезумѣвшія отъ ночной страсти кричали цикады, въ груди ныло сладкое, истомное раздраженіе.

Потомъ они вышли изъ непроницаемо-темной аллеи наружу, туда, гдѣ было посвѣтлѣе. Полковница тотчасъ же присоединилась къ нимъ и пошла рядомъ, прижимаясь локтемъ къ локтю Маріи Николаевны, и жадно старалась сквозь темноту увидѣть выраженіе ея глазъ. Полковница находилась уже въ томъ возрастѣ между зрѣлыми годами и старостью, въ которомъ бывшія грѣшницы, со вздохомъ отказавшись отъ личныхъ интрижекъ, становятся въ чужихъ любовныхъ дѣлахъ: или безпощадными сыщиками и судьями, или безкорыстными пособницами и укрывательницами. Полковница принадлежала ко вторымъ...

ЯМА.

Повѣсть.

I.

Давнымъ-давно, задолго до желѣзныхъ дорогъ, на самой дальней окраинѣ большого южнаго города жили изъ рода въ родъ ямщики — казенные и вольные. Оттого и вся эта мѣстность называлась Ямской слободой, или просто Ямской, Ямкàми, или, еще короче, Ямой. Впослѣдствіи, когда паровая тяга убила конный извозъ, — лихое ямщичье племя понемногу растеряло свои буйныя замашки и молодецкіе обычаи, перешло къ другимъ занятіямъ, распалось и разбрелось. Но за Ямой на много лѣтъ — даже до сего времени — осталась темная слава, какъ о мѣстѣ развеселомъ, пьяномъ, драчливомъ и въ ночную пору небезопасномъ.

Какъ-то само собою случилось, что на развалинахъ тѣхъ старинныхъ, насиженныхъ гнѣздъ, гдѣ раньше румяныя разбитныя солдатки и чернобровыя, сдобныя ямскія вдовы тайно торговали водкой и свободной любовью, постепенно стали вырастать открытые публичные дома, разрѣшенные начальствомъ, руководимые офиціальнымъ надзоромъ и подчиненные нарочитымъ суровымъ правиламъ. Къ концу XIX столѣтія обѣ улицы Ямы — Большая Ям-

ская и Малая Ямская — оказались занятыми сплошь, и по ту и по другую сторону, исключительно домами терпимости. Частныхъ домовъ осталось не больше пяти-шести, но и въ нихъ помѣщаются трактиры, портерныя и мелочныя лавки, обслуживающіе надобности ямской проституціи.

Образъ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы во всѣхъ тридцати слишкомъ заведеніяхъ, разница только въ платѣ, взимаемой за кратковременную любовь, а слѣдовательно и въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ мелочахъ: въ подборѣ болѣе или менѣе красивыхъ женщинъ, въ сравнительной нарядности костюмовъ, въ пышности помѣщеній и роскоши обстановки.

Самое шикарное заведеніе — Треппеля, при въѣздѣ на Большую Ямскую, первый домъ налѣво. Это старая фирма. Теперешній владѣлецъ ея носитъ совсѣмъ другую фамилію и состоитъ гласнымъ городской думы и даже членомъ управы. Домъ двухъэтажный, зеленый съ бѣлымъ, выстроенъ въ ложно-русскомъ, ерическомъ, ропетовскомъ стилѣ, съ коньками, рѣзными наличниками, пѣтухами и деревянными полотенцами, окаймленными деревянными же кружевами; коверъ съ бѣлой дорожкой на лѣстницѣ; въ передней чучело медвѣдя, держащее въ протянутыхъ лапахъ деревянное блюдо для визитныхъ карточекъ; въ танцовальной залѣ паркетъ, на окнахъ малиновыя шелковыя тяжелыя занавѣси и тюль, вдоль стѣнъ бѣлые съ золотомъ стулья и зеркала въ золоченыхъ рамахъ; есть два кабинета съ коврами, диванами и мягкими атласными пуфами; въ спальняхъ голубые и розовые фонари, канаусовыя одѣяла и чистыя подушки; обитательницы одѣты въ открытыя бальныя платья, опушенныя мѣхомъ, или въ дорогіе маскарадные костюмы гусаровъ, пажей, рыбачекъ, гимназистокъ, и большинство изъ нихъ — остзейскія нѣмки, крупныя, бѣлотѣлыя, груда-

стыя красивыя женщины. У Треппеля берутъ за визитъ три рубля, а за всю ночь десять.

Три двухрублевыхъ заведенія — Софьи Васильевны, «Старо-Кіевскій» и Анны Марковны — нѣсколько поплоше, побѣднѣе. Остальные дома по Большой Ямской — рублевые, они еще хуже обставлены. А на Малой Ямской, которую посѣщаютъ солдаты, мелкіе воришки, ремесленники и вообще народъ сѣрый, и гдѣ берутъ за время пятьдесятъ копеекъ и меньше, совсѣмъ ужъ грязно и скудно: полъ въ залѣ кривой, облупленный и занозистый, окна завѣшаны красными кумачевыми кусками; спальни, точно стойла, раздѣлены тонкими перегородками, не достающими до потолка, а на кроватяхъ, сверхъ сбитыхъ сѣнниковъ, валяются скомканныя кое-какъ, рваныя, темныя отъ времени, пятнистыя простыни и дырявыя байковыя одѣяла; воздухъ кислый и чадный, съ примѣсью алкогольныхъ паровъ и запаха человѣческихъ изверженій; женщины, одѣтыя въ цвѣтное ситцевое тряпье или въ матросскіе костюмы, по большей части хриплы или гнусавы, съ полупровалившимися носами, съ лицами, хранящими слѣды вчерашнихъ побоевъ и царапинъ и наивно раскрашенными, при помощи послюненной красной коробочки отъ папиросъ.

Круглый годъ, всякій вечеръ, — за исключеніемъ трехъ послѣднихъ дней Страстной недѣли и кануна Благовѣщенія, когда птица гнѣзда не вьетъ и стриженая дѣвка косы не заплетаетъ, — едва только на дворѣ стемнѣетъ, зажигаются передъ каждымъ домомъ, надъ шатровыми рѣзными подъѣздами, висячіе красные фонари. На улицѣ точно праздникъ: всѣ окна ярко освѣщены, веселая музыка скрипокъ и роялей доносится сквозь стекла, безпрерывно подъѣзжаютъ и уѣзжаютъ извозчики. Во всѣхъ домахъ входныя двери открыты настежь, и сквозь нихъ видны съ улицы: крутая лѣстница и узкій кори-

доръ вверху, и бѣлое сверканье многограннаго рефлектора лампы, и зеленыя стѣны сѣней, расписанныя швейцарскими пейзажами. До самаго утра сотни и тысячи мужчинъ подымаются и спускаются по этимъ лѣстницамъ. Здѣсь бываютъ всѣ: полуразрушенные, слюнявые старцы, ищущіе искусственныхъ возбужденій, и мальчики — кадеты и гимназисты — почти дѣти; бородатые отцы семействъ, почтенные столпы общества въ золотыхъ очкахъ, и молодожены, и влюбленные женихи, и почтенные профессора съ громкими именами, и воры, и убійцы, и либеральные адвокаты, и строгіе блюстители нравственности — педагоги, и передовые писатели — авторы горячихъ, страстныхъ статей о женскомъ равноправіи, и сыщики, и шпіоны, и бѣглые каторжники, и офицеры, и студенты, и соціалъ-демократы, и анархисты, и наемные патріоты; застѣнчивые и наглые, больные и здоровые, познающіе впервые женщину и старые развратники, истрепанные всѣми видами порока, ясноглазые красавцы и уроды, злобно исковерканные природой, глухонѣмые, слѣпые, безносые, съ дряблыми, отвислыми тѣлами, съ зловоннымъ дыханіемъ, плѣшивые, трясущіеся, покрытые паразитами — брюхатыя, геморoидальныя обезьяны. Приходятъ свободно и просто, какъ въ ресторанъ или на вокзалъ, сидятъ, курятъ, пьютъ, судорожно притворяются веселыми, танцуютъ, выдѣлывая гнусныя тѣлодвиженія. Иногда внимательно и долго, иногда съ грубой поспѣшностью выбираютъ любую женщину и знаютъ напередъ, что никогда не встрѣтятъ отказа. Нетерпѣливо платятъ впередъ деньги и на публичной кровати, еще не остывшей отъ тѣла предшественника, совершаютъ безцѣльно самое великое и прекрасное изъ міровыхъ таинствъ — таинство зарожденія новой жизни. И женщины съ равнодушной готовностью, съ однообразными словами, съ заученными профессіональными движеніями удовлетворяютъ, какъ машины, ихъ же-

ланіямъ, чтобы тотчасъ же послѣ нихъ, въ ту же ночь, съ тѣми же словами, улыбками и жестами принять третьяго, четвертаго, десятаго мужчину, нерѣдко уже ждущаго своей очереди въ общей залѣ.

Такъ проходитъ вся ночь. Къ разсвѣту Яма понемногу затихаетъ, и свѣтлое утро застаетъ ее безлюдной, просторной, погруженной въ сонъ, съ накрѣпко закрытыми дверями, съ глухими ставнями на окнахъ. А передъ вечеромъ женщины проснутся и будутъ готовиться къ слѣдующей ночи.

И такъ безъ конца, день за днемъ, мѣсяцы и годы, живутъ онѣ въ своихъ публичныхъ гаремахъ странной, неправдоподобной, ночной жизнью, выброшенныя обществомъ, проклятыя семьей, жертвы общественнаго темперамента, клоаки для избытка городского сладострастія, оберегательницы семейной чести — четыреста глупыхъ, лѣнивыхъ, истеричныхъ, безплодныхъ женщинъ.

II.

Два часа дня. Въ второстепенномъ, двухрублевомъ заведеніи Анны Марковны все погружено въ сонъ. Большая квадратная зала съ зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, съ двумя десятками плюшевыхъ стульевъ, чинно разставленныхъ вдоль стѣнъ, съ олеографическими картинами Маковскаго «Боярскій пиръ» и «Купанье», съ хрустальной люстрой посрединѣ — тоже спитъ и въ тишинѣ и полумракѣ кажется непривычно задумчивой, строгой, странно-печальной. Вчера здѣсь, какъ и каждый вечеръ, горѣли огни, звенѣла разудалая музыка, колебался синій табачный дымъ, носились, вихряя бедрами и высоко вскидывая ногами вверхъ, пары мужчинъ и женщинъ. И вся улица сіяла снаружи красными фонарями надъ подъѣздами и свѣтомъ изъ оконъ и кипѣла до утра людьми и экипажами.

Теперь улица пуста. Она торжественно и радостно горитъ въ блескѣ лѣтняго солнца. Но въ залѣ спущены всѣ гардины, и оттого въ ней темно, прохладно и такъ особенно нелюдимо, какъ бываетъ среди дня въ пустыхъ театрахъ, манежахъ и помѣщеніяхъ суда.

Тускло поблескиваетъ фортепіано своимъ чернымъ, изогнутымъ, глянцовитымъ бокомъ, слабо свѣтятся желтыя, старыя, изъѣденныя временемъ, разбитыя, щербатыя клавиши. Застоявшійся неподвижный воздухъ еще хранитъ вчерашній запахъ: пахнетъ духами, табакомъ, кислой сыростью большой нежилой комнаты, потомъ нездороваго и нечистаго женскаго тѣла, пудрой, борно-тимоловымъ мыломъ и пылью отъ желтой мастики, которой былъ вчера натертъ паркетъ. И со страннымъ очарованіемъ примѣшивается къ этимъ запахамъ запахъ увядающей болотной травы. Сегодня Троица. По давнему обычаю, горничныя заведенія раннимъ утромъ, пока ихъ барышни еще спятъ, купили на базарѣ цѣлый возъ осоки и разбросали ея длинную, хрустящую подъ ногами, толстую траву повсюду: въ коридорахъ, въ кабинетахъ, въ залѣ. Онѣ же зажгли лампады передъ всѣми образами. Дѣвицы, по традиціи, не смѣютъ этого дѣлать своими оскверненными за ночь руками.

А дворникъ украсилъ рѣзной, въ русскомъ стилѣ, подъѣздъ двумя срубленными березками. Также и во всѣхъ домахъ около крылецъ, перилъ и дверей красуются снаружи бѣлые тонкіе стволики съ жидкой, умирающей зеленью.

Тихо, пусто и сонно во всемъ домѣ. Слышно, какъ на кухнѣ рубятъ къ обѣду котлеты. Одна изъ дѣвицъ, Любка, босая, въ сорочкѣ, съ голыми руками, некрасивая, въ веснушкахъ, но крѣпкая и свѣжая тѣломъ, вышла во внутренній дворъ. У нея вчера вечеромъ было только шесть временныхъ гостей, но на ночь съ ней

никто не остался, и оттого она прекрасно выспалась одна, совсѣмъ одна, на широкой постели. Она рано встала, въ десять часовъ, и съ удовольствіемъ помогла кухаркѣ вымыть въ кухнѣ полъ и столы. Теперь она кормитъ жилами и обрѣзками мяса цѣпную собаку Амура. Большой рыжій песъ съ длинной блестящей шерстью и черной мордой то скачетъ на дѣвушку передними лапами, туго натягивая цѣпь и хрипя отъ удушья, то, весь волнуясь спиной и хвостомъ, пригибаетъ голову къ землѣ, морщитъ носъ, улыбается, скулитъ и чихаетъ отъ возбужденія. А она, дразня его мясомъ, кричитъ на него съ притворной строгостью:

— Ну, ты, болванъ! Я т-тебѣ дамъ! Какъ смѣешь?

Но она отъ души рада волненію и ласкѣ Амура, и своей минутной власти надъ собакой, и тому, что выспалась и провела ночь безъ мужчины, и Троицѣ, по смутнымъ воспоминаніямъ дѣтства, и сверкающему солнечному дню, который ей такъ рѣдко приходится видѣть.

Всѣ ночные гости уже разъѣхались. Наступаетъ самый дѣловой, тихій, буднишній часъ.

Въ комнатѣ хозяйки пьютъ кофе. Компанія изъ пяти человѣкъ. Сама хозяйка, на чье имя записанъ домъ — Анна Марковна. Ей лѣтъ подъ шестьдесятъ. Она очень мала ростомъ, но кругло-толста: ее можно себѣ представить, вообразивъ снизу вверхъ три мягкихъ студенистыхъ шара — большой, средній и маленькій, втиснутыхъ другъ въ друга безъ промежутковъ, это — ея юбка, торсъ и голова. Странно: глаза у нея блекло-голубые, дѣвичьи, даже дѣтскіе, но ротъ старческій, съ отвисшей безсильно, мокрой нижней малиновой губой. Ея мужъ — Исай Саввичъ — тоже маленькій, сѣденькій, тихонькій, молчаливый старичокъ. Онъ у жены подъ башмакомъ; былъ швейцаромъ въ этомъ же домѣ еще въ ту пору, когда Анна Марковна служила здѣсь экономкой. Онъ

самоучкой, чтобы быть чѣмъ-нибудь полезнымъ, выучился играть на скрипкѣ и теперь по вечерамъ играетъ танцы, а также траурный маршъ для загулявшихъ приказчиковъ, жаждущихъ пьяныхъ слезъ.

Затѣмъ двѣ экономки — старшая и младшая. Старшая — Эмма Эдуардовна. Она — высокая, полная шатенка, лѣтъ сорока шести, съ жирнымъ зобомъ изъ трехъ подбородковъ. Глаза у нея окружены черными геморроидальными кругами. Лицо расширяется грушей, отъ лба внизъ, къ щекамъ, и землистаго цвѣта; глаза маленькіе, черные; горбатый носъ, строго подобранныя губы; выраженіе лица спокойно-властное. Ни для кого въ домѣ не тайна, что черезъ годъ, черезъ два Анна Марковна, удалясь на покой, продастъ ей заведеніе со всѣми правами и обстановкой, причемъ часть получитъ наличными, а часть — въ разсрочку по векселю. Поэтому дѣвицы чтутъ ее наравнѣ съ хозяйкой и побаиваются. Провинившихся она собственноручно бьетъ, бьетъ жестоко, холодно и расчетливо, не мѣняя спокойнаго выраженія лица. Среди дѣвицъ у нея всегда есть фаворитка, которую она терзаетъ своей требовательной любовью и фантастической ревностью. И это гораздо тяжелѣе, чѣмъ побои.

Другую — зовутъ Зося. Она только-что выбилась изъ рядовыхъ барышень. Дѣвицы покамѣстъ еще называютъ ее безлично, льстиво и фамильярно «экономочкой». Она худощава, вертлява, чуть косенькая, съ розовымъ цвѣтомъ лица и прической барашкомъ; обожаетъ актеровъ, — преимущественно толстыхъ комиковъ. Къ Эммѣ Эдуардовнѣ она относится съ подобострастіемъ.

Наконецъ пятое лицо — мѣстный околоточный надзиратель Кербешъ. Это атлетическій человѣкъ; онъ лысоватъ, у него рыжая борода вѣеромъ, ярко-синіе сонные глаза и тонкій, слегка хриплый, пріятный голосъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ раньше служилъ по сыскной части и

былъ грозою жуликовъ, благодаря своей страшной физической силѣ и жестокости при допросахъ.

У него на совѣсти нѣсколько темныхъ дѣлъ. Весь городъ знаетъ, что два года тому назадъ онъ женился на богатой семидесятилѣтней старухѣ, а въ прошломъ году задушилъ ее; однако ему какъ-то удалось замять это дѣло. Да и остальныя четверо тоже видѣли кое-что въ своей пестрой жизни. Но, подобно тому, какъ старинные бретеры не чувствовали никакихъ угрызеній совѣсти при воспоминаніи о своихъ жертвахъ, такъ и эти люди глядятъ на темное и кровавое въ своемъ прошломъ, какъ на неизбѣжныя маленькія непріятности профессій.

Пьютъ кофе съ жирными топлеными сливками — околоточный съ бенедиктиномъ. Но онъ, собственно, не пьетъ, а только дѣлаетъ видъ, что дѣлаетъ одолженіе.

— Такъ какъ же, Ѳома Ѳомичъ? — спрашиваетъ искательно хозяйка. — Это же дѣло выѣденнаго яйца не стóитъ... Вѣдь вамъ только слово сказать...

Кербешъ медленно втягиваетъ въ себя полрюмки ликера, слегка разминаетъ языкомъ по нёбу маслянистую, острую, крѣпкую жидкость, проглатываетъ ее, запиваетъ, не торопясь, кофеемъ и потомъ проводитъ безыменнымъ пальцемъ лѣвой руки по усамъ вправо и влѣво.

— Подумайте сами, мадамъ Шойбесъ, — говоритъ онъ, глядя на столъ, разводя руками и щурясь: — подумайте, какому риску я здѣсь подвергаюсь! Дѣвушка была обманнымъ образомъ вовлечена въ это... въ какъ его... ну, словомъ, въ домъ терпимости, выражаясь высокимъ слогомъ. Теперь родители разыскиваютъ ее черезъ полицію. Хорошо-съ. Она попадаетъ изъ одного мѣста въ другое, изъ пятаго въ десятое... Наконецъ слѣдъ находится у васъ, и главное — подумайте! — въ моемъ околоткѣ! Чтò я могу подѣлать?

— Господинъ Кербешъ, но вѣдь она же совершеннолѣтняя, — говоритъ хозяйка.

— Онѣ совершеннолѣтнія, — подтверждаетъ Исай Саввичъ. — Онѣ дали расписку, что по доброй волѣ...

Эмма Эдуардовна произноситъ басомъ, съ холодной увѣренностью:

— Ей-Богу, она здѣсь какъ за родную дочь.

— Да вѣдь я не объ этомъ и говорю, — досадливо морщится околоточный. — Вы вникните въ мое положеніе... Вѣдь это служба. Господи, и безъ того непріятностей не оберешься!

Хозяйка вдругъ встаетъ, шаркаетъ туфлями къ дверямъ и говоритъ, мигая околоточному лѣнивымъ, невыразительнымъ, блекло-голубымъ глазомъ:

— Господинъ Кербешъ, я попрошу васъ поглядѣть на наши передѣлки. Мы хотимъ немножко расширить помѣщеніе.

— А-а! Съ удовольствіемъ...

Черезъ десять минутъ оба возвращаются, не глядя другъ на друга. Рука Кербеша хруститъ въ карманѣ новенькой сторублевкой. Разговоръ о совращенной дѣвушкѣ болѣе не возобновляется. Околоточный, поспѣшно допивая бенедиктинъ, жалуется на нынѣшнее паденіе нравовъ:

— Вотъ у меня сынъ гимназистъ—Павелъ. Приходитъ, подлецъ, и заявляетъ: «Папа, меня ученики ругаютъ, что ты полицейскій, и что служишь на Ямской, и что берешь взятки съ публичныхъ домовъ». Ну, скажите, ради Бога, мадамъ Шойбесъ, это же не нахальство?

— Ай-ай-ай!.. И какія тутъ взятки?.. Вотъ и у меня тоже...

— Я ему говорю: «Иди, негодяй, и заяви директору, чтобы этого больше не было, иначе папа на васъ на всѣхъ донесетъ начальнику края». Что же вы думаете?

Приходитъ и говоритъ: «Я тебѣ больше не сынъ, — ищи себѣ другого сына». Аргументъ! Ну, и всыпалъ же я ему по первое число! Ого-го! Теперь со мной разговаривать не хочетъ. Ну, я ему еще покажу!

— Ахъ, и не разсказывайте, — вздыхаетъ Анна Марковна, отвѣсивъ свою нижнюю малиновую губу и затуманивъ свои блеклые глаза. — Мы нашу Берточку — она въ гимназіи Флейшера — мы нарочно держимъ ее въ городѣ, въ почтенномъ семействѣ. Вы понимаете, все-таки неловко. И вдругъ она изъ гимназіи приноситъ такія слова и выраженія, что я прямо ажъ вся покраснѣла.

— Ей-Богу, Анночка вся покраснѣла, — подтверждаетъ Исай Саввичъ.

— Покраснѣешь! — горячо соглашается околоточный. — Да, да, да, я васъ вполнѣ понимаю. Но, Боже мой, куда мы идемъ! Куда мы только идемъ? Я васъ спрашиваю, чего хотятъ добиться эти революціонеры и разные тамъ студенты, или... какъ ихъ тамъ? И пусть пеняютъ на самихъ себя. Повсемѣстно развратъ, нравственность падаетъ, нѣтъ уваженія къ родителямъ. Разстрѣливать ихъ надо.

— А вотъ у насъ былъ третьяго-дня случай, — вмѣшивается суетливо Зося. — Пришелъ одинъ гость, толстый человѣкъ...

— Не кàнцай, — строго обрываетъ ее, на жаргонѣ публичныхъ домовъ, Эмма Эдуардовна, которая слушала околоточнаго, набожно кивая склоненной набокъ головой. — Вы бы лучше пошли распорядились завтракомъ для барышень.

— И ни на одного человѣка нельзя положиться, — продолжаетъ ворчливо хозяйка. — Что̀ ни прислуга — то стерва, обманщица. А дѣвицы только и думаютъ, что о своихъ любовникахъ. Чтобы только имъ свое удовольствіе имѣть. А о своихъ обязанностяхъ и не думаютъ.

Неловкое молчаніе. Въ дверь стучатъ. Тонкій женскій голосъ говоритъ по ту сторону дверей:

— Экономочка! Примите деньги и пожалуйте мнѣ марочки. Петя ушелъ.

Околоточный встаетъ и оправляетъ шашку.

— Однако пора и на службу. Всего лучшаго, Анна Марковна. Всего хорошаго, Исай Саввичъ.

— Можетъ, еще рюмочку на дорожку? — тычется надъ столомъ подслѣповатый Исай Саввичъ.

— Благодарю-съ. Не могу. Укомплектованъ. Имѣю честь!..

— Спасибо вамъ за компанію. Заходите.

— Ваши гости-съ. До свиданья.

Но въ дверяхъ онъ останавливается на минуту и говоритъ многозначительно:

— А все-таки мой совѣтъ вамъ: вы эту дѣвицу лучше сплавьте куда-нибудь заблаговременно. Конечно, ваше дѣло, но какъ хорошій знакомый — предупреждаю-съ.

Онъ уходитъ. Когда его шаги затихаютъ на лѣстницѣ и хлопаетъ за нимъ парадная дверь, Эмма Эдуардовна фыркаетъ носомъ и говоритъ презрительно:

— Фараонъ! Хочетъ и здѣсь и тамъ взять деньги...

Понемногу всѣ расползаются изъ комнаты. Въ домѣ темно. Сладко пахнетъ полуувядшей осокой. Тишина.

III.

До обѣда, который подается въ шесть часовъ вечера, время тянется безконечно долго и нестерпимо однообразно. Да и вообще этотъ дневной промежутокъ — самый тяжелый и самый пустой въ жизни дома. Онъ отдаленно похожъ по настроеніямъ на тѣ вялые, пустые часы, которые переживаются въ большіе праздники въ институтахъ и въ другихъ закрытыхъ женскихъ заведеніяхъ, когда по-

други разъѣхались, когда много свободы и много безцѣлья, и цѣлый день царитъ свѣтлая, сладкая скука. Въ однѣхъ нижнихъ юбкахъ и въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ голыми руками, иногда босикомъ, женщины безцѣльно слоняются изъ комнаты въ комнату, всѣ немытыя, непричесанныя, лѣниво тычутъ указательнымъ пальцемъ въ клавиши стараго фортепіано, лѣниво раскладываютъ гаданье на картахъ, лѣниво перебраниваются и съ томительнымъ раздраженіемъ ожидаютъ вечера.

Любка послѣ завтрака снесла Амуру остатки хлѣба и обрѣзки ветчины, но собака скоро надоѣла ей. Вмѣстѣ съ Нюрой она купила барбарисовыхъ конфетъ и подсолнуховъ, и обѣ стоятъ теперь за заборомъ, отдѣляющимъ домъ отъ улицы, грызутъ сѣмечки, скорлупа отъ которыхъ остается у нихъ на подбородкахъ и на груди, и равнодушно судачатъ обо всѣхъ, кто проходитъ по улицѣ: о фонарщикѣ, наливающемъ керосинъ въ уличные фонари, о городовомъ съ разносной книгой подъ-мышкой, объ экономкѣ изъ чужого заведенія, перебѣгающей черезъ дорогу въ мелочную лавочку...

Нюра — маленькая, лупоглазая, синеглазая дѣвушка; у нея бѣлые, льняные волосы, синія жилки на вискахъ. Въ лицѣ у нея есть что-то тупое и невинное, напоминающее бѣлаго пасхальнаго сахарнаго ягненочка. Она жива, суетлива, любопытна, во все лѣзетъ, со всѣми согласна, первая знаетъ всѣ новости, и если говоритъ, то говоритъ такъ много и такъ быстро, что у нея летятъ брызги изо рта и на красныхъ губахъ вскипаютъ пузыри, какъ у дѣтей.

Напротивъ, изъ пивной, на минуту выскакиваетъ курчавый, испитой бѣльмистый парень, услужающій, и бѣжитъ въ сосѣдній трактиръ.

— Прохоръ Ивановичъ, а Прохоръ Ивановичъ, — кричитъ Нюра: — не хотите ли, подсолнухами угощу?

— Заходите къ намъ въ гости, — подхватываетъ Люба.

Нюра фыркаетъ и добавляетъ сквозь давящій ее смѣхъ:

— На теплыя ноги!

Но парадная дверь открывается, въ ней показывается грозная и строгая фигура старшей экономки.

— Пфуй! Что̀ это за безобразіе? — кричитъ она начальственно.—Сколько разъ вамъ повторять, что нельзя выскакивать на улицу днемъ и еще — пфуй! — въ одномъ бѣльѣ. Не понимаю, какъ это у васъ нѣтъ никакой совѣсти. Порядочныя дѣвушки, которыя сами себя уважаютъ, не должны вести себя такъ публично. Кажется, слава Богу, вы не въ солдатскомъ заведеніи, а въ порядочномъ домѣ. Не на Малой Ямской.

Дѣвицы возвращаются въ домъ, забираются на кухню и долго сидятъ тамъ на табуретахъ, созерцая сердитую кухарку Прасковью, болтая ногами и молча грызя сѣмечки.

Въ комнатѣ у Маленькой Маньки, которую еще называютъ Манькой-Скандалисткой и Манькой Бѣленькой, собралось цѣлое общество. Сидя на краю кровати, она и другая дѣвица, Зоя, высокая, красивая дѣвушка, съ круглыми бровями, съ сѣрыми глазами навыкатѣ, съ самымъ типичнымъ, бѣлымъ, добрымъ лицомъ русской проститутки, играютъ въ карты, въ «шестьдесятъ шесть». Ближайшая подруга Маньки Маленькой, Женя, лежитъ за ихъ спинами на кровати навзничь, читаетъ растрепанную книжку «Ожерелье королевы», сочиненіе г. Дюма, и куритъ. Во всемъ заведеніи она единственная любительница чтенія и читаетъ запоемъ и безъ разбора. Но, противъ ожиданія, усиленное чтеніе романовъ съ приключеніями вовсе не сдѣлало ее сентиментальной и не раскислило ея воображенія. Болѣе всего ей нравится въ романахъ длинная, хитро задуманная и ловко распутанная интрига, великолѣпные поединки, передъ которыми виконтъ развязы-

ваетъ банты у своихъ башмаковъ въ знакъ того, что онъ не намѣренъ отступить ни на шагъ отъ своей позиціи, и послѣ которыхъ маркизъ, проткнувши насквозь графа, извиняется, что сдѣлалъ отверстіе въ его прекрасномъ новомъ камзолѣ; кошельки, наполненные золотомъ, небрежно разбрасываемые налѣво и направо главными героями, любовныя приключенія и остроты Генриха IV, — словомъ, весь этотъ пряный, въ золотѣ и кружевахъ, героизмъ прошедшихъ столѣтій французской исторіи. Въ обыденной жизни она, наоборотъ, трезва умомъ, насмѣшлива, практична и цинично-зла. По отношенію къ другимъ дѣвицамъ заведенія она занимаетъ такое же мѣсто, какое въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ первому силачу, второгоднику, первой красавицѣ въ классѣ — тиранствующей и обожаемой. Она высокая, худая брюнетка, съ прекрасными карими, горящими глазами, маленькимъ гордымъ ртомъ, усиками на верхней губѣ и со смуглымъ, нездоровымъ румянцемъ на щекахъ.

Не выпуская изо рта папироски и щурясь отъ дыма, она то и дѣло переворачиваетъ страницы намусленнымъ пальцемъ. Ноги у ней до колѣнъ голыя, огромныя ступни самой вульгарной формы: ниже большихъ пальцевъ рѣзко вдаются внутрь острые, некрасивые, неправильные желваки.

Здѣсь же, положивъ ногу на ногу, немного согнувшись, съ шитьемъ въ рукахъ, сидитъ Тамара, тихая, уютная, хорошенькая дѣвушка, слегка рыжеватая, съ тѣмъ темнымъ и блестящимъ оттѣнкомъ волосъ, который бываетъ у лисы зимою на хребтѣ. Настоящее ея имя Гликерія, или Лукерія по-простонародному. Но это уже давнишній обычай домовъ терпимости замѣнять грубыя имена Матренъ, Агаѳій, Сиклитиній звучными, преимущественно экзотическими именами. Тамара когда-то была монахиней или, можетъ-быть, только послушницей въ монастырѣ, и до

сихъ поръ въ лицѣ ея сохранилась блѣдная опухлость и пугливое, скромное и лукавое выраженіе, которое свойственно молодымъ монахинямъ. Она держится въ домѣ особнякомъ, ни съ кѣмъ не дружитъ, никого не посвящаетъ въ свою прошлую жизнь. Но, должно-быть, у нея, кромѣ монашества, было еще много приключеній: что-то таинственное, молчаливое и преступное есть въ ея неторопливомъ разговорѣ, въ уклончивомъ взглядѣ ея густо- и темно-золотыхъ глазъ изъ-подъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ, въ ея манерахъ, усмѣшкахъ и интонаціяхъ скромной, но развратной святоши. Однажды вышелъ такой случай, что дѣвицы чуть не съ благоговѣйнымъ ужасомъ услыхали, что Тамара умѣетъ бѣгло говорить по-французски и по-нѣмецки. Въ ней есть какая-то внутренняя сдержанная сила. Несмотря на ея внѣшнюю кротость и сговорчивость, всѣ въ заведеніи относятся къ ней съ почтеніемъ и осторожностью: и хозяйка, и подруги, и обѣ экономки, и даже швейцаръ, этотъ истинный султанъ дома терпимости, всеобщая гроза и герой.

— Прикрыла, — говоритъ Зоя и поворачиваетъ козырь, лежавшій подъ колодой, рубашкой кверху. — Выхожу съ сорока, хожу съ туза пикъ, пожалуйте, Манечка, десяточку. Кончила. Пятьдесятъ семь, одиннадцать, шестьдесятъ восемь. Сколько у тебя?

— Тридцать,—говоритъ Манька обиженнымъ голосомъ, надувая губы: — ну да, тебѣ хорошо, ты всѣ ходы помнишь. Сдавай... Ну, такъ что же дальше, Тамарочка? — обращается она къ подругѣ. — Ты говори, я слушаю.

Зоя стасовываетъ старыя, черныя, замаслившіяся карты и даетъ Манѣ снять, потомъ сдаетъ, поплевавъ предварительно на пальцы.

Тамара въ это время разсказываетъ Манѣ тихимъ голосомъ, не отрываясь отъ шитья:

— Вышивали мы гладью, золотомъ, напрестольники, воздухи, архіерейскія облаченія... травками, цвѣтами, крестиками. Зимой сидишь, бывало, у окна, окошки маленькія съ рѣшетками, свѣту немного, маслицемъ пахнетъ, ладаномъ, кипарисомъ, разговаривать нельзя было: матушка была строгая. Кто-нибудь отъ скуки затянетъ великопостный ирмосъ: «Вонми небо и возглаголю и воспою...» Хорошо пѣли, прекрасно, и такая тихая жизнь, и запахъ такой прекрасный, снѣжокъ за окномъ, ну вотъ точно во снѣ...

Женя опускаетъ истрепанный романъ себѣ на животъ, бросаетъ папиросу черезъ Зоину голову и говоритъ насмѣшливо:

— Знаемъ мы вашу тихую жизнь. Младенцевъ въ нужники выбрасывали. Лукавый-то все около вашихъ святыхъ мѣстъ бродитъ.

— Сорокъ объявляю. Сорокъ шесть у меня было. Кончила! — возбужденно восклицаетъ Манька Маленькая и плещетъ ладонями. — Открываю три.

Тамара, улыбаясь на слова Жени, отвѣчаетъ съ едва замѣтной улыбкой, которая почти не растягиваетъ губы, а дѣлаетъ въ ихъ концахъ маленькія, лукавыя, двусмысленныя углубленія, совсѣмъ какъ у Монны Лизы на портретѣ Леонардо да-Винчи.

— Плетутъ много про монахинь-то мірскіе... Что же, если и бывалъ грѣхъ...

— Не согрѣшишь — не покаешься, — вставляетъ серьезно Зоя и мочитъ палецъ во рту.

— Сидишь, вышиваешь, золото въ глазахъ рябитъ, а отъ утренняго стоянія такъ вотъ спину и ломитъ, и ноги ломитъ. А вечеромъ опять служба. Постучишься къ матушкѣ въ келію: «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи, помилуй насъ». А матушка изъ келіи такъ баскомъ отвѣтитъ: «Ам-минь».

Женя смотритъ на нее нѣсколько времени пристально, покачиваетъ головой и говоритъ многозначительно:

— Странная ты дѣвушка, Тамара. Вотъ гляжу я на тебя и удивляюсь. Ну, я понимаю, что эти дуры, въ родѣ Соньки, любовь крутятъ. На то онѣ и дуры. А вѣдь ты, кажется, во всѣхъ золахъ печена, во всѣхъ щелокахъ стирана, а тоже позволяешь себѣ этакія глупости. Зачѣмъ ты эту рубашку вышиваешь?

Тамара, не торопясь, перекалываетъ поудобнѣе ткань на своемъ колѣнѣ булавкой, заглаживаетъ наперсткомъ шовъ и говоритъ, не поднимая сощуренныхъ глазъ, чуть склонивъ голову набокъ:

— Надо что-нибудь дѣлать. Скучно такъ. Въ карты я не играю и не люблю.

Женя продолжаетъ качать головой.

— Нѣтъ, странная ты дѣвушка, право, странная. Отъ гостей ты всегда имѣешь больше, чѣмъ мы всѣ. Дура, чѣмъ копить деньги, на что ты ихъ тратишь? Духи покупаешь по семи рублей за склянку. Кому это нужно? Вотъ теперь набрала на пятнадцать рублей шелку. Это вѣдь ты Сенькѣ своему?

— Конечно, Сенечкѣ.

— Тоже нашла сокровище. Воръ несчастный. Пріѣдетъ въ заведеніе точно полководецъ какой. Какъ еще онъ не бьетъ тебя. Воры, они это любятъ. И обираетъ, небось?

— Больше, чѣмъ я захочу, я не дамъ, — кротко отвѣчаетъ Тамара и перекусываетъ нитку.

— Вотъ этому-то я и удивляюсь. Съ твоимъ умомъ, съ твоей красотой я бы себѣ такого гостя захороводила, что на содержаніе бы взялъ. И лошади свои были бы и брильянты.

— Что̀ кому нравится, Женечка. Вотъ и ты тоже хорошенькая и милая дѣвушка, и характеръ у тебя та-

кой независимый и смѣлый, а вотъ застряли мы съ тобой у Анны Марковны.

Женя вспыхиваетъ и отвѣчаетъ съ непритворной горечью:

— Да! Еще бы! Тебѣ везетъ!.. У тебя всѣ самые лучшіе гости. Ты съ ними дѣлаешь, что̀ хочешь, а у меня все — либо старики, либо грудные младенцы. Не везетъ мнѣ. Одни сопливые, другіе желторотые. Вотъ больше всего я мальчишекъ не люблю. Придетъ, гадёнышъ, труситъ, торопится, дрожитъ, а сдѣлалъ свое дѣло, не знаетъ, куда глаза дѣвать отъ стыда. Корчитъ его отъ омерзѣнія. Такъ и дала бы по мордѣ. Прежде чѣмъ рубль дать, онъ его въ карманѣ въ кулакѣ держитъ, горячій весь рубль-то, даже потный. Молокососъ! Ему мать на французскую булку съ колбасой даетъ гривенникъ, а онъ на дѣвку съэкономилъ. Былъ у меня на-дняхъ одинъ кадетикъ. Такъ я нарочно, на зло ему говорю: на̀ тебѣ, миленькій, на̀ тебѣ карамелекъ на дорогу, пойдешь обратно въ корпусъ — пососешь. Такъ онъ сперва обидѣлся, а потомъ взялъ. Я потомъ нарочно подглядѣла съ крыльца: какъ вышелъ, оглянулся, и сейчасъ карамельку въ ротъ. Поросенокъ!

— Ну, со стариками еще хуже, — говоритъ нѣжнымъ голосомъ Манька Маленькая и лукаво заглядываетъ на Зою: — какъ ты думаешь, Зоенька?

Зоя, которая уже кончила играть и только-что хотѣла зѣвнуть, теперь никакъ не можетъ раззѣваться. Ей хочется не то сердиться, не то смѣяться. У ней есть постоянный гость, какой-то высокопоставленный старичокъ съ извращенными эротическими привычками. Надъ его визитами къ ней потѣшается все заведеніе.

Зоѣ удается наконецъ раззѣваться.

— Ну васъ къ чортовой матери, — говоритъ она сиплымъ, послѣ зѣвка, голосомъ: — будь онъ проклятъ, старая анаѳема!

— А все-таки хуже всѣхъ, — продолжаетъ разсуждать Женя: — хуже твоего директора, Зоенька, хуже моего кадета, хуже всѣхъ — ваши любовники. Ну что̀ тутъ радостнаго: придетъ пьяный, ломается, издѣвается, что-то такое хочетъ изъ себя изобразить, но только ничего у него не выходитъ. Скажите, пожалуйста: маль-чишеч-ка. Хамъ-хамомъ, грязный, избитый, вонючій, все тѣло въ шрамахъ, только одна ему хвала: шелковая рубашка, которую ему Тамарка вышьетъ. Ругается, драться лѣзетъ. Тьфу! Нѣтъ,—вдругъ воскликнула она веселымъ, задорнымъ голосомъ: — кого люблю вѣрно и нелицемѣрно, во вѣки вѣковъ, такъ это мою Манечку, Маньку Бѣленькую, Маньку Маленькую, мою Маньку-Скандалисточку.

И неожиданно, обнявъ за плечи и грудь Маню, она притянула ее къ себѣ, повалила на кровать и стала долго и сильно цѣловать ея волосы, глаза, губы. Манька съ трудомъ вырвалась отъ нея съ растрепанными свѣтлыми, тонкими, пушистыми волосами, вся розовая отъ сопротивленія и съ опущенными, влажными отъ радостнаго стыда и невольнаго смѣха, глазами.

— Оставь, Женечка, оставь. Ну, что̀ ты, право... Пусти!

Маня Маленькая — самая кроткая и тихая дѣвушка во всемъ заведеніи. Она добра, уступчива, никогда не можетъ никому отказать въ просьбѣ, и невольно всѣ относятся къ ней съ большой нѣжностью. Она краснѣетъ по всякому пустяку и въ это время становится особенно привлекательна, какъ умѣютъ быть привлекательны очень нѣжныя блондинки съ чувствительной кожей. Но достаточно ей выпить три-четыре рюмки ликера бенедиктина, который она очень любитъ, какъ она становится неузнаваемой и выдѣлываетъ такіе скандалы, что всегда требуется вмѣшательство экономокъ, швейцара, иногда даже полиціи. Ей ничего не сто̀итъ ударить гостя по лицу или бросить ему въ глаза стаканъ, наполненный виномъ,

опрокинуть лампу, обругать хозяйку. Женя относится къ ней съ какимъ-то страннымъ, нѣжнымъ покровительствомъ и грубымъ обожаніемъ.

— Барышни, обѣдать! Обѣдать, барышни! — кричитъ, пробѣгая вдоль коридора, экономка Зося. На бѣгу она открываетъ дверь въ Манину комнату и кидаетъ торопливо:

— Обѣдать, обѣдать, барышни!

Идутъ опять на кухню, всѣ также въ нижнемъ бѣльѣ, всѣ немывшіяся, въ туфляхъ и босикомъ. Подаютъ вкусный борщъ со свиной кожицей и съ помидорами, котлеты и пирожное: трубочки со сливочнымъ кремомъ. Но ни у кого нѣтъ аппетита, благодаря сидячей жизни и неправильному сну, а также потому, что большинство дѣвицъ, какъ институтки въ праздникъ, уже успѣли днемъ послать въ лавочку за халвой, орѣхами, рахатъ-лукумомъ, солеными огурцами и тянучками и этимъ испортили себѣ аппетитъ. Одна только Нина, маленькая, курносая, гнусавая деревенская дѣвушка, всего лишь два мѣсяца назадъ обольщенная какимъ-то коммивояжеромъ и имъ же проданная въ публичный домъ, ѣстъ за четверыхъ. У нея все еще не пропалъ чрезмѣрный, запасливый аппетитъ простолюдинки.

Женя, которая лишь брезгливо поковыряла котлетку и съѣла половину трубочки, говоритъ ей тономъ лицемѣрнаго участія:

— Ты бы, Ѳеклуша, скушала бы и мою котлетку. Кушай, милая, кушай, не стѣсняйся, тебѣ надо поправляться. А знаете, барышни, что̀ я вамъ скажу, — обращается она къ подругамъ: — вѣдь у нашей Ѳеклуши солитеръ, а когда у человѣка солитеръ, то онъ всегда ѣстъ за двоихъ: половину за себя, половину за глисту

Нина сердито сопитъ и отвѣчаетъ неожиданнымъ для ея роста басомъ и въ носъ:

— Никакихъ у меня нѣтъ глистовъ. Это у васъ есть глисты, оттого вы такая худая.

И она невозмутимо продолжаетъ ѣсть, и послѣ обѣда чувствуетъ себя сонной, какъ удавъ, громко рыгаетъ, пьетъ воду, икаетъ и украдкой, если никто не видитъ, креститъ себѣ ротъ, по старой привычкѣ.

Но вотъ уже въ коридорахъ и комнатахъ слышится звонкій голосъ Зоси:

— Одѣваться, барышни, одѣваться. Нечего разсиживаться... На работу...

Черезъ нѣсколько минутъ во всѣхъ комнатахъ заведенія пахнетъ паленымъ волосомъ, борно-тимоловымъ мыломъ, дешевымъ одеколономъ. Дѣвицы одѣваются къ вечеру.

IV.

Настали позднія сумерки, а за ними теплая, темная ночь, но еще долго, до самой полуночи, тлѣла густая малиновая заря. Швейцаръ заведенія Симеонъ зажегъ всѣ лампы по стѣнамъ залы и люстру, а также красный фонарь надъ крыльцомъ. Симеонъ былъ сухопарый, сутуловатый, молчаливый и суровый человѣкъ, съ прямыми широкими плечами, брюнетъ, шадровитый, съ пестрыми отъ оспы бровями и усами и съ черными, матовыми, наглыми глазами. Днемъ онъ бывалъ свободенъ и спалъ, а ночью сидѣлъ безотлучно въ передней подъ рефлекторомъ, чтобы раздѣвать и одѣвать гостей и быть готовымъ на случай всякаго безпорядка.

Пришелъ таперъ,—высокій, бѣлобрысый, деликатный молодой человѣкъ съ бѣльмомъ на правомъ глазу. Пока не было гостей, онъ съ Исаемъ Саввичемъ потихоньку разучивали «pas d'Espagne» — танецъ, начинавшій входить въ то время въ моду. За каждый танецъ, заказанный

гостями, они получали: тридцать копеекъ за легкій танецъ и по полтиннику за кадриль. Но одну половину изъ этой цѣны брала себѣ хозяйка, Анна Марковна, другую же музыканты дѣлили поровну. Такимъ образомъ таперъ получалъ только четверть изъ общаго заработка, что̀, конечно, было несправедливо, потому что Исай Саввичъ игралъ самоучкой и отличался деревяннымъ слухомъ. Таперу приходилось постоянно его натаскивать на новые мотивы, поправлять и заглушать его ошибки громкими аккордами. Дѣвицы съ нѣкоторой гордостью разсказывали гостямъ о таперѣ, что онъ былъ въ консерваторіи и шелъ все время первымъ ученикомъ, но такъ-какъ онъ еврей и къ тому же заболѣлъ глазами, то ему не удалось окончить курса. Всѣ онѣ относились къ нему очень бережно и внимательно, съ какой-то участливой, немножко приторной жалостливостью, что̀ весьма вяжется съ внутренними, закулисными нравами домовъ терпимости, гдѣ подъ внѣшней грубостью и щегольствомъ похабными словами живетъ такая же слащавая, истеричная сентиментальность, какъ и въ женскихъ пансіонахъ и, говорятъ, въ каторжныхъ тюрьмахъ

Всѣ уже были одѣты и готовы къ пріему гостей въ домѣ Анны Марковны и томились бездѣльемъ и ожиданіемъ. Несмотря на то, что большинство женщинъ испытывало къ мужчинамъ, за исключеніемъ своихъ любовниковъ, полное, даже нѣсколько брезгливое равнодушіе, въ ихъ душахъ передъ каждымъ вечеромъ все-таки оживали и шевелились смутныя надежды: неизвѣстно, кто ихъ выберетъ, не случится ли чего-нибудь необыкновеннаго, смѣшного или увлекательнаго, не удивитъ ли гость своей щедростью, не будетъ ли какого-нибудь чуда, которое перевернетъ всю жизнь? Въ этихъ предчувствіяхъ и надеждахъ было нѣчто похожее на тѣ волненія, которыя испытываетъ привычный игрокъ, пересчитывающій

передъ отправленіемъ въ клубъ свои наличныя деньги. Кромѣ того, несмотря на свою безполость, онѣ все-таки не утеряли самаго главнаго, инстинктивнаго стремленія женщинъ — нравиться.

И, правда, иногда приходили въ домъ совсѣмъ диковинныя лица, и происходили сумбурныя, пестрыя событія. Являлась вдругъ полиція вмѣстѣ съ переодѣтыми сыщиками и арестовывала какихъ-нибудь приличныхъ на видъ, безукоризненныхъ джентльменовъ и уводила ихъ, толкая въ шею. Порою завязывались драки между пьяною скандальной компаніей и швейцарами изъ всѣхъ заведеній, сбѣгавшимися на выручку товарищу-швейцару, — драка, во время которой разбивались стекла въ окнахъ и фортепіанныя деки, когда выламывались, какъ оружіе, ножки у плюшевыхъ стульевъ, кровь заливала паркетъ въ залѣ и ступеньки лѣстницы, и люди съ проткнутыми боками и проломленными головами валились въ грязь у подъѣзда, къ звѣрскому, жадному восторгу Женьки, которая съ горящими глазами, со счастливымъ смѣхомъ лѣзла въ самую гущу свалки, хлопала себя по бедрамъ, бранилась и науськивала въ то время, какъ ея подруги визжали отъ страха и прятались подъ кровати.

Случалось, пріѣзжалъ со стаей прихлебателей какой-нибудь артельщикъ или кассиръ, давно уже зарвавшійся въ многотысячной растратѣ, въ карточной игрѣ и безобразныхъ кутежахъ и теперь дошвыривающій, передъ самоубійствомъ или скамьей подсудимыхъ, въ угарномъ, пьяномъ, нелѣпомъ бреду, послѣднія деньги. Тогда запирались наглухо двери и окна дома, и двое сутокъ кряду шла кошмарная, скучная, дикая, съ выкриками и слезами, съ надругательствомъ надъ женскимъ тѣломъ, русская оргія, устраивались райскія ночи, во время которыхъ уродливо кривлялись подъ музыку нагишомъ пьяные, кривоногіе, волосатые, брюхатые мужчины и женщины

съ дряблыми, желтыми, обвисшими, жидкими тѣлами, пили и жрали, какъ свиньи, въ кроватяхъ и на полу, среди душной, проспиртованной атмосферы, загаженной человѣческимъ дыханіемъ и испареніями нечистой кожи.

Изрѣдка появлялся въ заведеніи цирковый атлетъ, производившій въ невысокихъ помѣщеніяхъ странно-громоздкое впечатлѣніе, въ родѣ лошади, введенной въ комнату, китаецъ въ синей кофтѣ, бѣлыхъ чулкахъ и съ косой, негръ изъ кафе-шантана въ смокингѣ и клѣтчатыхъ панталонахъ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ и въ крахмаленномъ бѣльѣ, которое, къ удивленію дѣвицъ, не только не пачкалось отъ черной кожи, но казалось еще болѣе ослѣпительно-блестящимъ.

Эти рѣдкіе люди будоражили пресыщенное воображеніе проститутокъ, возбуждали ихъ истощенную чувственность и профессіональное любопытство, и всѣ онѣ, почти влюбленныя, ходили за ними слѣдомъ, ревнуя и огрызаясь другъ на друга.

Былъ случай, что Симеонъ впустилъ въ залу какого-то пожилого человѣка, одѣтаго по-мѣщански. Ничего не было въ немъ особеннаго: строгое, худое лицо съ выдающимися, какъ желваки, костистыми, злобными скулами, низкій лобъ, борода клиномъ, густыя брови, одинъ глазъ замѣтно выше другого. Войдя, онъ поднесъ ко лбу сложенные для креста пальцы, но, пошаривъ глазами по угламъ и не найдя образа, нисколько не смутился, опустилъ руку, плюнулъ и тотчасъ же съ дѣловымъ видомъ подошелъ къ самой толстой во всемъ заведеніи дѣвицѣ — Катькѣ.

— Пойдемъ! — скомандовалъ онъ коротко и мотнулъ рѣшительно головой на дверь.

Но во время его отсутствія всезнающій Симеонъ съ таинственнымъ и даже нѣсколько гордымъ видомъ успѣлъ сообщить своей тогдашней любовницѣ Нюрѣ, а она шо-

потомъ, съ ужасомъ въ округлившихся глазахъ, разсказала подругамъ по секрету о томъ, что фамилія мѣщанина — Дядченко, и что онъ прошлой осенью вызвался, за отсутствіемъ палача, совершить казнь надъ одиннадцатью бунтовщиками и собственноручно повѣсилъ ихъ въ два утра. И — какъ это ни чудовищно — не было въ этотъ часъ ни одной дѣвицы во всемъ заведеніи, которая не почувствовала бы зависти къ толстой Катькѣ и не испытала бы жуткаго, терпкаго, головокружительнаго любопытства. Когда Дядченко черезъ полчаса уходилъ со своимъ степеннымъ и суровымъ видомъ, всѣ женщины безмолвно, разинувъ рты, провожали его до выходной двери и потомъ слѣдили за нимъ изъ оконъ, какъ онъ шелъ по улицѣ. Потомъ кинулись въ комнату одѣвавшейся Катьки и засыпали ее разспросами. Глядѣли съ новымъ чувствомъ, почти съ изумленіемъ, на ея голыя, красныя, толстыя руки, на смятую еще постель, на бумажный старый, засаленный рубль, который Катька показала имъ, вынувъ его изъ чулка. Катька ничего не могла разсказать: «мужчина какъ мужчина, какъ всѣ мужчины», говорила она со спокойнымъ недоумѣніемъ, но когда узнала, кто былъ ея гостемъ, то вдругъ расплакалась, сама не зная почему.

Этотъ человѣкъ, отверженный изъ отверженныхъ, такъ низко упавшій, какъ только можетъ представить себѣ человѣческая фантазія, этотъ добровольный палачъ, обошелся съ ней безъ грубости, но съ такимъ отсутствіемъ хоть бы намека на ласку, съ такимъ пренебреженіемъ и деревяннымъ равнодушіемъ, какъ обращаются не съ человѣкомъ, даже не съ собакой или лошадью, и даже не съ зонтикомъ, пальто или шляпой, а какъ съ какимъ-то грязнымъ предметомъ, въ которомъ является минутная неизбѣжная потребность, но который, по минованіи надобности, становится чуждымъ, безполезнымъ и против-

нымъ. Всего ужаса этой мысли толстая Катька не могла объять своимъ мозгомъ откормленной индюшки и потому плакала — какъ и ей самой казалось — безпричинно и безтолково.

Бывали и другія происшествія, взбалтывавшія мутную, грязную жизнь этихъ бѣдныхъ, больныхъ, глупыхъ, несчастныхъ женщинъ. Бывали случаи дикой, необузданной ревности съ пальбой изъ револьвера и отравленіемъ; иногда, очень рѣдко, расцвѣтала на этомъ навозѣ нѣжная, пламенная и чистая любовь; иногда женщины даже покидали при помощи любимаго человѣка заведеніе, но почти всегда возвращались обратно. Два или три раза случалось, что женщина изъ публичнаго дома вдругъ оказывалась беременной — и это всегда бывало, по внѣшности, смѣшно и позорно, но въ глубинѣ событія—трогательно.

И, какъ бы то ни было, каждый вечеръ приносилъ съ собою такое раздражающее, напряженное, пряное ожиданіе приключеній, что всякая другая жизнь, послѣ дома терпимости, казалась этимъ лѣнивымъ, безвольнымъ женщинамъ прѣсной и скучной.

V.

Окна раскрыты настежь въ душистую темноту вечера, и тюлевыя занавѣски слабо колышутся взадъ и впередъ отъ незамѣтнаго движенія воздуха. Пахнетъ росистой травой изъ чахлаго маленькаго палисадника передъ домомъ, чуть-чуть сиренью и вянущимъ березовымъ листомъ отъ троицкихъ деревцовъ у подъѣзда. Люба, въ синей бархатной кофтѣ съ низко вырѣзанной грудью, и Нюра, одѣтая, какъ «бэбэ», въ розовый широкій сакъ до колѣнъ, съ распущенными свѣтлыми волосами и съ кудряшками на лбу, лежатъ обнявшись на подоконникѣ и поютъ поти-

хоньку очень извѣстную между проститутками злободневную пѣсню про больницу. Нюра тоненько, въ носъ, выводитъ первый голосъ, Люба вторитъ ей глуховатымъ альтомъ:

Понедѣльникъ наступаетъ,
Мнѣ на выписку итти,
Докторъ Красовъ не пускаетъ...

Во всѣхъ домахъ отворенныя окна ярко освѣщены, а передъ подъѣздами горятъ висячіе фонари. Обѣимъ дѣвушкамъ отчетливо видна внутренность залы въ заведеніи Софьи Васильевны, что̀ напротивъ: жетлый блестящій паркетъ, темно-вишневыя драпри на дверяхъ, перехваченныя шнурами, конецъ чернаго рояля, трюмо въ золоченой рамѣ и то мелькающія въ окнахъ, то скрывающіяся женскія фигуры въ пышныхъ платьяхъ и ихъ отраженія въ зеркалахъ. Рѣзное крыльцо Треппеля, направо, ярко озарено голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ изъ большого матоваго шара.

Вечеръ тихъ и тепелъ. Гдѣ-то далеко-далеко, за линіей желѣзной дороги, за какими-то черными крышами и тонкими черными стволами деревьевъ, низко надъ темной землей, въ которой глазъ не видитъ, а точно чувствуетъ могучій зеленый весенній тонъ, рдѣетъ алымъ золотомъ, прорѣзавшись сквозь сизую мглу, узкая, длинная полоска поздней зари. И въ этомъ неясномъ дальнемъ свѣтѣ, въ ласковомъ воздухѣ, въ запахахъ наступающей ночи была какая-то тайная, сладкая, сознательная печаль, которая бываетъ такъ нѣжна въ вечера между весной и лѣтомъ. Плылъ неясный шумъ города, слышался скучающій, гнусавый напѣвъ гармоній, мычаніе коровъ, сухо шаркали чьи-то подошвы, и звонко стучала окованная палочка о плиты тротуара, лѣниво и неправильно погромыхивали колеса извозчичьей пролетки, катившейся

шагомъ по Ямѣ, и всѣ эти звуки сплетались красиво и мягко въ задумчивой дремотѣ вечера. И свистки паровозовъ на линіи желѣзной дороги, обозначенной въ темнотѣ зелеными и красными огоньками, раздавались съ тихой, пѣвучей осторожностью.

Вотъ сидѣлочка прихо-одитъ,
Булку съ сахаромъ несетъ...
Булку съ сахаромъ несетъ...
Всѣмъ по-ровну раздаетъ.

— Прохоръ Иванычъ! — вдругъ окликаетъ Нюра кудряваго слугу изъ пивной, который легкимъ чернымъ силуэтомъ перебѣгаетъ черезъ дорогу. — А Прохоръ Иванычъ!

— Ну васъ! — сипло огрызается тотъ. — Чего еще?

— Вамъ велѣлъ кланяться одинъ вашъ товарищъ. Я его сегодня видѣла.

— Какой-такой товарищъ?

— Такой хорошенькій! Брюнетикъ симпатичный... Нѣтъ, а вы спросите лучше, гдѣ я его видѣла?

— Ну, гдѣ? — Прохоръ Ивановичъ пріостановился на минуту.

— А вотъ гдѣ: у насъ на гвоздѣ, на пятой полкѣ, гдѣ дохлые волки.

— Атъ! Дура еловая.

Нюра хохочетъ визгливо на всю Яму и валится на подоконникъ, брыкая ногами въ высокихъ черныхъ чулкахъ. Потомъ, переставъ смѣяться, она сразу дѣлаетъ круглые удивленные глаза и говоритъ шопотомъ:

— А знаешь, дѣвушка, вѣдь онъ въ позапрошломъ годѣ женщину одну зарѣзалъ, Прохоръ-то. Ей-Богу.

— Ну? До смерти?

— Нѣтъ, не до смерти. Выкачалась, — говоритъ Нюра точно съ сожалѣніемъ. — Однако два мѣсяца пролежала въ Александровской. Доктора говорили, что если бы на вотъ-вотъ столечко повыше, — то кончено бы. Амба!

— За что же онъ ее?

— А я знаю? Можетъ-быть, деньги отъ него скрывала или измѣнила. Любовникъ онъ у ей былъ — котъ.

— Ну и что̀ же ему за это?

— А ничего. Никакихъ уликовъ не было. Была тутъ общая склока. Человѣкъ сто дралось. Она тоже въ полицію заявила, что никакихъ подозрѣній не имѣетъ. Но Прохоръ самъ потомъ хвалился: я, говоритъ, въ тотъ разъ Дуньку не зарѣзалъ, такъ въ другой разъ дорѣжу. Она, говоритъ, отъ моихъ рукъ не уйдетъ. Будетъ ей амба!

Люба вздрагиваетъ всей спиной.

— Отчаянные они, эти коты! — произноситъ она тихо, съ ужасомъ въ голосѣ.

— Страсть до чего! Я, ты знаешь, съ нашимъ Симеономъ крутила любовь цѣлый годъ. Такой иродъ, подлецъ! Живого мѣста на мнѣ не было, вся въ синякахъ ходила. И не то, чтобы за что-нибудь, а просто такъ, пойдетъ утромъ со мной въ комнату, запрется и давай меня терзать. Руки выкручиваетъ, за груди щиплетъ, душить начнетъ за горло. А то цѣлуетъ-цѣлуетъ, да какъ куснетъ за губы, такъ кровь ажъ и брызнетъ... я заплачу, а ему только этого и нужно. Такъ звѣремъ на меня и кинется, ажъ задрожитъ. И всѣ деньги отъ меня отбиралъ, ну вотъ всѣ до копеечки. Не на что было десятка папиросъ купить. Онъ вѣдь скупой, Симеонъ-то, все на книжку да на книжку относитъ... Говоритъ, что, какъ соберетъ тысячу рублей — въ монастырь уйдетъ.

— Ну?

— Ей-Богу. Ты посмотри у него въ комнаткѣ: круглыя сутки, днемъ и ночью, лампадка горитъ передъ образами. Онъ очень до Бога усердный... Только я думаю, что онъ оттого такой, что тяжелые грѣхи на немъ. Убійца онъ.

— Да что ты?

— Ахъ, да ну его, бросимъ о немъ, Любочка. Ну, давай дальше:

Пойду въ хаптеку, куплю я ха-ду,
Сама себя я хатравлю,—

заводитъ Нюра тоненькимъ голоскомъ.

Женя ходитъ взадъ и впередъ по залѣ, подбоченившись, раскачиваясь на ходу и заглядывая на себя во всѣ зеркала. На ней надѣто короткое атласное оранжевое платье съ прямыми глубокими складками на юбкѣ, которая мѣрно колеблется влѣво и вправо отъ движенія ея бедеръ. Маленькая Манька, страстная любительница карточной игры, готовая играть съ утра до утра не переставая, дуется въ «шестьдесятъ шесть» съ Пашей, причемъ обѣ женщины, для удобства сдачи, оставили между собою пустой стулъ, а взятки собираютъ себѣ въ юбки, распяленныя между колѣнями. На Манькѣ коричневое, очень скромное платье, съ чернымъ передникомъ и плоенымъ чернымъ нагрудникомъ; этотъ костюмъ очень идетъ къ ея нѣжной бѣлокурой головкѣ и маленькому росту, молодитъ ее и дѣлаетъ похожей на гимназистку предпослѣдняго класса.

Ея партнерша Паша — очень странная и несчастная дѣвушка. Ей давно бы нужно быть не въ домѣ терпимости, а въ психіатрической лѣчебницѣ изъ-за мучительнаго нервнаго недуга, заставляющаго ее изступленно, съ болѣзненной жадностью отдаваться каждому мужчинѣ, даже самому противному, который бы ее ни выбралъ. Подруги издѣваются надъ нею и нѣсколько презираютъ ее за этотъ порокъ, точно какъ за какую-то измѣну корпоративной враждѣ къ мужчинамъ. Нюра очень похоже передразниваетъ ея вздохи, стоны, выкрики и страстныя слова, отъ которыхъ она никогда не можетъ удержаться въ минуты экстаза и которыя бываютъ слышны черезъ

двѣ или три перегородки въ сосѣднихъ комнатахъ...Про Пашу ходитъ слухъ, что она вовсе не по нуждѣ и не соблазномъ или обманомъ попала въ публичный домъ, а поступила въ него сама, добровольно, слѣдуя своему ужасному, ненасытному инстинкту. Но хозяйка дома и обѣ экономки всячески балуютъ Пашу и поощряютъ ея безумную слабость, потому что, благодаря ей, Паша идетъ нарасхватъ и зарабатываетъ вчетверо, впятеро больше любой изъ остальныхъ дѣвушекъ, — зарабатываетъ такъ много, что въ бойкіе праздничные дни ее вовсе не выводятъ къ гостямъ «посѣрѣе» или отказываютъ имъ подъ предлогомъ Пашиной болѣзни, потому что постоянные хорошіе гости обижаются, если имъ говорятъ, что ихъ знакомая дѣвушка занята съ другимъ. А такихъ постоянныхъ гостей у Паши пропасть; многіе совершенно искренно, хотя и по-скотски, влюблены въ нее, и даже не такъ давно двое почти одновременно звали ее на содержаніе: грузинъ-приказчикъ изъ магазина кахетинскихъ винъ и какой-то желѣзнодорожный агентъ, очень гордый и очень бѣдный дворянинъ высокаго роста съ махровыми манжетами, съ лѣвымъ глазомъ, прикрытымъ чернымъ кружкомъ на резинкѣ. Паша, пассивная во всемъ, кромѣ своего безличнаго сладострастія, конечно, пошла бы за всякимъ, кто позвалъ бы ее, но администрація дома зорко оберегаетъ въ ней свои интересы. Близкое безуміе уже сквозитъ въ ея миловидномъ лицѣ, въ ея полузакрытыхъ глазахъ, всегда улыбающихся какой-то хмельной, блаженной, кроткой, застѣнчивой и непристойной улыбкой, въ ея томныхъ, размягченныхъ, мокрыхъ губахъ, которыя она постоянно облизываетъ, въ ея короткомъ, тихомъ смѣхѣ — смѣхѣ идіотки. И вмѣстѣ съ тѣмъ она — эта истинная жертва общественнаго темперамента — въ обиходной жизни очень добродушна, уступчива, совершенная безсребренница и очень стыдится своей чрезмѣрной

страстности. Къ подругамъ она нѣжна, очень любитъ цѣловаться и обниматься съ ними и спать въ одной постели, но ею всѣ какъ будто бы немного брезгуютъ.

— Манечка, душечка, миленькая, — говоритъ умильно Паша, дотрогиваясь до Маниной руки: — погадай мнѣ, золотая моя дѣточка.

— Ну-у, — надуваетъ Маня губы, точно ребенокъ. — Поигра-аемъ еще.

— Манечка, хорошенькая, пригоженькая, золотцо мое, родная, дорогая...

Маня уступаетъ и раскладываетъ колоду у себя на колѣняхъ. Червонный домъ выходитъ, небольшой денежный интересъ и свиданіе въ пиковомъ домѣ при большой компаніи съ трефовымъ королемъ.

Паша всплескиваетъ радостно руками:

— Ахъ, это мой Леванчикъ! Ну да, онъ обѣщалъ сегодня прійти. Конечно, Леванчикъ.

— Это твой грузинъ?

— Да, да, мой грузинчикъ. Охъ, какой онъ пріятный. Такъ бы никогда его отъ себя не отпустила. Знаешь, онъ мнѣ въ послѣдній разъ что̀ сказалъ? «Если ты будешь еще жить въ публичномъ домѣ, то я сдѣлаю и тэбэ смэрть и сэбэ сдѣлаю смэрть». И такъ глазами на меня сверкнулъ.

Женя, которая остановилась вблизи, прислушивается къ ея словамъ и спрашиваетъ высокомѣрно:

— Это кто это такъ сказалъ?

— А мой грузинчикъ Леванъ. И тебѣ смерть и мнѣ смерть.

— Дура. Ничего онъ не грузинчикъ, а просто армяшка. Сумасшедшая ты дура.

— Анъ нѣтъ, грузинъ. И довольно странно съ твоей стороны...

— Говорю тебѣ — армяшка. Мнѣ лучше знать. Дура!

— Чего же ты ругаешься, Женя? Я же тебя первая не ругала.

— Еще бы ты первая стала ругаться. Дура! Не все тебѣ равно, кто онъ такой. Влюблена ты въ него, что ли?

— Ну и влюблена!

— Ну и дура. А въ этого, съ кокардой, въ кривого, тоже влюблена?

— Такъ что̀ же? Я его очень уважаю. Онъ очень солидный.

— И въ Кольку-бухгалтера? И въ подрядчика? И въ Антошку-картошку? И въ актера толстаго? У-у, безстыдница! — вдругъ вскрикиваетъ Женя. — Не могу видѣть тебя безъ омерзѣнія. Сука ты! Будь я на твоемъ мѣстѣ такая разнесчастная, я бы лучше руки на себя наложила, удавилась бы на шнуркѣ отъ корсета. Гадина ты!

Паша молча опускаетъ рѣсницы на глаза, налившіеся слезами. Маня пробуетъ заступиться за нее.

— Что̀ ужъ это ты такъ, Женечка... Зачѣмъ ты на нее такъ...

— Эхъ, всѣ вы хороши! — рѣзко обрываетъ ее Женя.— Никакого самолюбія!.. Приходитъ хамъ, покупаетъ тебя какъ кусокъ говядины, нанимаетъ какъ извозчика, по таксѣ, для любви на часъ, а ты и раскисла: «Ахъ, любовничекъ! Ахъ, неземная страсть!» Тьфу!

Она гнѣвно поворачивается къ нимъ спиною и продолжаетъ свою прогулку по діагонали залы, покачивая бедрами и щурясь на себя въ каждое зеркало.

Въ это время Исаакъ Давидовичъ, таперъ, все еще бьется съ неподатливымъ скрипачомъ.

— Не такъ, не такъ, Исай Саввичъ. Вы бросьте скрипку на минуточку. Прислушайтесь немножко ко мнѣ. Вотъ мотивъ.

Онъ играетъ однимъ пальцемъ и напѣваетъ тѣмъ ужас-

нымъ козлинымъ голосомъ, какимъ обладаютъ всѣ капельмейстеры, въ которые онъ когда-то готовился:

— Эсъ-тамъ, эсъ-тамъ, эсъ-тіамъ-тіамъ. Ну теперь повторяйте за мною первое колѣно за первый разъ... Ну... ейнъ, цвей...

За ихъ репетиціей внимательно слѣдятъ: сѣроглазая, круглолицая, круглобровая, безпощадно намазавшаяся дешевыми румянами и бѣлилами Зоя, которая облокотилась на фортепіано, и Вѣра, жиденькая, съ испитымъ лицомъ, въ костюмѣ жокея: въ круглой шапочкѣ съ прямымъ козырькомъ, въ шелковой полосатой, синей съ бѣлымъ, курточкѣ, въ бѣлыхъ, обтянутыхъ туго рейтузахъ и въ лакированныхъ сапожкахъ съ желтыми отворотами. Вѣра и въ самомъ дѣлѣ похожа на жокея, со своимъ узкимъ лицомъ, на которомъ очень блестящіе голубые глаза, подъ спущенной на лобъ лихой гривкой, слишкомъ близко посажены къ горбатому, нервному, очень красивому носу. Когда наконецъ, послѣ долгихъ усилій, музыканты слаживаются, низенькая Вѣра подходитъ къ рослой Зоѣ той мелкой, связанной походкой, съ оттопыреннымъ задомъ и локтями на отлетѣ, какой ходятъ только женщины въ мужскихъ костюмахъ, и дѣлаетъ ей, широко разводя внизъ руками, комическій мужской поклонъ. И онѣ съ большимъ удовольствіемъ начинаютъ носиться по залѣ.

Прыткая Нюра, всегда первая объявляющая всѣ новости, вдругъ соскакиваетъ съ подоконника и кричитъ, захлебываясь отъ волненія и торопливости:

— Къ Треппелю... подъѣхали... лихачъ... съ электричествомъ... Ой, дѣвоньки... умереть на мѣстѣ... на оглобляхъ электричество.

Всѣ дѣвицы, кромѣ гордой Жени, высовываются изъ оконъ. Около треппелевскаго подъѣзда дѣйствительно стоитъ лихачъ. Его новенькая шегольская пролетка бле-

ститъ свѣжимъ лакомъ; на концахъ оглобель горятъ желтымъ свѣтомъ два крошечныхъ электрическихъ фонарика; высокая бѣлая лошадь нетерпѣливо мотаетъ красивой головой съ голымъ розовымъ пятномъ на храпѣ, перебираетъ на мѣстѣ ногами и прядетъ тонкими ушами; бородатый, толстый кучеръ сидитъ на козлахъ какъ изваяніе, вытянувъ прямо вдоль колѣнъ руки.

— Вотъ бы прокатиться! — взвизгиваетъ Нюра. — Дяденька-лихачъ, а дяденька-лихачъ, — кричитъ она, перевѣшиваясь черезъ подоконникъ: — прокатай бѣдную дѣвчоночку... Прокатай за любовь!

Но лихачъ смѣется, дѣлаетъ чуть замѣтное движеніе пальцами, и бѣлая лошадь тотчасъ же, точно она только этого и дожидалась, беретъ съ мѣста доброй рысью, красиво заворачиваетъ назадъ и съ мѣрной быстротой уплываетъ въ темноту вмѣстѣ съ пролеткой и широкой спиной кучера.

— Пфуй! Безобразіе! — раздается въ комнатѣ негодующій голосъ Эммы Эдуардовны. — Ну гдѣ это видано, чтобы порядочныя барышни позволяли себѣ вылѣзать на окошко и кричать на всю улицу. О, скандалъ! И все Нюра, и всегда эта ужасная Нюра!

Она величественна въ своемъ черномъ платьѣ, съ желтымъ дряблымъ лицомъ, съ темными мѣшками подъ глазами, съ тремя висящими, дрожащими подбородками. Дѣвицы, какъ провинившіяся пансіонерки, чинно разсаживаются по стульямъ вдоль стѣнъ, кромѣ Жени, которая продолжаетъ созерцать себя во всѣхъ зеркалахъ. Еще два извозчика подъѣзжаютъ напротивъ, къ дому Софьи Васильевны. Яма начинаетъ оживляться. Наконецъ еще одна пролетка грохочетъ по мостовой, и шумъ ея сразу обрывается у подъѣзда Анны Марковны.

Швейцаръ Симеонъ помогаетъ кому-то раздѣться въ передней. Женя заглядываетъ туда, держась обѣими ру-

ками за дверные косяки, но тотчасъ же оборачивается назадъ и на ходу пожимаетъ плечами и отрицательно трясетъ головой.

— Не знаю, какой-то совсѣмъ незнакомый, — говоритъ она вполголоса. — Никогда у насъ не былъ. Какой-то папашка, толстый, въ золотыхъ очкахъ и въ формѣ.

Эмма Эдуардовна командуетъ голосомъ, звучащимъ, какъ призывная кавалерійская труба:

— Барышни, въ залу! Въ залу, барышни!

Одна за другой надменными походками выходятъ въ залу: Тамара съ голыми бѣлыми руками и обнаженной шеей, обвитой ниткой искусственнаго жемчуга, толстая Катька съ мясистымъ четырехугольнымъ лицомъ и низкимъ лбомъ — она тоже декольтирована, но кожа у нея красная и въ пупырышкахъ; новенькая Нина, курносая и неуклюжая, въ платьѣ цвѣта зеленаго попугая; другая Манька—Манька Большая, или Манька-Крокодилъ, какъ ее называютъ, и — послѣдней — Сонька-Руль, еврейка, съ некрасивымъ темнымъ лицомъ и чрезвычайно большимъ носомъ, за который она и получила свою кличку, но съ такими прекрасными большими глазами, одновременно кроткими и печальными, горящими и влажными, какія среди женщинъ всего земного шара бываютъ только у евреекъ.

VI.

Пожилой гость въ формѣ благотворительнаго вѣдомства вошелъ медленными, нерѣшительными шагами, наклоняясь при каждомъ шагѣ немного корпусомъ впередъ и потирая кругообразными движеніями свои ладони, точно умывая ихъ. Такъ какъ всѣ женщины торжественно молчали, точно не замѣчая его, то онъ пересѣкъ залу и опустился на стулъ рядомъ съ Любой, которая, согласно этикету,

только подобрала немного юбку, сохраняя разсѣянный и независимый видъ дѣвицы изъ порядочнаго дома.

— Здравствуйте, барышня, — сказалъ онъ.

— Здравствуйте, — отрывисто отвѣтила Люба.

— Какъ вы поживаете?

— Спасибо, благодарю васъ. Угостите покурить.

— Извините — некурящій.

— Вотъ такъ такъ. Мужчина и вдругъ не куритъ. Ну такъ угостите лафитомъ съ лимонадомъ. Ужасъ какъ люблю лафитъ съ лимонадомъ.

Онъ промолчалъ.

— У, какой скупой, папашка! Вы гдѣ это служите? Вы — чиновники?

— Нѣтъ, я учитель. Учу нѣмецкому языку.

— А я васъ гдѣ-то видѣла, папочка. Ваша физіономія мнѣ знакома. Гдѣ я съ вами встрѣчалась?

— Ну ужъ не знаю, право. На улицѣ развѣ.

— Можетъ-быть, и на улицѣ... Вы хотя бы апельсиномъ угостили. Можно спросить апельсинъ?

Онъ опять замолчалъ, озираясь кругомъ. Лицо у него заблестѣло, и прыщи на лбу стали красными. Онъ медленно оцѣнивалъ всѣхъ женщинъ, выбирая себѣ подходящую и въ то же время стѣсняясь своимъ молчаніемъ. Говорить было совсѣмъ не о чемъ, кромѣ того равнодушная назойливость Любы раздражала его. Ему нравилась своимъ большимъ коровьимъ тѣломъ толстая Катя, но, должно-быть, — рѣшалъ онъ въ умѣ, — она очень холодна въ любви, какъ всѣ полныя женщины, и къ тому же некрасива лицомъ. Возбуждала его также и Вѣра своимъ видомъ мальчишки и крѣпкими ляжками, плотно охваченными бѣлымъ трико, и бѣленькая Маня, такъ похожая на невинную гимназистку, и Женя со своимъ энергичнымъ, смуглымъ, красивымъ лицомъ. Одну минуту онъ совсѣмъ ужъ было-остановился на Женѣ, но только дер-

нулся на стулѣ и не рѣшился: по ея развязному, недоступному и небрежному виду и по тому, какъ она искренно не обращала на него никакого вниманія, онъ догадывался, что она — самая избалованная среди всѣхъ дѣвицъ заведенія, привыкшая, чтобы на нее посѣтители шире тратились, чѣмъ на другихъ. А педагогъ былъ человѣкъ расчетливый, обремененный большимъ семействомъ и истощенной, исковерканной его мужской требовательностью женой, страдавшей множествомъ женскихъ болѣзней. Преподавая въ женской гимназіи и въ институтѣ, онъ постоянно жилъ въ какомъ-то тайномъ сладострастномъ бреду, и только нѣмецкая выдержка, скупость и трусость помогали ему держать въ уздѣ свою вѣчно возбужденную похоть. Но раза два-три въ годъ онъ съ невѣроятными лишеніями выкраивалъ изъ своего нищенскаго бюджета пять или десять рублей, отказывая себѣ въ любимой вечерней кружкѣ пива и выгадывая на конкахъ, для чего ему приходилось дѣлать громадные концы по городу пѣшкомъ. Эти деньги онъ отдѣлялъ на женщинъ и тратилъ ихъ медленно, со вкусомъ, стараясь какъ можно болѣе продлить и удешевить наслажденіе. И за свои деньги онъ хотѣлъ очень многаго, почти невозможнаго: его нѣмецкая сентиментальная душа смутно жаждала невинности, робости, поэзіи въ бѣлокуромъ образѣ Гретхенъ, но, какъ мужчина, онъ мечталъ, хотѣлъ и требовалъ, чтобы его ласки приводили женщину въ восторгъ и трепетъ и въ сладкое изнеможеніе.

Впрочемъ, того же самаго добивались всѣ мужчины — даже самые лядащіе, уродливые, скрюченные и безсильные изъ нихъ — и древній опытъ давно уже научилъ женщинъ имитировать голосомъ и движеніями самую пылкую страсть, сохраняя въ бурныя минуты самое полнѣйшее хладнокровіе.

— Хоть по крайности закажите музыкантамъ сыграть

полечку. Пусть барышни потанцуютъ, — попросила ворчливо Люба.

Это было ему съ руки. Подъ музыку, среди толкотни танцевъ, было гораздо удобнѣе рѣшиться встать, увести изъ залы одну изъ дѣвицъ, чѣмъ сдѣлать это среди общаго молчанія и чопорной неподвижности.

— А сколько это стòитъ? — спросилъ онъ осторожно.

— Кадриль — полтинникъ, а такіе танцы — тридцать копеекъ. Такъ можно?

— Ну что̀ жъ... пожалуйста... Мнѣ не жаль, — согласился онъ, притворяясь щедрымъ.—Кому здѣсь сказать?

— А вонъ музыкантамъ.

— Отчего же... я съ удовольствіемъ... Господинъ музыкантъ, пожалуйста, что-нибудь изъ легкихъ танцевъ,— сказалъ онъ, кладя серебро на фортепіано.

— Что̀ прикажете? — спросилъ Исай Саввичъ, пряча деньги въ карманъ. — Вальсъ, польку, польку-мазурку?

— Ну... что-нибудь такое...

— Вальсъ, вальсъ! — закричала съ своего мѣста Вѣра, большая любительница танцовать.

— Нѣтъ, польку!.. Вальсъ!.. Венгерку!.. Вальсъ! — потребовали другія.

— Пускай играютъ польку, — рѣшила капризнымъ тономъ Люба. — Исай Саввичъ, сыграйте, пожалуйста, полечку. Это мой мужъ, и онъ для меня заказываетъ,—прибавила она, обнимая за шею педагога.—Правда, папочка?

Но онъ высвободился изъ-подъ ея руки, втянувъ въ себя голову какъ черепаха, и она безъ всякой обиды пошла танцовать съ Нюрой. Кружились и еще три пары. Въ танцахъ всѣ дѣвицы старались держать талію какъ можно прямѣе, а голову какъ можно неподвижнѣе, съ полнымъ безучастіемъ на лицахъ, что̀ составляло одно изъ условій хорошаго тона заведенія. Подъ шумокъ учитель подошелъ къ Манькѣ Маленькой.

— Пойдемте? — сказалъ онъ, подставляя руку калачикомъ.

— Поѣдемте, — отвѣтила она, смѣясь.

Она привела его въ свою комнату, убранную со всей кокетливостью спальни публичнаго дома средней руки: комодъ, покрытый вязаной скатертью, и на немъ зеркало, букетъ бумажныхъ цвѣтовъ, нѣсколько пустыхъ бонбоньерокъ, пудреница, выцвѣтшая фотографическая карточка бѣлобрысаго молодого человѣка съ гордо-изумленнымъ лицомъ, нѣсколько визитныхъ карточекъ; надъ кроватью, покрытой пикейнымъ розовымъ одѣяломъ, вдоль стѣны прибитъ коверъ съ изображеніемъ турецкаго султана, нѣжащагося въ своемъ гаремѣ, съ кальяномъ во рту; на стѣнахъ еще нѣсколько фотографій франтоватыхъ мужчинъ лакейскаго и актерскаго типа; розовый фонарь, свѣшивающійся на цѣпочкахъ съ потолка; круглый столъ подъ ковровой скатертью, три вѣнскихъ стула, эмалированный тазъ и такой же кувшинъ въ углу на табуреткѣ, за кроватью.

— Угости, милочка, лафитомъ съ лимонадомъ, — попросила, по заведенному обычаю, Манька Маленькая, разстегивая корсажъ.

— Потомъ, — сурово отвѣтилъ педагогъ. — Это отъ тебя самой будетъ зависѣть. И потомъ: какой же здѣсь у васъ можетъ быть лафитъ? Бурда какая-нибудь.

— У насъ хорошій лафитъ, — обидчиво возразила дѣвушка. — Два рубля бутылка. Но если ты такой скупой, купи хоть пива. Хорошо?

— Ну, пива, это можно.

— А мнѣ лимонаду и апельсиновъ. Да?

— Лимонаду бутылку да, а апельсиновъ нѣтъ. Потомъ, можетъ-быть, я тебя даже и шампанскимъ угощу, все отъ тебя будетъ зависѣть. Если постараешься.

— Такъ я спрошу, папашка, четыре бутылки пива и двѣ

лимонаду? Да? И для меня хоть плиточку шоколаду. Хорошо? Да?

— Двѣ бутылки пива, бутылку лимонаду и больше ничего. Я не люблю, когда со мною торгуются. Если надо, я самъ потребую.

— А можно мнѣ одну подругу пригласить?

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, безъ всякихъ подругъ.

Манька высунулась изъ двери въ коридоръ и крикнула звонко:

— Экономочка! Двѣ бутылки пива и для меня бутылку лимонаду.

Пришелъ Симеонъ съ подносомъ и сталъ съ привычной быстротой откупоривать бутылки. Слѣдомъ за нимъ пришла экономка Зося.

— Ну, вотъ, какъ хорошо устроились. Съ законнымъ бракомъ! — поздравила она.

— Папаша, угости экономочку пивомъ, — попросила Манька. — Кушайте, экономочка.

— Ну, въ такомъ случаѣ, за ваше здоровье, господинъ. Что-то лицо мнѣ ваше точно знакомо?

Нѣмецъ пилъ пиво, обсасывая и облизывая усы, и нетерпѣливо ожидалъ, когда уйдетъ экономка. Но она, поставивъ свой стаканъ и поблагодаривъ, сказала:

— Позвольте, господинъ, получить съ васъ деньги. За пиво, сколько слѣдуетъ, и за время. Это и для васъ лучше и для насъ удобнѣе.

Требованіе денегъ покоробило учителя, потому что совершенно разрушало сентиментальную часть его намѣреній. Онъ разсердился:

— Что̀ это, въ самомъ дѣлѣ, за хамство! Кажется, я бѣжать не собираюсь отсюда. И потомъ развѣ вы не умѣете разбирать людей? Видите, что къ вамъ пришелъ человѣкъ порядочный, въ формѣ, а не какой-нибудь босякъ. Что̀ за назойливость такая!

Экономка немного сдалась.

— Да вы не обижайтесь, господинъ. Конечно, за визитъ вы сами барышнѣ отдадите. Я думаю, не обидите, она у насъ дѣвочка славная. А ужъ за пиво и лимонадъ потрудитесь заплатить. Мнѣ тоже хозяйкѣ надо отчетъ отдавать. Двѣ бутылки пива по пятидесяти — рубль и лимонадъ тридцать — рубль тридцать.

— Господи, бутылка пива пятьдесятъ копеекъ! — возмутился нѣмецъ. — Да я въ любой портерной достану его за двѣнадцать копеекъ.

— Ну и идите въ портерную, если тамъ дешевле, — обидѣлась Зося. — А если вы пришли въ приличное заведеніе, то это уже казенная цѣна — полтинникъ. Мы ничего лишняго не беремъ. Вотъ такъ-то лучше. Двадцать копеекъ вамъ сдачи?

— Да, непремѣнно сдачи, — твердо подчеркнулъ учитель. — И прошу васъ, чтобы больше никто не входилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, что̀ вы, — засуетилась около двери Зося. — Располагайтесь, какъ вамъ будетъ угодно, въ полное свое удовольствіе. Пріятнаго вамъ аппетита.

Манька заперла за нею дверь на крючокъ и сѣла нѣмцу на одно колѣно, обнявъ его голой рукой.

— Ты давно здѣсь? — спросилъ онъ, прихлебывая пиво.

Онъ чувствовалъ смутно, что то подражаніе любви, которое сейчасъ должно произойти, требуетъ какого-то душевнаго сближенія, болѣе интимнаго знакомства, и поэтому, несмотря на свое нетерпѣніе, началъ обычный разговоръ, который ведется почти всѣми мужчинами наединѣ съ проститутками и который заставляетъ ихъ лгать почти механически, лгать безъ огорченія, увлеченія или злобы, по одному престарому трафарету.

— Недавно, всего третій мѣсяцъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать, — соврала Маленькая Манька, убавивъ себѣ пять лѣтъ.

— О, такая молоденькая! — удивился нѣмецъ и сталъ, нагнувшись и кряхтя, снимать сапоги. — Какъ же ты сюда попала?

— А меня одинъ офицеръ лишилъ невинности тамъ... у себя на родинѣ. А мамаша у меня ужасъ какая строгая. Если бы она узнала, она бы меня собственными руками задушила. Ну вотъ я и убѣжала изъ дому и поступила сюда...

— А офицера-то любила, который первый?

— Коли не любила бы, то не пошла бы къ нему. Онъ, подлецъ, жениться обѣщалъ, а потомъ добился, чего ему нужно, и бросилъ.

— Что̀ же, тебѣ стыдно было въ первый разъ?

— Конечно, что стыдно... Ты какъ, папашка, любишь, со свѣтомъ или безъ свѣта? Я фонарь немножко притушу. Хорошо?

— А что̀ же, ты здѣсь не скучаешь? Какъ тебя зовутъ?

— Маней. Понятно, что скучаю. Какая наша жизнь!

Нѣмецъ поцѣловалъ ее крѣпко въ губы и опять спросилъ:

— А мужчинъ ты любишь? Бываютъ мужчины, которые тебѣ пріятны? Доставляютъ удовольствіе?

— Какъ не бывать, — засмѣялась Манька. — Я особенно люблю вотъ такихъ, какъ ты, симпатичныхъ, толстенькихъ.

— Любишь? А? Отчего любишь?

— Да ужъ такъ люблю. Вы тоже симпатичный.

Нѣмецъ соображалъ нѣсколько секундъ, задумчиво отхлебывая пиво. Потомъ сказалъ то, что̀ почти каждый мужчина говоритъ проституткѣ въ эти минуты, предшествующія случайному обладанію ея тѣломъ:

— Ты знаешь, Марихенъ, ты мнѣ тоже очень нравишься. Я бы охотно взялъ тебя на содержаніе.

— Вы женаты,—возразила она, притрогиваясь къ его кольцу.

— Да, но, понимаешь, я не живу съ женой, она нездорова, не можетъ исполнять супружескихъ обязанностей.

— Бѣдная! Если бы она узнала, куда ты, папашка, ходишь, она бы, навѣрно, плакала.

— Оставимъ это. Такъ знаешь, Мари, я себѣ все время ищу вотъ такую дѣвочку, какъ ты, такую скромную и хорошенькую. Я человѣкъ состоятельный, я бы тебѣ нашелъ квартиру со столомъ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ. И на булавки сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Ты бы пошла?

— Отчего не пойти, пошла бы.

Онъ поцѣловалъ ее взасосъ, но тайное опасеніе быстро проскользнуло въ его трусливомъ сердцѣ.

— А ты здорова? — спросилъ онъ враждебнымъ, вздрагивающимъ голосомъ.

— Ну да, здорова. У насъ каждую субботу докторскій осмотръ.

Черезъ пять минутъ она ушла отъ него, пряча на ходу въ чулокъ заработанныя деньги, на которыя, какъ на первый починъ, она предварительно поплевала, по суевѣрному обычаю. Ни о содержаніи ни о симпатичности не было больше рѣчи. Нѣмецъ остался недоволенъ холодностью Маньки и велѣлъ позвать къ себѣ экономку.

— Экономочка, васъ мой мужъ къ себѣ требуетъ! — сказала Маня, войдя въ залу и поправляя волосы передъ зеркаломъ.

Зося ушла, потомъ вернулась и вызвала въ коридоръ Пашу. Потомъ вернулась въ залу уже одна.

— Ты что̀ это, Манька Маленькая, не угодила своему кавалеру? — спросила она со смѣхомъ. — Жалуется на

тебя: «Это, говоритъ, не женщина, а бревно какое-то деревянное, кусокъ лёду». Я ему Пашку послала.

— Э, противный какой! — сморщилась Манька и отплюнулась. — Лѣзетъ съ разговорами. Спрашиваетъ: ты чувствуешь, когда я тебя цѣлую? Чувствуешь пріятное волненіе? Старый песъ. На содержаніе, говоритъ, возьму.

— Всѣ они это говорятъ, — замѣтила равнодушно Зоя.

Но Женя, которая съ утра была въ зломъ настроеніи, вдругъ вспыхнула.

— Ахъ, онъ, хамъ этакій, хамло несчастное! — воскликнула она, покраснѣвъ и энергично упершись руками въ бока. — Да я бы взяла его, поганца стараго, за ухо, да подвела бы къ зеркалу и показала бы ему его гнусную морду. Что̀? Хорошъ? А какъ ты еще будешь лучше, когда у тебя слюни изо рта потекутъ, и глаза перекосишь, и начнешь ты захлебываться, и хрипѣть, и сопѣть прямо женщинѣ въ лицо. И ты хочешь за свой проклятый рубль, чтобы я передъ тобой въ лепешку растрепалась и чтобы отъ твоей мерзкой любви у меня глаза на лобъ полѣзли? Да по мордѣ бы его, подлеца, по мордѣ! До крови!

— О, Женя! Перестань же! Пфуй! — остановила ее возмущенная ея грубымъ тономъ, щепетильная Эмма Эдуардовна.

— Не перестану! — рѣзко оборвала она. Но сама замолчала и гнѣвно отошла прочь съ раздувающимися ноздрями и съ огнемъ въ потемнѣвшихъ красивыхъ глазахъ.

VII.

Зала понемногу наполнялась. Пришелъ давно знакомый всей «Ямѣ» Ванька-Встанька — высокій, худой, краснощекий сѣдой старикъ, въ формѣ лѣсного кондуктора, въ высокихъ сапогахъ, съ деревяннымъ аршиномъ, всегда

торчащимъ изъ бокового кармана. Цѣлые дни и вечера проводилъ онъ завсегдатаемъ въ бильярдной при трактирѣ, вѣчно вполпьяна, разсыпая свои шуточки, риѳмы и приговорочки, фамильярничая со швейцаромъ, съ экономками и дѣвушками. Въ домахъ къ нему относились всѣ — отъ хозяйки до горничныхъ — съ небрежной, немного презрительной, но безъ злобы, насмѣшечкой. Иногда онъ бывалъ и не безъ пользы: передавалъ записочки отъ дѣвицъ ихъ любовникамъ, могъ сбѣгать на рынокъ или въ аптеку. Нерѣдко, благодаря своему развязно привѣшенному языку и давно угасшему самолюбію, втирался въ чужую компанію и увеличивалъ ея расходы, а деньги, взятыя при этомъ взаймы, онъ не уносилъ на сторону, а тутъ же тратилъ на женщинъ—развѣ-развѣ оставлялъ себѣ мелочь на папиросы. И его добродушно, по привычкѣ, терпѣли.

— Вотъ и Ванька-Встанька пришелъ,—доложила Нюра, когда онъ, уже успѣвъ поздороваться дружески за ручку со швейцаромъ Симеономъ, остановился въ дверяхъ залы, длинный, въ форменной фуражкѣ, лихо сбитой набекрень. — Ну-ка, Ванька-Встанька, валяй!

— Имѣю честь представиться,—тотчасъ же закривлялся Ванька-Встанька, по-военному прикладывая руку къ козырьку: — тайный почетный посѣтитель мѣстныхъ благоугодныхъ заведеній, князь Бутылкинъ, графъ Наливкинъ, баронъ Тирутинкевичъ-Фьютинковскій... Господину Бетховену! Господину Шопену! — поздоровался онъ съ музыкантами. — Сыграйте мнѣ что-нибудь изъ оперы «Храбрый и славный генералъ Анисимовъ, или Суматоха въ колидорѣ». Политической экономочкѣ Зосѣ мое почтеніе. А-га! Только на Пасху цѣлуетесь? Запишемъ-съ. У-ти моя Тамалочка, мусисюпинькая ти моя!

Такъ, съ шутками и со щипками, онъ обошелъ всѣхъ дѣвицъ и наконецъ усѣлся рядомъ съ толстой Катей,

которая положила ему на ногу свою толстую ногу, оперлась о свое колѣно локтемъ, а на ладонь положила подбородокъ и равнодушно и пристально стала смотрѣть, какъ землемѣръ крутилъ себѣ папиросу.

— И какъ тебѣ не надоѣстъ, Ванька-Встанька? Всегда ты вертишь свою козью ногу.

Ванька-Встанька сейчасъ же задвигалъ бровями и кожей черепа и заговорилъ стихами:

Папироска, другъ мой тайный,
Какъ тебя мнѣ не любить?
Не по прихоти случайной
Стали всѣ тебя курить.

— Ванька-Встанька, а вѣдь ты скоро подохнешь, — сказала равнодушно Катька.

— И очень просто.

— Ванька-Встанька, скажи еще что-нибудь посмѣшнѣе, стихами, — просила Вѣрка.

И онъ сейчасъ же, послушно, вставъ въ смѣшную позу началъ декламировать:

Много звѣздъ на небѣ ясномъ,
Но ихъ счесть никакъ нельзя,
Вѣтеръ шепчетъ, будто можно,
А совсѣмъ никакъ нельзя.
Расцвѣтаютъ лопухи,
Поютъ птицы пѣтухи.

Балагуря такимъ образомъ, Ванька-Встанька просиживалъ въ залахъ заведеній цѣлые вечера и ночи. И по какому-то странному душевному сочувствію дѣвицы считали его почти своимъ; иногда оказывали ему маленькія временныя услуги и даже покупали ему на свой счетъ пиво и водку.

Черезъ нѣкоторое время послѣ Ваньки-Встаньки ввалилась большая компанія парикмахеровъ, которые въ этотъ день были свободны отъ работъ. Они были шумны, ве-

селы, но даже и здѣсь, въ публичномъ домѣ, не прекращали своихъ мелочныхъ счетовъ и разговоровъ объ открытыхъ и закрытыхъ бенефисахъ, о хозяевахъ, о женахъ хозяевъ. Все это были люди въ достаточной степени развращенные, лгуны, съ большими надеждами на будущее, въ родѣ, напримѣръ, поступленія на содержаніе къ какой-нибудь графинѣ. Они хотѣли какъ можно шире использовать свой довольно тяжелый заработокъ и потому рѣшили сдѣлать ревизію положительно во всѣхъ домахъ «Ямы», только къ Треппелю не рѣшились зайти, такъ какъ тамъ было слишкомъ для нихъ шикарно. Но у Анны Марковны они сейчасъ же заказали себѣ кадриль и плясали ее, особенно пятую фигуру, гдѣ кавалеры выдѣлываютъ соло, совершенно какъ настоящіе парижане, даже заложивъ большіе пальцы въ проймы жилетовъ. Но остаться съ дѣвицами они не захотѣли, а обѣщали прійти потомъ, когда закончатъ всю ревизію публичныхъ домовъ.

И еще приходили и уходили какіе-то чиновники, курчавые молодые люди въ лакированныхъ сапогахъ, нѣсколько студентовъ, нѣсколько офицеровъ, которые страшно боялись уронить свое достоинство въ глазахъ владѣтельницы и гостей публичнаго дома. Понемногу въ залѣ создалась такая шумная, чадная обстановка, что никто уже тамъ не чувствовалъ неловкости. Пришелъ постоянный гость, любовникъ Соньки-Руль, который приходилъ почти ежедневно и цѣлыми часами сидѣлъ около своей возлюбленной, глядѣлъ на нее томными восточными глазами, вздыхалъ, млѣлъ и дѣлалъ ей сцены за то, что она живетъ въ публичномъ домѣ, что грѣшитъ противъ субботы, что ѣстъ трефное мясо и что отбилась отъ семьи и великой еврейской церкви.

По обыкновенію, — а это часто случалось, — экономка Зося подходила къ нему подъ шумокъ и говорила, кривя губы:

— Ну, что̀ вы такъ сидите, господинъ? Задъ себѣ грѣете? Шли бы заниматься съ дѣвочкой.

Оба они, еврей и еврейка, были родомъ изъ Гомеля и, должно-быть, были созданы самимъ Богомъ для нѣжной, страстной, взаимной любви, но многія обстоятельства, какъ, напримѣръ, погромъ, происшедшій въ ихъ городѣ, обѣднѣніе, полная растерянность, испугъ — на время разлучили ихъ. Однако любовь была настолько велика, что аптекарскій ученикъ Нейманъ съ большимъ трудомъ, усиліями и униженіями сумѣлъ найти себѣ мѣсто ученика въ одной изъ мѣстныхъ аптекъ и разыскалъ любимую дѣвушку. Онъ былъ настоящимъ правовѣрнымъ, почти фанатическимъ евреемъ. Онъ зналъ, что Сонька была продана одному изъ скупщиковъ живого товара ея же матерью, зналъ много унизительныхъ, безобразныхъ подробностей о томъ, какъ ее перепродавали изъ рукъ въ руки, и его набожная, брезгливая, истинно-еврейская душа корчилась и содрогалась при этихъ мысляхъ, но тѣмъ не менѣе любовь была выше всего. И каждый вечеръ онъ появлялся въ залѣ Анны Марковны. Если ему удавалось съ громаднымъ лишеніемъ вырѣзать изъ своего нищенскаго дохода какой-нибудь случайный рубль, онъ бралъ Соньку въ ея комнату, но это вовсе не бывало радостью ни для него ни для нея: послѣ мгновеннаго счастія — физическаго обладанія другъ другомъ — они плакали, укоряли другъ друга, ссорились съ характерными еврейскими, театральными жестами, и всегда послѣ этихъ визитовъ Сонька-Руль возвращалась въ залу съ набрякшими, покраснѣвшими вѣками глазъ.

Но чаще всего у него не было денегъ, и онъ просиживалъ около своей любовницы цѣлыми вечерами, терпѣливо и ревниво дожидаясь ея, когда Соньку случайно бралъ гость. И когда она возвращалась обратно и садилась съ нимъ рядомъ, то онъ незамѣтно, стараясь не

обращать на себя общаго вниманія и не поворачивая головы въ ея сторону, все время осыпалъ ее упреками. И въ ея прекрасныхъ, влажныхъ, еврейскихъ глазахъ всегда во время этихъ разговоровъ было мученическое, но кроткое выраженіе.

Пріѣхала большая компанія нѣмцевъ, служащихъ въ оптическомъ магазинѣ, пріѣхала партія приказчиковъ изъ рыбнаго и гастрономическаго магазина Керешковскаго, пріѣхали двое очень извѣстныхъ на Ямкахъ молодыхъ людей, — оба лысые, съ рѣдкими, мягкими, нѣжными волосами вокругъ лысинъ — Колька-бухгалтеръ и Мишка-пѣвецъ, такъ называли въ домахъ ихъ обоихъ. Ихъ такъ же, какъ Карла Карловича изъ оптическаго магазина и Володьку изъ рыбнаго, встрѣчали очень радушно, съ восторгами, криками и поцѣлуями, льстя ихъ самолюбію. Шустрая Нюрка выскакивала въ переднюю и, освѣдомившись, кто пришелъ, докладывала возбужденно, по своему обыкновенію:

— Женька, твой мужъ пришелъ!

или:

— Манька Маленькая, твой любовникъ пришелъ!

И Мишка-пѣвецъ, который вовсе не былъ пѣвцомъ, а владѣльцемъ аптекарскаго склада, сейчасъ же, какъ вошелъ, запѣлъ вибрирующимъ, пресѣкающимся, козлинымъ голосомъ:

Чу-у-уютъ пра-а-а-а-вду!
Ты жъ, заря-я-я-я...,

что онъ продѣлывалъ въ каждое свое посѣщеніе Анны Марковны.

Почти безпрерывно играли кадриль, вальсъ, польку и танцовали. Пріѣхалъ и Сенька — любовникъ Тамары, — но, противъ обыкновенія, онъ не важничалъ, «не разорялся», не заказывалъ Исаю Саввичу траурнаго марша и не угощалъ шоколадомъ дѣвицъ... Почему-то онъ былъ

сумраченъ, хромалъ на правую ногу и старался какъ можно меньше обращать на себя вниманіе: должно-быть, его профессіональныя дѣла находились въ это время въ плохомъ оборотѣ. Онъ однимъ движеніемъ головы, на ходу, вызвалъ Тамару изъ залы и исчезъ съ ней въ ея комнатѣ. Пріѣхалъ также и актеръ Эгмонтъ-Лаврецкій, бритый, высокій, похожій на придворнаго лакея своимъ вульгарнымъ и нагло-презрительнымъ лицомъ.

Приказчики изъ гастрономическаго магазина танцовали со всѣмъ усердіемъ молодости и со всей чинностью, которую рекомендуетъ самоучитель хорошаго тона Германа Гоппе. Въ этомъ смыслѣ и дѣвицы отвѣчали ихъ намѣреніямъ. У тѣхъ и у этихъ считалось особенно приличнымъ и свѣтскимъ танцовать какъ можно неподвижнѣе, держа руки опущенными внизъ, а головы поднятыми вверхъ и склоненными, съ нѣкоторымъ гордымъ и въ то же время утомленнымъ и разслабленнымъ видомъ. Въ антрактахъ, между фигурами, нужно было со скучающимъ и небрежнымъ видомъ обмахиваться платками... Словомъ, всѣ они дѣлали видъ, будто принадлежатъ къ самому изысканному обществу, и если танцуютъ, то дѣлаютъ это только снисходя до маленькой товарищеской услуги. Но все-таки танцовали такъ усердно, что съ приказчиковъ Керешковскаго потъ катился ручьями.

Случилось уже два-три скандала въ разныхъ домахъ. Какой-то человѣкъ, весь окровавленный, у котораго лицо, при блѣдномъ свѣтѣ луннаго серпа, казалось отъ крови чернымъ, бѣгалъ по улицѣ, ругался и, нисколько не обращая вниманія на свои раны, искалъ шапку, потерянную въ дракѣ. На Малой Ямской подрались штабные писаря съ матросской командой. Усталые таперы и музыканты играли какъ въ бреду, сквозь сонъ, по механической привычкѣ. Это было въ исходѣ ночи.

Совершенно неожиданно въ заведеніе Анны Марковны

вошло семеро студентовъ, приватъ-доцентъ и мѣстный репортеръ.

VIII.

Всѣ они, кромѣ репортера, провели цѣлый день, съ самаго утра, вмѣстѣ, справляя маевку со знакомыми барышнями. Катались на лодкахъ по Днѣпру, варили на той сторонѣ рѣки въ густомъ, горько-пахнущемъ лознякѣ полевую кашу, купались — мужчины и женщины поочередно — въ быстрой теплой водѣ, пили домашнюю запеканку, пѣли звучныя малороссійскія пѣсни и вернулись въ городъ только позднимъ вечеромъ, когда темная, бѣгучая, широкая рѣка такъ жутко и весело плескалась о борта ихъ лодокъ, играя отраженіями звѣздъ, серебряными зыбкими дорожками отъ электрическихъ фонарей и кланяющимися огнями бакановъ. И когда вышли на берегъ, то у каждаго горѣли ладони отъ веселъ, пріятно ныли мускулы рукъ и ногъ, и во всемъ тѣлѣ была блаженная бодрая усталость.

Потомъ они проводили барышень по домамъ и у калитокъ и подъѣздовъ прощались съ ними долго и сердечно со смѣхомъ и такими размашистыми рукопожатіями, какъ будто бы дѣйствовали рычагомъ насоса.

Весь день прошелъ весело и шумно, даже немного крикливо и чуть-чуть утомительно, но по-юношески цѣломудренно, не пьяно и, что̀ особенно рѣдко случается, безъ малѣйшей тѣни взаимныхъ обидъ, или ревности, или невысказанныхъ огорченій. Конечно, такому благодушному настроенію помогало солнце, свѣжій рѣчной вѣтерокъ, сладкія дыханія травъ и воды, радостное ощущеніе крѣпости и ловкости собственнаго тѣла при купаніи и греблѣ и сдерживающее вліяніе умныхъ, ласковыхъ, чистыхъ и красивыхъ дѣвушекъ изъ знакомыхъ семействъ.

Но, почти помимо ихъ сознанія, ихъ чувственность— не воображеніе, а простая, здоровая, инстинктивная чувственность молодыхъ игривыхъ самцовъ — зажигалась отъ нечаянныхъ встрѣчъ ихъ рукъ съ женскими руками и отъ товарищескихъ услужливыхъ объятій, когда приходилось помогать барышнямъ входить въ лодку или выскакивать на берегъ, отъ нѣжнаго запаха дѣвичьихъ одеждъ, разогрѣтыхъ солнцемъ, отъ женскихъ кокетливо-испуганныхъ криковъ на рѣкѣ, отъ зрѣлища женскихъ фигуръ, небрежно полулежавшихъ съ наивной нескромностью въ зеленой травѣ, вокругъ самовара, отъ всѣхъ этихъ невинныхъ вольностей, которыя такъ обычны и неизбѣжны на пикникахъ, загородныхъ прогулкахъ и рѣчныхъ катаніяхъ, когда въ человѣкѣ, въ безконечной глубинѣ его души тайно пробуждается отъ безпечнаго соприкосновенія съ землей, травами, водой и солнцемъ древній, прекрасный, свободный, но обезображенный и напуганный людьми звѣрь.

И потому въ два часа ночи, едва только закрылся уютный студенческій ресторанъ «Воробьи» и всѣ восемеро, возбужденные алкоголемъ и обильной пищей, вышли изъ прокуреннаго, чаднаго подземелья наверхъ, на улицу, въ сладостную, тревожную темноту ночи, съ ея мапящими огнями на небѣ и на землѣ, съ ея теплымъ хмельнымъ воздухомъ, отъ котораго жадно расширяются ноздри, съ ея ароматами, скользившими изъ невидимыхъ садовъ и цвѣтниковъ, то у каждаго изъ нихъ пылала голова, и сердце тихо и томно таяло отъ неясныхъ желаній. Весело и гордо было ощущать послѣ отдыха новую, свѣжую силу во всѣхъ мышцахъ, глубокое дыханіе легкихъ, красную упругую кровь въ жилахъ, гибкую послушность всѣхъ членовъ. И — безъ словъ, безъ мыслей, безъ сознанія— влекло въ эту ночь бѣжать безъ одеждъ по сонному лѣсу, обнюхивать торопливо слѣды чьихъ-то ногъ въ

росистой травѣ громкимъ кличемъ призывать къ себѣ самку.

Но разстаться было теперь очень трудно. Цѣлый день, проведенный вмѣстѣ, сбилъ всѣхъ въ привычное, цѣпкое стадо. Казалось, что если хоть одинъ уйдетъ изъ компаніи, то нарушится какое-то наладившееся равновѣсіе, которое потомъ невозможно будетъ возстановить. И потому они медлили и топтались на тротуарѣ, около выхода изъ трактирнаго подземелья, мѣшая движенію рѣдкихъ прохожихъ. Обсуждали лицемѣрно, куда бы еще поѣхать, чтобъ доконать ночь. Въ садъ Тиволи оказывалось очень далеко, да къ тому же еще за входные билеты платить, и цѣны въ буфетѣ возмутительныя, и программа давно окончилась. Володя Павловъ предлагалъ ѣхать къ нему: у него есть дома дюжина пива и немного коньяку. Но всѣмъ показалось скучнымъ итти среди ночи на семейную квартиру, входить на цыпочкахъ по лѣстницѣ и говорить все время шопотомъ.

— Вотъ что̀, брательники... Поѣдемъ-ка лучше къ дѣвочкамъ, это будетъ вѣрнѣе, — сказалъ рѣшительно старый студентъ Лихонинъ, высокій, сутуловатый, хмурый и бородатый малый.

По убѣжденіямъ онъ былъ анархистъ-теоретикъ, а по призванію — страстный игрокъ на бильярдѣ, на бѣгахъ и въ карты, — игрокъ съ очень широкимъ, фатальнымъ размахомъ. Только наканунѣ онъ выигралъ въ купеческомъ клубѣ около тысячи рублей въ макао, и эти деньги еще жгли ему руки.

— А что̀ жъ? И вѣрно, — поддерживалъ кто-то. — Айда, товарищи?!

— Сто̀итъ ли? Вѣдь это на всю ночь заводиловка... — съ фальшивымъ благоразуміемъ и неискренней усталостью отозвался другой.

А третій сказалъ сквозь притворный зѣвокъ:

— Поѣдемте лучше, господа, по домамъ... а-а-а... спатиньки... Довольно на сегодня.

— Во снѣ шубы не сошьешь, — презрительно замѣтилъ Лихонинъ. — Герръ профессоръ, вы ѣдете?

Но приватъ-доцентъ Ярченко уперся и казался по-настоящему разсерженнымъ, хотя, быть-можетъ, онъ и самъ не зналъ, что̀ пряталось у него въ какомъ-нибудь темномъ закоулкѣ души.

— Оставь меня въ покоѣ, Лихонинъ. По-моему, господа, это прямое и явное свинство — то, что̀ вы собираетесь сдѣлать. Кажется, такъ чудесно, мило и просто провели время, — такъ нѣтъ, вамъ непремѣнно надо, какъ пьянымъ скотамъ, полѣзть въ помойную яму. Не поѣду я.

— Однако, если мнѣ не измѣняетъ память, — со спокойной язвительностью сказалъ Лихонинъ: — припоминаю, что не далѣе какъ прошлой осенью мы съ однимъ будущимъ Моммсеномъ лили гдѣ-то крюшонъ со льдомъ въ фортепіано, изображали бурятскаго бога, плясали танецъ живота и все такое прочее?..

Лихонинъ говорилъ правду. Въ свои студенческіе годы и позднѣе, будучи оставленнымъ при университетѣ, Ярченко велъ самую шалую и легкомысленную жизнь. Во всѣхъ трактирахъ, кафе-шантанахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ хорошо знали его маленькую, толстую, кругленькую фигурку, его румяныя, отдувшіяся, какъ у раскрашеннаго амура, щеки и блестящіе, влажные, добрые глаза, помнили его торопливый, захлебывающійся говоръ и визгливый смѣхъ.

Товарищи никогда не могли постигнуть, гдѣ онъ находилъ время для занятій наукой, но тѣмъ не менѣе всѣ экзамены и очередныя работы онъ сдавалъ отлично и съ перваго курса былъ на виду у профессоровъ. Теперь Ярченко начиналъ понемногу отходить отъ прежнихъ товарищей и собутыльниковъ. У него только-что завелись

необходимыя связи съ профессорскимъ кругомъ, на будущій годъ ему предлагали чтеніе лекцій по римской исторіи, и нерѣдко въ разговорѣ онъ уже употреблялъ ходкое среди приватъ-доцентовъ выраженіе: «Мы, ученые!». Студенческая фамильярность, принудительное компанейство, обязательное участіе во всякихъ сходкахъ, протестахъ и демонстраціяхъ становились для него невыгодными, затруднительными и даже просто скучными. Но онъ зналъ цѣну популярности среди молодежи и потому не рѣшался круто разорвать съ прежнимъ кружкомъ. Слова Лихонина однако задѣли его.

— Ахъ, Боже мой, мало ли что̀ мы дѣлали, когда были мальчишками? Воровали сахаръ, пачкали штанишки, отрывали жукамъ крылья, — заговорилъ Ярченко, горячась и захлебываясь. — Но всему есть предѣлъ и мѣра. Я вамъ, господа, не смѣю, конечно, подавать совѣтовъ и учить васъ, но надо быть послѣдовательными. Всѣ мы согласны, что проституція — одно изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества, и также согласны, что въ этомъ злѣ виноваты не женщины, а мы, мужчины, потому что спросъ родитъ предложеніе. И, стало-быть, если, выпивъ лишнюю рюмку вина, я все-таки, несмотря на свои убѣжденія, ѣду къ проституткамъ, то я совершаю тройную подлость: передъ несчастной глупой женщиной, которую я подвергаю за свой поганый рубль самой унизительной формѣ рабства, передъ человѣчествомъ, потому что, нанимая на часъ или на два публичную женщину для своей скверной похоти, я этимъ оправдываю и поддерживаю проституцію, — и наконецъ это — подлость передъ своей собственной совѣстью и мыслью. И передъ логикой.

— Фью-ю! — свистнулъ протяжно Лихонинъ и проскандировалъ унылымъ тономъ, кивая въ тактъ опущенной набокъ головой: — Понесъ философъ нашъ обычный вздоръ: веревка — вервіе простое.

— Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ паясничать, — сухо отозвался Ярченко. — А по-моему нѣтъ въ печальной русской жизни болѣе печальнаго явленія, чѣмъ эта расхлябанность и растлѣнность мысли. Сегодня мы скажемъ себѣ: э! все равно, поѣду я въ публичный домъ или не поѣду — отъ одного раза дѣло не ухудшится, не улучшится. А черезъ пять лѣтъ мы будемъ говорить: несомнѣнно взятка — страшная гадость, но, знаете, дѣти... семья... И точно такъ же черезъ десять лѣтъ мы, оставшись благополучными русскими либералами, будемъ вздыхать о свободѣ личности и кланяться въ поясъ мерзавцамъ, которыхъ презираемъ, и околачиваться у нихъ въ переднихъ. «Потому что, знаете ли, — скажемъ мы, хихикая: — съ волками жить, по-волчьи выть». Ей-Богу, недаромъ какой-то министръ назвалъ русскихъ студентовъ будущими столоначальниками!

— Или профессорами, — вставилъ Лихонинъ.

— Но самое главное, — продолжалъ Ярченко, пропустивъ мимо ушей эту шпильку: — самое главное то, что я васъ всѣхъ видѣлъ сегодня на рѣкѣ и потомъ тамъ... на томъ берегу... съ этими милыми, славными дѣвушками. Какіе вы всѣ были внимательные, порядочные, услужливые, но едва только вы простились съ ними, васъ уже тянетъ къ публичнымъ женщинамъ. Пускай каждый изъ васъ представитъ себѣ на минутку, что всѣ мы были въ гостяхъ у его сестеръ и прямо отъ нихъ поѣхали въ Яму... Что̀? Пріятно такое предположеніе?

— Да, но должны же существовать какіе-нибудь клапаны для общественныхъ страстей, — важно замѣтилъ Борисъ Собашниковъ, высокій, немного надменный и манерный молодой человѣкъ, которому короткій китель, едва прикрывавшій толстый задъ, модныя, кавалерійскаго фасона брюки, пенсне на широкой черной лентѣ и фуражка прусскаго образца придавали фатоватый видъ. — Неужели

порядочнѣе пользоваться ласками своей горничной или вести за угломъ интригу съ чужой женой? Что я могу подѣлать, если мнѣ необходима женщина!

— Эхъ, очень обходима! — досадливо сказалъ Ярченко и слабо махнулъ рукой.

Но тутъ вмѣшался студентъ, котораго въ товарищескомъ кружкѣ звали Рамзесомъ. Это былъ изжелта-смуглый, горбоносый человѣкъ маленькаго роста; бритое лицо его казалось трехугольнымъ, благодаря широкому, начинавшему лысѣть двумя взлызинами лбу, впалымъ щекамъ и острому подбородку. Онъ велъ довольно странный для студента образъ жизни. Въ то время, когда его коллеги занимались вперемежку политикой, любовью, театромъ и немножко наукой, Рамзесъ весь ушелъ въ изученіе всевозможныхъ гражданскихъ исковъ и претензій, въ крючкотворныя тонкости имущественныхъ, семейныхъ, земельныхъ и иныхъ дѣловыхъ процессовъ, въ запоминаніе и логическій разборъ кассаціонныхъ рѣшеній. Совершенно добровольно, ничуть не нуждаясь въ деньгахъ, онъ прослужилъ одинъ годъ клеркомъ у нотаріуса, другой — письмоводителемъ у мирового судьи, а весь прошлый годъ, будучи на послѣднемъ курсѣ, велъ въ мѣстной газетѣ хронику городской управы и несъ скромную обязанность помощника секретаря въ управленіи синдиката сахарозаводчиковъ. И когда этотъ самый синдикатъ затѣялъ извѣстный процессъ противъ одного изъ своихъ членовъ, полковника Баскакова, пустившаго въ продажу противъ договора избытокъ сахара, то Рамзесъ въ самомъ началѣ предугадалъ и очень тонко мотивировалъ именно то рѣшеніе, которое вынесъ впослѣдствіи по этому дѣлу сенатъ.

Несмотря на его сравнительную молодость, къ его мнѣніямъ прислушивались — правда, немного свысока — довольно извѣстные юристы. Никто изъ близко знавшихъ

Рамзеса не сомнѣвался, что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, да и самъ Рамзесъ вовсе не скрывалъ своей увѣренности въ томъ, что къ 35-ти годамъ онъ сколотитъ себѣ милліонъ исключительно одной практикой, какъ адвокатъ-цивилистъ. Его нерѣдко выбирали товарищи въ предсѣдатели сходокъ и въ курсовые старосты, но отъ этой чести Рамзесъ неизмѣнно уклонялся, отговариваясь недостаткомъ времени. Однако онъ не избѣгалъ участія въ товарищескихъ третейскихъ судахъ, и его доводы — всегда неотразимо логичные — обладали удивительнымъ свойствомъ оканчивать дѣла миромъ, къ обоюдному удовольствію судящихся сторонъ. Онъ, такъ же, какъ и Ярченко, зналъ хорошо цѣну популярности среди учащейся молодежи, и если даже поглядывалъ на людей съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, свысока, то никогда, ни однимъ движеніемъ своихъ тонкихъ, умныхъ, энергичныхъ губъ, этого не показывалъ.

— Никто васъ и не тянетъ, Гаврила Петровичъ, непремѣнно совершать грѣхопаденіе, — сказалъ Рамзесъ примирительно. — Къ чему этотъ паѳосъ и эта меланхолія, когда дѣло обстоитъ совсѣмъ просто? Компанія молодыхъ русскихъ джентльменовъ хочетъ скромно и дружно провести остатокъ ночи, повеселиться, попѣть и принять внутрь нѣсколько галлоновъ вина и пива. Но все теперь закрыто, кромѣ этихъ самыхъ домовъ. Ergo!..

— Слѣдовательно поѣдемъ веселиться къ продажнымъ женщинамъ? Къ проституткамъ? Въ публичный домъ? — насмѣшливо и враждебно перебилъ его Ярченко.

— А хотя бы? Одного философа, желая его унизить, посадили за обѣдомъ куда-то около музыкантовъ. А онъ, садясь, сказалъ: «Вотъ вѣрное средство сдѣлать послѣднее мѣсто первымъ». И наконецъ я повторяю: если ваша совѣсть не позволяетъ вамъ, какъ вы выражаетесь, покупать женщину, то вы можете пріѣхать туда и уѣхать,

сохраняя свою невинность во всей ея цвѣтущей неприкосновенности.

— Вы передергиваете, Рамзесъ, — возразилъ съ неудовольствіемъ Ярченко. — Вы мнѣ напоминаете тѣхъ мѣщанъ, которые еще затемно собрались глазѣть на смертную казнь и говорятъ: мы здѣсь ни при чемъ, мы противъ смертной казни, это все прокуроръ и палачъ.

— Пышно сказано и отчасти вѣрно, Гаврила Петровичъ. Но именно къ намъ это сравненіе можетъ и не относиться. Нельзя, видите ли, лѣчить какую-нибудь тяжкую болѣзнь заочно, не видавши самого больного. А вѣдь всѣ мы, которые сейчасъ здѣсь стоимъ на улицѣ и мѣшаемъ прохожимъ, должны будемъ когда-нибудь въ своей дѣятельности столкнуться съ ужаснымъ вопросомъ о проституціи, да еще какой проституціи — русской! Лихонинъ, я, Боря Собашниковъ и Павелъ — какъ юристы, Петровскій и Толпыгинъ — какъ медики. Правда, у Вельтмана особенная спеціальность — математика. Но вѣдь будетъ же онъ педагогомъ, руководителемъ юношества и, чортъ побери, даже отцомъ! А ужъ если пугать букой, то лучше всего самому на нее прежде посмотрѣть. Наконецъ и вы сами, Гаврила Петровичъ, — знатокъ мертвыхъ языковъ и будущее свѣтило гробокопательства, — развѣ для васъ не важно и не поучительно сравненіе хотя бы современныхъ публичныхъ домовъ съ какими-нибудь помпейскими лупанарами или съ институтомъ священной проституціи въ Ѳивахъ и въ Ниневіи?..

— Браво, Рамзесъ, великолѣпно! — взревѣлъ Лихонинъ. — И что̀ тутъ долго толковать, ребята? Берите профессора подъ жабры и сажайте на извозчика!

Студенты, смѣясь и толкаясь, обступили Ярченко, схватили его подъ руки, обхватили за талію. Всѣхъ ихъ одинаково тянуло къ женщинамъ, но ни у кого, кромѣ Лихонина, не хватало смѣлости взять на себя починъ. Но

теперь все это сложное, непріятное и лицемѣрное дѣло счастливо свелось къ простой, легкой шуткѣ надъ старшимъ товарищемъ. Ярченко и упирался, и сердился, и смѣялся, стараясь вырваться. Но въ это время къ возившимся студентамъ подошелъ рослый черноусый городовой, который уже давно глядѣлъ на нихъ зорко и непріязненно.

— Господа стюденты, прошу не скопляться. Невозможно! Проходите, куда ишли.

Они двинулись гурьбою впередъ. Ярченко начиналъ понемногу смягчаться.

— Господа, я, пожалуй, готовъ съ вами поѣхать... Не подумайте однако, что меня убѣдили софизмы египетскаго фараона Рамзеса... Нѣтъ, просто мнѣ жаль разбивать компанію... Но я ставлю одно условіе: мы тамъ выпьемъ, повремъ, посмѣемся и все прочее... но чтобы ничего больше, никакой грязи... Стыдно и обидно думать, что мы, цвѣтъ и краса русской интеллигенціи, раскиснемъ и пустимъ слюни отъ вида первой попавшейся юбки.

— Клянусь!—сказалъ Лихонинъ, поднимая вверхъ руку.

— Я за себя ручаюсь, — сказалъ Рамзесъ.

— И я! И я! Ей-Богу, господа, дадимте слово... Ярченко правъ! — подхватили другіе.

Они разсѣлись по двое и по трое на извозчиковъ, которые уже давно, зубоскаля и переругиваясь, вереницей слѣдовали за ними, и поѣхали. Лихонинъ для вѣрности самъ сѣлъ рядомъ съ приватъ-доцентомъ, обнявъ его за талію, а на колѣни къ себѣ и сосѣду посадилъ маленькаго Толпыгина, розоваго миловиднаго мальчика, у котораго, несмотря на его 23 года, еще бѣлѣлъ на щекахъ дѣтскій — мягкій и свѣтлый — пухъ.

— Станція у Дорошенки! — крикнулъ Лихонинъ вслѣдъ отъѣзжавшимъ извозчикамъ.—У Дорошенки остановка,— повторилъ онъ, обернувшись назадъ.

У ресторана Дорошенки всѣ остановились, вошли въ общую залу и столпились около стойки. Всѣ были сыты, и никому не хотѣлось ни пить ни закусывать. Но у каждаго оставался еще въ душѣ темный слѣдъ сознанія, что вотъ сейчасъ они собираются сдѣлать нѣчто ненужно-позорное, собираются принять участіе въ какомъ-то судорожномъ, искусственномъ и вовсе не веселомъ весельѣ. И у каждаго было стремленіе довести себя черезъ опьянѣніе до того туманнаго и радужнаго состоянія, когда все— все равно, и когда голова не знаетъ, что̀ дѣлаютъ руки и ноги, и что̀ болтаетъ языкъ. И, должно-быть, не одни студенты, а всѣ случайные и постоянные посѣтители Ямы испытывали въ большей или меньшей степени треніе этой внутренней душевной занозы, потому что Дорошенко торговалъ исключительно только позднимъ вечеромъ и ночью, и никто у него не засиживался, а такъ только заѣзжали мимоходомъ на перепутьѣ.

Пока студенты пили коньякъ, пиво и водку, Рамзесъ все приглядывался къ самому дальнему углу ресторанной залы, гдѣ сидѣли двое: лохматый, сѣдой крупный старикъ и противъ него, спиной къ стойкѣ, раздвинувъ по столу локти и опершись подбородкомъ на сложенные другъ на друга кулаки, сгорбился какой-то плотный, низко остриженный господинъ въ сѣромъ костюмѣ. Старикъ перебиралъ струны лежавшихъ передъ нимъ гуслей и тихо напѣвалъ сиплымъ, но пріятнымъ голосомъ:

Долина моя, долинушка,
Раздолье широ-о-о-окое.

— Позвольте-ка, вѣдь это нашъ сотрудникъ, — сказалъ Рамзесъ и пошелъ здороваться съ господиномъ въ сѣромъ костюмѣ.

Черезъ минуту онъ подвелъ его къ стойкѣ и познакомилъ съ товарищами.

— Господа, позвольте вамъ представить моего сорат-

ника по газетному дѣлу. Сергѣй Ивановичъ Платоновъ. Самый лѣнивый и самый талантливый изъ газетныхъ работниковъ.

Всѣ перезнакомились съ нимъ, невнятно пробурчавъ свои фамиліи.

— И поэтому выпьемъ, — сказалъ Лихонинъ.

Ярченко же спросилъ съ утонченной любезностью, которая никогда его не покидала:

— Позвольте, позвольте, вѣдь я же съ вами немного знакомъ, хотя и заочно. Не вы ли были въ университетѣ, когда профессоръ Приклонскій защищалъ докторскую диссертацію?

— Я, — отвѣтилъ репортеръ.

— Ахъ, это очень пріятно, — мило улыбнулся Ярченко и для чего-то еще разъ крѣпко пожалъ Платонову руку.— Я читалъ потомъ вашъ отчетъ: очень точно, обстоятельно и ловко составлено... Не будете ли добры?.. За ваше здоровье!

— Тогда позвольте и мнѣ, — сказалъ Платоновъ. — Онуфрій Захарычъ, налейте намъ еще... разъ, два, три, четыре... девять рюмокъ коньяку...

— Нѣтъ, ужъ такъ нельзя... вы —нашъ гость, коллега, — возразилъ Лихонинъ.

— Ну, какой же я вашъ коллега, — добродушно засмѣялся репортеръ. — Я былъ только на первомъ курсѣ и то только полгода, вольнослушателемъ. Получите, Онуфрій Захарычъ. Господа, прошу...

Кончилось тѣмъ, что черезъ полчаса Лихонинъ и Ярченко ни за что не хотѣли разстаться съ репортеромъ и потащили его съ собой въ Яму. Впрочемъ, онъ и не сопротивлялся.

— Если я вамъ не въ тягость, я буду очень радъ, — сказалъ онъ просто. — Тѣмъ болѣе, что у меня сегодня сумасшедшія деньги. «Днѣпровское Слово» заплатило

мнѣ гонораръ, а это такое же чудо, какъ выиграть двѣсти тысячъ на билетъ отъ театральной вѣшалки. Виноватъ, я сейчасъ...

Онъ подошелъ къ старику, съ которымъ раньше сидѣлъ, сунулъ ему въ руку какія-то деньги и ласково попрощался съ нимъ.

— Куда я ѣду, дѣдушка, туда тебѣ ѣхать нельзя, завтра опять тамъ же встрѣтимся, гдѣ и сегодня. Прощай!

Всѣ вышли изъ ресторана. Въ дверяхъ Боря Собашниковъ, всегда немного фатоватый и безъ нужды высокомѣрный, остановилъ Лихонина и отозвалъ его въ сторонку.

— Удивляюсь я тебѣ, Лихонинъ, — сказалъ онъ брезгливо. — Мы собрались своей тѣсной компаніей, а тебѣ непремѣнно нужно было затащить какого-то бродягу. Чортъ еще знаетъ, кто онъ такой!

— Оставь, Боря, — дружелюбно отвѣтилъ Лихонинъ: — онъ парень теплый.

IX.

— Ну ужъ это, господа, свинство, — говорилъ ворчливо Ярченко на подъѣздѣ заведенія Анны Марковны. — Если ужъ поѣхали, то по крайности надо было ѣхать въ приличный, а не въ какую-то трущобу. Право, господа, пойдемте лучше рядомъ, къ Треппелю, тамъ хоть чисто и свѣтло.

— Пожалуйте, пожалуйте, синьоръ, — настаивалъ Лихонинъ, отворяя съ придворной учтивостью дверь передъ приватъ-доцентомъ, кланяясь и простирая впередъ руку. — Пожалуйте.

— Да вѣдь мерзость... У Треппеля хоть женщины покрасивѣе.

Рамзесъ, шедшій сзади, сухо разсмѣялся.

— Такъ, такъ, такъ, Гаврила Петровичъ. Будемъ про-

должать въ томъ же духѣ. Осудимъ голоднаго воришку, который укралъ съ лотка пятачковую булку, но если директоръ банка растратилъ чужой милліонъ на рысаковъ и сигары, то смягчимъ его участь.

— Простите, не понимаю этого сравненія, — сдержанно отвѣтилъ Ярченко. — Да по мнѣ все равно; идемте.

— И тѣмъ болѣе, — сказалъ Лихонинъ, пропуская впередъ приватъ-доцента: — тѣмъ болѣе, что этотъ домъ хранитъ въ себѣ столько историческихъ преданій. Товарищи! Десятки студенческихъ поколѣній смотрятъ на насъ съ высоты этихъ вѣшалокъ, и кромѣ того, въ силу обычнаго права, дѣти и учащіеся здѣсь платятъ половину, какъ въ паноптикумѣ. Не такъ ли, гражданинъ Симеонъ?

Симеонъ не любилъ, когда приходили большими компаніями — это всегда пахло скандаломъ въ недалекомъ будущемъ; студентовъ же онъ вообще презиралъ за ихъ мало понятный ему языкъ, за склонность къ легкомысленнымъ шуткамъ, за безбожіе и главное — за то, что они постоянно бунтуютъ противъ начальства и порядка. Недаромъ же въ тотъ день, когда на Бессарабской площади казаки, мясоторговцы, мучники и рыбники избивали студентовъ, Симеонъ, едва узнавъ объ этомъ, вскочилъ на проѣзжавшаго лихача и, стоя, точно полицеймейстеръ, въ пролеткѣ, помчался на мѣсто драки, чтобы принять въ ней участіе. Уважалъ онъ людей солидныхъ, толстыхъ и пожилыхъ, которые приходили въ одиночку, по секрету, заглядывали опасливо изъ передней въ залу, боясь встрѣтиться со знакомыми, и очень скоро и торопливо уходили, щедро давая на чай. Такихъ онъ всегда величалъ «ваше превосходительство».

И потому, снимая легкое сѣрое пальто съ Ярченки, онъ мрачно и многозначительно огрызнулся на шутку Лихонина:

— Я здѣсь не гражданинъ, а вышибала.

— Съ чѣмъ имѣю честь поздравить, — съ вѣжливымъ поклономъ отвѣтилъ Лихонинъ.

Въ залѣ было много народу. Оттанцовавшіе приказчики сидѣли около своихъ дамъ, красные и мокрые, быстро обмахиваясь платками; отъ нихъ крѣпко пахло старой козлиной шерстью. Мишка-пѣвецъ и его другъ бухгалтеръ, оба лысые, съ мягкими, пушистыми волосами вокругъ обнаженныхъ череповъ, оба съ мутными, перламутровыми, пьяными глазами, сидѣли другъ противъ друга, облокотившись на мраморный столикъ, и все покушались запѣть въ унисонъ такими дрожащими и скачущими голосами, какъ будто бы кто часто-часто колотилъ ихъ сзади по шейнымъ позвонкамъ:

Чу-у-уютъ пра-а-в-ду,

а Эмма Эдуардовна и Зося изо всѣхъ силъ уговаривали ихъ не безобразничать. Ванька-Встанька мирно дремалъ на стулѣ, свѣсивъ внизъ голову, положивъ одну длинную ногу на другую и обхвативъ сцѣпленными руками острое колѣно.

Дѣвицы сейчасъ же узнали нѣкоторыхъ изъ студентовъ и побѣжали имъ навстрѣчу.

— Тамарочка, твой мужъ пришелъ — Володенька. И мой мужъ тоже!

— Мишка! — взвизгнула Нюра, вѣшаясь на шею длинному, носастому, серьезному Петровскому. — Здравствуй, Мишенька. Что̀ такъ долго не приходилъ? Я за тобой соскучилась.

Ярченко съ чувствомъ неловкости озирался по сторонамъ.

— Намъ бы какъ-нибудь... Знаете ли... отдѣльный кабинетикъ, — деликатно сказалъ онъ подошедшей Эммѣ Эдуардовнѣ. — И дайте, пожалуйста, какого-нибудь краснаго вина... Ну тамъ еще кофе... Вы сами знаете.

Ярченко всегда внушалъ прислугѣ и метрдотелямъ довѣріе своей щегольской одеждой и вѣжливымъ, но барскимъ обхожденіемъ. Эмма Эдуардовна охотно закивала головой, точно старая, жирная цирковая лошадь.

— Можно, можно... Пройдите, господа, сюда, въ гостиную. Можно, можно... Какого ликеру? У насъ только бенедиктинъ. Такъ бенедиктину? Можно, можно... И барышнямъ позволите войти?

— Если ужъ это такъ необходимо! — развелъ руками со вздохомъ Ярченко.

И тотчасъ же дѣвушки одна за другой потянулись въ маленькую гостиную съ сѣрой плюшевой мебелью и голубымъ фонаремъ. Онѣ входили, протягивали всѣмъ поочередно непривычныя къ рукопожатіямъ, негнущіяся ладони, называли коротко, вполголоса, свое имя: Маня, Катя, Люба... Садились къ кому-нибудь на колѣни, обнимали за шею и, по обыкновенію, начинали клянчить:

— Студентикъ, вы такой красивенькій... Можно мнѣ спросить апельцыновъ?

— Володенька, купи мнѣ конфетъ! Хорошо?

— А мнѣ шеколаду.

— Толстенькій! — ластилась одѣтая жокеемъ Вѣра къ приватъ-доценту, карабкаясь къ нему на колѣни: — у меня есть подруга одна, только она больная и не можетъ выходить въ залу. Я ей снесу яблокъ и шеколаду? Позволяешь?

— Ну ужъ это выдумки про подругу! А главное, не лѣзь ты ко мнѣ со своими нѣжностями. Сиди, какъ сидятъ умныя дѣти, вотъ здѣсь, рядышкомъ на креслѣ, вотъ такъ. И ручки сложи!

— Ахъ, когда я не могу! — извивалась отъ кокетства Вѣра, закатывая глаза подъ верхнія вѣки. — Когда вы такіе симпатичные.

А Лихонинъ на это профессіональное попрошайничество

только важно и добродушно кивалъ головой, точно Эмма Эдуардовна, и твердилъ, подражая ея нѣмецкому акценту:

— Мощно, мощно, мощно...

— Такъ я скажу, дуся, лакею, чтобы онъ отнесъ моей подругѣ сладкаго и яблокъ? — приставала Вѣра.

Такая навязчивость входила въ кругъ ихъ негласныхъ обязанностей. Между дѣвушками существовало даже какое-то вздорное, дѣтское, странное соревнованіе въ умѣніи «высадить гостя изъ денегъ» — странное потому, что онѣ не получали отъ этого никакого барыша, кромѣ развѣ нѣкотораго благоволенія экономки или одобрительнаго слова хозяйки. Но въ ихъ мелочной, однообразной, привычно-праздной жизни было вообще много полуребяческой, полуистерической игры.

Симеонъ принесъ кофейникъ, чашки, приземистую бутылку бенедиктина, фрукты и конфеты въ стеклянныхъ вазахъ и весело и легко захлопалъ пивными и винными пробками.

— А вы что̀ же не пьете? — обратился Ярченко къ репортеру Платонову. — Позво̀льте... Я нѐ ошибаюсь? Сергѣй Ивановичъ, кажется?

— Такъ.

— Позвольте предложить вамъ, Сергѣй Иванычъ, чашку кофе. Это освѣжаетъ. Или, можетъ-быть, выпьемъ съ вами вотъ этого сомнительнаго лафита?

— Нѣтъ, ужъ вы разрѣшите мнѣ отказаться. У меня свой напитокъ... Симеонъ, дайте мнѣ...

— Коньяку! — поспѣшно крикнула Нюра.

— И съ грушей! — такъ же быстро подхватила Манька Бѣленькая.

— Слушаю, Сергѣй Иванычъ, сейчасъ, — неторопливо, но почтительно отозвался Симеонъ и, нагнувшись и крякнувъ, звонко вырвалъ пробку изъ бутылочнаго горла.

— Въ первый разъ слышу, что въ Ямѣ подаютъ коньякъ! — съ удивленіемъ произнесъ Лихонинъ. — Сколько я ни спрашивалъ, мнѣ всегда отказывали.

— Можетъ-быть, Сергѣй Иванычъ знаетъ такое нѣтушиное слово? — пошутилъ Рамзесъ.

— Или состоитъ здѣсь на какомъ-нибудь особомъ почетномъ положеніи? — колко, съ подчеркиваніемъ вставилъ Борисъ Собашниковъ.

Репортеръ вяло, не поворачивая головы, покосился на Собашникова, на нижній рядъ пуговицъ его короткаго франтовского кителя и отвѣтилъ съ растяжкой:

— Ничего нѣтъ почетнаго въ томъ, что я могу пить какъ лошадь и никогда не пьянѣю, но зато я ни съ кѣмъ и не ссорюсь и никого не задираю. Очевидно, эти хорошія стороны моего характера здѣсь достаточно извѣстны, а потому мнѣ оказываютъ довѣріе.

— Ахъ, молодчинище! — радостно воскликнулъ Лихонинъ, котораго восхищала въ репортерѣ какая-то особенная, лѣнивая, немногословная и въ то же время самоувѣренная небрежность. — Вы и со мной подѣлитесь коньякомъ?

— Очень, очень радъ, — привѣтливо отвѣтилъ Платоновъ и вдругъ поглядѣлъ на Лихонина со свѣтлой, почти дѣтской улыбкой, которая скрасила его некрасивое, скуластое лицо. — Вы мнѣ тоже сразу понравились. И когда я увидѣлъ васъ еще тамъ, у Дорошенки, я сейчасъ же подумалъ, что вы вовсе не такой шершавый, какимъ кажетесь.

— Ну вотъ и обмѣнялись любезностями, — засмѣялся Лихонинъ. — Но удивительно, что мы именно здѣсь ни разу съ вами не встрѣчались. Повидимому, вы таки-частенько бываете у Анны Марковны?

— Даже весьма.

— Сергѣй Иванычъ у насъ самый главный гость! —

наивно взвизгнула Нюра. — Сергѣй Иванычъ у насъ въ родѣ брата!

— Дура! — остановила ее Тамара.

— Это мнѣ странно, — продолжалъ Лихонинъ. — Я тоже — завсегдатай. Во всякомъ случаѣ можно только позавидовать общей къ вамъ симпатіи...

— Мѣстный староста! — сказалъ, скрививъ сверху внизъ губы, Борисъ Собашниковъ, но сказалъ настолько вполголоса, что Платоновъ, если бы захотѣлъ, могъ притвориться, что онъ ничего не разслышалъ. Этотъ репортеръ давно уже возбуждалъ въ Борисѣ какое-то слѣпое и колючее раздраженіе. Это еще ничего, что онъ былъ не изъ своего стада. Но Борисъ, подобно многимъ студентамъ (а также и офицерамъ, юнкерамъ и гимназистамъ), привыкъ къ тому, что посторонніе «штатскіе» люди, попадавшіе случайно въ кутящую студенческую компанію, всегда держали себя въ ней нѣсколько зависимо и подобострастно, льстили учащейся молодежи, удивлялись ея смѣлости, смѣялись ея шуткамъ, любовались ея самолюбованіемъ, вспоминали со вздохомъ подавленной зависти свои студенческіе годы. А въ Платоновѣ не только не было этого привычнаго вилянія хвостомъ передъ молодежью, но, наоборотъ, чувствовалось какое-то разсѣянное, спокойное и вѣжливое равнодушіе.

Кромѣ того сердило Собашникова — и сердило мелкой ревнивой досадой — то простое и вмѣстѣ предупредительное вниманіе, которое репортеру оказывали въ заведеніи всѣ, начиная съ швейцара и кончая мясистой, молчаливой Катей. Это вниманіе сказывалось въ томъ, какъ его слушали, въ той торжественной бережности, съ которой Тамара наливала его рюмку, и въ томъ, какъ Манька Бѣленькая заботливо чистила для него грушу, и въ удовольствіи Зои, поймавшей ловко брошенный ей репортеромъ черезъ столъ портсигаръ, въ то время, какъ она

напрасно просила папиросу у двухъ заговорившихся сосѣдей, и въ томъ, что ни одна изъ дѣвицъ не выпрашивала у него ни шоколаду ни фруктовъ, и въ ихъ живой благодарности за его маленькія услуги и угощеніе. «Котъ!» — злобно рѣшилъ-было про-себя Собашниковъ, но и самъ себѣ не повѣрилъ: ужъ очень былъ некрасивъ и небрежно одѣтъ репортеръ и кромѣ того держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Платоновъ опять сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ дерзости, сказанной студентомъ. Онъ только нервно скомкалъ въ пальцахъ салфетку и слегка отшвырнулъ ее отъ себя. И опять его вѣки дрогнули въ сторону Бориса Собашникова.

— Да, я здѣсь, правда, свой человѣкъ, — спокойно продолжалъ онъ, медленными кругами двигая рюмку по столу. — Представьте себѣ: я въ этомъ самомъ домѣ обѣдалъ изо дня въ день ровно четыре мѣсяца.

— Нѣтъ? Серьезно? — удивился и засмѣялся Ярченко.

— Совсѣмъ серьезно. Тутъ очень недурно кормятъ, между прочимъ. Сытно и вкусно, хотя черезчуръ жирно.

— Но какъ же это вы?..

— А такъ, что я подготовлялъ дочку Анны Марковны, хозяйки этого гостепріимнаго дома, въ гимназію. Ну и выговорилъ себѣ условіе, чтобы часть мѣсячной платы вычитали мнѣ за обѣды.

— Что̀ за странная фантазія! — сказалъ Ярченко. — И это вы добровольно? Или... Простите, я боюсь показаться вамъ нескромнымъ... можетъ-быть, въ это время... крайняя нужда?..

— Вовсе нѣтъ. Анна Марковна съ меня содрала раза въ три дороже, чѣмъ это стоило бы въ студенческой столовой. Просто, мнѣ хотѣлось пожить здѣсь, поближе, потѣснѣе, такъ сказать, войти интимно въ этотъ мірокъ.

— А-а! Я, кажется, начинаю понимать! — просіялъ

Ярченко. — Нашъ новый другъ, — извините за маленькую фамильярность, — повидимому, собираетъ бытовой матеріалъ? И, можетъ-быть, черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ имѣть удовольствіе прочитать...

— Трррагедію изъ публичнаго дома! — вставилъ громко, по-актерски, Борисъ Собашниковъ.

Въ то время, когда репортеръ отвѣчалъ Ярченкѣ, Тамара тихо встала со своего мѣста, обошла столъ и, нагнувшись надъ Собашниковымъ, сказала ему шопотомъ на ухо:

— Миленькій, хорошенькій, вы бы лучше этого господина не трогали. Ей-Богу, для васъ же будетъ лучше.

— Чтой-та̀? — высокомѣрно взглянулъ на нее студентъ, поправляя двумя разставленными пальцами пенснэ. — Онъ — твой любовникъ? Котъ?

— Клянусь вамъ чѣмъ хотите, онъ ни разу въ жизни ни съ одной изъ насъ не оставался. Но, повторяю, вы его не задирайте.

— Ну да! Ну конечно! — возразилъ Собашниковъ, презрительно кривляясь. — У него такая прекрасная защита, какъ весь публичный домъ. И, должно-быть, всѣ вышибалы съ Ямской — его близкіе друзья и пріятели.

— Нѣтъ, не то, — возразила ласковымъ шопотомъ Тамара. — А то, что онъ возьметъ васъ за воротникъ и выброситъ въ окно, какъ щенка. Я такой воздушный полетъ однажды уже видѣла. Не дай Богъ никому. И стыдно, и опасно для здоровья.

— Пошла вонъ, сволочь! — крикнулъ Собашниковъ, замахиваясь на нее локтемъ.

— Иду, миленькій, — кротко отвѣтила Тамара и отошла отъ него своей легкой походкой.

Всѣ на мгновеніе обернулись къ студенту.

— Не буянь, барбарисъ! — погрозилъ ему пальцемъ Лихонинъ. — Ну, ну, говорите, — попросилъ онъ репортера: — все это такъ интересно, что̀ вы разсказываете.

— Нѣтъ, я ничего не собираю, — продолжалъ спокойно и серьезно репортеръ. — А матеріалъ здѣсь дѣйствительно огромный, прямо подавляющій, страшный... И страшны вовсе не громкія фразы о торговлѣ женскимъ мясомъ, о бѣлыхъ рабыняхъ, о проституціи, какъ о разъѣдающей язвѣ большихъ городовъ, и такъ далѣе и такъ далѣе... старая, всѣмъ надоѣвшая шарманка! Нѣтъ, ужасны будничныя, привычныя мелочи, эти дѣловые, дневные, коммерческіе расчеты, эта тысячелѣтняя наука любовнаго обхожденія, этотъ прозаическій обиходъ, устоявшійся вѣками. Въ этихъ незамѣтныхъ пустякахъ совершенно растворяются такія чувства, какъ обида, униженіе, стыдъ. Остается сухая профессія, контрактъ, договоръ, почти-что честная торговлишка, ни хуже ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли. Понимаете ли, господа, въ этомъ-то весь и ужасъ, что нѣтъ никакого ужаса! Мѣщанскія будни — и только. Да еще привкусъ закрытаго учебнаго заведенія съ его наивностью, грубостью, сентиментальностью и подражательностью.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Лихонинъ, а репортеръ продолжалъ, глядя задумчиво въ свою рюмку:

— Читаемъ мы въ публицистикѣ, въ передовыхъ статьяхъ разные вопли суетливыхъ душъ. И женщины-врачи тоже стараются по этой части и стараются довольно противно. «Ахъ, регламентація! Ахъ, аболиціонизмъ! Ахъ, живой товаръ! Крѣпостное положеніе! Хозяйки, эти жадныя гетеры! Эти гнусные выродки человѣчества, сосущіе кровь проститутокъ!..» Но вѣдь крикомъ никого не испугаешь и не проймешь. Знаете, есть поговорочка: визгу много, а шерсти мало. Страшнѣе всякихъ страшныхъ словъ, въ сто разъ страшнѣе — какой-нибудь этакій маленькій прозаическій штришокъ, который васъ вдругъ точно по лбу опарашитъ. Возьмите хотя бы здѣшняго швейцара Симеона. Ужъ, кажется, по-ва-

шему, ниже некуда спуститься: вышибала въ публичномъ домѣ, звѣрь, почти навѣрно — убійца, обираетъ проститутокъ, дѣлаетъ имъ «черный глазъ», по здѣшнему выраженію, т.-е. просто-напросто бьетъ. А знаете ли, на чемъ мы съ нимъ сошлись и подружились? На пышныхъ подробностяхъ архіерейскаго служенія, на канонѣ честного Андрея, пастыря Критскаго, на твореніяхъ отца преблаженнаго Іоанна Дамаскина. Религіозенъ — необычайно! Заведу его, бывало, и онъ со слезами на глазахъ поетъ мнѣ: «Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимте, братіе, усопшему...» Изъ чина погребенія мірскихъ человѣкъ. Нѣтъ, вы подумайте: вѣдь только въ одной русской душѣ могутъ ужиться такія противорѣчія.

— Да. Такой помолится-помолится, потомъ зарѣжетъ, а потомъ умоетъ руки и поставитъ свѣчу передъ образомъ, — сказалъ Рамзесъ.

— Именно. Я ничего не знаю болѣе жуткаго, чѣмъ это соединеніе вполнѣ искренней набожности съ природнымъ тяготѣніемъ къ преступленію. Признаться ли вамъ? Я, когда разговариваю одинъ на одинъ съ Симеономъ, — а говоримъ мы съ нимъ подолгу и неторопливо, такъ: часами,—я испытываю минутами настоящій страхъ. Суевѣрный страхъ! Точно вотъ я стою въ сумеркахъ на зыбкой дощечкѣ, наклонившись надъ какимъ-то темнымъ зловоннымъ колодцемъ, и едва-едва различаю, какъ тамъ, на днѣ, копошатся гады. А вѣдь онъ по-настоящему набоженъ и, я увѣренъ, пойдетъ когда-нибудь въ монахи и будетъ великимъ постникомъ и молитвенникомъ, и, чортъ его знаетъ, какимъ уродливымъ образомъ переплетется въ его душѣ настоящій религіозный экстазъ съ богохульствомъ, съ кощунствомъ, съ какой-нибудь отвратительной страстью, съ садизмомъ или еще съ чѣмъ-нибудь въ родѣ этого?

— Однако вы не щадите объекта вашихъ наблюде-

ній, — сказалъ Ярченко и осторожно показалъ глазами на дѣвицъ.

— Э, все равно. У насъ съ нимъ теперь прохладныя отношенія.

— Почему такъ? — спросилъ Володя Павловъ, поймавшій конецъ разговора.

— Да такъ... не стоитъ и разсказывать... — уклончиво улыбнулся репортеръ. — Пустякъ... Давайте-ка сюда вашу рюмку, господинъ Ярченко.

Но торопливая Нюра, у которой ничто не могло удержаться во рту, вдругъ выпалила скороговоркой:

— Потому что Сергѣй Иванычъ ему по мордѣ дали... Изъ-за Нинки. Къ Нинкѣ пришелъ одинъ старикъ... И остался на ночь... А у Нинки былъ красный флагъ... И старикъ все время ее мучилъ... А Нинка заплакала и убѣжала.

— Брось, Нюра, скучно, — сказалъ, сморщившись, Платоновъ.

— Одепне! (отстань), — строго приказала на жаргонѣ домовъ терпимости Тамара.

Но разбѣжавшуюся Нюру невозможно было остановить.

— А Нинка говоритъ: я, говоритъ, ни за что съ нимъ не останусь, хоть рѣжьте меня на куски... всю, говоритъ, меня слюнями обмочилъ. Ну старикъ, понятно, пожаловался швейцару, а швейцаръ, понятно, давай Нинку бить. А Сергѣй Иванычъ въ это время писалъ мнѣ письмо домой, въ провинцію, и какъ услышалъ, что Нинка кричитъ...

— Зоя, зажми ей ротъ! — сказалъ Платоновъ.

— Такъ сейчасъ вскочилъ и... апъ!.. — И Нюринъ потокъ мгновенно прервался, заткнутый ладонью Зои.

Всѣ засмѣялись, только Борисъ Собашниковъ подъ шумокъ пробормоталъ съ презрительнымъ видомъ:

— Oh, chevalier sans peur et sans réproche!

Онъ ужъ былъ довольно сильно пьянъ, стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, въ вызывающей позѣ, съ заложенными въ карманы брюкъ руками, и нервно жевалъ папиросу.

— Это какая же Ниика? — спросилъ съ любопытствомъ Рамзесъ. — Она здѣсь?

— Нѣтъ, ея нѣту. Такая маленькая, курносая дѣвчонка. Наивная и очень сердитая. — Репортеръ вдругъ внезапно и искренно расхохотался. — Извините... это я такъ... своимъ мыслямъ, — объяснилъ онъ сквозь смѣхъ. — Я сейчасъ очень живо вспомнилъ этого старика, какъ онъ въ испугѣ бѣжалъ по коридору, захвативъ верхнюю одежду и башмаки... Такой почтенный старецъ, съ наружностью апостола, я даже знаю, гдѣ онъ служитъ. Да и вы всѣ его знаете. Но всего курьезнѣе было, когда онъ наконецъ въ залѣ почувствовалъ себя въ безопасности. Понимаете: сидитъ на стулѣ, надѣваетъ панталоны, никакъ не попадетъ ногой, куда слѣдуетъ, и оретъ на весь домъ: «Безобразіе! Гнусный притонъ! Я васъ выведу на чистую воду!.. Завтра же въ двадцать четыре часа!..» Знаете ли, это соединеніе жалкой безпомощности съ грозными криками было такъ уморительно, что даже мрачный Симеонъ разсмѣялся... Ну вотъ, кстати о Симеонѣ... Я говорю, что жизнь поражаетъ, ставитъ втупикъ своей диковинной путаницей и неразберихой. Можно насказать тысячу громкихъ словъ о сутенерахъ, а вотъ именно такого Симеона ни за что не придумаешь. Такъ разнообразна и пестра жизнь! Или еще возьмите здѣшнюю хозяйку Анну Марковну. Эта кровопійца, гіена, мегера и такъ далѣе — самая нѣжная мать, какую только можно себѣ представить. У нея одна дочь — Берта, она теперь въ пятомъ классѣ гимназіи. Если бы вы видѣли, сколько осторожнаго вниманія, сколько

нѣжной заботы затрачиваетъ Анна Марковна, чтобы дочь не узнала какъ-нибудь случайно о ея профессіи. И сама при ней не смѣетъ даже разговаривать, боится за свой лексиконъ, глядитъ ей въ глаза, держитъ себя рабски, какъ старая прислуга, какъ глупая, преданная нянька, какъ старый, вѣрный, опаршивѣвшій пудель. Ей ужъ давно пора уйти на покой, потому что и деньги есть, и занятіе ея здѣсь тяжелое и хлопотное, и годы ея уже почтенные. Такъ вѣдь нѣтъ: надо еще лишнюю тысячу, а тамъ и еще и еще — все для Берточки. А у Берточки лошади, у Берточки англичанка, Берточку каждый годъ возятъ за границу, у Берточки на сорокъ тысячъ брильянтовъ— чортъ ихъ знаетъ, чьи они, эти брильянты? И вѣдь я не только увѣренъ, но я твердо знаю, что для счастія этой самой Берточки, нѣтъ, даже не для счастія, а предположимъ, что у Берточки сдѣлается на пальчикѣ заусеница, — такъ вотъ, чтобы эта заусеница прошла, — вообразите на секунду возможность такого положенія вещей! — Анна Марковна, не сморгнувъ, продастъ на растлѣніе нашихъ сестеръ и дочерей, заразитъ насъ всѣхъ и нашихъ сыновей сифилисомъ. Что̀? Вы скажете — чудовище? А я скажу, что ею движетъ та же великая, неразумная, слѣпая, эгоистическая любовь, за которую мы всѣ называемъ нашихъ матерей святыми женщинами.

— Легче на поворотахъ! — замѣтилъ сквозь зубы Борисъ Собашниковъ.

— Простите: я не сравнивалъ людей, а только обобщалъ первоисточникъ чувства. Я могъ бы привести для примѣра и самоотверженную любовь матерей-животныхъ. Но вижу, что затѣялъ скучную матерію. Лучше бросимъ.

— Нѣтъ, вы договорите, — возразилъ Лихонинъ. — Я чувствую, что у васъ была цѣльная мысль.

— И очень простая. Давеча профессоръ спросилъ меня, не наблюдаю ли я здѣшней жизни съ какими-нибудь писа-

тельскими цѣлями. И я хотѣлъ только сказать, что я умѣю видѣть, но именно не умѣю наблюдать. Вотъ я привелъ вамъ въ примѣръ Симеона и Анну Марковну. Я не знаю самъ, почему, но я чувствую, что въ нихъ таится какая-то ужасная, непреоборимая дѣйствительность жизни, но ни разсказать ее, ни показать ее я не умѣю, — мнѣ не дано этого. Здѣсь нужно великое умѣнье взять какую-нибудь мелочишку, ничтожный, бросовый штришокъ, и получится страшная правда, отъ которой читатель въ испугѣ забудетъ закрыть ротъ. Люди ищутъ ужаснаго въ словахъ, въ крикахъ, въ жестахъ. Ну вотъ, напримѣръ, читаю я описаніе какого-нибудь погрома, или избіенія въ тюрьмѣ, или усмиренія. Конечно, описываются городовые, «эти слуги произвола», эти опричники современности, шагающіе по колѣно въ крови, или какъ тамъ еще пишутъ въ этихъ случаяхъ? Конечно, возмутительно, и больно, и противно, но все это — умомъ, а не сердцемъ. Но вотъ я иду утромъ по Лебяжьей улицѣ, вижу — собралась толпа, въ серединѣ дѣвочка пяти лѣтъ — оказывается, отстала отъ матери и заблудилась, или, быть-можетъ, мать ее бросила. А передъ дѣвочкой на корточкахъ городовой. Разспрашиваетъ, какъ ее зовутъ, да откуда, да какъ зовутъ папу, да какъ зовутъ маму. Вспотѣлъ, бѣдный, отъ усилія, шапка на затылкѣ, огромное усатое лицо такое доброе, и жалкое, и безпомощное, а голосъ ласковый-преласковый. Наконецъ, что̀ вы думаете? Такъ какъ дѣвчонка вся переволновалась, и уже осипла отъ слезъ, и всѣхъ дичится — онъ, этотъ самый «имѣющійся постовой городовой», вытягиваетъ впередъ два своихъ черныхъ, заскорузлыхъ пальца, указательный и мизинецъ, и начинаетъ дѣлать дѣвочкѣ козу! «Ро-о-гами забоду, ногами затопу!..» И вотъ, когда я глядѣлъ на эту милую сцену и подумалъ, что черезъ полчаса этотъ самый постовой будетъ въ участкѣ бить ногами въ лицо и въ грудь чело-

вѣка, котораго онъ до сихъ поръ ни разу въ жизни не видалъ и преступленіе котораго для него совсѣмъ неизвѣстно, — то — вы понимаете! —мнѣ стало невыразимо-жутко и тоскливо. Не умомъ, а сердцемъ. Такая чертовская путаница эта жизнь. Выпьемъ, Лихонинъ, коньяку?

— Хотите на ты? — предложилъ вдругъ Лихонинъ.

— Хорошо. Только безъ поцѣлуйчиковъ, правда? Будь здоровъ, мой милый... Или вотъ еще примѣръ. Читаю я, какъ одинъ французскій классикъ описываетъ мысли и ощущенія человѣка, приговореннаго къ смертной казни. Громко, сильно, блестяще описываетъ, а я читаю и... ну, никакого впечатлѣнія: ни волненія ни возмущенія — одна скука. Но вотъ на-дняхъ попадается мнѣ короткая хроникерская замѣтка о томъ, какъ гдѣ-то во Франціи казнили убійцу. Прокуроръ, который присутствовалъ при послѣднемъ туалетѣ преступника, видитъ, что тотъ надѣваетъ башмаки на босу ногу, и — болванъ! — напоминаетъ: «А чулки-то?»—А тотъ посмотрѣлъ на него и говоритъ такъ раздумчиво: «Стóитъ ли?» Понимаете: эти двѣ коротенькихъ реплики меня какъ камнемъ по черепу! Сразу раскрылся передо мною весь ужасъ и вся глупость насильственной смерти... Или вотъ еще о смерти. Умеръ одинъ мой пріятель, пѣхотный капитанъ,—пьяница, бродяга и душевнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Мы его звали почему-то электрическимъ капитаномъ. Я былъ поблизости, и мнѣ пришлось одѣвать его для послѣдняго парада. Я взялъ его мундиръ и сталъ надѣвать къ нему эполеты. Тамъ, знаете, въ ушко эполетныхъ пуговицъ продѣвается шнурокъ, а потомъ два конца этого шнурка просовываются сквозь двѣ дырочки подъ воротникомъ и изнутри, съ подкладки, завязываются. И вотъ продѣлалъ я всю эту процедуру, завязываю шнурокъ петелькой, и, знаете, все у меня никакъ не выходитъ петля: то черезчуръ некрѣпко связана, то одинъ конецъ слишкомъ ко-

ротокъ. Копошусь я надъ этой ерундой, и вдругъ мнѣ въ голову приходитъ самая удивительно-простая мысль, что гораздо проще и скорѣе завязать узломъ — вѣдь все равно никто развязывать не будетъ. И сразу я всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ смерть. До тѣхъ поръ я видѣлъ остеклянѣвшіе глаза капитана, щупалъ его холодный лобъ, и все какъ-то не осязалъ смерти, а подумалъ объ узлѣ — и всего меня пронизало, и точно пригнуло къ землѣ простое и печальное сознаніе о невозвратимой, неизбѣжной погибели всѣхъ нашихъ словъ, дѣлъ и ощущеній, о гибели всего видимаго міра... И такихъ маленькихъ, но поразительныхъ мелочей я могъ бы привести сотню... Хотя бы о томъ, что̀ такое люди испытывали на войнѣ... Но я хочу свести свою мысль къ одному. Всѣ мы проходимъ мимо этихъ характерныхъ мелочей равнодушно, какъ слѣпые, точно не видя, что онѣ валяются у насъ подъ ногами. А придетъ художникъ, и разглядитъ и подберетъ. И вдругъ такъ умѣло повернетъ на солнцѣ крошечный кусочекъ жизни, что всѣ мы ахнемъ. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это я самъ — самъ! — лично видѣлъ. Только мнѣ просто не пришло въ голову обратить на это пристальнаго вниманія». Но наши русскіе художники слова — самые совѣстливые и самые искренніе во всемъ мірѣ художники — почему-то до сихъ поръ обходили проституцію и публичный домъ. Почему? Право, мнѣ трудно отвѣтить на это. Можетъ-быть, по брезгливости, по малодушію, изъ-за боязни прослыть порнографическимъ писателемъ, наконецъ, просто изъ страха, что наша кумовская критика отожествитъ художественную работу писателя съ его личной жизнью и пойдетъ копаться въ его грязномъ бѣльѣ. Или, можетъ-быть, у нихъ не хватаетъ ни времени, ни самоотверженности, ни самообладанія вникнуть съ головой въ эту жизнь и подсмотрѣть ее близко-близко, безъ предубѣжденія, безъ гром-

кихъ фразъ, безъ овечьей жалости, во всей ея чудовищной простотѣ и будничной дѣловитости. Ахъ, какая бы это получилась громадная, потрясающая и правдивая книга.

— Пишутъ же! — нехотя замѣтилъ Рамзесъ.

— Пишутъ, — въ тонъ ему скучно повторилъ Платоновъ. — Но все это или ложь, или театральные эффекты для дѣтей младшаго возраста, или хитрая символика, понятная лишь для мудрецовъ будущаго. А самой жизни никто еще не трогалъ. Одинъ большой писатель — человѣкъ съ хрустально-чистой душой и замѣчательнымъ изобразительнымъ талантомъ — подошелъ однажды къ этой темѣ, и вотъ все, что̀ можетъ схватить глазъ внѣшняго, отразилось въ его душѣ, какъ въ чудесномъ зеркалѣ. Но лгать и пугать людей онъ не рѣшился. Онъ только поглядѣлъ на жесткіе, какъ у собаки, волосы швейцара и подумалъ: «А вѣдь и у него навѣрно была мать». Скользнулъ своимъ умнымъ, точнымъ взглядомъ по лицамъ проститутокъ и запечатлѣлъ ихъ. Но того, чего онъ не зналъ, онъ не посмѣлъ написать. Замѣчательно, что этотъ же писатель, обаятельный своей честностью и правдивостью, приглядывался не однажды и къ мужику. Но онъ почувствовалъ, что и языкъ, и складъ мысли, и душа народа для него темны и непонятны... И онъ съ удивительнымъ тактомъ, скромно обошелъ душу народа стороной, а весь запасъ своихъ прекрасныхъ наблюденій преломилъ сквозь глаза городскихъ людей. Я нарочно объ этомъ упомянулъ. У насъ, видите ли, пишутъ о сыщикахъ, объ адвокатахъ, объ акцизныхъ надзирателяхъ, о педагогахъ, о прокурорахъ, о полиціи, объ офицерахъ, о сладострастныхъ дамахъ, объ инженерахъ, о баритонахъ — и пишутъ, ей-Богу, совсѣмъ хорошо — умно, тонко и талантливо. Но вѣдь всѣ эти люди — соръ, и жизнь ихъ не жизнь, а какой-то надуманный, призрачный, ненужный бредъ мі-

ровой культуры. Но вотъ есть двѣ страшныхъ дѣйствительности — древнихъ, какъ само человѣчество: проститутка и мужикъ. И мы о нихъ ничего не знаемъ, кромѣ какихъ-то сусальныхъ, пряничныхъ, эпическихъ изображеній въ литературѣ. Я васъ спрашиваю: что̀ русская литература выжала изъ всего кошмара проституціи? Одну Сонечку Мармеладову. Что̀ она дала о мужикѣ, кромѣ поскудныхъ фальшивыхъ народническихъ пасторалей? Одно, всего лишь одно, но зато, правда, величайшее въ мірѣ произведеніе, — потрясающую трагедію, отъ правдивости которой захватываетъ духъ и волосы становятся дыбомъ. Вы знаете, о чемъ я говорю...

— «Коготокъ увязъ...» — тихо подсказалъ Лихонинъ.

— Да,—отвѣтилъ репортеръ и съ благодарностью, ласково поглядѣлъ на студента.

— Ну, что̀ касается Сонечки, то вѣдь это абстрактный типъ,—замѣтилъ увѣренно Ярченко.—Такъ сказать, психологическая схема...

Платоновъ, который до сихъ поръ говорилъ точно нехотя, съ развальцей, вдругъ загорячился:

— Сто разъ слышалъ это сужденіе, сто разъ! И вовсе это не правда. Подъ грубой и похабной профессіей, подъ пьянымъ, безобразнымъ видомъ — и все-таки жива Сонечка Мармеладова! Судьба русской проститутки — о, какой это трагическій, жалкій, кровавый, смѣшной и глупый путь! Здѣсь все совмѣстилось: русскій Богъ, русская широта и безпечность, русская наивность, русское терпѣніе, русское безстыдство. Вѣдь всѣ онѣ, которыхъ вы берете въ спальни,—поглядите, поглядите на нихъ хорошенько,—вѣдь всѣ онѣ—дѣти, вѣдь имъ всѣмъ по одиннадцати лѣтъ. Судьба толкнула ихъ на проституцію, и съ тѣхъ поръ онѣ живутъ въ какой-то странной, феерической, игрушечной жизни, не развиваясь, не обогащаясь опытомъ, наивныя, довѣрчивыя, капризныя,

не знающія, что̀ скажутъ и что̀ сдѣлаютъ черезъ полчаса — совсѣмъ какъ дѣти. Эту свѣтлую и смѣшную дѣтскость я видѣлъ у самыхъ опустившихся, самыхъ старыхъ дѣвокъ, заѣзженныхъ и искалѣченныхъ, какъ извозчичьи клячи. И не умираетъ въ нихъ никогда эта безсильная жалость, это безполезное сочувствіе къ человѣческому страданію... Напримѣръ...

Платоновъ обвелъ всѣхъ сидящихъ медленнымъ взоромъ и, вдругъ махнувши рукой, сказалъ усталымъ голосомъ:

— А впрочемъ... къ чорту! Я сегодня наговорился лѣтъ на десять... И все это ни къ чему.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Иванычъ, отчего бы вамъ не попробовать все это описать самому? — спросилъ Ярченко. — У васъ такъ живо сосредоточено вниманіе на этомъ вопросѣ.

— Пробовалъ! — съ невеселой усмѣшкой отвѣтилъ Платоновъ. — Но ничего не выходитъ. Начну писать и сейчасъ же запутаюсь въ разныхъ «что̀», «который», «былъ». Эпитеты выходятъ пошлыми. Слова простываютъ на бумагѣ. Какая-то жвачка. Знаете ли, здѣсь однажды проѣздомъ былъ Тереховъ... Тотъ... извѣстный... Я пришелъ къ нему и сталъ разсказывать ему многое-многое о здѣшней жизни, чего я вамъ не говорю изъ боязни наскучить. Я просилъ его воспользоваться моимъ матеріаломъ. Онъ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, и вотъ что̀ онъ сказалъ буквально: «Не обижайтесь, Платоновъ, если я вамъ скажу, что нѣтъ почти ни одного человѣка изъ встрѣчаемыхъ мною въ жизни, который не совалъ бы мнѣ темъ для романовъ и повѣстей, или не училъ бы меня, о чемъ надо писать. Тотъ матеріалъ, что̀ вы мнѣ сейчасъ сообщили, — прямо необъятенъ по своему смыслу и вѣсу. Но что̀ я съ нимъ подѣлаю? Чтобы написать такую колоссальную книгу, о какой вы думаете, мало чужихъ словъ, хотя бы и самыхъ точ-

ныхъ, мало даже наблюденій, сдѣланныхъ съ записной книжечкой и карандашикомъ. Надо самому вжиться въ эту жизнь, не мудрствуя лукаво, безъ всякихъ заднихъ писательскихъ мыслей. Тогда выйдетъ страшная книга». Слова его меня обезкуражили и въ то же время окрылили. Съ этихъ поръ я вѣрю, что не теперь, не скоро, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, но придетъ геніальный и именно русскій писатель, который вберетъ въ себя всѣ тяготы и всю мерзость этой жизни и выброситъ ихъ намъ въ видѣ простыхъ, тонкихъ и безсмертно-жгучихъ образовъ. И всѣ мы скажемъ: «Да вѣдь это все мы сами видѣли и знали, но мы и предположить не могли, что это такъ ужасно!» Въ этого грядущаго художника я вѣрю всѣмъ сердцемъ.

— Аминь! — сказалъ серьезно Лихонинъ. — Выпьемъ за него.

— А, ей-Богу, — вдругъ отозвалась Манька Маленькая. — Хотя бы кто-нибудь написалъ по правдѣ, какъ живемъ мы здѣсь, разнесчастныя...

Въ дверь постучали, и тотчасъ же вошла Женя въ своемъ блестящемъ оранжевомъ платьѣ.

X.

Она непринужденно, съ независимымъ видомъ перваго персонажа въ домѣ, поздоровалась со всѣми мужчинами и сѣла около Сергѣя Иваныча, позади его стула. Она только-что освободилась отъ того самаго нѣмца въ формѣ благотворительнаго общества, который рано вечеромъ остановилъ свой выборъ на Манѣ Бѣленькой, а потомъ перемѣнилъ ее, по рекомендаціи экономки, на Пашу. Но задорная и самоувѣренная красота Жени, должно-быть, сильно уязвила его блудливое сердце, потому что, прошлявшись часа три по какимъ-то пивнымъ заведеніямъ

и ресторанамъ и набравшись тамъ мужества, онъ опять вернулся въ домъ Анны Марковны, дождался, пока отъ Жени не ушелъ ея временный гость — Карлъ Карловичъ изъ оптическаго магазина, и взялъ ее въ комнату.

На безмолвный — глазами — вопросъ Тамары Женя съ отвращеніемъ поморщилась, содрогнулась спиною и утвердительно кивнула головой.

— Ушелъ... Бррр!..

Платоновъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ приглядывался къ Женѣ. Ее онъ отличалъ среди прочихъ дѣвушекъ и почти уважалъ за крутой, неподатливый и дерзко-насмѣшливый характеръ. И теперь, изрѣдка оборачиваясь назадъ, онъ по ея горящимъ прекраснымъ глазамъ, по ярко и неровно рдѣвшему на щекахъ нездоровому румянцу, по искусаннымъ запекшимся губамъ чувствовалъ, что въ дѣвушкѣ тяжело колышется и душитъ ее большая, давно назрѣвшая злоба. И тогда же онъ подумалъ (и впослѣдствіи часто вспоминалъ объ этомъ), что никогда онъ не видѣлъ Жени такой блестяще-красивой, какъ въ эту ночь. Онъ замѣтилъ также, что всѣ бывшіе въ кабинетѣ мужчины, за исключеніемъ Лихонина, глядятъ на нее — иные откровенно, другіе украдкой и точно мелькомъ — съ любопытствомъ и затаеннымъ желаніемъ. Красота этой женщины вмѣстѣ съ мыслью о ея ежеминутной, совсѣмъ легкой доступности волновала ихъ воображеніе.

— Съ тобой что-то такое творится, Женя, — сказалъ тихо Платоновъ.

Она ласково, чуть-чуть провела пальцами по его рукѣ.

— Не обращай вниманія. Такъ... наши бабскія дѣла... Тебѣ будетъ неинтересно.

Но тотчасъ же, повернувшись къ Тамарѣ, она страстно и быстро заговорила что-то на условномъ жаргонѣ, представляющемъ дикую смѣсь изъ еврейскаго, цыганскаго

и румынскаго языковъ и изъ воровскихъ и конокрадскихъ словечекъ.

— Не звони метлѝчка, мѐтликъ фартовы, — прервала ее Тамара и съ улыбкой показала глазами на репортера.

Платоновъ дѣйствительно понялъ. Женя съ негодованіемъ разсказывала о томъ, что за сегодняшній вечеръ и ночь, благодаря наплыву дешевой публики, несчастную Пашу брали въ комнату больше десяти разъ — и все разные мужчины. Только сейчасъ съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, закончившійся обморокомъ. И вотъ, едва приведя Пашу въ чувство и отпоивъ ее валерьяновыми каплями на рюмкѣ спирта, Эмма Эдуардовна опять послала ее въ залу. Женя попробовала-было заступиться за подругу, но экономка обругала заступницу и пригрозила ей наказаніемъ.

— О чемъ это она? — въ недоумѣніи спросилъ Ярченко, высоко подымая брови.

— Не безпокойтесь... ничего особеннаго... — отвѣтила Женя еще взволнованнымъ голосомъ. — Такъ... нашъ маленькій семейный вздоръ... Сергѣй Иванычъ, можно мнѣ вашего вина?

Она налила себѣ полстакана и выпила коньякъ залпомъ, широко раздувая тонкія ноздри.

Платоновъ молча всталъ и пошелъ къ двери.

— Не стòитъ, Сергѣй Иванычъ. Бросьте... — остановила его Женя.

— Да нѣтъ, отчего же? — возразилъ репортеръ. — Я сдѣлаю самую простую и невинную вещь, возьму Пашу сюда, а если придется — такъ и уплачу за нее. Пусть полежитъ здѣсь на диванѣ и хоть немного отдохнетъ... Нюра, живо сбѣгай за подушкой!

Едва закрылась дверь за его широкой, неуклюжей фигурой въ сѣромъ платьѣ, какъ тотчасъ же Борисъ Собашниковъ заговорилъ съ презрительной рѣзкостью:

— На кой чортъ, господа, мы затащили въ свою компанію этого фрукта съ улицы? Очень нужно связываться со всякой рванью. Чортъ его знаетъ, кто онъ такой, — можетъ-быть, даже шпикъ. Кто можетъ ручаться? И всегда ты такъ, Лихонинъ.

— Ну какая тебѣ, Боря, опасность отъ шпика? — добродушно возразилъ Лихонинъ.

— Это не Лихонинъ, а я его познакомилъ со всѣми, — сказалъ Рамзесъ. — Я его знаю за вполнѣ порядочнаго человѣка и за хорошаго товарища.

— Э! Чепуха! Хорошій товарищъ выпить на чужой счетъ. Развѣ вы сами не видите, что это самый обычный типъ завсегдатая при публичномъ домѣ, и всего вѣроятнѣе, что онъ просто здѣшній котъ, которому платятъ проценты за угощеніе, въ которое онъ втравливаетъ посѣтителей.

— Оставь, Боря. Глупо, — укоризненно замѣтилъ Ярченко.

Но Боря не могъ оставить. У него была несчастная особенность: опьянѣніе не дѣйствовало ему ни на ноги ни на языкъ, но приводило его въ мрачное, обидчивое настроеніе и толкало на ссоры. А Платоновъ давно уже раздражалъ его своимъ небрежно-искреннимъ, увѣреннымъ и серьезнымъ тономъ, такъ мало подходящимъ къ отдѣльному кабинету публичнаго дома. Но еще больше сердило Собашникова то кажущееся равнодушіе, съ которымъ репортеръ пропускалъ его злыя вставки въ разговоръ.

— И потомъ, какимъ онъ тономъ позволяетъ себѣ говорить въ нашемъ обществѣ! — продолжалъ кипятиться Собашниковъ. — Какой-то апломбъ, снисходительность, профессорскій тонъ... Паршивый трехкопеечный писака! Бутербродникъ!

Женя, которая все время пристально глядѣла на сту-

дента, весело и злобно играя блестящими темными глазами, вдругъ захлопала въ ладони.

— Вотъ такъ! Браво, студентикъ! Браво, браво, браво!.. Такъ его, хорошенько!.. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за безобразіе! Вотъ онъ придетъ сюда, — я ему все это повторю.

— Пож-жалуйста! С-сколько угодно!—по-актерски процѣдилъ Собашниковъ, дѣлая вокругъ рта высокомѣрно-брезгливыя складки. — Я самъ повторю то же самое.

— Вотъ это — молодчина, за это люблю! — воскликнула радостно и зло Женя, ударивъ кулакомъ о столъ.— Сразу видно сову по полету, добраго молодца по соплямъ!

Маня Бѣленькая и Тамара съ удивленіемъ посмотрѣли на Женю, но, замѣтивъ лукавые огоньки, прыгавшіе въ ея глазахъ, и ея нервно подрагивавшія ноздри, обѣ поняли и улыбнулись.

Маня Бѣленькая, смѣясь, укоризненно покачала головой. Такое лицо всегда бывало у Жени, когда ея буйная душа чуяла, что приближается ею же самой вызванный скандалъ.

— Не ершись, Боренька, — сказалъ Лихонинъ. — Здѣсь всѣ равны.

Пришла Нюра съ подушкой и положила ее на диванъ.

— Это еще зачѣмъ? — прикрикнулъ на нее Собашниковъ. — П'шла, сейчасъ же унеси вонъ. Здѣсь не ночлежка.

— Ну, оставь ее, голубчикъ. Что̀ тебѣ? — возразила сладкимъ голосомъ Женя и спрятала подушку за спину Тамары. — Погоди, миленькій, вотъ я лучше съ тобой посижу.

Она обошла кругомъ стола, заставила Бориса сѣсть на стулъ и сама взобралась къ нему на колѣни. Обвивъ его шею рукой, она прижалась губами къ его рту такъ долго и такъ крѣпко, что у студента захватило дыха-

ніе. Совсѣмъ вплотную около своихъ глазъ онъ увидѣлъ глаза женщины — странно большіе, темные, блестящіе, нечеткіе и неподвижные. На какую-нибудь четверть секунды, на мгновеніе ему показалось, что въ этихъ неживыхъ глазахъ запечатлѣлось выраженіе острой, бѣшеной ненависти; и холодъ ужаса, какое-то смутное предчувствіе грозной, неизбѣжной бѣды пронеслось въ мозгу студента. Съ трудомъ оторвавъ отъ себя гибкія Женины руки и оттолкнувъ ее, онъ сказалъ, смѣясь, покраснѣвъ и часто дыша:

— Вотъ такъ темпераментъ. Ахъ ты, Мессалина Пафнутьевна!.. Тебя, кажется, Женькой звать? Хорошенькая, шельма.

Вернулся Платоновъ съ Пашей. На Пашу жалко и противно было смотрѣть. Лицо у нея было блѣдно, съ синимъ отечнымъ отливомъ, мутные полузакрытые глаза улыбались слабой, идіотской улыбкой, открытыя губы казались похожими на двѣ растрепанныя красныя мокрыя тряпки, и шла она какой-то робкой, неувѣренной походкой, точно дѣлая одной ногой большой шагъ, а другой маленькій. Она послушно подошла къ дивану и послушно улеглась головой на подушку, не переставая слабо и безумно улыбаться. Издали было видно, что ей холодно.

— Извините, господа, я раздѣнусь, — сказалъ Лихонинъ и, снявъ съ себя пиджакъ, набросилъ его на плечи проституткѣ. — Тамара, дай ей шоколада и вина.

Борисъ Собашниковъ опять картинно сталъ въ углу, въ наклонномъ положеніи, заложивъ нога за ногу и задравъ кверху голову. Вдругъ онъ сказалъ среди общаго молчанія, самымъ фатовскимъ тономъ обращаясь прямо къ Платонову:

— Э... послушайте... какъ васъ?.. Это, должно-быть, и есть ваша любовница? Э? — И онъ концомъ сапога показалъ по направленію лежавшей Паши.

— Что̀-о? — спросилъ протяжно Платоновъ, сдвигая брови.

— Или вы ея любовникъ — это все равно... Какъ эта должность здѣсь у васъ называется? Ну, вотъ тѣ самые, которымъ женщины вышиваютъ рубашки и съ которыми дѣлятся своимъ честнымъ заработкомъ!.. Э?..

Платоновъ поглядѣлъ на него тяжелымъ, напряженнымъ взглядомъ сквозь прищуренныя вѣки.

— Слушайте, — сказалъ онъ тихо, хриплымъ голосомъ, медленно и вѣско разставляя слова. — Это уже не въ первый разъ сегодня, что вы лѣзете со мной на ссору. Но, во-первыхъ, я вижу, что, несмотря на вашъ трезвый видъ, вы сильно и скверно пьяны, а во-вторыхъ, я щажу васъ ради вашихъ товарищей. Однако предупреждаю, если вы еще вздумаете такъ говорить со мною, то снимите очки.

— Что̀ за чушь? — воскликнулъ Борисъ и поднялъ кверху плечи и фыркнулъ носомъ. — Какія очки? Почему очки? — Но машинально, двумя вытянутыми пальцами, онъ поправилъ дужку пенснэ на переносицѣ.

— Потому что я васъ ударю, и осколки могутъ попасть въ глазъ, — равнодушно сказалъ репортеръ.

Несмотря на неожиданность такого оборота ссоры, никто не разсмѣялся. Только Манька Бѣленькая удивленно ахнула и всплеснула руками. Женя съ жаднымъ нетерпѣніемъ перебѣгала глазами отъ одного къ другому.

— Ну, положимъ! Я и самъ такъ дамъ сдачи, что не обрадуешься! — грубо, совсѣмъ по-мальчишески, выкрикнулъ Собашниковъ. — Только не сто̀итъ рукъ марать обо всякаго... — онъ хотѣлъ прибавить новое ругательство, но не рѣшился... — Со всякимъ... И вообще, товарищи, я здѣсь оставаться больше не намѣренъ. Я слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы панибратствовать съ подобными субъектами.

Онъ быстро и гордо пошелъ къ дверямъ.

Ему приходилось пройти почти вплотную около Платонова, который краемъ глаза, по-звѣриному, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. На одинъ моментъ у студента мелькнуло-было въ умѣ желаніе неожиданно, сбоку, ударить Платонова и отскочить — товарищи навѣрно разняли бы ихъ и не допустили до драки. Но онъ тотчасъ же, почти не глядя на репортера, какимъ-то глубокимъ, безсознательнымъ инстинктомъ, увидѣлъ и почувствовалъ эти широкія кисти рукъ, спокойно лежавшихъ на столѣ, эту упорно склоненную внизъ голову съ широкимъ лбомъ и все неуклюже-ловкое, сильное тѣло своего врага, такъ небрежно сгорбившееся и распустившееся на стулѣ, но готовое каждую секунду къ быстрому и страшному толчку. И Собашниковъ вышелъ въ коридоръ, громко захлопнувъ за собою дверь.

— Баба съ возу, кобылѣ легче, — насмѣшливой скороговоркой сказала вслѣдъ ему Женя. — Тамарочка, налей мнѣ еще коньяку.

Но всталъ съ своего мѣста длинный студентъ Петровскій и счелъ нужнымъ вступиться за Собашникова.

— Вы какъ хотите, господа, это дѣло вашего личнаго взгляда, но я принципіально ухожу вмѣстѣ съ Борисомъ. Пусть онъ тамъ неправъ и такъ далѣе, мы можемъ выразить ему порицаніе въ своей интимной компаніи, но—разъ нашему товарищу нанесли обиду—я не могу здѣсь оставаться. Я ухожу.

— Ахъ ты, Боже мой! — и Лихонинъ досадливо и нервно почесалъ себѣ високъ. — Борисъ же все время велъ себя въ высокой степени пошло, грубо и глупо. Что это за такая корпоративная честь, подумаешь? Коллективный уходъ изъ редакцій, изъ политическихъ собраній, изъ публичныхъ домовъ.

— Все равно, какъ хотите, но я ухожу изъ чув-

ства солидарности! — сказалъ важно Петровскій и вышелъ.

— Будь тебѣ земля пухомъ! — послала ему вдогонку Женя.

Но какъ извилисты и темны пути человѣческой души! Оба они — и Собашниковъ и Петровскій — поступили въ своемъ негодованіи довольно искренно, но первый только на половину, а второй всего лишь на четверть. У Собашникова, несмотря на его опьянѣніе и гнѣвъ, все-таки стучалась въ голову заманчивая мысль, что теперь ему удобнѣе и легче передъ товарищами вызвать потихоньку Женю и уединиться съ нею. А Петровскій, совершенно съ тою же цѣлью и имѣя въ виду ту же Женю, пошелъ вслѣдъ за Борисомъ, чтобы взять у него взаймы три рубля. Въ общей залѣ они поладили между собою, а черезъ десять минутъ въ полуотворенную дверь кабинета просунула свое косенькое, розовое, хитрое лицо экономка Зося.

— Женечка, — позвала она: — иди, тамъ тебѣ бѣлье принесли, посчитай. А тебя, Нюра, актеръ проситъ прійти къ нему на минуточку, выпить шампанскаго. Онъ съ Генріетой и съ Маней Большой.

Быстрая и нелѣпая ссора Платонова съ Борисомъ долго служила предметомъ разговора. Репортеръ всегда въ подобныхъ случаяхъ чувствовалъ стыдъ, неловкость, жалость и терзанія совѣсти. И, несмотря на то, что всѣ оставшіеся были на его сторонѣ, онъ говорилъ со скукой въ голосѣ:

— Господа, ей-Богу, я лучше уйду. Къ чему я буду разстраивать вашъ кружокъ? Оба мы были виноваты. Я уйду. О счетѣ не безпокойтесь, я уже все уплатилъ Симеону, когда ходилъ за Пашей.

Лихонинъ вдругъ взъерошилъ волосы и рѣшительно всталъ.

— Да нѣтъ, чортъ побери, я пойду и приволоку его сюда. Честное слово, они оба славные ребята — и Борисъ и Васька. Но еще молоды и на свой собственный хвостъ лаютъ. Я иду за ними и ручаюсь, что Борисъ извинится.

Онъ ушелъ, но вернулся черезъ пять минутъ.

— Успокояются, — мрачно сказалъ онъ и безнадежно махнулъ рукой. — Оба.

XI.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Симеонъ съ подносомъ, на которомъ стояли два бокала съ игристымъ золотымъ виномъ и лежала большая визитная карточка.

— Позвольте успросить, кто здѣсь будетъ Гаврила Петровичъ господинъ Ярченко? — сказалъ онъ, оглядывая сидѣвшихъ.

— Я! — отозвался Ярченко.

— Пожалуйте-съ. Господинъ актеръ прислали.

Ярченко взялъ визитную карточку, украшенную сверху громадной маркизской короной, и прочиталъ вслухъ:

Евменій Полуэктовичъ

ЭГМОНТЪ-ЛАВРЕЦКІЙ.

Драматическій артистъ столичныхъ театровъ.

— Замѣчательно, — сказалъ Володя Павловъ: — что всѣ русскіе Гаррики носятъ такія странныя имена, въ родѣ Хрисанфовъ, Ѳетисовъ, Мамантовъ и Епимаховъ.

— И кромѣ того самые извѣстные изъ нихъ обязательно или картавятъ, или пришепетываютъ, или заикаются, — прибавилъ репортеръ.

— Да, но замѣчательнѣе всего то, что я совсѣмъ не имѣю высокой чести знать этого артиста столичныхъ театровъ. Впрочемъ, здѣсь на оборотѣ что-то еще напи-

сано. Судя по почерку, писано человѣкомъ сильно пьянымъ и слабо грамотнымъ.

«Пю...» Не пью, а пю, — пояснилъ Ярченко. — «Пю за здоровье свѣтила русской науки Гаврила Петровича Ярченко, котораго случайно увидѣлъ, проходя мимо по колидору. Желалъ бы чокнуться лично. Если не помните, то вспомните Народный театръ, Бѣдность не Порокъ и скромнаго артиста, игравшаго Африкана».

— Да, это вѣрно, — сказалъ Ярченко. — Мнѣ какъ-то навязали устроить этотъ благотворительный спектакль въ Народномъ театрѣ. Смутно мелькаетъ у меня въ памяти и какое-то бритое гордое лицо, но... Какъ быть, господа?

Лихонинъ отвѣтилъ добродушно:

— А волоките его сюда. Можетъ-быть, онъ смѣшной?

— А вы? — обратился приватъ-доцентъ къ Платонову.

— Мнѣ все равно. Я его немножко знаю. Сначала будетъ кричать: «Кельнеръ, шампанскаго!», потомъ расплачется о своей женѣ, которая — ангелъ, потомъ скажетъ патріотическую рѣчь и наконецъ поскандалитъ изъ-за счета, но не особенно громко. Да ничего, онъ занятный.

— Пусть идетъ, — сказалъ Володя Павловъ изъ-за плеча Кати, сидѣвшей, болтая ногами, у него на колѣняхъ.

— А ты, Вельтманъ?

— Что̀? — встрепенулся студентъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ спиною къ товарищамъ около лежавшей Паши, нагнувшись надъ ней, и давно уже съ самымъ дружескимъ, сочувственнымъ видомъ поглаживалъ ее то по плечамъ, то по волосамъ на затылкѣ, а она уже улыбалась ему своей застѣнчиво-безстыдной и безсмысленно-страстной улыбкой сквозь полуопущенныя и трепетавшія рѣсницы. — Что̀? Въ чемъ дѣло? Ахъ, да, можно ли сюда актера? Ничего не имѣю противъ. Пожалуйста...

Ярченко послалъ черезъ Симеона приглашеніе, и актеръ

пришелъ, и сразу же началъ обычную актерскую игру. Въ дверяхъ онъ остановился, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, сіявшемъ шелковыми отворотами, съ блестящимъ цилиндромъ, который онъ держалъ лѣвой рукой передъ серединой груди, какъ актеръ, изображающій на театрѣ пожилого свѣтскаго льва или директора банка. Приблизительно этихъ лицъ онъ внутренно и представлялъ себѣ.

— Будетъ ли мнѣ позволено, господа, вторгнуться въ вашу тѣсную компанію? — спросилъ онъ жирнымъ, ласковымъ голосомъ, съ полупоклономъ, сдѣланнымъ нѣсколько набокъ.

Его попросили, и онъ сталъ знакомиться. Пожимая руки, онъ оттопыривалъ впередъ локоть и такъ высоко подымалъ его, что кисть оказывалась гораздо ниже. Теперь это уже былъ не директоръ банка, а этакій лихой, молодцеватый малый, спортсменъ и кутила изъ золотой молодежи. Но его лицо — съ взъерошенными дикими бровями и съ обнаженными безволосыми вѣками — было вульгарнымъ, суровымъ и низменнымъ лицомъ типичнаго алкоголика, развратника и мелко-жестокаго человѣка. Вмѣстѣ съ нимъ пришли двѣ его дамы: Генріета — самая старшая по годамъ дѣвица въ заведеніи Анны Марковны, опытная, все видѣвшая и ко всему притерпѣвшаяся, какъ старая лошадь на приводѣ у молотилки, обладательница густого баса, но еще красивая женщина, и Манька Большая, или Манька-Крокодилъ. Генріета еще съ прошлой ночи не разставалась съ актеромъ, бравшимъ ее изъ дома въ гостиницу.

Усѣвшись рядомъ съ Ярченко, онъ сейчасъ же заигралъ новую роль — онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ стараго добряка-помѣщика, который самъ былъ когда-то въ университетѣ и теперь не можетъ глядѣть на студентовъ безъ тихаго отеческаго умиленія.

— Повѣрьте, господа, что душой отдыхаешь среди мо-

лодежи отъ всѣхъ этихъ житейскихъ дрязгъ, — говорилъ онъ, придавая своему жесткому и порочному лицу поактерски преувеличенное и неправдоподобное выраженіе растроганности. — Эта вѣра въ святой идеалъ, эти честные порывы!.. Что̀ можетъ быть выше и чище нашего русскаго студенчества?.. Кельнеръ! Шампанскава-а! — заоралъ онъ вдругъ оглушительно и треснулъ кулакомъ по столу.

Лихонинъ и Ярченко не захотѣли остаться у него въ долгу. Началась попойка. Богъ знаетъ какимъ образомъ въ кабинетѣ очутились вскорѣ Мишка-пѣвецъ и Колька-бухгалтеръ, которые сейчасъ же запѣли своими скачущими голосами:

Чу-у-у-уютъ пра-а-а-авду,
Ты-жъ, заря-я-я-я, скорѣ-ѣ-ѣе...

Появился и проснувшійся Ванька-Встанька. Опустивъ умильно набокъ голову и сдѣлавъ на своемъ морщинистомъ старомъ лицѣ Донъ-Кихота узенькіе, слезливые, сладкіе глазки, онъ говорилъ убѣдительно-просящимъ тономъ:

— Господа студенты... угостили бы старичка. Ей-Богу, люблю образованіе... Дозвольте!

Лихонинъ всѣмъ былъ радъ, но Ярченко сначала — пока ему не бросилось въ голову шампанское — только поднималъ кверху свои коротенькія черныя брови съ боязливымъ, удивленнымъ и наивнымъ видомъ. Въ кабинетѣ вдругъ сдѣлалось тѣсно, дымно, шумливо и душно. Симеонъ съ грохотомъ заперъ снаружи болтами ставни. Женщины, только-что отдѣлавшись отъ визита или въ промежуткѣ между танцами, заходили въ комнату, сидѣли у кого-нибудь на колѣняхъ, курили, пѣли вразбродъ, пили вино, цѣловались и опять уходили, и опять приходили. Приказчики отъ Керешковскаго, обиженные тѣмъ, что дѣвицы больше удѣляли вниманія кабинету, чѣмъ залѣ, за-

тѣяли-было скандалъ и пробовали вступить со студентами въ задорное объясненіе, но Симеонъ въ одинъ мигъ укротилъ ихъ двумя-тремя властными словами, брошенными какъ будто бы мимоходомъ.

Вернулась изъ своей комнаты Нюра и немного спустя вслѣдъ за ней Петровскій. Петровскій съ крайне серьезнымъ видомъ заявилъ, что онъ все это время ходилъ по улицѣ, обдумывая происшедшій инцидентъ, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что товарищъ Борисъ былъ дѣйствительно неправъ, но что есть и смягчающее его вину обстоятельство — опьяненіе. Пришла потомъ и Женя, но одна: Собашниковъ заснулъ въ ея комнатѣ.

У актера оказалась пропасть талантовъ. Онъ очень вѣрно подражалъ жужжанію мухи, которую пьяный ловитъ на оконномъ стеклѣ, и звукамъ пилы; смѣшно представлялъ, ставъ лицомъ въ уголъ, разговоръ нервной дамы по телефону, подражалъ пѣнію граммофонной пластинки и наконецъ чрезвычайно живо показалъ мальчишку-персіянина съ ученой обезьянкой. Держась рукой за воображаемую цѣпочку и въ то же время оскаливаясь, присѣдая, какъ мартышка, часто моргая вѣками и почесывая себѣ то задъ, то волосы на головѣ, онъ пѣлъ гнусавымъ, однотоннымъ и печальнымъ голосомъ, коверкая слова:

Малядой кизакъ на война пишолъ,
Малядой баришна подъ заборомъ валаится.
Айна, айна, ай-на-на-на, ай-на-на-на-на.

Въ заключеніе онъ взялъ на руки Маню Бѣленькую, завернулъ ее бортами сюртука и, протянувъ руку и сдѣлавъ плачущее лицо, закивалъ головой, склоненной набокъ, какъ это дѣлаютъ черномазые грязные восточные мальчишки, которые шляются по всей Россіи въ длинныхъ, старыхъ солдатскихъ шинеляхъ, съ обнаженной бронзоваго цвѣта грудью, держа за пазухой кашляющую, облѣзлую обезьянку.

— Ты кто такой? — строго спросила толстая Катя, знавшая и любившая эту шутку.

— Сербіянъ, барина-а, — жалобно простоналъ въ носъ актеръ. — Подари что-нибудь, барина-а-а.

— А какъ твою обезьянку зовутъ?

— Матрешка-а-а... Онъ, барина, голодні-і-ій... онъ кушай хочи-и-ить.

— А паспортъ у тебя есть?

— Ми сербія-а-анъ. Дай что-нибудь, барина-а-а...

Актеръ оказался совсѣмъ не лишнимъ. Онъ произвелъ сразу много шуму и поднялъ падавшее настроеніе. И поминутно онъ кричалъ зычнымъ голосомъ: — «Кельнеръ! Шампанскава-а-а!» — хотя привыкшій къ его манерѣ Симеонъ очень мало обращалъ вниманія на эти крики.

Началась настоящая русская, громкая и непонятная безтолочь. Розовый, бѣлокурый, миловидный Толпыгинъ игралъ на піанино сегедилью изъ «Карменъ», а Ванька-Встанька плясалъ подъ нее камаринскаго мужика. Поднявъ кверху узкія плечи, весь искособочившись, растопыривъ пальцы опущенныхъ внизъ рукъ, онъ затѣйливо перебиралъ на мѣстѣ длинными, тонкими ногами, потомъ вдругъ пронзительно ухалъ, вскидывался и выкрикивалъ въ тактъ своей дикой пляски:

Ухъ! Пляши, Матвѣй,
Не жалѣй лаптей!..

— Эхъ, за одну выходку четвертной мало! — приговаривалъ онъ, встряхивая длинными сѣдѣющими волосами.

— Чу-у-уютъ пра-а-а-авду! — ревѣли два пріятеля, съ трудомъ подымая отяжелѣвшія вѣки подъ мутными, закисшими глазами.

Актеръ сталъ разсказывать похабные анекдоты, высыпая ихъ какъ изъ мѣшка, и женщины визжали отъ восторга, сгибались пополамъ отъ смѣха и отваливались на

спинки креселъ. Вельтманъ, долго шептавшійся съ Пашей, незамѣтно, подъ шумокъ, ускользнулъ изъ кабинета, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ него ушла и Паша, улыбаясь своей тихой, безумной и стыдливой улыбкой.

Да и всѣ остальные студенты, кромѣ Лихонина, одинъ за другимъ, кто потихоньку, кто подъ какимъ-нибудь предлогомъ, исчезали изъ кабинета и подолгу не возвращались. Володѣ Павлову захотѣлось поглядѣть на танцы, у Толпыгина разболѣлась голова, и онъ попросилъ Тамару провести его умыться, Петровскій, тайно перехвативъ у Лихонина три рубля, вышелъ въ коридоръ и уже оттуда послалъ экономку Зосю за Манькой Бѣленькой. Даже благоразумный и брезгливый Рамзесъ не смогъ справиться съ тѣмъ прянымъ чувствомъ, какое въ немъ возбуждала сегодняшняя странная, яркая и болѣзненная красота Жени. У него оказалось на нынѣшнее утро какое-то важное, неотложное дѣло, надо было поѣхать домой и хоть два часика поспать. Но, простившись съ товарищами, онъ, прежде чѣмъ выйти изъ кабинета, быстро и многозначительно указалъ Женѣ глазами на дверь. Она поняла, медленно, едва замѣтно, опустила рѣсницы въ знакъ согласія, и когда ихъ подняла, то Платонова, который, почти не глядя, видѣлъ этотъ нѣмой разговоръ, поразило то выраженіе злобы и угрозы въ ея глазахъ, съ какимъ она проводила спину уходившаго Рамзеса. Выждавъ пять минутъ, она встала, сказала: «извините, я сейчасъ», и вышла, раскачивая своей оранжевой короткой юбкой.

— Что̀ же? Теперь твоя очередь, Лихонинъ? — спросилъ насмѣшливо репортеръ.

— Нѣтъ, братъ, ошибся! — сказалъ Лихонинъ и прищелкнулъ языкомъ. — И не то, что я по убѣжденію или изъ принципа. Нѣтъ! Я, какъ анархистъ, исповѣдываю,

что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше... Но, къ счастью, я игрокъ и весь свой темпераментъ трачу на игру, поэтому во мнѣ простая брезгливость говоритъ гораздо сильнѣе, чѣмъ это самое неземное чувство. Но удивительно, какъ совпали наши мысли. Я только-что хотѣлъ тебя спросить о томъ же.

— Я — нѣтъ. Иногда, если сильно устану, я ночую здѣсь. Беру у Исая Саввича ключъ отъ его комнатки и сплю на диванѣ. Но всѣ дѣвицы давно уже привыкли къ тому, что я — существо третьяго пола.

— И неужели... никогда?..

— Никогда.

— Ужъ что̀ вѣрно, то вѣрно! — воскликнула Нюра. — Сергѣй Иванычъ какъ святой отшельникъ.

— Раньше, лѣтъ пять тому назадъ, я и это испыталъ, — продолжалъ Платоновъ. — Но, знаете, ужъ очень это скучно и противно. Въ родѣ тѣхъ мухъ, которыхъ сейчасъ представлялъ господинъ артистъ. Слѣпились на секунду на подоконникѣ, а потомъ въ какомъ-то дурацкомъ удивленіи почесали задними лапками спину и разлетѣлись навѣки. А разводить здѣсь любовь?.. Такъ для этого я герой не ихъ романа. Я некрасивъ, съ женщинами робокъ, стѣснителенъ и вѣжливъ. А онѣ здѣсь жаждутъ дикихъ страстей, кровавой ревности, слезъ, отравленій, побоевъ, жертвъ, — словомъ, истеричнаго романтизма. Да оно и понятно. Женское сердце всегда хочетъ любви, а о любви имъ говорятъ ежедневно разными кислыми, слюнявыми словами. Невольно хочется въ любви перцу. Хочется уже не словъ страсти, а трагически-страстныхъ поступковъ. И поэтому ихъ любовниками всегда будутъ воры, убійцы, сутенеры и другая сволочь. А главное, — прибавилъ Платоновъ: — это тотчасъ же испортило бы мнѣ всѣ дружескія отношенія, которыя такъ славно наладились.

— Будетъ шутить! — недовѣрчиво возразилъ Лихонинъ. — Что̀ же тебя заставляетъ здѣсь дневать и ночевать? Будь ты писатель — дѣло другого рода. Легко найти объясненіе: ну, собираешь типы, что ли... наблюдаешь жизнь... Въ родѣ того профессора-нѣмца, который три года прожилъ съ обезьянами, чтобы изучить ихъ языкъ и нравы. Но вѣдь ты самъ сказалъ, что писательствомъ не балуешься?

— Не то, что не балуюсь, а просто не умѣю, не могу.

— Запишемъ. Теперь предположимъ другое — что ты являешься сюда какъ проповѣдникъ лучшей, честной жизни, въ родѣ этакого спасителя погибающихъ душъ. Знаешь, какъ на зарѣ христіанства иные святые отцы вмѣсто того, чтобы стоять на столпѣ тридцать лѣтъ или жить въ лѣсной пещерѣ, шли на торжища, въ дома веселья, къ блудницамъ и скоморохамъ. Но вѣдь ты не такъ?

— Не такъ.

— Зачѣмъ же, чортъ побери, ты здѣсь толчешься? Я чудесно же вижу, что многое тебѣ самому противно, и тяжело, и больно. Напримѣръ, эта дурацкая ссора съ Борисомъ, или этотъ лакей, бьющій женщину, да и вообще постоянное созерцаніе всяческой грязи, похоти, звѣрства, пошлости, пьянства. Ну, да разъ ты говоришь, — я тебѣ вѣрю, что блуду ты не предашься. Но тогда мнѣ еще непонятнѣе твой modus vivendi, выражаясь штилемъ передовыхъ статей.

Репортеръ отвѣтилъ не сразу.

— Видишь ли, — заговорилъ онъ медленно, съ разстановками, точно въ первый разъ вслушиваясь въ свои мысли и взвѣшивая ихъ. — Видишь ли, меня притягиваетъ и интересуетъ въ этой жизни ея... какъ бы это выразиться?.. ея страшная, обнаженная правда. Понимаешь ли, съ нея какъ будто бы сдернуты всѣ условные

покровы. Нѣтъ ни лжи, ни лицемѣрія, ни ханжества, нѣтъ никакихъ сдѣлокъ ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни съ навязчивымъ авторитетомъ предковъ, ни съ своей совѣстью. Никакихъ иллюзій, никакихъ прикрасъ! Вотъ она — я! Публичная женщина, общественный сосудъ, клоака для стока избытка городской похоти. Иди ко мнѣ любой, кто хочетъ, — ты не встрѣтишь отказа, въ этомъ моя служба. Но за секунду этого сладострастія впопыхахъ — ты заплатишь деньгами, отвращеніемъ, болѣзнью и позоромъ. И все. Нѣтъ ни одной стороны человѣческой жизни, гдѣ бы основная главная правда сіяла съ такой чудовищной, безобразной голой яркостью, безъ всякой тѣни человѣческаго лганья и самообѣленія.

— Ну, положимъ! Эти женщины врутъ, какъ зеленыя лошади. Поди-ка поговори съ ней о ея первомъ паденіи. Такого наплететъ!..

— А ты не спрашивай. Какое тебѣ дѣло? Но если онѣ и лгутъ, то лгутъ совсѣмъ какъ дѣти. А вѣдь ты самъ знаешь, что дѣти—это самые первые, самые милые вралишки и въ то же время самый искренній на свѣтѣ народъ. И замѣчательно, что и тѣ и другія, то-есть и проститутки и дѣти, лгутъ только намъ — мужчинамъ — и взрослымъ. Между собой они не лгутъ — они лишь вдохновенно импровизируютъ. Но намъ они лгутъ потому, что сами этого отъ нихъ требуемъ, потому что мы лѣземъ въ ихъ совсѣмъ чуждыя намъ души со своими глупыми пріемами и разспросами, потому наконецъ, что они насъ втайнѣ считаютъ большими дураками и безтолковыми притворщиками. Да вотъ хочешь, я тебѣ сейчасъ пересчитаю по пальцамъ всѣ случаи, когда проститутка непремѣнно лжетъ, и ты самъ убѣдишься, что къ лганью ее побуждаетъ мужчина.

— Ну, ну, посмотримъ.

— Первое: она безпощадно красится, даже иногда и въ

ущербъ себѣ. Отчего? Оттого что каждый прыщавый юнкеръ, котораго такъ тяготитъ его половая зрѣлость, что онъ весною глупѣетъ, точно тетеревъ на току, и какой-нибудь жалкій чиподралъ изъ управы благочинія, мужъ беременной жены и отецъ девяти младенцевъ, — вѣдь оба они приходятъ сюда вовсе не съ благоразумной и простой цѣлью оставить здѣсь избытокъ страсти. Онъ, негодяй, пришелъ насладиться, ему — этакому эстету! — видите ли, нужна красота. А всѣ эти дѣвицы, эти дочери простого, незатѣйливаго, великаго русскаго народа, какъ смотрятъ на эстетику? «Что̀ сладко—то вкусно, что̀ красно — то красиво». И вотъ, на̀, изволь, получай себѣ красоту изъ сурьмы, бѣлилъ и румянъ.

«Это разъ. Второе то, что этотъ же распрекрасный кавалеръ мало того, что хочетъ красоты, — нѣтъ, ему подай еще подобіе любви, чтобы въ женщинѣ отъ его ласкъ зажегся бы этотъ самый «агонь безу-умнай са-та-ра̀-са-ти!», о которой поется въ идіотскихъ романсахъ. А! Ты этого хочешь? На̀! И женщина лжетъ ему лицомъ, голосомъ, вздохами, стонами, тѣлодвиженіями. И онъ самъ вѣдь въ глубинѣ души знаетъ про этотъ профессіональный обманъ, но — подите же! — все-таки обольщается: ахъ, какой я красивый мужчина! ахъ, какъ меня женщины любятъ! ахъ, въ какое я ихъ привожу изступленіе!.. Знаете, бываетъ, что человѣку съ самой отчаянной наглостью, самымъ неправдоподобнымъ образомъ льстятъ въ глаза, и онъ самъ это отлично видитъ и знаетъ, но — чортъ возьми! — какое-то сладостное чувство все-таки обмасливаетъ душу. Такъ и здѣсь. Спрашивается: чей же починъ во лжи?

«А вотъ вамъ, Лихонинъ, еще и третій пунктъ. Вы его сами подсказали. Больше всего онѣ лгутъ, когда ихъ спрашиваютъ: «Какъ дошла ты до жизни такой?» Но какое же право ты имѣешь ее объ этомъ спрашивать,

чортъ бы тебя побралъ?! Вѣдь она не лѣзетъ же въ твою интимную жизнь. Она же не интересуется твоей первой, «святой» любовью или невинностью твоихъ сестеръ и твоей невѣсты. Ага! Ты платишь деньги? Чудесно! Бандерша, и вышибала, и полиція, и медицина, и городская управа блюдутъ твои интересы. Прекрасно! Тебѣ гарантировано вѣжливое и благопристойное поведеніе со стороны нанятой тобою для любви проститутки, и личность твоя неприкосновенна... хотя бы даже въ самомъ прямомъ смыслѣ, въ смыслѣ пощечины, которую ты, конечно, заслуживаешь своими безцѣльными и, можетъ-быть, даже мучительными разспросами. Но ты за свои деньги захотѣлъ еще и правды? Ну ужъ этого тебѣ никогда не учесть и не проконтролировать. Тебѣ разскажутъ именно такую шаблонную исторію, какую ты — самъ человѣкъ шаблона и пошлякъ — легче всего переваришь. Потому что сама по себѣ жизнь или черезчуръ обыденна и скучна для тебя, или ужъ такъ черезчуръ неправдоподобна, какъ только умѣетъ быть неправдоподобной жизнь. И вотъ тебѣ вѣчная, средняя исторія объ офицерѣ, о приказчикѣ, о ребенкѣ и о престарѣломъ отцѣ, который тамъ, въ провинціи, оплакиваетъ заблудшую дочь и умоляетъ ее вернуться домой. Но замѣть, Лихонинъ, все, что я говорю, къ тебѣ не относится. Въ тебѣ, честное слово, я чувствую искреннюю и большую душу. Давай выпьемъ за твое здоровье!»

Они выпили.

— Говорить ли дальше? — продолжалъ нерѣшительно Платоновъ. — Скучно?

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя, говори.

— Лгутъ онѣ еще и лгутъ особенно невинно тѣмъ, кто передъ ними красуется на политическихъ коняхъ. Тутъ онѣ со всѣмъ, съ чѣмъ хочешь, соглашаются. Я ей сегодня скажу: «Долой современный буржуазный строй! Уни-

чтожимъ бомбами и кинжалами капиталистовъ, помѣщиковъ и бюрократію!» Она горячо согласится со мною. Но завтра лабазникъ Ноздруновъ будетъ орать, что надо перевѣшать всѣхъ соціалистовъ, передрать всѣхъ студентовъ и разгромить всѣхъ жидовъ, причащающихся христіанской кровью. И она радостно согласится и съ нимъ. Но если къ тому же еще вы воспламените ея воображеніе, влюбите ее въ себя, то она за вами пойдетъ всюду, куда хотите: на погромъ, на баррикаду, на воровство, на убійство. Но и дѣти вѣдь такъ же податливы. А онѣ, ей-Богу, дѣти, милый мой Лихонинъ... Въ четырнадцать лѣтъ ее растлили, а въ шестнадцать она стала патентованной проституткой, съ желтымъ билетомъ и съ венерической болѣзнью. И вотъ вся ея жизнь обведена и отгорожена отъ вселенной какой-то причудливой, слѣпой и глухой стѣною. Обрати вниманіе на ея обиходный словарь — тридцать-сорокъ словъ, не болѣе — совсѣмъ какъ у ребенка или дикаря: ѣсть, пить, спать, мужчина, кровать, хозяйка, рубль, любовникъ, докторъ, больница, бѣлье, городовой — вотъ и все. Ея умственное развитіе, ея опытъ, ея интересы такъ и остаются на дѣтскомъ уровнѣ до самой смерти, совершенно такъ же, какъ у сѣдой и наивной классной дамы, съ десяти лѣтъ не переступавшей институтскаго порога, какъ у монашенки, отданной ребенкомъ въ монастырь. Словомъ, представь себѣ дерево настоящей крупной породы, но выращенное въ стеклянномъ колпакѣ, въ банкѣ изъ-подъ варенья. И именно къ этой дѣтской сторонѣ ихъ быта я и отношу ихъ вынужденную ложь — такую невинную, безцѣльную и привычную... Но зато какая страшная, голая, ничѣмъ не убранная, откровенная правда въ этомъ дѣловомъ торгѣ о цѣнѣ ночи, въ этихъ десяти мужчинахъ въ вечеръ, въ этихъ печатныхъ правилахъ, изданныхъ отцами города, объ употребленіи раствора бор-

ной кислоты и о содержаніи себя въ чистотѣ, въ еженедѣльныхъ докторскихъ осмотрахъ, въ скверныхъ болѣзняхъ, на которыя смотрятъ такъ же легко и шутливо, такъ же просто и безъ страданія, какъ на насморкъ, въ глубокомъ отвращеніи этихъ женщинъ къ мужчинамъ, — такомъ глубокомъ, что всѣ онѣ, безъ исключенія, возмѣщаютъ его лесбійскимъ образомъ и даже ничуть этого не скрываютъ. Вотъ вся ихъ нелѣпая жизнь у меня какъ на ладони, со всѣмъ ея цинизмомъ, уродливой и грубой несправедливостью, но нѣтъ въ ней той лжи и того притворства передъ людьми и передъ собою, которыя опутываютъ все человѣчество съ верху до низу. Подумай, милый Лихонинъ, сколько нуднаго, длительнаго, противнаго обмана, сколько ненависти въ любомъ брачномъ сожительствѣ въ девяноста девяти случаяхъ изъ ста. Сколько слѣпой, безпощадной жестокости — именно не животной, а человѣческой, разумной, дальновидной, расчетливой жестокости — въ святомъ материнскомъ чувствѣ — и смотри, какими нѣжными цвѣтами разубрано это чувство! А всѣ эти ненужныя, шутовскія профессіи, выдуманныя культурнымъ человѣкомъ для охраненія моего гнѣзда, моего куска мяса, моей женщины, моего ребенка, эти разные надзиратели, контролеры, инспекторы, судьи, прокуроры, тюремщики, адвокаты, начальники, чиновники, генералы, солдаты и еще сотни и тысячи названій. Всѣ они обслуживаютъ человѣческую жадность, трусость, порочность, рабство, узаконенное сладострастіе, лѣность—нищенство!.. Да, вотъ оно настоящее слово: — человѣческое нищенство! А какія пышныя слова! Алтарь отечества, христіанское состраданіе къ ближнему, прогрессъ, священный долгъ, священная собственность, святая любовь. Тьфу! Ни одному красивому слову я теперь не вѣрю, а тошно мнѣ съ этими лгунишками, трусами и обжорами до безконечности! Нищенки!.. Чело-

вѣкъ рожденъ для великой радости, для безпрестаннаго творчества, въ которомъ онъ — Богъ, для широкой, свободной, ничѣмъ не стѣсненной любви, — любви ко всему: къ дереву, къ небу, къ человѣку, къ собакѣ, къ милой, кроткой, прекрасной землѣ, ахъ, особенно къ землѣ съ ея блаженнымъ материнствомъ, съ ея утрами и ночами, съ ея прекрасными ежедневными чудесами. А человѣкъ такъ изолгался, испопрошайничался и унизился!.. Эхъ, Лихонинъ, тоска!

— Я, какъ анархистъ, отчасти понимаю тебя, — сказалъ задумчиво Лихонинъ. Онъ какъ будто бы слушалъ и не слушалъ репортера. Какая-то мысль тяжело, въ первый разъ, рождалась у него въ умѣ. — Но одного не постигаю. Если ужъ такъ тебѣ осмердѣло человѣчество, то какъ ты терпишь, да еще такъ долго, вотъ это все, — Лихонинъ обвелъ столъ круглымъ движеніемъ руки: — самое подлое, что̀ могло придумать человѣчество?

— А я и самъ не знаю, — сказалъ простодушно Платоновъ. — Видишь ли, я — бродяга и страстно люблю жизнь. Я былъ токаремъ, наборщикомъ, сѣялъ и продавалъ табакъ, махорку-серебрянку, плавалъ кочегаромъ по Азовскому морю, рыбачилъ на Черномъ — на Дубининскихъ промыслахъ, грузилъ арбузы и кирпичъ на Днѣпрѣ, ѣздилъ съ циркомъ, былъ актеромъ, — всего и не упомню. И никогда меня не гнала нужда. Нѣтъ, только безмѣрная жадность къ жизни и нестерпимое любопытство. Ей-Богу, я хотѣлъ бы на нѣсколько дней сдѣлаться лошадью, растеніемъ или рыбою, или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотѣлъ пожить внутренней жизнью и посмотрѣть на міръ глазами каждаго человѣка, котораго встрѣчаю. И вотъ я безпечно брожу по городамъ и весямъ, ничѣмъ не связанный, знаю и люблю десятки ремеслъ и радостно плыву всюду, куда угодно судьбѣ направить мой парусъ... Такъ-то вотъ я и набрелъ на пу-

бличный домъ, и чѣмъ больше въ него вглядываюсь, тѣмъ больше во мнѣ растетъ тревога, непониманіе и очень большая злость. Но и этому скоро конецъ. Какъ перевалитъ дѣло на осень — опять ай-да! Поступлю на рельсопрокатный заводъ. У меня пріятель есть одинъ, онъ устроитъ... Постой, постой, Лихонинъ... Послушай актера... Это актъ третій.

Эгмонтъ-Лаврецкій, до сихъ поръ очень удачно подражавшій то поросенку, котораго сажаютъ въ мѣшокъ, то ссорѣ кошки съ собакой, сталъ понемногу раскисать и опускаться. На него уже находилъ очередной стихъ самообличенія, въ припадкѣ котораго онъ нѣсколько разъ покушался поцѣловать у Ярченки руку. Вѣки у него покраснѣли, вокругъ бритыхъ, колючихъ губъ углубились плаксивыя морщины, и по голосу было слышно, что его носъ и горло уже переполнялись слезами.

— Служу въ фарсѣ! — говорилъ онъ, бія себя въ грудь кулакомъ. — Кривляюсь въ полосатыхъ кальсонахъ на потѣху сытой толпѣ! Угасилъ свой свѣтильникъ, зарылъ въ землю талантъ, какъ рабъ лѣнивый! А прежде, — заблеялъ онъ трагически: — пре-ежде-е-е! Спросите въ Новочеркаскѣ, спросите въ Твери, въ Устюжнѣ, въ Звенигородкѣ, въ Крыжополѣ. Какимъ я былъ Жадовымъ и Бѣлугинымъ, какъ я игралъ Макса, какой образъ я создалъ изъ Вельтищева — это была моя коронная ро-оль... Надинъ-Перекопскій начиналъ со мною у Сумбекова! Съ Никифоровымъ-Павленко служилъ. Кто сдѣлалъ имя Легунову-Почайнину? Я! А те-пе-ерь...

Онъ всхлипнулъ носомъ и полѣзъ цѣловать приватъ-доцента.

— Да! Презирайте меня, клеймите меня, честные люди. Паясничаю, пьянствую... Продалъ и розлилъ священный елей! Сижу въ вертепѣ съ продажнымъ товаромъ. А моя жена... святая, чистая, голубка моя!.. О, если бы она

знала, если бы только она знала!.. Она трудится, у нея модный магазинъ, у нея пальцы—эти ангельскіе пальцы—истыканы иголкой, а я! О, святая женщина! И я — негодяй! — на кого я тебя мѣняю! О, ужасъ! — Актеръ схватилъ себя за волосы. — Профессоръ, дайте, я поцѣлую вашу ученую руку. Вы одинъ меня понимаете. Поѣдемте, я васъ познакомлю съ ней, вы увидите, какой это ангелъ!.. Она ждетъ меня, она не спитъ ночей, она складываетъ ручки моимъ малюткамъ и вмѣстѣ съ ними шепчетъ: «Господи, спаси и сохрани папу».

— Врешь ты все, актеръ! — сказала вдругъ пьяная Манька Бѣленькая, глядя съ ненавистью на Эгмонта-Лаврецкаго. — Ничего она не шепчетъ, а преспокойно спитъ съ мужчиной на твоей кровати.

— Молчи, — завопилъ изступленно актеръ и, схвативъ за горло бутылку, высоко поднялъ ее надъ головой. — Держите меня, иначе я размозжу голову этой стервѣ. Не смѣй осквернять своимъ поганымъ языкомъ...

— У меня языкъ не поганый, я причастіе принимаю,— дерзко отвѣтила женщина. — А ты дуракъ, рога носишь. Ты самъ шляешься по проституткамъ, да еще хочешь, чтобы тебѣ жена не измѣняла. И нашелъ же, болванъ, мѣсто, гдѣ слюну вожжой распустить. Зачѣмъ ты дѣтей-то приплелъ, пана ты злочастный! Ты на меня не ворочай глазами и зубами не скрипи. Не запугаешь!

Потребовалось много усилій и краснорѣчія со стороны Ярченки, чтобы успокоить актера и Маньку Бѣленькую, которая всегда послѣ бенедиктина лѣзла на скандалъ. Актеръ подъ конецъ обширно и некрасиво, по-старчески, расплакался и разсморкался, ослабѣлъ, и Генріета увела его къ себѣ.

Всѣми уже овладѣло утомленіе. Студенты одинъ за другимъ возвращались изъ спаленъ, и врозь отъ нихъ съ равнодушнымъ видомъ приходили ихъ случайныя лю-

бовницы. И правда, и тѣ и другія были похожи на мухъ, самцовъ и самокъ, только-что разлетѣвшихся съ оконнаго стекла. Они зѣвали, потягивались, и съ ихъ блѣдныхъ отъ безсонницы, нездорово лоснящихся лицъ долго не сходило невольное выраженіе тоски и брезгливости. И когда они передъ тѣмъ, какъ разъѣхаться прощались другъ съ другомъ, то въ ихъ глазахъ мелькало какое-то враждебное чувство, точно у соучастниковъ одного и того же грязнаго и ненужнаго преступленія.

— Ты куда сейчасъ? — вполголоса спросилъ у репортера Лихонинъ.

— А, право, самъ не знаю. Хотѣлъ-было переночевать въ кабинетѣ у Исая Савзича, но жаль потерять такое чудесное утро. Думаю выкупаться, а потомъ сяду на пароходъ и поѣду въ Липскій монастырь къ одному знакомому пьяному чернецу. А что?

— Я тебя попрошу остаться немного и пересидѣть остальныхъ. Мнѣ нужно сказать тебѣ два очень важныхъ слова.

— Идетъ.

Послѣдній ушелъ Ярченко. Онъ ссылался на головную боль и усталость. Но едва онъ вышелъ изъ дома, какъ репортеръ схватилъ за руку Лихонина и быстро потащилъ его въ стеклянныя сѣни подъѣзда.

— Смотри! — сказалъ онъ, указывая на улицу.

И сквозь оранжевое стекло цвѣтного окошка Лихонинъ увидѣлъ приватъ-доцента, который звонилъ къ Треннелю. Черезъ минуту дверь открылась, и Ярченко исчезъ за ней.

— Какъ ты узналъ? — спросилъ съ удивленіемъ Лихонинъ.

— Пустяки. Я видѣлъ его лицо и видѣлъ, какъ его руки гладили Вѣркино трико. Другіе поменьше стѣснялись. А этотъ стыдливъ.

— Ну, такъ пойдемъ, — сказалъ Лихонинъ. — Я тебя не долго задержу.

XII.

Изъ дѣвицъ остались въ кабинетѣ только двѣ: Женя, пришедшая въ ночной кофточкѣ, и Люба, которая уже давно спала подъ разговоръ, свернувшись калачикомъ въ большомъ плюшевомъ креслѣ. Свѣжее веснущатое лицо Любы приняло кроткое, почти дѣтское выраженіе, а губы какъ улыбнулись во снѣ, такъ и сохранили легкій отпечатокъ свѣтлой, тихой и нѣжной улыбки. Синѣ и ѣдко было въ кабинетѣ отъ густого табачнаго дыма, на свѣчахъ въ канделябрахъ застыли оплывшія бородавчатыя струйки; залитый кофеемъ и виномъ, забросанный апельсинными корками столъ казался безобразнымъ.

Женя сидѣла съ ногами на диванѣ, обхвативъ колѣни руками. И опять Платонова поразилъ мрачный огонь ея глубокихъ глазъ, точно запавшихъ подъ темными бровями, грозно сдвинутыми сверху внизъ, къ переносью.

— Я потушу свѣчи, — сказалъ Лихонинъ.

Утренній полусвѣтъ, водянистый и сонный, наполнилъ комнату сквозь щели ставенъ. Слабыми струйками курились потушенные фитили свѣчей. Слоистыми голубыми пеленами колыхался табачный дымъ, но солнечный лучъ, прорѣзавшійся сквозь сердцеобразную выемку въ ста[illegible] пронизалъ кабинетъ вкось веселымъ, пыльным[illegible] мечомъ и жидкимъ горячимъ золотомъ [illegible] обояхъ стѣны.

— Такъ-то лучше, — с[illegible] Разговоръ будетъ короти[illegible] къ нему приступить.

Онъ разсѣя[illegible]

— Так[illegible]

теръ. — Она не помѣшаетъ, — обратился онъ къ студенту и слегка улыбнулся. — Вѣдь разговоръ будетъ о проституціи? Не такъ ли?

— Ну, да... въ родѣ...

— И отлично. Ты къ ней прислушайся. Мнѣнія у нея бываютъ необыкновенно циничнаго свойства, но иногда чрезвычайной вѣскости.

Лихонинъ крѣпко потеръ и помялъ ладонями свое лицо, потомъ сцѣпилъ пальцы съ пальцами и два раза нервно хрустнулъ ими. Видно было, что онъ волновался и самъ стѣснялся того, что̀ собирался сказать.

— Ахъ, да не все ли равно! — вдругъ воскликнулъ онъ сердито. — Ты вотъ сегодня говорилъ объ этихъ женщинахъ... Я слушалъ... Правда, новаго ты ничего мнѣ не сказалъ. Но — странно — я почему-то, точно въ первый разъ за всю мою безпутную жизнь, поглядѣлъ на этотъ вопросъ открытыми глазами... Я спрашиваю тебя, что̀ же такое, наконецъ, проституція? Что̀ она? Блажной бредъ большихъ городовъ, или это вѣковѣчное историческое явленіе? Прекратится ли она когда-нибудь? Или она умретъ только со смертью всего человѣчества? Кто мнѣ отвѣтитъ на это?

Платоновъ смотрѣлъ на него пристально, слегка, по привычкѣ, щурясь. Его интересовало, какою главною [illegible]ю такъ искренно мучится Лихонинъ.

[illegible] она прекратится — никто тебѣ не скажетъ. [illegible]гда, когда осуществятся прекрасныя уто-[illegible]архистовъ, когда земля станетъ [illegible] будетъ абсолютно свободна [illegible]раниченнымъ желаніямъ, [illegible]стливую семью, гдѣ [illegible], и наступитъ [illegible]лажен-

— А теперь? Теперь? — спрашивалъ Лихонинъ съ возрастающимъ волненіемъ. — Глядѣть, сложа ручки? Моя хата съ краю? Терпѣть, какъ неизбѣжное зло? Мириться, махнуть рукой? Благословить?

— Зло это не неизбѣжное, а непреоборимое. Да не все ли тебѣ равно? — спросилъ Платоновъ съ холоднымъ удивленіемъ. — Ты же вѣдь анархистъ?

— Какой я къ чорту анархистъ. Ну да, я анархистъ, потому что разумъ мой, когда я думаю о жизни, всегда логически приводитъ меня къ анархическому началу. И я самъ думаю въ теоріи: пускай люди людей бьютъ, обманываютъ и стригутъ, какъ стада овецъ, — пускай! — насиліе породитъ рано или поздно злобу. Пусть насилуютъ ребенка, пусть топчутъ ногами творческую мысль, пусть рабство, пусть проституція, пусть воруютъ, глумятся, проливаютъ кровь... Пусть! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ концу. Есть великій законъ, думаю я, одинаковый какъ для неодушевленныхъ предметовъ, такъ и для всей огромной, многомилліонной и многолѣтней человѣческой жизни: сила дѣйствія равна силѣ противодѣйствія. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Пусть накопляется въ человѣчествѣ зло и месть, пусть они растутъ и зрѣютъ, какъ чудовищный нарывъ — нарывъ во весь земной шаръ величиной. Вѣдь лопнетъ же онъ когда-нибудь! И пусть будетъ ужасъ и нестерпимая боль. Пусть гной затопитъ весь міръ. Но человѣчество или захлебнется въ немъ и погибнетъ, или, переболѣвъ, возродится къ новой, прекрасной жизни.

Лихонинъ жадно выпилъ чашку чернаго холоднаго кофе и продолжалъ пылко:

— Да. Такъ именно я и многіе другіе — теоретизируемъ, сидя въ своихъ комнатахъ за чаемъ съ булкой и съ вареной колбасой, причемъ цѣнность каждой отдѣльной человѣческой жизни—это такъ себѣ, безконечно-ма-

лое число въ математической формулѣ. Но увижу я, что обижаютъ ребенка, и красная кровь мнѣ хлынетъ въ голову отъ бѣшенства. И когда я погляжу, погляжу на трудъ мужика или рабочаго, меня кидаетъ въ истерику отъ стыда за мои алгебраическія выкладки. Есть — чортъ его побери! — есть что-то въ человѣкѣ нелѣпое, совсѣмъ нелогичное, но что въ сто разъ сильнѣе человѣческаго разума. Вотъ и сегодня... Почему я сейчасъ чувствую такъ, какъ будто бы я обокралъ спящаго, или обманулъ трехлѣтняго ребенка, или ударилъ связаннаго? И почему мнѣ сегодня кажется, что я самъ виноватъ въ злѣ проститу́ціи — виноватъ своимъ молчаніемъ, своимъ равнодушіемъ, своимъ косвеннымъ попустительствомъ? Что мнѣ дѣлать, Платоновъ! — воскликнулъ студентъ со скорбью въ голосѣ.

Платоновъ промолчалъ, щуря на него узенькіе глаза. Но Женя неожиданно сказала язвительнымъ тономъ:

— А ты сдѣлай такъ, какъ сдѣлала одна англичанка... Пріѣзжала къ намъ тутъ одна рыжая старая халда. Должно-быть, очень важная, потому что съ цѣлой свитой пріѣзжала... все какіе-то чиновники... А до нея пріѣзжалъ пристава помощникъ съ околоточнымъ Кербешемъ. Помощникъ такъ прямо и предупредилъ: «Если вы, стервы, растакъ-то и растакъ-то, хоть одно грубое словечко, или что, такъ отъ вашего заведенія камня на камнѣ не оставлю, а всѣхъ дѣвокъ перепорю въ участкѣ и въ тюрьмѣ сгною!». Ну и пріѣхала эта грымза. Лоташила-лоташила, что-то по-иностранному, все рукой на небо показывала, а потомъ раздала намъ всѣмъ по пятачковому евангелію и уѣхала. Вотъ и вы бы такъ, миленькій.

— Да. Такъ именно я и многіе другіе теоретики.

Платоновъ громко разсмѣялся. Но, увидѣвъ наивное и печальное лицо Лихонина, который точно не понималъ и даже не подозрѣвалъ насмѣшки, онъ сдержалъ смѣхъ и сказалъ серьезно:

— Ничего не сдѣлаешь, Лихонинъ. Пока будетъ собственность, будетъ и нищета. Пока существуетъ бракъ, не умретъ и проституція. Знаешь ли ты, кто всегда будетъ поддерживать и питать проституцію? Это такъ называемые порядочные люди, благородные отцы семействъ, безукоризненные мужья, любящіе братья. Они всегда найдутъ почтенный поводъ узаконить, нормировать и обандеролить платный развратъ, потому что они отлично знаютъ, что иначе онъ хлынетъ въ ихъ спальни и дѣтскія. Проституція для нихъ — оттяжка чужого сладострастія отъ ихъ личнаго, законнаго алькова. Да и самъ почтенный отецъ семейства не прочь втайнѣ предаться любовному дебошу. Надоѣстъ же, въ самомъ дѣлѣ, все одно и то же: жена, горничная и дама на сторонѣ. Человѣкъ, въ сущности, животное много — и даже чрезвычайно — многобрачное. И его пѣтушинымъ любовнымъ инстинктамъ всегда будетъ сладко развертываться въ этакомъ пышномъ разсадникѣ, въ родѣ Треппеля или Анны Марковны. О, конечно, уравновѣшенный супругъ или счастливый отецъ шестерыхъ взрослыхъ дочерей всегда будетъ орать объ ужасѣ проституціи. Онъ даже устроитъ при помощи лотереи и любительскаго спектакля общество спасанія падшихъ женщинъ или пріютъ во имя святой Магдалины. Но существованіе проституціи онъ благословитъ и поддержитъ.

— Магдалинскіе пріюты! — съ тихимъ смѣхомъ, полнымъ давней, не переболѣвшей ненависти, повторила Женя.

— Да, я знаю, что всѣ эти фальшивыя мѣропріятія — чушь и сплошное надругательство, — перебилъ Лихонинъ. — Но пусть я буду смѣшонъ и глупъ — и я не хочу оставаться соболѣзнующимъ зрителемъ, который сидитъ на галерейкѣ, оглядитъ [illegible] и прикрикиваетъ: «Ахъ, батюшки, вѣдь горитъ... ей-Богу, горитъ!» [illegible]

люди вѣдь горятъ!», а самъ только причитаетъ и хлопаетъ себя по ляжкамъ.

— Ну да, — сказалъ сурово Платоновъ: — ты возьмешь дѣтскую спринцовку и пойдешь съ нею тушить пожаръ?

— Нѣтъ! — горячо воскликнулъ Лихонинъ. — Можетъ-быть, — почемъ знать? Можетъ-быть, мнѣ удастся спасти хоть одну живую душу... Объ этомъ я и хотѣлъ тебя попросить, Платоновъ, и ты долженъ помочь мнѣ... Только умоляю тебя, безъ насмѣшекъ, безъ расхолаживанія...

— Ты хочешь взять отсюда дѣвушку? Спасти? — внимательно глядя на него, спросилъ Платоновъ.

Онъ теперь понялъ, къ чему клонился весь этотъ разговоръ.

— Да... я не знаю... я попробую, — неувѣренно отвѣтилъ Платоновъ.

— Вернется назадъ, — сказалъ Платоновъ.

— Вернется, — убѣжденно повторила Женя.

Лихонинъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и заговорилъ дрожащимъ шопотомъ:

— Женечка... можетъ-быть, вы... А? Вѣдь не въ любовницы зову... какъ друга... Пустяки, полгода отдыха... а тамъ какое-нибудь ремесло изучимъ... будемъ читать...

Женя съ досадой выхватила изъ его рукъ свои.

— Ну тебя въ болото! — почти крикнула она. — Знаю я васъ! Чулки тебѣ штопать? На керосинкѣ стряпать? Ночей изъ-за тебя не спать, когда ты со своими коротковолосыми будешь болты-болтать? А какъ ты задѣлаешься докторомъ, или адвокатомъ, или чиновникомъ, такъ меня же въ спину колѣномъ: пошла, молъ, на улицу, публичная шкура, жизнь ты мою молодую заѣла. Хочу на порядочной жениться, на чистой, на невинной...

— Я какъ братъ... Я безъ этого... — смущенно лепеталъ Лихонинъ.

— Знаю я этихъ братьевъ. До первой ночи... Брось и не говори ты мнѣ чепухи! Скучно слушать.

— Подожди, Лихонинъ, — серьезно началъ репортеръ. — Вѣдь ты и на себя взвалишь непосильный грузъ. Я знавалъ идеалистовъ-народниковъ, которые принципіально женились на простыхъ крестьянскихъ дѣвкахъ. Такъ они и думали: натура, черноземъ, непочатыя силы... А этотъ черноземъ черезъ годъ обращался въ толстенную бабищу, которая цѣлый день лежитъ на постели и жуетъ пряники, или унижетъ свои пальцы копеечными кольцами, растопыритъ ихъ и любуется. А то сидитъ на кухнѣ, пьетъ съ кучеромъ сладкую наливку и разводитъ съ нимъ натуральный романъ. Смотрите, здѣсь хуже будетъ!

Всѣ трое замолчали. Лихонинъ былъ блѣденъ и утиралъ платкомъ мокрый лобъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми! — крикнулъ онъ вдругъ упрямо. — Не вѣрю я вамъ! Не хочу вѣрить! Люба! — громко позвалъ онъ заснувшую дѣвушку. — Любочка!

Дѣвушка проснулась, провела ладонью по губамъ въ одну сторону и въ другую, зѣвнула и смѣшно, по-дѣтски, улыбнулась.

— Я не спала, я все слышала, — сказала она. — Только самую-самую чуточку задремала.

— Люба, хочешь ты уйти отсюда со мною? — спросилъ Лихонинъ и взялъ ее за руку. — Но совсѣмъ, навсегда уйти, чтобы больше уже никогда не возвращаться ни въ публичный домъ ни на улицу?

Люба вопросительно, съ недоумѣніемъ поглядѣла на Женю, точно безмолвно ища у нея объясненія этой шутки.

— Будетъ вамъ, — сказала она лукаво. — Вы сами еще учитесь. Куда же вамъ дѣвицу брать на содержаніе.

— Не на содержаніе, Люба... Просто хочу помочь

тебѣ... Вѣдь не сладко же тебѣ здѣсь, въ публичномъ домѣ-то!

— Понятно, не сахаръ! Если бы я была такая гордая, какъ Женечка, или такая увлекательная, какъ Паша... а я ни за что здѣсь не привыкну...

— Ну и пойдемъ, пойдемъ со мной!.. — убѣждалъ Лихонинъ. — Ты вѣдь, навѣрно, знаешь какое-нибудь рукодѣлье, ну тамъ шить что-нибудь, вышивать, мѣтить?

— Ничего я не знаю! — застѣнчиво отвѣтила Люба и засмѣялась и покраснѣла, и закрыла локтемъ свободной руки ротъ. — Что̀ у насъ, по-деревенскому, требуется, то знаю, а больше ничего не знаю. Стряпать немного умѣю... у попа жила — стряпала.

— И чудесно! И превосходно! — обрадовался Лихонинъ. — Я тебѣ пособлю, откроешь столовую... Понимаешь, дешевую столовую... Я рекламу тебѣ сдѣлаю... Студенты будутъ ходить! Великолѣпно!..

— Будетъ смѣяться-то! — немного обидчиво возразила Люба и опять искоса вопросительно посмотрѣла на Женю.

— Онъ не шутитъ, — отвѣтила Женя странно дрогнувшимъ голосомъ. — Онъ вправду, серьезно.

— Вотъ тебѣ честное слово, что серьезно! Вотъ ей-Богу! — съ жаромъ подхватилъ студентъ и для чего-то даже перекрестился на пустой уголъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, — сказала Женя: — берите Любку. Это не то, что̀ я. Я какъ старая драгунская кобыла съ норовомъ. Меня ни сѣномъ ни плетью не передѣлаешь. А Любка—дѣвочка простая и добрая. И къ жизни нашей еще не привыкла. Что̀ ты, дурища, пялишь на меня глаза? Отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ. Ну? Хочешь или нѣтъ?

— А что̀ же? Если они не смѣются, а взаправду... А ты что̀, Женечка, мнѣ посовѣтуешь?..

— Ахъ, дерево какое! — разсердилась Женя. — Что̀ же

по-твоему лучше: съ проваленнымъ носомъ на соломѣ сгнить? Подъ заборомъ издохнуть, какъ собакѣ? Или сдѣлаться честной? Дура! Тебѣ бы ручку у него поцѣловать, а ты кобенишься.

Наивная Люба и въ самомъ дѣлѣ потянулась губами къ рукѣ Лихонина, и это движеніе всѣхъ разсмѣшило и чуть-чуть растрогало.

— И прекрасно! И волшебно! — суетился обрадованный Лихонинъ. — Иди и сейчасъ же заяви хозяйкѣ, что ты уходишь отсюда навсегда. И вещи забери самыя необходимыя. Теперь не то, что раньше, теперь дѣвушка, когда хочетъ, можетъ уйти изъ публичнаго дома.

— Нѣтъ, такъ нельзя, — остановила его Женя: — что она уйти можетъ — это такъ, это вѣрно, но непріятностей и крику не оберешься. Ты вотъ что̀, студентъ, сдѣлай. Тебѣ десять рублей не жаль?

— Конечно, конечно... Пожалуйста.

— Пусть Люба скажетъ экономкѣ, что ты ее берешь на сегодня къ себѣ на квартиру. Это ужъ такса — десять рублей. А потомъ, ну хоть завтра, пріѣзжай за ея билетомъ и за вещами. Ничего, мы это дѣло обладимъ кругло. А потомъ ты долженъ пойти въ полицію съ ея билетомъ и заявить, что вотъ такая-то Любка нанялась служить у тебя за горничную, и что ты желаешь перемѣнить ея бланкъ на настоящій паспортъ. Ну, Любка, живо! Бери деньги и маршъ. Да, смотри, съ экономкой-то будь половчѣе, а то она, сука, по глазамъ прочтетъ. Да и не забудь, — крикнула она уже вдогонку Любѣ: — румяны-то съ морды сотри. А то извозчики будутъ пальцами показывать.

Черезъ полчаса Люба и Лихонинъ садились у подъѣзда на извозчика. Женя и репортеръ стояли на тротуарѣ.

— Глупость ты дѣлаешь большую, Лихонинъ, — гово-

рилъ лѣниво Платоновъ: — но чту и уважаю въ тебѣ славный порывъ. Вотъ мысль — вотъ и дѣло. Смѣлый ты и прекрасный парень.

— Со вступленіемъ! — смѣялась Женя. — Смотрите, на крестины-то не забудьте позвать.

— Не дождетесь! — хохоталъ Лихонинъ, размахивая фуражкой.

Они уѣхали. Репортеръ поглядѣлъ на Женю и съ удивленіемъ увидалъ въ ея смягчившихся глазахъ слезы.

— Дай Богъ, дай Богъ, — шептала она.

— Что̀ съ тобою сегодня было, Женя? — спросилъ онъ ласково. — Что̀? Тяжело тебѣ? Не помогу ли я тебѣ чѣмъ-нибудь?

Она повернулась къ нему спиной и нагнулась надъ рѣзнымъ периломъ крыльца.

— Какъ тебѣ написать, если нужно будетъ? — спросила она глухо.

— Да просто. Въ редакцію «Отголосковъ». Такому-то. Мнѣ живо передадутъ.

— Я... я... я... — начала-было Женя, но вдругъ громко, страстно разрыдалась и закрыла руками лицо: — я напишу тебѣ...

И, не отнимая рукъ отъ лица, вздрагивая плечами, она взбѣжала на крыльцо и скрылась въ домѣ, громко захлопнувъ за собою дверь.

Оглавленіе

VIII тома.

Кіевскіе типы.

	стр.
Студентъ-драгунъ	5
Днѣпровскій мореходъ	11
„Будущая Патти“	14
Лжесвидѣтель	20
Пѣвчій	24
Пожарный	27
Квартирная хозяйка	31
Босякъ	37
Воръ	41
Художникъ	49
„Стрѣлки“	53
Заяцъ	57
Докторъ	60
„Ханжушка“	66
Бенефиціантъ	70
„Поставщикъ карточекъ“	73

Разсказы.

Психея	77
Первый встрѣчный	100
Аль-Иссà. Легенда	113
Друзья	118
Забытый поцѣлуй	125
Безуміе	128

стр.
Странный случай 131
Ужасъ 141
Нарциссъ 149
Негласная ревизія 160
Духъ вѣка. Фантастическій разсказъ 180
Оборотень. Полѣсская легенда 188
Кровать. 199
Первенецъ. 206
Милліонеръ 212
Дѣтскій садъ 223
Чары. 230
Пиратка. 235
Сны. 246
Локонъ 251
Погибшая сила 260
По заказу 280
Легенда. 294
Самоубійство. 298
Пасхальныя яйца 302
Травка 306
Зачарованный глухарь. 313
Путешественники 318
На разъѣздѣ. 328
Въ Крыму (Меджидъ) 341

Яма. Повѣсть 352

Алфавитный указатель.

	томъ.	стр.
Allez!	VI	311
Аль-Исса	VIII	113
Барбосъ и Жулька .	VII	308
Безуміе.	VIII	128
Безъ заглавія . . .	V	325
Бенефиціантъ (Кіевскіе типы). . . .	VIII	70
Блаженный	VI	50
Болото.	I	139
Бонза	VII	314
Бора (Листригоны, VI).	V	89
Босякъ (Кіевскіе типы)	VIII	37
Брегетъ	VI	111
Бредъ	III	293
Брильянты	VI	343
Будущая Патти (Кіевскіе типы). . . .	VIII	14
Бунинъ, И. А. Пироги съ груздями (Пародіи)	VII	5
Бѣдный принцъ. . .	VII	289
Бѣлая акація . . .	VII	49
Бѣлуга (Листригоны, IV)	V	78
Бѣлый пудель . . .	VII	185
Бѣлыя ночи	VI	347
Бѣшеное вино (Листригоны, VIII) . .	V	115
Вечерній гость. . .	VI	318
Водолазы (Листригоны, VII).	V	94
Воровство (Листригоны, III)	V	73
Воръ (Кіевскіе типы).	VIII	41
Впотьмахъ	VII	342
Въ звѣринцѣ . . .	VI	395
Въ клѣткѣ звѣря . .	VI	289
Въ Крыму (Меджидъ).	VIII	341
Въ нѣдрахъ земныхъ.	VII	272
Въ трамваѣ	VI	86
Въ циркѣ.	I	201
Гамбринусъ	III	122
Горькій, М. Дружочки (Пародіи)	VII	8
Господня рыба. Апокрифическое сказаніе (Листригоны, V).	V	85
Гранатовый браслетъ.	V	3
Демиръ-Кая. Восточная легенда . . .	VI	300
Днѣпровскій мореходъ (Кіевскіе типы) . .	VIII	11
Дознаніе	II	294
Докторъ (Кіевскіе типы)	VIII	60
Дружочки (Пародіи) .	VII	8
Друзья	VIII	118
Духъ вѣка. Фантастическій разсказъ. .	VIII	180
Дѣтскій садъ. Разсказъ	VIII	223
Жидовка	I	272
Забытый поцѣлуй .	VIII	125
Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ.	VII	84

	томъ.	стр.
Зачарованный глухарь	VIII	313
Заяцъ (Кіевскіе типы).	VIII	57
Изумрудъ	IV	3
Искусство.	VI	310
Искушеніе	VI	73
Исполины.	VI	373
Кадеты (На переломѣ)	IV	24
Какъ я былъ актеромъ	IV	274
Капризъ	VI	129
Картина	VI	170
Квартирная хозяйка (Кіевскіе типы) . .	VIII	31
Кіевскіе типы:		
Бенефиціантъ . .	VIII	70
Босякъ	VIII	37
Будущая Патти . .	VIII	14
Воръ[1].	VIII	41
Днѣпровскій мореходъ	VIII	11
Докторъ.	VIII	60
Заяцъ	VIII	57
Квартирная хозяйка	VIII	31
Лжесвидѣтель . .	VIII	20
Пожарный. . . .	VIII	27
Поставщикъ карточекъ	VIII	73
Пѣвчій	VIII	24
Стрѣлки	VIII	53
Студентъ-драгунъ .	VIII	5
Ханжушка. . . .	VIII	66
Художникъ . . .	VIII	49
Клоунъ. Пьеса въ 1-мъ дѣйствіи	VI	225
Кляча	VI	142
Конокрады	I	104
Королевскій паркъ. Фантазія	VI	273
Корь.	IV	211
Кровать	VIII	199
Кустъ сирени . . .	VII	41
Къ славѣ	V	284
Лавры. Сказочка . .	VII	226
Легенда	VIII	294
Леночка	VI	22
Листригоны:		
I. Тишина . . .	V	64
II. Макрель . . .	V	68
III. Воровство . .	V	73
IV. Бѣлуга . . .	V	78
V. Господчя рыба. Апокрифическое сказаніе . . .	V	85
VI. Бора	V	89
VII. Водолазы . .	V	94
VIII. Бѣшеное вино.	V	115
Лжесвидѣтель (Кіевскіе типы). . . .	VIII	20
Локонъ.	VIII	251
Лолли	VI	362
Лунной ночью . . .	VI	37
Лѣсная глушь . . .	I	237
Макрель (Листригоны, II)	V	68
Марабу.	VII	55
Маріанна	VI	122
Меджидъ (Въ Крыму).	VIII	341
Мелюзга	III	155
Механическое правосудіе.	VII	14
Милліонеръ. Разсказъ.	VIII	212
Мирное житіе . . .	IV	241
Мой паспортъ . . .	VII	35
Молохъ.	I	3
Морская болѣзнь . .	V	218
Мясо	VI	189
На глухарей. Очеркъ.	IV	259
Надъ землей. . . .	VI	404
На переломѣ (Кадеты).	IV	24
На покоѣ	I	163
На разъѣздѣ. . . .	VIII	328
Нарциссъ	VIII	149
На рѣкѣ	VII	299
Наталья Давыдовна. .	VI	251
Начальница тяги . .	VI	379
Наше оправданіе . .	VII	156
Негласная ревизія. .	VIII	160
Немножко Финляндіи.	VII	169
Ночлегъ	II	312
Ночная смѣна . . .	III	188
Обида. Истинное происшествіе. . .	V	250

	томъ.	стр.
Оборотень. Полѣсская легенда	VIII	188
Одиночество	III	233
О Кнутѣ Гамсунѣ	VII	71
Олеся. Повѣсть	V	122
О пуделѣ	VII	234
Осенніе цвѣты. Разсказъ	V	272
О томъ, какъ проф. Леопарди ставилъ мнѣ голосъ	VII	63
О томъ, какъ я видѣлъ Толстого на пароходѣ „Св. Николай“	VII	151
О Чеховѣ	VII	81
Палачъ	VII	262
Памяти А. И. Богдановича	VII	88
Памяти Н. Г. Михайловскаго-Гарина	VII	135
Памяти Чехова	VII	96
Пародіи:		
I. И. А. Бунинъ. Пироги съ груздями	VII	5
II. Скиталецъ. Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ!	VII	7
III. М. Горькій. Дружочки	VII	8
Пасхальныя яйца	VIII	302
Первенецъ	VIII	206
Первый встрѣчный	VIII	100
Печальный разсказъ. О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ	VI	207
Пиратка	VIII	235
Пироги съ груздями (Пародіи)	VII	5
Погибшая сила	VIII	260
Поединокъ	II	3
Пожарный (Кіевскіе типы)	VIII	27
По заказу	VIII	280
Полубогъ	VI	3
Попрыгунья-стрекоза	VI	265
По-семейному	VI	257
Послѣднее слово	VII	27
Поставщикъ карточекъ (Кіевск. типы)	VIII	73
Походъ	III	219
Прапорщикъ армейскій	IV	113
Предсказанія Нострадама на 2000-й годъ	VII	11
Психея	VIII	77
Пустыя дачи	VI	351
Путаница	I	325
Путешественники	VIII	318
Пѣвчій (Кіевскіе типы)	VIII	24
Редіардъ Киплингъ	VII	141
Рѣка жизни	I	297
Самоубійство	VIII	298
Свадьба	III	246
Святая любовь	III	304
Сентиментальный романъ	VI	240
Сильнѣе смерти	VI	307
Сказка	VI	95
Скиталецъ. Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ! (Пародіи)	VII	7
Славянская душа	VI	61
Слонъ	VII	248
Сны	VIII	246
Собачье счастье	VI	325
Столѣтникъ	VI	355
Странный случай	VIII	131
Страшная минута	VI	148
Стрѣлки (Кіевскіе типы)	VIII	53
Студентъ-драгунъ (Кіевскіе типы)	VIII	5
Суламиѳь	III	3
Счастливая карта	VI	281
Счастье. Сказка	VI	304
Съ улицы	IV	167
Таперъ	VII	325
Телеграфистъ	VI	387
Тишина (Листригоны, I)	V	64
Тостъ	VI	294
Травка	VIII	306
Трусъ	III	266

	томъ.	стр.
Убійца	VI	336
Ужасъ	VIII	141
Умеръ смѣхъ. . . .	VII	148
Ученикъ	V	339
Фараоново племя. .	VII	160
Ханжушка (Кіевскіе типы)	VIII	66
Художникъ (Кіевскіе типы)	VIII	49
Чары	VIII	230
Черный туманъ. Петербургскій случай.	VI	209
Чудесный докторъ. .	VII	237
Чужой хлѣбъ . . .	VI	103
Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ . . .	III	73
Я колоколъ! Я пламя! Я таранъ! (Пародіи).	VII	7
Яма. Повѣсть . . .	VIII	352

670562
LR
K9655
1912
Kuprin, Aleksandr Ivanovich
Полное собраніе сочиненій.
v. 7-8
[Transliterated: Polnoe sobranie sochineny]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED